Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

С ЛЮБОВЬЮ К СЛОВУ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук,
профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области
лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования

9–10 февраля 2021 г.

Арзамас
2021

УДК 81: 008(063)
ББК 81.006.3я431
С43

Печатается по решению учёного совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № от 25.03.2021 г.)

Рецензенты:
Брысина Евгения Валентиновна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Леонтьева Татьяна Валерьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Редакционная коллегия:
Валеева Е.В., Курдин Ю.А., Никифорова О.В. (ответственный редактор),
Пряников А.В., Пяткин С.Н.

С43 **С любовью к Слову**: сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования (9–10 февраля 2021 г.) / отв. ред. О.В. Никифорова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 451 с.

В сборник включены научные доклады, представленные на Всероссийской с международным участием научной конференции «С любовью к Слову», приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования. Авторы посвящают свои работы юбиляру, поэтому тематика представленных статей соприкасается с кругом вопросов, которые являются предметом научных интересов учёного. В статьях рассмотрен спектр лингвистических и литературоведческих проблем современной науки: анализ русской концептосферы, функционирование языковых единиц в синхронном и диахронном аспекте, проблемы методики преподавания русского языка. В числе участников – коллеги и ученики Л.А. Климковой, отечественные и зарубежные специалисты.

Сборник адресован филологам, научным и практическим работникам сферы образования, студентам вузов.

УДК 81: 008(063)
ББК 81.006.3я431

© Арзамасский филиал ННГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ …… 9

Харченко В.К.
Слово в руках мастера: Л.А. Климкова как исследователь микротопонимики …….. 13

Цветкова Е.В.
Микротопонимический словарь Л.А. Климковой как источник топонимических исследований (нижегородская и костромская микротопонимия) …….. 15

Раздел 1. СЛОВО: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ

Батырева Л.П.
Картины жизни ивановской деревни (по материалам книги В.И. Майоровой «Слово о былом») …… 21

Букринская И.А., Кармакова О.Е.
Энантиосемия на картах диалектологического атласа русского языка ……... 24

Васильева О.В.
Лексема *квас* в истории русского языка и в современных русских говорах ……... 28

Ганцовская Н.С., Окуловская С.В.
Общенародная лексика в русских говорах в синхронно-диахронном ракурсе (на примере слова *мужик*): по следам Б. А. Ларина …… 33

Гордова Ю.Ю.
Топонимический атлас Тамбовской области: основные группы географических названий и их ареальная характеристика ……. 38

Жмурко О.И.
Локализмы в речи жителей г. Иванова …… 41

Журавлев С.А.
Лексическая периферия как потенциал русского нормативного словарного состава …… 44

Забродкина Е.А.
Фразеология диалектного фрагмента семантического поля *дом* …….. 47

Костючук Л.Я.
Вечно живое народное псковское слово (синхронно-диахронный аспект изучения) …… 51

Лесников С.В.
Гизаурус лексикографических материалов для составителей и редакторов «Большого академического словаря русского языка» …… 56

Лесников С.В.
Пробные словарные статьи цифровой версии Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей …….. 63

Паршина О.Д.
Гипотетическая глубинка: функционально-семантический анализ ……. 70

Пацюкова О.А., Абдулатипова А.А.
Сравнительная характеристика словообразовательных гнезд с антонимичными вершинами *богатый/бедный* …… 74

Тимошина Д.В.
Словообразовательное субгнездо с корнями *sьrd- и *bol’ в истории русского языка: семантический и словообразовательный аспекты …… 79

Супрун В.И.
Польская и литовская онимия в очерке П.В. Кукольника «Путешествие по Замковой улице» 82

Раздел 2. СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Алешина Л.В. Функционирование глаголов *говорить/сказать* в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» …….. 89

Безкоровайная Г.Т.
Проблемы перевода архаизмов и диалектизмов на английский язык (на примере анализа переводов романа И.А. Гончарова «Обломов») …….. 93

Бобылев Е.Л.
Художественный текст как общественная техника чувств ……..... 95

Валеева Е.В.
Концептуальная метафора «мир – театр» в повести А.С. Пушкина «Египетские ночи» ……... 99

Васильева Н.В.
Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры …….. 102

Жучкова Н.В.
Собственно авторская пунктуация в произведениях Захара Прилепина ……. 106

Зимина М.С.
Антропонимы в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» ……. 109

Иванян Е.П.
Диминутивы в сказах П. Бажова …….. 112

Калишкина Д.В.
Цветовая символика в литературных произведениях К. Бальмонта …… 116

Каркунова Е.В.
Типология эмоций в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» ……. 119

Клюшина А.М.
О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» ……. 122

Королева И.А.
Анализ имен собственных в последней поэме А.Т. Твардовского «По праву памяти» ……. 125

Кривошапова Н. В.
Употребление лексем с христианской семантикой в переводах произведений Ирвина Ялома 128

Кузнецов А.А.
«Звезда полей»: от фольклора (?) к художественным прозе и поэзии …… 130

Курдин Ю.А., Искаков А.М.
Языковые средства создания исторического колорита и образа Александра Невского в романе А. Сегеня «Александр Невский – солнце земли Русской» ……... 134

Маринова Е.В.
Герой «под ником», или Обновление литературной ономастики в произведениях современных отечественных авторов …….. 139

Молодцова Н.С.
Концепт «мать» в романе М. Горького «Мать» ……. 142

Муратова Е.Ю.
Лингвистика и поэзия: читая стихи Дмитрия Бураго …… 146

Пазина Н.В.
Сравнение как средство выразительности художественного текста (на примере творчества приднестровского поэта-фронтовика Ивана Федорова) …… 149

Патроева Н.В.
Ментальные имена в русском лирическом дискурсе (на материале поэзии Евгения Баратынского) ……... 153

Петрова Н.Е., Воробьёва М.С.
Концептуальное содержание местоимения *мы* в стихотворении П. Когана «Монолог» ……... 159

Печенькова А.А.
Числовой код в творчестве Л.А. Рубальской и В.А. Степанова ……... 163

Подъячева Е.А.
Способы создания характера в романной прозе Л.Е. Улицкой …… 165

Попова А.Р.
«Звучащий» мир орловской деревни: аудиальная лексика в творчестве Т.И. Грибановой …... 168

Проскокова А.В.
Символ «соловей» в русской фразеологии и поэзии ……. 173

Пузов Н.А.
Синтаксические фразеологизмы в художественной речи ……. 178

Скрябина А.С.
Особенности лексического уровня языковой личности писателя В.С. Матвеева …….. 181

Скуридина С.А.
Оним и апеллятив: специфика взаимодействия в ономастическом коде Ф.М. Достоевского ... 186

Слесарева Т.П.
Прецедентные тексты А.С. Пушкина в повестях Д. Емца о Мефодии Буслаеве …… 188

Соколова М.Г.
Разработка и применение модели анализа образных полей поэтического языка в практике вузовского преподавания лингвистических дисциплин …… 191

Титкова Н.Е.
Символика «пограничных зон» в стихотворении А.А. Блока «Вхожу я в темные храмы…» ... 195

Третьяченко А.В.
Художественно-стилевые особенности образа матери в творчестве Е. Гешко …….. 198

Тюрин В.Б.
Автоцитация в лирике Николая Рубцова …… 200

Уртминцева М.Г.
Этимологический аргумент в структуре публицистического текста (Ф.М. Достоевский. «Дневник писателя», 1877) ……... 205

Цветкова А.А.
Имя прилагательное как средство выражения семантики определённости/неопределённости в пьесе М.А. Булгакова «Бег» …….. 209

Раздел 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО ПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Акимова Э.Н.
Словарь говора села как отражение языка народной культуры ……... 213

Азарова Н.А.
Топонимия России в рамках курса «Лингвострановедение» для китайских студентов гидротехнических специальностей …….. 219

Баженова Т.Е.
Рукописная сельская летопись как один из источников регионального словаря ……... 222

Бунчук Т.Н.
Народное представление о границе в диалектном слове «сутки» …… 226

Верховых Л.Н.
Антропонимикон как отражение истории и культуры региона …… 230

Гузнова А.В.
«Бабай» в прозвищной номинации говоров Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья ……. 234

Ковалев Г.Ф.
Легенды воронежской микротопонимии …… 236

Ковалёва Е.В., Юденкова А.В.
Ассоциативные характеристики эргонимов (на материале эргонимов г. Мозырь) …… 247

Ладнова Е.В.
Антропоморфный код в урбанонимиконе большого Донбасса (на материале годонимов г. Харцызска ДНР и г. Миллерово РФ) ……... 250

Максимчук Н.А.
О некоторых особенностях отражения в микротопонимах истории края ……... 255

Маслова А.Ю.
О репрезентация семантического поля «Дети» в русских говорах на территории Республики Мордовия …… 259

Мочалова Т.И.
Наименования обрядовых кушаний в русских говорах на территории республики Мордовия 262

Никифорова О.В.
«Ноне смотреньё» (наименования смотрин невесты в нижегородских говорах) ……... 267

Попов С.А.
Микротопонимия как источник региональной ойконимии ……... 269

Першина К.В.
Именования лица в частушках Донбасса …… 273

Разумов Р.В.
Микроурбанонимы как разряд имен собственных ……. 278

Сазикова Е.И.
Топонимическое пространство села Бахтызино и его окрестностей ……... 281

Самойлова Г.С., Походяев И.С.
Особенности топонимического пространства Ветлужского района Нижегородской области как отражение его истории ……... 285

Сироткина Т.А.
Образ региона в диалектной лексике и фразеологии …… 289

Толкачева И.В.
Образ старой девы в диалектном языковом сознании ……... 292

Раздел 4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА В РАЗНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ

Белова Н.Е.
Оппозиция «свой – чужой» в дискурсе информационной войны …… 296

Божик Е.В.
Лингвистические средства воздействия в онлайн-рекламе …….. 299

Верещагин О.А.
Лингвофилософия о языке социальных феноменов …….. 302

Галкина Н.П.
Органичное сочетание книжного и разговорного в языке современной публицистики: лексический и синтаксический уровень ……..... 306

Демешкина Т.А., Волошина С.В., Толстова М.А.
Репрезентация концепта «Богатство» в устных автобиографических рассказах жителей сибирских сёл ……. 310

Колосова В.А., Королев А.А.
Теоретическая аргументация в правовой риторике ……... 315

Головин Ю.А., Коханая О.Е.
Российские литературно-художественные журналы в поисках национальной идентичности 317

Грицай О.А.
Отражение процесса гендерной асимметрии в текстах современной публицистики …… 322

Епремян Т.А.
Дискурс социальной рекламы как коммуникативная технология …… 326

Кимаковская Г.Н.
Использование интерсемиотического перевода в обучении математике …… 329

Киричёк П.Н.
Мутации слова в публичной сфере …….. 331

Немич Н.Н.
Денотативная область невыразимого в современном газетном дискурсе ……... 336

Погорелая Е.А.
Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира 339

Ростов О.Р.
«Военный Даль» и его словарь ……. 343

Тихомирова Е.А.
Об особенностях политического дискурса в Республике Беларусь ……. 346

Шилина С.А.
Дискурс языковой личности в журналистской сфере коммуникации ……. 350

Раздел 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА

Ару Адем
Языковая объективация концепта «дружба» в русской фразеологии …….. 355

Баженова Я.Г.
Стратегия de re в моделях манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке 359

Волгина О.В.
Русский предлог *через* и его английские эквиваленты …….. 363

Гурова И.В., Шеина М.К.
Дошкольник и слово: формирование основ лингвистической креативности ……. 366

Жданова Е.А.
Отражение современной русской языковой картины мира в словарях новых слов ……... 371

Калинина М.А.
Макароническая речь как лингвокультурная примета времени ……... 374

Косс Е.В.
Лингвокультурологический анализ текста как способ раскрытия национальной языковой картины мира ……. 377

Курылева Н.В.
Варианты реализации регионального компонента на уроках развития речи в средней школе 380

Корнусова В.М., Ларина Н.Ю.
Словесная парадигма ……. 383

Леонтьева Е.А.
Семантические типы именных предикатов в произведениях Г.Н. Васютинской …….. 386

Лесников С.В.
Метаязык лингвистики (вокабулярий понятий для гизауруса металингвистики) …….. 391

Лобовикова Е.А.
Культура как основа интеграции Луганской Народной Республики и Российской Федерации 398

Лоськова Т.А.
Лингвокультурологические проекты на уроках русского языка в средней школе ……. 401

Маслобойникова Н.А.
Работа с концептом «музыка» на уроках русского языка в старших классах (на основе повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант») …… 405

Павлов С.Г.
Постулаты лингвогерменевтического здравого смысла (на материале художественного текста) ……. 407

Пряников А.В.
О превратностях синтаксического анализа простого предложения ……. 412

Радбиль Т.Б.
Русское слово vs коронавирус: к проблеме «языковой самообороны» …… 416

Рацибурская Л.В.
Актуальные российские реалии в современных деривационных процессах …….. 421

Сандакова М.В.
Динамика класса интенсификаторов в русском языке XXI века: синтагматическое Расширение …… 423

Чимбур Л.С.
Контекстный анализ на уроках русского языка ……. 427

Шилин А.М.
Актуальные проблемы изучения русского слова: функционирования языка в эпоху Информатизации …… 430

СПИСОК ТРУДОВ Л.А. КЛИМКОВОЙ …… 433

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Глубокоуважаемая Людмила Алексеевна!

Профессорско-преподавательский состав, студенты и сотрудники Арзамасского филиала ННГУ сердечно поздравляют Вас, видного учёного, мудрого педагога и просто замечательного человека, с 80-летним юбилеем!

Ваша жизнь неразрывно связана с жизнью историко-филологического факультета и всего вуза в целом. По окончании филологического факультета Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара в 1963 году Вы начали своё служение кафедре русского языка, которое продолжается почти 60 лет. За Вашими плечами очная аспирантура при кафедре общего языкознания Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, успешная защита диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, заведование кафедрами иностранных языков, русского языка, теории и истории русского языка АГПИ.

2008 год ознаменовался для Вас защитой докторской диссертации «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира». Ваши научные интересы связаны прежде всего с изучением русских народных говоров и языка художественной литературы, Вы – автор более 350 публикаций, бóльшая часть которых посвящена языку Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны. Ваши труды находят широкое применение в вузовской и школьной практике преподавания лингвистических дисциплин.

Для Вас, уважаемая Людмила Алексеевна, превыше всего дело, притом дело живое. Наука о русских диалектах, которой Вы посвящаете всю свою жизнь, творится Вами не в аудитории, а в полевой работе, участниками которой являются Ваши студенты и аспиранты. Со студенческих лет Вы принимаете участие в диалектологической работе, а с 1978 года и руководите ею на кафедре и факультете, в том числе при реализации грантов ведущих российских научных фондов и выполнении заданий ИЛИ РАН. Вы – основатель и руководитель научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры». Под Вашим руководством успешно защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Ваш многолетний плодотворный труд по достоинству оценён многочисленными наградами российского и регионального уровней.

Уважаемая Людмила Алексеевна! Вся Ваша научная, преподавательская и просветительская деятельность имеет ярко выраженную активную патриотическую направленность, ориентированную на сохранение и пропаганду русского слова, культуры, духовности русского народа. Высокий профессионализм, большой научный потенциал, творческое отношение к работе, чёткая гражданская позиция, патриотизм, любовь к русскому слову снискали Вам заслуженное уважение Ваших коллег и многочисленнейших учеников.

Дорогая Людмила Алексеевна! В этот знаменательный день Вашего юбилея от всей души желаем Вам здоровья, активного творческого долголетия, душевного равновесия, оптимизма и бодрости духа!

С.Н. Пяткин, директор Арзамасского филиала ННГУ;
Ю.А. Курдин, декан историко-филологического факультета;
О.В. Никифорова, заведующий кафедрой русского языка и литературы.
Арзамас, 2 февраля 2021 года

ГЛЫБОКАПАВАЖАНАЯ ЛЮДМІЛА АЛЯКСЕЕЎНА!

Сёння адметны дзень каляндара – гэта Дзень Вашага нараджэння, Дзень Вашага юбілею. Мы, дырэкцыя і супрацоўнікі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі, шчыра віншуем Вас, шаноўны прафесар, з юбілеем!

Ваш жыццёвы і творчы шлях – гэта шлях вучонага, выкладчыка, улюбёнага ў Слова, гэта служэнне Слову, увасобленаму ў мастацкі тэкст, і спаконвечнаму, што жыве ў народзе і падслухана Вамі.

Дарагая Людміла Аляксееўна! Усё Ваша жыццё было падпарадкавана адной высакароднай мэце – творчай навуковай працы. Яна дала багаты плён. Вы аўтар звыш 280 публікацый. Сярод якіх некалькі манаграфічных даследаванняў у галіне анамастыкі: «Региональная ономастика. Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области», «Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе», «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурского междуречья): в 3-х ч.», «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира» (2007), «Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ». Такая ж багатая на вынікі і іншая любімая, а можа і галоўная сфера Вашых навуковых даследаванняў – дыялекталогія, бо менавіта Вы, паважаная Людміла Аляксееўна, кіравалі лабараторыяй дыялекталагічных даследаванняў, менавіта Вы сталі заснавальнікам навуковай школы «Региональное слово в контексте народной культуры». Ваша любоў да жывога гаваркога слова як помніка развіцця нацыянальнай моватворчасці, народнай культуры ўвасобілася ў шэрагу буйных дыялекталагічных прац, але галоўнай, лёсавызначальнай, прысвечанай гісторыі рускага слова ў прасторы і часе, з'яўляецца «Диалектный словарь Нижегородской области».

Шаноўная Людміла Аляксееўна, Вы не толькі нястомны, руплівы даследчык, Вы яшчэ і сапраўдны Настаўнік, які шчыра дбае пра навуковую будучыню, актыўна рыхтуе сваіх спадкаемцаў. Дзякуючы Вашым намаганням у навуку прыйшло 13 маладых даследчыкаў. Гэта дастойная змена, якая зможа ўвасобіць у жыццё Вашы ідэі і задумы.

Дарагая Людміла Аляксееўна, Вы ўганараваны рознымі ўрадавымі ўзнагародамі. І гэта невыпадкова, гэта прызнанне дзяржавай вынікаў Вашай навуковай і выкладчыцкай дзейнасці.

Шаноўная Людміла Аляксееўна, Вашы жыццёвыя сцежкі праляглі праз Беларусь, любоў да якой Вы зберaглі ў сваім сэрцы назаўжды, таму дазвольце нам, Вашым калегам з Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа, у гэты асабліва ўрачысты Дзень пажадаць Вам моцнага здароўя, светлай радасці ад працы, творчага запалу і новых навуковых ідэй!

З павагай, дырэктар Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа І. Л. Капылоў

Глубокоуважаемая Людмила Алексеевна, дорогой наш Человек!

Примите самые искренние поздравления со славным юбилеем от коллег-русистов из Петрозаводского университета!

Быть учёным – это значит не принадлежать себе, ведь наука требует колоссальных затрат души, таланта, времени и сил! Быть наставником – не менее сложное и самое почётное, ответственное в мире дело! Много трудовых будней, бессонных ночей, энтузиазма и терпения требует тернистая стезя филолога-ученого и педагога. Ваш вклад в развитие русской лингвистической науки и в воспитание нескольких поколений языковедов трудно переоценить, и неслучайно в этот знаменательный день коллеги и ученики дарят Вам слова благодарности и уважения!

В февральский славный этот день издалека
Вам, с юности влюблённой в русскую науку,
Желаем много лет ещё испытывать и творческую муку,
И радость от прикосновенья к тайнам языка.

Ваши труды по ономастике и диалектологии, работы о языке русских писателей стали замечательным примером научного поиска для карельских лингвистов. Низкий поклон Вам за многолетнее служение науке, творческое сотрудничество и огромная наша признательность за неизменное внимание, профессиональную помощь, дружеское плечо! Здоровья Вам, счастья и благополучия, новых творческих свершений и побед!

Пусть ветры дуют только в спину,
Пусть покоряются Вам новые высоты!
Богатой бытия и языка картины,
Горячей сердца и ума работы!
Оставайтесь ещё долгие годы столь же молодой и красивой!

Патроева Наталья Викторовна,
завкафедрой русского языка
Петрозаводского государственного университета, коллектив кафедры

Дорогая Людмила Алексеевна,
добрый день,

не знаю, удастся ли завтра подключиться к конференции в честь Вас и побыть хотя бы на торжественной части, но совершенно не могу Вас не поздравить!

День рождения, хоть он уже и прошёл почти неделю назад, – это хороший день. А тут – ещё и хороший день хорошего человека!

Знаете, мастерству надо учиться у Мастера: если хочешь стать балериной – учись у балерины, если архитектором – у архитектора и т.д. А если хочешь стать хорошим человеком – учись у хорошего человека, по-моему. Вот кого непросто найти. Немного совсем Вас знаю, но думаю, что Вы из этой касты. Я бы хотела такого учителя, наставника, как Вы, для своих детей.

У Вас свои ученики, уже совсем большие, свое гнездо! Чтобы их растить, нужно иметь большое сердце. Берегите его! Многое потрачено, но, думаю, многое вернулось. Это такое счастье!

Я вообще считаю, что никто не может дать другому человеку больше, чем лингвист, потому что язык – инструмент невероятный: точный, острый, мощный. Он учит думать и понимать. Всё понимать. И добрую половину всего, что делает человек, он только посредством языка делает.

Будьте счастливой, доброй, здоровой, прекрасной, сильной, несмотря ни на что!

Леонтьева Татьяна Валерьевна,
доктор филологических наук, Екатеринбург

Дорогая Людмила Алексеевна!

Позвольте поздравить Вас с таким замечательным днём – днём Вашего юбилея!

Вы столько сделали для нашей науки, вырастили столько замечательных учеников, что, казалось бы, можно и остановиться. Но нет! Вы продолжаете свое дело, и делаете его с душой, с ещё большим качеством и совершенством! Ваше имя стало знаковым не только для микротопонистов, но и для многих-многих учёных в нашей стране.

Желаю Вам всяческого благополучия, счастья, здоровья и новых свершений!

С искренним к Вам уважением, признательностью и симпатией,
Харченко Вера Константиновна

Дорогая Людмила Алексеевна!

Примите наши запоздалые, но искренние поздравления с Днём рождения!

МЫ НЕ УСТАЁМ ВОСХИЩАТЬСЯ Вашим безграничным обаянием, молодостью Вашей души, Вашей потрясающей энергией, Вашей красотой и притягательностью.

Здоровья Вам, позитива, вдохновения! Будьте счастливы!

Мы Вас очень любим!

Черненок Марина

С ЛЮБОВЬЮ

Людмиле Алексеевне Климковой

Наша встреча в сезон листопада
В неприметном московском кафе
Для меня, как святая награда,
Как моё обращение к судьбе.
Нет конца разговорам неспешным
За бокалом простого вина,
От потех и потерь безутешных
Сладких слёз накрывает волна.
Вспомним всё, хоть почти незнакомы
И случайно встречались лишь раз.
Тёплым словом – о каждом знакомом,
Про Рязань и родной Арзамас.
От семьи до смешных диссертаций –
В вихре слова над миром кружим,
Без жеманств, без ненужных нотаций,
И как будто знакомы всю жизнь.
Людмила
Алексеевна
Климкова –
Наш светоч,
наш маяк,
наш идеал.
С любовью к миру
и с любовью к слову
Сама любви
бескрайний океан.
За окном замирает погода
И московская всходит луна.
У гостиницы «Времена года»
Засидимся в кафе допоздна.
Разгораясь в ночи, всё не гаснут
Взгляд лукавый и искорки глаз.
Нет на свете мгновенья прекрасней,
Чем момент под названием «Сейчас»!
Мы ещё будем долго смеяться
И, шутя, говорить о любви,
И теперь уж не сможем расстаться,
Даже если придётся уйти.
Снова скажет с улыбкой весёлой,
Что за всё благодарна Судьбе,
И не хватит нам всех времён года,
Чтобы всё рассказать о себе.

Юлиана Гордова.
Январь 2021 г.

Люся, родная, тебя я поздравляю
И счастья тебе желаю,
И, конечно, здоровья,
В полном отсутствии горя.
И работай до полной победы,
Чтоб не случались всякие беды.
Хороших тебе студентов и талантливых аспирантов, а всё остальное у тебя есть.
Люся, извини, что с опозданием – меня тут так закрутили, что себя не помню.

Гена.
Ковалёв Геннадий Филиппович,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой славянской филологии
Воронежского государственного университета

СЛОВО В РУКАХ МАСТЕРА: Л.А. КЛИМКОВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МИКРОТОПОНИМИКИ

В.К. Харченко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
д. филол. н., профессор кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета Педагогического института; e-mail: info@bsu.edu.ru
Россия, г. Белгород

Рассматривается вклад профессора Л.А. Климковой в развитие отечественной микротопонимики, описывается соотношение миротопонимов и теории имени собственного, ставятся проблемы продолжения поиска.

Ключевые слова: *микротопонимы; легенды; словари.*

В отечественной лингвистике издавна сложилась по отношению к топонимам и микротопонимам особая ситуация: пальма первенства регулярно оказывалась в руках самых молодых исследователей, собирающих сведения в процессе опроса, экспедиций, чтения не только научных трудов, но также воспоминаний, записок, заметок, эссе – всего того, что иногда называют маргиналиями. Какую бы область страны мы ни брали, будь то Белгородская, Курская, Орловская, Брянская области, топонимический бум, бывает, связан именно с начинающими исследователями. На этом фоне серьёзное, скажем сильнее: пожизненное увлечение профессора Людмилы Алексеевны Климковой, посвящаемое нижегородской микротопонимике, заслуживает всяческого внимания, одобрения и популяризации. Дело в том, что Л.А. Климкова подняла уровень будто бы частных наблюдений на серьёзную, в чем-то неожиданную высоту. В конце декабря 2020 года Президент нашей страны предложил замечательную формулу: надо сшивать страну. Действительно, Российская Федерация настолько объемна и многомерна, что требует немалых усилий для своего развития, и роль учёных в этом процессе уникальна. Многие не годы даже – десятилетия своей научной деятельности Людмила Алексеевна посвятила изучению того удивительного языкового богатства, которым славится Окско-Волжско-Сурское междуречье, и достигла в этом деле значительных успехов, опубликовала книги, словари, увлекла этим делом молодёжь.

Будучи ученицей А.Ф. Лосева и А.И. Василенко, А.Н. Стеценко и Н.Н. Прокоповича, Людмила Алексеевна стала наставником тех самых молодых ученых, которые продолжают собирать топонимические материалы, спасая их от забвения. В Арзамасском филиале Л.А. Климкова известна как руководитель научной лаборатории диалектологических исследований, но не только. Она же создатель научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры», где пишутся и защищаются кандидатские диссертации. И почти всегда на повестке дня – микротопонимика, заключающая в себе массу загадок. Так, в Белгороде один из районов по-прежнему в народной памяти сохраняет обозначение, причём в женском варианте «Жилая». В Твери есть место, названное древними жителями Птюшкино болото. В Прохоровском районе под Белгородом хутор Весёлый некогда назывался, и старики это помнят, хутором Курлы.

Обратимся к докторской диссертации Л.А. Климковой. По своему исполнению, профилю она явно выходит за пределы обозначенной микротопонимики. Микротопонимика – да, но здесь же просматривается по вертикали – связь с именами собственными (микротопонимы как одно из проявлений в ономасиологии), с пространством и временем, с человеческими характеристиками, с числом. В то же время по горизонтали здесь высвечиваются характерные наблюдения над историей возникновения того или иного названия, над историей его переименования, над географией, поскольку некоторые из микротопонимов канули в лету.

Действительно, стоит соотнести микротопоним с именем собственным, как в сознании возникает целый пласт вопросов: *Проприальность как категория*. Проприальность – это категория приуроченности названия к какому-то месту, или имени, или событию, или времени с целью указания собственности и независимости. В русском языке она выражена в присоединении имени прилагательного, например: оренбургские платки, византийская епархия, платоническая любовь. И далее по диссертации читаем: *Оним как средство выражения проприальности. Микротопонимия как разряд онимии. Номинация в микротопонимии как синкретичный процесс. Номинация, мотивация, деривация. Типы номинации*. Столь мощная преамбула, точнее сказать, отсылка к именам собственным, онимам понадобилась автору, чтобы продемонстрировать удивительную специфику микротопонимии.

Отнюдь не случайно, что широкую известность получила не только докторская диссертация Л.А. Климковой «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира» (М., 2008. 534 с.), но книги этого ученого, в частности монография, изданная в центральном издательстве в 2008 году. Укажем и потребовавшие колоссального внимания труды: «Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе» (1988); «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурского междуречья): В 3-х частях» (2006); «Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ» (2008). И статьи, статьи… Отметим недавно опубликованную: «Деривационный потенциал имен собственных в русском языке» в сборнике «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Нижний Новгород, 2020. С. 70–80).

Вчитаемся в названия, одни только названия работ: *микро*-топонимия, *микро*-топоним. *Микро*- значит мало? Но мы, живущие на нашей земле, в большей степени подвержены этому малому, будь то название села или хутора, пруда или речушки, закоулка или тёмного леса в стороне. И ведь не случайно проникновенные строки в художественной литературе, публицистике, в семейных родословных посвящены именно микротопонимам.

Примеры не заставляют себя ждать. Так, в повести Георгия Семенова «Ум лисицы» есть весьма выразительное сетование: «Местность эта испокон веку называлась Телячьим Бродом. Ни в одном официальном документе такого названия, разумеется, нет: у нас не любят оставлять народные названия, особенно если звучат они с насмешкой, и обязательно переназовут, переиначат как-нибудь так, чтобы они ничего не говорили ни уму, ни сердцу. Я, признаться, даже не знаю, как теперь зовут эту местность, и прозываю ее по старинке». Приведем признание Василия Субботина из книги «Подорожники»: «Уходит русская деревня с лица земли! Может быть, поэтому мне захотелось записать названия деревень по пути к Новгороду, по дороге, по которой ездил Пушкин, записать их, эти названия и эти деревни, пока они еще живы... Колесные Горки, Раек, Миронежье, Домославль, Холохолёны, Долгие Бороды, Миронушка, Ижицы, Ярынья, Долгий Мост... Я записывал названия их, названия эти и эти деревни, по мере того как мы их проезжали. И еще: Спасская Полисть, Большое Опочивалово, Каменная Мельница, но это – уже за Новгородом...».

Мы писали о молодежи в начале своего изложения. Так и здесь Людмила Алексеевна на высоте: в течение десяти лет она вела занятия в гимназии и лицее Арзамаса, руководила научными работами школьников. И все же проблематика микротопонимов остается ведущей в деятельности этого человека. Вспоминается статья Анатолия Петрова о композиторе Валерии Гаврилине, которое может стать новым направлением в микротопонимике – исследование звукового разнообразия гидронимов в плане сбережения фонетических альтернатив. Композитор Валерий Гаврилин (не случайно, надо полагать!) выписал названия псковских рек: Алоль, Пуэня, Смердель, Несва, Усвяча, Кунья, Малый Тудер, Сережа, Халынья, Редья, Полисть, Исса, Сороть, Уща, озеро Большой Иван, Череха, Курея, *Желча, Люта* [курсив Валерия Гаврилина], Ситня, Мшага, Уза, Удоха, Псижа, Саба. «Конечно, его привлекла в первую очередь их музыкальная основа...», – пишет Анатолий Петров.

Людмила Алексеевна не только сама старается поднять микропотонимику на более высокую ступень, но учит этому и своих последователей. Так, в диссертации Б.В. Тюрина, датированной 2017 годом, нам особенно понравился анализ художественного концепта «Родина», сочетание литературоведческих и лингвистических изысканий, проекции на ассоциативную зону, включающую семь основных ассоциативных групп: «Грусть», «Покой», «Сон», «Любовь», «Время», «Путь» и «Память». Разумеется, как научный руководитель Л.А. Климкова далеко не ограничивает поиск научной новизны топонимическим аспектом. В 2000 году была защищена под её руководством кандидатская диссертация О.И. Кудашевой на тему «Ключевые слова в лирике М.И. Цветаевой», и это не единственный подобный пример.

Л.А. Климкова является также автором рецензий, например, на книгу Н.С. Ганцовской «Местное костромское слово». Публикация датирована 2016 годом. Мы живем в мире людей, и наши наработки во многом определяют пути дальнейшего научного поиска.

Из диалектов складывался литературный русский язык, и это понимали ещё в XIX веке. Словарь В.И. Даля остаётся непревзойдённым словарём, по отношению к которому профессор Воронежского государственного университета Г.Ф. Ковалёв как-то сказал: «Коллектив не сделает – человек сделал!». Микротопонимия требует большого внимания, особенно сейчас, и Л.А. Климкова отда-

ёт себе в этом отчёт. Диалектное слово – имя собственное – это особый разряд слов, и здесь важно сберечь как минимум три требования, три установки.

Во-первых, можно пронаблюдать идеальное процентное сочетание прозрачных и «темных» ойконимов. По-видимому, определенный процент непрозрачности должен иметь место в любой языковой системе. «Не все я должна понимать», как произнесла в церкви во время богослужения героиня романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир» Наташа Ростова. Устранять из бытия название только потому, что оно «непонятно», значит искажать сам механизм языкотворчества, во многом определяющийся глубинными синергетическими процессами.

Во-вторых, можно сохранять наряду с поиском и обнаружением истинных знаний еще и легенды. Те самые, которые бережно сохраняются в памяти и, значит, нужны, необходимы ныне живущим. Легенда – это, с одной стороны, ощутимое отсутствие традиционной информации, а с другой – представленность интригующей, пафосной информации как вызов потенциальным адресатам, «потребителям» легенд. Например, легенда о происхождении названия Иловка – села в Белгородской области. В семейной родословной читаем: Петр Первый, проезжая видел, как в поле работает молодая женщина. У неё один ребенок был привязан спереди, а другой, постарше сзади. «Ох, и ловка ты!», – воскликнул царь. Так и возникло название села (С.Р.).

В-третьих, исследование Л.А. Климковой показывает, как надо быть максимально осторожными в плане переименования, переназывания микротопонимов. Действительно, мало что говорящие «новые имена» типа Степное у исследователей вызывают справедливые нарекания.

Получается, что, с одной стороны, достойное россиеведение не может развиваться без полноценного, полнокровного регионоведения. Сохраняют свою актуальность слова Н.М. Карамзина: «Россия сильна провинцией». С другой стороны, сами регионы нуждаются не только в политической, экономической, финансовой, гуманитарной поддержке изнутри и из центра, но нуждаются также и в дальнейших серьезных научных исследованиях собственной, во многом уникальной многовековой культуры.

МИКРОТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Л.А. КЛИМКОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НИЖЕГОРОДСКАЯ И КОСТРОМСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ)

Е.В. Цветкова
Костромской государственный университет,
к.филол.н., доцент кафедры отечественной филологии
Института гуманитарных наук и социальных технологий; e-mail: elv15@list.ru
Россия, г. Кострома

В статье обращается внимание на значимость микротопонимического словаря Л.А. Климковой. Рассматриваются возможности использования данного словаря в топонимических исследованиях. Осуществляется сопоставление отдельных представленных в словаре нижегородских микротопонимов с соответствующей костромской микротопонимией.

Ключевые слова: *топонимия; микротопонимия; микротопонимический словарь Л.А. Климковой; нижегородская микротопонимия; костромская микротопонимия; говоры.*

«Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л.А. Климковой, являющийся, по определению автора, «первым опытом ономастико-диалектного, топонимо-диалектного словаря» [2, ч. 1, с. 24], представляющий собой, по словам И.Г. Добродомова, «ценный лексикографический источник, оригинальный по материалу и его подаче, интересный для всех, кто любит родное, народное слово» [1, с. 180], занимает особое место среди как подобного рода, так и иных лексикографических трудов. Микротопонимы, обладающие самой разной информацией, содержат многие словари, в первую очередь, словари топонимические (о важности включения микротопонимов в такие словари см., например [13]), географической терминологии (см., например [12; 14]), а также в определённой степени диалектные (в качестве дополнительного иллюстративного материала могут приводиться собственные имена, образованные от толкуемых в словаре имён нарицательных, а также и образованные от имён собственных нарицательные названия, см. об этом, например, [15, с. 7; 11, с. 39]; в этих словарях, как показывает изучение их словарных

статей, микротопонимы даются не только как проприальная, но подчас и как апеллятивная лексика, о чём свидетельствуют иллюстрации употребления такой лексики в народной речи, подтверждающие обозначение ими единичных объектов), однако количество специальных микротопонимических словарей, тем более созданных на научной основе, в соответствии с требованиями лексикографии, незначительно (см., например, словари микротопонимов Воронежской, Липецкой, Пензенской областей [9–10; 19]; конечно, местные микротопонимические словари и словарики заслуживают внимания, многие из них имеют свои, подчас особые, преимущества, отличаются уникальностью, неповторимостью). А именно такие словари содержат сведения не только о различного рода географических объектах и о происхождении их наименований (микронаименований), но и об особенностях народной речи, народного мировосприятия, служат источником сведений не только микротопонимического плана, представляют микротопонимию как «высокоинформативную систему в разных аспектах – языковом, историческом, историко-демографическом, этнографическом, культурологическом» (из рецензии И.Г. Добродомова на словарь Л.А. Климковой) [1, с. 179]. Именно таким словарям, наряду с диалектными словарями, в первую очередь, на наш взгляд, «принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа» [8, с. 13], отводится важная роль в осмыслении культурного наследия народа, в воспитании лексикографической культуры.

Цель микротопонимического словаря, определяемая Л.А. Климковой, – «представить микротопонимию того или иного региона, способствуя тем самым сохранению фрагмента языка повседневности, особенно в неблагоприятных для сельского социума условиях, дестабилизирующих его жизнь, как и жизнь всей нации, в частности, в условиях исчезновения малых, признанных неперспективными населённых пунктов и тем самым трансформации или распада диалектных микросистем и их онимических пространств» [3, с. 1]. Этим обстоятельством и «самобытностью названий объектов сельской местности (сельской онимии), их значимостью для разноаспектного изучения того или иного края обусловлена необходимость создания микротопонимических (и в целом микроонимических) словарей»; «несмотря на то, что объектом такого словаря являются лексемы категории микро, он обладает высокой информативностью» [3, с. 1]. Показывая это на примере своего словаря, Л.А. Климкова обращает внимание на то, что «в целом в словаре, в его словарных статьях отражается разносубъектная информация, исходящая от нескольких, многих субъектов или свидетельствующая о них, то есть создаётся, воплощается многоголосие, своеобразная полифония» – «коридор голосов» [3, с. 2]. Очень точное определение словами М.М. Бахтина, говорящего о таком явлении применительно к художественному произведению, того, как находят воплощение в словарных статьях «голос собирателя, фиксатора слова и сведений о нём в полевых условиях», «голос (речь) сельского жителя (жителей), пользователя микросистемы (или пользователей в полилоге), высказывающегося об ониме и его носителе, проявляющего себя в текстах различного характера, включающих информацию о самом объекте, о событии или событиях, связанных с ним, о проявлении слова, его называющего, о внутренней форме онима – действительной или предполагаемой или отсутствии таковой, а также другие сведения», «голос исследователя-составителя словаря, вскрывающего внутреннюю форму заглавного слова путём приведения слова-мотиванта в (микро)системе» с опосредованной фиксацией голосов-мнений «учёных, краеведов, авторов научных источников, составителей словарей, справочников относительно мотивации, этимологии заголовочного слова словарной статьи», голос составителя-автора словаря в конце словарной статьи «в виде отсылки к другой словарной статье, соответственно к другим голосам, и тем самым констатируются связи данного слова в онимической микро- и макросистеме» [3, с. 2]. Важным является также голос читателя словаря, работающего с ним человека, который слышит его голоса и по-своему откликается на них. Данное многоголосие, учитываемое в работе над словарём и создаваемое его автором, представляет уникальный мир микротопонимов исследуемого региона. Проникая в это «многоголосое» пространство словаря, нельзя не почувствовать ответственное, внимательное, душевное, трепетное отношение Л.А. Климковой к каждому слову, её глубокое уважение и искреннюю любовь к народной речи, к народу, настоящий патриотизм, умение проникать в особый мир народной культуры, языка народа, глубокие знания о народном языке, желание поделиться ими, заставить задуматься о важности его правильного понимания, изучения, использования, сохранения.

Отличает микротопонимический словарь Л.А. Климковой чётко продуманная, насыщенная необходимой для читателя, как специалиста, так и не специалиста, информацией вступительная часть, предваряющая словарные статьи. В ней даётся характеристика нижегородскому Окско-Волжско-Сурскому междуречью – сложному в историко-этническом отношении региону, исчерпывающее определение микротопонимии, рассматривается своеобразие и значимость микротопонимов

и того, что в них зафиксировано, подробно характеризуется построение статьи, обращается внимание на особенности и значимость каждой её части. Выделяется этот словарь, конечно, своими словарными статьями, в представлении которыми микротопонимического материала продумано всё до мелочей. Особый интерес вызывает его иллюстративная часть – подлинные свидетельства жителей, записанные в естественных условиях общения с ними. Необходимыми в работе со словарём являются сделанные автором комментарии. Содержание словаря, являющегося эффективным средством презентации микротопонимии, без сомнения, свидетельствует о соблюдении его автором своего рода «кодекса чести» составителя словаря, по выражению Н.Ю. Шведовой [18, с. 13]: ответственность лексикографа перед наукой (и не только наукой о языке), перед продолжаемой и развиваемой им традицией (и не только лексикографической), перед народом – создателем микротопонимии, перед читателями словаря, перед самим собой. Данный словарь, на наш взгляд, во многом является образцом для создателей лексикографических (и не только топонимических, микротопонимических) трудов.

Поскольку лексикография представляет слова во всех их свойствах, «словарь оказывается не только уникальным и незаменимым пособием по языку, но и важнейшим инструментом научных исследований» [7, с. 6]. Таковым является и словарь Л.А. Климковой. Жизнь подтверждает научное значение словаря, определяемое автором в его вступительной части: словарь «внесёт определённый вклад в разработку недостаточно исследованной области – диалектная ономастика (топонимика), проблема ‘‘имя собственное – диалект’’, а также в региональную мотивологию и дериватологию, коммуникативную диалектологию», «может быть источником историко-лингвистических, лингвоэтнографических, лингвокраеведческих сведений, сопоставительных наблюдений», «материалы словаря могут быть востребованы также для исторической и диалектной лексикологиии, лингвогеографии, антропонимики, культурологии» [2, ч. 1, с. 24]. В этой статье мы обращаем внимание на данный словарь как на источник топонимических (микротопонимических) исследований. В изучении топонимии, в основном микротопонимии, Костромского края мы часто обращаемся к нему с целью уточнения необходимых для микротопонимического исследования теоретических положений и их практического представления, выяснения сведений об изучаемых нами отдельных группах, видах топонимов, о конкретных топонимах, для сопоставления нижегородской и костромской, а также и других регионов, микротопонимии (соответственно и нарицательной лексики, послужившей основой для топонимообразования, а также и других видов онимов) и выявления ареальных связей, выяснения различного рода особенностей отдельных наименований, изучения особенностей проявления в микротопонимии специфики лексического, структурно-словообразовательного и других аспектов, изучения микротопонимов в лексикографическом и лингвогеографическом направлениях, исследования микротопонимической системы в аспекте отражения в ней картины мира сельского жителя и др. (см., например, [16; 17] и мн.др.). Пути микротопонимических исследований указываются и самим словарём (и его вступительной частью, и его словарными статьями). Этот словарь является важным источником в исследовании микротопонимии, «совершенно специфического вида (разряда) региональной лексики» [5, с. 97], в самых разных аспектах. Рассмотрим в качестве примера некоторые наблюдения, сделанные нами при сопоставлении нижегородской и костромской микротопонимии.

Нами были выявлены как сходство, так и определённое отличие между микротопонимами сопоставляемых микротопонимических систем, которые, если рассматривать широко, являются, по сути дела, частями одной большой микротопонимической (и в целом топонимической) системы (лексической системы говоров), представляя собой часть народной культуры.

Изучение словаря позволяет обнаружить многочисленные нижегородские микротопонимы, идентичные костромским (а во многом и не только) микротопонимам. Это названия, отражающие особенности рельефа местности (холм ***Бугóр***, холм ***Горýшка***, холм ***Угóр***, место под горой ***Подгóрье***, овраг ***Крáсный яр*** и мн. др.), растительного и животного мира (место в лесу ***Лúпки***, ***Ёлошная дорóга***, ***Клю́квенное болóто***, ***Вóлчий овраг***, лес ***Грачéвник***, ***Змеúная горá***, ***Кóзий луг*** и мн. др.), трудовой деятельности (место за селом ***Кýзница***, лес ***Смóльня***, поляна ***Ýгольная***, лес ***Дегтя́рня***, пруд ***Свинáрник*** и др.), социальных отношений (***Бáрин пруд***, ***Бáринов лес***, ***Бáрское пóле***, ***Пóпов луг***, ***Попóвский сад*** и др.), традиционной народной культуры (родник ***Святóй клю́чик***, родник ***Святóй колóдчик***, урочище ***Чёртов ýгол***, место на реке ***Чёртова я́ма***, овраг ***Вéдьмин враг*** и др.) и др. В сравниваемых микротопосистемах имеются одинаковые названия селений, в том числе отражающие историю их возникновения (***Вы́ползово***, ***Вы́селки***, ***Гáри***, ***Сельцó*** и др.), частей селений (***Конéц***, ***Большóй конéц***, ***Дерéвня***, ***Стáрая дерéвня***, ***Посёлок***, ***Слободá***, ***Хýтор*** и др.), водных объектов (ручей ***Крутéц***, места на реке ***Брод***, ***Пески́***, ***Плавýчий óстров***, болота ***Горéлое болóто***, ***Зáднее болóто***, ***Святóе болото***, ***Торфá***, пруды ***Бли́жний пруд***, ***Дáльний пруд***, родник ***Клю́ч*** и др.), лесов и мест

в них (леса ***Бор***, ***Боро́к***, ***Загумно́***, ***Запа́шка***, ***Клин***, участок леса ***Деля́нка***, места в лесу ***Больша́я про́сека***, ***Горе́лая поля́на***, ***Кордо́н***, ***У́гол***, ***Да́льний у́гол*** и др.), полей, лугов (поля ***Ди́кое по́ле***, ***Конопля́ники***, ***Клин***, луга ***Десяти́ны***, ***Долгий луг***, ***Капу́стник***, ***Ко́чки*** и др.), дорог (***Бето́нка***, ***Больша́я доро́га***, ***Ве́рхняя доро́га***, ***Ста́рая доро́га*** и др.) и др. Значительно количество наименований, имеющих отдельные грамматические, структурно-словообразовательные различия, например: лес ***Казёнка***, лес ***Борови́на*** / ***Борови́нка***, лес ***Се́чки***, место в лесу ***Се́чи***, поле ***Се́чи***, поле ***Клины́***, место на реке ***Плёс*** (нижегородск.); лес ***Казна́***, лес ***Крестóва борови́на***, лес ***Бела́винская се́ча***, места в лесу ***Се́ча***, ***Жжёная се́ча***, поле ***Сечь***, поля ***Кли́нья***, ***Клин-по́ле***, место на реке ***Плёсо*** (костромск.) и т.п. Ценную информацию сохраняют в себе микротопонимы, образованные на основе местной географической терминологии или другой местной лексики, которая есть и в нижегородских, и в костромских говорах. Это и идентичные однословные наименования, например: овраг ***Враг***, местность ***Вра́ги***, овраг ***Вра́жек***, дорога ***Вал***, поля ***Верхови́ны***, лес ***Бере́зник***, лес ***Березня́к***, просека ***Ве́рхний про́сек***, ручей ***Быстре́ц***, лес ***Ра́мень***, лес ***Ра́мешки***, лес ***Большóй ра́мень***, лес ***Ру́беж***, место в лесу ***Паль***, лес ***Па́лиха***, лес ***Гарь***, место в лесу ***Гарь***, место на лугах ***Гать***, возвышенная часть села ***Гора́***, место гуляния ***Гора́***, ***Го́рка***, луг ***Гри́ва***, лес ***Зелёная Гри́ва***, низина ***Дол***, луг ***Дол***, овраг ***Дол***, покос ***Суходо́л***, дорога ***Зимня́к***, лес ***Ело́шник***, дорога ***Ка́менка***, поле ***Ка́менник***, луг ***Кули́га***, поле ***Кули́ги***, урочище ***Курга́шки***, поле ***Кут***, место в лугах ***Ля́ды***, лес ***Па́лошник***, поле ***Польцо́***, место гуляния ***Поля́на***, место в лесу ***Про́сек***, колодец ***Коло́дезь***, родник ***Коло́дчик***, родник ***Студене́ц*** и др. Это и содержащие местную лексику (например: ***завра́г***, ***доло́к***, ***прире́зок***, ***пай***, ***лука́***, ***ши́шка***, ***стре́лка***, ***се́ча***, ***уса́д*** и др.) составные наименования, которые отличаются каким-либо образом характеризующей объект частью. Всё это примеры отражения в микротопонимии жизни людей, окружающего их мира (естественного и антропогенного ландшафта).

Сравним употребление таких микротопонимов в речи жителей, свидетельствующее об их мировосприятии: часть села ***Верх*** (*Я на Верху раньше жила, теперь в Низу живу. Зовём Верхом мы часть села, коя высоко стоит* – Дивеево Див.; *Верх – верхняя часть деревни, что наверху. Мои-то раньше на Верху жили* – Путятино Нерехт.), луг ***Вы́гон*** (*Мы всю скотину на Выгон сгоняли, пасли там / Луг эт, скотину пасут на ним* – Порецкое Вад.; *Скотину на Выгон гоняли, пасли там / Луг это, скотину пасти* – Екатеринкино Кадыйск.), дорога ***Бам*** (*Где-то дорога така строилась, вот по ней и назвали Бам* – Ломовка Арз.; *Бамом дорогу назвали, как ту большую, на всю страну известную дорогу, что строили* – Кадый Кадыйск.), болото ***Берёзовое*** (*Так называлось потому, что там были берёзы* – Табанаевка Спас.; *На нём берёз много растёт* – Текун Кадыйск.), колодец ***Свой коло́дчик*** (*Этот колодчик недалёко здесь, вода в ним гожа́ больно. Он всех ближе к нам, в нёво нет-нет да и сходют за водой* – Вад.; *Свой колодчик – это ближе к нам, наш, значит* – Калинки Судисл.), озеро ***Свято́е о́зеро*** (*Вода тама святая, поэтому и зовут Святое озеро. Говорят, выпьешь этой воды на Крещенье и весь год болеть не будешь* – Меленино Вад.; *Святое озеро – когда-то на это озеро ходили святые люди из Боровского монастыря святить воду. Говорят, вода там святая* – Контеево Буйск.), холм ***Сопли́вая гора́*** (*По дороге на Балахониху встречатся, она така́ гря́зна, что и не въедешь, вот и зовут её Сопливой горой* – Большое Туманово Арз.; *Сырая, грязная, после дождя и не въехать, не пройти* – Макар.), лес ***Сосня́к*** (*Где сосны растут, лес называтся Сасняк* – Богдановка Шатк.; *Лес Сосняк – это где сосны растут* – Толтуново Галич.), лес ***Хме́льники*** (*Там радилось много хмеля* – Неледино Шатк.; *Небольшой лесок это, место в лесу у реки, где хмеля много растёт* – Калинки Судисл.), овраг ***Чёртов овра́г*** (*Этот авраг глубокай, там бальшии кусты растут и черти водются. Если в ниво упадёшь, уж не выберешься, черти задушут* – Путятино Шатк.; *Чёртов овраг считался опасным местом. Говорили, что там черти водятся* – Словинка Антроп.), место в лесу ***Стре́лка*** (*Там дароги пересекаются, в лесу, с краю* – Суворово Див.; *У перекрёстка дорог место это* – Путятино Нерехт.). Разные по характеру, объёму, фрагменты народной речи представляют интерес для изучения особенностей функционирования микротопонимов, их внешних и внутренних связей, системных отношений, соотношения мотивированных и немотивированных топонимических единиц, типов мотивации и мотивированности, образной мотивации и мн. др. В микротопонимических текстах находят проявление «все текстообразующие факторы диалектной речи» [6, с. 13].

Многочисленны в рассматриваемых микротопонимических системах одинаковые названия у разного вида объектов (и часто с похожим объяснением истории возникновения микротопонимов). Например, нижегородские микротопонимы: неоф. село и деревня, часть деревни, улица, часть улицы, место в лесу ***Виши́вка***; овраг, поле ***Бе́лый камень***; поля ***За-ли́нией***; болото ***Ве́реть***; место в лесу ***Взго́рки***; луг, озеро ***Зато́н***; улица, место на лугах, местность, овраг ***Завра́г***, улица ***Каку́й***, дол ***Топь***, овраг ***Ува́л***, луг ***Ши́шка***, место на реке ***Я́мки***, соответствующие костромские микротопонимы: гора

Вши́вка; место в лесу ***Бе́лый камень***; лес, ягодные места ***За-ли́нией***; лес ***Ве́реть***; холмы ***Взго́рки***; луг, место на реке ***Зато́н***; деревня, лес, место за оврагом ***Завра́г***, деревня, лес ***Коку́й***, болото ***Топь***, возвышенность, лес, поле ***Ува́л***, луг, возвышенность с поляной, место на реке ***Ши́шка***, болото, место на реке ***Я́мки*** и мн. др. Ср. (о микротопониме Топь): *Сырой он, на лошадях не пройдёшь. Как сенокос – мученье одно. Да уж и не косим его…* – Илларионово Б.-Болд.; *Топь – болото топкое. Не проедешь. И не сенокосили тама* – Мантур.

Продуктивными в образовании микротопонимов обеих микротопонимических систем являются антропонимы и топонимы. Среди таких микротопонимов (микроантропотопонимов и микроттопотопонимов) также наблюдается много соответствий, позволяющих делать наблюдения, важные для изучения антропонимии и топонимии (и собственно топонимии, и микротопонимии), в том числе, что особенно ценно, и диалектной, и содержащейся в них информации, а также проследить основные моменты процесса образования микротопонимов. Например: ***Семёновская гора́, Семи́ловская доро́га, Бори́совская доро́га*** (оттопонимические), поляна ***Ага́шкина поля́на, Ва́ськин пруд*** (отантропонимические) и мн. др.

Образные микротопонимы характеризуют диалектоносителей как творческих личностей. Например (в обеих микротопонимических системах): луг ***Карава́й***, лес ***Карава́шек***, луга ***Карава́шки***, овраг ***Котёл***, поле ***Лопа́та***, луг ***Лопа́та***, место на реке ***Подко́ва***, поле ***Портки́***, поле ***Штаны́***, место на реке ***Кувши́н***, место в лесу ***Кры́нка*** и т.д. Характеристику объектов и отношение к ним отражают также такие названия, как ***Карпа́ты, Камча́тка, Сахали́н*** и т.п.

Сопоставление позволяет обнаружить и некоторое своеобразие микротопонимических систем, связанное в основном с историей их возникновения и развития. В нижегородской микротопонимии это, например, мордовские и тюркские названия, которые «бытуют как на уровне топоформантов, географических терминов (*-лей*, гибрид *лейка, лисьма, эрьке, кужо, пандо* и некот. др.), так и на уровне тополексем» [2, ч. 1, с. 7] (***Цыдики, Скев, Рава*** и др.). Например: дол ***Вешкале́й***, лес ***Дарькале́й***, село ***Кажле́йка***, овраг ***Кумале́йка***, место в лесу ***Кургуля́й*** (*лей* – ‘река’, ‘овраг’, *ляй* – ‘река, речка’, ‘овраг’), улица ***Кужела́й***, деревня ***Кужадо́н*** (*кужо* – ‘поляна’, ‘улица’, ‘круг’), колодец ***Кузьми́чинь ли́сьма*** (*лисьма* – ‘колодец’), овраг ***Панда́с***, ручей ***Па́ндуга*** (*пандо* – ‘гора’, ‘холм’), озеро ***Эрькэ*** (*эрьке* – ‘озеро’), овраг ***Пара́*** (*пара* – ‘овраг’) и мн. др. Подобного рода названия редки в костромской микротопосистеме. Нет в наших материалах названия оврага, образованного на основе географического термина ***верши́на*** ‘овраг’ (в нижегородской микротопосистеме они многочисленны, например: ***Верши́на, Каза́чья верши́на, Кали́новая верши́на*** и мн. др.). В костромской микротопосистеме есть, например, названия ***Осы́рок, Пе́чище, Твори́ло*** (***осы́рок, пе́чище, твори́ло, дворе́ище, дворе́на*** и др. – ‘усадьба’, ‘часть усадьбы’).

Представляет интерес изучение нашедших отражение в словаре системных отношений микротопонимов, явлений, в которых участвует онимическая единица (вариативность, повторяемость, полиимённость, тезоимённость, параллелизм, сравнительность), как при исследовании представленной в словаре микротопонимической системы, так и при её сопоставлении с другими микротопонимическими системами.

Мы остановились лишь на нескольких моментах возможных сопоставительных наблюдений. Разумеется, каждый из них заслуживает отдельного рассмотрения. И микротопонимический словарь Л.А. Климковой может быть источником для таких и многих других исследований.

Литература

1. Добродомов И.Г. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). В 3-х ч. – Арзамас: АГПИ, 2006. Ч. 1: А–И. – 403 с.; Ч. 2: К–О. – 336 с.; Ч. 3: П–Я. – 406 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 6: Языкознание. – 2008. – №2. – С. 177–180.

2. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). В 3-х ч. Ч. 1–3. – Арзамас: АГПИ, 2006.

3. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь: «коридор голосов» // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2017. – №4 (12). – С. 6.

4. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области: Окско-Сурское междуречье // Вестник Российского гуманитарного фонда. – 2003. – №3 (32). – С. 135–147.

5. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

6. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: Разноаспектный анализ: монография. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

7. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

8. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – №1 (5). – С. 5–15.

9. Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области: словарь. – Воронеж: Артефакт, 2007. – 407 с.

10. Кузнецова Н.А. Словарь микротопонимов Пензенской области. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. – 124 с.

11. Мельниченко Г.Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные труды. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 260 с.

12. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

13. Николаев И.С., Герд А.С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. – Вып. 14: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 112–119.

14. Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 420 с.

15. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. – Вып. 1. – М.–Л.: Наука, 1965. – 304 с.

16. Цветкова Е.В. Костромская и нижегородская микротопонимия: ареальные связи // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус: материалы Межрегиональной конференции по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Москва, 31 октября – 2 ноября 2012 г.: Доклады / науч. ред. С.Н. Пяткин. – М.: Арзамас: Про100 Медиа; АГПИ им. А.П. Гайдара, 2012. – С. 237–242.

17. Цветкова Е.В. Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (значения слова низ) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) – 2019 / отв. ред. С.А. Мызников. – СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – С. 821–832.

18. Шведова Н.Ю. Автор или составитель?: (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 13–16.

19. Щеулина Г.Л. Словарь микротопонимов Липецкого края. В 2-х ч. – Липецк: ЛГПУ, 2007–2008.

Список сокращений названий районов Нижегородской области

Ард. – Ардатовский.
Арз. – Арзамасский.
Б.-Болд. – Большеболдинский.
Вад. – Вадский.
Див. – Дивеевский.
Спас. – Спасский.
Шатк. – Шатковский.

Список сокращений названий районов Костромской области

Антроп. – Антроповский.
Буйск. – Буйский.
Галич. – Галичский.
Кадыйск. – Кадыйский.
Макар. – Макарьевский.
Мантур. – Мантуровский.
Нерехт. – Нерехтский.
Судисл. – Судиславский.

Раздел 1
СЛОВО: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ

КАРТИНЫ ЖИЗНИ ИВАНОВСКОЙ ДЕРЕВНИ
(по материалам книги В.И. Майоровой «Слово о былом»)

Л.П. Батырева
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
к.филол.н., доцент; e-mail: batlarisa@mail.ru
Россия, Ивановская обл., г. Шуя

Объёмный лингвистический материал, собранный на территории Комсомольского р-на Ивановской области, в с. Писцово и окрестных деревнях, содержит книга В.И. Майоровой «Слово о былом». В неё включены, в частности, записи устной речи местных жителей. В данной статье представлена лексика, обнаруженная в этих записях, – лексика, характеризующая жизнь старой деревни.

Ключевые слова: *лексика; лексикографические труды любителей; говоры Ивановской области.*

Диалектная лексика вызывает интерес не только у специалистов-диалектологов, но и у широкого круга любителей родной речи. Жители Ивановской области в этом плане не являются исключением. Так, объёмный лингвистический материал, собранный на территории Комсомольского р-на, в с. Писцово и окрестных деревнях, содержит книга В.И. Майоровой «Слово о былом» [1]. В нее включены воспоминания и размышления местных жителей о своей судьбе и судьбе родственников, друзей, соседей, о событиях разного характера и масштаба, о чувствах и переживаниях по разным поводам. Респонденты В.И. Майоровой – люди 1910-х, 1920-х, 1930-х гг. рождения. Первые записи, вошедшие впоследствии в книгу, были сделаны ею в 1977 г. «В 1999 г. мы, несколько энтузиастов, – пишет автор книги, – начали ходить по деревням. Посетили Седельницы, Афанасьево, Маршово, Дмитриевское, Строевую Гору, Путилову Гору, Филиппково, Лосево, Сретенье. Записывали рассказы жителей об истории края…» [1, с. 5]. Таким образом, временной диапазон предлагаемых материалов – едва ли не весь XX век, точнее – советский период в истории страны.

В течение этого времени в русской деревне произошли значительные изменения. Однако «уход, утрата реалий традиционного быта не означает такого же стремительного исчезновения лексики, т.к. процесс устаревания слова более длительный. В связи с этим жизнь слова в памяти людей оказывается намного дольше бытования самой реалии» [2, с. 50]. Тексты, записанные В.И. Майоровой, содержат в изобилии диалектные лексемы, характеризующие разные стороны жизни сельчан. Некоторые из них далее представим.

Так, словом ***навозница*** в Комсомольском р-не называют вывозку навоза со дворов в поле, время этой вывозки: *Каждый год, весной, навозница. Начинали по очереди. Подгоняют 3–5 лошадей с телегами, ворота раскрывают, телеги пятят во двор. Стоят пять баб, подхватят вилами пласт навоза и на телегу. Везут на поля. В мае сгоняют скотину, хлев освобождается, до земли вычистят. К нам пять подвод въезжало, я считала. «Бабы, завтра к нам!» «Нет, к Епранье!» Мама выставляла вино. Бабы поют. Свежей соломы привезем. Вдохновенье какое!* [1, с. 149]; *Весной, в навозницу, председатель назначает 4–5 домов, и ходишь по посаду, чистишь. Вывозили навоз на колхозные поля. Складывали в колышечки. Разбивали и разравнивали потом, а трактористы пахали* [1, с. 61]; *Навозница – праздник всей деревни. Все поля грудками навоза завалены. Чистили хлева, деревня работала* [1, с. 106].

Слово известно многим русским говорам: отмечено в СРНГ с территориальными пометами Влад., Нижегор., Костром., Моск., Яросл., Волог., Твер., Пск., Новг., Калуж. [3, вып. 19, с. 175], его фиксируют другие областные словари [4, вып. 6, с. 86; 5, вып. 5, с. 28; 6, вып. 6, с. 125 и др.]. Подробно толкует эту лексему Даль: «междупарье, пора между вешними и летними работами, когда сев кончен, а покос и пашка под озимь ещё не начались, почему и возят на поля удобренье, назём; июнь, 2–3 недели июня, до Петровок» [7].

Слово *навозница* обладает несомненной положительной оценочной семантикой. Рассказывая об этой поре в крестьянской жизни, люди используют лексику, подчёркивающую позитивное отношение к описываемому. Положение же дел в современной деревне вызывает иные эмоции: *Навоз на поля возили, а сейчас скотина сердешная погибает! Проваливается в ямы. Турки, а не работники! Сидит начальник как бундук!* [1, с. 100].

Респонденты В.И. Майоровой часто затрагивают тему раскулачивания. Судя по всему, события, связанные с этой кампанией, произвели сильное впечатление на людей, оставили глубокий след в их памяти. М.А. Самойлова, 1926 года рождения, из с. Никульского рассказывает: *В 1931 году ночью первый раз приехали к нам, говорят: «Анна Павловна, засветите лампу. Мы прибыли с обыском, вас раскулачиваем». Натолий* (брат) *был маленький, лежал в зыбочке. «Выньте младенца, мы туда посмотрим». Везде осмотрели: описали лошадь, две коровы, два телёночка, часы с боем. У мамы из ушей выняли золотые серёжки-червоночки, сняли именное кольцо с руки. У папани – золотые карманные часики, кольцо-печатку с пальца. Отняли масляный завод и мукомольную мельницу, сбрую с лошади. Забрали обувку у нас, мои ботиночки… И больше у нас богатства не было. Работали сыновья, наёмных нет. Мама вышла за отца на пятерых детей…* [1, с. 58–59].

Раскулачивали единоличников, которые «*своим трудом нажили всё*», ***твёрдозаданцев***. Н.А. Трифонова, 1924 года рождения, из д. Филиппково вспоминает: *В деревне были «твёрдозаданцы», хорошие хозяйства. Беднота всем командовала! Нины Воробьевой отец был таким. <…> Мой дед, Василий Ефимович Гурылев. Последнее зёрнышко у него из амбара вывозили. Надо бедноту-то кормить! Дед сам из бедноты. Девяти лет остался сиротой. <…> Деда раскулачили, Сергея Ивановича Шишкова и др. Они из «твёрдозаданцев». Их не брали в колхоз. Своим трудом нажили всё. <…> Дед был «твёрдозаданцем» «Застрелю, грабители!» – он горячий был, не давал раскулачивать, отбирать всё. Папа в деда – горячий, дельный: дно из ведра сгниёт, новое дно в два счёта сделает. И не течёт* [1, с. 128–130].

Слово ***твердозаданец*** ‘единоличник-кулак, обязанный выполнить твердое задание’ квалифицируется сейчас как архаизм и диалектизм. Ср. в СРНГ: *твердозада́нец* ‘крестьянин, получивший задание выполнить какую-либо работу за определенный срок’, Моск., Иван., Новг., Новосиб. [3, вып. 43, с. 321].

Знак тяжелого военного и послевоенного времени – слово ***мена́***, называющее процесс обмена вещей на продукты и собственно вещи, которые обменивались на продукты. Рабочие и крестьяне ***с мено́й ходили*** в соседние, близкие и не очень близкие, населенные пункты.

Об этом рассказывает жительница с. Писцово С.А. Шарыгина, 1915 года рождения: *Я в войну* ***ходила с мено́й****. Сколько деревень было! 1941 год. Сговорились с одной: поедем. Френч, материала два метра, шёлк, ещё что-то. Всё привезено из Житомира. Костюм мужа не меняла… «Писцовские голода́и! Подите, нам самим жрать нечего!» – вот иногда как встречали. Пошли как-то в Михалково Ярославской области. Подходим к деревне. Идёт мужик: «Бабы, у вас чего?» Повёл к себе, мясными щами накормил, ковриги огромные хлеба… «Я бригадир, вы за 20 км пришли!» Дал 50 кг муки, ведро молока. «Дай бабам по куску хлеба», – говорит жене. Мы на санки муку, идём. Хлебнём молочка и дальше. Еле дошли. В Писцове, у фабричного моста легли, идти не можем! Санки в сторону… Мама идёт, помогла нам. Так зиму и прокормились.*

<…> Мы нашили миткалевых штанов, пошли в Рылково. Где разуемся, где как. Подходим. То ли сарай, то ли склад. Слышен смех, разговор. Идёт мужик: «Бабы, вы с ***мено́й****? У меня все жёнки без штанов! Давайте двое штанов за ведро картошки, сорт «Опекур», «Лорх». С собой не берите. Я поеду в Писцово, вам привезу!» Мы всё-таки по два ведра взяли, еле донесли! То на плече, то как. А мужик привёз нам по пять вёдер… Вспахали на Ивановской улице землю, посадили эту картошку. Выросло 24 мешка. Я и чугун купила, и подушки… Сейчас и не разваривается картошка, а тогда какая была! И не обманывали нигде, как теперь* [1, с. 274]. (И все же обмен нередко, по-видимому, сопровождался обманом, отсюда другое значения слова ***мена́*** в русском языке – ‘обман’ [3, вып. 18, с. 106; 4, вып. 6, с. 41].)

Описываемое явление было известно и в других регионах страны. В говорах Архангельской обл. отмечено, например, выражение ***в мену́ прийти*** ‘достаться в результате обмена’, ‘поступить в обмен’ [3, вып. 18, с. 106]. В русских говорах Карелии записано слово, производное от *мена* ‘обмен’ – ***ме́нух*** ‘тот, кто занимается обменом; меняла’ (*Так менухи меняли хлеб на станциях, и одежду, и обутку, есть-то хочешь. Всё равно пропадёт платье и сам пропадёшь*) [8, вып. 3, с. 222].

На территории Комсомольского р-на Ивановской обл. с конца 20-х гг. XX в. велись торфоразработки. «Вокруг этого явления сложился собственный мир, со своими нормами, распорядком и лексикой. Эта субкультура, кажется, совсем ушла в прошлое, однако оставила глубокий след в судьбе и личной жизни ее участниц» [9], как правило, деревенских девушек, которые вербовались в разных регионах страны. См. информацию об этом в диалектных словарях: *Пато́м ja уе́хала у Л’ин’инграт на торх*; *Назна́ч’ил’и на торх* [10, с. 287]; *Вербовали весною на торх, и моя хотела завербоваться на этот торх*; *Пошла я на торх, в Нижнее* [3, вып. 44, с. 291]. Т. Сергеева в статье «Крупицы

истории: торфопредприятие “Марково-сборное”», опубликованной в газете «Новая заря», сообщает, например, что на торфоразработки в Комсомольский р-н Ивановской обл. «были призваны несколько тысяч человек. В основном девушки 16–17 лет» [11].

Работниц торфопредприятий называли ***торфушками***: *Раньше в этих бараках жили торфушки* [4, вып. 9, с. 111]; *Събирайтися, тарфушки, паедимти дамой, нъ радимъй нъ старонки у нас празник гъдавой* [12, с. 513]; *Селезнево расположено около двух болот, которые разрабатывались для добычи торфа. Работали здесь приезжие, мы их звали торфушками*; *Народ стали набирать, торфушки стали приезжать. Стали командировать. Привозили торфушек. Сколько было!* Комсомольский р-н.

Колхозники, жившие своим хозяйством, работавшие «*за палочки*», продавали торфушкам молоко и на вырученные деньги покупали хлеб. См. запись, сделанную в Приволжском р-не: *Две четверти молока утром надоят, и я две четверти на плечо в мешках в этих, во льняных. Не баллоны, а четверти, вы представляете, оне такие высокие, тонкие, бутылки большие. Вот эти две четверти принесу на болото, к* ***торфушкам****. Там торфоразрабатывающее болото было. Десять километров от нас. И вот по баракам, оне в бараках жили, все одинокие, оне – кто кружку нам налей, кто поллитрову банку. Мне гор[с’]. Получалос у меня мелочи. Ну, деньги-то тогда были какие, эшшо до хрущевских-то, были деньги-то какие? С мелочью пойдём, за хлебом пойду, в очередь встану, ну, мы все девчонки так бегали, вся деревня, все так, изо всех деревень. Мы пораспро́дали это молоко, поразнесли по баночкам, стоим в очереди, очередь подходит, нам отвечают: “Ишшо не все взяли* ***торфушки****, вот работают кто, вот останется, и вам продадим”. Мы опять в хвост заходим. Опять стоим, а потом купим хлеба, и четверти-то мешали пустые-то, мешали. Ишшо с молоком-то мы несли, знали, что надо их продать, да деньги чтобы были, а потом пустые-то тоже мешали. Хлеба-то несёшь, да эшшо эти пустые четверти*.

Собеседники В.И. Майоровой тоже вспоминают подобные факты: *Денег не имели. Жили своим трудом. Продадим четверть молока, а* ***торфушки*** *(с торфоболота) хлеб нам дадут* [1, с. 19]; *Жене моей давали браковочный уто́к. Мы перематывали его в клубки и продавали* ***торфушкам****. Они вязали кружева* [1, с. 158].

Со временем у слова появилось переносное, метафорическое значение – ‘грязный, запачканный человек’ [3, вып. 44, с. 291; 4, вып. 9, с. 11], а также ‘плохо одетый человек’ (*Торфушкой у нас в деревне называли плохой наряд. Часто у нас говорили: «Одета как торфушка». Т.е. одета очень плохо.* Ивановский р-н) и бранное слово, «*обзывалка*» (*Торфушка – это скорее воспринималось как обзывалка такая. Не знаю, от чего произошло слово и что значило, но было такое, да. Слышала, что девчушек так называли, но они, наверное, тоже не понимали значение.* Ивановский р-н).

Для жителей деревень торфоразработки, с одной стороны, были благом: кто-то находил там работу, кто-то мог продавать что-либо торфушкам, пополняя таким образом скудный бюджет семьи. С другой стороны, сейчас люди выказывают недовольство тем, что разработки торфа нарушили экологическую систему: *Сосняк. Заводи. Там были такие продухи с дом* <величиной>. *Как стали разрабатывать* <болота>*, так всё и нарушили.* Комсомольский р-н.

Итак, уже этот небольшой фактический материал позволяет считать книгу В.И. Майоровой ценным источником информации о жизни ивановской деревни в XX в., а также о специфических чертах речи жителей с. Писцово и окрестных деревень. Полагаем, что дальнейшее обращение к книге, систематизация и описание диалектной лексики, представленной в ней, будет интересным и полезным.

Литература

1. Майорова В.И. Слово о былом. – Лондон: Lulu enterprises UK Ltd., 2011. – 414 с.

2. Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н.В. Большакова; сост.: Андреев В.К., Большакова Н.В., Воробьева Л.Б., Лукьянова С.В., Моня Ю.Ю., Площук Г.И., Побидько З.В., Смирнова А.Н. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. – 284 с.

3. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–50. – М.; Л./СПб., 1965–2017.

4. Ярославский областной словарь. В 10-ти вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

5. Словарь вологодских говоров. В 12-ти вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда, 1983–2007.

6. Областной словарь вятских говоров: учебное пособие / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Вып. Т. 1–10. – Киров, 1996–2016.

7. Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863–1866. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/

8. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд; отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб. 1995–2005.

9. Торфушки или русалки. Забытая субкультура торфоразработок. – Режим доступа: https://korotkoedetstvo.bm.digital/article/585731452676629314/torfushki-ili-rusalki

10. Кошарная С.А. Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 336 с.

11. Сергеева Т. Крупицы истории: торфопредприятие «Марково-сборное». – Режим доступа: http://gazeta-zarya.ru/2017/08/14/

12. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – М., 1969.

ЭНАНТИОСЕМИЯ НА КАРТАХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА

И.А. Букринская[1], О.Е. Кармакова[2]

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

[1]ст.н.с.; e-mail: irbukr@gmail.com

[2]к.филол.н., в.н.с.; e-mail: okarmakova@list.ru

Россия, г. Москва

В работе описаны случаи межсистемной и реже встречающейся внутрисистемной энантиосемии. Этот феномен фиксируется на двух картах Диалектологического атласа русского языка. Как показывает опыт полевых наблюдений, для выявления энантиосемии в конкретном говоре необходимо хорошо знать его лексико-семантическую систему; примеры из южнорусского говора демонстрируют, что, как правило, эмоционально-оценочная энантиосемия развивается у глаголов с диффузной семантикой.

Ключевые слова: *лингвогеография; диалектная лексикология; семантические различия; энантиосемия.*

Нами будут рассмотрены примеры энантиосемии – явления достаточно интересного и редкого, которое получило отражение на двух картах Диалектологического атласа русского языка: «Диалектные значения слова *погода*» (карта №90) и «Название периода работы без перерыва» (карта №56).

Напомним, что энантиосемия трактуется лингвистами по-разному: как явление, входящее в полисемию, как элемент лексической омонимии и как разновидность антонимии. Так, Д. Н. Шмелев писал: «С антонимией часто связывают явление энантиосемии. Этим термином обозначается появление у слова противоположного значения (иногда вытесняющего первоначальное, иногда сосуществующего с ним)» [1, с. 208].

Один из исследователей описываемого феномена, В.Ю. Меликян, проанализировавший разные подходы, делает следующий вывод: «...энантиосемия – это явление, смежное с полисемией и антонимией, так как при его анализе достаточно чётко прослеживаются признаки двух этих категорий». Поэтому энантиосемию целесообразно рассматривать в качестве самостоятельной семантической категории. Этой точки зрения придерживались такие учёные, как В. Шерцль, Л.А. Булаховский и др. Такое определение энантиосемии дает и О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов»: Энантиосемия: 1. (поляризация значений). Способность слова (морфемы и так далее) выражать антонимичные значения. 2. Троп, состоящий в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром)...» [2, с. 178]. Известно и более широкое, диахроническое понимание явления энантиосемии, когда к одному этимону относятся слова, развившие противоположное значение в пределах одного языка или в разных языках.

В последнее десятилетие появилось много исследований, посвященных этому явлению [3–5] и выполненных на материале литературного языка, разговорной речи, в том числе молодежного сленга, в некоторых из них присутствует небольшое количество диалектных примеров. Авторы указанных работ характеризуют энантиосемию как продуктивную, развивающуюся категорию и различают номинативную (логико-понятийную) и эмоционально-оценочную (функционирование в речи) энантиосемию, причем для последней характерно, как правило, разностилистическое употребление слов или словосочетаний: *завязать дружбу* – нейтральное, *завязать с вредными привычками* – разговорное; *обломиться* ‘повезти, достаться даром, перепасть’ (о чем-нибудь хорошем), приводится с пометами разговорное или просторечное, противоположное значение ‘потерпеть неудачу, провалиться’, ‘испытать разочарование, обмануться’ – жаргонное. На важность оценочного компонента в природе этого явления указывал еще Д.Н. Шмелев, подчеркивая, что полной противоположности значений нет, есть лишь частичная.

Если говорить о диалектах, то в них, безусловно, тоже существует энантиосемия. Интересная статья Н.С. Ганцовской посвящена развитию противоположных значений у церковнославянских слов

благой, благо. Работа написана на основе анализа материалов ряда диалектных словарей, а также Большого академического словаря (БАС). В результате исследователь приходит к выводу, что «... слова с первоначальным позитивным значением почти не употребительны в диалектах, большинство из них в книжном литературном языке является архаизмами, остальные также имеют тенденцию к устареванию; слова с негативным значением корня пока устойчиво держатся в диалектах и разговорных стилях литературного языка, но также сдвигаются на периферию речевого употребления» [6, с. 105].

Одним из хрестоматийных диалектных примеров энантиосемии служит семантика слова *погода.* Н.И. Толстой, анализируя в сербохорватских говорах лексемы со значением ‘дождь’, среди прочих рассматривает слово *година*, которое в Центральной и Южной Далмации означает погоду с широким семантическим спектром – как хорошую, так и плохую, а в Дубровнике – погоду вообще. В связи с этим ученый приводит в качестве параллели лексему *погода*, имеющую в русских диалектах сходные значения и семантические корреляции, что убедительно подтверждается материалом из словарей XIX–XX вв. [7, с. 129]. При этом он считал, что в одном говоре, в пределах одной семантической системы не может встретиться энантиосемия в чистом виде [8]. Таким образом, межсистемная (в разных диалектных системах) энантиосемия не вызывает сомнения, а вопрос о существовании внутрисистемной энантиосемии может решаться по-разному.

В СРНГ слово *погода* и его дериваты: *пого'дина, пого'дица, пого'дища, пого'дие, пого'дка, пого'дливый, пого'дно, пого'дный, пого'жий* – представлены также с противоположными значениями, причем часто в качестве первого значения выступает ‘плохая погода, ненастье’. В словарной статье *Погода* дано большое количество адъективных словосочетаний, означающих ненастье: *большая погода, погодливая погода, сиверная погода, забойная погода, погода майная, верховая погода, береговая погода* и проч. [9, т. 27]. Приведенные в словаре географические пометы свидетельствуют о широком распространении лексемы с антонимическими значениями, однако нет возможности сделать вывод о том, насколько эти значения территориально противопоставлены, употребляются ли они в одних и тех же частных диалектных системах. Описание общерусских и диалектных значений слова *погода* в псковских говорах содержится и в статье О.В. Васильевой [10].

Лингвогеографическому представлению лексемы *погода* в различных значениях посвящена уже упомянутая семантическая карта ДАРЯ [11], из которой видно, что на всей территории, картографируемой в Атласе – Центр Европейской части России, за исключением Юго-Западной диалектной зоны, даже заходя за ее пределы на юго-востоке, распространено значение ‘плохая, ненастная погода’. Юго-Западная диалектная зона простирается от Опочки до Можайска на севере, от Тулы – Ельца до Старого Оскола на востоке. Кроме того, показаны и более узкие значения лексемы *погода*: 1. ‘снегопад’ – ареалы охватывают Костромскую группу северного наречия, среднерусские говоры, а в южном наречии Восточную (Рязанскую) группу; 2. ‘дождливая погода’ – псковские и новгородские говоры, единично в восточных среднерусских; 3. ‘ветреная погода’ – отмечено в отдельных населенных пунктах (их около 30); 4. ‘гроза’ – единично.

На всей описанной территории, где *погода* обозначает разные виды плохой погоды, в значении ‘хорошая погода’ употребляется слово *вёдро* («Значения слова *вёдро*», карта № 91). Подчеркнем еще раз, что на названных картах ДАРЯ выделяется Юго-Западная диалектная зона, где лексема *погода* обозначает ‘хорошую, ясную погоду’, а лексема *вёдро* не употребляется. Помимо основного, юго-западного ареала, фиксируются небольшие ареалы со значением ‘хорошая погода’ на северо-востоке территории ДАРЯ: ареал в чухломских говорах, где не зафиксировано слово *вёдро*, и отдельные населенные пункты на востоке Вологодской, Нижегородской областей и в среднерусских говорах.

Обратим внимание на географические пометы в СРНГ: *погода* ‘хорошая погода’ отмечена в костромских и архангельских говорах. Карта в отличие от словаря дает наглядное представление о том, как противоположные значения территориально распределены, т.е. демонстрирует межсистемную энантиосемию. Существует и внутрисистемная энантиосемия: по материалам ДАРЯ она отмечена в двух населенных пунктах: д. Дроновка и д. Мокрая Орловка Грайворонского р-на Белгородской обл., материал собран в 1952 г.

В говорах, где лексема *погода* ‘хорошая, ясная погоды’, для обозначения плохой погоды используется слово *непогода* и образованная от него диалектная форма *не'погодь*. На юге, в орловских, курских, белгородских говорах для обозначения ненастья употребляются слова *него'да, незго'да* или *невзго'да*. Таким образом, в них зафиксирована антонимическая пара: *погода – него'да, невзго'да*. В СРНГ наименования с приставкой *не-* со значением ‘дурная погода’, ‘ненастная погода с дождем и ветром’ тоже приведены, причем *невзгода*, согласно СРНГ, имеет более широкую географию по сравнению с Атласом [9, т. 20].

В материалах ДАРЯ приведены и другие дериваты с корнем *-год-*: *пого'дье* и *годи'на* (в говорах южного наречия) со значением ‘хорошая погода’. В ряде населенных пунктов собирателями записаны прилагательные: *пого'дный, пого'дливый*, значащие то же, что и лексема *погода* в тех же говорах. Кроме того, единично приводимое прилагательное *пого'дчивый* характеризует пасмурную погоду, *пого'дистый* – хорошую. Лексема *пого'жий,* как и в литературном языке, обозначает хорошую погоду, однако в некоторых населенных пунктах на севере отмечено со значением ‘ненастный день’.

Рассмотрим еще один факт энантиосемии, представленный на карте «Период работы без перерыва» (№56), где противопоставлены два основных ареала наименований: *уповод* и *упряжка.* Заметим, что *уповод* распространен в Северо-Восточной диалектной зоне, а *упряжка*, включая др. образования с корнем *-пряг-/-пряж-,* – в Западной и Юго-Восточной. Кроме приведенных выше, в говорах в том же значении отмечается лексема *залога.* Все названные номинации употребляются и с противоположным значением – ‘отдых, перерыв в работе’, возникшим на основе метонимического переноса, при этом общей является сема ‘промежуток времени’, а интегральной – ‘работа’ или ‘отдых’. Подобный перенос можно рассматривать в рамках полисемии, именно так он и трактуется в диалектных словарях. У лексем *упряжка* и *уповод* значение ‘отдых, перерыв’ отмечено единично. В современных говорах они часто встречаются со значением ’промежуток времени’ (*целую упряжку с тобой проболтала*), а традиционное значение ’период работы без перерыва’ утратилось, его вспоминают только пожилые носители говора.

У лексемы *залога*, представленной в основном в севернорусских и среднерусских говорах, оба значения распространены достаточно широко. Там, где *залога* сосуществует с другими наименованиями, в новгородских, тверских говорах со словом *упряжка*, в вологодских, нижегородских со словом *уповод*, полной синонимии не наблюдается, так как *залога* в таких системах обозначает не просто ‘период работы без перерыва’, а ‘период работы, за который нужно выполнить определенное задание, норму, урок’. Противоположные значения лексемы *залога* могут рассматриваться как проявление межсистемной энантиосемии в тех случаях, когда зафиксированы в соседствующих говорах. Что касается внутрисистемной энантиосемии, то, по данным ДАРЯ, она отмечена опять же в двух частных диалектных системах. В некоторых говорах *залога* обозначает работу или отдых только при молотьбе, а в небольшом количестве населенных пунктов – ‘определенное количество работы, норму’.

В значении ‘период работы без перерыва’ в десяти населенных пунктах северного наречия приведена лексема *выть*, представляющая несомненный интерес, связанный с историей языка. По материалам словарей и наших экспедиций гораздо чаще *выть* фиксируется как ‘перерыв для приема пищи’ и в других связанных с едой значениях: ‘аппетит’, ‘порядок в еде’, ‘количество еды, которое человек может съесть за один прием’. Иногда приводятся комментарии об употребительности слов при их сосуществовании: *теперь уповод, раньше выть, выть* – ‘более длительный период работы’: *долгая выть, а уповод* – ‘небольшой период работы’. К сожалению, лингвогеография не помогает решить вопрос о том, какое значение было исходным, первичным.

Слово *выть* привлекало внимание многих лингвистов. Кроме приведенных выше, у него отмечается группа значений, связанных с выделением части: ‘доля дохода, надел, налог, пай, участок земли, леса, луга’ и др. Об этимологии лексемы писали А.А. Потебня, М. Фасмер, Ф.П. Филин, О.Н. Трубачев. Так, И. Миккола не считает это слово древним, полагая его заимствованием из скандинавских языков, где исходным было значение ‘пай’, ‘налог’ [12, т. 1]. Иную точку зрения на развитие семантики высказывал А.А. Потебня, считавший *выть* общеславянским, восходящим к санскриту. Ученый выделил 10 значений, притом первичными у него выступают те, которые связаны с едой: 1. позыв на еду, охота есть; 2. пора еды (в рабочую пору в день 4–5 вытей); 3. промежуток от еды до еды, как мера работы, один прием или акт работы (в 3 выти – в один рабочий день); 4. от 1-го знач. – кол-во пищи, съедаемое человеком, паек; 5. отсюда доля, часть, идущая кому-то как участь, судьба [13, с. 122–124].

В связи с этимологическими штудиями важно помнить точку зрения Н.И. Толстого, который настаивает на отсутствии линейного развития в семантике слова: «Это вынуждает нас отказаться от представления о развитии значения, как о некоей линейной цепной реакции, и уделить серьезное внимание факту соотношения лексем, проблеме их дистрибуции на семантической сетке, учитывая, что разная дистрибуция в отдельных говорах могла происходить хронологически одновременно...» [8, с. 67].

Существует в говорах и эмоционально-оценочная энантиосемия. Это явление возможно изучать, имея обширный материал по употреблению слов из одного населенного пункта, одной диалектной системы. Говор села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области был обследован

отделом диалектологии ИРЯ РАН в течение нескольких лет. Приведем примеры глагольной эмоционально-оценочной энантиосемии. Так, гл. *холить* известен в говоре в литературном значении ‘заботливо ухаживать, нежить, лелеять’, но гораздо чаще встречается со значением ‘побить’: *холить, отхолить* (*уж я его отхолила*); гл. *производить*, в диалектном варианте *призводить – призвести*, может употребляться в значении ‘изготовить, использовать’, например: *призведе к делу* ‘использует с толком’, однако в отрицательном значении ‘испортить, уничтожить’ он преобладает: *призвела муку* ‘напрасно извела’*, было много материала она его призвела* ‘испортила’*, до чего призвели село* ‘довели до плохого состояния’, *уж я ей так призведу, что не собе, не людям*. Общерусские значения, где глагол имеет положительную коннотацию, являются менее употребительными, а эмоционально окрашенные диалектные значения отмечаются гораздо чаще.

Любопытно сопоставить гл. *производить* с гл. *делать* (и его дериватами *отделать, приделать, сделать*), который, помимо общерусского, в говорах обладает значением ‘сглазить, навести порчу’. Оба глагола, имеющие в качестве стержневого значение ‘совершать, исполнять что-н.’, в говорах развивают отрицательную семантику, и именно в этом отрицательном значении являются более употребительными.

Еще один пример из роговатовского говора с неточным противопоставлением значений (несимметричная энантиосемия) представляет собой глагол *козырять / козыряться*. В значении ‘сквернословить, браниться, ругаться матом’ (*я пла'чу, а сват козыряется* – ситуация, когда люди застряли в лифте) он употребляется очень широко, а в значении ‘хвалиться’, известном всем, практически не используется. В СРНГ упомянутые глаголы приведены со значениями ‘чваниться, важничать, гордиться’, ‘щеголять, франтить’ и ‘браниться, сквернословить’ [8, т. 14], но отмечаются ли эти значения в составе одного говора или же территориально противопоставлены, по материалам словаря судить невозможно.

Подбирать материал для изучения семантических отношений (полисемии, энантиосемии) в диалектной системе достаточно трудно, так как из словарей, если это не словарь языковой личности, невозможно сделать вывод о характере явления: внутрисистемное оно или межсистемное. Так, например, лексема *збойливый* употребляется в одних говорах со значением ’учтивый, вежливый скромный’, в других – ‘гордый, надменный, заносчивый’, но совершенно не известно, используются ли оба значения в пределах одного говора. Еще раз подчеркнем, чтобы получить материал по внутрисистемной энантиосемии, надо собрать и обработать обширный корпус текстов, и даже это не гарантирует успешного результата.

Исходя из данных лингвогеографии, можно заключить, что энантиосемия – явление сравнительно редкое, чаще выступающее как междиалектное (межсистемное) противопоставление. Относительно эмоционально-оценочной энантиосемии, видимо, пока накоплено недостаточно диалектного материала, чтобы делать выводы.

Литература

1. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. – 335 с.

2. Меликян В.Ю. Энантиосемия и энантиосемичные языковые единицы // Современный русский язык: система языка, речь, общение: монография. – Ростов н/Д.: ПИ ЮФУ, 2010. – С. 176–186.

3. Кравцова В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Ростов-н/Д., 2006.

4. Литвинова Е.А. Эмоционально-оценочная энантиосемия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Грамота, 2012. – №2 (13). – С. 86–90.

5. Махмутова Л.З. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Казань, 2009.

6. Ганцовская Н.С. Благой: лексика церковнославянского происхождения в русских областных и академических словарях // IV Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 100–105.

7. Толстой Н.И. Из географии славянских слов // Избранные труды. Лексикология и семасиология. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 124–133.

8. Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Избранные труды. Лексикология и семасиология. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 44–69.

9. Словарь русских народных говоров. – М., Л., СПб., 1965–2016. – Т. 1–49.

10. Васильева О.В. «Псковский областной словарь»: лексика диалектная и общерусская // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска

«Псковского областного словаря с историческими данными»). В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук. – Псков: ЛОГОС, 2017. – С. 13–21.

11. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3: Синтаксис. Лексика. Ч. I. – М., 1997; Ч. II. – М.: Наука, 2004.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – 2-ое изд. – Т. 1–4. – М., 1986–1987.

13. Потебня А.А. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. – 1881. – Т. 5. [№1–2]. – С. 123–124.

ЛЕКСЕМА *КВАС* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

О.В. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет,
к.филол.н., доцент; e-mail: barcarola@list.ru
Россия, г. Санкт-Петербург

*Слово **квас** в словарях современного русского языка является однозначным. Между тем русские говоры и исторические словари дают до 10 значений лексемы, отражающих как богатое историческое наследие, так и дальнейшее развитие семантики этого исконного слова.*

Ключевые слова: *слово «квас»; семантика; говоры; история языка; диалектная лексикография» историческая лексикография.*

Обращение к разным толковым словарям русского языка, современным и историческим, каждый раз дает очередные подтверждения высокой степени подвижности как лексического состава языка, так и семантики отдельных лексем. При этом русские народные говоры, лексика которых отражена в словарях диалектных, зачастую являют собой блестящий синтез языковой диахронии и синхронии, всегда привлекавший внимание историков русского языка ко вроде бы современному диалектному материалу.

Работая над Словарём обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков [1], а именно над 10-м выпуском, добрались до составления словарных статей на лексему *квас* и её производных. Известно, что слово *квас* – общеславянское, однокоренное с глаголом *киснуть* (древнерусское *кысати*) и прилагательным *кислый* [2, 3]. Именно поэтому на первом месте во всех исторических словарях русского языка дается значение «закваска» – мы это видим и в Словаре XI–XIV веков [4], и в Словаре русского языка XI–XVII веков [5], что неудивительно, поскольку оба словаря включают самый древний материал, представленный в памятниках письменности. При этом Словарь XI–XIV веков, в котором максимально подробно представлена цитатная часть, даёт иллюстрации не только на прямое основное значение слова *квас*, но и на образное его употребление – предтечу современного переносного значения лексемы *закваска*, фиксирует столь же образное использование слова *квас* применительно к вероучению (*злой квас, квас фарисейский* – последнее сочетание в Словаре XI–XVII веков выводится как фразеологическое), а также даёт фразеологизм *квас ветхий* «греховный образ жизни, связанный с неизжитыми дохристианскими этическими и религиозными представлениями», подтверждаемый цитатами XIII и XIV веков. Таким образом, мы видим, что уже на самом раннем этапе существования письменности на Руси лексема *квас* активно использовалась в переносном, образном значении. При этом устойчивое сочетание *квас фарисейский* в Словаре XI–XVII веков иллюстрируется материалами уже XVI и XVII столетий, по-прежнему связанными с церковным обиходом, пропитанными духом церковной книжности. Таким образом, в диахронии составные образные номинации по данным исторических словарей располагаются следующим образом: фразеологизм *квас ветхий* представлен только в текстах старшего периода, фразеологизм *квас фарисейский* иллюстрируется цитатами с XIII по XVII века, тогда как в языке XVIII столетия эти устойчивые выражения уже не представлены, зато активно развивается такое переносное и образное значение лексемы *квас*, как «закваска» (*квас гордости и тщеславия*) [6], что подтверждается диахроническим знаком при номере со значением «слово, расширившее употребление».

При этом основное номинативное значение слова *квас* – «закваска» – уже в текстах старшего периода обрастает целым рядом производных номинативных значений. Среди них ведущим – и до настоящего времени самым распространённым – является значение «кислый напиток». Это значение, по данным исторических словарей, подтверждается цитатами всех временных периодов, начиная с самого раннего. В источниках Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков

это центральное значение лексемы представлено в самых разных сочетаниях, за которыми стоят разные виды традиционного русского напитка. Квас готовили (и продолжают готовить) с использованием разных компонентов и разной степени крепости. Причем на то, что квас был самым разным, указывает уже форма множественного числа этой лексемы: *квасы ставить* (Дм.), *квасы варят* (Кн. п. Моск.), *крестьяном рожь на хлебы и солод на квасы молоти* (ААЭ), *приготовить всяких кормовых хлебных запасов и квасов с лишком* (А. Ивер. м.), и даже с числительными: *велено сварить про государев обиход четырех квасов по ведру, да на расход двух квасов по десять ведр* (ДТП I) и т.д.

Что касается составных номинаций, то они достаточно хорошо группируются с учетом разных оснований. Так, выделяется группа сочетаний «с определением, указывающим на сырьё, из которого изготовлен такой напиток». И здесь тексты, созданные в разных регионах Руси, дают необычайно богатый иллюстративный материал. Это *квас житный, квас овсяный, квас ржаной, квас ячный* – причем все эти составные номинации употребляются как в единственном, так и во множественном числе (*А под полатью ледник, а держат на нем квас про братью житной.* Опись им. Кир.-Б. м. *А пожаловал государь его* (пивовара Лукашку Андросова) *за то, что он варил про государя пиво ячное, и квасы житные, и государю то пиво и квасы полюбились.* Заб. Разр. *А в посные дни 3 кружки вина церковнаго, 5 кружек квасу овсяного и ячного.* Заб. Дом. быт. *Велено во всех монастырех про братью и в росход держать квас ячной и ржаной.* ААЭ). Как пишет Г.В. Судаков, «основное сырьё для приготовления кваса – это заквашенное зерно, причём технология предусматривала и прямое изготовление кваса из пророщенного зерна – из жита (так называли ячмень), ржи, овса; пророщенное зерно – солод затем мололи. Получали квас из остатков пивной гущи, из хлебных сухарей» [7, с. 117].

Вторая группа сочетаний – «с определением, указывающим на ягоды и фрукты, используемые при приготовлении такого напитка». Здесь представлены номинации *квас вишневый, грушной, квас малиновый, черемховый, квас яблочный*, также употреблявшиеся и в единственном, и во множественном числе. (*В погребе: бочка квасу яблочного, другая бочка квасу грушнова.* Д. Шакловит. *Велеть квасы малиновые и черемховые и вишневые готовить с лишком же.* А. Ивер. м.). Как пишут исследователи, «наряду с рецептами хлебных квасов… готовились и фруктовые квасы… Особенно распространены были рецепты квасов из свежих яблок, клюквы, груш, брусники, малины, сливы, изюма, морошки и пр. При изготовлении таких квасов по особым рецептам сбраживали не только чистые соки, но и измельченные плоды и ягоды» [8].

Следующая группа составных номинаций кваса-напитка, выделяемая в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков – «с определением, указывающим на способ приготовления». И здесь речь идёт, во-первых, о том, насколько хмельным или, наоборот, бесхмельным, получался изготавливаемый напиток. С одной стороны – *квас непьяной, квас бесхмельный, квас простой*, а с другой стороны – *квас хмельной, квас пьяный, квас дрожжаной* (*И всего в городе и на посаде семь кабаков да баня, а у бани держат квас бесхмельной.* Писц. и переп. кн. Вологды. *А будет он Иван, за нашею порукою, учнет у собя хмелной квас держать или дрожжаной… и на нас на порутчиках монастырьская пеня*. АЮ. *И корчемным питьем и пьяными квасы не торгуют ли… о всем прислать роспись, за руками, вскоре*. ААЭ).

Во-вторых, по способу приготовления квасы делились на обычные, ничем не приправленные, и сычёные, в которые добавлялись мёд, патока, соки и пряности. Это, с одной стороны, *квас обычный*, а с другой стороны – *квас поддельный, квас сыченой, квас медвяной, квас паточный* (*Во всю же Светлую седмицу по вся дни ужины, и на них ести шти, млеко, ли каша… рыба и колачи, квас же обычной*. ДАИ. *На братию ясти хлебы белые, квас ячной, а как служат собором, квас подделной*. Обиходник Никифорова. *В Велик день на братию корм болшой, а на ужине квас сычен.* Вкл. и корм. кн. Моск. Сим. мон. *А над погребом полатка сытная, а ставят в ней квас медвяной*. Опись им. Кир.-Б. м.).

Встречается в источниках *квас щавной* – шипучий напиток, который начал бродить (*А въ посные дни: 3 кружки вина церковнаго, полведра квасу щавнаго*. Заб. Дом. быт.). Его еще называли *кислые щи* (*Удастся – квас, а не удастся – ин кислые шти*. Сим. Послов.). Как пишет И.С. Лутовинова, «кислые щи – это квас, который начал бродить; при этом получается своеобразный шипучий, кислый напиток от образовывающихся при брожении газов» [9, с. 201].

В текстах XVII века встречаем также *квас боярский* (*Петру Алексеевичу… в село Преображенское, к столовому и к вечернему кушенью в день. С Сытнаго: … 10 кружек вина простаго, 4 ведра квасу боярскаго*. Заб. Дом. быт), *квас приказной* (*Петру Алексеевичу… 4 ведра браги приказной, 4 ведра квасу приказнаго, 5 ведръ нива мартовскаго, пол 2 кружки уксусу ренского*. Заб. Дом. быт), *квас расхожий* – основной напиток бедных слоёв населения (*Отпущено богомольцам*

в баню ведро браги, три ведра квасу росхожего. Заб. Дом. быт), *квас становой* – такой напиток, продаваемый из установленных в определенных местах бочек (в отличие от кваса, продаваемого вразнос) (*А торговати становым квасом в дву бочках и хлебами и калачами, чем наперед сего торговали*. Заб. Мат.).

На этом перечень разновидностей кваса, встретившихся в источниках Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков, заканчивается, но далеко не исчерпывается, если расширять временные и текстовые границы материала. Г.В. Судаков нашёл в рукописных памятниках древнерусской письменности *квас свекольный, квас дробинной, квас сусляной переварной, кислой квас, квас полуян, старый квас, квас добрый* и *братский,* наряду с *медвяным – медовой квас* и *квас от меду,* «по сладости различались три категории кваса: *сладкий, черствый, выкислый*» [7, с. 117]. Кроме того, «разновидности кваса имели и цифровые обозначения: *полуторный, двумерный – двомерный*… Пока не удалось обнаружить контекстов, позволяющих точно расшифровать смысл подобных обозначений [7, с. 118]. Если напиток готовили для продажи, оформляли откуп – и в текстах встречается *откупной квас*. Из книги И.С. Лутовиновой к этому перечислению можно добавить *бражный квас* (со ссылкой на церковный источник XVI века) [9, с. 203].

Возможно, и это не исчерпывающий перечень разновидностей кваса, представленных в памятниках древнерусской и среднерусской письменности, однако же перечень весьма внушительный и разветвлённый.

Русские говоры сохранили далеко не все указанные составные номинации кваса-напитка, однако и в XIX–XX веках их имелось на разных территориях довольно много. В Словаре русских народных говоров зафиксированы «в названиях напитков: *Атомный квас*. Квас, приготовленный из готовой гущи. Новосиб. 1969. *Белый квас*. Напиток, приготовленный из картофеля и муки. Куйбыш. 1960. *Верховой квас*. Лучший сорт кваса, приготовленного из хорошего солода. Новосиб. 1965. *Женатый квас.* Квас, разбавленный водой. Куйбыш. 1945–1964. *Берёзовый квас.* Окисленный берёзовый сок. Сев. 1872. Смол. 1927. *Житный квас.* Хлебный квас. 1909. *Пареный квас.* Квас, приготовленный из сухарей. Новосиб. 1965. *Дробинный квас.* (?) Арх. 1877. *Поспенный квас.* (?) Арх. 1898 [10].

По сравнению с тем, что представлено в памятниках предшествующих веков, мы видим, что квас в русских говорах по-прежнему получает разные составные номинации в зависимости от того, как и из чего он изготовлен, какого он качества. Многие старинные номинации не сохранились (долгожителями здесь являются *житный квас* и *дробинный квас*, правда, и представленные в записях конца XIX – начала XX веков), однако на смену им пришли новые, выполняющие по сути ту же функцию. Интересно появление среди определений такого нового прилагательного, как *атомный* (к сожалению, нет возможности установить мотивировку этого эпитета), а также прилагательного *женатый* в значении «разбавленный водой».

Рассмотренное значение имени существительного *квас* является единственным в системе современного русского литературного языка [11–13]. Однако и в древнерусском языке, и в русских народных говорах в записях XIX–XX веков мы находим целый ряд других значений этой лексемы. Так, возвращаясь к истокам письменности, отражённым в Словаре древнерусского языка XI–XIV веков, находим там, помимо уже описанных двух значений («закваска» и «особый кислый напиток») третье значение – «то, что разъедает, кислота» с одной цитатой XIV века, что в Словаре русского языка XI–XVII веков формулируется несколько шире – «кислота; кислый вкус» и иллюстрируется тремя цитатами XI–XVI веков. На этом семантика лексемы *квас* по источникам старшего периода исчерпывается, однако в Словаре русского языка XI–XVII веков выделяется ещё одно, четвёртое значение, грамматически связанное, поскольку присуще форме множественного числа: *Квасы*, мн. «Квасная гуща, кислый мучной раствор с квасцами или смесь различных кислот, употребляемая во многих производствах, в частности, в кожевенном деле». Несмотря на такую широту толкования, значение подтверждается только одной цитатой 1687 года (*Да скорняку Филипу Данилову на квасы к делу обезьяны 6 денег.* Арх. бум. Петра), где речь идёт о новом на Руси явлении – изготовлении чучела животного. Собирая материалы для Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков с использованием программы Архивариус 3000, позволяющей вести автоматизированный поиск цитат, нашли ещё одну цитату на это же значение, чуть более раннюю, 1670 года (*В квасы голубинова калу на 2 алтына 4 денги*. ДТП III). Между тем в русских народных говорах по записям XIX–XX веков как форма единственного (*квас*), так и множественного числа (*квасы*) представлена в целом ряде значений, так или иначе связанных с воздействием того или иного едкого вещества на обрабатываемые материалы. Это – в единственном числе – «в кожевенном производстве – раствор муки с солью, используемый при выделке овчины» Моск. 1968, и это же

значение – во множественном числе – Даль, Нижегор. 1880. Ср. Урал. Все последующие значения свойственны только форме *квасы*: «кислый мучной раствор с квасцами» Новг. 1898, «смесь кислот для беления пряжи» Нижегор. 1850. Новосиб. 1968, а также производные значения «о чем-либо прокисшем, испортившемся» (о сене) Смол. 1914, «раствор, в котором вымачивают грязное бельё» Свердл. 1930. Куйбыш., а также метонимически «чаны для выпаривания шкур» Ср. Урал 1971.

В Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков выделяется ещё одно метонимическое значение – «производство такого напитка и торговля им» (*Баня и квасные деньги в откупу, а ныне владеет банею и квасом по государеве грамоте… поп Нестер*. Твер. писц. кн. *Умилосердися, государь Борис Иванович, пожалуй меня, сироту своего, вели тот квас и сусло в селе Якшени отдать на откуп мне*. АХБМ).

В русских народных говорах слово *квас* бытует и в других значениях, не отмеченных в словарях прошлых периодов. СРНГ даёт, помимо указанных выше, такие значения лексемы *квас*, как «окрошка» (явно производное от самого распространённого значения «напиток»), подтверждаемое цитатами, начиная с 1893 года, записанными в воронежских, псковских, курских, рязанских говорах, грамматически связанное «мн. осадок в квасе» Даль, Ср. Урал 1971, а также параллельно бытующее значение «постный суп из квашеной капусты и свёклы» Иркут. 1970 [10].

Псковский областной словарь фиксирует 8 значений лексемы *квас.* Это, помимо уже приведенных «напиток», «окрошка», «мн. То же, что квасцы», такие рядоположенные значения, как «солод для приготовления кваса», «закваска для теста», «компот», «рассол», а также переносное «грязь, слякоть от дождя».

Помимо указанных свободных значений слова *квас* в исторических и современных словарях даются фразеологизмы. Первый фразеологизм – *квас уснияный* – с цитатой из Лаврентьевской летописи (1377 года) и толкованием в Словаре XI–XIV веков «особый отвар для мытья» [4]. И.С. Лутовинова считает, что «это отвар, настоянный на дубовой коре, который обладает лечебными свойствами, успешно применяется для оздоравливания кожи» [9, с. 201]. В Словаре XI–XVII веков этот фразеологизм толкуется как «отвар травы ушицы (купальницы), употреблявшийся для мытья в бане (?), дубильное вещество (?)» [5]. Второй фразеологизм – *квас жженый* – представлен только в Словаре XI–XVII веков и толкуется предположительно: «квасцы (?)». Как бы ни были предположительны толкования этих двух сочетаний, ясно, что и один, и другой обозначают конкретные вещества. Тогда как уже упоминавшийся третий фразеологизм – *квас фарисейский* – обладает переносным, метафорическим значением «лицемерное учение фарисеев» [5]. Фразеологизм, представленный в синхронии и вошедший в русский литературный язык, *с хлеба на квас перебиваться* «жить плохо, бедно», естественно, сформировался на базе самого распространённого (и единственного в литературном языке) значения «напиток».

Таким образом, мы видим, что существительное *квас* как в древности, так и в современных русских говорах было и остается многозначным, что кардинально отличается от употребления этого слова в современном русском литературном языке.

Литература

1. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. – СПб.: Наука. – 2004; Вып. 9. – СПб.: Наука. 2020. (Издание продолжается.)
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. – М., 1967. – С. 218.
3. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.Н. Краткий этимологический словарь русского языка. – М. 1961. – С. 146.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10-ти томах. Т. IV. – М.: Русский язык, 1991. – С. 207–208.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – С. 103–104.
6. Квас // Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1984. (Издание продолжается.) Вып. 10. Кастальский – Крепостца. С. 27. – URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/11/sla02703.htm
7. Судаков Г.В. Система названий напитков в старорусском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – №2. – Т. 1. – С. 116–120 // цит. по: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nazvaniy-napitkov-v-starorusskom-yazyke/viewer
8. Кулинария – всё про еду // цит. по: https://kulinariya.lichnorastu.ru/kvas-istoriya-napitka-protsess-prigotovleniya-i-retseptyi/
9. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. – СПб., 2005.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. – Л.: Наука, 1977. – С. 158–159.
11. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. – М.–Л., 1956. – С. 912.

12. Квас // Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. – С. 44. – URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma204428.htm
13. Большой академический словарь русского языка. Т. 8. – СПб., 2007. – С. 20.
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 14. – СПб., 2004. – С. 77–78.

СПИСКИ СОКРАЩЕНИЙ

Источники СОРЯ

А. Ивер. м. – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836.

Арх. бум. Петра – Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872.

АХБМ – Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1945.

АЮ – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археограф. комис. СПб., 1838.

Вкл. и корм. кн. Моск. Сим. мон. – Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. М. 2006.

Д. Шакловит. – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Изд. Археограф. комис. СПб., 1884.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. СПб., 1846.

Дм. – Домострой / изд. подг. В.В. Колесов и В.В. Рождественская. СПб., 1994.

ДТП I – Дела Тайного приказа. Кн. 1, СПб., 1907 (РИБ. Т. 21).

ДТП III – Дела Тайного приказа. Кн. 3, СПб., 1904 (РИБ. Т. 23).

Заб. Дом. быт – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1917.

Заб. Мат. – Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. М., 1891.

Заб. Разр. – Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов Архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882.

Кн. п. Моск. – Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881.

Обиходник Никифорова – Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря. 1655/1656 г. М., 2002.

Опись им. Кир.-Б. м. – Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Писц. и переп. кн. Вологды – Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Вологда, 2018.

Сим. Послов. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. №7. СПб., 1899.

Твер. писц. кн. – Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова 1626 года. Тверь, 1901 г.

Области

Арх. – Архангельская губерния (область)
Иркут. – Иркутская губерния (область)
Куйбыш. – Куйбышевская область
Моск. – Московская губерния (область)
Нижегор. – Нижегородская губерния (область)
Новг. – Новгородская губерния (область)
Новосиб. – Новосибирская область
Свердл. – Свердловская область
Смол. – Смоленская губерния (область)
Ср. Урал – Средний Урал

ОБЩЕНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ В СИНХРОННО-ДИАХРОННОМ РАКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *МУЖИК)*: ПО СЛЕДАМ Б.А. ЛАРИНА

Н.С. Ганцовская[1], С.В. Окуловская[2]
[1]Костромской государственный университет
д.ф.н., профессор; e-mail: gantsovsky_n@mail.ru
[2]Военная академия РХБЗ им. С.К. Тимошенко
к.ф.н., преподаватель; e-mail: okulovskaja_svetlana@rambler.ru
Россия, г. Кострома

В статье поднимается проблема исследования и лексикографического описания общенародной лексики в русских говорах. На примере слова «мужик» показана эволюция содержательной стороны и сложная семантически многогранная речевая жизнь одной из таких лексических единиц в современных диалектах Костромской области.

Ключевые слова: *Ларин; общенародная лексика; костромские говоры; мужик; Шишков; Касаткин.*

Б.А. Ларин хорошо знал славянские, западноевропейские и древнеиндийские диалекты и литературные языки и много писал об их взаимодействии, типологии и путях развития. Одной из главных исследуемых им тем этого направления является выявление статуса общенародной лексики, т.е. слов, существующих во многих диалектах одного языка и одновременно в литературном языке, которые, как он считал, спаивают воедино все слои, все «регистры» общенационального языка. Неоднократно он писал о том, что иметь представление о своеобразии лексики какого-либо языка или диалекта при отдельном изучении какого-либо из его элементов невозможно, это достижимо только при полном охвате материала. Так, например, касаясь принципов создания областных словарей украинского языка, он полагал, что в областном словаре должны содержаться четыре категории слов: 1) специфические для области названия предметов, действий и явлений, которые не имеют обозначений в общенародном языке, 2) архаические (в том числе и реликтовые) слова и выражения, которые сохраняются только в фольклоре или речи старшего поколения, 3) местные синонимы общенародных слов и, наконец, что ему казалось особенно важным, 4) «близькі до загальнонародноі мови лексичні варіианти, тобто ті ж за походженням слова, що відрізняються у фонетичному, мофологічному, або семантичному складі» [7, с. 642]. Б.А. Ларин констатирует: четвёртая категория – варианты слов общенародного языка – хуже всего поданы в областных словарях, потому что в должной мере не прослеживается их семантика [7, с. 644]. Именно из-за наибольшей полноты охвата диалектной лексики учёный отмечал преимущество «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля перед «Опытом областного великорусского словаря» акад. А.Х. Востокова [7, с. 639].

Слова из фонда общенародной лексики, как правило, возникли издревле и живут во всех сферах русского языка до настоящего момента (но одинаковой ли жизнью?). Чтобы понять их конкретный статус, их место по отношению к другим лексическим средствам современного языка, необходимо изучать их исторически, по доступным нам для анализа памятникам языка и диалектам, этой «живой старине». Б.А. Ларин следующим образом формулировал задачи изучения истории слова: «Мы понимаем свою задачу так. Не происхождение слов, не зарождение образующих элементов, а конкретную историю слов – именно тех, какие мы сейчас употребляем, а именно в том составе, в каком они живут в нашем языке, – необходимо подробно и углублённо разрабатывать. Этим самым определяется и база и рамки исследования. Мы начинаем нашу историю слов со времени их древнейшей документации, мы корригируем и дополняем письменную традицию (показания памятников древнерусского языка) данными народных говоров. Это даёт возможность проследить историю некоторых слов на протяжении последнего тысячелетия <…> мы тем больше стремимся использовать весь комплекс данных исторической эпохи, чтобы воссоздать историю слова – знака и значений – в теснейшей связи с историей мировоззрения, культуры, общественного строя» [6, с. 13–14].

Предметом нашего исследования является активно функционирующее в русском языке общенародное слово *мужик*, которое обычно не включается в областные словари дифференцированного типа в своих основных значениях, но оказывается в поле зрения лексикографов лишь в плане раскрытия специфических, уникальных значений, отличных от литературного языка – «презрительное название неказака» *Уральск.*, «олень-самец» *Арх.*, «самец птицы» *Дон.*, «самец рыбы» *Онеж.*, «ленивый загнутый сошник сохи» *Вят.* [10, т. 18, с. 333] или только в составе фразеологизмов (см., например, *мужика испугаться* [9, т. 5, с. 9], *сходить за мужика* [13, т. 6, с. 65].

В словарях литературного языка слово *мужик* существует как не вполне своё, функционально равноправное с кодифицированной лексикой, это слово пассивного запаса литературного языка, что передаётся через систему помет. Так, например, в МАС оно отмечено в четырёх значениях, и все они имеют пометы *устаревшее* или *просторечное*, что свидетельствует о периферийном характере его употребления [8, т. 2, с. 309]. Примерно такова же словарная статья и в Словаре Ожегова. Однако слово продолжает достаточно активно употребляться в разговорно-просторечном узусе русского языка и в XXI веке, особенно в составе идиом типа ◊*настоящий мужик,* ◊*мужик сказал – мужик сделал.* Это позволяет усомниться, можно ли его отнести к пассивному запасу литературного языка и справедлива ли по отношению к нему, хотя бы и к отдельным его значениям, помета *устаревшее* в словарях литературного языка. Слово *мужик* с неизменным постоянством фигурирует в произведениях русских писателей, в том числе и наших современников, и в этом качестве является предметом внимания лингвистов (см., например [1; 4]).

Подлинной же стихией его бытования в русском языке являются диалекты. Обратимся к исследованию статуса этого слова в костромских говорах, где оно широко употребительно как в центральной части Костромской области, по нижнему течению реки Костромы (говоры Костромского и Буйского районов), так и на её северной окраине рядом с вологодчиной на территории Верхнего Поунжья (говоры Межевского района) с несколько иными семантическими и стилистическими регистрами. Это говоры центрального и периферийного типа, принадлежащие к разным этнодиалектным зонам – «Костромского Приволжья» (иначе «Костромской низины») и «Верхнего Поунжья» (о выделении этнодиалектных зон на территории распространения костромских говоров см., например, [2]).

Следуя заветам Б.А. Ларина, начнём с изложения истории интересующего нас слова, которую он детально представил с использованием разнохарактерных источников в вводных лекциях к спецсеминару «Историческая лексикология» [5]. Б.А. Ларин вначале анализирует корневую бессуфиксальную лексему *муж*, где основным моментом её исторического развития является «процесс расщепления значения» [5, с. 112–113]. Далее он занимается анализом производного слова *мужик,* впервые зафиксированном в середине XVI в. в Никоновской летописи, приводит мнение В. Ягича о том, что *мужик* – это «тот, который не имеет прав мужа» и высказывает уверенность в том, что «в XVI в. *мужик* означает уже крестьянина (в это время начинается как раз процесс закрепощения крестьян). Вероятно, не сразу, но к XIX в. сами крестьяне усвоили это название, данное им феодалами. В говорах слово *мужик* уже в XIX в. лишено отрицательной окраски. Вернее, эта окраска присутствует, если слово употребляется в среде господствующего класса, в языке же крестьян никакого умалительного значения оно не имеет» [5, с. 113]. На основании этимологического анализа слова *муж* исследователь приходит к выводу о том, что «первичное значение слова – религиозное. Если так (а это правдоподобно), то значение могло развиваться таким образом: ‘прародитель’ – ‘властвующий человек’ – ‘феодал’. Где-то неприметно, но очень давно (отражено уже в «Остромировом евангелии») отделилось значение ‘муж, супруг’, ещё позже – ‘мужчина’; очень позднее и наиболее абстрактное значение – ‘человек’ вообще. Суффиксальные образования от этого слова поздние, так как в Киевскую эпоху для неполноценного члена феодального общества было много других наименований: *отрок, смерд, холоп, челядин* и др. И только, вероятно, при переходе к закрепощению, т.е. при изменении общественных отношений (не ранее XVI в.), все названия разных степеней зависимости исчезли, заменились одним – *мужик*» [Там же].

Б.А. Ларин – один из редакторов и составителей Толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, и, как представляется, словарная статья *Мужик* написана именно им, судя по пометам, примерам и особенностям толкования слова с учётом социально-ситуативных факторов. Приводятся четыре значения слова, которые с незначительными изменениями будут даны впоследствии как синоптические в разных изданиях толковых словарей литературного языка (БАС, МАС, Ожегова): «**МУЖИК**, á, м. **1**. В устах «господ» (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин… . **2.** В том же языке «господ» – грубый, невоспитанный человек вообще (разг., пренебр., устар.). … **3.** Мужчина (обл. и простор. фам.). ... **4**. Муж (обл.)… » (примеры опущены [11, т. 2, с. 274–275]).

Теперь вернёмся к костромским говорам и выявим особенности функционирования в них слова *мужик.* Структурно-семантические и функционально-стилистические особенности слова будем анализировать на материале этнодиалектной лексики реалистических очерков и рассказов писателей В.Я. Шишкова [12] и И.М. Касаткина [3]. Их очерки и рассказы, несомненно, имеют как художественное, так и научное значение. В данном случае их преимущество перед полевыми записями состоит в том, что в них даются не только образцы крестьянской речи, но и авторские тексты, где слово

представлено с точки зрения горожанина, образованного человека, владеющего нормами литературного языка. Надо сказать, что в обоих случаях не оказалось расхождений в трактовке слова *мужик*, как в народной речи, так и в разговорном варианте литературного языка писателя.

В.Я. Шишков летом 1924 года приехал в Кострому по приглашению В.И. Смирнова, председателя Костромского научного общества по изучению местного края, заведующего музеем и руководителя этнологической станции, чтобы описать в серии очерков образ жизни, речь костромского населения по течению реки Костромы. Писатель-этнограф, как известно, был очень чуток к особенностям народной речи и старался отразить их в своих записках: «*А верно, я имею обыкновение заносить в записную книжку образные выражения, оригинальную структуру живой фразы. Иной раз такое словечко вскочит в уши – грех не записать»*. Это даёт возможность наблюдать особенности употребления слов *муж* и *мужи́к* и их производных *мужичо́к, мужи́чий, му́жняя* в выражениях ◊ *му́жняя ба́ба,* ◊ *мужи́чьи бороды* как в речи крестьян, так и самого автора, носителя литературного языка в тех крестьянских краях, где «*земля неродимая, хлеба мало*», к тому же, по словам местных жителей, земли у них «*как у журавля на кочке, пахотной-то*».

Говоры Костромской низины («Приволжский край)

В речи насельников этого «болотистого, низменного края», крестьян разного возраста и пола, а также полукрестьянина-поповича, живущих по реке Костроме при впадении её в Волгу, слово *мужи́к* – это обычное деревенское название взрослого мужчины-крестьянина и даже некрестьянина, горожанина, если в деревенском социуме он принят за «своего». Оно имеет нейтральную стилистическую окраску, скорее близкую к положительной, особенно в лексемах с расширенной суффиксацией (*мужичок, мужичище)*.

Приведём примеры. Молодой крестьянин на пароходе видит в слове *мужик* олицетворение всего российского крестьянства как класса, которое заслуживает большего уважения, чем имеет в настоящее время. То же обобщённое значение видим в слове *мужик* и по отношению к Калинину, назовём его в плане лексикографии первым значением слова: – *Ну, а почему же…, – трясёт коммуниста за рукав молодой крестьянин и обводит глазами мужичьи бороды, как бы ища поддержки, по какому же такому правилу нашего брата мужика в правительство не допуск*ают? *Почему дальше уезда нет мужика в правительстве? – Вот те раз! А Калинин-то? – Врёшь! Калинин наполовину мужик, наполовину рабочий цех. <…> – В кооперативы. Значит, мужику нет доверия?!* [12, с. 507]. Здесь ◊ *мужичьи бороды* дано как метонимическое, обобщённое обозначение крестьян. То же значение видим в словах крестьянина из села Мисково: *без мужика рабочий много не надышит* [12, с. 513]. Обобщённое толкование имеет слово *мужик* и в речи автора, разделяющего чаяния *мужиков* как в целом класса крестьян: *…благодаря общему сдвигу всей нашей болотной жизни, духовному вихрю внутренней революции, охватившей сердца и головы мужиков* [12, с. 500]. В речи того же крестьянина из Мискова слово *мужик* употребляется в более конкретном значении ‘житель деревни, мужчина’. Назовём его вторым значением. – *Был несусветимый голод в наших местах, – печаловался мне один крестьянин… Вернулись мы ни с чем. Дома нас мужики едва не убили* [12, с. 515]. См. в том же употреблении слово и в следующем контексте высказывания крестьянина в чайной Мискова: *И ежели у мужика самогон окажется в телеге, сейчас бочонок заберут, а мужику: «Айда за нами в исполком!». Ну, мужик, известно перетрусит, настегает лошадёнку, да и был таков* [12, с. 540]. Это же значение выявляется и в словах автора в эпизоде с мальчишкой-перевозчиком через реку: *Жулики! Я вас, жулики, на серёдке утоплю… – Я те утоплю, косомол проклятый, поддавал вёслами мужик... Мальчишка, как кошка, фыркнул и сгрёб мужика за шиворот* [12, с. 531]. То же значение слова присуще речи достаточно просвещённого старшего сына попа Ивана из села Павловского, ведущего с семьёй, ввиду бедности, крестьянский образ жизни: – *Вы разве «Безбожника» читаете? – А как же! И домой иной раз приношу из избы-читальни. Я ж заведую избой. Сначала мужики ругались, отплёвывались, а теперь сами просят: «А ну-ка, Пётр Иванович, почитай насчёт попов* [12, с. 569]. Промежуточное значение между первым и вторым получает слово *мужик* в рассказе крестьянина об отходниках из села Павловского Буйского уезда: *А у артели без коновода – тяп да ляп – плохо… Конечно, со временем, может быть, и поприобыкнут которые из мужиков* [12, с. 540]. Значение ‘мужчина’ любого сословия имеет слово *мужик* как фамильярное название в речи крестьянки Марьи из села Павловского по отношению к писателю (назовём его третьим значением): – *Плохо, бабусенька, лечишь мужика-то* [12, с. 569].

Мужичи́ще, пейоративное и одобрительное к слову *мужик*, обозначает попа Ивана из села Павловского, мужчину крупного телосложения, которого, как и всё его семейство, с большой

симпатией изобразил писатель. Здесь выражено восхищение работящим человеком, хотя и имеющим духовный сан: *Все ещё спят, а он сидит, согнувшись, в розовой рубахе, холщёвых штанах – огромный старик – мужичище, а не поп – и бьёт на бабке косу* [12, с. 555]. *Мужи́чий* же – ‘деревенский, крестьянский’ в контексте рассуждений деревенской молодёжи (– *Надо работать, – говорят они, – потому что мужичья Русь очень бедна интеллигенцией* [12, с. 500] отражает отрицательную коннотацию значения слова –‘косный, необразованный’. *Мужичо́к* – уменьш.-ласкат. к *мужик: Всем делом вертит наш мужичок, конечно, А.П. Серёгин; он председатель кооператива и член местного клуба. Очень уважающий человек* [12, с. 514]. То же можно сказать и об употреблении слова в следующем контексте: – *А нам недалеко, – кричит весёлый мужичок с весёлой бабой. – В эту хату нам. Мы к свояку в гости…* [12, с. 508]. ◊ *Мужняя баба* в речи крестьянина из Мискова значит то же, что и ◊ *мужняя жена* у Н.А. Некрасова в «Коробейниках» (‘замужняя женщина‘): *Мужние бабы тоже баловством не занимаются. А солдатке бог велел* [12, с. 512].

Таким образом, анализ слова *мужик* в контексте его словообразовательного гнезда в говорах Костромской низины показывает, что слово имеет в основном положительную коннотацию. Его значения и употребление в целом не противоречат содержанию словарной статьи на слово *мужик* в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова.

Говоры Костромского Верхнего Приунжья

Этнодиалектные особенности данных говоров многопланово представлены в произведениях И.М. Касаткина – писателя, родившегося в этих краях. Близость к документальному изложению материала его рассказов позволяет рассматривать их как этнографические очерки, освещающие многие стороны жизни беднейшего региона Костромской области – «глухого угла в верховьях Унжи», «заброшенного в дебри костромских лесов». Контексты рассказов многосторонне раскрывают значения конкретных языковых единиц, наблюдаемые в условиях микрорегиона. «Мужик» – название наиболее полного сборника произведений И. Касаткина, посвященного жизни поунженских крестьян накануне революции. Значение слова *мужик* в названии сборника можно определить как обобщенное обозначение всего российского крестьянства. Значение лексемы выводится из следующих цитат, показывающих *мужика* как определённый социальный класс: *«Вот как оно было: в пятом году вы укрепились там силой и двинулись. Пошли это… А мужик в ту пору лежал <…> Ну а мужик… чего говорить!.. после времени он уже кулаками-то махал* [3, с. 122]; *Зверюжья-то порода, я так полагаю, не в одном мужике, а и в учёном, в барине её сидит сколь хошь* [3, с. 167]*; Иной раз и на солнышко может смотреть мужик-то. И в те поры он даже всему может различку делать…* [Там же]. В семантической структуре слова *мужик* также акцентируется его принадлежность к социальному слою, занятому сельскохозяйственными работами: *Мужик, отлежавший за голодную зиму бока, начинал разминаться. Расставив локти и увязая в рыхлянке лаптями, плёлся он в поле* [3, с. 138]*; Осенью, когда в поле уже управлено, когда пришлось побывать с первым умолом на уездном базаре, мужик ладит почувствовать себя хоть ненадолго паном, но с непривычки теряет голову и сатанеет* [3, с. 130]; *Мужики пашут, а тятька собирается в город* [3, с. 80]. То же значение представлено названием одного из рассказов – «Мужик». Противопоставляющая мужика горожанам сема ‘житель деревни’ выходит на первый план в контекстах: *По берегу здоровенный мужик с большой пылающей головней в руках гонится за тщедушной фигуркой горожанина* [3, с. 28]*; Но вот город, сторона малочисленная, слабая, ударяется вдоль берега врассыпную. С победным гиком, размахивая на бегу кольями, мужики бросаются от костров в темноту ночи – за ними…* [Там же].

Сема «человек, мужчина» в рассказах И. Касаткина как ядерная отчётливо предстаёт в следующих примерах: – *Петрунькин отец, такой большой мужик, не стыдится называть тятенькой* [3, с. 221]*; Силашка бегает по базарной площади и никак не может найти ни телеги, ни тятьки – телег и мужиков так много, и все они одинаковы…* [3, с. 94]*; Размахивая кожанцами, мужик стремительно опять направился к трактиру* [3, с. 15]*; Чужой чёрный мужик… щёлкает языком и, как в трубу, трубит…* [3, с. 76]. При этом в деревенской среде лексема *мужик* является «своей», стилистически нейтральной, не имеющей сниженного, просторечного статуса, если не считать однокоренных образований. Стоит также отметить, что лексема *мужчина* в речи персонажей вовсе не употребляется, а производные слова также содержат в себе производящую основу *мужик-: При каждом ударе страшного топора из мужикова рта свистел звук: хессь…* [3, с. 91]*; … узнал из бабьих причитаний и перебранки мужиков со стражниками, что всё это мужицкое добро на возах* [3, с. 242]*; … глазел на молодую циганиху, что сидела у огня и по-мужиковски курила*

трубку [3, с. 96]*; Коренастое мужичьё, взъерошенные, будто из-под медведя выскочившие старики, растрёпанные бабы, молодухи – пили все* [3, с. 131].

В контекстах слово *мужик* часто выступает в различного рода оппозициях в роли конкретизатора возрастных особенностей или гендерной принадлежности человека: *Наглохтался, нечистый дух! – сверлит баба глазами мужикову спину* [3, с. 14]; *Силашка увидел: по самый пояс в этой синеве, будто обрезанные, стоят мужик и баба, а на плече у мужика топор* [3, с. 86]; *За мужиками бежали с печальными лицами бабы, ахающие девки, а по бокам, забегая вперед, сигали ребятишки* [3, с. 110]*; Тогда полезли на помощь мужики, парни, сплошь облепили дерево, будто груши в урожайную осень* [Там же]; *Прибавляя шагу, чтобы поспеть к месту до ночи, Панкрат догнал бабу и хромого мужика, который нёс на закукорках большеголового мальчонку лет восьми* [3, с. 251].

Значение лексемы ‘необразованный, отсталый человек’ представлено цитатой рассказа, в которой крестьянин перефразирует речь своих детей, уехавших жить в город: *Зазорно, вишь, им: отец-то – мужик, вахлак… Мукой, видишь ли, отец торгует…* [3, с. 266]. В значении ‘хозяин, муж’ встречается она в контексте: *Подлез я к печи и пытаю бабу: «Где, мол, хозяин, мужик твой где?* [3, с. 191].

Лексема *мужик* прочно укоренилась в костромских говорах в качестве ядерной в семантическом поле «Человек», имеет обобщённое значение и ряд частных, противопоставляющих людей по гендерному признаку (мужик – баба), месту жительства (мужик – горожанин), возрастным особенностям (мужик – парень) и не только, является производящей базой для многих дериватов. Учитывая главное свойство лексемы как носителя важного прагматического для говоров значения – самоназвания населения – она может иметь статус лексического маркера костромских говоров и заслуживает пристального внимания лексикографов.

Литература

1. Башкова И.В. Семантика слова *мужик* в дискурсе В.П. Астафьева // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №5 (48). – С. 104–107.

2. Ганцовская Н.С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник КГУ. Специальный выпуск. – 2017. – Т. 23. – С. 65–70.

3. Касаткин И.М. Мужик. – М.: Советский писатель, 1991. – 382 с.

4. Кувшинова Е.А. Лексема *мужик* как стилистически маркированная единица в языке произведений А.С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – №4. – С. 72–77.

5. Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Б.А. Ларин. Филологическое наследие: сборник статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 953 с.

6. Ларин Б.А. Очерки по истории слов в русском языке. Вводная заметка // Ларин Б.А. Филологическое наследие: сборник статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 12–14.

7. Ларин Б.А. Принципи укладання обласных словників украіньскоі мови // Ларин Б.А. Филологическое наследие: сборник статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 640–641.

8. МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / АН СССР. Ин-т. рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.

9. СВГ – Словарь вологодских говоров: учебное пособие. Т. 5 / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вологда, 1990. – 129 с.

10. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 18 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Л.: Наука, 1982. – 369 с.

11. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. Том II / сост. проф. В.В. Виноградов, проф. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский и проф. Д.Н. Ушаков / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938.

12. Шишков В.Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. – Кострома: ООО Промдизайн, 2007. – С. 498–572.

13. ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 6 / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1987. – 156 с.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АТЛАС ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИХ АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ю.Ю. Гордова
Институт языкознания РАН, д.ф.н., старший научный сотрудник,
e-mail: gordova@iling-ran.ru
Россия, г. Москва

Работа над топонимическим атласом региона начинается с определения групп топонимов, которые интересны для картографирования, и прояснения общей картины их распределения по исследуемой территории. В статье приводятся предварительные результаты такой работы в отношении топонимии Тамбовской области. Также поднимаются проблемные вопросы создания топонимического атласа, связанные с межнаучной корреляцией.

Названия Тамбовской области могут иметь иранское, тюркское, финно-угорское, балтийское и славянское (русское) происхождение. Основной анклав финно-угорской топонимии находится в бассейне Цны. Иранские названия сосредоточены в районе донского бассейна (Ворона, Битюг, Воронеж). Балтийские топонимы известны в бассейнах рек Воронеж, Матыра, Савала, Цна (Челновая), с отдельными вкраплениями в бассейне Вороны. Тюркские топонимы обнаружены вдоль течения Вороны, Савалы. Русские названия распространены повсеместно, их сгущение наблюдается в бассейнах Цны, Воронежа и Вороны.

Ключевые слова: *топонимический атлас; Тамбовская область; происхождение топонимов; топонимические ареалы.*

В 2015 г. в издательстве «Наука» вышел «Топонимический атлас Рязанской области» [1], который стал основой для создания «Топонимического атласа Центральной России». Проект продолжает «Топонимический атлас Тамбовской области», работа над которым началась в 2020 г. Атлас создаётся группой учёных из Института языкознания РАН (Москва) и Института археологии РАН (Москва).

Топонимический атлас региона позволяет увидеть зоны распространения топонимии, оставленной разными народами древности и разными группами русского населения. Это даёт представление о времени, направлении и характере заселения территории, о закономерностях складывания и развития её топонимической системы, помогает объяснить происхождение географических названий с затемнённой семантикой, проверить правдоподобность имеющихся версий.

Анализ большого массива топонимов Тамбовской области, критическое осмысление научной литературы разных лет, затрагивающей вопросы этимологии географических названий региона, выдвижение новых версий позволили сформировать основные группы топонимов Тамбовской области с точки зрения их происхождения, структуры и значения апеллятивов, а ареальное изучение выделенных групп – понять их распределение по указанной территории и связь с ландшафтными зонами. Проведенное первоначальное исследование даёт нам общее представление о времени и последовательности складывания топонимической системы региона. Можно утверждать, что характер местной топонимии предопределен прежде всего принадлежностью к двум разным бассейнам – Донскому и Окскому – и разным природным ландшафтам: лесному и степному. Этот фактор повлиял на репертуар типичных для каждой зоны разрядов и видов топонимов и детерминативов и неоднородность сложившейся исторически (вследствие различной этнической истории, связанной с направлениями миграционных потоков) системы географических названий региона.

Основные группы топонимов Тамбовской области как материал для лингвистического картографирования. Субстратная топонимия региона представлена названиями, относящимися к четырём языковым группам: 1) топонимы финно-угорского происхождения; 2) топонимы иранского происхождения; 3) топонимы тюркского происхождения; 4) топонимы балтийского происхождения. Названия неустановленного или спорного происхождения объединены в отдельную группу. Внутри группы субстратных названий сформированы группы топонимов, распространённых на территории области формантных типов (А) и группы топонимов, содержащих лексические элементы того или иного языка (Б).

Топонимы финно-угорского происхождения включают: а) топонимы с регулярными финальными элементами *-ляй, -ля, -ель, -ас*; б) топонимы, содержащие финно-угорские (прежде всего мордовские) лексические элементы (***Пичаевка, Пячка***, ***Нигоня***, ***Инява***, ***Мишляф***, ***Калшино***, ***Лештавка***, ***Мазирка***, ***Умолка*** и др.). Можно отметить, что изученные лучше других групп названия на *-ляй* относятся преимущественно к поселениям и небольшим водным объектам, большинство из которых в настоящее время являются ручьями; примеры в микротопонимии единичны, что в целом повторяет

ситуацию в группе топонимов на *-лей, -ляй* в Рязанской области [1, с. 18]. Примечательно, что названия с формантом *-лей* на территории Тамбовской области не зафиксированы, хотя в Рязанской области они образуют отдельную группы со своим ареалом.

Группа топонимов иранского происхождения включает названия: ***Балыклей***, ***Карачан***, ***Матыра***, ***Нару-Тамбов***, ***Ржакса***, ***Савала***, ***Самовец***, ***Эртиль, Чамлык***, ***Большой Ломовис***, ***Мокрая Панда*** и др.

Группа топонимов балтийского происхождения включает названия: ***Ситовка, Чечера***, ***Чичерка, Пальное, Дристовка***, ***Казинка***, ***Клетинщина*** и др.

Группа топонимов тюркского происхождения включает названия: ***Токай, Алабуха, Энгуразово*** и др.

Внутри группы топонимов неустановленного или спорного происхождения выделены 13 формантных типов (на основании повторяемости финальной части): топонимы на *-ус, -ис, -ава, -ша* (с несколькими подтипами), *-аш, -ма, -ер/-ера, -ур, -ар (-мар), -ык, -га, -ыга, -еж.*

Русская топонимия, рассмотренная как объект картографирования, объединена в две группы: 1) названия распространенных на территории области топонимических моделей; 2) названия, содержащие определённые тополексемы и топоосновы.

Первая группа включает: 1) топонимы на *-ец, -ица*: а) отражающие физико-географические реалии местности (типа ***Ржавец, Моховец, Липовица***), б) указывающие на малый размер объекта либо его соподчинённый характер (типа ***Дон – Донец***); 2) топонимы в форме множественного числа (***Рожки***, ***Рогачи***, ***Старчики***, ***Букари***, ***Серебряки, Липяги*** и др.); 3) топонимы на *-на / -ня* (***Дехтярня***, ***Западня***, ***Лопатня*** и др.); 4) топонимы на *-щина, -чина* (***Вердеревщино***, ***Волхонщина***, ***Дмитриевщина*** и др.); 5) топонимы на *-ье* (***Митрополье***, ***Кривополянье***).

Вторая группа включает топонимы с топоосновами и тополексемами: ***Студен-, Гремяч-, Ляда, Ряса, Яр-, Ярославка*** (и производные), ***Гай, Ильмень, Ржавец, Выселки, Борки, Бор, Дуб-, Дубрава, Олес-, Олеш-, Кордон.***

Отдельные группы картографирования составляют топонимы, связанные с историей Большой засечной черты XVI–XVII вв. (***Пушкари***, ***Стрельцы***, ***Солдатовка***, ***Становая Ряса*** и др.), и топонимы, содержащие географические термины-метафоры (*серп, рожки, рюма, ендова / яндова).*

Этнотопонимия, выделенная в отдельную группу, представлена названиями, содержащими этнонимы *русские, татары, украинцы*: ***Русское***, ***Русский Низок***, ***Русский Кордон, Кордон Татаренский***, ***Татарщино***, ***Татарский*** лес, ***Татарский*** вал, ***Украинцев.***

Пока для дальнейшего картографирования отобраны 44 группы: 22 группы субстратных топонимов и 22 группы русских топонимов. В зависимости от степени обработанности материала описание групп включает информацию о локации топонимов (описание зоны распространения), общую характеристику топонимов и их денотатов (рек, поселений, лесов, урочищ и т.д.), предварительную лингвистическую интерпретацию собранных данных.

Ареалы выявленных групп топонимов и их общая характеристика. Основной массив русской топонимии носит сравнительно поздний характер, начало его формирования относится к эпохе позднего средневековья. Наиболее продуктивными моделями русской топонимии являются модели названий в форме мн. ч. (***Липяги, Рогачи***), а также на *-ово / -ево, -ино* (***Мамонтово, Лопатино***). Названия, восходящие к апеллятивам географической терминологии, сосредоточены в бассейнах Цны, Воронежа и Вороны, причем два первых района являются продолжением (и южной окраиной) рязанских ареалов соответствующих тополексем, а третий район представляет собой «брызги» данных ареалов.

Основной анклав топонимов финно-угорской интерпретации находится в бассейне Цны, названия относятся преимущественно к небольшим водным объектам (мелким притокам, озёрам) и поселениям сельского типа, что говорит об относительно позднем формировании данного топонимического пласта, но всё же он предшествовал пласту русской топонимии. Иранские названия сосредоточены на территории донского бассейна, в подбассейнах рек Ворона (Панда, Ржакса, Балыклея), Битюг (Эртиль, Карачан, Чамлык), Воронеж (Иловай, Сурена, Матыра). Названия относятся преимущественно к относительно крупным и протяжённым притокам второго и третьего порядка, что может указывать на формирование данного топонимического пласта в дофинноугорское время. Предположительно балтийские топонимы известны в бассейнах рек Воронеж, Матыра, Савала, Цна (Челновая), отдельные вкрапления обнаружены в бассейне Вороны, при этом возможность объяснения топонимов на базе балтийских языков требует дальнейшей проверки. Тюркские топонимы и их ареал также ещё недостаточно изучены и нуждаются в дальнейшем исследовании. Первоначальные данные говорят об их сосредоточении в бассейнах рек Ворона, Савала.

Комплексное обследование бассейна реки Челновой. В процессе работы над топонимическим атласом важно проводить комплексное обследование отдельных районов области в целях определения возможного взаиморасположения ареалов и оправданности корреляции лингвистических и внелингвистических данных. Такое обследование, с сопоставлением топонимических и археологических фактов, было проведено В.И. Мельником по отношению к бассейну реки Челновой (л.п. Цны), одному из интереснейших районов исследуемой территории [2]. Территория бассейна Челновой занимает центральную часть Окско-Донской равнины и является местом локации более полусотни гидронимов различного происхождения. Их этимологизация и сопоставление с археологическими культурами разных эпох данной местности позволили автору прийти к следующим предварительным выводам. Топонимия бассейна Челновой представлена тремя основными группами. Балтская топонимическая группа (***Чичерка, Узавка, Дристовка*** и др.) «по времени могла формироваться между городецкой и мордовской культурами, примерно в IV–VI вв.» [2, с. 39]. Финно-угорская топонимия представлена мордовским гидронимом ***Пишляйка*** (п.п. р. Челновая), при этом проживание мордвы в этом районе подтверждается надёжными археологическими свидетельствами. Исследователем выдвинуты предположения о том, что финно-угорская этнокультурная среда предшествовала балтам и следовала за ними [2, с. 39]. С XVII века бассейн Челновой активно осваивается русским населением. В результате активных контактов мордовское (финно-угорское) население донесло до русских поселенцев балтскую топонимию. В итоге, в данном районе обнаруживаются следы носителей финно-угорских, балтийских и русского языков, при этом ряд географических названий, которые традиционно трактуются как финно-угорские или даже как однозначно русские, на самом деле могут быть объяснены на базе балтийских языков. Пока не удалось выявить иранские и тюркские наименования в бассейне Челновой.

Изучение группы финно-угорских топонимов. Топонимы финно-угорского происхождения Тамбовской области не раз становились объектом научного изучения. Однако в аспекте картографирования нам потребовалось провести более тщательное их исследование с использованием словообразовательного, формантного, лексико-семантического методов, а также метода фонетической реконструкции. В результате специалистом по финно-угорским языкам Е.М. Девяткиной были выделены основные словообразовательные типы древних гидронимов, проверены имеющиеся этимологии, а для некоторых топонимов предложены новые этимологии, например: ***Шевырляй*** < мокш. *šə.var, šuwar, šuvar, žuvar*, эрз. *čovar* ‘песок’ + мокш. *l’εj, l’äj*, эрз. *l’ej, l’ij* ‘река’; ***Пчеляй*** < мокш. *p’itšε, p’ičä*, эрз. *p’itše, p’itše, p’iče, p’ičä* ‘сосна’ + мокш. *l’εj, l’äj*, эрз. *l’ej, l’ij* ‘река’, ***Парля*** < мокш., эрз. *paro, paru, para* ‘добрый, хороший’ + мокш. *l’εj, l’äj*, эрз. *l’ej, l’ij* ‘река’ [3]. Установлено, что семантика древнемордовских топонимов чаще всего обусловлена типом географического объекта, реалиями растительного и животного мира, размером, формой, характером и направлением течения водного объекта. Отмечается включение мордовских топоформантов в основы русского и иного субстратного происхождения, включение мордовских топонимов в именные сочетания, отражающие русские традиционные словообразовательные модели. Наиболее продуктивным словообразовательным типом гидронимов, относящихся к мордовскому субстрату, являются двусоставные номинации: 1) мордовская топооснова с определительной семантикой и топоформант с семантикой географического объекта: ***Козляй*** < мокш. *koz’, koz’ä*, эрз. *koz’a* ‘богатый’ + мокш. *l’ j, l’äj*, эрз. *l’ej, l’ij* ‘река’; 2) мордовская топооснова в виде глагольно-причастного определения и топоформант с семантикой географического объекта: ***Кёрша, Ближняя Керша, Дальняя Кёрша*** < мокш. *k’er’əms*, эрз. *k’er’ams* ‘рубить, отсекать, срубать’ + гидроформант *-sa/-ša* ‘река’ [4]. Словообразовательная модель «русское прилагательное + мордовский гидроним» (***Ближняя Кёрша***) характерна для более позднего этапа развития региональной топонимической системы (этап освоения региона русскими) [4].

Перспективы сопоставления топонимических ареалов с ареалами разнообразных внелингвистических явлений. При работе с топонимическими ареалами всегда интересно узнать, коррелируют ли они с зонами распространения различных природных и исторических явлений. О главных трудностях, возникающих при такой работе, мы уже писали в своих статьях и монографии [5; 6, с. 222–223]. При обращении к методу совмещения ареалов лингвистических и внелингвистических явлений топонимисту необходимо прежде всего запастись арсеналом карт различных наук, если таковые карты, конечно, имеются. Надо признать, что визуализация результатов исследований разных областей знания пока остаётся проблемой, и если для географической науки карты, показывающие зональность географических явлений, таких как рельеф, флора, ландшафты, являются составной частью исследований, то в археологии картографическое сопровождение, хоть и предполагается, но не является обязательной частью научной работы. В результате специалисты других областей знания, обращающиеся в своих исследованиях к данным археологии, особенно если исследование носит междисципли-

нарный характер, оказываются в затруднительной ситуации, так как найти современные, полные, общедоступные карты по распространению отдельных археологических культур в регионах России практически невозможно, а это препятствует синтезу новых знаний. Изучение статей, монографий по географии и истории Тамбовской области, поиск в сетевых картографических ресурсах позволили нам сформировать лишь небольшую подборку внелингвистических карт, которые показывают территории бассейнов Оки и Дона, природно-географические и ландшафтные зоны региона, его флору, бассейновое расположение и речную ориентированность сельских поселений области, археологические памятники мордвы в VI–XV вв., территорию Тамбовского наместничества в XVIII в. Пока это весь арсенал, который можно использовать для дальнейшего соотнесения выявленных топонимических ареалов с зонами внелингвистических явлений (ландшафтными, археологическими и проч.) и обогащения материалов топонимического атласа за счёт восстановления утраченных топонимов, определения их локации, реконструкции исторических форм современных названий.

Литература

1. Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области. – М.: Наука, 2015. – 72, [45] с.: карты, текст, указ. (ок. 670 назв.).

2. Мельник В.И. Топонимия бассейна реки Челновой (левый приток Цны) на фоне археологических и исторических свидетельств // Манускрипт. – 2020. – Том 13. – Выпуск 11. – С. 3–39.

3. Девяткина Е.М. К вопросу о финно-угорском субстрате в гидронимии Тамбовской области // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Том 26. – №4. – С. 123–127.

4. Девяткина Е.М. Финно-угорский субстрат в гидронимии Тамбовской области (словообразовательный анализ) // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Том 12. – №6. – С. 49–62.

5. Гордова Ю.Ю. Топонимические ареалы и ареалы археологических культур: проблема совмещения (на материале Среднего Поочья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. В III т. Том II / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Казань: Отечество, 2014. – С. 313–315.

6. Гордова Ю.Ю. Ономастическая реконструкция: Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 488 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00196 «Топонимический атлас Тамбовской области». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00196 “Toponymic Atlas of the Tambov Region”.

ЛОКАЛИЗМЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ИВАНОВА

О.И. Жмурко
Ивановский госуниверситет,
к.филол.н., доцент кафедры гуманитарных наук
e-mail: oizhmurko oizhmurko@mail.ru
Россия, г. Иваново

Автор статьи демонстрирует перспективы изучения локальных (местных) слов и их форм употребления на примере речи жителей одного города – Иванова.

Ключевые слова: *локализм; или локальная единица языка; лексические; семантические; словообразовательные и морфологические локализмы.*

Одной из важнейших задач современного языкознания является изучение взаимодействия литературного языка, городского просторечия и диалектов. Разработка проблемы ведется в ряде направлений. К их числу относится и рассмотрение так называемых локальных, или региональных, элементов, складывающихся в результате воздействия территориальных диалектов на литературный язык, которое может быть прямым и опосредованным – осуществляющимся через городское просторечие и социальные диалекты [1]. Научное рассмотрение локальных элементов актуально для изучения языка города. Важность происходящих процессов обусловливается тем, что в процессе развития города происходят изменения, связанные с экстралингвистическими факторами, большим притоком населения с различной диалектной и национальной языковой базой. С диалектной средой связаны локальные варианты в речи горожан.

Инициатива постановки вопроса о языке города принадлежит Б.А. Ларину [3]. Он ввел в лингвистику понятие третьего круга явлений наряду с двумя другими – литературным языком и диалектом – и определил задачу изучения состава и структуры языкового быта города. В последние

десятилетия в лингвистике развернулось интенсивное исследование речи горожан, в том числе носителей литературного языка, а именно того, как в их речи представлены локальные элементы.

Первая попытка специального рассмотрения данной проблемы на широком, фронтально изучаемом материале была сделана Н.М. Каринским в работе «Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры» (1929). Он пришел к заключению о четко выраженном воздействии диалекта на литературную речь города. Степень проникновения местного говора в литературную речь зависит от уровня образования, времени пребывания в городской среде, устойчивой связи с деревней, степени усвоения литературной нормы новыми горожанами. Н.М. Каринский делает вывод о существовании местных вариаций, или диалектов, литературного языка [2].

Подобные примеры рассматриваются автором в представленной статье. Это лексические единицы и грамматические формы, распространенные в речи жителей города Иванова, имеющие «местное», локальное распространение и не входящие в состав литературного языка. Такие факты языка обозначаются термином локальная единица языка, или локализм (в отличие от диалектизма, действующего в сельской среде). Материал собирался среди жителей города Иванова в течение последних пятнадцати лет. Записи производились в разной обстановке, ни один разговор заранее не планировался, информанты – люди разных возрастных групп, разных специальностей, уровня образования, но обязательным условием было проживание в городе не менее 25 лет. Собранный материал представляют лексические локализмы, семантические, словообразовательные и морфологические локальные единицы языка.

Приведем примеры известных местных слов, не имеющих фиксации в современном литературном языке: *ботать* – стучать, бить ногами в стену, в дверь. «И кто так ботает, дверь трясётся» (Хохлова Н.И., 1975 г.р.); *вокурат* – точно, ровно, впору. «Платье вокурат сшили» (Смирнова Н.А., 1985 г.р.); *зувей* – пространство, куда не попадает солнце. «Под зувеем ничего не растет» (Рунова И.Л., 1950 г.р.). «От яблони зувей, клубника никак не покраснеет» (Волкова В.Я., 1952 г.р.); *изгаляться* – издеваться. «Я так устала, потому что внук все изгаляется и изгаляется надо мной» (Бочкова Л.М., 1955 г.р.); *кособениться* – кривляться, ломаться. «Сиди прямо – не кособенься» (Васенкова Н.Я., 1957 г.р.). «Стоит перед зеркалом и кособенится» (Гарашко С.А., 1955 г.р.); *кулёма* – нескладная, неуклюжая, некрасивая женщина. «Повязалась, как кулёма» (Гусева О.С., 1980 г.р.); *ляпня* – мокрый снег с дождем. «Ляпня какая на улице» (Нарбеков М.Е., 1978 г.р.); *несручный* – неумелый, неловкий (о человеке). «Он такой несручный, что у него все из рук валится» (Мозгалова Н.В., 1956 г.р.); *оковалок* – кусок чего-либо. «Собака с прилавка утащила оковалок мяса» (Сидорова Н.Н., 1955 г.р.); *отябель* – хулиган, бездельник, чаще молодой человек, подросток. «Зачем тебе такой отябель нужен?» (Беляева Н.К., 1941 г.р.); *сведенцы* – люди, которые постоянно ссорятся. «Все ругаетесь, все вас на лад не берет, ну просто как сведенцы» (Васенкова Н.Я., 1957 г.р.); *тельник* – фурункул, чирей. «У меня тельник вскочил на ноге. Так больно, что не могу сидеть» (Морозова Е.Г., 1952 г.р.). «Вентилятором надуло спину – тельник вскочил» (Прокопьева Е.В., 1958 г.р.); *филатик* – камыш, водное или болотное растение семейства осоковых «Пойдешь мимо озера, нарви мне филатиков» (Пухова А.В., 1991 г.р.); *чапыжи* – густые заросли кустарника или высокой травы, молодая лесная поросль. «Раньше поле было, а теперь чапыжи выросли, не пройдешь» (Чуркин Д.А., 1986 г.р.); *шаранка* – майский жук, насекомое с жесткими крыльями, вредитель древесных пород. «А я тебе говорю, что шаранки начинают летать в мае» (Бабурин А.Н., 1984 г.р.). Наверно, самым известным локализмом в речи ивановцев будет употребление слова *песок* в значении ‘сахарный песок’, в отличие от лексемы *сахар*, употребляемой для обозначения кускового сахара или рафинада. Например, в Иванове постоянно слышим выражения: «песок подорожал»; «посыпь песочком, слаще будет»; «песка в продаже нет, только сахар» и под.

В группу лексем-локализмов мы включили и фразеологические обороты, устойчивые выражения, имеющие, на наш взгляд, территориально ограниченное распространение, например: *ни с чем пирожок* – о глупом, пустом человеке. «Не говори глупости, как ни с чем пирожок» (Волкова В.Я., 1952 г.р.); *<как> капля воды* – очень похожи. «Вроде не близнецы, а как капля воды» (Гарашко С.А., 1955 г.р.). «Они оба капля воды, в отца пошли» (Прокопьева Е.В., 1958 г.р.); *пищит, но лезет* – о человеке, настойчиво добивающемся своего любыми средствами. «Вот настырный, пищит, но лезет» (Сидорова Н.И., 1955 г.р.).

К лексическим и фразеологическим близки семантические локализмы – слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные единицы часто являются омонимами по отношению к словам литературным. *Буровить* – невнятно, непонятно говорить. «Ты во сне что-то буровила» (Васенкова Н.Я., 1957 г.р.); *дачка* – выдача денег

в аванс или зарплату, пенсия. «В пятницу мы получили дачку» (Волкова К.И., 1952 г.р.); *печево* – все, что готовится хозяйкой для своей семьи. «Семья большая, печева-то и много» (Волкова К.И., 1952 г.р.); *кислица* – заячья капуста, лесное растение с кисловатыми съедобными листьями. «В этом году мало щавеля, так мы пошли в лес и нарвали кислицы. Пироги из нее удались на славу» (Буданова Ю.В.,1984 г.р.); *кока* – крестная мать. «На следующей неделе кока в гости приезжает» (Прокопьева Е.В., 1958 г.р.)

В речи горожан встречаются и грамматические локализмы (морфологические и словообразовательные). Это слова и формы, получившие особое аффиксальное оформление, не свойственные литературному языку: *по-всякоски* – по-разному. «Перестановку в комнате делали по-всякоски, но решили оставить всё на своих местах» (Сидорова Н.Н., 1955 г.р.). «Вас в армии сильно били? – Повсякоски было» (Корольков Д.В., 1969 г.р.); *внаклонку* – в наклон, нагнувшись. «Весь день проработала внаклонку: рыхлила и полола грядки» (Смирнова А.М., 1985 г.р.). «Немного посажал картошку внаклонку, теперь спина болит» (Петров А.В., 1963 г.р.); *смазлявый* – смазливый, симпатичный. «Девушку видел за рулём, еле видно, но на мордашку смазлявая» (Бабурин А.Н., 1984 г.р.); *застегать(ся)* – застегивать(ся). «У меня куртка не застегается» (Чуркин Д.А., 1986 г.р.). «Сапог не застегается, молния разошлась» (Шулякина Ю.С., 1983 г.р.); *отсвечать* – отсвечивать. «Желтый какой-то апельсин. Может просто здесь отсвечает?» (Смирнова Н.А., 1930 г.р.). Следует отметить не только единичные случаи, но и серии слов, отвечающие определенной региональной особенности. Например, широкая распространенность существительных с суффиксом *-ин-* со значением единичности характерна для жителей Иванова, Ивановской области и, шире, диалектной Владимирско-Поволжской группы: *печенина, конфетина, шоколадина, селёдина, помидорина, ягодина, клюквина, малинина, чернижина* и под. Например: «Сходи в магазин, купи селёдину» (Васенкова Н.Я., 1957 г.р.); «В салат покроши один огурец и помидорину» (Рунова И.Л., 1950 г.р.); «Мне мама подарила очень вкусную шоколадину» (Шулякина Ю.С., 1983 г.р.); «Смотри, какая малинина!» (Солдатова О.Н., 1987 г.р.). О высокой частотности дериватов с суффиксом *-ин-* можно судить по материалам картотеки лексики говоров Ивановской области (на кафедре отечественной филологии Ивановского госуниверситета). Кроме того, народной речи свойственны изменения категории рода (*помидора* ж.р.), иные, чем в литературном языке, формы существительных, например, фразы типа *время нет, время не хватает*, которые фиксируются в речи ивановцев уже два века: «Вроде ничего не делаю, а время постоянно не хватает» (Гусева О.С., 1980 г.р.); «Я бы пошла на концерт, но время нет» (Пухова А.В., 1991 г.р.). Непродуктивная группа разносклоняемых существительных на *-мя* примыкает к существительным среднего рода на *-о, -е* и изменяется, как они: *времё, время, времю* и т.п.

Смешение локальных и просторечных элементов происходит в словах *свойский* (вместо *свой*), *евонный* (вместо *его* [*ево*]), *ихний* и *иху* (вместо *их*). По форме это отместоименные прилагательные, что подтверждает их употребление в тексте: «Не могу больше есть одну иху зелень» (Одинокова Е.Н., 1981 г.р.); «У них вино свойское» (Нарбеков М.Е., 1978 г.р.); «Картошка в ихнем огороде плохо уродилась» (Волкова К.И., 1952 г.р.). Как видим, в этих случаях различия между местным словом и его литературным синонимом относительно небольшие, и сопротивление локального слова литературному, казалось бы, должно быть слишком незначительным, чтобы «оно могло долго противиться победе литературного» [1, с. 9]. Тем не менее эти слова широко употребляются в речи горожан. Большая часть населения использует перечисленные локализмы, не оценивая их как сугубо местные слова.

Объем статьи не показывает все примеры употребления локальной лексики в речи жителей города Иванова. В силу специфики существования локализм представляет собой изменчивое и непостоянное явление, некоторые слова и выражения бесследно исчезают, другие прочно закрепляются, но процессы эти протекают по определенным законам, изучение которых несомненно способствует развитию науки о языке.

Литература

1. Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь, 1992.

2. Каринский Н.М. Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры // Учен. Зап. Ин-та языка и литературы. Т. 3. – М., 1929.

3. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). – М., 1977. – С. 175–189.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НОРМАТИВНОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

С.А. Журавлев
Марийский государственный университет, к.ф.н., доцент,
e-mail: urfin_zhur@mail.ru
Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола

Вопрос о количественном составе русской нормативной лексики остаётся справедливо открытым. В то же время наблюдения за динамикой словника дают возможность оценить текущее состояние дел в данной сфере и выявить не учтённый современными лексикографами потенциал лексикона и закономерности его реализации в языке и речи.

Ключевые слова: *аугментативы; деминутивы; лексика; лексическая периферия; словарь.*

Вопрос о количественном составе русской лексики остаётся справедливо открытым. Внятный, убедительный ответ на него препятствуют дать обстоятельства синхронно-диахронного, формально-структурного, социокультурного, функционально-стилистического и окказионально-узуального характера. Даже если оставить за скобками огромные диалектные, жаргонные и иные ненормативные пласты национального языка, статистические подсчёты в данной сфере будут оставаться лишь приблизительными.

Лексическим ядром русского языка, вероятно, следует считать корпус единиц «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, изданного в редакции Л.И. Скворцова [1]. В состав словаря входит 100 000 слов и выражений. В отличие от академических изданий, он считается наиболее близким к отражению реально существующего в речевой практике живого языка. Впрочем, данный словник тоже включает в себя немало единиц, не являющихся актуальными и общеупотребительными (*богара, домбра, колгота, льяло, подсека, четверик* и т.п.).

Таким образом, базу современной русской нормативной лексики, в сущности, определяет несколько десятков тысяч слов. Однако, помимо заведомо исключённых из внимания лексикографов многочисленных диалектных, сленговых, обсценных единиц, к лексическому ядру, составляющему коммуникативно-компетентностный минимум просвещённого носителя языка, примыкает лексическая периферия – совокупность узуальных словарных единиц, по разным причинам остающаяся за пределами толковых словарей. Национальный корпус русского языка, несомненно, охватывает многие из них, но нередко ограничивается одной-двумя цитатными ссылками на их применение в речи.

Так, богатство и гибкость морфемной структуры русских лексем позволяет существенно варьировать их состав. Многие приставочные глаголы представлены в отдельных словарных статьях (*вычитать, дочитать, перечитать, прочитать*). Менее полными в толковых словарях выглядят материалы с отымёнными производными. В источниках довольно велико, например, количество существительных и прилагательных с приставкой до-. В Словаре Ожегова зафиксированы лексемы *довыборы, доисторический, доклассовый, дооктябрьский, допетровский, досоветский, дофеодальный, дошкольный*. Но этот ряд может быть дополнен такими востребованными в настоящее время единицами, как *добор* (дверной), *дозаправка, докорм* (в роддомах), *доначисление, дооснащение, доразведка, досъёмки* (фильма); *доврачебный, доинтернетовский, дописьменный, доследственный, досудебный* и др. Ни в Словаре Ожегова, ни в академическом Словаре Кузнецова нет слов *прачеловек* и *пралюди*. Количество слов с префиксом пра- может быть актуально в любом тексте, посвящённой истории и праистории. Лексикографами не учитываются такие частотные единицы, как *прапрапрабабка, праправнук, прапрадед*. Показательно, что компьютерный редактор подчёркивает как несуществующее слово *предпредпоследний*.

Приставка супер- представлена в Словаре Ожегова в качестве гнездовой словарной статьи, и, следовательно, целый ряд современных существительных оказывается вне статистического учёта (*суперагент, суперакция, супербомбардир, суперкомпьютер, суперлайнер, суперновинка, супероружие, суперчемпион*).

На лексической периферии оказываются и целые группы единиц с префиксоидами типа *авто-, аэро-, био-, гидро-, зоо-, медиа-, нано-, промо-, техно-* и др. Каждая из них в словаре тоже представлена одним гнездом, хотя количество таких имён, несомненно, велико: *автогигант, аэротакси, биооружие, зоозащитник, медиапространство, нанотрубка, промоход, техноиндустрия* и др.

Давняя грамматическая дискуссия о статусе деминутивов и аугментативов также находит отражение в не решённом до конца вопросе подачи данных единиц в словарях. Например, слово *собачка* приведено в Словаре Ожегова, а слово *рыбка* – нет. И напротив, там же зафиксировано слово

рыбина, но нет слова *собачина*. Кроме того, ср. у М. Зощенко: «Является этакий человек в кепочке, в обмотках, а при нём собака. Этакая даже *собачища* – коричневая, морда острая и несимпатичная». Если не брать во внимание окказиональные варианты (*смартфонище, безлимитище, моментище*), число аугментативов уступает числу деминутивов, но в то же время первые прочно занимают своё место в словнике. Ср.: *бородища, глазища, грязища, деньжищи, красотища, кровища, пылища, стыдобища, табачище, талантище* и др. Часть из них, как известно, образуется посредством присоединения к основе суффикса -ин-: *вражина, гвоздина, зверина, морковина, судачина* и др. Ср. у В. Бианки: «Здоровый *русачина* дул через грядки» (от «русак»).

Огромный лексический потенциал имеется у деминутивных образований среди существительных, прилагательных и наречий. Некоторые из подобных производных впоследствии значительно разошлись со своими производящими (*миса – миска, чаша – чашка, булава – булавка, спица – спичка, сак – сачок, клуб – клубок*). Если исключить из внимания многочисленные ненормативные единицы «сервильного слога» (*актик, грушки, дисциплинка, душик, массажик, остановочка, пловик* и др.), остаются слова, деминутивная семантика которых закреплена традицией (*воробушек, дождик, лужок, местечко, полюшко, речка, смертушка, хлебушко*). В ряде случаев уменьшительно-ласкательный суффикс действительно связан с указанием на небольшой размер обозначаемого (*долька, колёсико, машинка, цветочек; веприк* в ряде русских диалектов – «поросёнок»).

В Словаре Ожегова нередко в одной статье идёт указание и на деминутив (*шапка – шапочка, шапчонка; юбка – юбочка, юбчонка*), но далеко не всегда. Например, при слове *жетон* нет варианта *жетончик*, при слове *фургон* нет варианта *фургончик* и т.д. В данном словаре есть слова *девица, девочка, девушка*, но нет слов *девчонка, девчоночка, девчуля*. Отсутствуют там и многие имена прилагательные и наречия с деминутивным значением (*лёгонький, мокренький, тонёхонький; ровнёхонько, скорёхонько, тихонько*). Фрагмент романа В. Астафьева «Печальный детектив» показывает модель того, сколь часто в русской речи могут встречаться слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Полдня… дядя Паша дёргал *удочками сорожонку*, случался *крепенький окунёк*, два раза на ходу цеплялась за *рыбёшку* и рвала лески *щучонка*».

По наблюдениям И.В. Фуфаевой, «уменьшительные диминутивы не конкурируют с производящими словами, так как чаще всего обозначают разные объекты и не выступают речевыми синонимами. Экспрессивные диминутивы в речи могут обозначать тот же объект, что и производящее слово, с которым они выступают как речевые синонимы, что является предпосылкой для возникновения конкуренции внутри пары «экспрессивный диминутив – производящее слово» [2, с. 125]. Состав лексической периферии в значительной мере состоит из слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, стилистически и/или семантически неравнозначных своим производящим.

На каждом этапе развития словесной культуры имеется большое количество единиц, производных от имён собственных. Это величина, как правило, переменная, что несколько обессмысливает потребность их лексикографической фиксации. В то же время их общее число в разные эпохи, вероятно, остаётся примерно одинаковым, так что данные периферийные лексемы тоже играют свою роль в каждом конкретном синхроническом составе словника. К ним можно отнести единицы (летать) *почкаловски*, *постъюгославское* (пространство), *постхасавюртовские* (соглашения), *межсирийские* (переговоры), *допутинский* (период), *всеподмосковный* (форум), *марсотрясение* и др. И.Т. Вепрева подсчитала, что количество лексем, образованных от имени президента США Дональда Трампа, включая шутливые, превысило 50 единиц (*трампизм, трампист, трампономика, трамповед, трамперлы* и т.д.) [3, с. 16–19].

Толковые словари не фиксируют значительное число лексем разговорного характера, весьма распространённых в речевом обиходе и в то же время не выходящих за пределы литературной нормы. Так, в сфере образования давно закрепились единицы *младшеклассник, колышник, олимпиадник, стобалльник*; в вузах есть *платники* и *бесплатники,* такие учебные подразделения, как *биохим, истфил, мехмат, педфак, физмат,* и слова, называющие их производные *(истфиловский, истфиловец, по-истфиловски* и пр.).

В армии есть *срочники* и *сверхсрочники*. Ряды слов со значением субъекта (*инсультник, ипотечник, минтайщик, прогнозист, рекламщик, туберкулёзник*) и объекта (*планшетник, поворотник, решебник*) активно образуются в наше время посредством продуктивных суффиксов. Их потенциал для обогащения языка огромен. В то же время, с одной стороны, не все они прочны в своём речевом употреблении, с другой стороны, единицы, образованные подобным образом, существовали и ранее, но не получили массового признания. Ср. в публицистическом тексте О. Мандельштама, посвящённом музею: «Объяснительница картин ведёт за собой *культурников*».

К составу лексической периферии могут быть отнесены распространённые в повседневной речи слова *дыхалка* («лёгкие, объём лёгких») и *кричалка* (речёвка для громкого сканирования), *легкотня* и *скукотень*, *вкусняшка* и *печенюшка*. Метраж квартир народ измеряет в *однушках*, *двушках* и *трёшках*, но это тоже пока не находит отражения в словарях. По аналогии с зафиксированным в Словаре Ожегова прилагательным *приставучий* в обиходе существует целый ряд подобных единиц: *блескучий, болючий, лаючий, моднючий* и т.д. Ср. в тексте романа К. Букши «Завод “Свобода”»: «Уж и спросить ничего нельзя, *ревнючий* какой». По словам Е.В. Сенько, «узус, несомненно, влияет на норму: разговорное (и даже просторечно-жаргонное) теснит нормативные варианты. Перемещение языковых элементов по оси «центр – периферия» значительно более интенсивно, чем обычно, в предшествующие хронологические отрезки, что объясняется объективными социальными причинами» [4, с. 9]. Живые, активно используемые в разговорной речи слова, многие из которых являются исконными по происхождению, явно входят в языковой фонд, но не получают признания лексикографов.

Особое место в современном словоупотреблении занимают единицы, характерные в основном для отдельных российских регионов. Например, словами типа *мариэльцы* или *якутяне* называют всех жителей республик Марий Эл и Саха (Якутия) вне зависимости от их этнической принадлежности. Словами *однёрка* или *единичка* обозначают маршрут общественного транспорта номер один. *Надвиг* на Байкале – это огромные ледяные валы, движущиеся зимой и ранней весной на берег. Песчаные холмы, покрытые высоким бором, на русском Севере называются *боринами*.

Традиционно периферийными для большого круга носителей языка оказываются слова, обслуживающие коммуникативные потребности той или иной профессиональной сферы. Во многом благодаря медиаосвещению становятся известны редкие наименования специалистов: врач-*гериатр* и врач-*суицидолог*, учёный-*крестьяновед* и учёный-*кетолог* и др. Приборы и механизмы получают названия *вагоноопрокидывателя* и *топливозаправщика*, *кротопугивателя* и *ямобура*, *толщиномера* и *ветрочёта.* Экологи выделяют особый вид городской почвы – *урбанозём*, который содержит сажу, соли, тяжёлые металлы. На Дальнем Востоке ходят в море суда-*креветколовы*, а в Сибири продолжают вести *пимокатное* производство (валяние валенок). В механике есть *гидроудар*, в торговле – *перевывоз*, в медицине – *преддиабет*, в философии – *разотчуждение*, в авиации – *предкрылки* и *закрылки*, в политологии – *балканизация* (Европы) и др. Это не узкоспециальные единицы – это слова, номинация и семантика которых в целом известна многим носителям языка. Несовпадение части языковой компетенции индивида со знаниями и представлениями остальных говорящих является естественным. «Русскоязычный человек не может говорить “на русском вообще”: инвариантный русский приходит к каждому из нас только в форме одного из своих вариантов: национальных, социальных, территориальных, кодифицированных и некодифицированных…» [5, с. 77].

Кроме того, заметным потенциалом обладают актуальные единицы, на основе которых выстраиваются тематические группы слов. Например, *начитанный – насмотренный – наслушанный* (человек); *гирудотерапия – дельфинотерапия – енототерапия – иппотерапия – фелинотерапия – цинотерапия; дельфинарий – нерпентарий – крокодилярий*; *взяткоёмкий – медалеёмкий – пиароёмкий – оленеёмкий* (стада в Якутии); *русскоговорящий – татароговорящий – арабоговорящий – эстоноговорящий* и т.д.

Количественно-качественные характеристики современного русского лексикона определяются исходя их организационно-технических возможностей и теоретико-методологических установок исследователей. С одной стороны, важно не брать во внимание те лексические единицы, которые, в сущности, носят частный, локальный характер (*ирано-марокканский, какаоман, трэвел-чутьё, пришвиниана* и т.д.). С другой стороны, учитывать те нормативные слова, которые получили заметное распространение среди носителей языка, но остались на периферии внимания лексикографов.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ: Мир и Образование, 2019. – 1359 с.
2. Фуфаева И.В. Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка // Культура и цивилизация. – 2016. – Том 6. – №5А. – С. 120–129.
3. Вепрева И.Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // II Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов Международной научной конференции. – М.: Азбуковник, 2018. – С. 16–19.
4. Сенько Е.В. Лексические новации в современной языковой картине: новые слова, значения, словосочетания. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2012. – 268 с.
5. Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. – М.: ЛЕКСРУС, 2016. – 320 с.

ФРАЗЕОЛОГИЯ ДИАЛЕКТНОГО ФРАГМЕНТА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ *ДОМ*

Е.А. Забродкина
Законодательное Собрание Нижегородской области,
старший помощник депутата, к.филол.н.; e-mail: leza2000@rambler.ru
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются фразеологические единицы, входящие в диалектный фрагмент семантического поля ***дом****.*

Ключевые слова: *семантическое поле; диалектная фразеологическая единица; идиома; фразеологическое терминологическое сочетание.*

Фразеологизмы играют особую роль в создании национальной языковой картины мира. Природа значения фразеологических единиц (ФЕ) тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Диалектные фразеологизмы являются огромным национальным богатством русского языка со «своей неповторимой образностью, яркостью, свежестью именования реалий», отличаясь от «языковых фразеологических единиц, теряющих силу своего воздействия, постепенно утрачивающих свои отличительные качества в постоянстве общенародного использования» [5, с. 411].

Диалектная фразеологическая единица (ДФЕ) – это воспроизводимое сочетание слов (именного, адъективного, глагольного, адвербиального типа), обладающее целостным значением, устойчивостью компонентов, локально распространенное и имеющее изоглоссы [см.: 6, с. 173; ср.: 2, с. 7].

При трактовке лингвистами статуса ФЕ можно говорить об узком и широком понимании смысла. В первом случае собственно диалектными единицами считаются только устойчивые сочетания, обладающие коннотативностью. Во втором – к эквивалентам слов относятся все народные устойчивые обороты, объединяющие терминологические и нетерминологические сочетания, «устойчивые сравнения, сочетания-аппозитивы, формулы этикета (приглашения, благодарности, приветствия, тосты и т.п.), формулы проклятия, а также пословицы и поговорки, претерпевшие процессы исторической фразеологизации» [1, с. 182–183, 185]. Соотнося диалектную фраземику с полевой структурой, к ядерной зоне относят ДФЕ, сущность которых трактуется в узком смысле – фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, а к периферийной зоне – устойчивые сочетания, понимаемые широко [см.: 2, с. 12–13].

Рассмотрим фразеологию в диалектном фрагменте семантического поля (СП) ***дом***, зафиксированную в Словаре русских народных говоров (СРНГ) [4]. Она представлена здесь идиомами, фразеологическими сочетаниями в двух разновидностях – терминологические и нетерминологические, при этом первые составляют значительный объем. Устойчивые сочетания в названном поле составляют его дальнюю периферию через периферию субполей и лексико-семантических групп (ЛСГ), так как обладают семантической общностью со словами, входящими в состав данных групп [см.: 3].

В СП ***дом*** идиомы по сравнению с фразеологическими сочетаниями представлены немногочисленно: *базáрная корова.* «*Бранно.* О человеке, постоянно слоняющемся от безделья по чужим избам, дворам» [СРНГ. Вып. 2, 48], *вековáя халява* «вечно грязная, неопрятная, бесхозяйственная женщина» [СРНГ. Вып. 4, 102], *деревя́нный тулуп* «гроб» [СРНГ. Вып. 8, 17], *зелёная елка* «о здании, помещении, где продается водка» [СРНГ. Вып. 11, 250], *попасть в кулацкий дом* «ступить ногой в навоз, нечистоты» [СРНГ. Вып. 16, 53], *пáрить яйца* «бездельничать» [СРНГ. Вып. 25, 225], *сиди дома да жуй онýчи* «не суйся не в свое дело; не лезь со свиным рылом в калашный ряд» [СРНГ. Вып. 23, 227], *солóменная дева* «старая дева» [СРНГ. Вып. 39, 293], *спустúть свои семена на свет* «*Фольк.* Продолжить свой род, оставив потомство» [СРНГ. Вып. 40, 287], *колом стоúт* «о беспорядке в доме» [СРНГ. Вып. 41, 262], *в семи дворах один топóр* «о бедности, нищете кого-л.» [СРНГ. Вып. 44, 252] и др. Наибольшее количество идиом зафиксировано в двух ЛСГ «Домовитый, хозяйственный, трудолюбивый /скупой/ расточительный, бесхозяйственный» и «Мало бывающий дома, ходящий без дела по чужим домам человек или не имеющий своего хозяйства, жилища»: *вековáя халява* «вечно грязная, неопрятная, бесхозяйственная женщина» [СРНГ. Вып. 4, 102], *пáрить яйца* «бездельничать» [СРНГ. Вып. 25, 225], *жить промеж дву наголú* «не иметь постоянного дома, пристанища» [СРНГ. Вып. 19, 207], *вешаться на стéнках* «слоняться без дела» [СРНГ. Вып. 41, 132] и др. При этом в названных группах преобладают эквиваленты слов с отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой, что согласуется с ориентацией русского народа на трудолюбие, домовитость как норму, а на лень и безделье как явление аномальное, требующее осуждения.

В других ЛСГ поля ***дом*** доминируют фразеологические сочетания терминологического и нетерминологического характера. Например, в ЛСГ «Социальное, духовное, увеселительное и т.п. учреждение»: *моле́бный дом* «дом для молений у старообрядцев-кержаков» [СРНГ. Вып. 18, 215], *престаре́лый дом* «дом для престарелых» [СРНГ. Вып. 31, 96], *роде́льный дом* «родильный дом» [СРНГ. Вып. 35, 131]; в ЛСГ «Семья, родственники; род, династия»: *на́ дом кланяться* «кланяться домашним, членам семьи» [СРНГ. Вып. 8, 115], *сойти́ со двора* «отделиться, начать жить своей семьей» [СРНГ. Вып. 39, 232]; в ЛСГ «Ведение домашнего хозяйства, работа по дому»: *жи́ру смотреть (посмотреть)* «домашнее хозяйство» [СРНГ. Вып. 9, 181], *обряжа́ть, обряди́ть дом* «выполнять работы по дому, по хозяйству» [СРНГ. Вып. 22, 224], *соде́ржать хозяйство* «вести хозяйство» [СРНГ. Вып. 39, 207]. В лексико-семантических группах «Сам дом, жилище со всеми постройками (усадьба)»; «Жилые /нежилые помещения в доме и вне дома» и «Строительство или ремонт дома; размещение в нем» зафиксировано наибольшее число фразеологических терминологических словосочетаний, связанных со способами постройки дома, строительно-ремонтными работами, наименованиями жилых и хозяйственных построек: *верхово́й дом* «дом, нижний венец которого вкопан в землю, дом без фундамента» [СРНГ. Вып. 4, 166], *дом крестовой* «дом с двумя внутренними пересекающимися капитальными стенами» [СРНГ. Вып. 8, 116], *квадра́шный дом* «дом без капитальной стены изнутри» [СРНГ. Вып. 13, 157], *дом, изба (со) свя́зью* «дом со связью – вот так стоит дом: посередине теплы сени, а там опять дом, это дом связью. Дома со связью были: кухня, сенки и еще комната» [СРНГ. Вып. 36, 340], *изба́ летняя* «жилое помещение без русской печи, являющееся горницей, гостиной и т.п.» [СРНГ. Вып. 12, 88], *теплоскотная избёнка* «теплое помещение для скота (молодняка) и овец» [СРНГ. Вып. 12, 91], *нежила́я изба* «строение, дом, в котором устроена кладовая и летом спят» [СРНГ. Вып. 21, 42], *закла́дины основать* «начать постройку дома» [СРНГ. Вып. 10, 127], *наряди́ть избу* «производить внутренние плотницкие работы на дому» [СРНГ. Вып. 20, 145–146], *стро́ить в крюк* «соединять бревна, составляющие угол сруба, вставляя их в квадратные пазы» [СРНГ. Вып. 42, 18] и др.

Ряд фразеологических оборотов включает в свой состав лексемы групп поля ***дом*** и именуют конкретные явления, предметы, действия: *подъём матицы* «обычай устраивать угощение после поднятия матицы в строящемся доме» [СРНГ. Вып. 28, 264], *безу́мный дом* «больница для душевнобольных» [СРНГ. Вып. 2, 202], *большая голова* «старший в доме, хозяин или хозяйка» [СРНГ. Вып. 3, 91], *де́душка дворовый* «домовой» [СРНГ. Вып. 7, 331], *зва́ться домами* «бывать друг у друга в гостях» [СРНГ. Вып. 11, 211], *лесная избу́шка* «жилье в лесу для охотника» [СРНГ. Вып. 12, 97], *пла́хтовая домотканина* «шерстяная ткань в клетку с узорами» [СРНГ. Вып. 27, 46], *вести обихо́д* «вести хозяйство; заниматься домашней работой» [СРНГ. Вып. 22, 68], *собира́ть беседу* «устраивать молодежную вечеринку» [СРНГ. Вып. 39, 161] и др.

Фразеология диалектного компонента СП ***дом*** насчитывает 602 единицы [4. Вып. 1–44], из них: с лексемой ***дом*** 123, ***изба*** – 151, с другими компонентами, связанными с ***дом*** семантически, – 374. Распределение по субполям следующее: субполе *дом* «строение» – 410 устойчивых сочетаний, субполе *дом* «семья» – 121, субполе *дом* «хозяйство» – 69 и в «ЛСГ слов дальней периферии СП» – 48.

Превалирование в субполе *дом* «строение» фразеологизмов именно с видовым концептом ***изба*** (74 с лексемой ***дом***, 131 – с ***изба*** и 205 единиц с другими компонентами), объясняется, на наш взгляд, тем, что именно она понимается русским крестьянством как свое, родное, привычное жилище. Это значит, что и в устойчивых единицах употребляется именно то слово и его производные, которые чаще функционируют в речи сельского жителя. Данный факт объясняется также возможностью использования номинанты ***изба*** в составе эквивалентов слов со значением как целого строения, так и отдельного помещения в нем. Для сравнения: в ЛСГ «Социальное, духовное, увеселительное и т.п. учреждение» доминируют ФЕ с ***дом***, что объясняется ассоциацией у деревенских жителей дома с городским зданием, предназначенным для проживания, работы или обслуживания нужд определенной группы людей, то есть вне пространства дома – жилища одной семьи. В субполе *дом* «семья» входят 19 эквивалентов слов с лексемой ***дом***, 3 – с ***изба*** и 99 единиц с другими компонентами: *стани́ца детинная* «многодетная семья» [СРНГ. Вып. 41, 48], *подомо́вая большуха* «домашняя хозяйка» [СРНГ. Вып. 28, 119], *води́ться по избам* «побираясь, нищенствуя, поочередно питаться в разных домах в деревне» [СРНГ. Вып. 4, 338], *ба́нная бабушка* «по суеверным представлениям – мифическое существо женского пола, живущее в бане» [СРНГ. Вып. 2, 96], *кости́шно верховище* «о старой деве» [СРНГ. Вып. 15, 75]. В субполе *дом* «хозяйство» единиц соответственно – 11–3–55: *давать поря́док* «наводить, поддерживать порядок в доме, убирать» [СРНГ. Вып. 30, 127], *дворовое именье* «всякая хозяйственная движимость, принадлежащая всем членам семьи» [СРНГ. Вып. 12, 191], *кухонный наря́д* «кухонные принадлежности» [СРНГ. Вып. 20, 143], *скотину стря́пать* «кормить, поить и доить коров»

[СРНГ. Вып. 42, 59–60]. «ЛСГ слов дальней периферии СП» включает ДФЕ, семантически связанных с единицами ***дом*** (19)***, изба*** (12) или их производными: *дома́шний лес* «ближний лес» [СРНГ. Вып. 8, 117], *избыва́ть из дома, из житья* «выдавать замуж» [СРНГ. Вып. 12, 99], *огни в избу* «о времени, когда зимой начинают зажигать свет в домах (около 4-х часов вечера)» [СРНГ. Вып. 22, 340], *перетаскивать из избы в избу (что-либо)* «передавать сплетни» [СРНГ. Вып. 26, 239], *поддомо́вая усадьба* «огород у дома» [СРНГ. Вып. 27, 392], *пуща́ть до дому* «давать возможность идти, уйти куда-л., давать свободу» [СРНГ. Вып. 33, 178], *ску́тать избу* «запереть ставни, дверь плотно, не оставляя отверстий, наглухо» [СРНГ. Вып. 38, 199] и др. В данную группу также входят фразеологизмы с другими компонентами (15), которые имплицитно или эксплицитно связаны с концептом ***дом*** и его компонентом ***изба***: *дебово́й двор* «последний дом при поочередном кормлении пастуха или при обходе деревни священником» [СРНГ. Вып. 7, 329], *на ку́рьих лапках хатка* «избушка на курьих ножках» [СРНГ. Вып. 16, 130], *сидеть (жить) на крючке́* «держать постоянно дом на запоре, опасаясь воров и грабителей» [СРНГ. Вып. 15, 360–361], *жить своим подво́рьем* «жить в своем доме» [СРНГ. Вып. 27, 369], *быть позадь поро́га* «быть дома, оставаться дома» [СРНГ. Вып. 30, 65], *домашняя сторо́нушка* «родные места, край» [СРНГ. Вып. 41, 250] и др.

У эквивалентов слов реализуются все значения слова ***дом*** в диалектном языке: «изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками», «гроб», кроме того, только “фразеологические” ЛСВ, которые зафиксированы в СРНГ “в сочетаниях”. Помимо этих значений у диалектных устойчивых сочетаний представлены ЛСВ слова ***дом*** в литературном языке. Эпидигма лексемы ***изба*** у фразеологизмов представлена значительно шире, причем это касается избы как целого дома, так и его части – отдельного помещения, а также с ЛСВ «дом, в котором собираются для проведения сходок и других сельских надобностей».

В отличие от слов у фразеологизмов практически отсутствует полисемичность и соответственно возможность принадлежности нескольким ЛСГ. В анализируем фрагменте семантического поля ***дом*** зафиксированы лишь единичные факты наличия у ФЕ нескольких значений: *выде́лывать (в'ыделать) избу* «а) Обтесывать стены внутри избы, чтобы не было неровностей от бревен. б) Производить внутреннюю отделку избы: делать полати, перегородки, лавки и т.п.» [СРНГ. Вып. 5, 272]; *до́лгий дом* «а) Дом из двух половин: избы и клети (летней половины). б) Дом с двускатной крышей, имеющий прямоугольное основание» [СРНГ. Вып. 8, 106]; *запе́чная баушка* «а) Об избегающем общества нелюдимом человеке, домоседе. б) Легкая брань по адресу нелюдимого человека, домоседа» [СРНГ. Вып. 10, 316]; *казённый дом* «а) Острог, тюрьма. б) Казарма. в) Винная лавка» [СРНГ. Вып. 12, 318]; *пере́дняя изба* «а) Основное жилое помещение крестьянского дома, состоящего из двух комнат (изб), соединенных сенями. б) Летняя комната в крестьянском доме. в) Лучшая комната в доме. г) Кухня или помещение, ее заменяющее. д) Прихожая» [СРНГ. Вып. 26, 85–86]; *вести поря́док* «а) Поддерживать порядок в доме; быть аккуратным. б) Вести хозяйство, распоряжаться средствами» [СРНГ. Вып. 30, 126–127], *княжий (княжой) стол* «а) Угощение после венчания в доме новобрачных. б) Обед на второй день после свадьбы в доме молодых. е) Вечеринка в доме невесты после заплетания кос» [СРНГ. Вып. 41, 195] (значения в, г, д семантически не связаны с фразеологией СП ***дом***).

В группах названного семантического поля представлены фразеологизмы, которые по семантике равнозначны или близки соответствующим словам, причем и компонент фразеологизма, и слово являются однокоренными: *выкладень* [удар.?]. «изба с русской печкой, в противоположность черной избе» и *выкладна́я изба* «то же, что выкладень» [СРНГ. Вып. 5, 291], *кругловик* «пятистенный дом» [СРНГ. Вып. 15, 298] и *кру́глый дом* «пятистенок с четырехскатной крышей» [СРНГ. Вып. 15, 300], *пласти́нка* «небольшая низкая изба, обложенная пластами дерна» и *пласти́ная изба, избушка* «то же, что пластянка» [СРНГ. Вып. 27, 93], *возо́вня* «сарай или навес для хранения телег, саней и др. надобностей» и *возо́вой сарай* «сарай для повозок и сельскохозяйственного инвентаря» [СРНГ. Вып. 5, 28], *сенни́к* «сени» и *сенна́я связь* «сени» [СРНГ. Вып. 37, 167, 170] и др.

Зафиксированы также тавтологические фразеологические обороты: *жительством жить* «обзаводиться хозяйством» [СРНГ. Вып. 9, 196], *о́бжить житье* «промотать, разорить дом, хозяйство» [СРНГ. Вып. 22, 44], *обохо́д обохаживать* «хозяйничать; обихаживать» [СРНГ. Вып. 22, 185], *перт пе́рить* «дом домить» [СРНГ. Вып. 26, 294].

Все фразеологизмы в названном поле с точки зрения эквивалентности слову той или иной части речи делятся: на с у б с т а н т и в н ы е , при этом их большинство, что объясняется именным характером лексем ***дом – изба*** и всего СП (*балала́ва корова, беда́ в дом, благослове́нное имение, вершённый дом, ви́хорная баба, дерева́нный халат, дом перед связью, дом крестовый, домашняя снасть, женихово поместье, изба́ четыре стены, изба баркой, зи́мний мост, каличий круг, кипучая смола́,*

ку́шничная изба, одино́кий дом, парна́я изба, постройка князько́м, рудная изба, сва́дебная изба, свети́льная горница, смёртные партуманы, станли́вая хозяйка, уде́льчивый хозяин и др.), г л а г о л ь н ы е (*входи́ть в избу, взять в животы, жительством жить, жить на одины (одине), жить на сторонке, заси́живать вечер, идти́ домой, картоми́ть избу, на зад′ы сесть, на дом кланяться, обряжаться избой, запушить дом, подымать избу, робить на дому, собира́ть беседу, собра́ть всхожу, соблюда́ть обиход, справля́ть хозяйство, спусти́ть свои семена на свет* и др.) и н а р е ч н ы е (*на сеня́х, в во́нках, 3.с во́ли, в оградке).*

Фразеологическим единицам диалектного компонента семантического поля ***дом***, как и в литературном языке, свойственна вариативность, причем разнообъемная (квантитативная) и разноуровневая (акцентная, фонематическая, структурно-словообразовательная, лексическая): *крестóвый (крестовóй) дом* «дом из четырех комнат, образованных крестообразно расположенными внутренними стенами; обычно две комнаты жилые, а две другие – сени и чулан» [СРНГ. Вып. 15, 234], *позёмный, позе́мный дом, изба* «об одной связи, одноярусный» [СРНГ. Вып. 28, 332], *се́нна́я изба, избушка* «помещение для рабочих на отдаленных от жилья сенокосах» [СРНГ. Вып. 37, 168], *жи́ру смотреть (посмотреть)* «домашнее хозяйство» [СРНГ. Вып. 9, 181] *устраивать, делать, собирать посиде́нки; идти, ходить, приходить, собираться и т.п. на посиде́нки* «приходят или приезжают на лошадях на посиденки молодые парни. Посиденки, сверх веселья на них для крестьянской молодежи, нередко доставляют молодым людям – женихам случай высмотреть себе невесту» [СРНГ. Вып. 30, 157], *изба, дом и т.п. на две стоп′ы, на двух стопа́х* «о постройке с двумя срубами, связанными между собой. || Изба, состоящая из одной комнаты» [СРНГ. Вып. 41, 230] и др.

Большинство устойчивых сочетаний в диалектном компоненте СП ***дом*** построены по схеме «прилагательное + существительное»: *верхóвой дом, выкладная изба, влащая изба, двоештатный дом, однополая изба, наливная изба, парная изба, долгий дом, квадрашный дом, большой угол, возовой сарай, безумный дом, куренная комната, передняя горница, подкутная изба, одинокий дом, подомовый отпуск, ровненькая изба* и т.д. Фразеологизмы также созданы по схемам: «глагол + существительное»: *доживать избу, приставать в дом, на квартиру к кому-либо, картомить избу, вершить дом, входить в избу, запушить дом, нарядить избу, подвешивать дом, подвзводить избу, жить по глаголу, зваться домами, на дом кланяться, (жить, оставаться) при доме, хозяйство водить, обряжаться избой, обряжать, обрядить дом, крепить дом, подворьеко водить, играть в бугорки, пущать до дому*; «существительное + существительное в тв.п.»: *дом кряжом, дом связью, изба баркой, дом крюком*; «существительное + предлог + существительное»: *изба на подклете, изба без подклета, изба с прирубом, изба с присеком, дом на рогу, дом, изба (со) связью, изба, дом на (две) связи* и «существительное + числительное + существительное»: *изба в одну стопу, изба три стены, изба четыре стены*.

Фразеологические единицы, входящие в диалектный фрагмент семантического поля ***дом*** и рассматриваемые нами как дальняя периферия лексико-семантических групп, различны по слитности и эмоционально-экспрессивной окрашенности. Особый интерес вызывают фразеологические терминологические сочетания, отражающие сферу материального бытия русского крестьянина и накопленный практический опыт, передающийся из поколения в поколение. Доминирование таких единиц над идиомами объясняется, на наш взгляд, тем, что строительство дома и ведение собственного хозяйства – неотъемлемая часть человеческой жизни, сознания всего этноса, его культурно-исторических традиций.

Литература

1. Борисова О.Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дисс. … д. филол. н. – Краснодар, 2018.
2. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. – Волгоград: Перемена, 2003.
3. Забродкина Е.А. Семантическое поле «дом» в русских народных говорах: дисс. … канд. филол. н. – русский язык. – Киров, 2008.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–24. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сорокалетов. – М.: Л.: Наука, 1965–1989. Вып. 25–44 / гл. ред. Ф.П. Сорокалетов. – СПб.: Наука, 1990–2011 (сокращенно: СРНГ).
5. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учебник в 2 ч. / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина [и др.]; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование.
6. Федоров А.И. Слово и фразеология в современной сибирской диалектной речи // Восточнославянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 167–170.

ВЕЧНО ЖИВОЕ НАРОДНОЕ ПСКОВСКОЕ СЛОВО
(синхронно-диахронный аспект изучения)

Л.Я. Костючук
Псковский государственный университет,
д.филол.н., профессор; e-mail: anh57@yandex.ru
Россия, г. Псков

Сбор, лексикографирование, изучение псковской речи привели к пониманию её синхронно-диахронных отношений с соседними языками в условиях пограничья с балтами, финно-уграми. Ряд особенностей псковских говоров отличает их не только от всех других русских наречий, но и от восточнославянских языков и даже от всех других славянских. Работа над Псковским областным словарём с историческими данными привела к неожиданным выводам, открытиям. Важен учёт и данных археологии о времени появления славян-кривичей в Поозерье.

Ключевые слова: *Псковский областной словарь с историческими данными; синхрония; диахрония; отношения языков; пограничье.*

17 января 2021 гола в Межкафедральном словарном кабинете (МСК) прошли очередные Ларинские чтения памяти Б.А. Ларина, которого Д.С. Лихачёв назвал «самым образованным лингвистом нашего времени» [12, с. 5]. Всё связанное с этим человеком уникально. Обширнейшие знания, талант, умение создавать развивающиеся, творческие коллективы исследователей, умеющих, в свою очередь. воспитывать учеников, не боящихся, как и учитель, выбирать в науке нелёгкие пути и стремящихся к полноте изучаемого при сравнении, сопоставлении материала в поисках и выяснении истины. Ларинские чтения 2021 г. посвящены 60-летию созданного Б.А. Лариным в 1960 г. МСК, с целью обсудить воплощение идей учёного за эти десятилетия, напомнить, узнать о законченных, продолжающихся, новых трудах в русле ларинских направлений.

В 1960 г. состоялась и первая Псковская диалектологическая конференция по инициативе Б.А. Ларина, чтобы официально оформить участие и псковских словарников в создании «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) [17], который был задуман Б.А. Лариным в конце 50-х гг., и лет 15 уже шла работа (экспедиции, сбор и обработка материала для Картотеки, создание и обсуждение первых словарных статей под руководством самого Б.А. Ларина). ПОС – «новаторский в мировой лексикографии» полного типа: «Региональный словарь на широком историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании» [9, с. 3]: 1) диалектный современный словарь псковских говоров, начиная с XIX в., при учёте и общерусских слов, зафиксированных в речи диалектоносителей; 2) одновременно и исторический диалектный, по памятникам псковской письменности XIII–XVIII вв. (список источников был составлен Б.А. Лариным, но пополняется при обнаружении новых по тем же требованиям). Семантика, грамматические особенности, стилистическая окраска – всё учитывается, причём включаются и народные собственные имена, прозвища людей; клички животных; местные географические названия. Б.А. Ларин так определил характер этого словаря: «Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера и послужит образцом для других словарей этого типа – русских, славянских, финских, балтийских и т.д.» [9, с. 3]. Всё это позволяет заметить, проследить, исследовать жизнь народного слова в речи псковичей на протяжении веков. Полнота псковского материала помогает подтвердить или объяснить чьё-то предположение.

Покажем некоторые загадки из жизни псковских народных слов. В XIX в. со становлением языкознания как отдельной науки со своим объектом и развитием разных направлений обратили внимание не только на книжный язык, но и на народную речь. В.И. Даль, преданный русскому языку, собирал, познавал и объяснял русские слова и свой главный труд мудро назвал «Толковый словарь живого великорусского языка» [5] – и литературного, и народного, местного на огромной территории Российской империи. В статье «О наречиях русского языка» [4, с. XL–LXXXV] В.И. Даль писал о псковском: «Губ. Псковская *далеко* не представляет той пестроты и смешения наречий, как Тверская<…>. Вообще псковское наречие отличается превратным ударением **[*пере́ходы* ‘перехо́д, мостки’; *ру́чей* ‘руче́й’**.– *Л.К.*] и искажением слов **[*впал* ‘упал’; *пу́лка* ‘булка’; *жубно́й* – ‘зубной’**. – *Л.К.*]» [4, с. LVI].

Внимание к диалектному слову при работе над полным ПОС позволяет не только фиксировать, но и объяснять (подчас с учётом истории) «превратности ударения» и «искажения слов» в псковских говорах, приводя подчас и к научным открытиям.

Так, в докладе на Псковской первой диалектологической конференции 1960 г., затем в статье о своеобразии звука **[*ch*]** в псковских говорах [2, с. 28–57], что касается случаев типа ***мя́хо*** вместо ***мясо, подпоя́хываться*** вместо ***подпоясываться***, типа ***меха́ть*** вместо ***мешать***, С.М. Гдускина доказала возможность, причины особого появления этого звука в данном регионе. Исследователь на полно собранном материале выделил два условия проявления псковского **[*ch*]** в местных говорах: 1) вместо звука **[*s*]** в случаях ***техни́ться*** ‘тесниться’, ***хвет*** ‘свет’, ***сви́хтываться*** ‘сосвистываться’, ***вмехну́ть*** ‘совместить’; 2) вместо звука **[š]** в случаях ***спра́хывать*** ‘спрашивать’, ***ве́хать*** ‘вешать’. (При этом приходилось учитывать и обычное взаимодействие **[s]** и **[š]** типа ***размесить – размешать*).**

Учёт древней фонологической системы (неразличение в древности соответствующих фонем) позволил выяснить структурные особенности у соответствующих слов с нетрадиционным звуком **[*ch*]** (это учёт морфонологии). Значит, звуки **[*s*]** и **[*š*]** смешивались в каком-то общем звуке **[*s*^{š}]**. Специфика явления в том, что звук **[*ch*]** исторически мог появиться или из звука ***s***, или через звук ***š.** Неразличение указанных звуков могло проявляться уже до первой палатализации заднеязычных согласных, когда они во всех славянских языках переходили в шипящие согласные. Важен тезис исследователя: «По-видимому, фонетически незакономерный звук **[*ch*]** появился в псковских говорах в связи с какими-то особыми, свойственными этим говорам языковым явлениям. Такой местной особенностью, приведшей к возникновению **[*ch*]** на месте общеславянского **[*s*]**, как нам представляется, было неразличение свистящих и шипящих, одно из древнейших явлений псковского диалекта» [2, с. 33]. Современные псковские говоры знают до сих пор случаи типа ***су́ба – шу́ба, жа́дний – за́дний.*** Б.А. Ларин высоко оценил это исследование: «Историко-сравнительные изыскания С.М. Глускиной обогащают фонетику русского языка» [10, с. 3].

В 1967 г. в Польше [22] и в 1968 г. в Пскове [3] С.М. Глускина опубликовала статьи о новом, буквально революционном открытии на материале псковских слов с корнями ***кеп-, кев-, кед-*** вместо общеславянских ***цеп-, цев-, цед-*** в словах ***кеп, кепови́ще; ке́вца́; кеди́ть, кеди́лка*** вместо ***цеп, цепови́ще; це́вца́; цеди́ть, цеди́лка***, да ещё и ***кветы́, квести́*** вместо ***цветы́, цвести́***. Чёткое обоснование этого: «Немаловажно учитывать, что слова с сохранившимся звуком **[*к*]** вместо **[*ц*]** корневого в современных говорах относятся к сельскохозяйственной и ремесленной терминологии»; «Сохранение начального **[*к*]** именно в словах терминологичного характера свидетельствует об исконности этого местного звукового явления» [3, с. 27]; «Северо-западное начальное ***ке-,*** не дававшее чередований, <…> было не морфонологическое, а чисто лексическое местное явление» [3, с. 30].

В своих доказательствах лингвист использовал и данные археологии: на территории около Псковских озёр кривичи (предки псковичей) появились не ранее середины – начала 2-й половины I тыс. н.э., пройдя через территорию древних балтов и финно-угров, и оказались на несколько веков изолированными от всего славянского мира. Согласно сравнительно-историческим доказательствам в лингвистике, все славяне пережили II палатализацию заднеязычных, а кривичи, находясь в изоляции в соседстве с иноязычными племенами (тем более у ближайших финно-угров сочетание заднеязычных и гласных переднего ряда обычно) и своевременно не пережили действия этого общеславянского закона. Приятно было услышать и недавно от пенсионерки, в прошлом медработника, в экспедиции слово *кедить*: это невольное возвращение к родному говору при воспоминаниях о деревенском прошлом.

Трудно принималось это открытие в те смутные годы нашей лингвистики: даже большой учёный позволил высказаться по докладу С.М. Глускиной в Москве, не вникнув в научные тщательные доказательства, отвергнуть идущее вразрез с принятым постулатом только по принципу «этого не может быть, потому что это не может быть никогда». Однако польский славист З. Штибер, после доклада С.М. Глускиной сразу предложил опубликовать её статью и исполнил это [24]. И статьи учёного перевернули традиционное представлениие о времени этого древнего фонетического явления. Б.А. Ларин, к сожалению, не узнал об этом замечательном открытии своей ученицы.

Но истина восторжествовала. В 1980 г. А.А. Зализняк, читая опубликованные новгородские берестяные грамоты, в №247 обратил внимание на фрагмент в переводе как **«*а замок кельи, а двери кельи*»**, вызвавший у него сомнение в графике, морфологии, синтаксисе, смысле: «<…> выламывался из регулярностей древнерусского текста. И пришла догадка, что если принять **“*кhле*”** за **“*цел*”**, а **“*кhлh*”** за **“*целы*”**, то все разнородные дефекты текста одновременно устраняются» [7, с. 143]. От такой логичной догадки А.А. Зализняк «испытал некоторый естественный шок, поскольку ясно понял,

что такое прочтение грамоты № 247 означало бы отказ от общепринятого в славистике тезиса о праславянском возрасте второй палатализаци» [7, с. 143]. На докладе об этом факте в Институте славяноведения Академии наук от С.М. Толстой А.А. Зализняк узнал, что С.М. Глускина из Пскова полтора десятилетия назад сделала такое открытие на материале псковских говоров. И к чести учёного, он признал первенство первооткрывателя, назвав его открытие «***эффектом Глускиной***», рекомендовал ввести его в изучение истории древнерусского языка. Учитывая и другие псковские особенности, предложил называть отражение древней народной речи в новгородских берестяных грамотах (кстати и в Пскове обнаружены грамоты на бересте) «***древний псковско-новгородский диалект***», а не только «древненовгородский диалект» [6].

Пример из грамоты №247 ***келе*** вместо ***цел*** (именная форма прилагательного м.р. ед.ч. им.п.) содержит покаателем окончание ***-е*** вместо обычного древнерусского ***-ъ***, что встречаем и в псковских памятниках, отражающих речь псковичей: например, в местных грамотах XIV–XV вв.: «а изнесеться [‘умрёт’] моужь ***Федоре***» вместо ***Федоръ*** [13, с. 72], «Се купише ***Павле***» [13, с. 56]. В Немецко-русском словаре, составленном немецким купцом Т. Фенне в Пскове 1607 г.: «Челом мой ***миле Немчине***. Как тебе Бог на дорогу милует / здорово ишедши?» вместо ***милъ Немчинъ*** [25, с. 191]; «Я с тобой ***розлезлесь*** / росплатился / ***розочклесь***, да я тебh ***не виновате***» вместо ***не виноватъ***» [25, с. 343]. Да ещё и в двух формах м.р. ед.ч. прошедшего времени, после [*л*], по происхождению причастие на ***– л.***

Соседство так называемых псковских материковых и островных говоров на территории Эстонии в районе Причудья, как показали исследования учёных, важно учитывать при выяснении особенностей речи их носителей, так как это помогает и одной, и другой стороне многое обнаружить и объяснить в тысячелетней истории языка и народа. Содружество авторов ПОС, исследующих псковские говоры, и тартуских учёных, продолживших давно начатые наблюдения Т.Ф. Мурниковой, которая исследовала псковские говоры на острове Пийрисаар, продуктивно и актуально. Русские говоры старообрядцев в эстонском окружении исходно псковские, их носители веками бережно сохраняют свою речь в иноязычном окружении, причём совершенно другой языковой системы, но в то же время обнаруживают и заимствования «***чужого***», своеобразно осваивая его и приспосабливая к «***своему***», что обычно свойственно носителям родного языка.

В первом десятилетии XXI в. исследователи Тартуского университета провели многоаспектное исследование истории, культуры, языка староверов на территории Эстонии. В результате изданы интересные монографии – «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии» [14; 15], «Словарь говоров староверов Эстонии» [16]. Исследователи псковских говоров старообрядцев Причудья на территории Эстонии справедливо признают, что эти говоры относятся к северо-западным, о чём пишет диалектолог О.Г. Ровнова из Москвы, участник совместного указанного проекта: «Согласно общепринятой в диалектологии точке зрения, ***псковский русский говор староверов Западного Причудья*** относится к северо-западным (акающим) говорам» [18, с. 145]. Связи псковских исследователей и словарников с эстонскими коллегами традиционны, как и с исследователями русских говоров на территории Латвии и Литвы.

Для объяснения причин других уникальных особенностей псковских говоров вспомним, что предки псковичей (кривичей), придя на эту землю около Псковского и Чудского озёр в поисках лучших земель как условий жизни в период неблагоприятных климатических условий из Средней Европы около половины I тыс. н.э., вынуждены были пройти через земли древних балтов и финно-угров и оказались в изоляции от всех славян на несколько веков. Данный путь появления псковичей в этом месте был доказан и обоснован археологом-славистом В.В. Седовым [19; 20], занимавшимся десятилетия до своей кончины и раскопками в псковском Изборске недалеко от Пскова. Его заключение о появлении в древности здесь указанного славянского племени очень поддерживает гипотезу С.М. Глускиной, а её открытие с важнейшими выводами поддерживает археологическую гипотезу и доказательства В.В. Седова. Это показывает справедливость мнения С.С. Аверинцева о современной филологии: должно быть «***содружество гуманитарных дисциплин***» [1, с. 544–545].

Изучение псковских говоров требует внимания и к языкам соседей-балтов. С XIX в. А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и др. пытались объяснить причину наличия только в псковских материалах сочетаний **[*гл*], [*кл*]** вместо восточнославянского **[*л*]** в результате упрощения древних сочетаний ****dl, *tl***, которые сохранились в польском языке (***mydło*** ‘мыло’, ***pletł*** ‘плёл’, ***siadł*** ‘сел’). Данная загадка появилась благодаря талантливому, но очень рано скончавшемуся Л.Л. Васильеву (ученику А.И. Соболевского), который обнаружил в псковских памятниках и живых говорах несколько

случаев глагольных форм прошедшего времени: ***вегли*** вместо ***вели*; *сустрекли*** вместо ***сустрели***, т.е. не с восточнославянским результатом, а вдруг с двумя звуками, да ещё с первым неожиданным заднеязычным: **[*гл*], [*кл*]** в зависимости от звонкости / глухости древних ****dl /*tl***. Позже Н.М. Каринский, А.И. Соболевский ещё отметили ***подвегли, вмяклася*** (от ***мятусь***). Как же появился первый заднеязычный? А.И. Соболевский объяснял влиянием польского языка, с чем не соглашался А.А. Шахматов, поскольку даже в белорусском, тесно связанном с польским, нет и намёка на подобное. Продолжая искать ответ, А.А. Шахматов в конце 10-х гг. XX в. в лекциях по русской диалектологии в Петербургском университете говорил об этом факте, по-прежнему отвергая заимствование из польского языка, но допустил возможность влияния «***со стороны***».

Б.А. Ларин слушал лекции А.А. Шахматова в университете и, понимая значимость его работ, записал и эти лекции, подготовил их в предвоенные годы к печати. Но разные обстоятельства постоянно мешали изданию. И вот в 2010 г. усилиями учеников Б.А. Ларина (при окончательной редакцией рукописи для печати, проведённой И.С. Лутовиновой) этот ценный труд вышел в свет [21]. Бдагодаря лекциям А.А. Шахматова мы узнали о загадочных случаях, обнаруженных во 2-й половине XIX в. Л.Л. Васильевым [21, с. 53–56].

После 2010 г. появилось обострённое внимание к таким сочетаниям: ведь ранее, при работе с псковскими летописями, встретилось единичное выражение «*псковичи с новогородцы* ***въсhгли на конь***» ‘выступили в военный поход’.

Благодаря Б.А. Ларину, отстоявшему в очень сложные годы свою точку зрения, лингвисты получили право использовать в исследованиях записи русской речи иностранцами, которые они вели во время посещений русских городов, как ценнейшие свидетельства о русском языке прошлых веков. В годы космополитизма логика доказательств учёного на материале исследования трёх огромных иностранных источников позволила Б.А. Ларину блестяще защитить докторскую диссертацию [11]. И это научное направление теперь признано мировым научным сообществом: известно не менее 10 русско-иностранных разговорников; псковичам важны три, отражающие псковскую речь XVI–XVII вв. [22; 23; 25]. Разговорник Т. Фенне составлен в самом Пскове 1607 г. Это кладезь свидетельств для исторической части словарных статей ПОС.

И вдруг находим в нём подтверждение форм прошедшего времени с **[*гл*], [*кл*]:** «Ты себh в том товарh ***обочклесь / очклесь,*** я тебе ***отчту*** [однокоренной глагол предшествующим. – *Л.К.*], чтобы ты не прямо ***считал***» [то же. –*Л.К.*] [25, с. 388]; «Я с тобой розлезлесь / росплатился / смолвился / ***розочклесь***, да я тебh не виновате» [25, с. 343].

Местная псковская речь зафиксирована писцами-псковичами XIV–XV вв. в источниках, обнаруженных и опубликованных Л.М. Марасиновой [13], где встречаем в именах: «Се розменишася Олфери с Онаньею с Гарьбамъ землею на землю <…> и четвертую ниву подле Заболоцкии путь кроими до ручья ***до егли*** до крои, ***от егли*** ручьемъ вниз» [13, с. 52]. Название дерева ***егла*** ‘ель’– обозначение наиболее заметного показателя границы земельных разделов наряду с другими, как и ***мочигло,*** т.е. ***мочило*** ‘яма с водой для вымачиывнияльна при его обработке’. Эти слова наряду с ***жáгло, жéгло,*** т.е. ***жало,*** и другими записаны и в XX в.

В говорах пограничья, особенно с Латвией, часто встречались сначала удивлявшие по смыслу фразы типа «Опять ***повелú покóйника***» (от ***повести***), но «***Корóву*** с поля уже ***привезлú***» (от ***привезти***) при как будто путанице двух глазолов разных корней (***вез-*** и ***вед-***). Учёт примеров в указанных говорах, которые 20 лет в первой половине XX в. входили в Латвию, обращение к словарям показало: в латышском и литовском языках глагол с корнем ***ves-*** трактуется как двузначный с указанными значениями. Значит, удивлявшие фразы – семантическое влияние балтского языка на псковские говоры.

Работа со словарями подтвердила предположение: для этих языков сочетания **[*gl*], [*kl*]** в корнях (лит. ***eglė*** ‘ель’, ***gerklė*** ‘горло’; лат. ***egle*** ‘ель’), в суффиксах (***dūmeklis*** ‘дымовая труба’) – это типично «***своё***», в отличие от псковских говоров, в балтских языках.

В результате наблюдений и сопоставлений стало понятно, что загадочные псковские **[*гл*], [*кл*]** на месте древних ****dl, *tl*** – это результат древнего влияния балтских языков на язык кривичей, находившихся по известным причинам в изоляции. Балтские языки близкородственны славянским. Вспомним теорию возможного «***балто-славянского единства***». На помощь пришла и логика объяснения С.М. Глускиной отсутствия II палатализации: древняя изоляция, соседство языков другой системы (но в случае **[*гл*], [*кл*]** исторически близкой).

Лексикографическая работа, тем более над полным словарем, отражает и сохраняет знание о контактах псковских русских говоров с балтами, финно-уграми в прошлом и настоящем. Научные

исследования при обнаружении, объяснении, фиксации уникальных особенностей псковских говоров (по правилам ларинской Инструкции [8]) в словарных статьях сохраняют память о родном языке на протяжении веков, с учётом синхронно-диахронных состояний вечно живого народного слова.

Литература

1. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 544–545.

2. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [*ch*] в псковских говорах // Псковские говоры: материалы I Псковской конференции 1960 г. – Псков: ПГПИ, 1962. – С. 28–57.

3. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры: материалы II Псковской конференции 1964 г. – Псков: ПГПИ, 1968. – С. 20–43.

4. Даль В.И. О наречиях русского языка // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956. – С. XL–LKXXXV.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956.

6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 480 с.

7. Зализняк А.А. К столетию со дня рождения Софьи Менделеевны Глускиной // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными») Ч. 2. – Псков: ЛОГОС, 2017. – С. 142–144.

8. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. – Л.: ЛГУ, 1961. – 46 с.

9. Ларин Б.А. Предисловие // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. – Л.: ЛГУ, 1967. – С. 3.

10. Ларин Б.А. Предисловие // Псковские говоры: Труды I Псковской диалектологической конференции 1960 г. – Псков: ПГПИ, 1962. – С. 3–4.

11. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 686 с.

12. Лихачёв Д.С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М.: Просвещение, 1977. – С. 5–10.

13. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / под ред. А.М. Сахарова. – М.: МГУ, 1966. – 212 с.

14. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Выпуск I / отв. ред. И.П. Кюльмоа. – Тарту: Изд. Тартуск. ун-та, 2004. – 318 с.

15. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Выпуск II / отв. ред. И.П. Кюльмоа. – Тарту: Изд. Тартуск. ун-та, 2007. – 376 с.

16. Паликова О.Н., Ровнова О.Г. Словарь говора староверов Эстонии. – Нарва: Sata, 2008.

17. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. – Л./СПб.: ЛГУ/СПбГУ, 1967–2020.

18. Ровнова О.Г. О современном языке староверов Западного Причудья. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Выпуск II. – Тарту: Изд. Тартуск. ун-та, 2007. – С. 144–154.

19. Седов В.В. Славяне в древности. – М.: Фонд археологии, 1994. – 343 с.

20. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.

21. Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». – СПб.: Фак-т филологии и искусств, 2010. – 264 с.

22. Ein Russisch-Deutsches anonymies Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrchundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimer; Wien, 1994.

23. «Einn Russisch Buch» Tomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska. Kraków, 1997.

24. Głuskina Z. O drugej palatalizacjl spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach połnocno-zachodnich // Sławia Orientalis, roc. XV. № 4. Warszwa, 1966. S. 475–482.

25. Tönnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. by L.L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

ГИЗАУРУС ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СОСТАВИТЕЛЕЙ И РЕДАКТОРОВ «БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

С.В. Лесников
ИЛИ РАН, программист; к. филол. н., доцент,
главный редактор альманаха «ГОВОР»; e-mail: serg@lsw.ru
Россия, г. Санкт-Петербург

Гизаурус лексикографических материалов для составителей и редакторов «Большого академического словаря» содержит оцифрованные словари, справочники и энциклопедии русского языка для справочного отдела, составляющего отдельный абзац.

Ключевые слова: *база данных; гизаурус; гипертекстовый тезаурус; метаязык; искусственный интеллект; корпус; лексикография; лингвистика; поиск; русский язык; словарь; справочник; текст; энциклопедия.*

Русский язык, государственный язык Российской Федерации, является одним из официальных языков ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ. Описание и репрезентация академических толковых словарей русского языка и формализация лексикографических материалов становится одной из актуальных задач корпусной лексикографии. В связи с глобальной индустриализацией и урбанизацией часть лексики уходит в прошлое, поэтому очевидна необходимость комплексной разработки интерактивной версии облачного гипертекстового сводного тезауруса (далее гизауруса) русских словарей для обобщающего исследования русской лексики как отражения национальной культуры и истории страны. Получение репрезентативного оцифрованного академического словарного корпуса в форме гизауруса позволит предоставить специалистам-филологам и широкому кругу пользователей интерактивный доступ к соответствующим лексикографическим источникам русского языка (в зависимости от запросов) [2–6].

Под гизаурусом понимается гипертекстовая реляционная база данных с гиперссылками – это цифровой идеографический словарь (тезаурус), отображающий синтагматические, синтаксические, парадигматические, семантические, прагматические и словообразовательные языковые отношения между лексическими единицами. Гизаурус предназначен для целенаправленного поиска слов: как лексем в целом, так и отдельных их вариантов (лексико-семантических и лексико-грамматических, словообразовательных, морфологических, фонетических и акцентологических).

Актуальность конструирования гизауруса определяется тем, что до сих пор остаются ещё не разработанными вопросы:

1) связанные с формированием максимально полного свода академических толковых русских словарей, который позволит получать объективные, достоверные и аутентичные данные, например, для практической работы над текущими и новыми словарными проектами;

2) выявлением и систематизацией метаязыка лингвистики, решением проблем терминологической номинации и терминообразования лексикографии;

3) обеспечением доступа пользователям к уникальным изданиям словарей конца XVIII – начала XXI вв., давно ставшим библиографическими редкостями или опубликованным мизерными тиражами (напр., 25 том «Большого академического словаря русского языка» [1] издан тиражом 700 экз.), при этом сохраняя аутентичность оцифрованного материала этим изданиям;

4) необходимостью исследования тенденций развития современной корпусной лексикографии не только в области технических решений, но и в области теории создания цифровых лексикографических ресурсов на принципах, учитывающих богатство словарного материала и достижения современной лексикографии.

Научной проблемой планируемого исследования является развитие теоретических основ лексикографии, систематизация в условиях большого объёма, разнотипности и гетерогенности лексикографических материалов. Предполагается аутентичное отображение источников гизауруса за счёт выдачи по поисковым запросам не только релевантной информации из лексикографической базы, но и pdf-страниц из цифровых версий словарей-первоисточников.

В качестве основы гизауруса взяты оцифрованные и распознанные базисные академические словари русского языка, которые признаны образцовыми в научном смысле, поскольку созданы, изданы и/или одобрены Академией Российской, Императорской АН, АН СССР и РАН [lsw.ru/2019/bazisdict2019.htm]. Словарный корпус – это свод словарей, считающихся представительными для данного языка. Он конструируется в виде гизауруса в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей, что позволяет посредством

соответствующей классификации и систематизации, дигитализации, редупликации словарей структурировать и объединять лексикографические материалы.

Научная значимость гизауруса определяется потребностью научного сообщества в унифицированном интегральном описании русской лексики, востребованном представителями многочисленных и разнообразных направлений фундаментальных исследований. Интерактивно пополняемый гизаурус отражает «картину мира», т.е. традиционную культуру русского языка. Тем самым он позволяет на основе облачных технологий объединить в перспективе в гиперсистему лексикографические базы, построенные на разных принципах.

Впервые реализуется аналитический свод базисных академических словарей и вводится в научный оборот систематизированный словарный материал объемом свыше 1 000 000 словарных статей, представленных 60 тысячами страниц текстового пространства. Разрабатываются новаторские способы классификации языковых фактов и новые подходы к их интерпретации; выявляются закономерности развития словарного состава русского языка, формирования и функционирования русской терминосистемы, представляющей метаязык науки.

Хрестоматия содержит в формате pdf следующие источники:

Лексикон 1725

«Лексикон вокабулам новым по алфавиту», явившийся первым словарем иностранных слов, которые вошли в русскую речь в XVIII столетии. Предполагается, что словарь был составлен по поручению Петра I не позднее 1725 г. – года кончины императора и представлен ему в рукописи для просмотра и утверждения. Петр, видимо, просмотрел только первые четыре буквы алфавита (А, Б, В, Г), так как именно при словах на эти буквы имеются собственноручные правки Петра I, иногда очень точные и сжатые. Так, к слову *амнистия*, истолкованному первоначально церковнославянским словом *беспамятство*, рукою Петра I внесено пояснение: “забытие погрешений”. Просмотр не был закончен и остался в рукописи. Словарь был опубликован только через 200 лет.

Алексеев, 1773–1819

1773 Церковный словарь /ЦС/. Алексеев П. 425с.pdf
1776 ЦС Алексеев П.А. Дополнение к Церковному словарю 8+324с.pdf
1794 ЦС Алексеев П.А. Т1. 2-е изд. А-К.pdf
1794 ЦС Алексеев П.А. Т2. 2-е изд. К-Р 412с.pdf
1794 ЦС Алексеев П.А. Т3. 2-е изд. Р-Я 304с.pdf
1815 ЦС Алексеев П.А. Т1. 3-е изд. А-Е.pdf
1815 ЦС Алексеев П.А. Т2. 3-е изд. Е-Н.pdf
1816 ЦС Алексеев П.А. Т3. 3-е изд. Н-С.pdf
1816 ЦС Алексеев П.А. Т4. 3-е изд. С-V.pdf
1817 ЦС Алексеев П.А. Т1. 4-е изд. А-Д.pdf
1818 ЦС Алексеев П.А. Т2. 4-е изд. Е-Л.pdf
1818 ЦС Алексеев П.А. Т3. 4-е изд. М-П.pdf
1819 ЦС Алексеев П.А. Т4. 4-е изд. Р-С.pdf
1819 ЦС Алексеев П.А. Т5. 4-е изд. Т-V.pdf

Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних соч. П. Алексеевым, печатан при импер. Моск. университете, 1773; Дополнение к Церковному словарю 1776; Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних ч. I–III, изд. Акад. наук, 1794.

Протоиерей Московского Архангельского собора, член Московской духовной консистории Петр Алексеев поместил в своем словаре более 20 тыс. слов, извлеченных из книг религиозного каго на российский язык переведена сия книга, Академии наук секретарем Сергеем Волчковым, в 1743 и 1744 годах. СПб., 1747. Как отмечается в предисловии, в лексиконе помещено «краткое собрание находящихся в сей книге нужнейших вещей, которые здесь для скораго приискания расположены по алфавиту, содержащему описание городов, царств, княжеств, провинций, мест, урочищ, берегов и островов, а в них фабрики, мануфактуры, и заводы; также славные комерциею и богатые компании содержание знатных банков, а на конец описание всяким товарам, мер». Словарь представляет собой напечатанный кириллицей и построенный тематически латино-русско-немецкий лексикон известного деятеля просвещения в Петровскую эпоху, языковеда, издателя-типографа и педагога И.Ф. Копиевского.

БАС 1948–2019

БАС1: Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л., 1948–1965; БАС2. 2-е изд. Тт. I–VI (А-З). М., 1991–1994. БАС3. 3-е изд. Тт. 1–25. 2004–2019.

Березин, 1873–1879

Русский энциклопедический словарь. Изд. М. Березина, тт. 1–16. СПб., 1873–1879.

Берында, 1627

Лексикон славенороссский и имен толкование... тщанием, ведением же и иждивением... Памвы… Берынды. 1627.

Брокгауз и Ефрон

Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Тт. 1–41 и доп. СПб., 1890–1907.

БСЭ, БСЭ (2 изд.), БСЭ (3 изд.)

Большая советская энциклопедия. Тт. 1–65. М., 1926–1947; 2-е изд. М., 1949–1957; 3-е изд. М., 1970–1978.

БТС 1998

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

Вейсманн, 1731 (с указанием страницы)

Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Гейм, 1799, 1801, 1802

Гейм И. Новый российско-французско-немецкий словарь. Ч. I, А–К. М., 1799; Ч. II, К–Р. М., 1801; Ч. III, Р–V. М., 1802.

Гранат

Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и КЧ». 7-е изд. Тт. 1–58.

Даль, Даль (2 изд.), Даль (3 изд.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. I, А–З. М., 1863; Ч. II, И–О. М., 1865; Ч. III, П. М., 1865; Ч. IV, Р–V. М., 1866; 2-е изд. Тт. I–IV. СПб.; М., 1880–1882; 3-е изд. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Тт. I–IV, 1903–1909.

Доп. к Опыту обл. слов. Акад. 1858

Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Изд. Второго отд. Акад. наук. СПб., 1858.

Лекс. 1762.

Лихтен И.Ф. Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. Ч 1–2. СПб., 1762.

МАС 1957, 1958, 1959, 1961, 1981, 1982, 1983, 1984

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой Т. I, А–Й. М., 1957; Т. II, К–О. М., 1958; Т. III, П–Р. М., 1959; Т. IV, С–Я. М., 1961; 2-е изд. Т. I. М., 1981; Т. II. М., 1982; Т. III. М., 1983; Т. IV. М., 1984.

На основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка», собранной словарным сектором Института русского языка Академии наук СССР, был создан краткий академический «Словарь русского языка» в четырех томах – Малый академический словарь – МАС (ГИС, М., 1957–1960 гг.) под редакцией А.П. Евгеньевой. Иллюстративный материал отбирался из произведений художественной литературы со времен А.С. Пушкина и произведений публицистической и научной литературы XIX–XX вв. Словарь содержит общеупотребительную лексику и фразеологию русского литературного языка.

Он представляет собой нормативный словарь современного русского литературного языка и по назначению и объему очень близок по своему профилю и объему к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова с соответствующими коррективами в словнике, в связи с происшедшими изменениями в словарном составе. Словарь содержит около 83,5 тыс. словарных единиц.

Второе издание словаря, исправленное и дополненное, вышло в 1981–1984 годах. При переиздании в словарь были введены слова и значения, возникшие в языке со времени публикации первого издания; во втором издании систематически представлены наречия на -о, -е, -ски, а указания на видовую пару даются при каждом из входящих в неё глаголов. Несколько расширено число помет, относящихся к экспрессивно-эмоциональной оценке слов. Последующие издания «Словаря русского языка» были стереотипными.

В пределах словарной статьи представлены слово, в котором проставлено ударение, сведения о его грамматических формах (для существительных указан также род), принадлежности к той или иной части речи. Далее приводятся стилистические пометы и толкование слова с иллюстрирующими его значения примерами; смысловые оттенки значений выделяются с помощью знака ||. После знака |

могут следовать сведения об особенностях употребления слова в одном из его значений (в частности, о субстантивации прилагательного или безличном употреблении глагола). За знаком ◊ приводятся фразеологические данные о слове, а в конце статьи иноязычные слова, с нового абзаца и в квадратных скобках – этимологическая справка.

Михельсон, 1866

30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. Сост. А.Д. Михельсон. М., 1866.

Михельсон, 1898

Объяснительный словарь иностранных слов. Сост. А.Д. Михельсон. 12-е изд. СПб., 1898.

Нордстет, 1780, 1782

Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом. Ч. I, А–Н. СПб., 1780; Ч. II, О–Я . СПб., 1782.

Ожегов, 1949, 1952, 1960, 1972, 1981, 1984, 1989

Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов; под ред. С.П. Обнорского. М., 1949; 3-е изд. М., 1952; 4-е изд. М., 1960; 9-е изд. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1972; 13-е изд. М., 1981; 16-е изд. М., 1984; 21-е изд. М., 1989.

Ожегов и Шведова, 1992, 1994, 1997

Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. М., 1992; 2-е изд. М., 1994; 4-е изд. М., 1997.

Первое издание однотомного «Словаря русского языка» увидело свет в самом начале 1949 года под общей редакцией академика С.П. Обнорского. В том же году в «Советской книге» была напечатана критическая рецензия, написанная Н.Ю. Шведовой. Шведова высоко оценила словарь, отметив некоторые его недостатки. Следующее издание словаря, исправленное и дополненное, вышло в 1952 году. Его редактором-лексикологом стала Н.Ю. Шведова.

При жизни С.И. Ожегова вышло 4 издания словаря, из которых нестереотипными были 2-е (1952) и 4-е (1960). Опираясь на высказанное незадолго до смерти (1964) мнение С.И. Ожегова о нецелесообразности последующих стереотипных изданий, Н.Ю. Шведова начала работать над новым изданием. Проделанную работу редактор описывает в предисловии к 9-му изданию (1972 г.), подчёркивая, что принципы построения словаря не изменились.

Наибольшее количество изменений было внесено в 21-е издание (1989 года). Словник значительно расширился: добавлены новые слова, значения, новая фразеология. Во многих случаях словник расширялся за счёт включения слов просторечных, разговорных или терминов. В предисловии редактор отмечает, что все словарные статьи были проверены, часть из них отредактирована. Многие политически тенденциозные примеры и толкования были заменены более нейтральными.

Изменения коснулись и характера нормативности 21-го издания (1989 г.). Если в прижизненных изданиях словаря Ожегова вариативность была представлена лишь в редких случаях, то в новом издании варианты словоупотребления, произношения, грамматические показаны довольно широко. Например, в 21-м издании присутствуют варианты: желатин-желатина, жираф-жирафа. При слове *лебедь* указана возможность употребления в женском роде (с примечанием «в народной словесности»). Как равноправные представлены варианты ударения: экзальтиро́ванный и экзальти́рованный.

Н.Ю. Шведова в предисловии к 21-му изданию объясняет такой широкий показ вариативности тем, что норма может пониматься по-разному. В одном случае, норма понимается как «явление жёсткое, строго стабилизировавшееся и поэтому в употреблении однозначно диктуемое с высокой степенью обязательности; отвергаемый вариант, пусть даже широко употребительный в речи носителей литературного языка, при этом считается безусловно ошибочным. С другой стороны, вполне правомерно понимание языковой нормы как такой исторически обусловленной категории, которая находится в состоянии постоянного развития. Этим состоянием обусловлено наличие в языке большого количества вариантов, из которых одни могут быть распределены по определённым сферам употребления, другие же являются равноправными. <…> “Словарь русского языка” С.И. Ожегова во всех своих изданиях был и остаётся словарём нормативным. Однако уже под пером самого автора он постепенно эволюционировал от первого из рассмотренных выше пониманий нормативности ко второму».

Объём изменений был таков, что издательство «Русский язык» официально предлагало Шведовой выпустить 21-е издание Словаря под именами двух авторов, однако тогда она отказалась, считая объём своей работы недостаточным для соавторства.

В 1990 году 21-е издание «Словаря русского языка» было удостоено академической премии имени А.С. Пушкина. Несмотря на то, что на обложке словаря был указан лишь один автор, лауреатов премии было двое: С.И. Ожегов (посмертно) и Н.Ю. Шведова. В 1992 году на специальном заседании ученого совета Института русского языка РАН было решено поместить на титул словаря гриф Академии наук. Этот академический «знак качества» подчеркивал научную ценность издания. Тогда же по рекомендации Научного совета по лексикологии и лексикографии РАН было постановлено официально считать издание словарём двух авторов – Ожегова и Шведовой.

Опыт обл. слов. Акад. 1852

Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1852.

Поликарпов, 1704

Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Из различных древних и новых книг собраное и по славенскому алфавиту в чин разположеное. М., 1704.

В обращении к читателю автор пишет, что славенский язык отец многих языков: «Понеже от него аки от источника неизчерпаема, прочиим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссийскому и иным множайшым, всем есть явно. Не малую же и отсюду наш язык славенский имеет почесть, яко начало восприят от самые славы». Лексикон Ф.П. Поликарпова – первый в России трехъязычный словарь. При составлении автор не только использовал печатные словари Лаврентия Зизания и Памвы Берынды, но и учитывал опыт создания рукописных словарей своего времени.

Росс. Целлариус 1771 (с указанием страницы)

Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон .., изд. Ф. Гелтергофом. М., 1771.

Слов. XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975.

Слов. Акад. 1789, 1790, 1792, 1793, 1794

Словарь Академии Российской. Ч. I, А–Г. СПб., 1789; Ч. II, Г–Р. СПб., 1790; Ч. III, З–М. СПб., 1792; Ч. IV, М–Р . СПб., 1793; Ч. V, Р–Т. СПб., 1794; Ч. VI, Т – до конца. СПб., 1794.

Авторы: члены Российской Академии П.Б. Иноходцев, С.Я. Разумовский, И.И. Лепехин, И.Н. Болтин, А.П. Протасов, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Я.Б. Княжнин, И.Ф. Богданович, Е.Р. Дашкова и др. Первый нормативный толковый словарь русского литературного языка – важнейшая веха в истории отечественной лексикографии. В словаре разработана система толкования значений слов русского языка, которая легла в основу определения лексико-грамматического значения последующих словарей. Впервые в истории русской лексикографии описаны принципы стилистической характеристики слов. В словаре представлено 43 257 слов. Словарь создан по этимологическому, гнездовому принципу. «Придворная партия находила, что словарь, расположенный в словопроизводном порядке, был очень неудобен, и сама императрица (Екатерина II) не раз спрашивала меня, почему мы не составляем его в алфавитном порядке» [Дашкова, 1990, с. 203]. В дополненном и переработанном издании 1806–1822 гг. 51 388 слов расположены уже по алфавиту.

Слов. Акад. 1806, 1809, 1814, 1822

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I, А–Д. СПб., 1806; Ч. II, Д–К. СПб., 1809; Ч. III, К–Н. СПб., 1814; Ч. IV, О–П. СПб., 1822; Ч. V, П–С, СПб., 1822; Ч. VI, С – до конца. СПб., 1822.

Слов. Акад. 1847

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.

Слов. Акад. 1891, 1892, 1895, 1897, 1898 и т.д.

Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Тт. I–V и в выпусках, изд. 1891–1936.

Слов. Акад. 1932–1937

Словарь русского языка. Сост. комиссией по русскому языку АН СССР. Изд-во АН СССР. Т. 1, вып. 1 (А-Ажно). Л., 1932; Т. 1, вып. 2 (Ажно-Аллотриология). Л., 1933; Т. 1, вып. 3 (Аллотриоморфный-анархический). Л.; М., 1935, и т.д.

Слов. иностр. сл. 1937, 1949, 1954, 1964, 1979, 1982, 1987

Словарь иностранных слов. Сост. бригадой Гос. инст. «Советская энциклопедия». М., 1937, 1949; Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М., 1954, 1964, 1979, 1982, 1987.

Слов. нов. сл. 1971

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1971.

Слов. нов. сл. 1984

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е.А. Левашова, СПб., 1997.

Соврем. слов. иностр. сл. 1992

Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1992.

Соколов, 1834

Соколов П.С. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений … Ч. 1–2. СПб., 1834.

Срезневский, Срезневский (доп.)

Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. Т. I, А–К. СПб., 1893; Т. II, Л–П. СПб., 1902; Т. III, Р–Ω и дополнения. СПб., 1912.

СРНГ 1965–2019

Словарь русских народных говоров. 51 вып.

СТС 2001

Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.

Толль, 1863, 1864

Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний / под ред. Ф. Толля и В. Зотова. Тт. I–III. СПб., 1863–1864.

Толль, 1866

Необходимое дополнительное приложение к настольному словарю Ф. Толля. СПб., 1866.

ТС конца XX в. 1998, 2001

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 1998;

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001.

ТЭ

Техническая энциклопедия. Т. 1–26. М., 1927–1949.

Ушаков, 1934, 1938, 1939, 1940

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I, А-Кюрины. М., 1934; Т. II, Л-Ояловеть. М., 1938; Т. III, П-Ряшка. М., 1939; Т. IV, С-Ящурный; Дополнение к первым трем томам. М., 1940.

Энц. лекс. 1835

Энциклопедический лексикон. Т. 1–17. Изд. Плюшара. СПб., 1835–1841.

Энц. слов. 1861, 1862, 1863

Энциклопедический словарь, сост. русскими учеными и литераторами. Т. 1–6. СПб., 1861–1863.

Южаков

Большая энциклопедия / под ред. Южакова. Тт. 1–22. СПб., 1901–1909.

Яновский, 1803, 1804, 1806

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I, А–И. СПб., 1803; Ч. II, К–Н. СПб., 1804; Ч. III, О–Θ. СПб., 1806.

Дополнительный список

1784 Краткой словарь славянской

1824 Татищев Полный французско-российский словарь

1829 Ручной словарь для инженеров

1842 Корнеслов русского языка

1847–1855 Справочный энциклопедическій словарь (Старчевский А.)
1886 Новейший полный словотолкователь и объяснитель
1910 Энциклопедический словарь (Павленков Ф.)
1911–1915 Русская энциклопедия
1928–1940 Малая советская энциклопедия
1991 Сводный словарь современной русской лексики Рогожникова Р.П.
Кузнецов
Лексиконы
Никитина
Скляревская
ТЭС
Химик

Конструирование в интерактивном режиме на персональном компьютере информационно-поискового гизауруса для эффективной организации поисковых процедур предполагает разработку концепции, функциональной и математической моделей гизауруса, алгоритма, синопсиса, основных этапов, подходов и методов создания цифрового корпуса словарей русского языка, а также программную реализацию гизауруса в виде Интернет-портала. Релевантный поиск осуществляется на основе языков программирования Python, PHP, Perl, R, C++, C#, JavaScript, PostgreSQL с обеспечением пертинентности запросов и юзабилити портала. Также гизаурус сопровождается дружественным интерфейсом в виде базы данных с программами многоаспектного поиска (точного и нечёткого), статистики, загрузки и выгрузки как фрагментов-проекций, так и полнотекстовых, аутентичных версий оцифрованных словарей.

На основе гизауруса посредством различных динамических сортировок и группировок поисковых запросов из лексикографической сводной базы данных можно генерировать в полуавтоматическом, интерактивном режиме, в частности, следующие виды словарей: – алфавитный (лексические единицы, вокабулы отсортированы в алфавитном порядке); – частотный словарь (вокабулы сгруппированы в порядке убывания частоты); – обратный (инверсный) словарь; – грамматический словарь (вокабулы сгруппированы по грамматическим признакам); – словари отдельных источников, произведений или стилей речи и т.д.

В итоге гизаурус в качестве информационно-поисковой лексикографической системы зафиксирует литературную норму в её исторической динамике и вариативности за последние два столетия и предоставит конкретный языковой материал для фундаментальных исследований в области разных наук.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – М.–СПб.: Наука, 2004–… Тт. 1–26.

2. Булыгина Д.С., Лесников С.В. Алгоритм автоматизированного конструирования гипертекстового тезауруса (гизауруса) русского языка на основе оцифрованных словарей и справочников новых слов и значений для интерактивного лексикографического корпуса «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века» // Достижения вузовской науки 2019: сборник статей IX Международного научно-исследовательского конкурса (20 мая 2019 г. в г. Пенза). В 2 ч. Ч. 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. – С. 119–125.

3. Володина В.А., Лесников С.В. Математика, информатика и информационные технологии в подготовке юриста// Инновации и традиции науки и образования: материалы II Всероссийской научно-методической конференции. Часть 1. – Сыктывкар: СыктГУ, 2011. – С. 188–197.

4. Выучейский Д.А., Лесников С.В. Перспективы развития человеко-машинных интерфейсов// Инновации и традиции науки и образования: материалы II Всероссийской научно-методической конференции. Часть 1 / отв. ред., сост. С.В. Лесников. – Сыктывкар: СыктГУ, 2011. – С. 208–211.

5. Кузнецова И.В., Лесников С.В. Компетентностно-ориентированные задания как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя математики и информатики // Казанская наука. – 2011. – №8. – С. 268–271.

6. Кузнецова И.В., Лесников С.В. Разработка и описание гипертекстового информационно-поискового тезауруса по алгебре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2011. – №3. – С. 70–76.

ПРОБНЫЕ СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ ЦИФРОВОЙ ВЕРСИИ СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

С.В. Лесников
ИЛИ РАН, программист; канд. филол. н., доцент,
главный редактор альманаха «ГОВОР»; e-mail: serg@lsw.ru
Россия, г. Санкт-Петербург

Начало лингвистическим исследованиям русских говоров Республики Коми было положено диалектологическими экспедициями на нижнюю Печору и притоки среднего течения Вычегды филологов Ленинградского государственного университета и Коми пединститута еще в 1950-х годах (Ивашко и др). Существенное расширение исследований по подготовке рукописного «Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей» были продолжены в середине 1970-х гг. на кафедре русского языка Сыктывкарского государственного университета в связи с исследованиями, ориентированными на создание сводного «Словаря русских говоров Коми Республики и сопредельных областей». К 1991 г. под руководством О.В. Загоровской была подготовлена рукописная версия дифференциального словаря названного говора и значительная часть материалов соответствующего полного словаря, включающего не только собственно диалектные лексемы, но и общенародные (литературные и просторечные), входящие в данное диалектное образование. Впоследствии С.В. Лесниковым была сконструирована компьютерная версия дифференцированного лоемского словаря, формирование которой продолжалось вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: *база данных; гизаурус; гипертекстовый тезаурус; говор; диалект; метаязык; искусственный интеллект; корпус; лексикография; лингвистика; поиск; русский язык; словарь; справочник; текст; энциклопедия.*

Начало лингвистическим исследованиям русских говоров Республики Коми было положено первыми диалектологическими экспедициями на нижнюю Печору и притоки среднего течения Вычегды филологов Ленинградского государственного университета и Коми пединститута еще в 1950-х годах (Ивашко и др). Существенное расширение исследований по подготовке рукописного «Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей» были продолжены в середине 1970-х гг. на кафедре русского языка Сыктывкарского государственного университета в связи с исследованиями, ориентированными на создание сводного «Словаря русских говоров Коми Республики и сопредельных областей», а позже – в связи с подготовкой автоматизированного сводного словаря названных говоров [14; 21; 22; 30]. К 1991 г. под руководством О.В. Загоровской была подготовлена рукописная версия дифференциального словаря названного говора и значительная часть материалов соответствующего полного словаря, включающего не только собственно диалектные лексемы, но и общенародные (литературные и просторечные), входящие в данное диалектное образование. Впоследствии была сконструирована компьютерная версия дифференцированного лоемского словаря, формирование которой продолжается вплоть до настоящего времени [2; 15; 23; 26].

Русские говоры Коми долгое время оставались малоизученными, напр., некоторые наблюдения о языковой ситуации отмечаются в научной литературе 40-х гг. [32], когда учеными Ленинградского государственного университета и Коми государственного пединститута были организованы первые диалектологические экспедиции на нижнюю Печору и притоки среднего течения Вычегды. В качестве промежуточных результатов лингвистических исследований русских говоров Республики Коми можно отметить следующие диссертационные работы: Ивашко Л.А. [17], Сергеенко Э.С. [33], Ли А.Д. (1985), Кобелева И.А. (1988) и диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук О.В. Загоровской [11].

Следуя терминологии Лидии Ивановны Баранниковой [1, с. 3–23], русские говоры Республики Коми являются говорами позднего заселения и относятся к типу севернорусских переселенческих говоров, развивающихся в условиях иноязычного окружения. Данные говоры возникли за пределами исконных русских земель в результате начавшейся в XIV веке колонизации Севера и массового переселения русских крестьян в Прилузье, на Сысолу, верхнюю и нижнюю Печору.

В настоящий момент на территории Республики Коми зафиксированы три типа переселенческих говоров: ранние (XIV–XVII вв., по реке Лузе и низовьям реки Печоры), основные (XVIII в. – начало XIX в., по рекам Вычегде и Сысоле) и говоры позднего заселения (XIX–XX вв., например, в верховьях реки Печоры). О истории древнейшего населения бассейнов рек Вычегды и Печоры, о этнокультурных и историко-культурных связях русских и коми подробно и научно обстоятельно изложено в работах Льва Павловича Лашука [19–20] и Любомира Николаевича Жеребцова [3–5].

Как следует из указанных работ, среди русских говоров Республики Коми встречаются языковые образования как с моно-, так и с полидиалектной основой. По традиционной классификации названные говоры относятся к поморской и вологодско-вятской группам севернорусского наречия.

О реальном соотношении «первичных» и «вторичных» (смешанных) говоров, с учетом изолирующего окружения и влияния финно-угорских языковых систем, на наш взгляд, можно будет говорить с большей определенностью именно в результате создания автоматизированного варианта Словаря русских говоров Республики Коми, хотя уже имеющиеся лингвистические данные и исследования позволяют утверждать о преобладании «первичных» говоров, сохраняющих в основных чертах исходные диалектные основы [8]. При этом необходимо отметить специфику русских говоров Республики Коми в сохранении архаичных черт в сравнении с основным массивом русского языка, обусловленных изоляцией говоров.

Типичным для Республики Коми является русский говор с. Лойма Прилузского района. Подготовка полного словаря говора села Лойма Прилузского района Республики Коми проводилась в рамках разработанной О.В. Загоровской концепции лексикографической семантизации диалектного слова в многоаспектном автоматизированном диалектном словаре [6; 9] на основе специально сконструированной формальной грамматики, предполагающей четкое соотнесение тех или иных компонентов формы и семантики диалектного слова с соответствующими лексикографическими параметрами, представленными в виде набора лексикографических зон [6, с. 260–262; 14].

Из словарной картотеки Словаря русских говоров Республики Коми (кафедра русского и общего языкознания СыктГУ) для примера приведем несколько словарных статей на букву "А":

АБАКО'НОК, ^ сущ. ` м. & Дверца у русской печи. @ – Закро'й абако'нок, дым л'ет'ит. (Троицко-Печорский, с.Усть-Унья). | @ – Абако'нок-то зач'е'м д'е'ржым откры'тым, угор'е'йем, дак пло'хо ста'н'ет (Тр.-Печ., с.Усть-Унья).

АБЖАНИ'ТЬСЯ, ^ гл. сов. & Пожениться. @ – Абжан'и'л'ис' он'и' о'сен'йу (Прилуз., с.Летка).

АБОРТИ'РОВАТЬ, ^ гл. несов. & Преждевременно разрешиться от бремени. @ – Пы'дык'и-т'е, кото'ры аборт'ируйут, н'едоно'шенных рожа'т (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма).

А'БРИ, ^ сущ. ` мн. & Блины. @ – На со'чн'ах ша'н'г'и п'екл'и', а'бр'и, бл'ины' зна'цит стр'а'пал'и (Усть-Цилем, с.Усть-Цильма).

АВАНСИ'РОВАТЬ, ^ гл. ` несов. & Выдавать денежный аванс. @ – У нас аванс'и'руйут, да полу'ч'ка пото'м (Прилуз., с.Спаспоруб).

АВАРИ'ЕЦ, ^ сущ. ` м. & Человек, пострадавший в аварии [?]. @ – Авар'и'йцы-то т'еп'е'р'ича и в К'и'ров'е йес'т' (Кир., Мураши).

А'ВИА, ^ сущ. ` неизм., ~ спец. & Сосновое бревно 6 м длиной. @ – Йе'с'т' а'в'иа, п'ило'воч'н'ик, шпа'л'н'ик, ра'- зный л'ес; а'в'иа л'ес – сосно'войе бр'евно' шес'т' м'е'троф дл'ино'й (Прилуз., с.Лойма).

А'ВКО, ^ сущ. ` м. & Олененок, оставшийся без матери и выращенный людьми. А'фко – ол'е'шык ма'л'ен'кой, род'и'ич'ча, йево' вы'корм'ат ф ч'уму, ма'тка бро'с'ит (Усть-Цилем., с.Бугаево). @ – Ма'л'ен'к'ий ол'е'н'ч'ик а'фко, он б'ез мат'ер'и, хл'е'бом уш корм'ат, хл'ебн'ик он; кото'рый с мат'ер'йу, тот н'е а'фко (Усть-Цилем., д.Ильинка). | @ – Руц'но'й ол'ен'о'нок – так е'то а'фко (Усть-Цилем., с. Нерица).

АВТОГО'ЛЬ, ^ сущ. ` м. & Алкоголь. @ – Автого'л' н'е потр'ебл'а'л. Автого'л' – е'то зло. (Прилуз., с.Летка).

АГА'РТ, ^ сущ. ` м. & Забор [?]. @ – Троф'и'м ага'рт ста'в'ит но'вый (Прилуз., с.Летка).

АГА'ФЬИН, ^ прил. ` притяж. & В сочет. АГА'ФЬИН ПОРОГ, топон. См. ПОРОГ.

АГИ'РЫШ, ^ сущ. ` м. & Свернутый платок, одетый поверх повойника. @ – Вокру'к побо'йн'ика аг'ирыш од'евал'и, плат св'ерну'т так ф тру'боц'ку и вокру'к побо'йн'ика и од'ева'л'и (Усть-Цилем, д.Степановская).

А'ГЛИНСКИЙ, А'ГЛИЦКИЙ, ^ прил. Сшитый из кумачового ситца. @ – А'гл'инск'и сарафа'ны од'ева'л'и ... кра'сныйе он'и', ба'ск'и (Усть-Цилем., Усть-Цильма). | @ – С'и'ц'ц'и бы'л'и, сарафа'ны из и'х шы'л'и, с"и'т'н'ик'и, а'гл'инск'ийе сара'фаны (УстьЦилем., с. Усть-Цильма). | @ – А вот етот-то плат а'гл'ицк'ий, што мойа' ба'пка покупа'ла в ла'фк'е у купца'(Усть-Цилем., д.Загривочная). | @ – Кра'сный плато'к, з'имо'й в н'ом хо'лодно, а'гл'ицк'ий плато'к (Прилуз., с.Лойма).

АГЛУ'ТАТЬ, ^ гл. ` несов., кого-что. & Иметь в своем хозяйстве (о скотине) [?]. @ – Скот'ину вот аглута'йу (Прилуз., с.Лойма).

АГРОМА'ДНЫЙ. ^ прил. & Громадный. @ – С агромадным бук'том пр'ишол (Прилуз., с.Лойма).

АГРАМА'НТА, ^ сущ. ` собир., ж. & Бисер, блестки, которыми расшивали, украшая, одежду [?]. @ – Сарафа'ншык'и аграма'нтой шы'л'и (Арх., Ненецк.). | @ – Сарафа'ны бу'сам'и, аграма'нтам'и опшывал'и. (Арх., Ненецк).

А'ГРИНСКИЙ. ^ прил. & В сочет. АГРИНСКАЯ РУБАХА. Праздничная женская сорочка с вышивкой. @ – А'гр'инск'ийе руба'х'и – н'и'жн'ийе руба'х'и же'нскийе, вышива'л'и кра'сным'и н'и'ткам'и, одн'и'м кр'есто'м, н'итк'и бы'л'и как кручо'ныйе (Прилуз., с.Лойма). # АГРОМО'Н, ^ сущ. ` м. & Агроном. @ – Д'е'фка была' агромо'ном (Усть-Цилем., с.Трусово).

АГРОНО'МКА, ^ сущ. ` ж. & Женщина-агроном. @ – Агрономкой моло'тка вы'уч'илас', да н'е заду'мала жыт' в д'ер'евн'е (Арх., Ненецк.).

АДА'МОВЫЙ. ^ прил. & В сочет. АДА'МОВА ГОЛОВА. Травянистое лечебное растение [?]. @ – Ран'ше росла' ада'мова голова', на ст'ебл'е росла' одна' йа'года; йагоду зава'р'ивайем (Прилуз., с.Лойма).

АДВА'РЕЦ, ^ сущ. ` м. & Божница, полка с иконами. @ – У м'ен'а' ту'та йес'т' н'ебол'шо'й адва'р'ец, ико'ны та'ма стойа'т (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма).

АДРЕСОВА'ТЬ, ^ гл. ` сов., кого, к кому. & Направить кого-л. к кому-л. @ – Адр'есова'т' вас могу г Бобр'ецо'вой (Усть-Цилем., с. Усть-Цильма).

АЖ, ^ частица ` усилит. & Даже. @ – Так б'ежа'л он, аж то'л'ко ко'м'йа л'ет'ел'и (Прилуз., с.Летка).

А'ЖНО, ^ частица ` усилит. & То же, что АЖ. @ – Ба'ско бы'ло а'жно, так мно'го воды'-то было (Усть-Цилем., д.Филиппово). | @ – Он вы'гл'анул, м'едв'е'д'а-то ув'и'д'ел бл'иско, у н'ево а'жно сл'унка-то пот'екла (Усть-Цилем., с.Замежное).

АЗЯ'М, ^ сущ. ` м., устар. & Старинная верхняя мужская крестьянская одежда из домотканого холста или шерсти, имеющая вид длиннополого кафтана. @ – У нас з'имо'й мужык'и в аз'а'- мах ход'и'л'и, у ково' тулу'пow н'е' было (Прилуз., с.Спаспоруб). | @ – Аз'а'мы ткал'и ис ше'рст'и. Аз'а'мы дл'и'нныйе, из сукна', на пал'то' од'ева'йут, за с'е'ном в их йе'зд'ат (Прилуз., с.Лойма). | @ – Ис сукман'и'ны аз'а'мы шы'л'и (Прилуз., с.Лойма). | @ – Мужы'к аз'а'м над'ева'йет, на охо'ту ид'о'т (Арх., Ленск.).

АК, ^ частица ` усилит. безуд., & употребляется в начале вопросит. предложений. @ – Ак вас л'у'дно л'и ход'и'ло-то? (Прилуз., с.Лойма).

АККУРА'Т, ^ нареч. & Точно, как раз. @ – Мы аккура'т на м'еже', потому' и М'ежок (Усть-Вым., с.Межог). | @ – Аккура'т он собра'лс'а и в И'жму пошо'л (Усть-Цилем., с.Замежное).<> В АККУРАТ. & То же, что АККУРАТ. @ – В аккурат в ийу'л'е м'е'с'ац'е пр'ишл'и' (Прилуз., Лойма).| @ – Коро'вы в аккура'т по нашым уч'а'сткам иду'т (Прилуз., с.Лойма).

АККУРА'ТНЫЙ, ^ прил. & $ 1. Соблюдающий порядок. @ – Пу'тный ч'елов'е'к акура'тный, о'пытный, пор'а'док л'у'б'ит (Усть-Цилем., с.Трусово). $ 2. Бережливый. @ – Ч'елов'е'к-то скупо'й, на с'еб'а' возд'е'ржный, а'л'и акура'тный (Прилуз., с.Лойма). | @ – Б'ер'ежно'й – акура'тной, б'ер'ежл'и'вый (Усть-Цилем., д.Филиппово). $ 3. Некрупного сложения (о женщине). @ – Акура'тной на'до быт' д'ewк'е, н'ебол'шо'й (Усть-Цилем., с.Замежное).

АКТЁРКА, ^ сущ. ` ж. & Артистка. @ – Акт'о'рка ны'нч'е в йа'шшык'е про на'шу д'ер'е'вн'у ска'зывала (Арх., Ненецк.).

АКУШЕРН'НЯ, ^ сущ. ` ж. & Акушерка. @ – Пр'иход'и'ла втора'йа акуше'р'н'н'а (Прилуз., с.Спаспоруб).

АЛА'БУШ (АЛЯ'БУШ), АЛА'БЫШ (АЛЯ'БЫШ), ^ сущ. ` м. & Небольшой круглый хлеб, выпеченный на сковороде. @ – Ала'бушы на ка'жный д'ен' п'екл'и (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма). | @ – Ра'н'ше ал'а'буша в п'ека'рн'е п'екл'и', а т'еп'е'р' каждый сам должен п'екч'и (Тр.-Печ., с.Усть-Унья). | @ – Мат' пошла', ала'буш пр'ин'есла' с тар'е'лку ро'стом (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма). Исп'ек'о'м ал'а'быш кругл'ен'к'ий, по-стар'инному ма'л'ен'к'ий хл'еп (Тр.-Печ., с.Курья).

АЛАБЫ'Ш, ^ сущ. ` м. & Блин. @ – Дак па'хта бу'д'ет, из йей ала'быши д'е'лат, муку' добав-л'а'т и д'е'лат т'е'сто жы'тко (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма). | @ – Па'хтой в ала'быши кла'ла (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма). | @ – Ша'н'г'и нап'еку', ала'бышей над'е'лайу, то'ко их до'лго на'до п'еч', он'и вет' то'н'ен'к'и (Усть-Цилем., с. Замежное).

АЛА'БУШЕК (АЛЯ'БУШЕК), ^ сущ. ` м. & Ласк. к АЛА'БУШ.@ – Попро'буйте ала'бушек (Прилуз., с.Летка). | @ – С'ево'дн'я бу'ду п'еч' ала'бушк'и (Прилуз., с.Летка). | @ – Хл'еп п'еку' и ал'а'бушек в ц'ашк'е (Тр.-Печ., д.Пачгино).

АЛ'АКА', АЛА'КИ, ^ сущ. ` мн. & Десна. @ – Ала'к'и-т'е бол'а'т, д'осна (Арх., Ненецк). | @ – Алака' – где зубы-то д'о'ржац'ц'а у л'уд'е'й (Усть-Цилем., д. Уег). | @ – В'е'рхны и н'и'жны ала'ка, зубо'ф н'ет, ала'кам'и и жуйу (Усть-Цилем., с.Замежное).

АЛЁШИН МЫС, ~ топоним. Название луга. @ – Ал'о'шын мыс, Ал'о'ша жыл како'йто.| @ – Ал'о'шын мыс, Ал'о'ша луга' расч'иш'ш'а'л, а кто тако'ф , не знайу (Тр.-Печ., д.Курья). | @ – Ал'екс'ей раш'ш'иш'ш'ал йе'т'и л'уга (Тр.-Печ., с. Усть-Унья).

А'ЛИ, ^ союз или частица. & $ 1. Разделит. союз. @ – Гот а'л'и два жы'л'и тут (Прилуз., с.Лойма). $ 2. Присоединит. союз. @ – В'ел'ич'а'й ста'рших ал'и нач'а'л'ство (Прилуз., с. Лойма). $ 3. Пояснит. союз. @ – А вот то называ'йец'ц'а ч'е'пна а'л'и ч'ерпа'к (Прилуз., с. Лойма). $ 4. Усилит. частица в вопросительном предлож. @ – А'л'и мы н'е ска'- зывал'и ? (Прилуз., с.Лойма) # АЛКАШ, ^ сущ. ` м. & В сочет. ГОЛЬНЫЙ АЛКАШ. Пьяница, алкоголик, пропивший все имущество. @ – Го'л'ный алка'ш фс'о проп'ива'т (Арх., Ненецк.).

АЛКОГО'ЛИК, ^ сущ. ` м. & Алкоголизм. @ – Ны'нч'е мно'го, л'у'дно мужыко'w л'еч'иц'а от алкого'л'ика (Арх., Ненецк.).

А'ЛЧНЫЙ. ^ прил. & Жадный. @ – Одну' рабо'ту ро'б'ил'и, горбу'шам'и кос'и'л'и, а'лч'на на рабо'ту-то была' (Усть-Цилем., д. Филиппово). | @ – А'лч'ныйе так'ийе быва'йут, са'м'и н'е ро'б'ат, а ково'-то нар'ажа'йут (Усть-Цилем., с. Замежное).

АЛЫ'РИТЬ, АЛЫ'РНИЧАТЬ, ^ гл. ` несов., ~ экспр. & Бездельничать. @ – Ой, он алы'рн'ик, он алы'р'ит' л'у'бит, алы'рн'ич'ат' л'у'б'ит (Усть-Цилем., с. Замежное).

АЛЫ'РНИК, ^ сущ. ` м., ~ экспр. & Бездельник. @ – Он тако'й алы'рн'ик, н'ичо' н'е д'е'лат(Усть-Цилем., с. Замежное).

А'ЛЬБО, ^ союз ~ разделит. @ – А'л'бо с'ин'ий а'л'бо ро'зовый цв'ето'к (Прилуз., с.Летка).

АЛЬМИ'НЬ, ^ сущ. ` м. & Алюминевая посуда. @ – Ц'о-то т'емн'ейет ал'м'ин'-то, суп в н'ом стойа'л, да проки'с (Прилуз., с.Спаспоруб).

АЛЮМЕ'НЕВЫЙ. ^ прил. & Алюминиевый. @-Он фс'о из ал'ум'е'н'евой про'волок'и пл'ет'о'т корз'и'ны (Усть-Вым., с.Межог). # АЛЮМИ'НЬКА, ^ сущ. ` ж. & Алюминиевая моторная лодка. @ – Ал'ум'и'н'ка пло'хо ид'о'т на поводу', ло'тка-от ал'ум'е'н'евайа (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма).

АМБА'РУШКА (АНБА'РУШКА), ^ сущ. ` м. & $ 1.Уменьшит. к АНБА'Р.@-В амба'рушках жы'то хран'и'л'и (Тр.-Печ., п.Якша).|@ – Анбару'шка-анбар'ец худ'а'шшой (Усть-Цилем., с.Замежная). | @ – У фс'ех анба'рушк'и на го'роц'ках стойа'т (Усть-Цилем., с.Замежная). $2.Небольшая охотничья избушка в лесу. @ – Анба'рушка л'есна, пт'ич'у, да што кладу'т (Усть-Цилем., с.Трусово).

АНАДЫ'СЬ, АНОГДА', ^ нареч. & Недавно, на днях. @ – Анады'с' дошш, фч'ора дошш с'о'дн'и то'же мо'роч'но (Прилуз., с. Спаспоруб). | @ – Аногда' йа ход'и'ла к ни'м, н'еда'вно когда'-то (Усть -Вымс., с. Межог).

АНБАР, АНБАРЕЦ (АМБАРЕЦ), ^ сущ. ` м. & Амбар @ – Ран'ше в анба'рах хран'и'л'и хл'еп.Анба'р ра'н'ше жы'тн'ик называ'л'и (Усть-Вым., с.Межог). | @ – Анбар д'елал'и из досок, в н'ом хран'а'т хл'еп и што н'е ну'жно (Прилуз., с.Лойма). | @ – Анба'р как кладова'йа, пода'л'ше от до'ма, ра'н'ше хл'еп, з'ерно', мука' там была', од'е'жду хран'и'ли (Усть-Цилем. д. Боровская + Усть-Цилем., с.Трусово д.Коровий Ручей, д.Якшино, с.Замежное + Тр-Печ., д.Волосница, п.Якша, + Прилуз., с.Летка, с.Спаспоруб + Усть-Вым., с.Межог, с.УстьВымь). | @ – Тут кос'йо'и'хно бы'ло, анба'р'ец н'иже стойа'л (Усть-Цилем, с.Усть-Цильма + Усть-Цилем., с.Трусово, с.Замежное, д.Скитская). | @ – С'ейча'с там амба'р'ец йест' (Усть-Цилем, Трусово + Усть-Цилем, д. Коровий Ручей).

АНБУЛАТОРИЯ, ^сущ. `ж. & Амбулатория. @ – Сп'ерва' тут анбула-то'р'ийа была' (Прилуз., с. Летка).| @ – Ф'ел'шер'и'ц'а йес'т', в апт'е'к'е р'об'ит, колы в анбулато'р'ии(Прилуз.,с.Лойма).

АНБА'РНЫЙ. ^ прил. & Амбарный. @ – Анба'рнайа кры'са пойави'лас' с тр'ица'тово го'да(Усть-Цилем., д. Коровий Ручей).

А'НГЮР (АНДЮР), ^ сущ. ` м. & Сшитые оленьи шкуры. @ – На ол'е'н'их санках йе'зд'ат, пост'ел'а на н'их ол'ен'йа, а'нг'уром называц'ц'а, бол'ша, т'епло' с'ид'ет', дл'а тово и д'е'лайут (Усть-Цилем., д.Ильинка). | @ – Анд'у'р из ол'ен'йих шкур д'е'лайут, йево надо сошы'т' ис пос'т'ел'и; ол'ен' покры'т шку'рой, ол'е'н'йа шку'ра, ил'и пос'т'е'л'а называ'йец'ц'а; наста'в'ат бол'шы' шесты', сошйу'т анд'у'р, нат'а'нут йево' на шесты', е'то чум бу'д'ет (Усть-Цильма, с.Усть-Цильма + Усть-Цилем., д.Филиппово).

АНДЕЛ, ^ сущ. ` м. & Ангел. @ – А'нд'елы п'ер'еста'л'и пов'инова'ц'ц'а бо'гу (Прилуз., с.Лойма + Усть-Цилем., с.Замежная). # А'НДЮГА, ^ сущ. ` ж. & Большая река. @ – А'нд'уга выб'ега'йет из боро'w, бол'шайа, шыро'кайа, ка'ждайа р'еч'ка а'нд'уга (Тр.-Печ., д.Пачгино).

АНОГДА', ^ нареч. & См. АНАДЫ'СЬ .

АНТАРНЫЙ. ^ прил. & Янтарный. @ – Бу'сы д'е'лайет анта'рныйе (Усть-Вым., с.Усть-Вымь).

АНТИРЕ'СНО, ^ нареч. & Интересно. @ – Н'е ант'ир'е'сно жыт' на св'е'т'е (Усть-Цилем., с.Трусово).

АНТИРЕ'СНЫЙ. ^ прил. & Интересный. @ – Ра'н'ше-то сва'д'ба ант'ир'е'сна была: сва'тай-уц'ц'а, догово'р д'е'лайут да п'ир (Усть-Цилем., д.Высокая гора + Усть-Цилем., с.Трусово).

АНТИРЕСОВАТЬСЯ , ^ несов., ` чем . & Интересоваться. @ – Йе'сл'и бы ант'ер'есова'л'ис' жы'зн'енным пут'о'м (Усть-Цилем.,д.Коровий Ручей).

А'НФЕР, ^ сущ. `м., ~ спец. & Инструмент, приспособление для переворачивания больших деревьев. @ – Анф'ер – инструм'ент, йе'сл'и д'е'р'ево на'до п'ер'еворот'и'т' (Прилуз., с.Лойма).

А'НШПУ'Г (АНЧУ'К), ^ сущ. ` м., ~ спец. & Деревянный толстый шест 1,5-2 м длиной, с помощью которого валили деревья. @ – А'ншпук – ето ст'ак, штоп бр'евно' повал'ит' (Усть-Цилем., с.Нерица). | @ – А'ншпук-ето дл'а тово', што'бы д'е'р'ево вал'ит' л'е'кч'е было, он под д'е'р'ево ста'в'иц'а (Усть-Цилем., с.Трусово). | @ – Ра'н'ше што:п'ила', топо'р, анчу'к (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма+Усть-Цилем., с.Ср.Бугаево).

АПАРА'ЦИЯ, ^ сущ. ` ж. & Операция. @ – Йе'зд'ила на апара'ц'ийу (Усть-Цилем., с.Трусово).

АПЕЛЬСИ'НКА, ^ сущ. ` ж. & Апельсин. @ – Ап'ел'с'и'нка н'е нужна' мн'е, к'исл'а'т'инка е'ка (Прилуз., с.Лойма).

АППЕТИ'ТНЫЙ. ^ прил. & В сочет. АППЕТИТНАЯ ТРАВА. Лекарственное растение [?] @ – Е'то вот ап'ет'и'тна трава', кол' ап'ет'и'та н'ету. Йе'сл'и зава'р'иш' т'ел'о'нку, поно'са н'е бу'д'ет (Прилузс., Спаспоруб).

АПРЕ'ЛЬНИЦА, ^ сущ. ` ж. & Живое существо, родившееся в апреле. @ – Апр'е'л'н'ица-то – в апр'е'л'е род'и'лс'а; хот' ло'шат', хот' т'ел'о'нок, хот' б'е'лка, хот' ч'елов'ек (Усть-Цилем, д.Ильинка).

А'РАНД, ^ сущ. ` м. и % АРАНДА', ^ ж. & Бурундук. @ – Муш на охо'ту ход'и'л, уйе'хал в л'ес, гд'е избу'шк'и сострo'йены, б'ил б'е'лок, л'ис'и'ц, горноста'йа, араи'да, т'ет'о'р (Усть-Цилем., с.Замежное). | @ – На охо'ту пойд'о'т, так ва'женку пр'инес'о'т, м'едв'е'д'а пр'инос'и'л, аранду', б'е'лок у нас мно'го (Усть-Цилем., с.Замежное).

А'РГАТЬ, ^ гл. ` несов. & $ 1. Кричать. Ба'л'ек д'ержы', он'и а'ргайут то'л'ко (Усть-Вым., с.Межог). $ 2. Ругать, бранить. А'ргат'ч'о'- ко руга'ц"а шы'пко. @ – А'ргайут – руга'йуца он'е (Тр.Печор., с.Курья). | @ – П'йаный а'ргат на фс'ех (Усть-Вым., с.Межог).

А'РГАТЬСЯ, ^ гл. ` несов. & $ 1. Лаять. Соба'к'и а'ргайуцца (Тр.-Печ., с.Курья). $ 2. Ругаться, браниться. @ – А'ргац'ц'а – е'то зна'ч'ит руга'ц'ц'а (Арх., Ленск.). | @ – У м'ен'а' сос'е'д'и бы'л'и, дак фс'о а'ргал'ис'. А'ргайуц'ц'а до но'ч'и, спа'т' н'е дайу'т (Тр.- Печ., с.Курья).

АРГЫ'Ш, ^ сущ. ` м. & Обоз из оленьих упряжек. @ – Вот л'ен'ево'ды хо'д'ят, вот по з'емл'е иду'т са'н'и, дак тот а'ргыш. Возо'ф мно'го: д'е'в'ат', д'е'с'ет' ы л'ен'ево'доф, по два в р'ат, тот и йес'т' аргы'ш (Усть-Цилем., с.Трусово + Усть-Цилем., д.Ильинка).

АРЕСТ'АНЕЦ, ^ сущ. ` м. & Арестант. @ – С'ид'и'т, как ар'еста'н'ец (Усть-Цилем., с.Трусово).

А'РЕШНИК, А'РЕЧНИК (А'РЫШНИК), ^ сущ. ` м., ~ собир. & Мелкий камень, галька. @ – А'р'ешн'ик – е'то м'е'лк'ийе ка'м'ешк'и, о'коло вод'е, на гор'е, под горо'й, во'з'ат йево' на доро'гу (Усть-Цилем., с.Замежная). | @ – А'р'ешн'ик – м'ел'ен'к'ий ка'м'ен', йево с'е'йут ч'ер'ес с'и'то и кладу'т пот в п'еч'и (Усть-Цилем., д.Филиппово). | @ – А'р'ечн'ик – м'е'л'ен'кой ка'мешн'ик на п'есках (Усть-Цилем., д.Ильинка). | @ – А'рыч'н'ику хот' бы навоз'и'л'и на доро'гу (Усть-Цилем., с.Замежная).

АРЖАНИ'К, ^ сущ. ` м. & Сорная трава. [?] @ – Аржан'ик'и'-то говор'а'т, ч'о'рныйе, их выбра'сывал'и, фс'е-то н'е добу'д'еш, их много во ржы (Тр.-Печ., д.Пачгино).

АРЖАНО'Й. ^ прил. & Ржаной. @ – Ра'н'ше фс'о аржано'й хл'еп йе'л'и (Княжпогостский, с.Серегово + Усть-Вымский, с.Межог). | @ – Ку'рн'ик'и зд'е'ланы из аржано'й мук'и' (Княжпогост., с.Серегово + Усть-Цилем., с.Замежная, с.Ср.Бугаево).

А'РИТ, ^ сущ. ` м. & Злой, упрямый человек. [?] @ – Злой а'р'ит ты, ска'жут, на'зло фс'о говор'и'т, на'зло д'е'- лат да (Усть-Цилем., д. Ильинка).

АРИХМЕ'ТЬ, ^ сущ. ` ж. & Математика. @ – Она' по ар'ихм'е'т'и уч'ит (Кир., Мураш).

А'РМИЯ, ^ сущ. ` ж. & В сочет. Выйти из армии. См. ВЫЙТИ. В сочет. ОТОЙТИ ОТ АРМИИ. См.ОТОЙТИ.

А'РОЧНИК, ^ сущ. ` м. & Место в реке с дном, покрытым камнями и галькой. @ – А'роц'н'ик – е'то тв'о'рдо м'е'сто в р'ек'е называйец'ц'а, пло'тно м'есто, ка'м'ен' нав'ерху л'ежыт (Усть-Цилем., д.Высокая Гора).

АРТА'ТЬ, ^ гл. ` несов., кому. & Говорить. @ – Йа йему и артайу. | @ – Йа и по ко'м'и то'же арта'йу (Прилуз., с.Летка).

АРТЕ'ЛЬ, ^ сущ. ` ж. & $ 1. Устар. Комбинат бытового обслуживания. @ – Комб'ина'т быто-во'во обслу'жыван'ийа ра'- н'ше арт'ел' называ'лс'а (Прилуз., с. Лойма). $ 2. Группа, небольшая толпа людей. @ – Йа пойду' за йа'годам'и, а за мной арт'е'л' народу шл'опайет. [?] | @ – Вон како'й арт'е'л'йу жыву'т,полна' изба' р'еб'ат (Арх.,Ненецк).

АРШИНЧИК, ^ сущ. ` м., ~ уничижит. & Аршин. @ – Ку'п'ит' аршы'нч'ику н'е'гд' было (Прилуз., с.Лойма).

А'РЫШНИК, ^ сущ. ` м. & См. А'решник.

АСТРАХА'НСКИ. ^ прил. & В сочет. АСТРАХАНСКИЙ СТРУЧОК. Горький перец. @ – Нама'жу гр'уд' астраха'нск'им струч'ко'м, он'и и н'е про'с'ат молока' (Кир.,Мураш.).

АТОМНЫЙ. ^ прил. & В сочет. Атомные дети. См. Дети. (Усть-Цилем, д.Рощинский ручей).

А'ФКАЛЬНИК, ^ сущ. ` м. & Растение. @ – Афкал'н'ик, ко'рн'и у н'ево' как у р'е'т'к'и, жолты ко'рн'и сла'тк'и, л'ис'йа как лопух'и (Усть-Цилем., д.Скитская).

АФТАЛИ'Н, ^ сущ. ` м. & Нафталин. @ – Мы'шей мно'го, как н'е йес'. Афтал'и'н родавайут. Помогат, как н'е помогат (Усть-Цилем., с.Трусово).

А'ХИТ, ^ сущ. ` м. & Рот зверя, рыбы, пасть. @ – Соба'ка кака'йя, па'ст'- то откры'ла, а'х'ит, он мн'е ' и говор'и'т: "К'и'нс'а соба'к'е в а'х'ит" (Тр.- Печ.,д.Пачгино).

АХИ'ТИТЬ, ^ гл. ` сов. & Удалить, убрать откуда-либо все лишнее, очистить. @ – На, ахит' чашку-то (Усть-Цилем., с.Замежное).

А'ХМЕЧАТЬ, ^ гл. ` несов. & Восклицая "ах", выражать какое-л. чувство: удивления, сожаления и т.п., ахать. @ – Вот дурны'йе женш'ш'ины, н'е заказа'л'и, а пото'м буду'т ахл'ичат' (Усть-Цилем., с.Усть-Цильма).

АХРОПО'ТНИК, ^ сущ. ` м. & Старые, подержанные вещи, старье. @ – Вы'к'ин' ты йе'нтот ахро'потн'ик, м'ешат, под нога'м'и тол'ковал'айеца (Тр.-Печ., с.Курья).

АШУ'РКИ, ^ сущ. ` мн. & Остатки от растопленного масла. @ – А из ашуркоф-то вот ка'шу ва'р'им (Прилузс., с.Лойма).

А-Я-Я-Я, ^ междом., ~ звукоподр. & О звуках, издаваемых комарами. @ – Д'е-ко, кома'р-от бу'нчайет, л'ета'йет, а-йа-йа-йа нагова'р'иват (Тр.-Печ., д.Пачгино).

Активные работы по созданию Словаря русских говоров Республики Коми впервые начались в Сыктывкарском университете. На протяжении ряда лет на филологическом факультете, в информационно-вычислительном центре и Коми Региональном центре новых информационных технологий СыктГУ производился источниковедческий анализ опубликованных региональных словарей русских народных говоров (как завершенных, так и продолжающихся – не доведенных до последней буквы алфавита) и материалов рукописных словарей и словарных карточек говоров русского языка с точки зрения возможности их интеграции в виде лингвистического программно-источникового пакета и автоматизированной лексикографической системы «ГОВОР» в рамках создания диалектной Словарной базы данных знаний Диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка [21–30].

Важно отметить, что в зону дополнительных этнокультурных сведений словарных статей Автоматизированного словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей, также как и в зону иллюстраций, может быть включен любой объём имеющихся у составителей данных. Подобная возможность определяется самим форматом автоматизированного словаря, не имеющего ограничений в размере включаемой в словарь информации и позволяющего пользователю самому определять необходимый ему объем сведений при запросе. Именно такой подход, как представляется, в наибольшей степени позволяет раскрыть в диалектном словаре культурологический потенциал ономастической лексики как значимой части словарного состава той разновидности русского диалектного языка, которой посвящено данное лексикографическое произведение.

Работа по формированию словарных статей Автоматизированного словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей осуществляется как в автоматическом, так и в интерактивном режимах. В автоматическом режиме с использованием специальных программ заполняются те лексикографические зоны, которые предполагают простую сортировку данных (напр., зоны иллюстраций, района сбора материала, номера омонима и т.п.). Заполнение же содержательных лексико-

графических зон, требующее обращения к внеязыковой действительности и проведения сложного анализа диалектного материала, происходит в интерактивном режиме, но во многих случаях с помощью имеющихся или специально подготовленных лексикографических баз данных. Отмеченное обстоятельство объясняется тем очевидным для составителей словаря фактом, что данные гуманитарных наук обладают сложно формализуемой семантикой, а субъект-исследователь всегда был и остается центральной фигурой в лексикографии, в том числе диалектной и ономастической.

Имеющиеся результаты разработки и создания машинных диалектных словарей позволяют сделать вывод о том, что уже в настоящее время использование компьютеров позволяет принципиально изменить всю технологию подготовки диалектного словаря, характер его использования, а также внести существенные коррективы в саму методику словарной работы [9, с. 300].

Как показывают результаты проведенных исследований, работа со словарём в режиме диалога, неограниченные возможности корректировки словаря и его пополнения новыми языковыми материалами, а также полученными в ходе научных изысканий новыми данными об особенностях отраженной в лексике лоемского говора языковой картины мира, включая ее ономастическую составляющую, приближают названный словарь к типу универсальных диалектных словарей, способных репрезентировать самые разные аспекты семантики диалектного слова и особенности материальной и духовной культуры носителей данного диалекта.

Литература

1. Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. Вып.1. – Саратов: СарГУ, 1977. – С. 3–23.
2. Булыгина Д.С., Лесников Г.С., Лесников С.В. Фрагмент дифференциального словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Современная русская лексикография и лингвогеография. 2017: сб. ст. / отв. ред. О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 48–90.
3. Жеребцов И.Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми: ист.-демограф. справочник. – Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 2000.
4. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – нач. XX в. – М.: Наука, 1982. – 224 с.
5. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV–XIX вв. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972. – 62 с.
6. Загоровская О.В. Многоаспектный автоматизированный диалектный словарь и его возможности для отражения материальной и духовной культуры носителей говора // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Ч.2. Лингвистическое изучение европейского Севера: тез. докл. – Сыктывкар, 1990. – С. 103–105.
7. Загоровская О.В. Многоаспектный автоматизированный диалектный словарь как основа описания лексической системы народного говора и компонент Машинного фонда русского языка // Труды Машинного фонда русского языка. Вып.1. – М., 1990. – С. 72–86.
8. Загоровская О.В. Проблемы изучения севернорусских говоров в иноязычном окружении // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. – Сыктывкар, 1986. – С. 5–19.
9. Загоровская О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. – Воронеж: Научная книга, 2011. – 383 с.
10. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. – М.: ИРЯ АН СССР, 1990. – 300 с.
11. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии: автореф. дисс. ... д. филол. наук. – Ленинград, 1991. – 32 с.
12. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии: дисс. ... д. филол. наук. – Сыктывкар, 1991. – 438 с.
13. Загоровская О.В. Становление диалектной компьютерной лексикографии в отечественной лингвистике // Вестн. Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №1. – С. 10–17.
14. Загоровская О.В., Лесников С.В. Виды лексикографической информации в автоматическом словаре русских говоров Коми АССР и сопредельных областей // Машинный фонд русского языка: предпроектные иссл. – М.: ИРЯ АН СССР, 1988. – С. 64–70.
15. Загоровская О.В., Лесников С.В. Ономастическая лексика говора села Лойма Прилузского района Республики Коми в аспекте проблем современной диалектной лексикографии // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – №1. – С. 209–222.
16. Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Бирюкова Е.Д. Стилистические характеристики слова в диалектном компьютерном словаре наименований лиц в воронежских говорах // Научный диалог. – 2015. – №12 (48). – С. 60–69.
17. Ивашко Л.А. Лексика печорских говоров: автореф. дисс. …канд. филол. наук. – Л., 1956. – 20 с.
18. Ивашко Л.А. Проект Словаря печорских говоров // Севернорусские говоры. – Вып.1. – Л., 1970. – С. 76–94.

19. Лашук Л.П. Происхождение народа коми (научно-популярный очерк). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 40 с.
20. Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972. – 289 с.
21. Лесников С.В. Архитектоника АЛС «ГОВОР» // III Всесоюз. конф. по созданию машинного фонда русского языка. Ч. 2. – М.: ИРЯ АН СССР, 1989. – С. 7–8.
22. Лесников С.В. Диалектные словари: материалы для гипертекста «ГОВОР» // Альманах «ГОВОР». – 1995. – №1 (1).
23. Лесников С.В. Компьютерный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Коми ЦНТИ. – 1997. – ИЛ №6–97. – Сер. Р.16.31.02.
24. Лесников С.В. Научный отчет по гранту РФФИ №00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка». – Сыктывкар: СыктГУ, 2000. – 30 с.
25. Лесников С.В. Словарь русских словарей. – М.: Азбуковник, 2002.
26. Лесников С.В. Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии. – М.: ИРЯ РАН, 2004. – С. 92–94.
27. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. (26–28 октября 2018 г.) / отв. ред. О.Е. Кармакова. – М.: ИРЯ РАН, 2018а. – С. 148–149.
28. Лесников С.В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2018 / отв. ред. С.А. Мызников. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018б. – С. 226–257.
29. Лесников С.В. Академический словарный корпус /АСК/ русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2019 г.): труды и материалы. – М.: МГУ, 2019. – С. 213–214.
30. Лесников С.В., Загоровская О.В. Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей /АСРГКА/ // II Всесоюз. конф. по созданию машинного фонда русского языка: материалы конференции. – М.: ИРЯ АН СССР, 1988. – С. 107–119.
31. Ли А.Д. Рус. говоры Коми Республики. – Сыктывкар: КГПИ, 1992. – 106 с.
32. Лыткин В.И. Севернорусские диалекты в свете комийско-русских заимствований // Чкаловский педагогический институт им. В.П. Чкалова. Ученые записки. Серия филологических наук. – 1949. – Вып. 3. – С. 147–158.
33. Сергеенко Э.С. Русский говор поселка Нювчим Сыктывдинского района Коми АССР: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1968. – 21 с.

ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ГЛУБИНКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.Д. Паршина
Тольяттинский государственный университет,
к.ф.н., доцент; e-mail: parshinaod@mail.ru
Россия, Самарская обл., г. Тольятти

Лексема «глубинка» является репрезентантом семантического поля провинции. Функционируя в художественном и публицистическом дискурсе, номинация «глубинка» может приобретать семантику неопределенности, гипотетичности. Выражая национально-культурное представление о пространстве, лексема входит в русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: *семантика; провинция; глубинка; неопределенные местоимения; неопределенные наречия; кавычки.*

Представление о пространстве формируют базис когнитивных систем, поскольку филогенез человека начинается с освоения пространства. Провинция в русской языковой картине мира субъектно-реляционна как результат концептуализации мира. Л.А. Климкова справедливо замечает, что все условия, «пропущенные через восприятие и осознание носителей языка, неоднократно отражены в языке, что входит в языковую картину мира – субъективный образ объективного мира, переданный средствами языка» [5, с. 174].

В связи с этим представляет интерес рассмотрение одного из репрезентантов функционально-семантического поля провинции – лексемы *глубинка*, поскольку она в контексте способна формировать представление о пространстве, которое можно считать гипотетическим.

Цель данной статьи заключается в попытке охарактеризовать в функционально-семантическом отношении способность лексемы *глубинка* обозначать гипотетическое пространство.

Для этого необходимо решить следующие задачи: рассмотреть условия и модель формирования семантики гипотетичности, проследить способы ее репрезентации номинацией *глубинка*.

Многие исследователи отмечают, что понятие гипотетичности является неоформленным, способным выражать различные оттенки потенциальности, предположительности, неактуализированности. Так, И.С. Бедрина рассматривает гипотетичность как отдельную, присущую тексту категорию, раскрывающую «значения побудительности, желательности, потенциальности, сомнения, полагания и другие» [1, с. 23]. По мнению А.В. Зеленщикова, понятие гипотетичности позволяет говорящему представлять какую-либо ситуацию как соотносимую с неким виртуальным миром, маркируя его соответствующим образом [3, с. 128–133].

До сих пор до конца не ясны механизмы передачи гипотетичности. О.Г. Шевченко указывает, что это объясняется сложностью категории модальности, репрезентирующей гипотетическое знание: трудно определить место гипотетичности в системе этой категории [11, с. 397].

Е.С. Яковлева, описывая модель пространства в русской языковой картине мира, отмечает, что принципиальным для описания объекта может стать неопределенность пространственной локализации. «Свобода от связи с конкретным физическим пространством позволяет переключаться в область оценок и формировать умозрительное квазипространство, реализовать в пространстве (понимаемом широко – как некая область существования) объекты нефизические: ментальные, психические и прочие» [12, с. 43–53].

Считаем возможным предположить, что именно семантика удаленности позволяет сформировать условное, гипотетическое высказывание. Что-то так далеко, что о нем, о его характеристиках можно судить только предположительно. Опираясь на удаленность, с одной стороны, и утверждая неизвестность, неопределенность удаленного, с другой, по сути, обосновывается предположительное представление о пространстве.

Иными словами, гипотетический план содержания разворачивается от семы ‘удаленность’ к наделению *глубинки* чертами условными, предположительными – есть некоторое пространство, актуализирующее семы ‘неопределенность’, ‘необразованность’, ‘дикость’ и т.д. Нужно отметить, что способностью проявлять себя как гипотетическое пространство обладают и другие репрезентанты функционально-семантического поля провинции: глушь, медвежий угол, моногород и т.д. [7–8].

Для определения гипотетического плана содержания, выраженного лексемой *глубинка*, считаем возможным рассмотреть особенности ее сочетаемости со словами, выражающими категорию неопределенности – неопределенными местоимениями и наречиями. С.Л. Сахно отмечает, что между явлениями приблизительности и неопределенности отсутствует четкая граница: «при уменьшении конкретности имени и с переходом в сферу абстрактных имен неизвестность представителя данного класса легко может переходить в неизвестность самого класса» [10, с. 30]. Е.П. Иванян рассматривает в качестве одного из средств неопределенности в сфере предикации неопределенные местоимения и наречия на *-то, -нибудь* [4, с. 68].

Отбор языкового материала осуществлялся на основе Национального корпуса русского языка (https://ruscorpora.ru). В результате сплошной выборки было получено 296 примеров употребления лексемы *глубинка* в художественном и публицистическом дискурсе с 1930 по 2018 годы. 93 примера из отобранного материала составили употребления в сочетании с неопределенными местоимениями и наречиями на *-то* и *-нибудь*. В синоптической таблице 1 представлена прагматика гипотетической номинации *глубинки* в дискурсах разных типов.

Таблица 1

Маркеры гипотетической номинации *глубинки*

Маркер	Суммарное кол-во словоупотреблений	Художественный дискурс		Публицистический дискурс	
		Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Откуда-то	2	1	4,5	1	1,5
Откуда-нибудь	2	2	9	-	-
Куда-то	3	2	9	1	1,5
Куда-нибудь	4	1	4,5	3	4
Где-то	24	-	0	24	35
Где-нибудь	32	9	41	23	32
Какой-то	6	2	9	4	5
Какой-нибудь	20	5	23	15	21

Следует отметить, что в публицистическом дискурсе значительно чаще функционируют маркеры гипотетической номинации в контекстах, связанных с высокой степенью обобщения представляемой информации. В этом случае *глубинка* мыслиться как некое вероятное, гипотетическое пространство, наделенное свойствами неопределенности.

Е.В. Падучева относит местоимения и наречия на *-то* к классу местоимений и наречий неизвестности, местоимения и наречия на *-либо* – к классу нереферентных экзистенциальных номинаций [6, с. 210].

Сочетания с неопределенным местоимением *какой-то* и неопределенными наречиями *откуда-то, куда-то, где-то* соотносятся с объектом, неизвестным говорящему. Разновидности неизвестности могут различаться вплоть до полной неидентифицированности, гипотетичности:

Мама полчаса дозванивается ***в какую-то глубинку*** *и кричит туда на всю квартиру о том, что погреб в деревне затопило водой* (И. Шакиров. Дневник Ихтика, 1995);

– Кому их кислятина нужна? Ну, толкали они ***куда-то в глубинку****, в Тулу, во Владимир… по дешевке. А там, если дело на ноги поставить, можно хорошие бабки иметь (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997);*

– Мы вообще-то не знакомы, – ответила я довольно сухо. – А, ну да, ты ***откуда-то из глубинки****, у вас там, типа того, приличия? Разговариваете грамотно, книксенами приседаете? (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга, 2009);*

Они будто подцеплены из баров и клубов ***где-то в*** *американской* ***глубинке****, еще даже не тронутой Великой депрессией, но разбавлены спокойным и даже чуть ленивым звоном электро- и слайд-гитар* (Нуар, блюз и корабль «Союз»: гитары играют на любой вкус // РБК Дейли, 2012.09.28).

Местоимение *какой-нибудь* и наречия *откуда-нибудь, куда-нибудь, где-нибудь* репрезентируют семантику предположительности. По Е.В. Падучевой, в этом случае информация представляется говорящим как одна из вероятных:

Игорю хотелось сказать ей прямо с порога, чтобы она брала ноги в руки и переезжала вместе с сыном куда-нибудь подальше, в ***какую-нибудь глубинку****, но сдержался* (А.Б. Сальников. Отдел // Волга, 2015);

Но тем не менее девочка, которая приезжает ***из какой-нибудь глубинки****, она устраивается в этот отель, видит эти коридоры, названные как улицы* (Интервью Ярославы Таньковой радиостанции «Эхо Москвы» // Комсомольская правда, 2007.08.18);

Волосы светлые, глаза голубые. Тоже чтобы ***откуда-нибудь из глубинки****, как ты. И чтобы более или менее приличная, само собой* (Е. Белкина. От любви до ненависти, 2002);

Мне интереснее раз десять съездить ***куда-нибудь в*** *российскую* ***глубинку****, в детские дома, чем один раз слетать в Лондон* (Г. Пятов. Как я стал «контрабандистом» // Комсомольская правда, 2014.06.09);

Не исключено, что ***где-нибудь в глубинке*** *люди старшего поколения вообще не знают, что такое приватизация и зачем она нужна* (М. Перевощикова. Ты теперь моя, навсегда моя // lenta.ru, 20 16.02.04).

В рассмотренных примерах значение предположительности, или модальной неопределенности, формируют так называемый тип «намереннонеопределенных утверждений». Этот случай, когда говорящий не хочет сказать точнее. По сути, так формируются утверждения, абстрагированные от несущественных деталей одной ситуации [9, с. 32–37].

Анализ коллекции Национального корпуса русского языка позволил выявить 17 примеров употребления лексемы *глубинка* в кавычках в функции графического рефлексива, т.е. одного из элементов текста, в котором проявляется метаязыковая рефлексия пишущего по поводу собственной или чужой речи.

И.В. Гурова отмечает, что кавычки могут служить маркером приблизительной номинации, которая включает модальную оценку сомнения в достоверности номинации, отрицательного отношения к номинации, нежелания нести ответственность за эту номинацию и т.д. При этом в тексте могут присутствовать словосочетаниями *своего рода, в своем роде, так называемый, так сказать* или же возможна их подстановка [2, с. 216–217]. Считаем возможным для выявления гипотетического плана высказывания рассматривать данные словосочетания в качестве операторов гипотетической модальности:

Кто-то предположил еще, что немолодые советские пуритане растаяли и возбудились при столкновении с сырой и мутной непотребщиной в исполнении тетки ***«из глубинки»*** *(С. Шаргунов. Россию надо выдумать заново? 2011);*

*Причем если раньше за зюгановцев охотнее голосовали жители села, то теперь «**глубинка**» поддерживает В. Путина и партию власти – отчасти потому, что губернаторам легче мобилизовать голоса послушных деревенских жителей (В. Цепляев. В предвкушении схватки // Аргументы и факты, 2003);*

*Я же, хотя и предъявил справку, что работаю и. о. научного сотрудника в Эрмитаже, получил направление в один из районов Ленинградской области – не то в Волховский, не то в Тихвинский – **куда-то дальше в «глубинку»**, сейчас уж не помню (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава одиннадцатая, 1995).*

Таким образом, рассмотрение прагматических особенностей лексемы *глубинка* позволяет выявить формирование у нее семантики гипотетичности, в основе чего лежит модель переноса от семы удаленности к наделению *глубинки* чертами пространства неопределённого, актуализирующего семы необразованности, дикости и т.д. В художественном и публицистическом дискурсах маркерами семантики гипотетичности являются неопределенные местоимения и наречия на *-то, -нибудь*, а также кавычки. Являясь одним из репрезентантов функционально-семантического поля провинции, номинация *глубинка* способна выражать семантику вероятности, формируя в языковой картине мира представление о неизвестном, обладающим лишь предположительными характеристиками пространстве.

Литература

1. Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английском научном тексте. – Екатеринбург, 1995. – 184 с.
2. Гурова И.В. Гейт-лексемы: прагматический потенциал кавычек // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой: межвузовский сборник научных трудов с международным участием. – Киров, 2018. – С. 214–221.
3. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – СПб., 1997. – 244 с.
4. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. – М.: Флинта, 2015. – 328 с.
5. Климкова Л.А. Нижегородская (окско-волжско-сурская) микротопонимия: географический аспект // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V Международной конференции по исторической географии. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 174–177.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В.А. Успенский. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
7. Паршина О.Д. Лексема «моногород» в контексте русской провинции // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: сборник материалов VI Международной научной конференции / под ред. Г.Н. Тараносовой, И.А. Изместьевой. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2019. – С. 57–63.
8. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. – 2020. – №8. – С. 123–140.
9. Санников В.З. Прагматика неопределенных утверждений // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1987. – №9. – С. 32–37.
10. Сахно С.Л. Приблизительное наименование в естественном языке // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С. 29–36.
11. Шевченко О.Г. Проблема выравнивания диссонансов в гипотетическом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №82-1. – С. 394–399.
12. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД С АНТОНИМИЧНЫМИ ВЕРШИНАМИ *БОГАТЫЙ / БЕДНЫЙ*

О.А. Пацюкова[1], А.А. Абдулатипова[2]
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
[1]д.ф.н., профессор; e-mail: olalpa@mail.ru
[2]студент; e-mail: albina.199924@yandex.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Представлена сопоставительная характеристика структуры словообразовательных гнёзд с вершинами богатый/бедный и рассмотрена отражённая антонимия в них.

Ключевые слова: *производное слово; словообразовательное гнездо; антонимы.*

Языковая оппозиция *богатый – бедный* представляет интерес для изучения, поскольку имеет непосредственное отношение к системе ценностей любого социума и отражает взаимодействие противоположных общественно значимых отношений между людьми различных социальных групп и слоёв. Актуальная социально-культурная дихотомия *богатый – бедный* является необходимой составляющей картины мира современного человека, которая находит отражение в языке, прежде всего в явлении антонимии, как лексической, так и словообразовательной. Рассмотрим словообразовательный потенциал и семантику антонимов *богатый* и *бедный*.

Словообразовательные гнёзда (СГ) с вершинами *богатый* и *бедный* достаточно продуктивны. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [7], в СГ с вершиной *богатый* 43 производных слова, в СГ с вершиной *бедный* – 41, т.е. по количеству дериватов гнёзда фактически одинаковы. В СГ с вершиной *бедный* выделяется три ступени деривации, в СГ с вершиной *богатый* – на одну ступень больше, однако это различие несущественно, поскольку четвёртая ступень деривации в СГ с вершиной *богатый* представлена единственным производным словом.

Гнездо с вершиной *богатый* насчитывает 6 парадигм, гнездо с вершиной *бедный* – 7 парадигм, которые распределяются по ступеням деривации следующим образом.

Таблица 1

Количество парадигм на каждой ступени деривации

	СГ с вершиной *богатый*	СГ с вершиной *бедный*
1 ступень	1 парадигма	1 парадигма
2 ступень	3 парадигмы	5 парадигм
3 ступень	2 парадигмы	1 парадигма
4 ступень	0 парадигм	–

Единственная парадигма на первой ступени деривации в обоих СГ является самой объёмной и насчитывает 14 и 15 производных слов соответственно:

бога́т(ый) I, *прил.*
бога́т-**ый** II, *сущ.*
богат-**е́йш**-ий
бога́т-**еньк**-ий
бога́т-**о**
бога́т-**ств**-о
бога́ч-**еств**-о
богат-**е́й**
бога́*ч*
не-бога́тый
пре-бога́тый
богат-**е́**-ть
богат-**и́**-ть, *устар.*
о-богат-**и́**-ть
скор-**о**-бога́тый

бе́дн(ый) I, *прил.*
бе́дн-**ый** II, *сущ.*
бе́дн-**ейш**-ий
бе́дн-**оват**-ый
бе́дн-**еньк**-ий
бе́дн-**о**
бе́дн-**ость**
бедн-**от**-а́
бедн-**я́к**
бедн-**я́г**-а
без-бе́дный
не-бе́дный
пре-бе́дный
бедн-**е́**-ть
о-бедн-**и́**-ть
при-бедн-**и́**-ть-**ся**

В парадигмах первой ступени обоих СГ преобладают имена существительные и прилагательные (по 5–6 производных), в меньшей степени представлены глаголы (по 3 производных), наречия являются единичными примерами (*богато, бедно*).

В каждом СГ наиболее продуктивной является вторая ступень деривации, которая представлена наибольшим количеством парадигм и производных.

В СГ с вершиной *богатый* – три словообразовательные парадигмы. Самая крупная из них с исходным глаголом включает 9 производных слов:

о-богат-**и**-ть
обогатить-**ся**
обога*щ*-**а**-ть
обога*щ*-**ениј**-е
обогат-**имость**
обогати-**тель**
обогати-**тельн**-ый
обога*щ*-**ённ**-ый
асбест-**о**-обогати-**тельн**-ый
угл-**е**-обогати-**тельн**-ый

Данная парадигма представлена глаголами (*обогатиться, обогащать*), отглагольными именами существительными, как абстрактными (*обогащение, обогатимость*), так и конкретными (*обогатитель*), а также именами прилагательными (*обогатительный, обогащённый, асбестообогатительный, углеобогатительный*). Производные слова образованы постфиксальным, суффиксальным и сложно-суффиксальным способами.

Две другие парадигмы второй ступени словообразования – отадъективная и отглагольная – насчитывают три и два производных слова соответственно:

скор-**о**-богат(ый)	богат-**е**-ть
скоробогат-**ей**	**о**-богатеть
скоробога*ч*	**раз**-богатеть
скоробогат-**е**-ть	

В СГ с вершиной *бедный* на второй ступени деривации пять парадигм (на две парадигмы больше, чем в гнезде с вершиной *богатый*), но все они небольшие и насчитывают по два-три члена.

Трёхчленные парадигмы образуются от наречия *бедно* и существительного *бедняк* суффиксальным способом:

бéдн-**о**	бедн-**я́**к
бедн-**оват**-о	бедня́*ч*-**к**-а
бéдн-**еньк**-о	бедня́*ч*-**еств**-о
бедн-**éньк**-о	бедня́*ц*-**к**-ий

Все двучленные парадигмы являются отглагольными:

бедн-**é**-ть	**о**-бедн-**и́**-ть	**при**-бедн-**и́**-ть-ся
за-беднéть	обедн-**я́**-ть	прибедн-**я́**-ться
о-беднéть	обедн-**ённ**-ый	прибéдн-**ива**-ться

Таким образом, на второй ступени деривации в СГ с вершинами *богатый* и *бедный* насчитывается 19 и 20 производных слов соответственно, что составляет примерно 50% дериватов в каждом СГ.

На третьей ступени деривации словообразующие возможности СГ с вершиной *бедный* затухают: единственная парадигма представлена двумя производными: **о**-беднéть
обеднé-**ниј**-е
обденé-**л**-ый

В СГ с вершиной *богатый* третья ступень более продуктивна, на этой ступени выделяется две парадигмы – двучленная и четырёхчленная:

обога*щ*-**а**-ть	обога*щ*-**ениј**-е
обогащать-**ся**	взаим-**о**-обогащение
обогаща-**ем**-ый	гидр-**о**-обогащение
	сам-**о**-обогащение
	угл-**е**-обогащение

Наконец, четвёртая ступень словообразования наблюдается только в СГ с вершиной *богатый.* Она представлена одним производным словом, поэтому парадигм здесь нет.

Помимо парадигматических отношений, производные в словообразовательном гнезде вступают и в синтагматические отношения, образуя словообразовательные цепи (СЦ). В СГ с вершинами *богатый* и *бедный* примерно одинаковое количество словообразовательных цепей: 29 и 23 соответственно.

По признаку «количество компонентов» це́пи делятся на бинарные, которые включают исходное слово гнезда и одно производное, и полинарные, включающие исходное слово и два и более производных [8, с. 178]. Полинарные цепи в обоих гнёздах преобладают.

Таблица 2

Количество словообразовательных цепей в гнёздах
по признаку «количество компонентов»

Цепи	СГ с вершиной *богатый*	СГ с вершиной *бедный*
бинарные	6	2
трёхчленные	14	15
четырёхчленные	8	6
пятичленные	1	–

Самая длинная цепь в СГ с вершиной *богатый* представлена пятью звеньями: *богат(ый)* → ***о****-богат-****и****-ть* → *обогащ-****а****-ть* → *обогаща-****ем****(ый)* → *обогащаем-****ость***, т.к. в гнезде 4 ступени деривации. В гнезде с вершиной *бедный*, где 3 ступени деривации, самая длинная цепь четырёхчленная (всего их шесть), например:

бедн(ый) → *бедн-****е****-ть* → ***о****-бедне(ть)* → обедне-**ниј**-е,

бедн(ый) → *бедн-****яг****(а)* → *бедняж-****к****(а)* → *бедняжеч-****к****(а).*

Четырехчленных цепей в СГ с вершиной *богатый* восемь, например:

богат(ый) → ***о****-богат-****и****-ть* → *обогащ-****а****-ть* → *обогащать-****ся****,*

богат(ый) → ***о****-богат-****и****-ть* → *обогащ-****ённ****-ый* → *обогащённ-****ость.***

Трёхчленных цепей в гнёздах примерно одинаковое количество: 14 в СГ с вершиной *богатый* и 15 СГ с вершиной *бедный.* Это объясняется практически одинаковым количеством производных на второй ступени деривации (19 и 20 соответственно). Бинарных цепей в 3 раза больше в СГ с вершиной *богатый* (их шесть), например: *богат(ый)* → *богат-****ейш****-ий*, *богат(ый)* → *богат-****ств****-о.*

По лексико-грамматической отнесённости исходного слова и конечного звена выделяются линейные и кольцевые цепи. В линейных цепях исходное слово и конечное звено относятся к разным частям речи, в кольцевых – к одной части речи [8, с. 179]. В словообразовательных гнёздах с вершинами *богатый – бедный* значительно преобладают линейные цепи.

Таблица 3

Количество словообразовательных цепей в гнёздах
по признаку «лексико-грамматическая отнесенность»

Цепи	СГ с вершиной *богатый*	СГ с вершиной *бедный*
линейные	24	20
кольцевые	5	3

Примеры линейных СЦ:

богатый (прил.) → ***не****-богат(ый)* → *небогат-****о*** (нареч.)

бедный (прил.) → *бедн-****як*** → *бедняч-****еств****-о* (сущ.)

Примеры кольцевых СЦ:

богатый (прил.) → ***о****-богат-****и****-ть* → *угл-****е****-обогати-****тельн****-ый* (прил.)

бедный (прил.) → *бедн-****ейш****-ий* → *сам-****о****-беднейший* (прил.)

Дериватами в обоих гнёздах являются преимущественно именные части речи (существительные и прилагательные): 67% в гнезде с вершиной *богатый* и 56% в гнезде с вершиной *бедный*. Глаголов и наречий в обоих гнёздах образуется значительно меньше. Дериваты образуются преимущественно суффиксальным способом, причём в гнезде с вершиной *богатый* встречаются производные с протяжёнными суффиксами *-имость* (обогатимость) *-тельн-* (обогатительный) [3], которые сигнализируют о чересступенчатом принципе развёртывания гнезда.

Вершины СГ – прилагательные *богатый* и *бедный* – являются лексическими антонимами. Эти прилагательные в русском языке многозначны. Лексема *богатый* представлена тремя лексико-

семантическими вариантами (ЛСВ), лексема *бедный* – четырьмя ЛСВ. В антонимичные отношения прилагательные вступают в трёх значениях.

богатый [5]

1. Обладающий большим имуществом, большими материальными ценностями; зажиточный; *противоп.* бедный. *Богат, хорош собою, Ленский…*

2. Пышный, роскошный. *Богатая кружевная косынка соскользнула со стола и упала на пол…*

3. В высшей степени достаточный; обильный. *Богатый опыт. Богатый урожай.*

бедный [5]

1. Не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию; неимущий или малоимущий; *противоп.* богатый. *Бедный человек*.

2. Отличающийся недостаточностью, убожеством. *Бедный ужин. Бедная обстановка.*

3. Небогатый по содержанию; скудный. *Бедная фантазия. Я полюбил бедную петербургскую природу.*

4. Несчастный, возбуждающий жалость, сострадание. *Но бедный, бедный мой Евгений… Увы! его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял.*

Первые два значения – ‘обладающий большим имуществом/не имеющий достаточных средств’ и ‘роскошный/убогий’ – отражают материальную сферу жизни общества. Третье значение ‘достаточный/скудный по содержанию’ относится не только к материальной (*богатый/бедный урожай*), но и к интеллектуальной сфере (*богатая/бедная фантазия*). Семантика прилагательного *бедный* включает ещё одно значение – ‘несчастный, возбуждающий жалость’, которое можно отнести к сфере эмоциональной. В этом значении прилагательное *бедный* не вступает в антонимичные отношения с полисемантом *богатый*, поэтому прилагательные *богатый – бедный* являются неполными антонимами.

Ввиду антонимии вершин рассматриваемых СГ их производные тоже вступают в антонимические отношения, что является проявлением отражённой антонимии. Термин «семантическое отражение» впервые был введён В.В. Виноградовым [1, с. 294], потом использовался другими учёными, которые достаточно убедительно показали, что дериваты «сами по себе не выражают антонимичных, синонимичных или омонимичных отношений, а воспроизводят их в своей смысловой структуре постольку, поскольку вышеуказанными отношениями связаны их производящие» [4, с. 5]. Таким образом, дериваты наследуют структурно-смысловые отношения, присущие производящим, и воспроизводят их в смысловой структуре.

Структурный и семантический анализ дериватов СГ с вершинами *богатый – бедный* позволил выделить несколько групп антонимов.

Первая группа производных является полными антонимами. Это слова, которые имеют одинаковую словообразовательную структуру и антонимичное лексическое значение.

богач-**к**-а [5]

Разг. Женск. к богач.

Актриса тонко передаёт замкнутое глухое презрение богачки к бедному жениху…[2]

богат-**ый** [5]

О человеке.

Есть только два народа, два племени непримиримых – богатые и бедные!

пре-богатый [6]

Разг. Очень богатый. *Жил один боярин... богатый-пребогатый да знатный...*

бедняч-**к**-а [5]

Женск. к бедняк (в 1 знач.).

Кому нужна беднячка без приданого [2]

бедн-**ый** [5]

О человеке.

Бедный живет только своим трудом: богатый – своими поместьями, своими капиталами.

пре-бедный [6]

Разг. Очень бедный. *Жил на селе мужик, бедный-пребедный…*

В словообразовательных гнёздах с вершинами *богатый – бедный* все полные антонимы однозначны и отражают первое значение своих производящих ‘обладающий/не обладающий имуществом’.

Ко **второй группе** относятся производные, являющиеся неполными антонимами. Они характеризуются одинаковым строением, но имеют различия в лексическом значении.

богат-**еньк**-ий [6]

Разг. Ласк. к богатый (в 1 знач.).

Это была богатенькая провинциалочка, хотя и пышно, но безвкусно одетая.

бедн-**еньк**-ий [6]

Разг. Уменьш.-ласк. к бедный (в 1, 2 и 4 знач.).

Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого.

Инструмент был бедненький, но звук трогательный, ребячий… [2]

Бедненький мальчик! Пожелай ему от меня скорейшего и полного выздоровления! [2]

о-богат-**и**-ть [5]

1. Сделать богатым, состоятельным. *Лишняя тысяча меня не обогатит.*

2. Сделать более богатым, разнообразным по составу, содержанию. *Обогатить свой опыт.*

3. Повысить полезные качества чего-л. (почвы, руды, минералов и т.п.) *Обогатить почву азотом.*

о-бедн-**и**-ть [5]

Сделать бедным чем-л., в недостаточном количестве содержащим что-либо. *Обеднить природу.*

// Сделать менее выразительным, менее содержательным. *Обеднить литературный образ.*

Третья группа представлена антонимами, которые имеют разную словообразовательную структуру. Как правило, эти антонимы являются неполными, поскольку не все ЛСВ данных лексем вступают в антонимичные отношения.

богат-**ств**-о [5]

1. Обилие материальных ценностей, денег. *Маленьким людям везде хорошо. Они не видят большой разницы между бедностью и богатством.*

// Роскошь, великолепие, пышность. *Богатство обстановки.*

2. Совокупность материальных ценностей. *Природные богатства.*

3. Обилие, множество, многообразие. *Пейзаж пленял его богатством красок… Богатство фантазии.*

бедн-**ость** [5]

1. Скудость, недостаточность средств существования; нужда.

Жить в бедности.

2. Убожество, неприглядность.

Бедность обстановки.

3. Недостаточность чего-л., скудость в чем-л. *Природа по пути поражает своею бедностью. Бедность мысли.*

Абстрактные существительные *богат**ств**о* и *бедн**ость*** образованы от прилагательных *богатый* и *бедный* с помощью разных суффиксов *-ств-* и *-ость.* Существительное *богатство* во втором значении не имеет в языке антонимичной пары.

бога**ч** [5]

Тот, кто обладает богатством (в 1 знач.) *Какие были богачи* [*Гусятниковы*]!.. *Сколько добра было в доме…*

бедн-**як** [5]

1. Неимущий, бедный человек. *Ветхость шлафрока и всей обстановки обличали в нем бедняка.*

2. *Устар.* Несчастный человек, бедняга. *Бедняк* [*смотритель*] *занемог сильной горячкою….*

раз-богатеть [5]

Стать более богатым. *Разбогатев, они сразу вошли в круг почтенных и уважаемых граждан провинциального городка.*

о-беднеть [5]

Стать более бедным. *Вы не разбогатеете, да и я не обеднею.*

// Лишиться чего-л., утратить что-л.

Русь не обеднела еще людьми!

Как видно из примеров, в антонимичные отношения всегда вступают ЛСВ, отражающие первое (прямое) значение антонимичных вершин.

Таким образом, в СГ с антонимичными вершинами *богатый – бедный* формируются словообразовательные парадигмы с близким набором словообразовательных значений и совпадающими, как правило, средствами их выражения, обусловливающие отражённую антонимию производных. В антонимичных отношениях находятся 56% производных слов СГ с вершиной *богатый* и 54% дериватов СГ с вершиной *бедный*, т.е. более половины производных в каждом СГ. Всё более возрастающая социальная дифференциация в современном обществе актуализирует прямое (основное) значение производящих *богатый – бедный*, связанное с материальной сферой жизни человека (‘обладающий/не обладающий имуществом’), которое практически всегда реализовано в антонимичных производных.

Среди антонимичных пар преобладают дериваты, являющиеся неполными антонимами (72%). Это объясняется тем, что сами вершины СГ *богатый* и *бедный*, значения которых воспроизводят в своей смысловой структуре производные, являются неполными антонимами. Полные антонимы, таким образом, составляют лишь 28% от общего количества антонимов. Следует отметить, что неполные антонимы могут иметь как одинаковую, так и разную словообразовательную структуру. Неполных антонимов с одинаковой словообразовательной структурой (*богат**енький** – бедн**енький***) в 2,5 раза больше, чем неполных антонимов с разной словообразовательной структурой (*богат**ство** – бед**ность***). Не вступают в антонимичные отношения производные, образованные на базе последнего значения вершины *бедный* ‘несчастный, вызывающий жалость и сострадание’ (например, *бедняга*).

Литература

1. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 288–294.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru
3. Пацюкова О.А. Переразложение и закономерности развития протяжённых аффиксов в русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. наук. – Н. Новгород, 2014. – 42 с.
4. Роженцова Л.Н. Отражение как системоорганизующий фактор лексики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – №2. – С. 4–7.
5. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / АН СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1985. – 856 с.
8. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. – М.: Прометей, 1999. – 236 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СУБГНЕЗДО С КОРНЯМИ *SЬRD- И *BOL’ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Д.В. Тимошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, старший преподаватель; e-mail: daryatimoshina@gmail.com

Россия, г. Самара

*В статье рассматривается словообразовательное субгнездо, образованное композитами с корнями *sьrd- и *bol’, с позиций синхронно-диахронного подхода: устанавливается состав лексем на всех этапах развития русского языка, определяются словообразовательные отношения между ними, а также прослеживаются изменения их семантики.*

Ключевые слова: *синхронно-диахронный подход; словообразовательное субгнездо; общеславянский корень *sьrd-; композиты; семантические изменения.*

В последние годы исследованию словообразовательных гнезд с позиций диахронного или синхронно-диахронного подхода посвящено немало работ. Так, внимание отечественных лингвистов было уделено словообразовательным парадигмам с корнями ber-, *ver-/*vor-, *vĕr-, благ-, *lei-, *ględ-, *mot-, *vid-, *zьr- и др. В рамках настоящей статьи рассматривается эволюция словообразовательного субгнезда (СГ) с общеславянскими корнями *sьrd- и *bol’ в истории русского языка. Исследование названной парадигмы имеет не только лингвистическую, но и культурологическую значимость, т.к. она на протяжении всего развития русского языка участвовала в формировании значимых аксиологических, этических категорий и отвлеченных понятий.

Источниками материала являются «Этимологический словарь славянских языков», подготовленный под редакцией О.Н. Трубачева, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера и «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой; «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой; «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», подготовленный под редакцией Р.И. Аванесова, «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» под редакцией И.И. Срезневского; «Словарь русского языка XI–XVII веков» под редакцией С.Г. Бархударова, Г.А. Богатовой и др.; «Словарь Академии Российской» и «Словарь русского языка XVIII века», подготовленный под редакцией Ю.С. Сорокина; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и «Словарь современного русского литературного языка», а также Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ).

Ранее было установлено, что все множество слов, восходящих к данному корню, в истории русского языка представлено тремя семантико-словообразовательными разрядами: лексика с корнем *sьrd- (-срьд- / -сьрд- / -серд-), лексика с корнем *srĕd- (-сphд- / -сред-) и лексика с корнем *sered- (-серед-) [5]. Образование композит было принципиальной особенностью данного корня: так, из 98 словообразовательных парадигм за всю историю развития русского языка 90 составляют субгнёзда, образованные композитами.

Материал лексикографических источников позволяет говорить о том, что композиты с корнями *sьrd- и *bol’ были представлены в русском языке на всех этапах его развития начиная с древнерусского периода (таб. 1).

Таблица 1

Состав СГ с корнями *sьrd- и *bol’ в истории русского языка

Период	Состав словообразовательного субгнезда
XI–XIV вв.	сьрдобол", сьрдоболь, сьрдеболь, сьрдобольствовати, сьрдоболѣти, сьрдобольныи, сьрдобольство
XIV–XVII вв.	сердоболя, сердоболь, сердобольствовати, сердоболѣти, сердобольныи, сердобольство, сердоболие
XVIII в.	сердобольный, сердоболие
XIX в.	сердобольный, сердоболие, сердоболка, сердоболенка, сердобольничать
XX–XXI вв.	сердобольный, сердоболие, сердобольничать, сердобольность, сердобольно

В древнерусском языке композита *сьрдобол"* в значении «родня, родственники (собир.)» появилась как наследие старославянского языка. Р.М. Цейтлин считает, что данная лексема имеет праславянское происхождение, а совпадение с греч. соответствием συγγενείς является случайным, т.к. «перевод осуществляется не по морфемам, а по смыслу целого слова» [6, с. 189, 281]. По мнению О.Н. Трубачёва, первоначальная функция существительного **bol’* – имя действия, функция названия лица, персонификация (‘боль’ → ‘больной человек’) вторична [7, с. 192]. Наименование здесь происходит в результате семантического переноса: родственник – это тот, за кого сердце болит, за кого переживают, по отношению к кому испытывают чувства. Т.И. Вендина в связи с этим отмечает: «Значение родственных связей для средневекового человека раскрывается в слове *срьдобол"*, говорящем о том, что только лишь семья и родня “сердцем болеет” за него, переживая все превратности судьбы» [1, с. 294]. Вероятно, наличие в древнерусском языке сложных существительных *сьрдоболь* и *сьрдеболь*, образованных посредством использования разных соединительных гласных, косвенно подтверждает тезис о значимости семейных уз. Ср. примеры: *домови. и по" соусѣды и* ***сьрдобол****" на вечероу. и сѣдоша на трѧпезѣ. нача "сти и пити славѧще* (НКРЯ: Чудеса Николы // Рукопись Российской национальной библиотеки F.п.I 46 конца XII в.); *самъ же послоужи о немь акы о своюмь сьрдоболи вѣдыи "ко и ты також<е> имаши пострадати* (НКРЯ: Изборник 1076 г. // Изборник 1076 г. 2-е издание, переработанное и дополненное. Подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. Под ред. А.М. Молдована. Т. 1–2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009).

Материал исторических словарей свидетельствует, что значение рода, семейства у композит с обозначенными корнями было основным: *сьрдобольство* «род, семейство»: *ненависть бо единочадьство въводить и сердобольство разлучаеть* (Пал. XIV в. Зав. Заул) [4]; *сьрдобольныи* «относящийся к родственникам»: *часты и насобьны съмьрти дѣтьскы" и сьрдобольны" видѣти* (Изб. 1073 г.) [4]. Глагол *сьрдобольствовати* впервые фиксируется в значении «быть сродным, подобным» в XI в. (*помощьникы на с# при#ти, иже по нравоу доброу срьдобольствоу\щ## и иже подобьни дѣльници* (Гр. Наз. XI в. 340) [4]) и мотивируется существительным *сьрдоболь*. Видимо, позже, в XIV в., в связи

с существительным *сьрдобольство* развивается его второе значение («родниться»), которое становится основным, и характер производности меняется с сьрдоболь → сьрдобольствовати на сьрдобольство → сьрдобольствовати.

Вероятно, в XIII в. у композиты с корнями *sьrd- и *bol' начинает появляться вторичное – переносное – значение, связанное с проявлением чувства жалости и сострадания, необязательно по отношению только к родственнику. Так, Древнерусский подкорпус НКРЯ фиксирует употребление в памятнике существительного *сьрдобольство* в качестве отвлеченного: *без микы. не стыдѧ(с) ни дрq(ж)бы ни лю́бве и* ***сердобольства****. ни слqгъ бжїихъ. ни ста́рыхъ ни qны(х)* (НКРЯ: История Иудейской войны Иосифа Флавия // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод).

В лексикографических источниках старорусского языка значение, связанное с проявлением чувств, ни у одной из композит рассматриваемого СГ не отражено. Более того, расширяют свою семантику глаголы *сердобольствовати* и *сердоболѣти* – они описывают процесс наследования («вступать во владение имуществом близкого родственника»). Появление данных глаголов, предположительно, можно связать с изменениями в наследственном праве, которые были закреплены в Судебнике 1497 г.: расширение круга наследников происходит за счёт дочерей и ближайших боковых родственников, хотя основными наследниками в первую очередь являются сыновья: *Единому от сонма сн҃овъ Ит҃левъ да будеть жена,* ***сердоболиютъ*** *сн҃ове Ит҃лви кождо въ причащение оц҃а своего* (Сбор. Волог. XV в.) [4].

В русском языке XVIII в. у композит *сердоболие* и *сердобольный* словарями фиксируется современное значение – «сердечное сожаление о ком-либо», например: «*Во всех бесконечных зеркалах твоих отразился бы румянец стыда и краска совести обличительной, и кошелёк твой, этот кошелёк, из которого не щедрота прямая, не* ***сердоболие****, но гордость и тщеславие червонные в народ бросают*» (НКРЯ: И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моём, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791–1798 (1788–1822)); «*И по отеческому своему* ***сердоболию*** *не оставил ни единаго способа, чем бы тьму оную прогнать и помраченных просветить…*» (НКРЯ: архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго (1725)); «*Заклинаю тебя, любезная дочь, и запрещаю гласомъ* ***сердобольныя*** *матери, и помыслить о предложенномъ тебѣ*» (НКРЯ: Честь предпочтенная всему // «Лѣкарство отъ скуки и заботъ», 1787).

В XIX в. состав СГ с корнями -серд- и -бол- снова увеличивается: оно включает в себя пять производных. Существительное *сердоболие* образовано сложением с присоединением отвлеченного суффикса -иj-. Оно служит мотивирующей основой для прилагательного *сердобольный* с аффиксом -н-. Впервые в словообразовательной парадигме появляются конкретные существительные с суффиксом лица -к- *сердоболка* и *сердоболенка* для обозначения женщин, посвятивших себя уходу за больными и ранеными. Очевидно, что этими существительными замещались словосочетания *сердобольные вдовы* или *сердобольные сёстры* (ср. *сестра милосердия*), называвшие женский медицинский персонал. В 1818 г. в Москве был создан Институт сердобольных вдов, а при больницах стали организовывать курсы сиделок. После Крымской войны количество медицинских сестёр стало сокращаться, а в 1892 г., согласно новому уставу Санкт-Петербургского вдовьего дома, Институт сердобольных вдов был упразднён [2]. Вслед за институтом вышли из употребления и соответствующие номинации. Отсубстантивный глагол *сердобольничать* в материалах НКРЯ фиксируется единожды: «*Одним словом, видно было, что все принимали действительное участие в судьбе Семёна Ивановича и весьма* ***сердобольничали***» (НКРЯ: Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)). Возможно, это связано с тем, что он постепенно утрачивает своё первичное значение («посвятить себя уходу за больными и ранеными») и начинает употребляться в ироничных контекстах, неслучайно В.И. Даль в словаре помещает глагол с пометой *насмешл*. «заботиться о чужом, где не просят, упуская своё» [3, т. 4, с. 130].

В русском языке XX–XXI вв. СГ с корнями -серд- и -бол-, как и ранее, состоит из 5 лексем, однако их состав отличается от предшествующего периода: *сердобольный, сердоболие, сердобольничать, сердобольность, сердобольно*. Часть из них переживает частичную деградацию лексического значения: например, если ранее адъектив *сердобольный* означал сочувствующего человека, готового помочь в трудной ситуации, то в некоторых примерах из литературы XX в. мы наблюдаем новое свойство: «*У бабушки были не* ***сердобольные****, а спасительные для больного человека глаза: они не подавляли сочувствием, не повергали в сомнение слезливыми, туманными обещаниями, а просто убеждали, что не происходит "ничего страшного"*» (НКРЯ: Анатолий Алексин. Раздел имущества (1979)). Глагол *сердобольничать* закрепляется в новом значении – «проявлять излишнее сочувствие,

мягкость, иногда во вред себе», что отражается в таких примерах: «*Уважаемые пенсионеры, хватит* ***сердобольничать*** *и пускать в дом незнакомцев – это сейчас дорогое удовольствие*» (из статьи про один из видов мошенничества, газета «Тюменская правда», №12, 31 марта 2016 г.); «*Митинг не законный. Потому судьям не нужно* ***сердобольничать****!!! В противном случае – они на их стороне!!!*» (из комментария к статье про митинг в Екатеринбурге, https://ura.news/news/1052469537, 31 января 2021 г.). Нейтральность значения пока сохраняют отвлеченные существительные *сердоболие* и *сердобольность*, хотя необходимо отметить, что употребительность этих лексем в языке новейшего периода невысока: так, в материалах НКРЯ с начала XX столетия фиксируется всего 9 вхождений со словом *сердоболие* и 24 вхождения – с *сердобольность*.

Анализ словообразовательных парадигм с общеславянскими корнями *sьrd- и *bol' в истории русского языка позволяет сделать следующие выводы.

1. Состав словообразовательных субгнёзд на всех синхронных срезах русского языка был невелик: количество композит в СГ доходило до семи.

2. В истории русского языка в пределах рассматриваемого СГ наблюдается изменение семантики: с древнерусского до конца старорусского периода языка анализируемые лексемы выражают значения, связанные с родственниками, семьёй, родом. Только в национальный период у композит с корнями -серд- и -бол- лексикографическими источниками фиксируется современное значение, связанное с проявлением чувств сострадания, сочувствия, человеколюбия, готовности оказать поддержку нуждающемуся в ней. Предполагаем, в этом значении большую распространённость и востребованность среди носителей языка приобретают композиты с корнями -мил- и -серд-. В речевой практике XX–XXI вв. наблюдается частичная пейорация значения лексем с анализируемыми корнями.

3. Тем не менее, можем говорить о словообразовательной активности СГ с корнями *sьrd- и *bol', которая проявляется в установлении отношений синонимии и омонимии. Так, в выборке омонимия отмечается у суффиксов -ств- «отвлеченный признак» и -ств- «собирательность» (например, *сердобольство*). К синоморфемам относятся отвлеченные суффиксы -ij-, -ост- и -ств- в существительных *сердоболие – сердобольность – сердобольство.*

Литература

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002.

2. Гуцуляк С.А. Эволюция понятия «сестринское дело». Развитие теорий за рубежом и в России. Теоретический подход к сестринскому делу: уч.-мет. пособие. – Иркутск: ИГМУ, 2012.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1999.

4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 1–3. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1893–1912.

5. Тимошина Д.В. Динамика корпуса лексики с этимологическим корнем *sьrd- в истории русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – №4 (99). – С. 112–117.

6. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.). – М.: Наука, 1977.

7. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 2: bez – bratrъ / АН СССР, Институт русского языка; подгот. Трубачев О.Н. и др.; отв. ред. Трубачев О.Н. – М.: Наука, 1975. – 238 с.

ПОЛЬСКАЯ И ЛИТОВСКАЯ ОНИМИЯ В ОЧЕРКЕ П.В. КУКОЛЬНИКА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАМКОВОЙ УЛИЦЕ»

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
д.ф.н., профессор; e-mail: suprun@vspu.ru
Россия, г. Волгоград

В статье на основании теоретических положений русского ономатолога Л.А. Климковой рассматриваются онимические единицы, отмеченные в очерке Павла Васильевича Кукольника «Путешествие по Замковой улице» (1860). Установлено, что на страницах очерка встречается большое количество фамилий на -ский и -цкий. Второй по частотности антропонимической моделью являются фамилии с суффиксом -ович/-евич.

Ключевые слова: *очерк; П.В. Кукольник; ономастика; Вильно; Замковая улица.*

Профессор Л.А. Климкова во многих своих публикациях последнего времени исследовала функционирование имён собственных в художественном и публицистическом тексте [1–3]. Она рассматривала преобразования семантики и формы онимов в газетном дискурсе, обращала внимание на

модель плюрализации онимов, нагнетания в тексте плюральных форм для реализации воздействующей интенции газетного текста [4], анализировала многомерный потенциал имён собственных как языковых, лексических знаков, их полифункциональность, проявляющиеся путём метафоризации, оживления внутренней формы, ассоциативного наполнения, соположения с мотивантами и этимонами (подлинными и мнимыми), семантического сближения и отталкивания [5, с. 20]. Опираясь на размышления известного российского ономатолога, проанализируем онимическое пространство произведения забытого ныне русского писателя XIX века П.В. Кукольника (1795–1884), который отразил в своём творчестве русско-польские литературные, научные и культурные контакты, далёкую и современную для него историю Литвы и её окрестностей.

Имя собственное участвует в структурировании художественного пространства текста, выстраивая его синтагматику и парадигматику [6]. Оно всегда обладает богатой семантикой, неизбежно коннотирует, выполняя роль своеобразных текстовых вех, обозначающих героев и выстраивающих хронотоп повествования [7]. Вспомним высказывания Ю.Н. Тынянова: «В художественном произведении нет неговорящих имён» [8, с. 186]. Не только имена, топонимы, единицы других онимических разрядов, обладающие прозрачной этимологией, реализуют в тексте свой воздействующий на читателя потенциал, но и онимы реальных лиц, мест, объектов демонстрируют симпатии и антипатии писателя, своей деривационной структурой и орфографическим (отражающим фонетическое звучание единицы) обликом передают этническую принадлежность героя и места действия, фреквентативные характеристики говорят о популярности онима или словообразовательной модели, онимической моде и т.п.

В 1860 году в газете «Виленский вестник» был опубликован очерк П.В. Кукольника «Путешествие по Замковой улице». Первый фрагмент этого произведения увидел свет 1 января 1860 года, потом было ещё 11 отрывков (всего очерк был опубликован в 12 номерах газеты с №1 по №27 с перерывами). 1 апреля автор обратился к читателям в последнем отрывке: «Чувствую, что вы хотите отдохнуть и радуетесь окончанию путешествия, которое на расстоянии 180 сажень продолжалось три месяца» [9/27]. В это время Павел Васильевич был цензором Виленского цензурного комитета (через 3 года он стал его председателем), членом губернского статистического комитета, действительным членом Виленской комиссии для разбора и издания древних актов [10–11].

Жанр очерка был весьма популярен в русской литературе XIX века [12–13]. В теории литературы очерком называется одна из разновидностей рассказа, которая отличается большей описательностью, вниманием к социальным проблемам [14–15]. При этом не всегда просто отделить очерк от собственно рассказа, новеллы, эссе. В.Е. Хализев считает, что очерк относится к внеродовым формам литературы, поскольку событийные ряды и собственно повествование организующей роли в нём не играют [16, с. 204]. Думается, что можно согласиться с писателем В.Я. Канторовичем (1901–1977): «Определения – формулы, перечисляющие признаки жанров, как правило, неисторичны, ибо претендуют на то, чтобы быть действительными во все эпохи. Тем самым они похожи на рецепты, по которым якобы создаются художественные произведения. Но таких рецептов нет и быть не может хотя бы потому, что в искусстве постоянно ищут и создают новые формы; прежние, уже в силу повторности, пассивно воспринимаются человеческим сознанием и не способны раскрыть новое содержание жизни. А произведения искусства нет, если оно только повторяет пройденное и не добавляет к осознанной нами картине действительности ни единой новой черты, ни нового образа, ни характера, если оно не подымает проблем, волнующих современное общество» [17, с. 6].

В 1824 году попечителем Виленского университета и Виленского учебного округа был назначен Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838), который хорошо знал семью Кукольников. Именно он в 1804 году для преподавания физики в Педагогическом институте (с 23 декабря 1816 года стал именоваться Главным педагогическим институтом) пригласил в Санкт-Петербург из Королевского лицея города Замостье, входившего в те времена в состав Австрийской империи, профессора Василия Григорьевича Кукольника (1765–1821).

Прибыв в Вильно, Н.Н. Новосильцев обнаружил в университете нехватку профессуры и обратился к министру народного просвещения адмиралу Александру Семёновичу Шишкову (1754–1841) с просьбой назначить П.В. Кукольника профессором всеобщей истории и статистики Виленского университета [10–11]. Помимо исполнения должности профессора, Павел Васильевич был также секретарём совета университета, позже работал ещё на разных местах в этом университете (его закрыли в 1832 году) и в других учебных заведениях.

В Вильно П.В. Кукольник прибыл на постоянное жительство в марте 1825 года. До этого он несколько раз бывал в этом городе, возможно, и останавливался в нём, но в те годы семья Кукольников выезжала в своё имение в Виленской губернии, пожалованное императором Александром I

в 1817 году Василию Григорьевичу Кукольнику в благодарность за преподавание права великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Здесь семья проводила летние месяцы. После кончины главы семейства его жена София Николаевна, урождённая Пилянкевич, переехала в это имение с младшими детьми на постоянное жительство, но старший сын Павел в это время жил и работал в Санкт-Петербурге, приезжая в родительский дом только во время отпуска.

59 лет Павел Васильевич прожил в Вильне, знал город как свои пять пальцев, поэтому ему и Литве он посвятил многие свои сочинения. В «Путешествии по Замковой улице в Вильне» писатель выразил свою любовь и уважение к городу и его жителям.

П.В. Кукольник в самом начале своего очерка намекает, что его произведение было инспирировано романом французского писателя графа Ксавье де Местра (1763–1852), который был издан в Турине в 1794 году, а на русский переведён Василием Степановичем Кряжевым (1771–1832) и опубликован в 1802 году в Москве как одна из первых книг «привилегированной типографии» [18], открытой этим переводчиком совместно с книготорговцем Иваном Ивановичем Готье-Дюфайе (1772–1832) и Иваном Ивановичем Меем, дедом русского поэта Льва Александровича Мея (1822–1862). Не называя своего предшественника по имени, П.В. Кукольник пишет в своём очерке: «И почему не может быть путешествия по улице, когда существует путешествие по моей комнате, и даже составляет порядочный том» [9/1]. Его путешествие начинается с характеристики Замковой улицы: «Замковая улица простирается на 180 сажень», «в некоторых местах ширина её не достигает шести сажень» [там же], в переводе на современную метрическую систему: длина – около 400 м, ширина – около 13 м. Эта улица и поныне значится на карте Вильнюса, не изменилось и её название – Pilies gatvė – Замковая улица [19].

Этот очерк, как и другие произведения П.В. Кукольника, содержит большое число онимов польского и литовского происхождения. Писатель поддерживал дружеские связи со многими польскими литераторами и другими деятелями культуры Польши и с жителями Вильна польского происхождения. Проживая на территории Литвы, он не мог не заинтересоваться историей края, много читал, работал с архивными материалами, потом в своих произведениях делился интересными фактами. За своё благожелательное отношение к литовской истории и польской культуре он был отстранён от руководства Виленским цензурным комитетом. В 1865 году под председательством генерал-майора А.Д. Столыпина была создана комиссия для расследования политических злоупотреблений в книжной торговле Вильна. Она обвинила П.В. Кукольника в разрешении печатать книги, которые служили «латино-польской» пропаганде. Ему вменялось также стремление «поощрять распространение вредных жмудских книг». Жмудью в те времена называли жемайтов – субэтнос в составе литовцев. В тексте обвинения имелось и указание и на причину столь благожелательного отношения цензора к «жмудскими книгам»: желание угодить епископу Волончевскому.

Матвей-Казимир Волончевской (по-литовски Motiejus Valančius, по-польски Maciej Wołonczewski, 1801–1875) был известным литовским просветителем, в марте 1850 года он стал епископом Жемайтийским. В декабре 1858 года М.-К. Волочевский стал действительным членом Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, где и проходило его сотрудничество с П.В. Кукольником. Епископ опубликовал на литовском языке свои книги «Жития святых», «Катехизис», «Библейская история» и другие издания религиозно-дидактического содержания, исследование «Жемайтская епархия», повесть «Юзе из Паланги», «Пословицы жемайтов». Он позаботился также об издании книг на латышском языке. При этом епископ оставался верноподданным царскому правительству, награждался орденами святой Анны, святого Владимира, святого Станислава. Он отрицательно отнёсся к польскому восстанию 1863–1864 годов [20], хотя в нём участвовали и были наказаны священники литовского (жмудского) происхождения [21, с. 522–523; 22]. Однако просветительская деятельность М.-К. Волочевского вызывала недовольство тех, кто видел в ней угрозу единству Российской империи, а его борьба с пьянством и организация трезвенического движения в Литве привели к закрытию 87 винокуренных заводов и уменьшению доходов казны, чем были недовольны предприниматели и чиновники. Надо сказать, что решение комиссии мало сказалось на просветительской деятельности епископа: бóльшая часть отмеченных выше книг была им издана уже после того, как П.В. Кукольника удалили с должности председателя Виленского цензурного комитета.

Как видим, фамилия литовского священнослужителя была оформлена польским антропонимическим суффиксом *-ск*(*ий*). Таким же образом в то время оформлялись фамилии и других литовцев, поэтому только подробное знакомство с биографией человека позволяет определить его национальность. Отметим, что литовцы в XIX веке проживали в основном в деревнях и малых городах (17,6% в губернии), а в Вильне их было чуть больше 2%. Похожая ситуация была с белорусами, ко-

торых в Виленской губернии, по данным переписи 1897 года, было 56%, а в губернском городе – только 4,2%. Большинство жителей Вильна составляли евреи (40%), поляки (30,9%), русские (20,1%) [23, IX].

К жемайтам относилась также молодая поэтесса Каролина Проневская (1828–1859), «которая хотя родилась на Жмуди, но по беспрерывным сношениям с Вильной и месту издания её стихотворений неоспоримо принадлежит к кругу наших литераторов» [9]. Здесь также литовская фамилия Praniauskaitė была приспособлена к польскому языку, однако в ней выделяется славянский суффикс *-ск-*. Юная поэтесса писала стихотворения на польском языке, П.В. Кукольник упоминает о названии одного из них – «Trzy promienia ducha» [9]. В очерке сказано, что «на 23 году Проневская рассталась с миром»; на самом деле Каролина скончалась в 31-летнем возрасте. В этом отрывке очерка *Жмудь* употребляется как топоним. М. Фасмер отмечает, что в XV–XVI веках в русском языке использовались слова *Жемоить, Жомоть*; форма с -у- отражает переход звука [о] в [ó] в закрытом слоге в польском языке [24, с. 15], из которого был заимствован этноним и топоним: Żmódź, позже Żmudź [25/2, с. 59–60]. В очерке упоминается и латинское название этой части Литвы – *Самогития*, причём при описании событий XIX века [9].

Большинство польских жителей Вильна носили фамилии на *-ск*(*ий*). В упомянутом решении комиссии говорится о том, что П.В. Кукольник имел близкие отношения с издателями и книготорговцами Завадскими. Во время путешествия по Замковой улице автор сообщает: «По правой стороне ворот (епископского дома. – В.С.) помещена книжная лавка Адама Осиповича Завадского» [9]. Далее, сообщая о книжной торговле в Вильне, он рассказывает: «На одной Замковой улице находится четыре книжные лавки, а именно: две Завадского, в доме епископском и Ромера, 1 Оргельбранда, в доме Гурклейта (ныне Чеховича), и одна под фирмою Рубина Рафаловича, на площадке Замковой улицы, против так называемой большой ремизы (извозчичьей биржи)» [9].

Писатель косвенно подтверждает преимущественное издание книг на польском языке и получение от зарубежных издателей также польских книг: «Наводнение Вильна книгами, как выходящими из печати, так и заграничными, громко говорит в пользу образования жителей и любви их к литературе. Чтобы дать ясное понятие читателю об этом предмете, представляем сведение, полученное о появившихся в Вильне новых книгах в продолжении одного года, а именно ближайшего 1858. – В этом году напечатано в Вильне 197 сочинений преимущественно на польском языке, и независимо от того 69 еврейских книг. – Из-за границы привезено и разобрано в цензурном комитете 470 укладок, заключавших в себе 45778 томов на польском, немецком, французском, английском и латинском языках. Доказательством, что эти книги не остаются долго без покупателей, служит то, что этот привоз повторяется беспрерывно, а в некоторых годах число привезённых книг было гораздо больше» [9].

П.В. Кукольник подчёркивает, что в городе живёт большое число авторов, пишущих на польском языке: «Что касается до успехов сочинителей на поприще литературы, то в этом случае Вильно успешно соперничествует с Варшавой, и неоднократно литовские певцы вырывают из рук своих соперников победную пальму» [9]. В городе ранее издавались газеты и журналы на польском языке: «В прежнее время издавались здесь журналы “Виленский Tygodnik”, “Dziennik Wilenski” под редакциею Марцинковского, “Деяния человеколюбивого общества” под редакциею учёного Н. Малиновского; юмористический журнал “Баламут”; потом, в течении многих лет, издавались здесь ученые сборники: “Wizerunki i rozstzasania naukowe” (62 тома) под редакциею Шидловского, “Atheneum” под редакциею знаменитого писателя И.И. Крашевского, по 6 книг в год, наконец, “Виленская Тека” под редакциею Ивана из Сливина; с прекращением в прошлом году и этого сборника, издаются единожды в году сборники (“Pismo zbiorowe”), заключающие в себе много прекрасных, любопытных и поучительных статей в стихах и в прозе» [9]. В этом отрывке приведены гемеронимы и библионимы преимущественно на польском языке.

Очерк П.В. Кукольника был опубликован в местной газете «Виленский вестник», которая выходила два раза в неделю на русском и польском языках (параллельно на одной странице) с 1841 года, став продолжением выходившей ранее только на польском языке газеты «Kurier Litewski», поэтому в 1860 году было указано, что идёт 101-й год издания. С этого года газету возглавил известный литератор и издатель, археолог, исследователь литовских и белорусских древностей Адам-Гонорий (Адам Карлович) Киркор (Adam Honory Kirkor; 1818–1886), с приходом которого «программа газеты была совершенно изменена и расширена» [25, с. 326]. Видимо, в рамках этого обновления и было начато печатание очерка П. В. Кукольника.

На страницах очерка встречается большое количество фамилий на *-ский* и *-цкий*: *Андбурский, Балинский, Бобровский, Боровский, Бухарский, Важинский, Валицкий, Ваповский, Варшевицкий,*

Вишневецкий, Войцицкий, Вроблевский, Голембиовский, Гомолицкий, Горецкий, Герберский, Дмоховский, Држевинский, Жеромский, Жишковский, Жолкевский, Завадский, Заславский, Ивановский, Ковалевский, Конарский, Корецкий, Корженевский, Коротынский, Кохановский, Красинский, Краснодембский, Крассовский, Крашевский, Криницкий, Ленчицкий, Липинский, Мазовецкий, Малевский, Малиновский, Марцинковский, Манский, Мозовский, Мухлинский, Мяновский, Нишковский, Новицкий, Олесницкий, Острожский, Пашковский, Плевинский, Пржибыльский, Пржиялговский, Пусловский, Савицкий, Сарбевский, Сенковский, Слуцкий, Снядецкий, Собеский, Стройновский, Тышинский, Хвощовский, Чарторийский, Шидловский. Некоторые из этих антропонимов имеют явные польские фонетико-орфографические черты, другие же в равной мере могут быть отнесены к белорусам, украинцам или русским. Нельзя исключить и преобразование по польской модели литовских фамилий.

Второй по частотности антропонимической моделью являются фамилии с суффиксом *-ович/-евич*: *Абрамович, Адамович, Акелевич, Белькевич, Бовкевич, Бондзкевич, Глебович, Гриневич, Гуцевич, Данилович, Зданович, Зенкевич, Кондратович, Коялович, Кришкевич, Крупович, Кукевич, Кунцевич, Маркевич, Мицкевич, Нарушевич, Олелькевич, Протасевич, Рафалович, Римкевич, Суревич, Тамулевич, Тышкевич, Ходкевич, Чехович, Шимкевич, Якубович, Янович, Ярошевич*. Эта модель достаточно распространена у белорусов [26, с. 67], однако подобные фамилии встречаются и у поляков, украинцев, а также у евреев, которые составляли большинство в Вильне.

Самым частотным в очерке является антропоним *Радзивилл*, который вместе с латинизированной формой Radvilio встречается в тексте 57 раз: самостоятельно, в сочетании с разными именами и прозвищами и в форме множественного числа. Кроме того, дважды используется прилагательное *радзивилловский*. Автор подробно рассказывает о происхождении Радзивиллов, критически анализируя предположения по этимологии антропонима: «<…> будто бы от соединения двух слов radzic и Wilno, он получил прозвание Радзивилла. – Догадка самая неосновательная. Слово radzic есть слово польское, а польский язык во времена Гедимина не только не был в употреблении, но едва ли был известен в Литве. – С другой стороны, имя Радзивилл не есть имя производное, но собственное, личное, чисто литовское, как-то Монтвилл, Тосцивилл и другие» [9].

В этом контексте упоминается и великий князь литовский *Гедимин* [27], всего его имя встречается в очерке 12 раз. П.В. Кукольник пишет о нём: «На вершине Замковой горы Гедимин положил основание новой столице, построив там сначала деревянный замок в 1322 году» [9]. Предполагается, что этот антропоним происходит от литовских слов gedauti ‘тосковать, стремиться’ и mintis ‘мысль’, т.е. ‘стремящийся мыслить’. Его сын «на месте, где в глубокой древности находился храм Рагутиса (литовского Бахуса), Ольгерд позволил супруге своей построить православную церковь» [9]. Автор сообщает о важном событии, связанном с этой церковью во имя святой мученицы Параскевы Пятницы: «В этой церкви в 1705 году император Пётр Великий был восприемником от купели при св. Крещении любимца своего Африканца Ганнибала, деда по матери знаменитого поэта А.С. Пушкина». Ныне на здании храма висит табличка «В сей церкви император Пётр Великий в 1705 году слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, и крестил в ней африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А.С. Пушкина» [28–29]. Ольгерд 11 раз отмечен в очерке П.В. Кукольника. А.В. Суперанская возводит это имя к древнегерманским корням adal ‘благородный” и gar ‘копьё’, что означает ‘благородное копьё’ [30, с. 168]. По другой версии, антропоним образован от литовских слов alga ‘вознаграждение’ и girdas ‘слух, известие’, что означает ‘известный вознаграждением’. Это имя отражает характерную для индоевропейской антропонимии двусоставную модель [31].

О его сыне великом князе литовском и короле польском Ягайле (после 1351–1434) в очерке сообщается 17 раз. В Вильне в местах двух языческим капищ он соорудил католические костёлы: святого Мартина и святого Иоанна [9]. Наконец, достаточно частотным является имя легендарного языческого первосвященника Литвы Лиздейки (писатель использует форму имени *Лездейко*). В очерке оно встречается 9 раз в небольшом отрывке, рассказывающем об истории Радзивиллов. Это имя связывают с литовским словом lizdas ‘гнездо’, поскольку, по легенде, Гедимин нашел плачущего ребёнка в орлином гнезде [31, с. 53–54]. Позже он стал верховным жрецом – Криве-Кривайтисом. П.В. Кукольник пишет: «<…> этот Лездейко, истолковав Гедимину значение его страшного сна, посоветовал ему построить Вильно» [9]. Далее в очерке отмечается: «У подошвы горы построен был обширный каменный замок, служивший местопребыванием великих князей, по перенесении столицы из Трок в Вильно, и вмещал в себе жилища кревекревейты и жрецов». П.В. Кукольник приводит интересный случай межъязыкового взаимодействия в топонимии: «Литовцы называли Нижний замок

кревай-пилис, т. е. город кревов (жрецов), а русские и поляки переделали это название на “кривой город”» [9].

Из топонимов, используемых в очерке, наибольшую частоту имеют, разумеется, *Вильно* (63 употребления) и *Литва* (54 употребления). Оба названия имеют сложную этимологию. Предполагается, что астионим Вильно отгидронимного происхождения: город наименован по реке Вилии, название которой восходит к балто-славянскому слову со значением ‘извилистая’ [32, с. 83]. В.А. Никонов называет несколько версий топонима *Литва*, по одной из них – это тоже отгидронимная единица: верхнее и среднее течение Немана предположительно именовалось *Лейта* или *Лиета* от литовского слова lytus ‘течь’. В одном из документов 1322 года упоминается «король Литвы, Аукштайте и Жемайте» [32, с. 237], тем самым подчёркивается трёхчастность территории: верхняя – Аукштайте (aukštas ‘высокий’), нижняя – Жемайте (žemas ‘низкий, нижний’), Жмудь и серединная, на «текучей» реке – Литва.

Более 160 лет прошло после публикации очерка Павла Васильевича Кукольника в «Виленском вестнике». Существенно изменилась за это время жизнь нынешней литовской столицы. Но по-прежнему в её истории остаются сведения о радостных и трагических событиях, происходивших здесь, имена жителей Вильна и его окрестностей, сделавших много для развития мировой науки, культуры, литературы, по-прежнему украшают Вильнюс красивые здания, построенные в прошлые века и хранящие в своих стенах память о людях, живших в них, и о происшествиях, случившихся с жителями различных национальностей в разные времена. Путешествие по Замковой улице продолжается.

Литература

1. Климкова Л.А. Тезоименность в русской библионимии // Ономастика Поволжья: матер. XVIII Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1 / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Изд-во КГУ, 2020. – С. 64–71.
2. Васяева К.О., Климкова Л.А. Прозвищные номинанты в повестях А.Г. Алексина // Молодой учёный. – 2015. – №22-1 (102). – С. 173–177.
3. Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой учёный. – 2015. – №22–1 (102). – С. 187–191.
4. Климкова Л.А. Онимы в газетном дискурсе: трансформация семантики и формы // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. статей по матер. Междунар. науч. конф. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 302–307.
5. Климкова Л.А. Имя собственное в газетном дискурсе: ассоциативно-деривационный и функциональный аспекты // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научных статей / науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. – С. 14–20.
6. Супрун В.И. Ономастическая синтагматика и парадигматика художественного текста (на материале рассказа В.М. Шукшина «Даёшь сердце!») // Шукшинские чтения: матер. науч. конф., посвящ. памяти В.М. Шукшина. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 31–36.
7. Супрун В.И. Ономастические вехи в учебном тексте // Современные технологии обучения в гуманитарном вузе: матер. межвуз. конф. Вып. 9: Проблемы учебного текста в обучении русскому языку как иностранному в гуманитарном вузе. – СПб.: Изд-во СПб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 1994. – С. 64–65.
8. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. – М.: Аграф, 2002. – 496 с.
9. Кукольник П.В. Путешествие по Замковой улице в Вильне // Виленский вестник. – 1860. – №1–27. – 1 янв. – 1 апр.
10. Е<гор>ов А. Павел Васильевич Кукольник. † 1884 г. // Русская старина. – 1885. – №12. – С. 633–635.
11. Шверубович А.И. Братья Кукольники: очерк их жизни, биография, служебно-литературная деятельность и хроника современных им событий в Северо-Западном крае. – Вильна: Тип. Губерн. правл., 1885. – 36 с.
12. Глушков Н.И. Очерк в русской литературе. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 76 с.
13. Пивоварова Л.М. Русский очерк 80–90-х годов XIX века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 112 с.
14. Колосов Г.В. Очерк и жизнь. – Алма-Ата: Казахстан, 1966. – 120 с.
15. Ким М.Н. Очерк: теория и методология жанра. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 166 с.
16. Хализев В.Е. Теория литературы. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2009. – 432 с.
17. Канторович В.Я. Заметки писателя об очерке. – М.: Советский писатель, 1973. – 544 с.
18. Местр Кс., де. Путешествие по моей комнате / С фр. перевёл Кряжев. – М: Тип. Кряжева, Готье и Мея, 1802. – 180 с.
19. https://world-maps.ru/litva/vilnyusskii-uezd/vilnyus
20. Вольтер Э. Волончевский (Матвей-Казимир) // Энциклопедический словарь / Изд-ли Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VII. – СПб.: Типо-литогр. И.А. Ефрона, 1892. – С. 83–84.

21. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Н.М. Нікольскага, Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля. Т. 2. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1940. – XVI + 939 с.

22. Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1892. – VIII + 263 с.

23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. [Вып.] 4: Виленская губерния, тетр. 3 (последняя). – [СПб.]: Тип. Об-ва «Слово», 1904. – 4 + XI + 179 с.

24. Киклевич А.К., Кожинова А.А. Польский язык. 2-е изд-е, стереотип. – Минск: ТетраСистемс, 2001. – 320 с.

25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

25. М.М. [Мазаев М.Н.] Виленский вестник // Энциклопединчский словарь / Изд-ли Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VI. – СПб.: Типо-литогр. И.А. Ефрона, 1892. – С. 325–326.

26. Рогалёв А.Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей. – Гомель: Барк, 2009. – 166 с.

27. Великие князья литовские. XIII–XVIII вв. / сост. В. Спечюнас. – Vilnius: Mokslo ir encikl. leidybos inst., 2006. – 157 с.

28. Лурье Ф. Абрам Ганнибал. Африканский прадед русского гения. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 368 с.

29. Дьёдонне Гнамманку (Dieudonné Gnammankou). Абрам Ганнибал: чёрный предок Пушкина = Abraham Hanibal, l'aïeul noir de Pouchkine / перевод с фр. Н.Р. Брумберг, Г.А. Брумберг. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 224 с. (ЖЗЛ, вып. 761).

30. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён: Сравнение. Происхождения. Написание. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

31. Супрун В.И., Данилов А.В. Двусоставные имена как важный этап формирования индоевропейской антропонимии // Ономастика Поволжья: матер. XV Междунар. научн. конф. – Арзамас: Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 27–31.

31. Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 720 с.

32. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.

Раздел 2
СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ *ГОВОРИТЬ/СКАЗАТЬ* В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Л.В. Алешина
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
д.ф.н., профессор; e-mail: alyoshinalv@mail.ru
Россия, г. Орёл

Анализ функционирования глаголов говорить / сказать показывает, что Тургенев мастерски использует эти глаголы речи, которые, обрастая в контексте смысловыми нюансами, позволяют выразить самые тонкие оттенки душевного состояния героев, передать широкий спектр отношений между коммуникантами.

***Ключевые слова**: Тургенев; речевое действие; глаголы речи; сирконстанты.*

Тургенев – признанный мастер «скрытого психологизма»: он избегает пространных внутренних монологов, детальных описаний ощущений, мыслей героев, при этом их внутренний мир, душевные переживания находят отражение в портретной характеристике, в поступках, и в значительной степени в речевом поведении. Диалоги и монологи героев в идиостиле И.С. Тургенева выступают одним из ведущих приёмов раскрытия характеров. В этой связи требуют рассмотрения глаголы речи как «один из важнейших лексических пластов, формирующих и общий тон, настроение произведения, и проявляющих самобытность авторского голоса, его манеры повествования и отношения к героям» [1, с. 117].

В романе «Дворянское гнездо» встречается 229 глаголов речи (всего 1562 словоупотребления), при этом словоформы глагола *говорить* употребляются 135 раз, *сказать* – 141, то есть на эти глаголы приходится 17,6% всех словоупотреблений глаголов речевой деятельности. Это вполне закономерно, поскольку лексемы *говорить* и *сказать*, относящиеся к так называемым семантическим примитивам, под которыми понимаются высокочастотные «первичные элементы, лежащие в основе лексико-семантической системы русского языка» [2, с. 58], являются наиболее употребительными среди русских глаголов вообще и первыми в ряду метаязыковых глаголов в частности.

Примерно равную представленность глаголов *говорить* и *сказать* можно рассматривать как особенность идиостиля Тургенева, т.к., по наблюдениям исследователей, «если автор предпочитает одну из этих лексем, то другая в тексте произведения почти не появляется» [3, с. 14].

Глаголы *говорить* и *сказать* являются многозначными. В романе «Дворянское гнездо» реализованы все основные и большинство переносных значений этих лексем, зафиксированных словарями. Так, глагол *говорить* функционирует в следующих значениях:

1. ‘без доп. Пользоваться, владеть устной речью’: *Она уже **не могла говорить**, уже могильные тени ложились на ее лицо…; За обедом Варвара Павловна **говорила** мало…; Дай мне воды; я **говорить не могу**.*

2. ‘Владеть каким-нибудь языком’: *А знаете ли, я удивляюсь, как вы хорошо **говорите** по-русски*; *Владимир Николаич **говорил** по-французски прекрасно, по-английски хорошо, по-немецки дурно...* и др.

3. ‘что и о чем. Выражать устной речью какие-н. мысли, устно сообщать что-н.’ (сов. вид *сказать*) : *Я вам показала кантату Христофора Федорыча под тем условием, чтоб вы не **говорили** ему о ней*; *А я доволен тем, что показал вам этот журнал, – **говорил** Лаврецкий, идя за нею следом…*; *Он сейчас был у калитки и **сказал** нам с Лизой, что к крыльцу подъедет* и др.

4. ‘Высказывать мнение, суждение, обсуждать что-нибудь’: *Правду **говорят**, – начала она, – что сердце людское исполнено противоречий*; *А то есть у нас такие господа – впрочем, я это **говорю** не на твой счет, – которые всю жизнь свою проводят в каком-то млении скуки.*

5. ‘Общаясь, разговаривать, вести беседу, разговор’: *…он чувствовал потребность **говорить** с Лизой…*; *…в гостях жена никогда с ним не **говорила**…*; *Во всё время дороги и Лемм и Лаврецкий мало **говорили** друг с другом…* и др.

6. ‘перен., что и о чем. Выражать какую-нибудь мысль, сообщать что-нибудь своим внешним видом (без помощи слов)’: *«Эх ты! мелко плаваешь!» – казалось, **говорили** его набок скрученные*

губы; *Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – всё* ***говорило*** *его сердцу* и др.

7. ‘Высказывать какую-н. мысль в письменном сочинении’: *Мы больны,* ***говорит*** *Лермонтов, – я согласен с ним.*

8. ‘перен. Подсказывать, предсказывать (о предчувствии, интуиции)’: *...какой-то тайный голос* ***говорил*** *ему, что он и сегодня увидит ее там же…*

9. ‘перен.; в ком. Сказываться, проявляться в чьих-л. действиях, поступках, словах и т.п.’: *...звуки загремели еще великолепней; певучим, сильным потоком струились они, – и в них, казалось,* ***говорило*** *и пело всё его счастье.*

Представлены также основные значения глагола *сказать*:

1.‘ Сов. к *говорить*. Выразить словесно (в устной речи) какую-л. мысль, мнение, сообщить что-л.; произнести’: *...она едва умела* ***сказать*** *«бонжур» да «коман ву порте ву?»* и др.

2. ‘Сообщить, изложить что-л. печатно или письменно’: *…****скажем*** *несколько слов о воспитании Лизы.*

3. ‘*что.* Рассказать *(устар.)*’: *Шурочка сама всё видела и мне* ***сказала****. С отчаянья Марфа Тимофеевна попыталась пустить в ход угрозу: всё* ***сказать*** *матери.*

4. ‘что. Возразить’: *Оно <счастье> не было полно, оно было ложно,* ***скажешь*** *ты…*

5. ‘что. Велеть; приказать’: *Как это вы меня не поняли, – толковала она, – ведь я вам* ***сказала****: припадите.*

6. ‘Предположить, подумать, заключить’: *Я часто о ней <смерти> думаю. ...Этого* ***не скажешь****, глядя на вас теперь: у вас такое веселое, светлое лицо, вы улыбаетесь*; *После этого, – воскликнул Лаврецкий, – я вправе* ***сказать****, что ты фанатик!*

7. ‘повел. скажи́(те) (разг.). Восклицание, служащее, при соответствующем интонировании, для выражения удивления, возмущения, негодования и т.п. по поводу чего-л.’: *У меня самой такие бывают мигрени...* ***Скажите! –*** *возразила Варвара Павловна.*

В репликах героев романа встречаются вводные конструкции с компонентами *говорить* и *сказать*, широко распространённые в разговорной речи: говорят (*Ведь она,* ***говорят****, и с артистами, и с пианистами… знакомство вела*), вообще говоря (*Но* ***вообще говоря****, если рассудить...*); собственно говоря (***Собственно говоря****, литература ее не слишком занимала*), что ни говори(те) *...пускал о ней молву по миру, – а ведь это,* ***что ни говорите****, приятно…*), что (и) говорить (*Барин был,* ***что и говорить*** *– и старшого над собой не знал*), говорят (говорю) вам (тебе) (*Постойте,* ***говорю вам****, – перебил ее Лаврецкий*), можно сказать (*Образцовый,* ***можно сказать****, юноша, – заметил Гедеоновский*; *Он был…* ***можно сказать****, другом покойницы*), и то сказать (*А впрочем,* ***и то сказать****: собака – и та пристанища ищет...; Ну,* ***и то сказать****: попович!*), так сказать (*...разве позволительно – частный,* ***так сказать****, факт возводить в общий закон?*), нечего сказать (*Я ее при жизни не любила, а* ***нечего сказать****, с характером, была девка*), трудно сказать (***Трудно сказать****, ясно ли он сознавал, в чем собственно состояло это дело*). Один раз встречается фразеологизм с компонентом *говорить*: Говорить на ветер ‘сказать что-то, не задумываясь о смысле сказанного и о возможных последствиях’ (*Послушайте, mon cousin, я все-таки женщина опытная и не буду* ***говорить на ветер****! простите, простите вашу жену*).

Ни один словарь не может претендовать на исчерпывающую полноту в толкованиях лексических значений. Как отмечает С.М. Антонова, «даже в толковании ядерных глаголов говорения в лексикографии нет единства мнений» [1, с. 115]. Так, ни в одном лексикографическом издании не зафиксировано значение глагола *говорить* ‘использовать при обращении к собеседнику местоимение «ты» или «вы»’: *Она говорила Настасье Карповне «ты», хотя и жила с ней на ровной ноге…*; *Иван Петрович… писал ему наставления по-французски, в которых он называл его mon fils и* ***говорил*** *ему vous. По-русски Федя* ***говорил*** *отцу «ты», но в его присутствии не смел садиться.*

В сочетании с прямой речью лексемы-гиперонимы *говорить и сказать* выступают в значении целого ряда глаголов-гипонимов:

разговаривать, общаться: *Он тоже привык к ней, даже полюбил ее, хотя почти никогда не* ***говорил*** *с ней…; он чувствовал потребность* ***говорить*** *с Лизой, сообщить ей все, что приходило ему в душу*;

рассказывать: *…а Агафья рассказывает ей не сказки: ...****говорит*** *она Лизе, как жили святые в пустынях…*;

спросить: *Вы больны? –* ***говорил*** *между тем Паншин Лизе*; *Вы, мосье Лемм, –* ***сказала*** *Марья Дмитриевна, – пришли дать урок музыки Лизе?*;

упоминать: *Я вам показала кантату Христофора Федорыча под тем условием, чтоб вы не* ***говорили*** *ему о ней*;

внушать: *Мадам фон-Калитин ей* ***говорит****, что он хороший молодой человек…*;

считать, полагать: *…лежишь сытым брюхом кверху и* ***говоришь****: так оно и следует*;

судить о чём-либо: *Да, я за вас молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не* ***говорите*** *легко об этом; «Не* ***говорите*** *об этом легкомысленно», – вспомнилось Лаврецкому*;

продолжать: *В таком случае я бы должна была... Да нет! Это невозможно. – Что такое?* ***Говорите, говорите***;

утверждать: *Поверьте мне – я имею право это* ***говорить****: я дорого заплатил за это право*;

объяснять, сформулировать: *И я могу так же быть несчастной, – промолвила Лиза…, – но тогда надо будет покориться; я не умею* ***говорить****, но если мы не будем покоряться...*

просить: *Не уходите после урока, Христофор Федорыч, –* ***сказал*** *он…*;

упрекать: *Зачем вы не сдержали своего слова? –* ***сказала*** *она*;

соглашаться: *Хорошо, –* ***сказал*** *он наконец, – я с вами сам поеду*;

велеть, распорядиться: *...повелительно указал ему на стул, отрывисто* ***сказал*** *по-русски: «Садитесь и слушить»…*;

приказать: *…усевшись в креслах,* ***сказала*** *лакею: – Проси!*;

похвалить: *Charmant, charmante idée, –* ***сказала*** *она с спокойной уверенностью знатока*;

передать: *Марья Дмитриевна позвонила казачка и велела* ***сказать*** *Лизе, чтобы она сошла вниз…*; *велел* ***сказать*** *Варваре Павловне, которая еще спала, что он вернется к обеду…*;

признаться: ***Скажите****, – начала она, – вы не огорчены? нисколько?*;

объявить: *Варвара Павловна сыграла две-три тальберговские вещицы и кокетливо «****сказала****» французскую ариетку*.

Зачастую важно не столько то, что говорят герои, сколько то, как они говорят. Такие средства невербального общения, как мимика, жесты, поза, интонация, передают эмоциональные состояния партнёров по общению, показывают, насколько участники диалога владеют собой, как они в действительности относятся друг к другу. Анализ синтагматических связей глаголов речи показывает, что различные оттенки речевого действия получают эксплицитное выражение в контексте благодаря сирконстантам – объектным и обстоятельственным распространителям. При этом актуализируются различные стороны говорения:

1) участники речевого действия: а) адресант и адресат (***Лемм*** *много* ***говорил***; ***он*** *говорил* ***только для Лизы***; ***говорит Антон двухлетней девочке***); б) собеседники (*Во всё время дороги и Лемм и Лаврецкий мало* ***говорили друг с другом***);

2) внутренняя характеристика речевого действия: а) тема, предмет речи (*Он стал* ***говорить о музыке, о Лизе, потом опять о музыке***; *голос,* ***говоривший простые, добрые вещи***; ***не говорите таких ужасных слов***); б) акустико-физиологические характеристики говорения: темп (*все они говорили* ***скоро*** *и много*); громкость (*но чем он* ***тише говорил****, тем больше трепетали все вокруг него*; ***сказавши вполголоса***), отчётливость речи (*Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертом году* ***говорила совершенно чисто***); в) манера речи (*она с веселым вниманием глядела ему в лицо, говорила* ***развязно***; *Михалевич говорил так же* ***порывисто****, как и в молодости*; ***говорил*** *мало, но, по старой привычке,* ***в нос***; *Агафья* ***говорила*** *с Лизой* ***важно и смиренно***; *Марья Дмитриевна сама с собой не церемонилась; вслух она* ***говорила изящнее***); г) национально-языковая характеристика речи (*Она говорила* ***неправильным, но чисто парижским жаргоном***; *Владимир Николаич* ***говорил по-французски*** *прекрасно,* ***по-английски*** *хорошо,* ***по-немецки*** *дурно*);

3) манифестационный аспект речевого действия: а) отношение говорящего к содержанию речи (***сказала*** *она* ***с спокойной уверенностью знатока***); б) эмоциональное и/или физическое состояние говорящего (***говорила*** *она самой себе,* ***с трудом и волнением подавляя в душе какие-то горькие, злые, ее самое пугавшие порывы; сказал со вздохом***; *Хорошо, –* ***сказала она, и глаза ее потемнели****, – я вижу, что я здесь лишняя!* в) (***для чего*** *вы это всё мне* ***говорить изволите****? А* ***для того****, Федор Иваныч, я это* ***говорю****, что... ведь я вам родственница, я принимаю в вас самое близкое участие...*); г) причина речевого действия (*Это ты, батюшка,* ***оттого говоришь****, что сам женат не был*); д) длительность речевого действия, склонность / несклонность к общению (*Лемм* ***много говорил***; *Он* ***говорил довольно долго****…*; *…она* ***говорила мало****, словно из ума выжила…*);

4) внешняя характеристика речевого действия: а) действия, сопутствующие говорению (***говорил*** *Паншин,* ***сгибая голову то направо, то налево***); б) мимика говорящего (***сказала она с ужимкой;***

Паншин… старался сам ***говорить глазами****, но он чувствовал, что у него ничего не выходило*); в) время речевого действия (***сказала*** *она* ***в заключение; говорила*** *Лиза* ***несколько мгновений спустя***; ***За обедом*** *Варвара Павловна* ***говорила мало***; *Помните, что вы* ***третьего дня говорили?***; *Я* ***сказал*** *вам это* ***на второй же день вашего возвращения***; г) повторный характер речевого действия (*Я вам* ***уже сказал****, что я мог ошибиться*); д) место речевого действия (***говорил*** *Лаврецкий,* ***идя за нею следом***).

Сирконстанты могут актуализировать совокупность различных сторон речевого действия: тембр и эмоциональное состояние говорящего (*Да, –* ***сказала*** *она* ***глухо****, – мы скоро были наказаны*); время речевого действия и предмет речи (*мне Марья Дмитриевна* ***сейчас говорила об этом***); громкость и эмоциональное состояние говорящего (*Здравствуйте, Лизавета Михайловна, –* ***сказал*** *он* ***громко, с насильственной развязностью****, – можно вас проводить?*); сопутствующее действие, эмоциональное состояние говорящего и его отношение к собеседнику (*Вы желали меня видеть, –* ***сказал*** *он,* ***холодно кланяясь***); место и время речевого действия (*Даже* ***сидя в тарантасе****, …он* ***еще говорил***); сопутствующее действие и эмоциональное состояние говорящего (*Извольте, –* ***сказала*** *она,* ***прямо глядя ему в лицо****, – я помолюсь и за вас*); сопутствующее действие, манеру речи и эмоциональное состояние говорящего (*Паншин* ***расхаживал по комнате и говорил красиво, но с тайным озлобленьем***); темп речи, длительность речевого действия, сопутствующее действие, мимику (*все они* ***говорили скоро и много, развязно кланялись, приятно щурили глаза***); время и длительность речевого действия (***Во всё время дороги*** *и Лемм и Лаврецкий* ***мало говорили*** *друг с другом*); темп, отчётливость, высоту и громкость речи (*Марфа Тимофеевна …****говорила скоро и внятно, тонким и звучным голоском***) и др.

Таким образом, глаголы *говорить* / *сказать*, сами по себе стилистически нейтральные, в сочетании с обстоятельственными конкретизаторами способны с предельной реалистичностью передать мельчайшие детали речевого поведения персонажей.

В арсенале средств психологической характеристики Тургенева-романиста значительное место занимают внутренние монологи героев, позволяющие передать их сокровенные мысли и чувства. Глаголы *говорить / сказать*, наряду с другими художественными средствами, используются для репрезентации борьбы чувств рефлексирующих литературных героев, их отношения к своим переживаниям: *Он чувствовал, что в течение трех последних дней он стал глядеть на нее другими глазами; он вспоминал, как, возвращаясь домой и думая о ней в тиши ночи, он* ***говорил самому себе****: «Если бы!..»*; *Ты захотел вторично изведать счастья в жизни, –* ***говорил он сам себе****, – ты позабыл, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посетит человека*; *«Поделом!» –* ***говорила она самой себе****, с трудом и волнением подавляя в душе какие-то горькие, злые, ее самое пугавшие порывы*; *«Вот когда я попал на самое дно реки», –* ***сказал он самому себе*** *не однажды*.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что И.С. Тургенев мастерски использует ядерные глаголы речи *говорить* / *сказать*, которые, обрастая в контексте смысловыми нюансами, способствуют созданию художественных образов, передают самый широкий спектр отношений между коммуникантами. Анализ функционирования всех глаголов речи в романе «Дворянское гнездо», а также в других произведениях И.С. Тургенева позволит глубже проникнуть в тайны мастерства великого художника слова.

Литература

1. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: монография. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 519 с.

2. Лукин В.А. Семантические примитивы русского языка. Основы теории. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. – 143 с.

3. Маясов В.Е. Глаголы речевой деятельности в концептуальном пространстве замятинского текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2011. – 26 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АРХАИЗМОВ И ДИАЛЕКТИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»)

Г.Т. Безкоровайная

Московский политехнических университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии,
к.ф.н., доцент; e-mail: begat1@yandex.ru
Россия, г. Москва

Статья посвящена сравнению двух вариантов перевода архаизмов и диалектизмов в тексте романа И.А. Гончарова с русского на английский. Рассмотрены примеры из переводов Хогарта (1915) и Магаршака (1954). При транскрибировании архаизмов-реалий и комментировании сохраняется своеобразие российской картины мира в переводе Хогарта. При замене на близкие или частично схожие варианты точность перевода теряется. Фонетические варианты устаревших слов не удалось передать в англоязычных переводах. Сопоставление вариантов приводит к выводу о необходимости транскрибирования, расширенного комментария, а также к тому, что точность передачи таких сложных явлений, как архаизмы и диалектизмы, помогает понять особенности языковой картины мира россиян. Нейтрализация и попытка заменить эквивалентом, не совсем совпадающим по форме, обедняет стилистику текста романа. Это связано с тем, что диалектизмы – самые сложные явления для перевода.

Ключевые слова*: художественный перевод; архаизм; диалектизм; языковая картина мира; транскрибирование.*

Русская классическая литература всегда привлекала иностранных читателей во всем мире. Одним из читаемых писателей XIX века безусловно является И.А. Гончаров. Вот почему существуют 6 вариантов перевода романа «Обломов» на английский язык: Хогарта (1915); Натали Дудингтон Natalie Duddington (1929); Дэвида Магаршака (David Magarshack ,1954); Анна Дунингем, Ann Dunnigan (1963); Стивена Перла Stephen Pearl (2006); Марианны Шварц Marian Schwartz (2008). Попытки охарактеризовать особенности перевода романа этими переводчиками в разные периоды была предприняты в обзорных и научных статьях [2; 7].

В данной статье мы обозначим, как переданы архаизмы и диалектизмы в двух переводах – Хогарта и Магаршака. Выбор именно этих работ в качестве материала исследования объясняется тем, что в них отражены два подхода к переводу явлений архаизма и диалектизма, которые в последующих переводах практически не изменялись. Цели исследования заключаются в определении причин, вызывающих трудности при переводе архаизмов и диалектизмов, сравнение двух вариантов перевода архаизмов и диалектизмов, а также попытки найти те или иные приемы перевода, которые могут помочь преодолеть эти трудности.

К переводу текстов XIX века следует подходить с учетом того, что многие слова и формы слов претерпели изменения, утратили свое значение или вышли из употребления, стали архаизмом. Напомним, что архаизмы – это устаревшие слова, вышедшие из активного употребления и потому воспринимающееся как устарелое [1, с. 53–54]. В тексте романа находим большое количество таких слов, например, *сельский староста, сюртук, прореха, уездный город, губерния, верста, будочник, сибарит, «покорнейший слуга», «примите уверение», городничий, подле, статский советник, лакей.*

Эти архаизмы означали явления, реалии и профессии, характерные для XIX века. Переводя на английский язык, переводчики романа должны были решить не только задачу поиска адекватных английских эквивалентов, но и передать социальную атмосферу России того времени, а также особенности стиля И.А. Гончарова. Стилистические особенности речи героев романа также учитывались в переводах.

Для перевода на английский язык важно учитывать, какой тип архаизма использован. Сравним пути передачи архаизмов обоими переводчиками, отметив, что переводы относятся к разным периодам. Подходы к переводу архаизмов, как показал анализ примеров, различны. Интересно, что в более раннем переводе, выполненном Хогартом, большинство архаизмов переданы транскрибированием с последующим переводческим комментарием.

Рассмотрим примеры перевода архаизмов у Хогарта: *starosta – староста, tchinovnik – чиновник, Quarter – квартал, samovar, balalaika, Verst – версты, kvass, arshins – аршин, twenty sazhens – десять саженей* и т.д. Хогарт дает транскрибирование архаизма-реалии и комментарий, что является оптимальным в таких случаях. Данный подстрочный комментарий не затрудняет дальнейшее восприятие текста, но рисует реальную картину русской жизни и быта того времени.

В переводе 1954 года архаизмы переведены соответствующими, по мнению Магаршака, словами, обозначающими представителя дворянства и сельского старосту как поверенного в делах и, конечно, в более раннем переводе не учитывается разница реалий в разных языковых картинах мира. В переводе прием транскрибирования, например, в слове «барин» или «староста» не использован, а они заменены на *gentleman – барин, староста – beiliff*. Однако «для английской языковой картины мира с ее акцентированием особого статуса джентри и джентльмена в английском высшем обществе данная лексема уникальна» [2, с. 16]. Также и сельский староста в России XIX века – это не английский поверенный в делах. Такое упрощение делает перевод менее точным. В переводе Магаршака все архаизмы переведены современными словами, семантика которых не соответствует русским bailiff – староста. В переводе сохранено обращение, например, обращение – sir.

Часто переводчик передает близкими словам и слова, вышедшие из употребления, например, завалинка – mound of earth (земляная насыпь), окрошка – cold soup (холодный суп), изба – peasant's cottage (крестьянский дом), сени – passage (проход, коридор, пассаж), лежанка – stove (печка), острог – jail (тюрьма). Таким образом, передана частичная семантика архаизма. Там, где подменено русское понятие английским эквивалентом, значение раскрыто не полностью. В этом смысле в более раннем переводе прием транскрибирования и комментирования, как представляется, открывает для читателя особенности российской картины мира XIX века.

Оба переводчика перевели устаревшие названия денежных единиц более упрощенной формой: *целковый – rouble (рубль), рубль сорок – one rouble forty copecks (один рубль сорок копеек), красненькая – ten-rouble note (десятирублевый банкнот), рубль шесть гривен – one rouble sixty copecks (один рубль шестьдесят копеек).*

В ряде случаев Магаршак дает описательный перевод слов и фраз: генерал – *head of the department (начальник департамента), угореть – be overcome by the fumes from the stoves (упасть от дыма из печей), чинно – taking care to be on one's best (стараться быть как можно лучше), действительный статский советник – a high-grade civil servant (гражданский служащий высокого ранга), etc.*

Переходя к рассмотрению диалектизмов, можно отметить, что наиболее приемлемым вариантом является нахождение эквивалента, вариантных соответствий и трансформаций, при этом необходимо искать соответствия в просторечном вокабуляре. Социальное расслоение общества отражено в языковых особенностях. Герои романа-слуга Захар, староста из Обломовки – представители крестьянства и они строят свою речь, используя диалектные слова, характерные просторечью. Подчеркнем, что «в диалектной языковой картине мира находят отражение знания представителей замкнутого социума об окружающей действительности, накопленные в процессе познавательной и оценочной деятельности» [1, с. 272].

Диалектизмы составляют особенности речи одного из героев романа – Захара. Фонетические варианты произнесения слов, использование нелитературных слов крайне сложно передать в тексте перевода. Захар строит предложения и формы слов, характерные для необразованного человека. Например: *Да что это, Илья Ильич, за наказание! Я христианин: что ж вы ядовитым-то* ***браните****? Далось: ядовитый! Мы при старом барине родились и выросли, он и щенком изволил бранить, и за уши драл, а* ***этакого*** *слова не слыхивали, выдумок не было! Долго ли до греха? Вот бумага, извольте.*

— Нет! Я ядовитый человек! – с горечью заметил Захар, повернувшись совсем стороной к барину. – ***Кабы*** *не пускали Михея Андреича, так бы меньше выходило! – прибавил он.*

В переводе Хогарта использованы краткие формы, передающие особенности разговорной речи героя. Хогарт пытается использовать эквиваленты вульгаризмов и характерные для кокни пропуски звуков. Он передает диалектизмы в речи Захара сокращенными формами, Захар словно «проглатывает» звуки:

'Twould have been good for us if he could have lived another hundred years. Yes, only to-day I have been visiting his grave. Whenever I am near the spot I go and sit beside it, and shed tears – ah, such tears!

В переводе Магаршака использован прием нейтрализация. Особенности речи Захара нивелированы. К сожалению, хотя для перевода в редких случаях можно употребить транскрипцию и транслитерацию, но в исследованных переводах этого не встречается. Следует заметить, что очень часто именно диалектизмы остаются без перевода или же переводятся нейтральным словом. Для того чтобы не только перевести слово, но и передать особенности его использования в контексте, переводчику необходимо попытаться дать исчерпывающий комментарий к транскрибированному слову-архазизму.

При рассмотрении различных приемов перевода мы выяснили, что для каждого из изучаемых нами явлений можно выделить наиболее оптимальные приемы перевода, при которых будут полно-

стью переданы все уровни содержания оригинала: транскрибирование, переводческий комментарий, поиск эквивалента в другом языке.

Рассмотренные нами лингвистические явления позволяют сделать вывод, что диалектизмы и архаизмы чаще всего, за исключением близких по происхождению языков, остаются непереводимыми. Самыми сложными для передачи на английский язык оказались диалектизмы. Несмотря на неточности, нейтрализацию некоторых особенностей языка романа и его героев, каждый перевод помогает иностранному читателю стать ближе к пониманию выдающихся произведений классической литературы и понять особенности языковой картины мира россиян.

Литература

1. Акимова Э.Н., Акимов В.Л., Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Электронный словарь диалектных фразеологизмов как источник изучения картины мира в русских говорах Мордовии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С. 272–274.
2. Алексеев Ю.Г. О передаче лексических единиц в переводе Д. Магаршака романа И.А. Гончарова «Обломов» на английский язык // И.А. Гончаров: материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова / сост. М.Б. Жданова и др. – Ульяновск: ГУП «Обл. тип. "Печатный двор"», 1998. – С. 97–103.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия. – 1966. – 608 с.
4. Безкоровайная Г.Т. Может ли джентльмен быть дворянином? (О переводе национально-специфических концептов) // Перевод в меняющемся мире: материалы Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 12–16.
5. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.
6. Художественный перевод и сравнительное литературоведение: сборник научных трудов / редкол.: Д.Н. Жаткин (отв. ред.) и др. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 22 с.
7. Scherr Barry P. Oblomov by Ivan Goncharov, Marian Schwartz//The Slavic and East European Journal Vol. 55, No. 3 (FALL 2011), pp. 469-471 (3 pages): American Association of Teachers of Slavic and East European Languages
8. Гончаров И.А. – URL: https://онлайн-читать.рф/гончаров-обломов/2
9. Oblomov Goncharov. – URL: https: //www.gutenberg.org/files/54700/54700-h/54700-h.htm
10. Oblomov Translation by Magarcgak. – URL: https://bookfrom.net/ivan-goncharov/43426-oblomov.html

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ЧУВСТВ

Е.Л. Бобылев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.пс.н., доцент; e-mail: arzjen@mail.ru

Россия, г. Арзамас

При рассмотрении проблемы психологии художественного творчества ни на один другой труд исследователи не ссылаются так часто, как на «Психологию искусства» Л.С. Выготского. До сих пор эта работа остается непревзойденной по своему масштабу и значению. В диссертации «Психология искусства» Л.С. Выготский пересмотрел традиционные подходы к изучению искусства и определил новую область исследования для объективной психологии.

Ключевые слова: *психология искусства; психология творчества; психология художественного текста.*

В ситуации кризиса психологии в начале XX века Л.С. Выготский стоял у истоков новой методологии объективного анализа целостного поведения человека как единого телесно-духовного существа, в том числе таких его высших форм, как особые эмоциональные состояния, вызываемые искусством. Л.С. Выготский пришел к психологии искусства как к особой области научного объяснения реакций личности на художественный текст. Ни прежняя субъективная, ни новая объективная психологии не смогли объяснить специфику художественного слова, так как «осью эстетического поведения является эмоция, чувство, переживание, аффект», недосягаемые для этих наук [2, с. 302].

Первая встреча Л.С. Выготского с психологией произошла при чтении им трактата великого русского ученого А.А. Потебни «Мысль и язык». Как оказалось впоследствии, это знакомство было очень продуктивным. Работая над «Педагогической психологией», Л.С. Выготский для объяснения поведения человека впервые включает в работу телесного механизма такой социокультурный регулятор, как слово. «Соединяя» И.П. Павлова и А.А. Потебню, психолог пытался избавить принцип ре-

флекса от дуализма телесного и духовного, индивидуального и социального, организма и сознания. Этот же принцип позже используется Л.С. Выготским в «Психологии искусства», так как главной опорой в построении психологической концепции искусства было слово. Однако слово в тот исторический период понималось по-разному. В категориях рефлексологии оно выступало как раздражитель-реакция. Формалисты понимали слово как структуру, конструкцию, прием. Между двумя разрядами этих категорий (рефлексологическим и литературоведческим) никакой связи не было. Они складывались соответственно логике разработки каждого направления.

Л.С. Выготский, под влиянием идей А.А. Потебни, совсем по-другому подошел к слову. Литературный текст он поставил на место того, что рефлексология обозначала термином «раздражитель». В теории Л.С. Выготского соответственно и понятие реакции приобрело особый смысл – как «ответного действия на поэтические стимулы». В результате всех трансформаций появилось представление об особой форме человеческой активности, которая получила название «эстетическая реакция». Соотнеся литературный текст как систему особых раздражителей, с рефлексологической формулой «стимул-реакция», психолог, в отличие от формалистов, определял его эстетическую ценность по ответной реакции, по сдвигу, производимому им в нервно-психологических ресурсах человека.

Для решения проблемы эстетической реакции в условиях достижений рефлексологии Л.С. Выготскому пришлось переосмыслить само понятие «организм». Руководящий принцип психолог взял у своего любимого философа Б. Спинозы. В работе «Этика» Б. Спиноза оспаривал утверждение, что творения искусства невозможно объяснить телесными законами и что для этого необходимо обратиться к душе. Именно это утверждение берет на вооружение Л.С. Выготский, доказывая, что организм человека способен к особым, высшим реакциям на произведения искусства. С учетом социологической концепции Г.В. Плеханова автор «Психологии искусства» шел дальше и сравнивал организацию литературного текста с техническими устройствами, с понятийным аппаратом науки и т.д. Он считал, что «существеннейшая особенность человека, в отличие от животного, заключается в том, что он выносит и отделяет от своего тела и аппарат техники, и аппарат научного познания, которые становятся как бы орудиями общества. Так же точно и искусство есть общественная техника чувств, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа» [2, с. 302]. Таким образом, Л.С. Выготский в своей работе попытался сделать новый шаг в исследовании проблемы психологии искусства и высказал новые еще никем не высказанные мысли. Такими новыми мыслями была идея о том, что у самого искусства как такового имеется своя психология и что искусство нельзя свести к психологии его создателей.

Из работ Г.В. Плеханова Л.С. Выготский взял основной объяснительный принцип своей «Психологии искусства» – так называемое «начало антитезы», идущее еще от диалектики Гегеля. В. Вундт понятие «начала антитезы» сблизил с неокантианским понятием «вчувствование». Переосмыслив вчувствование на физиологической основе, В. Вундт перенес его на проблему психологии искусства и любого эстетического чувства как сложного психического действия: «Объект действует как возбудитель воли, но он не производит действительного волевого акта, а вызывает только стремление и задержки, из которых составляется развитие действия, и эти стремления и задержки переносятся на самый объект, так что он представляется предметом, действующим в разных направлениях и встречающим сопротивление от посторонних сил. Переносясь таким образом в предмет, волевые чувства как бы одушевляют его и освобождают зрителя от исполнения действия» [1, с. 223]. Ч. Дарвин для объяснения происхождения эмоций человека также использовал понятие «начала антитезы», которое объединило физиологические и психические процессы организма человека в понимании природы эмоции. Ч. Дарвин обратился к этому понятию, решая биологическую задачу: если та или иная эмоция вызывает определенное движение, то противоположная эмоция вызывает противоположное движение. «Так смех – противоположность рыданию в том отношении, что последнее включает спазматически прерываемые вдохи, а смех – спазматически прерываемые выдохи» [5, с. 171]. В начале XX века Г.В. Плеханов на марксистской основе дополнил дарвиново понятие «начала антитезы» общественно-экономическим содержанием: «Психологическая природа человека делает то, что у него могут быть эстетические понятия и что дарвиново начало антитезы (Гегелево «противоречие») играет чрезвычайно важную, до сих пор недостаточно оцененную роль в механизме этих понятий» [4, с. 22]. Вслед за Г.В. Плехановым Л.С. Выготский утверждал: «Этот замечательный, открытый Дарвином, закон находит себе несомненное применение в искусстве» [2, с. 203].

Эстетическое – это не переживание как самостоятельный духовный феномен, а телесная реакция, стоящая в одном ряду с другими формами поведения. Психологическое объяснение эстетической реакции, по мнению ученого, должно быть психофизиологическим, то есть охватывающими не

только сознательные процессы, но и процессы, происходящие в организме как целостной системе, реализующей свою активность посредством нейромеханизмов. Работа этих механизмов также подчинена социокультурным факторам, под действием которых возникают испытываемые субъектом чувства, в том числе и эстетические. В объяснении этих механизмов Л.С. Выготский шел за Ч.С. Шеррингтоном, согласно которому внешний мир действует на человека множеством раздражителей через широкое отверстие «воронки», а реакция, вытекающая через узкое отверстие, осуществляется только на малую часть раздражителей. Концепция «воронки» трактует нервную систему как арену столкновения противоположно направленных импульсов в борьбе за двигательное поле. «Воронку» отечественный психолог использовал в качестве нейрофизиологического аналога художественного текста, без которого текст, пронизанный столкновением нескольких противоположных планов или мотивов, не смог бы вызвать в теле эстетическую реакцию.

Эстетический эффект как реакцию Л.С. Выготский сознательно отграничивал от рефлекса. За реакцией признавалась не только телесная, но и психическая сторона. Но понимание реакции отличалось у Л.С. Выготского и К.Н. Корнилова. У автора «Психологии искусства» в качестве активатора нервно-мышечной работы человека, дающей психический эффект, вводился особый агент – художественный текст, в объективном строении которого заложена схема, определяющая характер телесной реакции. Такой вывод стал возможен для Л.С. Выготского только после осмысления достижений формальной школы В.Б. Шкловского с ее установкой на раскрытие объективной конструкции поэтического слова, независимой от психических актов индивида. Л.С. Выготский критиковал формалистов за ограниченность их объективного метода. Они, по мнению ученого, подходя к феноменам культуры со структурных позиций, не осуществляли анализ психологических функций этих феноменов. Фактически они стояли на позициях сенсуализма и сводили содержание сознания к ощущениям и чувственным восприятиям. Получалось, что продукты культуры, искусства были отчуждены от поведения и сознания личности. Нечто подобное происходило и в рефлексологии. Здесь разделялись на два полюса процессы сознания и телесное физиологическое поведение человека. В результате ученый перешел от двухкомпонентной схемы реактологии (поведение – сознание) к своей трехкомпонентной (творение культуры – поведение – сознание). Это позволило психологу обнаружить диалектику эстетического, биологического и психического, найти принципы проверки своей новой теоретической концепции на материале произведений искусства.

На этом этапе своей концепции Л.С. Выготский начинал рассматривать принцип «начала антитезы» не с позиций организма, а с позиций самого литературного произведения. В результате эстетическим двойником «начала антитезы» стало новое понятие – «противочувствие». Оно заложено в самом построении художественного произведения, где действие всегда развивается в двух противоположных направлениях, вызывающих у человека противоположные чувства, приводящие к катарсису. Понимание катарсиса у Л.С. Выготского отличалось от психоаналитиков. Механизм воздействия художественной формы приводил к тому бессознательному, которое являлось социальным, а не инстинктивно-биологическим. Это социальное бессознательное, воздействуя на личность, и производит эффект катарсиса.

Спустя год после написания «Психологии искусства» Л.С. Выготский, размышляя о том, как соединить философию К. Маркса с психологией, активно работал над рукописью, которая стала его главным методологическим трудом. Он был назван «Исторический смысл психологического кризиса». Глубокий анализ формулы «стимул – реакция» как базовой для психологии привел Л.С. Выготского к заключению, что воплощенная в ней идея каузальности при всех ее преимуществах не содержит предпосылок, позволяющих объяснить развитие психики и поведения человека в его специфических, лишь ему одному присущих формах. Главный пробел такой психологии виделся Л.С. Выготскому в том, что из поля ее зрения выпала история сознания человека, идущая по иному типу, чем эволюция психики животных. Опорным для него становится положение, что не только природа детерминирует человеческое поведение, но «человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования» [3, с. 546]. Этим тезисом, как известно, не ограничивалось историко-материалистическое понимание отношений между человеком и природой. Оно уточнялось указанием на средства, которые определяют характер данных отношений. Такими средствами служат орудия труда. Именно они «вклиниваются» между организмом, который воспринимает действующие на него свойства внешних объектов (раздражители), и ответными реакциями на них этого организма, в силу чего реакции становятся орудийными действиями, а обработанные ими вещи природы преобразуются в ценности культуры. Образ психологического орудия сложился по

аналогии с орудием труда. Эти орудия приобретали значение орудий саморазвития человека, но не спонтанного саморазвития, а обусловленного социумом.

В 1928–1929 годах Л.С. Выготский наметил новую теорию организации психических функций у человека и адекватный ей метод изучения их развития. Этому методу он дал имя инструментального. С ним вводилась особая единица поведения, названная психологом инструментальным актом. Следует заметить, что для Л.С. Выготского акт означал столь же телесный, психофизический процесс, каковым ему прежде представлялась реакция. Замена термина требовалась также и для того, чтобы подчеркнуть активность человека в противовес представлению о пассивном реактивном характере психических процессов. Старый натуралистический подход не мог пролить свет на своеобразие человеческого поведения, которому присущи особая активность, целенаправленность, произвольность, самодетерминация. Таким образом, существенно новой являлась идея о психологическом орудии как «искусственном приспособлении», применяемом человеком с целью овладеть собственными психическими процессами. Л.С. Выготский считал, что примерами психологических орудий и их сложных систем могут служить слово, речь, различные формы нумерации и исчисления, мнемотехнические приспособления, схемы, алгебраическая символика, письмо, произведения искусства и т.д.

Все эти построения устраняли начальную ограниченность психологической концепции искусства Л.С. Выготского, основанной на схеме стимул – реакция. С введением понятия инструментального акта, обозначившего активное начало человека в преобразовании своих психических процессов, категория «эстетическая реакция» заменялась категорией «эстетическое переживание», которая являлась более прогрессивной с психологической и общенаучной точки зрения. Следует отметить, что аналогичные мысли, может быть не так четко, как в работе «Исторический смысл психологического кризиса», присутствуют и в последней главе «Психологии искусства» – «Искусство и жизнь». Здесь Л.С. Выготский высказывает главную мысль своей работы: «Даже самое искреннее чувство само по себе не в состоянии создать искусство. И для этого ему не хватает не просто техники и мастерства, потому что даже чувство, выраженное техникой, никогда не создает ни лирического стихотворения, ни музыкальной симфонии; для того и другого необходим еще и творческий акт преодоления этого чувства, его разрешения, победы над ним, и только когда этот акт является налицо, только тогда осуществляется искусство. Вот почему и восприятие искусства требует творчества, потому что и для восприятия искусства недостаточно просто искренне пережить то чувство, которое владело автором, недостаточно разобраться и в структуре самого произведения – необходимо еще творчески преодолеть свое собственное чувство, найти его катарсис, и только тогда действие искусства скажется сполна» [2, с. 235]. Эту идею о психологическом назначении искусства не увидели ни Б.Г. Ананьев, ни М. Г. Ярошевский, ни многие другие критики Л.С. Выготского, обвинявшие его психологию искусства в излишнем формализме и обезличенности. В работе показано, как индивидуальное, субъективное переживание автора, посредством художественной формы произведения искусства становится объективным достоянием культуры и тем самым позволяет читателю или зрителю овладеть своим психическим миром.

К таким выводам Л.С. Выготский пришел благодаря колоссальному анализу научных и культурных идей и веяний своей эпохи. Но в любом случае – будь то И.П. Павлов или К. Маркс, А.А. Потебня или В.Б. Шкловский, – он ничего не переносил из чужой теории в собственную без изменений. Ничто не было ему так чуждо, как эклектизм. Особый склад его ума позволил интегрировать достижения различных научных школ и направлений в новую теоретическую систему.

Литература

1. Вундт В. Основы физиологической психологии. – М.: Космос, 1917.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1967.
4. Плеханов Г.В. Литература и эстетика. – М.: Гост. Изд. худ. лит., 1958.
5. Ярошевский М.Г. Л. Выготский: В поисках новой психологии. – СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «МИР – ТЕАТР» В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ»

Е.В. Валеева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к. ф. н., доцент; e-mail: ev.visual@mail.ru
Россия, г. Арзамас

В статье речь идет о функционировании концептуальной метафоры «мир – театр» в повести А.С. Пушкина «Египетские ночи». Уже само вовлечение концепта в центр внимания обусловлено его большой имплицитной энергией (смысловой емкостью) и суггестивностью, позволяющей рассчитывать на то, что имплицитные смыслы будут восприняты с той же обязательностью, что и эксплицитные.

Ключевые слова: *концептуальная метафора; концепт; аллюзия; реминисценция.*

Базисные концептуальные метафоры обладают высокой эксплицитной энергией и сравнительно низкой имплицитной. В художественной литературе употребление метафорического концепта преследует совершенно другие цели, чем публицистика. Художественное произведение способно выразить бесконечное многообразие оттенков смысла, семантических нюансов. Уже само вовлечение концепта в центр внимания обусловлено его большой имплицитной энергией (смысловой емкостью) и суггестивностью, позволяющей рассчитывать на то, что имплицитные смыслы будут восприняты с той же обязательностью, что и эксплицитные. Языковое воплощение оказывается величиной второстепенной, производной, подчиненной потребностям адекватного выражения содержания. При анализе концептуальной метафоры очень важным оказывается то, какие смыслы при ее использовании автором реализуются. Возрастание имплицитной энергии концептуальной метафоры и временная удаленность отправителя (автора) и получателя (читателя) повышает значение прагматических условий ее восприятия (интерпретации читателем) и определяет способность вступать в резонанс, отсутствие которого приводит к тому, что глубинные (имплицитные) авторские смыслы остаются не воспринятыми.

Анализируя метафорический архетип «мир – театр» в художественной прозе, следует идти от элементарных смыслов к способам их воплощения, не забывая, что в литературе «ничьих» слов нет (М.М. Бахтин). Причем чем сильнее творческая индивидуальность писателя, тем более вероятно, что присвоенное им в дальнейшем будет восприниматься как им же созданное. Именно такова природа шекспировского гения: используя «бродячие» сюжеты, он накладывает на них уникальный отпечаток собственной творческой личности. Вот почему метафора «мир – театр» в литературе влечет за собой цитаты из Шекспира. Обычно она воспринимается как восходящая к монологу Жака из комедии «Как вам это понравится» (акт 11, сцена 7):

Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.

Варианты этой же метафоры обнаруживаются в 15-м сонете:
Этот мир – подмостки, где картины
Сменяются под волхованье звезд…

и в реплике Макбета:
Жизнь – это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый (акт V, сцена 4)

Однако стоит задуматься над природой этой метафоры, как становится ясно, что она относится к разряду архетипических, организующих человеческое сознание как таковое и участвующих в создании картины мира. Тому подтверждение – это устойчивые коннотации общеязыковых переносных значений слов «драма», «комедия», «марионетки», «паяц», «лицедей», особенно ощутимые в производных словах «актерство» («притворство, рисовка»); «актерский» («деланный, лишенный естественности»); «театральный» («неестественный, показной»); «комедиант» («притворщик,

лицемер» и др., а также во фразеологии: «устраивать сцены», «играть первую скрипку», «петь с чужого голоса», «быть на первых (вторых, последних) ролях», «в своем амплуа», «уйти со сцены» и др.

Если воспользоваться театральной метафорой, репертуар, простое перечисление значений свидетельствует то, что обыденное сознание развивает идею притворства, фальши, ненатуральности и соответствующие коннотации – «неодобр», «пренебр», «презр». Именно семантика лжи, притворства в концептуальной метафоре «мир – театр» оказывается и сегодня генерализирующей, особенно в современной публицистике.

Существуют разные типы театра: драматический, кукольный, оперы и балета, абсурда, теней, масок, пантомимы. Примыкают к ним цирк, балаган, кино, которые можно также рассматривать и как отдельные фреймы, отпочковавшиеся от основного, но семантически связанные с ним. Можно выделить и типы театра относительно эпохи его существования: античное действо, средневековый театр и т.д. есть разные типы представлений: драма, трагедия, комедия, фарс, оперетта, триллер, мыльная опера, сериал, шоу, пьеса, спектакль. Театральное представление состоит из отдельных элементов: сценарий, акт, действие, сцена, картина, серия, антракт, увертюра, пролог, эпилог, реприза, выход на бис, на поклоны. Есть и участники представления: это хорошо структурированная область означивания, которая включает в себя автора текста (автор, сценарист, писатель, сочинитель); того, кто руководит спектаклем (режиссер, кукольник, кукловод, Карабас, дирижер, тамбурмажор, постановщик); исполнителей (актеры, труппа, массовка, статисты, суфлер, хор, примадонна, комик, трагик); есть зрители (публика, клакеры). Театральная постановка предполагает наличие реквизита (парик, костюм, декорации, занавес, грим, маски); процесс постановки (генеральная репетиция, премьера, прогон). Наконец нужно здание (театр как здание), которое включает в себя сцену, авансцену, рампу, кулисы, галерку, партер, первые ряды, ложи, подмостки. Театральная постановка заканчивается успехом или провалом.

В художественном тексте концептуальная метафора «мир – театр», будучи энергетически мощным средством и обладая способностью к саморазвитию, редко включается в текст как локальная, содержащая одно метафорическое имя, обычно это развернутая многозначная картина, ориентированная на яркие зрительные образы.

Шекспировская нота в понимании концептуальной метафоры «мир – театр» ясно различима в повести А.С. Пушкина «Египетские ночи». Театральная метафора в произведении Пушкина является не только тематической основой, но и композиционным приемом, то есть содержание коррелирует с формой воплощения замысла. Вместе с тем значимо, что, как бы ни были различимы маски героев, в сущности, они маркируют две противоположные пространственные позиции героев: на сцене (обыватель, импровизатор) и в жизни (поэт, делец). Пространственная позиция дополняется функциональной, ролевой: актер, действующий на сцене при свете рампы, и зритель, взирающий на происходящее из темноты зала. Может показаться, что смысловые признаки активность/пассивность в повести Пушкина симметричны обозначенным оппозициям, однако это не так. Герои вынуждены притворяться, играть роли, «носить наряд шута». Так, герой повести Чарский был коренным жителем Петербурга, человеком неженатым, состоятельным: «*Покойный дядя его… оставил ему порядочное имение. Жизнь его могла быть очень приятна; но он имел несчастие писать и печатать стихи. В журналах звали его поэтом, а в лакейских сочинителем»* [1, с. 263], но поэт не свободен в выборе своей жизни: *«Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым его заклеймили и которое никогда от него не отпадет. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия»* [1, с. 263] Пушкин развивает с самого начала произведения мотив несвободы, обреченности. Такое существование осмысливается героем как доля, судьба, а возможно, и плата за поэтический дар. *«Чарский употреблял всевозможные старания, чтобы сгладить с себя несносное прозвище. Он избегал общества своей братьи литераторов и предпочитал им светских людей, даже самых пустых. Разговор его был самый пошлый и никогда не касался литературы… В кабинете его, убранном как дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столам и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было такого беспорядка, который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки. Чарский был в отчаянии, если кто-нибудь из светских его друзей заставал его с пером в руках»* [1, с. 264]. Он был очень внимателен к мелочам: *«Трудно поверить, до каких мелочей мог доходить человек, одаренный, впрочем, талантом и душою. Он прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком…торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах, и на всяком званом вечере был так же неизбежен, как резановское мороженое»* [1, с. 264].

Таким образом, если действие даже происходит не в театральном здании, то ситуация принципиально не меняется. Чарский не может выбирать способ действия, образ жизни, он лишь подчиняется, не в силах «забыть о своей роли». Правда, здесь прослеживается некоторая ирония в оценке собственно поэтического дара героя. Чарский как-то не очень последователен в своем отказе от поэтического дара: возможно, это тоже роль, очень удобная в определенном смысле. Здесь несколько меняется шекспировская тема. У Шекспира герой делает нравственный выбор, причем этот выбор далеко не очевиден, так как покорность героев не просто слепое подчинение судьбе. Чарский сознательно выбирает свою долю, отказываясь от своего предназначения. *«Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастие»* [1, с. 264].

Если Чарский воспринимает жизнь как театр, а театр, роль поэта, есть для него подлинная жизнь, то импровизатор ничего не путает, чем собственно и отталкивает Чарского. Таким образом, концепт «мир – театр» в образах двух героев демонстрирует противоположные смыслы. То, что для одного настоящая жизнь, для другого театр. Чарский был потрясен талантом импровизатора, который так быстро и так точно сумел передать чувства и мысли другого, передать поэзией. Но *«неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика… Итальянец при сем случае обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому, который поспешил его оставить, чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящим импровизатором»* [1, с. 265]. Возможно, что Чарский как в искривленном зеркале увидел в импровизаторе себя, с той лишь разницей, что богат и не столь талантлив.

Очень показательно то впечатление, которое произвел импровизатор на Чарского до и во время спектакля. *«Итальянец одет был театрально; он был в черном с ног до головы; кружевной воротник его рубашки был откинут, голая шея своею странной белизною ярко отделялась от густой и черной бороды, волоса опущенными клоками осеняли ему лоб и брови. Все это не понравилось Чарскому, которому неприятно было видеть поэта в одежде заезжего фигляра»* [1, с. 271]. А потом все меняется: *«Чарский с беспокойством ожидал, какое впечатление произведет первая минута, но он заметил, что наряд, который показался ему так неприличен, не произвел того же действия на публику. Сам Чарский не нашел ничего в нем смешного, когда увидел его на подмостках, с бледным лицом, ярко освещенным множеством ламп и свечей»* [1, с. 272]. Возможно, для Чарского всегда было очень важно общественное мнение (театр), а вот поэзию, которая не вписывалась в рамки респектабельности, являющуюся его сутью, он отвергал (жизнь). Для импровизатора деньги, признание не было самоцелью, а было лишь средством оставаться поэтом.

В повести А.С. Пушкина «Египетские ночи» концептуальная метафора «мир – театр» становится той основой, на которой создается художественная картина мира. Причем в референтном плане этот концепт ближе к метафорам разговорной речи, поскольку вычленяет в мире не коллективное начало, но уникальную и неповторимую жизнь отдельного человека, является средством характерологии. Оценочный план метафоры «мир – театр» в провести Пушкина не очевиден: он может быть как негативным, так и позитивным. Данная концептуальная метафора воздействует на модель мира героя и читателя, однако делает это более тонко, используя имплицитную энергию базисного семантического инварианта.

Литература

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 8. Ч. 2 / ред. ком.: Максим Горький и др.; АН СССР. – М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»: Известия, 1994–1997. – 483 с.
2. Строганов М.В. «Египетские ночи» // Незавершенные произведения А.С. Пушкина: материалы научной конференции. – М.: Государственный музей А.С. Пушкина, 1993. –107 с.
3. Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. – М.: Наука. – 646 с.
4. Шекспир У. Пьесы. Сонеты. – М.: Мистецтво, 1976. – 486 с.

СПИСОК БИБЛИОНИМОВ КАК «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ» В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Н.В. Васильева
Институт языкознания РАН, д.ф.н., г.н.с.; e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru
Россия, г. Москва

С точки зрения стилистики и психолингвистики текста анализируется фрагмент романа Т. Толстой «Кысь», содержащий список библионимов (названий печатных произведений). Демонстрируется набор авторских техник, превращающих этот список в манипулятивную игру с читателем.

Ключевые слова: *библионимы; текст в тексте; риторическая фигура перечисления; ассоциативные связи; деконструктивное пародирование.*

Среди разрядов имен собственных, которые стали предметом научного внимания Людмилы Алексеевны Климковой, есть и библионимы [4], понимаемые как названия (заглавия) письменных произведений, ср. [7, с. 42]. Л.А. Климкова детально проанализировала функции библионима как онимического типа и дала им исчерпывающее определение: «…библионим *называет* соответствующее конкретное произведение, *выделяя* его из ряда других произведений, *отграничивая, отличая* его тем самым от других, *индивидуализируя* его, *соотнося* только с данным произведением» (курсив автора. – Н.В.) [4, с. 18]. Перечисленные функции библионима как номинативной единицы «встраиваются» в его функции как единицы текста, и это важное свойство библионима подчеркивает Л.А. Климкова, останавливаясь далее на выделяемых разными исследователями прогнозирующей (проспективной), рекламной (интригующей) и ретроспективных функциях библионимов-заглавий, чтобы в итоге сформулировать еще одну важную функцию: «…при отчуждении библионима от своего текста, можно говорить и о его своеобразной представительской функции, ориентирующей: он представляет произведение во множестве других, ориентируя читателя в этом множестве» [4, с. 19]. Самостоятельное существование библионимов возможно в текстах разного рода: справочники, каталоги, перечни, указатели, оглавления; научно-исследовательские работы, библиографические обзоры, публицистические материалы и т.д. [там же].

Таким образом, библионим, будучи полифункциональной единицей, являет себя в трех пространствах:

1) в номинативно-ономастическом – как один из типов онима;

2) во внутритекстовом (=эндотекстовом) пространстве – как конструктор паратекстуальности (в терминологии Ж. Женетта), т.е. связи данного текста и его заголовочного комплекса;

3) во внетекстовом (=экзотекстовом) пространстве – как самостоятельная единица, существующая отдельно от «своего» текста.

Нас будет интересовать последний из указанных пунктов, а именно: самостоятельное употребление библионимов в художественных текстах. У библионимов обнаруживаются в этом случае интересные функции, особенно если обратиться к текстам постмодернистской направленности. Рассмотрим с этой целью фрагмент романа Татьяны Толстой «Кысь» [8, с. 245–250]. Он представляет собой перечисление книг, прочитанных и систематизированных протагонистом романа Бенедиктом, от лица которого, как известно, выстроен весь нарратив романа (сказовая форма). Этот фрагмент довольно известный; он обрел свою самостоятельную жизнь на просторах интернета и, в частности, парадоксальным образом снискал любовь профессиональных библиотекарей, использующих его в качестве практического материала (как «антисистему») для библиотечных уроков в школе [6]. Фасцинирующее действие данного списка обусловлено, на наш взгляд, несколькими причинами, и первая из них – сам приём перечисления, представляющий собой риторическую фигуру суггестивного характера, ср. латинский риторический термин *enumeratio* [13, с. 97–99]. Как и другие риторические «фигуры прибавления», т.е. приемы, связанные с амплификацией текстового сообщения, прием перечисления во всех своих вариантах, помимо эстетической, имеет функцию речевого воздействия. При нарушении количественной меры, как это хорошо известно, такого типа приемы ведут к перцептивным сбоям [3, с. 49–50].

Суггестивная сила этой фигуры/приёма проявляется особенно ярко в структуре нарратива, когда перечисление прерывает повествование. Для постижения тайны перечисления чисто лингвистический анализ оказывается недостаточным; учитывать следует также некоторые свойства человеческой психики, а также роль культуры. Так, В.К. Харченко, заинтересовавшись разного рода списками внутри художественного текста, предварила свой анализ замечанием Умберто Эко о списке как исходной точке культуры и о том, что списки помогают держать в узде хаос [9, с. 137]. Это очень

точное культурно-семиотическое и психологическое определение сути списка. Именно с точки зрения наведения порядка с помощью «удержания в узде хаоса» интересно проанализировать список библионимов в романе «Кысь».

В качестве еще одной причины фасцинативного воздействия этого списка назовем ассоциативные связи, объединяющие внутри него группы библионимов. Примеры будут приведены ниже. Существенным является то, что в качестве ассоциациативных признаков выступают разнообразные носители – от повтора групп согласных до синтаксических моделей. Наконец, есть еще одна причина внимательно присмотреться к этому списку: он дает возможность увидеть игру с референциальным статусом имени собственного и обнаружить не совсем тривиальные текстовые ходы/приемы в «тексте в тексте», который формируется библионимами.

Список, состоящий из 15 абзацев разной длины, предварен своеобразной установкой нарратора на системность: «*На полках в складе давно порядок заведен: сразу видно, какой книге где место. А то у тестя Гоголь рядом с Чеховым стоял, – сто лет ищи, не найдешь. А на все наука должна быть, али сказать, система. Чтобы не тыркаться без толку туда-сюда, а сразу – пошел и взял*» [8, с. 245]. *Гоголь* рядом с *Чеховым* на полке являют собой ту «антинорму» мира романа, которой герой противопоставляет свою «систему».

Разделение фрагмента на абзацы не является случайным, т.е. графический образ текста в данном случае важен, поскольку в микрофрагментах реализуется различный тип связности. О связности (когерентности) списка библионимов как типа текста следует сказать особо. В данном случае наиболее близким по параметрам текстуальности будет так называемый антропонимический текст – различные списки, реестры антропонимов. Признаки связности такого текста первым в отечественной ономастике сформулировал Л.М. Щетинин: «Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной апеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы» [12, с. 163–164]. Из перечисленных параметров рассмотрим те, которые являются релевантными для рассматриваемого списка библионимов. Переформулируем их следующим образом: коммуникативная задача, тип носителей связности и референциальный статус перечисляемых единиц.

Коммуникативная задача фрагмента встроена, на наш взгляд, в идею, которой подчинен весь текст, в тот культурный смысл, который он транслирует. Литературоведы в своих рецензиях на роман Т. Толстой, в большом количестве появившихся после его публикации, см. [5], почти единогласно находят такой смысл в идее преодоления логоцентризма русской литературы. Логоцентрическая традиция русской литературы и, как пишет О.В. Богданова, русской ментальности в целом, состоит в том, чтобы «апеллировать и ориентироваться именно на печатное слово (или на Слово)» [1, с. 87]. Протагонист Бенедикт в романе не способен найти Главную книгу и не может получить ответы на свои вопросы. Список книг и представляет собой одну из манифестаций такого «преодоления» без достижения.

Еще одной важной чертой поэтики романа является нехарактерное для постмодернизма сопряжение пародии и категории трагического. Писательница играет с читателем в пародию, под которой скрыт трагизм, и читателю, внимательно следящему за повествованием, становится и смешно, и страшно [10, с. 9]. Трагизм и пародийность могут распределяться между персонажем и читателем, поэтому возможно говорить о двойном смысле рассматриваемого фрагмента: трагическом для Бенедикта, ищущего свою Главную книгу и обреченного на вечное чтение: «*– все это уже было, было, было, читал, читал, читал… Так что же: все прочитал? А теперь что читать? А завтра? А через год*?» [8, с. 249], – и пародийном для читателя, которого не может не радовать веселый абсурд рядом стоящих названий. Ср. «хроматическую» группу библионимов, в которую, согласно логике Бенедикта, попадают и Андрей Белый, и Саша Черный:

«*“Красное и черное”, “Голубое и зеленое”, “Голубая чашка”, “Аленький цветочек” – хорошая… “Алые паруса”, “Желтая стрела”, “Оранжевое горлышко”, “Дон Хиль – зеленые штаны”, “Белый пароход”, “Белые одежды”, “Белый Бим – Черное ухо”, Андрей Белый, “Женщина в белом”, “Багровый остров”, “Черная башня”, “Черноморское пароходство. Расписание”, Саша Черный, сюда “Черный принц”. Так…*».

Главным инструментом пародии в романе выступает деконструкция. В списке библионимов деконструкции подвергается главный принцип каталога – авфавитный. Даже если соблюдается единство инициальной буквы, дальше происходит смешение алфавита, которое читатель не сразу замечает, ошеломленный несопоставимостью заглавий, ср.:

«*Платон, Плотин, Платонов, “Плетення жинкових жакетов”, Плисецкий Герман, Плисецкая Майя, “Плиссировка и гоффрэ”, “Плевна. Путеводитель”, “Пляски смерти”, “Плачи и запевки южных славян”, “Плейбой”. “Плитка керамическая. Руководство по укладке”. “Планетарное мышление”. “Плавание в арктических водах”. “План народного развития на пятую пятилетку”. “Плебеи Древнего Рима”. “Плоскостопие у детей раннего возраста”. “Плевриты”. “Плюшка, Хряпа и их веселые друзья”. Все читал*».

Как хорошо известно, алфавитный каталог сосуществует в библиотеках с каталогом предметным (системным). Предметный тип каталогизации, связанный с операцией категоризации и выбора основания классификации, также подвергается в романе деконструктивному пародированию. Можно выделить несколько таких параметров, на которых строится перечисление внутри абзаца.

1. Редупликация слога в библионимах и фамилиях:

«*Муму», «Нана», «Шу-Шу. Рассказы о Ленине», «Гагарин. Мы помним Юру», «Татарский женский костюм», «Бубулина – народная героиня Греции», Боборыкин, Бабаевский, Чичибабин, «Бибигон», Гоголь, «Дадаисты. Каталог выставки», «Мимикрия у рыб», «Вивисекция», Тютюнник, Чавчавадзе, «Озеро Титикака*». В получившейся коллекции обращает на себя внимание искусно помещенная в формат редупликации фамилия *Гоголь*, которая в реальном/реалистическом мире вряд ли может восприниматься как построенная на редупликации.

2. Квазиморфемы как инициали и финали слов:

МАР (инициаль): «*Маринина, «Маринады и соления», «Художники-маринисты», «Маринетти – идеолог фашизма», «Инструментальный падеж в марийском языке*».

НИН (инициаль+финаль): «*Анаис Нин, Нина Садур, «Ниневия. Археологический сборник». «Ниндзя в кровавом плаще», «Папанин. Делать жизнь с кого*».

3. Квазиморфемы с чередованием:

ЧЕХ/ЧАХ/ЧУХ: «*Чехов, Чапчахов, «Чахохбили по-карски», «Чух-чух. Самым маленьким*».

4. Травестия компонентов формулы имени + апеллятив:

«*Клим Ворошилов, «Клим Самгин», Иван Клима, «Климакс. Что я должна знать?», К. Ли. «Максимальная нагрузка в бетоностроении: расчеты и таблицы. На правах диссертации»; «Евгения Грандэ», «Евгений Онегин», Евгений Примаков, Евген Гуцало, «Евгеника – орудие расистов»*.

5. Синтаксическая модель в качестве ассоциативного признака, ср.:

«*Гамлет – Принц Датский», «Ташкент – город хлебный», «Хлеб – имя существительное», «Уренгой – земля юности», «Козодой – птица вешняя», «Уругвай – древняя страна», «Кустанай – край степной», «Чесотка – болезнь грязных рук*».

6. Сочетание формальных (структура словосочетания) и семантических ассоциаций (признак ‘страсть’, ‘гибель’): «*В объятиях вампира», «В объятиях дракона», «В объятиях чужестранца», «В гибельных объятиях», «В объятиях страсти», «Огненные объятия», «Всепожирающее пламя страсти»… «Удар кинжала», «Отравленный кинжал», «Отравленная шляпка», «Отравленная одежда», «Кинжалом и ядом», «Ядовитые грибы средней полосы России», «Златокудрые отравительницы», «Смерть приходит в полночь», «Смерть приходит на рассвете», «Кровавый рассвет»…*».

Помимо квазиалфавитной и условно семантической классификаций библионимов, построенных на указанных выше ассоциативных признаках, в манипулятивную игру с читателем Толстая включает и просто фамилии известных людей. Рассмотрим подробнее, как построен фрагмент, содержащий только фамилии без библионимов.

«*Хлебников, Караваева, Коркия… Колбасьев, Сытин, Голодный… Набоков, Косолапов, Кривулин… Мухина, Шершеневич, Жуков, Шмелев, Тараканова, Бабочкин… М. Горький, Д. Бедный, А. Поперечный, С. Бытовой, А. Веселый… Зайцев, Волков, Медведев, Львов, Лиснянская, Орлов, Соколов, Сорокин, Гусев, Курочкин, Лебедев-Кумач, Соловьев-Седой… Катаев, Поволяев, Крученых… Молотов, Топоров, Пильняк, Гвоздев… Цветков, Цветаева, Розов, Розанов, Пастернак, Вишневский, Яблочкина, Крон, Корнейчук… Заболоцкий, Луговской, Полевой, Степняк-Кравчинский, Степун… Носов, Глазков, Бровман, Ушинский, Лобачевский, Языков, Шейнин, Бородулин, Грудинина, Пузиков, Телешов, Хвостенко…*».

Фамилии, как это сразу бросается в глаза, группируются по признакам, которые несут в себе апеллятивы, от которых эти фамилии образованы (соматизмы, флора, фауна и др.). Каков статус этих собственных имен? Из-за известности многих из них и их принадлежности к полю литературного/театрального творчества легче всего отнести эти фамилии к прецедентным именам, которые к настоящему времени стали пониматься предельно широко. Однако здесь представляется уместным провести аналогию с хорошо известным текстом «про композиторов», существующим в разных вари-

антах, например, в таком: *Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной, запил Чайковским… И тут мне стало Паганини…* Понимание подобного текста поддерживается внутренней формой онимов, «прочитываемых» как имена нарицательные, а комический эффект вызывается амальгамой форм онима и апеллятива. «Композиторы» в данном случае представлены только семантикой апеллятива, ассоциированного с формой фамилии. Толстая применяет отчасти похожий прием, только без предикации и в виде перечисления, группируя фамилии в кластеры на основе признака, характеризующего не носителей этих фамилий, т.е. денотаты, а сами фамилии с точки зрения их условной этимологизации. Автор играет с онимами, превращая их в фантомы и испытывая при этом локутивное удовольствие. И тогда в приеме перечисления, который строится на основе довольно прихотливо выбранных признаков, можно увидеть один из вариантов реализации фатической функции языка, а именно: локутивное самовыражение, никакой информации не несущее [2, с. 42]. В этом случае референциальный статус перечисляемых имен максимально приближается к автонимному, т.е. референция осуществляется не к экстралингвистической ситуации, а к самой номинации.

Таким образом, список библионимов в романе Толстой представляет собой «текст в тексте», построенный на риторическом приеме перечисления. Этот прием обладает эмоциональным воздействием уже просто в силу амплификации сообщения, нагнетания его объема. Кроме того, перечисление есть некоторая каталогизация, а каталогизация в любом виде представляет собой ментальную операцию «наведения порядка» и тоже несет в себе суггестивный заряд. В романе список библионимов представлен как результат каталогизации в прямом библиотечном смысле, и именно этим смыслом манипулирует автор под маской рассказчика. В мире романа, построенном на глобальной деконструкции, в том числе и на деконструкции логоцентризма, каталогизация тоже оказывается перевернутой, и инструментом «наведения порядка» выступают ассоциативные признаки, пародирующие логику реального мира.

Литература

1. Богданова О.В. Филологическая проза, или Лингвистический эксперимент в «Кысь» Татьяны Толстой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2003. – Вып. 3 (18). – С. 85–101.
2. Васильева Н.В. Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста // Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова: сб. научных трудов. Т. 27. – Витебск: ВГУим. П.М. Машерова, 2018. – С. 40–43.
3. Васильева Н.В. Суггестивный механизм риторического приема *enumeratio* // Коммуникативные стратегии: материалы X Междунар. науч. конф.: памяти проф. В.В. Макарова / отв. ред. Т.В. Поплавская. – Минск: МГЛУ, 2019. – С. 49–59.
4. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – №3 (38). – С. 17–27.
5. Коллекция рецензий на «Кысь» Татьяны Толстой // Современная русская литература. – URL: http://old.guelman.ru/slava/kis/index.html
6. Макарова Е.И. Симфония классификации // Библиотека в школе. – 2004. – №10. – Режим доступа: https://lib.1sept.ru/article.php?ID=200401006
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. Толстая Т.Н. Кысь. – М.: Подкова, Иностранка, 2000. – 384 с.
9. Харченко В.К. Перечни, списки, каталоги в художественном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – №3 (22). – С. 136–143.
10. Худзиньска–Паркосадзе А. Категории пародии и трагедии в романе Татьяны Толстой *Кысь* // Studia Rossica Posnaniensia. 2015. V. XL (1). – Poznań: Adam Mickiewicz University Press. – P. 5–18.
11. Шольц У. Между конструкцией и деконструкцией: утопический остров в романе Т. Толстой «Кысь» // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – №1 (2). – С. 77–83.
12. Щетинин Л.М. Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 163–168.
13. Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik. 10. Aufl. – Ismaning: Hueber, 1990. –169 S.

СОБСТВЕННО АВТОРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Н.В. Жучкова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.А. Лобачевского, Арзамасский филиал
e-mail: zhuchckova.nadya@yandex.ru
Россия, г. Арзамас

В статье представлена классификация собственно авторской пунктуации в произведениях Захара Прилепина. При этом знаки препинания характеризуются в русле индивидуально-стилевой манеры автора, определяющего свою художественную систему как «клинический реализм».

Ключевые слова: *Захар Прилепин; авторская пунктуация; идиостиль.*

Авторские знаки препинания в собственном смысле этого слова всецело зависят от воли пишущего, воплощают индивидуальное ощущение их необходимости. Такие знаки включаются в понятие авторского слога, они приобретают стилистическую значимость. Собственно авторский пунктуационный знак в тексте ранних произведений Захара Прилепина авторски обусловлен и целесообразен, так как несёт особую смысловую нагрузку – передачу эмоциональных акцентов.

Собственно авторская пунктуация в прозе Захара Прилепина проявляется, на наш взгляд, в повышении экспрессии текста путем ***замены знаков*** «недостаточно сильных более сильными» [1, с. 167], ***отсутствия знаков, наличия знаков в не свойственной им позиции***. Причём авторская пунктуация обоснована только в том случае, когда «при всём богатстве и разнообразии оттенков смысла … не утрачивается её социальная сущность, не разрушаются её основы» [1, с.166]. Необходимо добавить, что авторские знаки не связаны жёсткими правилами и в полной мере зависят от автора, приобретая стилистическую значимость.

1. Замена знаков. Так, тире как знак более акцентирующий часто вытесняет запятую при оформлении второстепенных членов предложения:

обособленные определения: … *кто-то из пассажиров пробил головой стекло, итак, несмотря на шум, я услышал звук открываемой двери – предваряющийся шумом, заключающийся стуком о поручень* [Патологии];

обособленные обстоятельства: *Потом немножко от берега в глубину, и сразу – истерично толкаясь ногами – обратно* [Патологии]; *«… в мгновенье, пока я не успел из суеверного ужаса сказать хоть что-нибудь, выстрелил ещё раз – направив ствол с другой стороны»* [Убийца и его маленький друг]; *«Ещё и прицепился – держа в левой одни трусы, а в правой другие»* [Собачатина]; *«Лестницы малым людям удавалось поднять то здесь, то там, и к опасному месту сразу – топая и топча друг друга – бежали толпою, чтобы не дать забраться на стену хоть одному недоростку»* [Чёрная обезьяна];

сравнительные обороты: *Неожиданно близко – будто концом лома по кровельному железу – бьёт автомат* [Патологии]; *На самом деле по целенаправленности блуждающих касаний наших – как бы спящих – рук мы оба понимали, что проснулись…* [Патологии]; *«Дядя Юра – подобно пингвину суетливый и сосредоточенный одновременно и сам похожий на чуть похудевшего пингвина – спешит бок о бок рядом с Семёнычем»* [Патологии]. Кроме выделения сравнительного оборота знаком тире на месте запятых нам встретилось авторское использование двоеточия при сравнении: *«… отнёс их к полевому командиру, который, заслышав стрельбу, засуетился связанными ногами и часто заморгал слипшимися в крови ресницами: ровно как неумеющая взлететь бабочка крыльями»* [Убийца и его маленький друг];

вводное слово: *«О Ворах забыли напрочь – по крайней мере, не вспоминали вслух больше»* [Смертная деревня]; *«Я сам полистал его сочинение – естественно, в поисках сцен студенческого прелюбодейства – и сразу был вознаграждён, на третьей же странице»* [Чёрная обезьяна].

Остановимся подробнее на следующем случае выделения вводного слова знаком тире в произведениях Прилепина: *«Михаил в первый раз улыбнулся – наверное, в очередной раз поняв, что он ещё в силе, ещё в голосе…»* [Герой рок-н-рола]; *Высокие окна зала защищены мешками с песком; над мешками висит упругая проволочная сетка – наверное, её перевесили из спортзала* [Патологии]; *«К тому же у него было забавное и даже добродушное чувство юмора – собственно, только это мне в мужчинах и мило»* [Убийца и его маленький друг]. Данный случай употребления тире при вводном слове объясняет «Большой справочник по русскому языку» следующим образом: если между частями бессоюзного сложного предложения находится вводное слово, то в качестве дополнительного

знака может ставиться тире, чтобы показать, к какой из частей сложного предложения относится вводное слово, или чтобы подчеркнуть добавочный, пояснительный характер второй части [4, с.286].

Хотелось бы обратить внимание на употребление ***точки с запятой между частями сложносочинённого предложения***. «Большой справочник по русскому языку» предлагает следующие основания для постановки данного знака: «Если части сложносочинённого предложения значительно ***распространены*** (часто это сложные предложения смешанного типа – с сочинением, подчинением и бессоюзной связью) и имеют внутри себя запятые, то между частями ставится точка с запятой» [85]. Например, *«Из квартиры, похмелившись, выйти сложнее; а если выйдешь – то пойдёшь во все стороны сразу, дурак дураком»* [Герой рок-н-рола]. Однако у Прилепина встречаем: *«Деревня показалась спустя час; но медленные виды её впервые не успокаивали вконец раздосадованные сердца»* [Дочка]. Предполагаем, что точкой с запятой автор отделил два удалённые друг от друга события, связь между которым уже не прослеживается.

Является авторской постановка ***двоеточия между частями сложноподчинённого предложения***: *«Я помню это ночное чувство: когда себя непомнящий человек нуждается в тебе»* [Жилка]. Вероятно, знак двоеточия перед подчинительным союзом предупреждает, что подчинительная часть содержит разъяснение того, что содержится в главной.

2. Отсутствие знака. Необходимо подробнее остановиться на таком типе пунктуации Захара Прилепина, как ***отсутствие запятой при оформлении прямой речи***: *«Ничего, Санёк» – хочу сказать я – и не могу* [Патологии]; *«Вот было бы забавно, если бы мы в этой школе прожили полный срок и никто б о нас не вспомнил» – думаю* [Патологии]; *«Курить хочется» – ещё хочу сказать я и тоже не нахожу нужным произносить это вслух* [Патологии]; *«Трассеры уходят в небо» – думаю лирично* [Патологии].

В текстах ранних романов и повестей З. Прилепина отсутствие запятой после прямой речи – часто встречающееся явление. В «Большом справочнике по русскому языку» читаем: «Если прямая речь стоит перед словами автора, то после нее ставится запятая (вопросительный или восклицательный знак, многоточие) и тире, причем слова автора пишутся со строчной буквы» [4, с. 304]. Однако при оформлении прямой речи тире без кавычек выделяет внутреннюю речь в авторском тексте, вне диалога [4]. Таким образом, отсутствие запятой при оформлении авторской речи не является индивидуально-авторской пунктуацией.

Продолжая тему оформления прямой речи в произведениях Захара Прилепина, приведём следующие примеры: *«Потому что едва только очутился здесь – сразу потерялся, запутался в руках родителей; когда ещё едва умел ходить, они запускали меня, как косопузый кораблик, на сухой белый свет: иди ко мне! – суровый мужской голос; ну-ка, ну-ка, а теперь иди ко мне! – ласковый женский* [Чёрная обезьяна]; *«Похохотав, он сказал, что есть возможность сходить в один то ли паноптикум, то ли террариум, меня проводит Слатитцев, "... вы, кажется, знакомы?" – киваю и слышу хохот в ответ, так смешно я кивнул, наверное, ..."посмотри там на экспозицию, а потом решим, что с этим делать…", "...этот материал может нам пригодиться", ха-ха-ха. Ха»* [Чёрная обезьяна]. Как видно из примеров, Захар Прилепин при оформлении в целом прямой речи не соблюдает правила русской пунктуации. Здесь и отсутствие двоеточия после слов автора, и отсутствие заглавных букв и кавычек при оформлении непосредственно прямой речи. Несомненно, это связано со стремлением автора передать живой, разговорный характер.

Единичными, но заслуживающими внимания являются случаи ***отсутствия запятой при оформлении обособленных обстоятельств***: *«Получив просторные, залатанные, но сухие рубахи и штаны, мы переоделись и сладостно суетясь, сели за стол»* [Смертная деревня]; *«Не рискуя высунуться и боясь стрелять – вдруг из комнаты выбегут в коридор свои – кричу…»* [Патологии]. В первом случае обособленное обстоятельство *сладостно суетясь*, выраженное деепричастным оборотом, выделено запятой только с одной стороны; условий для необособления после сочинительного союза *и* нет. Во втором же случае вставная конструкция *вдруг из комнаты выбегут в коридор свои* находится в середине предложения после обособленного обстоятельства. Вставному предложению предшествует деепричастие. В таком случае употребляется запятая и тире как единый знак препинания после вставной конструкции, у Прилепина запятая отсутствует.

Собственно авторским является ***отсутствие запятой между предикативными частями сложносочинённого предложения***, между которыми стоит соединительный союз *и*: *«Он тряхнул своей головой и на его лице, еле тёплая, образовалась улыбка»* [Ботинки, полные горячей водкой]. Условий для отсутствия запятой в данном случае нет.

Добавим относительно отсутствия знака в описанных выше случаях, что отсутствие запятых можно объяснить типографскими недоработками.

3. Наличие знака в нехарактерной позиции. Заслуживает внимания и дальнейшего изучения употребление Захаром Прилепиным ***тире между подлежащим и сказуемым***. Появление данного знака в таких синтаксических условиях, несомненно, не регламентировано: «*Сны – сбывались»* [Патологии]; *«"Ничего, Санёк" – хочу сказать я – и не могу»* [Патологии]; «*Последние мгновения я двигался в полной тьме и вокруг меня не было жидкости, но было – мясо, кровавое, теплое, сочащееся, такое уютное, сжимающее мою голову, ломающее мои кости»* [Патологии]. Видимо, Захар Прилепин стремится расчленить подлежащее и сказуемое для усиления экспрессивности текста, с целью передачи убыстренного темпа жизни: *«Дружки называли Шарова – Вэл, это я помню. В те времена, когда кликухи и погонялы были просты и незамысловаты, как лопухи, имя Вэл – звучало»* [Чёрная обезьяна].

Подлежащее и сказуемое у Прилепина могут быть расчленены и ***запятой***: *«Но однажды хмельные отец и его друзья**,** решили испробовать в метании свои силы»* [Чёрная обезьяна]. У автора статьи возник вопрос: авторская это постановка знака или редакционные недочеты? Оказалось, что в изданиях разных лет и различных полиграфических групп запятая присутствует в данном месте, что означает авторскую волю в постановке запятой между подлежащим и сказуемым.

Многочисленна группа примеров с нерегламентированной постановкой пунктуационных знаков – ***тире и запятой – между сказуемыми*** без необходимых для этого условий: *«Голубь понял, что его голубиную жизнь нацепили на крючок – и сейчас извлекут наружу, как рыбу из воды»*; *«Хотя бы здесь он мог её не послушать, и не послушал – щелкнув зажигалкой, затянулся новой сигаретой»* [Дочка]. Тире между однородными сказуемыми, соединёнными одиночным соединительным союзом *и* или одиночным противительным союзом *но* не регламентировано правилами русской пунктуации. Причём встречается постановка знака тире как перед союзом, так и после него: *«С одной стороны, проще всего меня было запустить через секретариат – и забыть»* [Чёрная обезьяна]; *«Я не успел ничего ответить, как браток мелькнул и – пропал, только топот его слышен был»* [Смертная деревня]; *«Наверное, оно (сердце) уже не билось у него, но – опадало»* [Какой случится день недели].

В произведениях Захара Прилепина встречается и не унифицированная нормой постановка запятой между однородными сказуемыми, соединёнными одиночным соединительным союзом *и*: *«Отец ушёл на базар**,** и обратно, видимо, не торопился»* [Бабы, осы, арбуз]; *«Я отмахнулся было, но дед ловко подцепил меня, как крюком, костистым пальцем за рукав, притянул к себе**,** и ягоды в руку вложил»* [Смертная деревня]; *«Рассказывая, Гном не кичился своей судьбой**,** и тоску тоже не нагонял»* [Убийца и его маленький друг]; *«И перестань, в конце концов, стоять тут … как мёртвый! – вдруг закричала она**,** и громко, по-детски заплакала»* [Дочка].

Художественную задачу романа «Патологии» автор сформулировал как отражение «самоощущения современного человека в кризисной ситуации» [3]. Нам представляется, именно идее всеобщего кризиса и подчинено определенное синтаксическое строение коммуникативных единиц ранних произведений Прилепина.

Синтаксическая структура и пунктуационный строй ранних произведений Захара Прилепина испытывает на себе влияние поэтики «клинического реализма» – направления в литературе, «лишённого догматической системности» и отражающего всеобщий хаос. Нерегламентированная пунктуация, наряду с другими языковыми средствами, является характерной чертой идиостиля Захара Прилепина, выражая смысловые нюансы и представляя читателям особенности его мировосприятия.

Литература

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1989.

2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 432 с.

3. Прилепин З. Новейшая история. Новый реализм. – Режим доступа: http://www.sobaka.ru/nn/oldmagazine/glavnoe/11550 (дата обращения: 01.04.2019).

4. Розенталь Д.Э. Большой справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. – М.: Оникс: Мир и образование, 2008.

АНТРОПОНИМЫ В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

М.С. Зимина
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС),
магистрант; e-mail: z.mara1997@gmail.com
Россия, г. Москва

Цель настоящей статьи – исследовать антропонимы в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: рассмотреть основные модели именования персонажей и особенности их функционирования. В ходе работы было установлено, что антропонимы являются важными элементами текста, поскольку они обозначают действующих лиц, участвуют в их художественно-образной характеристике; передают авторскую оценку, показывают отношение персонажей друг к другу. В статье подчёркивается особая значимость именования главного героя, которое удачно дополняет образ, показывает типичность персонажа, участвует в реализации идейно-тематического содержания.

Ключевые слова: *имена собственные; антропонимы; художественный текст; модель именования персонажа; функции онимов; А.И. Солженицын; рассказ «Один день Ивана Денисовича».*

Интерес к изучению языковых средств художественного текста не ослабевает год от года [8; 17; 16]. Также постоянным и традиционным объектом лингвистического исследования является ономастическая лексика в художественном пространстве [2; 5; 7]. Так, функционирование онимов – один из главных вопросов литературной ономастики. Имя собственное в художественном тексте полифункционально, что неоднократно отмечали исследователи [3; 6; 19]. Онимы выполняют функцию семантической характеристики и общеэкспрессивную функцию [9, с. 6–12], дифференциальную, текстообразующую, идеологическую функции, имена собственные передают авторскую позицию, создают ономастический фон.

Цель нашей статьи – исследовать имена собственные (антропонимы) в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», рассмотреть основные модели именования персонажей и особенности функционирования антропонимов. В ходе работы нами была составлена и проанализирована картотека имён собственных, включающая 74 единицы (1015 употреблений), отобранных из текста методом сплошной выборки (из них 41 антропоним / 947 употреблений).

Анализ собранного материала показал, что антропонимы в рассказе «Один день Ивана Денисовича» являются наиболее частотным (93%) по количеству употреблений разрядом имён собственных. Рассказ А.И. Солженицына описывает реалии суровой лагерной жизни, в связи с чем в тексте насчитывается 46 именований мужчин. Что касается структуры именования, то, рассмотрев антропонимический материал рассказа, мы выделили 7 моделей именования персонажей: 1) имя, 2) отчество, 3) фамилия, 4) прозвище, 5) имя + фамилия, 6) имя + отчество, 7) имя + отчество + фамилия. Рассмотрим некоторые из них, но прежде проанализируем именование главного персонажа – *Ивана Денисовича Шухова.*

В любом художественном тексте именование главного героя является очень важным, поскольку варианты имён «помогают автору раскрыть идею произведении, расшифровать скрытые смыслы» [1, с. 117]. Имя *Иван,* согласно «Словарю коннотативных собственных имён», является «формой широко распространённого русского мужского имени» и имеет значение: «вообще русский человек; с собирательным значением – «русский народ» [11, с. 166]. На наш взгляд, Иван Денисович Шухов олицетворяет весь русский народ, он один из многих тысяч русских людей, которые отбывали наказание в ГУЛАГе, содержались в лагерях. Имя является типичным для русского человека, более того, социально окрашенным. Как отмечает в работе «Имя и общество» В.А. Никонов, «в старой русской деревне имя Иван носили 16–25% всех крестьян – каждый пятый был Иваном» [10, с. 12].

Отчество *Денисович* происходит от древнегреческого имени Дионисиос – «принадлежащий богу Дионису». На наш взгляд, отчество героя намекает на его в целом позитивное восприятие суровой жизни в лагере. Так, в конце рассказа, когда Иван Денисович подводит итоги дня, он акцентирует внимание на том, что удалось в этот день: «Засыпал Шухов вполне удоволенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся» [15, с. 111]. Важно и то, что Шухов рад не только за себя, но и за бригаду, это показывает его как человека великодушного. И хотя в рассказе описан только один день из жизни Ивана Денисовича, но читатель верит, что

благодаря своему оптимизму герой преодолеет все жизненные трудности и останется человеком. Передать эту идею помогает автору в том числе и отчество персонажа.

Фамилия *Шухов* происходит от глагола *шухать*, что в северных говорах имеет значение: *пугать, стращать* [4, с. 579]. На наш взгляд, данная фамилия очень подходит герою, так как он предстаёт перед читателями заключённым опытным, осторожным, «в меру пуганным». Например, это подчёркивается в эпизоде, когда Иван Денисович направляется в санитарную часть: «Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака: второй раз попадёшься – опять пригребётся. Да и никогда зевать нельзя. Стараться надо, чтоб никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только» [15, с. 14]. Фамилия характеризует героя, удачно дополняет образ, содержит смысл: если хочешь выжить в лагере, то нужно быть осторожным, гибким, стараться приспосабливаться к людям и ситуации.

Таким образом, анализ антропонимов главного персонажа рассказа показывает, что все варианты именования неслучайны, значимы, они участвуют в создании образа, являются семантической характеристикой, помогают автору выражать идею произведения.

Рассмотрим модели антропонимов других персонажей.

Модель «имя» в рассказе представлена следующими вариантами: *Алёшка /Алёша /Алексей, Николай /Коля, Павло, Цезарь, Тихон, Иван /Ваня, Сенька, Эйно*.

Формы личных имён в контекстах стилистически маркированы и значимы. В условиях заключения персонажи, используя определённую форму имени, проявляют определённое отношение друг к другу. Например, Иван Денисович называет своего соседа фамильярно – *Алёшка*, потому что тот, во-первых, его младше, а во-вторых, по натуре мягкий человек: «Алёшка – тихий, над ним не командует только кто не хочет» [15, с. 64]. Использование формы с суффиксом *-к-* помогает передать скорее фамильярно-дружеское отношение, нежели уничижительное, как и в случае с именем *Сенька*. Персонажа с этим именем главный герой характеризует словом «бедолага»; Сенька Клевшин – человек, не вмешивающийся в разговоры, незаметный, тихий. Краткие формы имён (*Алёша, Коля, Ваня*), как правило, встречаются в ситуациях неформального, межличностного общения.

Значимой в рассказе является не только форма имени, но и его семантика. Один из персонажей носит имя *Цезарь*. Это имя пришло из латинского языка, его носителями были люди из рода Юлиев, также это слово обозначает «почётный титул императоров» [18, с. 339]. Персонаж рассказа Солженицына – Цезарь – в некотором смысле тоже является властителем, находится в привилегированном положении (например, часто получает посылки). Цезарь Маркович – хорошо образованный, мыслящий человек, интеллигент (до заключения работал режиссёром). Таким образом, имя Цезарь помогает создавать образ: передаёт особый статус персонажа, особое положение, неординарность. Кроме этого, имя намекает на национальность заключённого: «В Цезаре всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган – не поймёшь» [15, с. 22].

Перечень личных имён отражает и этнический состав осуждённых, так Солженицын показывает, что в лагере отбывали срок не только русские, но и представители других национальностей, например, украинец *Павло*; встречаем даже антропоним финского происхождения: *Эйно*.

Модель «фамилия» представлена следующими антропонимами: *Шухов, Буйновский, Тюрин, Фетюков, Вдовушкин, Пантелеев, Волково́й, Кильдигс, Клевши́н, Шкуропатенко, Эйзенштейн, Завадский, Ермолаев, Дэр*.

Внутренняя форма некоторых фамилий достаточно прозрачна, вследствие чего помогает характеризовать персонажей. Например, фамилия *Фетюков* образована от просторечного устаревшего слова *фетюк*, что значит *разиня, рохля, простофиля* [14]. Фетюков – персонаж отрицательный; главный герой его недолюбливает, считает человеком подлым. Не раз Иван Денисович отзывается о нём пренебрежительно: «Шакалить Фетюков всегда мастак, а закосить бы смелости не хватило» [15, с. 52]; часто называет шакалом, так как он ведёт себя, как это хищное животное, питающееся падалью: «Фетюков свою миску из первых взял и ушел: расчёл, что в бригаде сейчас не разживёшься, а лучше по всей столовой походить – пошакалить, может, кто не доест (если кто не доест и от себя миску отодвинет – за нее, как коршуны, хватаются иногда сразу несколько)» [там же, с. 93]. Таким образом, негативно окрашенная фамилия участвует в формировании отрицательного персонажа.

Фамилия фельдшера *Вдовушкин* совмещает функцию семантической характеристики с общеэкспрессивной, тем самым также помогает создавать образ. Вдовушкин в лагере оторван от своей привычной жизни, он – бывший студент литературного факультета, вынужден заниматься работой, для которой он даже не получил специального образования. Фамилия происходит от слова *вдова*, то есть Вдовушкин сравнивается с вдовцом. Только он потерял не жену, а право заниматься любимым

делом. Наличие ласкательного суффикса *-ушк-* передаёт доброе отношение автора-повествователя к персонажу, является эмоционально окрашенным.

Начальник режима лейтенант по фамилии *Волкóй*, которого, как замечает Шухов, сам начальник лагеря боится, – носитель яркой и характеризующей фамилии. Антропоним выполняет общеэкспрессивную функцию; указывает на отрицательные качества персонажа, что подтверждается внешним сходством с волком: «Тёмный, да длинный, да насупленный – и носится быстро» [15, с. 22]. Волковой своим поведением и обращением с заключёнными напоминает хищное животное, он носит с собой плётку и периодически сечёт осуждённых; лейтенант и двигается, как волк: «подкрадётся, вынырнет». В тексте даже Шухов подмечает то, как фамилия подходит лейтенанту: «Вот Бог шельму метит, фамильицу дал! – иначе как волк Волковой не смотрит» [там же, с. 22].

Фамилия кавторанга – *Буйновский*, образована от слова *буйнос*, что переводится с тюркского как «удалой молодец» [20, с. 307]. Семантика производящей основа также способствует выполнению функции семантической характеристики. Антропоним указывает на отличительную черту данного персонажа – храбрость, смелость, самонадеянность.

В рассказе встречаются фамилии, которые вследствие своей структуры свидетельствуют о национальной принадлежности их носителей, например, фамилия *Шкуропатенко* принадлежит украинцу. В лагере отбывает свой срок и латыш с фамилией *Кильдигс*. Данные антропонимы являются информативно значимыми, так как указывают на национальность персонажей.

Модель «прозвище» в рассказе включает следующие неофициальные именования: *Гопчик, Полтора Ивана, Курносенький, Хромой, Татарин, Пряха*.

Прозвище *Гопчик,* что в переводе с украинского значит *живчик*, заключённый получил, потому что, во-первых, был из Украины, а во-вторых, был хитёр и пронырлив. В тексте встречаем такое описание персонажа: «Этого Гопчика, плута, любит Иван Денисыч (собственный его сын помер маленьким, дома дочки две взрослых). Посадили Гопчика за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому. Он теленок ласковый, ко всем мужикам ластится. А уж и хитрость у него: посылки свои в одиночку ест, иногда по ночам жует» [15, с. 40–41]. Следовательно, данный антропоним выполняет функцию семантической характеристики.

Многие персонажи получили свои прозвища благодаря особым чертам внешности. Один из надзирателей носит прозвище *Полтора Ивана*, так как его отличительное свойство – высокий рост. В тексте он описывается с помощью прилагательного «долгий», что указывает на внешний признак персонажа. Надзиратель *Курносенький* скорее всего обладал запоминающимся носом, уменьшительно-ласкательная форма прозвища вызвана тем, что персонаж был небольшого роста и молод. *Татарин* получил своё прозвище из-за национальности, *Хромой* – из-за того, что хромал, на что есть указание в тексте: «Хромоту свою в инвалидность провёл, а дюжий, стерва. Завел себе посох березовый и с крыльца этим посохом гвоздит, кто не с его команды лезет» [15, с. 89]. Таким образом, данные онимы также выполняют функцию семантической характеристики.

Модель «имя + отчество» одна из самых популярных у персонажей рассказа: *Василь Фёдорыч, Николай Семёныч, Степан Григорьич, Иван Денисыч /Иван Денисович, Цезарь Маркович, Захар Васильич, Андрей Прокофьевич /Андрей Прокофьич, Иван Иваныч, Пётр Петрович, Пётр Михалыч.* Популярность этой модели именования у заключённых говорит об их уважительном отношении друг к другу, а также о субординации среди заключённых. Важно также отметить, что присутствует вариативность в форме отчеств: *Денисович/Денисыч*. В ситуациях неформального, бытового общения чаще оказывается задействована усечённая форма отчества, например, в тексте встречается 14 употреблений усечённой формы (Иван Денисыч) главного персонажа против 7 употреблений полной (Иван Денисович).

Итак, рассмотрев антропонимический корпус рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», мы пришли к выводу, что именования персонажей являются самым частотным и важным разрядом ономастической лексики произведения. В тексте представлены следующие модели именования персонажей: 1) имя, 2) отчество, 3) фамилия, 4) прозвище, 5) имя+фамилия, 6) имя+отчество, 7) имя+отчество+фамилия. Антропонимы обозначают персонажей, выполняют функцию семантической характеристики, а также общеэкспрессивную функцию; показывают авторскую позицию и отношение персонажей друг к другу. Причём важными являются не только семантическое наполнение антропонимов, но и их формы. Отметим особую значимость в ономастическом пространстве рассказа именования главного героя – Ивана Денисовича Шухова, которое показывает определённую типичность образа, очень точно характеризует героя, участвует в реализации идейно-тематического содержания произведения.

Литература

1. Волкова С.Н. Имена собственные в романе О.Н. Ермакова «Знак зверя»: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Смоленск, 2012. – 22 с.
2. Волкова С.Н. Прецедентные имена и их роль в художественном тексте // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посв. 75-летию со дня рождения д.ф.н., проф. Войловой К.А. / отв. ред. О.В. Шаталова. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 62–67.
3. Волкова С.Н. Социальные аспекты антропонимикона романа О.Н. Ермакова «Знак зверя» (к постановке проблемы) // Известия Смоленского государственного университета. – 2011. – №3 (15). – С. 75–84.
4. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 672 с.
5. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – №3 (38). – С. 17–27.
6. Королёва И.А., Родионова Л.П. Специфика имён собственных в художественном тексте (на материале романов А.О. Белянина) // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – №1 (62). – С. 317–319.
7. Ланге Н.В. Искусственные и естественные имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка»: потомки Зверолова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №12–2 (66). – С. 123–127.
8. Ляшенко Т.М. Языковые средства создания архетипического образа матери в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Филология: научные исследования. – 2017. – №1. – С. 100–112.
9. Михайлов В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте // Филологические науки. – 1987. – №6. – С.78–82.
10. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
11. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
13. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. К–О / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с. – URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 09.01.2021).
14. Солженицын. А.И. Рассказы. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 228 с.
15. Стародубова О.Ю. Художественный текст в аспекте лингвокогнитивного моделирования // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции / отв. ред. О.К. Ирисханова. – М.: МГЛУ, 2020. – С. 175–179.
16. Столетова Е.К., Пахомова Е.П. Литературное произведение в культурологическом фокусе: как помочь инофону не потеряться в пространстве русскоязычного художественного текста (на примере анализа рассказа Дины Рубиной «Гобелен») // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 263–265.
17. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. – М.: Эксмо, 2006. – 544 с.
18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дисс. в виде научного доклада … д. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 77 с.
19. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. – Изд. 2-е, испр. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 448 с.

ДИМИНУТИВЫ В СКАЗАХ П. БАЖОВА

Е.П. Иванян

Самарский государственный социально-педагогический университет

д-р филол. н., профессор; e-mail: elogos@rambler.ru

Россия, г. Самара

Даётся характеристика особенностей семантики и функций диминутивов в сказах П. Бажова на материале «Огневушка-Поскакушка». Показано, что диминутивы, выполняя колористическую функцию, нередко актуализируют семантику минимальности и бедности, являются сигналами изображения иного мира.

Ключевые слова: *диминутивы; художественный текст; лингвопоэтический аспект.*

Диминутивы в художественном тексте таят в себе безграничные возможности. Данная статья выполнена в русле наших исследований бытования диминутивов в художественной речи, ср.: [1]. Предлагается лингвопоэтический аспект анализа, ср.: [2–3], который, в частности, сосредоточивает внимание на семантике и функциях изучаемого языкового феномена в художественном тексте. Безусловно, тот или иной языковой феномен в художественном тексте оказывается сопряжённым

с его жанром, стилевой организацией, ведущими смыслами (содержательно-концептуальной информацией) данного произведения.

Жанровая природа сказа предполагает такие его существенные признаки, как двуголосность (голос автора и голос рассказчика-персонажа) устность, спонтанность, разговорность, диалогичность [4–5]. Сказы П. Бажова относят к характерному виду, поскольку автор делегирует свою позицию одному персонажу-повествователю на «постоянной основе». Так создается образ «вторичного» нарратора (повествователя), который отличается от собственно автора мировоззрением, речевой манерой, культурным уровнем и прочее, ср. [6, с. 237]. По виду задач, решаемых сказом, выделяют 1) литературный, 2) фольклорный и 3) сказ городского (мещанского) просторечия [7, с. 103]. Сказы П. Бажова следует отнести к литературному виду, в котором повествование стилизовано под разговорную речь, но стилизация соотнесена с особенностями разговорно-обиходного стиля речи. П. Бажов, владея нормами русского литературного языка и языком уральского говора, в своих работах осуществлял жёсткий отбор языковых единиц, не допуская перегруженности текста стилистически маркированными средствами.

Обращение к диминутивам в свете вышесказанного обусловливает цель исследования – выявить и описать семантику и функции диминутивов в сказах П. Бажова. Мы полагаем, что, как в капле воды отражается весь мир, так и диминутивы в художественном тексте способны выявить многие неочевидные на первый взгляд закономерности.

Бытование диминутивов в сказах П. Бажова целесообразно раскрыть через их функции. В настоящее время исследователи полагают, что совокупность сказов мастера слова можно охарактеризовать как некоторый «активный сверхтекст», поскольку сказы перекликаются между собой по хронотопу, единой стилистике, общей идее [8–9]. Специфическое надтекстовое единство обладает своей поэтикой, а поэтика решает задачу превращения «речи в поэтическое произведение и систему приёмов, благодаря которым это превращение совершается» [10, с. 81]. На уровне сверхтекста диминутивы в сказах П. Бажова выполняют колористическую функцию. Поясним сказанное.

Д.И. Архарова отмечает «сделанность» бажовских контекстов [7, с. 105], особую литературную обработку текста, что, в частности, проявляется в наличии фольклоризмов в форме таких диминутивов, как *здоровёшенек, здоровёхонький* и др. Исследовательница подчеркивает, что подобные формы свойственны устному народному творчеству, но не характерны живой разговорной речи.

Отмеченное Д.И. Архаровой подтверждает также литературность сказов П. Бажова. Из-за ограниченности объёма статьи ограничимся примерами и анализом преимущественно из одного сказа – «Огневушка-Поскакушка», см.: *красно лет**ичк**о, голым-гол**ёшеньк**а* (о берёзе), *ровн**ёшеньк**ие (зарубочки), мах**оньк**ая (девчоночка).* Ср. с мнением Б.А. Успенского о том, что диминутивы – это неотъемлемая черта традиционной народной речи, восходящего к ней фольклора, произведений художественной литературы, которые отражают фольклорные и народно-эпические традиции [11, с. 80–93].

Согласно Ю.В. Воротникову, применение диминутивов-существительных соотносится с тремя функциями языка: 1) денотативной (функцией сообщения), 2) экспрессивно-эмоциональной (функцией воздействия), 3) конативной – функцией обращения к собеседнику [12, с. 62–66].

Денотативная функция передаёт мерное значение, значение небольшого размера, напр.: *золотая круп**к**а, платоч**ек**, след**очк**и (от маленьких ног Поскакушки)* и др. В функции воздействия диминутивы-существительные выражают эмоции адресанта по отношению к объекту речи (напр., объект речи – Поскакушка: *волос**ёнк**и, сарафан**чик**, платоч**ек***) или общему содержанию высказывания (напр., *солн**ышк**о)*.

Отметим, что выполнение диминутивом одной из функций не отрицает выполнение другой. Так, диминутивы в отношении волшебного существа Поскакушки реализуют денотативную функцию (т.к. эта персонификация огня мала, по размеру могла бы уместиться в ладони) и экспрессивно-эмоциональную (формируют положительные эмоции; применяя диминутивы, рассказчик любуется *девчоночкой*). Ср. с замечанием А.А. Дементьева о том, что «объективная уменьшительность в чистом виде никогда не может быть выражена уменьшительным словом: в нём всегда будет присутствовать оттенок эмоциональной окраски» [13, с. 36].

Что касается конативной функции диминутивов-существительных, то, согласно Ю.В. Воротникову, в таких употреблениях они выступают в роли своеобразных «языковых жестов», устанавливая контакт между собеседниками, характеризуют уровень отношений между ними (неофициальные, приятельские, др.), см.: [12, с. 62–66]. Применительно к сказам П. Бажова можно говорить о том, что конативная функция входит составной частью в колористическую функцию, создавая народные

формы номинаций и вокативов. Примеры вокативов: *тят**енька**, парн**ишк**о*; примеры прозвищ: *Тюн**ька** Поскак**ушк**а*; примеры гипокористических имен-диминутивов: *Фед**юнь**ка, Фед**юн**я.*

Примечательно, что отрока восьми лет старатели называют *парн**ишеч**ко, мальч**он**ка, Фе**дюнь**ка.* Когда оказалось, что старик Ефим и Федюнька напрасно поверили пляскам Поскакушки, мальчишки стали дразнить главного героя *Тюнькой Поскакушкой.* В прозвище сохранилась часть антропонима, но что показательно: первая часть имени подверглась усечению. Следовательно, это – «языковой жест» насмешки, порицания.

Что касается имён собственных, то они частотно представлены в сказах П. Бажова в диминутивных формах, см. названия сказов: «Голубая змей**ка**», «Две ящер**ки**», «Дорогое имя**чк**о», «Живой огон**ёк**», «Огнев**ушк**а-Поскак**ушк**а», «Сочневые камеш**ки**», «Серебряное копыт**це**», «Та**ютк**ино зеркаль**це**», «Травяная западён**ка**», «Шёлковая гор**ка**», «Хрупкая веточ**ка**» и др.

Диминутивами часто представлены имена персонажей волшебного мира: *Огневушка-Поскакушка, Синюшка, Серебряное копытце* и др. В сказе «Огневушка-Поскакушка» «полное имя» волшебного персонажа даётся только в первой номинации, далее по всему тексту сказа волшебную девочку все называют *Поскакушкой.* Это не просто сокращение, оно обусловлено народной традицией русской лингвокультуры прямо не называть стихию огня. Так, поджог, пожар эвфемистически называли красным петухом [14, с. 165].

В.А. Кузьменкова, исследуя диминутивы с позиции функциональной грамматики рассматривает вторичные значения этих языковых единиц как одного из способов передачи субъективно-оценочных значений в русском языке [15, с. 38], делит их на две группы: выражающие позитивную и негативную оценку. Для первой группы исследовательница приводит 5 ситуаций, актуализирующих «позитивные» значения.

В художественном пространстве сказов П. Бажова доминируют вторичные диминутивы с положительной оценкой. Из вышеназванных специализаций представлено две: 1) диминутивы применяются, чтобы выразить позитивное отношение к чему-либо, напр.: *золотые таракаш**ки*** (о залегании золота); *С первой лопат**ки** такой песок пошёл, что хоть не промывай* <…>; 2) распространены при обращении к детям, когда позитивное отношение распространяется на все предметы, их окружающие [15, с. 38–44], напр.: *лист**очк**и зашумели*; *птич**ки** запели*; *чуть подумает засечку сделать, лопат**ка** сейчас тюк-тюк – и две ровн**ёшеньк**ие зарубоч**ки** готовы*.

Что касается отрицательной оценки, то П. Бажову в целом свойственно передавать какие-либо отрицательные характеристики в смягченных красках и не при помощи диминутивов. Так, о мачехе Федюньки сообщается, что *мачеха и вовсе медведицей стала.*

Вероятно, можно говорить об особом вторичном употреблении диминутивов в сказах П. Бажова. Результат такого употребления сходен с применением приёма астеизма – похвалу через порицание. Речь идет о диминутивах с суффиксами уничижительности *-ишк-, -к-* и др., напр.: *Надел тут Федюня пим**ишк**и, шубейк**у**-ветродуйк**у** покромк**ой** покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос* <…>. Очевидно, с одной стороны, суффиксы уничижительности создают печальную окраску описываемого, в то же время вызывают жалость и сочувствие к персонажу.

Учитывая специфику художественного текста, можно отметить, что мастера слова применяют диминутивы как тот или иной инструментарий для выражения ведущих мотивов, эстетических задач. Известно, что обращение к диминутивам в русской поэтике идёт от сентименталистов; для создания народно-поэтического звучания текста обращались к диминутивам А. Пушкин, Н. Некрасов. Для организации иронии – А. Пушкин, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский, М. Зощенко, М. Булгаков; об иронии диминутивов у Булгакова: [15, с. 44]. Диминутивы в творчестве Ф. Достоевского служат для изображения социально приниженного человека, напр., персонажа М. Девушкина. При помощи диминутивов формируется образ «маленького человека» и в сказах М. Зощенко, ср.: [1].

Е.В. Харитонова, исследовательница репрезентации констант русской культуры в сказах П. Бажова, среди констант *мастерство, семья, судьба* называет и такую, как *сиротство* [9]. Безусловно, мотив сиротства представлен в сверхтексте мастера слова. Названный мотив передаётся средствами выражения семантики крайности, её значения минимальности [16–18], напр.: *Всё-таки дед**ко** Ефим с Фед**юнь**кой хлебнули мал**еньк**о из первого ковш**ичк**а. Годов с пят**ок** в достатке жили. Вспоминали Поскакушк**у**: – Ещё бы показалась раз**ок**!* Текстовый сегмент содержит 22 слова, 7 из которых – диминутивы. Насыщенность текста диминутивами уже формирует предпосылки актуализации семантики крайности, её значения минимальности. Более других диминутивов в таком формировании принимают участия диминутивные словоформы *маленько, ковшичка, пяток, разок.*

Обратимся к ограничениям в употреблении диминутивов в художественном тексте. Продолжим сопоставление применения диминутивов в сказах М. Зощенко и П. Бажова. Несколько упрощая, на основе анализа языкового материала можно заключить, что у М. Зощенко диминутивами преимущественно наделяются описания социально ограниченных людей 20-х гг. XX в.: диминутивы представлены в описании частей тела, предметов одежды, обуви, головных уборов женщин, детей и стариков. В отношении мужчин диминутив может возникнуть, например, в номинациях предмета одежды социально чуждого сказовой форме персонажу, также диминутивы представлены в вокативах (обращениях мужчин друг к другу, таковыми могут быть термины родства в переносных значениях).

Названные ограничения, вероятно, идут от практики применения диминутивов в русской классической литературе. Так, по наблюдениям Е.Ю. Долговой, в текстах М. Лермонтова диминутивами может маркироваться небольшая рука женского персонажа, но в отношении персонажа-мужчины говорится, что у него были *маленькие руки* (о Печорине).

Полагаем, что подобные ограничения регулируется категорией повествовательной композиции, которую Б.А. Успенский называл «точкой зрения» [11]. Традиционно в художественном тексте повествование ведет рассказчик-мужчина. Точка зрения на описываемые события преобладает мужская. Соответственно диминутивы становятся маркерами мира чужого (детского и беспомощного – женского и старости).

Данная категория реализуется и в сказах П. Бажова в ограничениях на употребление диминутивов. Рассмотрим это на примере отсутствия диминутивов в речи персонажа женского пола. Поскакушка (персонификация огня) очень мала, возникает в костре, будто искра, язычок пламени. В разговоре с Федюшкой Поскакушка не применяет диминутивных вокативов типа *парнишечко, мальчонка*, ведь она гораздо меньше этого отрока. В пляске стихия огня разрастается, почти достигая размеров этого мальчика. Соответственно в её речи звучит: – *Ты,* ***парень****, побереги тепло-то!* В речи авторизованного рассказчика говорится о *лопатке*, а Поскакушка напутствует*: – Да дорогу-то примечай. Назад тебя* ***лопата*** *не поведёт.*

В другой ситуации в речи Поскакушки есть диминутивы, но они являются цитацией, передают («цитируют») точку зрения Федюшки. Федюшка обещает: – *Непременно прибежим с дед**к**ом Ефимом.* Поскакушка отвечает: – *Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притоптывает!*

Спецификой употребления диминутивов в поэтике сказов П. Бажова можно считать тот факт, что мастер слова применяет их в качестве сигналов мира волшебного, который почти не взаимодействует с миром обыденного, открывается людям только в чрезвычайных случаях, в основном представлен в воспоминаниях стариков (в *побывальщинах*). Диминутивы как маркеры мира волшебного соотносятся с наивным восприятием мира, детством, восхищением миром волшебного, верой в него. Так, например, слова Поскакушки звучат как программа мира волшебного. Федюнька спрашивает: – *Какая у тебя работа?* Поскакушка отвечает: – *Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работничков забавляю*.

Возникновение мира волшебного для персонажей в сказе сначала локализуется в пространственном «минимуме». См. пример появления Огневушки-Поскакушки: *Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костер**к**а одни угол**ь**ки остались, а старатели всё сидят да на эти угол**ь**ки глядят. Вдруг из самой середин**к**и вынырнула девчоночка махонькая.*

Подведем итоги. В отношении сказов П. Бажова можно говорить о доминировании колористической функции в диминутивах, бытующих в сверхтексте мастера слова. Это стилеобразующая черта данных художественных текстов. Конативная функция диминутивов входит при этом составной частью в колористическую. Денотативная и экспрессивно-эмоциональная функции диминутивов представлены в сверхтексте преимущественно не по отдельности, но во взаимодействии.

Диминутивы разнообразно представлены по частям речи: имена существительные (нарицательные и собственные – антропонимы, среди которых гипокористические номинации и прозвища, вокативы), имена прилагательные, наречия. В сказах П. Бажова диминутивы передают преимущественно позитивную оценку к предмету речи и миру детства.

Семантика крайности, значение минимальности (мотив сиротства) репрезентируются суффиксами уничижительности имен существительных или диминутивными наречиями, суффиксами уменьшительности в существительных в переносном значении. Представлено и такое употребление диминутива, которое по результатам соотносится с приёмом астеизма.

В контексте наследования традиции русской художественной литературы можно говорить о том, что диминутивы сказов П. Бажова раскрывают тему «маленького человека». Ограничения на употребление диминутивов в сверхтексте мастера слова обусловлены категорией точки зрения.

Диминутивы в сказах П. Бажова как и, например, в сказах М. Зощенко, в речи мужчины-рассказчика маркируют предметы мира чужого (мира детства и старости).

Диминутивы П. Бажова способны быть маркерами мира волшебного.

Литература

1. Ivanyan E.P., Mikhailova M. Yu. Unusual function of diminutives in M. Zoshchenko's small prose // Science. Educatition. Practice : materials of the International University Science Forum (Canada, Toronto), April 22, 2020. – Infinity Publishing. Toronto. – С. 57–65.

2. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 159 с.

3. Ivanyan E.P. The story of M. Bulgakov "The heart of a dog" in the paradigm of methods of Russian fiction : linguopoetic aspect // Русистика без границ. – София : Русистика без границ, 2020. – Т. 4. – №1. – С. 64–73.

4. Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1978. – 286 с.

5. Шмидт В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

6. Осьмухина О.Ю. Сказ // Знание. Понимание. Умение: Энциклопедия гуманитарных наук. 2007. – №4. – С. 236–237.

7. Архарова Д.И. Функциональная семантика диалектизмов в сказовом тексте (на материалах сказа П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка») // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ин-т, 1993. – С. 103–110.

8. Жердев Д.В. Поэтика сказов П.П. Бажова: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1997. – 21 с.

9. Харитонова Е.В. Репрезентация русской ментальности в сказах П.П. Бажова: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

10. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

11. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М.: Искусство, 1970. – 214 с.

12. Воротников Ю.Л. Милое и малое // Русский язык в школе. – 1988. – №6. – С. 62–66.

13. Дементьев А.А. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами -ок, -ка, -ко; -ец, -ца, -цо; -ица, -ице): автореф. дисс. … д. филол. наук. – Л., 1961. – 36 с.

14. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2008. – 484 с.

15. Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Вып. 34. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 38–44.

16. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. – М.: Наука, 1982. – 104 с.

17. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 328 с.

18. Клюшина А.М. Проявление семантики крайности в персоносфере В.С. Высоцкого // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. – М.: Изд-во МГОУ, 2020. – С. 247–250.

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. БАЛЬМОНТА

Д.В. Калишкина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант; e-mail: darinamandarina1997@yandex.ru

Россия, г. Арзамас

В статье изучена цветовая символика произведений К. Бальмонта, выполнен анализ его произведений, выявлены основные темы и мотивы его творчества.

Ключевые слова: *Бальмонт; символизм; Серебряный век; цвет; цветовая символика; синестезии.*

Поэзия Бальмонта – живое звено истории нашей литературы. Историки литературы не раз писали, что из всех многочисленных книг Бальмонта, оставленных им, можно выбрать и скомпоновать один великолепный сборник [1]. Поэзия К.Д. Бальмонта как одного из самых знаменитых поэтов Серебряного века сегодня переживает второе рождение. Широко издаются и читаются его стихи, проза, переводы, изучается творчество поэта. Интересен сам поэт, его миропонимание, мироощуще-

ние, его своеобразный стих и язык, условно-символический, состоящий из загадочных намёков и расплывчатых определений.

Однако всё творчество Бальмонта нельзя признать чисто символическим. Запечатлённые в лучших стихах Бальмонта оттенки любовного чувства, непосредственное восприятие природы, способность глубоко ощущать мгновение придают многим его произведениям, особенно ранним, импрессионистический характер. В своих лирических вещах Бальмонт несомненно больше импрессионист, нежели символист [1]. Всё творчество зрелого Бальмонта проникнуто и озарено мечтой о солнце, о красоте. Серой, будничной современности, обездушенной цивилизации железного века (а сегодня ещё и века компьютерного) поэт стремился противопоставить первозданно целостное, совершенное и прекрасное солнечное начало.

Наряду с другими представителями «старшего символизма» Бальмонт уделял внимание декадентическим темам (эстетизация зла, «демонизм», аморализм и т.д.), однако его поэзия вовсе этим не исчерпывается. В последние годы по существу только начинается объективное изучение его богатого художественного наследия [3].

Когда говорят о Бальмонте как о поэте природы, то обычно имеют в виду природу как универсум, природу в её космических проявлениях. Поэт воспел могущество стихии Огня, Воды, Воздуха, Земли, с которыми, как он писал, неизменно жила его душа «в радостном и тайном соприкосновении». В этом смысле он последователь Тютчева, а через него близок шеллингианскому, в сущности общеромантическому, представлению о тождестве духа и природы, субъекта и объекта [3].

Особо значимы в поэзии Бальмонта образы цветов. Целые стихотворения посвящены эдельвейсу, орхидее, белладонне, нарциссу, лилиям. Само слово «цветы» – одно из наиболее употребляемых в его поэтической лексике. «Красивее красных маков и белых ландышей нет ничего на свете» – писал поэт, себя же называл «Богом цветов» [4].

Символика розы в значении любви мистической, небесной была чужда Бальмонту, у него роза, как и в народной поэзии, символ любви земной, чувственной. У Бальмонта встречается традиционное сопоставление прекрасной женщины с розой «розы губ и губы роз», но наиболее удачны лирические композиции, в основе которых принцип психологического параллелизма:

В моём саде мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные [6].

Здесь важен контраст: роза белая тождественна мечтам несмелым, роза красная – символ чувственной страсти, которая находит отклик в душе героини, объекте этой страсти:

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные.
В глазах твоих – признанье потемневшее,
И губы, губы красные [6].

Красный цвет губ героини – знак того, что в ней зажглась страсть. Это усиление цвета существенно, поскольку красный цвет, цвет крови, нередко ассоциируется в стихах Бальмонта с предельным напряжением, апофеозом страсти.

«К. Бальмонт, такой хрупкий, такой невещественный в первый период своего творчества, страстно полюбил вещи и выше всего поставил потенциально скрытую в них музыку», – так писал о поэте Н. Гумилёв. – «В своих эпитетах он не гонится за точностью; он хочет, чтобы не скрытые представления, а самый звон их определял нужный ему образ...» [2].

Любопытно проследить бальмонтовские ассоциации между звучаниями (или, точнее, тембрами) различных музыкальных инструментов и цветом (светом):

Звук арфы – серебристо-голубой.
Всклик скрипки – блеск алмаза хрусталистый.
Виолончели – мёд густой и мглистый.
Рой красных струй, исторгнутых трубой.
Свирель – лазурь, разъятая борьбой,
Кристалл разбитый, утра ход росистый.
Колоколец ужалы – сон сквозистый.
Рояль – волна с волною вперебой.
Флейты звук зоревый, голубой,
Так по-детскому ласково-малый,

Барабаны глухой перебой,
Звук литавр торжествующе-алый [5].

Большинство оборотов, которые встречаются у Бальмонта, следует как раз отнести к светомузыкальному разряду. Если мы обратимся к синестезиям самого Бальмонта, то заметим среди них и достаточно простые конструкции: *«Донёсся откуда-то гаснущий зов»* или *«Свет белеющей реки / Белым звоном отдаётся»*; и яркие пышные метафоры времён его расцвета*: «И нежный, как звон, Боттичелли, нежней, чем весною свирель»* [5]. При всей кажущейся случайности сочетания зрительного и звукового образов, выбор синестезий Бальмонта мотивирован. К примеру, «звон» у поэта – «светлый», «гаснущий», «зелёный», «белый». Таким образом подчеркивается не только музыкальная высота звука, но и его воздушность, невесомость. И наоборот, крик красный, яркий – вызывает ассоциацию с чем-то сильным, агрессивным.

Золотой, красный (пурпурный) и голубой образуют «триколор солярной доминанты». Именно это цветовое сочетание в 1905 г. отчетливо преобладает в поэтике Бальмонта. Помимо стихотворений, где уже в названии присутствует цветовая символика («Прощально-золотистый», «Красный», «Жёлтый», «Синий», «Зелёный и чёрный», «Три цвета» и т.п.), в стихотворении «Небо» встречаются голубой, золотой и пурпурный. Именно на этих цветах построена пьеса «Три расцвета».

Во многом цветовая символика была заимствована символистами из русской иконописи. Так, упомянутые золотой, синий и пурпурный, ставшие основными цветами Софии, – главные цвета при изображении Богородицы. Вместе с тем, золотой цвет, или как его называют в иконописи «ассист», является цветом, воплощающим Божественную сущность, мир неземной, горний [3]. Все остальные цвета являются лишь отражением света небесного, его земным подобием, но также имеют иерархию. Синий цвет является символом небесной тверди и отделяет земное существование от вышнего мира [3]. Цвет пурпурный, красный является предзнаменованием Божественного прихода, зарёй перед восходом Солнца: «То – пурпур Божьей зари, зачинающийся среди мрака небытия; это – восход вечного солнца над тварью. София – то самое, что предшествует всем дням творения» [3].

В первой картине действие происходит весной около полудня в золотисто-жёлтых тонах. Герои тоже находятся в поре своего цветения, на заре юности. Они не понимают самих себя, их любовь находится как будто в предчувствии, в ожидании чего-то большего. Во второй картине преобладают красные тона, час – предзакатный. Здесь появляются девушки-цветы: мак, гвоздика, роза, и другие оттенки красного. Герои повзрослели. Любовь юношеская и невинная сменилась любовью страстной и угрожающей. Красный цвет – цвет жизни и смерти, цвет борьбы, цвет противоречий. В третьей картине преобладают голубые тона, время суток – ночь, перед восходом луны. Елена и Поэт – двое влюбленных, которые нашли друг друга, две души, которые готовы слиться в одну. Их больше не одолевают желания, они достигли всего. Поэтому они готовы умереть, а точнее, перейти в иной мир, где они смогут быть вместе вечно. Любовь голубого цвета оказывается вечной, нетленной любовью, переходящей вслед за испытывающими ее в новое измерение [4].

Анализируя поэтическое наследие К.Д. Бальмонта, мы видим, что перед нами, безусловно, новатор, один из зачинателей «нового искусства» в России, виднейший представитель «старшего» символизма. Индивидуалистический бунт, крайний субъективизм, эстетство – эти и другие черты определяют собой поэтический облик Бальмонта, сложившийся на грани веков [3].

К 1906 году символизм уже изживает себя, темы и мотивы становятся банальными и штампованными, авторы ищут новых форм выражения. Бальмонт до конца остаётся верным рыцарем направления и воплощает идеи символизма, выраженные через цветовой код, используемый прежде в стихотворениях, в драматической форме.

Литература

1. Иванов В. Статьи о русской литературе // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. – М.: Яз. рус. культуры, 2010. – С. 103–106.
2. Казарин Ю. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления): монография. – Екатеринбург: УрГУ, 2012. – С. 314–317.
3. Семёнова М.А. Цветообраз как структура и синтезирующая категория акварельной живописи и других видов искусства // Педагогика искусства: электронный научный журнал. – 2010. – №2. – URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-2-2010/14_06_semenova.pdf (дата обращения: 11.10.2020).
4. URL: http://www.art-granatis.ru/information/color/ (дата обращения: 30.10.2020).
5. URL: http://studik.net/ (дата обращения: 11.11.2020).

ТИПОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Е.В. Каркунова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант,
e-mail: karkunova-e@mail.ru
Россия, г. Арзамас

В статье исследуется и анализируется коммуникативное пространство эмоций в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». В произведении встречаются эмоции ожидания и прогноза и интеллектуальные эмоции, которые используются автором для создания разнохарактерных литературных образов и раскрывают их индивидуальность и особенность.

Ключевые слова: *коммуникативное пространство; типология эмоций; эмоции ожидания; эмоции прогноза; интеллектуальные эмоции.*

Эмоции героев – это важная составляющая художественного произведения. Благодаря эмоциям героев в художественном тексте полнее раскрывается их образ и характер, описываются чувства и межличностные отношения. Для описания эмоций в своих произведениях Булгаков использует своеобразное коммуникативное игровое пространство языка, присущее разговорному жанру представителей послереволюционной России. Совокупность их в тексте – своеобразный набор чувств и психологических нюансов, изменяющихся по мере развития сюжета. Эмоции разных типов оформляются в тексте графически. Очень широко используются звукоподражания, междометия, диалектные и жаргонные слова, а также различные виды пунктуации.

Герои произведений М.А. Булгакова выражают разные виды эмоций, среди которых можно выделить следующие: гнев, презрение, горе-страдание, страх, вина, интерес, радость, веселье, удивление и многие другие, которые подразделяются на следующие группы эмоций:

1) *эмоции ожидания и прогноза;*
2) *интеллектуальные эмоции.*

Роман «Белая гвардия» – это первый роман М.А. Булгакова, в котором описывается жизнь русской интеллигенции после Октябрьской революции в период Гражданской войны на Украине в конце 1918 года. Роман является автобиографическим произведением, так как почти все герои этого романа имеют прототипы, которыми являются родственники, друзья и знакомые семьи Булгаковых. Даже фамилия Турбины была выбрана М.А. Булгаковым не случайно, это девичья фамилия бабушки Михаила Афанасьевича по маминой линии. Главные герои – семья Турбиных: два брата Алексей и Николка и сестра Елена. Прототипом старшего брата Алексея – врача является сам М.А. Булгаков, прототипом Николки – брат Николай Булгаков, а прототипом Елены – сестра Варвара Афанасьевна Булгакова. Семья Турбиных, их друзья, знакомые, соседи – все попадают в водоворот стремительных жизненных и политических событий жестокого и трудного времени.

Эмоции в романе «Белая гвардия» – это различные эмоциональные состояния, которые мастерски описаны автором и показаны в романе через применение разных литературных приёмов.

В романе автор описал коммуникативное пространство семейных отношений, родственных переживаний и даже патриотических и геройских эмоций. Роман начинается печальными и трагическими событиями для семьи Турбиных, смертью и похоронами матери, где представлены эмоции группы *ожидания* и эмоции *прогноза*. М.А. Булгаков рисует нам немую, но выражающую глубокую скорбь и печаль сцену после похорон матери, где Алексей, Елена, её муж Тальберг, Анюта, выросшая в доме Турбиных и младший брат Николка, все стоят у ног старого Святителя Николы:

«Николкины голубые глаза, <…> смотрели растерянно, убито. <…>. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать <…>» [1, с. 7].

После того как прошло отпевание, все пошли, двигаясь через весь громадный город, на кладбище, где уже был похоронен отец, а теперь похоронили и мать:

«<…> под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...» [1, с. 7].

На правах хозяйки дома Турбиных, после смерти матери, осталась сестра – Елена – натура эмоциональная, но умеющая сдерживать свои эмоции. Она умело скрывает свои переживания из-за мужа Сергея Тальберга, который долгое время не был дома. В этот момент автор изображает её душевно испуганной и взволнованной, но только внутренне, внешне же она старается не показывать братьям своих переживаний; она постоянно смотрит в окно, поглядывает на часы, взгляд её,

направленный в окно, тревожный, а повернувшись к братьям, она смотрит на них уже другим, более мягким взглядом, несмотря на это, братья всё равно чувствуют тревогу и волнение сестры:

«В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли» [1, с. 13–14].

С приходом в дом Турбиных старого друга Мышлаевского Елена продолжает скрывать свои эмоции, старается улыбаться, и только уединившись в комнате за кухней, она даёт волю слезам и эмоциям, так как ей представляется уже убитый, во время нападения на поезд, Тальберг, время ведь было неспокойное:

«<…> и на снегу кровь и мозг. Елена сидела в полумгле, смятый венец волос пронизало пламя, по щекам текли слезы. Убит. Убит...» [1, с. 20].

Но как только Тальберг появляется на пороге, печальное настроение сразу сменяется радостным волнением. Тоненький звоночек, который раздался вдруг, заставил затрепетать ее сердце, и вот уже совершенно другое выражение лица, другие огни, и даже часы *«затикали»* по-другому, они просто *«пошли ходуном»*, Елена ожила с приходом мужа.

А как тяжело ей было сдерживать свои эмоции во время прощания с Тальбергом, это были *интеллектуальные эмоции* – сомнение, догадка, она понимала, что муж оставляет её, предаёт, бежит, её мучали сомнения, но показывать их она не могла, она должна быть сильной, т.к. должна думать о судьбе братьев и даже о судьбе родного города. Услышав из уст мужа слова, что он не может взять её с собой, Елена не издала не звука, не переменилась в лице, потому что она была горда и сделала вид, что предают их немцы, а не её муж:

«– Постой, – сказала она, – ведь нужно братьев сейчас предупредить о том, что немцы нас предают? <…>» [1, с. 25].

И только в последний момент, когда муж целовал её на прощание, когда ей показалось, что его глаза пронизаны нежностью к ней, она не удержалась:

«Елена не выдержала и всплакнула, но тихо, тихо, – женщина она была сильная, недаром дочь Анны Владимировны» [1, с. 25].

Родственные чувства, любовь делают Елену сильной, она в заботе о братьях старается не думать о своем горе, о личной жизни, о муже. Для нее главным становится жизнь и здоровье брата Алексея, когда он возвращается домой раненый. Она переживает и боится, что Алексей может умереть от тифа. Его состояние крайне критическое, врач не даёт положительных прогнозов. Все: родные и друзья – бледны, растеряны и ждут самого худшего, тревожно шепчутся и вздыхают. В это время Елена, уединившись в своей комнате, опустилась на колени и молча положила первый поклон:

«<…> Мать-Заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет <…> А теперь и старшего отнимаешь. За что?» [1, с. 228].

Она молилась, сначала тихо шептала, потом её шёпот стал более страстным, речь лилась непрерывным потоком, несмотря на то, что она сбивалась в словах. Она просила помощи у Матери-заступницы, но просила не за себя, а за старшего брата Алексея, она всё чаще припадала головой к полу, а затем отмахивала ей, чтобы выпавшие из причёски пряди, не падали ей на лицо и так продолжалось, пока она совсем не обессилила и уже не могла оторвать свою голову от пола:

«<…> Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем» [1, с. 229].

Эмоции ожидания и прогноза: волнение, страх, растерянность, опасение, испуг, удивление, возмущение и другие неоднократно проявлялись и братьями Елены Алексеем и Николкой. Семейные узы так крепки, что переживания и волнения проявляются и в эмоциях братьев. Они также чувствуют волнение сестры, которая переживает за мужа, поэтому стараются не нарушать тишины, хоть сказать хочется. Они радовались за сестру, когда Тальберг наконец появился на пороге, они даже ради спокойствия сестры вежливо промолчали, когда Тальберг бежал и бросил их сестру:

«*Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка»* [1, с. 26].

Потом, когда Алексей прочтёт письмо, полученное Еленой от подруги, он будет жалеть о том, что тогда проявил слабость и не постоял за честь сестры, не поговорил с Тальбергом по-мужски, с каким бы особым удовольствием он бы «*ему по морде съездил...».* От обиды за сестру Алексей изменился в лице, оно заиграло разными красками, даже глаза сменили цвет, и из голубых вдруг стали чёрными, злости, которая обуревала его, не было предела, его раздражал даже портрет Елены и Тальберга, стоящий на столе в её комнате:

«<…>Елена подала, всхлипывая, портрет Турбину. Турбин выдрал мгновенно из рамы карточку Сергея Ивановича и разодрал ее в клочья. <…>» [1, с. 237].

Очень яркие эмоции возмущения и недовольства проявил Алексей, когда высказывал своё мнение по поводу всеобщей мобилизации. Он кричал, пытался словесно вылить все, что у него накипело. Во время этой бурной «ораторской речи» Алексей покрылся пятнами, глаза его горели, а слова вылетали изо рта с «тонкими брызгами слюны»:

« – Я б вашего гетмана, – кричал старший Турбин, – за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым!» [1, с. 34].

Алексей был обозлён на власть в городе, не в его силах было изменить события, а его обвинили в том, что он сеет панику, на что он ответил, что это не паника, а просто на душе накипело [1, с. 34–35].

И в такой серьёзный момент Николка и друзья начали подшучивать над Алексеем. Карась иронически улыбался и сказал, что Алексею нужно быть не врачом, а министром обороны, а Николка назвал его великим оратором, незаменимым человеком, на что тот ответил:

«– Николка, я тебе два раза уже говорил, что ты никакой остряк, – ответил ему Турбин, – пей-ка лучше вино» [1, с. 35].

Для братьев Алексея и Николки политические события, происходящие в городе и в стране, были не безразличны. Они переживали за всё, что происходило, переживали не только за свою семью, но и за своих друзей, за других, незнакомых им людей. Например, эпизод, когда Алексей, спавший мёртвым сном, вдруг соскочил, как будто его окатили холодной водой, посмотрев на часы, начал метаться по комнате и рассеянно собираться в дивизион. Он переживал:

«Неужели опоздал?.. Какой скандал... Могут подумать, что я сбежал...» <…> – Боже! – невольно вскрикнул Турбин. – Они уже ушли» [1, с. 126].

Турбин метался в замешательстве, он не понимал, что произошло, что ему делать. Кругом бегали такие же встревоженные и растерянные юнкера. Уже позже Турбин понял, что Петлюра неожиданно подошёл к городу, он продолжал метаться, грозить кулаками:

«Катастрофа... Теперь понимаю... Но вот в чем ужас – они, наверно, ушли в пешем строю. Да, да, да... Несомненно так» [1, с. 127].

Также и Николка, мечтавший о геройских подвигах, оказавшись в перестрелке, думал:

«”Обошли?” – грянуло в Николкиной голове, он метнулся, не зная, какую команду подать» [1, с. 131].

Вокруг была паника, все бежали, бросая винтовки, срывали с себя погоны, пояса и кричали, призывая всех бежать и спасаться, и только Николка это самое время думал о геройстве, о подвигах, он как будто одурел, пытался отдавать команды, но его не слышали, так как паника, охватившая всех, была велика:

«<…> “Вот момент, когда можно быть героем”, – закричал своим пронзительным голосом:
– Не сметь вставать! Слушать команду!!» [1, с. 132].

Он не побежал даже, когда полковник Най-Турс неоднократно приказывал ему бежать, в этот момент Николку охватили эмоции геройства и уверенности в себе, во рту у него очень быстро пересохло:

«<…> – Не желаю, господин полковник, – ответил он суконным голосом, сел на корточки, обеими руками ухватился за ленту и пустил ее в пулемет» [1, с. 133].

Он до последнего был с полковником, до самой его смерти и лишь после того, как смертельно раненый полковник Най, истекая кровью, закатил глаза к небу, Николка вопросительно и в затуманенном состоянии, всхлипывая, подумал:

«Так умирают? <…>. – Не может быть. Только что был живой. В бою не страшно, как видно. В меня же почему-то не попадают...» [1, с. 134].

Он пытался вытащить тело полковника куда-нибудь в более безопасное место, он тянул его, ему было тяжело, и когда он понял, что он остался один, вот тогда ему стало по-настоящему страшно, в эту минуту он вспомнил о родных и наконец понял, что произошло на самом деле. Его мгновенно стали обуревать чувства смятения, сомнения, удивления одновременно:

«Удивительно, страшно удивительно, что не попали. Прямо чудо. Это уж чудо Господа Бога, – думал Николка, поднимаясь, – вот так чудо. Теперь сам видал – чудо» [1, с. 135].

Эмоции переживания за судьбу родных мы наблюдаем и у Алексея, когда он, пытаясь спастись от выстрелов, одновременно думал не о своей жизни, он думал о брате и сестре:

«<…> обернувшись, он, не спеша, выпустил три пули и строго остановил себя на шестом выстреле: “*Седьмая – себе. Еленка рыжая и Николка.” <…>*» [1, с. 168].

Он не переставал думать о родных, даже когда был ранен и находился в доме Юлии Рейсс, теряя силы, истекая кровью, находясь на грани состояния горячки, он переживал за родных и за женщину, которая оказала ему помощь, он боялся не за себя, а его голова уже начала кружиться от потери крови:

«<…> В сердце его заполз страх и отчаяние: "Что с Еленой? Боже, Боже... Николка. За что Николка погиб"» [1, с. 171].

Чувства любви к родным, переживание и сочувствие близки всем Турбиным, и автор показал эти чувства и их проявления в тексте через эмоции героев, через вербальное и невербальное коммуникативное пространство. М.А. Булгаков представил нам Турбиных настоящими героями своего времени, героями, способными на подвиги не только ради благополучия своей семьи, а ради своей Родины.

Литература

1. Булгаков М.А. Романы. – М.: Современник, 1989. – 750 с.
2. Биккулова И.А. В поисках жанра: «Белая гвардия» М. Булгакова. – М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 1992. – С. 9.
3. Богданова О.Ю. Интерпретация текста романа «Белая гвардия» // Литература в школе. – 1998. – №1. – С. 125–134.
4. Бузник В.В. Возвращение к себе: О романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Литература в школе. – 1998. – №1. – С. 43–54.
5. Додонов Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии. – 1975. – №6. – С. 12–29.
6. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
7. Смирнова А.А. Речь персонажа в измененном состоянии сознания (на материале рассказов М. Булгакова) // Литературоведение на современном этапе / отв. ред. И.В. Поляков. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Державина Г.Р., 2009. – С. 303–306.
8. Смирнова А.А. Языковая личность и психотип человека (на примере анализа одного из персонажей романа «Белая гвардия» М. Булгакова) // Язык и культура. – 2008. – №3. – С. 72–77.

О СЕМАНТИКЕ КРАЙНОСТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

А.М. Клюшина

Самарский государственный социально-педагогический университет,
к.ф.н., доцент; e-mail: klyushina@pgsga.ru
Россия, г. Самара

Настоящая работа посвящена характеристике сочетания частиц «хоть» и «-нибудь» в романе Достоевского «Преступление и наказание» как комплексного конституента функционально-семантической категории крайности в русском языке и речи, как субкатегории минимальности, передающей значения выбора, количества, действия, субъекта-объекта действия. Высказывается предположение, что обращение к конституентам семантики крайности является стилеобразующим в творчестве Достоевского.

Ключевые слова: *семантика крайности; функционально-семантическая категория; «хоть»; «-нибудь»; художественный текст*

Функционально-семантический подход удерживает свои важные позиции в лингвистике, а также продолжает получать новое осмысление [1]. В настоящее время уже изучены семантика сомнения [2], представления [3], пассивности [4–5], умолчания [6], неуловимого [7], невыразимого [8] и др.

В монографии Т.М. Николаевой «Семантика акцентного выделения» показано, что особое ударение (акцентное выделение) способно подобно акцентирующим частицам привносить в высказывание дополнительную информацию. Функционально-языковой нагрузкой частиц является их двоякость, воплощающаяся в особенности формировать скрытое теневое высказывание, различным образом соотносящееся с исходным [9, с. 60]. Т.М. Николаева отмечает, что акцентное выделение или акцентирующие значения способны актуализировать семантику крайности, что отмечается проявлением двух субзначений: минимальности и максимальности [9, с. 63].

Мы предлагаем рассматривать семантику крайности (СК) как особую функционально-семантическую категорию русского языка и речи со своим планом выражения. Средства передачи СК иерархически организованы и представлены на разных уровнях языка: в особой просодии (акцентном

выделении), лексически при помощи лексем *край, крайний, крайность* и др., фразеологизмов, включающих лексему *крайность*. Конституентами СК в определенных условиях являются частицы *хоть, -нибудь* и др. Так, синтагматическое «соседство» лексем *хоть + какой-нибудь, хоть + что-нибудь, хоть + как-нибудь, хоть + сколько-нибудь* регулярно порождает семантику крайности, её субзначение минимальности.

Изучение СК в отечественной русистике только ещё начинается. В настоящее время о данной функционально-семантической категории попутно говорится в монографии Е.П. Иванян [10, с. 222], в работах учеников ее научной школы Л.А. Горшковой [11, с. 90] и И.В. Бровкиной [12, с. 19–20], выполненных на материале неопределенных местоимений.

Цель настоящей статьи – дать краткую характеристику бытования сочетания конституентов СК *хоть* и *-нибудь* в художественном тексте на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Данное исследование выполнено в русле нашего изучения бытования конституентов СК в художественных текстах [13–14]. Так, в [13] показаны особенности употребления сочетаний частиц *хоть* и *-то, -нибудь*, входящих в состав неопределенных местоимений, для выражения СК в произведении А. Геласимова «Степные боги».

Исследование творчества Ф.М. Достоевского позволяет предположить, что этот мастер слова частотно обращался к применению средств выражения СК; можно предположить, что средства передачи СК так актуализированы в художественном пространстве его произведений, что являют собой стилеобразующую черту. Косвенными доказательствами сказанному могут служить к примеру, высказывания критиков, ученых о творчестве Ф.М. Достоевского, его творческом методе и др. Так, например, А.Б. Криницын указывает на то, что «Структура героя напрямую зависит от концепции человека у писателя. Достоевский исходит в своем понимании человеческой природы из принципов парадокса и «схождения *крайностей*»» [15, с. 129]. См. также: «Максимально усложняя характер своих героев, Достоевский совмещает в нем несовместимые противоположные черты, меняя местами *крайность* и норму» [15, с. 128]. Б.А. Грифцов отмечает: «Многопланность и радикализм сознания, требующего *крайностей*, полных осуществлений, мечущегося от *крайностей* и никогда не удовлетворяющегося “полулюбовью”, никогда не способного найти синтез, найти единую, всеопределяющую точку» [16, с. 206].

По мнению ученых, критиков, герои романа «Преступление и наказание», их действия, характер насыщены семантикой крайности. По выражению Г.М. Ребель, «Соня распята между двумя *крайностями*: блудница и святая» [17, с. 73]. Д. Григорьев отмечает: «В Раскольникове происходит напряженная внутренняя борьба, он внутренне расколот, он отдается идее сверхчеловека – Наполеона и Мессии (конечно, лжемессии), по определению Кирпотина, он совершает ужасное преступление для своего самоутверждения, он ожесточается до *крайности*, он отстраняется от всех, но образ Божий в нем не меркнет до конца, и это критически важно!» [18, с. 299]. Л. Оборин пишет: «Раскольников бросается из *крайности* в *крайность*: сначала хочет спасти от приставаний девочку на бульваре, потом бросает: “Пусть его позабавится”; сначала отдаёт Мармеладовым все деньги, потом укоряет себя: “Тут у них Соня есть, а мне самому надо”; перед убийством продумывает такую деталь, как петля для топора под пальто, а затем совершает одну оплошность за другой» [19]; «Раскольников в той же мере исключителен, в какой и является *человеком вообще*. Разумеется, его психика до *крайности* расшатана, и в этом состоянии болезненная идея преступить закон, нарушить людские установления становится для него важнее, чем какие-либо материалистические мотивы» [19].

Что касается сочетания конституентов СК *хоть* и *-нибудь*, то согласно замечанию Т.М. Николаевой они передают субзначение минимальности [9, с. 63]. Приведем примеры употребления исследуемых частиц для выражения субзначения минимальности СК в анализируемом романе в значениях выбора, количества, действия, субъекта-объекта действия, локализации.

➢ Значение выбора:

[Раскольников рассуждает после прочтения письма матери] *Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться,* ***хоть*** *на что-****нибудь****, или… «Или отказаться от жизни совсем! – вскричал он вдруг в исступлении, – послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!»*

➢ Значение количества:

[Раскольников решает вынести из своей комнаты украденные вещи и спрятать их] *Надо было управиться, пока еще оставалось* ***хоть*** *сколько-****нибудь*** *сил и* ***хоть*** *какое-****нибудь*** *рассуждение…*

[Раскольников говорит Разумихину] – *Если б у них были факты, то есть настоящие факты, или* ***хоть*** *сколько-****нибудь*** *основательные подозрения, тогда бы они действительно постарались скрыть игру: в надежде еще более выиграть (а впрочем, давно бы уж обыск сделали!*

[Дуня обращается к П.П. Лужину] *Я прямо, с первого слова говорю, что иначе не могу смотреть, и если вы* ***хоть*** *сколько-****нибудь*** *мною дорожите, то, хоть и трудно, а вся эта история должна сегодня же кончиться. Повторяю вам, если брат виноват, он будет просить прощения.*

➢ Значение действия:

[Разумихин рассуждает] *И разве позволительна* ***хоть*** *сколько-****нибудь*** *такая мечта ему, Разумихину?*

➢ Значение субъекта-объекта действия:

[Мармеладов рассказывает о жене, Катерине Ивановне] *И хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но* ***хоть*** *перед кем-****нибудь*** *погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях.*

[Из письма матери Раскольникову] *Уж конечно, мы остереглись проговориться Петру Петровичу* ***хоть*** *о чем-****нибудь*** *из этих дальнейших мечтаний наших и, главное, о том, что ты будешь его компаньоном.*

[Из письма матери Раскольникову] *Я замечала в жизни не раз, что тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу, а я не только не хочу быть* ***хоть*** *кому-****нибудь*** *даже в малейшую тягость, но и сама хочу быть вполне свободною, покамест у меня хоть какой-нибудь свой кусок да такие дети, как ты и Дунечка.*

[Прямая речь Раскольникова] – *Вообще людей с новою мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать* ***хоть*** *что-****нибудь*** *новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало.*

➢ Значение локализации:

[Прямая речь Мармеладова] *Ведь надобно же, чтобы всякому человеку* ***хоть*** *куда-****нибудь*** *можно было пойти.*

Статистическая обработка полученных данных позволяет заключить, что комплексный конституент СК, состоящий из частиц *хоть* и *-нибудь,* достаточно частотен в анализируемом художественном произведении Ф.М. Достоевского и составляет 21 пример; служит для передачи субзначения минимальности СК в значениях выбора, количества, действия, субъекта-объекта действия, локализации, что можно представить в следующем процентном соотношении:

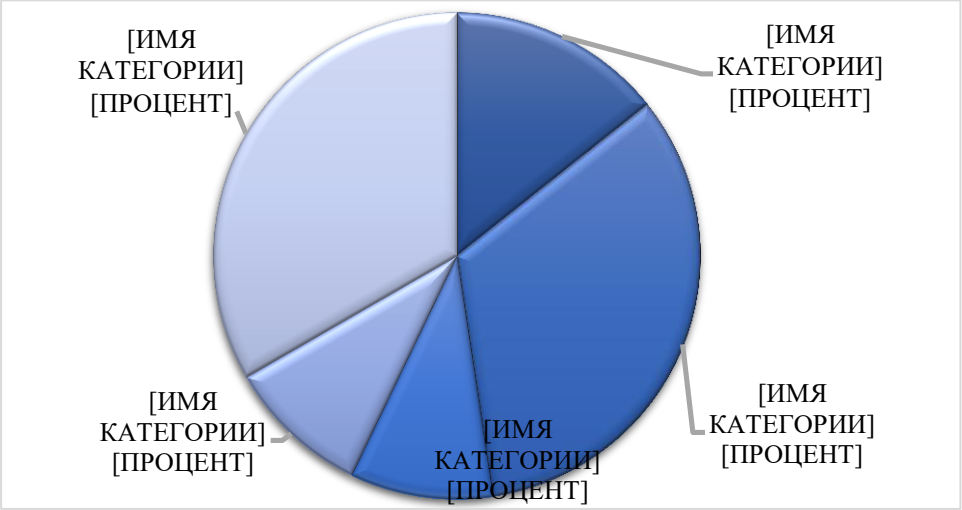

Рис. 1. Частотность употребления комплексного конституента СК *хоть* и *-нибудь* для передачи субзначения минимальности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Подведем итоги. Творчество Ф.М. Достоевского изобилует примерами обращения к конституентам СК. Косвенным подтверждением этому являются многочисленные цитаты, включающие лексему *крайность*, ученых, критиков о творческом методе анализируемого писателя и характере, действиях героев романа «Преступление и наказание». Комплексный конституент СК *хоть* + *-нибудь* в анализируемом художественном произведении высокочастотен и передает значение минимальности (выбора, действия, количества, субъекта-объекта действия).

Литература

1. Клюшина А.М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. – №10. – С. 113–118.
2. Никольская И.Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №118. – С. 197–201.
3. Голадейко Л.Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – 72 с.
4. Клюшина А.М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Самара, 2013. – 23 с.
5. Стойкович Г.В., Клюшина А.М. Категориальные и некатегориальные средства выражения пассивности в английском научном, художественном и политическом дискурсах: монография / под науч. ред. д.п.н. М.П. Нечаева. – Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2014. – 65 с.
6. Иванян Е.П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – №1 (10). – С. 33–35.
7. Калинина Л.В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О.Э. Мандельштама // Филология и культура. – 2015. – №4 (42). – С. 76–80.
8. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке: монография. – Самара: СГСПУ, 2017. – 243 с.
9. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. – М.: Наука, 1982. – 104 с.
10. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. – М., 2015. – 307 с.
11. Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: дисс. … канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 187 с.
12. Бровкина И.В. Единицы неопределенной семантики в прозе А. Платонова: функциональный аспект: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 24 с.
13. Клюшина А.М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. – С. 138–144.
14. Клюшина А.М. Проявление семантики крайности в персоносфере В.С. Высоцкого // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. – М.: МГОУ, 2020. – С. 247–250.
15. Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный диалог. – 2016. – №4 (52). – С. 128–142.
16. Грифцов Б.А. Эстетический канон Достоевского. Вступительная заметка и публикация В. Лушпая // Вопросы литературы. – 2005. – №2. – С. 191–208.
17. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). – Пермь, 2007. – 398 с.
18. Григорьев Д. Евангелие и Раскольников // Проблемы исторической поэтики. – 2005. – Т. 7. – URL: http://poetica.pro/journal/article.php?id=2669
19. Оборин Л. – URL: https://polka.academy/articles/627

АНАЛИЗ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОСЛЕДНЕЙ ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ПО ПРАВУ ПАМЯТИ»

И.А. Королева,
Смоленский государственный университет,
д.ф.н., профессор; e-mail: innakor@mail.ru
Россия, г. Смоленск

В статье рассматривается ономастический уровень последней поэмы великого русского поэта А.Т. Твардовского. Проанализирована специфика употребления имен собственных в поэтическом тексте известным мастером слова, показаны характерные приемы введения именований в канву текста.

Ключевые слова: *А.Т. Твардовский; поэма «По праву памяти»; имя собственное; функция; специфика.*

В настоящей статье мы обращаемся к рассмотрению ономастики последней поэмы великого русского поэта, смолянина по рождению, Александра Трифоновича Твардовского, юбилей которого вся прогрессивная общественность отмечает 21 июня 2020 года. «По праву памяти», одно из самых трагических и глубоко покаянных произведений (1963–1969), автор хотел опубликовать на страницах своего любимого детища, журнала «Новый мир», но в 1969 году журнал был закрыт. Поэтому путь «в свет» поэма прошла нелегкий, однако Твардовский мечтал увидеть поэму изданной.

Память – одно из ключевых слов поэта. В последнем своем произведении он отдает дань прошлому, производит окончательный расчет со сталинизмом, с покаянным, очистительным чувством воссоздает истинный облик отца, как бы возвращает сыновий долг «по праву памяти живой».

Поэма привлекала и привлекает внимание литературоведов своей искренностью, высокой духовностью, зрелыми размышлениями Твардовского на вечные темы… [1 и др.]. Попробуем показать, какую роль имена собственные играют в воплощении замысла автора, как помогают ему сказать о сокровенном «так, как я хочу». Обратим внимание, что, за исключением первой главы, которая печаталась как самостоятельный текст, сама поэма надолго «задержалась» в пути: впервые полный текст был опубликован во втором номере журнала «Знамя» за 1987 год [2, с. 322].

Поэма состоит из трех глав и небольшого вступления публицистического характера.

Первая глава – «Перед отлетом» – практически лишена имен собственных: лишь однажды использован топоним Москва. Но здесь они и не нужны: главная тема, элегическая по тону, – тема предстоящего жизненного пути, открывающегося перед двумя молодыми сельскими юношами, один из которых – лирический герой, сам Твардовский. Однако даже местоимением «Я» он не обозначен: главные местоимения – «Ты» (собеседник), «Мы» (герой и его товарищ, причем часто реализуется обобщенно-личный оттенок), «Наши». Москва – это центр, куда стремятся юношеские мечты; Москва как бы противопоставлена родным местам, которые с радостью, с молодым задором покидают герои, тем не менее думая вернуться:

Москва, столица – свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижной,
Нас на побывку ждать должна [4, с. 311].

Ключевой является вторая глава поэмы – «Сын за отца не отвечает». Автор вспоминает о жестоких страницах своей судьбы сына раскулаченного и сосланного крестьянина, рисует образ отца, показывая его истинный облик хозяина, труженика, его рабочие руки, сетуя на несправедливость его доли… Параллельно Твардовский обращается к образу Сталина, которому беззаветно верил в молодые годы. Название главы – прецедентный текст, известное высказывание вождя, которое многим сначала казались верхом великодушия. На самом же деле этот тезис освобождал близких от нравственных обязательств друг перед другом, поощрял разрыв семейных и родственных связей, поощрял предательство [3, с.127].

В главе ключевым антропонимом является, конечно же, имя Сталин, но используется оно всего лишь однажды. Чаще всего встречаем именования «ОН», «отец народов», «отец родной», «вождь»:

Тот, кто для всех нас был одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным… [4, с. 313].

Сталин противопоставлен всем – даже Ленину и Калинину:

Не Ленин, даже не Калинин
Был адресат всея Руси… [4, с. 317].

Только Сталин решает все.

Показывая своеобразное противопоставление двух отцов, тем не менее Твардовский ни разу не называет Трифона Гордеевича по имени. Нам представляется это в определенной мере символичным. Отдавая уважение, сочувствие мужику-земледельцу, адресуя горький сарказм и осуждение вождю-отцу, Твардовский все же неотчетливо реализует личное покаяние перед родным отцом, замещая его коллективным покаянием, четко сформулированном в двух последних строках главы:

И длится суд десятилетий,
И не видать ему конца [4, с. 320].

Во второй главе есть несколько значимых топонимов, воспроизводящих эпоху: раскулаченных везут «куда-то за Урал», Сталин – «адресат всея Руси», заключенные собраны «под небом Магадана». Характерны реалии времени: хрононим Великий перелом, политоним Советская власть, Кремль, название горы Магнитка. Это знаменитые 30-е гг., трагические и незабываемые «по праву памяти».

Третья глава – «О памяти» – содержит всего три имени собственных. Два ключевых антропонима – Ленин и Сталин – и название литературного объединения Главлит.

Именно в этой главе подводятся своеобразные лирико-публицистические итоги размышлений о роли и месте Сталина в советской истории. Своим пафосом глава близка к главе «Так это было»

из поэмы «За далью – даль» [2, с. 323]. Именно поэтому центральным является единственное как бы обобщающее именование вождя – Сталин, употребленное после всех публицистических, очень личностных рассуждений о сталинизме и его последствиях:

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите –
Он богом был –
Он может встать [4, с. 324].

Так Твардовский отвечает на все отчетливее обозначавшееся в брежневскую эпоху стремление затенить, свернуть сталинскую тему.

Второй ключевой антропоним – Ленин – дважды употреблен в главе. Отношение к Ленину у поэта не претерпевает изменений – он пытается отделить его от Сталина. Об этом прямо свидетельствуют следующие строки:

Всегда, казалось, рядом был
Свою земную сдавший смену,
Тот, кто оваций не любил,
По крайне мере знал им цену.
…
Чей образ вечным и живым
Мир уберег за гранью бренной,
Кого учителем своим
Именовал о т е ц (разрядка Твардовского*) смиренно…*
…
И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна… [4, с. 323].

Здесь поэт употребляет свой характерный прием: сначала дается образное описание вождя, потом вводиться антропоним:

Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел… [4, с. 323].
…
И Ленин нас судить не встанет:
Он не был богом и живым [4, с. 324].

Ленин не несет ответственности за то, что сделал Сталин. Это разные имена.

Итак, мы проанализировали употребление имен собственных в поэме А.Т. Твардовского «По праву памяти». Подведем некоторые итоги.

Ключевыми являются антропонимы: это именования исторических лиц, основных фигур постреволюционной российской истории: Ленин (3), Сталин (2), Калинин (1). Ни одного «лишнего» именования в поэме нет, причем даже отец, память которому воздает Твардовский, не проименован. Автор полностью сосредоточен на теме оценки Сталина как вождя, на переосмыслении своих позиций по вопросу роли Сталина в советской истории. Поэт использует своеобразный текстовый прием: сначала идут оценочные описания личности вождя через штампы-советизмы, а потом как обобщение употребляется имя собственное, чем объясняется невысокая частотность личных именований.

Топонимов четыре, и все они характеризуют топос сталинского времени: Урал, Магадан, Москва (вневременная столица), Русь (использована древнерусская формула владельческого характера – «всея Руси» самодержец).

Все имена собственные других разрядов составляют ономастический фон, называют реалии времени: Советская власть, Великий перелом, гора Магнитка, Кремль, Главлит.

Таким образом, мы прочитали поэму через призму имен собственных, и нам представляется, что это дополнительный штрих к ее литературоведческому осмыслению. Трагедия народа, личная трагедия А.Т. Твардовского не могут оставить равнодушным.

Литература

1. Акаткин В.М. На высоте трагедии (О поэме «По праву памяти») // А.Т. Твардовский. Страницы творчества. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 320–341.

2. Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия. Рабочие материалы. – Смоленск: СГПУ, 2004. – 456 с.

3. Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Работы последних лет. – Смоленск: ООО Книжное издательство «Смядынь». – 2010. – 156 с.

Источники

4. Твардовский А.Т. По праву памяти // С именем Твардовского. – М.: Виагрус, 2001. – С. 307–324. Цитирование дается по указанному тексту.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ С ХРИСТИАНСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИРВИНА ЯЛОМА

Н.В. Кривошапова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
к.ф.н., доцент; e-mail: krivoshapova@spsu.ru
Молдова, Приднестровская Молдавская республика, г. Тирасполь

В статье рассматриваются наиболее яркие примеры лексем из перевода романа И. Ялома «Проблема Спинозы», содержащие сему ‘религия’. Высказывания героев и самого автора касаются больше христианской тематики и православия в частности. Интересно, с какой коннотацией эти лексемы используются в тексте перевода романа.

Ключевые слова: *лексема; сема; коннотация; высказывание.*

Ирвин Ялом – американский психолог и психотерапевт, доктор медицины, профессор психиатрии Стэнфордского университета и писатель. Является представителем экзистенциальной психологии – одного из направлений современной глубинной психологии. Автор нескольких романов о профессиональной деятельности психотерапевтов и истории психотерапии.

Наиболее ярко и очень своеобразно Ирвин Ялом затрагивает тему христианства в своем романе «Проблема Спинозы». На его основе проводилось наше исследования.

Роман был опубликован в 2012 году. В нем перед читателями предстают два совершенно разных персонажа – Альфред Розенберг и Бенедикт Спиноза. В одной главе мы узнаем о жизни Спинозы, в другом о жизни А. Розенберга. Эпохи переплетаются, повествование переключается с одного героя на другого. Данные персонажи жили в разное время. У них не могло быть ничего общего. Один был великим философом, другой – нацистским преступником. Но их судьбы неожиданно переплелись. Остановимся на любопытной истории Бенедикта Спинозы, благодаря которой тема религии раскрывается в романе.

Баррух де Спиноза родился в семье богатого еврейского купца Майкла Д'Эспиноса, бежавшего из Португалии от преследований инквизиции. Юному Спинозе удается выучить португальский, еврейский, испанский, голландский, французский и латинский языки. Начальное воспитание Спиноза получает в лучших еврейских традициях, в синагоге (высшее религиозное учреждение, созданное специально для изучения устного закона, главным образом Талмуда), ревностно изучает Талмуд. Мальчик учился как у учителей, отстаивающих традиционные взгляды, так и у прогрессивно мыслящих педагогов и поэтому имел многогранное мышление.

В школе Спиноза блистал талантами и обладал всеми необходимыми добродетелями, чтобы в будущем стать раввином. Большое влияние на Спинозу оказал еврейский вольнодумец Уриэл Акоста. На молодого Баруха руководители еврейской общины возлагали большие надежды, видя его будущим раввином и еврейским богословом. Спиноза учился в школе Франциска Ван Ден Эндена, где изучал античную литературу и философию, латынь, естествознание, изучал труды современных философов и стал приверженцем картезианской философии. Французский философ привлекал его своей свободой и требованием сомневаться во всем общепринятом, проверять и оправдывать все собственным умом. Здесь Спиноза начинает научно подходить к Священному Писанию. Найдя противоречия между древним и еврейским богословием, Спиноза выразил сомнение в догмате о сотворении мира, о душе и загробной жизни, о Священном Писании [3].

Лексемы с христианской семантикой в романе «Проблема Спинозы» звучат главным образом из уст самого Спинозы. Слово «Бог» находится в центре семантического поля «религия», которое особенно часто встречается в произведениях Ирвина Ялома:

«*Я не знаю иврита, но сегодня утром читал в синагоге испанский перевод святой Торы. Он полон чудес. Бог разделяет Красное море, он посылает казни египтянам… превращается*

в пылающий купол. Но почему все эти чудеса произошли именно тогда, во времена Торы? Скажите, вы оба – Время чудес прошло? Великий, всемогущий Бог лег спать? Где был этот Бог, когда моего отца сожгли на костре? И за что! Потому что он защищал священную книгу этого бога? Разве Бог недостаточно могуществен, чтобы спасти моего отца, который так боготворил его? Если да, то кому нужен слабый Бог? Или Бог не знал, что мой отец чтит его? Если да – кому нужен такой неведомый Бог? Или Бог достаточно силен, чтобы защитить его, но решил этого не делать? Если да – кому нужен такой равнодушный Бог?!

Самое полезное в жизни – это совершенствование познания или разума, и это высшее счастье или блаженство человека; ибо блаженство есть не что иное, как душевное удовлетворение, возникающее от созерцательного (интуитивного) познания Бога» [4].

Что примечательно, устами Ирвина Ялома Спиноза называет Бога исключительно Богом и больше ничего. Автор намеренно использует доминанту синонимического ряда – слово с самым общим значением, семантически самое простое, стилистически нейтральное, лишенное дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков, наиболее часто употребляемое. Не создатель, не Творец, не Всевышний и т.д., а именно Бог. Чтобы подчеркнуть отношение Спинозы к догмам религии, показать читателю, что философ поставил под сомнение истинность Священного Писания [2].

Синоним слова «Бог» встречается в тексте, но только в те моменты, когда главный герой цитирует Евангелие:

«*Господь близок ко всем, призывающим его, – Бенту оставил пару строк псалма сдавать и продолжал: “Господь – это хорошо для всех, и его щедрость, за все дела его... поверьте мне, сказал он, я могу найти много таких стихов, которые ясно говорят о том, что Бог дал всем людям равную долю ума и сердца... Якоб покачал головой и снова Бенту повернул внимание на него:" ты согласен с моим переводом, Иаков? Могу тебя заверить, что здесь сказано “ко всем”; здесь не сказано “ко всем евреям”»* [4].

Библию герой романа Ялома называет исключительно Библией:

«Библия не говорит нам, что мы, евреи, гордимся тем, что благословлены или что у нас больше радости, потому что другие не знают истинного счастья.

Мы должны различать, что на самом деле говорит Библия и что она утверждает, по мнению авторитетов.

Мы не можем понять Библию с точки зрения современного языка: мы должны читать ее, если знаем условности языка того времени, когда он был написан и составлен, а это произошло две тысячи лет назад...» [4].

Хотя слово «Библия» часто встречается в приведенном выше отрывке, Ирвин Ялом не заменяет его синонимами, такими как «Священное Писание» или «Слово Божье», что может сделать речь художественную речь более красочной. Он намеренно избегает этого, чтобы дать понять читателю следующее:

«Спиноза, обнаруживающий в Библии невысказанную, непоследовательную реальность и, если можно так выразиться, фактические ошибки, не считает эту книгу священной и богобоязненной. И эта позиция выражается нейтральной, сухой лексемой “Библия”» [4].

Напротив, Иаков, молодой человек, посланный развенчать вольную мысль, в споре со Спинозой благоговейно называет Библию священной книгой:

«*Я не понимаю, о чем ты говоришь! Они вытягивают из текста несколько слов или фраз, но игнорируют очевидный факт, что мы богом избранный народ. Священная книга говорит об этом время от времени!*» [4].

Еще одним ярким доказательством скупости Спинозы красноречии в отношении религии является слово «церковь», которое он использует, когда дело доходит до храма:

«– Господин директор, я не каждую неделю посещаю церковь. Я ... я перестал ходить туда.

– Мой отец говорит, что в жизни не переступал порога церкви» [4].

В каждой христианской церкви есть картина или витраж, изображающий распятие Иисуса.

Вы не найдете в тексте других пометок, заменяющих «церковь». Ни храм Божий, ни дом Божий, ни святилище, а именно эта нейтральная «церковь» [2].

Еще одна особенность использования лексем с христианской семантикой (например, «Бог» или «Святой», которые многие авторы используют в произведениях, далеких от религиозных тем) в романе Ирвина Ялома «Проблема Спинозы» заключается в том, что слова из этого смыслового поля используются строго по назначению, только когда речь идет о том, что касается религии:

«Ты говоришь, что ничто не отличает евреев от язычников? – Да, но не я это говорю, а святая Тора.

Евреи – не Богом избранный народ; они ничем не отличаются от других народов. Бог не испытывает к нам никаких чувств. Пророки представляли себе только свои пророчества. Священные писания не священны, они целиком и полностью суть творения человеческих рук и представлений. Слово Божье и воля – Божья – это вещи, которых нет. Книга Бытия и остальная часть Торы – это басни или метавозможности. Раввины, даже самые большие из них, не обладают особыми знаниями, а действуют только в собственных интересах...

– Отец Сары сказал, что эта дерзость подвергать сомнению Библию и нашу религию оскорбительна и опасна не только для евреев, но и для христианской общины. Библия также священна для вас!» [4].

В 1656 году еврейские активисты хотели отлучить его от церкви. Спасаясь от преследования, он жил в деревне и зарабатывал на жизнь шлифованием линз. Позже он переехал в пригород Гааги – Рейнсбург. Спиноза больше не посещает синагогу и в конце концов выражает чувство глубокой неприязни и антагонизма по отношению к иудаизму. Считается, что позже он извинился перед старцами этой церкви, в которой отстаивал свою позицию против православной религии. Однако некоторые исследователи считают, что никакого оправдания вообще не было принесено.

Слухи о том, что после изгнания из иудаистской церкви Спиноза обратился в христианство, имеют под собой мало оснований, однако латинское имя он себе оставляет. Несмотря на то, что Спиноза имеет тесные связи с христианской общиной и даже живёт в коллегиальном поселении, крещение он так никогда и не примет, а потому становится первым светским евреем современной ему Европы.

Таким образом, в творчестве Ирвина Ялома, как и у многих писателей, раскрывается тема религии, христианства. Религия изначально связана с литературой теснее, чем с другими видами искусства. Религиозные смыслы, как и всякие другие, существуют прежде всего в языке, одной из форм существования которого является художественная литература. В христианской традиции слову отводится особая роль («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1)). Священное писание, помимо прочего, литературный памятник, в значительной степени определивший пути развития евро-атлантической культуры и продолжающий на нее влиять. Словесность и религия изначально нерасторжимо взаимосвязаны [1].

Ирвин Ялом очень точно передал все сомнения Бенедикта Спинозы в правдивости Библии, отрицание ее святости посредством сухого, лаконичного, нейтрального употребления в тексте лексем христианской семантики.

Литература

1. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2001.
2. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 2001.
3. Чабан О. Утерянная связь времен: критика. – М., 2001.
4. Ялом И. Проблема Спинозы. – URL: https://www.labirint.ru/books/503071/

«ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ»: ОТ ФОЛЬКЛОРА (?) К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ

А.А. Кузнецов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, д.ист.н., профессор; e-mail: nalbuz@mail.ru

Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена бытованию художественного образа «звезда полей» в российской словесности. В статье показаны пути развития образа: 1) к стихотворению В.Н. Соколова; 2) через прозу К.Г. Паустовского к стихотворению Н.М. Рубцова; 3) к песне современного музыканта и исполнителя. Прослеживается влияние М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина на стихотворение «Звезда полей» Н.М. Рубцова. Выявляется новые факты влияния К.Г. Паустовского на творчество Н.М. Рубцова.

Ключевые слова: *«Звезда полей»; И.Э. Бабель; К.Г. Паустовский; В.Н. Соколов; Н.М. Рубцов; М.Ю. Лермонтов; С.А. Есенин; челн; сон; ночь; путь.*

Здесь пойдёт речь о ярком многослойном образе, который дала российская словесность XX в. Не только дала, но он в ней развивался, насыщался смыслами, порождал новые сюжеты. Это – «звезда полей». Свои известность и распространённость он получил благодаря одноимённому сти-

хотворению Н.М. Рубцова. Художественная сила этого произведения настолько велика, что, как само собой, сложилось общее убеждение: Н.М. Рубцов является первым и главным творцом образа «звезды полей».

При этом в поэтической, околопоэтической и профессиональной литературоведческой средах известно, что несколько раньше Н.М. Рубцова было написано стихотворение тверского-московского поэта Владимира Николаевича Соколова «Звезда полей» (1963 г.) и в первых его изданиях снабжалось посвящением Н.М. Рубцову. Сам же В.Н. Соколов нашёл «звезду полей» в цитате из «кубанской песни» в новелле «Песня» «Конармии» И. Бабеля [3]:

«Он…, зная, чем угодить мне, начал кубанскую песню.

‘Звезда полей, – запел он, – звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука...”

Я любил эту песню. Сашка знал об этом, потому что мы оба… услышали ее в первый раз в девятнадцатом году в гирлах Дона и станицы Кагальницкой.

Один охотник, промышлявший в заповедных водах, научил нас этой песне».

Итак, «звезда полей» появилась в художественной литературе в 1926 г. (выход «Конармии»). Песня из «гирл Дона» названа И.Э. Бабелем кубанской. В.Н. Соколов соотнёс её с «Тихим Доном»:

« ”Звезда полей, звезда полей над отчим домом
И матери моей печальная рука...”
Осколок песни той вчера за тихим Доном
Из чуждых уст настиг меня издалека».

Знание И.Э. Бабелем песни «Звезда полей» подтвердил и К.Г. Паустовский. В новелле «Мопассанов я вам гарантирую» книги четвёртой «Время больших ожиданий» «Повести о жизни» (первая публикация в №3–5 журнала «Октябрь» за 1959 год) читается:

«Гораздо раньше, чем из его напечатанных рассказов, мы узнали из устных его рассказов о… и услышали удивительные казачьи песни. Особенно одна песня поразила Бабеля, и потом в Одессе мы ее часто напевали, каждый раз все больше удивляясь ее поэтичности. Сейчас я забыл слова этой песни. В памяти остались только первые две строки:

Звезда полей над отчим домом,
И матери моей печальная рука...

Особенно томительной и щемящей была эта “звезда полей”. Часто по ночам я даже видел ее во сне – единственную тихую звезду в громадной высоте над сумраком родных и нищих полей».

На сегодняшний день ничего не известно об этой песне, её содержании. К.Г. Паустовский лишь дословно повторил «цитату» из песни, приведённую И.Э. Бабелем. Такие обстоятельства порождают мнение о мистификации И.Э. Бабеля – К.Г. Паустовского: «…не удалось обнаружить следов этой народной песни в интернете. А оставленное нам Паустовским воспоминание о том, как он с Бабелем якобы распевал эту народную песню, лишь вызывают улыбку. Профессиональный кудесник слова – Паустовский не смог вспомнить из горячо полюбившейся приятелям (Бабелю и Паустовскому) песни ни буквой больше, чем напечатано дважды в бабелевской коротенькой новелле… Скорее всего, перед нами любопытная литературная игра – мистификация Бабеля, в которую охотно включился и Паустовский..., талантливый прозаик Бабель сочинил самостоятельно эти две строки [3]. Скепсису можно противопоставить вышеприведённые сведения самого К.Г. Паустовского и поверить ему: для однозначного решения проблемы нет полновесных данных. Важным здесь является то, что впервые образ «звезды полей» встречается у И.Э. Бабеля, что подтверждает К.Г. Паустовский.

В.Н. Соколов «звезду полей» обрёл в «Конармии» И.Э. Бабеля, которого стали активно издавать после его реабилитации во второй половине 1950-х гг. Факт позднего по отношению к стихотворению В.Н. Соколова произведения Н.М. Рубцова «Звезда полей» является основой самого распространённого объяснения. Н.М. Рубцов, прочитав стихотворение В.Н. Соколова, посвящённое ему, был очарован образом «звезды полей» и написал ответное стихотворение с таким же названием, с посвящением В.Н. Соколову. Эта была первая редакция рубцовской «Звезды полей» (№8 журнала «Октябрь» за 1964 г.). По смыслу, визуализации одноимённые стихи Соколова и Рубцова суть разные и объединены лишь названиями и взаимными посвящениями. Затем поэты поссорились и сняли посвящения друг другу. Тем более у Н.М. Рубцова в сборнике «Звезда полей» (1967 г.) было опубликовано стихотворение «Звезда полей» во второй и окончательной редакции. Оно являло собой законченное, цельное самостоятельное произведение, превосходившее творение В.Н. Соколова. Такая версия основана на устных воспоминаниях и слухах. Однако есть и другое объяснение, тоже построенное на «устной истории». В.Н. Соколов и Н.М. Рубцов независимо друг от друга создали стихотворения с одинаковыми названиями. Узнав об этом, они издали их с взаимными посвящениями друг дру-

гу. Принять то или иное объяснение не представляется возможным из-за недостатка данных. Но эта проблема выводит на вопрос: «А чем вдохновлялся Н.М. Рубцов при создании уже первой редакции «Звезды полей»?». Его текст не зависит не только от текста В.Н. Соколова, но и от того, как переживал это образ И.Э. Бабель.

Надмирные и ночные беспокойство, томление, исходящие от «звезды полей», что передавал Н.М. Рубцов уже в первой редакции, есть и у К.Г. Паустовского, писавшего о песне И.Э. Бабеля. Эти эмоции доводили К.Г. Паустовского до частых снов с одинокой звездой над «родными и нищими полями». Художественное освоение переживаний образа «звезды полей» К.Г. Паустовским представлено ещё в одном его произведении, которое пока не было учтено при изучении творчества Н.М. Рубцова.

В 1948 г. в номерах журнала «Огонёк» публикуется «Повесть о лесах» К.Г. Паустовского (с 1949 г. она начинает издаваться отдельно). В её главе «Мать и дочь» образ «звезды полей» играет важную роль. Он присутствует в полудрёме героини: «Ночь тускло светила в окна» – героиня думает о том, что такое счастье – для его полноты «нужно что-то ещё», «простое, привычное» и «всё же удивительное» – засыпая, она чувствует, что оно происходит, и догадывается, что это «слабый синий блеск на стекле, всё время переливающийся и падавший откуда-то издалека» – героиня догадывается, что «у оконного переплёта спокойно горит звезда» – «*Звезда полей*, – думала она. – Путеводная звезда» – во сне героиня под звездой идёт по луговой дороге в маленький глухой городок к своему любимому человеку, поэту, спящему в гостинице – «Он загорелся и погас в русской ночи, как пламень падучей звезды» – героиня стоит у гостиницы и переживает, что поэт никогда не узнает силы её любви, потому что он «убит на дуэли под Пятигорском» – «Но если бы он был жив» [2, с. 73–74].

Мотивы сна родины (земли) и явления звезды, освещающей родину и всю землю, «тревожных жителей» (вторая редакция стихотворения Н.М. Рубцова), городов («чужих» – первая редакция, «вдали» – вторая редакция), пути или странствий – всё это роднит прозу К.Г. Паустовского и более позднюю поэтику Н.М. Рубцова. Это наблюдение позволяет склониться к версии о независимости создания стихотворения Н.М. Рубцовым. Как вариант, можно предложить следующее: Н.М. Рубцов находился под сильным впечатлением от отрывка из «Повести о лесах» и, познакомившись со стихотворением В.Н. Соколова, дерзнул использовать образ «звезды полей» для высказывания своих мыслей, переживания, оттолкнувшихся от смыслового наполнения его К.Г. Паустовским.

Н.М. Рубцов и К.Г. Паустовский могли общаться и очно. Несмотря на то, что они «разминулись». В 1962 г. Н.М. Рубцов поступил в Литинститут, а К.Г. Паустовский перестал там преподавать, но посещал его, общался со студентами, возможно, и с Н.М. Рубцовым (сведение С.Н. Пяткина). Это предположение можно подтвердить и тем, что взятые из аннотированного выше микротекста К.Г. Паустовского темы и сюжеты Н.М. Рубцов использовал и развивал в других своих, порой очень значимых, стихах.

Н.М. Коняев, интерпретируя известное рубцовское стихотворение «В горнице» (первая редакция «В звёздную ночь (сон))» (1965), отталкивается от противоречий образов с реальностью: в горнице светло от ночной звезды, неожиданный образ гниющей лодки (её потом будет чинить автор до ночной звезды), красные цветы в садике… [1, с. 211–213]. Но тусклый свет ночи в окнах читается уже у К.Г. Паустовского, а в первой редакции стихотворения настойчив мотив сна под звездой, того самого сна, что рождает грёзы героини К.Г. Паустовского, что «окутал родину мою» в «Звезде полей» Н.М. Рубцова. Образ гниющего старого челна тоже обнаруживается у К.Г. Паустовского – в рассказе «Старый челн» (1939 г.). Он – ровесник своему владельцу-деду – вытащен на берег, рассохся, сквозь него проросли цветы (в том числе и розовый кипрей, который мог повлиять на «красные цветы» в стихах Н.М. Рубцова). Дед отказывается пустить челн на дрова («Челн этот – одна труха, а в каждом пазу цветок тянется… Может, и от меня, от старика, тоже для жизни… полезность случится»). Есть в рассказе и полудремотный сон героини под звёздным небом, когда её везут на телеге.

В 1965 г. Н.М. Рубцов создаёт стихотворение «Дуэль». Его герой Лермонтов после промаха противника зевнул и отбросил пистолет. Здесь развивается линия, обозначенная у К.Г. Паустовского, когда героиня думает про М.Ю. Лермонтова, «если бы он был жив».

В 1964–1965 гг. в творчестве Н.М. Рубцова появляются стихи – «Звезда полей», «В горнице», «Дуэль», в которых разрабатываются образы, сведённые К.Г. Паустовским в главе «Мать и дочь» «Повести о лесах» и в рассказе «Старый челн». Ночь, ночной свет, исходящий от звёзд (звезды полей), спящая родина/земля, рассохшаяся лодка как залог новой жизни и даже судьба М.Ю. Лермонтова. Всё это позволяет говорить о серьёзном воздействии прозы К.Г. Паустовского на самостоятельное творчество Н.М. Рубцова, нежели это представлялось раньше. Образы, темы сюжеты

К.Г. Паустовского оказались настолько созвучны Н.М. Рубцову, что проявились в его значимых стихах «Звезда полей», «В горнице».

Возможно, что на почитаемого поэта М.Ю. Лермонтова Н.М. Рубцов взглянул вторично глазами К.Г. Паустовского, через его отрывок о «Звезде полей». И благодаря посредничеству К.Г. Паустовского на чёткость и завершенность образов «Звезды полей» повлияло стихотворение М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу»: тихая ночь, звезда с звездою, «спит земля в сияньи голубом», лирическому герою больно и трудно, он ищет свободы и покоя, хочет забыться и заснуть… И, как в стихотворениях Н.М. Рубцова и в прозе К.Г. Паустовского, у М.Ю. Лермонтова здесь отсутствует ночное светило – Луна. Сияющая светом ночь у всех трёх авторов порождена звёздами или даже ночной/путеводной/полей (у К.Г. Паустовского и Н.М. Рубцова) одной звездой. Её лучи охватывают всю спящую землю.

При таком серьёзном и значительном влиянии К.Г. Паустовского на образ «звезды полей» у Н.М. Рубцова определяется и воздействие поэтики С.А. Есенина. Его стихотворение «Гори, звезда моя, не падай» (1925 г.) полно проявилось во второй редакции «Звезды полей» в ряде символов второй редакции «Звезды полей». Мотивы есенинских строк:

«Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.
И, голову вздымая выше,
Не то за рощей ***– за холмом***
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.
И ***золотеющая осень,***
В березах убавляя сок…» –

угадываются во втором катрене стихотворения (второй редакции!) Н.М. Рубцова «Звезда полей» и порождают новые образы:

«Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо ***за холмом***
Она горит над ***золотом осенним,***
Она горит над зимним серебром...»

Готовя вторую редакцию «Звезды полей», Н.М. Рубцов уже был знаком с посвящённым ему стихотворением В.Н. Соколова. Стихотворением, восходящим к песне от «И.Э. Бабеля». Оба они – и песня, и стихотворение В.Н. Соколова – начинаются словами «Звезда полей над отчим домом». Присутствие «отчего дома» в стихотворении С.А. Есенина замыкает сложный путь развития образа. Н.М. Рубцов же отказался от использования «отчего дома». Само стихотворение С.А. Есенина по названию и лейтмотиву отсылает к романсу «Гори, гори, моя звезда», автором слов которого был студент юридического факультета Московского университета Владимир Чуевский.

Поэтическая «генеалогия» стихотворения Н.М. Рубцова «Звезда полей» представляется следующей: возможно существовавшая песня – «звезда полей» И.Э. Бабеля, сохранённая К.Г. Паустовским, – «звезда полей» «Повести о лесах» К.Г. Паустовского – «Звезда полей» Н.М. Рубцова. На последней стадии большое влияние оказали стихотворение М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и С.А. Есенина «Гори, звезда моя, не падай». Второе непосредственно сводило стихотворение Н.М. Рубцова со «звездой полей» И.Э. Бабеля и опосредованно – с традицией романса «Гори, гори, моя звезда». Однако главным источником вдохновения Н.М. Рубцова оказывается небольшой фрагмент «Повести о лесах» К.Г. Паустовского. Плотность его смыслов оказалась настолько велика, что распределилась ещё по нескольким стихотворениям Н.М. Рубцова 1964–1967 гг. Поэтому 1962–1964 годами надо датировать освоение Н.М. Рубцова «Повести о лесах» К.Г. Паустовского. Стихотворение Н.М. Рубцова «Звезда полей» на сегодняшний день оказывается доминирующим в восприятии этого образа.

Направление, идущее прямо от И.Э. Бабеля к В.Н. Соколову, оказывается полузабытым, хотя некоторое влияние на Н.М. Рубцова оно оказало.

В начале XXI в. наблюдается рождение ещё одной линии развития образа «звезды полей». В 2009 г. севастопольский поэт, музыкант, певец Владимир Иванович Губанов сочинил стихи, начинающиеся и завершающиеся словами «Звезда полей над отчим домом и матери уставшая [так!] рука». Лейтмотив песни – расставание и разлученная «перронами» и «лагерями» трагичная любовь в XX в.

В.И. Губанов опубликовал стихотворение в сборнике своих стихов и исполняет его а капелла и под гитару (разная музыка). Кроме того, это произведение исполняется и профессиональной певицей Севастополя. Из письма В.И. Губанова А.А. Кузнецову от 03.02.2021: «*Песня "Моя звезда полей" ... моего сочинения… Сочинил я эту песню, вдохновившись двухстишием, встреченным в прозе И. Бабеля и К. Паустовского. Есть книга моих стихов, в которой данный стих опубликован с примечанием: такие-то слова встречаются в прозе И. Бабеля… Также сочинил я эту песню, потому что вдохновился известной песней «Ванинский порт», которая завершается словами "… но ты меня не узнаешь" (кажется, так). Отголосок сюжета "Ванинского порта" в моей песне присутствует*». Образ «Звезды полей», появившийся у И.Э. Бабеля, оказывается весьма отзывчивым и к личностному измерению трагедии сталинского СССР.

Литература

1. Коняев Н.М. Николай Рубцов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 395 с.

2. Паустовский К.Г. Повесть о лесах // Паустовский К.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 6–163.

3. Рагулин Илья. Звезда полей. Рубцову. – URL: https://proza.ru/2013/01/27/1200

Автор выражает признательность и благодарность поэту и музыканту *Владимиру Ивановичу Губанову* (Севастополь), доктору филологических наук, профессору *Сергею Николаевичу Пяткину*, поэту, литературному критику *Григорию Викторовичу Шувалову* (Москва) за ценные советы, замечания и предоставленные материалы. Без них это исследование не состоялось бы.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА И ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РОМАНЕ А. СЕГЕНЯ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»

Ю.А. Курдин[1], А.М. Искаков [2]

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,

[1]к.ф.н., доцент; e-mail: yukurdin@mail.ru

[2]студент; e-mail: artem.iskakoff@yandex.ru

Россия, г. Арзамас

В статье рассматриваются основные языковые средства, благодаря использованию которых А. Сегенем был создан исторический колорит и образ Александра Невского в романе «Александр Невский – солнце земли Русской». Анализируются такие языковые средства, как антропонимы и топонимы.

Ключевые слова: *Александр Невский; Александр Сегень; антропоним; топоним; язык; исторический образ.*

В историческом романе А. Сегеня «Александр Невский – солнце земли Русской» для воссоздания колорита эпохи используются разнообразные языковые средства, например, антропонимы и топонимы.

Одним из способов исторической стилизации является использование антропонимов – имен собственных, характерных для данного исторического периода. Роман является историческим, а имена собственные в нем соответствуют именам реально существовавших исторических личностей.

Период с XI по XIII век ознаменован «борьбой» исконно славянских имен с византийско-греческими. Он характеризуется использованием канонических имен при явном функциональном господстве неканонических имен и традиционных формул наименования.

Имена собственные в романе можно классифицировать по различным основаниям:

1. Имена русских людей (канонические и неканонические) и имена иноземцев (зарубежные). Данное деление обусловлено тем, что в тексте представлены имена, не принадлежащие славянским народам. Это имена татарских ханов (Угадай, Батый и проч.), имена рыцарей-крестоносцев (Андреас фон Вельвен, Герман фон Зельц, Эрих фон Винтерхаузен и проч.).

К каноническим именам относились, прежде всего, имена духовенства и святых, почитаемых православной церковью: инок Алексий, игумен Исидор, Исаакий Далматский, монах Феодор, Александр Фракийский, Борис, Глеб, игумен Иадор, митрополит Иосиф, дьякон Мартирий, монах Авраамий, старец Пергий, старец Меладий, Роман Сладкопевец, монах Кирилл, монах Феодор, Иоанн Креститель, Иосиф Обручник, инок Василий, апостол Павел, Симеон Столпник, епископ Митрофан,

инок Симон, архистратиг Гавриил, епископ Меркурий, преподобная Евфросиния, архиепископ Спиридон, монах Роман, священник Николай. Данные имена собственные всегда определяются как канонические – они давались при крещении каждому человеку, это было имя, которое встречается в святцах. Если человек принимал монашеский постриг, ему давалось новое имя, что также соответствует каноническому варианту.

К каноническим именам также относятся имена Александр Ярославич, Феодор Ярославич, Филипп Нянька, Михаил Всеволодович, Александра Брячиславовна, Савва, Борис Всеволодович, Глеб Всеволодович, Димитрий Раздал, Меркурий (воин), Андрей Ярославич, Феодосия Мстиславовна, Константин Ярославич, Михаил Ярославич, Афанасий Ярославич, Мефодий Михайлов, Василий Александрович, Федор Данилыч, Иван (Ванюша) Тур, Глеб Владимирович, Никита Переяска, Игорь Святославович и проч. Эти люди не принадлежат к духовенству, но в обиходе пользуются данными именами, которые получили при крещении. В данных примерах мы говорим о первой части составного имени, вторая часть представляет собой отчество или неканоническое имя.

В тексте встречаются также собственно русские имена, которые представлены не реже, чем канонические. В тексте можно выделить следующие имена: Мстислав Галицкий (образовано от основ слов др.-рус. мстити – «мстить (наказывать, защищать)» + слава со значением «славный защитник»), Юрий Всеволодович (фонетический вариант имени Георгий) (встречается также вариант имени Юрги, которое было распространено на Руси в XIII веке), Брячислав Изяславович (от древнерусских слов «брячи» – бряцать и «слав» – слава, славить), Сбыслав Якунович (прославившийся, снискавший славу), Ратмир («войско мира» или «миротворец»), Мечеслав (имя состоит из двух корней – меч- и – слава- или славный воин), Ратислав («рад славе» или «родной славе»), Твердислав (имя имеет древнеславянское происхождение и означает «утверждающий славу») и проч. [4]. Такие имена встречались в этот период наряду с каноническими.

Русские имена в романе, как уже отмечалось ранее, соответствуют именам исторических личностей XIII века. Их можно разделить на имена канонические (имена, которые были заимствованы из греческого языка) и неканонические (имена, которые имели восточнославянское происхождение.)

Другая группа имен – имена иноземцев (зарубежные). Их тоже можно условно разделить на две группы: пришедшие имена с Востока (Батый, Угадай и проч.) и западные имена (к этой группе относятся имена всех западноевропейских рыцарей): Андреас фон Вельвен, Герман фон Зельц, Эрих фон Винтенхаузен, Габриэль фон Тротт, Йоген фон Кюц – Фортуна, Габриэль фон Лирберг, Ингреда, Кнут Абель, и проч.

2. Следующее основание классификации – имена мужские и имена женские. Женские имена представлены в романе в каноническом варианте: первохристианка Фекла, Александра Брячиславовна, Аннушка, Евпраксия, Феодосия Мстиславовна, Евфросиния Михайловна, Мария (Маша, Маруся), Евдокия, Ольга (Оля), Алена (Елена) Петровна, Алена (Елена) Мечеславовна.

В романе А. Сегеня обозначен процесс «наименования» ребенка. У каждого человека было минимум два имени. Одно из них давалось при рождении. Это могло быть каноническое и неканоническое имя. Второе имя давалось ребенку при крещении и было только каноническим. Так Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, имел второе имя – Фёдор, полученное им при крещении; сам Александр Ярославович при рождении получил имя Исаакий, а его сын Василий при рождении, так как родился в рождественскую ночь, получил имя Звездислав.

«...Вот уже сколько времени прошло с тех пор, как в Рождественский праздник родился их милый Василько. В честь звезды Вифлеема дали ему родильное имя Звездислав, а святое крещение Новгородский архиепископ Спиридон вершил через неделю, первого января, в день Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской...» [5, с. 130].

Использование имени, данного при рождении или полученного во время таинства крещения, в повседневной жизни зависело от происхождения человека. Чаще всего княжеские дети и дети знатных родителей носили канонические имена, данные им при крещении. В обиходе также пользовались вариантами этих имен. Другие же люди пользовались чаще именами, данными при рождении. Так мы встречаем имена Ратмир, Изяслав, Брячислав, Сбыслав и проч. Эти люди имеют каноническое имя, данное им при крещении, но не пользуются им в повседневной жизни. Приемный сын Саввы (отрок Александра по прозвищу Топор) имеет крестильное имя Алексей, но пользуется другим, данным ему при рождении – Ратмир.

Приведем пример из текста:

– Как звать-то тебя?

– Цудной ты, отрок! – ответил он сердито. – Сам спрашивал, а сам опять спрашиваешь. Мишка же я!

– Мишка-то – сие я помню. А полностью как?

– А угадай.

– Полагаю, ты Михаил, аки наш славный витязь Миша Дюжий.

– Нет.

– Тогда, стало быть, Мечеслав?

– И не Мечеслав никакой.

– Ну, тогда у меня сил больше нет угадывать.

– Эх ты! Ратмишка я. А по-взрослому – Ратмир [5, с. 327].

Стоит также обратить внимание на появление прозвищ, которые употребляются вместе с именем. Из этих прозвищ могли возникать в дальнейшем фамилии. Прозвище давалось в соответствии с какой-либо отличительной чертой человека. Так, Александр получает своё прозвище Невский за свою доблесть и отвагу, проявленные во время сражения на реке Неве. Яков, ловчий князя, получает прозвище Свистун за своё умение превосходно свистеть Именно Яков своим свистом будит воинов Биргера, предваряя неожиданное наступление войск Александра. За свою силу получают прозвища Миша Дюжий и Ванюша Тур. За своё умение ездить верхом Елисей получает прозвище Ветер. Благодаря своему умению орудовать топором получает прозвище и Савва, отрок Александра. Его называют Савва Топор. Но не только за воинские заслуги люди получали свои прозвища. Так деда Александра Невского, Всеволода прозвали Большое Гнездо, так как у него было очень много детей.

Обращает на себя внимание ещё один момент, связанный с именами собственными. Это формы имени собственного, которые употреблялись в обиходе. Сам князь Александр Невский имеет несколько вариантов имени и отчества, которые применяются в разных ситуациях разными людьми. Александром Федоровичем его называют некоторые священнослужители и монахи, так как крестильное имя его отца – Федор. Мать Александра называет его Саша, Исашенька, Исашка (при рождении ему было дано имя Исаакий), Алексаша, Сашуня, Алесаня. Жена Александра называет князя Леско, как и новгородцы. *«…Много было странностей в Новгороде. Вот хотя бы взять то, как Александра тут называли. Матушка звала Сашуней, новгородцы в обиходе именовали его Леско или Садко…»* [5, с. 127]. Приближенные князя называли его Ярославичем, или Славичем. Примеров такого обращения к князю много. Так, раненый княжеский отрок Савва вспоминает свою встречу и разговор с Александром: *«Потом ты, Славич, стал мне рассказывать о битве, а когда я спросил тебя, кто погиб, ты отвел взор свой и, не желая меня огорчать, ответил, мол, еще не подсчитывались потери.*

– Брось, Славич! Неужто ты ни одного с нашей стороны павшего не приметил? Говори уж» [5, с. 490].

Также варианты имен присутствуют у многих героев романа. Александру Брячиславовну называют Саночкой. В тексте к ней так обращаются довольно часто. Например: *«Ты, Саночка, и впрямь так плачешь, будто ни в какое замужество не хочешь, а говорила, что тебе Ярославич смерть до чего люб, – закончив песню, сказала Малаша…»* [5, с. 90]. Также встречаются варианты имени Сбыслава Якуновича (Сбыславка, Быся), у Саввы (Савка, Саввушка, также он называет себя Саввой Юрьевичем *«Кому Савка, а кому Савва Юрьевич»*), у Ратмира (Ратмирка, Ратко, Ратша, Ратмирище), у Андрея Ярославовича (Андрюша, Анреяшечка, Яндрейко Ярославич). У подруг Александры также есть просторечные варианты имен *«…С нею были подруги – Евпраксия, Пелагея и Мелания, а если проще – Апракса, Палаша и Малаша…»* [5, с. 89].

Варианты имени могли даже стать основными, вытесняя полное имя. Так, например, из Михаила, воин превратился в Мишу Дюжего, из Ивана – в Ванюшу Тура.

Ещё одним способом исторической стилизации является использование в тексте романа топонимов, характерных для данной исторической эпохи. Говоря о топонимах, обратимся для начала к определениям термино «топонимика» и «топонимия».

Так, Попов А.И. в своей работе «Географические названия (введение в топонимику)» определяет топонимику как науку о происхождении и исторических изменениях географических имен, «т.е., названий местностей, селений, городов, рек, озер, гор, лесов и т.д.» [3, с. 7]. Термин «топонимика» (как и «топонимия») имеет греческое происхождение и состоит из следующих греческих корней: «топос» (место) и «онома» (имя). Иными словами, топонимика – наука об имени места или наука о названии места. Большинство словарей дает определение топонима как имени собственного

определенного географического объекта. Топонимика изучает название географического объекта «со всех сторон».

Многие ученые признают, что изучение топонимики как науки началось очень поздно, лишь в XIX веке. До этого времени встречались лишь заметки, которым не хватало теоретической базы. В.Д. Бондалетов в своей работе «Русская ономастика» отмечает, что упоминание восточнославянских топонимов встречается в сочинениях Константина Багрянородного, византийского императора. В его трудах упоминаются следующие города: Новгород (Великий Новгород), Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышеград, Куява (более известный как Киев). Эти города встречаются в древнейших русских летописях, на старых картах.

По мнению исследователя, авторы летописных повествований пытаются в отдельных случаях дать обоснование происхождению топонимов, связывая их с той или иной личностью или особенностями личности (ср. имена легендарных основателей Киева: Кий, Щек, Хорив – и топонимы Киев, а также Щековица, Хоревица) [1, с. 164]. Однако говорить о достоверности данных толкований происхождения нельзя, так как они не имеют объяснений и оснований, которые могут быть признаны наукой. Это является одной из гипотез.

Исследование топонимики как области научного знания, как уже отмечалось ранее, началось лишь в XIX веке. Начало её изучению положил А.Х. Востоков своей статьей «Задачи любителям этимологии». В частности, он отмечал, что со временем имена городов могут изменяться, что и происходило уже неоднократно, но имена определенных городов остаются неизменяемыми. Анализируя данную работу, В.Д. Бондалетов отмечал, что в качестве примеров устойчивости названий А.Х. Востоков приводит древнейшие города России: Киев, Новгород, Смоленск, Полотск (Полоцк), Ростов, построенные славянами, от них получившие имена свои, ещё и теперь неизменившиеся [1, с. 166].

Э.М. Мурзаев роль топонимов в человеческой жизни характеризует следующим образом: «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Всё на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, страна – всё имеет свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к новому, всё расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке» [2, с. 24].

В.Д. Бондалетов также писал, что «географическое название – это и адрес населенного пункта, и его история, и источник научной информации, и предмет гордости, поэтического воспевания и эстетического наслаждения человека» [1, с. 183].

Существует множество различных способов классификации топонимов, однако ни одну из них нельзя считать полной, так как они охватывают лишь часть топонимов, не давая полноценной их характеристики. Топонимы в тексте романа Александра Сегеня «Александр Невский – солнце земли Русской» по своему происхождению являются исконно русскими или заимствованными, также встречаются топонимы иноязычные, обозначающие западноевропейские города. Также встречаются названия русских городов, которые либо находятся в данный момент в составе других стран, либо имеют иное название.

В рассматриваемом романе топонимы являются одним из средств исторической стилизации. Они представлены в нескольких вариантах. Все топонимы можно разделить на три группы: топонимы, встречающиеся во время хождения инока Алексия в Святую Землю; собственно русские топонимы и зарубежные топонимы.

К первой группе относятся топонимы, находящиеся в части, повествующей о хождении инока Алексия в Святую Землю. К ним относятся такие топонимы как Иерусалим (на Руси название города Иерусалим получило свой вариант – Русалим), Антиохия, Влахерны, Вифания, Царьград. Двигаясь из Переяславля – Залесского в Иерусалим, то есть с севера на юг, инок Алексий посещает такие города как Ревель, Москва, Калуга, Чернигов, Колывань. Использование данных топонимов позволяет расширить географию романа, а также дает представление о русских и зарубежных топонимических объектов рассматриваемого исторического периода (XIII век). Эти топонимы являются одним из способов исторической стилизации.

К группе данных топонимов относятся названия не только городов, но и других географических объектов.

Вторая группа представляет собой топонимы, бытовавшие на Руси. Эти топонимы – названия деревень (Любодол, Соколово, Грачи, Лебядино и др.), городов (Торопец, Колывань, Новгород (Великий Новгород), Нижний Новгород, Городец, Москва, Чернигов, Галич, Киев и др.), озер

(Клещино озеро, Селигерское озеро, Чудское озеро (Ладожское озеро), Ильмень-озеро и т.д.), реки (Калка, Дон, Сити, Ока, Нева, Ижора и др.). В тексте данные топонимы определяют географию важных для страны местностей. Названия этих географических объектов являются исконными, т.е. этимологизируются исконно русскими корнями или бытовали задолго до принятия христианства.

К третьей группе относятся зарубежные топонимы, нашедшие отражение в романе. Это Рига, Стокгольм, Альдегабург и т.д. Использование данных топонимов также отражают реалии XIII века.

Все три группы топонимов используются автором в вариантах, бытовавших в XIII веке. Использование подобных форм топонимов является одним из способов исторической стилизации и одним из средств создания исторического колорита.

При введении топонимов в текст романа автор употребляет названия многих из них в двух вариантах: в русском и западноевропейском (в основном, немецком). Так, у города Новгорода присутствует несколько вариантов названий (Великий Новгород, Господин Великий Новгород), среди которых встречается и такое, как Хольмград. То же самое можно сказать и о Переяславле, имевшем и другой вариант имени – Переслау, о Пскове, получившем имя Плескау, о Смоленске, носившем также имя Шмоленгс. Иной вариант названия имели также реки, озера и прочие географические объекты, в частности, река Омовежа называется Эмбах (Эмбайнги). Вся Русь на тот момент имела особое название – Гардарика.

Особую группу топонимов составляют названия православных монастырей и храмов: Борисоглебская обитель, монастырь Святого Георгия, монастырь Михаила Архангела, Юрьев монастырь в Новгороде, Печерская лавра, храм Святой Софии, храм Иоанна Предтечи и проч. Эти топонимы не являются характерными признаками местности (если не указывается название конкретной местности, например в Новгороде, или храм Гроба Господня и т.д.), названия сходны. Данные топонимы не имеют аналогов своих названий в тексте, так как они относятся не к конкретному месту, конкретному географическому объекту, стране, а к вероисповеданию, к византийской, восточной ветви христианства – православному христианству, тогда как большинство европейцев принадлежали к западной, латинской ветви христианства. Данные топонимы не являлись частью западноевропейской культуры, а значит, не имеют для них никакой ценности. Если брать во внимание тот факт, что латинские послы предлагали Александру Невскому военную поддержку в борьбе с монголо-татарами, а взамен они требовали крестить Русь по обычаю католической церкви, можно сделать вывод, что данные географические объекты, согласно планам рыцарства, должны были прекратить своё существование. В тексте романа подобные топонимы рыцарством не упоминаются.

В тексте также присутствуют примечания, в которых А. Сегень дает краткую справку о том или ином географическом объекте или исторической реалии, нашедших отражение в романе.

Например, о городе Колывань говорится следующее: «Колывань (т.е. колыбель) – исконное русское название Таллина. Датчане называли Колывань «Линданисе», т.е. «датский город», потом они же дали иное наименование – Ревель, просуществовавшее с XIII века до 1917 года, когда большевики переименовали город в Таллин» [5, с. 502].

В тексте романа город носит оба названия, что позволяет говорить о функционировании в речи и сравнительно нового названия – Ревель – и старого, уже привычного многим – Колывань. Замена одного названия на другое не обуславливается ничем, кроме индивидуального выбора человека.

Также довольно большой комментарий приводит автор, говоря о городе Дерпт. Александр Сегень отмечает следующее: «Дерпт – Юрьев (1030–1224), Дарбете, впоследствии Дерпт (с 1224 по 1893), в 1893 году Александр III вернул городу русское название «Юрьев» (по христианскому имени основателя этого города Ярослава Мудрого), а с 1919 года и по сей день он называется «Тарту»» [5, с. 504]. В тексте романа встречаются оба варианта наименования города, что позволяет увидеть исторический процесс смены названия города.

Ещё одним топонимом, о котором автор романа дает подробные сведения, является Псков. «Плескау, или Плескове – так Псков называли немцы. Развивая свою политику жизненного пространства для германской нации, столь знакомую нам по событиям 1941–1945 гг., они дали свои наименования всем без исключения географическим понятиям Руси, которая должна была со временем принадлежать немецкому народу» [5, с. 506].

Таким образом, можно делать вывод, что одним из способов стилизации в тексте романа А. Сегеня является использование топонимов, бывших в употреблении в XIII веке. Топонимы используются автором для создания исторического колорита и воссоздания как внешнеполитической, так и внутриполитической ситуации. Показывая реально существовавшие и доныне существующие города, автор претендует на достоверность информации, приведенной в романе, а использование

статей о некоторых городах и реалиях данного периода усиливают эффект. Автор использует по большей части топонимы, относящиеся к северо-западной Руси – это не только места воинской славы Александра Невского, но и стратегически значимые территории, надежная оборона которых была важна для сохранения целостности страны, а также, для дальнейшего её развития.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что А. Сегень, претендуя на достоверность изложения событий, в своем романе «Александр Невский – солнце земли Русской» использует антропонимы и топонимы как главные языковые средства создания исторического колорита и образа святого праведного князя Александра Невского.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Мурзаев Э.М. География в названиях. – М.: Наука, 1979. – 168 с.
3. Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. – М.-Л.: Наука, 1965. – 181 с.
4. Происхождение и значение русских личных имен. – URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55262/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 04.02.2021).
5. Сегень А.Ю. Солнце земли Русской: исторический роман о Невской битве. – М.: Сибирская Благозвонница. – 2007. – 656 с.

ГЕРОЙ «ПОД НИКОМ», ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

Е.В. Маринова
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
д.ф.н., профессор; e-mail: marinova@list.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Рассматриваются особенности выбора имени персонажа в произведениях современных авторов в тех случаях, когда в качестве единственного (или второго) имени героя писателем избирается ник. Такой приём становится весьма распространённым литературным приёмом и выполняет различные художественные функции.

Ключевые слова: *оним; художественная ономастика; текст; сетевое имя; онимотворчество.*

Безымянность человека лишила бы его полноты коммуникации..,
адресности выражения мыслей и чувств, соотнесенности их…
с конкретным человеком – одним словом, полноты жизни и памяти.
Л.А. Климкова

В формировании художественного смысла литературного произведения важную роль играют имена собственные (впрочем, также как и их полное отсутствие). Выдающиеся филологи Ю.Н. Тынянов, Ю. М. Лотман и др. отмечали разные аспекты этой роли как в поэтическом, так и в прозаическом произведении. В современной лингвистике художественная, или литературная, ономастика по-прежнему активно изучается.

Мы остановимся на лингвистической составляющей этого вопроса, а именно покажем некоторые **новые явления** в «онимотворчестве» современных прозаиков, связанные с изменениями в языковой среде в эпоху интернета.

Прежде всего можно заметить, что у литературных героев, как и у современных интернет-пользователей, нередко появляется второе, **сетевое имя**, или **ник** (варианты *никнейм/ник-нэйм* используются реже, чем *ник*). *Ник* можно *выбрать, взять, поменять* или *сменить, иметь, ввести*. На *ник* можно *кликать, перелогиниться*; *ником* можно *подписываться*; *за ником – скрываться.* Все эти действия выполняют современные герои, которые в своей сетевой жизни общаются *под ником* или *с ником*. Если учесть, что синонимом слова *ник* часто выступает слово *прозвище* (встречаются также: *имя, псевдоним, виртуальное имя*), можно предположить, что сочетания с этим словом будут строиться по узуальной модели: *по имени, по прозвищу, по кличке*. Однако **по нику* нам не встретилось ни разу: самое распространённое предложно-падежное сочетание – с предлогом «под». Напр.: *Девочка отправляется в интернет, начинает* ***под ником*** *«Кики» вести блог* (Д. Донцова «Микроб без комплексов», 2004); *… в элитной швейцарской клинике «Зорхав» парень в инвалидном кресле включил ноутбук, залогинился* ***под ником*** *«Гражданин России», вошел в Сеть и открыл русскую новостную ленту* (А. Чубарьян «Полный root», 2006); *«… Или я могу попросить, например, жену войти* ***под***

моим ***ником*** *и погладить его?* (виртуального пса. – *Е.М.*)*»* (М. и С. Дяченко «Цифровой», 2009); *Девушка* ***под ником*** *«Принцесса»* (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017) и т.п. Реже в этом же значении (‘по прозвищу’) используется сетевой сленгизм *ака* (вариант *aka,* ср. англ. also known as «также известный как»): *Только запишите меня во френды, чтобы иногда слушать голос своей Совести* ***aka*** *pre_vedenie* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Я так и сделал, и Яндекс выдал мне запись в Живом Журнале некоего юзера timoha о том, что Кирилл Демидов* ***aka kirill_1*** *сегодня ночью похищен из своего дома в элитном коттеджном поселке N* (там же). См. также этот сленгизм в авторском посвящении (Н. Балашов «Zelda. Книга о новых героях», 2010), включающем с десяток имён и ников: *Посвящается*: *Даньке* ***ака*** *Адрид, Диане* ***ака*** *Фелька, Сашке* ***ака*** *Благодушный* и т.п.

Итак, персонаж в художественном мире автора получает, кроме имени, ник, который в свою очередь может передаваться **средствами двух алфавитов** (*Zelda* и *Зельда* – в одноимённом романе Н. Балашова; *Гугер* и *Guger* – у А. Иванова в романе «Псоглавцы»; *Kabu4a* и *Кабуча* – у А. Иванова в «Комьюнити», *Kuporos* и *Купорос* – там же; *ТуФед* или *2FED* – у А. Чубарьяна в романе «Полный root» и т.п.). В случае если в роли ника выступает слово чужого языка, в качестве ещё одного варианта может использоваться перевод этого слова. Напр.: *Nutscracker* и *Щелкунчик* (В. Пелевин «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», 2005), *Long John* (*ljohn*) и *Длинный Джон* (Б. Акунин «Сокол и Ласточка», 2009) и др. Здесь мы видим, что игра с графикой (в том числе не буквенной – *Kabu4a, 2FED, 4erep Yorika, Me4enosez*) и переключением языковых кодов как одна из дискурсивных практик нашего времени находит отражение и в прозе.

В некоторых текстах выбранный автором ник оказывается **единственным именем** персонажа. Так, в романе Д. Бавильского «Нодельма» (2004 г.), основные сюжетные линии которого связаны с сетевой жизнью, герои, включая саму Нодельму, «айтишницу», отвечающую за корпоративный сервер компании, фигурируют только под никами: *Кня, Фоска*; многие герои, выведенные в сценарии Д. Галковского «Друг Утят» (2002 г.), компьютерные игроки, также представлены под никами (*Хифловер, Долгоносик, Алхимик, Штуша-Кутуша, Стармастер, Лыжник, Но-Нейм, Леди Май*); в романе А. Житинского «Flashmob! Государь всея Сети» (2007 г.) *Зизи, Мортимора Шведская, Свинка* – ники ЖЖ-пользователей, с которыми знакомится сначала в онлайне, потом в офлайне главный герой. Под никами (*Сушка, Ястреб, Мureха* и др.) общаются в «аське» с девочкой Олей её одноклассники (А. Жвалевский, Е. Пастернак «Время всегда хорошее», 2009). Ряд можно продолжить никами персонажей, чьи настоящие имена так и остаются для читателей загадкой: *Симба* (А. Матвеев, К. Ткаченко «Любовь для начинающих пользователей», 2002), *Экст* (А. Синяев «Взломанный [Блог Экста]», 2018), персонажи романа А. Иванова «Псоглавцы» (*LubluFriske, Beawulf, Strannik111* и др.). Время от времени в повествовании могут упоминаться «разовые» персонажи, которые даются авторами не обычным способом – имя, отчество, фамилия, а указанием на ник, см.: *Однако, поздно ночью новоиспеченный юзер* ***den_kozlov*** *поведал миру о сегодняшнем событии* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Журналистке с ником* ***tereza*** *понадобилось меньше минуты…* (Т. Шахматова «Удар отточенным пером», 2017); ***Red Girl****, сисадминша, … предложила обучать по Нету премудростям кайтовождения* (М. Кучерская «Тётя Мотя», 2017). Закрепляется таким образом новый вид подачи индивидуального имени персонажа в повествовательной фразе – с помощью ника: *Они* (представители СМИ. – *Е.М.*) *словно не замечали создавшейся ситуации и никак её не комментировали, несмотря на то, что* ***kirill_1*** *по всем рейтингам забрался на недосягаемую для них высоту* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Не сомневаюсь, что* ***svinka_zizi*** *с Мортиморой тоже были пристроены куда-нибудь для связей с общественностью* (там же); *Чат был раскален докрасна, но все собравшиеся слышали громкий голос* ***Goldie*** (Н. Балашов «Zelda. Книга о новых героях», 2010).

Всё это – приметы нашего времени, которые вольно или невольно воссоздают писатели, раскрывая иногда, что, наверное, не всегда возможно в жизни, подлинное имя виртуального персонажа. См.: *Глебу было интересно, и он сходил по ссылке. Гуглоголового «****Купороса****»* (ник. – *Е.М.*) *звали Куренин Дмитрий Константинович. 54 года. Родился в Кокчетаве. Образование высшее: радиоинженер. Ещё он поэт, ведёт несколько сайтов для молодых поэтов…* (А. Иванов «Комьюнити», 2012).

На наш взгляд, пополнение ономастической системы литературного текста таким сетевым феноменом, как ник, делает произведение созвучным времени, расширяет возможности игры с читателем, даёт новые сюжетные ходы.

Так, в романе Н. Балашова «Zelda. Книга о новых героях» (2010 г.) постепенное вытеснение по ходу повествования личного имени героини, выпускницы школы, ником, взятым ею из названия компьютерной игры, становится знаком окончательного погружения девушки в виртуальную

реальность многопользовательской ролевой игры и даже изменения её личности. Ср.: *Восемь дней* ***Анюта*** *сидела и изучала интернет <…>* – до онлайн-игры; ***Zelda*** *получила в одном из боёв 4000 пойнтов опыта (!). … И заслуженного опыта – 22 убитых Человека* – а здесь *Zelda* вместо *Анюта* во время увлечения игрой, чему посвящена бóльшая часть повествования романа. Как пишет в своей антиутопии Д. Галковский, *избранный в гудилапе* (ролевой игре. – *Е.М.*) *псевдоним – «ник» становится вторым, а то и первым именем. Это не просто детское прозвище, а целый мир* («Друг Утят», 2002). В фантастической повести «Время всегда хорошее» (2009 г.) А. Жвалевского и Е. Пастернак школьница Оля Воробьёва «переносится» из 2018 года в 1980; читатель видит героиню сначала в современной жизни, где она зовётся не иначе, как *Синичка* (это её ник в «ICQ»), затем в советском прошлом, где она уже зовётся Олей.

Следует отметить, что автором произведения может обыгрываться сам **выбор ника** для того или иного персонажа. Напр., в рассказе А. Зорича «Пасифая.doc», в котором аллюзия на античный миф содержится уже в самом названии, ник заинтересовавшего главную героиню посетителя сайта знакомств – *White_Bull* (букв. «белый бык») – оказываются в этой фантастической истории напрямую связан с референтом. Фаина сбегает от мужа, бросает работу, уезжает из страны, чтобы встретиться с пользователем White_Bull (она называет его «Беленький») – в реальности белым быком. Так трансформируется миф о Пасифае, супруге Миноса, от любви которой к белому быку родилось чудовище Минотавр.

Кроме того, выбор ника может быть объяснён писателем – с точки зрения логики самого героя. См.: *Ник Кирилла в ЖЖ –* ***kirill_1****. Видимо, потому что просто kirill был занят* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); ***Hubble*** *– это был ник Глеба в «ДиКСи-нете». Глеб взял его после великолепного 3D-фильма про орбитальный телескоп «Хаббл»* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Фандорин решил назваться «****Длинным Джоном****» в честь пирата из «Острова сокровищ»: даром он что ли заделался мореплавателем, держит курс на Вест-Индию, ну и рост у него тоже подходящий – метр девяносто девять* (Б. Акунин «Сокол и Ласточка», 2009). См. также подобную метавставку с **ироничным** подтекстом, как и весь стиль рассказа «Пасифая.doc»: *Вообще-то в немецком слове, означающем принцессу, только одна буква «n» в конце. Но к моменту появления Фаины нормальная Prinzessin среди желающих познакомиться уже была. Как и принцессины с цифрами, тильдами и подчеркиваниями – оказалось, монархическая идентичность по-прежнему пользуется немалым спросом. Фаина, однако, не отступила – приклеила к слову лишнюю букву «n». И вскоре благополучно влилась в число евроженщин со смутными аристократическими претензиями. На русский* ***Prinzessinn*** *можно переводить как Принцессса, через три «с»!* (А. Зорич «Пасифая.doc», 2007).

Наконец, ник, созданный автором для своего героя, может быть результатом **языковой игры**. Напр., сетевое имя *Monstradamus* в пелевинском «Шлеме…» – это шутливая контаминация слов *монстр* и *Нострадамус* (имя знаменитого предсказателя), записанная латиницей; кроме того, начальная *m* – первая буква имени *Minotaurs*, соответственно вторая буква, третья и т.д., по принципу акростиха, являются начальными буквами ников остальных 8-и героев: *IsoldA, Nutscracker, Organizm, Theseus, Ariadna, UGLI666, Romeo-y-Cohiba, Sliff_zoSSchitan* (В. Пелевин «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», 2005).

Более современным способом, по сравнению с контаминацией и акростихом, создано Пелевиным пользовательское имя *ЙЦУКЕН* в рассказе «Акико» (2003 г.): оно составлено из букв верхнего ряда компьютерной клавиатуры, идущих подряд слева направо (в латинской раскладе читается как «Qwerty» – название самой популярной раскладки клавиатуры, используемой для английского языка). Приём называется *клавиатурная калька* [1, с. 283] или *игра с регистрами* [2, с. 201]. Суть его в следующем: слово заведомо набирается в раскладке, не соответствующей алфавиту, на котором оно пишется. Так, в сетевом сленге сокращение *pls* (please) «превращается» в *зды*, прощание *bye* – в *ину, all* (обращение ко «всем») – в *фдд.* Этим же способом латинское «постскриптум» *PS* заменяется на *ЗЫ.*

Пелевин использует этот приём в создании не только сетевых имён, но и других онимов. Напр., название «социально-эротического» приложения *ЛАВБУК ИУВКЩЩЬ* включает образованный, по-видимому, по аналогии со словом *Фейсбук*, неологизм *Лавбук* и клавиатурную кальку к *bedroom* (англ. «спальня») – *ИУВКЩЩЬ* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014). В этом же романе в эпизоде, где главный герой выбирает работу (речь идёт об альтернативном будущем), в списке меню, предложенном «системой», значится *ИЩДЩЕТФНФ* (в латинской раскладке читается как bolotnaya, что служит аллюзией на протестный митинг 6 мая 2012 г., проходивший в Москве на Болотной площади).). Ещё один вид работы из списка – *LAPS* (англ. «круги дистанции») сам герой, Кеша, «переводит» как *ДФЗЫ* (принцип тот же: слово прочитывается по буквам в другой раскладке).

Именно *ДФЗЫ* он и выбирает для обязательной отработки, причём слово использует уже как обычное нарицательное существительное. См.: ***Три дфзы*** *на пять дней хватит. <…> Шатаясь, он побежал на* ***последний дфзы*** (там же).

Таким образом, в современной прозе заметно обновление литературной ономастики средствами особого языка IT-сферы. Онимотворчество писателей в этом случае уподобляется созданию всевозможных онимов, бытующих в Сети. Так, в художественных текстах встречаются вымышленные названия серверов, напр. *«ДиКСи-нет»* – у А. Иванова в «Комьюнити» (ср. название реального существующего портала «*ИМХО-нет*»); ток-шоу, где обсуждаются отношения интернета и общества: *«Апгрейд»* (там же); названия портала знакомств – *«Доска Любви»* – у А. Зорича в рассказе «Пасифая.doc»; онлайн-игр *(«Гэлэкси Плюс»* – у Д. Галковского в книге «Друг Утят»; *«Двар»* – у Н. Балашова в романе «Zelda») и игровых локаций (*Алиленд* – у Д. Донцовой в детективе «Безумная кепка Мономаха», *Дальминдор* – у А. Иванова в романе «Псоглавцы») и т.п.

Оригинальным и ёмким названием из далёкого будущего, описанного в антиутопии В. Пелевина «S.N.U.F.F» (2011 г.), является слово *Маниту*. Как разъясняется в самом романе, это имя особого духа, из-за сошествия которого светится «экран информационного терминала»: *Духа звали «Manitou». Поэтому экран называли «monitor», «осененный Маниту».* Так, с помощью приёма ложной этимологии устанавливается связь между именем Бога в мире будущего и монитором. Но и это ещё не всё: словом *маниту* в романе называется и денежная валюта (см. толкование в тексте: *А деньги по-церковноанглийски – «money», так было изначально*). Таким образом, созданный автором оним становится одним из средств сатирического изображения будущего, черты которого, правда, угадываются читателем уже в настоящем: *… раз Маниту во всем, то пусть три самых важных вещи носят его имя. Земной образ Великого Духа, панель личной информации и универсальная мера ценности. <…> Одно из доказательств бытия Маниту в том, что эти слова сами сложились в языке похожими друг на друга.*

В заключение подчеркнём, что новые технологии XXI века, новое информационное пространство, интернет как сфера жизни и деятельности человека стимулируют авторов к разработке новых тем, образов и нового языка. В этом отношении ономастика, особенно сетевая, становится благодатным полем для языкового творчества.

Литература

1. Чевтаева Л.Н. Структура лексики компьютерного сленга // Социальные варианты языка–III: материалы Междунар. научн. конф. – Н. Новгород: изд-во НГЛУ, 2004. – С. 282–284.

2. Кронгауз М. Самоучитель олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 416 с.

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»

Н.С. Молодцова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант; e-mail: nata.molodtsova.96@mail.ru

Научный руководитель: Никифорова О.В., к.ф.н., доцент

Россия, г. Арзамас

В статье рассматривается структура концепта на примере романа М. Горького «Мать». Проводится всесторонний анализ слова, позволяющий раскрыть лексико-семантические особенности и смысловые характеристики репрезентантов концепта. Анализируемые единицы помогают проникнуть в «ткань» художественного текста писателя, выявить смысловую и функциональную роль изучаемого явления, а также раскрыть богатство лексики русского языка, ее красоту.

Ключевые слова: *концепт; «мать»; ядро; периферия (ближняя и дальняя); лексема; идиостиль.*

Тема материнства – это одна из ключевых тем русской поэзии и литературы. Каждый писатель и поэт создавал образ матери по-своему, подбирая соответствующие слова и обороты. Слово «мать» в русской литературе в основном имеет положительную окраску и является одним из самых важных слов, которое привлекает внимание многих исследователей в области семантики, когнитивной лингвистики, культурологии и др. [3, с. 345].

Большое внимание в современной лингвистике исследователи уделяют изучению концептов. Именно концепт «мать» является одним из наиболее значимых и относится к универсальным

концептам, в которых отражаются этноментальные особенности лингвокультурного сообщества. Он функционирует с такими концептами, как **«родина», «семья», «свобода», «любовь»** [1, с. 19].

В XIX веке многие писатели и поэты обращались к теме материнства, в том числе и М. Горький, который создал образ матери в романе «Мать», наполненный заботой, любовью. В языковой картине мира писателя особое место занимает концепт «мать», являющейся ключевым, что подтверждается частотностью употребления в тексте. Концепт имеет структуру: состоит из ядра, центра (околоядерной зоны), ближней периферии и дальней периферии.

Ядром концепта является лексическая единица ***«мать».*** В современном русском языке лексема ***«мать»*** – полисемант, включает четыре узуальных значений и два оттенка: 1. Женщина по отношению к рожденным ею детям. || Женщина, имеющая или имевшая детей. || перен. (в приложении, обычно со словами: «земля», «родина», «Россия» и т.п.). народно-поэт. Употребляется как постоянный эпитет. 2. Самка по отношению к своим детенышам. 3. прост. Обращение к лицу женского пола. | В обращении мужа к жене. 4. устар. Название монахини, а также жены духовного лица (священника, дьякона), обычно присоединяемое к имени или званию [6, с. 786]. Данная единица реализуется в повести в первом и третьем значении.

Первый лексико-семантический вариант лексемы ***«мать»*** реализуется в следующих контекстах: *«– Хорошо**, мать**! – вдруг решительно сказал Павел…»* [5, с. 43], «*– Ты, **мать**, пожалуйста, не беспокойся, я поздно ворочусь домой…»* [5, с. 11], *«… Я прошу тебя, **мать,** если ты меня любишь, – не мешай мне!..»* [5, с. 14], *«– Прости меня, **мать!** – негромко сказал он...»* [5, с. 105], *«Я прошу тебя, **мать,** если ты меня любишь, – не мешай мне!.. Ее потрясло слово **«мать»,** сказанное им с горячей силой…»* [5, с. 14].

В рассмотренных контекстах Павел обращается к матери нежно и уважительно. Стоит отметить, что в начале романа он ее называет «мамаша» и обращается на «вы», но, когда они становятся по духу родными, он уже использует в своей речи местоимение «ты» и называет ее «мать».

Ядро концепта ***«мать»*** в романе М. Горького включает синонимы к слову ***«мать»*** и производные от них лексемы. Часто автор использует в романе слова: ***мама, мамаша, матушка, родная, ненько.***

Лексема ***«мамаша»*** является самой частотной в центре концепта и занимает второе место во всей структуре концепта «мать» в романе М. Горького, употребляясь 25 раз. Это слово имеет следующую дефиницию: 1. То же, что мама. 2. Употр. при обращении к пожилой женщине в знач. тетушка, гражданка (фам.) [10, с. 560]. В произведении «Мать» лексическая единица «мамаша» представлена в первом и втором значении. Рассмотрим на примерах.

Первый лексико-семантический вариант лексемы ***«мамаша»*** реализуется в следующих контекстах: *«…Он, упираясь рукой в плечо ей, сопротивлялся и кричал: – **Мамаша,** – живо!..»* [5, с. 8].

В этом контексте лексема ***«мамаша»*** имеет эмоционально-оценочное значение, выражающее отрицательную оценку.

В следующем контексте: *«Он сложил книжку. – Ты – сядь, **мамаша**…»* [5, с. 12], лексема ***«мамаша»*** содержит в себе экспрессивно-эмоциональный компонент коннотативного значения.

Второй лексико-семантический вариант лексемы ***«мамаша»*** реализуется в следующих контекстах: *«– Здравствуйте**, мамаша**! (Обращение Самойлова к Пелагеи Ниловне), не узнали? «Егор Иванович прошел в комнату и оттуда говорил: Сегодня утром, **милая мамаша** (обращение Егора Ивановича), из тюрьмы вышел известный вам Николай Иванович…. Затем**, мамаша**, (обращение Егора Ивановича) я приступлю к делу. Вы знаете, сколько народу схватили здесь вчера?»* [5, с. 59].

Лексема ***«мамаша»*** используется в качестве любезного, фамильярного обращения и включает экспрессивно-эмоциональную оценку.

Менее частотно в романе употребляется лексема ***«матушка».*** Согласно словарю, слово ***«матушка»*** – полисемант, состоит из четырех узуальных значений.

Наиболее частотно встречается в романе лексема ***«мама».*** То же, что мать (в 1 знач.) (преимущественно в обращении к матери или в разговоре детей о матери) [6, с. 800].

Приведем примеры: *«Но в ответ ей из толпы солдат раздался ясный голос Павла: – До свиданья, **мама**! До свиданья, **родная…**»* [5, с. 45], *«– Не умею я, **мама!*** (обращение Павла к матери) …». [5, с .43], *«– Да ты успокойся, **мама**! – пожимая ее руку, говорил Павел»* [5, с. 86], *«– Говори, мама, о семейном», – сказал Павел…* [5, с. 87], *«– Ну, оставь, **мама**! – сказал Павел…*

В приведенных контекстах лексема ***«мама»*** носит преимущественно разговорный характер и употребляется в обращении к собственной матери, обладает экспрессивно-эмоциональной оценкой

и заключает в себе информацию о положительном отношении. Такая форма концепта ***«мать»*** употребляется в романе только по отношению к кровной матери.

Наряду с лексемами ***«мама», «матушка», «мамаша»*** в произведении встречается лексема ***«родная»***. Согласно словарю, слово ***«родная»*** полисемант, имеет 3 узуальных значения: 1. Состоящий в прямом (кровном) родстве, а также вообще в родстве. (сущ.). 2. Свой по рождению, по духу, по привычкам. 3. Дорогой, милый (в обращении) [8, с. 345].

В произведении лексема ***«родная»*** употребляется в 2 значениях из 3 предложенных.

Первый лексико-семантический вариант реализуется в следующих контекстах: «*…Но в ответ ей из толпы солдат раздался ясный голос Павла: – До свиданья,* ***мама!*** *До свиданья,* ***родная…****»*, *«Хохол, тихо насвистывая, прошел мимо них, опустив голову, и вышел на двор. – Спасибо,* ***мама!*** *– глубоким, низким голосом заговорил Павел, тиская ее руку вздрагивающими пальцами. – Спасибо,* ***родная!****»* [5, с. 97].

Лексема ***«родная»***, также как лексема ***«матушка»***, обладает положительными коннотациями. Главный герой романа стал обращаться к матери «родная», так как между ними укрепилась духовная связь, наполненная глубоким содержанием любви матери и сына. Но не только Павел так обращался к матери, но и его друг Андрей Находка, который считал Пелагею Ниловну своей родной матерью. Лексема **«родная»** в этом случае используется как номинация некровного родства.

Кроме того, можно говорить о том, что концепт ***«мать»*** представляет собой группу, обладающую такими признаками, как номинация кровного и некровного родства, социальная роль. В приведенных контекстах лексема ***«родная»*** обладает признаками не только кровного и некровного родства, но и актуализирует признак «социальная роль», то есть матерью может быть любая женщина, выполняющая определенные функции в жизни другого, а именно: кормить, заботиться, учить и т.д. Такие функции реализуются в отношении Пелагеи Ниловны и друга Павла Андрея Находки.

Таким образом, нами было выявлено, что основной единицей концепта является лексема ***«мать»*** с ее производными. Наиболее распространены в произведении лексемы ***«мать», «мамаша», «мама».*** Менее употребительны лексемы ***«матушка», «родная», «ненько».*** Отличительной особенностью репрезентантов концепта является их стилистическая принадлежность.

В структуру концепта, кроме ядра и центра, входит периферия – ближняя и дальняя. К ближней периферии концепта относятся такие лексические единицы, как ***милая моя, голубушка, товарищ, Пелагея, Ниловна, сударыня, страдалица.***

Лексема **«милая»** представлена автором с меньшей частотностью, чем остальные лексемы. Это слово реализуется в романе в одном значении: «Форма дружески-ласкового обращения в письме. ||Форма фамильярного или ласкового обращения в разговоре (обычно без обозначения имени)» [10, с. 578]. Рассмотрим на примерах: *«–* ***Милая вы моя*** *(обращение Людмилы к Пелагеи Ниловне) – поют-то как! И Митя поет…»* [5, с. 133].

Лексема ***«милая»*** используется в данных контекстах в качестве ласкового обращения к матери и обладает эмоционально-эскрессивной оценкой.

Другая лексическая единица ***«голубушка»*** представлена в романе в одном значении из двух предложенных: «разг. Употр. как ласково-фамильярное обращение к женщине» и употребляется автором один раз.: *«–* ***Голубушка!*** *(так называет Пелагею Ниловну Наташа). Дайте мне скорее чаю! Вся трясусь, страшно ноги иззябли!»* [5, с. 21].

Лексема ***«голубушка»*** во втором значении имеет функционально-стилевую маркированность (помета разг.), и относится к разговорному стилю. Если рассматривать форму слова ***«голубушка»,*** то исходным словом в словообразовательном гнезде, а также вершиной словообразовательной цепи будет выступать непроизводное слово голубь. На первой ступени находится уменьшительно-ласкательная форма голубушка. Оно образовано морфологическим способом, суффиксацией, то есть второй словообразовательной величиной выступает суффикс – ушк с ласкательным значением и функцией субъективной оценки.

Лексема ***«товарищ»*** является частотной единицей в структуре концепта «мать» и используется в произведении в пятом значении: «Гражданин, человек в советском обществе./При обращении. || В том же значении при фамилии, профессии, звании такого человека» [5, с. 456] Рассмотрим на примерах: *«…она принесла для Андрея какой-то сверток и, уходя, сказала Власовой, блестя веселыми глазами: – До свиданья,* ***товарищ!*** [5, с. 89], *«А вас как звать,* ***товарищ?*** *Мать всегда смешило и трогало это слово, обращенное к ней?»* [5, с. 214], *«– Нам, однако, нельзя терять времени…. Давайте,* ***дорогой товарищ*** *(обращение Николая к Ниловне), попробуем взять себя в руки»* [5, с. 243].

При обращении к Пелагеи Ниловне использовали лексему ***«товарищ»***, поскольку такое обращение считалось официально общепринятым. А. Вежбицкая утверждает, что: «пока к человеку обращались «товарищ», это было знаком того, что он «свой»; когда же терялось это звание и право применять такое обращение по отношению к другим, это означало, что человек исключен из числа «своих» и мог быть вскоре арестован» [5, с. 256].

Также к ближней периферии относят патроним ***Ниловна*** и антропоним ***Пелагея***, представленные в повести с большей частотностью, чем предыдущие лексемы. Рассмотрим на примерах: *«… Я буду звать вас –* ***Ниловна; Пелагея –*** *это не идет вам (обращение Софьи к Ниловне)»* [5, с. 162], *«– Нам, однако, нельзя терять времени,* ***Ниловна!*** *…»* [5, с. 243].

Использование таких обращений считалось знаком уважения по отношению к матери. Эти лексемы имеют преимущественно разговорный характер и носят оттенок почтительности.

Лексема ***«сударыня»*** является моносемантом, употребляется в одном значении: «сударыня. (устар.). Форма вежливого, учтивого, иногда ирон. обращения, господин (в 4 знач.)» [9, с. 500]. Приведем примеры: *«– Вы преждевременно ревете,* ***сударыня!*** (обращение офицера к Пелагеи Ниловне). *Смотрите, вам не хватит слез впоследствии!»* [5, с. 42].

В данном контексте лексема ***«сударыня»*** употреблена в форме вежливого обращения. В словаре лексема ***«сударыня»*** имеет помету «устар.», что указывает на стилистическую ограниченность употребления слова и принадлежность к пассивному словарному запасу.

Лексема ***«страдалица»*** является моносемантом, употребляется в одном значении**:** «Тот, кто испытывает или испытал много страданий; мученик» [6, с. 453*]: «Слышала, как под окном остановилась Марья и пьяным голосом кричала: – Пелагея? Спишь?* ***Страдалица моя несчастная, спи!****»* [5, с. 145].

Автор называет Пелагею Ниловну страдалицей неслучайно, так как за всю жизнь она ничего не видела, кроме побоев и грубости от мужа. Лексема страдалица включает эмоционально-экспрессивное значение.

Дальняя периферия концепта включает слабовероятностные семы, эксклюзивные негативные семы и скрытые семы. К ней относятся ***дерзкая, сволочь, стерва, свирепая женщина***. Эти лексемы носят отрицательную окраску, и, как правило, частотность употребления этих лексем маленькая. На примере романа М. Горького «Мать» мы видим, что такие лексемы употребляется в произведении один раз и реализуется в одном значении.

Лексема ***«дерзкая»*** **–** моносемант, используется в одном значении: «Непочтительный, наглый, оскорбительно-грубый» [10, с. 345]. Рассмотрим на примерах: *«– Уходи, старуха! – Сейчас возьмут!.. – Ах,* ***дерзкая!****»* [5, с. 303]. Исходя из значения лексемы ***«дерзкая»***, мы можем сказать, что оно насыщено отрицательной оценкой.

Лексема ***«сволочь»*** реализуется в тексте в одном значении: «(простор., бран.). Негодяй, мерзавец. [8, с. 678]. Приведем примеры: *«Шпион забежал вперед и, грозя ей в лицо кулаком, визгливо крикнул: – Молчать, ты,* ***сволочь!****»* [5, с. 204].

Лексема ***«сволочь»*** обладает такими же коннотациями, как и лексема **«дерзкий»**. Представленный лексико-семантический вариант имеет помету простор., бран. Помета «простор.» указывает на характер употребления и бытования слова, а помета «бран.» на эмоциональную окрашенность слова.

Другая лексема ***«стерва»***, согласно словарю, является полисемантом, имеющий три узуальных значения: 1. ж., только ед. Труп животного, падаль (старин.). 2. м. и (преимущ.) ж., перен. Подлый, отвратительный человек (простореч. вульг. бран.). 3. м. и ж. Употр. как пренебрежительно-бранное слово в таком же знач., как черт и т. п. (простореч. вульг. бран.) [7, с. 780]. Данная лексема реализуется в 3 значении. Рассмотрим на примерах: *«…коротким взмахом руки. – Так ее,* ***стерву старую!*** *– раздался злорадный крик…»* [5, с. 304].

Это слово наделено в словаре стилистической пометой «просторечн., вульгар., бранное», то есть слово ***«стерва»*** эмоционально-оценочно окрашено, содержит отрицательную оценку.

Следующая лексема ***«свирепая»*** – полисемант, имеет 2 лексико-семантических вариантов.

Синтагма ***«свирепая женщина»*** содержит эпитет ***«свирепая»,*** выражающий экспрессивную и эмоциональную окраску. Этот эпитет не только подчеркивает, усиливает признаки и характеристики объекта в литературном тексте, но также насыщает, обогащает эмоционально, образно и расширяет привычную структуру лексемы [2, с. 76].

Лексема ***«кровожадная»*** реализуется в контексте в одном значении из двух предложенных: «1. перен. разг. Свирепый, жестокий, хищный (о человеке)» [6, с. 450]: *«Доктор взглянул на нее, сделал свирепое лицо и сказал, стиснув зубы: –* ***У-у, кровожадная…****»* [5, с. 246].

Лексема ***«кровожадная»*** в первом значении имеет функционально-стилевую маркированость (помета разг.), то есть принадлежность слова к разговорному стилю.

Таким образом, всесторонний анализ слова позволяет определить черты идиостиля М. Горького, дает представление о многосторонности, о жизни в культуре народа и об отражении культуры в каждом слове, развивает творческое мышление, формирует словарный запас и прививает любовь к слову.

Литература

1. Андреянова Г.А. Реализация концепта «Мать» (mother) в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №17. – Филология. Искусствоведение. Вып. 55. – С. 17–22.
2. Блинова И.С. Функции эпитета в художественном тексте // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 75–79.
3. Болдарев Н.Н. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник мат-лов / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 566 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263–305.
5. Горький М. Мать. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1985. – 399 с.
6. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4-х томах / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 2990 с.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 973 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2018. – 736 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

ЛИНГВИСТИКА И ПОЭЗИЯ: ЧИТАЯ СТИХИ ДМИТРИЯ БУРАГО

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

доктор ф.н., профессор; e-mail: mouratova@tut.by

Республика Беларусь, г. Витебск

В статье анализируются стихи украинского русскоязычного поэта Дмитрия Бураго в модусе связи лингвистики и поэзии. В современную поэзию все более активно проникает эксплицированная лингвистическая рефлексия. Поэты, пользуясь лингвистической терминологией, пытаются постичь сущность называемых ими явлений. Опираясь на взгляды видных филологов, в частности, Ю.С. Степанова, утверждается, что в настоящее время научное познание мира сливается с его художественным видением. Доказывается, что в творчестве Д. Бураго такие лингвистические термины, как падеж, предлог, прямая речь, коннотация, причастие, цитата, становятся живой частью его стихотворений и способны выражать человеческие эмоции, мысли, философские взгляды.

Ключевые слова: *искусство; поэзия; творчество; лингвистические термины; языковые средства.*

Поэтический текст во все времена являлся особым способом освоения и отражения реального мира. При этом, как утверждал С.Л. Франк, «Внутренний мир человека, взятый в целом, не меньшая реальность, чем явления материального мира» [1, с. 14].

Поэтический текст – это текст особого кодирования, он является источником самых разных, глубинных, не лежащих на поверхности смыслов. П.А. Флоренский [2] считал, что в художественном тексте существуют характерные обороты речи, которые представляют собой «корни мысли», «истоки жизни», «источные ключи мыслей, струящиеся из домысленных глубин». П.А. Флоренский утверждал, что содержание слова – это выведенные на поверхность сгустки мысленной материи.

Поэтическое произведение – это, прежде всего, выражение особенностей мироощущения и миропонимания автора. «Если в тебе собственнолично, собственнорискно, собственно жизненно не случилось… Если нет впечатления, никакого текста не напишешь: из слов нельзя рождать слова, из книг нельзя рождать или писать книги» [3, с. 89]. В художественном дискурсе речь идет «не просто о носителе языка, – а, прежде всего и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы,

на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [4, с. 259–260].

В.П. Григорьев пишет, что «метагалактика» поэтического языка предстает как сложная иерархия всех известных подсистем национального языка в его творческом аспекте… Поэзия нужна не как демонстрация норм литературного языка, а для проникновения в особо важное, сложное и неясное для человека, в то, что иными средствами, чем средства поэтического языка, и не может быть полноценно названо» [5, с. 63–66]. А поэтическое слово представляет собой «путь, ведущий *сквозь* человеческую речь в засловесные глубины» (как характеризовал понимание слова у символистов Ю.М. Лотман).

В современную поэзию все более активно проникает эксплицированная лингвистическая рефлексия. Поэты, пользуясь лингвистической терминологией, пытаются постичь сущность называемых ими явлений.

Ю.С. Степанов считает, что ментальный мир языкового сознании, воспринимающего поэзию, складывается из трех реальностей: первичная реальность – мир, вторичная – художественная реальность, и третья – рассуждения исследователей об искусстве вообще и о поэзии в частности. Переходы между ними неуловимы. Научное познание мира сливается с его художественным видением. На наших глазах, утверждает Ю.С. Степанов, возникает «единый мир информации, подобный единому миру природы вокруг нас» [6, с. 101].

В этом модусе поэтические тексты XXI века, безусловно, представляют серьезный исследовательский интерес. Но даже на фоне поэтических инноваций XXI века поэзия Дмитрия Бураго – украинского русскоязычного поэта, филолога, издателя, общественного деятеля – выделяется своей необыкновенной индивидуальностью. В данной статье мы хотим рассмотреть только одну сторону этой индивидуальности: как реальная жизнь, описываемая поэтом, сливается, переплетается, «скрещивается» с лингвистической формой ее выражения – человеческой речью.

Приведем отрывок из стихотворения, которым открывается стихотворный сборник Д. Бураго «Снеговик» [7]:

Так возьми и выжми, изложи
до колючей проволоки, лжи,
одолжись до одури, до грез,
до хрустящих кончиков берез,
чтобы до последних этажей
поднималась дрожь ***от падежей****,*
чтоб притворный выспренный ***предлог***
от опустошения не сберег.
И на все про все – ***прямая речь***
для того, чтоб промысел извлечь.

Термины в стихотворении становятся как будто живыми: *дрожь от падежей*, *предлог притворный и выспренный*. Как думается, лексема *предлог* употреблена поэтом в значении слова вообще, которое может быть притворным и выспренным, а может быть искренним и настоящим. Предлог выражает муки творчества поэта, когда написанное предстает притворным, выспренным, неталантливым, и это приводит к духовному опустошению творца.

Не менее значимо для понимания глубинного смысла стихотворения выражение *прямая речь*. С лингвистической точки зрения прямая речь – это точно воспроизведенная чужая речь, переданная от лица того, кто ее написал или произнес. Но в данном контексте, в окружении *дрожи падежей* и *выспренного предлога*, сочетание *прямая речь*, безусловно, имеет сложный смысл, который точно определить трудно, поскольку смысл, в отличие от значения, – это индивидуальное, личностное отношение автора к описываемому. Прилагательное *прямой* в русском языке имеет много значений, у него имеется более 100 синонимов. Так что прямая речь – это откровенная, честная, явная, сущая, точная и под. Такая прямая речь нужна автору, чтобы *промысел извлечь*. Промысел в самом общем смысле – это занятие, ремесло, производство, добывание, добыча и нек. др. Но, как думается, в данном контексте лексема промысел ближе всего к значению «Промысл Божий» – целесообразное действие Бога, Высшего Существа, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности. Поэт хочет *выжать, изложить, одолжить* все свои творческие силы и *прямой речью извлечь промысел* правды, добра, мудрости.

Не менее интересно с точки зрения пересечения жизни и лингвистики стихотворение Д. Бураго «О, как тебя не понимать…». Вначале рассмотрим первую его часть:

О, как тебя не понимать,
как не упомнить все нюансы.
Свиданий и разлук пасьянсы –
Из грез проложенная гать
В твое бессонное письмо,
В твои жестокие пощады,
И вглядываются в трюмо
глаза встревоженной наяды.

В первой части стихотворения поэт метафорически описывает сложные взаимоотношения двух близких людей. Сложные, потому что *свиданий и разлук пасьянсы* (сойдется пасьянс или нет?), *из грез проложенная гать* (очень неустойчивая), но тем не менее эта гать проложена не в пустоту и безразличие, а *в твое бессонное письмо*, т.е. любимая женщина страдает, любит, хочет его понять. При этом у нее *жестокие пощады*, хотя пощада – это милосердие и прощение, но отношения двух настолько сложны и запутаны, что даже пощады у них жестоки. И присутствует некоторая фальшь: наяда – в греческой мифологии нимфа рек и ручейков, а лирическая героиня вглядывается не в чистую воду ручья, а в трюмо.

Во второй части стихотворения эта сложность отношений передается при помощи лингвистических терминов. Кажется, что это невозможно, пока не прочитаешь следующие строки:

О, как тебе не примерять
в разгаре сломанных акаций
наряды праздных коннотаций,
не поправлять седую прядь.
От преступленья до погони
сквозь ***семантический субстрат,***
когда ты сам себе ***омоним***
из передернутых цитат.

Сами эти два человека – очень эмоционально тонкие люди, женщина любит *примерять наряды праздных коннотаций*. Как известно, коннотация – сопутствующее значение языковой единицы, предназначенное для выражения оттенков высказывания – семантических, эмоциональных, оценочных. Видимо, женщина даже в разгар спора, ссоры, *сломанных акаций* ничего не говорит прямо, использует намеки, мужчину это раздражает, поэтому он называет коннотации *праздными*. У героини седые волосы (*не поправлять седую прядь*), значит отношения долгие, давние, а гармонии нет. Даже *субстрат* (основа всего существующего) здесь *семантический*, потому что для лирического героя, как думается, основой всего существующего является не быт, карьера или престижная машина, а интеллектуальность жизни, высоты духа, мысли, творчества. Мы видим сложность взаимоотношений сложных людей, желание гармонии и ее недостижение, стремление к пониманию и его отсутствие.

С горькой иронией герой называет себя *омонимом*. Омонимы – одинаковые по написанию и звучанию слова, но разные по значению. Иными словами – форма одинакова, а содержание совершенно разное. Именно такое раздвоение личности, внутреннее противоречие ощущает в себе мужчина. Более того, он не просто омоним, а *омоним из передернутых цитат*. Передернутые цитаты – это, как нам кажется, окружение лирического героя, которое его категорически не устраивает, отсутствие круга «со-(мыслия, -творчества, -любия» (М. Цветаева). Когда и при каких обстоятельствах возникает (если возникает) такая строгость к себе, жесткая оценка себя и своей жизни? Когда человек вырос из старых одежд, ему стала мала его прежняя жизнь, в нем через душевную боль и недовольство пробиваются к свету ростки нового себя, лучшего себя.

Приведем другой пример:

1. Причастия *сомнений неизменны, / Какие бы ни предстояли сцены, / Все только тешит норов Мельпомены: / И глубь паденья, и полет высот.*

Как известно, причáстие – это особая форма глагола, которая обозначает признак предмета по действию и отвечает на вопросы прилагательного, т.е. совмещает в себе признаки глагола и прилагательного. В.В. Виноградов писал: «…те причастия и деепричастия, которые сохраняют свою глагольную силу и глагольные свойства, остаются гибридными формами-словами: они лежат в смешанной глагольно-именной или глагольно-наречной зоне» [8, с. 342]. Другими словами, основное свойство

причастия – его гибридность, оно представляет собой определенную «смесь» грамматических признаков.

А что такое сомнение? Сомнение – это неуверенность в чем-то, затруднительность, непроверенность, двусмысленность, небесспорность, неочевидность. У лексемы *сомнение* проявляется такая же гибридность, как и у причастия, только другого семантического качества: да или нет, делать или не делать, сказать или не сказать, пойти или не пойти?

Мышление поэта метафорично: сомнение в переносном лингвистическом смысле – еще не глагол, еще не решение, не поступок, сомнение – это пока только переходная форма глагола, пока «клубок» разных признаков, анализ которых должен привести к принятию решения. Сомнение – это до определенного времени причастие, которое в конечном итоге «вырастет» в глагол, а вот каким будет этот глагол – правильное решение или неправильное – покажет жизнь: *глубь паденья* или *полет высот*.

Все творчество Д. Бураго «пропитано» лингвистикой, она – живая часть его стихов, в которые вписываются в жизнь слова, ударения, падежи, разные части речи:

1. *... я прощаю сверстникам двуличье / **в двуязыком** омуте хлопот… 2. Наше братство гинет за столами, / образуя **речевую** сыпь. 3. Впереди сплошные **междометья**. / Позади предательство и блеф. 4. Страну, в которой выжили, / **кириллицей** отмерили. 5. Цветочная тропа ведет по залу, / Выводит **иероглифы** вокала…*

Дмитрий Бураго сам как творец органически находится в мире языка, он живет им и в нем: увидеть сомнение как причастие, будущее – как сплошные междометья, ассоциировать музыку с иероглифами – это не только особый идиостиль поэта, это особый тип мышления и восприятия мира.

Литература

1. Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. – Париж: YMCA-PRESS, 1956. – 416 с.
2. Флоренский П.А. Пути и средоточия // Сочинения. В 4 т. Т. 3. У водоразделов мысли. – М.: Мысль, 1999. – С. 34–45.
3. Мамардашвили М. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
4. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
5. Григорьев В.П. Поэтический язык (ПЯ) как объект лингвистической поэтики // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов: межвуз. темат. сб. тр. / Калинин. гос. ун-т; редкол.: Р.Р. Гельгардт (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1979. – С. 57–86.
6. Степанов Ю.С. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. Г.И. Берестнева. – Калининград, 2002. – С. 100–105.
7. Бураго Д. Снеговик. Книга стихов. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – 82 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на примере творчества приднестровского поэта-фронтовика Ивана Федорова)

Н.В. Пазина

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
аспирант; e-mail: datinka@inbox.ru
Научный руководитель: Заяц С.М., д.ф.н., профессор
Молдова, г. Тирасполь

Статья посвящена описанию сравнения как одного из средств выразительности художественного текста. За основу были взяты стихотворения приднестровского поэта-фронтовика Ивана Федорова. Различные сравнительные конструкции распределены по лексико-семантическим группам и охарактеризованы через семантику субъекта и объекта.

Ключевые слова: *объект; семантика; сравнение; сравнительная конструкция; субъект.*

Художественное сравнение – это один из способов, с помощью которого человек познает и осваивает действительность. Поскольку обязательным условием создания и существования художественной речи является отражение в ней личного авторского мировосприятия, роль ассоциативных

словесных связей здесь резко возрастает, слово нагружается дополнительным смыслом, текст приобретает дополнительную семантическую наполненность. Одной из главных особенностей художественного текста заключается в способности нести дополнительную информацию за счет смысловой и эмоциональной нагрузки составляющих его единиц и их организаций.

Именно в художественном тексте широко используются различные средства выразительности с целью воздействовать на читателя и вызвать у него определенные чувства, эмоции, ассоциации. К таким средствам выразительности можно отнести тропы как различного вида переносы значений, то есть употребление слов, словосочетаний и предложений в образном значении.

На протяжении многих столетий сравнение является одним из широко используемых образных средств, которые встречаются у писателей и поэтов. Сравнение остается одним из распространенных видов тропов в разговорном языке. Истоки его изучения уходят далеко в прошлое и до сих пор интересуют ученых и исследователей. Неизменный интерес к сравнению с позиций различных областей научного знания объясняется тем, что способность сопоставления понятий о предметах или явлениях действительности обеспечивает познание человеком окружающего мира.

В научной литературе существует много определений понятию сравнения как средства образа и выразительности. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, «сравнение – это фигура образной речи – уподобление одного предмета другому» [4, с. 513]. В словаре С.И. Ожегова можно найти следующее определение «Сравнение, -я – слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [3, с. 623].

В учебнике русского языка и культуры речи Н.В. Кузнецовой читаем: «Сравнение – это образное выражение, в основе которого лежит сопоставление каких-либо двух объектов. Сравнить – это значит обнаружить общий признак у двух предметов. Поэтому обычно сравнение состоит из двух объектов: один объект сравнивают с другим» [2, с. 118].

Разные аспекты сравнительных конструкций исследовали М.И. Черемисина, Н.О. Широкова, П.А. Морозов, В.В. Образцова, В.В. Виноградова, А.А. Потебня.

В своих работах В.В. Виноградов писал: «Сравнение – особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью» [1, с. 206].

Проанализировав научную литературу и мнения различных лингвистов, можно прийти к выводу, что сравнение является средством выразительности языка, основанном на сопоставлении одного предмета с другим с целью художественного описания первого.

В художественной литературе сравнение как средство выразительности может быть представлено в виде трех составляющих: 1) субъект – предмет или явление, признак, который мы раскрываем с помощью другого; 2) объект – тот предмет или явление, с чем сравнивается субъект, который имеет ярко выраженные и хорошо известные признаки; 3) основа сравнения – признаки или ряд признаков, с помощью которого происходит само сравнение. Это общий признак, который служит основой для уподобления.

Субъектами сравнений могут быть единичные предметы и явления, совокупности, общие понятия, а также сам субъект в разных пространственных положениях и состояниях, то есть сравнению могут подлежать различные по своей природе субъекты.

Для анализа сравнительных конструкций был выбран не исследованный ранее приднестровский поэт-фронтовик Иван Федоров – неутомимый борец за справедливость, интереснейший человек, собравший и опубликовавший массу ценных материалов, в том числе стихотворения о Великой Отечественной войне, как дань памяти прошлому. Анализ фактического материала дает возможность выделить такие лексико-семантические группы с семантикой объекта: человек, живая природа, неживая природа, предметы, абстрактность.

Лексико-семантическая группа «Человек» образована наибольшим количеством лексем. В своей поэзии Иван Федоров часто обращается к формированию компаративных структур, в которых субъект есть человек, сравниваемый как с живыми и неживыми предметами и абстракциями. Автор сравнивает себя с дубом, которому также семьдесят лет, но он стоит мужественно и не падает духом:

Ведь, скажем, даже дуб, как я, лет семидесяти,
Хоть и по-прежнему стоит на высоте… [5, с. 52].

Девушек как олицетворение красоты и женственности автор удивительным образом сравнивает с цветком, солнцем, песней, радостью рассвета, со звонким словом молдаванки-садовода, а ее песни сравниваются с днестровскими водами. Такие сравнения точны и лаконичны:

Она, как цветок пробужденный, прекрасна
Спускаясь к Днестру с кручи высокой,
Приходит, как солнце, как песня.
Как днестровские воды, ее песни – песня свободы
Ее сила и знание, и прелесть природы!
Лукерия наша, как радость рассвета,
Как звонкое слово молдованки-садовода… [5, с. 33].

Также образ девушки сравнивается с абстрактными понятиями, которые становятся основой образной речи поэта:

Помни их, Лушка моя дорогая.
Для далеких сестер, как надежда, сверкая [5, с. 33].

Также образ девушки предстает в воспоминаниях солдата как сравнение с образом матери родной, как самого священного и родного, что есть на земле:

О тебе в плену вспоминаючи,
Как о матери родной [5, с. 81].

Человек также сравнивается с домашними и дикими животными, птицами. В таких случаях субъектом сравнения выступает человек либо действия, выполняемые им, объектом, соответственно, животные или птицы, их свойства и действия, присущие только им, а признаком – краса или уродство в зависимости от того, какое животное берется за основу. Автор переносит черты «братьев наших меньших» на человека, в таких случаях мы понимаем, что имеется в виду человеческий характер и поведение:

И был наш Вася хриплый запевала.
Дороже нам, чем курский соловей [5, с. 81].

Человек сравнивается с зайцем, быстрым и прытким зверьком. Основа такого сравнения – скорость, с которой заяц бегает, также и человек быстро ищет наиболее выгодные пути в жизни:

Он, словно заяц, мечется по жизни,
Чтоб найти престижные пути [6, с. 55].

Экспрессивность сравнительных единиц достигается благодаря использованию объектов сравнения – названий людей по определенным признакам (возраст, национальность, физическое состояние):

Не шелохнет ветвями ель, в тени густой
Солдаты уже отрыли щель, лежат, как неживые [5, с. 26];
Шла беззащитна душа,
Как слабое тело ребенка [5, с. 59].

Поэт не может не коснуться темы жизни, показывая ее быстротечность, но в то же время сравнивая ее с садом, полем и рекой:

Жизнь промелькнула как в кино,
Не залечил еще былые раны [5, с. 11];
Чтоб жизнь была мне на века,
Как сад, поле и река [6, с. 23].

Одиночными примерами представлены сравнительные конструкции на основе схожести действий:

С уважением прихожу и с низким поклоном
Я склоняюсь перед тобой к земле, как жених к новобрачной,
Как плодовое дерево к травам зеленым [5, с. 40].

Иногда автор прибегает к компаративным фразеологическим единицам, суть которых состоит в использовании единиц устойчивых словосочетаний, которые присоединяются с помощью союзов *как, словно, что* и некоторые другие. Это стойкие сравнения, которые, в основном, строятся по схеме: название качества или действия – союз – метафорический интенсификатор этого признака или действия:

Шел по улице пьяным зигзагом.
Эскадрон молодых подлецов.
Лица схожи, как капли водицы… [6, с. 48].

Лексико-семантическая группа «Живая природа» представляет одно из самых интересных видов сравнений, которые используются для образования пейзажа:

Здравствуй, женщина Осень с улыбкой отрадной,
Ты увенчана, Осень, лозой виноградной.
Как хозяйка земли приглашаешь нас в гости, … [5, с. 40].

Немногочисленными в поэзии Ивана Федорова выступают группы, к которым можно отнести сравнения с флористическим компонентом. Такие сравнительные конструкции не характерные для поэта вообще, поскольку почти не попадают в поле зрения читателя:

А у огня две скромные ромашки
Белели, словно писем угольки [5, с. 39].

Лексико-семантическая группа «Неживая природа» представлена одиночными примерами, в частности, атмосферные явления сравниваются с живой природой на основе громкого звучания:

Гроза в саду рычит, как леопард,
От бешенства не знающий пощады…
Стойко держим оборону у Лодейного поля.
И вдруг, как гром – сигнал тревоги [6, с. 47].

Лексико-семантическая группа «Предметы» представлена предметами обихода человека, техникой, одеждой, связанной с военным временем:

А танки с крестами и солдатские каски –
Черны, словно пепел обугленных хат [5, с. 9].

Основой таких сравнительных конструкций является подобие по цвету, форме, физическим особенностям, качественная характеристика объекта:

Ми пушки тащили почти на руках
И выли, как звери, моторы в горах [6, с. 45].

Значительна у автора группа сравнений для обозначения абстрактных понятий, которые очень часто подлежат сравнению с конкретными предметами, людьми либо с такими же абстрактными понятиями:

За крестьянскую песню полжизни даю
И песню народу как кольцо золотое дарю [5, с. 54].

Сравнительные конструкции вызывают у автора необычные ассоциации, которые находят свое отражение в сложных многокомпонентных структурах, что усиливает стилистическую роль:

А песня в сердцах оставалась.
И в битвы ходила, как мудрый вождь и как ратник,
И воинов на битву водила [5, с. 54].
В ополчении прощание,
Как разбитая лодка,… [5, с. 59].

Таким образом, анализ семантики субъекта сравнения предопределяет существование нескольких лексико-семантических групп, среди которых наиболее распространенной является группа «Человек». Особенность этих конструкций в том, что они сравниваются с реальными конкретными

предметами. Художественный текст, в составе которого есть сравнительная конструкция, может приобретать различные дополнительные оттенки и замечания.

Сравнительные конструкции разнопланового характера – один из самых важных элементов художественного текста, и поэт-фронтовик Иван Федоров стремится, как правило, к тому, чтобы сравнения были яркими и заметными. Эти конструкции – важный компонент поэтической картины и доминирующий признак индивидуального стиля приднестровского поэта-фронтовика Ивана Федорова.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
2. Кузнецова Н.В. Русский язык и культура речи: учебник. – 3-е изд. – М.: Форум, 2010. – 368 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 10000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26 изд., испр. и доп. – М.: «ООО Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и образование», 2010. – 736 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3: Р–Я. – Изд. изм. и испр. – М.: Вече: мир кн., 2001. – 671 с.
5. Федоров И.М. Анекдоты, стихи. – Тирасполь. – 2012. – 76 с.
6. Федоров И.М. Жизнь моя – в стихах. – Тирасполь. – 2012. – 132 с.

МЕНТАЛЬНЫЕ ИМЕНА В РУССКОМ ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО)

Н.В. Патроева
Петрозаводский государственный университет, д.ф.н.,
заведующий кафедрой русского языка ПетрГУ; e-mail: nvpatr@list.ru
Россия, Карелия, г. Петрозаводск

Поэтическая гносеология предполагает оппозицию рационального и чувственного как разных ступеней мировосприятия в процессе формирования индивидуально-авторской картины бытия. Русская «поэзия мысли» предоставляет богатейший материал для сопоставления ментальных концептов в языке, философском дискурсе и лирике.

Ключевые слова: *рациональное; познание; мировосприятие; антиутопия; «поэзия мысли».*

Категории «разум» и «рассудок» обычно рассматриваются в гносеологии, логике, философии, психологии как обозначение некоторых способов познавательной деятельности человека (о формах рациональности см., напр. [1; 12; 22]). Разграничение категорий «рассудок» и «разум» как способов познавательной деятельности человека, намеченное еще в эпоху античности, было поддержано мыслителями Возрождения и Нового времени – Н. Кузанским, И. Кантом, Ф. Шеллингом, Г. Гегелем и др. Так, *рассудок*, согласно классической интерпретации рационального, оперируя эмпирическими данными, познавая все «относительное»», «земное» и «конечное», способен правильно классифицировать явления, приводить знания в формально-логическую систему. *Рассудку* приписываются строгость разграничений и утверждений, тенденция к упрощению и схематизации, негибкость и категоричность (не случайно Гегель отождествлял рассудок с «метафизическим», не диалектическим пониманием действительности), между тем как *разум*, сущность которого состоит в целеполагании, рефлексии, открытии «абсолютных», даже «божественных», истин, выступает как высшая в сравнении с рассудком способность мышления (в том числе научного познания, нравственного и творческого сознания), приводящая к единству все противоположности (Гегель), вырабатывающая «регулятивные принципы» человеческого поведения (Кант).

Вместе с тем от философской и логико-психологической трактовки категорий рассудка и разума, подчеркивающих момент различия и даже противоположности этих понятий друг другу, весьма отличается интерпретация соответствующих лексем в толковых словарях русского языка, что, впрочем, вполне закономерно: значение слова вбирает в себя не все существенные признаки явления, входящие в его сигнификат, основывается на наивных, традиционных представлениях носителей языка об этом предмете, включает, помимо денотативно-понятийного, иные составляющие – например, коннотативный, культурный, идеологический и др. семантические компоненты.

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» предлагается следующее толкование: «**Разум**… 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить…// Ум, интеллект… // Разумность, целесообразность… 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности человека… // Нормальное состояние человеческого

сознания… 3. Устар. Смысл, значение ч.-л. …» [21, с. 530–532]; «**Рассудок**… 1. Способность логически мыслить, рассуждать; разум (в 1-м значении)… // Способность осмысленно воспринимать окружающее, сознание… 2. Здравый смысл, рассудочность…» [21, с. 851].

Таким образом в первом значении лексемы *разум* и *рассудок* оказываются синонимичными, однако вторичные значения их дифференцируют.

В словарях синонимов лексемы *рассудок* и *разум* оказываются в одном синонимическом ряду, возглавляемом словом-доминантой *ум*. Так, по данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», *ум, разум, рассудок* как синонимы обозначают и способность человека думать, понимать, и соответствующий «невидимый» орган [16, с. 447–448]. Но если при использовании слова *ум* акцент делается на процесс получения знания, то при употреблении синонимов *разум* и *рассудок* переносится на его результат (уже достигнутое понимание). При этом *разум* и *рассудок* ассоциируются с разными ценностями: разум – с высшими этическими понятиями; рассудок – всего лишь со здравым смыслом, расчетливостью.

Словари антонимов [15, с. 239] указывают на семантическую полярность членов пар *рассудок – сердце, разум – чувство, разум – безумие*, но не включают оппозицию *разум – рассудок*.

Фразеологический фонд русского языка свидетельствует об отсутствии у чуждых сфере народно-разговорной речи лексем *разум* и *рассудок* связанных значений, закрепленных за каким-либо устойчивым комплексом. В систему фразем включена только лексема *ум* (очень редко встречаются формульная дублетность или взаимозаменяемость вариантов: *набраться ума-разума*; *жить своим / чужим умом / разумом*.

В «Словаре эпитетов» К. Горбачевича и Е. Хабло описываемые понятия не представлены, так как атрибуты при этих абстрактных понятиях встречаются очень редко. Однако, как известно, в художественной речи общеязыковая семантика слова трансформируется, расширяется, обогащается за счет появления «приращений», добавочных «обертонов» смысла. При этом образную парадигму активнее формируют генитивные метафоры с лексемой *разум*, включающие конкретный по значению метафоризирующий и абстрактный по семантике метафоризируемый компоненты: *лоза разума, крылья разума, престол разума, факел разума, солнце разума, свеча разума, светоч разума, светильник разума, свет разума, луч разума, заря разума*. При этом отрицательная коннотация встречается очень редко (например, *зной разума* у Блока) [9, с. 453–454].

С учетом указанных обстоятельств, а именно: 1) неоднозначной интерпретации категорий рационального в философской литературе, энциклопедических и лингвистических словарях, 2) способности слов к трансформации узуальной семантики в условиях поэтического контекста – кажется интересным проследить функционирование лексем *рассудок* и *разум* в условиях поэтического дискурса – на материале стихотворных произведений одного из ярких представителей романтической философской лирики XIX века – русской «поэзии мысли» – Е.А. Баратынского, автора психологических и медитативных элегий, который, по замечанию «любомудра» Н.А. Мельгунова, «возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества» [3, с. 431].

Тайна жизни и смерти, добра и зла, диалектика чувства и разума, законы человеческой судьбы и мироздания, взаимоотношения природы и цивилизации, сущность познания и поэтического творчества, возможность обретения истины – вот что волновало Баратынского, воспитанного на блестящих образцах просветительской мысли, с юности проявлявшего «склонность к умственным занятиям» [3, с. 130–131] и «искренную религиозную любовь к истине» [3, с. 254]. «Нам очень нужна философия» [3, с. 164], – как-то заметил в одном из своих писем Баратынский, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. испытавший влияние шеллингианских идей благодаря знакомству с участниками заседаний московского «Общества любомудрия» [10; 11] (И.В. и П.В. Киреевским, В.Ф. Одоевским, С.П. Шевыревым, Н.А. Мельгуновым, А.С. Хомяковым и др.) (О русском шеллингианстве см.: [14; 19; 23]). И еще: «Всякой писатель мыслит, следственно, всякой писатель, даже без собственного сознания, философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая… старые образцы могут сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках» [3, с. 207].

Мысль, дума, истина, *ум, разум, рассудок* – важнейшие для Баратынского-философа понятия, о чем свидетельствуют уже сами заглавия его стихотворений: «Мысль», «Мудрецу», «Истина», «Предрассудок» и т.п. При этом, как показывают наблюдения, «поэт мысли» стремится разграничить содержание лексем (и концептов) *разум* и *рассудок*, хотя их поэтическое употребление, конечно же, во многом далековато от строго терминологического, метафизического.

Так, слово *рассудок* чаще используется Баратынским как синоним здравого смысла, рассудительности, рассудочности (в противоположность чувству и сердечным влечениям). Например:

Узнал ли друга ты? <…>
Уж многих слабостей, тебе знакомых, нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!
***Рассудок** тверже и верней…* [2, с. 58]
Печаль бесплодную рассудком усмири… [2, с. 110]
Как миг один рассудок побеждает –
По пальцам все она расскажет вам. [2, с. 213]
Приманкой ласковых речей
*Вам не лишить меня **рассудка!*** [2, с. 85]
Опасны сердцу ваши взоры…<…>
От власти их, когда возможно,
*Спасти **рассудок** я желал.* [2, с. 106]
Я полон сладкою тоской,
*Но нет! **рассудка** не забуду…* [2, с. 120]

Однако поэтический контекст создает условия не только для дифференциации смыслов (что обычно и для нехудожественного текста), но и, напротив, для совмещения, наложения, «мерцания» двух и более семантических оттенков. Так, аппликация, взаимопроникновение значений «здравый смысл» и «способность логически мыслить, рассуждать» обнаруживаются, например, в следующих строках:

Даете цену вы всему:
***Рассудку**, шалости, уму…* [2, с. 106]
Бывал обманут сердцем я,
*Бывал обманут я **рассудком**…* [2, с. 223]

Эта достаточно высокая степень «неопределенности» поэтического контекста обусловливает богатые возможности для его множественной, неоднозначной интерпретации вдумчивым читателем. По верному замечанию С.Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста… Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [8, с. 75]. Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов – их «структурное свойство» ([18, с. 424]; см. также: [17].).

Лексема *разум* чаще употребляется Баратынским в первичном значении ‘высшая степень познавательной деятельности, способность логически мыслить’. При этом автор подчеркивает творческое начало и ценностный характер данного типа рациональности, а также его взаимосвязь со сферой чувств, причастность Божественному Логосу, что дарит мыслящему индивиду ощущение свободы, но неразрывное с моральным сознанием:

*Вотще ей **разум** дарованья,*
И чувств, и мыслей прямота… [2, с. 163]
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков… <…>
*И **разуму** отчет стараюсь в сердце дать!* [2, с. 103]

Реже в стихотворных произведениях Баратынского встречаем иные лексико-семантические варианты: ‘ум’, ‘индивидуальные умственные способности’:

Наполни вздохами истерзанную грудь,
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки… [2, с. 57]
*Обширный **разумом** и сильный, громкий словом…* [2, с. 111]

В одном из писем М.П. Погодину Баратынский, вполне в духе идей еще XVIII столетия, высказывается о необходимости постройки всего социального здания на рациональных началах: «Главная моя мысль: человечество состоит из человеков, следственно, в нем развивается человек. Ход их развития один и тот же. закон его в законе разума человеческого… Изъясняю мысль мою сравнением, ибо более поэт, нежели философ» [3, с. 131]. В реальности же законы общественного устройства, ко-

торые должны быть основаны на принципах ratio, согласно идеалам Просвещения, далеки от подлинной гармонии, по мысли лирического героя Баратынского:

Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и ***разума*** *прижимку,*
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен… [2, с. 147]

Баратынского волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природы и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Так, согласно основной идее стихотворения «Истина», абсолютное знание дается человеку только ценой смерти:

… некогда обдумывал с роптаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! –
Вещала. – Захочу –
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу…

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой»…

Светильник твой – светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный,
И страшен для живых…

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть, и всё, что сердцу мило,
Забыть придется мне,

Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети:
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти» [2, с. 105].

Грандиозная по силе своего воздействия картина разворачивается перед читателем стихотворения «Последняя смерть», которое поражает глубиной и проницательностью взгляда Баратынского-мыслителя, повествующего о «последней судьбе всего живого», и является своего рода антиутопией, мрачным пророчеством, предостережением романтика, утратившего веру в прогресс цивилизации и возможность установления всеобщей гармонии усилиями «просвещенного» разума.

Открывается стихотворение экспозицией, содержащей характеристику уникального душевного состояния, позволившего лирическому субъекту увидеть будущее. Для Баратынского важно проникнуть в самоё сущность «откровения» не только как средства, но и предмета познания, точно назвать, определить это «пограничное» состояние между уходом из жизни и возвратом к ней, сознанием и бессознательным, «разумением» и «безумием»:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им

С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятья своего,
А между тем как волны на него
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
… мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года…
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого [2, с. 137–138].

«Аналитический метод, созданный романтиками, – подчеркивает В.И. Хрулев, – выявлял психику в ее контрастах, необычных сочетаниях и внутренних переходах… Романтическая диалектика открыла тончайшие стороны духовного мира человека, проникла в область подсознательного и интуитивного» [24, с. 35]. Поэт-избранник, пророк, погруженный в глубины своего «я», путем озарения постигает то, что неподвластно разуму, зрению, обычного человека. Творческое сознание, в концепции романтиков, свободно и может выполнять функцию опережающего отражения реальности. Однако поэт ограничен в возможности «перевода» своих прозрений на обыденный язык, отсюда – романтическая ирония, подчеркивающая «невыразимость» истины и допускающая иные истолкования, номинации для сущего:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать?..

В этом – скрытая диалогичность, «полифонизм» (в терминах М.М. Бахтина) монолога лирического «я» (или диалог «внутри одного сознания» [7, с. 5–6]), пришедшие на смену декларативности возводившихся в ранг абсолютной истины суждений поэтов-классицистов.

Воспоминание о древнем Хаосе («отчизне давней»), из которого вышло все живое и неживое, рождающая прозрение стихия бессознательного в размышлениях Баратынского – мотивы, возникшие, несомненно, под влиянием шеллингианских идей. «Родство стихии и человеческой жизни, – указывает И.М. Семенко, – источник натурфилософского оптимизма… Но Баратынскому в “Последней смерти” его “романтическая мечта”, “виденье”, приносит неутешительные откровения» [20, с. 253].

За первыми двумя строфами, посвященными скрупулезными анализу «чудесного», неуловимого мгновения, «ускользающей точки соприкосновения двух миров» [13, с. 103], развертывается описание видения. Начальная картина его повествует о достижениях «просвещенного» разума, подчинившего себе природные стихии:

Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы…
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещенье! [2, с. 138]

Итак, победа человеческого разума над природой одержана, но какой ценой! Ценой разрушения естественных связей, законов. Следующий период в истории цивилизации уже не «прельщает», а «смущает» прорицателя, не оправдывая его первоначальных надежд, – достигнутое благо (победа над природными стихиями) вдруг оборачивается злом:

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?

Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали…
И умственной природе уступила
Телесная природа между них… [2, с. 139]

Для Шеллинга природа самодостаточна, «она есть ее собственный продукт – из себя самой организованное и само себя организующее целое» [25, с. 130], и только кажется пассивной, но, если затронута ее суть, нарушены законы, она бурно реагирует и может отомстить за отношение к себе только как к объекту использования. Для Баратынского же результаты неумеренно «разумного» воздействия на природу куда более трагичны, причем трагедия эта носит двусторонний характер: человечество, отъединившееся от натуры, постепенно деградирует в результате глубокого и неизбежного разрыва между чувством и разумом, вследствие дисгармонии «телесной» и подавляющей ее «умственной» природы. Гипертрофия разума, «фантазии», наслаждение завоеванной свободой от материальных нужд порождают пресыщение, равнодушие, «бездейственную лень», бессилие чувств и желаний.

Третья, заключительная картина, апокалиптическая по своему содержанию, подводит итоги, «приводит» к уничтожению всего живого на земле:

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах! [2, с. 139–140]

Современникам Баратынского его антиутопия показалась «неясной». В.Г. Белинский, назвавший «Последнюю смерть» «апофеозою» всей поэзии Баратынского [5, с. 475], посчитал между тем это пророчество «великолепной фантазией, и не больше, чем фантазией!». Критикам и читателям XIX века не суждено было постичь всю силу художественной интуиции «поэта мысли». И только в XX столетии, прежде всего в рамках «философии жизни» (Шестов, Хайдеггер, несколько ранее – Кьеркегор, Ницше), была осознана опасность гипертрофии рационального, в конечном счете способной обернуться «антропологической катастрофой». Этот кризис традиционных рационалистических представлений привел к разрушению образа всегда адекватного самому себе и целесообразного ratio, к пониманию подверженности разума подсознательным импульсам, влечениям, ослеплениям, к осознанию, наконец, того, что человеческая жизнь, как и история, «не суть рациональный процесс, они включают в себя иррациональное как свою сущностную компоненту» [4, с. 50].

Как показали наши наблюдения, у лексем *рассудок* и *разум*, стилистически нейтральных в общелитературном языке, в поэтическом контексте появляются добавочные оценочные смыслы: разум как высшая способность мышления, связанная с творческим потенциалом личности, получает, как правило, положительный коннотативный ореол; рассудок, наряду с мелиоративной, может получать пейоративную или же шутливо-ироническую коннотацию. Эти дополнительные оценочные семы воспринимаются читателем на фоне достаточно широкого контекста (ср., например, интерпретацию строки «Вот разума великолепный пир!», взятой изолированно и по прочтении антиутопии «Последняя смерть»), иногда целого произведения или всего творчества автора, так как слова *разум* и *рассудок* употребляются Баратынским и другими поэтами, как правило, без зависимых компонентов [6, с. 148–151] (оценочных атрибутов-прилагательных, притяжательных местоимений, генитивных форм), за редким исключением: *мой разум* [2, с. 105], *разум дарованья* [2, с. 163]. Лишь однажды у Баратынского слово рассудок сопровождается качественными адъективами, выступающими в функции предиката: *Рассудок тверже и верней* [2, с. 58].

Итак, хотя в стихотворениях Баратынского спектр значений лексем *разум* и *рассудок* не выходит за границы общеязыкового, системного, декларация поэта «Философ я…» все же не кажется преувеличенной, самонадеянной: не употребляя эти категории в соответствии с той или иной философской традицией, не противополагая их как две разные формы мышления, а подчас сливая их воедино, Баратынский обнаруживает воистину философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая тем самым откровения позднейшей иррационалистической философии.

Литература

1. Автономова В.А. Рассудок, разум, рациональность / АН СССР, Институт философии; отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1988. – 286 с.
2. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
3. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
4. Барчугов А.П. Противоречие и рациональность: Логико-методол. и социал.-антропол. анализ: Очерки теории. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. – 120 с.
5. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии: 1842–1843 / ред. Б.И. Бурсов. – 1955. – 799 с.
6. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 156 с.
7. Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.) / М-во просвещения УзССР, Респ. пед. ин-т рус. яз. и лит. – Ташкент: Фан, 1987. – 118 с.
8. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 336 с.
9. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Транзиткнига, 2004. – 667 с.
10. Каменский З.А. Московский кружок любомудров / АН СССР, Институт философии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
11. Каменский З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. – М.: Наука, 1980. – 325 с.
12. Колесов В.В. Концепты Рассудок, Разум, Ум и Мудрость в поле русского сознания // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. – 2016. – Т. 11. – №3. – С. 75–86.
13. Лебедев Е. Тризна: Книга о Е. Боратынском. – М.: Современник, 1985. – 301 с.
14. Липич Т.И. Русское романтическое шеллингианство первой половины XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №8. – С. 134–137.
15. Львов М. Словарь антонимов русского языка. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 380 с.
16. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. – М.: Шк. «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1997. – 511 с.
17. Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 2000. – №3. – С. 55–82.
18. Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 418–433.
19. Сахаров В.И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе. – М., 1978. – С. 210–226 .
20. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. – М.: Художественная литература, 1970. – 295 с.
21. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. – Т. 12. – М., 1961.
22. Соколов А.С. Пути разума: социально-антропологические аспекты типологии рациональности. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. – 47 с.
23. Философия Шеллинга в России / отв. ред. В.Ф. Пустарнаков. – СПб.: РХГИ, 1998. – 528 с.
24. Хрулев В.И. Романтизм как тип художественного мышления. – Уфа: Изд-во БГУ, 1985. – 80 с.
25. Шеллинг Ф. Первый набросок системы натурфилософии для лекций (1799) // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – №1. –С. 128–133.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ *МЫ* В СТИХОТВОРЕНИИ П. КОГАНА «МОНОЛОГ»

Н.Е. Петрова[1], М.С. Воробьёва[2]

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,

[1]д.ф.н., доцент; e-mail: petrova_ngpu@mail.ru

[2]студент; e-mail: mcv98@yandex.ru

Россия, г. Нижний Новгород

В статье анализируется концептуальное содержание местоимения МЫ, отражающее авторское восприятие своего поколения и его роли в истории. В качестве основных средств актуализации смысла рассматриваются синтагматические связи местоимения, композиционные приемы его использования, а также интертекстуальные связи.

Ключевые слова: *местоимение; концептуальный; интертекст; повтор.*

Исследование концептуальной семантики слова является одним из самых актуальных направлений современной антропоцентричной лингвистики, однако единого понимания терминов «концепт», «концептуальная семантика» до настоящего времени не выработано. В своем понимании

терминологического выражения «концептуальная семантика» мы опираемся на следующее определение концепта: «*Концепт* – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [8, с. 175]. Спецификой художественного концепта является его системообразующая функция: репрезентанты концепта выявляются на разных уровнях языка и, взаимодействия в тексте, создают цельный художественный образ «фрагмента мира» [см.: 5, с. 222].

Объектом нашего исследования является стихотворение «Монолог» П. Когана, а предметом – концептуальная семантика местоимения *мы*, которое в данном тексте репрезентирует индивидуально-авторский концепт МЫ, т.е. субъективное представление о поколении, к которому принадлежит лирический герой. Концептуальную семантику данного ключевого слова, являющегося одновременно и именем концепта, составляют те признаки этого поколения, которые отражают авторское восприятие его роли в истории, включающее оценочные и ценностные характеристики.

Выделяя существенные для содержания концепта компоненты актуального (модифицированного контекстом) значения местоимения *мы* в стихотворении П. Когана, мы исходили из оппозиции «узуальное лексическое значение» vs «речевой смысл» слова. Речевой смысл слова в противопоставлении к инвариантному языковому значению представляет собой такую связанную со словом информацию, которая характеризуется изменчивостью и зависит от свойств коммуникантов [см.: 4, с. 12]. Речевой смысл, который вкладывает говорящий в слово, обусловлен его (говорящего) личным опытом, мироощущением, оценочными установками, конкретными коммуникативными целями и интерпретируется адресатом на основании контекста: «Единство речемыслительного процесса особенно ярко проявляется в том, что в речевом смысле актуализируются (а иногда и подавляются, «зачеркиваются») так называемые потенциальные (ассоциативные, факультативные) компоненты языковых значений, т.е. связанные с ними фоновые знания об обозначаемых предметах, явлениях, свойствах, отношениях действительности» [2, с. 82–83]. Речевой смысл слова раскрывается в его контекстных синтагматических связях, а также в приемах употребления, которые могут подчеркивать парадигматические отношения анализируемого слова с другими словами в данном тексте. Именно эти связи и отношения местоимения *мы* будут в центре нашего внимания в ходе анализа текста стихотворения «Монолог».

В качестве предварительного замечания следует отметить специфику семантики личных местоимений как номинаций человека. Характеризуя связь местоимений с языковым смыслом, Н.Ю. Шведова отмечает, что именно посредством местоимений понятия материализуются «в чистом виде», обозначаются сами по себе. Дейктическое слово открывает собой «определённое “смысловое пространство” для разноуровневых, но семантически связанных знаковых единиц» [11, с. 32]. Нам кажется очень верной мысль Н.Ю. Шведовой о функции личных местоимений, которые, наряду с другими местоименными номинациями одушевленного предмета, материализуют важнейший «человекоцентричный» смысл *кто*: «Специфика смысла *кто* заключается, по сравнению с другими, также в том, что он сильно стремится своими собственными средствами участвовать в представлении таких смыслов, как “*где* – место”, “*когда* – время”, “*почему* – причина” и др., а также в представлении ситуации в целом» [11, с. 40].

Для адекватной интерпретации концептуального содержания местоимения *мы* в стихотворении «Монолог» необходимо учитывать более широкий коммуникативный контекст – контекст эпохи. П. Коган написал стихотворение «Монолог» в 1936 году. С одной стороны, это год своеобразного подведения итогов периода от 1917 г., и главным таким итогом стала новая Конституция Советского Союза, отменившая диктатуру пролетариата. С другой стороны, уже во второй половине 1936 года начались широкие репрессии граждан СССР. Именно историческим контекстом объясняется тот факт, что всё стихотворение проникнуто интонацией трагических противоречий.

Общий языковой смысл местоимения *мы* (указание на говорящего и того, кого он с собой объединяет) по-своему модифицируется в дискурсах разных типов, в силу чего исследователи выделяют вариации инклюзивного (я и круг «своих») *мы* и эксклюзивного *мы* (*мы* не *они*) [см.: 9, с. 25-26]. В частности, в [7] местоимение *мы* рассматривается в аспекте создания социального автопортрета говорящего, а именно – как средство его социальной самоидентификации. Эта функция местоимения *мы* является, на наш взгляд, одной из главных и в стихотворении «Монолог».

В исследуемом тексте местоимение *мы*, приобретая собирательно-инклюзивную семантику, используется как номинация поколения, с которым идентифицирует себя лирический герой, – поколения строителей нового общества. Этот социальный смысл актуализируется через смысловую оппозицию, имеющую также символическую значимость: *мы* (бойцы, исполнители) – *век* (командующий):

Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы бредили боями,
А ***век велел*** *– на выгребные ямы!*
А ***век командовал****: «В шеренгу по два!»*
Мы отступили…

Взаимодействовать с веком, решая поставленные им задачи и выполняя команды, может не всякая социальная группа, а активное ядро общества – поколение молодых и сильных, объединенных общей целью. Текстовая синтагматика местоимения *мы* позволяет выявить те важнейшие признаки этого поколения, которые формируют содержание индивидуально-авторского концепта МЫ. Существенную роль в актуализации концептуальных признаков референта местоимения *мы* играет прием повтора, который, по справедливому замечанию С.А. Головкиной, является «необходимым конструктивным элементом поэтического текста <…> служит выделению слов, ключевых для понимания содержания и модальности текста, становится характерной и неотъемлемой чертой индивидуально-авторского стиля поэта» [3, с. 61].

В тексте стихотворения местоимение *мы* повторяется 14 раз в форме именительного субъекта и 3 раза в форме винительного падежа *нас* с объектной семантикой. В той или иной форме слово *мы* фигурирует практически в каждой строчке текста, при этом автор широко использует синтаксический параллелизм, например: *Авантюристы, мы искали подвиг, / Мечтатели, мы бредили боями…*; *Честнейшие – мы были подлецами, / Смелейшие – мы были ренегаты*.

На протяжении всего стихотворения для местоимения *мы* воспроизводится позиция анафорического подлежащего в двусоставном предложении, что акцентирует смысловые оппозиции в группе именных и глагольных сказуемых: *кончены, отступили / отступали* vs *искали подвиг, бредили боями, приняли бой; пили водку, пили ерофеич* vs *настоящего вина не пили*; *били в лоб* vs *не стреляли сбоку.*

Нельзя не отметить смысловую роль определений при местоимении *мы.* Номинации признаков занимают актуализированную позицию в параллельных синтаксических структурах: это обособленные члены, обогащенные добавочным уступительным значением, к тому же вынесенные в абсолютное начало предложений. Оксюморонное сочетание непредикативных признаков (*авантюристы, мечтатели, смелейшие, честнейшие*) и предикативных (*подлецы, ренегаты*) создаёт неоднозначный образ поколения лирического героя. С одной стороны, это поколение романтиков и героев, способных на самоотречение. С другой стороны, это поколение бойцов, которые прибегали к жестокому насилию. Этот смысл репрезентируется микрополем глаголов и глагольных перифраз с семой военного конфликта: *мы как надо /* ***Приняли бой****, лица не закрывая, / Лицом к лицу и не* ***прося пощады****; Мы* ***били*** *в лоб. Мы не* ***стреляли*** *сбоку*. Противник, в конфликт с которым вступило *мы*-поколение, в тексте не назван. Он представлен только косвенными сигналами, а именно действиями, объектом которых является *мы*-поколение: *Но камень бил, но резала осока, / Но злобою на нас несло из окон / И горечью нас обжигала песня*. Кто же находится за окном, чьей рукой брошен камень, за что резала до крови осока? Очевидно, в импликатуре текста – люди, та часть народа, которую пришлось подавлять силой.

В целом отмеченные смысловые оппозиции способствуют формированию образа рефлексирующего лирического *мы*-героя, сознание которого исполнено противоречий и сомнений. Показательно в этом смысле рефренное употребление сочетаний *мы кончены, мы отступили*, и выразителен сам рисунок рефрена. Первая строка стихотворения – *Мы кончены. Мы отступили*; девятая строка (начало) – *Мы отступили…*; тринадцатая строка – *Мы отступали…*; восемнадцатая строка (начало) – *Мы кончены…* В результате кольцевого повтора последнее слово остается за горьким *Мы кончены*, и сразу после этого, в последних четырёх строках стихотворения, в монолог вливается голос лирического *я*:

Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: "Да здравствует история!" –
И головою падаю под трактор.

В заключительной части мы опять видим повтор элементарной синтаксической конструкции – двусоставного предложения с прямым порядком слов и *я* в функции подлежащего. Это личностное *я* – *я* говорящего, которое отражает «сложность, многогранность, противоречивость человеческой натуры» [6, с. 14]. Отметим временную оппозицию двух частей текста, центрами которых являются личные местоимения. Предикаты лирического *мы,* формируют план прошедшего времени, а предикаты лирического *я* – условного настоящего. Оппозиция времен символична: время *мы* кончилось, настоящее личностного *я* – это время подведения итогов, осмысления своей личной позиции и своей роли в истории страны.

Интерпретант художественного смысла заключительного *я*-контекста вправе увидеть интертекстуальную связь с образом «стальной конницы» из есенинского «Сорокоуста». Эффект интертекстуальности возникает за счет двух факторов. Первый фактор – смысловая и символическая близость номинаций *трактор* и *стальная конница*. Слово *трактор* и метафорическая перифраза *стальная конница* – номинации «железной» машины (различия между трактором и паровозом не важны), приход которой возвещает потерю старой России и рождение новой, для кого-то чужой, страны. *Трактор* – символ колхозного строительства, стальная конница – более широкий символ индустриализации.

Не менее важен второй фактор интертекстуальной связи с «Сорокоустом» – это идея исторической жертвы, которую приносит сама душа человека и России во имя строительства нового государства, ср.: … *головою падаю под трактор* (П. Коган. Монолог) – *Вот он, вот он с железным брюхом / Тянет к глоткам равнин пятерню*; *... живых коней / Победила стальная конница* (С. Есенин. Сорокоуст).

Отметим еще одну интертекстуальную связь, которая вполне может возникнуть при чтении «Монолога», – это связь с «Думой» М.Ю. Лермонтова. Сигналами интертекстуальности служат, конечно, личные местоимения *я, мы*, общая тема поколения и его роли в истории страны, ведущая роль двусоставного предложения с *мы*-подлежащим и характеризующим предикатом в синтаксической организации текста. В обоих текстах *мы* является номинацией поколения и именем соответствующего индивидуально-авторского концепта, только у Лермонтова этот смысл местоимения эксплицирован выражением *наше поколенье*, а у Когана заложен в подтексте.

Вместе с тем на фоне общего четко определяется специфика взаимосвязи *я – мы* у Когана и у Лермонтова. Лирический герой Лермонтова, несмотря на инклюзивный характер *мы*, не идентифицирует себя с *нашим поколеньем* – он *печально* глядит на него со стороны и обличает его пороки. В «Монологе» П. Когана лирическое *я* и лирическое *мы* не противопоставлены, это ипостаси единого целого, которое, пользуясь выражением Н.Ю. Шведовой, участвует в представлении своего времени. *Мы* в «Монологе» – это средство социальной самоидентификации, о чем уже было сказано в начале статьи, а фразы *мы были подлецами, мы были ренегаты* раскрывают духовную трагедию поколения *честнейших и смелейших*, вынужденных идти к идеалу через насилие и нравственные компромиссы.

Определенную роль в формировании концептуального содержания местоимения *мы* у Когана играет заглавие стихотворения – «Монолог». Существительное *монолог* имеет следующее узуальное значение: ‘речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе’ [10, с. 459]. Сема ‘одно лицо’ актуализируется в контексте рассматриваемого стихотворения, потому что название *Монолог* подчёркивает единство лирического героя с теми, кто стоит за номинацией *мы*, и появление личностного *я* в конце стихотворения не нарушает этой моносубъектности.

Подведем итоги. В данном исследовании мы старались придерживаться принципов дискурсивного анализа семантики местоимения *мы,* что предполагает учет не только вербального, но и экстралингвистического контекста его функционирования [см.: 1, с. 5]. В результате были выявлены специфические признаки индивидуально-авторского концепта МЫ, воплощенного в художественный образ поколения, неотъемлемой частью которого ощущает себя лирический герой. Основным признаком, формирующим концептуальный смысл местоимения *мы*, является противоречие между романтическим стремлением к идеалу и *выгребными ямами* жизни, на которые это поколение отправил век. В тексте стихотворения отмеченный признак выражается через многочисленные смысловые оппозиции, включая и оппозицию временную, концентрирующиеся вокруг местоимения *мы*.

В заключение хочется подчеркнуть, что лирика П. Когана, погибшего в 1942 году под Новороссийском в возрасте 24-х лет, отличается оригинальной, выразительной поэтикой и, на наш взгляд, дает исключительно богатый материал для исследования смыслового потенциала слова. Изучение его творчества в рамках научно-исследовательской работы студентов обладает несомненной актуальностью для формирования у молодежи исторической памяти, для понимания специфики предвоенной

эпохи в СССР и характера того воспитанного революцией 1917 года поколения молодых, которое одержало победу в великой войне.

Литература

1. Авдевнина О.Ю. Местоимения и местоименная семантика в дискурсивном анализе художественного текста // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2009. – №13. – С. 5–12.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
3. Головкина С.А. Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – №7. – С. 61–66.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Можнова Ж.И. Художественный концепт как системообразующая единица художественного произведения // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Перо; Саратов: Амирит, 2018. – С. 222–224.
6. Мурашева О.П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – №1–2 (38–39). – С. 13–19.
7. Норман Б.Ю., Плотникова А.М. Конструкции с местоимением МЫ: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – №6 (34). – С. 126–138.
8. Пименова М.В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и сознание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 172–186.
9. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №2. – С. 21–28.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 1175 с.
11. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

ЧИСЛОВОЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ Л.А. РУБАЛЬСКОЙ И В.А. СТЕПАНОВА

А.А. Печенькова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
преподаватель; e-mail: anastasia4366@rambler.ru
Республика Беларусь, г. Витебск

В статье описывается числовой код в лирике Л.А. Рубальской, В.А. Степанова; представлены основные нумеративы, используемые в художественных текстах, их семантика и частотность употребления. Отражены основные значения чисел в лирических произведениях.

Ключевые слова: *лингвопоэтика; число; нумератив; числовой код; лингвокультура.*

Категории числа в литературных произведениях уделяется не так много внимания, однако данная единица представляется интересной для исследования. Лингвисты считают, что в поэтическом произведении используются числа, нумеративы и квантитативы (слова, которые употребляются с числительными или выражают значение количественности), имеющие символическое значение, и нумеративные единицы, не имеющие перифраз. Употребление того или иного числа указывает на принадлежность поэта к определенной лингвокультуре и может отражать определенные представления о значении числа. Объектом исследования послужил числовой код, который влияет на восприятие литературного произведения. Предмет исследования – числовой код в творчестве двух авторов XX века – Л.А. Рубальской и В.А. Степанова.

Материалом исследования были выбраны стихотворения Л.А. Рубальской и В.А. Степанова, содержащие компоненты – числа, нумеративы.

Результаты исследования. Под числовым кодом часто подразумеваются имена числительные, используемые в текстах художественной литературы и имеющие подтекст. В современной лингвистической литературе к числовому коду также относят нумеративы и квантитативы, которые отражают значение количества при помощи имен числительных, которые были подвержены субстантивации или адъективации или входили в состав новых слов, образованных в процессе сложения. В произведениях русских поэтов была обнаружена определенная тенденция к использованию конкретных числовых единиц.

Анализ имен числительных, входящих в тексты произведений Л.А. Рубальской и В.А. Степанова, показал следующие наиболее употребляемые числа.

Число «один» было употреблено чаще всего для выражения единства, единичности какого-либо явления и обособленности. Обнаружено употребление в качестве начала последовательности предметов, особенно у В.А. Степанова. У Л.А. Рубальской прослеживается тенденция к использованию данного нумератива в значении единичности и уникальности человека. Это ярко прослеживается в стихотворении «Одна» [1, с. 184] (*«…я увидел одну»* [1, с. 184]), в котором лексема отобразила единственного человека, который заставил лирического героя забыть предыдущие влюбленности. Похожее значение встречается в стихотворении *«А я такая одна»* [1, с. 9]. Противоположное значение возникает в другом стихотворении (*«Я одна живу отлично»* [2]), где число приобретает значение обособленности и отчужденности (*«Плачу только по субботам <..> И ещё, когда одна»* [2]). В значении единства появляется в «Кто сказал» [2], где автор подчеркивает: *«Мы и правда с тобою не пара, нас любовь превратила в одно»* [2]. Порядковое числительное встречается в одном стихотворении Л.А. Рубальской «В первый раз вдвоем», где указывает на единичность явления (*«Всё случилось в первый раз»* [2]).

У В.А. Степанова «один» встречается значение единства, например, в стихотворении «Российская семья»: *«Родина – Россия у нас у всех одна!»* [3] и «Кто хозяин» (*«Один этаж в доме – наш»* [3]). Чаще всего используется как начало перечисления группы предметов в «Галочка-считалочка» [3] (в стихотворении ведется счет до десяти), «Российская семья» [3] (сопоставление один – другой: *«Одним милее осень, другим милей весна»* [3] и т.п.) и «Приходят к дедушке друзья» [3] (*«Один сержант, другой майор»* [3]), «Скворцы» («раз и два» [3], «три и четыре» [3], «пять и шесть» [3] и др.)

У Л.А. Рубальской и В.А. Степанова число «два» встречается реже. Обычно этот нумератив обозначает парность явлений, предметов, людей. У Л.А. Рубальской в стихотворении «Безнадёга» [2] употребляется выражение «как дважды два» в качестве устойчивого выражения, обозначающего без сомнения ясное явление, событие, утверждение. Имя существительное «пара» в количественном значении употреблено в «Кто сказал» [2] (*«Говорят, мы с тобою не пара…»* [2]) и выражает дуальность. Образованное от двух число двадцать обнаружено в «Ты изменяешь мне с женой» [1, с. 27] в строке *«А мне давно уже за двадцать»* [1, с. 27], указывающее на возраст. Выражение используется в разговорном стиле для обозначения возраста, когда женщина должна завести собственную семью (подтверждается строкой *«И мне самой пора спешить»* [1, с. 27]), однако в стихотворении постоянно обращается к женатому мужчине, обвиняя его в чувствах к жене.

У В.А. Степанова почти не встречается число «два» или входит в состав перечисления предметов. Это может быть объяснено особенностью тематики стихотворений.

Число «три», «четыре», «пять», «шесть», «семь» встречается только у В.А. Степанова в стихотворениях «Урок на зеленой ветке» [3] («Встали по порядку: три-четыре-пять» [3]), где входит в состав перечисления, и «Паровоз» (*«вагон сегодня пятый»* [3], *«седьмой вагон»* [3]), в котором выражает нумерацию предметов, и в стихотворениях, представленных выше.

Одно из сакральных чисел в русской лингвокультуре найдено в стихотворении В.А. Степанова «Мышка» [3]: *«Целых тридцать три…»* [3]. Оно чаще всего встречается в фольклорных произведениях. В данном контексте автор обратился к данному числу как количеству предметов, однако ритмика стихотворения указывается на то, что число могло быть использовано в качестве указания на сюжет, соответствующий славянскому фольклору.

В стихотворении «Хозяйка-жизнь» [2] у Л.А. Рубальской был обнаружен нумератив «ноль» в уменьшительно-ласкательной форме как обозначение в игре «Крестики-нолики»: *«То круглый нолик обведёшь, то ставишь жирный крестик»* [2]. Данная метафора означает ход жизни, в котором все закономерно (*«То оживешь <..> то засада»* [2]).

У Л.А. Рубальской в стихотворении «Я бываю такая разная» [2] встречается нестандартный нумератив «сто» в составе имени прилагательного «стопроцентный» с количественным значением. Данное число символизирует завершенность, используется в обозначении начала или конца века.

Описанное выше позволяет сделать вывод о том, что для выражения определенных значений оба автора используют схожие числа («один», «два»), однако встречаются и единичные случаи для отображение специфических символических значений.

В заключение отметим следующее. Проведенная выборка художественных текстов, содержащих числа и нумеративы, показала, что авторы используют общепринятую символику для выражения числового кода в произведении. Наиболее частыми были использованы нумеративы «один» (в значении единства у обоих авторов) и «два» (в качестве дуальности предметов). Для Л.А. Рубальской

характерно употребление первой лексемы для выражения уникальности, тогда как для В.А. Степанова «один» входит в состав перечисления системы предметов. Интерес представляют единичные числительные ноль, тридцать три и сто. У Л.А. Рубальской ноль используется в составе фразеологизма, что дает ему авторскую семантику, сто используется в символическом значении завершенности чего-либо, а тридцать три у В.А. Степанова приобретает также авторское значение. Важно понимать, что числовой код в произведениях может углубить смысл отдельных стихотворений и помочь проследить тенденцию употребления определенных смыслов у авторов. Дальнейшее исследование может быть полезным для лингвокультурологических, лингвопоэтических работ и использоваться в качестве материала по изучению культурологических особенностей чисел в страноведческом аспекте.

Литература

1. Рубальская Л.А. Эта южная ночь. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.
2. Рубальская Л.А. Стихи. – Режим доступа: https://rustih.ru/larisa-rubalskaya/
3. Степанов В.А. Стихи. – Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-stepanov/

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ХАРАКТЕРА В РОМАННОЙ ПРОЗЕ Л. Е. УЛИЦКОЙ

Е.А. Подъячева
Филиал МБОУ «Пожарская СОШ» Яновская ООШ,
педагог-библиотекарь школы; e-mail: podya4ewa2017@yandex.ru
Россия, Нижегородская обл., Сергачский район

В статье демонстрируется важность исследования способов создания характера в романной прозе Л.Е. Улицкой. Представлены внутренние и внешние характеристики героев романа Улицкой «Медея и ее дети», анализируются такие способы создания характера, как описание характера языка, житийные и библейские подтексты, субъективная жизнь персонажа, внешние черты героя, стилистические приемы и т.д. Особое внимание уделяется аллюзии как способу создания характера в романной прозе Л.Е. Улицкой. Делается вывод о том, что с целью создания характера автор использует мифологический сюжет, переосмысляя его, дополняя реалиями современной жизни.

Ключевые слова: *создание характера; способы; внешние черты; стилистические приемы; аллюзия; символизация; Л.Е. Улицкая.*

В художественной литературе индивидуальные и типологические черты героя объединяются и проявляются в его характере, складе личности. Проявления такого склада личности наблюдаются в специфике поведения и отличительных свойствах натуры. Литературный тип представляет собой образ человеческой индивидуальности, которая наиболее возможна и типична для конкретного общества. В качестве литературного характера, как правило, рассматривают наиболее полно описанный образ человека с присущими ему индивидуальными особенностями. Конкретные типы поведения, которые, как правило, характерны определенным периодам истории и социальному сознанию, раскрываются именно через характер.

Творчество Л. Улицкой в настоящее время привлекает все большее внимание исследователей, в частности, в связи с тем, что автор создает яркие образы человека с индивидуальными чертами характера. Например, в главной героине романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» отражаются лучшие черты русской женщины, с которой так или иначе связаны другие герои романа. Кроме того, несмотря на то, что в основе романа Улицкой «Медея и ее дети» лежит женский образ, произведение характеризуется многолюдьем, что заключается в действии разновозрастных представителей обоих полов, причастных к различным национальностям, культурным традициям. В связи с этим значительный интерес вызывает вопрос о способах создания характера в романной прозе Л.Е. Улицкой.

Характер героев Улицкая передает с помощью пейзажных характеристик. Например, через данные характеристики описывается психологическое состояние Медеи. Ее описание сопровождается картинами безмятежной природы и широких просторов. Описание лучшего периода жизни героев – картинами белоснежной зимы на даче Кукоцкого и т.д.

В пейзажных описаниях акцент делается на цветописи. Так, С.А. Григорь обращает внимание на то, как Улицкая описывает *«ненасытно-огненную алчность»* старого Харлампия, деда Медеи, сложный цвет волос младшей сестры Сандрочки – *«красного дерева, даже с пламенем»* [3, с. 11]. Портрет Медеи передается через цветовой контраст черно-белых цветов: «Первые десять лет она носила все

исключительно черное, впоследствии смягчилась до легкого белого крапа или мелкого горошка все по тому же черному. Черная шаль не по-русски и не по-деревенски обвивала ей голову» [5].

Одной из дополнительных характеристик, с помощью которых изображается герой в романе «Медея и ее дети», является его описание в быту. Характер Медеи передается также через внешние проявления. Например, через размашистый почерк, который предполагает широту во внутреннем облике. Герои Л. Улицкой увлечены своей профессией и искусством, практически вся их портретная характеристика, а также характерные черты и даже событийность соотнесена с их интересами.

Следует отметить, что многогранность женских образов в романной прозе Л. Улицкой выражается с помощью антропонимов. Например, имя «Медея» означает «мидийка», то есть жительница других мест [3, с. 12]. Символично имя Ники, которое происходит от глагола, означающего «побеждать». Для героини характерны уверенность в себе, напористость и веселость, что оправдывает этимологию ее имени. Противоположностью Ники является ее племянница Мария. Ее имя может происходить от глагола, означающего «сопротивляться, отвергать» или «быть горьким». Это предположение согласуется с трагической судьбой героини. Александра – сестра Медеи. Ее имя происходит от мужского имени «Александр», которое состоит из двух слов, обозначающих «защиту» и «мужчину». Поэтому имя героини можно трактовать как «защитница людей», что находит отражение в ее характере и поведении. Девушка не слишком сентиментальна, ведёт свободный образ жизни и не испытывает трудностей с заменой ухажёров. Этим Александра соответствует стереотипам мужского образа жизни, отраженным в ее имени.

Ведущая роль в создании образов принадлежит житийным и библейским подтекстам, неявно присутствующим в тексте Улицкой. В романной прозе Л.Е. Улицкой используется не конкретное житие – повествование насыщается произведений узнаваемыми деталями-знаками, которые апеллируют к «культурному базису» читателя. «Герои современной писательницы восходят к “житийно-идиллическому” “сверхтипу” героя, вобравшему в себя идиллические ценности, которые запечатлены в средневековых житиях святых и благодаря этому укоренены в христианской культурной традиции» [3, с. 13].

Композиционно-семантическая структура романа «Медея и ее дети» с учетом исторических и социальных обстоятельств, над которыми доминирует индивидуально-рефлективная позиция героя, выдвигает на первый план «субъективно-психологическую» категорию времени, в рамках которой и происходит указанное отношение позиции героя к актуальным условиям. Субъективная жизнь персонажа, Медеи Мендес, оказывается «важнее исторических событий, жизнь духа доминирует над жизнью социума».

Диалоги, письма, внутренние монологи, размышления наблюдателя и спонтанные ассоциации, возникающие из личной, семейной или национальной истории, ситуаций или событий, составляют различные формы «сказывания» наследницы греческого феодосийского рода. Разнообразие источников и стиля речи персонажей зависит от временного расслоения процесса воспоминаний героини и выбора образов, которые закрепились в памяти сильнее других.

Рассказчик ловко использует категории памяти как инструмент семейного «самосознания» и объединяет в структуре произведения мотив памяти героини и память о ней. Основное содержание произведения – сама Медея и связь ее ретроспективных взглядов с историей греческого рода Синопли. Эпилог, в той же степени, в какой основное содержание сосредоточено на этом, представляет продолжение «семейной хроники» в символическом образе дома Георгия, являющегося наследником, который чтит традиции, правила и модель поведения «семьи Медеи», чувство принадлежности к которой – составляющая семейных ценностей.

Мужской образ в романной прозе Л.Е. Улицкой раскрывается, в первую очередь, через внешние черты героя и через его близкое окружение, через принадлежащие ему вещи и т.д. В романе «Медея и ее дети», например, присутствуют подробные описания внешности мужчин, встречаются описания одежды, в которую одеваются герои романа. Причем, можно отметить, что с помощью данных описаний герои противопоставляются друг другу. Так, рядом с Медеей идут «Георгий в мятой белой рубашке и Артем в красной майке» [5].

Особое место в создании образа создают мысли и поступки героев, индивидуализация речи, отношение героя к природе и т.д. Так, во многом посредством мыслей, отношением к окружающей природе в романе «Медея и ее дети» рисуется образ Георгия. Он предстает перед читателем как человек, который задумчиво смотрит на «двойную цепь гор, опускающуюся довольно резко вниз, к далекому лоскуту моря…, любуюется той землей, ее выветренными горами и сглаженными предгорьями…» [5].

Используются Улицкой следующие средства создания мужского образа:

– передача биографии героя;

– характеристики героя другими действующими лицами;

– мировоззрения героя;

– привычек, манер;

– говорящего имени или фамилии;

– вещной характеристики.

Важнейшими средствами создания мужских образов являются языковые средства. К ним, в первую очередь, относится использование качественных прилагательных:

– обозначающие эмоциональное состояние человека (например, *«настроение у Артема стало прекрасным, как если бы он уговорил отца пойти на море»*);

– обозначающие физические характеристики человека и его физиологические состояния (описание Георгия, Артема и др.);

– дающие оценочную характеристику человеку;

– характеризующие одежду человека (Георгий в мятой белой рубашке и др.);

– дающие представление о характере человека.

С их помощью автор имеет возможность выделить преобладающие черты характера героя.

Для характеристики внешности героя в диалоге используются такие разнообразные средства, как эпитеты, сравнения, метафоры, ирония и сарказм, недооценка и переоценка, прямые высказывания и вопросы о внешности, аллюзивные собственные имена и т.д. Сравнения и эпитеты могут иметь как положительные, так и отрицательные значения.

Широко используются Улицкой сравнения как средства передачи мужских образов. Так, например, при описании Георгия особый акцент делается на его черных волосах, которые описываются как «родные черные с медью» [5].

Являясь средством характеристик героя, художественный диалог содержит достаточно полную информацию о личности героев романа «Медея и ее дети», его возрастной характеристике, социальном статусе, внешнем облике, эмоциональном состоянии и т.д. Для этого в диалоге непосредственно упоминаются:

– возраст героя (Георгий всего на несколько лет младше Ады),

– профессия героя (Георгий, в прошлом геолог);

– используются такие стилистические приемы, как метафора, сравнение, метонимия и др.

Так, средствами передачи эмоционального состояния персонажей являются различные стилистические приемы, среди которых:

– метафора;

– эпитеты, которые делают высказывания эмоционально более окрашенными, передавая чувства и переживания говорящего.

Для раскрытия тех или иных черт характера героев Улицкая использует биографические сведения, относящиеся к прошлому героя.

Одним из способов создания мужского образа в романе Улицкой «Медея и ее дети» является символизация, которая прослеживается, в частности, на примере создания образа Бутонова. Символический характер его передачи прослеживается в том, что все свои действия в жизни Бутонов соизмерял с броском ножа, расценивая его как мгновении истины – когда клинок ножа попадает в цель. Так, с данным символом связываются три главных достижения (карьерных броска) Валерия Бутонова, в которых он достиг мастерства:

– достижения в области спорта;

– достижения в цирковой сфере;

– достижения в медицине.

К.Ш. Агаева средством создания образов, которое используется Улицкой, называет антропонимы [1, с. 21]. Например, муж Медеи, Самуил, обладал знаковым именем, которое означает «имя Божье» или «Бог услышал» [2, с. 52]. Данное имя пришло от одного из библейских пророков и судей. Однако сам Самуил считал себя слабовольным и трусливым, предпочитая черпать мужество у своей жены Медеи. Следовательно, Улицкая дает герою имя, которое позволяет глубже проникнуть в характер персонажа при помощи сравнения семантики антропонима и художественного образа. Их функция не только поясняющая, но и контрастивная, когда при внимательном рассмотрении выявляются глубокие различия между семантикой имени и образом персонажа, которые помогают лучше понять всю многогранность героя.

В качестве примера можно назвать имя Георгий, которое носит племянник Меде. Оно означает «земледелец» [4, с. 135]. Данный герой действительно привязан к родной почве и к корням: после смерти Медеи он вернулся на землю предков и построил там дом, продолжив род Синопли в Крыму.

Имя Валерий (Бутонов) образовано от глагола со значением «быть здоровым, сильным». В романе данный герой также предстает в качестве рослого, крепкого спортсмена и массажиста. Тем самым он полностью оправдывает имя, которое ему дала Улицкая. Но одновременно данный антропоним подчёркивает преобладание в Валерии телесного, плотского начала. Таким образом, антропонимы в романе «Медея и её дети» выражают сущность персонажа, многогранность его образа, отношения с другими персонажами и роль в произведении.

С целью создания характера Л.Е. Улицкая широко использует мифологический сюжет, переосмысляя его, дополняя реалиями современной жизни. Так, образ главной героини романа «Медея и ее дети» создается путем сопоставления современной Медеи с античной. Сближение образа Медеи Мендес с античной героиней проявляется во внешности, греческом происхождении, некоторых чертах характера, необычных способностях, мифологическом мышлении. Используемые Л. Улицкой различные способы создания характера позволяют автору наиболее полно передать особенности, чувства, переживания героев.

Литература

1. Агаева К.Ш. Символика антропонимов в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» // Филология и лингвистика в современном обществе. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 21–23.

2. Воробьева С.Ю. Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» (гендерный аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – №13. – С. 52–62.

3. Григорь С.А. Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Саратов, 2012. – 17 с.

4. Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа героини в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 111. – №4. – С. 1315–1319.

5. Улицкая Л.Е. Медея и ее дети. – URL: http://readbooks.me/read/?name=medeya-i-ee-deti&page=1 (дата обращения: 10.01.2021).

«ЗВУЧАЩИЙ» МИР ОРЛОВСКОЙ ДЕРЕВНИ: АУДИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Т.И. ГРИБАНОВОЙ

А.Р. Попова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
д.ф.н.; доцент; e-mail: StudioAA2001@yandex.ru
Россия, г. Орёл

Прозаические тексты современной писательницы Т.И. Грибановой, посвященные жителям орловской деревни XX – начала XXI вв., изобилуют лексемами, передающими аудиальное восприятие мира. Точная и ёмкая передача звука осуществляется во многом за счёт привлечения диалектной лексики и индивидуально-авторских новообразований. Номинативная сфера исследуемых единиц комплексно отражает звуки мира живой и неживой природы, звуки, издаваемые человеком, звуки вещного мира.

Ключевые слова: *аудиальная лексика; семантика; лексико-семантическая группа; Т.И. Грибанова.*

Произведения современного орловского автора Татьяны Ивановны Грибановой рисуют мир орловской деревни XX – начала XXI вв., её герои – люди непростой судьбы, пережившие голод, военное лихолетье, разруху девяностых годов, столкнувшиеся с бедственным положением деревни, но тем не менее, как правило, не предавшиеся отчаянью, не сломленные невзгодами. В творческом багаже писательницы – повести, рассказы, эссе, лирические миниатюры.

Художественно и в то же время документально раскрытый автором быт и уклад деревенской жизни, окружающая природа, сами персонажи – всё это обусловливает лингвистические особенности индивидуального стиля писательницы. Лексический массив текстов содержит в большом количестве историзмы, архаизмы, диалектные слова, просторечную лексику, индивидуально-авторские окказионализмы; активно употребляются фразеологические единицы, в том числе словарно не зафиксированные. Лексико-фразеологическому составу текстов Т.И. Грибановой посвящён словарный проект Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т.И. Грибановой)», над которым в настоящий момент ведётся работа; на

данный момент в проекте более двух тысяч словарных статей. Далее толкования упоминаемых лексем будут приводиться по указанному источнику, если единицы не зафиксированы в иных словарях.

Мир природы (живая и неживая природа), мир человека (дом и сам человек в нём, подворье, деревня и окрестности) – всё это наполнено у автора звуками. Средства выражения аудиальных (от лат. *audio* «слышу») впечатлений составляют фрагмент категории перцептивности; так, А.В. Бондарко рассматривает перцептивность как «языковую и речевую интерпретацию наблюдаемости явлений внешнего мира с точки зрения перцептора – прежде всего говорящего (в письменной речи – автора, повествователя, персонажей, воспринимающих обозначаемую ситуацию)» [1, с. 273].

В чувственном восприятии мира аудиальный аспект играет немаловажную роль, хотя и существенно уступает визуальному: за счет зрения человек получает не менее 80% информации об окружающем мире, с помощью слуха познает около 15% действительности, а оставшиеся 5% приходятся на тактильные, обонятельные и вкусовые ощущения; слуховое восприятие занимает второе место по значимости после зрительного восприятия [4, с. 58]. Для Т.И. Грибановой аудиальная лексика весьма актуальна, писательница метко, детально, наглядно передаёт восприятие «звучащей» действительности.

Отметим, что, безусловно, Т.И. Грибанова рисует звуки окружающего мира единицами литературного языка, раскрывающими номинативное поле «звук», но в то же время активно использует и слова диалектные, а также авторские номинации. Очень часто именно такое созданное/отобранное писательницей предельно точное слово соответствует замыслу, речевой ситуации, общей стилистике текста и потому востребовано Т.И. Грибановой. Материалом исследования стала часто употребляющаяся в творчестве писательницы аудиальная лексика, не принадлежащая литературному языку (в целом свыше 100 единиц).

В текстах произведений выделяются группы слов, обозначающих звучание близкого героям природного мира – мира неживой и живой природы; звуки, издаваемые человеком; звуки вещного мира.

1. Лексемы, обозначающие звуки, встречающиеся в неживой природе, тонко и образно передают восприятие её человеком: это и гром, и шелест дождя в листве, и капе́ль, и др. Чаще всего в самом фонетическом облике лексических единиц прослеживается связь формы с содержанием – в их основе лежит звукопись. Таков, например, глагол *загурковáть*, известный в говорах в значении «заворковать» Тул. [5, вып. 10, с. 38] и употребленный в контексте как средство создания олицетворения – … *загуркуют новорожденные громы* («Петровки в Студёных Ключиках»).

Не только слышимый, но и видимый образ (скатывающиеся по листве капли дождя) передаётся глаголом *сшýркнуть* «скатиться, скользнуть шурша» – *Последние порывы дождя задохнулись, сшуркнули по макушкам клёнов, скатились в пойму…* («Дома»). Ср. в литературном языке: *шуршáть* «издавать легкий шум, шелест, шорох» [6], а также в «Словаре…» В.И. Даля: *шýркать, шуркнýть* «шаркать, тереть, скрести, производить шорох» [2]. В производном глаголе *сшуркнýть* с префиксом *с-*, дающим представление о направлении действия «удалить или удалиться откуда-либо посредством действия, названного мотивирующим словом» [3], сохраняются семы «шум, шорох», содержится представление о «движении». Созданный автором глагол содержит ёмкую информацию не просто о звуке, а о его характере, направлении и длительности.

Точность, выразительность образованных автором лексем прослеживается при сопоставлении с синонимичными словами, известными литературному языку, ср. *журчáть* – и авторское *пожýркивать* «журчать (о небольшом водном потоке)» с префиксом *по-*, обозначающим в данном случае невысокую интенсивность действия, и суффиксом *-ива-*, указывающим на длительный характер его протекания.

Звон весенней капели обрисован у Т.И. Грибановой двумя лексемами, восходящими к звукоподражательному слову *дзынь, – задзы́нькать, передзы́ньк: …лишь запахнет в середине февраля весной, лишь задзынькают сосульки…* («Подранок»); *На Сретенье, глядь-поглядь, после холодной затяжной зимы, под робкий передзыньк первых капелей…* («Всего дороже»).

Интересна передача общего ощущения не определенного звука, идущего из какого-либо источника, а состояния природы в целом. Таковы, например, существительное *звонь* и глагол *застóгнуть.* Слово *звонь,* образованное с помощью нулевого суффикса, получает значение «наполненность светом, свежестью, теплом (о состоянии природы)» – *На него <солнце> в эту яркую апрельскую звонь и смотреть-то невозможно* («Накануне Вербного воскресенья»). Глагол *застóгнуть*, имеющий в контексте семантику «зазвенеть (от крепкого мороза)», отмечается в родных автору орловских и соседних с ними курских говорах в значении «застонать» [5, вып. 11, с. 61]. У автора же он употреблён метафорически и как бы продолжает содержащееся в предыдущем предложение олице-

творение: *Ночью вдоль деревни, по осокорям, стучал, ляскал зубами забористый морозяка. Как застогнет всё кругом!* («Всего дороже»).

2. В произведениях писательницы во всём богатстве и многообразии представлены звуки живой природы, издаваемые представителями растительного мира, насекомыми, птицами, животными.

Стук падающих плодов показан глагольными лексемами *задолдóнить* и *затýкать*. Семантику глагола *задолдóнить,* исходя из текста произведения, можно определить следующим образом: «застучать быстро, часто, прерывисто (о множестве мелких предметов)» – *Обрушенной веткой выдрало форточку, и на половицы просыпались, задолдонили, заподпрыгивали незрелые рябиновые ягодины…* («Под Ильин день»). Этот глагол употребляется в тульских говорах в значении «начать говорить одно и то же (пустяки, глупости)» [5, вып. 10, с. 61]. Образ повторяемости и однообразия действий лёг в основу авторской метафоры, а именно: явления, обратного олицетворению, когда действие человека проецируется на действие неживого объекта.

Иной звук, стук падения более крупных плодов, передаётся диалектным глаголом *затýкать* «начать тюкать, ударять» Смол., Тул. [5, вып. 11, с. 110]: слово употреблено у Т.И. Грибановой в трёх контекстах, причём во всех случаях речь идёт именно о яблоках: … *затукают оземь десятка полтора ядрёных яблок, обрушившихся с грузной ветки* («Петровки в Студёных Ключиках») и т.п.

Известно, что многие названия насекомых в языке, особенно в народных говорах, имеют аудиальную мотивационную основу – «звук, издаваемый данным насекомым». Не исключение в этом плане и лексика, используемая Т.И. Грибановой. Так, по звуковому признаку (звук трения крылышек) автором именуется сверчок – *циркýн: В старину сверчка-то на Руси циркуном кликали* («Тришка»).

Автор нередко показывает свойство звука – его непрерывность, регулярность, монотонность и т.п., – ср. многочисленные глагольные номинации: *жужýкаться* «о производимом крыльями при полете многими стрекозами однообразном гуле, шуме, создающем впечатление разговора, переклички», *пережужýкиваться* «попеременно жужжать» (о шмелях)*, пожужýкивать* «монотонно негромко гудеть (о летающих насекомых)»*, пожýкивать* – в том же значении (о пчёлах)*, зундéть* «издавать монотонный звенящий звук; зудеть» (в контекстах говорится об осах, пчёлах); ср. также существительное *зундéнье* «монотонный звенящий звук» (о комаре) и прилагательное *зундя́вый* «издающий монотонный звенящий звук, зудящий» (также о комаре).

Реже подчёркивается однократность, резкость звука: *цéнькнуть* «издать отрывистый, звонкий звук (о насекомых)»: *И товарищи от него* <кузнечика – А.П.> *не отстают, налаживают инструменты, видать, к концерту готовятся: то там ценькнет, то чуть поодаль протянет* («Петровки в Студёных Ключиках»).

В произведениях немало обозначений звуков, издаваемых птицами (какими-то определенными – дикими либо домашними), либо же указаний на само наличие, слышимость птичьих голосов.

Чаще автором используются глаголы, например, *кугýкать, кугýкнуть* «издавать/издать гортанные звук/-и (о птицах)» – в контекстах упоминаются голубь сизарь и сова, *цвигúкать* «издавать характерные звуки (о ласточках, цикадах и др.)», *чивúкать, чивилúкать* «чирикать (о птицах)» и др. Значительно уступают им в количестве существительные, причём отглагольные: *кугýканье* (о голубе сизаре), *перекрúк* «попеременные крики птиц» (так характеризуется в двух разных произведениях звуки, издаваемые петухами и дикими гусями).

На базе звукоподражательных слов создаются номинации звуков диких птиц: *заю́ливать* и *заю́лькать* «звонко, переливчато петь, издавая звуки похожие на «юль-юль» (о птице)» (в обоих случаях в разных произведениях речь идёт о жаворонке); *накýкать* «по народным представлениям: кукованием накликать беду, несчастье (о кукушке)», *кукýканье* «крик кукушки, кукованье».

Для деревенского жителя важны домашние птицы, что не могло не найти отражение в текстах. Самыми частотными у Т.И. Грибановой оказываются обозначения звуков, издаваемых петухом/курицей: приведём полностью обширный ряд существительных и глаголов: *кокóкать, кокóкнуть, кокотáть, кудкудáхтать, курéкать, курéкнуть, курéк, откурéкать, подкукарéкивать.* Все единицы в данном ряду также восходят к звукоподражательным словам, находясь по отношению к ним на разных ступенях деривации. Интересно, что в народных говорах отмечаются фонетически близкие обозначения звуков, издаваемых петухом/курицей, однако полных совпадений с использованными автором лексемами не наблюдается: ср. *кóкот* «кудахтанье (кур)» Тихв. [5, вып. 14, с. 99], *кудкудáкать* «кудахтать (о курице)» [5, вып. 16, с. 12], *кукурéковать* «кукарекать» Калуж. [5, вып. 16, с. 46], *курекýкать* «кричать кукареку (о петухе)» Калуж. [5, вып. 16, с. 119].

Распространены в текстах и обозначения звуков, издаваемых гусями: *перекагáкиваться* «перекликаться криками (о гусях)»*, коготáть* «издавать звуки го-го-го; гоготать» и образованное от него

ко́гот. Наиболее частотным у автора является глагол *когота́ть* – четыре употребления в разных рассказах, например: *Чуть поодаль бултыхаются, когочут обезумевшие от воли и речного простора несчётные табуны гусей, гордость ключевских мужиков* («Петровки в Студёных Ключиках») и т.п. Как можно заметить, писательница берёт за основу два фонетических комплекса, отражающих различные типы звуков, – в данном случае, *кага-* и *кого-*.

Звук, издаваемый уткой, обозначен автором словом *окря́кивать* «крякая, звать за собой, подзывать (об утке)» и т.п. Внутренняя форма и морфемный состав этого глагола даёт конкретное представление о действии (в произведении утка как бы зовёт следовать за собой героиню), вызывает явную ассоциацию с литературными словами *окрикивать, окликать* и т.п.: *Что, мол, не признала, подружка? И за собою манит-окрякивает* («Колыбель моя посреди земли»).

Дом и двор человека наполнены звуками животных. Крайне значимым для героев произведений и даже для сюжетов некоторых рассказов и повестей оказывается домашнее животное корова – кормилица семьи. Лексические новообразования Т.И. Грибановой восходят к двум звукоподражательным словам, к двум фонетическим комплексам, передающим звуки, издаваемые этим животным: *му* и – более распространённое у писательницы – *мымы*. Автор активно использует семантику префиксов и суффиксов, метко рисуя звук: 1) *пому́кивать* «время от времени издавать звуки «му-му» (о корове)»; *перему́киваться* «попеременно, друг за другом издавать звуки «му-му» (о коровах); перекликаться»; 2) *мымы́кать, мымы́кнуть* «издавать/издать звуки «му-му»; мычать (о коровах, телятах)», *мымы́канье* «мычание (о коровах, телятах)», *замымы́кать* «начать издавать звуки «му-му» (о корове)». Также приведём интересное метонимическое употребление аудиального глагола *помымы́кивать* «наполняться звуками «му-му», издаваемыми коровами» – *…дали те уходят и до уже помымыкивающего, просыпающегося Старогнездилова* («До́ма»).

Жизнь домашнего животного – кошки – протекает рядом с человеком; в некоторых рассказах Т.И. Грибановой кошка становится почти полноценным персонажем, а в одном из произведений действительность преподносится именно глазами кота («Хлопоты кота Потапа»). Звук, издаваемый кошкой, его различные «оттенки» (длительность, громкость, непрерывность и т.п.) изображается глаголами *мя́вкать* «мяукать (о кошке)» [5, вып. 19, с. 72], *подму́ркивать* «негромко мурлыкать» – *Для начала сдаёт задом до подмуркивающей во сне Люськи* («Путешественник»), а также отглагольными существительными: *мяв* «мяуканье (о кошках)» – *И по округе – ни собачьего лая, ни кошачьего мява* («Колыбель моя посреди земли»), *мурлы́ки*, мн. «мурлыканье, тихое напевное урчанье (о коте, кошке)» – *…довольный, заперебирает-затянет свои котовские мурлыки* («Голубой плёс»), *мур* «урчание (о коте, кошке)» – слово встречается трижды в разных произведениях.

Лай домашнего животного собаки передан лексемами *га́мкнуть* [5, вып. 6, с. 131], *звя́гнуть,* а также дериватами литературного глагола *тявкать: обтя́вкать* «накинуться с лаем», *подтя́вкивать* «лая отрывисто, не в полную силу, вторить другим голосам (о собаках)». Интересно, что Т.И. Грибанова, стремясь выразить аудиальное впечатление максимально верно, задействует в узком контексте сразу два упомянутых глагола: *Звягнет, обтявкает она его от всего своего застылого сердца…* («По первозимку»).

3. При использовании номинаций звуков, издаваемых человеком, автор стремится точно передать впечатление от речи непонятной, имеющей яркие фонетические особенности. Причиной непонимания речи на слух может быть то, что она произносится на чужом языке; а поскольку Т.И. Грибановой неоднократно поднимается тема оккупированной Орловщины в Великую Отечественную войну, персонажи произведений нередко слышат немецкую речь, осознают её как резкую, отрывистую, гортанную. Такая речь передаётся глаголом *гы́ркать* «говорить неразборчиво, непонятно, на чужом языке, изобилующем гортанными звуками» и производными от него глаголами. Отметим, что слово *гы́ркать* известно говорам, но в иных значениях: «рычать, ворчать (о собаке)» Пск., Твер., Смол., «грубо отвечать старшим» Пск. [5, вып. 7, с. 253]. От этого слова *гы́ркать* автор образует глагольные лексемы *загы́ркать, перегы́ркиваться, разгы́ркаться* – во всех случаях имеется в виду восприятие речи немецких захватчиков жителями деревни: *Спустя некоторое время немцы загыркали снова, мол, пора выдвигаться* («Колыбель моя посреди земли») и т.п.

Как невнятные, непонятные воспринимаются и звуки, издаваемые маленьким ребёнком, ещё не владеющим словами, что обозначается у Т.И. Грибановой дериватами диалектных глаголов с префиксом *за-* со значением начала действия – *закуны́кать* «начать плакать, издавая монотонные негромкие звуки, добиваясь своего; захныкать (о ребёнке)», *закурня́кать* «начать издавать отдельные звуки, выражая удовольствие, благодушие (о ребёнке)». Народным говорам известны соответствующие бесприставочные глаголы, также имеющие «звуковую» семантику, однако отличающуюся

от той, что представлена у автора в приставочных дериватах: *куны́кать* «калякать, беседовать» Смол. [5, вып. 16, с. 94], *курня́кать* «мяукать (о кошке)» Пск., Смол. и др.; «говорить тихо, невнятно» Курск. [5, вып. 16, с. 138].

4. Мир деревенского жителя Т.И. Грибанова отображает и с помощью лексем, обозначающих звуки, производимые предметами вещного мира, с которыми имеет дело человек. Подобных лексем, также базирующихся на звукоподражательных словах, у Т.И. Грибановой немало: *жужу́кать* «производить монотонный гудящий звук (о работающей швейной машине)», *кля́мкать* «стучать, греметь, громыхать» (о телеге), *кля́мкнуть* «издать скрежещущий звук, лязгнуть (о металлических предметах; здесь: о щеколде)», *тикта́кать* «идти, ходить (о часах)», *жунде́нье* «поток звуков, возникающих при игре на балалайке» и др. Особое внимание нередко уделяется печке; не случайно у автора есть рассказ «От печки», которая, действительно, представляет собой «…*центр деревенской жизни. Всё вокруг неё вертится. Без неё и хата – не хата*»; звуки, издаваемые печкой, изображены лексемами *поши́кивать, подвы́в, пы́хкать* и др.

В нескольких произведениях Т.И. Грибановой показан процесс доения коровы; звук струи молока, льющегося в металлическую ёмкость, достоверно передан при помощи как звукоподражательного слова *цырк-цырк,* так и образованных на его основе *цы́ркать* «звенеть (струёй молока, льющейся при доении в металлический подойник)», *цы́рканье,* а также при помощи лексем, восходящих к звукоподражательному слову *цвирк-* (которое отсутствует у автора): *цви́ркать* «звенеть (о прерывистой струе молока, льющегося в металлический подойник при доении)», *поцви́ркать* «подоить, пустив немного коротких струй молока».

Созданные автором аудиальные лексемы используются и как средства художественной выразительности. Ср., например, олицетворения: *лопотня́* «шелест листвы, напоминающий тихую речь», *лопотли́вый* «безумолчно шелестящий, шумящий (о листве деревьев)», оба слова образованы от глагола *лопотать* «говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать || Говорить невнятно, бормотать…» [6].

Отмечаются и иные типы метафорического переноса значения: например, речь человека образно сопоставляется со звуками природного мира: *засвирче́ть* «заговорить, засплетничать (обо всех, многих)», *намурлы́кивать* «тихо, вполголоса напевать»: *И уж деревня об нас засвирчела, нешто утаисся?* («Бывает же!»); *От ласковой ли маминой песни, которую намурлыкивает она тихонечко, распуская по омутку мои рубашонки…* («Колыбель моя посреди земли»).

Звуки мира животных могут быть средством представления звуков мира вещного, ср. *подтя́вкивать – …клацнула запором, словно зубами проголодавшаяся хищница, сырая щербатая дверь. Подтявкивая, поддакивая ей, заподпрыгивали, задребезжали на полках миски-плошки* («Настёнины “антарки”»).

Отмечаются и особые случаи использования аудиальной лексики – акустическая характеристика вводится там, где звук отсутствует физически, где его не может быть в принципе. Ср. *вы́звенеться* «появиться (о цветах колокольчиках)» – … *вызвенелись колокольцы – собирай букеты, плети венки!* («Дома»). Видимо, аудиальный образ родился благодаря внутренней форме слова *колоко́лец* «растение колокольчик», по ассоциации «колокол → звук, который он способен производить». Или же яркий образ активно, быстро, дружно вырастающей травы изображён с помощью аудиальной лексемы *затреща́ть* в нетипичном употреблении: *Вскоре и весна подоспела. Старуха гусят высыпала из корзины на луг, на косогорах травка «затрещала», а с огородов пар повалил по переулку* («Илья и Егорка»).

Тексты Т.И. Грибановой, как показывает материал, богаты на передачу звуков лексемами, не свойственными нормативному литературному языку. Так, автор использует: а) диалектные лексемы, б) словообразовательные и семантические дериваты диалектных лексем, в) собственные новообразования.

Лексические единицы, встретившиеся в произведениях Т.И. Грибановой, продолжают синонимические ряды литературных слов: например, синонимический ряд с доминантой *мычать* пополняется авторскими глаголами *пому́кивать, помымы́кивать, замымы́кать, мымы́кать, мымы́кнуть, перему́киваться*, рисующими оттенки данного звука. Подобных рядов несколько – ср. также обозначения звуков, издаваемых петухом/курицей, гусями, различными насекомыми.

Частеречное соотношение лексем непропорционально, явно доминируют глаголы, что связано с важностью отражения способа глагольного действия, позволяющего показать звучание многопланово. Т.И. Грибанова не просто обозначает звук, но с помощью семантики аффиксов передаёт характер протекания, его длительность/краткость, наличие/отсутствие внутреннего временного предела аудиального действия (встречаются видовые пары: *кокота́ть/кокотну́ть* и т.п.), направленность зву-

ка, интенсивность или слабость, его источник или источники. Так, явно выделяется группа глаголов, обозначающих взаимное аудиальное действие: *пережужу́киваться, перекага́киваться, перегы́ркиваться, перему́киваться* и др.

Поскольку звук, звучание есть протяженный во времени процесс, его, действительно, «удобно» передать с помощью видовременных возможностей русских глаголов, ярких средств выражения функционально-семантической категории аспектуальности. Интересно, что и существительные с аудиальной семантикой образованы именно от глаголов суффиксальным способом, в том числе и с помощью нулевой суффиксации: *звень, звонь, зунде́нье, кугу́канье, каку́канье, лопотня́, мымы́канье* и т.п. В текстах представлены всего два авторских прилагательных с семантикой звука – *зунда́вый, лопотли́вый*; по-видимому, Т.И. Грибановой важнее передать звук как активный процесс за счёт ресурсов глагольной лексики. Интересно, что звукоподражательных слов, созданных автором, немного: *вжик-пережик* «обозначает звук косы при скашивании трав» и вышеупомянутое *цырк-цырк*, хотя многие приведенные выше лексемы явно восходят к звукоподражательным словам. Таким образом, не только содержание, но и фонетический облик слов, и морфемная структура, и частеречное значение работает на создание звучащего мира окружающей человека среды.

Литература

1. Бондарко А.В. Варианты перцептивности // Теория значения в системе функциональной грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 273–285.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – URL: https://gufo.me/dict/dal (дата обращения: 28.01.2021).

3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: АСТ, 2005. – URL: https://b-ok.global/book/3301086/0e79d6 (дата обращения: 25.01.2021).

4. Крылов А.А. Психология: учебник. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2005. – 495 с.

5. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–51. – М., Л., СПб., 1965–2019.

6. Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma467015.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 17.01.2021).

СИМВОЛ «СОЛОВЕЙ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПОЭЗИИ

А.В. Проскокова

Санкт-Петербургский государственный университет,
аспирант; e-mail: st084569@student.spbu.ru
Россия, г. Санкт-Петербург

Символ поэтического дара и творчества «соловей» встречается в текстах не только поэтов, следующих традиции, но и у тех авторов, которые преобразуют этот символ, что частично зафиксировано в словарях фразеологии и языка поэзии. Новые по отношению к традиции смыслы порождаются авторскими коннотациями, например, «скорость», «боль», «легкость», «время» и др.

Ключевые слова: *поэзия; фразеология; символ; коннотация; соловей.*

Многие лексические единицы обладают не только прямым значением, но и переносным. Однако значение слов может расширяться не только языковой метафорой, но и коннотациями.

Если говорить о коннотации, то существует множество разных подходов к ее изучению, о чем пишет В.Н. Телия, соответственно этому лингвистическому термину очень сложно дать одно полное определение [1]. Ю.Д. Апресян определяет коннотации, называя их также семантическими ассоциациями, как «те элементы прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [2, с. 67–68]. Е.М. Сторожева пишет, что под коннотацией понимается «любое добавочное значение в слове, дополняющее его предметно-понятийное и грамматическое содержание» [3, с. 113]. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой коннотация определена как «устойчивая ассоциация в языковом сознании говорящего, которую вызывает употребление какого-либо слова в определённом значении (в лингвистике)» [4].

В предлагаемой статье под коннотацией понимается дополнительное значение слова, не закрепленное в толковых словарях и основанное на ассоциации автора, т.е. рассматривается именно индивидуальная авторская коннотация.

Зооморфная лексика заслуживает отдельного внимания, так как с помощью этой лексики образовалось множество выражений, передающих характер человека, обозначающих его деятельность, внешность, настроение и многое другое, на основе чего в языке образуются фразеологические единицы: «ворона в павлиньих перьях», «стреляный воробей», «гусь лапчатый» и др. Часть зооморфной лексики представлена орнитонимами, которые в своем переносном значении, например, активно используются при образовании имен прилагательных: «голубиная кротость», «орлиный взгляд», «соколиные очи», «журавлиная поступь», «ястребиный взор», «орлиный нос», «петушиный голос». В некоторых случаях названия птиц обозначают организацию психики человека, для которого характерна активность в вечерние или утренние часы, например, существительные «сова» и «жаворонок». Такие имена существительные, как «голубка», «голубчик», «ласточка», приобретают ласкательное значение и часто употребляются при обращении к какому-либо лицу.

Каждый из орнитонимов в переносном значении имеет свой смысловой объем и отличительные признаки, однако не все эти признаки зафиксированы в толковых словарях, но могут отчетливо проявляться в текстах художественной литературы.

В толковых словарях, как правило, указаны прямое и переносное значения, например, слову «соловей» в Современном толковом словаре русского языка дано два определения: 1. Маленькая певчая птица отряда воробьиных, отличающаяся красивым пением; 2.1. разг. Человек с красивым, высоким голосом, славящийся своим пением; 2. 2. перен. Краснобай [5].

Для поэзии в целом характерны авторские коннотации, не входящие в толковые словари и не всегда указанные во фразеологических словарях. Среди коннотаций следует различать традиционные, которые, как правило, связаны с классическим использованием образа птицы в устойчивом пейзажном комплексе, и нетрадиционные или новые по отношению к традиции, на чем, по мнению А.В. Азбукиной, основывается разница между образом-эмблемой и образом-символом [6]. В Литературной энциклопедии символ определяется как «способность художественного образа соединять предметное значение с множеством переносных смыслов», а эмблема – это «условное пояснение понятий или идей с помощью какого-либо изображения» [7].

В статье орнитоним «соловей» рассматривается с точки зрения его реализации как образа-символа, что объясняется спецификой анализа поэтических текстов, для которых такие понятия, как «символ» или «эмблема», характерны. Подход к определению эмблемы и символа в статье основан на сопоставлении образа-эмблемы и образа-символа А.В. Азбукиной, где образ-эмблема характеризуется традиционностью, которая проявляется в поэзии первой половины XIX века в том, что она включается в устойчивый пейзажный поэтический комплекс, содержащий такие взаимосвязанные образы, как «лесочек», «сад», «луна», «звёзды», «розы» и т.д. Для того, чтобы образ «соловья» функционировал именно как эмблема, важно, чтобы контекстуально его окружали перечисленные и подобные им реалии: *«Ночь тиха была, соловьи поют, чудный запах роз всюду носится. Мы гуляем с тобой. Луна светит на нас»* (С. Гердель) [6].

Образ-символ, согласно А.В. Азбукиной, напротив, определяется отклонением от традиций, и для наполнения его семантики устойчивый пейзажный поэтический комплекс вовсе не обязателен. Для символа характерно разрушение традиций, в чем и проявляются субъективные авторские коннотации, включающие новые смыслы («забавы», «игры», «мечты»): *«Счастлив тот, кому забавы, игры, майские цветы, соловей в тени дубравы и весенних лет мечты в наслажденье…»* (В. Жуковский) [6].

Для актуализации эмблемы также характерна романтическая направленность стихотворения, в котором «соловей» является частью декорации, на фоне которой развивается сентиментальная история: *«А вчера они при трелях соловья и при луне, там летали на качелях, соблазнительно одне...»* (Н. Языков) [6]. Для проявления символа «соловей» установки на романтический сюжет может и не быть вовсе, и образ соловья может соседствовать с драматическими событиями: *«А ночью слышать буду я не голос яркий соловья, не шум глухой дубров, а крик товарищей моих…»* (А. Пушкин) [6].

Таким образом, А.В. Азбукина противопоставляет символ и эмблему, поясняя, что «эмблема – это образ со строго закреплённой семантической структурой, в то время как символ многомерен и неисчерпаем в своём содержании» [6].

Разница использования слова во фразеологии и поэзии состоит в том, что во фразеологии обычно употребляются переносные значения слова, часть из которых представлена в Большом словаре русских поговорок В.М. Мокиенко:

1. Курский соловей – о человеке, который хорошо поет (разг.); о краснобае (ирон.); 2. Перелетный соловей: то на сосну, то на ель – о непостоянном человеке (народн., неодобр.); 3. Разводить соловьев – болтать, вести пустые разговоры (разг., устар., ирон.); 4. С соловьем – о боевом, лихом

парне; 5. Соловьи в кармане свищут – о бедном, неимущем человеке (народн., шутл.-ирон.); 6. Заливать соловья – говорить вздор; 7. Придавить соловья – выключить радиоприёмник (жарг., угол.) [8, с. 631]. В поэзии традиционно встречаются коннотации слова «соловей», основанные на первом фразеологическом значении «хорошо поет», но у разных авторов эти традиции могут преобразовываться, приобретая тем самым новые смыслы.

В словарях языка поэзии закреплены как традиционные коннотации, соответствующие в определениях А.В. Азбукиной понятию эмблемы, так и ряд новых или нетрадиционных авторских коннотаций, выступающих на уровне образа-символа. Так, в Материалах к словарю метафор и сравнений Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой описаны некоторые из тех значений, которые ранее были представлены в словаре В.М. Мокиенко и которые можно отнести к традиционным коннотациям. Ряд значений совпадает с признаком «хорошо поет», что вписывается в традиционный поэтический пейзажный комплекс (пение соловья, сад, ночь, луна, звезды) и в целом соответствует романтической направленности, но чаще всего на основе традиций образуется авторская коннотация, например, с одной стороны, создается описание романтического пейзажа, а с другой, передана богатая окраска соловьиного пения, что является новым значением: *«В лесах, во мраке ночи праздной, весны певец разнообразный урчит, и свищет, и гремит…»* (А. Пушкин) [9, с. 302].

В словаре Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой приводятся многие другие примеры употребления слова, представленные текстами поэзии XVIII–XX вв., которые отличаются от зафиксированных в словаре В.М. Мокиенко и содержат нетрадиционные коннотации, например, словосочетание «пролететь соловьем» встречается в стихотворении А. Кольцова: *«Соловьем залетным юность пролетела, волной в непогоду радость прошумела. Пора золотая была, да сокрылась; сила молода с телом износилась…»* [9, с. 126], что является не традиционным, а новым смысловым признаком, выражающим время, которое ассоциируется с приятными воспоминаниями (здесь и далее контекст употребления слова «соловей» расширен по сравнению с цитатами из словаря).

Орнитоним «соловей» может указывать и на неприятные, тяжелые воспоминания, например, в стихотворении, повещённом войне: *«Когда болели зубы на войне, охватывало мрачное отчаяние, и безнадёга…в те дни не трудно было взять живьем, поскольку боль свистала соловьем, хоть разорвись, хоть лопни или тресни, одну и ту же тоненькую песню…»* (Б. Слуцкий), в чем выражена авторская коннотация «душевная боль», «отчаяние», «беспомощность», «уязвимость» («не трудно было взять живьем») [9, с. 131]. Здесь авторская коннотация происходит из традиционной, так как словосочетание «свистать соловьем» передает звук, издаваемый соловьем, свист.

Орнитоним «соловей» может, напротив, выражать беззаботное состояние человека: *«…бегай, крошка, беззаботно, пусть в груди твоей птичка бьется неотлетно, сердце-соловей»* (Д. Садовников), что передает новую нетрадиционную коннотацию «легкость», «беззаботность», «игривость», «баловство» [9, с. 141].

Новой коннотацией является и то, что символ «соловей» может быть актуален в контексте видений, воспоминания, обозначая интенсивность или вольность проявления чувств: *«Мой вечер тих. Невидимых ветвей невнятный шорох следует за мною, воспоминанья робкий соловей вполголоса томится за спиною»* (В. Корвин-Пиотровский) [9, с. 155].

В стихотворении П. Антокольского орнитоним «соловей», представленный в качестве определения «соловьиный», выражает, с одной стороны, традиционное значение «голос», а с другой, «возможность говорить», «силу этого голоса», «свободу» («дыхания хватит ему», «никто не посмеет мешать мне шуметь»). В стихотворении иллюстрируются события буржуазной революции, описание которой связано с традиционной коннотацией «петь, говорить», в результате чего создается новый смысл «борьба», «попытки освобождения», «призыв к действию», «желание перемен»: *«…и всем горлом, раздутым я дую и дую, и смотрю и смотрю на страну молодую. Не тускнеет, не ржавеет трубная медь. И никто не посмеет мешать мне шуметь. И раздутое горло – как зоб соловьиный, задыхается трелью над свежей долиной. И дыхания хватит ему, чтоб гора отвечала: "Да здравствуют гезы! Пора!"»* [9, с. 173].

Исследуемый символ проявляется также, не только обозначая речь или пение в целом, но и в более узком значении «части слова, звуки», что выходит за рамки традиционных коннотаций, например, в стихотворении П. Васильева, в котором проявляется новая коннотация «неопытность», «проба пера», «застенчивость», но в то же время «смелость», «юность», «новизна», «азарт», так как речь и идет о молодом начинающем поэте, вероятно, впервые выступающем перед строгой публикой: *«Заглавных букв чумные соловьи, последних строк летящие сороки... Не так ли начинались и мои с безвестностью суровые бои, всё близились и не свершались сроки!»* [9, с. 181].

Символ «соловей» используется авторами и при обозначении поэзии, например, у Л. Мартынова, выражая коннотативное значение «поэтическое мастерство», «искусство слова»: *«Мне кажется – стихи твои всё лучше с каждым днем и лучше. Летящие, как соловьи, они сгущаются, как тучи. Но нет, не надо, чтоб дождем. Упасть на землю довелось им, а подождем, а подождем – Белых снегов запросит осень»* [9, с. 186].

В стихотворении Б. Окуджавы «соловей» символизирует рифмы, связывая поэзию и музыку *(«вы – как будто, соловьи…вы – как музыка…»*), то есть, с одной стороны проявляется традиционная коннотация «соловей» – «пение», «нечто приятное на слух», «музыкальность» или «мелодичность», а с другой, «соловей» – это «рифмы», «слова», «творчество», «поэзия»: *«Рифмы, милые мои, баловни мои, гордячки! Вы – как будто соловьи из бессонниц и горячки, вы – как музыка за мной, умопомраченья вроде, вы – как будто шар земной, вскрикнувший на повороте»* [9, с. 187].

В коннотативном значении «поэт» символ «соловей» используется в стихотворении И. Северянина, в котором есть и самоирония, и вызов («я – сероптичка»), и проявление свободы и независимости от критики: *«Я – соловей: я без тенденций и без особой глубины… Но будь то старцы иль младенцы, – Поймут меня, певца весны. Я – соловей, я – сероптичка, но песня радужна моя… Я – соловей! на что мне критик со всей небожностью своей? – Ищи, свинья, услад в корыте, а не в руладах из ветвей! Я – соловей, и, кроме песен, нет пользы от меня иной»* [10, с. 114].

Нетрадиционные коннотации появляются также тогда, когда образ соловья участвует в сравнениях и метафорах времени: дней, времен года. *«Как соловей, расцеловавший воздух, коснулись дни звенящие твои меня, и я ищу в качающихся звездах тебе узор красивейшего имени».* В этом стихотворении Н. Асеева, несмотря на то, что использованы эмблемы традиционного пейзажа (соловей, воздух, звезды), создается коннотация «время», а также значения «лёгкость» или «невесомость» с помощью семантики слов «воздух», «коснулись», «звенящие», «качающихся» [9, с. 198].

У Б. Поплавского также, на первый взгляд, переплетаются романтические образы (соловей, луна), и коннотация связана с пением, но в представленном контексте мы находим совсем другие смыслы, говорящие о холоде, зиме, тревожном настроении, предчувствии трагического финала, что переплетается с образами «капкан для волка», «сеть для рыб»: *«…как тихий звук, как странный запах, вокруг меня витает жуть. О, мстительница! Долго, долго ты ждешь наивно и молчишь. Так спит в снегу капкан для волка и тихо вьется сеть для рыб. Поет зима, как соловей, как канарейка, свищет вьюга. Луна восходит, а правей медведица подходит с юга»* [9, с. 239].

Новая коннотация появляется в том случае, когда с соловьиным пением сравниваются звуки музыкальных инструментов, например, у В. Бенедиктова: *«На летних гуляньях блаженство мы пьём. Там Штрауса смычок засвистал соловьём»* [9, с. 231].

Также с соловьиным пением сравниваются и другие предметы, например, у В. Корвина-Пиотровского, где иллюстрируется как традиционный пейзаж (звезды, месяц, соловей, ночь и т.д.), так и звон, с которым по звучанию схоже пение птицы: *«Ты смотришь на звезды, зарытые в иней, ты слушаешь верезг саней, – серебряный месяц над белой пустыней, серебряный пар от коней. Вся ночь в серебро переплавится скоро. Весь пламень в дыханьи твоем. Звенит на морозе венгерская шпора, поет ледяным соловьем»* [9, с. 231].

Иногда слово «соловей» встречается при описании атмосферных явлений, выражая при этом чувства поэта, например, в стихотворении Б. Поплавского, в котором, речь идет о душевном холоде или боли: *«Я шаг не ускоряю сквозь года, я пребываю тем же, то есть сильным, хотя в душе большие холода, охальник ветер, соловей могильный»* [9, с. 237].

При описании природных объектов, например, деревьев, леса и т.д., образ-символ «соловей» встречается у Б. Корнилова: *«Ночь окна занавесила, но я заснуть не мог, мне хорошо, мне весело, что я не одинок. Мне поле песню вызвени, колосья-соловьи, что в Новгороде, Сызрани товарищи мои».* Здесь также наблюдается традиционная связь образов «ночь», «песня», «соловей», но индивидуальная коннотация проявляется именно в сравнении природы с птицей (поле, колосья) [9, с. 255].

Кроме того, орнитоним «соловей» встречается и как средство сравнения для печатной продукции, писем, например: *«Выбирали в Совет. Стояла весна – без номера, в бурных дрожьях. Скворешни висят мандолиной. Возня. Скворцы трещат деревяннее ложек. В реке еще леденеет дыра, но в учреждениях – щебет и щелки, там соловьями летят ордера на взятие Крыма и Волги»* (И. Сельвинский), где подчеркивается скорость передачи распоряжений. В контексте иллюстрируется весеннее время года, суета, возня, что отчасти может быть связано с традицией образа соловья как птицы, символизирующей весну, время, когда поют птицы, но авторская ассоциация проявляется в том,

что с весенним пробуждением и суетой, с полетом птиц сравниваются бюрократические процедуры в государственных учреждениях [9, с. 290].

Некоторые значения орнитонима «соловей» были зафиксированы и в словаре Н.В. Павлович, из которых часть примеров содержит в себе традиционные коннотации, основанные на пении и любовной теме, в то время как в других примерах наблюдается несоответствие этим традициям. Традиционной коннотации соответствует, например, образ-символ соловья у А. Пушкина: *«Там соловей, весны любовник, всю ночь поет; цветет шиповник, и слышен говор ключевой…»*, где в контексте традиционных романтических образов (весна, ночь, пение, цветение) соловей ассоциируется с весной, любовью, но в этом же тексте наблюдается трагическая линия, тема смерти, как бы противопоставляемая романтическому пейзажу: *«Там виден камень гробовой в тени двух сосен устарелых. Пришельцу надпись говорит: "Владимир Ленский здесь лежит, погибший рано смертью смелых…"»* [10, с. 137].

В словаре Н. Павлович также есть примеры того, как через традиционный коннотативный признак пения, голоса реализуются новые признаки, такие как природные явления, физическое воздействие на мир, действие орудием, ткань и др. Такое проявление коннотаций можно увидеть, например, в стихотворении А. Вознесенского: *«Свищет всенощною сонатой между кухонь, бензина, щей сантехнический озонатор, переделкинский соловей! Ах, пичуга микроскопический, бьет, бичует, все гнет свое, не лирически – гигиенически, чтоб вы выжили, дурачье»* [10, с. 151]. В стихотворении изображено пение соловья, однако внимание заостряется на том, что это пение является способом общения с миром («между кухонь, бензина, щей…»), а также соловей сравнивается с техническим прибором, очищающим воздух («сантехнический озонатор»).

В стихотворении В. Петрова пение соловья сравнивается с тканью, иллюстрируются разные оттенки звучания голоса: *«…удал соловей, всех даром веселит музыкою своей, сперва он цвикает, чуть слышен, понемногу, и стелет голосу из горлышка дорогу… то гаркнет, то прервет; визги, мызги, стуки, звуки издает… вдруг длину песню выстилает из горлышка, как холст; тут звонок, и тонок, там толст; томен»* [10, с. 152].

В стихотворении Е. Шварц пение соловья отождествляется с растением, а также с другими предметами («иголкой»), благодаря чему передана богатая палитра звуков, издаваемых голосом птицы: *«Соловей засвистал и защелкал – как банально начало – но я не к тому – хотя голосовой алмазною иголкой он сшил Деревню Новую… он лил кипящий голос в невидимое углубленье – то он надеялся, что звук взрастет, как колос, уже с той стороны, то умолкал в сомненье»* [10, с. 152].

В стихотворении В. Теплякова пение соловья сравнивается с напитком: *«Ночная ль песня соловья иль ропот дальнего ручья, как нектар, в душу вам струится – то с нею ангел говорит»*. При этом подчеркивается, что «напиток» является приятным, положительно воздействующем на душу человека, пение птицы сравнивается с речью ангела («то с нею ангел говорит») [10, с. 152].

Итак, поэтические тексты позволяют обнаружить широкий спектр значений и коннотаций исследуемого слова, что говорит о его значительном семантическом потенциале. Символ «соловей» содержит в себе разные авторские коннотации, не только традиционные «пение», «голос, речь», совпадающие с отраженным фразеологией значением (тот, кто хорошо поет/ краснобай и т.д.), но и многие нетрадиционные коннотации, соответственно, и новые смыслы: «беззаботность», «время», «интенсивность проявления чувств», «свобода» и т.д. Символ «соловей» содержит в себе и отрицательную коннотацию, основанную на обозначении душевных страданий (*«Охальник ветер, соловей могильный…»*), но преимущественно, обладает положительными смыслами (*«Рифмы, милые мои…вы, как будто, соловьи…»; «…песня соловья иль ропот дальнего ручья, как нектар, в душу вам струится…»*). Было выявлено, что многие новые коннотации образуются на основе традиционного значения символа (пение – желание перемен; пение – ткань; пение – растение, пение – нектар и т.д.). В некоторых случаях символ «соловей» сохраняет свое традиционное пейзажное окружение, при этом выражая нетрадиционную коннотацию (*«Поет зима, как соловей, как канарейка… Луна восходит…»*). Таким образом, слово «соловей» как символ является богатым по своему семантическому наполнению и далеко не всегда включен только в классический пейзаж как атрибут романтизации действительности.

Литература

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 141 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Избр. труды. – М., 1995. – Т. 1. – 481 с.
3. Сторожева Е.М. Коннотация и её структура // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – №13. – С. 113–118.

4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц. В 2 т. – М.: Русский язык, 2000. 1209 с. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275874

5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. – М.: АСТ, 2010. – 699 с. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/247769/

6. Азбукина А.В. Семантические различия в использовании образа соловья в поэзии 1-й половины XIX века (эмблема и символ) // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. / Казан. гос. ун-т, филол. фак.; под общ. ред. А.А. Аминовой, Н.А. Андрамоновой. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 205–214. – URL: http://old.kpfu.ru/fil/kn1/index.php?sod=32

7. Литературная энциклопедия. В 11 т. – 1929–1939. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_literature/

8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

9. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы» / отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с.

10. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. Том 1. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 848 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Н.А. Пузов

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
к.ф.н., доцент; e-mail: diagonals@mail.ru
Молдова, г. Тирасполь

В статье рассматриваются особенности употребления синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным и несвободным структурным схемам, в художественной речи (на материале сказов П.П. Бажова).

Ключевые слова: *синтаксический фразеологизм; художественная речь; структурная схема; семантика; менталитет; коммуникативно-эстетическая функция.*

Важную коммуникативно-эстетическую функцию в художественной речи выполняют фразеологические единицы. Они являются средством выражения менталитета народа, выступают как средство речевой характеристики персонажей художественных произведений. Фразеологическое богатство любого языка – это достояние его народного национального языкового сознания. Не случайно большинство фразеологических единиц не переводится на другие языки: каждая нация выражает, проявляет в них свой менталитет: свой характер, своё мировидение, мировосприятие, мироощущение, свою излюбленную метафоризацию, привычный образный склад речи.

Русский язык очень богат фразеологизмами. Во фразеологии отражён огромный исторический опыт народа, трудовая деятельность, быт, культура и черты характера нации. Фразеология хранит память о событиях народной истории, в ней живут исполненные поэзией и глубокой мысли афоризмы великих людей, строки, вышедшие из-под пера истинных художников слова.

Фразеологические единицы всех уровней языковой системы, в том числе и синтаксические, характеризуются высокой степенью востребованности и употребительности в живой разговорной и в художественной речи, обладают большой культурной значимостью. Как компонент русской культуры фразеологизмы обладают сложной и разнообразной системой смыслов, являются воплощением культурных ценностей нации и представляют собой важное средство выражения менталитета народа. Восприятие и осмысление окружающего мира происходит в соответствии с лингвокультурологическими установками, что даёт возможность рассматривать фразеологизмы как своеобразные концепты мировидения, значимые для конструирования национальных языковых картин мира. При рассмотрении различных аспектов языковой картины мира важно учитывать глубинный исторический и культурный опыт человека и народа, стремящегося назвать события, предметы и явления, которые его окружают, используя для этого фразеологические единицы языка. Различные отношения к тому или иному предмету, явлению, событию отражаются в образных выражениях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, существующих в языке, которые аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную и эмоциональную информацию национального характера.

В системе языка существуют фразеологизмы лексические и грамматические (морфологические и синтаксические). Синтаксический фразеологизм – это синтаксическая конструкция, имеющая форму простого или сложного предложения, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения составляющих его компонентов. Синтаксические фразеологизмы, как правило, образуются в результате переосмысления свободных конструкций или же сохраняют исторически утраченные синтаксические отношения. Синтаксические фразеологизмы строятся по особым фразеосхемам, представляющим собой синтаксические фразеологизмы с аналитической знаковой функцией [4, с. 145]. Авторы Русской грамматики-80 определяют фразеологизированные предложения (синтаксические фразеологизмы) как «предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой», в которых «словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные, местоименные слова, частицы и междометия» [3, с. 383].

Различают два типа синтаксических фразеологизмов:

• синтаксические фразеологизмы, построенные по несвободным структурным схемам, которые в основе своего строения имеют определённую несвободную структурную схему, модель (фразеологизированные предложения, синтаксические фразеологизмы с особой реализацией модели, синтаксические фразеологизмы с ослабленными или утраченными грамматическими или лексическими значениями компонентов, синтаксические фразеологизмы с идиоматическими союзными и бессоюзными соединениями словоформ): *Вот уж кто всем ягодам ягода* (В. Расп.); *Письмо письмом, а сердце сердцем* (В. Шишк.); *Вот это плуты так уж плуты!* (Н. Леск.); *Мало ли что бывает!* (Г. Адам.); *Надо же было ему именно сейчас отлучиться!* (И. Виногр.); *Здесь только и знают, что болтают с утра до вечера.* (В. Шукш.);

• синтаксические фразеологизмы, построенные по свободным структурным схемам, в основе которых лежит свободное соединение словоформ и в которых идиоматичность формируется особыми языковыми средствами (интонация, контекст) и своеобразным функционированием в тексте: *Да что же с вас взять?* (А. Аверч.); *Так тебе и поверили!* (В. Шукш.); *Где тебе понять!* (В. Расп.); *И какой же русский не любит быстрой езды?* (Н. Гоголь).

Рассмотрим более подробно особенности функционирования в художественном тексте синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, используя иллюстративный материал из сказов П.П. Бажова. Этот выбор обусловлен спецификой жанра и стиля произведений автора: сказы Бажова, основанные на русском (уральском) фольклоре, общенародные по содержанию, глубоко народны и по языку, и по стилю. В них часто употребляются языковые единицы, присущие народным поэтическим произведениям: характерные для народной речи постоянные эпитеты, сравнения, пословицы и поговорки, идиоматические выражения, в том числе – синтаксические фразеологизмы. Употреблённые в речи персонажей и в авторском повествовании, данные элементы языковой системы позволяют писателю ярко выразить специфические черты менталитета русского народа: широту и открытость русской души; свободолюбие; любовь к родному дому, к семье; природную смекалку, талант; решительность; привычку делать всё с размахом, масштабно; веру в Бога, богобоязненность; чувство прекрасного, вера в чудо; привычку долго раскачиваться, готовиться к чему-либо; привычку полагаться на авось, бесшабашность. Эти черты менталитета русского народа составляют важную неотъемлемую часть такого своеобразного понятия, как «русскость» [5, с. 37–52] – особое качество человека, основанное на специфическом мировосприятии, мироощущении, мировидении.

В отечественной науке известны различные варианты интерпретации понятия «русскость»: «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [2]. Понятие «русскость», на наш взгляд, можно представить следующим образом.

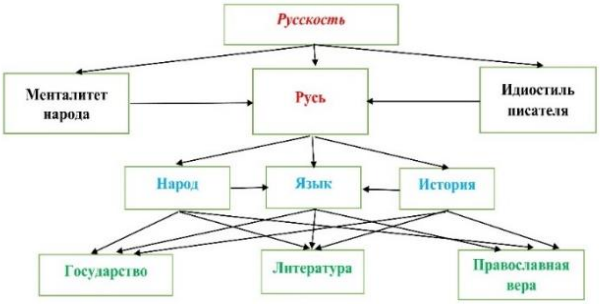

Рис. 1. Русскость как проявление ментальности

В проанализированных нами текстах сказов П.П. Бажова [1, с. 19–295], по нашим данным, в речи персонажей и в авторском повествовании употребляются синтаксические фразеологизмы, построенные как по несвободным структурным схемам, так и по свободным структурным схемам, но преобладают синтаксические фразеологизмы, построенные по свободным структурным схемам с семантикой отрицания, которые являются важным средством выражения русского менталитета. *Переманю-ка лучше из дальних мест зазнамо да перевезу их с семьями.* ***Куда тогда он убежит от семьи-то?*** *Спокойно будет* (Две ящерки); ***А бежать от семьи кто согласен?*** *Своя кровь, жалко* (Две ящерки). Данные синтаксические фразеологизмы, построенные по модели вопросительных предложений, характеризуются семантикой отрицания, которая формируется благодаря контексту («он никуда не убежит от семьи», «бежать от семьи никто не согласен»). Эти примеры иллюстрируют такую черту русского характера, как привязанность к семье, мысль о том, что семья является главной ценностью в жизни человека.

Любовь к воле, свободе как характерная черта русской ментальности представлена в следующих синтаксических фразеологизмах: ***Кто от воли откажется?*** (Медной горы хозяйка); ***Кому охота петлю надевать?*** (Малахитовая шкатулка).

Веру в Бога, в приметы, богобоязненность как черты характера русского человека иллюстрирует синтаксический фразеологизм: ***Разве можно такое говорить?*** *На весь дом беду накличешь!* (Голубая змейка).

О трудолюбии, готовности трудиться на благо ближнего свидетельствуют следующие фрагменты текста: ***Мало ли я всяких штук выточил да вырезал…*** (Каменный цветок); З*най поворачивайся – за тем догляди, другому подай…* ***До скуки ли тут?*** (Малахитовая шкатулка).

Такая черта менталитета русского народа, как бесшабашность, расчёт на авось, выражается в следующих синтаксических идиомах: ***Да мне-то что!*** (Малахитовая шкатулка); ***Мне что****… Хоть десять голов учить буду, а толку из этого парнишки не будет* (Каменный цветок); *Куда это годится?* (Каменный цветок); ***Мне-то что?*** *Не я сплетницей стану* (Горный мастер); ***Мне что до этого!*** *Не глядела бы на белый свет* (Голубая змейка).

Смелость и решительность русского человека иллюстрируют синтаксические фразеологизмы: ***Кого мне бояться****, коли я в горе роблю?* (Медной горы хозяйка); ***Продавать так продавать****, – и даже не стала на прощание те камни глядеть* (Малахитовая шкатулка); ***Да что об этом говорить****! Что с возу пало – то пропало* (Малахитовая шкатулка). В последнем фрагменте текста обращает на себя внимание соседство синтаксического фразеологизма *да что об этом говорить*, построенного по свободной структурной схеме, со значением отрицания («нечего об этом говорить») и широко известной русской пословицы: *Что с возу упало, то пропало* (т.е. «сделанного не воротишь»). Обе эти конструкции, употреблённые контактно в данном контексте, взаимовлияют друг на друга, усиливая их общее семантическое поле.

О чувстве прекрасного, желании и умении восхищаться чудесами, прелестью окружающей жизни свидетельствуют следующие примеры: ***Вот где каменья!*** *Век бы на них глядела* (Малахитовая шкатулка); ***Только где им до зеленоглазой!*** *Ни одна в подмётки не годится* (Малахитовая шкатулка); *Вот хоть бы Катя Летемина –* ***чем не невеста****? Хорошая девушка…* (Каменный цветок); ***А камень-то какой!*** *Первый камень!* (Каменный цветок); ***Вот работа!*** *От нашей, от здешней, на отличку.* (Каменный цветок) ***Вот невеста так невеста!*** *По всем землям объезди, такой не сыщешь* (Таюткино зеркальце).

Долгие сборы, неспешные приготовления, свойственные русскому человеку, выраженные крылатой фразой (афоризмом) *Русский долго запрягает, да быстро едет*, находят своё отражение в синтаксическом фразеологизме из сказа П.П. Бажова «Каменный цветок»: *Полегче бы с этой чашей.* ***Куда торопиться?*** *Сходил бы в разгулку куда…*

Таким образом, на наш взгляд, достаточно обоснованно можно говорить об особой коммуникативно-эстетической функции синтаксических фразеологизмов в сказах П.П. Бажова. Они являются важной чертой идиостиля этого писателя, выступая в качестве средства выражения менталитета русского народа и играя значительную роль как средство речевой характеристики персонажей.

Литература

1. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка / сост. и авт. предисл. Н.И. Савушкина. – М.: Просвещение, 1987.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1949. – URL: kartaslov.ru/русская-классика/
3. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М., 1980.
4. Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2003.
5. Югов А.К. Думы о русском слове. – М.: Современник, 1975.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В.С. МАТВЕЕВА

А.С. Скрябина
Сургутский государственний педагогический университет,
аспирант; e-mail: asmazeina@mail.ru
Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут

В настоящей статье рассматривается лексика, использованная в публицистических текстах анализируемой языковой личности, с точки зрения её функциональной значимости. Материалом для анализа стали очерки В.С. Матвеева, опубликованные в литературно-художественном альманахе «Сургут» в 2004 году, а также этюды «Объяснение в любви» и «Противостояние» из авторского сборника «Простите блаженных...», изданного в 2001 году.

Ключевые слова: *В.С. Матвеев; языковая личнность; лингвоантропология.*

Как известно, в XX веке в лингвистике наблюдается поворот к антропоцентрической парадигме исследований, современные филологи сходятся во мнении о том, что язык необходимо изучать в совокупности с его носителем. К концу XX века формируется теоретико-методологическая база лингвоантропологии: языковой личности и способам её изучения посвящены многочисленные научные исследования таких российских ученых, как Г.И. Богин, Г.О. Винокур, А.А. Ворожбитова, Е.В. Иванцова, Ю.Н. Караулов, Л.Н. Чурилина и другие исследователи [см., например: 1; 3–4; 6–7; 14]. Необходимость анализа идиостиля признают многие и многие зарубежные лингвисты, в частности М. Бухольц, Р. Дарвин, Б. Джонстоун, Б. Нортон, К. Холл [15–18]. Учёные фокусируются на аналитическом подходе к идентичности речи, циркулирующей в конкретном языковом материале, используют знания социолингвистики, лингвистической антропологии, дискурс-анализа, социальной психологии и т.д. [1].

Актуальность нашего исследования определяется его включенностью в современную антропоцентрическую концепцию лингвистических изысканий, а также обращением к важным теоретическим проблемам организации индивидуального лексикона, что нацеливает на детальное изучение лексической организации текста. Также актуальность исследования обусловлена тем, что ранее подобные исследования языковой личности писателя Валерия Матвеева, Члена Союза российских писателей (с 2002 года), Член Союза журналистов России, обладателя почетного знака «За заслуги перед городом Сургутом» и звания «Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры», не проводились.

Наиболее информативным для изучения считается лексический запас языковой личности, поскольку именно в лексиконе проявляется специфика данной личности, особенности ее картины мира.

Большая часть биографии В.С. Матвеева связана с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой, городом Сургутом. Писатель имел право рассчитывать на некую свободу творчества, имел веский голос в литературной среде и своё имя в местных газетах, он освещал все наиболее важные события не только в Сургуте, но и на обширной территории ХМАО, включающей Пыть-Ях, Нефтеюганск, будущий Когалым и Ноябрьск. Писатель искренне болел за те дела, которым служили люди разных профессий. Вдохновение, накопленное за годы журналисткой работы на Севере, Валерий Сергеевич проявлялось не только в журналистике, но и в его художественной прозе, поэзии.

Выбранные нами тексты включают в себя элементы как повествования, так и рассуждения, описания. Они тексты написаны очень тонко, образно, высоконравственном, философском стиле, поэтому оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя. При чтении этих текстов возникает своеобразный диалог: читатель начинает не только «слышать» слово, но и воспринимать мир поиному благодаря высокой степени образности, разнообразию выразительных средств и необычным способам их употребления. Зарисовки посвящены югорской земле, природе, иллюстрируют специфичные и актуальные фрагменты человеческой жизни на Севере. Многие из них выражают философские мысли, экзистенциональные рассуждения о прошлом, настоящем и будущем как автора, так вещей и явлений, его окружающих.

На основании анализа языкового материала были выявлены некоторые особенности идиолексикона языковой личности, сделан его количественный анализ, выявлены выразительные средства, использованные автором.

Особое место в текстах Валерия Матвеева занимают имена собственные. Автор наделяет предметы и явления особенными, дополнительными именами, акцентируя внимание на их характеристиках (*Ночь-Невеста, Природа, Память, Прошлое, Совесть*).

Интересны используемые Валерием Матвеевым окказионализмы (*междужизние, предутрие, светопад).* Частотны отглагольные существительные, функция которых – передать процессуальный признак определенного явления (*замотанность, ошарашенность, соединимость, бестревожность, галопирование*). Уменьшительно-ласкательные существительные подчеркивают отношение автора к описываемым предметам (*шапочка, словечко, павильончик, кустик*).

В анализируемых текстах встречается значительное количество заимствований. Например: *сентенция, сомнамбулический танец, фантасмагорическая картина, панегирики, реминисценция, элементарный.*

Разнообразны глагольные лексемы: это и возвратные глаголы (*ориентироваться, обменяться*), и глаголы, образованные от существительных с помощью приставок и суффиксов (*задождить, обеззвучить, благоденствовать, нацеловывать*). В ряде случаев данные слова приобретают в контексте новые оттенки смыслов, на которые хочет обратить автор внимание читателей.

Частотны в публицистических текстах Валерия Матвеева лексические повторы, придающие экспрессивную окраску отдельным фразем и всему тексту в целом: *Стук! Стук! Стук! Одиночества… Одинокое сердце… Одинокая скамейка… Одинокий сквер. Ночь – такая же. И отчаянно одинокий свет.*

В. Матвеев является, с одной стороны, типичным носителем литературного языка, однако он хорошо владеет и городским просторечием. Поскольку он жил и работал на Севере в период его бурного освоения, местная речь не могла не оказать влияние на его словарный запас; процессы развития производства, строительства не могли не привнести в его язык большой пласт профессиональной лексики. С другой стороны, тесное общение с представителями коренных народов – ханты и манси – также повлияло на идиостиль автора. Попытаемся выявить тезаурус местной культурной традиции [5, с. 70] в текстах Матвеева и описать его.

Литературная лексика – нормированная и обработанная форма общенародного языка – используется писателем во всех его художественных произведениях. Автор придерживается литературных норм, использует официально-деловую, общественно-публицистическую лексику, но может и отступать от неё в зависимости от выбранного стиля текста с целью повышения его выразительности, например, при передаче речи персонажей в очерках, в которых использует просторечную и даже диалектную лексику и фразеологию.

Матвеев часто прибегает к описанию Сибири, к которой он относится с любовью и уважением, одушевляя её. Например, *Низко припавшее к земле, чуть ли не вплотную, небо – гудит. На высоких нотах ведет свою партию поземка. Изрядно закуржавевшие кедры повествуют миру о своей медленной, упорной и такой возвышенной судьбе* [12, с. 145]. Знаки регионального текста, в частности, природные (лесные заповедники, могучие реки и непроходимые болота, растения и животные), мифологические знаки, исторический контекст, особенности культуры коренных жителей, и, конечно, тема добычи полезных ископаемых и активного строительства, мотивы переезда и обустройства жизни в северном регионе, репрезентирующиеся с помощью лексем *большая земля, нефтепровод, сибирячка, геолог, трасса.*

Присутствие диалектной *(грабарка, непотреба),* официально-деловой *(инстанция),* общерусской городской лексики *(курильщики),* просторечных слов и выражений *(девчата, барахлит, свалка, прохудиться, помереть, помышлять, мужик, физиономия, обветшать, побудка)* обусловлено сознательным желанием автора повысить выразительность текста, например, при передаче речи персонажей в очерках, что говорит о свободном владении всеми формами национального языка и умении использовать речевые средства в зависимости от конкретной речевой ситуации.

Использование слов не только активного, но и пассивного словарного запаса также является важной характеристикой лексикона Валерия Матвеева. Источниками пополнения его лексикона служит литературный язык, городское просторечие, профессиональная и книжная лексика. Значительную часть новых единиц занимают слова из сферы журналистики. Новые слова используются автором в семантико-стилистических целях, обогащают насыщенную выразительными средствами речь информанта. Многие слова на протяжении жизни Матвеева перешли из разряда новых слов в активный словарный запас. Новые слова входят в самые разные тематические группы: медицина, работа, быт, обучение, документы, наука, культура, политика, общество.

Большая группу слов в рассматриваемых текстах образует семантическое поле «работа»: *трасса, нефтепровод, сварщик, энергетик, нефтяник, геолог.* Использование канцеляризмов (*прецедент, коллизия, эквивалент, атрибут, издержки)*, заимствований (*реминисценция, фантасмагория),* книжной лексики (*перманентный)* обусловлено необходимостью повысить художественные характе-

ристики текста. Широко используются слова, связанные с развитием технологий и урбанизацией: *валютный курс, сертификат, консультант, переговорный пункт, оператор, агитация, почтамт, реклама, иллюминатор, магистраль, двигатель.*

Выделение пласта архаизмов представляет несколько более сложную задачу в связи с тем, что лексика устаревает медленнее, чем обогащается новыми словами. Наиболее активные группы архаической лексики: термины ремесел и промыслов, названия предметов быта, помещений, учреждений, понятия из сферы духовной культуры прошлого: *бурун, очи, уста, галифе, длань*. Наряду с архаичными существительными используются автором устаревшие наречия (*сторожко, окрест, куржак), а* также глаголы (*ворожить).*

Процессы перехода слов в класс устаревающих обусловлен изменениями в условиях жизни, сменой исторических, политических, общественных событий. Можно предположить, что в устной речи Матвеева практически не использовал устаревшие слова, которые функционировали лишь в системе выразительных средств его публицистических текстов: например, слово *данник* в старину обозначало человека, который платит дань; *достопамятный* − достойный запоминания, памяти: церковно-славянский предлог *пред* вместо исконно-русского *перед* показывает возвышенное отношение к рассвету как к природному явлению*: пред его ликом тяжесть раздумий … освобождает душу.*

Характерной особенностью лексикона творческих личностей, писателей, как известно, являются окказионализмы. Писатель использует индивидуально-авторские неологизмы, или, как говорят некоторые учёные, языковые аномалии, с целью повышения художественной выразительности текста или языковой игры, для создания образности текста, характеристики конкретной ситуации, расширения семантики высказывания.

Так, например, основной для образования окказионализма *междужизние* становится целое предложение: *А до рассвета разве не жизнь?* Матвеев использует окказионализм, чтобы обозначить именно этот период времени. Окказзионализмы, указывающие на состояние, зачастую образуются по модели: основа глагола + суффикс -ОСТЬ- (*ошарашенность)* или по модели приставка + основа существительного + суффикс -ОСТЬ- (*бестревожность).* Отмечена также модель существительное + суффиксы -ЕНИJ/ЕНJ- (*беспределье).*

Появление окказионализмов в тексте Матвеева обычно мотивировано той или иной функцией, так окказионализм *мои размышлизмы* является заголовком главы и раскрывает читателю её содержание.

Поскольку Валерий Сергеевич является творческой личностью, в его текстах часто встречаются уникальные прилагательные: *(предощущаемый, приречный).* Чаще всего такие прилагательные образованы автором от глагола и прилагательных суффиксов -ЕН/ЯН-, -ЕМ/ЯМ- и других. Встречаются окказионализмы с изменёнными морфологическими признаками. Например, рода: *Кода.* Или замены общепринятого числа слова на противоположное: *выгоды* вместо *выгода.* Имеются случаи редеривации: так, существительное *неестество* образовано от прилагательного *неестественный* путём устранения суффикса -ЕНН- и заменой окончания.

Присутствуют в текстах Матвеева так называемые графические окказионализмы, в которых семантика слов может быть подчёркнута заглавной буквой, что делает их именами собственными. Слово в этом случае приобретает новый, символический смысл, становится одушевлённым: *Ожидание, Бессонница, Ночь, Одиночество* и т.д. Встречаются также слова с нижним подчёркиванием: *Мальчик.*

Нередки в текстах Матвеева индивидуальные метафоры, например, *черепашье переползание.* В данном случае автор обозначает этим тропом медленное движение стрелки часов.

Можно выделить следующие цели и причины употребления окказионализмов в текстах писателя: воспроизведение чужой речи, усиление экспрессии и повышение образного потенциала текста, необходимость избежать общеупотребительной и нейтральной лексики. Так, например, глаголы *вольготствовать* или *предощущать* более точно передают мысль автора, нежели возможные в этом случае общеупотребительные лексемы.

Велика в текстах Валерия Сергеевича роль экспрессии и разнообразных средств её выражения: фразеологизмов, тропов, синонимических рядов, антонимических пар и т.д. Часто в тексте отражается широкий спектр экспрессивно-эмоциональных оценок, передающих качественную негативную или позитивную характеристику: *назойливость я трактовал как грубость или хамство, потому-то и молчал, что называется, в тряпочку.* Используются слова ласкательные, иронические, одобрительные, шутливые, выражающие восхищение или сожаление. Например, волна на поверхности во-

доёма представлена в анализируемых текстах такими лексическими сочетаниями*: тёмные водяные барханы, своенравные царевны, смуглые воды.*

Всю эмотивную лексику текстов Матвеева можно разделить на следующие основные семантические группы:

– человек, его внешность: *лицо её пылало, женщина с абсолютно девчоночьим лицом, лица невыразительные и одинаковые* (о приезжих), *лунного сияния лицо; трепетное телесное изваяние; кокетливый мизинчик; любопытный нос-пуговка; смотри, обхаживает белобрысая-то.* Зачастую здесь используются элементы разговорного стиля: *толстые и усатые мужики, смуглая физиономия, корявый старик;*

– внутренний мир, поступки, оттенки настроений: *задачник жизни, тяжесть раздумий, миллионы одиночеств, пламенная цель, ты словно ветер, томительное ожидание, солнечный мажор, невольный пленник изумления, температура впечатлений, под сладостным игом ошарашенности, жгучие, как лезвие пламени, вопросы, владения Совести.* Описывая людей, Валерий Сергеевич использует не только прилагательные но и эффективно окрашенные глаголы. Например, речь человека характеризуют глаголы *пробасить, зубоскалить, ерничать, погутарить;*

– состояние человека, его действия: *голову ломать, гору несёшь, в блажь удариться, застать врасплох, вкусить шашлык;* здесь также частотны разговорные элементы: *продешевить, зябко и др.*

Широко используется экспрессивная негативно окрашенная лексика в описании человеческого недостойного поведения. Например, *Боже, Но какой тупой; философствующая идиот.* Описывая диалог с незнакомцем, автор вставляет слова *стерва, деваха, жмоты, твою мать, бездельник, сволочь, молчун ты эдакий, таракан запечённый.* Пренебрежительное отношение отражает выражение *прекращал трёп.*

Экспрессия содержится не только в прямой речи персонажей, но и в описании собственных чувств возмущения и сожаления: *идиот, скупердяй, нечистоты, паскудность, скотство.* В. Матвеев описывает состояние души такими прилагательными, как *пакостное, смрадное, гадкое нечто*;

– окружающий мир, созданный человеком: *одинокий фонарь, достопамятные руины, чрево мусоровозки;*

– городская среда: *нашествие потного многолюдья, высокая пропевка мотора, борт, тронутый язвочками ржавчины, народ валом валит, в приказном порядке, связь барахлит, впавшие в лёгкую дрёму жилые кварталы, пассажирский люд, арьергард туристов, гражданин, промышленный объект, комбинат, завод, стройплощадка, монтажник, строитель.*

Для текстов Матвеева характерно использование метафор, олицетворяющих природные явления: *ветер ночной вздохнул, белые платья берёз, робкий шелест листвы, спящая земля, расписные закаты, струи ночного ветра, глубины берёзового сквера, белизна летней ночи, глубокая и выразительная тишина ночи, глубокое белое безмолвие, молчаливое пространство, светозарные потоки, дальние дали, зарницы режут небо, смуглая волна, веер брызг, Зимняя рапсодия, ветер буйствует, глазастое солнце, «стадо» крутолобых холмов, морщинистые камни.*

Часто использование выразительных средство связано с описанием региональных реалий, природных и связанных с человеком: *Иртыш – суров и беспокоен, белизна волшебной сибирской ночи, трепетный светопад, Большая земля, территория больших трудов, студёный ад, зимник, с ружьём в руках нынче даже ханты не шутят.*

Лексика усиления или ослабления значения, интенсивности, длительности (силы, высокой степени проявления действия) служит для характеристики того или иного предмета или явления [6]: *галопированный аллюр* (торопливое движение), *длиннющая очередь, еле-еле справляться, дел невпроворот, чуть ли не бегом, намертво схвачены.*

Высокая степень развитости ассоциативного мышления объясняет наличие большого количества в тексте как общеупотребительных, так авторских фразеологизмов**:** *до белого каления, свети не свети – а солнышком всё равно не станешь; растапливая жаром сердца сибирские морозы; торжество вселенского масштаба; закрутить финты; выбить фонды; ахнуть не успели; один на один; бензиновый чад; душная амбразура справочного окошка.*

Используются В. Матвеевым и другие виды экспрессивных средств: метафора, метаморфоза, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, сравнение, эпитет, оксюморон: *Горы тяжкие – с плеч долой. Последняя улыбка ожидания. Робкая искорка привета. Заледевевшая лапа равнодушия. Легкие, как дыхание спящего ребёнка.*

Анализ материала показал, что Валерий Матвеев обладает обширным словарным запасом, умеет пользоваться родным языком на всех его уровнях. Лексическое многообразие текстов писателя

является хорошим поводом для комплексного описания данной языковой личности. Новая лексика в его лексиконе разнообразна, особенно характерно наличие большого разнообразия авторских слов – окказионализмов. Источниками пополнения лексикона являются также региональная лексика, неологизмы, связанные с новыми технологиями, а также заимствования.

Устаревающая лексика используется, в основном, с целью повышения художественной выразительности текста или при воспроизведении чужой речи.

Ярко характеризуют языковую личность Валерий Сергеевич разнообразная экспрессивная лексика, которая является более широкой, в сравнении с рядовым носителем языка и включает экспессивно-эмоциональную оценку, усиления или ослабления значения, интенсивности, длительности и др. К семантическим особенностям можно отнести высокую степень абстрактности дискурса В. Матвеева, глубокий философский подтекст. Автор обладает навыками истинного оратора, уместного использования региональной терминологии, изобразительных возможности языка. Способы и стили выстраивания речи персонажей демонстрируют владение автором всевозможными функциональными стилями речи и речевыми жанрами. Авторские рассуждения сопровождаются разнообразными и яркими выразительными средствами, анализ которых был нами проведен.

Исследованный нами материал является первым этапом сопоставительных исследований текстов автора, написанных в разных стилях, а также одним из этапов создания полного словаря языковой личности Валерия Матвеева.

Литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... д. филол. наук. – Ленинград, 1984.
2. Большакова Н.Ф. Пейоративная лексика как манифестация категории оценки // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – Пермь: ПНИПУ, 2015. – №1. – С. 210–213.
3. Винокур Г.О. Язык писателя и норма // In Honor of Professor Victor Levin: Russian Philology and History. W. Moscovich et al., eds. Jerusalem, 1992.
4. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
5. Галян С.В., Ларкович Д.В., Сироткина Т.А. Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского текста): учеб.-метод. пособие. – Тюмень: Аксиома, 2017. – 168 с.
6. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учебное пособие. – Томск: Изд-во Том.Ун-та, 2010. – 160 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Логинова-Матвеева Е.С. Валерий Матвеев // Живая память. – Сургут; Тюмень: ООО «Формат», 2017. – 39 с.
9. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2009. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-momenty-interpretatsii-ekspressivnosti-kak-kategorii-leksikologii (дата обращения: 14.11.2019).
10. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. – Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.
11. Плешкова Т.Н. Некоторые особенности городской речи в контексте языковой ситуации архангельского Севера // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. – 2012. – С. 66–72.
12. Матвеев В. Простите блаженных...: этюды / под ред. Н. Шамсутдинова. – Екатеринбург: СВ-96, 2001. – С. 9–14.
13. Сургут. Литературно-художественный альманах / под ред. А.П. Зубарева. – 2004. – №1. – С. 50–80.
14. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте: монография. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
15. Darvin R. Norton B. Identity and a Model of Investment in Applied Linguistics / Annual Review of Applied Linguistics, Cambridge University Press, 2015. – pp. 36–56.
16. Johnstone B. Stance, Style, and the Linguistic Individual / Sociolinguistic perspectives on Stance. New York: Oxford UP, 2005. – 44 p.
17. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach / Discourse Studies. – London, Thousand Oaks, CA and New Delhi, 2005. – pp. 585 – 614.
18. Norton B. Identity and Language Learning Extending the Conversation. 2nd edition 2013, 220 p.

ОНИМ И АПЕЛЛЯТИВ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ КОДЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
к.ф.н., доцент; e-mail: saskuridina@ya.ru
Россия, г. Воронеж

В работе представлено исследование апеллятивно-онимного взаимодействия, рассматриваемого как один из знаковых принципов ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского, проявляющихся на протяжении всего творческого пути писателя и обусловленных его особым отношением к имени собственному как к слову, способному генерировать разного рода смыслы.

Ключевые слова: *литературная ономастика; оним; апеллятив; апеллятивно-онимное взаимодействие; Ф.М. Достоевский.*

Исследование семантического потенциала литературной ономастики в творчестве Ф.М. Достоевского имеет давнюю традицию [1–3 и др.], что обусловлено пристальным вниманием писателя к имени собственному, о чём свидетельствуют воспоминания его жены, племянницы и современников, отмечающих, что к выбору имени при рождении Ф.М. Достоевский подходил с особой тщательностью и требовал от окружающих соблюдения традиций имянаречения, сложившихся в русской православной и светской культуре [4–6 и др.]. Стремление Ф.М. Достоевского «осмыслить» имя, проникнуть в его семантические глубины прослеживается в его ономастических каламбурах, мастером которых он признан современниками: Е.Н. Опочинин вспоминал, «как в беседе с ним Достоевский «осмыслил» фамилию – Авенариус: “Какая славная фамилия! – сказал Достоевский, разлагая ее по частям: Ave – по-латыни “здравствуй”, – Narr – по-немецки “дурак” – и переводит: “здравствуй, дурак”» [Цит. по: 3, с. 5].

Ономастические каламбуры, встречающиеся в художественных текстах Ф.М. Достоевского – один из вариантов апеллятивно-онимного взаимодействия, являющегося знаковым принципом ономастического кода писателя и наиболее наглядно демонстрирующего авторское стремление к целостному описанию определенного явления: *«Эх ты, Сироткин! <…> сирота ты казанская!»* («Записки из Мёртвого дома») [7, с. 39]; *«Прохарчин, прохарчинский ты человек!»; «Оплеваниев плюнул...»* («Господин Прохарчин») [8, с. 254, 255]; *«Голядкин взглянул на кровать Петрушки; но в комнате даже не пахло Петрушкой»*; *«Действительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула к нему за печку; фигурка, впрочем, была не Остафьева, а другого писаря, Писаренки по прозванию»* («Двойник») [8, с. 243, 192]; *«М-r Творогов походил более на окаменелость, чем на m-r Творогова» («Чужая жена и муж под кроватью»)* [9, с. 60] и т.д.

Другой вариант апеллятивно-онимного взаимодействия в художественных текстах Ф.М. Достоевского – это нарочитое введение в нарратив апеллятивов, являющихся однокоренными со значимыми ономастическими единицами разных уровней, без образования каламбуров. В данном случае оним и апеллятив находятся как в непосредственной близости – включены автором в одно сверхфразовое единство, так и рассредоточиваются по всему тексту произведения, что позволяет Ф.М. Достоевскому пролонгировать трансляцию идей, закрепляя их элементами ономастического кода.

Фамилия героя романа «Преступление и наказание» *Раскольников*, восходя к апеллятиву *раскольник*, указывает на душевный раскол в сознании героя (лексема *раскол* входила в активный словарный запас писателя и не всегда связывалась с религиозным расколом: в 1864 году выходит его статья «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» [10, с. 102], где *раскол* – это отсутствие единства во взглядах, единомыслия). Мысль о противоречивости, «двойственности» человеческой натуры была предметом размышлений Ф.М. Достоевского в течение всего жизненного пути, что, несомненно, связано с самоидентификацией писателя, относившего к числу подобных «необыкновенных» людей самого себя: «… это самая обыкновенная черта у людей… не совсем, впрочем, обыкновенных <…> это раздвоение в Вас точь-в-точь как и во мне, и всю жизнь во мне было» [11, с. 149]. Но Ф.М. Достоевскому важно представить взаимосвязь героя и мира, и герой с расколотым сознанием поселяется в расколотый мир, поэтому после убийства Раскольников, отмывая от крови руки, берёт мыло с расколотого блюдца: *«Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил лежавший на окошке, на расколотом блюдечке, кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки»* [12, с. 65].

Фамилия *Смердяков* поддерживается в тексте глаголом *смердеть*: *«По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас»*, – говорит Ракитин Алёше Карамазову [13, с. 73], «иезуит смердящий» – так называет его, одновременно воспроизводя в причастии семан-

тику фамилии лакея *Смердяков* и прозвища ее матери – *Смердящая*, Фёдор Павлович Карамазов [13, с. 119]. Введение глагола *смердеть* в значении ‘вонять, издавать неприятный запах’ в рассказ отца Ферапонта соотносит образ Смердякова с чёртом, который «погнил в углу-то, смердит» [13, с. 154]. Как известно, глагол *смердеть* является дублетом глаголов *смрадить* и *смородить*: «смердѣть, смрадить и смородить, вонять, испускать смрад, зловоние, отвратительный вонючий запах» [14, с. 232], что расширяет семантический потенциал апеллятивно-онимного взаимодействия фамилии *Смердяков*, прозвища *Смердящая* и однокоренных лексем. В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский настойчиво связывает понятия *смрад* и *грех(и)*: «смрадно-грешный» [13, с. 226], «смрад грехов» [13, с. 266, 286], «смрадный грех» [13, с. 286]. «Смрадное насекомое» – человек, который, по мнению Мити Карамазова, не достоин жизни[13, с. 366], «смрадный переулок» – самые потаённые уголки сознания, в которых зарождаются греховные мысли [13, с. 144]. Апеллятив *смердеть (смородить)* благодаря своей полисемантичности (*смердеть (смородить)* от *смород* – от греч. μοπύζζω ‘делать черным, покрывать сажей, копотью‘ [15, с. 691]) расширяет смысловые границы фамилии *Смердяков*, выстраивая синонимические отношения с фамилией *Карамазов* (*кара* татар. ‘черный‘ [16, с. 90].

Апеллятивы *смердеть*, *смрад* и их производные, в том числе, антропонимы *Смердяков* и *Смердящая,* входят в одно лексико-семантическое поле *запах*, в которое включены существительные *запах* («Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились, и, странно, от трупа почти не было запаху» [17, с. 190]), глагол *пахнуть* («сегодня же переезжай ко мне совсем, и подушку и тюфяк тащи, и чтобы твоего духу здесь не пахло» [13, с. 84]), существительное *вонь* («Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор, или в свет и радость» [13, с. 99]), глагол *провонять* («А днесь и сам провонял» [13, с. 303]), словосочетание *тлетворный дух* (название первой главы седьмой книги романа «Братья Карамазовы» [13, с. 295]) и др. Таким образом, использование апеллятивов и онимов одного лексико-семантического поля – это третий вариант апеллятивно-онимного взаимодействия в художественных текстах Ф.М. Достоевского.

Вяч. Вс. Иванов отмечает композиционную функцию антропонимов Ф.М. Достоевского: «Тема смрада, тлетворного духа пронизывает весь роман» [18, с. 105]. Название городка, где происходят события романа «Братья Карамазовы», – *Скотопригоньевск* – ассоциативно связано с запахом: его пространство наполнено запахами нечистот, навоза, стоячей воды и гниения, а его обитатели свинья с поросяточками, курица, вол, ослица и т.д. В песне, под которую помещик Максимов исполняет шутовской танец, представлен весь скотный двор:

Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусынька га-га, га-га.
Курочка по сенюшкам похаживала,
Тюрю-рю,рю-рю, выговаривала,
Ай, ай, выговаривала! [13, с. 397].

В романе «Бесы» наблюдается подобное взаимодействие апеллятивов и онимов в рамках другого лексико-семантического поля, отражающее отсутствие покоя как начальной стадии вихря будущих событий. В имение Ставрогиных, умышленно названное писателем *Скворешники* и являющееся родовым гнездом Николая Всеволодовича, *слетаются* отовсюду герои повествования *«и ждут, разиня рты, как галчаты в гнезде, какого мы им привезли гостинцу?»* [19, с. 177]. Интересно, что апеллятив *гнездо* возникает в повествовании неоднократно, так как Скворечники – это символичное гнездо для Шатова, Петруши Верховенского, так как здесь учил птенцов Степан Трофимович Верховенский, фамилия которого ассоциативно устремлена вверх, к небесам, но удержаться на желаемой высоте ему не позволили «опаленные крылья» [19, с. 11]. Некоторые герои романа «Бесы» носят орнитоморфные фамилии (*Лебядкин*, *Дроздов*), но не только к их перемещению в пространстве применяет глагол *лететь*/*летать* Ф.М. Достоевский: летают Петр Верховенский [19, с. 143], Николай Ставрогин [19, с. 413], Лембке [19, с. 336], Липутин [19, с. 78], в черновиках к роману глагол *лететь*/*летать* использовался при описании движения Варвары Петровны Ставрогиной и Степана Трофимовича Верховенского (*«Варвара Петровна, рассерженная, полетела к Ст(епану) Т(рофимови)чу»* [19, с. 218], *«Ст(епан) Т(рофимови)ч после ареста и визита к Губернатору, возвратившись: “Я как-то сдвинулся с двадцатилетнего места и куда-то поехал... или полетел. Куда – не знаю, но я полетел”»* [19, с. 287].

Приведенные примеры вариантов апеллятивно-онимного взаимодействия в художественных текстах Ф.М. Достоевского не являются единичными и прослеживаются со времени первого романа «Бедные люди», где семантика имени главной героини *Варвара* (от греч. βάρβαρος ‘чужеземка, дикарка’ [8, с. 359]) поддерживается апеллятивом *дикарка*, используемом в акте самонаминации («я такая дикарка» [20, с. 28]; «к тому же я такая нелюдимка, дикарка» [8, с. 54]), а значение фамилии *Доброселова* – намек на происхождение героини из «доброго селения», о котором она рассказывает в романе [8, с. 27], что позволяет говорить об индивидуально-авторском принципе ономастического кода писателя.

Литература

1. Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Россия и Славянство. – Париж. 24.X.1931.
2. Бем А.Л. Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные / Составлен А.Л. Бемом, С.В. Завадским, Р.В. Плетневым и Д.И. Чижевским; под общей редакцией А.Л. Бема // О Достоевском. – Прага, 1933, т. 2. – С. I–VIII, 1–89 (Приложение).
3. Альтман М.С. По вехам имен. – Саратов, 1975. – 280 с.
4. Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 года // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., 1993. – С. 275–284.
5. Савостьянова (Достоевская) В.А. Воспоминания о встречах со своим дядей Ф.М. Достоевским // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., 1993. – С. 214–216.
6. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. – СПб., 1912. – 223 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 4. – Л.: Наука, 1972. – 329 с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 1. – Л.: Наука, 1972. – 522 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – 530 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 20. – Л.: Наука, 1980. – 434 с.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 30 (1). – Л.: Наука, 1988. – 458 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 6. – Л.: Наука, 1973. – 426 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 514 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 4. – М.: Терра, 1995. – 688 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 832 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 2. – М.: Терра, 1995. – 784 с.
17. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 15. – Л.: Наука, 1976. – 625 с.
18. Иванов Вяч. Вс. О композиционной роли фамилий героев у Достоевского. Смердяков // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Том. 2. Статьи о русской литературе. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 105–109.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 10. – Л.: Наука, 1974. – 522 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ А.С. ПУШКИНА В ПОВЕСТЯХ Д. ЕМЦА О МЕФОДИИ БУСЛАЕВЕ

Т.П. Слесарева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

к.ф.н., доцент; e-mail: slestp@yandex.ru

Республика Беларусь, г. Витебск

А.С. Пушкин поистине неисчерпаем: каждое новое поколение находит в нём свой мотив, а прецедентные тексты из его произведений становятся хрестоматийными. Зачастую в современных художественных текстах пушкинские строки встречаются в том или ином «искаженном» виде. Ярким примером могут служить повести популярного детского писателя Дмитрия Емца о Мефодии Буслаеве, в которых автор поднимает вопрос борьбы света и тьмы.

Ключевые слова: *прецедентные тексты; цитаты; трансформация; детская литература; Дмитрий Емец; Мефодий Буслаев.*

В последнее время приоритетное место в детской литературе занимает фэнтези. И творчество детско-подросткового писателя-фантаста, кандидата филологических наук Дмитрия Александровича Емца не исключение. На наш взгляд, в век компьютерных баталий и широкоэкранного кино с эффектом присутствия ему всё-таки удалось привить подросткам привычку читать книги, в которых молодой (и не только) читатель найдет для себя ответы на многие серьёзные вопросы.

Главным героем одной из серий повестей автора является Мефодий Буслаев – мальчишка, родившийся в полное солнечное затмение, получивший своё имя от создателя старославянской азбуки, а фамилию – от богатыря Василия Буслаева. Но Мефодий получает также в подарок от судьбы и магический дар, о котором узнаёт только в двенадцать с половиной лет.

И вот герой оказывается перед нелёгким выбором, каким жизненным путем пойти – светлым или темным, добра или зла. Ему предстоит пережить немало испытаний, прежде чем он наконец выберет сторону и пойдёт по своему собственному пути.

Несмотря на то, что повести Емца ориентированы в основном на подростковую читательскую аудиторию, критики отмечали наличие в них и достаточно «взрослого» юмора, и многочисленных христианских мыслей, и аллюзий. Мы позволим себе добавить в этот перечень прецедентные тексты, встречающиеся в том или ином виде на страницах повестей довольно часто.

Термин «прецедентный текст» происходит от латинского praecedens, что означает «идущий впереди, предшествующий». Этим термином обозначаются тексты или выражения, известные большинству образованного населения и употребляющиеся как устойчивые выражения (речевые стереотипы).

В научный обиход данный термин ввёл Ю.Н. Караулов, который отмечал, что «прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, ‹…› то всё равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав ли их сами, или хотя бы понаслышке» [6, с. 216].

К числу прецедентных текстов принадлежат так называемые хрестоматийные (широко известные) произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов.

С полным правом к числу прецедентных могут быть отнесены и произведения А.С. Пушкина, цитаты из которых нами были зафиксированы в анализируемых повестях и условно разделены на три группы.

Первую группу составляют прямые цитаты, взятые из произведений великого поэта. Так, уже в повести, открывающей цикл, «Мефодий Буслаев. Маг Полуночи» нами были зафиксированы строки из стихотворения А.С. Пушкина «Анчар»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной… [3, с. 380],

с которых и начинается стихотворение:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

и строчку из романа «Евгений Онегин»:

…*а счастье было так возможно*… [3, с. 382],

которую Пушкин вложил в уста своей любимой героини:

А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я…

Прямую цитату из этого же романа, причём с указанием на автора, встречаем и в повести «Мефодий Буслаев. Лёд и пламя Тартара»: «Девушка! – сказала ведьма с психиатрической вкрадчивостью. – *Учитесь властвовать собою*. Это советую вам не я, а Пушкин» [2, с. 188].

В «Евгении Онегине» главный герой говорит Татьяне Лариной:

…Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;

Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет..

Интересную, на наш взгляд, группу представляют преобразованные цитаты.

Так, ко второй группе мы предлагаем отнести знаменитые фразы, в которых сохранено начало цитируемого текста, но транформировано его окончание.

Примером могут служить такие фразы, как «*Души прекрасные* нарывы жить не дают?», встретившаяся в повести «Мефодий Буслаев. Свиток желаний» [4, с. 42]., и фраза из повести «Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка» «*На почве, зноем* опалённой, проживал один верблюд» [5, с. 90]. В них легко «угадываются» строки из таких стихотворений А.С. Пушкина, как «К Чаадаеву»:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

и уже упомянутый выше «Анчар»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

А вот в повести «Мефодий Буслаев. Билет на Лысую гору» нами зафиксирована цитата А.С. Пушкина, у которой изменено начало, но оставлено авторское окончание: «Дела! Дела! *Покоя сердце просит*!» [1, с. 94].

У Пушкина это:

Пора, мой друг, пора! *покоя сердце просит –*
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить...

И ещё одну группу, которую мы можем выделить, составят цитаты, которые в текстах Дмитрия Емца претерпели различного рода трансформации.

Так в повести «Мефодий Буслаев. Маг Полуночи» читаем: «Построй *себе нерукотворный памятник*! *К нему не зарастет,* проезжая часть!» [3, с. 56]. Если сравнить с текстом «оригинала», который выглядит следующим образом:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа…,

то мы обнаружим и синонимическую замену одного компонента (построй / воздвиг), и изменение окончания предложения (проезжая часть / народная тропа).

В повести «Мефодий Буслаев. Свиток желаний» фраза «*Чего тебе* опять *надобно, старче?*» [4, с. 326] прямо отсылает нас к диалогу рыбака и рыбки из одноимённой сказки А.С. Пушкина:

Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Здесь мы имеем дело с расширением прямой цитаты за счёт введения одного компонента (наречия «опять»).

Таким образом, привлечение Дмитрием Емцом в свои повести прецедентных текстов, точных или преобразованных цитат подчиняется стилистическим целям и творческим задачам, стоящим перед автором, выявляет индивидуально-авторский подход, делает тексты, предназначенные для подростков, более живым, ярким и экспрессивным.

Литература

1. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Билет на Лысую гору: повесть. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
2. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Лёд и пламя Тартара. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
3. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Маг Полуночи: повесть. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
4. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Свиток желаний: повесть. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
5. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка: повесть. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ОБРАЗНЫХ ПОЛЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ПРАКТИКЕ ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

М.Г. Соколова

Тольяттинский государственный университет

к.п.н., доцент; e-mail: msok71@mail.ru

Россия, Самарская обл., г. Тольятти

В статье рассматривается авторская модель анализа образных полей дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. с позиций системно-функционального подхода. Представлен комплекс заданий, направленных на формирование у студентов умений анализировать образные поля в авторских идиостилях.

Ключевые слова: *русская поэзия; дендронимы; образное поле; тропы.*

Современные лингвисты признают чрезвычайную актуальность проблемы изучения особенностей общепоэтического языка в целом и идиостилей отдельных авторов, а значит, и методики анализа поэтического произведения [1–3]. В отечественной теории художественной речи наибольшее признание получает комплексный или частичный уровневый лингвистический анализ, в результате которого устанавливается авторская индивидуальность творческого субъекта [4–5]. Данный анализ направлен на выявление эстетически значимых языковых средств внутри отдельных уровней художественного текста и на их пересечении.

Другое активно развивающееся направление в исследовании специфики поэтического языка – установление парадигмы, т. е. внутренне упорядоченной совокупности, всех образных словоупотреблений определенного хронологического периода поэзии, восходящих к тому или иному образному инварианту [6; 7]. Оба названных направления дополняют друг друга, так как выявление специфики индивидуального идиостиля в полной мере раскрывается в контексте соотнесения с общепоэтической традицией.

Предметом рассмотрения в данной статье является анализ тропеического уровня функционирования дендронимов в русской поэзии XVIII–XX вв., выделяемого нами в рамках комплексного исследования указанных единиц с позиций системно-функционального подхода [8–10]. Названный подход, принятый в лингвопоэтике, связан с движением от языковой формы к ее эстетической функциональной нагрузке и эстетическому замыслу поэта, идейно-тематическому содержанию в составе художественного произведения [11].

На наш взгляд, наиболее перспективным методом анализа тропеического уровня языковых средств как отдельного художественного произведения, так и парадигмы поэтических контекстов их употребления, является метод образного поля. В настоящее время в лингвистике отсутствует единство в понимании сущности данного термина, в подходах к структурированию и характеристике образных полей в поэтическом языке [12–14].

Цель предлагаемой статьи – описать разработанную авторскую модель анализа образных полей дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. с позиций системно-функционального подхода.

Исследование выполнено на базе поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [15], в результате работы с которым было отобрано и проанализировано более 1000 поэтических контекстов XVIII–XX вв. тропеического словоупотребления дендронимов *тополь* и *клён,* а также 54 фрагмента, содержащих дендронимы *берёза, верба, дуб, ель, ива, клён, липа, осина, рябина, сосна, священное дерево, черёмуха, яблоня*, *ясень* как компоненты тропов, из произведений С.А. Есенина, М.П. Герасимова и А.В. Ширяевца.

Разработанная методика анализа образных полей может быть применена в практике преподавания многих лингвистических дисциплин, связанных с рассмотрением проблем художественной речи: «Функциональная стилистика», «Стилистика и культура речи», «Филологический анализ текста», «Методология комплексного анализа художественного текста» и др. В рамках данной статьи отражены результаты реализации данной методики в курсе стилистики и культуры речи для филологов-бакалавров Тольяттинского государственного университета, а также в практике их научно-исследовательской деятельности.

Охарактеризуем операционные шаги разработанной модели анализа образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX вв.

1. Выявление единиц анализа – компаративных тропов с компонентом-дендронимом, который может употребляться в составе метафоры, в том числе и метафоры-олицетворения (*тополя бормочут; тополь кивает головою; тополь полон волненья; снежки тополей; ватин тополей; листья клёна целуют звезду*); сравнительных конструкций (*тополь, точно маг; тополя, словно стража; клён, как рай многоэтажный; клён, как бронзовый парус*); отождествления (*тополь – алмаз; клён – бабочка*); сочетаться с эпитетом (*тополь нежный, стройный; тополь рыжебородый; немые тополя; железный клён*); взаимодействовать с несколькими тропами в одном контексте (*тополь льётся, серебрится*; *золотые уши тополей*) и др.

2. Отнесение образов сравнения тропов к той или иной большой парадигме – образному инварианту, отражающему общее направление семантического переноса; а также к частной парадигме – определенному варьированию образного инварианта.

Рассмотрим пример: *Около церкви недремлющей стражей / Пять* ***золотых тополей*** (Е.И. Дмитриева. «Воздух такой ароматный, что даже...», 1921). Обозначенный троп содержит образ сравнения *тополь – золото*, который входит в соответствующую парадигму сходных по значению образных ассоциаций: *золото* (*листьев, тополей*), *золотой, золотистый, золотеющий* (*уши, шевелюра, вата тополей*) и др.

В свою очередь образная парадигма *тополь – золото* является частной, производной на основе обобщенной модели семантического переноса «тополь – вещества, металлы, минералы». Данная большая парадигма состоит из 7 частных образов сравнения, выделяемых на основе родо-видовых отношений: *тополь – золото* (***Тополь*** *по осень / Гордится золотистой шевелюрой* (И.П. Уткин. Песня бодрости, 1927)*, тополь – серебро* (*Где горят серебром* ***тополя*** (И.Н. Молчанов. Дьяков Петр, 1929)*, тополь – жесть* (***тополь****, сделанный из жести* (Г.С. Семенов. «Встает все позже солнце. Все ленивей...», 1946–1961)*, тополь – металл* (*Так серебрится* ***тополь****, так ярка / Листва вверху – как будто из металла* (И.А. Бунин. Сенокос, 1909), *тополь – алмаз* (***тополь*** *серебристый – алмаз* (И.Ф. Жданов. «Пойдем туда дорогой колеистой...», 1978–1991), *тополь – камень* (*Сломлен каменный* ***тополь*** *колокольни святой* (В.Г. Шершеневич. Ангел катастроф, 1921)*, тополь – стекло* (*грива черная дождя насквозь прошита палящим запахом стеклянных* ***тополей*** (И.Ф. Жданов. Гроза. 1978–1991).

3. Распределение выявленных больших и частных парадигм по тематическим сферам, служащим источником для создания образов сравнения. Цель обозначенного шага анализа – выявить состав и структуру образных полей дендронимов. Например, большая образная парадигма «тополь – вещества, металлы, минералы» формирует микрополе в составе образного поля «тополь – природные элементы». Структура названного поля включает четыре парадигмы (обобщенные модели) образных соответствий: 1) тополь – вещества, металлы, минералы; 2) тополь – природные объекты; 3) тополь – элементы атмосферы; 4) тополь – небесные тела [8].

4. Установление ядерной, центральной и периферийной областей выявленных образных полей на основе двух предлагаемых критериев: повторяемости и функциональной нагрузки образов сравнения, характеризующих дендронимы в поэтическом языке.

Так, в составе обозначенного образного поля «тополь – природные элементы» к числу ядерных элементов отнесены образы сравнения *тополь – серебро, тополь – стекло, тополь – алмаз* как повторяющиеся у разных авторов в различные хронологические периоды и актуализирующие дифференциальные признаки, выделяющие в русской поэзии тополь из множества других деревьев. Центральные образы сравнения передают стереотипный поэтический образ любого дерева: *тополь – золото, тополь – снег.* Периферийные образы сравнения отражают ассоциативное восприятие конкретного творческого субъекта: *тополь – солнце, тополь – водоросль, тополь – огурец, тополь – солнечный, тополь – металл, тополь – камень, тополь – кокон.*

В результате проведения данного этапа анализа определяются специфические, стереотипные и индивидуально-авторские особенности трех планов образных полей в соответствии с формулой

В.Н. Топорова [16]: выражения, содержания и референционно-денотативного. В частности, специфика образных полей дендронима *тополь* во многом обусловлена передачей отблеска граней листвы тополя на солнце, его цветения, высоты ствола, места произрастания: *тёмный, серебристый, блестеть, светить, устремленность вверх, звук, одинокий, стройный* и др. [8].

5. Описание эволюции образов сравнения тропов в составе анализируемых полей, т.е. динамики их количественного и качественного развития в хронологическом аспекте. Приведем в качестве примера эволюцию образа сравнения *тополь – серебро*, функционирующего в произведениях поэтов XIX–XX вв.: И.С. Тургенева, А.А. Григорьева, А.Н. Апухтина, С.Я. Надсона, К.Н. Льдова, Д.С. Мережковского, М.А. Волошина, Андрея Белого, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, К.А. Большакова, В.В. Набокова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, И.Н. Молчанова, А.С. Головиной, Г.Н. Оболдуева, Б.Ю. Поплавского, О.Ф. Берггольц, Н.А. Заболоцкого, И.Ф. Жданова.

Варьирование данного ассоциативного соответствия в составе парадигмы осуществляется за счет словообразовательных замен опорных слов: *серебро → серебряный, серебристый;* серебро → (*серебрить*) → *серебриться → серебрящийся: Бушующие листопады* (Андрей Белый. Ночью на кладбище, 1908); *Вход скрыл серебрящийся* ***тополь*** (А.А. Ахматова. Маскарад в парке, 1910); *Облетевший* ***тополь*** *серебрист и светел* (С.А. Есенин. «Над окошком месяц. Под окошком ветер...», 1925); *Перед фронтом / серебряных* ***тополей*** *мы / пронеслись* (В.В. Маяковский. Небесный чердак, 1928).

Индивидуализация данного соответствия достигается с помощью взаимодействия в рамках одного тропа образов сравнения нескольких тематических сфер: *в шкуре плеса* ***тополь*** *серебристый – алмаз, не уступающий черте* (И.Ф. Жданов. «Пойдем туда дорогой колеистой...», 1978–1991). Ассоциативное сходство тополя и серебра обусловлено соответствующими свойствами растения: глянцевитостью и двойной окраской листвы, трепет которой на ветру производит впечатление блеска серебра.

Обозначенный шаг анализа позволит выявить специфику функционирования образных полей дендронимов в отельные хронологические периоды русской поэзии и установить причины, которые определяют появление образов сравнения, выражающих данную специфику.

6. Семантический анализ тропов с целью выяснения их значений и выявления контекстуальных приращений в семантике дендронимов, актуализированных в общепоэтическом языке и отдельных идиостилях. В рамках разработанной модели описания образных полей дендронимов нами предлагается следующая методика семантического анализа тропов: 1) определение общих семантических признаков компонентов символа, например, *тополь – память*; 2) выявление способов их репрезентации; 3) установление типа семантического переноса; 4) обобщение относительно архетипического, стереотипного или индивидуально-авторского характера символа.

Проиллюстрируем приведенную методику соответствующими примерами. Символическое значение ‘тополь / клён – память’ формируется на основе следующих семантических признаков: ‘хранение информации’, ‘смотреть’, ‘петь’, ‘шептать’, ‘глаза’, ‘уши’, ‘старый’, ‘местоположение’ [10]. Основными способами их репрезентации в поэтических контекстах становятся следующие:

– тропы *тополь / клён – информация*, выражающие признак ‘хранение информации’: *Снега нет в полях тоскливых, / И опять, уйдя с полей, /* ***Память*** *роется* ***в архивах*** */ Пожелтевших* ***тополей*** (И.П. Уткин. Память, 1937); *Вот и сердцу легче стало, / Ветра тёплая рука / По листу перелистала /* ***Книгу клёна****-старика* (В.Т. Шаламов. «Упоительное бегство...», 1937–1956);

– тропы *клён – поведение человека, клён – части тела человека, клён – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека*: *Слова любви, мой* ***клён*** *пустынный, / Я на коре твоей писал; / Но вижу с грустью, друг старинный, / Что мне и ты неверен стал. / Зачем ты* ***память сохраняешь*** */ О счастьи двух сердец младых?* (А.А. Крылов. К клёну, 1828).

Типами семантических переносов, формирующих рассматриваемое символическое значение, являются: 1) метонимия *дерево как локус событий – память о событии*; 2) общепоэтические метафоры (*тополь – архив, клён – книга, клён – поведение человека* и др.), восходящие к народно-поэтическим ассоциациям *дерево – человек* и *листья – информация*. На основе соотнесенности с общепоэтической и народно-поэтической образностью определяет культурно-стереотипный символа ‘тополь / клён – память’.

Представим комплекс заданий, направленных на формирование у студентов умений анализировать образные поля в авторских идиостилях:

1. Выделите в произведениях одного из поэтов (В.И. Иванов, В.В. Хлебников, В.И. Нарбут, И.П. Уткин, Б.Л. Пастернак, Н.С. Гумилев, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, И.В. Елагин, С.М. Гандлевский, Д.В. Бобышев и др.) тропы с образами сравнения, описывающими дендронимы. Определите, какая

тематическая сфера (например, «Человек») послужила источником формирования данных образов сравнения. Установите общее количество тропов в их каждой тематической сферы.

2. Распределите образы сравнения (правые компоненты) выделенных тропов по семантической общности по большим и частным парадигмам в соответствии с представленной выше методикой. Выявите общепоэтические (повторяющиеся у разных авторов в различные хронологические периоды русской поэзии) и индивидуально-авторские образы сравнения. Для выполнения задания следует обратиться к словарям поэтической образности [6].

3. Охарактеризуйте способы индивидуализации общепоэтических образов сравнения, а также приемов возникновения авторских ассоциаций на основе методики. При оформлении ответа ориентируйтесь на приведенный пример описания эволюции образов сравнения.

4. Пользуясь предложенной методикой семантического анализа тропов, установите индивидуально-авторские символические приращения в значении дендронимов.

На наш взгляд, разработанная модель анализа образных полей может быть применена к исследованию функционально-семантического потенциала не только единиц тематической сферы «Растения», но и других концептуально значимых областей поэтической картины мира. Так, под нашим руководством научно-исследовательской работой студентами-бакалаврами были описаны образные поля метафор с семантикой снега, эмоций, парадигмы метафор-олицетворений при характеристике природных явлений, тропеические средства, описывающие мужские и женские образы.

Таким образом, предлагаемая модель анализа тропеического уровня поэтических текстов, созданная в рамках системно-функционального подхода в лингвопоэтике на основе теории воспроизводимости и парадигматичности поэтического образа, включает следующие операциональные шаги: выявление компаративных тропов с компонентом-дендронимом; их систематизация по большим и частным парадигмам (микрополям), составляющих образное поле того или иного дендронима; выделение зональных областей поля и характеристика эволюции ядерных единиц; выяснение функционально-семантического потенциала тропеических номинаций.

Данная модель анализа образных полей дендронимов может найти широкое применение для системно-функционального описания единиц других семантических областей на уровне общепоэтического языка, отдельного идиостиля или конкретного художественного произведения.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. – 5-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 520 с. – URL: https://e.lanbook.com/reader/book/85858/#2 (дата обращения: 18.12.2020).

2. Михайлова М.Ю. Изучение семантики невыразимого в курсе филологического анализа текста: учебное пособие. – Самара: СГСПУ, 2016. – 103 с.

3. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2007. – 268 с.

4. Климкова Л.А. Стихотворение С.А. Есенина «Тебе одной плету венок...»: опыт интегративного анализа // Современное есениноведение. – 2012. – №23. – С. 41–51.

5. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник. – М.: Юрайт, 2013. – 415 с.

6. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3. «Растения». – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.

7. Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2004. – 527 с.

8. Соколова М.Г. Эволюция конституентов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход: монография. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2020. – 183 с.

9. Соколова М.Г. Полевая структура образной парадигмы «тополь – предмет» в русской поэзии XVIII–XIX веков // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018. Междунар. науч. конференция (г. Москва, 23–24 ноября 2018 г.) / отв. ред. Н.Б. Самсонов. – М.: МГОУ, 2018. – С. 240–244.

10. Соколова М.Г. Устойчивые тропеические номинации дендронима клен в поэтическом языке XIX–XX веков // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. – С. 445–451.

11. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987: сборник / отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1989. – С. 134–151.

12. Пак И.Я. Концепт Растение в поэзии XX века // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всерос. науч. семинара, 21 апр. 2006 г. / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. – С. 30–34.

13. Соколова Ю.В. Образные поля с левым компонентом человек в «северной трилогии» Е.И. Замятина // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №3. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 198–202.

14. Юрина Е.А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Филология. – 2003. – №277. – С. 198–204. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-struktura-assotsiativno-obraznogo-semanticheskogo-polya (дата обращения: 18.12.2020).

15. Национальный корпус русского языка. – URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 18.12.2020).

16. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – 624 с.

СИМВОЛИКА «ПОГРАНИЧНЫХ ЗОН» В СТИХОТВОРЕНИИ А.А. БЛОКА «ВХОЖУ Я В ТЕМНЫЕ ХРАМЫ…»

Н.Е. Титкова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.ф.н., доцент; e-mail: nataly.arzamas@yandex.ru

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас

В статье рассматривается специфика романтического двоемирия А.А. Блока на примере стихотворения «Вхожу я в темные храмы…». В его образно-символической структуре выделяются два типа таких «зон» – внешние (храм, икона, двери) и внутренние, связанные с границами сознания лирического героя (воспоминание, сон, память об услышанном и прочитанном).

Ключевые слова: *символизм; романтизм; двоемирие; символ; метафора.*

Творчество А.А. Блока, русского символиста, поэта, драматурга, критика, теоретика литературы, воспринимается как целостный текст благодаря единой теме, пронизывающей все его произведения – теме поиска идеала любви. В раннем творчестве она воплощается как романтический порыв души лирического героя в область сакрального бытия Вечной Женственности. Идея Вечной женственности как высшей, божественной силы, способной примирить два мира – земной, реальный и горний, мир высшего бытия, была творчески воспринята Блоком из поэзии русского философа Вл. Соловьева. В художественном сознании Блока абстрактная идея философа о Вечной Софии воплотилась в образе Прекрасной Дамы, соединившей в себе две ипостаси – сакральную, божественную и земную, связанную с обликом реальной женщины – Любови Дмитриевны Менделеевой, возлюбленной поэта. В основе художественного мировидения Блока, таким образом, лежит романтическая модель двоемирия. Связующим звеном между мирами – реальным и сверхреальным, миром бытия идеальных сущностей, является лирическое «я» поэта. Началом, гармонизирующим эти два мира – образы, воплощающие Вечную женственность. Во многих стихотворениях первых поэтических книг Блока обозначены не только два мира – дольний и горний, но и акцентированы «пограничные зоны» между ними. Творчество Блока основательно исследовано литературоведами, но даже в самых свежих публикациях на эту тему, где всегда отмечается, что двоемирие – важнейшая черта его мировоззрения, вообще не обращается внимание на границы между мирами и специфику их образно-символического отражения. Характерный пример – статьи молодых исследователей Блока о раннем периоде его творчества [1–2].

Романтическое двоемирие в раннем творчестве Блока имеет специфику, характерную, на наш взгляд, именно для художественного мышления символистов, связанную с ощущением размытости, зыбкости границ между двумя мирами. Эта особенность образной структуры обнаруживается в книге «Стихи о Прекрасной Даме», посвященной Любови Дмитриевне Менделеевой, пронизанной ощущением приближения чуда. Душа лирического героя устремлена к границе двух миров – земного и горнего, где должна явиться его таинственная возлюбленная, воплощение его возвышенной мечты об идеальной любви. Особенно ярко это ощущение отражено в стихотворении «Вхожу я в темные храмы…» Известна точная дата написания этого стихотворения – 25 октября 1902 года. Это было время первых радостных открытий поэтом в самом себе возможностей жить с мыслью о другом человеке, самой способности любить. Осенью 1902 года Александр Блок и Любовь Менделеева часто встречались на улицах Петербурга, долго гуляли, иногда заходили в храмы, чтобы побыть в тишине и согреться. Возможно, именно эти посещения храмов дали толчок к написанию первой строчки стихотворения «Вхожу я в темные храмы…» [3, с. 66] Множественная форма существительного «храм» подчеркивает повторяемость события – для лирического героя это не единичный эпизод, а элемент

жизненного ритма, форма установления связи с высшей силой, воплощенной в Прекрасной Даме. Эпитет «темные» имеет два значения. Во-первых, «темный» храм может восприниматься как противоположность традиционному в православной культуре образу храма освещенного, то есть наполненного светом паникадил, свечей, лампад во время совершения Божественной литургии. В храмах, куда заходит лирический герой Блока, общее Богослужение либо уже завершилось, либо еще не началось. Он сам должен создать в храме источник света – например, зажечь свечу или лампаду, чтобы совершить свое личное, персональное поклонение Божеству, то есть свершить свой «бедный обряд». Эпитет «бедный», во-первых, здесь прочитывается как антоним понятию «пышный». Пышностью, торжественностью отличаются Богослужения в столичных храмах.

Однако если учесть, что лирический герой раннего Блока – рыцарь, поклоняющийся и служащий Прекрасной Даме, то можно предположить, что этот эпитет отсылает к пушкинскому образу «рыцаря бедного». В стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» Пушкин художественно воссоздал средневековую легенду о рыцаре, который в поисках истины путешествовал по миру. За свое благоговейное поклонение, верное служение, смирение, скромность, благородство и чистоту он был удостоен видения Божией Матери. Это чудесное явление так изменило жизнь рыцаря-странника, что *«с той поры, сгорев душою, он на женщин не смотрел»* [4, с. 161]. Именно Ей он посвятил свою жизнь и надеялся на встречу, отправляясь в Палестину. Но по пути он скончался и был впущен в Царство Божие самой Божией Матерью, которая приняла его служение как духовный подвиг.

Если принять во внимание значение эпитета «бедный», как «имеющий отношение к рыцарскому служению Божией Матери», то становится более отчетливым следующий микрообраз: герой ожидает явления Прекрасной Дамы «в мерцании красных лампад» [3, с. 66]. Лампада – это светильник, который христиане используют в Богослужении. В православных храмах лампады возжигаются перед иконами. Поскольку в любом русском храме есть множество икон Пресвятой Богородицы, то, скорее всего, «красная лампада» в стихотворении Блока горит именно перед Ее образом. Следовательно, в сознании лирического героя образы Прекрасной Дамы и Пресвятой Богородицы сливаются, их не стоит отождествлять, но, в то же время, очевидна их связь. Цветообраз «мерцание красных лампад» имеет символическое значение. Красный цвет в символике Блока означает приближение Прекрасной Дамы, на то же самое указывают разнообразные источники света, в том числе, и лампады. «Мерцание» – это не ровное сияние, а чередование цвета и тьмы, тоже может быть прочитано как обозначение границы между двумя мирами – горним и дольним и знак приближения Прекрасной Дамы.

Во втором катрене более выразительно передано состояние напряженного ожидания, в котором находится лирической герой: в храме он затаился *«в тени у высокой колонны»* [3, с. 66], то есть на границе света и тьмы. Он дрожит от скрипа дверей, то есть все его чувства предельно обострены, так что он нервно реагирует на малейший звук, который может сопровождать Ее приближение. В этом стихе обращает на себя внимание аллитерация – чередование взрывных согласных и сонорного [р] – *«Дрожу от скрипа дверей»* [3, с. 66]. Скрип дверей – звук неприятный для слуха, но, в то же время таинственный и мистически насыщенный. Символика дверей в средневековой культуре описывается как знак «пограничной территории» между реальным и горним миром. Двери одновременно открывают вход в храм и, в то же время, преграждают его. Прообразом дверей православного храма являются двери храма Соломона [5, с. 8]. Художественное пространство храма в стихотворении имеет множество точек, где границы между мирами отказываются открытыми или приоткрытыми – это и двери, и иконы (как окна в горний мир).

Икона в стихотворении обозначена и непосредственно, и метафорически: *«А в лицо мне глядит озаренный, Только образ, лишь сон о ней»* [3, с. 66]. Слово «икона» произошло от греческого слова «эйкон», которое переводится как «образ». Однако образ, который «глядит в лицо» лирическому герою Блока, отмечен печатью символистского двоемирия: с одной стороны, это икона как образ Божией Матери и одновременно это отражение идеальной возлюбленной лирического героя. Первая, сакральная ипостась образа здесь выходит на первый план, о чем свидетельствуют строка: *«О, я люблю эти ризы Величавой, Вечной Жены!»* [3, с. 67]

Риза – это верхняя часть священнического облачения при Богослужении. Ризой называют одежду, принадлежащую, по преданию, Божией Матери, которую почитают как святыню, а также оклад иконы, металлическая накладка, оставляющая открытыми только изображение лика и рук. Словосочетание «Вечная Жена» созвучно понятию «Вечная Женственность», в сочетании с эпитетом «Величавая» и предметной деталью «ризы» оно помогает если не создать полноценно, то силуэтно наметить, символически обозначить экфрасис – описание иконы Божией Матери.

Мотив сна является важным элементом художественного мира символизма. У младосимволистов, в том числе, и у Блока, *«сон мыслится способом уйти от мирской суеты в иное бытие, «мир покоя и гармонии», главным символом которого является Небесная София»* [6, с. 61]; *«лирический герой, находясь на границе между сном и явью, ощущает Ее незримое, эфирное присутствие»* [6, с. 67].

Икона открывает окно в горний мир, размыкает границу между земным и небесным, поэтому следующая строка совмещает в себе, на первый взгляд, несовместимые понятия, предметные и абстрактные: *«Высоко бегут по карнизам улыбки, сказки и сны»* [3, с. 67]

Мотив сна в романтической поэзии связан с миром мечты, фантазии, сказки. Не случайно в четвертом катрене рядом оказываются слова «сказки» и «сны»: *«Высоко бегут по карнизам улыбки, сказки и сны»*. Слово «улыбки», первое звено этой цепочки микрообразов, может указывать на воспоминания лирического героя, его впечатления от прошлых встреч: чьи-то пленительные улыбки, возможно, казались ему предвестием будущей мистической встречи с Прекрасной Дамой. Блок стремится выразить невыразимое, запечатлеть «пограничное» состояние сознания лирического героя – оно разомкнуто и вбирает в себя не только впечатления внешнего мира «высоко бегут по карнизам…», но и воспоминания («улыбки»), и впечатления от прочитанных книг («сказки») и сновидения.

В заключительном четверостишии лирический герой непосредственно обращается к своей мистической возлюбленной со словами восторженного поклонения, которое похоже на молитвенное славословие *«О, Святая, как ласковы свечи! Как отрадны Твои черты!»* [3, с. 67]. Он называет свою героиню «Святой», а в последней строке – «Милой». У Прекрасной Дамы нет имени, точнее, вместо имени поэт использует систему именований-эпитетов, как это можно наблюдать в христианских молитвенных текстах, где вместо имени Божией Матери употребляются обозначения Ее божественных свойств, которые пишутся с заглавной буквы (Всеблагая, Всемилостивая и т.п.). В данном стихотворении есть два подобных именования – «Святая» и «Милая». Они соответствуют двум ипостасям образа Прекрасной Дамы – небесному и земному. «Святая» – значит обладающая высшим духовным совершенством, причастная миру Вечного Божественного света. «Милая» – значит дорогая сердцу, любимая, возлюбленная.

В последних строках стихотворения также обращает на себя внимание выразительный эмоционально-предметный образ «ласковых свечей» («О, Святая» как ласковы свечи!»). Образное определение «ласковый», характеризующий предметную деталь «свеча», относится к категории эпитетов, которые академик А. Н. Веселовский называл «синкретическими», то есть отвечающими «слитности чувственных восприятий, которые первобытный человек выражал одними и теми же лингвистическими показателями» [7, с. 59]. Данный эпитет воспринимается как поэтический «отблеск» следующей строки: *«Как отрадны Твои черты!»*. Образ на иконе словно разливает вокруг ласковый, отрадный свет, который вливается в сердце лирического героя и наполняет его энергией веры: *«Но я верю – Милая Ты!»* [3, с. 67]. В стихотворении нет ни портрета Прекрасной Дамы, ни экфрасиса, описания иконописного изображения, но есть сочетание символических деталей, которое рождает впечатление возвышенной красоты, излучающей любовь. Это впечатление стирает границы между земным и небесным миром, а может быть, образует самую обширную пограничную хону между ними.

Таким образом, романтическое двоемирие ранней поэзии Блока характеризуется акцентированными «пограничными зонами» между реальным и идеальным мирами. В стихотворении «Вхожу я в темные храмы» присутствуют основные типы этих «пограничных зон: внешние (храм, икона, двери) и внутренние, связанные с границами сознания лирического героя (воспоминание, сон, память об услышанном и прочитанном). Очевидно, что символика «пограничных зон» у Блока определяется укорененностью христианской культуре. Поклонение лирического героя Блока своему идеалу красоты и гармонии и любви – Прекрасной Даме – художественно осмыслено и воплощено через образы храма, иконы, молитвы, то есть связано с «христианским культурным кодом» его поэтического сознания.

Литература

1. Гусейнов С.М. А. Блок «Стихи о Прекрасной Даме» // Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Алеф», 2019. – С. 64–66.

2. Шишкова Н.М., Анкудинов К.Н. Особенности проявления романтического мировоззрения в лирике Александра Блока (1904–1912 гг.) // Вестник Адыгейского государственно университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2020. – №1 (252). – С. 153–160.

3. Блок А.А. Стихотворения и поэмы. – М.: Правда, 1978. – 480 с.

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 3, кн. 1. – М.: Воскресение, 1995. – 635 с.
5. Чернецов А.В. Двери христианских храмов: иконография и символика // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2002. – №4. – С. 6–14.
6. Александрова Е.А. Мотив сна в ранней поэзии А. Блока // Уральский филологический вестник. – 2016. – №5. – С. 61–1.
7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ГЕШКО

А.В. Третьяченко
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
к.ф.н., доцент; e-mail: tret-alla@mail.ru
Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь

Статья посвящена раскрытию многогранного образа женщины-матери и его художественно-стилевых особенностей в творческом наследии украиноязычного приднестровского писателя Елены Гешко.
Ключевые слова: *мать; образ; литература; поэтические произведения.*

Историко-литературный процесс в Приднестровье представляет собой уникальный феномен, включающий в себя полиэтническую языковую модель, в которой взаимодействуют культурные традиции народов, населяющих Приднестровский регион.

Фундаментом особого историко-литературного процесса в Приднестровье является глубокое взаимодействие русского, украинского и молдавского языков, что в перспективе может выступить прообразом для построения уникальной полиязычной и полилитературной модели межэтнического взаимодействия в приднестровском обществе.

Творческое наследие украиноязычных приднестровских писателей изучено мало. Почти никто из немногочисленных исследователей не обращался к образу матери в творчестве мастеров слова, что и определяет актуальность нашей статьи.

В мировой культуре архетип матери был очень сильным во все времена и у всех народов, поскольку мать – это начало жизни, хранительница рода. В западноевропейской христианской традиции образ матери связывали с образом Богоматери, что способствовало творению культа женщины вообще. В украинской и приднестровской литературе образ матери тесно связан с фольклорной традицией, где материнское начало является основополагающим. У нашего народа сохранился высокий культ женщины-матери, что ярко отразилось в устном народном творчестве. «В широком богатстве жанров украинского фольклора: в песнях, думах, причитаниях, пословицах, в колядки и т.д. – везде мы встречаем величественный образ матери, везде находим выявление к родной матери чрезвычайной любви и уважения, что превращается в настоящий апофеоз материнства» [6, с. 102].

Образ Матери-женщины в культуре связывался с хранительницей – заступницей рода. Ведь главная функция семьи – рождение детей, а также их воспитание, следовательно – передача следующим поколениям культуры, традиций, языка, опыта предыдущих поколений. В образе матери воплощен идеал женщины как олицетворение высоких нравственных ценностей: доброты, самоотверженности, любви, трудолюбия, милосердия, нежности.

Образ матери – рассудительной, доброй и одновременно строгой хозяйки – ярко описан в классической литературе.

В религиозном аспекте культ женщины воплощен в Богородице. В сознании людей Древней Руси Богородица воспринималась как всемогущая заступница человечества перед Богом.

Мир каждого поэта начинается с матери. Ее образ является одним из ключевых в творчестве многих украинских писателей, которые черпают вдохновение именно в воспоминаниях о детстве, о родном доме, о матери. Вершин художественного мастерства образ матери достиг в поэтических произведениях Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Василия Симоненко, Андрея Малышко.

Материнской любви и преданности, материнской печали и величию посвятили строки своих стихотворений и приднестровские украиноязычные поэты – Тамара Базилевская, Галина Васютинская, Елена Гешко, Надежда Делимарская, Дмитрий Сайнчин, Анастасия Спориш, Людмила Стременовская.

Елена Гешко является действующим членом Союза писателей Приднестровья и Республиканского литературного фонда ПМР, членом Конгресса литераторов Украины, финалистом и лауреатом многих международных литературных конкурсов, а также автором книг «Несказанне лишилось несказанним» (2016), «Дмитрикові стежинки» (2018), «Альтанка для душі» (2019).

Её перу принадлежат не только многочисленные стихотворения, малая проза, но и переводы с белорусского, болгарского, русского на украинский язык.

Художественное мировоззрение Е. Гешко структурируют такие черты, как лиризм, философичность, эстетизм. В ее произведениях преобладает жизнелюбивый пафос утверждения добра, красоты, человечности, естественности во всем, отчетливо прослеживается проницательный взгляд в прошлое и всматривание героя и автора в себя, тревога духовных исканий и радость открытий.

Поэзия и проза для детей, пейзажная, интимная и философская лирика писателя пронизаны глубокой любовью к матери, отчему дому, родному слову и родной земле. В произведениях автора находят своё отображение богатство, многообразие и красота украинского языка.

Тема женщины-матери в творческом наследии Елены Гешко – одна из ведущих. Над ее поэзией все время склоняется величественная фигура матери, которую писатель изображает с особой нежностью, пиететом, старательно запечатлевая ее образ в священном ореоле поэтического слова.

К светлому материнскому образу обращается автор в произведениях «Мамі», «Місячна ніч», «Мамині пісні», «Додому», «Дорога до мами», «Білі хризантеми», «Ліхтарі», «Туманна зима», «Вербна неділя», «Чорнобривці», «Чекання» и других. Образ матери в лирике Е. Гешко носит выразительный автобиографический характер, что связано со стремлением к выражению своего внутреннего «я».

Мать в стихотворениях писателя – неутомимая сельская труженица, которая и дочери передала свою трудолюбие. В стихотворении «Чекання» автор воспела ее натруженные руки:

Від маминих долонь // В'язання вже тремтить [2].

Осанну близкому человеку воспела поэтесса в стихотворении «Дорога до мами». С искренней благодарностью и любовью автор отмечает, что мать стремится все сделать для своего ребенка, отдать ему весь цвет своей души, научить добру, любви и уважению к отчей земле и родному языку:

Любити землю я від неї вчуся // І мову рідну, на лелечому крилі [2].

Образ дорогого человека в произведениях – выразительный, яркий, согретый искренним чувством:

Ти мені дарувала квіти // На сорочці і на душі, // Бо тобі найдорожче – діти, // Хоч безмежжя уже на межі [2]. Автор запечатлела образ матери как часть души лирического героя, как одно из самых дорогих жизненных впечатлений, формирующих ее личность и связанных с памятью детства.

В стихотворении «Мамині пісні» мать является ангелом-хранителем, мудрым советчиком, она ласковая и требовательная, терпеливая и любящая. О каждом из детей волнуется ее сердце:

За кожного із них болить душа, // За кожного – молитва на щодень. // Вже літо шурхотить у споришах, // А ти співаєш їм усе пісень [2].

Образ женщины-матери, которая ждет сына из дальней дороги, представлен в украинской литературе в творчестве А. Малышко, Д. Павлычко и многих других поэтов. Не обошла его и Елена Гешко:

Матуся вигляда в вікно: // Спішіть додому, дітки! Ніч! [2]. С чувством безграничной любви и благодарности писатель отмечает всю глубину и чистоту материнской души и сердца, переполненного тревогой за своих детей.

Красной нитью через все поэтическое творчество автора проходит мотив разлуки с дорогим человеком. И из всех жизненных дорог лирическая героиня поэтессы спешит в родной дом, к маме:

Каштани запалали враз свічками, // Від сонця засміявсь квітневий день… // Моя дорога – у село до мами! // В душі цвіте віночок із пісень [2].

І крізь кілометри, крізь роки далекі // Я додому лину, неначе лелека. //

Хай квітують весни у рідному краї. // Я батькам здоров'я міцного бажаю [2].

Образ матери выкристаллизовывается в творчестве автора из нежных характеристик, поэт обращается к ней в ласковых формах: «матусю рідненька», «моє сонце!», «моя ненько», «матінка-матуся», «рідна ненько», «голубка сивенька». На стилистическом уровне Е. Гешко активно использует риторические восклицания, уменьшительно-ласкательные слова, односторонние диалоги.

Материнский образ в лирике поэта светлый, одухотворенный, дарующий силу и уверенность. Мать у автора – это мера всего доброго и честного в жизни. Под пером мастера слова этот вечный образ литературы приобретает столько значений, красок, ценностей! Таким образом, образ женщины-матери, архетипический для литературы, является одним из доминирующий в творческом наследии приднестровского писателя Елены Гешко.

Литература

1. Бондаренко М. Образ матері в українській культурі / М. Бондаренко. – Режим доступа: http://www.marynakb.livejournal. com/7651.html. – Название с экрана, 20.01.2021.

2. Гешко Е. Стихотворения / Елена Гешко – Режим доступа: https://stihi.ru/avtor/maxilee. – Название с экрана, 20.01.2021.

3. Гешко О. Дмитрикові стежинки. Збірка віршів. – Київ: Золота серія «Письменник в інтернет-просторі», 2018. – 56 с.
4. Гешко О. Віконце в літо: Колективна збірка. Упор. та відповідальний редактор О. Гешко. – Київ, 2020. – С. 26–39.
5. Гешко О. Цей світ – для тебе: Колективна збірка. Упор. та відповідальний редактор О. Гешко. – Київ, 2020. – № 4. – С. 25–46.
6. Українська родина: Родинний і громадський побут / Упорядник Лідія Орел. – К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2000. – 424 с.

АВТОЦИТАЦИЯ В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В.Б. Тюрин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.ф.н.; e-mail: vovantyur@mail.ru
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас

В статье рассматривается приём автоцитации в лирике Н.М. Рубцова, которая предстаёт важным фрагментом языковой картины мира автора. Суть автоцитации состоит в том, что поэт часто повторяет в текстах элементы своих более ранних текстов. Данное исследование убеждает, что автоцитация в лирике Н.М. Рубцова – не только художественный приём, но и психологическое явление.
Ключевые слова: *автоцитация; лирика Н.М. Рубцова; идиостилевая доминанта*.

«Даже при беглом знакомстве с творчеством Н.М. Рубцова обращает на себя внимание то, что в его поэзии часто встречаются повторы. Повторяются отдельные слова, сочетания слов, вплоть до фрагментов текста» [3, с. 40], причём как в стихах, разделённых большим временным промежутком, так и в произведениях, близких по времени написания:

Как тихо суслоны пшеницы
В полях покидала заря,
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

А сколько там было щемящих
Всех радостей, болей, чудес,
Лишь помнят зеленые чащи
Да темный еловый лес!
«Что вспомню я» (1969 г.)

Запомнил суслоны пшеницы,
Запомнил, как чахла заря
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

А сколько друзей настоящих,
А сколько там было чудес,
Лишь помнят сосновые чащи
Да темный еловый лес!...
«Далёкое» (1970 г.)

Эти два стихотворения разделяет год. Но насколько ясно слышится перекличка одного произведения с другим. Естественно, это не случайность. Мы можем говорить о явлении автоцитации в лирике Н.М. Рубцова, причём как об одной из главных особенностей идиостиля поэта. И в этом Николай Михайлович очень близок своему любимому поэту Ф.И. Тютчеву. «Совокупность лирических стихотворений Ф. Тютчева анализируется как единая система, смысл отдельного текста и отдельного слова в которой может быть адекватно описан только при обращении к этой системе в целом. Мы имеем основание рассматривать произведения Тютчева как некий единый глубинный текст, лежащий в сознании автора и читателя» [1, с. 24]. То же можно сказать и о поэзии Н.М. Рубцова.

Автоцитация – малоизученный в филологии феномен. Под вопросом остаётся выбор точного научного термина, определяющего рассматриваемое явление. Учёные-филологи используют разные термины: самоцитация, автоцитация, автореминисценция, автоаллюзия, самоповтор. Мы характеризуем автоцитацию как «воспроизведение автором в художественном тексте отдельных элементов своего более раннего текста» [2, с. 125].

Каждый автор по-своему, с разными целями, использует автоцитацию. Например, в творчестве К. Бальмонта данный приём «выполняет несколько функций, порою совмещая их. Во-первых, автоцитация позволяет поэту пояснить свой собственный текст, не прибегая к внетекстовым элементам (комментариям, пояснениям). Во-вторых, она служит одним из связующих звеньев в организации единого текстового массива творчества и локального массива поэтических книг и стихотворных циклов. В-третьих, автоцитация используется как приём углубления и актуализации художественно-образного строя и обнаруживает специфику бальмонтовской поэтики» [4]. Вторая и третья функции

характерны и для поэтики Н.М. Рубцова, ведь всё его творчество, как мы сказали выше, также можно представить как один большой текст, наполненный сквозными образами-символами. Эти ключевые образы имеют своё языковое выражение.

В лирике Николая Михайловича чётко построена своя неповторимая модель мира. Центром этой модели является родина, а конкретно – родная Вологодская земля с её прекрасной природой. Дом – главное здание, фундамент жизни лирического героя Н.М. Рубцова. Человек и Природа в этой модели мира предстают как единое целое. Время и Пространство также неразделимы. Главные рубцовские символы – звезда, лодка, цветы, дорога и др. Данная модель мира имеет своё характерное языковое выражение. Ещё в самом начале творчества Н.М. Рубцов создаёт изобразительно-выразительные средства, которые дальше будут повторяться во многих его стихотворениях. Например, самым частым примером самоцитации в лирике поэта является сравнение ***как земля вокруг своей оси.*** Первый раз оно появляется в раннем стихотворении начала 60-х годов «За окном в холодном шуме»:

Будет муж тобой гордиться
И катать тебя в такси,
И вокруг тебя крутиться,
Как земля вокруг оси!
(«За окном в холодном шуме»)

Конечно, здесь это сравнение не более чем ирония. Но зато уже в более зрелых стихах данный приём закрепляется как выражение глубокой привязанности лирического героя к родине:

И вокруг долины той родимой,
Полной света вечных звёзд Руси,
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!
(«Долина юности»)

И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..
(Ось)

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси...
(«Давай, Земля, немножко отдохнём»)

В данных контекстах устойчивым становится и словосочетание ***вокруг любви непобедимой*** как выражение вечной и непоколебимой любви лирического героя к родной земле. Сравнение ***как планета вокруг своей оси*** Н.М. Рубцов употребляет, говоря о поэте:

Поэт ***вокруг своей оси***
Всегда вращался, ***как планета****, –*
Ведь каждый миг душа поэта
Полна движения и сил!
(«Если что не так»)

Ярким примером самоцитации в лирике Н.М. Рубцова является часто повторяемая в разных стихотворениях метафора ***ветер в озере полощет зарю***:

Ветер зарю полощет
В *теплой воде* ***озер****...*
(«Встреча»)

В стихотворении «Соловьи» эта метафора предстаёт развёрнутой, более изобразительной и выразительной:

В трудный час, когда ***ветер полощет зарю***
В темных струях нагретых ***озер***… («Соловьи»)

В произведениях «Счастье» и «Долг» четверостишия с данной метафорой практически совпадают:

Я люблю луга и рощи
И желанием горю
Вновь увидеть, как ***полощет***
Ветер в озере зарю*…*
(«Счастье»)

Я люблю луга и рощи
И давно мечтой горю
Вновь увидеть, как ***полощет***
Ветер в озере зарю*.*
(«Долг»)

В лирике Н.М. Рубцова, как, например, и в лирике В.А. Жуковского, появляется «ассоциативная цепочка повторяющихся образов, которые каждый раз рождаются в сходном лексическом оформлении…» [5, с. 33]. В поэзии Николая Михайловича есть такие яркие, повторяющиеся образы, будто оживающие перед нами. Это ***скачущие свадьбы и гонцы, пение хора (в основном детского) в глуши бора***:

Словно *слышится* ***пение хора****,*
Словно скачут *на тройках гонцы,*
И ***в глуши*** *задремавшего* ***бора***
Все звенят и звенят бубенцы...
(«Чудный месяц плывёт над рекою»)

Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного **бора**,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льется ли чудное **пение детского хора**, –
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...
(«У размытой дороги»)

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного **бора,**
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится **пение детского хора, –**
Так – вспоминаю – бывало и в прежние годы!
(«Скачет ли свадьба»)

Ещё один пример самоцитации в лирике Н.М. Рубцова – сравнение ***как мысли облака плывут (идут).*** Здесь проявляется одна из главных черт поэтики Н.М. Рубцова – паралеллизм мира человека и мира природы. Продолжение пути (движение облаков, движение человеческой мысли) несёт жизнеутверждающее начало:

Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река…
(«Доволен я буквально всем»)

И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...
(«Старая дорога»)

И счастлив тем,
Что в чистом этом небе
Идут, идут,
Как мысли, облака...
(«Давай, Земля, немножко отдохнем»)

В лирике Н.М. Рубцова встречаются словосочетания со сквозными эпитетами, повторяющиеся в разных стихотворениях. Например, фраза ***в прокуренной груди*** выражает раннюю психологическую и физическую усталость лирического героя, что является автобиографическим отражением трудной флотской юности поэта:

И чувствую волненье
В *своей* ***прокуренной груди*** («Мой чинный двор зажат в заборы»)

Четверостишия стихотворений «Наслаждаясь ветром резким» и «Гость» отличаются лишь одним глаголом и двумя знаками препинания. В первом произведении глагол ***брожу***, обозначающий бесцельное повторяющееся движение, подчёркивает нервное состояние лирического героя. Дважды поставленное автором многоточие усиливает это состояние. Во втором стихотворении глагол ***молчу*** выражает сосредоточенное, уединённое волнение:

*Я **брожу**... Я слышу пенье...*
*И **в прокуренной груди***
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?
(«Наслаждаясь ветром резким»)

*Я **молчу**, я слышу пенье,*
*И **в прокуренной груди***
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?
(«Гость»)

Ярким примером того, как совершенствовал свой стиль Н.М. Рубцов, как рос уровень его поэтического мастерства, является сопоставление автоцитации в его ранних и более поздних стихах. Произведение «Они поют, куют и пашут» принадлежит к ранним шуточным стихотворениям, поэтому поэт употребляет олицетворение ***кричат отчаянные скрипки.*** Второе произведение «В минуты музыки» стало уже классическим в русской поэзии – неслучайно Н.М. Рубцов в нём использует более тонкое, глубокое и лирически проникновенное олицетворение ***перекликаясь, плачут скрипки:***

И всё равно в динамик
хлипкий –
попробуй их останови! –
кричат отчаянные скрипки
о жажде счастья и любви!
(«Они поют, куют и пашут»)

Но всё равно в жилищах зыбких -
Попробуй их останови! -
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плёсе, о любви.
(«В минуты музыки»)

Важным в рубцовской модели мира является мотив покоя, сна, особого состояния Природы в широком смысле слова. Выражением такого состояния часто является словосочетание ***ничего не происходит***, повторяющееся в стихотворениях «Экспромт» и «Старая дорога». В первом говорится про человеческую жизнь, в которой ничего не происходит, а во втором про старую дорогу, на которой всё спокойно и также ничего не случается.

Что было в жизни, то прошло,
Что не прошло, уже проходит,
И всё уже произошло,
*И **ничего не происходит.***
(«Экспромт»)

Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
*И **ничего** на ней **не происходит**.*
(«Старая дорога»)

Такое сопоставление позволяет сделать вывод, что для Н.М. Рубцова жизнь – это дорога, по которой человек постоянно движется, без пути, без дороги жизни нет.

В стихотворениях «На злобу дня» и «Морошка» практически идентичны две строчки, хотя заметно, насколько перестановка слов, изменение ритма меняет настроение произведения – в «Морошке» оно более лирическое:

Ах! Я тоже на небо хочу!
Я хочу **на просторы Вселенной**!
(«На злобу дня»)

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
(«Морошка»)

Яркий пример автоцитации – произведения «По мокрым скверам проходит осень» и «Листвой пропащей, знобящей мглою», в которых повторяются четверостишия, имея лишь одно отличие – тире вместо местоимения ***я*** во втором стихотворении:

Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу... («По мокрым скверам проходит осень»).
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?

Я вспоминаю былые годы
И – плачу ... («Листвой пропащей, знобящей мглою»).

Даже такая маленькая, казалось бы, деталь, как тире, здесь является важным приёмом – оно передаёт паузу и акцентирует внимание на глаголе ***плачу***, выражающем тяжёлое внутреннее состояние лирического героя. Второе стихотворение – более позднее по времени написания, поэтому и мотив грусти здесь звучит сильнее.

Удачно найденное сравнение ***лучи, как сотни добрых рук*** Н.М. Рубцов использует в стихотворениях «Утро на море» и «А между прочим осень на дворе»:

Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло – и вдруг,
Пришла пора, когда в зелёный луг
Я отворял узорное оконце
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук
(«Утро на море»)

И все ***лучи, как сотни добрых рук****,*
Мне по утрам протягивало солнце...
(«А между прочим осень на дворе»)

Вероятно, служба поэта на флоте повлияла на возникновение яркой развёрнутой метафоры с ключевым словосочетанием ***отвихрившийся след корабля***. Эта метафора используется в стихотворениях «Выйду с другом на ют» и «Соловьи». Единственное отличие – в первом произведении говорится о юности, а во втором – о любви:

Знаю, юность пройдёт
В этих далях у скал.
За собою в родные края
Мне её не вернуть...
Так нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля
(«Выйду с другом на ют»)

Это правда иль нет, соловьи, соловьи,
Это правда иль нет, тополя,
Что любовь не вернуть,
как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля*?*
(«Соловьи»)

Это далеко не все примеры автоцитации в лирике Н.М. Рубцова. Мы зафиксировали 53 стихотворения, которые перекликаются между собой, имеют либо абсолютно одинаковые, либо почти совпадающие элементы в тексте. Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, автоцитация является одной из идиостилевых доминант лирики Н.М. Рубцова. Во-вторых, данный художественный приём возникает как отражение ключевых фрагментов языковой картины мира поэта. В сознании Николая Михайловича существовал целый ряд словесно выраженных образов, которые определяли его микромир с важнейшими жизненными ценностями (например, родина, природа, человек и его душа и др.). И, наконец, в-третьих, автоцитация в лирике Н.М. Рубцова – это психологическое явление. Фрагменты жизни, особенно запомнившиеся поэту, ощущения, испытанные им, повторяются во многих текстах, начиная с ранних стихотворений.

Литература

1. Белов А.А. Лексико-семантическое поле Зной в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: дисс. … канд. филол. наук. – Череповец, 2008. – 170 с.
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
3. Бушенев Н.Т. Лексические и грамматические повторы в поэтических текстах Николая Рубцова // Рубцовский сборник. – Череповец, 2008. – С. 40–50.
4. Гулидов А.Ю. Самоцитация как проявление интертекстуальности в лирике К. Бальмонта. – Режим доступа: http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-4/chitaem-balmonta/175-aju-gulidov-samotsitatsija-kak-projavlenie-intertekstualnosti-v-lirike-k-balmonta.html

5. Лебедева О.Б. Становление поэтики фрагмента в творчестве В.А. Жуковского и А.С. Пушкина на рубеже 1810–20-х годов // Вестник ТГПУ. – Томск, 2004. – Вып. 3 (40). – Сер.: Гуманитарные науки (филология). – С. 33–38.
6. Рубцов Н.М. Собрание сочинений. В 3-х тт. – М.: Терра, 2000 / сост. В. Зинченко. – 304 с.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ В СТРУКТУРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ. «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ», 1877)

М.Г. Уртминцева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
д.ф.н., профессор; e-mail: urtminzeva@yandex. ru
Россия, Нижний Новгород

Рассмотрены функции исторического комментария слова «стрюцкий», использованного в статьях, посвященных восточному вопросу. Доказывая «простонародное» происхождение слова, автор реализует поставленную цель – убедить читателей в том, что патриотизм русского народа обусловлен его интуитивным пониманием определяющей роли России в объединении славянского мира.
Ключевые слова: *этимология; публицистика; Достоевский; славянский мир.*

В настоящее время текст вовлечен в сферу научного исследования филологией, семиотикой, герменевтикой, антропологией и другими гуманитарными науками, в результате чего возник описанный П. Рикером [1] феномен конфликта интерпретаций, отчасти объясняемый тем, что во второй половине XX столетия происходит смена философской парадигмы объяснения связей человека и его языка: от понимания языка как непосредственного воплощения мысли часть гуманитарных наук переходит к пониманию его как «дома бытия» [2]. Показательным является тот факт, что литературоведческий подход к исследованию текста осознается как явно «недостаточный», когда речь идет о тексте как о «функциональном единстве сообщения, генерации новых смыслов и хранилище культурной памяти, в процессе смыслопорождения которого едва ли не определяющую роль играет его риторика, выполняющая функцию канала трансляции, смыкающего компонента акта коммуникации» [3, с. 177–194].

Функционализм – одно из наиболее востребованных современных направлений в исследовании текста, которое стремиться учитывать предварительную обусловленность свободы авторского выбора тех или иных средство выражения смысловой структуры [4, с. 41–50; 5, с. 17]. Данное положение реализовано в сфере теории текста в коммуникативном и когнитивном подходах. Если для коммуникативного характерно обращение к исследованию текста как к предметно-процессному единству, то для когнитивного важно извлечь знание говорящего /пишущего и реципиента/читателя о действительности/ картине мира. Сопрягая коммуникативный и когнитивный подходы, мы имеем возможность «увидеть текст как единство когнитивной, предметной и коммуникативной деятельностей, текст в его «жизни».

Особенно актуальным является выяснение специфики «жизни» текста, когда предметом анализа становится публицистика – живой и непосредственный отклик на быстротекущие события, который во многом определяет парадигматику и синтагматику высказывания. Показательным в этом отношении являются статьи «Дневника писателя», содержащие характеристику Ф. Достоевским событий на Балканах. Вступление России в балканский конфликт на стороне Сербии становится для Достоевского поводом к разъяснению своей позиции в поддержку правительственного курса. Известно, что уже первые читатели и критики статей, посвященных восточному вопросу, крайне болезненно воспринимали пафос публицистики Достоевского и называли его «славянофильским кликушеством», «дилетантом славянобесия», а его суждения – «трескучими фразами» и «исступленными завываниями» [6], однако позиция Ф. Достоевского определялась, конечно же, не желанием «подделаться» под официальный тон и выступить в поддержку государственной политики, чтобы его журнал не прикрыли. Цель его страстной публицистики заключалась в том, чтобы заострить внимание общества на исторической важности момента, когда у России появилась возможность заявить о своей ведущей роли в судьбах славянского мира. Именно поэтому практически все статьи, опубликованные Ф. Достоевским в 1877 году, так или иначе касаются славянского вопроса. Круг тем статей чрезвычайно широк и разнообразен: это цифровые сводки с фронта, комментарии публикуемых официальных до-

кументов, касающихся дипломатических отношений России со странами Европы, оценка событий литературной жизни, в которых отразились настроения русского общества (так статьи июля-августа посвящены выходу в свет восьмой части «Анны Карениной» и отношению героев Л. Толстого к войне), характеристика политики России на Балканах и т.д. «Дневник» – текст многослойный, полифункциональный, поэтому так сложно определить его жанровую специфику, а также однозначно характеризовать связь реальной и действительности и той формы, в которой она предстает в тексте, имея в виду тот факт, что в публикациях перед читателем предстает далеко « не весь Достоевский» [7, с. 22].

Исследуя языковые особенности этой формы публицистического высказывания, важно учитывать ее тесную связь со средой существования, которая непосредственно проявляется в акте коммуникативной деятельности писателя, направленной на формирование определенного отношения читателя к высказыванию. Особенностью созданного писателем текста было то, что он возникал как бы спонтанно, не подвергаясь редакторской правке, что не отменяло решение коммуникативной задачи, инициированной автором и направленной на активизацию когнитивной деятельности читателя в процессе восприятия текста.. Неоднократное употребление Ф. Достоевским в текстах статей неизвестной широкому кругу читателей «Дневника» лексической единицы, концентрировавшей в себе смысл всего высказывания, потребовало от писателя дать объяснение ее этимологии, ареала распространения, значения, мотивируя таким образом эстетическую функцию образа, обозначавшего идейно-политическую позицию писателя, его оценку исторической для России и всего славянского мира Балканского конфликта.

Итак, одна из главных целей «Дневника» – разъяснить политику России так, как понимает ее Ф. Достоевский, в отношении восточного вопроса: участия России в военных действиях на Балканах. В этот период сложной социально-политической и общественной ситуации Ф. Достоевский настойчиво, в разных вариациях повторяет одну и ту же идею, которая была высказана им еще в 1856 году: как русский и патриот он всегда желал успеха русскому оружию и никогда не желал поражения своему правительству.

Обсуждение восточного вопроса Ф. Достоевский начинает в статье «Жажда слухов и того, что “скрывают”». Достоевский воспроизводит обстоятельства своей летней поездки в «места моего детства», приводит факты, свидетельствующие об интересе и «жадном любопытстве, с которым простонародье выслушивало и расспрашивало про войну» [8, с. 224]. Сюжетная ситуация выстраивается вокруг фразы, произнесенной «каким-нибудь ораторствующим пареньком»: «Семнадцать тысяч наших легло, только сейчас была телеграмма». Прямой смысл высказывания оказывается в данном тексте не адекватен идее, вербализованной в приведенных писателем словах. Достоевский «обнажает» прием создания текста, интерпретируя скрытый смысл и истинную интенцию говорящего: вовсе не рад ораторствующий паренек тому, что «наших легло семнадцать тысяч, нет, тут другое, тут вроде того, как если бы вдруг погорел человек, все сгорело – изба, деньги, скот: «Смотрите, дескать, на меня, православные христиане, все пропало, в лохмотьях, один как перст!» [8, с. 225].

Идея Достоевского об особой роли России, призванной самой историей объединить славянский мир, была центральной идеей не только «Дневника», но и романа «Идиот», над которым писатель работал двумя годами ранее, однако в публицистике она демократизируется, «ввиду той сознательности (выделено Достоевским) о значении и задачах этой войны, которая обнаружилась в народе нашем еще с прошлого года, ввиду пламенной и благоговейной веры народа в своего царя…» [8, с. 225]. Как следует из приведенного примера, Достоевский создает образ текстовой личности, в которой как в фокусе сходятся все грани коммуникации текста и репрезентируется двуединство текстовой личности говорящего и слушающего.

Вся риторика его высказывания была подчинена задаче убеждения читателя в единстве нравственных целей государя и народа, вставших на защиту братьев-славян. Поэтому Ф. Достоевский в разных вариациях своей мысли подчеркивает, что истинным источником его вдохновения является передача настроения народа, отразившегося как в структуре речи паренька, так и в словах «демократического» происхождения, рожденных в народной среде. Таким словом становится выражение «стрюцкий», впервые употребленное в январском номере «Дневника» за 1877 год в статье «Мы в Европе лишь Стрюцкие» [8, с. 23–27], но только в ноябрьском номере разъясненное писателем в материале «Что значит слово “Стрюцкие”»?

Фактором, обуславливающим поиск стратегии чтения в «Дневнике», оказывается свойственный этому тексту энигматизм повествования, то есть «различного рода странности в его семантической структуре, «разрывы» смысловой ткани текста» [9]. Так, в январском номере «Дневника» Достоевский

начинает с читателем разговор о современном состоянии отношений России и Европы, подробно излагая историю европеизации России, которая рассматривается писателем как история утраты национальной идентичности, утраты общенациональной идеи, поэтому и главка называется «Мы в Европе лишь Стрюцкие». Обратим внимание на то, что слово, вряд ли понятное большинству читателей, пишется Достоевским с большой буквы. Второй раз в январском же выпуске «Дневника» слово «стрюцкие» употребляется с маленькой буквы в словосочетании «стрюцкие европеизма»: «Став самими собой (то есть осознав себя и перестав презирать свой народ. – М.У.), – пишет Достоевский, – мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний <…> получим вид свободного существа, а не раба, не лакея <…> нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма» [8, с. 26]. Контекст суждений Достоевского подсказывает возможные интерпретации значения слова явно отрицательного характера, подчеркнутое словом «лишь», («Стрюцкий и стрюцкой человек, подлый, дрянной, презренный» [10, 4, с. 354], однако написание слов «Европа» и «Стрюцкие» с заглавной буквы вступает в конфликт с основным негативным смыслом употребленного слова. Презрительное отношение к русским в Европе, говорит Достоевский, сложившееся исторически, имеет отношение не к характеристике русского народа, а к его отдельным представителям, обшмыганным (тем, кто любит пошататься, поездить и побывать всюду наскоро) русским европейцам, оторвавшимся от своей почвы. Эффект неоднократного использования Достоевским слова «стрюцкие» заключается в том, что непонимание значения слова ведет к остановке эстетической коммуникации и одновременно стимулирует запуск процесса смыслопорождения и герменевтический интерес читателя.

В ноябрьском выпуске автор, отвечая на запросы из Москвы и из губерний об употреблении им малоизвестного слова «стрюцкие», публикует отдельную статью «Что значит слово “Стрюцкие”?», где разъясняет свое понимание слова, ссылаясь на то, что этимология слова отражает его «демократическое» происхождение [8, с. 363–365].

Следуя определенной логике, Достоевский убеждает читателя, что малоизвестность слова объясняется его изобретением в петербургском простонародье и имеет ограниченный ареал распространения. Однако структура фразы, где писатель формулирует тезис, который будет доказывать, построена по принципу градации контекстного употребления слова «кажется»: «Слово “стрюцкий, стрюцкие” есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простом народе и, кажется, только в Петербурге. Так что это слово, кажется, и изобретено в Петербурге. Пишу: кажется, потому, что сколько ни расспрашивал людей “компетентных”, не мог ни от кого добиться: откуда оно взялось <…> Что до меня, то мне опять-таки “кажется” (утвердительно не могу выразиться), что слово это чисто петербургское и изобретено собственно петербургским простонародьем, но кем, когда, давно ли? – не знаю» [8, с. 363]. Любопытно, что и в структуре фразы, и в ее смысловом наполнении обнажен принцип контраста – «ученое» сознание противопоставлено простонародному словотворчеству, причем выстраивая синонимический ряд определений значения («по неоднократным расспросам моим у народа», подчеркивает Достоевский) слова «стрюцкой» – пустой, дрянной и ничтожный человек, автор дополняет смысловое его наполнение собственным комментарием, состоящим из двух тезисов. Первый касается общей характеристики поведения человека в быту, в повседневности, когда в «крикливой ничтожности» проявляется его вздорность, безмозглость, неосновательность [8, с. 364]. Подтверждением такой интерпретации становится создание «живого» образа «стрюцкого поведения» в зарисовке бытовой сценки реакции народа на крикливый вздор привлекающего к себе внимание публичным скандалом человека. Для придания большей жизненной достоверности Достоевский добавляет краски в портрет «стрюцкого»: «Прибавлю, что стрюцкие большей частью в худом платье, одеты не по сезону, в прорванных сапогах <…> “кажется”, стрюцким обзывается тот, кто в немецком платье» [8, с. 364].

Второй тезис – о недостаточно определенном положении стрюцкого в обществе, расширяет интерпретацию слова и подводит к выводу о чрезвычайно заманчивости употребления Достоевским этого слова для выражения силы оттенка презрения, которым пользуется народ, обзывая этим словом «именно только вздорных, пустоголовых, кричащих, неосновательных, рисующихся в дрянном гневе своем дрянных людишек» [8, с. 365] в контексте суждений о «высших «стрюцких», то есть интеллигентах, которыми автор завершает статью. Конечно же, пафос всех статей, посвященных Балканскому конфликту, – резкая критика той части русского общества, которая выступает против участия России в балканском конфликте, против официальной политики государства.

Надо признать, что этимология слова «стрюцкий», как верно указывает Ф. Достоевский, в то время, когда создавался «Дневник писателя», была мало исследована. Однако в литературном языке оно все-таки появлялось. Его использовал А. Островский в комедии «В чужом миру похмелье»,

А. Григорьев в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» в контексте суждений о нравственных пороках мелких чиновников и подъячих. Я. Грот в «Дополнениях и заметках к словарю Даля» указывает на слово «стрюцкий», пропущенное в первом издании Толкового словаря, и дает следующий комментарий: «В разных концах России простолюдье употребляет слово стрюцкий (иногда стрюцкой) в презрительном значении подъячего, мелкого чиновника или вообще дрянного человека. Объяснить происхождение этого слова не легко» [11, с. 432]. В.В. Виноградов в своей книге «История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных» приводит примеры употребления этого слова в «Сне смешного человека» Ф. Достоевского, К. Станиславским, А. Амфитеатровым в романе «Восьмидесятники», указывая на ошибочность мнения Достоевского, считавшего это слово распространенным только в Петербурге. В этой же работе В. Виноградов указывает, что А. Соболевский, опираясь на живой язык московского простонародья, указал на этимологическую связь слово «стрюцкий» с родственным ему прилагательным, образованным от слова «бастрюк», то есть незаконнорожденный (сын).

Бастрык, бастрюк, пишет В. Виноградов, слова, известные преимущественно южным [великорусским] говорам и воровскому жаргону. Они находят соответствие в украинском байстрюк и в польском bastrak. Возможно, что и в русских говорах бастрык, бастрюк являются заимствованными из украинского языка. В украинский и польский языки это слово вошло из немецкого bastard [12]. Если принять во внимание указанные в работах исследователей этимологию выражения «стрюцкий», становится понятной логика Ф. Достоевского, определявшего этим словом мнение тех, кто выступал против идеи защиты всех братьев – славян (и южных, и восточных, и западных) не понимал роли православия, то есть не имел морального права как незаконнорожденный решать судьбы мира России и Европы.

Как видим, языковое чутье не обмануло Ф. Достоевского. Призывая к единству славянские народы, писатель находит малоупотребительное в литературном языке слово, сознательно акцентирует внимание читателя на его «простонародное» происхождение и придает ему в контексте суждений о роли России и православия в современной политической ситуации острозлободневный смысл.

Литература

1. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 624 с.
2. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. А.Г. Чернякова. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа. 2001. – 442 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 150–392.
4. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 2000. – 533 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
6. Сараскина Л. Ф.М. Достоевский и «восточный вопрос» // «BalkanRusistics». – URL: http://www.russian.slavica.org/article272.html (дата обращения: 21.03.2021).
7. Волгин И.Л. Достоевский-журналист («Дневник писателя» и русская общественность). – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 76 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. В 3-х т. Т. 3. 1877–1881 гг. – М.: Захаров, 2005. – 576 с.
9. Бологова М.А. Текст и смысл: стратегии чтения. Критика и семиотика. Вып.7. – М.: Институт филологии СО РАН. 2007. – С. 133–141.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Санкт-Петербург: издание 2-е, книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1882.
11. Грот Я. Дополнения и заметки к словарю Даля. – СПб.,1899. – С. 401–433.
12. Виноградов В.В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук; Отд-ние лит. и яз.; Науч. совет «Рус. яз.»; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПЬЕСЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»

А.А. Цветкова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
аспирант; e-mail: asia._20@mail.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена изучению категории определённости-неопределённости на материале пьес М.А. Булгакова. Автор выдвигает тезис о том, что имя прилагательное является выразителем семантики определённости-неопределённости в художественном тексте.

Ключевые слова: *семантика определённости/неопределённости; имя прилагательное; Булгаков; категория качества.*

Предметом нашего внимания в этой статье является имя прилагательное как средство выражения семантики определённости/неопределённости и как компонент категории качества, оказывающий влияние на восприятие имени существительного в плане «известное/новое».

В безартиклевых языках, в отличие от артиклевых, категория определённости/неопределённости (далее – КОН) не имеет регулярного формального выражения, что ставит под сомнение категориальный статус данного значения. В русском языке данная категория выражается спорадически и средствами разных уровней − как лексическими (местоимения, наречия, числительное «один», частицы, слова, содержащие в лексическом значении сему определённости/неопределённости), так и грамматическими (актуальное членение предложения, формы единственного и множественного числа предмета, некоторые падежные значения и др.). В устной речи выразителями выступают мимика, жесты и акцентное выделение участков текста.

КОН – одна из понятийных категорий русского языка, функцией которой является индивидуализация имени, т.е. демонстрация его единственности в конкретной ситуации (значение определённости), и генерализация имени, т.е. выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость).

Генерализирующую и индивидуализирующую функцию имени существительного в безартиклевых языках осуществляют не только упомянутые ранее средства. На поддержание оппозиции «известное-новое» в отношении объекта влияет также наличие определителей, которые напрямую связаны с существительным и выражают категорию качества. Под определителем понимается «одиночное определение, распространенное определение, в том числе и обособленное, и придаточное определительное» [1, с. 83]. В качестве такого конкретизатора могут выступать местоимения, числительные, сравнительные обороты и др. Подобную функцию могут выполнять и имена прилагательные. В ряде исследований они считаются квазиартиклем [6], благодаря которому объект становится выделенным среди остальных предметов (Я привезла ему *дорогой* стакан. Подай мне вот *этот* стакан. Достань стакан, *подаренный мне на годовщину*. Возьми стакан, *который стоит на стеллаже*). В связи с этим в статье внимание будет сосредоточено на именах прилагательных.

Имя прилагательное является доминирующим репрезентантом категории качества. По некоторым данным, наибольшую часть наименований этой категории в русском языке составляют имена прилагательные, характеризующие качества человека, что свидетельствует об антропоцентричности языка; далее следуют наименования оценочных и временных признаков, физических свойств, возраста и места [4, с. 16–17].

Категория качества, представленная именем прилагательным, напрямую связана с оппозицией определённости/неопределённости: «качество – неотделимая от бытия объекта его существенная *определённость*, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом» [9, с. 255]. Среди лингвистов на связь категории качества и КОН указал А.В. Бондарко: «…определенность/неопределенность, характеризующаяся широким кругом связей с полями, относящимися к другим группировкам (существенны, в частности, связи с временной локализованностью/нелокализованностью и *качественностью*)» [2, с. 32].

В качестве средства выражения семантики определённости прежде всего отмечаются прилагательные, содержащие местоименно-указательную сему ‘тот самый’: *пресловутый, нашумевший, небезызвестный, хваленый, знаменитый, известный* [6, с. 3–4], однако, с нашей точки зрения, и другие имена прилагательные могут участвовать в формировании семантики определённости/неопределённости. Мы покажем это на примере текста пьесы М.А. Булгакова «Бег».

В пьесе «Бег» семантика определённости/неопределённости является одним из главных смыслообразующих средств. Её транслируют все уровни языка в тексте: неопределённые местоимения, актуальное членение предложения и многое др. В этом плане показательна и необычная номинация формы действий – *сны.* В контексте пьесы это существительное указывает на неопределённость описываемых событий по отношению к реальности.

Прилагательные-определители дают читателю представление о внешнем виде персонажа, интерьере комнат, характере движений, пространстве и времени. Не существуя вне предмета, они способствуют его идентификации и, таким образом, позволяют лучше ориентироваться в информационном пространстве текста и удерживают фокус внимания в плане «данное/новое». В анализируемой пьесе имена прилагательные широко используются как в авторских ремарках, так и в речи персонажей, выполняя, помимо прочих, функцию конкретизатора в именной дескрипции. Они относятся не только к плану режиссёрского комментария, но и участвуют в формировании семантики определённости/неопределённости в пьесе.

Обратимся к ремарке, которая открывает пьесу: *«Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: "Святителю отче Николае, моли бога о нас"...* Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. ***Неверное*** пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, ***широкую*** скамейку возле нее, окно, забранное решеткою, ***шоколадный*** лик святого, полинявшие крылья серафимов, ***золотые*** венцы. За окном – ***безотрадный октябрьский*** вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химик Махров, в ***бараньем*** тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть. В ***высоком игуменском*** кресле сидит Серафима, в ***черной*** шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданом, Голубков, ***петербургского*** вида ***молодой*** человек в ***черном*** пальто и в перчатках» [3, с. 9].

Обращают на себя внимание прилагательные со значением цвета, т.к. они помогают более точно идентифицировать предмет речи (ср.: *Серафима в* ***чёрной*** *шубе...* и *Серафима в шубе*; *молодой человек в* ***чёрном*** *пальто…* и *молодой человек в пальто*). Но решающую роль играет контекст: в описываемой автором тьме характеристика *чёрный* не выполняет индивидуализирующую функцию для имени, наоборот, скрывает объекты во мраке. Даже пол персонажей невозможно определить из-за окружающей тьмы (мадам Барабанчикова – это генерал-майор Чарнота). А характеристика ***шоколадный*** как раз выделяет референт «лик» в ряду упомянутых чёрных предметов, т.к. всё-таки сохраняет цветовое значение (тёмно-коричневый). Конкретизатор ***золотые*** *венцы* указывает не только на цвет: '3. блестяще-жёлтый, цвета золота', но и на возможный материал: '2. покрытый золотом' [8].

Относительные прилагательные в качестве определителя позволяют отнести предмет речи к некоему подклассу на основе материала, времени, назначения, количества и идентифицировать его в более широком ряду: ***октябрьский*** *вечер,* ***бараний*** *тулуп*. Этому способствует логическая связь относительного признака с предметом. Читатель не только получает дополнительную характеристику референта, но также может задействовать сопутствующие знания на основе своих ассоциаций. Интерпретируя значение дескрипции ***октябрьский*** *вечер*, можно не только получить точную информацию о времени всего происходящего, но и о вероятной погоде, обычно соответствующей этой темпоральной характеристике. Вдобавок, рядом находится ещё один определитель – ***безотрадный***.

Такой тип прилагательных специфичным образом передаёт семантику определённости/неопределённости. Как и конкретизаторы, описывающие масштаб, расположение, они не могут однозначно считаться выразителями определённости. По нашему мнению, большая часть этих определителей даёт характеристику референту с позиции автора, т.е. она субъективна: ***широкая*** *скамейка* (невозможно точно определить размеры, убедиться в достоверности утверждаемого), *в* ***высоком*** *кресле* (невозможно определить степень проявления признака). Все эти примеры иллюстрируют не значение качества прилагательного, а значение «качественного состояния с точки зрения воспринимающего субъекта» [7, с. 188]. Степень выражения семантики определённости у таких прилагательных значительно ниже, т.к. они зависят от контекста.

Рассмотрим вторую вводную ремарку: *«Возникает зал на* ***неизвестной*** *и* ***большой*** *станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала* ***необычных*** *размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с* ***голубыми электрическими*** *лунами. Случился* ***зверский, непонятный*** *в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по* ***ледяным*** *зеркалам время от времени текут* ***змеиные огневые*** *отблески от проходящих поездов. Горят* ***переносные железные черные*** *печки и* ***керосиновые*** *лампы на столах. В глубине, над выходом на*

главный *перрон, надпись по старой орфографии: «ОтдЪленіе* ***оперативное****». Стеклянная перегородка, в ней* ***зеленая*** *лампа казенного типа и два* ***зеленых****, похожих на глаза чудовищ, огня* ***кондукторских*** *фонарей. Рядом, на* ***темном*** *облупленном фоне,* ***белый*** *юноша на коне копьем поражает* ***чешуйчатого*** *дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит* ***граненая разноцветная*** *лампада. Зал занят* ***белыми штабными*** *офицерами. Большинство из них – в башлыках и наушниках. Бесчисленные* ***полевые*** *телефоны,* ***штабные*** *карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают* ***разноцветные*** *сигналы, телефоны поют* ***нежными*** *голосами.*

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь ***опытный*** *и* ***наблюдательный*** *глаз мог бы увидеть* ***беспокойный*** *налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса. Там, отделенный от всех* ***высоким*** *буфетным шкафом, за конторкою, съежившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом* ***бел****, как кость, волосы у него* ***черные****, причесаны на* ***вечный неразрушимый офицерский*** *пробор. Хлудов* ***курнос****, как Павел,* ***брит****, как актер; кажется моложе всех окружающих, но глаза у него* ***старые****. На нем* ***солдатская*** *шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны* ***суконные****, и на них небрежно нашит* ***черный генеральский*** *зигзаг. Фуражка* ***защитная****,* ***грязная****, с* ***тусклой*** *кокардой, на руках варежки…»* [3, с. 33–34].

Эта ремарка имеет достаточно большой объём в том числе и из-за большого количества дескрипций. Можно сказать, что цветовые определители в этой ремарке выполняют свойственную им индивидуализирующую функцию: несмотря на тьму, электрический свет позволяет различать цвета предметов (***чёрная*** *ночь,* ***зелёная*** *лампа, два* ***зелёных*** *огня,* ***разноцветная*** *лампада,* ***разноцветные*** *сигналы*). Но мир явно не ограничивается упомянутыми цветами. Отсутствие широкого спектра цветовых номинаций не позволяет читателю представить обстановку станции ясно и определённо.

Цвет имеет в этом отрывке и символическое значение. Он связан с сюжетной линией противостояния красных и белых. Автор не различает употребление в прямом (цветовом) и переносном (номинация группы людей) смысле. Соединяя их в одной ремарке, Булгаков провоцирует двусмысленность. Не вызывают трудности в интерпретации определители ***белые*** *штабные офицеры* (белое движение) и *лицом* ***бел*** (Хлудов, представитель белого движения, но есть явная связь с цветовой характеристикой). Тогда как дескрипция ***белый*** *юноша* (Георгий Победоносец) несёт в себе семантику неопределённости, т.к. невозможно достоверно определить, говорит автор о цвете или о поддержке одной из сторон революционного движения.

С помощью определителей читатель не только узнаёт о приблизительных размерах предмета (*зал на* ***большой*** *станции*), его цвете. Характеристика ***железные*** *печки* позволяет читателю узнать материал и с помощью ассоциаций получить дополнительную информацию, например, о возможных звуках (скрежет металла, лязг) и тактильных ощущениях (жар). То же касается и дескрипции ***гранёная*** *разноцветная лампада.* Читатель может не только визуализировать сам предмет, особенности его формы, но и прогнозировать его действие на окружающую обстановку (например, отбрасываемую тень от огня в такой лампаде).

Важными оказываются определители, прямо или косвенно указывающие на военное положение: «*вечный* ***офицерский*** *пробор», «фуражка* ***защитная, грязная****», «****штабными*** *офицерами», «в* ***штатском*** *платье», «черный* ***генеральский*** *зигзаг».* Подобные имена прилагательные не только выделяют предмет из группы таких же предметов путём указания конкретной характеристики, но и формируют общий исторический контекст военных действий.

Некоторые определители-прилагательные могут быть носителем семантики неопределённости вне зависимости от контекста, несмотря на то, что они поясняют/дополняют значение существительного: ***неизвестная*** *станция*, зал на ***неизвестной*** *станции*, ***непонятный*** *мороз,* ***необычных*** *размеров окна*. Обратимся к словарному значению слова *неизвестный*: ‘Такой, о котором не знают, нет сведений, который не определён, не изучен’ [8]. Прилагательные содержат дополнительную информацию о неосведомлённости говорящего, но не сообщают ничего о предмете речи (станции, морозе, размере), что бы позволило выделить его в ряду других. В этом случае они выполняют генерализирующую функцию.

Показательной является структура дескрипций во второй ремарке. При описании автор выделяет немного деталей в облике людей, в окружающем интерьере. Субстантивные номинации этих

деталей получают сразу несколько определителей, и практически все они являются парными. С одной стороны, учитывая специфику жанра ремарки в драматическом произведении, это создаёт впечатление избыточности информации (избыточной определённости). Например, читатель может в деталях представить переносные железные печки, разноцветную гранёную лампаду, пробор на голове Хлудова, его одежду. С другой стороны, это мало влияет на контекстную определённость: читатель не знает, на какой станции происходит действие, в какой момент, кто будет участником действия пьесы и т.д.

В целом для реализации индивидуализирующей или генерализирующей функций прилагательного оказывается важен контекст. Несмотря на большое количество определителей, которые помогают конкретизировать референт, в тексте пьесы «Бег» преобладающей является семантика неопределённости.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что в русском языке широкий круг имен прилагательных (не только с местоименной семантикой типа ‘тот самый’) может выступать актуализатором имени существительного. Но данное средство выражения в большей степени, по сравнению с другими, грамматикализованными, средствами выражения КОН, зависит от контекста. Это обусловливает актуальность дальнейшего изучения связи прилагательных с категорией определенности/неопределенности.

Литература

1. Алехина М.И. Определённость/неопределённость предмета как контекстуальная категория // Русский язык в школе. – 1974. – №5. – С. 81–85.

2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

3. Булгаков М. Бег: Восемь снов: пьеса в пяти действиях. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 192 с.

4. Губанова Л.Г. Адъективная репрезентация категории качество: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 22 с.

5. Ефремова И.Н., Белкова Т.М. Способы и средства выражения категории определённости/неопределённости в русском и французском языках // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 28. – С. 27–30.

6. Касаткина Р.Ф. Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. – 2012. – №2. – С. 3–9.

7. Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник ИГЛУ. – 2011. – №2 (14). – С. 184–190.

8. Малый академический словарь русского языка (МАС). – URL: http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm

9. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

Раздел 3
РЕГИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО ПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

СЛОВАРЬ ГОВОРА СЕЛА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Э.Н. Акимова
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
д.ф.н., доцент; e-mail: akimovaen@mail.ru
Россия, г. Москва

В статье описывается вновь созданный и еще не опубликованный словарь говора с. Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия – словарь лингвокультурологического содержания. Село практически исчезло с лица земли, но бережно собранная в течение нескольких десятилетий лексика, фразеология, паремиология позволяет сохранить и при необходимости воссоздать коллективную языковую личность диалектоносителей.

Ключевые слова: *дифференциальный словарь; диалектология; говор; диалектный словарь лингвокультурологического типа.*

История села Суподеевка типична для многих и многих русских сел Поволжья. Оно расположено в юго-западной части Ардатовского района Мордовии, в 15 километрах от города Ардатова и станции Ардатов. Население – русское.

По старому административному делению деревня Суподеевка входила в состав Ардатовской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии.

Точная дата возникновения деревни не установлена. Она относится примерно к концу XVII–началу XVIII вв., когда осуществлялась русская помещичья колонизация районов Присурья и Поволжья. Границы дворянских «владений продолжали отодвигаться все далее на восток, вдоль берегов Теши, Мокши, Пьяны и Алатыря вплоть до Суры» [4, с. 178]. Особенно усилился этот процесс после подавления пугачёвского восстания. Дворяне получали новые земли за заслуги перед Отечеством. В результате этого «в Симбирской губернии… русское население составилось из переведенцев и выходцев разных губерний; преимущественно же участвовали в том жители областей верхнеповолжских и подмосковных» [4, с. 179].

Суподеевка была деревней владельческой. Судя по ревизским сказкам, во 2-ой половине XVIII века она принадлежала князю Александру Ивановичу Одоевскому. Вполне возможно, что кто-либо из династии Одоевских и завёз русских крепостных крестьян в Ардатовскую волость. Крестьянам пришлось приложить много сил и труда, чтобы превратить песчаные земли в пригодные для возделывания участки. Постепенно деревня была обсажена лесом, но до сих пор сохранился безжизненный клин земли, на котором не привилась никакая растительность. Эта пустошь по-местному называется Жигулихой.

В ревизских сказках Ардатовского уезда Симбирской губернии 1782 года значится, что в деревне проживало в то время 210 человек, из них мужского пола – 99, женского – 111. Здесь же даются показатели для сопоставления из ранее проведенной переписи населения, а именно: «по последней ревизии подушной окладе написаны были: мужского пола – 78 человек, женского – 115, всего 193 человека. Из сего числа после ревизии доныне разными случаями выбыли: мужского пола – 32 человека, женского – 60, всего 92 человека» [9].

Ревизские сказки, датированные 1782 годом, – это первый официальный документ об истории села. В нем деревня называется уже Суподеевкой. По мнению И.К. Инжеватова, название Суподеевка восходит к мордовскому собственному имени Сяпедей (Супедей) [3, с. 184].

В первой половине XIX века деревня Суподеевка переходит во владение княгини Ланской, об этом свидетельствует межевая книга, в которой, в частности, сказано: «1843 года, октября, 11 дня по указу Его Величества Государя Императора Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая утверждена межа …. Симбирской губернии Ардатоского уезда деревень Редкодубья, Палгуши и Суподеевкой с их пашнями и землями, с их местностью, лесными и прочими угодьями, которая во владении состоящих Тайной Советницы княгини Варвары Александровны Ланской и деревни Турдаковой по лесам и владениям» [10]. Затем наследство принимает ее сын. В ЦГА Мордовской АССР

хранится «Межевая книга деревни Редкодубья, Палгушей, Суподеевой и Трепаловки, владения штабс-ротмистра Михайлы Сергеевича Ланского, 1869 г.» [11].

В 1859 году в Суподеевке было 40 дворов, 355 человек, из них мужского пола – 180, женского – 175 [7, с. 23].

В 1910–11 годах, т.е. более полвека спустя, в Суподеевке было уже 103 двора, в которых проживало 670 человек, из них 32 – мужского пола, 344 – женского. Основой существования крестьянских хозяйств была пахотная земля, о чем в «Подворной переписи Симбирской губернии 1910–11 гг.» упоминается следующим образом: «Основным земельным фондом населения Ардатовского уезда является подельная земля. За купчей, составляющей приблизительно ¼ общей площади земельного владения, следует признать лишь вспомогательное значение» [5, с.10].

Летом все население Суподеевки занималось работами, связанными с землей, зимой круг обязанностей разграничивался. Женщины занимались пряденьем, вязаньем, ткацким делом, шитьем и т.д., мужчины плели лапти, плотничали, следили за исправностью домашнего хозяйства. Если у кого-то имелся товар для продажи, то его несли или везли на базар в уездный город Ардатов, ибо денежные доходы получать крестьянам было неоткуда. Некоторые мужчины с этой целью отправлялись из деревни куда-либо на заработки. Уходили в основном на Волгу, в богатый рыбными промыслами город Астрахань, куда добирались пешком. Назад обычно каждый возвращался с расписным сундуком собственного изготовления, в котором были гостинцы и подарки для семьи.

Большую роль в жизни деревни играла (и играет до сих пор) пойма реки Алатырь. Она давала корм скоту, дрова для отопления домов, изобиловала ягодой и лекарственными растениями. Кроме того, пойма была очень богата водоемами, поэтому многие мужчины раньше занимались рыбной ловлей.

Много десятилетий назад, как рассказывают старожилы, на пойме стояли вековые дубы, которые занимали большую территорию. До наших дней сохранились огромные отводы мореного дуба на дне Алатыря.

Дома в Суподеевке строили небольшие, с подслеповатыми окнами, крытые соломой. В некоторых из них жили по две и более семей. Топили по-черному, освещение было лучинное. В каждой избе делали полати. В больших семьях полати на ночь разбирали и сооружали из них и скамеек подмостки, на которые укладывалась вся семья, или же спали просто на полу.

Домашняя утварь была изготовлена преимущественно из дерева и обожженной глины и представляла собой разного рода глиняные кринки, горшки, черепушки и деревянные лохани, шайки, чашки, половники, ложки.

Обычной обувью крестьян были лапти, в сырую погоду к ним привязывались колодки. Одевались в кафтаны, чапаны и другие виды одежды, нередко носившие местные названия и изготовленные из домотканого материала.

Все крестьянское население было безграмотным и суеверным. В лексике людей старшего поколения долго сохранялись такие слова, как *летун (черт, нечистая сила), шишига, шутовка (ведьма), водяной, домовой, леший* и т.п.

В 1913 году в Суподеевке было 110 дворов, 718 человек, из них мужского пола – 350, женского – 368. Эти данные представлены в «Списке населенных мест Симбирской губернии» [8, с. 60]. Здесь впервые в официальных документах упоминается о том, что в селе имеется церковь и школа, хотя старожилы утверждают, что здание церкви было построено в конце XIX века.

С открытием церковно-приходской школы крестьянским детям по достижении десятилетнего возраста предоставилась возможность учиться и по окончании ее получить трехклассное образование.

В начале XX века Суподеевка дважды сгорала до основания. Оставалась только церковь, так как она находилась на площади села, в отдалении от жилых домов. Первый пожар возник от грозы в 1916 году. Причиной второго пожара, происшедшего в 1920 году, было помело с тлеющим углем. Поэтому в селе до сих пор бытует возникшее в то время крылатое ироническое выражение «*помело – всю деревню смело»*.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года в Суподеевке произошли большие изменения. В 1918 году был создан сельский совет. Первым председателем его стал бедный крестьянин Василий Мочалкин, а уроженец села, балтийский матрос Иван Иванович Дючков, был первым председателем Ардатовского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В 1934 году в Суподеевке был создан колхоз им. Кирова. В первые годы Советской власти была закрыта церковь, в ее здании разместилась начальная школа, а затем клуб.

В 1931 году в селе зафиксировано самое большое количество крестьянских хозяйств (159) и жителей – 808 человек [8, с. 111]. В 40-е годы рост населения прекратился и наметилась тенденция к его постепенному уменьшению. Во время Великой Отечественной войны погибло около 80 сельчан. В последующие три с лишним десятилетия многие семьи переехали в города. В 80-е годы XX века в Суподеевке насчитывалось 50 домов, в которых проживало примерно 100 человек, из них мужского пола – 41, женского – 59, почти половину жителей составляли люди пенсионного возраста. Образно говоря, количественном отношении произошел возврат к XVIII веку, несмотря на наличие в селе начальной школы, клуба, медицинского пункта, продовольственного магазина, автобусного сообщения с районным центром.

В настоящее время в селе Суподеевка постоянно проживают пять человек преклонного возраста. История села, к сожалению, заканчивается.

Уроженец села Андрей Иванович Витов по окончании филологического факультета Мордовского госуниверситета более тридцати лет собирал диалектную лексику и фразеологию в родном селе. В результате кропотливой, «с любовью к родному слову» работы образовалась обширная картотека и встал вопрос о составлении словаря говора с. Суподеевка на серьезной научно-методологической основе. По инициативе А.И. Витова в сентябре 2014 года была создана лексикографическая группа, в состав которой вошли доцент кафедры русского языка МГУ им. Н.П. Огарёва, кандидат филологических наук Л.К. Чикина (1925–2018) и профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук Э.Н. Акимова. Летом 2017 года работа над материалами была в основном завершена. Появился уникальный диалектный словарь лингвокультурологического типа, запечатлевший материальный и духовный мир практически исчезнувшего с лица земли большого русского села с богатой историей.

Перейдем к описанию «Словаря». Он содержит более 7000 словарных статей, богато иллюстрированных примерами употребления в речи жителей слов, фразеологизмов, местных паремий.

Типологически словарь дифференциальный, поскольку в него включена только диалектная лексика и фразеология, а именно: а) слова и фразеологизмы, отсутствующие в толковых и фразеологических словарях литературного языка; б) слова и фразеологизмы, данные в этих словарях с пометой обл. (областное); в) слова и фразеологизмы, имеющие в говоре иное значение, чем в литературном языке, Квашеный – ″пьяный, хмельной″, Волжанка – ″гриб волнушка″, Баклан – 1. ″Ребёнок″. 2. ″Голова человека″. Рот разинуть – ″устать, утомиться″ и т. п.

Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке. Заглавное слово записывается орфографически с указанием ударения. Фонетические варианты слова разрабатываются в одной словарной статье. К фонетическим вариантам относятся семантически тождественные видоизменения звуковой оболочки слова, различающиеся местом ударения (По′што – Пошто′), мягкостью-твёрдостью, звонкостью-глухостью согласного корневой морфемы (мамлить – мямлить, топерчи – теперчи, пинжак – пиньжак, церква – церьква, гогать – гокать).

Корневыми гласными или согласными звуками (клочить – клычить, мазюкать – мазякать, тёпать – тяпать, тведать – цведать, кезево – сезево, жуковица – жуколица), наличием-отсутствием протетических звуков (тарабурдой – арабурдой, округ – круг), явлением выпадания гласных (конокол – конкол, приобразить – прибразить), упрощения групп согласных (чепыркнуть – чепырнуть, шмыркнуть – шмырнуть) и т. п.

Словарная статья приводится при наиболее употребительном (или первом по алфавиту) варианте. Другие варианты выделяются в ней прописными буквами, а на их алфавитном месте даётся отсылочная помета ″См. п.″

Ке′зево, а, *с. Живот.* | Ке′сево.

Ке′сево. См. Кезево.

То′так, *нареч. Тогда.* | То′тка. То′тки.

То′тка. См. Тотак.

То′тки. См. Тотак.

Регулярные фонетические варианты слов (оканье и ёканье, изменение звуков в, ф и др.) находят отражение только в иллюстративном материале.

Слова-омонимы выделяются в отдельные словарные статьи и помечаются цифрами.

[1]Блажь, и, ж. Мучение, трудность.

[2]Блажь, и, *ж. Гной.*

[1]Вва′ливать, ает (ат), *несов. Много работать.*

[2]Вва′ливать, ает (ат), *несов., кому. Бить, избивать.*

[1]Тишма′, *нареч. Тайком.*

[2]Тишма′, нареч. Тихо, спокойно.

В качестве заголовков словарных статей употребляются слова в исходной форме. В случае невозможности установить исходную форму слово записывается в форме, зарегистрированной в говоре.

После заглавного слова следуют грамматические и стилистические пометы, определение значения слова, иллюстрации, устойчивые сочетания.

Калга′н, а, *м.* 1. *Емкость, в основном большого размера* (*чугун, горшок*). Вымити в упичъх-тъ и постафь калган на местъ, где чугуны и кострули.

2. *перен. Экспр. Голова человека.* Чово люди ёму скажут, он ы слушът, фсё за чисту манету принимат. А свой-ят калган нъ плечах для чово? ♦ Калга′н варит *у кого. Кто-либо сообразителен, умён.* Вон, если калган у Шурки варит, он в военнъм училишчы учыццъ. • Калган у ней не варит, она в магазин залезлъ роботъть. Ну и нъмоталъ на шэю-ту.

В словаре даются указания на синонимы, при наиболее употребительном (или первом по алфавиту) слове с пометой ″Ср.″ приводится по возможности исчерпывающий перечень синонимических слов, имеющихся в словаре. Остальные члены синонимического ряда связываются с этим словом пометой ″Ср.″ или определением ″То же, что…″.

Мизу′кать, ает (ат), *несов., что. Читать плохо, с трудом.* Ср. мизурить, мизюкать.

Мизу′рить, ит, *несов., что. То же, что мизукать.*

Музю′кать, ает (ат), *несов., что. Читать плохо, с трудом.* Ср. мизукать.

Коржула′, ы′, *ж. Внешняя оболочка плода, семени*; кожура. Ср. коржулка, ошурки, скоржулка.

Коржу′лка, и, *ж. То же, что коржула.*

Ошу′рки, ов, *мн. Кортофельные очистки.* Ср. коржула.

Скоржу′лка, и, *ж., чаще мн. Очистки, кожура.* Ср. коржула.

Грамматическая характеристика слов дается по тем же принципам, по которым велась работа над 9-ю выпусками «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [2; 6].

После грамматической характеристики слова могут быть даны пометы, указывающие:

а) на эмоциональную окраску слова: бран. – бранное, груб. – грубое, неодобр. – неодобрительное, экспр. – экспрессивное (эмоциональная окраска выражается повышенной интонацией, но характер экспрессии установить трудно).

Бебе′ря, и, *м. Бран.* 1. *Неуклюжий человек.* 2. Нескладный человек.

Базёл, базла′, *м. Груб. Старый человек.* ♦ Ста́рый базёл. *Груб. То же, что базел.*

Мороку′н, а, *м. Неодобр. Жулик, мошенник.*

Хлысто′вка, и, ж. Неодобр. Женщина лёгкого поведения.

Метр ♦ Метр с ке́пкой. Шутл. Невысокого роста, маленький.

Жупа′рить, ит, несов., что. Экспр. Есть с жадностью.

Спеле′ть, е́ет (е́т), *несов.* 1. *Созревать.* 2. *перен. ирон. Взрослеть.*

б) на положение слова в современной лексической системе говора: устар – устаревшее (принадлежит к пассивному словарю говора и употребляется преимущественно стариками в рассказе о прошлом).

Батма′н, а, м. Устар. 1. Единица веса, равная 10 фунтам. 2. Десятифунтовая гиря.

Чапа′н, а (а́), м. Устар. Крестьянская верхняя одежда с большим воротником.

в) на сферу употребления: детск. – слово употребляется в речи детей.

Шиня′шка, и, *ж. Детск. Лошадь.*

Гага′, в знач. сказ. Детск. Горячо.

Что касается определения значений диалектных слов, многие из них определяются посредством литературного синонима (одного или нескольких).

Боде′й, я, *м. Старик.*

Сикара′га, и, *ж. Букашка.*

Рахма′нный, ая (а), ое (о), ые (ы). *Добродушный, покладистый.*

Вы′шухнуть, нет, *сов., кого.* Выгнать, удалить.

Слова, для которых трудно или невозможно подобрать литературные соответствия, толкуются описательным способом.

Разлю′хать, ает (ат), безл., сов., что. Сделать рыхлым, пропитанным водой.

Косты′ш, á, м., чаще мн. Зародыш нового пера на теле птицы.

Описательная характеристика значения слова может сочетаться с подбором литературного синонима.

Держа′вка, и, ж. Приспособление на борту лодки для упора и удержания весла при гребле; уключина.

Отсылочный прием определения значения слова используется:

а) при словах однокоренных с тождественным значением, когда толкуется наиболее употребительное (или первое по алфавиту) слово, а при остальных делается отсылка *"То же, что…"*.

Лобашо′к, шкá, *м. То же, что лобанчик*.

Красови′тый, ая (а), ое (о), ые (ы). *То же, что красивошный.*

Спервонача′ти, нареч. То же, что спервой.

б) при глаголах со значением однократного и многократного действия (если в говоре зарегистрированы глаголы, к которым может быть сделана отсылка).

Лука′ть, ает (ат), *несов., что, чем. Кидать, бросать*.

Лукну′ть, нёт, *сов., что, чем. Однокр. к лукать*.

То′ркаться, ается (атся), *несов*. 1. *Стучаться в дверь*.

То′ркнуться, нется, *сов*. 1. *Однокр. к торкаться*.

в) при существительных с уменьшительно-ласкательным значением.

Жербеёчек, чка, *м. Ум.-ласк. к жербий*.

Муру′шечка, и, *ж. Ум.-ласк. к мурушка*.

Ко′йничек, чка, *м. Ум.-ласк. к койник*.

Переносные значения слов помещаются после прямых и снабжаются пометой перен.

Ку′мпол, а, м. 1. Выпуклая крыша, свод в виде полушария. 2. перен. Экспр. Голова человека.

Курдю′к, а, м. 1. Живот. 2. перен. Полный мужчина небольшого роста.

Чикова′ть, у′ет, несов. 1. Стрекотать. 2. перен. Командовать, распоряжаться.

При толковании слов, обозначающих растения, обычно указываются их латинские наименования, если составители располагают ими.

Ду′ня-ба′рыня, ду′ни-ба′рыни, ж. Растение Crataegus sanguinea Pall; боярышник кроваво-красный.

Кудря′вец, вца, м. Растение Tragopogon orientalis L; козлобородник восточный.

Фразеология «Словаря» богата и разнообразна.

Устойчивые сочетания в зависимости от степени спаянности компонентов выделяются разными знаками. Фразеологизмы с единым немотивированным и мотивированным значением помечаются знаком ♦, устойчивые сочетания с аналитическим значением – знаком >.

♦ Ни бум-бу′м ни кукаре′ку. *Совершенно ничего* (*не знать, не понимать*). ♦ Улетéть на войвéтер. *Пойти прахом, исчезнуть*. > Пахáть вразвáл. *Пахать, начиная с краёв поля*. > Три волóсика в четы′ре рядá. *О лысом человеке*.

Если во фразеологизме есть диалектное слово, зафиксированное в свободном употреблении, то оно помещается в конце словарной статьи на данное слово за соответствующим знаком или за связанным с фразеологизмом значением, если слово многозначное.

[1]Хлыста′ть, щет, *несов*. 1. *Ходить, передвигаться*. Толькъ, шабёр наш, кажний вечър куды-небуть хлышчыт. Ни в Риткодубья, тък нъ Поляну. По дефкъм хилят. • Шчас со фсей округи к нам в лес зъ грибами хлышчут, со фсех диревень. Ср. колюхать. ♦ Подóлом хлыстáть. *Часто ходить куда-либо* (*обычно без дела*). Клавдя то и делъ к Нюрки подолъм хлышчыт, она уш фсе новъсти ей роскажыт. • Нянякъ приедит ко мне в гости, а сама николи со мной ни сидит, токъ знат – подолъм пъ деревни хлышчыт, таварък своех нъвешчат. Ср. ходить как круговая овца. ♦ Хлыстáть рунáми. *Ходить в рваной изношенной одежде*. Штаны ръсхудились, купи каке-небуть для носенья пъдешэвли, рунами ни хлышчы. Бельё ръсхудиццъ, тожъ пъкупай, деньги кидаш на фсе сторъны, а рунами хлышчыш. ♦ Хлыстáть (хлыстну′ть) хвостóм. *То же, что хлыстать в 1 знач*. Этъ шигонкъ стада згонит и хлыснёт куды-небуть хвостом-тъ, уйдёт ф пойму аль в лес. • Иди скорей в магазин-ът, ни тяни время, сам знаш: пръдафшчыцъ у нас любит хвостом хлыстать. Как тово и Митькъй её звали.

2. *Неотступно следовать, ходить за кем-либо с какой-либо целью*. Чня што ль он ей? Прямъ скажу: "Не чня!" И напраснъ она за ним хлышчыт, за этим парним-тъ. • Салдатик в армии влюбился в жону ъфицэръ, и хлыстал потом за ними пъ частям и гърнизонъм.

3. *в безл. употр., кого. Знобить*. Ни с тово ни с сёво зачнёт миня хлыстать, дрожу фся, как от холъдъ. • Как вечър нъступат, у миня пъднимаццъ давления, и зачнёт миня хлыстать как в лихоратки. Хлышчыт, прямъ испъдымя бьёт.

Жижёлка, и, ж. 1. Самодельная завязка. 2. чаще мн. Старая, изношенная одежда, тряпьё. ♦ Оста́ться на жижёлках. Остаться ни с чем.

Если диалектное слово, входящее в состав фразеологизма, не зарегистрировано в свободном употреблении, то оно помещается на своем алфавитном месте, а за ним приводится и толкуется фразеологизм.

Буки′ ♦ Поднима́ть (подня′ть) на буку́. *Взволновать, расстроить*.

Веща́ ♦ Как веща́ была́. Верно предсказывать что-либо.

Каргулы′ ♦ Гнуть каргулы′. *Шутить, высмеивать кого-либо*.

Фразеологизмы, не имеющие в своем составе диалектных слов, помещаются и толкуются за тем словом, которое является грамматической опорой устойчивого сочетания.

Дура′к ♦ Как у дурака́ махо́рки. *Очень много*.

[2]Пилу́ть ♦ У шата́лова дым пилу́ть. *Бездельничать*.

Каждый фразеологизм приводится в словаре на все знаменательные слова, входящие в состав данного устойчивого сочетания. Толкуется фразеологизм при одном слове, при других словах даются отсылки.

Круга́ль ♦ Дава́ть (дать) кругаля′. Проходить или проезжать лишнее расстояние окольной дорогой.

Дава́ть ♦ Дава́ть кругаля′. См. Кругаль.

Дать ♦ Дать кругаля′. См. Кругаль.

Кругло́ ♦ В носу′ не кругло́ у кого. Не хватает сил, способностей и т.п., чтобы сделать что-либо.

Нос ♦ В носу′ не кругло́. См. Кругло.

Фразеологизмы, употребляющиеся в различных вариантах, разрабатываются в одной словарной статье. Вариантные компоненты фразеологизма помещаются в круглых скобках.

Лу′панца ♦ Дава́ть (дать) лу′панцу (лу′панцы). *Избивать* (*избить*).

Отбро́сить ♦ Коньки (ко́пани, копы′та, костылу́) отбро́сить (отку́нуть). *Экспр. Умереть*.

Факультативные компоненту фразеологизма заключаются в квадратные скобки.

Губа́ ♦ Губа́ завернётся (загнётся) [шу́фером]. *Об отказе в чьей-либо просьбе*; *ничего не получить*.

Прице́п ♦ [Взять] с прице́пом. *Жениться на женщине с ребёнком*.

Итак, вновь созданный и еще не опубликованный словарь говора с. Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия – словарь лингвокультурологического содержания. Село практически исчезло с лица земли, но бережно собранная в течение нескольких десятилетий и научно расклассифицированная и описанная лексика, фразеология, паремиология позволяет сохранить и при необходимости воссоздать коллективную языковую личность диалектоносителей.

Литература

1. Акимова Э.Н., Витов А.И., Чикина Л.К. Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия / под ред. Э.Н. Акимовой (рукопись, 1276 с.).

2. Акимова Э.Н., Семенкова Р.В., Чикина Л.К. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск. – СПб.: Наука, 2015. – 244 с.

3. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов / под ред. В.А. Никонова и Д.В. Цыганкина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. – 253 с.

4. Клеянкин А.В. К вопросу о заселении Присурья и Симбирского Поволжья русскими крестьянами в XVII веке // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР: сб. науч. работ. Вып. 2. – Саранск, 1976. – С. 168–185.

5. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Выпуск третий. Ардатовский уезд. Издание Симбирского уездного земства. – Симбирск, 1913.

6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2013. – 1560 с.

7. Симбирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1859. – 142 с.

8. Список населенных пунктов Средне-Волжского края. – Самара, 1931. – 286 с.

9. Центральный государственный архив Мордовской АССР. Фонд 25. Опись 1. Архивный №5. Лист 26.

10. Центральный государственный архив Мордовской АССР. Фонд 1. Опись 2. Архивный №226.

11. Центральный государственный архив Мордовской АССР. Фонд 1. Опись 2. Архивный №783.

ТОПОНИМИЯ РОССИИ В РАМКАХ КУРСА «ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ» ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Н.А. Азарова
Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева,
преподаватель русского языка как иностранного; e-mail: asarova100@ro.ru
Россия, г. Москва

Статья посвящена методике преподавания топонимов в рамках курса «Лингвострановедение» для китайских студентов гидротехнических специальностей. На примерах научно-популярных текстов о крупнейших гидроэлектростанциях России изучаются названия городов, рек, гор и т.д., что способствует успешному общению в учебно-профессиональной и в социально-коммуникативной сферах.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; лингвострановедение; топонимика России; китайский учащийся; гидроэлектростанция.*

Знакомство иностранных студентов первого года обучения с топонимами России является важной и неотъемлемой частью курса «Лингвострановедение», поскольку помогает формировать коммуникативные навыки, приобщает к русской культуре, русской истории. «Лингвострановедением называется аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причём методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [1, с. 37].

Изучение топонимов России китайскими студентами-гидротехниками с ориентацией на их профессиональную направленность представляется особо значимым и обусловлено тем, что русский язык является основой овладения инженерной специальностью и средством расширения кругозора будущего специалиста. Важным материалом, представляющим интерес для китайских студентов-гидротехников в курсе «Лингвострановедение», являются научно-популярные тексты о крупнейших гидроэлектростанциях России. Такие тексты несут не только учебно-профессиональную, но и лингвострановедческую нагрузку, что положительно сказывается на изучении основных специальных дисциплин и даёт богатый топонимический материал.

В рамках темы «Сибирь – душа России» несколько занятий отведено работе с научно-популярными текстами о крупнейших электростанциях Сибирского края – Саяно-Шушенской, Красноярской, Братской и Усть-Илимской. Эти тексты помогают формировать профессиональную и лингвострановедческую компетенции. Первое занятие предполагает чтение текста о Саяно-Шушенской ГЭС.

Перед чтением текста китайским студентам предлагается прочитать незнакомые слова, записать их и выучить. К тексту о Саяно-Шушенской ГЭС были даны следующие слова: *край, село, посёлок, часовня, ссылка, первостроители, арочно-гравитационная плотина, бетон, водохранилище, авария, землетрясение, турбина, ротор, тайга, скала*. Таким образом, студенты знакомятся и с профессиональной, и с общеупотребительной лексикой. При этом стоит обратить внимание на многозначность слов *«край»* и *«ссылка»* [2].

Также перед чтением текста презентуется топонимическая лексика: *Сибирь, Восточная Сибирь, Саяно-Шушенская ГЭС (гидроэлектростанция), Саянская ГЭС (краткое название станции), Енисей, Хакасия, посёлок Черёмушки, Саяногорск, Саянские горы, село Шушенское, Саяно-Шушенское водохранилище, Красноярский край, Тува, город Шагонар, Саяно-Шушенский биосферный заповедник.*

Топонимы Сибири достаточно исследованы российскими ономастами. Следовательно, преподаватель может найти информацию и дать лингвострановедческий комментарий, подготовить материал об истории названий регионов, городов, сёл, посёлков, рек, гор, объяснить имеющиеся в русском языке устойчивые сочетания с топонимами, например: *сибирское здоровье* [3–5]. При этом целесообразно сопровождать комментарии иллюстрациями, короткими документальными фильмами, презентациями, так как использование мультимедийных средств повышает мотивацию и познавательную активность китайских студентов, позволяет разнообразить процесс обучения.

Завершив предтекстовую работу, преподаватель предлагает студентам прочитать текст «Саяно-Шушенская ГЭС – самая мощная электростанция в России»:

«Богатства ***Сибири*** *используются для развития России, для повышения благосостояния народа.* ***Восточная Сибирь*** *– край богатейших гидроэнергетических ресурсов.* ***Саяно-Шушенская***

***ГЭС** – наиболее мощная гидроэлектростанция России. Она расположена на реке **Енисей**, на границе между **Красноярским краем** и **Хакасией**, у посёлка **Черёмушки**, возле **Саяногорска**.*

*Название станции происходит от названий **Саянских гор** и расположенного неподалёку села **Шушенского**, известного места ссылки В.И. Ленина. **Саянскую ГЭС** строила молодёжь, студенты. Строительство велось долго – с 1963-го по 2000-й годы. Рядом со станцией находится памятник первостроителям ГЭС.*

***Саяно-Шушенская ГЭС** имеет уникальную бетонную арочно-гравитационную плотину. Её высота – 242 метра, а длина 1074,4 метра. Это самая высокая плотина России и одна из высочайших плотин мира. По своей высоте она в 4 раза выше 20-этажного дома, как главное здание МГУ. На её строительство затратили очень много бетона, из него можно было бы построить автомобильную дорогу от Москвы до Владивостока. Сооружение очень прочное, не боится землетрясений до 8 баллов. Оно занесено в Книгу рекордов Гиннесса как самое надёжное гидротехническое сооружение.*

*Плотина ГЭС образует **Саяно-Шушенское водохранилище**, разлившееся на 320 км в длину по территориям **Красноярского края**, **Хакасии** и **Тувы**. При создании водохранилища был полностью перенесён в другое место город **Шагонар**. Вода в хранилище очень чистая, и поэтому здесь стали выращивать рыбу форель. Также в районе водохранилища расположен **Саяно-Шушенский биосферный заповедник**.*

17 августа 2009 года на станции произошла крупнейшая в истории российской гидроэнергетики авария. Под сильнейшим напором воды была сорвана крышка турбины. Ротор машины поднялся и, вращаясь, стал рушить машинный зал. Авария унесла жизни 75 человек. Восстановление станции завершилось 12 ноября 2014 года. В память о событиях страшной аварии построена часовня.

***Саяно-Шушенская ГЭС** вырабатывает очень дешёвую электроэнергию. А ещё станция обеспечивает энергией крупные алюминиевые заводы, угольные разрезы, железные рудники.*

*Из **Черёмушек**, где живёт большинство работников станции, до ГЭС ходит бесплатный трамвай, отправляющийся каждый час. Трамвайная линия – достопримечательность посёлка.*

ГЭС является объектом туризма. На станции есть свой музей и смотровая площадка, с которой ночью открывается великолепный вид на освещённую плотину и памятник строителям.

В 2020 году в честь Дня России художники сделали на плотине ГЭС надпись «Россия» в цветах национального флага. Надпись является самой большой в мире, а также самой большой в России надписью на техническом сооружении – 52 метра в высоту и 570 – в длину.

Сюда обязательно нужно приехать, чтобы своими глазами увидеть всю эту красоту: сочетание гор, тайги, воды и врезанное между скал творение человека».

Послетекстовые задания представляют собой, прежде всего, ответы на вопросы к тексту:

Что вы узнали о Саяно-Шушенской ГЭС?

Где находится Саяно-Шушенская ГЭС?

Почему гидроэлектростанция называется Саяно-Шушенская?

Какая высота станции? А какая длина?

Какое землетрясение станция может выдержать?

Что образует плотина?

Почему в Саяно-Шушенском водохранилище выращивают форель?

Что расположено в районе Саяно-Шушенского водохранилища?

Когда произошла крупнейшая авария на гидроэлектростанции?

Сколько человек погибло в этой аварии?

Какая главная достопримечательность посёлка Черёмушки?

Когда и какую надпись сделали на плотине?

Вы хотите поехать в Сибирь на Саяно-Шушенскую гидроэлектростанцию? Почему?

Посоветуйте своим друзьям поехать на Саяно-Шушенскую ГЭС и объясните, почему вы им советуете поехать.

Отвечая на вопросы к тексту, студенты закрепляют изученный материал – топонимы и профессиональную лексику, правильное произношение форм числительных, падежных форм.

Затем студентам предлагается письменное задание – закончить предложения:

Для развития России используются... .

Самая мощная гидроэлектростанция России – ... .

Она расположена... .

Название станции происходит... .

Саяно-Шушенское водохранилище находится на территории... .

В районе водохранилища расположен... .

Выполняя это задание, студенты ещё раз повторяют топонимы из прочитанного текста.

Для формирования навыков аудирования монологической речи китайским студентам-гидротехникам можно дать задание прослушать микротекст о поездке на Саяно-Шушенскую ГЭС и отметить на карте все населённые пункты, водоёмы, которые будут названы в аудиотексте (карта даётся каждому студенту).

На каникулах я полечу из Москвы в Сибирь на самолёте. Через 4 ч 40 мин. я прилечу в город Абакан. Из Абакана я поеду на автобусе в село Шушенское, а оттуда – в посёлок Черёмушки. Из Черёмушек на бесплатном трамвае я отправлюсь на Саяно-Шушенскую ГЭС. Я побываю на станции, увижу Енисей. Потом обязательно поеду в Туву, в город Шагонар. Ещё я поеду в Хакасию, в город Саяногорск, и побываю на Саяно-Шушенском водохранилище. Я узнаю, что такое тайга, увижу Саянские горы. Потом вернусь в Москву. Это будет интересное и долгое путешествие.

Проверить, правильно ли выполнено задание, можно, попросив сильного студента отметить на большой карте в аудитории названные в аудиотексте объекты. Текст при этом студенты слушают ещё раз.

Завершает аудиторную работу небольшой тест на знание топонимов:

1. Саяно-Шушенская ГЭС находится:

а) в Китае;

б) на Дальнем Востоке;

в) в Сибири.

2. Саяно-Шушенская ГЭС расположена:

а) на реке Волге;

б) на реке Янзцы;

в) на реке Енисей.

3. При создании Саяно-Шушенского водохранилища перенесли в другое место:

а) город Пекин;

б) город Санкт-Петербург;

в) город Шаногар.

4. Бесплатный трамвай ходит на гидроэлектростанцию:

а) из села Шушенского;

б) из посёлка Черёмушки;

в) из Москвы.

Для самостоятельной (домашней) работы студентам можно предложить подготовить рассказ экскурсовода о Сибири, о сибирских городах, сёлах и посёлках, о реках, о Саяно-Шушенской ГЭС, используя глаголы и причастия из текста, а также используя информацию об истории происхождения топонимов Сибирского края.

Подобным образом строится аудиторная работа с другими научно-популярными текстами о крупнейших электростанциях России в рамках изучения курса «Лингвострановедение».

Таким образом, овладение топонимическими знаниями о России – важная часть подготовки китайских студентов гидротехнических специальностей к продуктивному общению и в учебно-профессиональной, и в социокультурной сферах. Научно-популярные тексты профессиональной направленности с включением в них топонимов России расширяют кругозор будущих инженеров-гидротехников, адаптируют их к нашей стране, повышают заинтересованность в изучении русского языка, способствуют формированию речевой, мыслительной, творческой деятельности.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.

3. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 523.

4. Статейнов А.П. Топонимика Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Буква С, 2008. – 512 с.

5. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» – URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title

РУКОПИСНАЯ СЕЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СЛОВАРЯ

Т.Е. Баженова
Самарский государственный социально-педагогический университет,
к.ф.н., доцент; e-mail: bazhenova@pgsga.ru
Россия, г. Самара

В статье представлена летопись одного из сёл самарского Заволжья, которая велась на протяжении ста лет. Рукописная книга содержит описание погодных условий землепользования, диалектные наименования травянистых растений, транспортных средств, орудий труда. В языке рукописной летописи нашли отражение динамические процессы в лексике самарских говоров.

Ключевые слова: *русская диалектология; диалектная лексика; Среднее Поволжье; самарские говоры.*

Летом 2016 года во время пребывания экспедиции Самарского государственного социально-педагогического университета в селе Александровке Большеглушицкого района Самарской области Вера Ивановна Балькина, коренная жительница и потомственный учитель, предоставила нам сведения об истории села, которые можно назвать летописью. Так была названа рукописная книга в самодельном переплете, автором которой был дед Веры Ивановны, Василий Артемьевич Долгинин, 1874 года рождения, регент церковного хора. Ему в руки попалась «погодная летопись» села, которую вели грамотные служители церкви с 1867 года. Эта летопись содержала сведения об погоде, урожаях, недородах, голодных годах и стихийных бедствиях, которые переживало село, а также о том, каково было социальное положение крестьян. Василий Артемьевич счел своим долгом продолжить эти ежегодные записи: «…Я задался целью, насколько возможно, осветить для будущего поколения историческое происхождение села, дабы вместе с летописью составить более полное понятие об истории нашего сельского крестьянства» [1, с. 3–4].

Записи велись почти ежегодно, с 1867 по 1965 год. Сначала авторами были разные люди, а начиная с 1915 года записи вел В.А. Долгинин. Он окончил церковно-приходскую школу, постиг самоучкой нотную грамоту, пел в церковном хоре, а впоследствии стал его руководителем. Был он человеком особого склада, хозяйственным, честным, ответственным, обладал недюжинным умом и прекрасно владел языком. О его авторитете среди односельчан говорит тот факт, что, когда в 1904 году в Александровке было основано кредитное товарищество, он был избран председателем *поверочного совета*, который занимался ревизией и контролем, затем после революции 1917 года он был счетоводом и членом сельского правления в сельскохозяйственных товариществах и артелях.

В.А. Долгинин, объединяя все записи летописи, предваряет свою рукописную книгу обширным предисловием, в котором, в частности, старается объяснить происхождение села, черпая сведения «из рассказов неграмотных стариков». Он считает годом основания села 1840 год, опираясь на документы о строительстве церкви. Основано село переселенцами из центра России в «суходолье реки Кутуруша или Хутуруша». Первопоселенцев автор сельской «летописи» характеризует так:

«Жители села Александровка все великорусы, переселившиеся из двух губерний – Тамбовской и Орловской. Все эти переселенцы были, без исключения, безграмотны, а поэтому чрезвычайно темны и суеверны, но трудолюбивы».

Первыми жителями села были крестьяне Моршанского уезда Перкинской волости Тамбовской губернии [2]. Все крестьяне – государственные, часть – откупившиеся от крепостничества. Причиной переселения послужила земельная теснота на родине и казенное пособие в виде бесплатного леса на избы, а также льгота на выкупные платежи за землю на несколько лет. Потом, примерно через 10 лет, добавились переселенцы из Орловской губернии. Поселились они на Кутуруше, за оврагом Ледянка. По правую сторону – «*ливенцы*», то есть выходцы из Ливенского уезда, по левую – «*елецкие*», то есть из Елецкого уезда. Им не выдавали пособий в виде сырьевого леса, и они поселились в землянках. Старожилы-тамбовцы их называли *«новенькие-голенькие»*. Все новоприбывшие орловцы были крепостные. Они вышли на волю благодаря выкупу их царским правительством у разорившихся помещиков. В 1861 г. прибыли новые поселенцы из Тамбовской губернии, родственники старожилам («*старинским*»), – вольные, убежавшие в Самарскую губернию от малоземелья.

В селе существовали концы: *Рай* – на краю села за оврагом; *Масенёвка, Клочковка, Новенькие, Елшанка* (по названию одного из самарских сёл, откуда прибыли переселенцы), *Комарёвка,*

Оторвановка, Буяновка. Обычно жители разных концов вольных поселений долгое время сохраняют свои языковые особенности, связывающие их с местами их исконного происхождения. Но в Александровке сошлись близкие по диалектным основам переселенческие говоры, и со временем отдельные незначительные особенности сгладились, поэтому сохранились общие для всех типологические черты южнорусского говора. При описании событий в летописи села встречаются характерные для южнорусских говоров глаголы с приставкой *по-*, обозначающие интенсивное действие: *повыбили, посносило, попродали* и т.п.

В книге В.И. Балькиной-Долгининой собраны фрагменты погодных наблюдений, летописные записи, сведения из истории села, воспоминания об учителях и судьбы членов одной семьи. Они написаны разными авторами, в том числе и самой Верой Ивановной, но их объединяет неординарный взгляд на непрерывное течение жизни, в котором человек является частью природы, социума, народа, истории страны. Этот взгляд находит отражение в языке летописи села. Записи, которые вел В.А. Долгинин, тематически продолжают заданную его предшественниками традицию погодных наблюдений, необходимых для крестьянина-землепашца, но со временем границы летописного повествования расширяются, в поле зрения попадают факты истории всей страны, перемены в обществе. Изменяется не только жизнь в селе, но и язык, его лексика, поэтому летопись Александровки – это не только часть истории страны и Самарского края, но и история языка крестьян-землепашцев, представлявших русский народ в степном Заволжье – «внутренней окраине» России.

Описание погодных условий землепользования – основная тема в летописи, особенно в той части книги, которая была рукописной. Морозная зима с сильными метелями и засушливое или дождливое лето представляются всеми авторами главными событиями прожитого года: *Зима была буранная; не проходило ни одной недели, чтобы не было бурана (1867); Осталось на корню много хлеба, который ушёл под снег (1868); Зима была продолжительная, холодная, с сильными буранами. Снегу было много (1882); Зимой сильных буранов не было (1915); Утренники крепкие (1940); Зима чрезвычайно буранная и снежная (1944); Зима была многоснежная, холодная и ветреная (1963)* и т.п. Авторами сельской хроники и современными жителями отмечается, что в селе до сих пор сохраняется особенное устройство входных дверей, которые открывались только внутрь, так как зимой частенько приходилось откапываться от снега, вылезая через крышу. «*Занесло с кукушкой*», – шутили по этому поводу. Иные зимы в летописи особенно запоминались по этому поводу: *Зима была буранная, замечательная снегозавалами вблизи построек (1949)*. Обильные дожди летом иногда становились причиной наводнений: *Этот замечательный тучевой дождь вылился только над Александровкой и её землёй. Наводнение было небывалое (1907).*

В этих записях обращает на себя внимание слово *замечательный,* часто употребляемое сельскими летописцами в значении ‘запомнившийся, оставивший в памяти заметный след’, например: *Всё лето было* ***замечательно*** *юго-западными сильными ветрами, иногда переходившими в сильные бури (1873); Зима была* ***замечательна*** *дождями и тёплой погодой (1948).* В рукописной летописи содержится вырезка из газеты «Волжская коммуна» от 26 ноября 1940 г., в которой говорится: «*Одним из* ***замечательных*** *открытий, сделанных в последние годы, является потепление Арктики*» [1, с. 34].

Страшным бедствием представляются в летописи засушливые периоды – *жары́*: *Лето – всё сухое и жаркое,* ***жары*** *доходили до 42 (1890); До конца месяца стояли* ***жары*** *(1870); Страшные летние* ***жары****, доходившие до 40 ежедневно, погубили урожай (1933)* и т.п. Безымянные летописцы лаконично описывают погодные катаклизмы: *Первые числа мая холодные, 6-7 мая – дождь, а 9-го выпал снег на ¼ аршина и был буран, 10-го – сильный мороз, 16 и 18-го – дождь. Июнь-июль стояли* ***жары*** *и засуха (1876).* Сколько лишений и горя скрывается за этими скупыми словами!

Благоприятная погода тоже отмечается как важное событие: *Август и сентябрь – погода ведренная (1875); Уборка – ведренная (1904); Молотить начали толоку с 14 сентября, когда совершенно уведрилось (1915); Весна была ведренная (1936).* Со временем, примерно с 1940-х годов, диалектные лексемы *жары́* и *ве́дренный, уве́дриться* перестают использоваться в летописных записях, уступая место общеупотребительным словам и описательным оборотам (*засуха, жаркая погода, сухое лето*). В это же время в погодных описаниях появляется слово *сухове́й*: ***Суховеи*** *губили овощи (1940); Благодаря* ***суховеям*** *картофель, свекла и тыква сильно пострадали (1951); Вторая половина июля и весь август были* ***суховеи*** *и всё погубили (1952).* В «Словаре русских народных говоров» лексема *сухове́й* зафиксирована только в донских говорах со значением ‘восточный и северо-восточный ветер’ [3, вып. 43, с. 8]. В упоминавшейся выше газетной вырезке метеорологического содержания говорит-

ся о суховеях, которые на территории нашей области обычно имеют южное направление. В летописи Александровки читаем: *Июль и август чрезвычайно жаркие, с* ***суховеями*** *(в большинстве с северо-западной стороны) (1951).* Следовательно, в степных районах самарского Заволжья *суховеем* назывался сильный горячий ветер любого направления, неблагоприятно сказывавшийся в жаркую погоду на посевах и сельскохозяйственных культурах.

Ещё одно неблагоприятное для урожая атмосферное явление называется в летописи *помохой*. Это слово теперь редко употребляется, поэтому в Александровке никто не смог объяснить нам, что означает это слово, в других же самарских говорах оно отмечено единичными случаями в говорах Красноярского (с. Русская Селитьба – *помóха* ‘неблагоприятные погодные условия, засушливое время’) и Богатовского районов (с.Максимовка – *пóмыха* ‘туман в сильную жару’) [4, с. 28]. В словаре русских говоров это слово истолковано так:

Пóмáха, *ж.* 1. Туман, вредный для сельскохозяйственных растений. =**Пóмаха**. *Зимою помаха осаждает на деревьях и других предметах иней, а летом губительна для хлебов*. **Уральск**., Карпов. =**Помáха**. *Упадет туман едýчий то ли какой, зовут его помаха, картошка гибнет, пшеница*. Кыштов. **Новосиб**., 1965. || **Пóмаха**. Сухой туман, мгла. **Сарат.**, 1918.

2. **Помáха**. Сильная летняя жара, от которой вянет растительность. *Помаха похватает [теперь] в жару хлеб или овощи в самом цвету*. **Смол**., **Самар**. [3, вып. 29, с. 200].

В летописи Александровки читаем: *В начале весны хлеба были хорошие, но с наступлением лета были испорчены помохой и сильными дождями, которые так были сильны, что река прорывала все плотины (1867).* Возможно, аналогичное метеорологическое явление обозначено в летописи словом *палоха*, словарями, однако, не зафиксированным: *Пшеница и рожь захвачены были палохой (1896).*

Старинные, редкие теперь слова тематической группы «Полеводство» в погодных записях жителей Александровки встречаются довольно часто: *толок* ‘удобрение почвы путем выпаса на паровых полях скота’, *толока* ‘паровое поле, на котором пасется скот’, *пашка, вспашка* ‘пахота’, *кладь* ‘большая укладка необмолоченных снопов’, *зябка* ‘зябь, то есть земля, вспаханная осенью под посев следующей весной’, *жнитво* ‘жатва, время жатвы’, *жнитство* ‘наемная работа во время жатвы’, *белотурка* ‘сорт твердой пшеницы’, *ворочать* ‘переворачивать снопы при молотьбе’, *соломотряс* ‘часть молотилки’ и другие. См. примеры: *уборка не спорая (1868); позднее жнитво (1869); овес по веснопашке был небывалый по соломе (1886); урожай по талоку и ранней летней пашке был средний (1888); по поздней пашке, пырейным и мягким землям получили только семена (1888); платили за жнитство до 20 рублей (1896); гуменные корма (солома и мякина) (1907); запасы гумённых кормов (1927); первая весновспашка (1934); сверхранний сев (1934); зяблевая пашня (1934); зяблевая пахота (1935); конец зяблевой пахоты (1939); с 17 ноября до 1 декабря пахали зябку (1940); по весновспашке урожай плохой (1952).* Из примеров видно, как со временем меняется полеводческая терминология, обозначающая основные этапы обработки земли и сбора урожая. Особенно разнообразны слова, характеризующие урожай: *урожай трав весьма обильный (1868); урожай был пёстрый (1898); был годом недородным и по урожаю пёстрым (1901); по урожайности пёстрый (1912); зерно тощее (1896); всходы были хороши (1899); урожай всех хлебов был замечательный (1904); а в соседних селах был недород (1907); урожай подсолнуха хороший (1935); урожай по ранней бороновке был средний (1889); посевы дали хороший урожай (1963).* Здесь тоже просматривается динамика: *пёстрый, тощий, обильный – средний, выше среднего, хороший.*

Во всех записях, независимо от времени, в перечислении названий полевых, огородных, бахчевых культур используются формы множественного числа: *ржи (ржи погибли), хлеба, озими, бахчи (урожай бахчей), огороды (огороды и бахчи хорошо уродились), сеяные травы.*

Особую лексическую группу составляют наименования травянистых растений в описаниях событий неурожайных и недородных лет, которые шли в пищу в голодные годы: *накосили катуха-травы (1906); собирали для еды всякий суррогат: катун, лебеду, просеянную мякину (1921); до самого урожая главное питание было – суслик, потом трава щавель конский (1922); часть колхозников добавляли к хлебу лебеду (1933).*

Авторы летописи останавливают свое внимание на том, что имеет первостепенное хозяйственное значение для крестьянина: урожайность кормовых трав и полезных кустарников (*рыжик, типец, острец, пырей, сорняк рогатый, вид сурепки, люцерна, костёр, могар, гаолян, куровник*); сельскохозяйственные орудия и механизмы и их детали (*плуг, лемех, отрез, крюк, рядовая сеялка, каток, рязанка, борона дисковая, ручные пололь*ники, *экстрапатор*); состояние дорог (*путь установился, санный путь, путь рушился, зимний путь, санный путь кончился*); виды транспортных средств

(*рыдван, бетарка, телега*); сезонные изменения на реках и водоемах (*река вскрылась; дружный, небывалый разлив; ледоход; половодье многоводное; пруды замерзли*) и др.

В летописи степного заволжского села Александровки нашла отражение и социальная история. В описаниях столыпинских преобразований в деревне изменяется интонация повествования, временами отражается субъективный взгляд на происходящее: *Появился у нас особый какой-то мирок: приходит сосед по отрубу, беседует о том, о сём… (1912)*. Показатели урожайности зерновых, приведенные в летописи, свидетельствуют о том, что нововведения в сельском хозяйстве давали очень хороший результат, и это поднимало настроение крестьян.

Революционные 1917–1919 гг. отмечены только короткими записями об основных показателях урожая. Кажется, что суровая поступь истории не слышна в селе, затерянном в заволжской степи, только короткое упоминание о продразвёрстке и эпидемии тифа в 1919 г. нарушает установленный круг тем погодных наблюдений. Но вскоре всё меняется, и в жизни села, и в осмыслении летописцем происходящего. Особенно разительно отличается от прежних описаний природных катаклизмов и трудностях неурожайных периодов содержание записи о голодном 1921 годе: *Впервые стали есть лошадей. Зимой голод усилился, скот был съеден, стали есть кошек, собак; Ежедневно умирали с голоду. Умирали на больших дорогах, умирали везде, где были люди; Были случаи, и даже не единичные, людоедства как живых, так и трупов умерших…* Записи за 1921 и 1922 гг. оказались в числе наиболее обширных и обстоятельных летописных повествований, но не остановившимися полевыми работами из-за отсутствия посевного зерна они запомнились сельскому летописцу, а небывалой бедой и страданиями людей. Метеорологические наблюдения в этих записях отсутствуют.

Становление коллективного хозяйствования в селе, установление твердых цен на хлеб, образование сельскохозяйственных артелей и товариществ и другие результаты советской политики на селе сначала отмечаются в летописи попутно. Но потом последовавшие за революционными событиями большие перемены в деревенском укладе становятся главной темой и изменяют лексическое наполнение летописного повествования: ***Маломощные*** *бедняки не облагались, остальное население облагалось по* ***дифференТации****, смотря по* ***классовому расслоению; категория расслоения*** *зачастую применялась неправильно; сознательно, добросовестно сдавших в* ***колхоз*** *имущество было немного (1930); продовольствие* ***колхозники*** *получали по* ***трудодням*** *(1931); многие уходили с разрешения правления колхоза в отход в* ***зерносовхозы, мясосовхозы*** *и в города (1931).* Именно с этого периода в летописных записях появляется ещё одна постоянная тема – количество полученной по трудодням продукции.

Записи 1930–1960-х гг. отличаются расширением тематики наблюдений (например, появляются записи об урожайности картофеля, огородных культур, о величине медосбора), тема неурожайных и голодных лет постепенно уходит.

Летопись затерянного в степном Заволжье села содержит важные для русского крестьянина события, раскрывает особенности его миросозерцания, его веками сложившуюся связь с землей и природой, неиссякаемое трудолюбие. Она служит ценным источником самарского диалектного словаря. Благодаря летописной форме изложения событий в ней зафиксирована динамика словарного состава русских говоров Среднего Поволжья.

Литература

1. Балькина (Долгинина) В.И. Листая прошлого страницы (Летопись села Александровка). – Самара, 2013. – 80 с.

2. Русяев П.Я. Земля глушицкая. Ч. 1. – Самара: Самарский дом печати, 1998. – 228 с.

3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

4. Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. – Самара: СГСПУ, 2020. – 192 с.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГРАНИЦЕ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВЕ «СУТКИ»

Т.Н. Бунчук
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
к.ф.н., доцент; e-mail: tnbuncuk@mail.ru
Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар

В статье рассматривается диалектное слово «сутки» в значениях ‘красный угол’, ‘входная дверь’, ‘угол между голбцем и стеной у печи’ и др. Эти пространственные значения диалектного слова выявляют древнейшее представление о семиотической структуре жилища в восточнославянской народной культуре, которое понималось как система границ. Временно́е значение слова «сутки» представляет собой метафорическое развитие пространственной семантики слова.

Ключевые слова: *народная культура; диалект; этнолингвистика; семантика; семиотика; границы; сутки; угол.*

В XXI веке диалекты, исторически оттеснённые в деревенский дискурс, остаются, пожалуй, единственным источником знаний о русской народной культуре, характерной системе смыслов и оценок окружающей действительности. Фольклор, обрядность, костюм и все другие проявления духовной и материальной народной культуры «отступили» под напором городской культуры, не только элитарной (=книжной), но и простонародно-бытовой (=устной), сформировавшейся в результате смешения разных «диалектных» вариантов русской культуры, развития «социальных» и «региональных» вариантов культуры и т.д. Можно сказать, что диалектная речь на сегодня остаётся хранилищем древних символических смыслов, и её анализ позволяет интерпретировать картину мира предков.

Особое внимание привлекают семантические диалектизмы – слова, имеющиеся как в русском литературном языке и/или просторечии, так и в говорах, но различающиеся лексическим значением. Такие формальные лексические тождества возникли в результате разных причин, но наиболее регулярно, как кажется, они появлялись в результате выбора словом своего семантического «пути» в условиях бытования в замкнутом бесписьменном языковом коллективе и в широком общеязыковом употреблении. Имея общий этимологический источник, диалектное и общеупотребительное (литературное и просторечное) слова по-разному развивали семантическую синкрету этимона, актуализировали разные семы в структуре лексического значения и тем самым всё сильнее отрывались друг от друга.

Одним из таких слов является лексема «сутки», известная русскому литературному языку и ряду говоров. Литературное значение слова «сутки» сосредоточено на выражении временно́го понятия – ‘промежуток времени от одной полуночи до другой; промежуток в двадцать четыре часа без перерыва’ [3, с. 1292]. В этом значении слово «сутки» употребляется повсеместно, в том числе и в говорах, восходящих исторически к говорам великорусского языка, а потому является общерусским.

В современном русском языке слово «сутки» характеризуется как слово с нулевой внутренней формой, а его связи со словами, например, «тыкать» и «точка» носителями языка уже не осознаётся. П.Я. Черных так описывает историческую судьбу слова «сутки»: «В русском языке *сутки* в знач. «день и ночь (=24 часа)» известно, по крайней мере, с начала XVIII в. [...] В древнерусском языке это слово не имело знач. «день и ночь», причём могло употр. и в ед.ч. О.-с. корень *tъk- (см. *ткать, тыкать*); *су-* (<о.-с. *sǫ-) – приставка, обозначавшая соединение, сближение. Т.о., *sǫtъkъ могло значить «стык», «стечение» и т.п.» [22, с. 219]. Действительно, исторические словари фиксируют древнерусское слово «сутъки» («сутъкъ») в обобщённом пространственном значении ‘слияние, место, где сходятся границы’ [17, с. 630]. О том, что слово «сутки» имело такое широкое (генерализованное) значение у восточных славян, могут свидетельствовать современные диалектные слова: псковское «сутки» в значении ‘место соединения поставленных рядом рыболовных сетей’ [14, с. 316] и курское «су́точки» в значении ‘стык, смежное место, угол: уголки глаз, уголки губ, узкое пространство между плетнями’: *Сними ресницу, вон у тебя в суточках. Давай вытрем ротик, суточки в кашке. Курица несётся в суточках между плетнями* [20, с. 291]; см. также поверье народной медицины: *Если у кого болят суточки – уголки губ, – надо есть яйца*’ [20, с. 291]. В поверье интересно метонимическое соотнесение угла губ и узкого места между плетнями посредством упоминания курицы (яиц): если угол не в нормальном состоянии, то его надо символически восстановить через то, что в этом углу привычно (курица несёт яйца в суточках). Это позволяет предположить, что узкое значение ‘уголок губ/глаза’ у слова «суточки» («сутки») вторично относительно обобщённого пространственного значения ‘угол чего-либо’.

Однако древнерусские памятники фиксируют и рано сформировавшееся специализированное значение слова «сутки» – ‘угол под иконами, красный угол’ [15, с. 66–67]. В этом значении слово

«сутки» обнаруживается в ряде современных русских говоров, преимущественно севернорусских: ‘место под образами в крестьянской избе; передний угол. Вологод., Тот., Вят.’ [11, с. 222]; ‘передний угол в избе, в котором находились иконы и стол, куда сажали почетных гостей’ [13, с. 162]; ‘угол в избе, где помещались иконы и стоял стол; передний угол. Волог., Костром., Арх., Вят., Перм., Новгород.’ [14, с. 316]; ‘красный угол в избе, куда вешают иконы. Арх., Влг.’ [7] и др.

Позднее, временно́е значение слова «сутки» метафорически выразило представление о целостном промежутке времени, которое состоит из периодов дня и ночи, «стыкнувшихся» друг с другом и образовавших тем самым единицу времени: двенадцать часов дня и двенадцать часов ночи – две полярно противоположные половины в своём единстве и целостности. На позднее формирование этого значения указывает и тот факт, что в других славянских языках, в том числе и восточнославянских, этот отрезок времени называется по-своему, например, укр. *Доба*, болг. *Денонощие* и др.

Можно представить развитие значений слова «сутки»: граница чего-либо (место стыка) – стык неких сторон, стен (угол) – стык дня и ночи (период в 24 часа). Развитие временно́го значения у слова «сутки» с пространственным значением вполне закономерно в условиях традиционного дискурса с его пространственно-временным континуумом: категории времени и пространства мыслились как метонимические категории, а потому описание временны́х или пространственных явлений могли описываться посредством одного и того же слова.

Обращает на себя внимание тот факт, что сутки / стык как выражение границы в народной культуре наделялись особым семиотическим статусом. Образ границы аккумулировал понимание человеком мироустройства: мир есть пространство, поделённое на части, одна из которых занята и освоена человеком, а другая остаётся «неведомым» и «невидимым» простором. Этому делению соответствовала оппозиция космос/хаос (культура/природа). Граница в этом случае представала символическим средством организации и структуризации пространства, с одной стороны, а с другой стороны, находясь в непосредственной близости от «хаоса», мыслилась как носитель его опасных, маргинальных свойств [4; 9; 19].

Суткам как единству дня и ночи, организованному утренней и вечерней границей, в народной культуре придавалось весомое значение: сутки в традиционном сознании семиотически изоморфны году и жизни, периодам человеческого времени: «(лето=день, зима=ночь, весна=утро, осень=вечер, летнее и зимнее солнцестояние = полдень и полночь, весеннее и осеннее равноденствие = восход и заход солнца) и календарному циклу праздников (Иван Купала = полдень, Рождество = полночь, Благовещение = восход солнца, Воздвижение = заход солнца), […] с жизненным временем (детство=утро, зрелость=день, старость=вечер» [18, с. 212]. Иначе говоря, сутки структурированы границами, как структурирована временными (календарно-хозяйственными, социально-обрядовыми) границами человеческая жизнь.

Сутки как угол, стык сторон и как то, что находится за стеной (границей внутреннего и внешнего миров), в народном понимании были тождественны месту – территории человеческого пространства. Место в данном случае понимается как окультуренный мир человека, огороженный границей и противопоставленный простору – ничем не ограниченной, дикой пустоте, неупорядоченной воле [20]. В русской культуре и языке угол может метонимически символизировать дом, обжитое место в отличие от дикого пространства, ср.: *свой угол, снять угол* и т.п. в значении ‘свой дом, жилое пространство’; в детских играх – убегающий от преследования встаёт в угол и произносит: «Я в домике», тем самым создаёт границу между собой и преследователем. О том, что сутки в народной культуре понимались как «дом=место», замкнутое и ограниченное (огороженное) пространство, могут свидетельствовать поздние значения слова «сутки», являющиеся результатом развития семы ‘граница как узкое, ограниченное, замкнутое место’: ‘шкафчик, полка для посуды и хозяйственной утвари у угла печи. Новг., Твер., Влад.: *У печки тако место оставляется, тут столобок такой, там полочки таки, хоть дверка, а кто завесочкой завесит*; ‘кладовая для продуктов. Новг.’; ‘узкое место, ограниченное лесом или рекой. Калуж.’[14, с. 316].

Однако в народной культуре понятие угла амбивалентно: угол, с одной стороны, символический представитель дома, но, с другой стороны, он же и представитель «чужого» пространства, т.к. граница, находясь между «своим» и «чужим», как двуликий Янус, имеет свойства того и другого. Именно поэтому угол выступает как локус для проведения календарных, переходных, различных окказиональных обрядов, магических действий и действий народной медицины [1]. Кроме того, можно вспомнить и устойчиво сохраняющийся вид наказания – изгнать, сослать или поставить *в угол*, т.е. изгнать из «своего» мира, что семиотически равно смерти: в чужом мире человек лишается свободы, т.е. прав человека в сообществе своих, что, пожалуй, еще страшнее смерти в системе ценностей народной культуры. Тем не менее наказанного не могли ставить под образа, в святое место, а ставили

в темный угол у печи. В таком же символическом значении употребляется в русском языке слово «угол» – ‘глухая отдалённая местность’ (*медвежий угол*). Иными словами, можно предположить, что в народной культуре не все углы в доме были символически равнозначными.

Среди всех углов дома именно *сутки* выступали главным выразителем человеческого, обжитого места, поэтому в разных говорах русского национального языка этот угол называется *красным, передним, большим, почетным, святым* и т.п. [21, с. 342]. *Сутки* – центр обрядов жизненного цикла: *Приедут жених и невеста из-под венча, вот их и садят в сутки* [8, с. 162]; *Домовище* [гроб] *ставят в сутки* [7]; строительной обрядности (переход в новый дом): *Вот, скажом, ты в новом дому не бывал, дак первый раз, дак деньги есть, дак деньги бросишь в сутной угол, вот где икона стоит дак* [7]; календарных обрядов: *Снопик дожинальный сожнут, домой принесут – и в сутки, мать готовит дожинальный соломат* [13, с. 162]. Сутки – почетное место для важных гостей, значимых лиц: *На беседах-то в сутках место оставляли для гармониста* [5, с. 372]. Можно предположить, что и значение ‘дом’ у слова «угол» в русском языке метонимически связано именно с красным углом, или иначе – «сутным / суточным углом» [7; 13, с. 162].

Для того чтобы определить и описать объём понятия в диалектном слове «сутки», необходимо обратиться к описанию восточнославянского жилища и системе символических значений разных частей дома. Для этого воспользуемся работой А.К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлении восточных славян» [2]. Учёный рассматривает восточнославянское жилище как систему границ и вычленяемых с их помощью локусов: дом организуют два комплекса границ – внешние (крыша и стены) и внутренние границы (печь, матица, воронец, пол и др.) [2, с. 158–159]. В нашем случае важно то, что внутренние углы дома одновременно связываются с внешними границами (стенами) и внутренними границами, которые упорядочивают жилое пространство.

О роли углов А.К. Байбурин пишет так: «Своеобразной осью ориентации жилища как раз и является диагональ красный угол – печь. Один её конец (красный угол) указывал на *полдень, на свет, на всход, на красную,* или *божью* сторону, другой (печь) – соответственно, *на тьму, на заход* и т.п. Важно подчеркнуть, что даже если по каким-то обстоятельствам (и прежде всего из-за особенностей планировки поселения) диагональ красный угол – печь отклонялась от «запрограммированного» направления, тем не менее условно обозначала его (семиотическая ценность диагонали в этом случае, естественно, повышалась). Иными словами, красный угол всегда отождествлялся с востоком или югом, а угол, в котором располагалась печь, – с западом или с севером» [2, с. 152]. Таким образом, *сутки* – это светлый угол, эксплицирующий мир человека (здесь дополнительным аргументом является его номинация – *красный угол,* отражающая представления о красивом, т.е. правильном месте, позднее «цветовое» значение *красный* подчеркнуло оппозицию с белым (ахроматическим) цветом печи – цветом чужого мира).

Сутки (*сутный / суточный угол*) в крестьянском жилище располагались в стыке стен с окнами, которые, как правило, прорубались напротив входной двери. В этом случае окна – главный источник света, необходимого не только для бытовых целей, но и для символических: подчеркнуть «своё» место человека, которое освещено, в отличие от тёмного локуса «чужого». Однако обратим внимание на одну особенность. *Сутки* – важное место для проведения переходных обрядов (свадьба, похороны), в которых значимую роль играют граница и порог: их во время обряда неоднократно пересекают участники. В строительном и календарных обрядах *сутки* эксплицируют идею начала и конца (класть деньги в сутки при первом входе в новый дом; ставить в сутки первый и последний сноп), что также может быть связано с идеей границы и порога (переступать порог – символически начинать или заканчивать путь). Косвенно о «пороговой» значимости *суток* может свидетельствовать запрет ставить в сутках кровать: *В сутки кровать не ставили – грех* [7], т.к. на пороге спать нельзя и опасно.

Обратим внимание и на то, что в *сутках* находятся иконы, туда же кладётся обережная соль, камень, препятствующий возвращению покойника до сорокового дня: *В сутки положить камешек небольшой, как в доме будёт покойник, и держать камешек до сорокового дня* [7]. Икона, соль, камень в народной культуре выступают в качестве сильных оберегов, и их, естественно, размещали там, где ожидали опасность, т.е. в том месте, где граница допускает взаимодействие сторон, – для охраны входа и выхода. Кстати сказать, традиция размещать иконы над входной дверью сохраняется и сейчас. Взаимодействие (семиотический диалог) предполагало положение адресанта и адресата лицом к лицу; это значит, человек во время коммуникации с «чужим» миром размещался спиной к внутренней части жилища и лицом к внешней, которая символически находилась за *сутками*. Это положение человека специально регламентировалось: *Лицом к суточному углу молиться надо* [7]. Таким образом, взаимодействие сторон в этом месте носило регламентированный характер (по договорённости

сторон): в *сутках* проводились такие обрядовые действия, которые являли собой организованный диалог «своего» и «чужого» миров для общественно значимой перестройки социума.

На уровне семиотической организации жилища Т.В. Цивьян указала два вида связи дома с внешним миром – регламентированную (осуществляемую посредством входа/выхода через двери) и нерегламентированную (осуществляемую через окно, дымоход и т.д.) [21, с. 47]. Нерегламентированная связь – это проникновение в жилище или выход из него без коллективного обряда, т.е. одобрения социума, в результате магии. В таком случае напрашивается вывод о том, что в народной культуре *сутки* как место регламентированного взаимодействия внутреннего (своего) и внешнего (чужого) оказывались символически тождественны двери и порогу. Действительно, такая связь *суток / сутного угла* и внешней двери обнаруживается в русских говорах: *сутки* – ‘дверь, которая выходит на улицу’ [10, с. 1165]; ‘входная дверь в избу с улицы’: *Сутки на улицу, а дверь – в избу* [12, с. 244]; ‘наружная входная дверь в жилом помещении’. [14, с. 316]. *Суд(т)ний угол* – ‘расположенный по одной стене с передним углом, у входа’ [16, с. 173–174]. Позднее, с появлением дополнительного помещения между жилой частью дома и крыльцом, характерного для северного, прежде всего, жилища (это позволяло дополнительно сохранять тепло), название «сутки» метонимически сместилось на это помещение: *сутки* ‘сени в избе’ [14, с. 316]; ‘сени, коридор’ [12, с. 244]. Любопытен комментарий носителя диалекта об устройстве жилища: *А под суткам подклет, в избы – подпол, а там подклет*. [12, с. 244]. Под *сутками* располагается место (*подклет*), которое в севернорусском свадебном обряде выполняло роль локуса символической границы: молодые во время брачной ночи «переходили» её, тем самым приобретая новый социальный статус – женатые. Это дополнительно подтверждает мысль о том, что представление о сутках в народной культуре входило в систему представлений о понятиях «граница» и «мироустройство».

Более того, можно предположить, что «сутками (сутком)» изначально мог называться угол именно у входной двери. В качестве подтверждения этого предположения можно привести сведения о древнейшем устройстве славянского жилища и о характере исторических изменений, которые произошли позднее. А.К. Байбурин пишет об этом так: «До появления окон жилище ориентировалось на юг входным проёмом, который служил одновременно источником дневного света. […] Печь при этом располагалась в противоположной от входа (т.е. северной) стороне» [2, с. 153]. С появлением оконного освещения структура жилища изменилась, особенно на Русском севере: диагональ *печь – красный угол* «развернулась» в другую сторону. «Северные» планы, где у дверей расположена печь, в таком случае надо считать вторичными, но, как замечает Е.Э. Бломквист, «более жизненными», так как появилась возможность выделить чистую половину жилища, главное – в таких домах лучше сохраняется тепло» [2, с. 154]. Таким образом, возможно, что поначалу сутки – это стык, соединение внутреннего (дома) и внешнего (условно – улицы), граница, преодоление которой представляло собой символический переход от дикого пространства к обжитому месту. Затем с появлением окна этот угол с его семиотической значимостью и всем комплексом обрядовых действий, с ним связанных, переместился к другому источнику света – окну.

Косвенно об изначальном расположении *суток* у дверей могут свидетельствовать такие диалектные значения у слова «сутки»: «Сутки и сутычки зовут иногда печной угол, место за голбцом, запечье» [6, с. 365]; ‘угол между голбцем и стеной (возле печи) ’ [23, с. 89]; ‘место в избе между печью и чуланом со спуском в подполье. Влад.’ [14, с. 316]. Поздняя перепланировка внутреннего устройства дома, в связи с появлением окон «развернувшая» диагональ печь – красный угол, сместила печь ко входу, однако номинация «входного» угла осталась прежней, т.к. для поздней стадии народной культуры актуализация границы была уже инерционной (по памяти предков, по традиции), а не осознанно-знаковой. В номинации угла важнее уже было обозначить место, где находились иконы. Угол с иконами символически противостоял печи, *кути* (*кутному* углу), которые мыслились в народной культуре как нечистые («языческие») локусы, и в этом случае номинации «красный», «передний» (т.е. главный), «святой» должны были актуализировать такую оппозицию печи и суток. В качестве подтверждения этой мысли можно указать на семиотический «путь» невесты во время русского свадебного обряда: вначале она, ожидая приезда жениха, сидит в своём доме в углу за печью (печном углу – образе иного мира), затем жених её перемещает в процессе обряда в свой дом в красный угол, завершая переход границы между своим и чужим мирами.

Таким образом, исследование диалектных значений слова «сутки» показало, что это слово в народной речи, называя стык сторон/стен, аккумулировало в себе комплекс представлений о границе: граница есть средство организации пространства, создание путём ограничения, замкнутого (стиснутого) места, мира «своих». Этот образ границы в месте стыка (*сутъка*) сторон мира нашёл развитие

в разных лексико-семантических вариантах древнерусского слова «сутъки», которые в дальнейшем оформились как самостоятельные слова в говорах.

Литература

1. Агапкина Т.А. Угол // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 5. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – С. 341–345.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлении восточных славян. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
4. Бунчук Т.Н., Военушкина Е.А. Выражение концепта «граница» этимологической корневой группой *stŏr- в русском языке // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. – Вып. 1 (9). – 2019. – С. 48–63.
5. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М.-СПб., 1882.
7. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, г. Екатеринбург).
8. Картотека Словаря говора с. Лойма Республики Коми (хранится в Научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина).
9. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Ученые записки Тартуского университета. – 1969. – Вып. 236. – С. 460–477.
10. Новгородский областной словарь. – СПб.: Наука, 2010.
11. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.
12. Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 7 / под ред. А.С. Герда. – СПб.: Нестор-История, 2017.
13. Словарь вологодских говоров. Вып. 10. – Вологда, 2005.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 42. – СПб.: Наука, 2008.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. – М., 2011.
16. Словарь тамбовских говоров (материальная и духовная культура). –Тамбов: ТГУ, 2001.
17. Срезневский И.И. Материалы для древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. – СПб., 1912.
18. Толстая С.М. Сутки // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – Т. 5. – С. 212–218.
19. Топоров В.Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. – М.: Индрик, 2004. – С. 12–106.
20. Хильманович Г.И. Словарь курских народных говоров. – Бирск, 2017.
21. Цивьян Т.В. К семантике «дома» в балканских загадках // Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). – Тарту: ТГУ, 1974. – С. 45–48.
22. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. – М.: Русский язык, 1993.
23. Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып. 9. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1990.

АНТРОПОНИМИКОН КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Л.Н. Верховых

Воронежский государственный университет, Борисоглебский филиал ВГУ

к.ф.н., доцент; e-mail: lverhovyh@mail.ru

Россия, Воронежская обл., г. Борисоглебск

В статье рассматривается антропонимия Воронежского региона в синхронии и диахронии (на основе привлечения данных ревизских сказок Государственного архива Воронежской области). Анализ воронежских фамилий и исторических источников позволяет сделать вывод о том, что антропонимикон отражает основные моменты исторического и культурного развития региона.

Ключевые слова: *ономастика; антропонимия; Воронежский регион; история Воронежского края; культура Воронежского края.*

Антропонимы в полной мере отражают основные историко-культурные особенности развития региона. Антропонимикон является частью культурного наследия того или иного этноса и поэтому

содержит информацию о традициях, миропонимании народа, его материальной и духовной культуре, важных этапах истории. В то же время антропонимы представляют собой особый пласт лексики, элемент языковой системы и выполняют номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, эмоционально-экспрессивную, кумулятивную и другие функции. Онимы можно назвать «языковыми окаменелостями», сохраняющими прастарые формы слова [1, с. 12]. Именно благодаря этому свойству – накапливать, бережно сохранять и передавать последующим поколениям важную лингвистическую и внелингвистическую информацию – антропонимы представляют собой языковую квинтэссенцию национальной самобытности народа.

М.Я. Морошкин писал, что «личные имена имеют важность и значение не только как материал языка, но и как памятник воззрений, понятий и представлений народных, и в них нередко отражается характер и дух народа лучше всех других исторических памятников; в этом случае имена служат сокращенною историею внутреннего быта и духа народного…» [2, с. 6]. Эта же мысль поддерживается современными исследователями языка.

Г.Ф. Ковалев отмечает, что «в именах собственных закодированно записана с энциклопедическим размахом вся история народа [3, с. 64].

А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов в работе «Теория и методика ономастических исследований» пишут об историческом и социальном аспектах мотивировки имен собственных [4, с. 20]. Авторы монографии отмечают, что «в ономастике отражается культура во всех ее проявлениях, в широком и узком смысле этого слова, но отражается по-разному. С одной стороны, имена создаются в языке, и в этом отношении первое и главное для них – духовная культура. С другой стороны, имена собственные как слова живо реагируют на любые факты не только духовной, но и материальной культуры» [Там же, с. 129].

Микротопонимы и антропонимы полнее других разрядов онимов впитали в себя историю и культуру региона. По мнению Г.Ф. Ковалева, «занятия по исследованию местных фамилий крайне интересны и плодотворны» и с помощью фамилий «можно узнать, какие профессии здесь бытовали, что ели наши предки, что было для них образцами красоты или уродства, ведь вся эта информация когда-то была заложена в прозвища, которые со временем обрели статус фамилий»; ученый также пишет о необходимости бережного отношения к языковому и литературному наследию, являющемуся показателем возрождения культурных традиций русского народа [5, с. 242; 6, с. 12].

Л.М. Щетинин, антропонимические исследования которого базировались в том числе и на обобщающем «воронежском списке» – «Списке вольным людям, прибранным на Воронеже…», пишет о том, что «в силу особенностей развития и функционирования собственные имена людей отражают общественное сознание в разные периоды жизни общества более полно и специализированно, чем любые другие отдельно взятые предметно-логические или строевые группировки слов в языке»; «национальная антропонимия содержит обширные сведения об особенностях социальной организации, экономическом развитии, культуре, этнографии общества» [7, с. 3].

Микротопонимические единицы также обладают полифункциональностью, способностью репрезентировать основы духовной и материальной культуры человека. Л.А. Климкова отмечает, что в микротопонимии «отражается духовность и опыт человека, сельского жителя, его этнические, социальные, гендерные, личностные характеристики, его эмоциональные состояния, этнические принципы и нормы поведения, процессы логического, чувственного, эстетического восприятия мира» [8, с. 9].

На важность изучения региональных лексем указывают В.И. Дьякова и А.Д. Черенкова: «Чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного русского языка, там полнее знания о духовной и материальной культуре русского народа» [9, с. 99].

При изучении антропонимикона определенного региона особое внимание следует обратить на ядерную группу фамилий, основы которых образуют антропонимическую панораму региона [10, с. 170]. Под антропонимической панорамой понимается «совокупность социально-исторических, естественно-географических, мировоззренческих, морально-этических и эстетических характеристик эпохи становления фамилий в данном ареале, отраженных в основах ядерной антропонимии» [11, с. 258].

Нами была изучена современная официальная и неофициальная антропонимия сел Красное Новохоперского района Воронежской области и Абрамовка Таловского района Воронежской области, также по данным ревизских сказок 1816 года исследовался антропонимикон села Красного Новохоперского района в диахронии, проводилось сопоставление антропонимии села Красного нач. XIX в. и начала XXI века.

Реконструкция древних основ антропонимов позволяет получить представление о различных проявлениях народной культуры, как материальной, так и духовной, ее генетических особенностях, истории региона.

Например, фамилия *Великóдный*, функционирующая в селе Красном Новохоперского района Воронежской области, дает сведения о национальной принадлежности жителей села XVIII–XIX вв., о важности для жителей праздника Пасхи, об особенностях восприятия времени. Фамилия *Великóдный* имеет украинские корни. В украинском языке *великóдний* имеет значение «пасхальный» [12, с. 132]. Следовательно, ребенка, родившегося в праздник Пасхи или во время пасхальной недели, могли назвать Великодным. В начале XIX в. в данном населенном пункте функционировала фамилия *Великодной* [13, л. 901, 902].

Также и другая фамилия *Майстрéнко* связана с украинскими лексемами *майструвáти* «мастерить», *мáйстер* «мастер». Украинский генезис фамилий подтверждают и исторические источники о заселении данного населенного пункта. В книге-справочнике «Населенные места Воронежской губернии» указано, что население села Красного (ранее слобода Красненькая) состояло из малороссиян [14, с. 224], подтверждением этому является и само название – «слобода». В «Списках населенных мест Российской империи…» встречаем объяснение термина «слобода – поселение пригородное, а также местность, населенная малоруссами, имеющая церковь» [15, с. XLVIII].

Интересно, что современная антропонимия села Красного содержит только 14% фамилий с украинским формантом *-енко*. Однако заметим, что в начале XIX века в населенном пункте отсутствовали фамилии на *-енко*, значительное число фамилий включало два форманта *-енк(о)* (или фонетический вариант *-инк(о)*) и *-ов (-ев): Агафóненков, Васúльченков, Гаврúленков, Глýщенков, Ермолáенков, Игнáтенков, Мартинéнков, Михайличéнков, Омéльчинков, Неýченков, Писарéнков, Рыбáльчинков, Сúльченков / Сúльчинков, Соколéнков*, *Федорéнков* и др. Информанты свидетельствовали о том, что жители старались записывать фамилии с финалью *-ов (-ев)* – так происходила русификация украинских фамилий. Этот общественно-исторический процесс отразился в воронежской антропонимии, и подтвердить исторические данные помогло сопоставление антропонимических систем начала XIX и начала XXI веков.

Анализ основ официальных и неофициальных фамилий поможет восстановить картину быта воронежских жителей. Например, достаточно большой объем информации о материальных и духовных ценностях славян содержат фамилии, образованные от прозвищ – наименований пищи (*Квасскóв, Киселéв, Кисúль, Пшóнкин, Солодкóв, Соломáтин, Хáрченко* и др.).

Сравнительный анализ фамилий, образованных от прозвищ по роду деятельности человека, села Красного Новохоперского района Воронежской области позволяет проследить особенности общественно-экономического развития населенного пункта.

В нач. XIX в. (1816 г.) в ревизских сказках обнаруживаем следующие фамилии, образованные от прозвищ, связанных с характером деятельности человека.

Бондарев [13, л. 746, 830, 842, далее укажем только номер листа/ов], *Гончарев* [л. 787, 863, 897, 849] и *Гончурев* [л. 787], *Ковалев* [л. 820, 854], *Колесников* [л. 740, 749, 840, 847, 848, 910, 911], *Коновалов* [л. 812], *Кравченков* [л. 856], *Кучерев* [л. 771, 869], *Мельников* [л. 870], *Менеилов* [л. 905], *Решетников* [л. 777, 865, 873], *Рыбальченко* [л. 755], *Склярев* [л.716,730], *Ткачев* [л. 800, 854, 855, 860], *Чередниченков* [л. 908], *Чумаков* [л. 833], *Шевцов* [л. 744, 900, 909, 913]. Эти антропонимы сохраняются в фамильной системе вплоть до нач. XXI в.

Фамилии *Мирошников* [л. 803], *Певоваров* [л.794], *Писаренков* [л. 828], *Полотеев* [л. 813], *Пушкарев* [л. 792], *Резников* [л. 899], *Садченков* [л. 903], *Соляников* [л. 734], *Сотников* [л. 796], *Чебаной* [л. 734], *Полковников* [л. 901], *Пономарев* [л. 875] зафиксированы в ревизских сказках, но в настоящее время в населенном пункте не отмечены. Это свидетельствует о том, что данные фамилии утратились вследствие различных причин: прекращение рода, переезд носителя фамилии, смена фамилии женщиной в связи с замужеством и др.

Можно также сделать вывод о том, что ранее (до нач. XIX в.) в населенном пункте были такие прозвища, а следовательно и ремесла и должности, как мельник *(Мирошник)*, пивовар (*Певовар)*, писарь (*Писарь)*, пушкарь (*Пушкарь)*, резник (мясник) (*Резников)*, соляник (от соле(я)ник – «мастер соляного дела», «владелец солеразработки и торговец солью» [16, с. 184] – *Соляник*), сотник – *(Сотник)*, чабан (чабан/ чебан – овечий пастух [17, с. 528]) – *Чебаной* [л. 734], полковник (*Полковник),* пономарь – (*Пономарь).*

Анализ архивных данных позволяет говорить о наиболее распространенных в XIX в. ремеслах, например таких, как бондарь, гончар, коваль (кузнец), колесник, коновал, кро(а)вец, кучер,

мельник, решетник, скляр, ткач, чумак, швец и о более позднем появлении в данном населенном пункте профессий бердник, возник, золотарь, красильник, синильник, токарь, чеботарь, шаповал и др. Очевидно, что появление новых профессий связано с развитием ремесла и промышленности как в России в целом, так и в селе Красном Новохоперского района Воронежской области в частности.

Достаточно многочисленной группой антропонимов являются фамилии, образованные от прозвищ из названий птиц и животных, обитающих в регионе: *Баба́к* (*баба́к/байба́к* – крупный степной грызун), *Зу́ев* (*зуй (зуек)* – общее название небольших куликов разных видов), *Конако́в* (*кона́к* – ворон), *Корса́ков* (*корса́к* – вид небольшой лисы), *Лиси́цын, Чи́бизов* (*чи́бис* – небольшая птичка из отряда куликов с вздернутым хохолком) и др. Данная группа антропонимов репрезентирует мировоззрение жителей (здесь вполне может проявляться пожелательный характер номинации человека), кроме того, данная подгруппа фамилий указывает на своеобразие фауны региона, а диалектные основы антропонимов репрезентируют национальный компонент культуры.

Фамилии отражают и особенности жизни, способности, характер поведения человека – то, что ценилось или порицалось жителями: *Ба́хтин* (*бахте́ть* – бахвалиться, важничать), *Бо́йченко, Булга́ков* (*булга* – тревога, суета), *Вя́лый, Добродéев, Дю́ков* (*дюка* – угрюмый человек), *Мозгово́й, Проку́дин* (*проку́дить* – проказить, бедокурить), *Разумо́вский, Рю́мин* (*рюма* – плакса, рёва) и др.

Изучение антропонимических систем дает возможность познакомиться с материальной и духовной культурой прошлого. Являясь лингвистической по сути, антропонимика помогает исследователям истории и культуры уточнить некоторые выводы относительно исторического и культурного развития региона, установить яркие национальные черты мировосприятия, поскольку антропонимические единицы, которые носят региональный характер, транслируют национальную культуру, историю.

Анализируя особенности употребления антропонимов разных народов (славянские, казахские, вьетнамские, китайские, английские и др.), Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун отмечают, что «антропонимы являются важным средством отражения национальной культуры», что «имена не только историчны, но и глубоко национальны» [18, с. 96, 101].

Таким образом, среди других единиц ономастики антропонимы являются важным средством репрезентации истории и культуры региона.

Литература

1. Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – №4. – С. 9–19.

2. Морошкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1867. – 213 с.

3. Ковалев Г.Ф. Инструкция по собиранию регионального ономастического материала // Край Воронежский: история и традиции: межвузовский студенческий сборник. – Воронеж, 1996. – Вып. I. – С. 64–65.

4. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Непокупный. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

5. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 440 с.

6. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов. Вып.1. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – С. 3–23.

7. Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). – Ростов-н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1972. – 232 с.

8. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс… д. филол. наук. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2008. – 65 с.

9. Дьякова В.И., Черенкова А.Д. История изучения говоров Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж: ВГПУ, 2001. – С. 93–99.

10. Щербак А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 293 с.

11. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.

12. Словарь украинского языка / под ред. Б.Д. Гринченко. – Т. 1–4. Киев, 1907–1909.

13. Государственный архив Воронежской области. Ф.И-18. Оп. 1. Д. 205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта – 6 августа 1816 г. – С. Красное. – Л. 716–915.

14. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В.И. Исаева, 1900. – 482 с.

15. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. IX. Воронежская губерния. – Санкт Петербург, 1865. – 205 с.
16. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск: СГПУ, 2006. – 368 с.
17. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 672 с.
18. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimy-kak-sredstvo-vyrazheniya-natsionalnoy-kultury/viewer

«БАБАЙ» В ПРОЗВИЩНОЙ НОМИНАЦИИ ГОВОРОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ОКСКО-ВОЛЖСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

А.В. Гузнова
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет,
к.ф.н., доцент; e-mail: alena_guznischeva@mail.ru
Россия, Нижегородская обл., г. Княгинино

Статья посвящена анализу прозвищ, образованных от лексемы «бабай». На материале прозвищной номинации говоров Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья показана их внутренняя структура. Утверждается, что коннотация тезоимённых единиц обусловлена семантикой производящей базы.
Ключевые слова: *бабай; прозвищная номинация; прозвище; мотивированность; коннотация.*

Пожалуй, каждый человек хотя бы раз в жизни слышал про некоего бабая или сам употреблял в своей речи упоминание о нём. Детям не разрешают хулиганить, запрещают вставать с кровати, когда их уложили спать, ссылаясь на Бабая, который придёт и обязательно заберёт ребёнка-озорника, ребёнка-неслуха. Взрослые, выражая негодование, произносят: «Ёкарный бабай». Так, следует полагать, что в русской языковой картине мира [о языковой картине мира см.: 3, с. 11–15] существует фрагмент «Бабай», о котором слыхом слыхивали, да которого видом не видывали.

В Толковом словаре живого великорусского языка приведена единица «баба» или «бабай» (с пометой мужского рода) со значением «дед, дедушка, старик» в татарских, новороссийских, оренбургских говорах. Также отмечено, что иногда слово употребляется в значении детского пугала: «Детей пугают и бабайкою, старухою, и тут сходятся производства от бабы и от бабая» [1]. Лексема «бабай» с подобными толкованиями представлена в словаре евразийской мудрости: В.И. Зорин приводит четыре толкования, где первое носит характер «почтительно уважительной формы обращения к человеку весьма преклонного возраста», второе – «несколько уничижительная форма именования старого человека коренной национальности в Казахстане», третье – «название страшилища, которым пугают детей», четвёртое (аналогичное третьему) – «злой ночной дух», пугающий непослушников [2]. В большом словаре русских поговорок лексема «бабай» с пометами «жаргонное», «уголовное» имеет три дефиниции: «старик», «старый татарин» и «ростовщик» [4, с. 22].

Представленные в разных источниках толкования лексемы «бабай» иллюстрируют как положительные, так и отрицательные коннотации. Данный факт оказывает влияние на функционирование названной лексемы в качестве прозвища.

По данным картотеки антропонимической лексики, хранящейся в диалектологической лаборатории кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья реализуется прозвищная номинация, производная от лексемы «бабай». Стоит отметить, что номинация – это процесс наименования, наречения, «одаривания» прозвищем, результатом которого становится появление номинанты, чаще всего обидной.

В говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья функционирует 16 прозвищ, образованных от лексемы «бабай» (из них 12 – путём онимизации, 4 – опосредованно через оним Бабай). Способ номинации 15 прозвищ неразвёрнутый: номинанты оформлены одним словом (Бабай – 12 единиц, Бабаиха – 2 единицы, Бабаёнок – 1 единица). Наблюдается тезоимённость – использование внешне одного имени (одного и того же звукового комплекса) для разных объектов в одном онимическом поле [5, с. 131]. В рассматриваемых говорах одинаковые по форме прозвища именуют лиц разных населенных пунктов – тезоименность прозвищ проявляется на межмикросистемном уровне. Внешне одинаковые прозвищные номинанты обладают разной степенью мотивированности, разными типами номинации, разными коннотациями.

Информативными оказываются мотивированные прозвища: в дефинитивной части – словах информанта содержится объяснение причины появления прозвища, что позволяет установить тип

номинации, например, **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Бабаем ругали у Верки атца, так их всех завут, уж больно страшный был.* Кошкарово Серг. – в основу номинации положен «уж больно страшный» внешний вид мужчины, которого пугались, как бабая-устрашения, именно поэтому прозвище обидное. Другой пример: **Баба́й**, м., необидн. Прозвище мужчины. *От татарского уважительного обращения к старому человеку. В русском селе так зовут татарина*. Спасское Спас. – в основу номинации легла этническая принадлежность прозываемого; уважительное обращение к нему иллюстрирует положительную коннотацию номинанты, прозвище необидное, отражающее бабай-почтение. Вероятно, функционирование прозвища с положительной коннотацией, восходящего к лексеме с татарскими корнями, в говоре села Спасского сложилось исторически и обусловлено географической близостью к Республикам Татарстан (около 200 километров), к Краснооктябрьскому району с преобладанием татарского населения (около 50 километров), наличием в Спасском районе села Татарское Маклаково (около 10 километров), где проживают татары, культурными контактами разных этносов. Ещё пример: **Баба́й**, м., обид. Прозвище мужчины. *Бригадира на́шава Бабаем звали. Он чёрный, высокий такой, только он обижался на Баба́я-то*. Саваслейка Кул. – в основе номинации лежит внешнее сходство с татарином (чёрный, высокий), однако для прозываемого номинация бабай-почтением оказывается обидной, воспринимается как Бабай = Татарин, что обусловлено употреблением номинанты «за глаза». Аналогичное противоречие между положительным и отрицательным оттенком значения наблюдается и в следующем прозвище: **Баба́й,** м., необидн. Прозвище мужчины. *Бывало, бедны они были. Он всё ходил грязнинький, косинький, он был лохматинький, вот и на́звали Бабай.* Кирилловка Арз. – принцип номинации по внешнему виду указывает на связь с бабаем-страшилищей, но номинанта не обидна для прозываемого, в словах информанта прослеживается жалость к именуемому – определения выражены прилагательными с уменьшительно-ласкательным суффиксом: «грязн-иньк-ий», «кос-иньк-ий», «лохмат-иньк-ий».

Принцип прозвищной номинации по речевой характеристике человека, представленный в говорах, иллюстрирует ещё один вариант функционирования лексемы «бабай»: **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Ругатся час в минуту: «Ёкарный бабай», – потому и зовём так.* Веригино Арз.; **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Да ругался он так, вот и прозва́ли*. Виткулово Сосн. Оба прозвища восходят к просторечной фразе «Ёкарный бабай», выражающей «удивление, досаду, раздражение» [4, с. 22], что объясняет обидный характер прозвищных номинант.

В говорах функционирует одно прозвище, не восходящее к лексеме «бабай»: **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Бабу он маленький звал «баей», «бая». А от этово ево Бабаем стали звать.* Мотызлей Воз. – номинация по речевой характеристике, номинанта есть продукт звуковой ассоциации с неправильно произносимым словом «бая».

Неинформативными оказываются прозвища немотивированные: в дефинитивной части отсутствует объяснение причины номинации словом «бабай», например, **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Не знаю, за што Баба́ем прозва́ли.* Тёплово Кул.; **Баба́й,** м., обидн. Прозвище мужчины. *Бабай и Бабай. А почему? Не знаю.* Шершево Перев. (обидные прозвища, которые употребляются «за глаза»); **Баба́й**, м., необидн. Прозвище мужчины. *А кто ево знает, пачему, прозвище такое. А прям ево так и кликали. Бабай детишак больна любил, катал их на телеге.* Новосёлки Арз. (необидное прозвище, которым именуют человека «в глаза»). Отсутствие мотивированности не даёт возможности определить причины «очного» и «заочного» употребления: нельзя определить значение производящей лексемы «бабай».

Стёртая мотивированность тоже не даёт полного представления о причинах номинации, например, **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *По бабам-ти он хадил, трёх жен мянял. Как не паедет на работу, жану визёт. В глаза не называют, он сердится.* Мотызлей Воз. – принцип номинации по поведению, привычке «менять жён» не позволяет установить непосредственную связь с имеющимися в словарях толкованиями производящей лексемы «бабай». **Баба́й**, м., обидн. Прозвище мужчины. *Неразгово́рчивый человек* Бебяево Арз. – принцип номинации по речевой особенности человека. Вероятно, обидный характер прозвище получило от бабая-устрашения, шумящего, но не говорящего [см.: 2].

Одно прозвище представляет развёрнутый способ номинации, хотя также обладает стёртой мотивированностью: **Баба́й Соро́ка**, ж., необидн. Прозвище женщины. *Последнюю мордовку Баба́й Соро́ка звали, потому што она многа говорила.* Ревезень Перев. – принцип номинации по речевой особенности раскрывается через второй компонент номинанты «Сорока», первый же компонент остаётся необъяснённым.

Опосредованная номинация через оним «Бабай» в говорах отражает взаимосвязь между прозываемыми, например, **Бабаё́нок**, м., обидн. Прозвище юноши. *По отцу. Он Бабай.* Мотызлей Воз.; **Баба́иха**, ж., обидн. Прозвище женщины. *По мужу. Мужа Бабаем завут.* Мотызлей Воз. – данные примеры показывают родственные связи: ребёнок Бабая – Бабаёнок (суффикс -ёнок- обозначает детёныша), супруга Бабая – Бабаиха (суффикс -их- обозначает самку). Оба прозвища содержат обидную коннотацию, так как они образованы от обидного прозвища Бабай (см. выше Мотызлей Воз.). В другом прозвище Бабаиха также наличествует отрицательная коннотация: **Бабаи́ха,** ж., обидн. Прозвище женщины. *Выросла она у барина, и прозвали Бабаихой.* Гари Вад.

Необидным оказывается прозвище, образованное от клички лошади, причем прозываемый сам является информантом, однако установить причину происхождения клички животного не удаётся: **Баба́й**, м., необидн. Прозвище мужчины *Мне-то фамилья Ишинкин, а зовут Бабай, у отца лошадь была, он её Бабай назвал, а щас так меня зовут.* Ниретино Арз.

Таким образом, прозвищная номинация, производная от лексемы «бабай», функционирующая в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, представлена колоритно, отражает креативность народа, подчёркнутую разнообразием типов номинации и связями с производящей базой. Мотивированные прозвища позволяют определить, а прозвища со стёртой мотивированностью – предположить семантику производящей лексемы, которая оказывает влияние на положительную или отрицательную коннотацию номинанты.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Режим доступа: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=681 (дата обращения: 19.01.2021).

2. Зорин В.И. Евразийская мудрость от А до Я: толковый словарь. – Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. – 408 с. – Режим доступа: http://knigi1.dissers.ru/books/library3/4460-6.php (дата обращения: 20.01.2021).

3. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. …д. филол. наук. – М.: МПГУ, 2008. – 66 с.

4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 1-е изд. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

Сокращения районов

Арз. – Арзамасский район
Вад. – Вадский район
Воз. – Вознесенский район
Кул. – Кулебакский район
Перев. – Перевозский район
Серг. – Сергачский район
Сосн. – Сосновский район
Спас. – Спасский район

ЛЕГЕНДЫ МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Г.Ф. Ковалев
Воронежский государственный университет,
д.ф.н., профессор; e-mail: kovalev@phil.vsu.ru
Россия, г. Воронеж

Статья посвящена редкому пока в исследованиях жанру фольклора, порожденному местными микротопонимами, а именно топонимическим легендам. Местная микротопонимия, как правило, отражает специфику окружающей среды региона, а также, в немалой степени, картину мира жителей конкретного региона. Крайне важно зафиксировать такие легенды, поскольку многие из них сохраняют историческую память, больше нигде не зафиксированную.

Ключевые слова*: *микротопоним; микротопонимия региона; легенда топонимическая легенда; оттопонимическая легенда.

Территория Воронежской области начала заселяться восточными славянами довольно поздно: после XI века. Впоследствии она оказалась заселенной двумя этносами: первыми были русские, в XVI веке начали прибывать украинцы, которые тогда назывались еще черкасами. Они покидали

свои земли из-за насилия польских захватчиков. Поэтому для данной территории характерна как русская, так и украинская топонимия.

Топонимические названия могут многое рассказать о жизни наших предков. Ведь очень часто бывает, что слова, особенно зафиксированные в названиях малых топонимических объектов, сохранились только в микротопонимии, а из обычной лексики уже исчезли, их в обычном, не ономастическом, виде можно встретить (да и то не всегда) лишь в древних письменных источниках.

Именно эта категория собственных имён наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населённых пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать. Вот, например: в Верхней Хаве были когда-то улицы с «нехорошими» названиями: *Телячья* (теперь – *Луговая*), *Собачий Ящик* (теперь – *пер. Солнечный*), *Поганка* (теперь – *Дружба*).

Тем более интересен и такой своеобразный жанр фольклора, как топонимическая легенда или предание. Почти о каждом названии села, озерка, оврага, леса существуют разнообразные легенды, в которых «толкуется», каким образом и когда произошло то или иное топонимическое наименование, с каким событием или человеком оно связано (подробнее см.: 6, с. 202–233). Именно в этом и состоит системность и историзм таких толкований.

Данные, содержащиеся в таких легендах, совсем небесполезны. Ведь зачастую эти легенды связаны с конкретными людьми, реальными историческими событиями, чаще событиями регионального масштаба. Топонимические легенды отражают особый ономастический взгляд народа на географические названия (названия деревень, поселков, рек, озер, микротопонимия), то, что называется народной этимологией или народным мифотворчеством Просто данные этих легенд или преданий надо грамотно использовать и сопоставлять с данными ономастической науки. Кстати, этой проблемой занимался известный воронежский фольклорист Александр Ильич Кретов (1925–1994), есть и сборники топонимических легенд, изданные в Воронежском государственном университете (3, с. 136–144; 4, с. 120–135; 5, с. 132–147). Вот что писал университетский ученый А.И. Кретов о таком, казалось бы, не академическом жанре, как предания: «Предания – это поэтическая память народа. В преданиях по-своему выражена любовь народа к родной земле и ее прошлому, гордость и интерес к наиболее ярким личностям и событиям истории. Именно в этом появляется одна из причин живучести преданий» (2, с. 103).

В воронежских топонимических легендах отражены различные события, тесно связанные с историей. Прежде всего, это легенды, связанные с набегами тюркских «находников» на воронежские земли. Конечно же, масса легенд связана с личностью Петра Первого, деятельностью графов Орлова и Бутурлина. Еще больше преданий и легенд о том социальном неравенстве, которое угнетало крестьян в царское время, хотя многие из этих легенд связаны вообще с характером жизни и быта в прошлом.

Примеры в основном выбраны из нашего словаря (1, с. 2017). Чтобы придать элемент документальности, для легенд почти сохранена форма словарных статей, упрощена транскрипция. Мы выбрали лишь малую толику наиболее характерных и интересных легенд.

Вот некоторые названия, относящиеся к **историческому циклу**:

БОГАТЫЙ МОСТ (Бага'тый мост). Когда-то был мост через реку Хава близ села Правая Хава Верхнехавского р-на. В селе бытует такая топонимическая легенда. Ханская дочка по имени Хава сбежала со своим возлюбленным Владимиром. Они переправлялись по осеннему льду, лёд проломился, и Хава утонула в реке. Тогда её отец с горя велел привезти сундуки с приданым, приготовленные к её свадьбе, и высыпать в реку. С тех пор мост, построенный в этом месте (через него проходила дорога от Правой Хавы к Рождественской, пока не была построена тамбовская трасса), прозвали *Богатым*. Были даже люди, которые пытались найти в этом месте клад.

ВОЛОТОВ (Во'лътъф) – курган в с. Урыв Острогожского р-на. По местной легенде, здесь в старые времена были погребены великаны-богатыри – *волоты*. У В.И. Даля находим ссылку: «В *волотах сказочных*, в богатырях, сила соединяется с ростом и дородством; остатки их народ видит в костях допотопных животных» (Даль-1).

МАЙДАН (Майда'н) – холм у с. Бутырки Репьевского р-на. Здесь, у холма, жили казаки и сходились на сборы (майдан): «*А холм-тъ наш* ***Майда'н*** *завёцъ, там каза'ки жы'ли, на схот хади'ли, на збо'ришу»*.

ПЕРВАЯ КОРАБЕЛЬНАЯ ДАЧА (Пе'рвая Кърабе'льннъя да'ча) – средняя часть Шипова леса между с. Клеповка и с. Нижний Кисляй Бутурлиновского р-на. Названа так была еще в эпоху Петра I, когда дубы отсюда шли на строительство *кораблей*.

ТАЛИЦКАЯ (Та'лицкая) – ул. и часть с. Урыв-Покровка Острогожского р-на. Была расположена в топком, низменном месте, поросшем *тальником* вблизи от впадения ручья Змайла в Дон. Расселившиеся вокруг служилые люди вырубили тальник и сделали насыпь – образовалась гряда, на которой постепенно расселились мастера стругового дела. Улица *Тальницкая* со временем сменила название на *Талицкая*. Согласно легенде, здесь селились итальянские купцы – *тальяне*, отсюда и название.

ТЕЛЛЕРМАНОВСКИЙ (Телерма'новский) – лесной массив, располагающийся на территории Грибановского и частично Борисоглебского р-нов, занимает пл. около 40 тыс. га правобережья рек Хопер и Ворона у их слияния. Данный лесной комплекс очень древний. По легенде, Петр I с 1696 по 1711 г. деревья этого леса использовал на строительство флота. Так вот, якобы лес был назван в честь соратника царя Петра – некоего Тиммермана. Однако настоящее название, зафиксированное в документах второй пол. XVI в., происходит от тюркского «тиле орман» – непроходимый, бесконечный лес. В допетровскую эпоху этот лес имел еще название «Золотое дно».

ШАЙКИНА СЛОБОДА (Ша'йкина слобода') – часть с. Никольское Воробьевского р-на. Это первопоселение. В основе названия фамилия *Шайкины*, которую носили многие жители. Местная легенда объясняет название иначе: «Когда Петр Первый заготовлял лес, здесь проходила дорога, по которой везли товар купцы, и их часто грабили *шайки* поселенцев».

КОЩЁВКА – ул. в с. Богана Борисоглебского р-на. Улица застраивалась с XVIII в. и долгое время являлась окраинной улицей. Есть две версии происхождения названия. Места рядом с улицей густо заросли непроходимым кустарником, в котором живет много *котов* и *кошек*, которые издают свои громкие призывы, особенно в марте. Второе – по поверью, в заболоченных зарослях могут жить сказочные существа – *Кощей* и Баба-Яга. Официальное название – улица *На́бережная*.

МУРА (Мура') – часть с. Хреновое Бобровского р-на. Существует местная легенда: «Раньше здесь в лощине река текла. Потом она высохла, а грязь у нас и до сих пор даже в жару не просыхает. Когда-то к нам граф Орлов приезжал. Его по селу водили. И на нашей улице он запачкал грязью сапоги. Посмотрел вокруг, посмотрел на сапог и сказал: “Мура!”. Отсюда и название».

РОЗБЕЕК (Розбе'ек) – урочище на меловых холмах у реки Колыбелки близ с. Колыбелка Лискинского р-на. Согласно местной легенде, название идет от слова *разбойник* (по-местному – *розбе'ек*). Здесь, по преданию, прятались *разбойники* и крестьяне, участвовавшие в восстании Степана Разина.

РЫЖКИНА (Ры'шкина) – балка в с. Белая Горка Богучарского р-на. По местной легенде, название дано по прозвищу разбойника *Рыжки*, жившего в этих местах. Говорили, что пулей его не взять, цепью не заковать, потому что знает он заговор и заклятье против этого. А застрелить его можно золотой пуговицей, удержать – только связав веревкой, потому что от этого нет заговора. Даже нельзя наказать, если он не хочет. Были случаи, когда при всех его привязывали к кобылке, а через несколько минут он стоял около кобылки и смеялся, а палач сек кобылку, а не его. Бывало, Рыжка с большой шайкой останавливал идущие по Дону барки цепью, протянутой через весь Дон. Еще говорили, что в районе Рыжкиной балки зарыт клад и хранится он то ли в золотом шлеме, то ли в рыжей шапке, а зарыл его то ли турок по фамилии Рыжка, то ли разбойник Рыжка. У Рыжкиной балки были найдены археологические остатки периода Золотой Орды: наконечники копий.

РЕЗНИКОВО (Ризныко'вэ) – местность у хут. Гойкалово Каменского р-на. Здесь расположены луга и пастбища. По местной легенде, здесь была *резня* между местными жителями и кочевниками, возможно крымскими татарами. Однако, скорее всего, здесь же на пастбище *резали* скот, а сам *резник* жил неподалеку.

ВЫГЛЯДОВКА (Выгля'дъфкъ) – край с. Ломово Рамонского р-на. По рассказам местных жителей, здесь когда-то поселялись беглые крепостные крестьяне из соседнего села Большая Верейка, они прятались от барина и *выглядывали* на дорогу, опасаясь погони. Сейчас это пер. *Степной*.

АПРОСЬКИНЫ ПОСАДКИ (Апро'ськины Паса'тки) – лесополоса вдоль современной ул. Пушкина в г. Эртиль. Названа по имени девушки-сироты *Апроськи* (Евфросинии или Евпраксии?), повесившейся в этих посадках после того, как она была изнасилована осетинами – охранниками сахарного завода князя В.Н. Орлова.

БАТЬКИВБРОСИВКА, (Ба'тькивбро'сиўка, Ба'тькобро'сиўка) – так называемое «поселение» в с. Архиповка Россошанского р-на. По легенде, здесь кто-то «выбросил старого отца из дома».

БЕЗБОЖНОЕ (Бизбо'жнае) – так жители окрестных сел называли село Данцевка Богучарского р-на. По легенде, еще до войны (1914 г.?) сельский староста выгнал местного священника, а тот, ухо-

дя, проклял село. С тех пор, дескать, в селе неурожаи из-за частых засух, лес и поля часто страдают от пожаров.

ГРИНЁВ КУСТ (Гринёв куст) – место близ с. Мельгуновка, теперешнего с. Верхняя Плавица Верхнехавского р-на. Здесь была усадьба помещика *Гринёва*. *Куст*, по-местному – небольшая роща: «*За Мильгуновкой – Гринёв куст. Гринёв – там помещик жил, раньше ихнее поместье было. А было так: у него были собаки, каких тут не было, он выписывал из-за границы. Вот собака подохла – остались щенята, три или четыре. А у женщины был, наверно, малыш-грудец, и он заставил ее выкармливать грудью щенят*».

ИЛЬИ МУРОМЦА – так называют источник в хуторе Красный Пахарь близ с. Платава Репьевского р-на. Вода в нем очень хорошая и даже целебная. 86-летняя жительница хутора бабушка Евфросиния рассказала: когда она была маленькая, то пришла за ягодами к колодцу этого источника и увидела привязанного коня и спящего возле него богатыря. Она побежала домой и оповестила об этом родителей, но когда они пришли посмотреть, никого там уже не было. Так теперь и называют этот колодец именем богатыря.

ИСТОЧНИК КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ – источник в с. Кучугуры Нижнедевицкого р-на. С этим источником связано такое предание. В старые времена на этом месте был колодец, в котором явилась икона Казанской Божьей Матери. Рядом жил неверующий помещик по фамилии Сомов. Пришел он однажды попить воды, видит – икона стоит. Забрал он ее и поехал продавать в соседнюю Курскую губернию. Возвращается, опять идет к колодцу и видит – икона на месте. После этого Сомов уверовал в Бога, а само место стало почитаемым.

СВЯТОЙ ЯР (Свито'й Яр) – место в слободе Новохарьковка Ольховатского р-на, где в конце XIX в., перед русско-японской войной за одну ночь под землю ушел монастырь вместе с церковью. Геологи объясняют это явление карстовым характером меловых почв. На месте ушедшего под землю монастырского комплекса впоследствии забил родник (криница), дающий исцеляющую воду.

ЛИХАЧЁВ (Лихачо'в) – один из прудов в Большом логу в с. Александровка Таловского р-на. Сформирован с помощью запруды в Большом логу. Назван по семье зажиточных крестьян, которых за удачливость и трудолюбие прозвали *Лихачами*. Их хутор и земли располагались рядом с прудом. Отца семейства по прозвищу *Лихач* (*А.С. Кисурин*) и его пятерых сыновей после установления советской власти раскулачили и сослали. Однако память о них осталась в названии пруда.

ЛОГВИН (Ло'гвин) – пос. между с. Мечетка и с. Семено-Александровка Бобровского р-на. В посёлке было около 30 домов, начальная школа, но в 1968 г. начальство посчитало посёлок неперспективным, и, как результат, вместо двух улиц поселка осталась лишь пашня. Население в основном перебралось в с. Семёново-Александровку. Название поселка идёт от барина по фамилии *Логвин*, о котором старики отзывались с особой теплотой.

МАНИН РОВ (Ма'нин Роф) – овраг у пос. Курбатово Нижнедевицкого р-на. Овраг располагался на границе земель туровских крестьян с землями помещика Чекрыжова – недалеко от Курбатова. Здесь был похоронен туровский крестьянин Алексей Аборнев (уличная фамилия – *Манин*). Не выдержав тяжелой участи бедняка, он повесился.

МАДЬЯРКА (Мадя'ркъ) – школа, построенная после ВОВ пленными венграми (мадьярами) в с. Верхний Икорец Бобровского р-на. *У нас, где правле'ние стаи'т, там была' шко'лъ – **мадья'рка**. Эт пле'нныйи **мадя'ры** строили.*

МОГИЛКИ (Могы'лкы) – место в с. Красносёловка Петропавловского р-на. Название связано с событиями Великой Отечественной войны. В ходе наступательных боев Красной Армии в плен попало много солдат итальянской армии и их, как говорили, «гнали» через села и хутора, но многие пленные по дороге умирали. Хоронили их в поле, недалеко от «шляха». После войны на этом поле посадили плодовые деревья и назвали *Садок на могилках*.

НАДВОРЧИНА (Надво'рчина, Аднадво'рчина) – часть с. Шестаково Бобровского р-на. В селе был помещик, на него работали крестьяне, в другой же части села жили *однодворцы* – свободные крестьяне. От них и пошло название: «*Он рабо'таить в Гаспо'тчини, на'ша – **Аднадво'рчина**. Мой дет служыл, а раньше была **гаспотчина** и надворчина. **Надво'рчина** – э'та слабо'дный чилаве'к, а гаспо'тские были патчинённыи: шесть дней на ба'рина, а сидьмо'й – на сибе'*».

НАЗИМОВКА (Нази'мъфка) – ул. в с. Кирсановка Грибановского р-на. Во время войны 1812 г. была разорена Смоленская губерния; по царскому указу смоленским помещикам давали землю в южных губерниях, где её было очень много. Помещик *Назимов* привёз со Смоленщины крепостных и поселил их на левом берегу реки (всё остальное село находится на правом берегу реки,

и только эти крестьяне были крепостными (остальные – государственные или черносошные), отсюда и второе название Назимовки – *Барский Бок*.

НАЛОЙ (Нало'й) – часть с. Хреновое Новоусманского р-на. Названо так потому, что сюда раньше барин отправлял своих наложниц.

НЕПОЧЁТКА (Нипачо'тка, Напачо'тка) – ул. (порядок) в с. Архангельское Плясоватского с/п Верхнехавского р-на. *Непочётка, Непочётовка, Непочёт* – довольно часто встречающееся название: так, в с. Никоново Верхнехавского р-на одну из крайних улиц называют *Непочёт* (по преданию, туда ссылали непокорных сыновей, не почитавших отца и мать). Как правило, это улицы, расположенные в стороне от более «благоустроенного» центра села.

ПЕРЕБОЙ (Пирибо'й) – часть с. Покровка Павловского р-на. Ранее, до середины XX в. – отдельный хутор. По местной легенде, название связано со словом *перебить* – победить: «У нас на лугу половину брали лосевцы, из соседнего села Лосева. Приезжали – как вроде ихнее, и наша община решила их выгнать. И была здоровая драка, здоровый бой. И наши победили и выгнали их».

ШКУРНЫЙ ЛОГ (Шку'рный Лох) – овраг в с. Рубашевка Аннинского р-на. Летом 1905 г. батраки Рубашевки подняли бунт. На усмирение бунта были посланы казаки. Избиение крестьян продолжалось несколько часов, у многих с тела была содрана кожа. Лог, в котором это произошло, с тех пор получил название *Шкурный*.

Название какого-либо места по имени, фамилии или прозвищу:

АВЕРИКОВА (Аве'рикова) – меловая гора у Дона в с. Архангельское Хохольского р-на. По преданию, отразившему реальность, в давние времена здесь жил отшельник-старик (по-уличному их семью называли *Авериковы*). В меловой горе он вырубил себе жилье с русской печкой. Эта полуразрушенная «хата» была известна до Великой Отечественной войны.

АКУЛИН ЛОГ (Аку'лин Лох) – заросший овраг в с. Островки Аннинского р-на. По поводу происхождения названия существует две версии: 1 – когда-то здесь из-за несчастной любви повесилась девушка по имени *Акулина* (правда, тогда лог назывался бы *Акулинин*, хотя, возможно, что название пошло не от полного имени, а от *Акуля*); 2 – в логу растут во множестве цветы с народным названием *акулинки*; цветок этот с одиноким стеблем и, соответственно, одиночным желтым цветком, в народе он еще называется вдовьим.

АЛЁНКИНО – озеро близ г. Новохоперска. Названо, по преданию, по имени девушки Алёнки, которая наплакала целое озеро из-за того, что ее насильно хотели выдать замуж.

АНДРОСИК (Андро'сик) – озеро близ с. Костино-Отделец Терновского р-на. С ним связана такая легенда: произошло убийство, человека расчленили, голову бросили в Ермолаичев Колодец, а тело – в озеро *Андросик*. Название, видимо, идет от имени *Андро'с*. С тех пор из колодца воду не берут.

АРСЁНОВА ГОРА (Арсёнова Гара') – возвышенность. В основе названия антропоним – личное имя жителя *Арсений* в форме *Арсён*. По поводу этого названия существует такая местная легенда: «*Называют гору по имени мужчины Арсёна, который очень уж летать хотел. И вот смастерил он себе летательное приспособление, а мальчишки его выкрали. Да только поигрались и посмеялись. Тогда взял Арсён с отчаянья веники, привязал их к рукам, забрался на гору, разбежался и, как говорится, "полетел носом". Да, говорят, насмерть разбился. Вот и говорят с тех пор –* ***Арсёнова гора****»*.

АРЮШИНО (Арю'шынъ) – озеро в глубине леса у с. Верхний Икорец Бобровского р-на. Это было большое, глубокое и богатое рыбой озеро. Лес закрывает его, вода в нем стоит темная, теперь иногда называют *Черным*. Согласно преданию, в нем утонула девушка по имени Ирина (*Арина, Арюша*): «*У нас* ***Арю'шын*** *о'зир, а он тако'й знамини'тый был. А йиё зва'ли Ари'нъ, и вот ат нища'снъй любви' как бу'ттъ ана' утапи'лась вот в э'тъм о'зири. И вот по'сли э'тъвъ пашло' вот этъ назва'ния»*.

БАРЫШНИН БУГОР (Ба'рышнин Буго'р) – место в с. Грушино Верхнехавского р-на. Здесь раньше была усадьба, по преданию, принадлежавшая двум *барышням*, сестрам *Аграфене* и *Груше* (хотя это одно и то же имя!). Отсюда, якобы, и название деревни – *Грушино*.

БАРБАСОВ (Барба'съв) – пруд в слободе Азовка (г. Бобров). Этот пруд соорудил местный азовский житель Иван то ли по фамилии, то ли по кличке *Барба'с*. Он выпросил у геологов бульдозер и сам устроил плотину, потом ведрами натаскивал молодь рыбы в пруд. Когда его, больного, увозила скорая помощь, он попросил остановить машину у пруда, его вынесли, и он заплакал, увидев свой пруд в последний раз.

БЕШКЕКОВ ЯР (Бешке'ков яр) – овраг в с. Краснолипье Репьевского р-на. Получил своё название таким образом: местный тракторист Болдырев Василий Афанасьевич, по прозвищу *Бешкек*,

на тракторе пахал поле в ночную смену и уснул, трактор въехал в крутой овраг и рухнул на глубину тринадцать метров. Тракторист остался жив, а овраг с тех пор стал называться *Бешке'ков яр.*

БЛОХИНЫ (Блахины') – часть с. Скупая Потудань Нижнедевицкого р-на. По преданию, еще лет сто назад здесь жили семьи, у которых было много детей, поэтому говорили: *Детей как блох. Чириз* ***Блахины'*** *ни прайде'ш – гря'зно.* Официальное название – улица Мира.

БОБРОВА КРУЧА (Бобро'ва Кру'ча) – место на берегу реки Толучеевка в с. Красносёловка Петропавловского р-на. Местные жители объясняют это название так: в годы коллективизации в село приехал уполномоченный из района по фамилии *Бобров*. Его убили, а тело сбросили с обрыва в реку Толучеевка.

БУРЖУЕВ ПОРЯДОК (Буржу'иф Паря'дък) – ул. в с. Мечетка Бобровского р-на. Названа была совсем не потому, что там жили зажиточные крестьяне: *Там жыл Нау'мъф, и служы'л тады' гърдавы'м, дражни'ли яго'* ***Буржу'й***.

ВАРЬКИНО (Ва'рькино) – озеро в с. Абрамовка Таловского р-на. Расположено на левой стороне реки Елань. Как считают жители, название связано с именем женщины или девушки по имени *Варя*, утонувшей в озере. Это озеро возникло на старом русле р.Елань. Старожилы села рассказывают об изменении русла реки в конце XIX в. по распоряжению барыни Раевской: в результате постройки плотины и создания нового русла река стала протекать ближе к селу. С изменением русла реки связано возникновение микротопонима *Канава*.

ВАРЯШКИН (Варя'шкин) – пруд в с. Ломово Рамонского р-на. Его запрудил крестьянин *Александр Варяшкин*, поэтому некоторые жители называют пруд *Са'шкин*. *Варяшкин* – фамилия уличная, она происходит от имени бабки *Варвары* (*Варя'шки*).

ВЕРСТКИНА ГОРА (Ве'рсткина Гара') – возвышенность близ с. Новосолдатка Репьевского р-на. Названа, как полагают местные жители, по имени владельца ближайшей усадьбы, некоего *Селиверста* (*Селиверст > Селиверстка > Селиверсткин > Версткин*).

ГРИШКИН ЛОГ (Гри'шкин Лох) – овраг у с. Солдатское Острогожского р-на. По свидетельству местных жителей: "*Гришка, мужик один, тракторист, он возвращался домой ночью и упал в этот овраг вместе с трактором*".

ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ (Двена'дцать Бра'тьев) – поляна в Хоперском заповеднике. Название, по-видимому, является метафорой. Возможно, что двенадцать братьев – это двенадцать деревьев или пней на поляне. Или же, может быть, существовала какая-то легенда о двенадцати братьях, связанная с этой поляной: например, о братьях-разбойниках и т.п.

ДОЛБЕЖОВА (Дълбижо'въ) – ул. в с. Нижний Мамон Верхнемамонского р-на. Раньше в этих местах протекала р. Березовая, по берегам которой росли мощные, высокие вербы. Из них изготавливали лодки – *долбили*. Мастеров, которые этим занимались, называли *долбежами*, а улицу, на которой они жили, – *Долбежовой*. В настоящее время микротопоним часто встречается в речи местных жителей разных возрастных групп. *«На* ***Дълбижо'въй*** *у'лицъ дама' но'вые стро'ить на'чали».* Официальное название – ул. *Шевченко*.

ДОЛОМАНОВЫ КУСТЫ (Дълама'нъвы кусты') – место в с. Островки Аннинского р-на. Здесь растет старая ветла, обозначая место, где когда-то было имение *Доломановых.* Семейство Доломановых оставило по себе благую память у крестьян села. Петр Петрович Доломанов был образованным человеком, имевшим диплом ветеринарного врача, он бескорыстно, в любое время года, оказывал крестьянам помощь в лечении животных. Поэтому он стал редким помещиком, которого крестьяне не дали на растерзание большевикам, да и сами не сожгли его дом.

ЖАТИКОВА МОГИЛА (Жа'тикъва Маги'ла) – место в с. Архангельское Хохольского р-на. В лесу было такое место, куда гоняли лошадей в ночное. Здесь и был убит во время кулачного боя человек по прозвищу *Жатик*, который жил в работниках у местного зажиточного крестьянина. Поскольку он был не местный, его, по совету стариков, похоронили не на кладбище, а на месте гибели.

ЗАЙЦЕВА (За'йцыва) – ул. в с. Новотроицкое Терновского р-на. Предание трактует название так: «Рядом с улицей Завьяловка проходит *Зайцева*. Это первый, так скажем, предприниматель села. Он занимался закупкой мяса и отвозил его в Москву. У него хороший дом был построен, железом крытый. В то время у нас дома были построены и не рубленные, а из глины. Из глины делали саман. А первый рубленый дом был у этого Зайцева».

ИЛЮШИНО (Илю'шынъ) – излюбленное место купания на р. Дон у с. Красногоровка Богучарского р-на. Название связано с семьей, жившей поблизости. По преданию, мальчик по имени *Илья* был долгожданным восьмым ребенком в семье, все предыдущие семь были девочки. *Вчира' на Илю'шыно мно'го наро'ду бы'ло, асо'бенъ к ве'черу.*

КАТЬКИНА СОСНА (Ка'тькинъ Сасна') – небольшой сосновый лес у с. Троицкое Лискинского р-на. По легенде, молодую жену по имени *Катька* (Екатерина, Катерина) за что-то невзлюбили и муж, и свёкор. Сговорившись, они убили Катьку и бросили ее в ближайшем сосновом леске, который так и назывался – *Сосна*. С тех пор лес стал называться *Катькина Сосна.*

КАТЮШКИН (Катю'шкин) – пруд в с. Александровка Таловского р-на. Название сохраняет легенду о местной девушке *Екатерине*, которая была влюблена в барина. Барин соблазнил ее и обесчестил. Девушке ничего не оставалось, как утопиться в пруду, который после этого и стал называться *Катюшкин*. Местные легенды появления названия пруда дают два варианта: утопилась крестьянка *Катюшка,* или *Катюшка* утопила в пруду свою новорожденную дочь: *Была' у нас ту'та* ***Катю'шка****, в де'фкъх её ба'рин съблазни'л, а ана' з го'рю-та и утапи'лась у том пруду'. Так и празва'ли яво* ***Катю'шкиным***. Согласно другой версии: *Рабо'тали у таво' пруда' ба'бы, снапы' виза'ли, и тут Катю'шка ръдила', на по'ли. Ана' в де'фкъх была', бро'сила де'вочкю у прут и утапи'ла. Чиряз э'ту* ***Катю'шку*** *и празва'л'и прут* ***Катю'шкиным****.*

КЛАВДЮШИН (Клавдю'шын) – сад в пос. Наумовка Новохоперского р-на. Принадлежал мелкопоместному помещику Полянскому, поэтому первое название было – *Полянский* сад. Находился в конце поселка и был окружен глубокой старицей. Площадь сада составляла около 10 гектаров. По берегам старицы внутри сада росли вековые белолистые тополя и ивы (ветлы), а перед ними – заросли одичавшей мелкорослой вишни, терновника. В начале 50-х годов XX в. у входа в сад еще сохранились три тополя-великана и остатки барской усадьбы. Усадьба с 1802 г. стала принадлежать унтер-офицеру Нарвского драгунского полка Трифону Пашигареву (дворянину), т.е. отдана по указу Александра I (лист №57 Воронежского губернского дворянства, облархив). Барыня *Клавдия*, чье имя до сих пор носит сад, вероятнее всего, потомок Пашигарева. До войны, по воспоминаниям старожилов, с двух барских садов крестьяне собирали десятки центнеров яблок и груш и на подводах возили в Бутурлиновку на спиртзавод и в с. Рамонье в сушилку, на базар на ст. Абрамовка. В 1955 г. спилили последние две одичавшие яблони.

КЛАНЬКИНО (Кла'нькино) – озеро близ с. Хлебородное Аннинского р-на. Озеро, видимо, по весне заливалось рекой Курлак, поэтому было довольно глубокое. Название же пошло от имени утопшей девочки (*Клавдия > Кланя > Кланька*): *«Рика' была' огро'мныя, глубо'кыя и шыро'кыя. Уто'плъ там* ***Кла'фка****, оте'ц йиё достава'л, лет оди'нцать ей бы'ло, пла'вать наве'рнъ ни уме'ла».*

КОЛБАСИНА (Колба'сина) – поляна в Богдановском лесу Новохоперского р-на. Название, видимо, связано с фамилией местного жителя *Колбасин* по прозвищу Мороз. ***Калба'сина*** *паля'на – дет Маро'с был, паля'нъ Маро'зава в лесу', ани' каси'ли там*.

КОМОВА ГОРА (Ко'мъва Гара) – возвышенность в с. Коротояк Острогожского р-на. Местные жители объясняют название так: «Гор у нас тут много. Ага. Вот едуть и говорять: “По какой горе поедем?” – “Давай по *Комовой*”. *Комов* потому что там жил. Фамилия такая. Она сначала называлась Болтухина. Это – не фамилия, а подворье такое было. Потом эти Болтухины повымерли, стали жить Игнатьевы. И гора стала Игнатьева. Так и Комова».

КОНИКОВ (Ко'ников) – лес у с. Советское Калачеевского р-на. Согласно местной легенде, «в давние времена в Кониковом лесу водилось много лошадей». Такое объяснение названия – пример народной этимологии. Возможно, что в основе названия либо фамилия *Коников* (или *Конников*), либо прозвище *Коник*.

КОНОВАЛОВА СЛОБОДА (Кънава'лова слъбада) – часть Чепуриновки в с.Старый Курлак Аннинского р-на. Название связано с обширным родом крестьян *Коноваловых*. Родоначальник – Иван Ильич *Коновалов* (1883–1918). Он имел огромную семью – тринадцать детей.

КОШЕЛЁВ (Къшылёф) – колодец в с. Верхний Икорец Бобровского р-на. Назван по одноименному оврагу, в котором он и находится. По местной легенде, жили два брата *Кошелёвы*, они нанимались выпасать сельских овец, чаще всего в логу. А на Николов день (Никола вешний, травный – 22 мая по новому стилю) вдруг подул сильный ветер и пошел снег, овцы испугались и кинулись бежать, пастухи бросились их собирать, но упали в колодец, который был практически без высокого сруба и журавля, поскольку и использовался в основном для скота. Отсюда и название колодца, и название лога: *А есть ишшо'* ***Къшылёф*** *кало'диц, в лагу' он был, ды и щас он есть. Во'ду че'рпъли прям рука'ми – ни жура'вьц там ни стая'л, ничиво'.*

КОВТУНА (Ковтуна') – ул. в с. Дмитриевка Панинского р-на. Названа в память о человеке-легенде, уроженце Панинского р-на, Герое Советского Союза Карпе Ивановиче *Ковтуне* (1908–1936). К.И. Ковтун командовал отрядом истребителей «И-15» на Центральном фронте Испании, прикрывал Мадрид от налётов авиации противника. В воздушных боях сбил 5 самолётов противника. 13 ноября

1936 года был сбит при отражении воздушного налёта на Мадрид. Приземлился на территории франкистов. Его пытали, а затем ящик с изуродованным телом сбросили на базу эскадрильи с запиской «Подарок от Франко». Лейтенант К.И.Ковтун стал первым из уроженцев Воронежской области, кто был удостоен (посмертно) звания Героя Советского Союза.

ЛАРЬКИНА КРУЧА (Ла'рькина Кру'ча) – крутой склон оврага у с. Синие Липяги Нижнедевицкого р-на. Возле оврага, по свидетельству местных жителей, «когда-то жил мужчина по имени Ларька», там обычно брали глину для хозяйственных нужд. *Ты гли'ну-та наскрябла' пад Ла'рькинай кру'чай*? В основе названия имя *Илларион*, в народной форме – *Ларька*.

ЛОВЧИК – озеро, излюбленное место отдыха жителей г. Борисоглебска. Ловчик – это участок старого русла реки Хопер, которое соединяется с новым руслом протокой. Имеется две версии о происхождении названия этого места. Согласно первой версии, в XVII в. название этому месту дали казаки, которые ловили там рыбу, их уловы были большими и стабильными, поэтому они прозвали это место *ловчим*. Согласно второй, название Ловчик является отфамильным… В начале XVIII в. в эти места был послан землемер боярин *Ловчиков*, который измерял землю в этом районе. С его именем, возможно связано еще одно название – *Боярская дубрава*, располагающаяся на берегу Хопра.

МАРЬИН УТЁС (Ма'рьин Утёс) – обрывистый берег р. Черная Калитва у х. Назаровка Ольховатского р-на. Местные жители связывают это название с ближней слободой *Марьевка*. Однако есть более реальное мнение: «По преданиям, на берегу реки в этом месте любила отдыхать владелица дворянской усадьбы и хозяйка земель *Мария* Шеппинг».

МАШИНО (Ма'шино) – болото в с. Хреновое Бобровского р-на. Названо по имени девушки с трагической судьбой, которая здесь похоронила своего ребенка и утопилась в болоте: *гъваря'т па* ***Ма'ши*** *како'й-тъ назва'ли, а* ***Ма'шъ*** *тъ де'фкъ ничисти'въјъ была', спу'тълъсь с салда'тъм каки'мтъ, а тот и был тако'ф, жытья' не' былъ, ана' и пашла' гаримы'къ на бало'ти тапи'ца и дитё' сваё' ту'тъ пъхърани'лъ*. Но есть и другая легенда: «История возникновения этого названия ведет к эпохе Первой мировой войны. Тогда жила в Слободе слабоумная женщина (по-деревенски – дурка). И была у дурки дочка Машенька. Однажды мать с дочерью отправились купаться на лесное озеро. А вскоре дурка вернулась одна. "Где же твоя Маша?" – спросили соседи. Сумасшедшая лишь показала в сторону леса. Обеспокоенные соседи побежали к озеру и нашли труп ребенка. Так никто и не понял, сама ли девочка утонула или ее убила полоумная мать. С той поры озеро и стали называть *Машиным*. Всем детям родители строго-настрого запрещали купаться в нем. Через некоторое время озеро превратилось в болото. Сейчас из-за жары оно практически пересохло».

МИТРУЛИН КОЛОДЕЗЕК (Митру'лин Кало'дезек) – родник, находящийся между Журавкой и Верхним Мамоном в Верхнемамонском р-не. Название идет от имени водовоза *Дмитрия* Семеновича Варфоломеева (уличное прозвище – *Митруля*). Именно он в 60-е годы прошлого века расчищал и обиходил родничок в лощине.

МЯЗИН (Мя'зин) – хутор близ с. Нижний Мамон Верхнемамонского р-на. Основан неким *Мязиным*, который здесь, на р. Мамонка в конце XIX в. построил мельницу. В результате раскулачивания в нач. 1930-х годов хозяин был сослан, а хутор полностью разрушен.

МОРЯЧИХИ (Моричи'хи) – место в с. Козловка Бутурлиновского р-на. Это дома, где жили вдовы *моряков*, расстрелянных белогвардейцами.

НИНОЧКИНА ГОРКА (Нинъчкина Горка) – горка в с.Старая Тойда Аннинского р-на. Названа так потому, что на ней примерно в 1960-е гг. насмерть разбилась школьница *Нина*, съезжавшая с неё на велосипеде.

ОЛЬГИНО (О'льгино) – урочище близ рп Подгоренский. Названо якобы в честь княгини *Ольги*. По местным преданиям, там зарыт клад в виде кареты с большим количеством драгоценностей.

ОМЕЛЬКИНЫ БАХЧИ (Оме'лькины бахчи') – поле в с. Белая Горка Богучарского р-на. В основе названия имя жителя *Емельян* в украинизированной форме *Омелька*. По местной легенде, «*Был дед* ***Емеля****, посадил он здесь бахчу. Его пригласили на свадьбу, попраздновал он там три дня. Вернувшись со свадьбы на поле, не обнаружил там арбузов. А на свадьбе-то он их ел и причмокивал. С тех пор и прозвали это поле* ***Омелькины*** *бахчи»*.

ОСИН БУГОР (О'син буго'р) – возвышенное место в с. Левая Россошь Каширского р-на. Здесь, по свидетельству местных жителей, жил прапрадедушка огромной семьи Бушминых – *Осип* Бушмин.

ЧИЧИКА (Чичи'ка) – народное название улицы в с. Мазурка Поворинского р-на. Это самая дальняя улица, она ближе к соседнему селу Кардаиловка, чем к центру Мазурки. В селе рассказывают: «Раньше на этой улице жила женщина по имени Люба, а в народе её звали Чичика – за шумный,

неуемный характер, да за быструю и громкую речь. Все её передразнивали, мол, весь говор её похож на “чи-чи-чи”. Вот так и стали называть улицу, где она жила, Чичикой». Официальное название – улица *Восточная*.

Названия от географических названий или топографических объектов:

АНАПЧИК (Ана'пчик) – лесок в с. Шекаловка Россошанского р-на. Раньше в нем был сад. Назван так был во времена, когда в колхозах выдавали путевки на южные курорты. Как говорят старожилы на местном полуукраинском наречии: *«Адин мужык зъездыв в **Анапу**, а патом сказал:* “*Цей лис як **анапский***”. *Тэпэрь его **Анапчиком** зовут*».

АРШАВ (Арша'ф) – ул. в с. Моховое Аннинского р-на. Как рассказал местный житель В.С. Торопцев, своё народное название она получила так. В начале XX в. один из жителей этой улицы, Иван Калаев, попал на действительную службу в армии в Польшу, в *Варшаву* (Польша входила тогда в состав Российской империи). Вернувшись в Моховое, он открыл небольшую лавку. И при всяком возможном случае хвастался, что бывал в *Варшаве*. Его очень быстро окрестили *Варшавцем*, а улицу, где он жил, – *Варшавой*. В конце концов народ стал произносить это слово на свой лад – так и вышел *Аршаф*. Официальное название – улица *Колхозная*.

БОЛЬШАЯ ДОНЕЦКАЯ (Бальша'я Дане'цкая) – ул. в г. Лиски, расположенная по южному берегу озера Богатое. Это чуть ли не одна из первых улиц тогда еще городка Свобода (конец XIX в.). Название, возможно, связано с тем, что строители железной дороги Харьков – Балашов, которые здесь и осели, были родом из Донбасса (*Донеччины*).

БОЛЬШАЯ КРАСНАЯ (Бальша'я Кра'снъя) – старое название центральной улицы г. Павловск. Улицу так назвали потому, что начиналась она с красивых (*красных*) ворот на восточном конце. По ней проходил Казацкий шлях из Воронежа на Калитву. На юг по этой улице проходила Тифлисская дорога, по которой через город проезжали А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. В честь трехсотлетия дома Романовых улицу переименовали в Романовскую. Теперь официальное название улицы – Проспект Революции.

ГРУЗИЯ – ул. в с. Костино-Отделец Терновского р-на. Это была крайняя улица от оврага. Здесь, на *Грузии, загружали* лодки, то есть название происходило от слова *грузить*, наполнять товаром. Официальное название – улица Набережная.

КОРЕЯ (Каре'я, Корэ'я) – поле в хут. Постоялый Ольховатского р-на. Название указывает на особенность формы объекта – поле в виде узкой полоски и напоминает очертания Корейского полуострова.

КИРГИЗИЯ (Кирги'зия) – ул. в с. Ковалево Лискинского р-на. Когда-то жители этой улицы уезжали на заработки в Киргизию, но вскоре возвратились. Официальное название – улица *Школьная*.

КИТАЙ (Кита'й) – так в шутку называли жители свое село Красный Лог Воробьевского р-на. Название продиктовано тем, что в этом селе было большое число многодетных семей.

КИТАЙ (Кита'й) – другое название Песковатки, части с. Мечетка Бобровского р-на. Название шло от многодетности: *Нас у сяле' зва'ли – е'ту Пискава'тку – **Кита'й**. Де'ти па три, па чаты'ри, и фсё иду'ть, иду'ть*.

КРЫМ – часть г. Новохоперска. Названа так из-за своей удаленности и труднодоступности. Согласно другой версии, на этой территории проживали крымские татары.

КРЫМ – возвышенность в с. Островки Аннинского р-на. Расположена между двумя оврагами, напоминает полуостров, вокруг которого по весне была вода.

МАНЧЖУРИЯ, МАНЬЧЖУРИЯ (Манжу'рия, Маньжу'рия) – два места в с. Тишанка Таловского р-на. Находятся в Канищеве, части Тишанки, названы из-за отдаленности, видимо, по памяти событий Русско-Японской войны, где отметилось название Манчжурия, а также знаменитый вальс «На сопках Манчжурии». Одна тишанская Манжурия называлась *Сундуки'*, вторая – *Закорю'ковки.* Обе Манжурии были проходными для выгона скота.

МАРСЕЛЬ (Марсе'ль) – шуточное молодёжное название с. Марченковка Ольховатского р-на. Вообще-то село берет начало от хутора Марченков, который был назван по фамилии первопоселенца *Марченко*. Но современная молодёжь переиначила название села на французский лад.

МИНВОДЫ (Минво'ды) – часть с. Нижний Мамон Верхнемамонского р-на. Здесь живет одна знахарка по прозвищу *Минводы*, так как она лечит людей водой. *На'шъ лика'ркъ там нъ **Минво'дъх** и жыве'ть.* Официальное название – улица *Свободы*.

МОСКВА (Масква') – ул. в с. Богана Борисоглебского р-на. Название получила в 1938 г. Народное название объясняется особенностями застройки улицы в виде буквы П. Кто-то из сельчан был в *Москве* и заметил схожесть этой улицы с московскими. Поэтому она была так названа. А особенности

застройки объясняются тем, что она застраивалась по берегам озера *Ольха* (*Ольховая*) и протоки соединяющее это озеро с рекой Боганой. Официальное название – улица *Интернациональная.*

НАХИЧЕВАНЬ (Нахичива'нь) – ул. в р.п. Кантемировка. Названа так по поселившимся здесь в 1871 г. рабочим-азербайджанцам, выходцам из *Нахичевани*, строившим железную дорогу.

НЬЮ-ЙОРК (Нью-Йорк) – народное название места в г. Поворино. Это территория домов от пер. Строительного до ул. Локомотивной. «В то время (1950-60 гг.) в Поворино дома были одно- и двухэтажные. А тут сразу трехэтажные построили. “Как в Нью-Йорке”, – говорили мальчишки из первых жителей этих новостроек. В то время у молодежи модно было подражать Америке, слушать рок-н-ролл и одеваться на манер американских музыкантов. Поэтому и район, где мальчики жили, они стали называть “Нью-Йорком”. Так название и закрепилось среди жителей Поворино».

ПАРИЖ (Пари'ш) – место в с. Козловка Бутурлиновского р-на. Жил в том месте крестьянин Иван по прозвищу *Париж*. О происхождении его прозвища рассказал воронежский журналист Э.П. Ефремов, уроженец этого села: «Пришёл Иван с войны, рассказывал, где воевал: “А последний раз мине ранили, когда Париж брали”. Ему доказывали, что во Франции мы боевых действий не вели – бесполезно: “Я ш там самолично ваявал!” Выяснилось потом: Иван *Прагу* с *Парижем* перепутал. Впоследствии кличка перешла на округу, в которой жил Иван».

ПАРИЖ (Пари'ш) – общежитие сахарного завода в пос. Ольховатка. Ранее было два общежития и у молодёжи они назывались «Париж» и «Лондон». «Париж» было женским общежитием, а «Лондон» мужским. Поэтому парни ходили в «Париж» к девушкам. Сейчас «Лондона» уже нет, а название «Париж» так и осталось.

ПЕРЕКОП (Пирико'п) – труднопроходимая местность в с. Верхняя Тишанка Таловского р-на. Данное название повторяет аналогичное ему в Крыму, но и является местным географическим термином, обозначающим «поперечный ров или вал, запруду, плотину на реке, озерке».

ПЕРЕКОП (Пиряко'п) – заболоченная часть р. Битюг у с. Старая Тойда Аннинского р-на: *У нас тут ре'чкя нидалико' – Пиряко'п, сича'с Битю'х заву'ть.* Возможно, название пошло со времен взятия *Перекопа* через болотистый Сиваш в Гражданскую войну.

ПОЛЬША (По'льша) – улица в с. Дракино Лискинского р-на. Название местное население объясняют в двух вариантах: 1) были переселенцы из *Польши* или *Белой Руси*; 2) улица выходила на *поля*. Официальное название – улица *Чапаева*.

ПОЛЬША (По'льша) – место в с. Углянец Верхнехавского р-на. Происхождение названия точно не известно. Возможно, там жили переселенцы из *Польши*, Литвы или белорусы.

ТЕРЕК (Те'рик) – ул. в с. Пески Петропавловского р-на. Весной, во время половодья, по этой улице течет большой и бурный водный поток, напоминающий известную горную реку на Кавказе. Вода попадает даже в дома. *Ф про'шлом гаду' така'я вада' на* ***Те'рике*** *была', штъ да'жъ МЧС вызыва'ли.* Официальное название – ул. *Садовая*.

УКРАИНА (Украи'нъ) – улица и часть с. Старая Чигла Аннинского р-на. Названа так потому, что расположена на *окраине*: *«Сяли'цъ бы'лъ не'гдь, а е'та ме'ста на* ***краю'*** *была' тёплъјь, сюды' и сяли'лись»*.

ЧУКОТКА (Чуко'тка) – новый микрорайон с. Новая Усмань. Назван так не из-за отдаленности, а потому что заселялся семьями, уезжающими с Севера, в основном с Кольского полуострова и Чукотки.

ШАНХАЙ (Шанха'й) – ул. в с. Мазурка Поворинского р-на. Основали эту территорию переселенцы из-под Челябинска, сохранявшие не славянские, а азиатские черты лица. Их называли, видимо, китайцами. «Так или иначе, именно первые жители дали своей улице такое странное, китайское, название». Официальное название – улица *Садовая*.

ШВЕЙЦАРКА, ШВЕЙЦАРИЯ (Швийца'рка, Швийца'рия) – лог между улицами Авдеева и Карла Маркса, недалеко от улицы Пролетарской в г. Бобров. Сейчас этот красивый лог превращен в несанкционированную свалку.

ШИНХАИ (Шынхаи') – ул. в с. Старая Чигла Аннинского р-на. Название улицы происходит от названия далёкого китайского города *Шанхай*. Назван так потому, что: *Дома стоят очень близко друг к другу*.

ЯПОНИЯ (Йипо'ния) – название части с. Шишовка, Бобровского р-на. После русско-японской войны возвратился в село Яков Петрович Коняхин и поселился на восточной окраине села, положив начало переулку, в шутку прозванного *Японией*.

Названия, которые, на первый взгляд, кажутся случайными:

БЕЗБОЖНЫЙ ЛОГ (Бизбо'жный Лох) – заросшая лесом балка в с. Архангельское Хохольского р-на. До революции лес делился на участки для заготовки. На границе участков обычно вешали икону. А на этом участке лес не заготовляли из-за трудности вывоза, поэтому икону не вешали. Отсюда название *Безбожный*.

БОТАНИКА (Бата'ника) – ул. и часть с. Александровка Таловского р-на. Это старое название было дано улице за прекрасную ухоженность. Предположительно эта улица раньше была заселена украинцами, которые высаживали много цветов в палисадниках. *Мы так нъзыва'ли у'лицу Пя'тницкъвъ – краси'въ было' на ней, зеляно'. Мълады'ми хади'ли туды' гуля'ть, хъраво'ды вади'ть*.

ГЛУПАЯ СЛОБОДА (Глу'пая слабада') – часть с. Хлебородное Аннинского р-на. Считается, что название «характеризует» жителей как неразумных, непонятливых. Но старожилы села говорят о другом. Глупыми раньше, при больших семьях, называли детей, которые решали отделяться. Отделившиеся селились на одной улице. Отсюда и название *Глупая слобода* или *Глупая улица*. *«У миня' там три сы'на бы'ло, вот оне' на э'ту у'лицу и сили'лись-тъ. Вот* ***глу'пыя****, пътъму' штъ оддиля'лись, де'ти ж почти', ничиво' по хозя'йству ни уме'ли. Так и назва'ли и призва'ли ту улицу»*; *«Там мълады'х сели'ли, пътаму' и* ***глу'пъя****, ани ж – глу'пые».* Официальное название – улица *Набережная*.

ДВИЖОК (Движо'к) – место в с. Старый Курлак Аннинского р-на. Раньше, ещё до советского времени, здесь стояла ветряная мельница. Потом при советской власти её сломали. Построили новое здание для новой мельницы с *электрическим двигателем*, который в народе называли *движок*. Но оборудование так и не поставили. Потом и здание разломали. А местные жители до сих пор говорят: *Где встретимся? У Движка*.

ЗЕМЛЯНКА (Зимля'нкъ) – пляж на р. Битюг в с. Старая Тишанка Таловского р-на. По преданию, именно здесь в *землянках* обосновались первопоселенцы. По версии А.С. Силина, происхождение названия таково: «В начале XX века здесь рыбачил Сальников Лаврентий. Для удобства временного проживания он соорудил себе землянку, отсюда и закрепилось название данного места на реке». *Купа'цъ лу'тшъ нъ* ***Зимля'нкь***. Официальное название – *Центральный* пляж.

МОРСКАЯ (Марска'я) – ул. в с. Дмитриевка Эртильского р-на. Примерно в 1965–1968 годах Егор Антонович Грошев построил дом в некотором отдалении от центральной части села дом. Потом были построены другие дома, образовалась улица второго ряда. В народе такие улицы в селах часто называли *Зажопинками*, так и случилось. С этим Грошев никак не мог смириться. Он предложил назвать улицу *Морской*, так как сам служил в морфлоте и этим очень гордился. Постепенно улицу и стали называть Морской. И, когда (около 2002 г.) стали присваивать улицам названия, она официально стала *Морской*.

НЕ ЗЕВАЙ (Ни Зива'й) – лес у хут. Постоялый Ольховатского р-на. По местной легенде, «Однажды мимо леса ехал мужик на телеге и уснул, а в это время его обокрали». С тех пор лес так и назвали – «Не зевай».

НЕВЕСТИН КЛЮЧ (Неве'стин Ключ) – родник у с. Приречное Верхнемамонского р-на. Впадает в ручей Гнилуша. Название связывают с трагической легендой. Зимой молодожены отправились кататься в санях на тройке, но во время метели сбились с пути и лошади въехали на тонкий лед у ключа. Вода и топкое дно быстро поглотило и тройку и молодых. Но жених все-таки спасся, а невеста утонула. С тех пор родник называют *Невестиным Ключом*.

НЕЛЖИНСКИЙ ТАБОР (Не'лжынский Та'бор) – место в поле в с. Ступино Рамонского р-на. Поле расположено ближе к с.Нелжа. Здесь никогда не пахали, потому что на нем *табором* располагали технику.

НЕУМЫТКА (Неумы'тка, Нявмы'тка) – ул. в с. Гремячье Хохольского р-на. Считалось, что улицу заливает река в весеннее половодье и остается много грязи. Улица, действительно, неприглядна была и непроездна после дождей – чернозём! Но исторически это название объясняется по-другому: во времена русско-турецкой войны некоторые мужики вернулись с женами-турчанками, их-то смуглых детей и называли «нявмытками» (не умытыми). Сейчас эта улица называется *40-летия Октября.*

ОЛЬГАНКА (Альга'нка) – болото у с. Чесменка Бобровского р-на. Название никак не связано с именем *Ольга*, но тогда оно было бы *Ольгино*. Оказывается, что происходит это название от топографического термина *ольга*, что значит 'топкое болото' (Даль-2). Это название помогает разгадать тайну другого названия – *Ольховатка*. Название парадоксальное с точки зрения русского языка: если названо по *ольхе*, растущей по берегам, то причем здесь суффикс *-оват-*, означающий недостаточность.

Если ольхи мало, то ею и не назвали бы речку. Оказывается, здесь и корень и суффикс финно-угорские (возможно, мордовские), первое – это *олех* – 'болото', а второе *-оват* – 'берег'.

ПОЧТОВЫЙ (Пачто'вый) – народное название микрорайона в г. Поворино. Почтой здесь и не пахло. Этот район стали называть в 1930-е годы, когда строился элеватор, *Хлебной базой.* Другое название – *Почтовый*. Элеватор был засекречен, даже адреса ближних домов были засекречены. Всем им был дан адрес: «Почтовый ящик №…». Поэтому весь микрорайон и стали называть *Почтовый.*

СКОРОРЫБ (Скороры'п) – хутор у хут. Постоялый Ольховатского р-на. По местной легенде, «когда-то возле хутора проезжал барин, ему захотелось рыбы, а река была далеко. Он все время спрашивал: “Скоро рыба?”. Отсюда и пошло название». Возможно, что в основе названия фамилия первопоселенца или его прозвище *Скорорыб*.

ХОРОШИЙ ДУБ, ХОРОШИЙ ДУБОК (Харо'ший Дуп), (Харо'ший Дубо'к) – лес у с. Платава Репьевского р-на. В этом лесу, по легенде, был дуб, с вершины которого был виден Воронеж. Когда дуб срубили, по словам местных жителей, на его пне разворачивалась карета, запряженная тройкой лошадей.

ЧАГАДАЕВКА (Чигада'евка) – ул. в с. Перлевка Семилукского р-на. Названа, как полагают местные жители не по этимону *чагатай* (тюркское племя), а по слову *чаго'* (что, чего), которое употреблялось первопоселенцами этой улицы, видимо, донскими казаками.

ЯВЛЕННЫЙ КОЛОДЕЦ (Я'вленый Кало'дец) – известный святой источник в с. Ермоловка Лискинского р-на. По легенде, около 50 лет назад ночью на этом месте возник высокий столб, на верхушке которого висела икона Божией Матери. Нашёлся человек, который выдернул столб вместе с иконой, и её увезли на телеге как вещественное доказательство. Из образовавшейся ямы забил родник, вода из которого оказалась целебной.

Литература

1. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. В 2-х т. – Воронеж, 2017. – Т. 1. А-Л. – 412 с.; Т. 2. М–Я. – 420 с.
2. Кретов А.И. Воронежские сказки и предания // Афанасьевский сборник. Вып. 1. – Воронеж, 2005.
3. Кретов А.И. Предания о происхождении названий населенных пунктов Воронежской области // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 1996. – №1.
4. Орлова Е. Топонимические легенды Воронежской области // Край Воронежский. Вып. 2. – Воронеж, 1998.
5. Орлова Е. Топонимические предания Воронежской области // Сборник студенческих работ. – Воронеж, 1998.
6. Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. – М., 1972.

АССОЦИАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМОВ
(на материале эргонимов г. Мозырь)

Е.В. Ковалёва[1], А.В. Юденкова[2]

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина,

[1]к.ф.н., доцент; e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

[2]к.ф.н.; e-mail: sajtmzr@mail.ru

Республика Беларусь, Гомельская обл., г. Мозырь

В статье рассматриваются принципы и способы номинаций коммерческих объектов г. Мозыря, а именно анализируются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-филологов. Определено, что многие наименования содержат ряд ассоциаций, которые позволяют соотнести эргонимы с называемым объектом.

Ключевые слова: *эргоним; ассоциативный эксперимент; номинация.*

В языке фиксируются изменения в социуме, при этом эволюции в языке взаимодействуют с культурными процессами и влияют на них. Имена собственные отражают традиции материальной и духовной культуры народа. Информация о национальных особенностях, закодированная в онимах, позволяет рассматривать ономастические единицы как свернутый текст, который «состоит из нескольких логико-информационных модулей» [1, с. 6]. Она отражает различные характеристики определенных народов при изучении лингвистических ситуаций, в которых существует вероятность межкультурных отличий. Номинация ономастических единиц содержит интенции номинатора с целью

привлечения внимания к объекту, отражает существующие традиции и тенденции в ономастиконе определенного этноса. Исследование таких ономастических единиц способствует пониманию языка как средства осмысления некоторого коллективного опыта, закодированного в значениях топооснов. Онимы, находящиеся на периферии ономастического поля, представляют собой подвижные и динамичные ономастические классы. Их постоянная сменяемость свидетельствует об актуальности исследования принципов и способов номинации данных единиц в рамках современного культурологического направления в лингвистике, в котором язык рассматривается как средство фиксации культурного кода. Развитие общества способствует образованию эргонимов, новых ономастических классов.

Под эргонимом понимается название «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151]. Отметим, что эргонимы, как и все онимы, выполняют следующие основные функции: идентификационно-дифференцирующую, номинативную, денотативную, сигнификативную, а в силу своей специфики и информационную, рекламную, мемориальную, агитационную функции. В языковом пространстве современного города существует множество названий, выполняющих функцию ориентиров. Городской эргонимикон в последние годы является объектом тщательного изучения лингвистов. Данные ономастические единицы исследовались в работах М.В. Горбаневского, Ю.А. Карпенко, И.В. Крюковой, А.М. Мезенко, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.В. Тихоненко и др. Такие онимы относятся к искусственно созданным именам, для них характерна семантическая прозрачность, а также наличие мотивационных связей, так как существует связь между апеллятивом, от которого образован эргоним, и объектом.

Цель работы – выявить ассоциативные особенности названий магазинов одежды и обуви, названий объектов общественного питания белорусского города, классифицировать топоосновы данных объектов для определения специфики ономастической номинации. Материалом исследования послужили названия магазинов одежды и обуви, магазинов непродовольственных товаров, заведений общественного питания г. Мозырь (Беларусь). Для выявления ассоциативного потенциала эргонимов, номинирующих торговые и иные объекты в г. Мозырь, был проведен ассоциативный эксперимент. В данном эксперименте приняли участие студенты-филологи, которым было предложено определить свои ассоциации к названиям определенных объектов, мест, улиц и т.д. В качестве слов-стимулов были выбраны эргонимы, находящиеся на протяжении популярного в студенческой среде автобусного маршрута №16: *Number one, 55 Club, Евроопт, York Pub, Шаурма king*, кинотеатр *Мир*, салон красоты *Ромашкино*, магазин *Аметист, Сити центр, Остров чистоты*, *Дары от Зари*, *Три пескаря*, *Еврошоп, Копеечка, Мода Макс, Fix Price, Чыгуначны, Пицца Смайл, Евроспар, Mark Formelle, Тройки*, рынок *Истпал, Александрия, ЭкономЪ, Кокос, Солнце Востока, Светач*. Студентам предлагалось написать ассоциации либо указать то название объекта, которое использует респондент для данного объекта.

Название магазина *Аметист* (продукты питания), мотивированное апеллятивом *аметист* ‘полудрагоценный камень’, обозначается лексемой *подвал* (более 70%). Данное название было получено из-за своего расположения в помещении подвального типа. Наименование *Копеечка* (продукты питания) происходит от лексемы в уменьшительно-ласкательной *копеечка*, в форме *копейка* используется при идентификации объекта.

Эргоним *Александрия* (продукты питания) соотносится с онимом *Александрия*, для наименования были выявлены номинации *Алекс* (42%)*, Алекса* (31%) и *Сашка* (27%). Ономастическая единица *ЭкономЪ* (магазин продовольственных и непродовольственных товаров) соотносится с лексемой *экономить*, указывающей на ценовую политику объекта. Название также содержит символ *Ъ* ‘ерь или твёрдый знак’, использующийся в графическом оформлении онима. У 87% опрошенных данное наименование используется в форме *Эко.* Ономастическая единица *Евроопт* (гипермаркет) среди всех опрошенных получила название *еврик*. Эргоним *Еврошоп* у большинства респондентов именуется *два сорок*, так как товары в данном магазине имеют одинаковую стоимость: два рубля сорок копеек. Эргоним *Ромашкино* (салон красоты) получил более упрощенное название *Ромашка*, соотносящееся с апеллятивом *ромашка.* Название магазина *Чыгуначны* (рус. железнодорожный) (продукты питания) имеет более короткое название *чыгунка* (рус. железная дорога). Противоположная тенденция зафиксирована в эргониме *Кокос* (кафе), который именуется *кокосиком* (76%), при этом название имеет отантропонимическое происхождение.

Эргоним *Светач* (книжный магазин) обозначается респондентами как *Книжный* либо *Книжный на площади* (по местоположению на центральной площади города – площади Ленина). Вероятно, лексема *светоч* не является понятной опрошенной группе, поэтому не используется при номинации

объекта. Название кинотеатра *Мир* используется в форме *Мир* без номенклатурного термина, а также в уменьшительно-ласкательной форме *киношка.* Наименование рынка *Истпал* (оним образован путем сложения фразы *East Palessje* 'Восточное Полесье') из-за своего близкого расположения с торговым центром *Малининский* именуется как рынок *Малининский* по одноименному названию торгового центра. Оним *Тройки* (кафе) является единичным наименованием, который в большинстве случаев сохранил свою исходную форму и используется в варианте *Тройка*.

Исследуемые двухкомпонентные названия в процессе своего функционирования воспринимаются в усеченном варианте. Наименование магазина *Остров чистоты* (бытовая химия) имеет достаточно разнообразные варианты номинации: *остров* (24%), *островок* (13%), *чистюля* (10%), *чистота* (8,5%). Эргоним *Мода Макс* (магазин бывшей в употреблении одежды) респонденты обозначили как магазин *секонд хэнд*, что указывает на его уникальность для опрошенных, поэтому лексема *секонд хэнд* не вызывает уточнений. Ономастическая единица *Дары от Зари* (фирменный магазин агрокомплекса) происходит от лексемы *дары* 'результат труда, подарок' и эргонима *Заря* (агрокомплекс), но данная громоздкая конструкция получает более короткие названия: *Дары* либо *Заря*.

Наименование кафе *Три пескаря* связано с названием литературного произведения «Золотой ключик» А. Толстого, но не исключено и происхождение названия по расположению данного объекта на реке Припять либо от апеллятива *пескарь* 'небольшая речная рыба'. Название кафе *Три пескаря* у большинства опрошенных имеет одинаковые номинации: *корабль*, так как находится на воде и внешне похож на корабль и *караси.*

В названиях объектов общественного питания г. Мозыря также зафиксированы изменения при функционировании в повседневных ситуациях. Эргоним *York Pub* происходит от ойконима *York* и лексемы *pub* 'заведение, в котором продаются алкогольные напитки'. Наименование пиццерии *Pizza Smile* мотивировано апеллятивами *pizza* и *smile* 'улыбка' Респондентами для данного названия были предложены номинации *зебра,* так как нынешняя пиццерия располагается на месте бывшего кафе *Зебра*, а также вариант *соседи,* так как располагается вблизи торгового центра *Соседи*. Оним *York Pub* у всех опрошенных имеет название *York* без использования номенклатурного термина. Эргоним *Сити Центр* (развлекательный комплекс) имеет усеченное название *Сити*, при этом номенклатурный термин *центр* также не используется.

Эргоним *Number One* (ночной клуб) все участники эксперимента обозначили как *намбик*. Название магазина одежды для всей семьи *Солнце Востока* среди половины опрошенных получил название *Туркменский магазин* (так как владельцами являются жители Туркменистана), а также *подвал,* так как одна из частей магазина находится в подвальном помещении.

Ономастическая единица *Fix Price* у трети опрошенных имеет название *фиксик*, при этом большая часть опрошенных не изменяет название и использует полное название *Fix Price* при номинации. Наименование *Шаурма King* (кафе), образованное от лексем *шаурма* и *king* 'король', получило два наименования *шаверма* и *шавуха.* Название *Mark Formelle* (магазин одежды) у всех опрошенных называется вторым компонентом *Formelle*, что свидетельствует об экономии языковых средств участниками эксперимента.

В рамках опроса были выявлены также изменения в использовании годонимов и ойкодомонимов. Так, площадь *Примостовая*, которая находится у автомобильного моста и является главным транспортным узлом, преимущественно называется *прима,* зафиксированы также лексемы *мост, примост, мостик, передвижная, автобусная, разъездная.* Маршрут автобуса *№16* среди опрошенных очень популярен, поэтому абсолютно все респонденты обозначили его как *шеснарик* либо *автик* (под *автиком* подразумевается также автобус №16). Название стадиона *Юность* у половины опрошенных имеет название *старик,* вторая половина отдает предпочтение называть данный стадион без номенклатурного компонента – *Юность*. Бульвар *Юности* именуется среди опрошенных ономастической единицей *Бродвей* – по аналогии общеизвестным проспектом в Нью-Йорке. Улица Ленина, на которой расположено большое количество банков, за именуется *банковская улица*, а также *местный Уолл Стрит* – по ассоциации с известной улицей в Нью Йорке, центром банковского мира. Название *микрорайон Молодежный* среди опрошенных используется без лексемы *микрорайон* и обозначается как *Молодежка.* Популярные среди респондентов объекты, как общежитие и университет, имеют одинаковые номинативные ассоциации: университет именуется *уник* и *универ,* а общежитие – *общага, общажка*. Двенадцатиэтажное общежитие из-за своего цвета получило название *красное общежитие,* а из-за количества этажей называется *двенадцатиэтажкой.* Пятиэтажное общежитие имеет тот же принцип номинации, что и предыдущий объект: *пятиэтажка*, а также именуется лексемой *пятихатка*.

Результаты эксперимента показали, что единичные объекты среди опрошенных не имеют изменений в номинации. Многие объекты, которые были даны для выявления ассоциаций, имеют в большинстве своем одинаковые названия среди большей части опрошенных. Выбор одинаковых реакций в ответах респондентов, вероятно, обусловлен тем, что данные эргонимы хорошо знакомы респондентам и находят ассоциативный отклик. Данные слова-стимулы обладают устойчивым ассоциативным потенциалом, позволяющим использовать их в качестве названий различных городских объектов. Исследуемые эргонимы г. Мозыря являются преимущественно отапеллятивными наименованиями, данные ономастические единицы отражают непосредственную связь эргонима со сферой деятельности объекта. В процессе своего функционирования в данной группе эргонимов частотны лексемы, указывающие на различные характеристики объекта, что способствует формированию положительного образа для потребителя. Ассоциации, которые вызывают данные ономастические единицы, отражают культурные реалии, входящие в набор знаний и жизненного опыта носителей языка. У носителей языка эргонимы как продукт вторичной номинации обладают набором определенных ассоциаций, которые облегчают восприятие объекта номинации в языковом пространстве современного города.

Литература

1. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дисс. … д. филол. наук. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1994. – 39 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 199 с.
3. Mlife. Портал города Мозыря. – Мозырь, 2020. – Режим доступа: https: //mlife.by (дата обращения: 01.02.2021).

АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД В УРБАНОНИМИКОНЕ БОЛЬШОГО ДОНБАССА
(на материале годонимов г. Харцызска ДНР и г. Миллерово РФ)

Е.В. Ладнова
Донецкий национальный университет,
аспирант; e-mail: ciolkovskaja@gmail.com
ДНР, г. Донецк

Статья посвящена анализу специфики реализации антропоморфного культурного кода в урбанониконе Большого Донбасса на материале годонимов г. Харцызска (ДНР) и г. Миллерово (РФ). Определены лексико-семантические и структурные особенности данного типа имён собственных.
Ключевые слова: *урбаноним; годоним; культурный код; Донбасс.*

Наименования городских объектов – это часть культурного пространства города. В них отражаются социальные, экономические и культурные характеристики региона, его исторический путь, идеология государства в целом.

В словаре Н.В. Подольской дается следующее определение урбанонима: «Вид топонима. Собств. имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [7, с. 154]. Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун акцентируют внимание на адресной функции урбанонимов. К ядру урбанонимического поля, исходя из этого признака, относятся «названия, указывающие на объекты, которые содержат на своей территории отдельные строения с номерами» [4, с. 116]. Таким образом, ядерными урбанонимами являются годонимы и агоронимы. Под годонимами мы понимаем названия адресных линейных объектов, т.е. улиц, переулков, бульваров, проспектов, проездов и т.п. (см. обзор в [9]).

Годонимы любого населённого пункта являются сложной и многогранной системой, на которую сильное влияние оказывают экстралингвальные факторы. В рамках лингвокультурологического подхода годонимы рассматриваются в неотрывной связи с культурой. Под последней мы будем понимать «исторически сложившийся уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации и жизни людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [8, с. 128]. Культурные коды – это символы или системы символов, релевантные в рамках конкретной культуры. В.В. Красных отмечает, что «код культуры есть “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [3, с. 297].

Согласно А.М. Мезенко, в урбанонимии славянских народов реализуются следующие культурные коды: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, фаунический, эмоционально-характерологический, цветовой и темпоральный [5].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить специфику реализации антропоморфного кода культуры в годонимиконе Большого Донбасса. Объект исследования – годонимикон г. Харцызска и г. Миллерово как составная часть топонимического пространства Большого Донбасса. Предметом исследования являются лингвокультурологические параметры наименований адресных линейных объектов, которые направлены на реализацию антропоморфного культурного кода. Основной метод исследования – описательный. Аспект анализа – синхронный. Анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы названий.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований линейных адресных объектов г. Харцызска и г. Миллерово. При формировании картотеки фактического материала также принимались во внимание карты названных населённых пунктов. Авторская картотека включает 231 годоним, представленный на территории г. Харцызска ДНР, и 333 годонима, реализованных в г. Миллерово РФ.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, антропоморфный культурный код является наиболее распространённым среди наименований линейных адресных объектов рассматриваемых населённых пунктов. Так, антропоморфный код культуры объективируется в 168 годонимах г. Харцызска, что составляет 72,7 % от общего числа годонимов города, и в 175 годонимах г. Миллерово, что составляет, что составляет 52,6%.

М.В. Горбаневский выделил три способа образования урбанонимов, которые представляют собой характерные ономастические универсалии [1]. Таким образом, годонимы, реализующие антропоморфный культурный код, также образуются по одному из этих путей:

1. Онимизация апеллятива – ул. *Добровольцев* (г. Миллерово), пер. *Студенческий* (г. Миллерово), пер. *Молодёжный* (г. Харцызск), ул. *Пролетарская* (г. Харцызск) и т.д.

2. Трансонимизация имён собственных – ул. *Суворова* (г. Миллерово), ул. *Степана Разина* (г. Миллерово), пер. *Станиславского* (г. Харцызск), ул. *Фучика* (г. Харцызск) и т. д.

3. Смешанная модель – ул. *Лейтенанта Матроса* (г. Миллерово), ул. *Лейтенанта Шмидта* (г. Миллерово), ул. *Героев Сталинграда* (г. Харцызск) и т. д.

Наиболее продуктивным является второй способ образования годонимов. Как отмечает М.В. Горбаневский, «урбанонимия – в данном случае не исключение из общего правила для наименований рукотворных географических объектов, в которых имена, фамилии, прозвища людей представляют до 2/3 мотивирующих основ» [1, с. 101].

Как показывает анализ собранного нами материала, антропоморфный культурный код объективируется в годонимах, образованных по следующим структурно-морфологическим моделям:

1. Многокомпонентные годонимы:

1.1. Развёрнутая мемориальная генитивная субстантивная модель: ул. *Александра Цыганкова*, ул. *Алексея Кармазева*, ул. *Андрея Рулева*, ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Виктора Денежкина*, ул. *Владимира Колесникова*, ул. *Георгия Димитров* и др. (г. Миллерово); ул. *Андрея Чумака*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Клары Цеткин*, ул. *Леси Украинки*, ул. *Олега Кошевого*, ул. *Остапа Вишни* и др. (г. Харцызск).

1.2. Модель «Существительное в Р. п. мн. числа + существительное в Р. п. мн. числа»: ул. *Героев-освободителей* (г. Миллерово), ул. *Воинов-Интернационалистов* (г. Харцызск) и др.

1.3. Модель «Существительное в Р. п. мн. числа + существительное в Р. п. ед. числа»: ул. *Защитников Отечества* (г. Миллерово), ул. *Героев Сталинграда* (г. Харцызск) и др.

1.4. Адъективно-субстантивная номинальная модель: ул. *Казачий разъезд* (г. Харцызск).

2. Однокомпонентные годонимы:

2.1. Субстантивная мемориальная генитивная модель: ул. *Айвазовского*, ул. *Артема*, ул. *Бажоры*, ул. *Жукова*, ул. *Макарова*, пер. *Фадеева*, туп. *Чайковского* и др. (г. Миллерово); ул. *Адамца*, пер. *Бирюзова*, ул. *Горького*, ул. *Крылова*, пер. *Куприна*, пер. *Мануильского*, б-р *Шевченко* и др. (г. Харцызск).

2.2. Субстантивная генитивная модель: пер. *Авиаторов*, ул. *Декабристов*, ул. *Добровольцев*, ул. *Машиностроителей*, ул. *Победителей*, ул. *Танкистов* и др. (г. Миллерово); ул. *Ветеранов*, ул. *Космонавтов*, мкрн. *Металлургов*, ул. *Челюскинцев* и др. (г. Харцызск).

2.3. Адъективная модель: 1) с суффиксами *-ск-, -овск-*: пер. *Гоголевский*, пер. *Депутатский*, ул. *Комитетская*, ул. *Комсомольская* и др. (г. Миллерово); ул. *Гвардейская*, пер. *Пионерский*,

ул. *Пролетарская*, пер. *Спартаковский* и др. (г. Харцызск); **2) с суффиксом -*н*-:** пер. *Молодёжный*, ул. *Профсоюзная*, ул. *Семейная* и др. (г. Миллерово); пер. *Интернациональный*, пер. *Молодёжный* и др. (г. Харцызск).

Наиболее распространённой в обоих городах является однокомпонентная субстантивная мемориальная генитивная модель. Так, в системе годонимов г. Харцызска насчитывается 134 единицы такого типа, что составляет 79,8% от всех годонимов, реализующих антропоморфный код. В то время как в годонимиконе г. Миллерово этот процент немного ниже – 60,6% (106 единиц). Мемориальные годонимы, как правило, возникают вследствие искусственной номинации и нередко реализуют также и социально-идеологический код, увековечивая имена людей, важных для конкретной исторической эпохи. Как отмечает американский исследователь Дерек Альдерман, «мемориальные названия улиц – это важный инструмент для переноса прошлого в настоящее, помогающий вплетать историю в географическую ткань повседневной жизни» [12, с. 179]. Таким образом, названия улиц формируют и символическое пространство города.

Годонимы, образованные по мемориальной генитивной модели, в рассматриваемых населённых пунктах, как свидетельствует анализ, соотносятся с антропонимами следующих групп:

1. Названия, данные в честь революционеров и государственных деятелей СССР и других социалистических стран: ул. *Артема*, ул. *Бабушкина*, ул. *Войкова*, ул. *Володарского*, ул. *Георгия Димитрова*, ул. *Куйбышева*, ул. *Лейтенанта Шмидта*, ул. *Ленина* и др. (г. Миллерово); ул. *Баумана*, ул. *Воровского*, ул. *Дзержинского*, ул. *Егорова*, ул. *Зубкова*, ул. *Калинина*, ул. *Кирова*, ул. *Клары Цеткин* и др. (г. Харцызск).

2. Названия, данные в честь участников исторических восстаний: ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Спартака*, ул. *Степана Разина* и др. (г. Миллерово); ул. *Калиновского*, ул. *Пугачева* и др. (г. Харцызск).

3. Названия, данные в честь участников войн:

а) российских военнослужащих, погибших во время чеченских войн: ул. *Александра Цыганкова*, ул. *Алексея Кармазева*, ул. *Олега Панченко,* ул. *Сергея Ильгова* (г. Миллерово);

б) героев Великой Отечественной войны: ул. *Андрея Рулева*, ул. *Бажоры*, ул. *Байдукова*, ул. *Ватутина*, ул. *Владимира Колесникова*, ул. *Ворошилова*, ул. *Гаврилова*, ул. *Гастелло*, ул. *Еременко*, ул. *Жукова*, ул. *Захарова*, ул. *Конева*, ул. *Космодемьянской*, ул. *Максима Склярова*, ул. *Петра Пахомова*, ул. *Петра Самохина*, ул. *Рокоссовского*, ул. *Семена Лиховидова*, ул. *Федора Москаленко* и др. (г. Миллерово); ул. *Адамца*, ул. *Алехновича*, ул. *Бирюзова*, ул. *Буденного*, ул. *Ватутина*, ул. *Ворошилова*, ул. *Гастелло*, ул. *Доватора*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Лихолетова*, ул. *Максименко*, ул. *Матросова*, пер. *Николенко*, ул. *Олега Кошевого*, пер. *Панфилова*, пер. *Толбухина*, ул. *Чекалина*, ул. *Шалимова* и др. (г. Харцызск);

в) участников Гражданской войны: ул. *Блюхера*, ул. *Буденного*, ул. *Думенко*, ул. *Котовского*, ул. *Кривошлыкова* и др. (г. Миллерово); пер. *Пархоменко*, б-р *Полупанова*, ул. *Сергея Лазо*, ул. *Тухачевского*, ул. *Фрунзе*, ул. *Чапаева*, ул. *Щорса* и др. (г. Харцызск);

г) военных дореволюционного периода: ул. *Нахимова* (г. Миллерово); ул. *Кутузова*, ул. *Нахимова*, ул. *Суворова* (г. Харцызск).

4. Названия, данные в честь космонавтов: ул. *Комарова* (г. Миллерово); ул. *Гагарина*, пер. *Терешковой*, ул. *Титова* (г. Харцызск).

5. Названия, данные в честь учёных, инженеров, рационализаторов, врачей: ул. *Ломоносова*, ул. *Макарова*, ул. *Менделеева*, ул. *Мичурина*, ул. *Павлова*, ул. *Седова*, пер. *Семашко*, ул. *Тимирязева*, ул. *Ушакова* (г. Миллерово); ул. *Гапоненко*, ул. *Докучаева*, ул. *Карбышева*, ул. *Кондратьева*, ул. *Королева*, ул. *Курчатова*, ул. *Мечникова*, ул. *Мичурина*, пер. *Павлова*, ул. *Патона*, ул. *Семашко*, пер. *Сеченова*, ул. *Тимирязева* (г. Харцызск).

6. Названия, данные в честь юристов: пер. *Кони* (г. Харцызск).

7. Названия, данные в честь сотрудников полиции, погибших при исполнении служебных обязанностей: ул. *Виктора Денежкина*, ул. *Эдуарда Толстых* (г. Миллерово).

8. Названия, данные в честь художников: ул. *Васнецова*, ул. *Левитана*, ул. *Репина*, ул. *Шишкина* (г. Миллерово); ул. *Левитана*, пер. *Репина* (г. Харцызск).

9. Названия, данные в честь театральных деятелей: ул. *Саксаганского*, пер. *Станиславского* (г. Харцызск).

10. Названия, данные в честь писателей и литературных критиков: ул. *Белинского*, ул. *Грибоедова*, ул. *Державина*, ул. *Есенина*, ул. *Жуковского*, ул. *Короленко*, ул. *Крылова*, ул. *Льва Толстого*, ул. *Максима Горького*, ул. *Тренева*, ул. *Тургенева*, ул. *Фадеева*, ул. *Шолохова* и др.

(г. Миллерово); ул. *Гайдара*, пер. *Гоголя*, ул. *Гулака-Артемовского*, ул. *Добролюбова*, пер. *Жуковского*, ул. *Короленко*, ул. *Крылова*, ул. *Куприна*, ул. *Лермонтова*, пер. *Леси Украинки*, ул. *Маяковского*, ул. *Мицкевича*, ул. *Остапа Вишни*, пер. *Сосюры*, ул. *Толстого*, пер. *Тургенева*, б-р *Шевченко*, ул. *Шота Руставели* и др. (г. Харцызск).

11. Названия, данные в честь литературных персонажей: ул. *Корчагина* (г. Харцызск).

12. Названия, данные в честь композиторов, певцов и музыкантов: тупик *Чайковского* (г. Миллерово); ул. *Глинки*, ул. *Даргомыжского*, пер. *Лысенко*, ул. *Огинского*, пер. *Паторжинского*, пер. *Рахманинова*, ул. *Чайковского* (г. Харцызск).

13. Названия, данные в честь философов: пер. *Герцена*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Фридриха Энгельса* (г. Миллерово); ул. *Герцена*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Энгельса* (г. Харцызск).

14. Названия, данные в честь педагогов: ул. *Крупской*, пер. *Макаренко*, ул. *Ушинского* (г. Миллерово); ул. *Крупской*, ул. *Макаренко* (г. Харцызск).

В редких случаях отантропонимные годонимы образуются по адъективной модели (как правило, с суффиксом ***-ск-***): например, пер. *Гоголевский* (г. Миллерово), пер. *Спартаковский*, ул. *Мичуринская* (г. Харцызск).

В отантропонимных годонимах отражаются история и культура как страны целом, так и города в частности. Значительный пласт названий линейных объектов – это годонимы, мотивированные именами героев Великой Отечественной войны, которая занимает важное место в коллективной памяти народов постсоветского пространства (ср. [10, с. 131]). Ряд онимов отсылает к именам людей, связанных с локальной историей. Например, ул. *Бажоры* в г. Миллерово соотносится с именем Федора Максимовича Бажоры, Героя Советского Союза, прожившего последние годы своей жизни в г. Миллерово. Имена людей, так или иначе связанных с этим городом, запечатлены в таких годонимах, как ул. *Александра Цыганкова*, ул. *Алексея Кармазева*, ул. *Андрея Рулева*, ул. *Николая Водолазкина*, ул. *Олега Панченко*, ул. *Павла Маркуцы*, ул. *Сергея Ильгова* и т.д. Стоит обратить внимание на тот факт, что годонимы г. Миллерово отражают не только дореволюционную и советскую эпоху, но и исторические события последних десятилетий. Так, в городском пространстве этого населённого пункта есть ряд наименований в честь погибших во время чеченских войн солдат и офицеров, сотрудников полиции, которые погибли, спасая мирных граждан. Например, ул. *Алексея Кармазева* соотносится с именем уроженца г. Миллерово, пограничника, героически погибшего во время нападения боевиков на Назрань в Ингушетии. В годонимиконе г. Харцызска в большей степени отражена история советского периода. Ул. *Шалимова*, ул. *Максименко*, ул. *Кондратьева*, ул. *Ткачука* и др. названы в честь почётных граждан города. Например, В. И. Максименко, в честь которого названа улица города, в 1942–1943 гг. сражался в небе над Харцызском и участвовал в освобождении Донбасса.

Ул. *Корчагина* в г. Харцызске названа по имени литературного персонажа, что встречается довольно редко. Как известно, Павел Корчагин – это главный герой романа Николая Островского «Как закалялась сталь», ставший идеалом для подражания для советской молодёжи. Следует отметить, что ул. *Корчагина* представлена также в системе годонимов таких населённых пунктов ДНР, как г. Макеевка, г. Снежное, г. Торез, с. Краснополье, а название ул. *Павла Корчагина* встречается в годонимиконах г. Донецка ДНР и г. Горловки ДНР.

Интерес представляют годонимы, образованные от имён деятелей науки и культуры. Эти наименования носят интернациональный характер. Например, в г. Харцызске улицы названы в честь писателей и публицистов различного происхождения: русского (пер. *Жуковского*, ул. *Островского*, ул. *Толстого*, пер. *Тургенева* и др.), украинского (ул. *Гулака-Артемовского*, пер. *Леси Украинки*, ул. *Остапа Вишни*, б-р *Шевченко* и др.), польского (ул. *Мицкевича*), чешского (ул. *Фучика*), грузинского (ул. *Шота Руставели*).

Как в г. Миллерово, так и в г. Харцызске большой пласт годонимов отсылает к именам революционеров, государственных деятелей советского периода, участников Гражданской войны, предводителей исторических восстаний. Так, и в обоих населённых пунктах есть ул. *Артёма*, ул. *Бабушкина*, ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Дзержинского*, ул. *Орджоникидзе* и т.д. Это демонстрирует важность этих личностей в контексте истории и идеологии советского государства.

Среди отапеллятивных годонимов, реализующих антропоморфный код, значительное место занимают наименования, восходящие к номинации лиц по профессии и различным сферам занятости. В урбанонимическом пространстве встречаем такие названия: ул. *Авиаторов*, ул. *Машиностроителей*, *Милицейская* ул., ул. *Строителей*, ул. *Танкистов*, ул. *Энергетиков* и др. в г. Миллерово;

ул. *Космонавтов*, мкрн. *Металлургов*, ул. *Шахтерская*, пер. *Энергетический* и др. в г. Харцызске. Как правило, в годонимиконе городов Большого Донбасса зафиксированы названия рабочих профессий, что в некоторой степени отражает структуру экономики региона и его историческое развитие (ср. [10, с. 130–131]).

Часть отапеллятивных годонимов связана с коллективной памятью о Великой Отечественной войне: ул. *Героев-освободителей*, ул. *Защитников Отечества*, ул. *Квартал 70 лет Победы*, *Красноармейская* ул., ул. *Орденоносцев*, *Партизанская* ул., ул. *Победителей* в г. Миллерово; ул. *Ветеранов*, ул. *Гвардейская*, ул. *Героев Сталинграда*, *Красноармейский* пер. в г. Харцызске. В годонимиконе г. Харцызска также представлена ул. *Воинов-Интернационалистов* (ср. [10]).

В некоторых отапеллятивных наименованиях антропоморфный код также тесно переплетен с социально-идеологическим. Как правило, эти годонимы отражают идеалы и ценности советской эпохи. Например: пер. *Депутатский*, ул. *Комитетская*, ул. *Комсомольская*, ул. *Красногвардейская*, ул. *Пионерская*, ул. *Пролетарская* (г. Миллерово); ул. *Комсомольская*, пер. *Красногвардейский*, ул. *Осоавахимовская*, пер. *Пионерский*, ул. *Пролетарская*, пер. *Рабочий* (г. Харцызск). При этом «антропоморфный код в адъективных годонимах реализуется косвенно через структурно-семантическую соотнесённость относительного прилагательного с соответствующим именем существительным» [10, с. 131]. Следует отметить, что некоторые из объединений людей, зафиксированных в годонимах этого типа, практически прекратили своё существование (ср. название ул. *Декабристов*, представленное в системе годонимов как г. Харцызска, так и г. Миллерово). Ср. также, например, пер. *Декабристов* (г. Торез ДНР), ул. *Декабристов* (г. Донецк ДНР), ул. *Декабристов* (г. Макеевка ДНР), ул. *Декабристов* (г. Горловка ДНР), ул. *Декабристов* (г. Шахтёрск ДНР), ул. *Декабристов* (г. Енакиево ДНР), ул. *Декабристов* (г. Снежное ДНР). Закреплённость в годонимиконе названия ул. *Декабристов* (пер. *Декабристов* и под.) подчёркивает большую роль движения революционеров-демократов дворянского происхождения в истории России, а также его значимость в советской идеологии.

Можно выделить также ряд годонимов, образованных от названий групп по возрасту: пер. *Молодёжный*, пер. *Студенческий* в г. Миллерово, пер. *Молодёжный* в г. Харцызске. В г. Миллерово находим наименование, восходящее к названию группы людей (ул. *Семейная*) и, помимо антопоморфного культурного кода, также объективирующее эмоционально-характерологический и социально-идеологический коды культуры.

Таким образом, антропоморфный культурный код реализуется в различных по структурным и семантическим характеристикам годонимах. В структурном отношении наиболее продуктивной является субстантивная мемориальная генитивная модель. В годонимиконе Большого Донбасса отражаются разные культурные и экономические характеристики региона. Так, большую роль в системе названий линейных объектов играет коллективная память о Великой Отечественной войне, что отразилось в отантропонимных и отапеллятивных годонимах.

Литература

1. Горбаневский Н.М. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. – М.: Общество любителей российской словесности, 1996. – 304 с.

2. Егорова Л.В. Опыт сопоставительного исследования годонимиконов двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): дисс. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2018. – 184 с.

3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.

4. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №2. – С. 115–125.

5. Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – №2. – Ч. 1. – С. 388–393.

6. Никитина Т.Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. №2. – С. 180–193.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

8. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Неподкупный. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 254 с.

9. Ярошенко Н.А., Чабан У.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – №3–4. – С. 59–66.

10. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапеллятивных годонимов г. Донецка) // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука,

инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.

11. Ярошенко Н.А, Дмитрова Е.А. Растительный код в годонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) // Актуальные проблемы изучения славянских языков: сб. научн. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 6. –С. 65–71.

12. Alderman H. D. Street-Names As Memorial Arenas: The Reputational Politics Of Commemorating Martin Luther King Jr In A Georgia Country // Critical Toponymies: the contested politics of place naming. – Routledge, 2009. – P. 179–199.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОТРАЖЕНИЯ В МИКРОТОПОНИМАХ ИСТОРИИ КРАЯ

Н.А. Максимчук
Смоленский государственный университет
д.ф.н., профессор; e-mail: nmaximchuk@yandex.ru
Россия, г. Смоленск

В статье на конкретном региональном материале рассматриваются особенности отражения в микротопонимах края его истории. Выделяются принципы классификации исторических микротопонимов с точки зрения типа передаваемой информации, способов её выражения и извлечения. Оценивается степень устойчивости содержания микротопонимов.

Ключевые слова: *ономастика; топонимика; микротопонимы; историческая информация; ассоциативно-культурный фон.*

Внимание к микротопонимам – одна из характерных черт современной отечественной ономастики, что объясняется причинами двоякого характера. С одной стороны, топонимы – одна из наиболее многочисленных и разнообразных групп собственных имён. Осознание же имени собственного как носителя многоплановой языковой и внеязыковой информации побуждает посмотреть с этих позиций на каждое имя. С другой стороны, активизация краеведческих исследований, поиски собственных корней и истоков, усиление интереса к истории и культуре малой родины как своего рода ответная реакция на заметную агрессивность современных общеглобалистских процессов вызывает потребность в детальном изучении своеобразия края, которое не может считаться хотя бы относительно полным без разностороннего описания его микротопонимии. При этом масштабная и массовая работа по выявлению, сбору, фиксации микротопонимического материала, обладающая самостоятельной ценностью, формирует почву и для более детального теоретического осмысления особенностей данного разряда имён собственных.

Так, объём и характер зафиксированной микротопонимической лексики приводит к выводу, что статус микротопонимов в структуре ономастической лексики не укладывается в традиционную дихотомию ономастического пространства *ядро – периферия*. С одной стороны, ограниченность распространения и употребления микротопонимов служит признаком периферийности онимов данного разряда, вытекающей из территориальной периферийности ареала их бытования, на фоне общенационального топонимического пространства. Однако в структуре ономастического пространства регионального уровня микротопонимы могут претендовать на место в его ядерной части, что обусловливается как их языковыми характеристиками, так и историко-культурным содержанием, в совокупности отражающими весьма значительный компонент культурно специфической характеристики территории существования данных ономастических единиц.

Одним из наиболее важных вопросов при исследовании микротопонимии является вопрос об их реальной лингвокультурной ценности, способах её отражения и извлечения, степени устойчивости.

Микротопонимы как разновидность онимов обладают всеми свойствами, присущими имени собственному как культурному знаку. При этом отражение географических, исторических, культурных, этнографических и других особенностей края бытования данных единиц могут иметь как общие свойства, формируемые характеристиками разряда, так и индивидуальные, определяемые спецификой ареала описания. Сочетание этих свойств обусловливает высокую лингвокультурную ценность микротопонимов, выявление и описание которой можно считать необходимым компонентом

описания ономастического фрагмента не только региональной, но и – в определённой части – общенациональной картины мира.

Богатая и многообразная микротопонимия Нижегородского края детально описана в работах Л.А. Климковой [1; 2 и др.].

Не менее интересна микротопонимия Смоленщины, что связано с географическим положением и сложной исторической судьбой форпоста России.

В данной статье рассмотрим некоторые особенности отражения в микротопонимах исторической информации на материале отдельной территории – так называемого Шумячского Порубежья.

Шумячское Порубежье – территория Шумячского района Смоленской области, граничащая с Могилёвской областью Республики Беларусь. Особенности этой территории в том, что на протяжении нескольких веков через неё проходили границы между княжествами, государствами, губерниями, областями и т.д.

«Обобщая историю порубежной судьбы Шумячского края, следует отметить, что шумячские земли 66 лет были в составе Киевской Руси, 308 лет в составе Смоленского княжества, 207 лет под властью Литвы, 203 года под властью Польши, последние 233 (40 лет) года в составе России. Шумячские земли с небольшими перерывами находились на межгосударственной границе с 1054 по 1772 год, то есть около 700 лет. Но и на этом не закончилась порубежная судьба шумячской земли. Далее по этим землям проходят административные границы внутри Русского государства. Сначала граница между Рославльским уездом и Кричевским старостатством. С 1777 по 1929 год западная часть нынешней территории Шумячского района входит в состав Климовичского уезда Могилёвской губернии» [3].

Богатая история края на разных её этапах в той или иной степени отразилась в местных исторических названиях, которые с долей условности могут быть разделены на несколько групп по способу выражения ими исторической информации: *внешнему* (собственно историческому), *комбинированному* (внешнему и внутреннему), *внутреннему* (фоновому).

Собственно исторический признак микротопонима означает возможность соотнесения данного онима с конкретной исторической эпохой, периодом, событием, поскольку указание на это содержится в самом названии.

В рамках рассматриваемого материала (с большей или меньшей степенью отчётливости) можно выделить следующие исторические ориентиры.

Древние названия: *Курган, Курганы* (на территории края сохранилось большое количество курганов, относимых археологами к X–XII вв.), *Селище* (места расположения древних поселений у деревень *Боровая, Холмы* и др.), *Городище, Городец* (названия деревень на местах бывших селищ, городищ) и др. Трудно установить точное время закрепления этих названий за данными объектами, однако о том, что это названия самых древних объектов, свидетельствуют обнаруживаемые в этих местах древние артефакты.

Следующий пласт исторических названий связан с периодом вхождения земель Шумячского Порубежья в состав Речи Посполитой.

В микротопонимии сохранилось довольно большое количество следов польского присутствия на этих землях. Прежде всего, это владыческие наименования двух типов.

В основе названий первого типа нарицательное обозначение владельца, господина, включающие польский корень *пан-*: *Панщина, Панский сад, Панское озеро, Панский мошник, Панская купальня*, улица *Панск**а**я* и др.

В основе второго – образования от фамилии польского владельца-помещика. Наиболее распространены образования с суффиксом *-щин-*: *Важинщина* (Важинский), *Свирщевщина* (Свирщевский), *Голынщина* (Голынский) и др. Встречаются отфамильные образования и других моделей: *Понятовка* (в XVII в. деревня принадлежала польскому шляхтичу Понятовскому), *Краснополье* (владение помещика Краснопольского), *Воловичихина криница* (владение помещицы Волович), *Бобриков сад* (владение помещика Бобрика) и др. Надо отметить, что в микротопонимии сохранились упоминания практически обо всех помещиках-землевладельцах, хотя следов принадлежавших им материальных объектов почти не осталось.

Отфамильные образования могут быть связаны не только с владельцами. Так, деревни Большая Гринёвщина, Малая Гринёвщина получили названия в связи с тем, что большая часть польского населения этих деревень носила фамилию Гриневич (фамилия сохранилась до наших дней).

Ещё одна разновидность микротопонимов с польским следом включает названия, образованные от польских апеллятивов или совпадающие с ними: *Ляховичи, Кришталёвка, Шляхта, Каплица и др.*

Сооружение Засечной полосы – ещё один исторический штрих, отражённый в микротопонимии Шумячского Порубежья. Память о проходившей в начале XVIII века по территории края Засечной полосе Полоцк – Смоленск – Рославль – Брянск сохранилась в единичном названии улицы *Форпост* в п. Шумячи, однако по сей день оно остаётся актуальным и общеупотребляемым жителями края [4].

В микротопонимии Шумячского Порубежья заметный след оставила Отечественная война 1812 года: *Наполеоновский переезд*, *Наполеоновская дорога*, *Наполеоновская могилка*, *Французы* и др. Интересно, что до нашего времени в устных преданиях сохранились воспоминания о французском нашествии.

Шумячское Порубежье отмечено ещё одним историческим событием: его территория в XIX веке (1810–1857) была выбрана одним из мест расположения Аракчеевских военных поселений. Здесь располагались Елецкий мушкетёрский полк и Полоцкий пехотный полк [Там же]. Об этом периоде свидетельствуют многие сохранившиеся наименования: *Аракчеевская дорога*, *Штаб-Загустино*, *Штаб*, *Казармы*, *Под лагерями*, *Плат* (плац), *Гренадёрский мост*, *Гренадёрщина* и др.

Одной из наиболее многочисленных групп исторических микротопонимов являются названия, связанные с двумя хуторскими реформами, которыми была отмечена первая треть XX века. Свидетельства о Столыпинских хуторах и Красных хуторах присутствуют на территории Порубежья почти повсеместно. Большинство этих названий включает апеллятив *хутор*, что облегчает идентификацию именуемого объекта: *Беляков хутор*, *Жуков хутор*, *Исаков хутор*, *Василихин хутор*, *Евдокимов хутор*, *Мельяненков хутор* и др. К сожалению, при определении точной временной принадлежности тех или иных хуторов основным источников являются устные воспоминания жителей, поскольку районный архив во время оккупации был утрачен.

О периоде Октябрьской революции, коллективизации говорят названия *Комиссаровка*, *Красный Пахарь*, *Коллектив*, *Коммуна* и др.

Великая Отечественная война оставила названия *Звезда*, *Берлин*, У *самолёта, Окопы, Братская могила, Гетто*, *Немецкое кладбище* и др.

Середина XX века отмечена названиями *Фестиваль*, *Бам* и некот. др.

Таким образом, рассмотренные примеры подтверждают, что микротопонимы данной группы содержат относительно точную отсылку к определённой исторической эпохе. Представленные в хронологической последовательности, они отражают достаточно полную и точную канву исторических эпох и событий, пережитых жителями края в общенациональном (общегосударственном) историческом контексте.

Микротопонимы второй группы также содержат отсылку к истории, однако эта отсылка требует дополнительного раскрытия с помощью лингвокраеведческого комментария. Так, по форме языкового знака несложно предположить, что микротопоним *Звезда* (название места на реке Смородинка у деревни Смородинка-Журковка) связан с советской историей, однако более точная историческая привязка возможна только при раскрытии истории его происхождения: «Здесь смородинские мальчики приладили у берега доску и прыгали с неё солдатиком в реку. В оккупацию напротив купальни на речной луговине мальчишки сапёрной лопатой и старым лемехом вырезали в круге большую звезду и страшно этому радовались: вот будет лететь наш самолёт, и лётчик увидит нашу звезду. Кругом немцы, а на берегу речки звезда» (Н.В. Журкович)) [5, с. 109]. К этой же группе по типу выражения исторической информации относятся многие местные названия: *Сомов курган* (возвышенное место в деревне Штаб-Загустино, было обустроено командиром военных поселений полковником Сомовым; до второй половины XX века оставалось любимым местом прогулок и гуляний жителей деревни), *Французская дорога* (дорога, по которой зимой 1812 года отступали разбитые наполеоновские войска), *Солдатские грядки, Аэродром*, *Казармы*, *У самолёта* и др.

Третью группу составляют микротопонимы, историческое содержание которых отражается лишь в их ассоциативно-культурном фоне (АКФ). Это онимы с так называемой *скрытой историчностью*. Её извлечение происходит, как правило, в рамках лингвокраеведческих (преимущественно полевых) исследований, позволяющих выявить АКФ данных онимов. Показательным примером может служить микротопоним *Бабуличское поле* – на внешнем уровне название поля у деревни Бабуличи. Однако за обыденным названием скрывается обширное и драматичное содержание, связанное с первыми неделями Великой Отечественной войны («Наши войска удерживали занимаемый рубеж, пока немцы не ввели в бой танки. Следы гусениц тянулись со стороны деревни *Надейковичи*, с другой

стороны танки прошли ниже мельницы через реку *Крапивенку* и схватили в клещи наши войска. Сдерживать нашим их было нечем. Одна противотанковая пушка, поставленная на прямую наводку, не сделала ни одного выстрела. Весь её расчёт погиб. Бойцы лежали рядом. Три 85-миллиметровых орудия тоже стояли с разорванными стволами. Напротив позиции наших войск во ржи за прудом немцы замаскировали пулемёт. Тысячи стреляных гильз свидетельствовали о том, что немцы не давали нашим и головы поднять. Попытка остановить танки гранатами не удалась. По обе стороны танковых следов по пшеничному полю лежали убитые солдаты со связками гранат. Хоронили погибших на Бабуличском поле галеевские мальчики. Ребята повзрослей и мой брат Серёжа вырыли братскую могилу в том месте, где было больше убитых, и стаскивали в неё трупы. Мы же, ребятишки помельче, цепляли убитых деревянным крюком за ремень и все вместе тащили в ближайший окоп или воронку. Кое-как присыпали саперными лопатками, которые были здесь у каждого солдата» (В.М. Ларкин) [5, с. 56–57].

В 1945 году останки около семидесяти солдат с Бабуличского поля были перенесены в *Студенец* и захоронены в братской могиле. «В 2003 году во время прохождения Смоленской Вахты Памяти в Шумячском районе на территории Надейковичского и Студенецкого сельских округов шёл поиск останков воинов 6-й стрелковой дивизии, державшей оборону вдоль реки *Сож* по линии деревень *Яновка – Галеевка – Дубровка – Сергеевка – Тихиль – Холмы – Вигурина Поляна*. За девять дней были найдены останки пятидесяти одного солдата. В полукилометре к югу от деревни Галеевка в урочище Панская усадьба Бабуличи на площади около восемнадцати гектаров найдены останки тридцати одного воина. Захоронения находились на глубине от двадцати до тридцати сантиметров, по два-три погибших вместе» (С.Н. Федотов) [Там же].

Подчеркнём, что ассоциативно-культурным фоном могут обладать (и, как правило, обладают) микротопонимы всех трёх групп, однако именно для онимов третьей группы АКФ является главным и по преимуществу единственным способом выражения лингвокультурной ценности. В зависимости от типа микротопонимов утрата присущего им содержательного (исторического) компонента лингвокультурной информации происходит с разной степенью интенсивности. Очевидно, что дольше всего эту информацию сохраняют и транслируют онимы первой группы, историчность которых заложена в самих названиях, а быстрее всего процесс утраты происходит там, где главными являются субъективные факторы, определяющие качество и характер коллективной памяти, то есть в третьей группе.

Сказанное позволяет сформулировать некоторые вопросы, требующие дальнейшего обсуждения.

Какова реальная лингвокультурная ценность микротопонимии с позиций сегодняшнего дня? Какое место в структуре современной языковой личности (в первую очередь, формируемой) может (должна?) занимать лингвокультурная информация, сохраняемая микротопонимами? Возможно ли сегодня считать эту информацию актуальной для нового поколения? Каковы оптимальные способы сохранения и передачи этой информации в ситуации исчезновения исконной среды бытования микротопонимов – деревни, расширения межпоколенческого разрыва и т.д.?

Поиск ответов на вопросы, раскрывающие особенности взаимоотношений и взаимодействия человека и имени, подчёркивает роль ономастики в системе современных гуманитарных дисциплин, усиливает её актуальность в социокультурном плане.

Литература

1. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дисс. … д. филол. наук. – 2008. – 533 с.

2. Климкова Л.А. Микротопонимия в аспекте семантического проецирования // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.). / под ред. В.Л. Васильева. – Великий Новгород: Новгородский печатный двор. 2019. – С. 51–55.

3. Крупенёв П.А. История малой родины // Перекрёсток: Шумячский альманах. – 2010. – Вып. 6. – С. 3–6.

4. Максимчук А.Г. Порубежье (очерки по истории Шумячского края). – Смоленск: Смядынь, 1995. – 224 с.

5. Максимчук Н.А. Шумячское Полрубежье в именах и названиях. Часть 1. Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. – Смоленск: Маджента, 2012. – 280 с.

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДЕТИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

А.Ю. Маслова
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, д.ф.н., профессор; e-mail: al_mas@mail.ru
Россия, Республика Мордовия, г. Саранск

Статья посвящена описанию микрополей «Дети как объект номинаций» и «Процесс взросления» в составе семантического поля «Дети» на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Рассмотрены номинативные и глагольная лексико-семантические группы, представляющие наименования нейтрального родового понятия «дети», малолетних детей, маленьких детей, детворы как собирательного множества; мальчика и девочки как компонентов, составляющих родовое понятие; глагольные обозначения процессов роста, взросления, воспитания.

Ключевые слова: *говоры; лексема; номинация; микрополе; лексико-семантическая подгрупа; дети; ребёнок.*

Обращение к проблемам отражения в языке диалектной картины мира и национального своеобразия в восприятии действительности проявляется в устойчивом интересе исследователей к языковой репрезентации человека в рамках антропоцентрической научной парадигмы. Лексика является одним из наиболее подвижных пластов языка, ярко характеризующих человека и хранящих богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности. Поэтому иследования диалектной лексики в аспекте дополнения общей диалектной картины миры и изучения личности дилектоносителя продолжают оставаться актуальными. «Аккумулируя информацию о мире, народный лексикон в ментальном преломлении отражает бытийные, социально-исторические, мифологические, оценочные знания и представления диалектоносителей» [1, с. 107].

Настоящая статья посвящена рассмотрению структурных компонентов семантического поля «Дети» как части комплексного исследования на материале русских говоров на территории Республики Мордовия. Лексические группы, объединенные темой детства, уже становились объектом изучения диалектологов, например на материале вологодских говоров (Т.Г. Овсянникова [2]), курских (Л.И. Ларина [3]), орловских (М.В. Костромичёва [4]), пермских (Ю.В. Зверева [5]), говоров Среднего Приобья (М.М. Угрюмова [6]) и др. И.В. Поповичева, изучая номинации детей на материале «Словаря русских народных говоров», отмечает многочисленность лексической группы «Ребёнок», которая насчитывает более 1000 номинативных единиц [7].

В связи с этим для всестороннего исследования образа ребёнка в народной культуре, взглядов и представлений, связанных с детьми в традиционном сознании русских, целесообразно исследовать обозначенные лекико-семантические группы и в русских говорах на территории Републики Мордовия. Источником материала послужил «Словарь русских говоров на территории Републики Мордовия» (далее – СРГРМ) [8]. При систематизации лексики используется полевый подход к исследованию и понимание семантического поля как «совокупности языковых единиц, сгруппированных общностью содержания и отображающих предметное, понятийное или функциональное сходство отмечаемых явлений» [9, с. 99].

Семантическое поле «Дети» является неотъемлемой частью семантического макрополя «Человек» и, в свою очередь, структурируется микрополями – семантическими множествами, коррелирующими с семантическим полем как часть – целое и отражающими один из его тематических аспектов. Фактический материал позволяет выделить ряд микрополей, в которых объектами номинации выступает ребёнок, его внешность, поведение, характер, речь, реалии детского мира, отношение к нему взрослых и др. Остановимся более подробно на двух микрополях, выполняющих, на наш взгляд, структурно организующую функцию относительно других микрополей в общем семантическом пространстве, поскольку в одном микрополе объединяются номинации собственно родового понятия *дети,* в другом – наиболее общие процессы, характеризующие протекание детства и переход из одного возрастного состояния в другое (вырасти, повзрослеть).

Микрополе «Дети как объект номинации» (см. [10]) представляет наименования *детей*, объединенные в лексико-семантические группы: 1) со значением '*дети, ребята*' – собир. ***содома'***, ***чигана'шки***, ***шигайта'шки***, ***шигана'шки;*** два последних употребляются и как бранные слова. Сравним: *Глижу, шиганашки бигут* (Куликово, Краснослободский район) и *Ах вы, шыганашки! Апять воду разлили* (Куликово, Краснослободский район); 2) со значением '*детвора*' – собирательные имена

существительные ***содо'м, чегара', челяда', чивалда', шалу'понь, шелупе'шь, шемшара', [2]ща'ва***. Некоторые из номинаций и обращения-оценки вербализируют поведенческие особенности малолетних детей [1], например от общеизвестного *содом* – ‘шум, крик, гам’, ‘спор, брань’, ‘шумная толпа’ [11]), диалектизм *содо'м* во втором значении обозначает ‘*беспорядочное и шумное скопление людей*’; фонетические варианты *шалу'понь, шелупе'шь* не имеют сниженную окраску подобно созвучному им общенародному слову *шелуп'онь* – разг.-сниж. ‘*ничтожные люди, сброд*’ [12, с. 1494]; 3) со значением ‘малолетние дети’ – ***робя'та (робятёнки, робятёшки, робяти'шки,*** ум.-ласк. ***робя'тки, ребятёшки,*** собир. ***робятня'***), собир. ***плодьё,*** собир. ***пацаньё*** (отметим, что СРГРМ не фиксирует собирательное значение только для детей-мальчиков, исходя из того, то *пацан* – разг. ‘*мальчишка*’ [12, с. 788]); ***пло'йма*** во 2-м знач., первое значение слова – ‘*гурьба, ватага*’ (что подразумевает шумную толпу детей или молодых людей: <…> ‘*гурьба (обычно детей, молодёжи)*’[12, с. 112]); собир. ***плодня'*** во 2-м знач., в первом значении номинация актуализирует сему *дети* в аспекте родственных связей – сыновья, дочери. 4) со значением ‘маленькие дети’ – собирательные существительные ***гавша', гольтепа', мелуза', мельгуза'.*** И.В. Поповичева предполагает возможность однокоренной трактовки слов *гавша* и *гаврик* (‘простак, простофиля, разиня, глупец’; ‘о ребенке’. Неуважительно), представленных в Словаре русских народных говоров [1, с. 114]. В развитие данной точки зрения сопоставление значений общенародных лексем *гаврик* – прост. ‘*бездельник, озорник, несерьезный человек*’ [13], *гаврики* – разг. ‘*о людях (обычно о детях, подростках, молодых людях), объединенных по какому-либо общему признаку*’ [12, с. 190] дает все основания для актуализации семы детского озорства в собирательном именовании детей. *Мелуза', мельгуза'*, очевидно, производные от корня *мел-* (сравним: мелкий, мелочь) созвучны общенародному *мелюзга* – собират. разг. *’маленькие живые существа, мелкота, мелочь*’ [12, с. 532] и актулизируют сему маленького возраста; номинация ***голмоня'та***, образованная по модели на *-ят*, указывающей на маленькое существо, обычно детёнышей (щенята, лисята и под.), предположительно можно соотнести с производящей основой *гомон-* (сопоставим: *гомонить* – ’*громко разговаривать: шуметь (о многих)*. <…> *Дети громко гомонят*; *гомониться* – нар.-разг. ‘*гомонить*’; *гомонливый* – нар.-разг. ‘*шумливый*’ [12, с. 217]), в таком случае в лексеме акцентируется значение шумного поведения, свойственного детям.

Таким образом, в рассмотренных лексико-семантических группах большая часть номинаций представляет собирательное множество. Как отмечает М.М. Угрюмова, традиционный уклад жизни крестьян, основанный на коллективном бытовании «обусловил восприятие детей как нечленимого множества, следствием чего являются обозначения, содержащие сему собирательности» [6, с. 14]. Нейтральную оценку демонстрирует номинация *робята* и ее произодные, распространненые почти повсеместно на исследуемой территории, что дает основание репрезентировать их как ядерный компонент микрополя; ряд номинаций является образными и позволяют выявить семы, актуализирующие ассоциативные связи с темой детства (шум, озорство, подвижность и под.). Внутри микрополя наблюдается дифференциация наименований по возрастному признаку (малолетние дети и маленькие дети).

Поскольку номинация *дети* имеет значение – ‘*мальчики и (или) девочки до 14–16 лет*’ [12, с. 255], к данному микрополю отнесем наименования мальчика и девочки как компонентов, составляющих родовое понятие. В СРГРМ почти равноценно в количественном отношении представлены номинации, дифференцированные по гендерному признаку: 12 номинаций для мальчика и 10 – для девочки. При обозначении мальчика в лексико-семантической группе представлены нейтральные обозначения – ***ре'бис, ребятёнок (робятёнок), кали'ш, мальчишо'нок, [2]угла'н*** в 1-м знач.; ряд наименований содержит семантический компонент – маленький: экспрес. ‘*маленький мальчик*’ – ***[1]шаро'к*** в 1-м знач., маленький проворный, подвижный мальчик – шутл. ***стригули'ст, стригуно'к, шка'лик*** во 2-м знач., **шныро'к**. Эмоционально-экспрессивные номинации образованы путём метафорического переноса. Так, *стригунок* – это годовалый жеребёнок, которому обычно подстригают гриву [13], т.е. в основе лежит зооморфная метафора, актуализирующая маленький возраст; лексема *шкалик* имеет переносное значение, первое значение слова – ‘маленькая бутылочка’, возможно, перенос произошёл по признаку размера; для номинации *шнырок*, очевидно, производящим является корень *шныр-*, актуализирующий сему подвижности, торопливого движения. Антонимичными к предыдущим по значению являются лексемы ***лоба'н*** –‘*рослый и сильный мальчик-подросток’,* ***лоба'нчик, лобашо'к*** –‘*рослый ребёнок’.* Несомненно, прослеживается связь с лексемой *лобан*, которая фиксируется толковыми словарями русского языка с пометой *прост.* [13] или *нар.-разг.* [12, с. 502] в значении ‘человек или животное с большим широким выпуклым лбом’, а корневая морфема *лоб-* актулизирует признак крепости, силы. Сравним: *лбы* – разг. ‘*о здоровых, сильных, высоких молодых людях, подростках*’. *Вон какие лбы выросли* [12, с. 502; 1, с. 112]. Обратим внимание, что СРГРМ номинации

лобанчик и *лобашок* не представляет как уменьшительно-ласкательные от *лобан*, и они не актуализируют сему подросткового возраста и силы. Из контекста следует, что номинации могут относиться к маленькому ребёнку, которого еще берут на руки: *Лъбашок-тъ какой тяжолый* (Суподеевка, Ардатовский район); *Ты вить большынькъй стал, мамкъ-тъ уш нъ колених ни удержыт таковъ лобанчыкъ* (Суподеевка, Ардатовский район). Интересно, что в Словаре русского языка лексема *лобанчик* фигурирует как устаревшая и не обнаруживает семантических связей с рассмотренными номинациями: прост. устар. '*золотая монета, полуимпериал* <…>' [13].

Лексико-семантическая группа наименований девочки, в отличие от предыдущей группы, в большей степени содержит номинации, актуализирующие признак поведения. Нейтральными безоценочными наименованиями являются лексемы ***[1]де'вка*** и ***[1]де'вушка*** во 2-м знач. – 'девочка'. Отметим, что значение этих номинаций расходится с одноименными лексемами в общенародном языке, где *девушка* и прост. *девка* обозначают, наоборот, 'лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке' [13]. Репрезентативен ряд синонимов, называющих девочку как шалунью, непоседу, ребёнка бойкого, резвого поведения: ***вере'тница, смыхта'лка, соезга', шка'йка, яры'жка, лазу'чка***. Последнее наименование конкретизирует сему подвижного поведения, мотивированную корнем *лаз-*, а именно: 'девочка, любящая взбираться, подниматься куда-либо'; в наименовании *вере'тница* – '*непоседа (обычно о девочке)*'– прослеживается семантическая связь с глаголом *вертеться*, например, во 2-м значении: 'поворачиваться в разные стороны, из стороны в сторону (меняя положение). <…> *Сиди спокойно, не вертись!* [12, с. 120], предположительно можно провести семантическую параллель с вещеморфной метафорой *веретено* (сравним, например, в пермских говорах – *веретёшко* [5, с. 206]; *косое веретено* – пермское, ярославское неодобр. 'об очень подвижном, непоседливом человеке (обычно – ребёнке)'; *кривое веретено* – псковское 'вертлявая, непоседливая девочка'[14, с. 78]); актуализация семы подвижности, непоседливости в номинации *ярыжка*, возможно, соотносится с семой '*шатун*', которую включает слово *ярыжка* (*ерыга, ерыжка, ярыжник, ярыжница, пьяница, шатун, мошенник, беспутный*), зафиксированное в словаре В.И. Даля: *Ярыжки по торгам и ярмаркам шатаются* [11]. Единичные номинации характеризуют антропометрический признак – рост девочки: ***солопи'на*** – '*высокая девочка*'; и внешний вид: ***голендя'йка*** – '*босоногая девочка*'.

Отдельное микрополе «Процесс взросления» представляет глагольная лексико-семантичекая группа, репрезентирующая процесс роста и результативность – вырастание. Это переходные глаголы, обозначающие действие, направленное на объект, в частности ребёнка: глаголы несов. вида со значением '*растить, воспитывать*' – ***взраста'ть, возраста'ть*** в 3-м знач., ***выводи'ть, выраста'ть, соверша'ть, хе'тать*** во 2-м знач.; глаголы сов. вида со значением '*воспитать, вырастить*', ряд из которых образует видовую пару: ***возрасти'*** во 2-м знач. (к *возраста'ть*), ***вы'водить*** (к *выводи'ть*), ***схе'тать, всхе'тать*** (к *хе'тать*); у глаголов ***вы'людить, се'тать*** видовая пара в СРГРМ не фиксируется. Обратим внимание, что в рассматриваемых говорах глагольная оппозиция *совершать – совершить* в отличие от литературного языка не представляет собой видовой пары, поскольку СРГРМ фиксирует иное значение у глагола ***соверши'ть*** – '*построить, выстроить*' (сопоставим: *Дитей-тъ я адна съвиршаю, атец ни съвиршат* (Каменный Брод, Ельниковский район) и *Сасет сибе дом съвиршыл, сасновый* (Сивинь, Краснослободский район). Глагол ***поко'ить*** содержит сему '*ухаживать за кем-либо*', однако, исходя из иллюстрирующего контекста, может функционировать как синоним глаголов со значением '*растить*': *Посли вайны труднъ иму былъ аднаму пакоить дитей* (Старое Акшино, Старошайговский район). *Дядя с тёткъй нас покоили, отец-тъ с матирью ранъ помирли* (Камаево, Ичалковский район).

К этой группе следует отнести и глагольный фразеологизм ***довести' до умá (дéла)*** со значением '*вырастить, довести до самостоятельности*': *Троя их у миня, типерь фсех да делъ давёл, пусть сами как хочют* (Саловка, Лямбирский район). Два других глагольных фразеологизма антонимичны по своей семантике: ***в дéтишки отдáть*** *кого* – '*отдать ребенка на воспитание кому-либо*' и ***взять в дéтищи*** *кого* – '*взять на воспитание чужого ребенка*'.

Ряд других непереходных глаголов группы преимущественно сов. вида репрезентирует завершение процесса взросления субъекта действия, т.е. ребёнка: ***возрасти'ться*** – '*вырасти, провести детство*', ***взрасти'*** – '*стать взрослым*', ***разматере'ть*** – '*вырасти, повзрослеть*'(сравним в общенародном языке: то же значение у другого приставочного образования: ***за****матереть* – прост. '*достичь зрелого возраста, возмужать*' [13], где приставка *за-* акцентирует семантику достижения результата действия, состояния). Видовая пара ***возраста'ть*** – ***возрасти'*** в первом знач. обладает более конкретной семантикой – '*расти/ вырасти, проводить/ провести детство в каком-либо месте,*

в каких-либо условиях: *Я възрасталъ ни здесь, а в другом мести* (Никольское, Торбеевский район). *Мальчик з двух гадоф с нами възрастат* (Михайловское, Ковылкинский район).

Таким образом, микрополе «Дети как объект номинации» представлено номинативными лексико-семантическими группами, репрезентирующими собственно родовое понятие *дети*, мальчика и девочку как составляющие его семантические компоненты. Микрополе «Процесс взросления» представлено глагольной лексико-семантической группой, содержащей обозначения процессов роста, взросления детей, заботы о них и воспитания. Рассмотренные микрополя, безусловно, семантически связаны с другими вышеобозначенными микрополями общего семантического пространства. Как показывает данный фрагмент исследования, в русских говорах на территории Мордовии присутствует своя специфика объективации анализируемого фрагмента действительности, и дальнейшее комплексное описание материала на основе полевого подхода позволит значительно обогатить общее представление о диалектной картине мира.

Литература

1. Поповичева И.В. Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – №4А. – С. 106–119.

2. Овсянникова Т.Г. Умел дитя родить, умей и научить: лексико-семантическая группа «Дети» в вологодских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2012. – С. 229–234.

3. Ларина Л. И. Обозначения внебрачного ребенка в курских говорах // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014. – Вып. 1 (15). – С. 38–44.

4. Костромичёва М.В. Этапы становления ребёнка: особенности именования в говорах // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №1. – С. 76–78. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-rebyonka-osobennosti-imenovaniya-v-govorah

5. Зверева Ю.В. Наименования детей, характеризующие поведение, в пермских говорах. – Режим доступа: http://lingvofolkperm.ru/wp-content/uploads/ 2017/ 01/Наименование-детей-по-поведению.pdf

6. Угрюмова М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Томск, 2014. – 22 с.

7. Поповичева И.В. Кластер-анализ лексической группы «Ребенок» в русских народных говорах // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – Вып. 4 (53). – С. 283–288.

8. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р.В. Семенковой: А–Я. – Т. 1–8. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.

10. Поповичева И.В., Бунина М.В. Кластер-анализ структуры семантического поля «ребенок» (по лексикографическим данным) // Путь науки. – 2014. №6. – С. 69–72. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21807188_40004708.pdf

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Режим доступа: http://slovardalja.net/

12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

13. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1–4. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 05.01.2021).

14. Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ОБРЯДОВЫХ КУШАНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Т.И. Мочалова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
к.ф.н., доцент; e-mail: mochalova2014@rambler.ru
Россия, Республика Мордовия, г. Саранск

В работе охарактеризованы языковые единицы, номинирующие обрядовые кушанья в русских народных говорах на территории Республики Мордовия, определена специфика номинативных процессов, связанных с называнием значимого в лингвокультурном плане факта.

Ключевые слова: *диалект; семантика; наименование; обряд; этнокультурный.*

Обрядовая лексика и фразеология представляют наиболее значимый в этнокультурном отношении пласт диалектного языка, являющийся средством сохранения и трансляции сакральных

представлений народа, многовековых традиций и обычаев. В каждом обряде обязательно использовались какие-либо символические предметы (растения, кушанья, бытовые принадлежности, одежда, головные уборы и др.), выполняющие различные функции. Многие предметы восходят к языческим и религиозным представлениям и отражают магические свойства реалий окружающего мира, их способность помогать человеку в жизни, оберегать его от негативного воздействия извне.

Важное ритуальное значение в крестьянской среде имела пища, которая нередко приобретала символическое значение, с отдельными кушаньями были связаны народные приметы, поверья. Как отмечает Н.В. Павлова, «пища – не только одна из важнейших потребностей человека, но и часть его материальной культуры. Не случайно такие важные этапы жизни, как рождение, свадьба смерть, сопровождают кушанья, имеющие сакральное значение» [9, с. 183]. Наименования обрядовых кушаний изучались на материале различных говоров русского языка [2; 3; 5 и др.]. На примере русских говоров Мордовии была представлена этнолингвокультурологическая интерпретация бытовой и обрядовой фразеологии [1; 6; 12], названия кушаний рассмотрены в структурно-семантическом аспекте [7], в то же время специальное исследование, посвященное анализу наименований ритуальных кушаний в исследуемых говорах, отсутствует.

Цель настоящего исследования – выявить и охарактеризовать языковые единицы, номинирующие ритуальные кушанья – то, что приготовлено человеком для употребления в пищу. Исследование проводится на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [10].

В русских говорах Мордовии употребляется существительное ***су'притка*** с обобщенным значением '*угощение*'. Отметим, что это была не повседневная еда сельских жителей, а приготовленная по особому случаю: *Бабушкъ згатовилъ супритку для гастей* (Покассы, Зубово-Полянский район). *Супритку давали на празник* (Архангельское Голицыно, Рузаевский район). Кроме того, в исследуемых говорах представлено также существительное ***су'притки***, называющее процесс коллективной работы за угощение: *Мы, кады строились, супритки събирали* (Горяйновка, Кочкуровский район). Зафиксированное наименование [1]***по'шлина*** во 2 знач. называет специальное угощение по поводу свадьбы, проводов в армию и т.п.: *В этъм гаду я две пошлины справилъ: свадьбу и минины* (Трофимовщина, Ромодановский район).

В составе языковых единиц, называющих ритуальные кушанья, можно выделить две группы наименований.

Первую группу составляют названия ритуальных кушаний, которые используются в каких-либо обрядах, совершающихся в течение всей жизни человека начиная с момента рождения и до смерти.

С рождением ребенка связано обязательное приготовление ритуальной выпечки: ***зубо'к*** в 1 знач. – '*пирог, который приносят в подарок роженице родственники и соседи*', ***зубо'к*** во 2 знач. – '*небольшой хлебец, напоминающий по форме зуб; его пекут сразу после рождения ребенка*'. Иллюстративный материал раскрывает символическое значение этой выпечки: *Бывалъ, как радицъ рабёнък, бапкъ тут жъ ф чиряпушки зубок пикёт. Этъ штоб зубочьки у рабёнкъ скарей пръязались. Ничяво ни паделъш, абычий такой уш. Биз зупка бапкъ ни смет яво и на руки взять* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район).

Разнообразием используемых ритуальных кушаний отличался свадебный обряд, поскольку специальные блюда готовились для жениха, невесты, их родителей и гостей. «Обязательным блюдом на свадебном столе всегда был хлеб, считающийся символом богатства и плодородия», – подчеркивает Н.В. Павлова [9, с. 181]. В исследуемых говорах зафиксировано устаревшее наименование [1]***рак*** – '*хлебное изделие, имеющее форму рака, которое подавалось молодым на свадьбе*'. *Рак бывалъ пъд мъладых пякли. Испякут яво, румяный, и ставют рак-ът мъладым* (Шаверки, Краснослободский район). Важное ритуальное значение в данном обряде имеет свадебный пирог – ***мягкий*** во 2 знач., ***кваше'нник*** во 2 знач., [1]***курник*** в 1 знач.: *Квашэнники нивести гатовили* (Павловка, Старошайговский район). *Коли запой, наряжъный курник с рубашкъй нёсут жъниху, а взамен пълучают печоный курник ис тестъ и подарък невести* (Суподеевка, Ардатовский район). Заметим, что в исследуемых говорах употреблялись и другие языковые единицы, связанные с ритуальным угощением свадебным пирогом: ***карава'йник*** – '*родственник жениха, разрезающий на свадьбе пироги новобрачных*', ***переку'рничать*** – '*поесть, попробовать свадебный пирог, курник*'. Последовательность совершаемых действий в этом обряде была фиксированной и строго распределенной между участниками: *Къравайник бярёт жынихоф пирок и нявестин, ръзрязаит их нъ пълавинки и даёт пъ пълавинки каждъму* (Черемис, Ковылкинский район). *Как фсе радныи пирикурничиют, нъчинают ламать куст* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). Для подружек невесты у жениха готовилось специальное легкое

угощение: ***бе́лое ку'шанье*** – орехи, конфеты и т.п.: *У жъниха пъдавали белъя кушънья* (Башкирцы, Теньгушевский район).

В исследуемых говорах, кроме собственно названий кушаний, распространены наименования различных этапов подготовки к свадебному угощению или непосредственно самого этого процесса: ***столо́м ла́диться*** – '*договариваться об угощении на свадьбе (о родителях невесты и жениха)*', ***пропива́ть (пропи'ть) неве́сту*** – '*устраивать (устроить) выпивку в ознаменование состоявшегося сватовства*', ***сыры' разноси'ть*** – '*угощать гостей на свадьбе*', ***перегу'лки*** – '*взаимное угощение новых родственников после свадьбы*'.

В русских говорах на территории Республики Мордовия употребляются наименования отдельных ритуальных кушаний, подаваемых на поминках: ***кану'н*** во 2 знач. – '*медовый напиток, который пьют на поминках*', ***сыта'*** во 2 знач. – '*кутья*'. Например: *Сиди тихъ, ни балуй, щас нам канун пъдадут. Видать, Тимаковы г гадини хърашо гатовились, канунъ многъ нъварили* (Карпеловка, Торбеевский район). *Нъ паминкъх первъй сыту пъдают. У миня снаха эх и фкусну сыту гатовит* (Мариуполь, Большеберезниковский район). Заметим, что в исследуемых говорах на поминки готовили также ***лапше'нник*** – '*запеканку из лапши*'. Об этом свидетельствует иллюстративный материал: *Нъ паминки у нас фсягда лапшэнник делъют* (Ивановка, Ромодановский район).

Вторую группу ритуальных кушаний составляют наименования блюд, которые были обязательными атрибутами религиозных и календарных праздников. Как отмечает О.В. Никифорова, «обрядовые выпечные изделия не только являлись предметом угощения, но и играли роль ритуальной пищи в семейных и календарных обрядах» [8, с. 280]. На различные религиозные праздники в диалектной среде было принято готовить специальную выпечку: ***тау'сенька***, ***овсенька*** в 1 знач., [1]***таусинка*** – '*сдобная булочка или печенье, которые пекут перед Рождеством или Крещением*', [1]***крест*** во 2 знач. – '*изделие из пресного теста в форме креста*'. *Как три с пъловинъй недели от маслиницы пройдёт, печом кресты* (Большие Поляны, Ардатовский район). С такого рода выпечкой нередко были связаны какие-либо народные приметы или поверья: *Ф таусиньки деньги фкладывъли. Былъ паверья: каму таусинька з денишкъй пъпадёццъ, таму пъвизёт в жызни* (Паньжа, Ковылкинский район). *Крясты пякли з диньгами, углём, щепкъй. Если выбириш крест з диньгой, багатъ будиш жыть, а са щепкъй – умрёш скорь* (Шаверки, Краснослободский район).

На религиозный праздник Вознесенье готовились ***ле'сенки***, ***лестницы*** в 1 знач. – 'выпечка из пресного теста в форме лестницы', символизирующей путь на небо: *Нъ Взвисиньё пякут лесинки из муки с кашъй* (Михайловское, Ковылкинский район). *Нъ Възнисенья пякут лесинки и с ними ходют сматреть азимыи* (Кулишейка, Теньгушевский район). *Нынчи празник, чикуры дъ лесинки пикём* (Черемис, Ковылкинский район). *Възнисенскии лесинки нъпикли, нынчи Христос възнисси на небъ* (Большой Азясь, Ковылкинский район).

Обязательным угощением, которое готовилось на Пасху, была ***па'ска*** во 2 знач., ***ключа*** – '*сладкое кушанье из творога, приготовляемое к Пасхе*'. *Я бывалъ паску беру и молебин иду служыть. Сама паску готовилъ, и как фкуснъ-тъ* (Киржеманы, Большеигнатовский район).

С употреблением символической пищи связан христианский праздник Преображение – ***я'блочный спас***, после которого разрешалось есть яблоки: *Яблъки нъчинают есть с яблъшнъвъ спасъ* (Шаверки, Краснослободский район). *Раньшъ и детим яблъки да яблъшнъвъ спасъ ни давали* (Атемар, Лямбирский район). В это время начинали печь ***кривёночки*** – '*пирожки с яблоками*': *Кривёнъчьки с яблъкъми пикли с августъ, на яблъшный спас* (Шаверки, Краснослободский район). Яблочный спас в диалектной среде ассоциируется с первым урожаем плодов, с созреванием яблок. Доедая освещенное в церкви яблоко, верующие обычно загадывали желание.

Носители диалекта отмечают значимость дня Кузьмы и Демьяна, сопровождавшегося песнями и плясками, народными гуляньями: *Вот Кузьмишник тады был, песни пели, дефки плясали* (Такушево, Тенгъгушевский район). *Събирёмси мы нъ Кузьминку и давай песни петь* (Ключарёво, Рузаевский район). Устойчивое сочетание ***Кузьму сидеть*** характеризует особенности проведения церковного праздника Кузьмы и Демьяна: с вечера и до рассвета деревенская молодежь собиралась на посиделки в большой избе, в которой девушки готовили различные угощения и приглашали к столу парней. *Кузьму сидеть ребятъ и дефки па осени събирались* (Марьяновка, Большеберезниковский район). В этот день было принято устраиать ***ссыпчину*** – складчину перед церковным праздником Кузьмы и Демьяна, в которой участвовали только девушки: *Бывалъчи мы и ни слыхали пра празник 8 Мартъ, заместъ иво у нас был свой – Кузьминкъ. Как патходит время, устраивъм ссыпчинку* (Смольково, Лямбирский район).

Одна из традиций в сельской местности – отмечать угощением закладку фундамента дома, данный процесс номинирует устойчивое сочетание ***справля'ть берёзку***: *Слабъвы нынчи бирёску справляют, фундаминт зълажыли* (Кушки, Темниковский район).

Значимым в жизни человека было ограничение в пище во время поста, что номинируют диалектные языковые единицы: ***ка́дное молоко́*** – '*молоко, которое во время поста не употребляли в пищу, а сливали в кадки*', ***моло'стный*** – '*скоромный (о пище)*', ***скоро'мник*** – '*мясной стол*'. Не соответствующим православной традиции считалось употребление скоромной пищи во время поста: *Пастом мълако ни пили, а сливали ф катки* (Шаверки, Краснослободский район). *Был пост, и я есть малостный пирок ни сталъ* (Монастырская 2-я, Лямбирский район). *У в них фсё время скаромник: и на маслинцу, и ф пост* (Рязановка, Старошайговский район).

Повседневная крестьянская жизнь была тяжелой, изнурительной, постоянный физический труд отнимал у человека здоровье и силы, ежедневный рацион сельского населения не отличался обилием и разнообразием блюд: ***вы'дымка*** – '*лепешка из тертого картофеля* ', ***жавари'ха***, ***завари'ха*** в 1 знач. – '*жидкая каша* ', ***крути'ха*** – '*род похлебки из муки, разболтанной на молоке или воде*', ***липня'к*** во 2 знач. – '*хлеб из сушеных листьев деревьев и мякины*'. Иллюстративный материал подтверждает скудное питание и тяжелое положение людей дореволюционного, военного и послевоенного времени: *Жыли неважнъ, нъ зъварихи не будиш крепкъй, здоровьим слабы были* (Манадыши, Атяшевский район). *Крутиху-тъ раньшъ с вадой делъли, а па празникъм с мълаком* (Новая Фёдоровка, Старошайговский район). *В голът ели липняк* (Башкирцы, Теньгушевский район). *В вайну-тъ выдымки и ели* (Гордеевка, Ельниковский район).

Это объясняет, почему праздничные даты в селах с нетерпением ждали не только дети, но и взрослые, в эти дни устраивались массовые гуляния с хороводами, песнями и плясками, проходили различные сезонные игры и забавы, во всех домах готовились традиционные кушанья. Особая роль на праздничном столе отводилась хлебу и печеным изделиям, олицетворявшим богатство, достаток в семье, долю человека. «Хлеб и разнообразная выпечка являются не только важнейшей частью крестьянского рациона, но и наделяются в народном сознании магическими функциями», – отмечает А.Б. Коконова [4, с. 412]. Заметим, что хлеб из хорошей муки, а также блины и пироги выпекались в обычной крестьянской семье, как правило, только по праздникам. Необходимо заметить, что толкование значений слов-названий кушаний в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [10] может не содержать указание на ритуальное предназначение данной выпечки, и только контекстное окружение позволяет раскрывать их функцию. Так, на различные религиозные и календарные праздники выпекались разнообразные мучные изделия:

1) разного рода хлеб: ***би'точник*** – '*сладкий сдобный высокий хлеб, кулич*', ***колебя'шка*** – '*каравай ячменного хлеба*', ***мя'гкий*** в 1 знач. – '*белый хлеб домашнего печения*', ***переже'нцы*** – '*круглые булочки, пышки*', ***по'лбенник*** в 1 знач. – '*хлеб из особого сорта пшеницы, полбы*', ***разнота'*** в 1 знач. – '*разные сорта хлеба*', ***си'тный*** – '*круглый хлеб из просеянной ситом муки*' и др.;

2) пироги с различной начинкой: ***мя'гкий*** во 2 знач. – '*сладкий пирог*', ***копы'тички*** во 2 знач. – '*пирожки с яйцами*', ***крива'жка*** – '*пирог с любой начинкой*', [1]***ку'рник*** в 1 знач. – '*пирог с любой начинкой*', [1]***лу'чник*** в 1 знач. – '*пирог с луком*', ***ры'бник*** – '*пирог с начинкой из рыбы*', ***сдо'бный*** – '*пирог из теста, замешанного на сметане, масле и яйцах*' и др.;

3) блины, лепешки, запеканки, оладьи: ***блинцы'***– '*блинчики*', ***коку'рка*** во 2 знач. – '*сдобная лепешка*', ***кривёныш*** в 1 знач. – '*лепешка из толченого конопляного семени*', ***румя'на*** – '*пресная лепешка*', ***сладу'шка*** – '*пресная сдобная лепешка*', ***пресни'к*** – '*запеканка из пшенной каши с яйцами*', ***шанежка*** – '*оладья*' и др.

Как отмечают носители диалекта, такие кушанья были связаны с какими-то определенными праздниками. Так, на масленицу выпекался белый хлеб, готовились блины, лепешки, пирожки: *Я, чай, на маслиницу мяхких нъпякла, с яблъкъми* (Силино, Ардатовский район). *Кокурки-тъ у нас большъ на маслинцу пёкут (*Киржеманы, Большеигнатовский район*). Мы на маслинцу кривёнышы пикли* (Засечная Слобода, Инсарский район). Разнообразные хлебные изделия готовили сельские жители на Пасху – хлеб, пироги, куличи, лепешки: *На Паску куличёф нъпикли, румянъф, а гости ни пришли. Румяну так пикут: пшынишну муку ставют нъ мълаке, нъ смитани, йшичик надъ разбить, маслицъ дабавить; пикут в гарячий печьки* (Кулишейка, Рузаевский район). *Капытичьки нъ фтарой, на третий день Паски пякли. Наложыш капытичькъх ф карман и пайдёш ф кучи играть* (Шаверки, Краснослободский район). *На Паску кривашки пикли с лукъм, с яйцъми и слатки* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). *Нъпякут на Паску битъшникъх ф чиряпушкъх цэлый стол* (Шаверки, Краснослободский район). *На Паску пикли ситный, пираги* (Покрышкино, Ромодановский район). Счита-

лось, что «профилактическую функцию выполняли хлебные изделия, выпекаемые в пасху» [11, с. 382]. На Троицу сельские жители готовили хлеб и пирожки: *К Троицъ пирижэнцъх нъпяку* (Новый Ковыляй, Ельниковский район). *Рыбник-тъ уш на Троицу спёку* (Говорово, Старошайговский район).

Ритуальная выпечка могла не иметь закрепления за каким-то определенным праздником: *Толькъ па празникъм кълибяшки пикли, и то реткъ. Каких-тъ три кълибяшки испикёш, и фсё* (Шишкеево, Рузаевский район). *Ф празники пякли блины пшонны ай гричишны и мяхкии* (Куликово, Теньгушевский район). *Бывалъчя, как празник патходит, фсе полбинники нъчинают стряпъть* (Смолько-во, Лямбирский район). *Па празникъм ръзнату пикли. У нас ръзната – мяхкъй хлеп, ситный, пирок* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). *Зафтръ лушник пец буду – празник* (Нагаево, Инсарский район). *Зафтръ празник, нынчи будим здобны пичи* (Ивановка, Ромодановский район). *Блинцы пикём ис пъшанишнъй муки на празник* (Жуково, Торбеевский район). *Присники па празникъм пикём. А у вас приснякоф ни пякут?* (Черемис, Ковылкинский район). *Па празникъм пикли сладушки дъ дитей малых кармили* (Софьино, Ельниковский район). *Шанишки у нас пякут токъ па празникъм* (Паньжа, Ковылкинский район).

Как показывает проведенное исследование, выявленные наименования чаще являются однозначными, но могут иметь и полисемантичную структуру, при этом отдельные значения называют как используемые во время обряда кушанья, так и другие предметы или явления: ***зубо'к*** в 1 знач. – '*пирог, который приносят в подарок роженице родственники и соседи*', во 2 знач. – '*небольшой хлебец, напоминающий по форме зуб; его пекут сразу после рождения ребенка*', в 3 знач. – '*подарок от матери младенца тому, кто первый обнаружит зубы у ребенка*'; ***кану'н*** во 2 знач. – '*медовый напиток, который пьют на поминках*', в 3 знач. – '*стакан с медом, в который втыкают горящие свечи на похоронах и поминках*'; ***па'ска*** в 1 знач. – '*весенний религиозный праздник Воскресения Христа; Пасха*', во 2 знач. – '*сладкое кушанье из творога, приготовляемое к Пасхе*'.

В составе наименований ритуальных кушаний зафиксированы немногочисленные непроизводные слова, являющиеся собственно лексическими диалектизмами: ***тау'сенька***, ***ключа***, ***шанежка***, [1]***таусинка*** и др. Большая часть слов этой группы является производной на базе компонентов общенародного языка в результате различных словообразовательных процессов. Наибольшее распространение для данной группы наименований получил морфологический способ в его суффиксальной разновидности. Разнообразна система мотивационных признаков, положенных в основу номинации ритуальных кушаний, что отражает познавательный опыт человека. Ритуальное кушанье может называться по признаку, связанному с обозначением свойств и качеств блюда (***сладу'шка*** – '*пресная сдобная лепешка*', ***пресни'к*** – '*запеканка из пшенной каши с яйцами*', ***разнота'*** в 1 знач. – '*разные сорта хлеба*',), характерным действиям в процессе приготовления (***завари'ха*** в 1 знач. – '*жидкая каша* ', ***крути'ха*** – '*род похлебки из муки, разболтанной на молоке или воде*'), какому-либо предмету в его составе (***лапше'нник*** – '*запеканку из лапши*', ***по'лбенник*** в 1 знач. – '*хлеб из полбы*', ***липня'к*** во 2 знач. – '*хлеб из сушеных листьев деревьев и мякины*', [1]***лу'чник*** в 1 знач. – '*пирог с луком*', ***ры'бник*** – '*пирог с начинкой из рыбы*'). Как видим, диалектные слова образуются в результате установления определенных смысловых и словообразовательных отношений между фрагментом действительности, уже зафиксированным в языковой системе, и новым фрагментом, появившимся в языковом сознании.

Распространенным оказался также лексико-семантический способ, основывающийся на изменении в семантике существующих слов: ***зубо'к***, [1]***крест*** во 2 знач., [1]***рак***, ***ле'сенка***, ***лестница*** в 1 знач. и т.п. Данные наименования отражают процесс появления нового значения у слова на основе метафорического переноса – внешнего сходства разных предметов. Зафиксированы наименования ритуальных кушаний, образованных в результате морфолого-синтаксического способа (субстантивации): ***мя'гкий*** в 1 знач. – '*белый хлеб домашнего печения*', ***си'тный*** – '*круглый хлеб из просеянной ситом муки*', ***сдо'бный*** – '*пирог из теста, замешанного на сметане, масле и яйцах*' и др.

Таким образом, в номинации ритуальных кушаний находят отражение результаты оценочной деятельности человека, непосредственно связанной с особенностями его жизнедеятельности, такие языковые единицы дают представление о своеобразии взглядов на окружающий мир, системе ценностей сельских жителей.

Литература

1. Акимова Э.Н., Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Этнолингвокультурологическая интерпретация бытовой и обрядовой фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики. В 3-х т. Т. 1. – Ростов н/Д.: Научное сотрудничество, 2014. – С. 73–99.

2. Анохина Л.И. Названия ритуальных кушаний в орловских говорах // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Выпуск 2. Доклады и сообщения VIII Российской научно-практической конференции. – Орел, 2001. – С. 193–195.

3. Гришанова В.Н. Обрядовые выпеченные изделия и их названия в одном из орловских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)-1994 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука,1994. – С. 83–88.

4. Коконова А.Б. Функции хлеба в родильном и похоронном обрядах Архангельской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)-2009 / Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука, 2009. – С. 412–417.

5. Лутовинова И.С. О названии свадебного хлеба в псковских говорах // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект): межвузовский сборник научных трудов. – Псков, 1995. – С. 39–43.

6. Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Этнолингвистическая репрезентация обрядовой деятельности во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Финно-угорский мир. – 2013. – №2 (15). – С. 59–63.

7. Мочалова Т.И. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет; под ред. Г.Ф. Ковалева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 295–303.

8. Никифорова О.В. Наименования обрядовых выпеченных изделий в нижегородских говорах // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 276–280.

9. Павлова Н.В. Наименования обрядовых блюд и кушаний (на материале «Словаря орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)-2009 / Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука. 2009. – С. 179–184.

10. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р.В. Семенковой: А-Я. – Вып. 1–8. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

11. Тихомирова Н.П. Названия обрядового хлеба в белозерских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)-2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука. 2011. – С. 381–184.

12. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии / Э.Н. Акимова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова, Н.И. Ершова, Л.Н. Денисова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.

«НОНЕ СМОТРЕНЬЁ»
(НАИМЕНОВАНИЯ СМОТРИН НЕВЕСТЫ В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ)

О.В. Никифорова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.ф.н., доцент; e-mail: snegaovnik@rambler.ru
Россия, г. Арзамас

Юбилей Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования – хороший повод сказать слова благодарности исследователю народных говоров, разностороннему филологу, моему Учителю, привившему любовь к русскому языку. В статье на материале нижегородских говоров охарактеризована лексическая объективация народных представлений об одном из важных эпизодов предсвадебного периода, рассмотрены диалектные наименования, репрезентирующие смотрины невесты.

Ключевые слова: *нижегородские говоры; лексика и фразеология свадебного обряда; наименования обряда «смотрины невесты».*

Главным направлением многогранного научного творчества доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ Людмилы Алексеевны Климковой, известного исследователя в области диалектологии, является изучение говоров Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, в частности одного фрагмента языка повседневности сельского жителя – микротопонимов (названий объектов сельской местности, внутри населённого пункта и вне его), сельских (микро)топонимических систем – во взаимодействии с апеллятивным фрагментом в нескольких аспектах: семасиологическом, ономасиологическом, когнитивном, ментальном концептуальном, системном, функционально-дискурсном [1]. Исследования Л.А. Климковой регионального материала не теряют своей актуальности, поскольку русские народные говоры, в частности нижегородские, – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его лингвистическое богатство, но и ценнейшее культурное достояние, в котором зафиксированы знания, веками накопленные носителями данной культуры. Народная речь хранит особые, не всегда транслируемые литературным языком знания, например, о традиционном русском семейном укладе

жизни, о национальных обрядах, народном календаре. Слово, особенно диалектное, – одна из ярких форм отражения истории и культуры народа, поскольку диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир, который объективируется носителями диалектов с точки зрения категории практической ценности. Поэтому в русских народных говорах семантически и словообразовательно маркируется именно то, что является для человека важным, ценным в повседневной жизни.

Во внутренней форме русского диалектного слова находят своё отражение обряды как неотъемлемая часть народной культуры. Так, обряды предсвадебного периода, направленные на знакомство семей молодых людей, вступающих в брак, достижение договора о браке, подготовку к свадьбе и прощание невесты и жениха с холостой жизнью, включают смотрины, благодаря которым оценивалось хозяйство в доме невесты. Кроме того, на смотринах проводились ритуальные действия, которые касались проверки и оценки внешности и физических качеств невесты (реже – жениха или их обоих), а также хозяйственных способностей будущей жены. Смотрины невесты родственниками жениха устраивали традиционно после осмотра хозяйства жениха, как отмечает К.Е. Корепова, «…они образуют парные обрядовые церемонии». [2, с. 54]. Смотрины – это показ невесты жениховой родне, демонстрация её внешности, способностей. Проведение смотрин невесты являлось необходимым при условии, если невеста была из другого населённого пункта, если жених не видел невесту, не участвовал в сватовстве или решение за него принимали родители. Смотреть невесту приезжали жених с родителями, сваха и родственники молодого: *«Глядины у нас были, невесту глядели, родители ходили, глядели на её хозяйство, на невесту»* (с. Шилокша Кулебакского р-на). Невеста в течение всего вечера была главным действующим лицом. Показ невесты происходил по-разному. Нарядно одетая девушка появлялась перед жениховой роднёй. По традиционному обычаю она сохраняла молчание и могла переодеваться в лучшие платья до трёх раз. Соблюдался и обряд испытания невесты. Иногда мать жениха спрашивала: «А ловка ли девка?». Тогда невеста брала веник и делала вид, что метёт пол. Невесту заставляли прясть, шить, затем проверяли качество работы. Таким образом, на смотринах невеста обычно демонстрировала свои лучшие наряды, стремилась показать себя рукодельницей и хорошей хозяйкой: *«В назначенный день устраивали смотры, прежде давали невесте пряжу, проверяли, умет ли она прясть, давали подметать пол»* (д. Митино Вачского р-на).

Показ достатков невесты в нижегородской свадьбе представлен разветвлённой системой однословных наименований. В этом наблюдается отличие от названий осмотра дома жениха родственниками невесты, среди которых преобладают глагольные сочетания с существительным – объектом обрядового действия, ср. *смотре́ть дом, смотре́ть двор, смотре́ть ме́сто, смотре́ть ма́тку, смотре́ть шесто́к, гляде́ть дом, гляде́ть хозя́йство, гляде́ть дворы́, бить кри́нку*. В наименования же оценки невесты выносилось только действие по отношению к молодой, которая являлась центральным персонажем данного предсвадебного обряда.

В нижегородских говорах выделяются лексемы, номинирующие смотрины невесты с корнем -смотр-: *смотри́ны, смо́трины, смо́тры, смотре́нье, смотреньё.* В литературном языке функционирует лексема *смотри́ны* – ‘в старинном русском свадебном обряде: знакомство жениха и его родственников с невестой’ [МАС-4, с. 159], представляющая собой суффиксальный дериват от глагола смотре́ть – ‘осматривать, рассматривать кого-л., что-л. с целью ознакомления’ [МАС-4, с. 159]. Аналогичный номинатив функционирует и в нижегородских говорах: *«К нам приходили на смотрины меня смотреть, народу цела изба набилась, глядели, как я хожу да как с родителями говорю, почитаю ли я их. Понравилас я им сразу»* (д. Рахманово Вадского р-на). Наименования, репрезентирующие этот обряд, в основном связаны с его прагматикой – осмотром, поэтому названия производны от глаголов с семантикой смотрения, а разнообразие суффиксальных дериватов от основы глагола *смотреть* достигается за счёт использования словообразовательных средств: с суффиксом -ин- образованы названия *смотри́ны, смо́трины;* суффикс -еньj- участвует в образовании слов *смотре́нье, смотреньё;* бессуффиксным способом создано слово *смо́тры*. В русских говорах известны данные суффиксальные производные: *смотре́нье* (нижегор., новг., арх. и др.), *смотри́ны* (волог.), *смо́тры* (волог., киров.) [СРНГ-39, с. 48, 52, 53–54].

Кроме того, в нижегородских говорах для номинации данного обряда используются семантически тождественные лексемы, образованные суффиксальным способом, однако в качестве производящего выступает глагол *гляде́ть*, который в значении ‘пристально, со вниманием рассматривать кого-, что-л., осматривать, рассматривать’ в литературном языке имеет просторечный характер [МАС-1, с. 318]. Ряд продуктивных формантов, использующихся для деривации, в диалектном языке существенно шире, чем в литературном. Так, в говорах зафиксированы лексемы *гляди́ны, гляде́лки, гляде́нье, зглядýшки, погля́дки*: *«Я был беден, а невеста, теперь уж жена, богата, родители мои*

съездили на поглядки и говорят, мол, ты ей не пара, у них скотины полон двор, зерно. А мы что им будем показывать?» (д. Бахаревка Сеченовского р-на). В СРНГ лексема *глядúны* отмечена в олонецких и костромских говорах [СРНГ-6, с. 230–231], слово *глядéнье* зафиксировано в псковских говорах [СРНГ-6, с. 228]. СРНГ не содержит наименования *зглядýшки,* однако приводит лексему *зглядины* – ‘смотрины’ с пометой Курск. [СРНГ-11, с. 228]. Также известен говорам номинатив *поглядки*, который может быть мотивирован либо непроизводным глаголом глядеть, либо производным от него *поглядывать* – ‘смотреть, считать, думать, полагать’ [СРНГ-27, с. 294] и зафиксирован в значении ‘в свадебном обряде – смотрины невесты’ в курских, воронежских, орловских говорах [СРНГ-27, с. 294].

Лексема *казáнье* обладает прозрачной внутренней формой, мотивирована устаревшим и просторечным глаголом *казáть* – ‘показывать’ [МАС-1, с. 318]. Указанная лексема отмечена в СРНГ как употребительная в вятских, тверских и нижегородских говорах [СРНГ-12, с. 309]. *«На казанье заставляли меня пройтись по одной половице, узнавали, не косая ли, руки поднимать заставляли, снимать платок с головы, всё старались узнать, нет ли какого порока»* (с. Шандрово Лукояновского р-на).

В нижегородских говорах номинация смотрин невесты происходила также по времени проведения. Данная подгруппа объединяет суффиксальные производные от существительного *вечер*: *вечерúны, вечерúнка: «Свахи приходили после сватовства, смотрели невесту, кака она, не слепа ли, не глуха ли. Свах угощали. Эт вечерины были»* (с. Помра Дальнеконстантиновского р-на).

Таким образом, в нижегородских говорах наблюдается разнообразие названий, обозначающих обряд «смотрины невесты». Рассмотренные примеры показывают, что лексемный ряд наименований данного обряда в нижегородских говорах разнообразен и обусловлен экстралингвистическими факторами. В основе наименований лежит функциональный признак, они представляют собой отглагольные номинативы. Используемые диалектоносителями языковые средства демонстрирует широкие словообразовательные возможности нижегородских говоров [3].

Литература

1. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. – М.: Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

2. Корепова К.А. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье: монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. – 663 с.

3. Никифорова О.В. Нижегородская обрядовая лексика: словообразовательный потенциал // Вопросы филологии в современных исследованиях: международный сборник научных трудов, посвящённый памяти елецких языковедов / отв. ред. Т.М. Свиридов. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С. 105–110.

4. Никифорова О.В. Наименования обряда осмотра хозяйства жениха (на материале нижегородских говоров) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: материалы. – М.: Принтика, 2021. – С. 176–180.

5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников – М.-Л.: СПб.: Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49. (В тексте – СРНГ).

6. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. (В тексте – МАС).

МИКРОТОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ОЙКОНИМИИ

С.А. Попов

Воронежский государственный университет,
к.ф.н., доцент; e-mail: spo@bk.ru
Россия, г. Воронеж

В микротопонимии зачастую сохранились слова, вышедшие из употребления, зафиксированные только в географических названиях, и в настоящее время встречающиеся лишь в древних письменных источниках и историко-этимологических словарях. В статье рассматриваются микротопонимы, ставшие основой ойконимии Воронежской области.

Ключевые слова: *ономастика; топонимия; микротопонимия; региональная ойконимия; лингвокраеведение.*

Региональная микротопонимия по праву является частью общенациональной топонимической системы и представляет собой фрагмент языковой картины мира местного населения.

Большой вклад в исследование микротопонимии России внесла Людмила Алексеевна Климкова. Её основные научные труды данной тематики посвящены родной Нижегородчине, Окско-Волжско-

Сурскому междуречью, и в настоящее время служат образцом комплексного микротопонимического исследования целого субъекта Российской Федерации для ономатологов из других регионов нашей страны.

Рассмотрим значение региональной микротопонимии в качестве источника воронежской ойконимии.

Воронежская область была образована в 1934 году в результате разделения Центрально-Чернозёмной области на Воронежскую и Курскую области. Первоначально в её состав входили 84 района. Затем в течение нескольких десятков лет административно-территориальное устройство региона многократно менялось: в состав вновь созданных областей отходили районы, затем часть из них возвращалась, образовывались новые районы. Границы Воронежской области также были изменены в 1954 году в связи с образованием Каменской, Балашовской, Липецкой и Белгородской областей. В 1957 году в связи с ликвидацией Каменской и Балашовской областей в состав Воронежской области были частично возвращены районы, отходившие к этим областям в момент их образования. Таким образом, с 1957 года внешние границы Воронежской области остаются неизменными.

Стараниями членов Воронежской ономастической школы под научным руководством доктора филологических наук, профессора Г.Ф. Ковалёва топонимическая система региона хорошо изучена в синхроническом аспекте. Проведены серьёзные исследования по гидронимии (В.А. Сёмушкин [1]), катойконимии (В.П. Фролова [2]), микротопонимии (Л.Н. Верховых, Д.Н. Гальцова, Г.Ф. Ковалёв [3], Э.О. Пархоц, Т.В. Толбина [4]), ойконимии (С.А. Попов [5–6]). Также издан «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» [7], позволяющий расшифровать многие воронежские микротопонимы. Хорошо исследована и микротопонимия соседней Липецкой области [8], значительная часть которой до 1954 года входила в состав Воронежской области.

В настоящее время согласно административно-территориальному делению по состоянию на 1 декабря 2020 года в Воронежской области: число муниципальных районов – 31, городских округов – 3, поселений – 445, в том числе: городских – 28, сельских – 417. Всего населённых пунктов – 1731, в том числе: городских населённых пунктов – 32 (городов – 15, посёлков городского типа – 4, рабочих посёлков – 13), сельских населённых пунктов – 1699 [9, с. 14].

Из 1731 современного воронежского ойконима часть образована на базе местных микротопонимов. Пристальное внимание современных исследователей к микротопонимии обусловлено, «во-первых, тем, что данная лексика относится к уходящей: как и диалект, она исчезает вместе с поколениями, для которых была актуальной; исчезают и обозначаемые ею объекты. Во-вторых, микротопонимы из-за специфики своего возникновения, бытования и изменения являются уникальным «ключом» к языковой и внеязыковой информации: сведениям о диалекте, истории заселения края, его природе, занятиях жителей, фольклоре и в определенном смысле – народном сознании» [10, с. 63].

По мнению Л.А. Климковой, «общенациональная ЯКМ [языковая картина мира. – С. П.], являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) – этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определённой территории (региона), социума, как личностью» [11, с. 12].

Рассмотрим ряд воронежских ойконимов, источником образования которых стали региональные микротопонимы. Прежде всего, это микротопонимы, в которых отразились природные особенности местности:

Алешки́ – село Терновского района, административный центр Алешковского сельского поселения. Основано в I половине XVIII в. крестьянами-однодворцами. *Алешками* (*олешками*), *алешнёй* на местном диалекте называют ольховые заросли.

Белого́рье – село Подгоренского района, административный центр Белогорьевского сельского поселения. Основано в конце XVII в. *Белогорье* – 'высокий расчлененный берег реки с частыми обнажениями белого писчего мела'. В Воронежской области Белогорьем называют правобережье Дона от устья Воронежа до устья Чёрной Калитвы.

Бе́лый Коло́дезь – хутор Богучарского района, входит в состав Твердохлебовского сельского поселения. Основан в 1926–1927 г. вокруг колодца, выкопанного в 1870 г. и давшего название населённому пункту. Эпитет *белый* характеризует особенность колодца, выкопанного в меловой почве.

Березки́ – село Павловского района, входит в состав Александро-Донского сельского поселения. Прежнее название – *Берёзовый хутор*. Основано во второй половине XVIII в. Расположено у *оврага Берёзового,* названного по росшим там берёзам.

Бирю́ч – село Таловского района, входит в состав Тишанского сельского поселения. Основано в 1851-1857 гг. Названо *по Бирюченскому оврагу*, в котором водились волки, *бирюки* на местном диалекте; **Бирю́ченское** – село Каширского района, входит в состав Каширского сельского поселения. Названо по *Бирюченскому оврагу* (в овраге в прошлом водились волки, которых на местном диалекте называют *бирюками*); **Бирю́чий** – посёлок Грибановского района, входит в состав Калиновского сельского поселения. Основан в 1923 г. переселенцами из с. Верхний Карачан вдоль длинного оврага. В этих местах прежде водились волки, которых на местном диалекте называют *бирюками*. По другой версии, название посёлка было связано с его отдельным местоположением, других населённых пунктов рядом не было. *Бирючий* – от слова *бирюк*, которое означает 'одиночка', 'отшельник'.

Больша́я Тре́щевка – село Рамонского района, входит в состав Сомовского сельского поселения. Названо по ручью *Трещевка*. Первая часть названия отражает размер населённого пункта по сравнению с соседними с. Трещевка и дер. Малая Трещевка. Ручей так именуется за характерный звук, издаваемый текущей водой: она как бы «трещит».

Бор – посёлок Рамонского района, входит в состав Рамонского городского поселения. В связи со строительством в XVII в. на воронежских верфях русского военного флота в *Усманском бору* велись лесоразработки. Позже там возник посёлок под названием *Бор*. *Бор* – 'красный или хвойный лес; строевой сосновый или еловый лес по сухой почве, по возвышенности; хвойник с ягодными кустами и грибами' (В.И. Даль); **Бор** – село Нижнедевицкого района, входит в состав Нижнедевицкого сельского поселения. Назван по соседнему бору. В воронежских диалектах *бор* – 'сосновый лес на песчаных возвышенностях', 'дубовый лес', 'большой лес', 'сырое торфяное место' [7, с. 36].

Боро́к – хутор Хохольского района, входит в состав Староникольского сельского поселения. Расположен у небольшого бора (борка). В воронежских диалектах *борок* – 'небольшой сосновый лес' [7, с. 36].

Бык – хутор Кантемировского района, входит в состав Зайцевского сельского поселения. Основан в начале XIX в.; сёла **Верхний Бык** и **Нижний Бык** Воробьёвского района. *Бык* – 'узкий обрывистый мыс между двумя отвершками оврага, балки на юге Воронежской области'. В воронежских диалектах *бык* также означает 'нависающий меловой утёс', 'гора' [7, с. 46]; **Бычо́к** – село Петропавловского района, административный центр Бычковского сельского поселения. Основано в 1718 г., первое упоминание о селе в документах относится к 1724 г. Названо по урочищу *Бычок*. Слово *бычок* на местном диалекте означает 'мыс, угол речного берега и подводное продолжение берега, выгнутое, как спина быка, и образующее порог'. В.А. Прохоров полагает, что «слова *бычок, бык* в русских диалектах означали – взгорок, возвышенность на мысу у слияния двух речек. От этих слов, отражающих признаки местного рельефа, и произошло название села».

Бы́стрик – хутор Семилукского района, входит в состав Землянского сельского поселения. Назван по ручью *Быстрик*, протекающему через хутор. Название ручья связано с его быстрым течением.

Дерезо́вка – село Верхнемамонского района, административный центр Дерезовского сельского поселения. Основано в 40-х гг. XVIII в. Названо от слова *дереза* – 'заросли степных кустарников из дерезы или челиги, вишни, бобовника, тёрна, боярышника, шиповника'.

Дивного́рье – хутор Лискинского района, входит в состав Селявинского сельского поселения. Название местности дано из-за меловых гор – очень красивых, причудливых по форме, «дивных», образовавшихся в результате выветривания. *Дивногорье* – 'крутое меловое правобережье Дона у устья Тихой Сосны, с хорошо сохранившимися дивами – меловыми останцами причудливой формы'.

Ендо́вино – хутор Россошанского района, входит в состав Шекаловского сельского поселения. Основан в конце XVIII века переселенцами из с. Шекаловка. Название связано с апеллятивом *ендовина* – 'пологая или плоская низменность с луговой растительностью', 'плоский, пологий овраг', 'углубление, впадина в поле с отлогими краями, чаще всего с водой', 'глубокое болото' [7, с. 96]; **Ендови́ще** – село Семилукского района, входит в состав Семилукского сельского поселения. Название характеризует географическую особенность местности. *Ендовище* на местном диалекте означает 'впалая поляна' или 'луговина, обширная плоская впадина'.

Колыбе́лка – село Лискинского района, административный центр Колыбельского сельского поселения. Прежнее название – *дер. Полковницкая* (её основал полковник Острогожского полка Иван Дзиньковский). Современное название дано по реке *Колыбелка* ('речка, зарождающаяся из родника, *колыбели*').

Копани́ – хутор Россошанского района, входит в состав Лизиновского сельского поселения. Основан как усадьба «Чагари» (лесная сторожка) Е.И. Чертковой при одном из двух прудов.

В воронежских диалектах *копани* – 'небольшие искусственные (выкопанные) водоемы' [7, с. 152]. Деревня, исподволь при копанях поселившаяся, нередко также называется *копанями* (В.И. Даль).

Копани́ще – село Лискинского района, административный центр Копанищенского сельского поселения. В воронежских диалектах *копанище* – 'ров, рытвина' [7, с. 152]. На наш взгляд, на этом месте ранее были *копани*, поскольку суффикс *-ище-* означает 'место, где ранее что-либо находилось'.

Ко́панки – посёлок Павловского района, входит в состав Петровского сельского поселения. **Ко́панки** – хутор Россошанского района, входит в состав Новопостояловского сельского поселения. В воронежских диалектах *копанка* – 'яма, выкапываемая на огороде для собирания дождевых или грунтовых вод с целью полива овощей' [7, с. 152].

Красного́ровка – село Богучарского района, входит в состав Дьяченковского сельского поселения. Известно по документам с 1773 г. Название отражает особенности почвы и рельефа: *красногорье* – 'возвышенность с почвой красноватого цвета', 'крутой склон с почвой красного цвета' [7, с. 287].

Озёрки – село Бутурлиновского района, административный центр Озерского сельского поселения. Основано в 1840 г. как хутор на месте впадения ручья *Озёрки* в р. Чигла переселенцами из села Козловки, после строительства в 1877 г. Вознесенской церкви приобрело статус села. Названо по ручью. Озёрки – это народное воронежское слово со значением 'сырая низина, покрытая высыхающими озёрами и болотами'.

Ольхо́в Лог – село Каменского района, входит в состав Карпенковского сельского поселения. Прежнее название – хутор *Верх Ольховатский*. Расположено у *Ольхового Лога* при истоке реки Ольховатка, отчего и получило название. *Лог* – 'плоскодонная балка с лугово-степной растительностью, долина небольшой реки, преимущественно в её верхнем течении'.

Подстёпки – посёлок, входит в состав Борисоглебского городского округа. *Подстёпок* – 'ерик, побочный, глухой рукав реки или протока, идущий в сторону, в степь; речной рукав без устья, пропадающий в песках и камышах' (В.И. Даль).

Поля́на – село Грибановского района, входит в состав Листопадовского сельского поселения; **Поля́на** – хутор Нижнедевицкого района, входит в состав Новоольшанского сельского поселения; **Поля́на** – село Поворинского района, входит в состав Октябрьского сельского поселения; **Поля́на** – село Семилукского района, входит в состав Староведугского сельского поселения; **Поля́на** – село Терновского района, входит в состав Русановского сельского поселения. Основано в 1780 г. В указанных названиях отражены местные природные особенности: в воронежских диалектах *поляна* – 'луг', 'небольшое ровное пространство среди леса, лишенное древесной растительности', 'равнина, безлесое место' [7, с. 251].

Приши́б – село Калачеевского района, административный центр Краснобратского сельского поселения. *Пришиб* – 'яр, при крутом повороте реки, в колене' (В.И. Даль).

Прия́р – хутор Лискинского района, входит в состав Петропавловского сельского поселения. Прежнее название – хут. *Дехтярной* (Дегтярный). Основан в середине XVIII в. как скотоводческий хутор. В названии отражено местоположение населённого пункта – около яра (при *яре* – крутом обрывистом берегу реки Дон). В.И. Даль трактует прилагательное *пріяристый, пріяроватый* как 'крутобережий, обрывистый'.

Ро́стань – посёлок, входит в состав Борисоглебского городского округа. В воронежских диалектах *росстань* – 'разветвление дороги, оврага' [7, с. 285].

Сапожо́к – хутор Рамонского района, входит в состав Чистополянского сельского поселения. Апеллятив *сапожок* обозначает 'земельное угодье', 'возвышенное место среди болота'.

Солонцы́ – село Воробьёвского района, административный центр Солонецкого сельского поселения. Прежнее название – *Солонецкая Вершина*; **Солонцы́** – хутор Каменского района, входит в состав Сончинского сельского поселения; **Солонцы́** – хутор Кантемировского района, входит в состав Михайловского сельского поселения; **Солонцы́** – село Каширского района, входит в состав Старинского сельского поселения; **Солонцы́** – хутор Лискинского района, входит в состав Нижнеикорецкого сельского поселения. Указанные названия отражает особенности почвы в данной местности: *солонцы* – 'глинистые, бесструктурные почвы, не обязательно засоленные'.

Стре́лица – посёлок Острогожского района, входит в состав Шубинского сельского поселения. **Стре́лица** – рабочий посёлок Семилукского района, административный центр Стрелицкого городского поселения. На местном диалекте *стрелица* – 'возвышенность вытянутой формы', 'мыс, образуемый слиянием двух рек'.

Стре́лка – хутор Лискинского района, входит в состав Нижнеикорецкого сельского поселения. *Стрелка* – 'мыс, длинная коса при слиянии двух оврагов'.

Ярки́ – село Каменского района, входит в состав Тхоревского сельского поселения. Прежнее название – *Богатырский Ярок* (по прозвищу первопоселенца *Степана Богатыря*); **Ярки́** – село Новохопёрского района, административный центр Ярковского сельского поселения. Основано в 1811 г. Название отражает особенности местного рельефа – в округе имеется множество балок и водоток, которые на здешнем диалекте называют *ярками*. В некоторых местах яром зовут также заросший овраг.

Таким образом, воронежские микротопонимы, ставшие источником региональной ойконимии, играли важную роль в процессе номинации населённых пунктов.

Литература

1. Сёмушкин В.А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: дисс. … канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 140 с.

2. Фролова В.П. Типология русских катойконимов на фоне германских языков: дисс. … канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 194 с.

3. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. В 2 т. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. I: А–Л. – 410 с.; Т. II: М–Я. – 420 с.

4. Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области. Особенности номинации: дисс. … канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 199 с.

5. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. – Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. – 285 с.

6. Попов С.А. Словарь названий населённых пунктов Воронежской области // Топонимия Воронежского края / С.А. Попов, Т.Ф. Пухова, Е.А. Грибоедова; научн. ред. доктор филол. наук Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. – С. 7–247.

7. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края / (с историческими комментариями). – Воронеж: ВГУ, 2009. – 344 с.

8. Щеулина Г.Л. Словарь микротопонимов липецкого края. В 2 ч. Ч. 1. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – 295 с.; Ч. 2. – Липецк: ЛГПУ, 2008. – 283 с.

9. Реестр (справочник) «Административно-территориальное устройство Воронежской области» (по состоянию на 1 декабря 2020 года). – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020.

10. Пархоц Э.О. Микротопонимы как носители диалектной информации (на материале микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – №3. – С. 63–65.

11. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. … д. филол. наук. – М., 2008. – 65 с.

ИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В ЧАСТУШКАХ ДОНБАССА

К.В. Першина

Донецкий национальный университет,

к.ф.н., доцент; e-mail: pershinakv@mail.ru

ДНР, г. Донецк

В статье рассматриваются именования лица в текстах частушек, записанных в населенных пунктах Донбасса во 2-й половине XX века. Определяется состав именований мужчин и женщин в частушках разной тематической направленности, устанавливается принадлежность анализируемых номинативных единиц к общерусскому лексическому фонду.

Ключевые слова: *частушка; именование лица; Донбасс.*

Донбасс – это край не только с богатой промышленно-экономической и политической историей, но и с богатой народной культурной традицией. Произведения устного народного творчества Донбасса в течение четверти XX века собирал и изучал П.Т. Тимофеев; он последовательно и настойчиво обследовал более 100 населенных пунктов Малого Донбасса (территория Донецкой и Луганской областей до 1991 года) и в начале XXI века издал собрание фольклорных произведений разных жанров – сказок, легенд, преданий, шахтёрских сказов, быличек, песен, частушек, присловий, произведений детского фольклора [11].

«Мир поэтической культуры народа, – отмечает П.Т. Тимофеев, – более хрупок, тонок по сравнению с предметами материального производства, но зачастую именно он более глубоко и полно передает саму атмосферу духовного наполнения эпохи, степень выражения исторического сознания народа» [11, с. 3]. Анализ собранных в Донбассе фольклорных произведений различных жанров

вносит свой вклад в процесс осмысления ментального пространства живущих в донецком крае людей, его качественного наполнения, ценностных ориентиров и приоритетов. Представленные в виде текстов, они позволяют ввести изучение фольклора Донбасса в общерусский контекст на правах одного из региональных компонентов, поскольку «фольклорная традиционная культура в своей конкретной наполненности всегда региональна и локальна» [7, с. 9; 13, с. 144].

П.Т. Тимофеев отмечает, что первое место по популярности в Донбассе принадлежало во 2-й половине XX века (т.е. в период записи) частушке, хотя в это время она уже не являлась молодежным жанром и жила в пассивной памяти среднего и старшего поколений, оживая и актуализируясь в определённых дискурсных условиях. «Вдруг, на свадьбе или другом торжестве народном, на празднике, во время коллективного гулянья, просветлеет лицом, помолодеет, не удержится кто-либо из наших бабушек, пойдет в пляс, – неожиданно нахлынут, да так и посыплются частушки, одна удивительнее другой. И всё это под перепляс, под стук каблучков…» [11, с. 11].

К частушкам, записанным в Донбассе, в полной мере относится сказанное об этих фольклорных произведениях С.Г. Лазутиным, который отмечал, что главное назначение частушек состоит в выражении определенного отношения к жизненным явлениям и ситуациям, в передаче самых разнообразных мыслей, чувств и настроений [5, с. 137]. Предметом высказывания в частушке может стать любое событие местного, районного, общегосударственного значения: полет в космос, пересчет пенсий, мода на что-либо, назначение нового начальства и т.п. [1, с. 158]. Разнообразие жизненных явлений и ситуаций, на которые откликаются сочинители и исполнители частушек, обусловливает разнообразие их словесного наполнения. Лексический состав частушек формируется в результате взаимодействия целого ряда факторов: жанрово-поэтической отнесённости, тематической приуроченности, времени и места создания, прагматической направленности и др.

В настоящее время анализ средств вербализации устно-поэтической концептосферы является обязательным при изучении фольклора; это стало предметом отдельного направления – лингвофольклористики [14; 16], имеющей широкие перспективы дальнейшего развития. Ср.: <…> «сам язык фольклорных жанров (как стихотворных, так и прозаических) до сих пор представляет собой явление во многом загадочное и непознанное» [10, с. 5]. Уже сейчас, как отмечает А.Т. Хроленко, выделены проблемы семантики фольклорного слова, морфемики фольклорного слова, фольклорной лексикографии, фольклорной диалектологии, идиолекта в фольклорном тексте, взаимодействия фольклорных традиций [17]. Исследование языка фольклора Донбасса может внести свой вклад в их разработку.

При систематизации частушек, записанных в Донбассе, П.Т. Тимофеев учитывал циклический характер их исполнения и тематическую направленность. В итоге им были сформированы следующие тематические блоки: «Скажи, милый, мне словечко» (268–380), «Как надену бело платье…» (381–483), «Я страдаю, застрадаю….» (484–612), «Прислал милый письмецо…» (613–651), «Говорят, я боевая…» (652–685), «Ой, подружка дорогая» (690–743), «Меня милый изменил» (744–792), «Топни нога, да притопни друга!» (793–877), «Гармонист, гармонист, вьются кудри на картуз» (878–905), «Покатилась с неба зорька» (906–1101), «А мой милый – комбайнёр» (1102–1132), «Передай на фронт бойцу» (1183–1231), «Милый в армию поехал» (1232–1270). Перечисленные тематические блоки частушек связаны с концептуальной сферой «любовные отношения». Кроме них, выделены шахтерские частушки (1271–1416), частушки циклов «Семёновна» (1417–1446) и «Яблочко» (1447–1453). (Цифры в скобках указывают порядковый номер произведения в сборнике.)

Лексический состав донбасских частушек связан с разными концептуальными сферами. Значительное место в нём занимают разнообразные именования лица, как апеллятивные, так и онимные. Данные именования представлены во всех выделенных автором сборника тематических блоках частушек, поскольку эта лексическая группа является стержневой, структурообразующей в реализации частушечного коммуникативного акта. Апеллятивные номинации лица включаются в семантические поля «молодые люди», «любовные отношения», «производственные отношения»», «родственные отношения» и нек. др.. В большинстве этих полей наблюдаются и онимные номинации (различные формы личных имен, фамилии, отчества). Поскольку частушки долгое время были молодежным жанром, в них находит отражение лексика, содержащая семы ‘молодой мужчина’, ‘молодая женщина'; соответствующие лексические единицы употребляются в сингулятивных и плюральных формах: *парень, паренёк, парнишка, парни, мальчишка, ребята, девка, девки, девчата, девочки, девчонка, девчоночка, девонька, девушка*, включенных в различные синтагматические конструкции: *парень девушку зовёт; полюбила я его, / он парнишка ничего; полюбить, так полюбить / паренька хорошего; нынче парни хитрые, / знают, с кем знакомиться; у ворот стоит мальчишка, / познакомиться хочу; боевая я девчонка, / боевая, ну и что ж; ой, чья-то девонька / поёт страдания; полюбила я его,/ милые*

девчоночки; все хорошие ребята / в армию уехали; а, девушки-голубушки, / спориться не надо: / ребята сами выберут, / кому какая надо; девочки, девчоночки, / не будьте гордоватые; девки, ух, / девки, ух, / меня сватает пастух; по ребятам сердце сохнет.

Традиционной номинацией женщин в донбасских частушках выступают существительные *подруга, подружка, подруженька, подружечка*, употребляемые в монологическом и диалогическом дискурсе и входящие в различные синтаксические конструкции: *ой, подруга дорогая, сделай уважение; ой, подруга моя Люба (Варя, Вера* и др.*), ой, подруга милая; задушевная подруга; я бы с деточкой гуляла, / да подруга сглазила; мы с подружкой вдвоем / молотили белый лён; все подружки шьют подушки; дорогая ты подружка, / цветочек дорогой; мы, подруженька, с тобой / умные головушки; гармошечка горладная, / а подружечка нарядная*. Соотносительное существительные *друг*, *дружок* встречаются в текстах сравнительно редко: *моя милая подружка, / от меня дружок отстал; задушевная подруга, / задушевная моя, / попытай моего друга: / любит ли он меня*; следует обратить внимание на то, что это слово часто употребляется в значении ‘тот, кому девушка симпатизирует','объект женской симпатии’, ср.: *раздайся, круг – / меня ищет друг; / он не видит издаля, / где симпатия моя.*

Более разнообразен состав номинаций лица, связанных с обозначением любовных отношений, что связано с приоритетностью этой тематики в частушках. Ср.: в одной донбасской частушке поётся*: если б не было воды, / не было бы кружки. / Если б не было любви, / не было б частушки.* Одну часть этих номинаций составляют формально противопоставленные единицы по линии *он – она*, другую – те, которые подводятся под рубрику «существительные общего рода». В первой из указанных групп именований мужчин (употребляемых женщинами) больше, чем именований женщин (употребляемых мужчинами). Именования мужчин: *милый, мил, миленький милёнок, милёночек, мой хороший, дорогой, ухажёр, провожатый, касатик, сокол, соколок, страдатель, кавалер, жених.* Приведем некоторые примеры. *Дожидала милого / часами, минутками; мил, высоко носик носишь; я подгорную пляшу, / на все стороны гляжу: / по которой стороне / идёт миленький ко мне; мой милёнок далеко, / далеко-предалеко; не находится милёночка / пойду домой одна; на тебя, хороший мой, / век не наглядеться; я сказала дорогому / в полуночной тишине: / – вот теперь, ты мой касатик, / выйду замуж на Луне; перееду на ту сторону, / где милый ухажёр; я любила сокола, / сильного, высокого; мой милёнок – соколок, / меня работою завлёк; говорила я ему, / свому провожатому; страдатель мой, / что ты вздумал, / раньше страдал, / а теперь – кумом; мне не двадцать пять годов, / женихи найдутся; ой, топну ногой, / да притопну другой, / все четыре кавалера / закачают головой.*

Именования женщин в мужских частушках – *милая, мила, милка, милочка, милашка, милашечка, дорогая (ты моя), ухажёрка, ухажёрочка,* например: *ох, ты, милая моя, / глянь в окошко, /еду я; глянь в окошко / хоть немножко, / дорогая ты моя; что ты, мила, приуныла; приди, сядь возле меня, / моя милочка; передайте моей милке/ сорок два поклона; я теперя не твоя, / не зови милашкой.*

В группе именований общего рода в частушках сборника отмечаются следующие: *боля, болечка, детка, деточка, залётка, залёточка, забава, ягодка, ягодина, ягодинка, ягодиночка, душечка, дроля*, *матаня*, *матанечка*. Три последних именования употребляются редко. Надо отметить, что в наборе частушек анализируемого сборника преобладает использование этих слов для именования мужчин; в мужских частушках для называния женщин они используются реже. Ср.: (о мужчинах) – *никогда я не поверю, / что мой детка любит двух; детка клятву забывает, / на подруге женится; детку в шахту проводила, / сердце ноет у меня; меня душечка-Ванюшечка/ на тот берег перенёс; позабыл знакомый путь / ухажёр-забава; мне залётка изменил; если б знала, не любила / залёточку, не вызнавши; ты играй, я подпеваю, / слушай, ягодка моя; ягодина, ягодина, / ягодина тайная, / без тебя хожу весёла, / а с тобой – печальная; ягодиночка знакомиться / ни с кем не приказал; я ей дроли не отдам;* (о женщинах) – *мою деточку венчали, / я на паперти стоял; ты матаня, моя Таня, / беленькое личико*, / *не ходи, моя матаня*, */ за единоличника*. Слово *милашка* может выступать именованием мужчины: *у мово-то у милашки / кудри вьются по фуражке.* Способы контекстуального расподобления рассматриваемых именований – родовые формы имен прилагательных и местоимений, формы прошедшего времени глаголов. Случаи их нерасподобления носят единичный характер: *в Петропавловском соборе / болечка венчается.* Большее разнообразие именований мужчин в текстах частушек, связанных с концептуальной сферой «любовь», объясняется тем, что создателями этих частушек были главным образом девушки [5, с. 78].

Названия лиц по профессиональному признаку отражаются в группе шахтёрских частушек: *шахтёр*, *шахтёры*, *шахтерчата* (частушки начала XX в.); *шахтёр*, *шахтёрка*, *забойщик*, *крепиль-*

щик, *откатчица*, *машинист*, *комбайнёр*, *слесарь*, *горняк*, *маркшейдер*, *коногон*, *саношник*, *инженер*, *мотористка*, *шофер* (частушки советского времени). Лексемы *коногон*, *саношник*, *шахтёрка*, *откатчица*, входящие в современном русском языке в группу историзмов, сохраняются в частушках как приметы того времени в жизни Донецкого края, когда они создавались, когда существовали такие профессии: *коногон, коногон, / рубашечка малинова, / через тебя, коногон, / саношника спокинула; кабы знала, не любила / коногона-деточку; я маркшейдера любила, / теперь – коногона; две шахтёрки воду брали, / обе чернобровые*. Основной номинацией в рассматриваемом поле является существительное *шахтёр,* поскольку соответствующая профессия была в Донбассе ведущей в XX в. Ср.: *дед – шахтёр, батяня, брат, / мама на откатке, / я хочу шахтёром стать, / милые девчатки*. Принадлежность к шахтерскому племени может обозначаться в частушках описательно, например: *мой папаша на пластах / продолбал полвека; в шахте новеньким комбайном / он [*милёнок*] рубает уголек.*

Получают отражение в частушках Донбасса именования лица, связанные с другими видами деятельности, например, *лётчик, артиллерист, связист, солдат, пулемётчик, боец, партизан, пехотинец; командир, лейтенант, майор; тракторист, трактористка, комбайнерка* и нек. др.; используются и близкие к названиям профессий лексемы-характеристики *ударник, стахановец, стахановка: хорошо тебе, подружка, / со стахановцем гулять; ой, стахановки-подружки, / на зеленый луг пойдём; мой милёночек красив, / чисто одевается, / у шахтёров расспроси – / ударник называется.*

Во многих частушках представлено слово *гармонист*: *развесёлый гармонист, / сядь на лавочку на край; гармонист у нас хороший, / я его приворожу; кабы знала, не любила / гармониста-деточку; гармонист, гармонист, / серые глазёнки, / из-за тебя, мой гармонист, / сердятся девчонки; гармонист, гармонист, / рубашка атласна, / а я с этим гармонистом / помирать согласна.* Это слово функционирует в едином дискурсе с названием соответствующего музыкального инструмента, очень популярного в Донбассе, ср.: *играй, гармонь моя, / сегодня тихая заря*; *ты играй, играй, гармошка, / играй и страдай, / моё сердце заболит, / забьётся дыхание; до чего гармонь люблю! Надо плакать – я пою; хорошо любить того, / у кого гармоника; мы шахтёрские частушки / под гармошку пропоём.*

В частушках Донбасса используются и общерусские термины родства: *отец, папа, папаша, батюшка, батя, мама, мать, мамаша, маменька, матушка, бабка, дед, брат, сестра, сынишка, дочка, внук, дядя.* Ср. некоторые примеры: *меня милый провожал, / всю семейку рассказал: / – папа, мама, три сестры, / пятый – я, шестая – ты!; не ругай меня, мамаша, / за ту кофту белую; я у батюшки, у матушки, / как розочка, цвела; я у маменьки одна, / речку меряла до дна; дед – шахтёр, батяня, брат, / мама на откатке; мне бабка купила / новы сапоги; на посёлке всех их знают: / батю, дядю, брата.*

Онимные именования лица представлены личными именами, фамилиями, отчествами. Личные имена встречаются в частушках большинства тематических групп.

«Скажи, милый, мне словечко»: *Вася, Васенька, Васёк, Василёк, Коля, Николай, Ванюша, Ванюшенька, Никита, Миша, Витя, Лёнечка, Шурочка (*муж.*); Нина, Катюша.*

«Как надену бело платье…»*: Коля, Николай, Ваня, Ванечка, Гриша, Саша, Серёжа; Маша, Нюшка.*

«Я страдаю, застрадаю…»*: Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша, Ванюшка, Ванюшечка, Вася, Васенька, Василёк, Коля, Коленька, Алёша; Марусенька, Катя.*

«Прислал милый письмецо»: *Матвей, Шура* (муж.).

«Говорят, я боевая»: *Ванюшка, Семён*.

«Ой, подружка дорогая»: *Варя, Вера*.

«Меня милый изменил»: *Ваня, Миша, Сенечка, Вовка*.

«Эх, топни, нога, да притопни друга!»: *Михаил, Шурка, Алёша, Алёшка, Алексей, Вовка, Гриша, Ваня, Ванечка; Лукерья.*

«Гармонист, гармонист, вьются кудри на картуз»: *Ваня, Ванечка*.

«Покатилась с неба зорька»: *Василь, Вася, Васятка, Ваня, Ванюша, Степан, Петенька, Мишенька; Маруся, Клава*, *Таня, Наташа, Наталия, Сашка* (жен.)

«А мой милый – комбанёр»: *Коля, Николай, Ванечка, Миша; Таня, Паша, Маша, Машка, Машенька.*

«Передай на фронт бойцу»: *Ваня, Ванька; Люба*.

Все личные имена в частушках входят в состав христианского именника, в подавляющем большинстве относятся к часто употребляемым в обычной жизни; преобладают гипокористические и уменьшительно-ласкательные формы. Среди мужских имен самые частотные *Ваня, Коля, Вася*,

как и в московских частушках [3, с. 327]. (Частушки, звучащие в Москве, берём для сравнения в силу известной схожести формирования исполнительского сообщества.) Объясняется это совпадение, на наш взгляд, прежде всего частотностью этих имен в мужском имянаречении в тот период, когда частушка формировалась и активно исполнялась (2-я пол. XIX в.), а также культурным статусом данных мужских имен. Среди женских имен таких выраженных лидеров не наблюдается.

В общем массиве русских частушек, как и песен, личные имена носят характер вкраплений, но таких, через которые осуществляется объединение песенной сферы и разговорной речи [8, с. 88], это же характерно и для песенно-частушечного фольклора Донбасса.

Фамилии также встречаются в донбасских частушках, хотя количественно уступают личным именам. Это чаще всего именования ударников, героев труда, например: *по фамилии Изотов, / а зовут Никитой. / Никого на всём Донбассе / нету знаменитей; мы сегодня прославляем / Александра Кольчика; уголь на-гора даём, / жизнь мы строим заново / и по старым нормам бьём / методом Стаханова.* Отчества в частушках редки: *ох, Иванович, Иванович,/ Ивановна и я, / не полюбишь ты, Иванович, / Ивановну меня.*

Проведённые наблюдения показывают, что основной массив именований лица в частушках Донбасса носит общерусский характер. Региональный лексический компонент обладает значительно меньшим удельным весом и связан с профессиональной специализацией региона.

Литература

1. Адоньева С. Прагматика частушки // Антропологический форум. – №1. – С. 156–178. – Режим доступа: https://www. anthropologie.kunstkamera.ru files pdf 001 01_03 (дата обращения: 01.02.2021).
2. Артеменко У.Б. Язык русского фольклора: опыт интерпретации. – Режим доступа: fixed.ru/ prickling/ conf/ stilsist /iazykrzakfpv.html (дата обращения: 06.05.2017).
3. Бобров А.А. Частушка московская: бытовая, плясовая, эротическая, озорная. – М.: Алгоритм, 2007. – 416 с.
4. Климкова Л.А. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. – 2013. – №8. – Том 2. – С. 28–37.
5. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 221 с.
6. Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 240 с.
7. Неклюдов С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // Универсалии русской литературы-4. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 8–38.
8. Першина К.В. Личные имена в русском песенном дискурсе // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки – 2009. – №2. – С. 80–90.
9. Першина К.В. Личные имена в фольклоре Донбасса // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – №1, – С. 55–61.
10. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: автореф. дисс. … д. филол. наук. – Курск, 2011. – Режим доступа: ru.convdocs.org/ docs/ index – 12206.html (дата обращения: 06.05.2017).
11. Протекших дней очарованье… Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / запись, сост., вступ. ст. и ст. к разделам, подгот. текстов, свед. об исполн., пунктах записи, словарь П.Т. Тимофеева. – Донецк: Донбасс, 2008. – 220 с.
12. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 237 с.
13. Соколова Т.С. Лингвометодическое прочтение регионального фольклорного текста // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – №13. – Вып. 18. – С. 88–93.
14. Тимофеев П.Т., Тимофеева Т.Ю. Региональное изучение поэтической культуры народа // Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. Выпуск II. Юбилейный. – Донецк: Донбасс, 1994. – С. 146–147.
15. Токмашев Д.М. Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского фольклора) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – №9. – С. 179–184.
16. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2010. – 192 с.
17. Хроленко А.Т. «Фольклорные диалекты» на страницах Конкорданса // Наше слово: К 80-летию профессора В.Д. Бондалетова. – М.: ЭЛПИС, 2009. – С. 80–85.

МИКРОУРБАНОНИМЫ КАК РАЗРЯД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Р.В. Разумов
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
к.ф.н., доцент; e-mail: rvrazumov@list.ru
Россия, г. Ярославль

В статье рассмотрены особенности микроурбанонимов как разряда имен собственных. Автор проанализировал существующие термины, используемые для обозначения неофициальных внутригородских названий, и предложил закрепить за ними термин микроурбанонимы. В статье представлены основные особенности данного типа онимов, указаны причины их возникновения.

Ключевые слова: *ономастика; имя собственное; микротопоним; городское онимическое пространство; микроурбаноним.*

Любой город порождает множество названий, помогающих нам ориентироваться в пространстве, отличать один объект от другого, превращать существующую реальность в систему условных знаков, понятных и удобных его жителям. Подобные имена собственные могут создаваться органами исполнительной или законодательной власти или возникать стихийно в повседневной речевой практике горожан. Комплексное изучение официальной и неофициальной урбанонимии России – объективная потребность, стоящая перед российскими ономатологами. К сожалению, внимание ученых преимущественно сосредоточено на подробном анализе лишь первого явления, описание которого можно найти в целом ряде монографий и диссертаций, защищенных в последние десятилетия. Исследованию же неофициальных названий внутригородских объектов посвящены немногочисленные статьи и словари, дающие представление о системах онимов отдельных населенных пунктов нашей страны. Безусловно, эта тема ждет подробного монографического воплощения и автора, способного это осуществить с тем же блеском, как это сделала Л.А. Климкова в своих работах, посвященных исследованию нижегородской микротопонимии. Ее исследования, связанные с определением статуса микротопонимов в ономастическом пространстве, их основных особенностей, принципов номинации, участия в воплощении языковой картины мира народа могут быть использованы и при изучении неофициальной русской урбанонимии, что мы и попробуем показать в настоящей статье.

Открытие города и его названий как объекта внимания ономатологов первоначально было связано с изучением официальных урбанонимов и их особенностей. Показательно, что в сборнике «Микротопонимия» [3] не опубликовано ни одной статьи, рассматривающей народные названия внутригородских объектов. На протяжении начального периода развития ономастики подобные онимы не привлекали внимания ученых, их интерес был сосредоточен лишь на изучении сельской микротопонимии. Все изменилось с открытием в начале 1980-х гг. городской речи как особого направления лингвистических исследований. В этапной для современного лингвистического градоведения статье Л.А. Капанадзе и Е.В. Красильниковой «Лексика города (К постановке проблемы)» [1] авторы выделили в городской речи сферы официальной и разговорно-бытовой номинации, отметив, что «отсутствие наименования объекта в одной сфере может восполняться его наличием в другой» [1, с. 283]. В течение 1980–2020-х гг. накоплен внушительный научный материал, позволяющий перейти к этапу обобщения наблюдений, сделанных авторами.

Одной из важных проблем современной ономастики является упорядочение ее терминологического аппарата. Особенно это важно для тех разделов науки, которые получили широкое развитие в последние несколько десятилетий. К числу проблемных вопросов относится и выбор термина для обозначение неофициальных названий внутригородских объектов.

Анализ публикаций, посвященных изучению неофициальных внутригородских названий, позволил составить следующий перечень терминов, используемых авторами для обозначения данной группы онимов: *жаргонные топонимы* (А.М. Лосунов), *микротопонимы* (С.Ю. Дубровина, Е.А. Квашнина, А.Т. Липатов, С.А. Журавлев, Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Р.В. Попов), *микроурбонимы* (А.Г. Широков), *молодежные урбанонимы* (В.В. Лозинская), *народные топонимы* (И.В. Ливинская, А.И. Матвеев), *народные урбанонимы* (С.С. Шляхова), *неофициальные годонимы* (Т.А. Голикова), *неофициальные городские номинации* (Е.В. Какорина), *неофициальные микротопонимы* (Н.Г. Свешникова), *неофициальные названия* (Е.Н. Клименко, Т.В. Попова, М.Ю. Стрельцова), *неофициальные топонимы* (Д.В. Бутеев, О.А. Шарипова, И.Н. Потанахина), *неофициальные урбанонимы* (Т.А. Васильева, Т.С. Воробьева, Е.Н. Клименко, М.Э. Рут, Н.А. Николина, Ю. Малицкий), *сленгонимы* (Е.С. Отин), *сленговая топонимика* (Д.С. Кондрашова). Как видим, перечень используемых терминов весьма разнообразен, но большинство из них представляют собой описательные

обороты, содержащие в качестве одного из элементов слово *неофициальные*. Особенно показательно сочетание *неофициальные микротопонимы*, ведь термин *микротопоним* используется в ономастике для обозначения неофициальных народных названий, противопоставленных официальным топонимам. Практика использования в качестве термина описательного оборота широко распространена в ономастике. Например, в словарь Н.В. Подольской [Подольская] включены термины *«говорящий» топоним, двойной топоним, деминутивный топоним, ландшафтный топоним* и др. Несмотря на это, мы предлагаем закрепить для обозначения неофициальных внутригородских названий однословный термин, предложенный А.Г. Широковым.

Термин *микроурбоним* был предложен А.Г. Широковым в статье «Городская неофициальная микротопонимия» [6], позднее он был включен и в кандидатскую диссертацию автора. Исследователь понимал под ним «неофициальное наименование внутригородского объекта, не зависящее от его размеров и имеющее устную форму употребления» [6, с. 71]. При закреплении термина мы предлагаем скорректировать его форму – *микроурбаноним*, поскольку предложенный А.Г. Широковым вариант сконструирован не совсем верно. Предложенный нами вариант позволяет установить параллель между официальной (*урбанонимия*) и неофициальной (*микроурбанонимия*) составляющими городского онимического пространства (ср. уже существующую в ономастике параллель *топонимия – микротопонимия*). Закрепление этого термина позволит продолжить родовидовую соотнесенность между парами *топоним – урбаноним* (ср. определение из словаря Н.В. Подольской: «**Вид топонима** (*выделено нами. – Р.Р.*). Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [4, с. 139]) и *микротопоним – микроурбаноним*: вид микротопонима, неофициальное наименование любого внутригородского объекта. Введение термина позволит на его основе конструировать термины для обозначения существующих разновидностей: *микроагороним* – неофициальное название площади, *микрогодоним* – неофициальное название линейного внутригородского объекта, *городской микрохороним* – неофициальное название городского района, *микроэкклезионим* – неофициальное название объекта церковного культа и *микроойкодомоним* – неофициальное название здания и т.д.

При употреблении терминов *микротопоним* и *микроурбаноним* естественно возникает вопрос о семантике его первой части. В определении, открывающем предисловие к уже упоминавшемуся нами сборнику «Микротопонимия», его автор указывал: «Микротопонимия, т.е. совокупность названий **малых** (*выделено нами. – Р.Р.*) географических объектов, таких, как ручьи, болота, рощи, луга, поля, дороги, улицы и т.п.» [3, с. 3]. Данное соотнесение отмечено и в определении словаря Н.В. Подольской: «Собственное имя (чаще) природного физико-географического микрообъекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого объекта» [4, с. 83]. Указание на малый размер объекта встречается во многих работах 1960–1980-х гг., однако постепенно оно стало уходить на второй план, произошло смещение акцентов с малого размера самого объекта на сферу его использования, территорию употребления и степень известности. Это отметила в своей монографии и Л.А. Климкова: «Прослеживается отнесение признака *микро* к размеру, типу объекта, степени его известности и диапазону функционирования его названия» [2, с. 76]. В настоящее время этот подход получил развитие в статье М.Э. Рут предложившей «говорить о микро- и макротопонимии как об онимии макро- и микросоциума» [5, с. 20]. Как считает автор, «микросоциум должен отвечать требованию корпоративности: предполагается, что его члены знают друг друга и владеют традицией построения своего ономастикона. Микроонимы обладают ярко выраженной мотивированностью, <…> нередко выступают альтернативой к официальным макроонимам, легко варьируются (можно даже говорить об их принципиальной вариативности)» [5, с. 20].

При изучении микроурбанонимов естественно встает вопрос об их отличительных свойствах. Как отмечает Л.А. Климкова, «основными признаками, наиболее существенными для определения оппозиции *микротопонимия – собственно топонимия* (и *макротопонимия*), является сфера употребления, условия, объем, диапазон функционирования, степень известности единиц, отсутствие письменной фиксации» [2, с. 79]. Далее автор указывает, что для микротопонимии характерна «ограниченная сфера употребления, неофициальность, узкий диапазон функционирования, небольшая степень известности, поскольку она обслуживает небольшой говорящий коллектив не вполне определенной, конкретной территории, в неофициальных условиях, в устной форме речи при отсутствии письменной закрепленности» [2, с. 79]. Очевидно, что практически все перечисленные признаки могут быть применимы и к микроурбанонимии, за исключением одного – *отсутствие письменной фиксации*. В настоящее время данная особенность не является релевантной для неофициальной урбанонимии. С развитием интернета,

появлением социальных сетей, речевой свободой в средствах массовой информации исчезли барьеры, ограничившие употребление подобной лексики в письменных текстах. *Микроурбанонимы* часто используются в журналистских материалах о происшествиях, частных объявлениях, сообщениях в социальных сетях и т.п. текстах. Очевидно, что применительно к рассматриваемым онимам данный признак следует заметить указанием на отсутствие официального утверждения органами исполнительной и законодательной власти, преимущественное употребление в устной форме речи и письменных жанрах, характерных для личностно-ориентированного типа дискурса.

Изучение микроурбанонимов невозможно без выявления причин, обусловивших появление неофициальных названий. Безусловно, установить их очень трудно, поскольку практически невозможно зафиксировать первое употребление онима, установить его автора. Мы можем лишь предположить типовые причины, приводящие к созданию микроурбанонима:

1) отсутствие официального имени у объекта: *Северный, Веретье* (Рыбинск; оба этих названия использовались для обозначения микрорайонов города; официально в советское время город делился на Центральный и Пролетарский районы, реальное же территориальное деление города было намного сложнее), *Кресты* (Ярославль; по районному делению эта территория была отнесена к двум разным районам: Краснoперекопскому и Фрунзенскому, их границей служил Московский проспект; в сознании горожанина эта часть города воспринималась как единый объект), *Даманский остров* (Ярославль; этот искусственный остров возник во время событий на Даманском полуострове; по другим сведениям, он был плохо обустроен, не освещен, поэтому в вечернее и ночное время здесь часто грабили и убивали прохожих);

2) громоздкость официального имени объекта: *Полтинник* (Рыбинск; это название использовалось вместо официального урбанонима *улица Пятидесятилетия ВЛКСМ*); *Полянки* (Ярославль, улица Большие Полянки);

3) наличие нескольких однотипных или похожих названий: названия *Мехзавод, Механа* (Рыбинск) использовались вместо официального наименования *Волжский поселок* (помимо этого урбанонима в городе существовали названия *Волжская улица* и *Волжская набережная*; в неофициальной речи, в которой используются формы *Волжский, Волжская,* различать эти объекты было затруднительно);

4) переименование объекта, устранение его прежнего названия: *Карякинский сад* (Рыбинск; в советское время это название не использовалось, оно было устранено из официального употребления; в речи горожан данный оним продолжал активно использоваться вплоть до его официального возвращения в 1990-е гг.);

5) игровая и ассоциативно-образная трансформация официального названия: *Варшава* (Рыбинск, улица Ворошилова), *Крупа* (Рыбинск, школа имени Н.К. Крупской; с помощью данного названия обозначалась небольшая площадь, расположенная рядом со школой);

6) ироничное переосмысление свойств объекта, перенесение на него более известного онима с подобными отличительными чертами, функциональными особенностями и т.д.: *Шанхай* (Рыбинск, Самара; подчеркивается бедность и плотность застройки), *Чикаго* (Нижний Новгород, Череповец; подчеркивается неблагополучие в криминальном отношении); *Гендальф* (Екатеринбург; памятник «Седой Урал», который чем-то напоминает мудрого старца), *Китайская* стена (Екатеринбург, Йошкар-Ола, Ростов, Ярославль; данное название часто используется для обозначения очень длинных зданий в городе).

Неофициальная городская топонимия непрерывно развивается, следовательно, в ней постоянно возникают новые микроурбонимы. Дальнейшее исследование подобных названий позволит лучше представить языковую картину мира русского города. Безусловно, требуется создание сводного словаря микроурбанонимов России, необходимость появления которого отмечается многими лингвистами.

Литература

1. Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города (К постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 282–294.

2. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

3. Микротопонимия / отв. ред. О.С. Ахманова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. – 156 с.

4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

5. Рут М.Э. К вопросу о макро- и микро- в ономастике // Ономастика в кругу гуманитарных наук: матлы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 19–21.

6. Широков А.Г. Городская неофициальная микротопонимия // Ономастика Поволжья: тезисы докладов VIII Международной конференции. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 71–73.

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛА БАХТЫЗИНО И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Е.И. Сазикова

МБОУ «Бахтызинская ООШ»,

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории;

e-mail: sazikovael@yandex.ru

Россия, Нижегородская обл., Вознесенский район, с. Бахтызино

В статье рассматривается история происхождения топонимов и местных народных географических терминов на территории с. Бахтызино и его окрестностей, устанавливаются неизвестные факты истории родного края.

Ключевые слова: *топонимы; микротопонимы; ойконимы; антропонимы; диалекты.*

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости», – писал А.С. Пушкин в «Набросках статьи о русской литературе». Мы полностью согласны с мнением великого поэта и считаем, что исследование топонимики родного края – необычайно важная задача. Живя в селе, мы с чувством глубокого огорчения осознаем, что люди постепенно отходят от своих корней. Судьба нашей деревни так же плачевна, как и многих других. Мы потихоньку умираем. Молодёжь предпочитает уезжать в город. Забываются традиции, названия отдельных уголков родного края. Но нельзя забывать того, что является нашим истоком, нашими корнями. Отсюда интерес к этой теме, желание собрать и проанализировать топонимический материал нашего края, пока ещё не поздно.

В наше время неизмеримо выросли исследования народных географических терминов и топонимов. В Нижегородской области широко представлены работы по ономастике [2–3; 6]. «Микротопоним как историческое свидетельство», Климкова Л.А. «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира», Морохин Н.В. «Нижегородский топонимический словарь». Лексика же, которая бытует в селе Бахтызино Вознесенского района и ещё в ряде окрестных сел, недостаточно освещена в ономастике Поволжья. Единственная работа, посвящённая топонимике нашего края, – это статья Попковой Н.Н. «Виконимы в говоре села Бахтызино Вознесенского района Нижегородской области» [8].

Вместе с учениками мы записали и проанализировали сорок восемь микротопонимов.

Начнем с названия сел. Откуда они произошли?

1. Ойконим **Бахтызино** – существует несколько версий относительно происхождения названия, наиболее правдоподобны две: 1. Село получило название по фамилии первых владельцев влиятельных татарских князей Бахтыгозиных. 2. Селом владел барин по фамилии Бах, у которого была жена Зина, из слияния двух слов и получилось название села [см.: В. Логинов «Отчий край» 1994: 161].

2. Ойконим **Суморьево** – село получило название от озера Сумерки (Суморьевский ключ), которое находится поблизости.

3. Ойконим **Мотызлей** включает корни эрзянских слов *матись* «низкий» и *лей* «овраг, ручей». Другое название – Мотызлейка [6, 136]. В речи пользователей системы чаще всего используется вариант этого названия, в форме множественного числа – Мотызлеи. Примечательным является тот факт, что жители с. Мотызлей имеют прозвище, данное им жителями других сел и деревень Вознесенского района, – «унэти» (образование из двух указательных местоимений «вон эти»), так как только жители данного села используют такую форму при указании на удаленный объект. Например, в речи жителей других сёл можно услышать: *этунэти, знать, к нам приехали.*

Из всех собранных микротопонимов наибольший интерес вызвали те, из которых мы по крупицам собирали историю нашего края.

Именно благодаря нашим исследованиям мы узнали, что жители села Бахтызино занимались производством поташа. (**Поташевка** – часть улицы, ближе к восточному краю села. Название **Поташевка**, видимо, связано с производством поташа. Для получения поташа жгли древесину только определенных пород – сосну, клен, березу. Главные потребители поташа – мыловарение, красильное

дело и стекольное производство. Старики, жившие на окраине села, работали в лесах, заготавливали дрова и делали этот поташ.)

Исследуя названия улиц села, мы пришла к выводу, что задолго до революции село было поделено на две части: восточной частью села владел помещик Шахаев, а западной – помещик Стрешнев. (**Шахаевка** – старинное название восточной части села, произошло от фамилии владельца – помещика Шахаева. **Стрешнево** – старинное название западной части села, свое название получило по фамилии владельца – помещика Стрешнева.)

Недалеко от села были владения мелкопоместного дворянина Рахманова, которого местные жители называли Саша Рахманский. Сейчас на этом месте участок леса **Рахманка**.

Интересны для изучения микротопонимы, связанные с политической и хозяйственной деятельностью человека. В микротопонимах отразилось вековое желание, стремление крестьянина иметь свою землю, земельный надел – источник жизни и благополучия, и в связи с этим – драматические, трагические страницы в достижении мечты о своей земле, борьбу за нее, захват, передел. Например, топоним **Шум** – северо – восточная граница земли с. Бахтызино и с. Мотызлей. В давние времена неоднократно возникали земельные споры между крестьянами этих сел (шумы).

Из топонимов мы узнали, что в деревнях часто случались пожары, которые уничтожали целые улицы. В селе Суморьево есть улица со старинным названием **Погореловка** (ул. Школьная) – само название улицы говорит, что очень часто на этой улице горели дома, часты были пожары.

К далеким событиям восходит название еще одной улицы села Суморьево. **Новая Слобода** – раньше все дети жили с родителями, никуда не уходили. А кто не хотел этого, отделялись, и их выселяли на так называемую **Новую Слободу**.

Изучая топонимы, мы установили, что в некоторых названиях отражен мордовский диалект:

Лей (от *лей* «овраг, речка»): Козлейка – деревня в 300 метрах к северо-востоку от с. Бахтызино, **Макарлейка** – часть леса, находится в 2 км в сторону с. Мотызлей. Название состоит из 2 частей: мужского имени Макар и гидронима на **лей** (эрз.) из мордовского языка – **река**, **речка**, овраг с водным источником. В этом лесу, действительно, сохранилось пересохшее русло реки. Это позволило установить, что когда-то недалеко от села Бахтызино протекали две небольшие речки;

Ша «небольшая речка» – Мокша. Название оставлено древним индоевропейским населением Поочья, говорившим на языке, близком к балтийским. Гидроним сопоставим с индоевропейской основой *meksha*, означавшей «проливание, утекание». Предполагают, что в языке индоевропейских аборигенов *мокша* означала «поток, течение, река» и как термин входила в ряд гидронимов (реки Ширмокша, Мамокша и др.). В микротопонимах отразились мифологические представления людей, их отношение к мифическим существам, нечистым, недобрым духам. Наиболее часто встречаются топонимические эпитеты *черный* и *поганый*.

Одно из значений прилагательного *черный* в литературном языке (из 14-ти по МАС IV) – устар. «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью», перен. «отрицательный, плохой»; «злостный, низкий, коварный»; перен. «мрачный, безрадостный, тяжелый»; «темный, полностью лишенный света» (МАС IV). Проявляются эти качества по отношению к значительно удаленному объекту, к малодоступному месту, трудному для проезда, прохода и потому таящему в себе опасность для здоровья, жизни человека, – лесной чаще, топкому болоту, глубокому оврагу и т.д. Мы обнаружили один микротопоним, образованный от слова черный. Это название леса – Чернижный. Правда, толкование этого названия двоякое: одни считают, что оно связано с обилием черники в этом лесу, другие же говорят о том, что маленький лесок очень опасен для человека из-за множества болот и оврагов, что можно связать со словом черный – «связанный с нечистью».

Есть еще микротопоним, связанный с эпитетом *поганый* «нехристианский», устар., а также – «мерзкий, отвратительный, скверный» (МАС III) и являющийся своеобразным синонимом к слову *черный*. **Поганка** – часть леса, расположенная в 2 километрах к северо-западу от с. Бахтызино. В лесу было много болот, издававших плохой запах. Также это место пользовалось у жителей недоброй славой: были случаи таинственной гибели людей в этом лесу.

С мифологическими представлениями людей связан топоним *чертёж*. **Чертёж** – это название части леса около с. Бахтызино в сторону р.п. Вознесенское. Лес называется так потому, что существует легенда, что в давние времена в этой части леса было болото, и в этом болоте утонул один дед, и, как говорили старые люди, его заманили в болото нечистые силы (черти). Отсюда происхождение слова **чертёж**.

Изучая топонимику нашего края, можно сделать вывод, что наименования тесно связаны с географическим положением сел: 1. С селом Суморьево связано 19 гидронимов, а с селом Бахтызино

– всего 2. Это неслучайно, так как Суморьево расположено на берегу реки, в окрестностях много озер и болот; 2. В окрестностях села Бахтызино преобладают названия растительных сообществ – 8, в с. Суморьево – нет. Объясняется это просто: когда возникло село Бахтызино (более трехсот лет назад), его окружали дикие, непроходимые леса, со временем они вырубались, но названия сохранялись.

Среди собранных микротопонимов значительную часть составляют антропонимы. Антропонимы – названия географических объектов, произведённых от личного имени (от др.-греч. ἄνθρωπος – человек). В нашем словаре топонимов их 16.

Собранные нами антропонимы условно можно поделить на три группы:

1. По имени первых поселенцев или владельцев – 8 (Бахтызино, Стрешнево, Шахаевка, Рахманка, Федешка, Китаевка, Орестов куток, Шляков конец).

2. По фамилии преобладающего числа жителей – 5 (Галчовка, Симоновка, Рыбновка, Тигуновка, Ермачовка).

2. По смежности (проживание лица вблизи объекта) – 3 (Архипкино болото, Пошанкино озеро, Макарлейка).

Антропонимы помогли установить много интересных фактов, связанных с историей нашего края, о которых мы уже упоминала ранее.

Микротопонимы – это часть истории нашего края. Они нуждаются в бережном отношении и сохранении. Многие из микротопонимов в настоящее время не употребляются, многие забыты. Но есть краеведы, знатоки истории села, которые бережно несут их и передают молодому поколению. Наша задача – не прерывать эту нить.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1978–1980.

2. Климкова Л.А. Микротопоним как исторические свидетельство // Русская речь. – М., 2007. – №2. – С. 101–106 (0,3 п.л.).

3. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

4. Лазаревич К.С. Топонимика – язык Земли. – URL: http//1september.ru

5. Лурье В. Микротопонимика Ленинграда – Питера. – URL: http//ruthenia.ru

6. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Н. Новгород: КиТиздат, 1997. – 215 с.

7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.

8. Попкова Н.Н. Виконимы в говоре села Бахтызино Вознесенского района Нижегородской области // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 321–324.

9. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. – М.: Просвещение, 1986.

10. Суперанская А.В. Что такое топонимика. – М.: Наука, 1984.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1973.

12. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1975.

13. Ященко А.И. Топонимы и географические названия. – Л., 1974.

Паспорта исполнителей

1. Аниськина Елизавета Константиновна, 1936 года рождения. Жительница села Бахтызино. Образование высшее педагогическое. Работала в местной школе учителем математики. В настоящее время – пенсионерка.

2. Архипова Нина Ивановна, 1952 года рождения. Жительница села Суморьево. Образование – высшее педагогическое. Работала директором местной школы и учителем математики. В настоящее время работает в районном отделе образования.

3. Рыбина Валентина Васильевна, 1964 года рождения. Жительница села Бахтызино. Образование – среднее специальное. Работает продавцом.

4. Сазикова Анна Ивановна, 1949 года рождения. Жительница села Бахтызино. Образование – 8 классов. Работала дояркой в местном колхозе. В настоящее время – пенсионерка.

5. Федосеева Татьяна Алексеевна, 1937 года рождения. Жительница села Бахтызино. Работала продавцом. В настоящее время – пенсионерка.

6. Шотина Раиса Дмитриевна, 1947 года рождения. Жительница села Бахтызино. Образование – высшее педагогическое. Работала учителем начальных классов. В настоящее время – пенсионерка.

Словарь топонимов села Бахтызино
Вознесенского района Нижегородской области

Галчевка (улица Пушкина) – когда-то на лице жил мужчина по фамилии Галкин, отсюда и название.

Бахтызино (село) – существует несколько версий относительно происхождения названия, наиболее правдоподобны две: 1. Село получило название по фамилии первых владельцев влиятельных татарских князей Бахтыгозиных. 2. Селом владел барин по фамилии Бах, у которого была жена Зина, из слияния двух слов и получилось название села.

Ермачевка (улица Силаева) – назвали так потому, что на улице жило много семей с фамилией Ермаковы.

Камни (часть поля) – посреди поля лежат два больших камня (скорее всего это надгробные камни, так как недалеко от этого места было расположено старое кладбище).

Липняг – это название места, которое находится примерно в 2–2,5 км в сторону села Борки. Это лес, расположенный по правую сторону дороги. Свое название – Липняг, он получил еще давно, когда в нем росло много лип, но со временем их не осталось.

Макарлейка – часть леса, находится в 2 км в сторону с. Мотызлей. Название состоит из 2 частей: мужского имени Макар и гидронима на **лей** (эрз.) из мордовского языка – **река**, **речка**, овраг с водным источником. В этом лесу, действительно, сохранилось пересохшее русло реки.

Орестов Куток (часть улицы Ленина) – образовано от двух слов: куток –угол, Орест – имя мужчины, который жил на этой улице лет 50 назад.

Поганка – часть леса, расположенная в 2 километрах к северо-западу от с. Бахтызино. В лесу было много болот, издававших плохой запах. Также это место пользовалось у жителей недоброй славой: были случаи гибели людей в этом лесу.

Поташевка – часть улицы, ближе к краю села. С чем это связано, никто хорошо не помнит, но слово *поташевка*, видимо, связано с производством поташа. Поташ получается из золы растений, причем печная или лесная зола в 3 раза выщелачивается водою; щелок выпаривается на железных сковородках и чугунных котлах; осадок прокаливается. Для получения поташа жгли древесину только определенных пород – сосну, клен, березу. Главные потребители поташа – мыловарение, красильное дело и стекольное производство. А старики, жившие на окраине, работали в лесах и, скорее всего, заготавливали дрова и делали этот поташ.

Поруб – вырубка леса в пойме р. Сарма. Северо-западнее от моста через р. Сарма.

Рахманка – деревня была расположена восточнее с. Бахтызина в 2–2,5 км, расселена в 30-е годы. Жители переселились в села Бахтызино, Вознесенское. Название получило по имени владельца: мелкопоместного барина Рахманова (Рахманского).

Рыбновка (часть улицы Ленина) – названа по фамилии жителей Рыбиных.

Симновка (часть улицы Ленина) – названа по фамилии жителей Симоновых.

Стрешнево – старинное название западной части села, свое название получило по фамилии владельца – помещика Стрешнева.

Сарма (река) – существует несколько версий происхождения названия:

- Название имеет финно-угорское происхождение: от *«сары»* – болотистая и *«ма»* – земля, территория, участок; он точно характеризует ландшафт по течению реки. В русских диалектах отмечено связанное с этим по значению слово *«сарма»* – озеро в пойме.
- Название реки происходит от древнеиндоевропейского корня *сер-/сар/ср* – течь, струиться (отсюда русские слова «струя», «остров», санскритское «сармах» – течение). Можно также отметить, что в иранских языках корень *сарма* означает *холодная*.
- Существует также предположение, что топоним имеет чувашское происхождение (в Чувашии есть река Сорма), но, вероятно, чувашский язык сам заимствовал это слово из финно-угорских языков.

Уткино болото – раньше на болоте водилось много уток – отсюда и название. Находится северо-восточнее с. Бахтызино.

Федёшка – деревня в районе асфальтного завода. Расселена в 30-е годы. Крестьяне поселились в с. Бахтызино и п. Вознесенское. Название получило от имени одного из жителей села. Сейчас это участок леса.

Футбола (улица Калинина) – когда-то на месте улицы было большое поле, на котором дети играли в футбол.

Чертеж – это название части леса около с. Бахтызино в сторону р.п. Вознесенское. Лес называется так потому, что существует легенда о том, что в давние времена в этой части леса было болото, и в этом болоте утонул один дед, и, как говорили старые люди, его заманили в болото нечистые силы (черти). Отсюда происхождение слова *чертеж*.

Чернижный – лес, расположенный восточнее Бахтызина на 2–3 км. В этом лесу много болот, которые славились черникой.

Шум – северо-восточная граница земли с. Бахтызино и с. Мотызлей. В давние времена неоднократно возникали земельные споры между крестьянами этих сел (шумы).

Шахаевка – старинное название восточной части села, свое название получило от фамилии владельца – помещика Шахаева.

Словарь топонимов села Суморьево
Вознесенского района Нижегородской области

Архипкино (болото) – находится недалеко от дома, где ранее жила семья Архиповых.

Богдан (озеро) – получило свое название от популярного в Мордовии мужского имени Богдан

Большой мочаг (болото) – название состоит из 2 частей: мочаг – непросыхающее место и характеристика по размеру – большой.

Ватинки – само озеро это небольшое, но в нем очень много тины, место тенистое, отсюда и название от слова «тина».

Гладкий лужок (болото) – болото ровное, гладкое.

Долгое (болото) – болото вытянутой формы длинное (долгое).

Журавлиное (болото) – на болоте часто видели журавлей.

Заводь – раньше, когда наступал весной разлив Мокши, в низменное место поступало много воды, и она не вытекала, заводили туда лодки, плоты, вода там была тихая, стоячая. Отсюда и название «заводь» – заводить.

Клюквенное (болото) – на болоте росло много клюквы, отсюда и название.

Корявое (болото) – на болоте много кочек, всяких коряг от деревьев, растущих неподалеку.

Куток (ул. Полевая) – раньше призывника провожали из села всей родней, и говорили за «куток» проводим, так как эта улица была крайняя из села. Слово образовано от русско-украинского *кут, куток* – «угол».

Малинов выруб (болото) – в изобилии росла малина, которую часто вырубали.

Малый мочаг (болото) – название состоит из 2 частей: мочаг – непросыхающее место и характеристика по размеру – малый.

Новая Слобода (улица) – раньше, сколько бы детей ни было в семье, все жили с родителями, никуда не уходили, а кто не хотел, отделялись и их выселяли на так называемую «новую слободу».

Ольховое (болото) – окружено зарослями ольхи.

Погореловка (ул. Школьная) – само название улицы говорит, что очень часто на этой улице горели дома, часты были пожары, так и назвали «Погореловка».

Пошанкино – раньше на месте этого озера жил человек по прозвищу Пошаныч, отсюда и название.

Середка (ул. Школьная) – эта улица находилась в центре села, в середине села, отсюда и название.

Сосновое (болото) – вокруг болота раньше росли вековые сосны, потом их вырубили, но название осталось.

Суморьево (село) – получило название от озера Сумерки (Суморьевский ключ), которое находится недалеко от села.

Тюмерки – это озеро получило название, потому что раньше на этом месте был непроходимый темный лес (сумерки), из смешения двух слов: темный и сумерки – получилось название Тюмерки.

Чистое (болото) – в болоте всегда чистая, прозрачная вода, отсюда и название.

Шляков конец (ул. Полевая) – названа так, потому что образовалось село с этой улицы, а на краю улицы жили Шляковы.

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЕТЛУЖСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ИСТОРИИ

Г.С. Самойлова[1], И.С. Походяев[2]
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
[1]к.ф.н., профессор; e-mail: galasam2010@yandex.ru,
[2]студент; e-mail: ilya.pohodyaev@yandex.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена изучению наименований населенных пунктов в топонимическом пространстве Ветлужского района Нижегородской области, в котором топонимы рассматриваются как фрагмент региональной языковой картины мира и как отражение истории края. Представлена традиционная классификация топонимов по мотивирующему признаку: типу растительности, характеру рельефа, водоемов, по именам первых поселенцев и владельцев и др. Устанавливается этимология наиболее значимых для района ойконимов в связи с проблемой освоения названной территории древними народами.

Ключевые слова: *топонимическое пространство; ойконим; происхождение топонима; история народа; региональная языковая картина мира.*

Совокупность топонимов любой местности образует особую историко-культурную зону, особое топонимическое пространство, передающее ее уникальность. Географические названия могут отражать этнические приметы, традиции и обычаи народа, социальные отношения и, конечно,

историю территории, начиная со времен ее освоения [2; 6]. В свою очередь без знания культуры и быта народа нельзя понять особенности географических названий. Названия исторически изменчивы: они меняются в связи с изменениями и в языке, и в жизни народов. Характеризуя систему топонимов Ветлужского района Нижегородской области, мы используем термин «ономастическое пространство», предложенный В.Н. Топоровым. По его мнению, ономастическое пространство (мы используем этот термин применительно к топонимической системе) не совпадает, не накладывается и не повторяет ономастическое пространство в его историческом и национально-культурном плане и всегда конкретно [8; с. 33–34]. Отражая историю конкретного народа, его быта, рода деятельности и занятия, топонимическое пространство передает особенности номинации, дополнительные сведения не только социально-исторического, но и духовного, культурного, ментального характера. Имена собственные живо реагируют на происходящие в природе изменения и переживают эпоху, в которую они были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую иногда можно только лингвистическими методами.

История Ветлужского района берет свое начало еще в первом тысячелетии нашей эры, когда из Прикамья (пермские и удмуртские земли) на территорию близ реки Ветлуги прибыли племена Ананьинских земледельцев. Они основали по реке древние городища: Чёртово, Одоевское, Богородское и Русенихинское. В результате этого на территории Ветлужско-Вятского междуречья обосновались древне-марийские племена, а также другие финно-угорские народы: мещера, мордва.

В VIII веке марийцы, в том числе и марийцы Поветлужья, попадают под влияние Волжской Булгарии. В XI–XII веках славяне-суздальцы занимают земли между реками Шексной и Унжей, становясь соседями Ветлужским марийцам. В это же время новгородские славяне заселяют территории верховья рек Ветлуги и Вятки. Таким образом, русские народы окружают места проживания ветлужских и других заволжских марийцев.

Документальная история Поветлужья прослеживается с 1620 года, когда оно передается в вотчину Ф.И. Мстиславскому от царя Михаила Федоровича. Одним из основных населенных пунктов была деревня Щупликово, позже переименованная в Верхнее-Воскресенское, а с образованием уезда в 1778 году – в город Ветлугу [4].

До 1922 года Ветлужский уезд является частью Костромской губернии. В 1922 году город Ветлуга со всеми прилегающими землями переходит в состав Нижегородской губернии, становясь районным центром. Так появляется Ветлужский район [1].

В качестве материала для анализа топонимии Ветлужского района были выбраны топонимы, наиболее ярко отражающие историю края. Ими стали ойконимы (названия населенных пунктов), так как это основной и наиболее многочисленный вид географических наименований. При пояснении происхождения, значения названий были использованы соответствующие лингвистические и краеведческие материалы [5; 9; 10].

Территория со смешанным населением сохранила топонимы с многочисленными, разными с точки зрения происхождения, признаками, которые отражают историю народа, заселявшего в разные эпохи данную местность. Топонимия отдельно взятого региона в её современном состоянии предстает в качестве фрагмента региональной языковой картины мира, и нижегородские материалы, отразившие смешанный состав населения территории, подтверждают данное положение [7]. Об этом весьма убедительно свидетельствуют материалы Л.А. Климковой, посвященные изучению микротопонимов Окско-Волжско-Сурского междуречья. «Микротопонимия как компонент региональной ЯКМ представляет объектную заполненность пространства, отображает предметную, природно-биологическую область бытия сельского жителя через ментальный процесс осмысления, осознания в сфере социального и духовного бытия, включающего и ценностные параметры, установки, то есть, являясь средством презентации “окультуренного мировосприятия, мироосознания” (Телия), она выражает знания о мире» [3].

В рамках данной статьи рассматривается традиционная классификация топонимов, в основе которой лежит лексико-семантическая характеристика производящего слова. В данной классификации при общности признака, служащего её основанием, обнаруживается разная языковая основа, которая отражает формы и варианты бытования топонимов у народов, в разные исторические эпохи населявших определенные территории.

Наиболее частотными, системно представленными и связанными с особенностями географического расположения селений Нижегородской области, являются названия, свидетельствующие

о типе растительности, рельефа, иных природных условиях. В топонимии Ветлужского района такие наименования довольно активны.

1. Названия, мотивированные характером растительности:

д. Березники – название указывает на то, что деревня возникла при березняках, которые на территории Ветлужского района обычно образуют небольшие вкрапления среди хвойных лесов;

д. Осиновка – название указывает на то, что эта деревня возникла при осиннике – осиновом лесе, перелеске;

д. Сосновка – название свидетельствует о произрастании поблизости сосновых лесов;

п. Борок – название указывает на то, что поселок возник рядом с сосновым лесом – бором, при этом уменьшительный суффикс -ок- дает основание полагать, что этот самый сосновый лес представлял собой небольшое вкрапление среди других деревьев.

Представленные топонимы – характерная черта топонимического пространства Нижегородской области (и шире – Русской равнины в целом). Это положение согласуется с данными «Микротопонимического словаря Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л.А. Климковой, в котором обозначены однокоренные или совпадающие с нашими материалами наименования населенных пунктов и урочищ: Березники (урочище, Первомайский р-н), Березовка (деревни, Ардатовский и Лукояновский р-ны); Осинник (урочище, Дивеевский р-н), Осиновка (деревня, Дальнеконстантиновский р-н); Сосновка (деревня, Вадский р-н; село, Ардатовский р-н; урочище, Навашинский р-н). Наименование Сосновка принадлежит также микротопонимам, называющим часть села, улицу (Арзамасский р-н), овраг (Ардатовский р-н), озеро (Пильнинский р-н) [2].

Подобные наименования зафиксированы практически повсеместно на территориях с произрастанием соответствующего типа растительности средней полосы России. Об этом свидетельствуют также материалы выпускных квалификационных работ, в разные годы защищенных в Нижегородском государственном педагогическом университете им. Козьмы Минина (далее в скобках указаны авторы ВКР и год защиты). Так, топонимы Сосновый Бор (поселок), Крапивка (деревня), Елховка (село) отмечены в Шатковском р-не (Бальчукова 2012); Борки (деревня), Калиновка (деревня) – в Вознесенском р-не (Голова 2014); Малая Березовка (деревня), Малиновка (деревня), Сосновка (деревня) – в Шахунском р-не (Крашенинникова 2010). Обширный репертуар топонимов данной группы зафиксирован также в Воскресенском районе: деревни Осиновка, Елкино, Липовка, Сосновка, Дубовка, Дубовик (Худина 2011). Интересно, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают наибольшую активность топонима этой группы Сосновка. Сюда же можно отнести наименование Сосновское – районный центр Нижегородской области.

2. Топонимы, указывающие на характер ландшафта:

д. Крутцы – название деревни, очевидно, указывает на ее местоположение. Это деревня на круче, то есть возвышенности с крутым спуском, косогоре (крутой горе);

д. Пустошь – название говорит о том, что некогда деревня возникла в уединенном месте, находящемся далеко от других поселений, на залежных, долго не используемых землях;

д. Валово – в название происходит от слова «вал», одно из значений которого «длинная земляная насыпь». Название также указывает на место возникновения деревни;

д. Каменка – название свидетельствует о каменистой местности вокруг деревни, об особенностях почвы или об основном строительном материале названного места.

3. Наименования, произведенные или связанные с названиями водоемов:

г. Ветлуга – название произошло от реки Ветлуги, протекающей в центре Европейской части России, на правом возвышенном берегу которой и образовался город;

с. Волынцы – название села возникло от реки Вол (правый приток Ветлуги, протекающий в Ветлужском районе);

с. Турань – название села появилось от названия реки Туранки, протекающей в Ветлужском районе, являющейся левым притоком реки Вол.

Данный тип наименований является наиболее древним вариантом номинации, поскольку именно он указывает на географическую привязку топонима к природным объектам, определяет исторические территории исконно проживавших на данных землях народов.

Топонимия Ветлужского района отразила также многочисленные группы наименований, связанных с социально-экономической, духовной, историко-культурной жизнью жителей.

4. Топонимы, этимология которых отсылает к религиозным реалиям:

д. Пономарица – название деревни, скорее всего, происходит от слова «пономарь». Пономарь – это служитель православной церкви;

д. Георгиевское – село Ветлужского района, расположенное на реке Вол. Это старое селение, образовавшееся еще в XVIII веке. Название дали по престолу построенной здесь церкви;

с. Вознесение – село Ветлужского района, расположенное на правом берегу Ветлуги. Этот населенный пункт в XVIII веке уже был селом. Название также дано по престолу построенной церкви Вознесения;

с. Спасское – село, название которого связано с идеей спасения, Спаса Господня.

Поскольку обширная территория Нижегородской области является зоной позднего заселения славянами, подобные наименования сел, в которых строились православные храмы, появлялись, как правило, в XVIII веке повсеместно, когда коренные народы обращались в христианство. Так, топонимы подобного типа обнаруживаются (а часто и повторяются) практически в каждом районе Нижегородской области: Архангельское, Богоявление, Богомолово, Георгиевское, Воскресенское, Воскресение, Вознесенское, Владимирское, Никольское, Спасское, Успенское и многие другие. Мы не исключаем того, что эти наименования могут также свидетельствовать о владельцах или первых поселенцах данных территорий.

5. Названия, данные по фамилиям первопоселенцев/основателей:

д. Бурдуково – название, скорее всего, по фамилии первопоселенца Бурдукова;

д. Скрябино – название, вероятно, происходит от фамилии основателя деревни Скрябина;

д. Иванова – название происходит от фамилии первопоселенца или основателя Иванова.

Аналогичны названия: д. Белышево, д. Шумилово, д. Тимофеево, д. Ионово, д. Атаманово, д. Андрейково и другие.

6. Наименования по названию/происхождению первых поселенцев:

д. Чудиха – название этой деревни происходит от названия обитавших здесь финно-угорских племен, которые на Руси именовали чудью;

д. Чухломка – название деревни свидетельствует о том, что первыми поселенцами этого места были крестьяне из-под Чухломы (старинный город в Костромской области);

п. Рязанка, д. Рязаново – названия, скорее всего, указывают на то, что первыми жителями этих населенных пунктов были выходцы из Рязани.

7. Топонимы, имеющие иноязычное происхождение:

д. Каркалово – название имеет измененный по форме марийский корень «карака», переводимый как «карась». Деревня находится как раз рядом с притоком Вола, где водится этот вид речной рыбы;

д. Великуша – мордовское название, образованное из двух слов: «вере» – «верхняя» и «кужо» – «поляна», что указывает на место возникновения данного села;

д. Козлиха – название, по сведениям краеведов, имеет мордовский корень «куз», который можно перевести как «ель», очевидно, полученное от еловых лесов, среди которых деревня и образовалась.

Предложенная классификация далеко не исчерпывает весь состав топонимов Ветлужского района. Происхождение и этимология части из них сейчас забыта и не находит отражения в краеведческих материалах региона. Многие из них, как нам представляется исходя из общих процессов именования географических объектов, связаны с именами первых поселенцев или владельцев, что требует дополнительных исторических изысканий. По нашим предположениям, в Ветлужском районе многочисленны случаи номинации селений по характеру природных и социальных катаклизмов, что приводило к переносу названий с одного объекта на другой или появлению аналогичного имени. Среди таких топонимов названия деревень: Мокруша, Поломка, Полома, Погорелка, Горелая, Жарнава, Солоница, Усолье.

Настоящее исследование показало, что ойконимы Ветлужского района имеют разнообразное происхождение, которое обусловлено географическими и геологическими особенностями местности (видами лесов, ландшафтом), историческими фактами (наличием марийских и мордовских слов, давших имя географическому объекту, имен поселенцев и владельцев и др.).

Таким образом, топонимическое пространство региона – это уникальный пласт лексики, сформировавшийся на территории определенной местности и отразивший фрагмент региональной языковой картины мира. Процесс формирования топонимического пространства Ветлужского края происходил в течение долгого времени под влиянием лингвистических, исторических, географических условий и фактов. В составе топонимов региона – наименования, относящиеся к языкам разных народов, которые когда-то проживали на этой земле.

Литература

1. История Ветлужского края: Историко-краеведческое издание / под ред. А. Чадаева. – Урень: Уренская типография 1999. – 221 с.
2. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). В 3-х ч. – М.: Арзамас: АГПИ, 2006.
3. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. – М.: Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.
4. Комиссаров В.А. Поветлужье в древности // ProШколу.ru. 2011. – URL: https://proshkolu.ru/user/vladikom/file/471641/ (дата обращения: 13.12.2020).
5. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Н. Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.
6. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: URSS, 2018. – 512 с.
7. Самойлова Г.С. Региональная топонимическая система как фрагмент языковой картины мира (на материале нижегородской топонимии) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. – Архангельск: Сев. (Аркт.) федер. Ун-т им. М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске, 2013. – С. 331–339.
8. Топоров В.Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1969. – С. 33–48.
9. Трубе Л.Л. Как возникли географические названия Горьковской области. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1962. – 192 с.
10. Тукмаков Н.Г. Историко-географический словарь по среднему Приветлужью. – Красные Баки: Краснобаковская типография, 1974. – 167 с.

ОБРАЗ РЕГИОНА В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕЛОГИИ

Т.А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет,
д.ф.н., доцент; e-mail: sirotkina71@mail.ru
Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут

В статье рассматриваются средства репрезентации образа региона в диалектной лексике и фразеологии. Анализируются отдельные составляющие образа ХМАО-Югры в текстах живой речи, делается вывод о том, что в записях живой речи носителей языка ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжелых климатических условиях, традиционных местных промыслов.

Ключевые слова: *образ региона; диалектная лексика; диалектная фразеология; региональная идентичность.*

Как отмечает современный исследователь русских говоров Л.А. Климкова, в последние десятилетия XX и начале XXI века изучение говоров, «как и вся русистика, вышло на новый уровень – не просто описательный, но объяснительный, в этнолингвистическом, этнокультурном, социолингвистическом аспектах, через призму языковой картины мира – общей и индивидуальной, антропоцентризма, когнитивизма, языковой личности, коммуникативной прагматики» [4, с. 5].

Также в последние десятилетия, в связи с усилением процессов глобализации и интеграции, особенно актуальным является исследование проблем региональной идентичности – «системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием “малая родина”» [5, с. 13].

Исследования, посвященные изучению региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, очень немногочисленны, как немногочисленны и источники диалектного материала, на котором может строиться описание региональной идентичности жителей региона. Это «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» в трех томах (Томск, 1964–1967) под редакцией В.В. Палагиной, «Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)» под редакцией О.И. Блиновой (Томск, 1982. Т. 1; Томск, 1983. Т. 2), «Полный словарь сибирского говора» в четырех томах под редакцией О.И. Блиновой (Томск, 1992–1995), «Материалы для областного словаря (специальная лексика северных районов Тюменской области в 4-х тт.) А.М. Кошкаревой и некоторые другие.

Наше исследование осуществлялось на материале сравнительно нового лексикографического источника – книги «Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья» [6]. Данный словарь состоит их трех частей, созданных разными авторами. Первая часть составлена научными сотрудниками, доцентами А.А. Пыхтеевой и Ю.В. Исламовой. Вторая часть – словарь-воспоминание В.К. Белобородова «Слово за слово» – вошла в издании

в редакции автора. Третья часть – предпринятая Ю.В. Катерминой попытка составить словарь диалектных слов колоритного произведения местного писателя Ф. Кабарина «Самарьяне».

Наблюдения показали, что образ Севера Западной Сибири репрезентируется в текстах диалектной речи прежде всего через образ жителей данной местности, их занятия, промыслы, традиции. И это не случайно. Как отмечают исследователи, «диалектоносителям мир представляется более вещным, чем носителям литературного языка» [2, с. 6]. Названия людей по роду деятельности отражают такие аспекты жизни социума, как выпас скота и птицы («*Гусевальщик*, это на охоте когда, выпускает звуки гусиные», [6, с. 34], ловля рыбы («На берегу, когда стрежевой невод везут, поддерживают крыло невода. Специально *мётчик* бросает невод в воду», [6, с. 62]).

В речи носителей языка представлены традиционные занятия жителей региона, позволяющие им выжить в суровых северных условиях. Так, например, многие мужчины *белковали* – охотились на белку: «Муж мой охотился на белок, белковал с ноября месяца»; «Белковать – бить белку. Так стреляют, чтобы шкуру не попортить» [6, с. 16]. О том, что пушной промысел на Тобольском Севере был одним из непременных условий существования, свидетельствуют и наблюдения историков. По словам Е.И. Гололобова, в 20-е гг. XX в. «продовольствие и необходимые промышленные товары на севере обменивались исключительно на пушнину, пушниной же выплачивалось жалованье совслужащим, взимались налоги и разверстка» [1].

Еще один аспект отражения образа региона – репрезентация сибирской флоры и фауны. Будучи тесно связанными с лесом, жители Сибири хорошо знают растения тайги, животных и птиц, обитающих в ней: «В лесу птица есть такая, белая дикая гусыня, называют *белозобая казарка*» [6, с. 16].

Не менее показателен образ географического пространства Севера Западной Сибири. Умение ориентироваться в этом пространстве связано не только с природным чутьем, но и со знанием особенностей отдельных географических объектов. Поэтому чаще всего местные топонимы получают свои названия по каким-либо индивидуальным особенностям: «по конфигурации объекта (Наисуган – парная речка»), по характеру почвы (Кыш-Юган – «песок-река»), по физическому состоянию (Потым – «холодная речка»), по его местоположению в пространстве относительно другого объекта или его части (Вершинские юрты, Березовский уезд)» [3, с. 54]. Интересно то, что словарь «Русское слово…» включает, наряду с нарицательной лексикой говоров Обь-Иртышского Междуречья, и некоторые топонимы, встречающиеся в речи информантов, на примере которых мы можем наблюдать, например, традицию именования объекта по связи с человеком: «До сих пор называются Васины озера» [6, с. 25]. Кроме того, жители определенной местности получают оттопонимные коллективные прозвища (*залетние* – люди, живущие за рекой Летняя): «А за рекой залетние живут, дорогу размыло грязбю там, как пройдете через мост, не знаю» [6, с. 42].

Важным условием выживания человека на севере являются наблюдения за погодой. Диалектоносителям важны любые приметы погоды, буквально то, откуда дует ветер, поэтому они знают не только направления, но и названия ветров: «Зимой холод *борей* с севера приносит: как начнет дуть, и без перебоя три-четыре дня» [6, с. 20].

Еще одним необходимым условием существования в имеющихся условиях является изготовление соответствующей климату одежды и обуви. Именно поэтому в речи жителей региона так многочисленна данная тематическая группа лексики. Лексемы, составляющие ее, называют:

– теплую зимнюю одежду: «*Борщак* – это типа шубы такой. Одежда это зимняя» [6, с. 21]; «*Кенчики* из шкур шьют, вместо носков, чтобы тепло было» [6, с. 50];

– одежду и обувь для охоты и рыбалки: «Мужики у нас в деревне все в таких сапогах ходят, кожаные снизу и меховые сверху. Оденем *бродни*, сапоги такие для рыбалки, и вперед, хоть по воде ходи» [6, с. 23]; «Самая теплая обувь-то была – *бурки*, были они только у охотников» [6, с. 24]; «На рыбалку надевали *ватники*» [6, с. 25];

– национальную одежду и обувь: «Тебе еще слово скажу хантыйское, ты его не знаешь. Ичики – это вот такая обувь женская высокая. Она из оленьей шкуры делается [6, с. 47].

Наряду с рассмотренной группой лексики, широко представлена в речи носителей говоров группа лексем, называющих различные приспособления для охотников и рыболовов. Использовались жителями региона ловушки на зверя и птицу, приспособления для зимней и летней рыбалки: «Из конских волос делат *плёнки*, куропаток ловить, *кулёмки* на белку, на куницу, на соболя, *майна* – лунка для подводного лова» [6, с. 55]; «На *манчики* утки сразу прилетят» [6, с. 61]; «Лед из лунки черпали *зюзьгой*. Зюзьгу еще зовут сак» [6, с. 36]; «*Морды* делали из дерева или из реек… Морда – это то же самое, что и фитиль, только плетется из тонких прутиков» [6, с. 63].

Средством передвижения по большим и малым северным рекам служили и до сих пор служат самые различные лодки. Используя в речи лексемы, называющие лодки, носители языка отмечают взаимосвязь национальных традиций в изготовлении одного и того же предмета («*Бударка* – деревянная лодочка, как *долблёночка* хантыйская» [6, с. 24], описывают материал, из которого они изготавливались («*Долблёнка-осиновка* – из осины» [6, с. 35], а также способ изготовления и особенности передвижения на них («Калданка – маленькая лодочка. Она не сколачивается из досок, а выдалбливается. Одно весло, на ней нужен навык серьезный, а то махом с нее...» [6, с. 48].

Наряду с рыболовством и охотой, местные жителей всегда занимались собирательством. Собранные ягоды и цветы служат и для употребления в пищу, и для лечения: «*Голубица* – ягода такая лесная, но больше всего по краям болот» [6, с. 32], «Дочку *девесилом* пою – простыла. Лечебная трава от кашля» [6, с. 35].

Традиционная пища жителей Севера Западной Сибири, как и пища жителей других регионов, включала различные блюда из крупы («Болтушка пожиже, а заваруха погуще» [6, с. 41], мучные изделия («Курник с картошки делают и много лука добавляют. Картошки мелко порежут, закрывается посередине, лук кольцами, закрывается, чтобы воздух попадал, делают дырочку в тесте посередине» [6, с. 56].

Наконец, необходимо отметить, что традиционно исследуемый регион считается регионом нефте- и газодобычи. Однако в рассказах жителей Югры встречаются и упоминания о добыче соли: «Вот раньше подрабатывали – соль таскали. А мешки таскать неудобно же. Поэтому одевали горбушу. А горбуша – это небольшой ящик на спине с лямками. Когда к месту подходишь, дергали веревку и соль из днища высыпалась» [6, с. 33].

Сферами создания фразеологической образности также являются, как известно, различные области практической жизнедеятельности народа, в рамках которой идет приобретение житейского опыта, выступающего мотивационной базой фразеологической семантики. Лингвисты говорят в этом случае о прототипических мотивационных моделях фразеологизмов, определяющих развитие их образной семантики, отражающих историю, культуру и образ жизни народа, носителя языка [7].

В региональной фразеологии Севера Западной Сибири так же, как и в других фразеологических системах, представлен человек, живущий на данной территории, описываются особенности внешнего вида и поведения, способы хозяйствования, бытовые реалии, видение окружающего мира.

Одной из сфер фразеологической образности является сфера природы. Человек, живущий на севере, знает, что живая и мертвая вода бывает не только в сказках. В местных реках зимой она тоже зимой бывает мертвой, реже – живой, когда со дна реки бьют источники, снабжающие ее кислородом: «*Живая вода* там, где много ключей, на быстрине» [6, с. 47].

Картина весеннего ледохода отражена во фразеологизме «пойти иглой»: «Он (лёд) уже иструх, *пошел иглой*» [6, с. 99].

Окружающая человека природная среда описывается во всех деталях. Такие описания включают:

– характеристику рек и их берегов: «*Коренной берег* то же, что агора. Остров Скрипуновский вон» [6, с. 66].

Возможность не только человеку, но и животным выжить в суровых северных условиях оценивается с помощью следующих фразеологизмов:

– кормовое место – место, где достаточно корма для птиц и животных: «При перелете птицы набираются, скопление птиц, кричат, едят, отдыхают, где-то там нашли *кормовое место*» [6, с. 66];

– под щётку отщипывать – под корень съедать траву на пастбище: «А сейчас заросло всё, а раньше коровы *под щётку отщипывали* всё» [6, с. 99].

Сфера «хозяйственная деятельность человека» включает в себя семантические пласты, связанные:

– с ловлей и хранением рыбы: «*Донный провяз*, его не ставят, его выкидывают из лодки, и он сам плывет по дну. Всё ловит, что на пути» [6, с. 44]; «Рыба *проходит сквозь пальцы*, проплывает между сетей, не ловится» [6, с. 111]; «Запрет, это когда не должен рыбачить, но добываешь. Садят рыбу в водоеме, живую, вот это садок назывался, а *рыба садковая*» [6, с. 113]; «*Зимовальную яму* я делал в картофельной яме для засолки рыбы, как ледник: снегу весной закидываешь до половины ямы, а потом спускаешь ящики» [6, с. 54];

– заготовкой сена: «*Пароконные волокуши* расположены между двумя лошадьми» [6, с. 94];

– наблюдениями за погодой: «Вот и смотришь, кака зима была, тако лето будет. И так говорили: *зима по лету, лето по зиме*» [6, с. 54].

Образная сфера «характеристика человека» включает в себя следующие компоненты:

– внешний вид: «*Из-под пятницы суббота* – это когда надеваешь одежду, а из-под нее другая одежда видна» [6, с. 57];

– физическое и психическое здоровье: «Вишь, у меня уж *выпадение памяти*, я ничего не знаю, я же стара» [6, с. 33]; «Когда тебе говорят, а ты ничего не понимаешь: *глухой, как пестерь*» [6, с. 36]; «На них хулиганы напали, избили, напугали сильно. А потом он *гусей погнал* [сошел с ума] – и жену убил. И меня чуть не убил» [6, с. 40];

– социальный статус (богатый, бедный): «Ничего не было. Из приданого была *рубаха с перемывахой*» [6, с. 111]; «*Кокоть, лапоть да сандаль* – это всё в общем значит «бедный человек, человек, которому нечего одеть» [6, с. 64];

– речевое поведение: «Ты чё *на всю голову* орёшь? Чё там?» [6, с. 81]; «*Иди ты в пим дырявый!* Говорят, когда злятся на кого-нибудь» [6, с. 57].

Сфера «представления о мире» отражает следующие мировоззренческие установки:

– отношение к смерти: «Мне уж самой-то осталось, *полгроба из жопы торчит*» [6, с. 100]; «Могилевская губерния – умирать, от слова, могила, ушёл в ту сторону, на кладбище» [6, с. 78];

– желание уберечь ребенка или растения от сглаза: «Говорить надо про себя, чтобы не сглазили ребеночка или растение: “Соль тебе на язык, головешка в зубы”» [6, с. 118].

Интересна для исследования обрядовая сфера региональной фразеологии, отражающая отдельные элементы, например, свадебного обряда: «Пойдем новобрачным *перекрывать дорогу*» [6, с. 95].

Таким образом, в записях живой речи носителей языка ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжелых климатических условиях, традиционных местных промыслов.

Литература

1. Гололобов Е.И. Сибирский север: динамика образа – от barren grounds к northern plain // Guaestio Rossica. – 2017. – Т. 5. – №1. – С. 137–152.

2. Демидова К.И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – 2011. – №22. – С. 6–9.

3. Исламова Ю.В. Этнолингвистическая специфика топонимии Обь-Иртышского междуречья (на материале гидронимов хантыйского происхождения) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – №2–2 (58). – С. 184–186.

4. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дисс. ... д. филол. наук. – М., 2008. – 533 с.

5. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С. 13–23.

6. Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья. – Ханты-Мансийск, 2014. – С. 34.

7. Хайруллина Р.Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – С. 6129–6232.

ОБРАЗ СТАРОЙ ДЕВЫ В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

И.В. Толкачева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

к.ф.н., доцент; e-mail: irzim@list.ru

Россия, г. Нижний Новгород

Языковые номинации старой девы являются маркерами отклонения от социальной нормы, что выражается в языке некоторой суммой оценочных наименований. Внутренняя семантика данных диалектных номинаций напрямую связана с социальной ролью старой девы, отражает невключенность данных лиц в ритуальные действа.

Ключевые слова: *диалектная лексикология; языковая оценка; обряд.*

На протяжении всей своей жизни – от рождения до смерти – человек исполняет определенный набор социальных ролей, которые либо сменяют друг друга (младенец – подросток), либо сосуществуют параллельно (муж – отец). Под социальной ролью понимается модель поведения, характерная

«для человека, занимающего определенное положение в обществе или в социальной группе» [1, с. 381]. Для женщины в традиционном обществе основными ролями всегда были и остаются роли жены и матери, а следовательно, такие важные этапы жизни, как свадьба и роды, крайне ритуализированы. Если же создается такая ситуация, что какая-либо этих ролей не реализуется, то такие отклонения от социальной нормы не остаются незамеченными в обществе. Прежде всего данная оценка выражается в языке.

Одним из таких «социально ущербных» персонажей оказывается для традиционного диалектного сознания женщина, которая вовремя не вышла замуж, – старая дева. И для носителя говора это не просто констатация факта, а выражение в некоторой степени негативной оценки произошедшего, что подчеркивает «ненормальность» данного явления. Ведь наличие брачных уз оценивается как раз положительно сельским социумом, в номинации женатых/замужних людей отмечается семантика надежности, безопасности жизни в супружестве (*прикрытая, приделённая* ‘замужняя’).

Невыполнение традиционно заданных социальных действий выделяет старую деву среди остальных членов социума, что выражается в языковом плане. Стоит отметить, что в оценочном компоненте номинаций старой девы нечасто присутствует собственно эмоциональная составляющая (как правило, в словарях дается с пометой «бранно»: *грызоволоска* [2, вып. 7]; *седогрива* [КДСНО][1]). Оценка скрыта в мотивировочных компонентах названия. Рассмотрим принципы номинации старой девы в русских говорах подробнее.

Значительная часть лексем отмечает преклонный возраст такой женщины. Следует помнить, что традиционно девушки вступали в брак в 18–20 лет, то есть после 22 лет их рассматривали уже как вышедших из круга потенциальных невест: «При выборе пары учитывалось мнение молодежи, но против воли родителей пойти было нельзя. Брачный возраст для девушек – 20–22 года (в 25 лет считали старой девой)» [3, с. 194]; «Присматривали невест в *поседках*. Девушка после 20 лет считалась «монашкой» (старой девой)» [3, с. 387].

Основным маркером становится корень *-век-*, что подчеркивает не только выход девушки из брачного возраста, но и принципиальную невозможность замужества, некий потенциальный запрет на всю жизнь (весь свой век): *вековня, вековая девка, вековейка, вековуха* и *векоуха, вековуша* и *векоуша, вековушка* и *векоушка* [2, вып. 4].

Возраст как фактор социального отклонения подчеркивается и прямым использованием лексем с корнем *-стар-*: *остарок* [2, вып. 24]*, подстарок* [2, вып. 28]*, старка, старочка, старомудка* [2, вып. 41], *перестарка, старица, стародева, старуха, девка-старка* [КДСНО]. Стоит отметить, что в некоторых наименованиях происходит развитие значения незамужности, что дает возможность для одноименного наименования монахини: *старочка* [2, вып. 41], *Христова невеста, монашка* [КДСНО]. Это неслучайно, поскольку оба объекта номинации оказываются лишенными возможности реализовать свою роль жены. Однако принципиальное различие лежит в причине такого поведения: для монахинь это осознанный выбор, для простой же женщины – влияние окружающих обстоятельств (некрасивость, бедность, необходимость заботиться о многочисленных младших детях в семье и т.п.). Отсюда и вероятное направление развития значения – от религии к мирской жизни. Однако можно предположить в мотивации возникновения таких переносов и оценку безбрачия как свободного выбора девушки.

Указанием на неблагоприятный для замужества возраст становятся и отсылка к цветовой семантике старости: *седовуха, седогрива* [КДСНО].

Кроме возрастной маркировки, первичным объектом осмысления роли старой девы становится ее вечное девичество: *девчина, девунья, девун* и *деун* [2, вып. 7]. Примечательно, что таких наименований, в которых отражается, казалось бы, одно из главных последствий отказа от замужества, весьма немного, причем они еще больше подчеркивают отделение такой женщины от коллектива, поскольку иногда даже теряется гендерная специфика денотота. Так, *девун* в ярославских говорах называет не только старую деву, но и холостого мужчину, который тоже вышел из брачного возраста. В нижегородских говорах близко к такому пониманию употребление слова *бобылка* и выражение *остаться в бобылях*, одинаково применимое и к мужчине, и к женщине [4].

Супружеская жизнь подразумевает активную деятельность, вовлеченность в общественные действа и обряды. Противопоставлением такому динамизму становится мотив статики, сидения, отсутствия движения или его завершенияв номинациях старой девы: *засиделка* [2, вып. 9]*, посиделка, посиделочка* [2, вып. 30]*, сиделка, сиделая девка, сидюха* [2, вып. 37]*, поседелица, поседуха* [2, вып. 30]*; переходница, перетока* [КДСНО].

Еще одним действием, которое легло в основу номинации старой девы в говорах, становиться процесс, связанный изначально с созреванием растения: *переспелка, переспелица, переспелуха* [2, вып. 26]. Опять же реализуется метафора длительного, но завершенного действия, результат которого становится отклонением от существующей нормы.

Старая дева не уходит из дома отца, что является правилом при выходе замуж – уйти жить к мужу. Этот дом становится нее родным до конца жизни, а она – неизменным атрибутом это жилища, далеко не всегда желанным. Этот мотив реализуется в таких лексемах, как *домаха, домашняя сестра* [2, вып. 8]. Тема кровного родства с обитателями дома наблюдается и в «переносе» на старую деву функций матери: *мамка, матика, матька* [2, вып. 18]. Почти все такие наименования носят яркий эмоциональную окраску, выраженную через помету «насмешливое».

В некоторых районах Нижегородской области бытует лексема *нянька* ‘старая дева’. Безусловно, это многозначное слово, главным значением которого является ‘старшая дочь в семье’. Развитие у этого слова второго – исследуемого – значения связано, на наш взгляд, с функциями старших дочерей в деревенском доме, которые с малого возраста они становились помощницами матери не только в ведении домашнего хозяйства, но и – главное – в присмотре за младшими детьми в семье. Одиночество, отсутствие собственной семьи возлагает на не вышедшую замуж женщину продолжение обязанностей няньки-сестры. Подобная картина семантической трансформации наблюдается и в лексеме *лёлька*, которая также отмечается в нижегородских говорах в значениях ‘старшая дочь или сноха’ и ‘старая дева’ [4].

Ненужность старой девы в доме родителей и в то же время невозможность убрать незамужнюю возрастную дочь из дома прослеживается в лексемах *надолба* [2, вып. 19] и *напённыш* [2, вып. 20]. Надолбой в диалектах называют приворотные столбы, верхнюю перекладину ворот и некоторые иные виды брусьев. Перенос, очевидно, связан как с локусом, так и с положением в семье. Идея лишнего человека в семье поддерживается и еще одним значением слова *надолба*: ‘в дореволюционное время – девушка из бедной семьи, которую родители возят по деревне, предлагая взять в жены’ (Арх., Пск.) [2, вып. 19, с. 243]. Такие результата анализа словарных единиц подтверждаются и этнолингвистическими данными: в традициях центра и юга России, а также на территории Украины и Белоруссии отмечаются ритуалы, когда «засидевшуюся девку “продавали”, крича “Понадолбни!” (смолен.), или возили ее по деревне и навязывали потенциальным кандидатам со словами: “Не надо ли вам надолбу? Поспела!” (тамбов.), “Чи сподобен пень?” (чернигов.)» [5, с. 157].

Связь с пнём в *напённыш* (Арх., Пск.) как с вросшим с исконное место объектом не вызывает сомнений. Идею укоренения в родительском доме подтверждает и бытующее в тех же архангельских говорах устойчивое выражение *напенные жители* ‘исконные, коренные жители’ [2, вып. 20, с. 68]. В данном контексте сюда же примыкает и выражение *непетый комель* [2, вып. 14]. Опять наблюдаем восприятие диалектным сознанием старой девы как неотделимой части родного дома, что выражается в использовании растительной метафоры.

Особый вид наименований старой девы представляют собой номинации, основанные не на тех качествах, которые маркируются, как «ненормативные» с социальной точки зрения (возраст, девичество, жизнь в родительском доме и т.п.), а на степени вовлеченности/невовлеченности в ритуальные действия. Прежде всего речь идет о важном свадебном обрядовом действе, связанном с волосами девушки. Как известно, перед вступлением в брак проводился специальный ритуал расплетания косы, а затем заплетания новой (как правило, двух кос), что сопровождалось определенными песнями; таким образом манифестировался переход девушки из состояния девицы в состояние молодой женщины (бабы). Если девушка так и не выходила, замуж, то и менять прическу она тоже не могла. Отсюда и возникают обрядово маркированные названия старой девы: *косник* [2, вып. 15], *однокоса, однокосок* [2, вып. 23], *неотпетая коса, однокоска* [КДСНО].

Неполучение девушкой одной из основных социальных ролей – роли жены, а следовательно, и матери – напрямую влияло и на ее положение в социуме. Она лишалась возможности участвовать в определенных обрядах, иногда запрет на присутствие старой девы был полным: могла не допускаться к участию в свадебном пиру, к приготовлению каравая, ей не позволялось прыгать через купальский костре (белорусский обычай) [5] . Это вело к тому, что таких женщин даже несколько побаивались, старались обходить стороной (прежде всего в рамках ритуальных событий). Так, например, жители Чкаловского района Нижегородской области отмечали, что, отправляясь на с*ватню, сваты* старались сначала заехать к знакомым или родне, чтоб никто не догадался о цели приезда, а еще очень боялись встречи со старой девой [3].

Отрицательным персонажем старая дева становится и в таком обряде, как роды. Считалось, что не только встреча с ней в такой момент, но даже просто знание старой девой о родах может принести дополнительные муки. Вот несколько воспоминаний, записанных в Пермском крае: «Прежде чем рожать пойти, никому нельзя говорить. Как можно чтоб меньше знали люди, что рожать человеку. Если больше народу узнает, за каждого человека надо промучиться. Если стара дева узнает, дак особенно тяжело будет рожать» [6, с. 79]. Или: «Вот если стара дева встречу попадет, плохо рожать тебе будет, мужик – дак легче» [6, с. 79].

Вероятно, такие запреты возникают в связи с осознанием диалектоносителя своеобразной «пустоты» старой девы, то есть ее неспособности (социальной) стать матерью, что отражается и в некоторых ее наименованиях: *соломенная дева* [2, вып. 39].

Как социально «старую» не вышедшую вовремя замуж девушку считают близкой к смерти, поэтому ее приглашают для обрядовых плачей на девичник или к покойнику. В языке, однако, практически не отражается такая обрядовая функция старой девы, что показывает опять же ее общественную ущербность. В «Словаре русских народных говоров» находим только единственное подобное наименование: в новгородских говорах зафиксированы лексемы *закуша* ‘старая дева, оплакивающая невесту за день до свадьбы’ [2, вып. 10, с. 187] и *зыкуша* ‘в свадебном обряде – плакальщица (обычно старая дева), оплакивающая невесту за день до свадьбы’ [2, вып. 12, с. 37].

Анализ наименований старой девы в русских говорах показал, прежде всего, маркированность социальной неполноценности девушки. В основе номинаций лежит указание на те качества, свойства, признаки, которые выводят такого человека за пределы общественных норм сельского традиционного узуса: возраст, жизнь в родительском доме, непрохождение свадебных ритуалов. Следует отметить, что оценочность данной лексики лежит все-таки именно в социальной сфере, эмоциональный компонент редок.

Примечание

[1] Данные приводятся из Картотеки «Диалектного словаря Нижегородской области», который хранится в Центре лексикографических исследований им. В.И. Даля при Институте филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Здесь и далее ссылки на картотеку даются в виде сокращения КДСНО.

Литература

1. Немов Р.С. Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.

2. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–49. – М.: Л.: СПб.: Наука, 1965–2016.

3. Корепова К.Е. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 663 с.

4. Агапова М.А., Толкачева И.В. Языковая репрезентация понятия «старая дева» в нижегородских говорах // Русские народные говоры: прошлое и настоящие. II Громовские чтения: сб. мат-лов и исследований Всеросс. науч.-практ. конф. – Косторома: КГУ им. Н.А. Некросова, 2015. – С. 9–14.

5. Славянские древности: Этнолингвистчиеский словарь. В 5-ти тт. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). – М.: Междунар. отношения, 2012. – 736 с.

6. В каждой деревне чё-то да разно. Из кунгурнской семейной традиции (XX век) / И.А. Подюков, С.М. Поздеева, С.В. Хоробрых. – Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. – 312 с.

Раздел 4
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА В РАЗНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Н.Е. Белова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.пол.н., доцент; e-mail: belovane@yandex.ru
Россия, г. Арзамас

В статье анализируются особенности бинарной оппозиции «свой – чужой» в контексте политического дискурса. Манифестация данной оппозиции субъектами коммуникационного взаимодействия рассматривается в качестве одного из отличительных признаков информационной войны.

Ключевые слова: *политический дискурс; «свой –чужой»; манипулирование; информационная война.*

Дихотомия «свой – чужой» является концептуальным отражением универсальной двойственности бытия, где всякое явление может рассматриваться в единстве своих противоположных сторон, качеств, проявлений. В социально-политической и социокультурной коммуникативных сферах данная дихотомия во многих случаях принимает форму оппозиции: «свой» означает близкий и понятный, тогда как «чужой» – незнакомый и потенциально опасный. Интересно заметить, что «свой – чужой» является, в том числе, названием программно-аппаратного комплекса радиолокационного опознавания и автоматического отличения своих войск и вооружений от войск и вооружений противника. В широком контексте «мы» и «они», «свои» и «другие», «свои» и «чужие» – это первичные бинарные архетипы мышления, коммуникации, взаимодействия, направляющие процессы самоидентификации и адаптации в социальном пространстве.

Оппозиция «свой – чужой» традиционно рассматривается в качестве основы политической коммуникации. В концепции К. Шмитта сама сущность политических отношений сводится к отношениям «друг – враг», «наши – ваши». Все политические понятия и суждения, согласно этой концепции, имеют полемический характер и связаны с конкретной ситуацией, разделяющей общество на группы «друзей» и «врагов». «Политическое мышление и политический инстинкт теоретически и практически подтверждают себя в способности различать друга и врага» [7, с. 61].

В работах Тен ван Дейка, посвящённых критическому анализу этнических предубеждений и расизма в дискурсе, общая стратегия разговора о «других» рассматривается как сочетающая в себе позитивную саморепрезентацию и негативную репрезентацию других [8–9]. Элиты, которые, согласно гипотезе ван Дейка, играют значительную роль в воспроизведении расистских идей, склонны отрицать наличие расистских убеждений у себя и приписывать их другим.

В представленной в монографии Е.И. Шейгал структуре политического дискурса выделены три основных компонента: 1) «ориентация» – позиционирование субъектов политики в дихотомии «свой – чужой», 2) «интеграция» – единение «своих» против «чужих» и 3) «агональность» – борьба за «своих» против «чужих». Основой политического дискурса является диалог-поединок, в котором «противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [6, с. 31].

Особенности оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе детерминируются основной установкой политической коммуникации – её интенцией борьбы за власть и связанной с ней направленностью на формирование ценностной картины мира в сознании адресата. Усилиями многочисленных журналистов, политиков и политтехнологов в этой картине мира формируется привлекательный образ «своего» (политического лидера, политической партии, идеи или программы) и отрицательный, отталкивающий образ «чужого» с последующей целью побудить адресата к определённому политическому выбору. В этом контексте политический дискурс интерпретируется в качестве «сферы реализации манипулятивного воздействия» [3], а оппозиция «свой – чужой» – в качестве «базовой семиотической оппозиции политического дискурса» [6, с. 122] и «понятийно-смыслового ядра политической коммуникации» [2, с. 48].

Субъектом оппозиционного политического дискурса является инклюзивное «мы», противопоставляющее себя «они» и распределяющее объекты политической реальности по шкале

«своё – чужое». В роли таких объектов выступают различные политические акторы, в том числе групповые и институциализированные, их действия и свойственные или приписываемые им аксиологические установки. «Свои» и «чужие» могут разделяться по социально-статусным («верхи» и «низы»), политическим (элита и контрэлита), идеологическим (либералы и консерваторы), этническим, конфессиональным и иным признакам. При этом, содержание всякого конкретного политического дискурса и сопряжённое с ним смысловое наполнение оппозиции «свои – чужие» детерминируется наложением соответствующих пространственных и временных переменных.

Оппозиционность отношений «мы» и «они» в информационном пространстве реализуется в форме двух основных стратегий: агрессии – когда «другой» воспринимается враждебно, именно как «чужой», а потому, несущий в себе угрозу, и толерантности – когда «другой» воспринимается как непохожий, но тем не менее, не вызывающий неприязни. В политическом дискурсе «другой» – всегда «чужой», а в ситуации жёсткого информационного противостояния присущая политическому дискурсу агональность с лёгкостью трансформируется в информационную агрессию. Оппозиционный политический дискурс трансформируется в дискурс информационной войны.

Информационная агрессия направлена на формирование негативного эмоционально-психологического состояния (страха, фрустрации) у объекта воздействия [4, с. 200]. Она сопровождается дегуманизацией образа политического противника, разжигает атмосферу ненависти, разрушает этические нормы коммуникативного взаимодействия, делает невозможным полноценный обмен информацией, а следовательно, и поиск путей примирения.

Манипулятивные средства и приёмы, характерные для дискурса информационной войны, способны усилить жёсткость противопоставления «своих» и «чужих». Типичным становится использование приёма «навешивания ярлыков» с целью заставить адресата некритически, без раздумий принять ту или иную оценку «чужого» – оценку, продвигаемую манипулятором. Опасность ярлыков заключается в том, что они надолго приживаются в массовом сознании и воспринимаются им в качестве объективных характеристик политических акторов, их идей, планов и действий.

Приём преувеличений («игры масштабами») также является эффективным средством манипулирования общественным мнением. Жонглирование числами, использование особых ракурсов видеосъёмок, повторы кадров способны многократно усилить общий эффект информационного воздействия.

Основными речевыми тактиками оппозиционного политического дискурса являются тактики обвинения оппонента, оскорбления и насмешки над ним, а также запугивания адресата путём создания отрицательного образа «чужого», несущего в себе угрозу общественному благополучию и безопасности [1, с. 93]. Эти тактики могут использоваться в сочетании друг с другом, усиливая эффект речевого воздействия.

С помощью оппозиции «свой – чужой» в дискурсе информационной войны строятся другие бинарные оппозиции, включающие в себя номинации, диаметрально противоположные по создаваемому ими эффекту восприятия: «наши» разведчики – «их» шпионы; «наши» мирные протестующие – «их» наёмные провокаторы, бунтовщики, экстремисты, боевики, бандиты; «наша» убежденность – «их» фанатизм и т.п.

Анализ особенностей бинарной оппозиции «свой – чужой» в контексте политического дискурса позволяет рассматривать манифестацию данной оппозиции субъектами коммуникационного взаимодействия в качестве одного из отличительных признаков информационной войны. Способами манифестации данной оппозиции могут являться обвинение/обличение оппонента, а также использование специфических языковых средств и риторических приёмов, в том числе так называемых «мы-высказываний», оценочной лексики, иронии, жаргона, эвфемизмов, метафор и т.д.

Мы-высказывания манифестируют «свой круг», свою общность людей, противопоставляя её другим группам и общностям в соответствии с антитезой «мы – не они» [5, с. 35–36]. Из материалов программ федеральных телеканалов и сетевого издания «РИА Новости» можно привести примеры репрезентации оппозиции «свой – чужой» (в том числе с помощью мы-высказываний) в российском массмедийном дискурсе: *«Их страна объявила нас своим противником»* (о позиции США по отношению к России); *«Нас называют и врагами, и противниками, и соперниками. Мы пытаемся убедить американских коллег – с кем возможно об этом говорить – в том, что у России – позитивная программа действий, в том числе на американском направлении»; «Мы не позволим разговаривать с нами менторским тоном тем, кто свою собственную избирательную систему привёл к деградации»; «Мы должны полностью отказаться от соблазна политических технологий... Технологии по манипулированию кем угодно нам не нужны. Это не наш инструмент».*

В информационном противостоянии между представителями различных идейно-политических групп стороны обмениваются взаимными обвинениями: *«Вы развалили страну»* (обвинение коммунистами «предателей-либералов»); *«То, что сейчас происходит – это нарушение прав человека»* (о запрете русского языка на Украине); *«Они ничего лучшего не создали, они просто всё разрушили»* (об отношении новой украинской власти к системам образования и здравоохранения); *«Вот она – погоня за ведьмами, вот она – погоня за террористами»* (о действиях противников Д. Трампа по отношению к его сторонникам); *«США, которые учат стандартам демократии весь мир, сами их перечеркнули, нынешнего президента лишили свободы слова»* (о блокировке аккаунтов Д. Трампа в «Твиттере» и «Фейсбуке»).

Президент России В. Путин в текстах своих публичных выступлений также прибегает к логике манифестации оппозиции «мы – они»: *«Ряд стран пошли по пути закрытых эксклюзивных экономических объединений, причём переговоры об их создании идут кулуарно, втайне и от собственных граждан, от собственных деловых кругов, общественности, и от других стран. Другие государства, чьи интересы могут быть затронуты, также ни о чём не информируются. Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных»* (из выступления В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2018 г. российский лидер так пояснил свои слова о готовности применить ядерное оружие: *«Агрессор должен знать, что возмездие неизбежно, он будет уничтожен… А мы – жертва агрессии. И мы, как мученики, попадём в рай. А они просто сдохнут… потому что они даже раскаяться не успеют»*. На большой пресс-конференции в декабре 2020 г. в ответ на вопрос журналиста Би-Би-Си о том, не считает ли глава российского государства, что несёт ответственность за «плачевное состояние» отношений между Россией и Западом или же российские власти – «белые и пушистые», В. Путин ответил: *«По сравнению с вами – да, так и есть, мы белые и пушистые, … мы пошли на то, чтобы освободить от определённого советского диктата те страны и народы, которые хотели развиваться самостоятельно. Мы услышали ваши заверения о том, что НАТО не будет развиваться на Восток, но вы не выполнили своих обещаний».*

Использование эвфемизмов в политическом дискурсе имеет свою специфику и нередко является способом отвлечения внимания от негативных явлений действительности или их маскировки: слово «бомбардировка» заменяется словосочетанием «поддержка с воздуха», «убийство» – «операцией по ликвидации», «экономический кризис» – «периодом отрицательного экономического роста», «сокращение рабочих мест» – «оптимизацией». В других случаях – в дискурсе информационной войны – эвфемизация отнюдь не является проявлением политкорректности, предполагающей поиск эмоционально нейтральных языковых выражений, не задевающих чувств и достоинства оппонента. Напротив, эвфемистически окрашенные высказывания в совокупности с риторическими приёмами иронии и сарказма, способными диаметрально изменить значение слова, становятся способом реализации тактики оскорбления и насмешки, дискредитации политического противника и разоблачения его положительного имиджа.

Этой же цели может служить когнитивная метафора и, в том числе, сравнение политического противника с неразумным и безответственным ребёнком, насекомым, животным или сумасшедшим. Задача, решаемая с помощью тактики дискредитации – это осмеяние своего оппонента, умаление его значения и, одновременно, – демонстрация своего превосходства. Оппонент слаб и ничтожен, его намерения смешны, его требования и действия абсурдны и безрезультатны [1, с. 94].

Дискурс информационной войны лишён каких бы то ни было признаков табуированности. Не случайным является практически полное отсутствие в нём так называемых «извинительных» кавычек как знака отстранённости от ненормативного словоупотребления [5, с. 37]. Жаргонные слова и выражения (*«наш сукин сын»; «вешать лапшу на уши»; «мочить в сортире», «Трампу шьют уголовное дело»*), а также дисфемизмы (*«нищеброды», «рванина», «зомбоящик», «либерасты», «пенсионный геноцид», «они просто сдохнут»*) активно используются в отрицательно-оценочных суждениях.

«Другой» в политике – всегда «чужой». Политический дискурс, основанный на жёстком противопоставлении «своих» и «чужих», формирующий образ врага, с которым не может быть примирения, допускающий использование знаков и приёмов вербальной агрессии и лишённый каких бы то ни было признаков табуированности, является дискурсом информационной войны. Язык информационной войны – это язык конфронтации. Сам по себе он не является смертельным оружием, однако в силу своего деструктивного воздействия на индивидуальное и общественное сознание способен провоцировать реальные вооружённые конфликты.

Литература

1. Дулесов Е.П. Когнитивная метафора как инструмент реализации тактики оскорбления и насмешки в речах правых депутатов государственной думы Российской империи // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: материалы Международной научной конференции / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, Изд-во: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 93–96.
2. Кишина Е.В. Смысловая модель категории «своё – чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – №1 (5). – С. 47–52.
3. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 22 с.
4. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 200–208.
5. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2010. – №1 (31). – С. 34–38.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
7. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – №1. – С. 35–67.
8. Van Dijk T. A. Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk. – CA: Sage Publications, Inc., 1987.
9. Van Dijk T.A. Elite Discourse and Racism. – CA: Sage Publications, 1993.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОНЛАЙН-РЕКЛАМЕ

Е.В. Божик

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ;
e-mail: alyona.bozhik@yandex.ru
Россия, г. Арзамас

В данной статье рассматриваются лексические, морфологические и синтаксические средства русского языка, которые в текстах онлайн-рекламы оказывают воздействие на читателей и побуждают их к совершению покупок. Кроме этого в текстах современной онлайн-рекламы используются и невербальные средства воздействия, наиболее активным из которых являются эмотиконы.

Ключевые слова: *онлайн-реклама; вербальные и невербальные средства воздействия.*

Быстрый темп жизни и загруженность не позволяют современному человеку совершать покупки в магазине. В связи с этим активизировались интернет-магазины, которые позволяют при минимальной затрате времени выбрать нужную покупателю вещь. Онлайн-шопинг становится более востребованным, поэтому конкуренция среди интернет-магазинов постоянно растет. Чтобы привлечь как можно больше потенциальных покупателей, магазины предлагают бесплатную доставку, возможность примерить, бесплатный отказ от неподходящей вещи, а также большое количество специальных акций. Установив на свой телефон приложение какого-либо онлай-магазина, человек постоянно получает оповещения о всевозможных акциях, распродажах, специальных предложениях. Чтобы заинтересовать как можно больше покупателей, создатели оповещений используют разнообразные языковые средства.

Уведомления от онлайн-магазинов можно считать новым видом рекламы, который активно распространяется и уже отодвигает на задний план смс-рассылки и смс-рекламу. В данной статье оповещения об акциях, распродажах и скидках от онлайн-магазинов мы будем назвать онлайн-рекламой, поскольку, во-первых, это реклама от онлайн-магазинов, а во-вторых, получить эти уведомления мы можем, находясь онлайн.

Онлайн-реклама как любая другая реклама воздействует на покупателя, способствует возникновению желания приобрести товар. Данный вид рекламы считается социально-психологическим явлением, так как воздействовует на психологические структуры человека.

К. Хопкинск полагает, что «единственная цель рекламы – продажа товара» [4, с. 48]. Е.А. Баженова, О.В. Протопопова определяют три цели рекламы:

1) создание атмосферы осведомленности о рекламируемом объекте;
2) стимулирование решения о приобретении товара, выборе услуги, торговой марки;
3) информирование или обучение [1, с. 112].

Проанализировав собранный материал, мы выявили, что по структуре онлайн-сообщение имеет две части: заголовок и основную часть. Заголовок представляет собой яркую, лаконичную фразу или предложение. Функция заголовка – привлечь внимание к рекламе, побудить к чтению всего текста и купить предлагаемую продукцию. В основной части представлена краткая информация о продукции, размере скидки и сроке действия акции.

При создании онлайн-рекламы авторы активно используют ресурсы русского языка. Следует отметить, что у каждой части сообщения онлайн-рекламы есть свои языковые особенности. Сначала рассмотрим языковые ресурсы, используемые при создании заголовка.

В связи с тем что в первую очередь заголовок должен быстро восприниматься читателем, привлекать его внимание, заинтересовать, авторы используют разнообразные средства русского языка.

Частотно использование в заголовке вопросительных предложений. Например, «*Что с интернетом?* С этими устройствами вы всегда онлайн. *Псс, не хочешь сэкономить?* Выгодная цена на фотоальбомы. *Где мы прячем хиты продаж?* Так вот же они! Еще и цены упали! *Мерзнут ноги на морозе?* Теплые ботиночки ждут на распродаже». Использование вопросительных предложений можно объяснить тем, что, читая вопрос, читатель задумывается, действительно ли он нуждается в теплой обуви или хочет сэкономить. Следующее за заголовком выгодное предложение только подкрепляет желание купить что-то. «*Мишка, кот или хомяк?* До – 70% на игрушки взрослым и детям». Данный заголовок интересен не только вопросной формой, но и тем, что у читателей возникают ассоциации с когда-то вирусным явлением в интернете, связанным с цветом платья: синие в черную полоску или белое в золотую полоску, поэтому читателям захочется посмотреть на этого Мишку. Риторический вопрос активизирует мышление читателей и привлекает его интерес. Вопросительные конструкции обращают внимание читателей на те проблемы, которые можно решить только с приобретением рекламируемой продукции. Вопросительные предложения помогают сделать рекламный текст естественным и выразительным, а также диалогичным, что увеличивает читаемость текста. Таким образом, реклама с вопросительными заголовками имеет вопросно-ответную форму – в заголовке задается вопрос, а в содержании дается развернутый ответ, в результате читатель получает информацию о преимуществах товара.

С целью усиления эмоционального воздействия на читателей в онлайн-рекламе используются восклицательные предложения. «*Нееет! Только не носки!* Тысячи классных подарков со скидками до – 95%». Это рекламное уведомление стало появляться в преддверии 23 февраля, когда большая часть женского населения мучается с выбором подарка для своих мужчин. «*Вам повезло!* Товары из списка желаний – теперь со скидкой! *Хороших выходных! Главная весенняя распродажа!*» Восклицательный знак говорит о важности и ценности предоставляемой информации.

Побуждение к действию может быть выражено с помощью императива. Чаще всего используется глагол в повелительном наклонении второго лица единственного или множественного числа. «*Соберите смартфон с нуля! Сделай поездку безопасной! Собирай мечты! Сделай сам! Дарите свободное время! Не тратьте время на поиски! Вдохновляйтесь!*»

Во второй части онлайн-рекламы преимущественно используются повествовательные предложения, это можно объяснить тем, что функция основной части заключается в информировании потребителей. В основной части дается характеристика предлагаемого товара. «*До – 50% на LEGO для взрослых и детей. До – 60% на бытовую технику с быстрой доставкой. До – 50% на все для приятного отдыха. До – 65% на сумки, рюкзаки и кошельки. До –75% на удобную мужскую одежду. До – 70% на игрушки взрослым и детям*». В данных примерах указывается категория предоставляемого товара: мужская одежда, сумки и кошельки, бытовая техника, игрушки. При этом обязательным элементом является размер скидки. Встречаются тексты, в которых категория товара не указывается. Например, «*Ваши любимчики с большой скидкой. Тысячи классных подарков со скидками до -95%. Эти товары раскупают прямо сейчас. Подарки к 23 февраля с доставкой из России. Эти товары мы домчим скоро. Все до 500 рублей по ссылке*». Тексты данного типа интересны тем, что в них создается интрига. Читателям становится интересно, что это за *«ваши любимчики», «какие товары сейчас раскупают».*

Встречаются восклицательные предложения с целью указания ценности рекламируемого продукта. «*Скидки до – 95% загружены! Ваша скидка клиента временно увеличена. Приятных покупок! Товары из списка желаний – теперь со скидкой! Распродажа скоро закончится!*» Такого вида реклама побуждает читателей поскорее совершить покупки. Зафиксировано несколько примеров, в которых используются глаголы в повелительном наклонении. «*Вы только взгляните на новый*

робот-пылесос. Стоит начать с покупки. Смартфон Xiaomi Pro. Проявите фантазию на нашей распродаже».

При рассмотрении лексических и морфологических средств мы не будем разграничивать заголовок и содержательную часть рекламного текста, так как авторы используют одинаковые средства.

Лексическими особенностями онлайн-рекламы можно считать использование лексем с позитивным значением: *удача, приятный, восторг, мечты, любовь, подарки.* Большое воздействие на читателей оказывают такие лексемы и словосочетания, как *большая скидка, распродажа, выгодная цена, суперцена, топ-скидки.*

Для придания выразительности и образности в рекламном тексте часто используются изобразительно выразительные средства: эпитеты (*горящие предложения);* метафоры (*море подарков, тысячи подарков*); олицетворения (*удача улыбнулась, цены упали*).

Стоит отметить, что онлайн-реклама больше направлена на молодежную аудиторию, поэтому в текстах часто встречается разговорная лексика: *классные бренды, хиты продаж, классные подарки, крутейшие бренды, собери с нуля, домчим, бьюти-гаджеты.*

С точки зрения морфологии можно назвать несколько особенностей, характерных для онлайн-рекламы. Наиболее употребительными частями речи являются имена существительные, прилагательные местоимения и глаголы. Основную часть текста онлайн-рекламы составляют существительные, так как данная часть речи обозначает реалии действительности. Предпочтение отдается конкретным именам существительным, так как именно с их помощью называется товар и дается его характеристика. Конкретные существительные способствуют созданию точного представления о предлагаемом товаре. Отвлеченные понятия о товаре даются по средствам абстрактных существительных.

Большое значение в текстах онлайн-рекламы имеют глаголы. Так как глаголы обозначают действие, то их использование делает текст рекламы динамичным, а также помогают донести информацию о действиях, которые должен выполнить покупатель. Мы уже отмечали активное использование глаголов в повелительном наклонении, кроме этого в онлайн-рекламе в большей степени используются глаголы настоящего времени, активного залога. Глагольные формы делают текст онлайн-рекламы конкретным и легко запоминаемым.

Имена прилагательные используются в онлайн-рекламе, чтобы описать предлагаемый товар, представить его с лучшей стороны, часто используются прилагательные, которые не называют конкретную характеристику товара, но способствуют созданию положительного образа товара, например, *класные, крутейшие, хорошие, приятные.*

Чтобы установить контакт с читателем в онлайн-рекламе, используются местоимения. Наиболее продуктивными являются личные местоимения второго лица. «*Вы это заслужили. Ваша скидка клиента временно увеличена. Вам повезло! Для Вас СУПЕРЦЕНА! Вы только взгляните на новый робот-пылесос*». Данный прием помогает установить доверительные отношения с потенциальным покупателем. Также были зафиксированы примеры, в которых используются местоимения первого лица множественного числа: «*Где мы прячем хиты продаж? Мы в восторге от этих находок!*» Как правило, местоимение в таких случаях обозначает производителя товара как совокупность лиц.

Все выше описанные синтаксические, лексические и морфологические средства, которые используются в онлайн-рекламе, можно считать вербальными средствами воздействия на потребителя. Но кроме вербальных средств в онлайн-рекламе активно используются и невербальные средства воздействия – это эмотиконы, или смайлики.

Так как онлайн-реклама – часть интернет-коммуникации, то в ней используются смайлики, ставшие неотъемлемой частью виртуальной коммуникации. Чаще всего эмотиконы употребляются в конце предложения, тем самым заменяя знак препинания в конце предложения. Например, «*Не скидки, а огонь*». В конце предложения вместо знака препинания используется эмотикон в виде костра. «*Те самые толстовки мечты*». В конце предложения смайлик, изображающий мужчину. «*Никаких банальных подарков*». В конце смайлик-подарок. В этом прослеживается тенденция к исчезновению знаков препинания в интернет-коммуникации. Часто смайлики соотносятся с содержанием заголовка. «Мишка, кот или хомяк? (мордочка животного). *У нас хорошие новости!* (смайлик-почтовый ящик). *Скидки до –95% загружены*! (смайлик тележка для товаров)». В онлайн-рекламе *«Потом все спросят, где купили, но вы им эту ссылку не отправите»* смайлик-кольцо помогает понять, о каком товаре идет речь.

Таким образом, проведя анализ текстов онлайн-рекламы, мы можем сделать вывод, что авторы активно используют средства русского языка для воздействия и привлечения внимания покупателей. В качестве воздействующих средств используются ресурсы разных уровней язык, наиболее

активными являются лексические, морфологические и синтаксические средства. Кроме вербальных средств, большое значение в онлайн-рекламе имеют и невербальные средства воздействия – эмотиконы, которые могут заменять знаки конца предложения, помогать понять, о каком товаре идет речь.

Литература

1. Баженова Е.А., Протопопова О.В. Язык и стиль рекламы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 632 с.
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 244 с.
3. Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотика русского рекламного дискурса // Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка в системе довузовской и вузовской подготовки: материалы Междунар. науч.-метод. интернет-конф. – Волгоград: Изд-во ВолГу, 2011. – С. 126–135.
4. Хопкинск К. Реклама. Научный подход. – М.: Альфа-Пресс, 2005. – 91 с.

ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ О ЯЗЫКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

О.А. Верещагин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.ф.н., доцент; e-mail: helgardt@mail.ru

Россия, г. Арзамас

Статья посвящена лингвофилософской традиции в изучении социальных феноменов (религия, наука, образование и т.п.), точнее той ее области, где основным предметом исследования является природа и функционирование языка социальных коммуникаций. В статье представлена аналитика социальной сущности языка, предпосылки лингвистического переворота в философии, определяемого как имманентным развитием самой философии, так и различными социальными основаниями. Исследуются гносеологические и коммуникативные возможности языка в производстве социального знания. Отдельно рассматривается вопрос о языке власти и власти языка в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *власть; дискурс-анализ; лингвистический поворот; лингвоэпистемология; метанарратив; язык; пантекстуализм.*

Споры о месте и роли гуманитарного знания в становлении и развитии современных социальных практик и базовых социальных институций как правило вызывают в нас ощущение стойкого культурно-исторического «déjà vu», сопровождаемого чувством социальной фрустрированности в отношении давно уже пережитого, переживаемого снова и снова и не изжитого окончательно. Мы действительно живем в эпоху культурной сверхплотности и вторичности, «когда все слова уже сказаны» и когда «каждое слово, даже каждая буква в постмодернистской культуре – это цитата» [12, с. 221].

Любая сегодняшняя дискуссия превращается в реактуализацию и реаггрегацию утраченных смыслов, в неустанные попытки обновления знания через восстановление и реконструкцию его прежних значений. Похожий интеллектуальный жест демонстрирует нам Агацци Э., который в своем выступлении на философском конгрессе вновь напомнил о значимости «методологического поворота в философии» [2], в той череде революционных изменений и трансформаций, которые сопровождали гуманитарное знание на протяжении последних нескольких десятилетий. По-мнению Агацци, то, что называется «лингвистическим поворотом» в философии, по сути является декларированием «нового» метода философствования, «состоящего в сведéнии философского рассмотрения проблемы к анализу языка, на котором эта проблема формулируется и обсуждается» [2, с. 62]. Собственно говоря, поворот к языку – это своего рода возврат философского дискурса к своим истокам и первопричинам с явным намерением окончательной ревизиции и переоценки метафизической традиции философствования.

Рассмотрение языка в качестве предельного онтологического основания мышления и деятельности является базовой интеллектуальной интуицией лингвоцентричной гуманитарной культуры постнеклассического типа. В наиболее радикальных «лингвоориентированных версиях» гуманитаризма можно уловить интенции по восприятию всего человеческого опыта исключительно в модусе панъязыковости и пантекстуальности. В данном случае любые культурные феномены изначально текстуализированы, в том же самой мере как текстуализирована сама реальность. Дерридианская максима о *«il n'y a pas de hors-texte» манифестирует не столько «текстуалистский изоляционизм», сколько идею принципиальной неразделенности «мира» и «языка», невозможность установить процедуры корреспондирования между знанием и реальностью, поскольку сами эти практики*

соответствия-несоответстия помещены в некий неосознаваемый смысловой контекст или архиписьмо, в котором совершается их интерпретация.

«Философия различия», или гетерологическая гуманитарная парадигма, не отказывает в референциальной глубине тем или иным социальным, культурно-антропологическим или политико-экономическим феноменам, просто изменяет статус таких реконструкций, подчеркивая невозможность получения доступа к какому бы то ни было чистому или непосредственному присутствию, которое бы существовало целиком *независимо* от процессов различия и отсрочки» [5]. Многочисленные комментаторы Деррида не устают повторять, что «все референты и вся реальность имеют структуру различительного следа и что уступить такому “реальному” можно только в опыте интерпретации» [5].

Академические устоявшиеся рамки идея предваряющего «лингвистического протокола» получила в рамках философии Рорти Р. [16], определявшего условия и основания философского дискурса исключительно в лингвоонтологическом статусе. Рортианство наполнено пафосом дискредитации традиционной «овеществленной метафизики», провокативной и часто непримеримой в отношении своих идеологических оппонентов.

В действительности же, как полагают лингвоориентированные теоретики, философская, а в целом и гуманитарная культура, – это споры о языке и с помощью языка. В представленной перспективе, вся совокупная философская проблематика явлена миру в качестве некого сложного многослойного текста, сотканного гипертекстуальными ссылками и интертекстуальными фрагментами. Именно этот лингвоцентризм в понимании статуса и природы современного философского знания отстаивает Рорти, говоря о том, что под «лингвистической философией» он будет понимать точку зрения, согласно которой «философские проблемы – это проблемы, которые могут быть решены (или разрешены) либо путем переформирования языка, либо путем более глубокого понимания языка, которым мы пользуемся в настоящее время» [16, p. 13].

Казалось бы, что полувековой спор между лингвоцентриками, считавшими «the linguistic turn» «важнейшим философским открытием нашего времени», и традиционалистами, усматривавшими в пантекстуализме лишь «признак болезни наших душ, бунт против разума и самообман» [16, p. 13] должен уйти в прошлое. Но увы. Дискусии о статусе языка и его онтогносеологическом измерении продолжаются на официальных и полуофициальных интеллектуальных площадках, напоминая нам о том, что различные методологические культуры могут существовать и сосуществовать довольно продолжительное время без видимых перспектив творческой коллаборации и интеграции в будущем.

Однако, как нам представляется, альтернатив долгосрочному диалогу и продуктивному взаимодействию лингвоцентриков и «реалистов» не существует и никогда не существовало, поэтому воспринять основные максимы лингвоэпистемологии, хотя бы в той части, которая касается функционирования коммуникативной реальности и релевантной ей «языковой картины мира», придется в той или иной степени всему научному сообществу.

Эссенциализм и его смысловые корреляты (трансцендентализм, холизм и т.п.) в определенном смысле архаизируют философский дискурс и архивируют концептуальный словарь, воспроизводя и тиражируя споры о «вечном и неизменном» и увековечивая их в пространстве публичного обсуждения.

Вполне очевидно, что «лингвоориентированная» философия призвана прежде всего сменить акценты в принципах и характеристиках современной методологической культуры, отказавшись от субстанциалисткого редукционизма и языкового элиминативизма. Суть лингвистически-ориентированной метододологической культуры, сформулированный Рорти и его последователями, реализуется в принятии практик языковой игры и снятия с актуальной повестки дня вопроса о корреспондировании знания и реальности. Как указывает Барышников П.Н., ключевая методологическая максима рортианства заключена в тезисе о том, что «наличие бесконечного количества субъективных квалиа элиминируется языковыми играми и приводится к единому коммуникативному знаменателю», оставляя на периферии внимания вопрос «субстанции и о неких метафизических универсальных основаниях» [4, с. 136–137].

Другими словами, антиметафизический пафос лингвоэпистемологов направлен против иерархических соподчиненных связей в дихотомической паре «языковая реальность – внеязыковая реальность», «означающее – означаемое». Целостность сознания гарантируется не корреспондированием и соотнесенностью знания с реальностью, а коммуникативной релевантностью и когерентностью суждений, которые изначально помещены в некий лингвокультурный бессознательный контекст.

В «Философии и зеркале природы» специально делается акцент на переформатировании современной методологической культуры в понимании природы рефлексивного акта. Эссенциалистская

установка на «расколдовывание мира» с целью постижения предельных оснований и универсальных сущностей заменяется прагматикой и эвристикой коммуникативного акта, рассмотрением разговора в качестве «окончательного контекста, в рамках которого должно быть понято познание» [11, с. 388].

Деконструирование образа «Зеркала Природы» становится возможно только благодаря перефокусированию исследовательской позиции с анализа «отношений между человеческими существами и объектами их исследования на отношение между альтернативными стандартами обоснования и отсюда – к действительным изменениям в этих стандартах, которые производятся интеллектуальной историей» [11, с. 388–389]. Принятие «истины без зеркал» – есть то интеллектуальное действие, которое необходимо предпринять, дабы разрешить исторический спор между «смысловыми реалистами», полагающими, что существуют факты о смысле и что они являются подходящими объектами научного исследования» и лингвоцентриками, принимающими максиму о том, что процесс смыслоообразования контекстуально обусловлен, а сам «смысл возникает из наших практик интерпретации» [15, p. 225–226].

Существование особого лингвистического измерения в понимании социально значимых практик и социально обусловленных действий актуализировало необходимость развития такой специфической области исследований, как лингвоэпистемология, и релевантных ей методологических практик, таких как критический анализ языка и социальный дискурс-анализ [6]. Критически-дискурсивные исследования нацелены на детальный скрупулезный анализ «кратического присутствия» языка в качестве смыслового и содержательного a priori любых социальных институций, норм и социальных действий. В указанном значении принято говорить о дискурсе власти как о языке доминирования, имеющим принципальное значение в увековечивании тех или иных иерархических диспозиций и форм социального неравенства. По утверждению Ван Дейка Т., гендерная, классовая и этно-расовая стратификации «конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого символическими элитами» [6, с. 13].

Языковые тригеры запускают механизм контроля над сознанием индивида не только в отношении «понимания текстов и речи», но также в отношении «личного и социального знания, предыдущего опыта, личного мнения и социальных установок, идеологий, ценностей и норм» [6, с. 29], определяя содержание и границы тех социальных смыслов, в которых осуществляется социальная жизнь.

Экспоненциальный рост современных социолингвистических исследований (политическая лингвистика [10], этнолингвистика [8], лингвистическое религиоведение [13] и пр.), по-нашему мнению, является в первую очередь симптоматикой кризиса той традиционной «языковой картины мира», которая репрезентировала квазиустойчивые общественные институции и социальные миры модерна. Кроме того, в указанном «расползании» лингвистической проблематики отчетливо прослеживается прагматика обострения конкурентной борьбы различных дискурсивных практик в сферах языкового влияния и господства.

Философема взаимной интегрированности языка и власти становится базовой интеллектуальной интуицией современных междисциплинарных исследований, пытающихся отрефлексировать преимущественно дискурсивный характер властных и идеологических институций. Атрибуция и интерпретация дискурсивного механизма в качестве необходимого элемента социального контроля в системе властных отношений господства-подчинения является общим местом критически-дискурсивных исследований, конвенциально принимаемым и разделяемым большинством нынешних социальных теоретиков и социолингвистов [14].

По утверждению Weiss G. и Wodak R., дискурс в статусе самовоспроизводящейся социальной практики описывается диалектическими отношениями «между конкретным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его обрамляют» [14, p. 13].

Принципиально важный вывод о связи дискурса и власти, к которому приходят социальные лингвоэпистемологи, позволяет разрешить противоречие в анализе предметного содержания двух смежных областей научного знания, таких как социолингвистика и лингвосоциология. Напомним, что дискуссия об академическом статусе указанных дисциплинарных онтологий не утихает до сих пор [9].

Возможное разделение предметных областей социолингвистики и лингвосоциологии обусловлено не столько содержанием их предметных областей, сколько различием интерпретаций каузальных отношений дискурса и власти. Как отмечают Weiss и Wodak, «дискурс является как социально конститутивным, так и социально обусловленным – он конституирует ситуации, объекты

познания, социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей» [9, p. 13]. Естественно, что дискурс неразрывно связан со средой, его породившей, и в этом смысле обусловлен существующими формами и моделями социальных отношений и связей. Как удачно подметила Арутюнова Н.Д., «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136–137], поэтому его функционирование происходит благодаря интеграции в тексте всей совокупности экстралинвистических факторов и элементов. Одновременно с этим, дискурсивные практики имеют несомненное конститутивное значение в отношении существующих систем социального неравенства, закрепляя на ментальном уровне стратификационные различения, иерархические порядки и воспроизводя «неравные властные отношения между (например) социальными классами, женщинами и мужчинами, этническим/культурным большинством и меньшинствами» [9, p. 13].

Теме неразрывной связи дискурса и власти посвящено каноническое для политической лингвистики произведение Fairclough N. «Langiage and power» [17], в котором сформулированы базовые методологические принципы социального дискурс-анализа. Fairclough резюмирует главную идею критических дискурсивных исследований о кратическом измерении дискурса, о дискурсе как о «месте, где отношения власти фактически проявляются и осуществляются» [17, p. 43], о взаимной представленности власти в дискурсе и дискурса во власти. В обобщенном комментарии Wodak R. [7] принципы критической лингвистики Fairclough сводятся к нескольким проблемным вопросам, которые требуют корректного теоретического решения. В частности, чрезвычайно актуальной, на наш взгляд, является проблема «оестествления» («натурализации») идеологии в публичном пространстве экономики, политики и социальной сферы. «Оестествление» идеологии, то есть превращение ее в средство легитимирования существующего социального порядка, происходит через формирование языка власти, проникающего во все структуры и институции общественной жизни. Сам же язык власти является продуктом того фундаментального процесса «разделения языков» [3], или, говоря другими словами, структурирования социально-культурного неравенства, которое призвано закрепить и упрочить это разделение. Во многом процесс натурализации идеологии является спекулятивным и манипулятивным. Говоря словами Барта Р., «язык власти всегда оснащен структурами опосредования, перевода, преобразования, переворачивания с ног на голову» [3, с. 529].

В практике публичной жизни манипулятивные процедуры дополняются стратегиями временных компромиссов и уступок с целью достижения согласия на «уровне принятия и законодательного закрепления доминирования» [7, с. 287] в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Результирующей составляющей всех этих усилий в сфере языковой политики и дискурсивного управления должен стать властный метанарратив с правом эксклюзивного доступа к так называемой «реальности» и исключительным правом интерпретации и объяснения главных событий общественной жизни.

Таким образом, по мнению ведущих лингвотеоретиков, социальный порядок и порядок дискурса реализуют свои властные функции и интенции и действуют в качестве взаимно поддерживающих подсистем в едином государственно-общественном механизме. Хотелось бы подчеркнуть, что дискурсивное господство, как и борьба за «право объяснения» в рамках жесткой конкуренции «интерпретативных схем», объективно и сообразно самой природе общественных отношений. Но дискурсивная власть, как и собственно политическая власть, ни в коем случае не должна быть монопольной и самозамкнутой. Жизненно необходимо наличие динамичной конкурентной борьбы различных инстанций языкового контроля. Как отмечает Fairclough N., «власть будь то «в» или «за» дискурсом, никогда не удерживается ни одним человеком или социальной группой, потому что власть может быть завоевана и осуществлена только в социальной борьбе и через социальную борьбу, в которой она также может быть потеряна» [17, p. 43] Социальные дискурсы и объяснительные нарративы, с одной стороны, не должны претендовать на исключительность и фундаментальность своих положений. С другой стороны, круг участников дискурсивного производства не должен искусственно ограничиваться и сужаться. В противном случае, мы будем иметь дело с усугубляющейся ситуацией регресса не только форм дискурсивного производства социального знания, но и с общей деградацией как общественно-политической системы в целом, так и ее отдельных акторов и ключевых субъектов в частности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 136–137.
2. Агации Э. Методологический поворот в философии // Вопросы философии. – 2014. – №9. – С. 60–65.
3. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 519–539.

4. Барышников П.Н. Философия сознания и лингвоэпистемология в теоретико-методологическом взаимодействии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. –№30 (245). – Философия. Социология. Культурология. Вып. 22. – С. 134–140.
5. Брэдли А. Комментарий к тезису «вне-текста не существует» // Семинар по медленному чтению Ж. Деррида. – URL: https://vk.com/@derrida_close_reading-arthur-bradley (дата обращения: 08.02.2021).
6. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации/ пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
7. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – 2011. – №4 – С. 286–291.
8. Коновалова Н.И. Этносоциолингвистика: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 121 с.
9. Лю Ц. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. – 2018. – №7. – С. 115–123.
10. Нахимова Е.А., Скворцов О.Г. Политическая лингвистика: гибридная наука или автономное научное направление? // Политическая лингвистика. – 2019. – №4 (76) – С. 179–185.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Издательство Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
12. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
13. Целковский Г.А. Лингвистические корни религиоведения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение – 2014. – №4 (54) – С. 97–108.
14. Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity / Ed. by Weiss G., Wodak R. – Palgrave: Macmillan, 2003. – 321 p.
15. Rorty R. The Brain as Hardware, Culture as Software // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy–2004. – 47 (3). P. 219–235.
16. Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 407 p.
17. Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.

ОРГАНИЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ КНИЖНОГО И РАЗГОВОРНОГО В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Н.П. Галкина
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко,
к.филол.н., доцент; e-mail: gnpav@mail.ru
Россия, г. Кострома

Сочетание элементов книжности и разговорности исторически присуще русскому языку. Такое сращение наиболее ярко проявляется в публицистике. Журналисты умело используют его с целью создания тропов, маркировки авторской позиции, добавления просторечного, диалектного, исторического колорита, придания шутливого, комического оттенка и т.д. Показано, что употребление разноуровневой лексики и нетипичных средств связи (устаревших, книжных, просторечных) коррелирует с основными функциями публицистического стиля и является стилистически оправданным.

Ключевые слова: *лексика; союз; просторечие; стилизация; тропы.*

Сочетание книжного и разговорного (К/Р) исторически присуще русскому языку. Это обусловлено самим происхождением древнерусского языка и остаётся неотъемлемой чертой современного русского языка [1, с. 33]. В данной работе поговорим об органичности, уместности такого сочетания в книжной письменной речи, наиболее требовательной к стандартизации и нормативности как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Исследование представляет интерес, во-первых, в функциональном плане, так как позволяет ответить на вопрос о том, что может и чего не может быть в данной разновидности языка. Во-вторых, мы исходим из того, что выбор нетипичных языковых средств следует рассматривать как показатель гибкости языка, его настройки на наиболее точное выражение смысла и конкретную сферу употребления. Наконец, изучение разговорной, устаревшей лексики и уместности её употребления, важно с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения, унификации или универсализации языков вообще и русского языка в частности.

Исследование проводилось в рамках изучения структуры и семантики сложноподчинённых предложений со значением обусловленности (далее – СППО) в книжных стилях современного русского языка. Объединённая общим признаком биситуативной зависимости, категория обусловленности включает сложноподчинённые предложения (далее – СПП) с придаточными условия, причины, цели, уступки и следствия. Материалом для исследования послужили СПП указанных типов, выписанные из книг, периодических газет и журналов, содержащих аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно-значимые темы («Новый мир», «Комсомольская правда», «Солидарность», «Новая газета», «Секретные материалы», «Аргументы и факты» и др.).

В информационном плане публицистическое произведение должно отличаться конкретностью, обоснованностью, точностью фактов и в то же время общедоступностью, эмоциональностью, стремлением заинтересовать, «зацепить» читателя. Коммуникативная задача публицистической речи заключает в себе экспрессивно-эмотивную, оценочную и воздействующую функции [2, с. 205]. Сложность и многоплановость задач публицистического стиля, разнообразие составляющих его жанров предполагает и многообразие средств реализации, в том числе и в области синтаксиса. В контексте данного исследования отметим, что просторечная лексика в сочетании со стилистически отмеченными синтаксическими средствами оказывается релевантной конкретной коммуникативной ситуации. Например, в жанрах очерка, интервью её употребление способствует «вживанию» читателя в образ, имплементации экспрессивной и воздействующей функции публицистического произведения. Так, при передаче чужой речи, автор сохраняет оригинальный стиль говорящего. См., например: *1. Публика не узнала бы об этой трагической истории ничего,* ***кабы*** *я не была свидетельницей падения самолета (…)*[3]. *2.* ***Кабы*** *он (муж) не болел,* ***так*** *ладно* [4]. В приведённых примерах наблюдаем использование просторечного, устаревшего условного союза *кабы,* в обоих случаях при передаче автором слов участника или свидетеля описываемых событий. Колорит разговорной речи поддерживается также в первом примере просторечным выражением *по ту пору,* а во втором – всей синтаксической конструкцией предложения: *кабы … так ладно,* вместо нейтрального *если бы …, то было бы ….* Ср., например: *Если бы муж не болел, то это было бы нормально.*

Стилистическая маркированность условного союза *кабы* отмечается во многих грамматических описаниях. Он характеризуется как просторечный [5; 6, с. 258; 7, с. 563], присущий живой русской диалектной речи [1, с. 490], имеющий фольклорный характер [8]. Как отмечает А.Н. Стеценко, союз *кабы* не вошёл в широкое литературное употребление, оставаясь типичным для разговорной, народно-поэтической речи и народных говоров [9, с. 229]. По свидетельству В.И. Борковского, в современном русском языке условные конструкции встречаются в народных говорах, в разговорной речи, в фольклоре, пословицах и поговорках [1, с. 490; 10, с. 247].

Сочетание К/Р (как на лексическом, так и на синтаксическом уровне) умело используется авторами с целью создания тропов – неотъемлемой характеристики публицистического стиля. Рассмотрим предложение, оформленное просторечным условным союзом *коли*, в котором оценочная составляющая представлена посредством иронии: *Выбиванием денег из нас могут заниматься УК, ТСЖ, ЖСК и ресурсоснабжающие организации, а также, разумеется, судебные приставы,* ***коли*** *дело дойдет до цугундера* [11, с. 17]. Иронический эффект здесь создаётся за счёт использования стилистического контраста К/Р: *выбивание денег – ресурсоснабжающие организации; судебные приставы – цугундер.* Излишняя «сниженность» лексики, привносимая в том числе и подключением разговорного союза *коли,* позволяют создать обличающий скрытый смысл – негативную оценку в адрес организаций, призванных собирать деньги с населения.

Различные грамматические описания характеризуют союз *коли (коль)* как народно-разговорный [5], разговорный [8], устаревший и просторечный [6, с. 283; 12, с. 145]. По свидетельству В.И. Борковского, уже в период старорусской письменности союз *коли* был приметой разговорной речи, а в современном русском литературном языке употребляется с просторечным оттенком [10, с. 245–246]. Вполне естественно и органично современные публицисты используют его для придания колорита разговорной, народной речи. Рассмотрим пример, взятый из рассказа девушки, о том, как она записывалась добровольцем на фронт. «Это будет простой рассказ… Рассказ обыкновенной русской девушки, каких тогда было много…», – эти слова автора, предваряющие рассказ девушки, как бы объясняют просторечный стиль изложения: *И мы решили,* ***коль*** *мы в Москве,* ***то*** *пойти в ЦК комсомола, на самый верх, к первому секретарю* [13, с. 25]. Просторечный характер союза подчёркивается здесь редукцией конечного *и (коли – коль).* Разговорному, не строго продуманному стилю высказывания соответствует и свободное расположение придаточного внутри главного (в интерпозиции).

Рассмотрим несколько иной пример – употребление архаического «высокого» целевого союза *дабы* в сочетании с книжной и просторечной лексикой. См., например: *Поэтому либералу, барыге можно всё – можно впаривать пенсионерам лежалый товар, можно проколоть колёса крестьянину, который решил продавать картошку с лотка, можно, шелохнув мизинцем, менять русское быдло на нерусское,* ***дабы*** *снижать издержки* [14, с. 23]. Данное высказывание, буквально насыщенное заниженной оценочной лексикой, словно «выкрикивает» субъективное неприятие и осуждение автора, подвергающего жёсткой критике уродливые явления действительности. Контрастное сочетание книжного и разговорного (*либерал – барыга; товар – впаривать; крестьянин – быдло; снижать издержки – шелохнув мизинцем)* эксплицитно указывает на сарказм. Подключение целевого союза *дабы*, несомненно, является здесь стилистически значимым, усиливая саркастический эффект. Ср.: «*…менять русское быдло на нерусское, чтобы/ для того чтобы снижать издержки*». Детальный анализ различных аспектов функционирования нетипичного союза *дабы* в современной публицистике мы изложили в специальном исследовании [15].

По нашим наблюдениям, уместное сочетание К/Р в публицистических произведениях прослеживается во всех типах синтаксических конструкций СППО. Выше мы описали такие случаи на примерах условных и целевых СПП. Обратимся к причинным СПП, отличающимся в системе СППО наибольшим разнообразием соединительных средств главной и придаточной частей [16]. Применительно к данному исследованию интерес представляет устаревший древнерусский причинный союз *бо*. В корпусе причинных СПП мы обнаружили единичные случаи употребления данного союза, которые показывают, что он способствует созданию просторечного, народного или исторического колорита. См. пример, в котором союз *бо* используется как средство стилизации при передаче оригинальной речи Агафьи Лыковой, героя очерка, повествующего о жизни семьи старообрядцев, переселившихся в глухую тайгу в середине прошлого века: *Той же чередой, что и прежде, Агафья рассказывает, как она живёт, одновременно творит огонь (исключительно лучиной), ставит хлеб в печь, кипятит воду, готовится к причащению,* ***бо*** *с нами Иерей Игорь* [17]. Как видится, на фоне нейтральной лексики всего высказывания создание эффекта просторечия языка старообрядцев с добавлением исторического колорита достигается посредством одного лишь архаического *бо.*

В работах, посвящённых истории русского языка, говорится, что причинные конструкции с союзом *бо* не употребляются в русских народных говорах, но сохранились, например, в белорусском и украинском языках [9, с. 284; 10, с. 248], Действительно, в книге И. Шаховского «Беседы с русским народом» находим предложение с союзом *бо* при выражении прямой речи Григория Саввича Сковороды, известного украинского поэта, философа, просветителя, литератора XVIII века. См.: (На вопрос Коваленского Сковорода ответил): «*Час, друже, кинчати блукания,* ***бо*** *и так усе волосся злетило з бидной голови...»* [18]. Предложение подчеркивает национальный колорит языка выдающегося сына украинского народа, о котором «ещё при жизни его слагались легенды как об украинском Сократе» [Там же].

В корпусе уступительных конструкций, касательно союзных средств СПП уступки, отмечаем употребление типичного нейтрального уступительного союза *хотя* в усеченной/редуцированной форме *хоть,* приобретающей за счёт этого разговорный оттенок [7 с. 587; 8, с. 327; 19, с. 66]. Случаи такого употребления немногочисленны – 6% от всех употреблений *хотя/хоть* в наших материалах. Обращают на себя внимание два аспекта функционирования *хоть*. Во-первых, как и в проанализированных выше конструкциях других типов СПП, подключение разговорных или устаревших союзов способствует «вживанию» читателя в образ, позволяет автору мемуаров, очерка, интервью отразить оригинальный стиль говорящего. См., например: *1) «Ружье охотничье,* ***хоть*** *и личная собственность, – добавляет московский сторож И.Я. Жарков, – но и оно находится на учёте»* [20, с. 190]. *2) Вчера снимали Тихона Ильича. «Вот и Николаю Алексеевичу может идти в солдаты… Да ему что ж,* ***хоть*** *и убьют, у него детей нету»* [21]. В приведенных примерах (впрочем, как и в большинстве других аналогичных случаев) отмечаем употребление союза ***хоть*** в паре с *и,* а также позицию придаточного внутри главного предложения (интерпозиция), что имплицитно указывает на свободную, разговорную манеру изложения, придаёт значению придаточного оценочный характер дополнительного замечания. В следующем примере, в конструкции, построенной по той же модели, видим, что разговорная форма *хоть* соответствует просторечной лексике предложения: *А зимой* ***хоть*** *и темно, а всё слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет…* [18]. Ср.: *слушать есть что, али, скрестись*.

В контексте тематики данного исследования интересно также функционирование уступительных придаточных, оформленных союзом *хоть*, в форме устойчивых сочетаний – фразеологизмов:

хоть шаром покати, хоть ты тресни, хоть к черту на рога, хоть голову себе размозжи и т.п. См., например: *1. Никогда за всю жизнь не испытывал этого: нечего есть, нет нигде ничего, кроме фиников или капусты, –* ***хоть шаром покати****!* [21]; *2. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе* ***хоть шаром покати*** [22, с. 253]; *3. Ну не просятся ноги в пляс,* ***хоть ты тресни*** [14, с. 3]; *4.* ***Ну хоть ты тресни****, не слышат люди, не понимают того, о чём пытаешься сказать* [14, с.12]; *5. А если я наберусь мужества сделать то, что вы намечаете, мне хватит дела до следующей весны!* ***Хоть голову себе размозжи*** [23, с. 282]. Благодаря такой идиоматической форме выражения все приведённые высказывания отличаются экспрессивностью, эмоциональностью, яркой оценочной позицией говорящего, усиливают эффект воздействия на читателя.

Таким образом, мы показали, что использование разноуровневой лексики и нетипичных средств связи (устаревших, книжных, просторечных) коррелирует с основными функциями публицистического стиля и является стилистически оправданным. Журналисты обращаются к таким средствам с целью создания тропов, маркировки авторской позиции, оценки, добавления просторечного, диалектного, исторического колорита, придания шутливого, комического оттенка и т.д. Органическое сочетание элементов книжности и разговорности исторически считается нормой стилистически неразобщённого современного русского литературного языка в его кодифицированной форме. На наш взгляд, такое сращение, своего рода лингвистический симбиоз, наиболее выпукло проявляется в публицистике, о чём свидетельствует вполне уместное использование авторами лексических и синтаксических средств в целях стилизации.

Литература

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: Наука, 1965. – 555 с.
2. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – 3-е изд. – М: Флинта: Наука, 2001. – 256 с.
3. Ю.И. Мухин. Тирания глупости. – URL: https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book (дата обращения: 19.06.2019).
4. Тарасов А. Вечный пал // Новая газета. 2019. – №57. – URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/28/80685-spustya-15-let-pozhary-proshli-zauralie-privychnym-marshrutom (дата обращения: 29.05. 2019).
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 11.05.2019).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан [и др.]; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
8. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. – URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01 (дата обращения: 12.07.2019);
9. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. – Изд-е 2-е, испр. и доп.: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1977. – 352 с.
10. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / под ред. акад. В.И. Борковского. – М.: Наука, 1979. – 464 с.
11. Мельников М. Эксперимент над народом // Совершенно секретно. – 2019. – №18–19. – С. 17.
12. Глинкина Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 единиц: более 500 ил. / худож. М.М. Салтыков. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. – 432 с.
13. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. – М.: Советский писатель, 1988.
14. Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. – URL: https://www.litmir.me/br/?b=268163 (дата обращения: 30.04. 2019).
15. Галкина Н.П. Функционирование целевого союза *дабы* в публицистике XX–XXI веков: исторический и коммуникативный аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2021. (В печати).
16. Галкина Н.П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2021. (В печати).
17. Жукова А. Отец вымолил у тайги: Агафья Лыкова рассказала легенду о своём рождении. – URL: https://www.samara.kp.ru/daily/26923/3973931/ (дата обращения: 30.03.2019).
18. Шаховский И. Беседы с русским народом. – URL: https://royallib.com/book/shahovskoy_ioann/besedi_s_russkim_narodom.html (дата обращения: 30.03. 2020).
19. Золинова Е.В. Функционально-семантические особенности сложноподчиненных предложений уступительного типа в публицистическом стиле русского и английского языков: дисс. … канд. филол. наук. – Кострома, 2009. – 250 с.

20. Новый мир. – 1960. – №11.
21. Бунин И.А. Бунин в своих дневниках. – URL: http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina.htm (дата обращения: 15.04.2020).
22. Новый мир. – 1960. – №1.
23. Новый мир. – 1960. – №3.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В УСТНЫХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ СЁЛ

Т.А. Демешкина[1], С.В. Волошина[2], М.А. Толстова[3]
Национальный исследовательский Томский государственный университет
[1]д.ф.н., профессор; e-mail: demeta@rambler.ru
[2]к.ф.н., доцент; e-mail: vsv1304@yandex.ru
[3]к.ф.н., научный сотрудник; e-mail: tolstova_11@mail.ru
Россия, г. Томск

В статье рассматривается репрезентация концепта «Богатство» в речевом жанре автобиографического рассказа. Материал исследования – 200 устных автобиографических рассказов, записанных с 1960-х гг. по 2020 г. в сёлах Томской области. Выявляются лексические единицы, вербализующие концепт, константы и трансформации представлений о богатстве. Определено, что в крестьянской культуре оно связано с тем, что обеспечивает жизнедеятельность семьи.

Ключевые слова: *автобиографический рассказ; концепт; богатство; речевой жанр.*

Проблеме соотношения понятий «концепт» и «речевой жанр» был посвящен выпуск сборника «Жанры речи», изданного в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского в 2005 году [1]. Редактор сборника В.В. Дементьев отмечал, что «жанры составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт», и «использование когнитивной методики было бы полезно для объяснения жанров, а использование понятия речевого (коммуникативного) жанра, в свою очередь, было бы полезно для объяснения коммуникативных концептов» [2]. Эта мысль в течение 16 лет не раз доказывалась исследователями [3–5 и др.]. Действительно, речевые жанры – «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний» [6, с. 428] – отражают языковую и ценностную картину мира носителей языка. Г.Г. Слышкин определяет речевые жанры как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [7, с. 43], считая, что спектр этих ценностей для некоторых жанров может быть относительно узок или широк.

Данная статья посвящена исследованию реализации концепта «Богатство» в речевом жанре автобиографического рассказа.

Материалом выступают 200 устных автобиографических рассказов, записанных во время диалектологических экспедиций сотрудников кафедры русского языка Томского государственного университета с 1960-х гг. по 2020 г. в сёла Томской области. Информанты – жители сёл и деревень Томской области, среди которых представители разных типов речевой культуры – диалектной, просторечной, носители литературного языка и информанты, в речи которых встречается взаимодействие этих разновидностей современного русского языка. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса [25], аудиозаписи речи сельских жителей, сделанные авторами исследования в результате экспедиции в село Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., а также устные автобиографические рассказы, записанные М.А. Толстовой и С.В. Волошиной в селе Мельниково Шегарского района Томской области в 2018–2020 гг.). В качестве дополнительных материалов привлечены делопроизводственные автобиографии, написанные в течение XX в. жителями г. Томска.

Автобиографический рассказ (далее – АР) – один из наиболее частотных речевых жанров, записываемых во время сбора диалектного материала, потому что независимо от цели экспедиции первая встреча с информантами, знакомство с ними всегда сопровождается записями о статусе диалектоносителей, о тех или иных фактах их биографии. АР – это комплексный информативный речевой жанр, который в процессе порождения выстраивается субъектом речи по законам естественной коммуникации с целью рассказать о своей жизни с момента рождения информанта и до момента общения с диалектологами [8].

Как отмечают исследователи, в картине мира каждого жанра выделяется несколько системообразующих концептов, «выражающих потребности носителя культуры, ради удовлетворения

которых создается данный жанр. Все прочие концепты, функционирующие в картине мира данного жанра, являются средством конкретизации системообразующих концептов» [7]. Для устных автобиографических рассказов такими системообразующими концептами выступают «Жизнь», «Работа», «Семья» [8]. Анализируемый же в рамках данной статьи концепт «Богатство» служит их конкретизации.

Актуализация концепта «Богатство» в текстах определенных жанров изучается в основном на материале пословиц, сказок [9–10 и мн.др.], функционирование его в автобиографических текстах не было до сих пор предметом анализа, что определяет научную новизну статьи. Кроме того, анализ устной речи жителей сибирского региона, испытывающей мощное диалектное влияние, позволит скорректировать результаты, полученные при исследовании этнокультурной специфики концепта «Богатство» в русском языке [11].

На материале автобиографических практик исследованы концепт «Семья», «Я», «Память», «Добро», «Песня», «Имя» [12], «Тоска» [13], «Счастье» [14] и мн. др. В автобиографических рассказах жителей сёл Томской области рассмотрена реализация концептов «Работа» [15], «Сибирь» [16], «Жизнь» [17], «Мужчина» и «Женщина» [18] и других.

В АР информанты характеризуют себя как представителей определенной культуры, рефлексируют по поводу своей жизни, своего места в мире, самых разных проявлений быта и бытия, и, таким образом, в коммуникативном фокусе говорящего оказывается осмысление «жизненного мира», материального положения, форм внешней действительности, в которой существует человек [19].

Обращение к концепту «Богатство» обусловлено, с одной стороны, его способностью отражать жизненные ценности сельского общества, с другой стороны, показывать влияние внешних факторов на жизнь человека. Это позволяет, на наш взгляд, выявить особенности автобиографического повествования в целом, получить новые данные о речевом жанре автобиографического рассказа как способе отражения мира и разнообразных событий, влияющих на жизнь отдельного человека.

Богатство как обилие, совокупность материальных ценностей, множество, многообразие [20] репрезентируется в диалекте при помощи слов ***богатство, богачество, богатчина, богатеть, богатый, богатенький, богатенный, богато, богатей, богач, богачка***, синонимичных лексем ***зажиточный, крепкий, могутный, сильный, хороший, хорошо зажиточно, крепко;*** названий сословий: ***купец, бедняк, середняк, кулак, зажиточный;*** денежных единиц и связанных с ними номинаций: ***деньги, капитал, пенсия.*** Исследователи, анализирующие концепт «Богатство» на материале различных источников, говорят о его стойкой взаимосвязи с концептом «Бедность» [21–22]. С.Б. Куцый отмечает, что «метаязык, с помощью которого могут быть описаны концепты “Богатство” и “Бедность”, включает элементы “ресурс”, “стандарт (норма)”, “субъект” и “объект обладания”, “оценка”, “языковая категоризация”» [22, с. 10]. В связи с этим в настоящей статье также рассматриваются лексические единицы, репрезентирующие концепт «Бедность»: ***бедность, беднота, нищета, нужда, бедный, бедненький, бедняцкий, нищий, небогатый, неимущий, худой, бедняк***.

В делопроизводственных автобиографиях-документах, написанных с 1930 по 1990-е г., сведения о материальном положении (бедности/богатстве) помещаются в основном в начале текста при сообщении о семье, в которой родился автор, её хозяйстве или своём образовании (*Родился 29 января 1925 года* ***в семье крестьянина-бедняка*** *в деревне XXX XXX области; С 1914 года по 1925 г.* ***работал в своём бедняцком хозяйстве*** *и батрачил на сезонных работах; Родители: XXX и XXX – занимались рыболовством, сколотили* ***зажиточное хозяйство****, были лишены избирательных прав и в 1931 году в качестве спецпереселенцев сосланы в XXX; Получение среднего образования было сопряжено* ***с сильным затруднением из-за материальной необеспеченности***) [23]. В устных автобиографических рассказах повествование сопряжено с информацией о материальном положении, богатство в целом становится своего рода критерием оценки жизни. Так, в анализируемых текстах сведения о богатстве присутствуют при описании всех значимых этапов жизни человека:

– рождения: *Родился я, вообще интересно, в 30-м году, то есть в 29-м году в феврале, моих родителей выслали в Пудинск, это остров среди болот, Пудинский район. Как они там жили, не знаю, ну а почему выслали? Деду предложили вступать в колхоз.* ***Он числился середняком.*** *Он отказался;*

– детства, жизни в семье родителей: ***У тяти была бедность, хорошего ничего не видала. Бедно жили.*** *Нечего обуть. У соседки с детьми повожусь, а она мне на вечер ботинки даст. Так и прошла мо'лодось;* ***В детстве бедно жили****, в крестьянстве, трудилась я всё время, ели лебеду и всё на свете...;*

– учёбы/образования: *Я закончил шесть классов, мне надо учиться в седьмом,* ***а я сын кулака, меня не принимают в школу****. А кулацкие школы только-только ещё создавались…; Ну, в общем,*

приехала я в Томск. Всё, поступила я, а общежития-то не было. ... Ну а мама моя говорит, всё, моя хорошая, ты отучилась, ***денег нет, на чё учить****? И квартиру снимать еще надо; Мама восемь классов окончила на одни пятерки****. А дальше как учиться? А кто ее кормить будет?*** *... У ей двоюродный брат работал в военкомате, он договорился в банке, и ее взяли учеником после восьмого класса;*

– свадьбы: [А как ваша свадьба проходила?] … *сейчас смотрите, какие красивые платья, а мы несчастные, ну что сделаешь, каждому времени свои нравы, обычаи, ну какие там обычаи, не было никаких обычаев, потому что* ***была бедность****;*

– рождения детей / предъявлении информации о детях: *Деточки у меня здоровенькие, никто не болели, как родятся рада, и растут, как грибочки, и росли все, у меня сразу три сыночка были, а мы все радуемся, <…>* ***все любили, что мальчики, мальчики, они у нас хорошенькие росли, они такие и умненькие, и рабочие, в колхозе работали****… Я прожила единоличную жизнь, и колхозную жизнь, и вот уже на сынка нагляделась, как он этим фермером наработался, ой-ой-ой наработался, хуже как в колхозе,* ***еще тяжелей ему****; Она рабо'тат много,* ***а бедна она, потому как де'тная****. Ребёнки у ней уже в школу все пошли. Всех одеть и обуть надо;*

– работы: *Народ-то хорошо стал жить, и мы в том числе,* ***работали хорошо и жили хорошо****; а кто будет работать просто за спасибо, им и спасибо никто не говорил, вот почему такая* ***бедность*** *была. Если они какую-то рыбу, какого-то зверька в лесу поймают, им некому продать-то в этой деревне, а сто двадцать километров до Каргаска, у них* ***нет копейки****, чтоб взять билеты на катер или на пароход, чтобы выехать и продать свою рыбёху, которую они добыли.* В вербализации концепта «Богатство» отражена специфика сельского существования. Это проявляется в том, что богатство связано с работой и зависит от нее, иначе говоря, достаток – это результат большого, честного труда: *А та семья, где уважают труд, –* ***превосходно живут****...; Здесь шибко-то* ***богатых*** *не было. Были кото'ры, дак и они* ***много работали;***

– пенсии*:* ***Мне и пенсию начислили хорошую****, я тока пошла на пенсию, и вот тогда только деньги увидала, а* ***до пенсии и денег не было, пошла на пенсию, и тогда появились деньги;***

– похорон: *У каждой старухи есть* ***деньги,*** *я же тоже* ***на похороны*** *от каждой пенсии* ***поло'жу десятку****. Меня же хоронить, я им говорю,* ***вы на эти деньги будете…***

Примеры показывают, что богатство представляется в диалекте прежде всего, как одна из ценностно обусловленных характеристик жизни человека. Восприятие жизни как хорошей (богатой) / плохой связано с наличием, отсутствием тех или иных материальных ценностей, денег: *В колхозе в то время* ***трудно было жить*** *на трудоднях...; Жили хорошо. Село* ***богатое:*** *и масло, и сало – всё хватало. А теперь как придётся, где-то хорошо поешь, а где-то нет.*

Мерилом богатства выступают еда, одежда, дом, хозяйство (скот, огород), предметы быта, домашнего обихода (посуда мебель, драгоценности), автомобиль [24]: *Раньше была мода плюш, и плюши вешали, на комоды ложили,* ***шторы плюшевые были, это считалося ʹ очень-очень богатым,*** *то есь как состоянием, что у неё плюш; А помимо питания в этом буфете можно было купить… брикетик, кубик, ну вот допустим… три на три сантиметра, вот где-то вот такие кубики какао в сахаре и кофе в сахаре. Ну, то есть, их бросаешь, оно размешиваешь, а если это купить, одно стоило шесть копеек, а второе – семь копеек. Так вот, если этот кубик, сэкономишь денег и купишь, и грызёшь.* ***Вот, вы даже не представляете, я вкус до сих пор помню, а так как жили бедненько и экономили на всём, на всём****; «****Ни бедна, ни богата****. Голодна не ложилась спать, гола не ходила»; Плюш. Это был тоже писк моды.* ***У кого плюшевая жакетка была, это казалось, что они богатые люди.*** *А так – фу-фай-ка! И я все детство проходила …*

В единичных контекстах богатство не связывается с материальными ценностями: *У меня было семеро детей, семнадцать внуков – богатая семья.*

В автобиографических рассказах находит отражение не только жизнь их авторов, но взаимосвязь жизни с событиями, окружающим миром, зависимость от него, поэтому одними из главных факторов, оказывающих влияние на богатство и, соответственно, на оценку жизни своей и общества являются:

– время, эпоха: ***Раньше единолично жили****. Нас в семье было восемь человек. Две девочки, остальные парни. Парни уже не живые****. В семье от жили бедно****;* ***Они жили бедно****, как рабы, у них не было паспортов, уже* ***это был пятьдесят восьмой год****, сорок один год советской власти, значит так, у них не было паспортов, почему? они не могли никуда поехать…; Но, чё в деревне? Работа началась, моло'деньки начали работать, работа тяжёла,* ***война, жить тяжёло, трудно, голодно, холодно****; Когда я пошла в первый класс, одевать слишком нечего было.* ***Мы все были бедные.*** *Но* ***52****-й – это, получается, 7 лет****.* ***58-й год.*** *Мама из своего платья перешила вот, как бы вот эту вот. Вот*

сюда вставила вот такой был, была ткань… Вот из этой мешковины мама сшила вот так вот через плечо сумку. … И я с такой сумкой пошла в первый класс. Я ходила вот с такой сумкой, потому что ***купить не на что было****, да и их в продаже не было,* ***и денег не было****. …. Это уже* ***после 60-х пошел уже более достаток;***

– территория, место: ***Там*** [в селе Вершинино] ***побогаче люди как-то жили.*** [Вот там да. Они говорят, что богато жили.] *Да, да, да. Вот там побогаче, поэтому меня туда и отправили, там они торговали, вот огурцы возили, капусту, они всё продавали там, а тут как-то не было этого;*

– наличие / отсутствие мужчин в семье: ***И теперь не ши'бко хорошо живу. Мужа нет****. Дома одна дочка с тридцать девятого году. Она одна работает, а я на пенсии да еш****о*** *внучку нужно кормить;*

– пороки (пьянство) главы семьи: *Ну я-то вышла замуж неудачно, так и живу ўсю жись. Муж пьяница, пьёт. И сейчас я сёння* [сегодня] *говорю: «Это ладно, что мы в деревне живём, а то последний махо'р [что-то из одежды] ташши'л и пропивал бы;*

– количество детей. Большое количество детей, которые расценивались как будущие работники, обеспечивали жизнедеятельность семьи: *Семья у нас была большая, сейчас таких уже мало найдешь, а раньше* ***работники нужны были; Все жили своим хозяйством.*** *Сами кушали –* ***продадут и питались этими деньгами****. Семья из ребят только девять, но не было такого, чтоб пойти куда-то работать;*

– совокупность разных (в том числе названных) факторов и политических, экономических, социальных причин: ***Жили хорошо. Село богатое****: и масло, и сало – всё хватало. А теперь как придётся;* ***Колхоз у нас богатый миллионер.*** *У каждого дом новый, и даже целые улицы новые строятся. Школу краси'ву рабочие с Закарпатья стро'ют. И общежитие двухэтажное строят для рабочих. Хороша теперь жись, умирать не хочется.*

Автобиографические рассказы (как тексты, в которых прослеживается динамика событий жизни человека и в том числе общества), а также особенность исследуемого материала (записи речи, осуществляемые на протяжении более чем 60 лет), позволяют выявить константы и трансформации представлений о богатстве в русской народной культуре.

Так, при сопоставлении жизни в настоящем и прошлом времени, а также при сравнении жизни разных поколений, в качестве постоянных маркеров богатства отмечаются деньги и утилитарные ценности – всё то, что обеспечивает жизнедеятельность человека: еда, одежда, дом: *Мы-то,* ***молоко есть, картошка есть****, и, слава богу. Ну, молодёжь! Такую привилегию создали, теперь вот, ага, два месяца проносила платье теперь оно уже старо'. Вот сейчас вы купите платье, по сколько лет носите? И всю жисть так живу; Но щас всё равно ведь, живём, правда, и* ***пенсию дают нам****. Щас мы всё-таки ешо живём. А родители наши вообще бедно, очень жили бедно, очень; Ездют в Томск, покупают всё. Из магазина хоть кажный день сетку тащи, всего* ***хватат и сахару, хошь мешок бери,*** *куда бы чё девалось…*; *Вот как вы сейчас живёте, лучше некуда. И хлеб белый, и молоко.* ***Голодный не останешься. Деньги есть.***

Вместе с тем, в речи фиксируются трансформации, связанные с переосмыслением и переоценкой богатства, произошедшие в обыденном сознании в последние десятилетия. В автобиографических рассказах с конца 1980-х гг. в атрибуты достатка включается большее разнообразие продуктов, предметов одежды, материалов, наличие техники, убранство дома по сравнению с более ранними записями. В современных рассказах (2010–2020 гг.) в качестве показателя богатства упоминается о возможности потратить большое количество денег (что осуждается) на проведение свадьбы: ***А у нас просто возможности не было свадьбу делать****, тем более, что собирались ещё и переезжать, и поэтому просто вот стол собрали, значит, пришли, соседи там, кумовья там, это самое посидели. Это щас свадьбы как отгрохают, отгрохают. Смотришь на эти* ***свадьбы, это столько, не знаю, это же бешеные*** *деньги. Смотрите, что делают.*

Меняется отношение старожильческого населения к тем, кто был раскулачен и сослан в Сибирь. Отрицательная оценка уступает место положительной, основанной на уважительном отношении к труду, результатом которого явилось материальное благополучие: *Ну как-то не знаю, все так относились же… к высланным, считали, что вроде как они виноваты, кулаки да всё, это сейчас всё так раскрылось, что…* ***какая ихняя вина-то там была****? Что… работали до упаду сил…*

В записях 1990-х гг. зафиксировано, что у современного поколения представление о богатстве как результате честного, тяжелого труда трансформировалось, и это осуждается информантом, рожденным в 1924 г.: *Щас хо'чут так: чтоб не работать, а получать хорошо****. Щас за маленьку***

***зарплату не идут работать**, чё это, мало. А раньше год работашь, трудодни считашь и записывашь, чё в отчётный год получишь.*

Таким образом, «Богатство» – концепт, который взаимодействует с системообразующими концептами «Жизнь», «Семья», «Работа» в структуре речевого жанра автобиографического рассказа. Представления о богатстве: 1) выступают одним из критериев оценивания собственной жизни и жизни семьи в целом или в её определенный период; 2) отражают особенности сельской культуры, в которой неизменным остается представление о том, что богатство – результат честного, усердного труда, и оно связано с тем, что помогает обеспечивать жизнедеятельность человека и его семьи; это, с одной стороны, достаток и, с другой стороны – избыток материальных ценностей, что может как положительно оцениваться, так и осуждаться. В отличие от автобиографических практик других типов в исследованных устных автобиографических рассказах сведения о материальном положении/богатстве пронизывают всё повествование и включают в основном представления о материальных ценностях, при этом единичны контексты, в которых сообщается о нематериальных ценностях, духовном богатстве.

Литература

1. Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Выпуск 4: Жанр и концепт. – 440 с.

2. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2005. – Вып.4. Жанр и концепт. – С. 5–34.

3. Щербакова Е.Е. «Бытие» как имя концепта и как имя речевого жанра // Вестник Иркутского гос. тех. ун-та. – 2012. – №1 (60). – С. 340–345.

4. Долганина А.А., Казакова О.А. Специфика воплощения концепта в речевом ЖАНРЕ «Интернет-миниатюра» (на примере концепта «Любовь») // Вестник Том. гос. ун-та. – 2016. – №408. – С. 11–19.

5. Шерстяных И.В. Специфика воплощения концепта в речевом жанре (на примере речевого жанра «Разговор по душам») // Казанская наука. – 2017. – №4. – С. 79–82.

6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 428–473.

7. Слышкин Г.Г. Речевые жанры: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 34–50.

8. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2010. – №2 (10). – С. 5–10.

9. Егорова В.Ф. Концепт «Богатство» в пословичной картине мира русского, якутского и французского народов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – №12. – С. 127–129.

10. Нестерова Т.Г. Стилистические средства выражения концепта «Богатство» в английской и русской сказках // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2015. – №11 (186). – С. 147–152.

11. Клементьева Е.В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Краснодар: КГУКИ, 2008. – 20 с.

12. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (На материале внутрисемейных родословных). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.

13. Жун Я. Концепт *Тоска* в философской автобиографии Н.А. Бердяева // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29. – №6. – С. 962–968.

14. Степанова Н.С. Концепт «Счастье» в автобиографической прозе В.В. Набокова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – №2. – С. 112–121.

15. Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – №425. – С. 12–18.

16. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2017. – №47. – С. 28–38.

17. Волошина С.В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. – 2019. – №1 (21). – С. 42–48.

18. Толстова М.А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов): автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Томск, 2020. – 24 с.

19. Калиткина Г.В. Трансляция традиции в диалектном дискурсе // Русин. – 2015. – №3 (3). – С. 167–182.

20. Словарь русского языка. В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 1. А–Й. 1985. – С. 101.

21. Стешина Е.Г. Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских и англичан: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Саратов, 2008. – 23 с.

22. Куцый С.Б. Лингвокультурная специфика концептов «Богатство» и «Бедность»: На материале русского и английского языков: дисс... канд. фил. наук. – Ставрополь, 2003. – 202 с.

23. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – №1 (10). – С. 40–54.

24. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2018. – №55. – С. 17–28.

25. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. – URL: http://losl.tsu.corpus (дата обращения: 15.04.2020).

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-412-700001р_а «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона»)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВОВОЙ РИТОРИКЕ

В.А. Колосова[1], А.А. Королев[2]

[1]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.п.н., доцент; e-mail: vakolosova@gmail.com

[2]Администрация города Арзамаса, ведущий специалист, юрист сектора опеки и попечительства департамента образования; e-mail: al.cor96@yandex.ru

Россия, г. Арзамас

Статья посвящена актуальной теме теоретической аргументации как одного из компонентов коммуникации и профессиональной подготовки юриста. Рассматривается аргументационная непосредственная деятельность юриста в судебном заседании, а также способы совершенствования аргументационной деятельности студентов-юристов в процессе обучения.

Ключевые слова: *правовая риторика; аргументация; аргументационная деятельность; прямое и косвенное доказательство; дедуктивная и индуктивная схемы; умозаключения по аналогии; формы интерактивного обучения.*

На сегодняшний день теоретическая аргументация в правовой риторике являются одним из важнейших элементов преподавания на юридических факультетах в российских вузах. Профессия юриста относится к лингвоинтенсивным, что подразумевает необходимость выработки у юриста соответствующих профессиональных компетенции, так как большая часть рабочего времени юриста проходит в общении с гражданами с целью получения информации, с целью разъяснить какое-либо правовое положение или убедить слушателей в истинности своей позиции. Поэтому для юриста профессионально важно уметь «логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь» [5].

В теории правовой риторики аргументацию принято разделять на рациональные аргументы, которые подразумевают «довод к существу дела», и иррациональные аргументы, которые подразумевают «довод к человеку» [4].

Аргументы, которые основаны на разуме и логике, относят к рациональным аргументам. Источниками рациональных аргументов являются:

– факты;
– статистические данные;
– авторитеты;
– теоретические обобщения;
– эмпирические обобщения;
– ранее доказанные положения и аксиомы.

Фактическими данными в правовой риторике являются показания независимых свидетелей, вещественные доказательства. В основном данный вид аргументации используется в обосновании исковых требований, обвинительном заключении.

Статистические данные, под которыми понимаются количественные показатели определенных общественных отношений, на практике редко используются для аргументации в судебных процессах, а служат в основном для определения показателей эффективности работы правоприменительных и правоохранительных органов.

Аргументация авторитетом является обращением к позиции авторитетной инстанции. Данный вид рационального аргумента является спорным для теории правовой риторики, так как он может

быть основан и на психологическом аспекте, что приводит к отнесению его в данном случае к иррациональным аргументам.

Теоретическим обобщением является совокупность нормативно-правовых актов, которые являются предметом правового регулирования рассматриваемых правоотношений.

Эмпирическим обобщением является позиция судов по аналогичным предметам и основаниям споров. Однако стоит отметить, что судебный прецедент не является источником права в российской правовой системе.

Ранее доказанные положения и аксиомы в юридической науке подразумевают под собой общеизвестные факты и преюдицию.

Аргументы, которые основаны на интересах и чувствах аудитории, называются иррациональными аргументами. Теория правовой риторики выделяет общие и частные иррациональные аргументы. Под общими аргументами понимается аргумент к интуиции, к вере, здравому смыслу, к моде и вкусу, к традиции и к авторитету.

К частным иррациональным аргументам относятся аргументы, которые могут быть адресованы как непосредственно процессуальному оппоненту, так и всей присутствующей аудитории. К данным аргументам относят:

– аргумент к человеку;
– аргумент к публике;
– аргумент к жалости;
– аргумент к физическому благополучию;
– аргумент к справедливости и праву [1, с. 104–110].

Аргумент к человеку предполагает под собой указание на достоинство личности с целью вызвать у него симпатию, войти в доверие либо с целью вызвать у аудитории неприятие определенной точки зрения, подорвать доверие слушателей к словам оппонента. Аргумент к публике основан на настояниях аудитории и имеет под собой цель склонить их к принятию нужного решения.

Аргумент к жалости в практике правовой риторики чаще всего применяется с целью вызвать жалость к обвиняемому, а аргумент к физическому благополучию рассчитан на желание человека жить комфортно и удобно. Аргумент к физическому благополучию зачастую сопряжен с аргументами, затрагивающими материальные, социальные и экономические интересы аудитории, чувствам собственного достоинства.

Аргумент к справедливости и праву является одним из самых популярных представителей в суде при отсутствии рациональных аргументов, подтверждающих позицию поддерживаемой стороны. Данный аргумент основан на обращении к великодушию, чувствам сострадания к слабым, к чувству долга и другим благородным побуждениям.

В правовой риторике аргументы также следует классифицировать по силе воздействия:

– на исчерпывающий, который всегда один и является наиболее сильным аргументом, безусловно доказывающим правильную правовую позицию стороны;

– главные, которых может быть несколько и которые должны рассматриваться в совокупности для доказывания того или иного события;

– спорные, которые можно рассматривать как с позиции «за», так и с позиции «против»;

– запасные [2, с. 46–53].

По выстраиванию аргументационных схем стоит выделить:

– восходящую аргументацию, которая предполагает расположение аргументов от слабых к сильным;

– нисходящую аргументацию, которая предполагает расположение аргументов от сильных к слабым [3, с. 86–92].

Таким образом, обучение аргументационной деятельности – необходимый и крайне важный элемент профессиональной подготовки юриста. Умения и навыки аргументационной деятельности должны прививаться и отрабатываться особенно тщательно на дисциплине «Правовая риторика» на протяжении всего процесса обучения студента. Изучение аргументации в юридической деятельности следует осуществлять в рамках различных отраслевых дисциплин, что позволит выработать специальные виды теоретической аргументации, присущие конкретной области правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Литература

1. Зверев С.Э., Ефремов О.Ю. Риторика: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2020. – 311 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-02220-9. // ЭБС Юрайт. – URL: https://urait.ru/bcode/450760 (дата обращения: 20.01.2021).
2. Иванова Т.В., Никитина О.В. Правовая аргументация: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2019. – 191 с. – // ЭБС Юрайт. – URL: https://urait.ru/bcode/431525 (дата обращения: 20.01.2021).
3. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 725 с. // ЭБС Юрайт. – URL: https://urait.ru/bcode/467201 (дата обращения: 20.01.2021).
4. Зюкина З.С. Риторика и судебное красноречие // Записки Горного института. – 2005. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-i-sudebnoe-krasnorechie (дата обращения: 20.01.2021).
5. Сакаева З.Л. Функциональные способы осуществления нормативно-правовой риторики // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – №2 (13). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-sposoby-osuschestvleniya-normativno-pravovoy-ritoriki (дата обращения: 20.01.2021).

РОССИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю.А. Головин[1], О.Е. Коханая[2]

Московский гуманитарный университет,

[1]докт. культурологии, заведующий кафедрой журналистики; e-mail: ygolovin51@gmail.com

[2]докт. культурологии, профессор; e-mail: kokhanaya@mail.ru

Россия, г. Москва

В статье рассмотрены разновекторные процессы трансформации системы региональных литературно-художественных журналов в постсоветский период (взаимосвязь с явлениями глобализации политических, социальных и культурных отношений) и обособления, изоляции целых групп русскоязычного населения, оказавшихся в культурном вакууме в приграничных районах России.

Ключевые слова: *типология журнальной периодики; аудитория; ценностные ориентиры; отечественная культура; регион.*

Около сорока лет назад известным исследователем типологии журнальной периодики А.Г. Бочаровым была сделана блестящая попытка системного подхода к интересам аудитории [1, с. 32–33]. Он предложил своеобразную геометрию интересов, выделяя вертикальную и горизонтальную оси читательских пристрастий. Вертикальная ось, по его мнению, составляет уровень запросов аудитории, а горизонтальная – все многообразие сфер читательских интересов. Соответственно, точка пересечения в этой воображаемой системе координат и определяет тот самый болевой узел данной аудитории, опираясь на который и следует создавать журнал.

«Эта геометрия очень точно и образно определяла аудиторное пространство в СССР 1970-х – 1980-х годов. К примеру, в 1980-е годы был настойчивый запрос читательской аудитории на понимание политических процессов, происходивших в России в 1920–1930-е годы. Журналы откликнулись на него целым рядом художественных и публицистических материалов о том периоде. Причём, те, кто интересовался вопросами военного строительства, обратились к “Воениздату”, городская интеллигенция – к “Новому миру” и “Москве” и т.д. Но с начала 1990-х годов устоявшаяся система координат, сложившаяся в советских средствах массовой информации, в том числе, в сфере литературно-художественной журнальной периодики, стала быстро разрушаться» [2, с. 34].

Широко известные исследователи типологии периодической печати Л.Л. Реснянская, М.В. Шкондин [3, с. 55] и М.И. Шостак [4, с. 79–92] уже в новых условиях для более точного определения новых типологических тенденций ввели в обиход понятия «внешнего» и «внутреннего» круга читательских пристрастий, «системы в системе» журнальной периодики.

По их мнению, «внешний» круг – это интересы аудитории, связанные с жизнью человека в социуме, с его трудовой и социальной деятельностью, а «внутренний» – это удовлетворение интимных, порой непредсказуемых, постижимых больше интуитивно, чем логически, формирующихся на уровне подсознания, запросов читателей (эти запросы часто и формируют как раз сферу досуга, своеобразных развлечений, хобби).

Но и эта конфигурация со временем перестала, на наш взгляд, достаточно полно определять современные тенденции в издательской политике. Думается, вполне логично было бы «к двум осям читательских пристрастий А.Г. Бочарова, а именно, к уровню запросов аудитории и многообразию

сфер читательского интереса, добавить третью ось – определяющую сугубо приватные, индивидуальные запросы личности, в том числе, в сфере религиозной, философской, политической и интимной жизни. В таком виде аудиторное пространство приобретает уже законченную трехмерную, то есть реальную, форму. Кстати, именно в этой новой для нас плоскости читательских интересов и обитает практически вся "желтая" пресса. Точки пересечения этой третьей оси с уже известными двумя и дают определение понятию "ниша"» [2, с. 36].

В связи с формированием данной третьей плоскости читательских интересов любопытно и поучительно посмотреть на примере трансформации некоторых региональных литературно-художественных журналов, выходящих прежде всего в тех регионах России, по которым в 1990-е годы произошел разлом всего жизненного уклада некогда единых народов, когда целые области и республики, исконно считавшиеся своими, вдруг оказались «за границей». Особенно болезненным это сказалось на людях, носителях русского языка, оказавшихся не по своей воле по разные стороны границ.

Здесь «во внутреннем круге интересов» читательской аудитории появились абсолютно оригинальные, неизвестные до недавнего времени в России «ниши».

Не будем здесь перечислять все негативные последствия событий 1990-х годов после развала Советского Союза. Нам важно отметить лишь тот факт, что на огромных социокультурных пространствах, как правило, в приграничных районах, массы людей остались без духовного «поводыря», каковым в СССР для многих были литературно-художественные журналы, без ценностных ориентиров, без людей, чаще всего, писателей, философов, публицистов, печатавшихся в этих журналах.

Целые регионы и целые пласты бывшей аудитории этих журналов оказались в социокультурном вакууме. Прежде всего, это русскоговорящее население в бывших советских республиках, особенно в агрессивно настроенных против России «новых» прибалтийских государствах, в приграничных регионах, таких как республика Осетия, республика Абхазия, Приднестровье, украинский Крым, а также жители приграничных территорий России, ее окраин. Тиражи общероссийских изданий были ничтожно малы и не доходили до этих регионов, а масса местных, вдруг появившихся газет и журналов, как правило, были полностью ангажированы местными же властями и олигархами, цели которых значительно отличались от целей и задач проживающих там людей. Тут уж было не до литературы и не до философии. Тем более что где-то уже шла война, где-то всячески подчеркивалось нежелание новых властей сотрудничать с «русскими захватчиками», где-то из-за политической конъюнктуры всячески раздувался национализм и шовинизм.

В любом случае, страдали и русские, и коренные народности, которые считали русский язык «языком межнационального общения», кто привык видеть в русской советской литературе, поэзии, публицистике, конечно, в лучших ее, классических образцах вершины духовных и нравственных исканий человека [5, с. 191]. Безусловно, многих из этой аудитории, прежде всего, молодежь, еще неокрепшую духовно и нравственно [6], захлестнуло вспенившейся грязной волной западной и «самостийной» пошлости и безвкусицы. Одним навязали «пепси», другим «суконный» или «квасной» патриотизм. В любом случае, большинство из них надолго выпали из ниши национальной и мировой культуры, превратившись в элементарное идеологическое оружие новой политической элиты. Как четко формулируют возникшую на тот момент проблему на постсоветском социокультурном пространстве известные исследователи феномена медиакомпетентности С.И. Симакова и И.В. Топчий, «в этих условиях, во избежание манипулятивного воздействия со стороны СМИ и СМК необходимо формировать компетенции, связанные с аналитичностью и критичностью восприятия медиаинформации, с формирования гражданской позиции медиапотребителя» [7, с. 230]. Однако многим было не до ценностного самоопределения, выработки гражданской позиции и литературы вообще: надо было в условиях дикого рынка выживать, а то и с оружием в руках защищать свою жизнь и жизнь своих близких. Целые аудиторные пласты оказались в духовном вакууме, то есть без привычных их уму и сердцу печатных изданий. Эту-то нишу и стали активно заполнять новоявленные идеологи и пророки из заграницы, да и местного разлива: от вакхабитов и адвентистов седьмого дня до элементарных фашистов. Вот тут-то и произошел некий феномен.

Практически по всей линии приграничных с Россией регионов и окраинных территорий в самой России стали появляться оригинальные, ни на что не похожие ранее издания, и, прежде всего, литературно-художественные журналы на русском языке. Со стороны в России – «Балтика» в Калининграде и «Балтика» же в Риге, «Дон», «Родная Кубань» в Ростове и Краснодаре и т.д., с другой стороны – «Апсны» в Абхазии, «Литературное Приднестровье» в Приднестровье, «Брега Тавриды»

в Крыму и мн.др. Конечно, и по своему содержанию, и по качеству текстов, и по манере изложения они значительно отличались друг от друга.

Более того, среди них были откровенно агрессивные, даже можно сказать, провокационные журналы, которые только наносили вред интересам русскоязычного населения и самому престижу России. Как правило, это издания – однодневки: такие как «Балтика», «Русский вестник» в Риге, «Правда – матка» в Сочи. Они, появившись раз-два на читательском горизонте, тут же и исчезли, ничего, кроме разочарования, не оставив в умах и сердцах читателей. В лучшем случае, через них удовлетворялись какие-то личные амбиции людей, вдруг заработавших определенные деньги и по странной нелепости считающих себя литераторами, в худшем, «отмывались» украденные деньги. Эти издания мы не рассматриваем детально, считая, что они заслуживают лишь упоминания, как реальный факт реального времени и не более того. Хотя и среди этих изданий были любопытные: такие, к примеру, как «Афганец» в Симферополе. Правда, они закрывались из-за элементарного отсутствия денег.

Но из всех журналов, появившихся на постсоветском пространстве в это смутное время, нас интересуют только те, которые сумели все-таки продержаться и выжить в столь непростых условиях, а также сохранить высокие традиции русских и советских изданий, те журналы, которые, с точки зрения типологической идентификации, являются охранителями российской и межнациональной советской культуры. Для более глубокого анализа этого явления возьмем, к примеру, два журнала, являющиеся в данном случае как бы зеркальным отражением друг друга, а в чем-то и страницами одной книги, книги «утерянного времени».

С одной стороны, литературно-исторический журнал «Родная Кубань», образовавшийся на обломках известного еще с советских времен альманаха «Кубань», с другой – литературно-художественный и публицистический журнал тогда еще украинских крымских писателей «Брега Тавриды». И дело здесь не только в высоком качестве литературно-художественного материала, анализ текстов еще впереди, но, прежде всего, в том, что, с нашей точки зрения, эти журналы являлись носителями основных типологических черт и признаков изданий, никогда ранее не существовавших на территории России и СССР.

Во-первых, эти журналы были созданы примерно в одно и то же время, в начале 1990-х годов, то есть сразу после развала СССР. «Брега Тавриды» был создан в 1991-м году, «Литературное Приднестровье» и «Родная Кубань» – в 1992–м, «Апсны» – в 1993-м и т.д. О приднестровском и абхазском изданиях как о литературно-художественных журналах особо говорить не приходится. Во-первых, их издатели и авторы – люди, малоизвестные и неавторитетные в литературных кругах России, а во-вторых, сами эти журналы выходили нерегулярно, хотя оба были объявлены как ежеквартальные, да и их литературно-художественные достоинства были сомнительны. Здесь скорее попытка людей не забыть русский язык, продемонстрировать хотя бы таким путем, что они остаются частью России. В любом случае, при всей нашей вполне объяснимой симпатии к этим журналам, их издание следует рассматривать как акцию политическую, а отнюдь не литературно-художественную. Однако нельзя не признать преобразующую роль вышеназванных журналов в социальных и политико-экономических процессах в этих регионах. А в определенной степени и создании тех революционных ситуаций, что привели к отделению Приднестровья и Абхазии и созданию на их территориях независимых государств, близких по духу России. К примеру, план политического урегулирования в Приднестровской республике, изложенный тогдашним президентом И.Н. Смирновым, кстати, членом Союза писателей России и лауреатом Международной премии по литературе имени М.А. Шолохова, впервые был опубликован именно на страницах «Литературного Приднестровья». Идея же «стать русскими» через получение российского гражданства как можно большего числа абхазов, проживающих в Абхазии, была высказана профессором Сухумского университета А. Кутарбой в историко-публицистической статье «Кто хозяин Черного моря…», опубликованной в журнале «Апсны».

Другое дело, крымский и кубанский журналы. Основателем журнала «Брега Тавриды» стал известный советский писатель, выходец тех мест Анатолий Иванович Домбровский, до конца своих дней (2002 год) был его главным редактором [8].

Создателем и идейным лидером литературно-исторического журнала «Родная Кубань» стал также известный еще с советских времен писатель, выходец с Кубани Виктор Иванович Лихоносов [9]. Оба журнала, несмотря на то, что они выходили по разную сторону российской границы, решали сходные задачи и преследовали практически одинаковые цели.

Более того, даже условия, в которых они начинали функционировать, в которых оттачивались и выделялись их типологические признаки, были в начале 1990-х идентичными. Так, «Брега Тавриды» появились в период жесткой антироссийской пропаганды в Крыму со стороны как местных вла-

стей, так и татарской диаспоры, журнал же «Родная Кубань» – в период сильного давления со стороны антисоветски, а вследствие того, и антирусски настроенных средств массовой информации, представляющих тогда официальную идеологию ельцинской машины пропаганды. Антироссийское и антирусское были тесно переплетены. Теперь уже известно, что это был заказ так называемых российских либералов, рвущихся к власти, а также американских политтехнологов. Шельмовались известные имена, переиначивались исторические события, подтасовывались факты. Любые проявления патриотизма расценивались как антидемократические действия и назывались, чуть ли не мракобесием. Средства массовой информации и, в частности, телевидение были напрочь закрыты для любого разумного диалога на тему дальнейшей судьбы России и бывших советских республик. Мнения и интересы людей, проживающих в приграничных районах, игнорировались полностью. Появились и крайние радикалы с другой стороны. Так, в Краснодаре – самозванный и новоявленный казачий атаман и местный бизнесмен Леонов, кстати сказать, выпустивший в 1990-е годы несколько номеров самостийного журнала «Екатеринодар», призывал казаков, в том числе, и со страниц этого издания, отделиться от Советского Союза, а потом и от России, и создать на берегах Черного и Азовского морей независимую казачью республику. Подобные тенденции наблюдались в начале 1990-х в Крыму, на Дону, в Приднестровье. В Приднестровье, как известно, они обрели даже некоторые юридические очертания.

Именно эти обстоятельства и определили направленность и тональность рассматриваемых журналов, их типологические особенности. С точки зрения аудиторной направленности журналы были обращены, прежде всего, к русским и русскоговорящим людям, которые в одночасье лишились нравственной опоры, для которых потеря страны, в которой они жили, стала настоящей трагедией, и главное, трагедией духовной, для которых вдруг выросшие границы между Украиной, Россией, Белоруссией, Казахстаном, Грузией стали незаживающей раной, кровоточащей в собственном сердце. Да, следует признать, что аудитория этих журналов оказалось не очень большой. Достаточно сказать, что тираж журнала «Брега Тавриды» составлял тогда всего полторы тысячи экземпляров, а журнала «Родная Кубань» – две тысячи. Хотя достать эти журналы, купить их ни в Крыму, ни, тем более, в России было практически невозможно. А то, что на них был спрос, подтвердили наши социологические исследования, проведенные в Крыму, в Тамани, а также в Москве, в Московском государственном университете культуры и искусств [2, с. 239].

В чем же феномен этих журналов? В том, что каждый материал, опубликованный на их страницах, независимо от жанра, – поэзия это, проза или философское эссе – представлял собой обнаженный нерв, попытку разобраться в самом главном для них вопросе: как же случилось, что великая Россия погибла, что разошлись по разные стороны границ родные братья – славянские народы? Конечно, здесь было много эмоций и мало рефлексии, конечно, желаемое здесь зачастую выдавалось за действительное, но авторам нельзя было отказать ни в искренности, ни в литературном даре.

Иногда, материалы были столь оригинальны, что даже претендовали на открытия. Так, в статье Александра Потапенкова «Век “Цветущей сложности” русской философии», опубликованной в 2002 году в журнале «Брега Тавриды», №2–3, чуть ли не впервые определялись рамки классической русской философии. Уже сам термин «классическая русская философия» удивителен. В свое время с легкой руки В. Розанова в нашей критической литературе утвердилось представление, что никакой серьезной философии, тем более, классической, вплоть до конца девятнадцатого века в России не было, а вся философия была «вложена» в классическую русскую литературу [10, с. 239]. Принято говорить о философии Салтыкова-Щедрина, Толстого, Достоевского. Да и сам Владимир Соловьев, вершина русской философской мысли, – тоже, прежде всего, писатель. Но вот скромный крымский ученый посчитал, что классическая русская философия существует, что существуют ее типологические признаки, что есть авторы, определяющие ее содержание: А.П. Герцен, И.В. Кириевский, Г.В. Плеханов, С.Н. Трубецкой, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев, Н.Г. Чернышевский. Не знаем, насколько это интересно с точки зрения философской науки, но с точки зрения культурологического феномена русскоязычной культуры в ближнем зарубежье, чуть ли не единственным гарантом сохранения и развития которой являлись тогда именно эти небольшие малотиражные журналы, работа А. Потапенкова представляется определяющей. Так же как определяющей она является и в анализе типологических признаков подобных изданий: а именно, в максимальной заостренности публицистики, научно-теоретических исследований, критики, направленности материалов на самые острые вопросы российской истории и исторической мысли, чуткое, почти болезненное восприятие любых компромиссов в этих вопросах, любых попыток фальсификации, искажения истории, иногда, впрочем, вплоть до потери реальности и научной объективности.

Характерна в этом смысле и статья самого Анатолия Домбровского «Подстрекатели», опубликованная в этом же номере [11]. В ней идет разговор об истории заселения Крыма. «Народы приходили сюда в такой последовательности: киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, аланы, греки, готы, гунны, хазары, половцы, византийцы, армяне, римляне, генуэзцы, татары, турки, русские, украинцы… Приходили, уходили, исчезали, возвращались. Одни оставляли после себя памятники культуры, другие – следы разрушений», – пишет Домбровский в начале статьи. А потом делает и соответствующий вывод, что украинский период – это период разрушения Крыма, его культуры, его истории. А «подстрекатели» – это, конечно же, татарские и украинские националисты, финансируемые международной антирусской коалицией.

Конечно же, эти мысли можно оспорить, но неоспорима искренняя боль публициста и гражданина. Так же как и неоспоримы художественные достоинства большинства материалов, опубликованных в «Брегах Тавриды». Заостренность взгляда, нервозность мысли, абсолютная свобода от материальных выгод (большинство этих журналов безгонорарные), иногда приводит авторов к совершенно необычным выводам, к неповторимой точке зрения на то или иное событие, в том числе и литературно-историческое.

Казалось бы, сколько уже было написано о важнейшем литературно-историческом событии, происшедшем в мае 1880 года в Москве, в дни открытия знаменитого памятника А.С. Пушкину, когда со всех городов и весей России, из Европы на магию Пушкинского имени потянулись в Москву практически все выдающиеся российские умы того времени. Не было только Льва Толстого, считавшего в то время, что «все литературные сборища – ложь, а памятники – заблуждения» [12, с. 327]. Впрочем, все более или менее известные литераторы кроме, разумеется, Ф.М. Достоевского, хоть на часок да заглянули в Ясную Поляну поприветствовать знаменитого затворника и либерала. Но неожиданная смерть императрицы Марии Александровны заставила правительство отложить праздник.

Крымский автор Владислав Бахревский представил этот факт, то есть случайную заминку перед праздником, как величайшее событие в истории литературы и вообще культуры России XIX века. Действительно, велением судьбы в Москве собрались вместе самые выдающиеся мыслители и художники России, и у них выдалось несколько праздных дней для общения. Никто ведь не знал, сколько продлится траур. Они ходили по светским и литературным салонам, кто мог, «принимал у себя», обменивались мыслями, планами, намечали, как сейчас бы выразились, совместные проекты. Здесь создавались «великие коалиции» и намечались «великие расколы», литературные партии и литературные движения. Определялось отношение к Пушкину, а через него, и ко всей русской и славянской истории и культуре. Не случайно в одном из писем к своей жене (это письмо цитирует В. Бахревский) Ф.М. Достоевский пишет: «Я бы и рад сейчас уехать из Москвы, но во мне нуждаются не одни любители Российской словесности, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности» [13, с. 59].

«Именно эти дни, – пишет В. Бахревский, – озаренные памятью великого поэта, и радость общения, возможно, и стали прологом великих свершений конца XIX века в области литературы, музыки, живописи, философии. Именно после этого прозвучал последний блестящий аккорд золотого века русской литературы и был зачат ее век серебряный» [14].

По теме, по содержанию, а главное, по настрою, по стилистической напряженности с подобными материалами в крымском журнале перекликались работы авторов журнала «Родная Кубань»: достаточно перечислить статьи Ольги Садковской «Екатеринодарский войсковой сад» и А.Н. Жигайлова «Забытая христианская цивилизация», историческое исследование В.И. Шкуро «Белый генерал», опубликованные в №4, 2002 год; Виктора Рыбалко «Тени Руси» – в №1, 2003 год [15, с. 24–32] и др.

Характерны и сами рубрики, представленные в данных журналах: «Наш Пушкин», «Вокруг полуострова», «Родное зарубежье» – в журнале «Брега Тавриды»; «Хранители России», «Русская трагедия», «Кубани верные сыны» – в журнале «Родная Кубань». Это, разумеется, кроме обязательных «Поэзии» и «Прозы». Если проанализировать стихи, рассказы и повести, опубликованные в этих журналах, нетрудно выявить, что их содержание, стилистический настрой и художественное звучание сродни публицистике в данных журналах. Но перечислить авторов, думается, необходимо. Это и упомянутые уже В. Домбровский и В. Лихоносов, а также В. Ганичев, Ю. Кузнецов, Г. Немченко, И. Варрава, А. Грановский. Некоторые из них, как бы подчеркивая единство этого культурного пространства, территориальную близость публиковались в обоих изданиях.

Феномен русскоязычных и российских журналов, выходящих в приграничных районах России, конечно, требует отдельного и более глубокого исследования [16, с. 114]. Тем более что явление

это находится в развитии: так, и после присоединения Крыма журнал «Брега Тавриды» продолжает издаваться в том же формате и с тем же содержанием. Впрочем, как и «Родная Кубань», и другие русскоязычные издания в Абхазии и Приднестровье. Многие журналы появляются и исчезают, подчас меняется политическая и социокультурная атмосфера. Но уже сегодня бесспорен тот факт, что литературно-художественные журналы, выходившие и выходящие в «горячих регионах», являются хранителями советской и отчасти дореволюционной российской культуры, имеют огромное значение для формирования единого социокультурного пространства регионов, охраняют целостность России как единого государственного и культурного образования.

Литература

1. Бочаров А.Г. Основные принципы типологии современных советских журналов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Журналистика. – 1973. – №3. – С. 25–35.
2. Головин Ю.А. Российские литературно-художественные журналы как форма реализации культурной политики. – М., 2010. – 269 с.
3. Типология периодической печати / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 236 с.
4. Шостак М.И. Журналы в системе СМИ: типология и «ниши» издания // Типология периодической печати / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 79–92.
5. Загидуллина М.В. Русский язык в эпоху постграмотности: вперед в прошлое // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникационная культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. – М.: Российский университет дружбы народов, 2017. – С. 189–195.
6. Валеева Е.В., Фортунатова В.А. Проблема неявного знания в условиях образовательных перемен // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13. – №3. – С. 260–268.
7. Симакова С.И., Топчий И.В. Роль средств массовой информации в воспитании медиакомпетентной аудитории // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – №4 (26). – С. 226–233.
8. «Брега Тавриды» – единственное звено, способное раз и навсегда объединить Россию, Украину и Беларусь // Региональная общественная организация «Союз писателей республики Крым». Журнал «Брега Тавриды». – URL: http://brega-crimea.ru/zhurnal-brega-tavridy-1 (дата обращения: 16.06.2018).
9. Родная Кубань: литературно-исторический журнал. – URL: https://www.rodnayakuban.com/ (дата обращения: 16.06.2018).
10. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития (Литературно-эстетические работы разных лет). – М.: Искусство, 1990. – 608 с.
11. Домбровский А. Подстрекатели // Брега Тавриды. – 2002. – №2–3. – Журнальный мир. Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов. – URL: http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/brega-tavridy-izbrannoe-1991-2016 (дата обращения: 16.06.2018).
12. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 656 с.
13. Достоевский Ф.М. Записки о русской литературе. – М.: Эксмо, 2006. – 84 с.
14. Брега Тавриды. – 2002. – №2–3 // Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов. – URL: http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/brega-tavridy-izbrannoe-1991-2016 (дата обращения: 16.06.2018).
15. Рыбалко В. Тени Руси // Родная Кубань. – 2003. – №1. – С. 24–32.
16. Смеюха В.В. Нужна ли региональная журналистика? // Инновационные процессы в современном мире (Иннофорум-2016): материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д.: РГУПС, 2016. – С. 112–116.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

О.А. Грицай

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
магистрант; e-mail: oliagritsai7720@mail.ru
Молдова (Приднестровье), г. Тирасполь

В статье исследуется вопрос о преодолении процесса гендерной асимметрии в публицистическом стиле в рамках общей тенденции демократизации языка, ориентации на устную экспрессивную речь.

Ключевые слова: *СМИ; газетно-публицистический стиль; функция информационная и воздействующая; синтез стандарта и экспрессии; интернет-дискурс; андроцентрический; феминитив; демократизация.*

Публицистический стиль, или газетно-публицистический, призван отвечать актуальным запросам социума – бытовым, философским, политическим, культурным, экономическим, социальным,

морально-этическим вопросам. Из этого следует, что тематика и жанровое разнообразие стиля неисчерпаемы. «Летопись современности» отражается в следующих жанрах:

– информационных (репортаж, хроника, интервью);

– аналитических (корреспонденция, статья, обзор, рецензия);

– художественно-публицистических (фельетон, очерк, памфлет).

Ввиду масштабности тематического кругозора публицистического стиля, который охватывает все сферы жизнедеятельности человека, можно выделить две фундаментальные, взаимообусловленные функции данного стиля: *информационная* и *воздействующая* (или суггестивная). Это определяет особый статус и роль образа автора, его голоса в текстах публицистического стиля, ведь автор-повествователь – это соучастник происходящего, задача которого убеждать, формировать социальные тенденции и, таким образом, порождать общественное мнение, что находит отражение в характеристике стилевых экстралингвистических черт функционального стиля – образность, экспрессивность, страстность, оценочность, эмоциональность. По мнению Г.Я. Солганика, именно суггестивная функция играет знаменательную роль в рамках публицистического стиля, обусловливая «острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности» [3].

Роль объективации картины миры, происходящих событий играет информационная функция, которая соответствует таким стилевым чертам, как логичность, стандартизованность, точность, официальность. Именно они позволяют публицистам быстро реагировать на происходящие события, благодаря наличию клишированных языковых средств, а также создавать общедоступные тексты с открытым содержанием. Таким образом, одной из главных черт современных средств массовой информации является синтез стандарта и экспрессии, на корреляции которых зиждется объективность, разумная беспристрастность по отношению к описываемым журналистом событиям и уклонение от речевых, эмоциональных манипуляций, итогом которых становится «лобовая» пропаганда.

Подобная антиномия, единство противоречий, является ведущей специфической особенностью публицистического стиля, которая проявляется в принципах отбора языкового материала, структуре синтаксической организации текстов, выборе лексических средств, построении смыслопонятийной канвы сообщения. Так как публицистические тексты ориентированы на массового адресата (вне зависимости от возрастной категории, профессиональной принадлежности, интеллектуальных возможностей читателей), то основным критерием отбора языковых средств будет их общедоступность, то есть уклонение от узкоспециальной лексики, необщеупотребительных иноязычных лексем, жаргонизмов, слов, принадлежащих к единицам высокого, книжного регистра, но вместе с тем – частое обращение к внелитературным словам разговорного типа, для достижения эффекта правдоподобности, соответствия реалиям повседневной жизни.

Большое значение при этом имеет индивидуальный авторский стиль журналиста, его манера повествования, способы самовыражения. Сегодня в СМИ наблюдается тенденция к повествованию от первого лица, порой личность автора и рассказчика могут совпадать, что позволяет передать читателю нерафинированные эмоции и впечатления, достичь наибольшего суггестивного воздействия. Степень проявления авторской личной оценки варьируется в зависимости от жанра: иногда автор – «глас народа», рупор коллективных идей, иногда критически настроенный обозреватель событий, так или иначе, журналист всегда в первую очередь демонстрирует добытый им материал в разносторонней его интерпретации, включая собственную позицию.

Неоднородность публицистического стиля проявляется и на лексическом уровне. Публицистический стиль многомерен, он включает лексику книжную и разговорную, высокую и сниженную. Отбор языковых средств диктуется жанром и принципом эстетической целесообразности, коммуникативно-прагматической целью. Мы наблюдаем изменения в книжно-литературной речи, которая проявляется «в перерождении газетно-публицистического стиля, который фактически перестал быть книжным, как это принято считать, и максимально приблизился по форме к обиходному общению: и устная речь радио и телевидения, и письменные тексты газетно-журнальных публикаций настойчиво имитируют сниженную бытовую коммуникацию» [4, с. 50–56].

Это связано и с изменения источников получения актуальной информации. Сегодня понятие газетно-публицистического стиля выходит за рамки только печатных текстов, радио и телевидения, где информация подается дозированно, в установленные часы и рамки цензуры.

Объясняется это тем, что XXI век по идейно-концептуальной природе своей знаменует смену технических путей информационного транслирования. Если на протяжении предыдущих столетий телевидение и периодические печатные издания, такие как газеты, журналы, были основным

источником получения актуальной информации о текущих событиях в мире, то на сегодняшний день наблюдается смещение информационного вектора в сторону интернета, ввиду того, что авторитет телевидения существенно снизился по многочисленным объективным причинам:

1. Отсутствие альтернативной критической позиции на те или иные сферы социально-политической жизнедеятельности общества.
2. Пропаганда консервативных убеждений.
3. Оторванность от реалий современной действительности.
4. Транслирование ложных фактов и сведений.

Именно поэтому интернет сегодня по праву считается площадкой свободного самовыражения и получения достоверной информации. В понятие «средство массовой информации – СМИ» сегодня входит не только газеты, радио, телевидение, но и все интернет-порталы, сайты, «паблики» в социальных сетях, где практически каждый желающий может выступить в роли журналиста и осветить события своего региона, предоставит при этом должные аргументы и доказательства.

Коммуникативная среда интернета, которая характеризуется простотой, доступностью и скоростью получения информации, подразумевает не только процесс потребление человеком необходимых сведений и знаний, но и возможность стать их транслятором. Интернет-пространство обладает широкой степенью демократичности ресурсов, также способствующих продвижению прогрессивных идей, оказывающих влияние не только на определённую группу лиц, участников определенного интернет-сообщества, но и на социум в целом. Интернет-дискурс, за которым стоят потребности, желания, идеологические воззрения обычного человека, сегодня диктует основные тенденции общественного развития и способствует наиболее быстрому и эффектному процессу внедрения социальных нововведений, в том числе и языковых.

Если ранее лингвистическая составляющая интернет-коммуникации носила характер языковой игры, в целях создания замысловатой художественной формы, то сегодня форма и содержание достигли гармонии. Любая языковая инициатива в медапространстве выступает мощным инструментом социальных изменений, в том числе и борьбы за гендерную симметрию.

Современное отечественное интернет пространство стремится преодолеть засилье андроцентрической основы русского языка. Именно поэтому наблюдаются две тенденции феминизации личных имен:

1. Возрождение уже существующих единиц наименования лиц женского пола.
2. Образование феминитивов-неологизмов, созданных в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями русского языка.

Примечательно, что наблюдается равнозначная продуктивность использования гендерной лексики в различных коммуникативных ситуациях, сферах общественной жизни (культура, наука, политика, экономика), что говорит о расширении языковой литературной нормы. Если ранее феминитивы использовались преимущественной в просторечии и были элементом разговорного стиля речи, знаменуя собой нарушения словообразовательных норм русского языка и характеризуясь ярко выраженным коннотативном компонентом. Различного рода аффиксы -ш-, к-, -есс- обладали оттенком пренебрежения, носили сатирический характер, что было обусловлено статусом женщины и ее стремлением к профессиональному, личностному самовыражению, и не вписывалось в патриархальную канву мира. Сегодня же ввиду смещения парадигмы развития русского языка и его ориентации на устную речь подобная семантическая, эмоционально-экспрессивная составляющая данных морфем нивелируется.

Например, суффикс -к(а) как наиболее яркий словообразовательный способ выражения феминности в языке демонстрирует демократизацию современного русского языка. Это объясняется рядом причин: во-первых, по мнению Е.А. Земской, данная морфема (-к-) нейтрализует «лицо мужского пола» [5], во-вторых, данный аффикс обладает высокой степенью продуктивности, универсальности также характеризуется многозначностью, в-третьих, выступает продуктивным и активным строительным материалом в процессе создания феминитивов в различных родственных славянских языках: болгарский автор – авторка, лекар – лекарка, мениджър – мениджърка; чешский doctor – doctorka, autor – autorka [2], русский студент – студентка, юрист – юристка. В одном из авторитетных оппозиционных СМИ «Медиазона» часто можно найти неономинации женского рода авторка, редакторка: «Всем, кто говорит мне, что бездомные сами выбрали такой образ жизни и не хотят ничего менять, наша авторка Даша Литвинова предлагает провести эксперимент…» статья от 04.02.2019 [7].

Важно отметить, что морфема -ш- с течением времена пережила существенные семантические сдвиги от «наименования лица по мужу» – генерал – генеральша, до неономинации «лица

женского пола, принадлежащего определенной профессии»: прокуроша, контролёрша и так далее, чаще всего с ярко выраженным оценочным, уничижительным микрокомпонентом коннотативного компонента лексического значения. Сегодня же данная морфема на страницах СМИ используется в нейтральных тонах и выступает равным коррелятом лексемы мужского рода. Например, в статье «Известий» встречается: «Вот и герои фильма Барта Фрейндлиха к обычному среднему классу едва ли относятся: театральная актриса, её муж-домохозяйка, редакторша в издательстве и вольный журналист, сочиняющий на коленке аналитические статьи о перспективах рыбалки в Новой Англии» от 14.09.2006 [6]. Данный пример служит яркой демонстрацией актуальности и противоречивости процесса феминизации языковой системы, ввиду непоследовательности в продуцировании феминитивов: редакторша, но журналист. Обращает на себя внимание и лексема «муж-домохозяйка», где автор использует аналитический способ выражения рода, что лишь подтверждает, что современный русский язык полон так называемых «гендерных лакун», преодолеть которые ему только предстоит.

Или же суффикс -ниц(а), воспринимаемый сегодня как нормативный: учитель-ниц-а, слушатель-ниц-а, воспитатель-ниц-а. Образуется феминитив при помощи следующих словообразовательных компонентов: производящая основа существительного мужского рода с флексией -тель со значением «наименование лица по действию» + суффикс -ниц- «суффикс лица женского пола». Например: «Начав с внутренних преобразований в Центральном банке, новая руководительница взялась за расчистку банковского рынка и регулирование финансового сектора, который попал под контроль ЦБ после создания мегарегулятора» [1].

Не менее распространен суффикс -ин(я) при образовании женских коррелятов наименований лиц по принадлежности к определенной профессиональной деятельности с флексией -лог: филолог – филологиня, гинеколог – гинекологиня. Последний носит персонифицированный характер, часто встречается на различных тематических форумах, женских сообществах, обсуждающих вопросы беременности и родов. Тогда как нормативной является все же форма «гинеколог».

В рамках нашего исследования также необходимо отметить процесс трансформации средств массовой информации в рамках демократизации процесса общения, ориентации на СМИ западноевропейского образца. Данные экстралингвистические факторы обусловили широкое внедрение разговорной лексики в различные функциональные книжные стили языка, видоизменяя при этом их жанры.

Впервые в центре повествования медиадискурса не тема или концепт, а личность говорящая или слушающая.

Личность стала соизмерима с миром, а мир стал персонален. Эта персональность имеет этническое, национальное, культурное, политическое измерение.

Процесс вторжения устной речи в письменную небезоснователен, в частности в рамках публицистики, которая в первую очередь ориентирована на формирование ответного эмоционального отклика и характеризуется образностью и экспрессивностью художественной формы. Живое слово, которое трогает душу, ликвидируя все условности, коммуникативные барьеры, сухость канцеляризмов и языковых клише, реализует в полной мере все задачи публицистического дискурса – информирование, формирование в сознании определенного эмоционального концепта, влияние в целях последующих изменений.

Таким образом, в современном медиапространстве употребление феминитивов как способа преодоления гендерной асимметрии в социальной и профессиональной сферах жизнедеятельности представляет собой активный словообразовательный процесс, мотивированный коренными общественными изменениями конца XX – начала XXI века.

Литература

1. Алешкина Т. Полгода жестокой руки. Как Эльвира Набиулина управляется с ЦБ и рынком. – URL: www.rbc.ru/newspaper/2013/12/17
2. Беркутова В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект. – URL: https://www.psypart.com
3. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Московский государственный университет печати. – М.: Логос, 2002. – URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook083/01/about.htm
4. Горбачевич К.С. Как говорят студенты? // Русская речь. – 1977. – №1. – С. 50–56.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
6. Известия // Верю – не верю. – 14.09.2006. – URL: https://ruscorpora.ru
7. Медиазона. – URL: https://zona.media

ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Т.В. Епремян
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
аспирант; e-mail: epremyan@yandex.ru
Россия, г. Брянск

В статье рассматривается актуальная проблема воздействия социальной рекламы на реципиента. Дискурс позиционируется как коммуникативная технология, призванная способствовать побуждению получателя сообщения к определенному действия, а в случае социальной рекламы – лояльному восприятию социальных проблем.

Ключевые слова: *рекламный дискурс; коммуникация; технология; социальная реклама.*

Воздействие словом – важная функция коммуникации, реализуемая во многих сферах социального взаимодействия, в том числе и в рекламе. Поэтому актуальным, по нашему мнению, является обращение в данной статье к дискурсу социальной рекламы, который позиционируется нами вслед за исследователями [21; 26; 27] как технология коммуникации [10; 16; 15]. Одна из основных целей рекламного дискурса – это управление поведением реципиента [1; 7; 22], побуждение его к покупке рекламируемого товара [17; 24], формирование положительного отношения к тому, о чем говорится в рекламном сообщении [8; 9; 23] и тому подобное. Реклама, с нашей точки зрения, в современном обществе оказывает влияние и на формирование языковой личности [2; 25; 28]. В рекламе средствами воздействия является не только слово [5; 6; 29], но и визуальный ряд. Телевизионная реклама совмещает в себе все преимущества аудиовизуальных средств подачи рекламного сообщения.

Особое место занимает социальная реклама, призванная, наряду с гуманитарным образованием [3], улучшить нравы, обратить внимание общества на социальные проблемы [12; 18; 20], на проявление идентичности [13; 14], на важность общения между людьми [19; 30; 11].

Хорошим примером социальной рекламы является видеоролик, созданный в рамках реализации проекта под названием «Учимся жить вместе», в котором говорится, что дети – это дети. «Кто-то любит манную кашу, а кто-то и нет, но на инвалидов и не инвалидов никто детей не делит» [31].

Далее закадровый голос продолжает: «Все дети делятся на тех, кто манную кашу есть, кто её изучает, обожает, кто ею играет, рисует, лепит. Но их нельзя разделить на детей и детей-инвалидов, потому что ДЕТИ ТАК НЕ ДЕЛЯТСЯ» (рис. 1).

Рис. 1. Фотокадр из видеоролика «Дети так не делятся» [31]

Миссия социальной рекламы в этом случае заключается в том, чтобы изменить отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому текст ролика позиционирует следующее: нельзя видеть в детях-инвалидах «ненужных членов общества», с которыми не хотят общаться, которых игнорируют. Нужно формировать в получателях рекламного сообщение милосердие, сострадание, умение сопереживать и сочувствовать, и, что очень важно, желание помогать.

Приведем следующие слова из видеоролика: «Все они – цветы жизни, каждый из них плачет и веселится. Кто-то играет, кто-то мечтает, кто-то строит воздушные замки, а кто-то в будущем станет учёным, гениальным изобретателям или просто хорошей мамой и замечательным папой. И несмотря на то, кто ты, мальчишка или девчонка, все дети равны, каждый из них – личность. Любой малыш, словно котёнок, нуждается в любви и заботе, поддержке своей семьи и во внимании близких. Государственная социальная программа призывает каждого открыть глаза и посмотреть по сторонам, ведь у всех нас столько общего и каждый ребёнок талантлив по-своему. Не стоит забывать, что ребёнок –

это маленькое сокровище, человечик, который с удовольствием обнимет Вас и уснёт на руках, подарив всего себя, сделав жизнь ярче, интереснее и радостнее» [31].

Видеоряд помогает увидеть, какие дети милые, забавные, очаровательные. Несмотря на эти характеристики, каждый ребенок в то же время индивидуальность. Это проявляется и в таком нехитром действие, как приём пищи (рис. 2).

Рис. 2. Фотокадр из видеоролика социальной рекламы «Дети так не делятся» [31]

Кто-то с удовольствием ест манную кашу, а кто-то размазывает её по тарелке, увлечённо изображая причудливые рисунки (рис. 3).

Рис. 3. Фотокадр социальной рекламы «Дети так не делятся» [31]

Совершенно при этом неважно, есть ли какое-нибудь заболевание у малыша или он здоров. Отношение к любому ребёнку должно быть одинаковым – такую мысль стремятся внушить создатели данной социальной рекламы. Один из кадров демонстрирует, что девочка сидит в инвалидной коляске, но при этом так же улыбчива и озорна, как и те, кто не имеет ограниченных возможностей здоровья (рис. 4).

Рис. 4. Фотокадр социальной рекламы из видеоролика «Дети так не делятся» [31]

Социальная реклама пользуется теми же средствами воздействия, что и коммерческая реклама, но цели у этих видов рекламного дискурса различны. Как нам представляется, очень важно, чтобы слово рекламного текста формировало в каждом реципиенте «доброе, вечное», чтобы каждый осознал: от него зависит уровень нравственности и милосердия в обществе. Становление личности [4] зависит от многих составляющих, и немалую роль в этом, с нашей точки зрения, играет слово в рекламных сообщениях.

Литература

1. Бабосов Е.М., Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология управления: учебное пособие (для системы корпоративной учебы) / МПО ОАО «Газпром», Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 310 с.
2. Дискурс-анализ языковой личности / С.С. Бокова, К.А. Воронов, Е.В. Харлашина, С.А. Шилина // Научный журнал Дискурс. – 2018. – №4 (18). – С. 85–95.
3. Валеева Е.В. Гуманитарное образование сегодня: поиски новой методологии // Образовательные технологии (г. Москва). – 2017. – №1. – С. 33–41.
4. Валеева Е.В. Иномерный человек – новый идеал современника / Е.В. Валеева // Вопросы культурологи. – 2017. – №12. – С. 20–25.
5. Головачева О.А., Шилина С.А. Современный русский язык. Словообразование: учебник. – Брянск, 2018. – 236 с.
6. Епремян Т.В. Отношение читателя печатных СМИ к дискурсу рекламного медиатекста: социологическое исследование // Текст в языковом, историческом, философском пространстве: сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Никульцева; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – 2019. – С. 234–247.
7. Епремян Т.В., Шилина С.А. Управленческие технологии дискурса социальной рекламы // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 22-й Міжнароднайнавукова-практычнай канферэнцыі. – Мінск, 2020. – С. 383–386.
8. Епремян Т.В. Формирование имиджа региональных товаров пищевой промышленности // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: материалы V Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 80–88.
9. Киричёк П.Н. Витальный кодекс управленца // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. – М., 2016. – С. 243–248.
10. Киричёк П.Н. Информационная культура и рекламная коммуникация // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – №4. – С. 147–158.
11. Киричёк П.Н. Лики медиакультуры и маски политики / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2010. – Сер. Серия «Точка зрения». – 55 с.
12. Киричек П.Н., Золина Г.Д. Социальная политика региональной общности в публичной сфере // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – №3 (54). – С. 46–50.
13. Киселёв А.Г., Шилина С.А. Диалектизмы как проявление идентичности русского народа // Русский мир: динамика научного познания. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.В. Напалков, науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Фонд «Русский мир». – 2019. – С. 411–416.
14. Киселёв А.Г., Шилина С.А. Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. – 2020. – №5. – С. 26–31.
15. Киселёв А.Г., Киричёк П.Н. Информация в периметре управления: алгоритмы реконструкции // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – №1 (13). – С. 35–47.
16. Киселев А.Г., Киричёк П.Н. Информация и коммуникация в государственном управлении. – Москва, 2019. – Сер.: Научная мысль. – 268 с.
17. Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Макарова Е.А. Потребление как атрибут современной цивилизации: история и новые тренды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 34–39.
18. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика // Теория государства и права. – 2019. – №4 (16). – С. 85–95.
19. Мамедов А.К., Чудновская И.Н., Коркия Э.Д., Обрывалина О.А. Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения… // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т. 25. №4. – С. 44–51.
20. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. – 2020. – №3. – С. 4–17.
21. Траханов А.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ управленческого потенциала рекламы // Журналістыка – 2019: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы XXI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Рэдакцыйная калегія: В. М. Самусевіч (адк. рэд.), А.У. Баранава, Г.І. Басава, Т.М. Дасаева, Н.А. Зубчонак, В.І. Іўчанкаў, А.Г. Слука, Н.Ц. Фральцова. – 2019. – С. 364–367.
22. Траханов А.В., Шилина С.А. Социолингвистические аспекты рекламного дискурса // Поливановские чтения. – 2018. – №12. – С. 156–163.
23. Траханов А.В., Шилина С.А. Социолингвистические проблемы дискурса // Поливановские чтения. – 2019. – №13. – С. 210–216.
24. Траханов А.В., Шилина С.А. Управленческий потенциал рекламного дискурса: социокультурный аспект // Научный журнал Дискурс. – 2018. – №5 (19). – С. 213–225.

25. Шилина С.А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // В книге: Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – 2017. – С. 510–515.

26. Шилина С.А. Дискурсивные технологии в социологических исследованиях языковой личности (Пётр Николаевич Киричёк) // Научный журнал Дискурс. – 2018. – №1 (15). – С. 180–191.

27. Шилина С.А. Рекламный текст как объект социологических исследований дискурса // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – 2017. – С. 502–509.

28. Шилина С.А. Социолингвистические аспекты русской языковой личности советской эпохи как отражение социокультурных процессов в дискурсе // Поливановские чтения. – 2016. – №11. – С. 289–296.

29. Шилина С.А. Стилистические особенности публицистического текста как отражение социокультурных процессов в дискурсе СМИ // Журналістыка – 2017: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы XIX Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. – 2017. – С. 299–302.

30. Шилина С.А. Нарративное интервью как метод социологического исследования языковой личности // Проблемы научной мысли. – 2017. – Т. 1. – №6. – С. 088–116.

31. Ролик социальной рекламы «Дети так не делятся» – https://yandex.ru/video/preview/?text=path=wizard&parent-reqid=1609499167458052-1114260537352872431200107 – production -app- host-man-web-yp-276&wiz_type=vital&filmId=13020366572638844539 (дата обращения: 01.01.2021).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ

Г.Н. Кимаковская

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
ст. преподаватель; e-mail: pgu.mpm@yandex.ru
Молдова, г. Тирасполь

В статье рассматривается важность обучения принципам взаимодействия естественного и научного языков в обучении математике.

Ключевые слова: *изучение математики; взаимосвязи естественного и математического языков; повышение качества математического образования.*

Проблема изучения языка науки в настоящее время является одной из наиболее актуальных. Это связано с рядом причин. Во-первых, язык науки «упаковывает» наши знания в определённой области реальной действительности на более глубоком уровне её понимания. Как сказал академик Копнин П.В., «язык есть форма существования знания. Отсюда и знание выступает в форме какого-то языка» [2]. Во-вторых, каждому языку свойственна своя особенность описания окружающей действительности, свой «взгляд», «угол зрения», что является немаловажным в процессе познания. В этом плане крайне важным становится качественное изучение математического языка, который, в силу высокого уровня абстрактности, позволяет его использовать в разных областях знания. И, наконец, третья причина привлечения внимания к проблеме изучения научных языков – недостаточная разработанность методики их освоения учащимися в ходе изучения той или иной области науки.

Интерсемиотический перевод – это перевод с естественного языка на научный язык. На первый взгляд, в силу специфики научного языка, он должен значительно отличаться от межъязыкового перевода, при котором текст (устный или письменный) переводится с одного естественного языка на другой, «чужой» для автора текста. Межъязыковый перевод сложен в силу различия в языках разных народов лексики, грамматики и синтаксиса, различия в правилах использования их в коммуникации, а также сложен в связи с особенностями восприятия и объяснения действительности каждым народом.

Однако, как показали исследования, процесс мышления при решении переводческих задач, связанных с необходимостью перехода с одного языка на другой, остаётся одинаковым как при межъязыковом, так и при интерсемиотическом переводах.

Н.И. Горбуненко было выполнено исследование процесса перевода с естественного языка на научный (физический), которое показало, что оба вида перевода осуществляются с помощью одних и тех же мыслительных операций. В работе также утверждалось, что перевод информации с естественного языка непосредственно на математический язык невозможен без использования в качестве посредника физического языка. Можно полагать, на его месте может быть и другой научный язык [1].

Интерсемиотический перевод по своей природе гораздо ближе к так называемому внутриязыковому переводу, который ещё называют переформулированием внутри языка. Необходимость в последнем возникает в том случае, когда по каким-либо причинам требуется заменить одни слова или словосочетания на другие, сохраняя правила их существования в языке. Близость этих видов перевода связана с тем, что научные тексты представляют собой, как правило, «смесь» научного языка и естественного, без которого научный язык практически не используется.

Когда мы используем слово «перевод», то понимаем под этим переход от одной языковой формы отображения ситуации к другой, при котором релевантная информация об этой ситуации сохраняется.

В общеизвестном смысле языковый перевод представляет собой специфический вид речевой деятельности, сочетающий *восприятие* речевого высказывания (устного или письменного) на одном языке и *развертывание* его *смыслового аналога* на другом языке.

Идея освоения научных знаний в ходе перехода с естественного языка на специальный научный язык не нова. В психологической литературе она встречалась неоднократно, и в настоящее время привлекает всё больше внимания, становясь более популярной. Интерес к этой проблеме демонстрирует элективный курс, созданный для старшеклассников профессорами Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Целью курса является (приводим дословно) «повышение уровня *понимания элементов математического языка,* … через *установление связей математического и естественного языков»* [5].

Также мы видим попытки установить эту связь в учебниках математики при определении конкретного математического термина. Например, определение понятия «функция» в учебнике «Алгебра 9» под редакцией А.Г. Мордковича объясняется через использование словосочетания «функциональные обязанности» в реальной жизни. Причём оно объясняется как «круг действий и обязанностей», или иначе «правила действий» [4]. При этом автор не акцентирует внимания, что понятие «функция» – это замена в математике житейского понятия «отношение» при освобождении его содержания от составляющих, несвойственных математике.

В то же время можно констатировать, что в практике преподавания математики, по крайней мере, в учебниках, вообще не прослеживается связь вводимых математических понятий с реальной жизнью через естественный язык. Так, например, в самом начале обучения алгебры в учебнике 7 класса, где вводятся понятия «выражения», «преобразование», «переменная», «значение» и другие, они предлагаются для запоминания [3]. При этом не объясняется отличие этих математических терминов от аналогичных выражений в их родном языке, который закрепляет их исходные элементарные понятия о реальности. Не этот ли отрыв от базовых представлений школьников, сформированных у них через родной язык, приводит к тому, что математический язык для многих из них остаётся на всю жизнь терро-инкогнита?

Исследования в ряде областей лингвистики и когнитивной психологии позволяют другими глазами посмотреть на метод освоения научных знаний путём обучения переходу с естественного языка на научные языки, причём за основу взять изменение описания ситуации с помощью разных языковых моделей с учётом особенностей их единиц и структур, а также формирования необходимых для этого мыслительных операций.

Свою задачу мы видим в исследовании тех возможностей, которые возникают в повышении эффективности обучения при опоре на новые концепции процесса познания, а также при использовании некоторых данных о естественном языке и его возможностях.

Литература

1. Горбуненко Н.И. Психологические особенности переформулирования текстов качественных физических задач в процессе их решения. – М., 1975.

2. Копнин П.Н. Природа суждения и формы его выражения в языке // Мышление и язык. – М., 1957.

3. Макарычев Ю.Н. Алгебра. Учебник для 7 класса.

4. Мордкович А.Г. Алгебра. Учебник для 9 класса.

5. Стефанова Н.Л., Шубина Н.Л. Мысль, ограненная словом: математический язык через призму естественного языка: учебное пособие / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2011.

МУТАЦИИ СЛОВА В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

П.Н. Киричёк
Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Московский гуманитарный университет»
д.соц.н., профессор; e-mail: kpn54@yandex.ru
Россия, г. Москва

Рассматриваются актуальные проблемы речевой культуры в современной России. Отмечается лексическое неблагополучие в публичной сфере общения. Фиксируется доминантная роль в социолингвистическом процессе бытовой речи и иноязычия. Анализируются причины и следствия мутаций публичного слова.

Ключевые слова: *общение; речь; культура; слово; публичная сфера*.

Известно, что речь человека, даже порой ни к чему не обязывающая, нередко становится предтечей его социальных действий и индивидуальных поступков: высоких и низких, разумных и спонтанных, полезных и вредных – лично для него, а также его рабочего и семейного окружения. Действенность речи по отношению к действительности объясняется тем, что «слово, как и любой иной знак, не только “замещает” реальные объекты, но и задаёт программу деятельности и поведения своим истолкователям» [8, с. 29]. Возникает Людская речь, представляющая упорядоченный или хаотичный поток (массив) связанных друг с другом и оформленных устно или письменно слов, из социально-природной потребности граждан в общении. В пределах этого общения формируется и выставляется для всеобщего пользования обширный (на все случаи жизни) фонд полезных сведений и ценностных установок, крайне необходимый для самосохранения и развития социального индивида, группы, слоя, класса, общества.

Разумеется, процесс людского общения не стоит на месте, со временем его контент изменяется, становясь по содержанию более глубоким, сложным, разнообразным, а формат модернизируется с помощью быстро прогрессирующих технико-технологических средств. И чем дальше непрерывно познающее и созидающее человечество уходит в периметр постиндустриального общества, тем большую силу обретает для граждан необходимость в общении. Вселенский смысл последнего сегодня обретает абсолютный статус, поскольку «люди с самого начала, с тех пор как они существуют, нуждались друг в друге и только благодаря тому могли развивать свои потребности и способности и т.д., что они вступили в общение» [13, с. 342].

Начав с обычного рукописного письма, сфера людского общения находит затем всё новые способы удовлетворения этой универсальной потребности, причём наибольший прогресс достигается человечеством в области массовой коммуникации. Здесь перемены начинаются, продолжаются, трансформируются, модернизируются целым каскадом крупных научно-технических изобретений (в порядке их появления на свет) – металлической литеры печатного станка, электромагнитной радиоаппаратуры, телевизионной электронно-лучевой трубки и, наконец, электронного компьютера (интернет-сети). Эти изобретения явились знаковыми символами пережитых человечеством четырёх коммуникационных революций, неизбежно порождавших инновационные прорывы в системе и механизмах общественных связей, а также в сферах образования, воспитания, управления – они аналогично выстраиваются на фундаменте общения, которое представляет собой «процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)» [6, с. 149].

Вслед за означенными революциями в общественную жизнь приходили новые коммуникационные эпохи, суть которых составляли генерализованные модусы людского общения: сначала печатный (буквенный) модус с газетами, журналами и книгами; потом радийный (звуковой) модус с репродукторами, динамиками и приёмниками; затем телевизионный (визуальный) с трансляторами, телевизорами и приставками; наконец, онлайновый (цифровой) с компьютерами, ноутбуками и смартфонами. При этом коммуникационные эпохи – печати, радио, телевидения, интернета – сменяли друг друга с той же взаимообусловленностью, как и формы движения материи – механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная: каждая последующая форма вбирала в себя предыдущую и прибавляла к ней новые, более сложные и сильнее проникающие в массовое сознание свойства.

С помощью непрерывно работающего «крота истории» (по К. Марксу) людское общение коренным образом видоизменилось, в первую очередь, за счёт технико-технологического фактора. На его основе путь пройден человечеством длинный-предлинный: от уголька наскального письма до авторучки «Паркер», смартфона и компьютера. И тут можно представить недоумённую реакцию публики на вдруг появившееся сегодня пафосное стихотворение, прославляющее почтальона, типа:

«Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?». По этому поводу какой-нибудь пользователь сети Интернет, в отличие от литературных почитателей прошлого времени, вполне мог бы заметить поэту: «Очнись, дядя, и посмотри, в каком веке ты живешь!».

Очевидность технического прогресса в сфере общения не означает его всеобщей доступности: один человек дома компьютером с интернетом в любое время пользуется, другой по часам ходит в общественный центр или специализированный класс. Но так всегда происходит в согласии с логикой социального развития: сначала технические инновации осваивают единицы, а затем к ним приобщаются массы. Помнится с детства, как в конце 50-х гг. наш материально преуспевающий сосед первым на улице приобрёл простенький телевизор «Рекорд», и к нему ходили по вечерам смотреть кино жители со всего квартала. А уже через десять лет в нашей округе не имел домашнего телевизора лишь один опустившийся мужичок, регулярно относивший свою пенсию в расположенную неподалеку алкогольную «забегаловку»…

Как известно, никакие приобретения человечества на пути развития не обходятся без сопутствующих им потерь. Парадоксально определив человеческое общение единственной на свете роскошью, А. де Сент-Экзюпери вряд ли думал о том, что со временем фигуральный смысл его крылатых слов станет натуральным. Мало стоившая и вполне доступная по затратам в Новом времени необходимость общаться в информационном обществе, подобно настоящей роскоши, быстро растёт в цене, ведь она непрерывно востребует всё более совершенных удобств – к примеру, отказывается от почтовых писем и обычных телеграмм и прибегает к посланиям по электронной почте и «эсэмэскам» по сотовой связи. В то же время трудно доступный уровень денежной стоимости значительно облегчающих процесс общения технических средств порой вызывает у многих граждан, находящихся по уровню жизни в диапазоне прожиточного минимума, повышенное сердцебиение с угрозой предынфарктного состояния.

Тем не менее вне общения с другими людьми, в какую бы сумму это удовольствие ни обходилось, человек рискует перейти из разряда активной личности в разряд пассивной особи, замкнувшейся в себе и не реагирующей на сигналы окружающей жизни. Самым конкретным образом эта ситуация касается тех людей, которые имеют активную жизненную позицию и обладают устойчивым стремлением к самоутверждению как личности, добивающейся профессиональных успехов и общественного признания. Да и в принципе пассивное поведение является аномалией по отношению к сущности человека, или его биосоциопсихогенезу, природа которого не позволяет личности полностью уходить от общения с подобными себе людьми, несмотря ни на какие финансовые со стороны власти и бизнеса «обираловки» своих подданных под камуфляжем рыночных реформ.

По этой причине человек, если он не законченный эгоист, который довольствуется, как нарцисс, «диалогом» со своим чудесным ликом, отражённым в зеркале, идёт на чувствительные для личного бюджета затраты, чтобы поддерживать связь с родными, близкими, друзьями, коллегами, знакомыми. Людское общение, полезное в теоретическом (познавательном) и практическом (преобразовательном) измерении, можно назвать «социальным кислородом», благодаря которому человек воспринимает себя деятельной личностью, посетившей эту бренную землю с благородной миссией – нести миру пользу и дарить другим добро, поскольку «социальная природа человека делает общение людей условием труда, условием познания, условием выработки систем ценностей» [7, с. 80].

Несмотря на то, что в ходе развития человеческой цивилизации вместе с приобретениями случались и потери, в том числе в людском общении, однако позитивный актив здесь всегда преобладал над негативным пассивом, иначе это был бы в целом уже не прогресс, а регресс. Разумеется, с инновационной технологией человек приобрёл многое – скорость общения, бесконечность его пространства, почти мгновенную обратную связь, технические удобства. А потерял, пожалуй, одно, правда, очень важное, то, что касается содержательной стороны общения, – детальную подробность и душевную настроенность, ведь общение по сетевым каналам и мобильным телефонам часто сводится к тому «жанру», каким в свое время пользовался великий русский полководец в письмах родным, состоящих из четырёх слов и трёх знаков препинания: «Здоров. Учусь. Служу. Суворов»…

Общим знаменателем для всех каналов и способов общения выступает речь человека, которая представляется сущностным наполнителем этой сферы, а в её числителе наличествуют две разновидности – публичное и бытовое общение, которые разнятся по качественному критерию относительно контента (содержания) и его вербального выражения. Как публичное, так и бытовое общение людей становятся важнейшим трёхмерным источником самых различных сведений, необходимых для решения гражданами спорадически возникающих проблем в антропомерной области труда, быта, отдыха. А рабочим инструментом человеческой речи является язык, а именно: понятный большинству

населения страны, культурно-почвенный, адекватный народному менталитету, хранящий ядро именной лексики, фильтрующий инъекции «чужого» (иностранного)слова: «Без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестаёт существовать как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества» [12, с. 237].

Наряду с диалектическим раздвоением единства в сфере общения существует чёткая социокультурная иерархия, которая обусловливается традиционным, издавна сложившимся, «разделением труда» в пределах лексики, семантики, стилистики:

а) первая разновидность – публичное общение – в общественно-групповом периметре использует «слова для всех» и держит речь в лексической строгости, семантической определённости, стилистической грамотности, что соответствует нормативным требованиям высокой информационной культуры, подобным правилам приличного (светского) на людях вербального поведения, например: «Странно сказать, но в России русским во всеуслышание быть как-то неловко. Дома – пожалуйста, а вот на работе или в эфире не то чтобы нельзя – можно, но как-то не интеллигентно, что ли… Вы когда-нибудь слышали, чтобы у нас государственный муж заявил с трибуны: “Я – русский!”? Нет. Побаиваются. Многие годы именно с помощью клейма “великодержавный шовинизм” выбраковывали из политики и аппарата неугодных. Времена изменились, а привычка быть русским по умолчанию осталась» [10];

б) вторая разновидность – бытовое общение – в семейно-групповом периметре использует «слова для немногих» и допускает в речевом обороте лексическую вольность, семантическую размытость, стилистическую неграмотность, что соответствует опрощённым нормам обиходной информационной культуры, предпочитающей употребление арготизмов, жаргонизмов, вульгаризмов, например: «Сейчас пошамаем, полчаса покемарим и снова пойдём вкалывать; Кажется, мы на каникулах от безделья угорели; У тебя знания по этому вопросу нулевые. – А у тебя минусовые; Возьми платок и утри свою физию; Что-то у меня мозги заклинило; У тебя шарики за ролики зашли; Хотел смотаться на юг и повялиться на пляже под солнцем да башли все закончились; Ты ещё не человек, а сопля на палочке; Наши футболёры сегодня опять вничью “ноль – ноль” сыграли, очередной “сухарь” получили».

Есть мнение, что аксиомы существуют не только в математике, но и в социолингвистике, в частности, такая – в любом цивилизованном государстве публичная сфера общения имеет безусловный приоритет над бытовым аналогом. В границах публичной сферы кристаллизуется высокий образец лингвизма, дальше происходит трансфер его норм и правил на бытовой уровень, последний подвергается, помимо санации от словесных шлаков, общей лингвистической культурации – лексической, семантической, стилистической. В силу этой аксиомы наша классическая журналистика, главный двигатель публичной сферы, пользовалась только литературным языком, а разговорный (просторечный) пласт лексики применяла в порядке исключения – например, для индивидуальной характеристики персонажа произведения путём прямой его речи.

Аномальным периодом в духовно-практической жизни страны стал рубеж конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, когда внезапно размылись границы между публичной и бытовой сферами общения. Прежняя их диспозиция оказалась перевёрнутой: главенствовать стала бытовая сфера общения, навязывавшая свои нормы и правила публичной сфере, которая тут же начала засоряться низкой лексикой, разговорной речью, жаргонизмами, арготизмами и даже нецензурными словами. Многие, прежде качественные, средства массовой информации быстро скатились по части содержания и его оформления средствами лексики, семантики и стилистики на уровень полужёлтых изданий, о чём свидетельствует, например, целый набор псевдооригинальных, ёрнических, пикантных заголовков, помещённых в одном номере федеральной газеты: «Суд запретил петуху кукарекать», «Заголовком по мозгам», «сУдачное стечение обстоятельств. Самарский рыбак выловил рыбу с кольцом в брюхе», «Откуда у Элины Быстрицкой появились миллионы долларов», «Мой мужчина меня ревнует, но раздеваться не запрещает!», «Причиной дрожи Меркель может оказаться проказа», «Сибирячка получила школьный аттестат в 37 лет», «Правда ли, женщины глупее мужчин?», «Чужая грудь не понадобилась», «Сердце за мерло. Вино может подорожать» [2].

В результате не выдержанного журналистами искушения подаренной сверху свободой слова публичная сфера общения утратила прежние этико-правовые фильтры, отделявшие её от бытовой сферы общения. Высокая до недавнего времени информационная культура в обществе сменилась доминирующим сейчас медийным бескультурьем. Все негативные прелести рынка, которого и на дух нельзя было пускать в духовную сферу социального воспроизводства, оказались на виду с претензией на нравственно-лингвистические нормативы. Облучённая бытовизмами и вульгаризмами, публичная

сфера стала (за редким исключением) резервуаром не мыслимых ранее страстей-мордастей, то есть ничем не прикрытых проявлений грубости, пошлости, цинизма, ненависти друг к другу её акторов – политиков, специалистов, журналистов: «Радиостанция “Эхо Москвы” обожает себя позиционировать как элитную, да и слушатели у неё, мол, такие же. Как всё это соотносится с хамоватыми ведущими, понятно только волосатому сверх всякой меры главному редактору “Эха”… По поводу “Эха”. В своей фирменной передаче “Собственное мнение” оно прыгнуло выше головы, добавив к картавому ведущему (Воробьев) заикающегося эксперта (Новопрудский). Высший пилотаж – знай наших!» [11].

Оказавшаяся в состоянии стресса, публичная сфера страны крайне нуждается в информационно-коммуникационном алгоритме, который научно формулируется и умело проводится органом власти, ведь если всеми возможными, в том числе управленческими, средствами не культивировать в общественной жизни хорошее и не искоренять плохое, то в скором времени плохое вытеснит хорошее. Самым очевидным доказательством здесь может служить поведение самих чиновников-руководителей, то и дело публично высказывающих в адрес рядовых граждан оскорбительные слова, типа «шелупонь», «недоумки», «быдло». Даже качественные массмедиа, в целом отвечающие всем критериям классической вербалистики, начали поддаваться инерции информационного бескультурья: «Когда я спрашиваю у людей: “Как вы относитесь к состоянию медицины в том или ином регионе?”, в ответ слышу слово из четырёх букв, где присутствуют две согласные – “ж” и “п”. А власти объясняют, что именно из этих букв складываются “счастье»” “здоровье” и “жизнь”. У людей так не получается. Просто каждый живёт в своём алфавите» [1].

У каждого позитивного явления общественного характера есть свой апогей, а у негативного, естественно, свой перигей. Это к тому, что всё уже перечисленное из области вербальных аномалий в публичной сфере ещё не означает падения на дно лингвистической «деструктивности», что выражается в другом прискорбном факте, о чём в советское время до перестройки даже речи не велось. Происходящий откат речевой культуры в публичной сфере уже достигает столь низкого порога, когда эксперты-лингвисты начинают считать большим достижением в вербальном поле то, что производители и распространители медийных текстов сейчас стали реже материться, – в последние годы «число нецензурных слов, попавших в теле-и радиоэфиры, на страницы газет и журналов, сократилось в пять раз. Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на пресс-службу Роскомнадзора. В текущем году ведомство вынесло только 10 предупреждений за мат, тогда как в прошлом – 34, в 2015-м – 47» [5].

Свою, отнюдь не малую, роль в снижении речевой культуры в публичной сфере вслед за служителями пера, камеры, микрофона, онлайн-прессы сыграли освободившиеся от цензуры мастера изящной словесности, постсоветские писатели и поэты, которые отвергли прежний этико-эстетический образец, сформированный классикой отечественной художественной литературы – «Капитанская дочка» А. Пушкина, «Война и мир» Л. Толстого, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Обломов» И. Гончарова, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Кому на Руси жить хорошо?» Н. Некрасова, «Степь» А. Чехова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Пётр Первый» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Русский лес» Л. Леонова, «Берег» Ю. Бондарева, блиставшей кристально чистым, логически ясным, пронзительно образным языком и стилем: «Четыре долгих года, набирая сумасшедшую скорость, поезд войны ворвался в Германию, как бы вонзаясь раскалёнными колёсами в каменный тупик огромного поверженного Берлина, торчащего из горячей земли мрачными скалами обрызганных бомбёжками домов с чернеющими глазницами окон, наглухо закрытыми подъездами, где мёртво остановились лифты, где на площадках лестниц не пахло из затихших квартир немецкими супами и не слышно было ни шагов, ни стука дверей, ни обыденно приветливых голосов раскланивающихся соседей – везде стыла сумеречная тишина пустыни, без единого во всём городе выстрела» [3, с. 70].

На глазах у читающей публики происходил процесс сползания отечественной художественной литературыс эверестовой вершины классики к выгребной яме наспех скроенных опусов «Москва – Петушки» В. Ерофеева, «Голубого сала» В. Сорокина, «ЖД» Д. Быкова, «Empire V» В. Пелевина, «Негатив. Портрет художника в траурной рамке» Л. Тимофеева, «Двадцатая рапсодия Листа» В. Данилина, «Москва-ква-ква» В. Аксёнова, шокирующих общественный вкус вульгарным, расхристанным, убогим языком и стилем: «Какой цивилизацией порождён этот безграмотный, расхлябанный, ёрнический, подквакивающий стилёк: “Пусть вся жизнь превратится в бег! В бег с Гликой! Пусть преследует даже вот этот Ахилл-сталевар, пусть видит во мне Гектора, а в ней Елену, чёрт с ним”? Боже мой: “Кесарево сечение”-ква-ква, “Вольтерьянцы и вольтерьянки”-ква-ква, “Москва-ква-ква” – сколько ещё раз надо чмокнуть эту бородавчатую жабу, чтобы понять, что никакого принца там никогда не обнаружится?» [4, с. 191].

Правда, социально-эстетический иммунитет отечественной изящной словесности оказался настолько высоким, что полного грехопадения в литературе всё-таки не случилось. Ситуацию удержал классический противовес традиционного языка и стиля, заложенный в произведениях «Последний солдат империи» А. Проханова, «Пирамида» Л. Леонова, «Тайный советник вождя» В. Успенского, «Непротивление» Ю. Бондарева, «Росс непобедимый» В. Ганичева, «Мираж» Г. Пряхина, «Мой генерал» А. Лиханова, «Русский ад» А. Караулова, «Уроки рисования» М. Кантора, Ю. Головина «Птица, которая уже прилетела». И всё же риск обрушения в сюжетно-тематическую неклассику с низкопробной лексикой, семантикой, стилистикой всё равно остаётся – в связи с длительным наступлением на феномен русской духовности низкопробного по содержанию и форме масскультурного модернизма.

Очевидно, нетипичное для России вхождение публичной сферы в вербальное бескультурье имеет более глубокие корни, чем неумение или нежелание её акторов разумно пользоваться арсеналом свободы слова. Это лишь одна сторона медали, а другая отражает идущую в обществе уже тридцать лет в явной и неявной форме идеологическую войну с социокультурной идентичностью Русского суперэтноса (термин Л. Гумилёва), навязанную извне глобалистами и поддержанную изнутри их либеральными сторонниками. Иначе как в рамках логики объяснить, что в системе образования и воспитания читателям вместо романа «Хождение по мукам» теперь навязывают «Архипелаг ГУЛАГ»? А вместо «Повести о настоящем человеке» подсовывают «Духлесс. Повесть о ненастоящем человеке»? Вместо киноленты «Солдат Иван Бровкин» зрителям демонстрируют фильм «Солдат Иван Чонкин»? Вместо песни «С чего начинается Родина?» слушателям предлагают шлягер «Русская водка»? В чистом виде всё это определяет не повышающий, а понижающий вектор социализации граждан, когда вместо разумного, доброго, вечного в общественной атмосфере насаждается суетное, злое, порочное, что поощряется культурной политикой органов власти, подстроенной под стихийный рынок.

Общая культура речи в стране есть производное от состояния менталитета вербального мегасубъекта, каким выступает народ в лице его массы и элиты. В этом смысле самое важное для органов управления духовно-практической отраслью, а также образовательных, культурных, медийных организаций и учреждений – всегда и везде следовать основам почвенной (ментальной) культуры. Но ведь сегодня в стране происходит нечто иное – выстраивание образа жизни по англосакским калькам с доминантой иноязычия. Между тем «конфликт с менталитетом – самое страшное, что может произойти в государственном управлении. Менталитет существует независимо от того, совпадает он с потребностями власти или нет. Если ты идёшь против общественной системы ценностей, рано или поздно получишь мощнейшее противодействие» [9].

Право, не стоит и дальше испытывать судьбу: надо подвергнуть планомерной санации публичную сферу от засилья масскультурного текста, представляющего собой конгломерат виртуального факта, деформированного понятия, гиперболизированного образа, утрированного слова, ёрнического стиля, особо вредных для духовного здоровья потребителя массовой информации. И постепенно осуществить *выход публичной сферы из языкового кризиса с помощью разумного реверса главного её актора (прессы) в наше прошлое,* к именным чертам отечественной публицистики – патриотической историчности, масштабной эпичности, глубокой проблемности, деловой конструктивности, изящной лиричности, тонкой психологичности…

Литература

1. Алимова О.Н. Теперь уже всю страну заставляют жить по принципу: жизнь или кошелёк // Советская Россия. – 2019. – 27 июня.

2.Аракелян Е., Козуров Д. Сердце за мерло. Вино может подорожать // Комсомольская правда ДА! – 2019. – 17–24 июля.

3. Бондарев Ю.В. Берег. Выбор. Игра: Романы. – М.: Советский писатель, 1988. – 752 с.

4. Данилкин Л.А. Круговые объезды по кишкам нищего: Вся русская литература 2006 года в одном путеводителе. – СПб.: Амфора, 2007. – 288 с.

5. Епихин А. Журналисты стали реже материться // Метро. – 2017. – 18 августа.

6. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.

7. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

8. Киселев А.Г., Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 120 с.

9. Кричевский Н., Пухнавцев О. Главное – менталитет… // Литературная газета. – 2018. – №51 (6672). – 19–25 декабря.

10. Поляков Ю. Желание быть русским // Литературная газета. –2018. – №15 (6639). – 11–17 апреля.

11. Сергеев А. Парад ширм // Дуэль. – 2007. – 20 марта.
12. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания // Сочинения. Т. 16. Ч. 2. – С. 224–260.
13. Энгельс Ф. Фейербах // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. Т. 42. – С. 342–344.

ДЕНОТАТИВНАЯ ОБЛАСТЬ НЕВЫРАЗИМОГО В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Н.Н. Немич
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
в г. Сызрани, преподаватель; e-mail: nemich.natalya@mail.ru
Россия, Самарская обл., г. Сызрань

В статье на фактическом речевом материале печатных источников даётся характеристика денотативной области семантики невыразимого в современном газетном дискурсе, определяются общие ситуации, отражающие семантику невыразимости. Выделены константные и переменные денотативные сферы, которые составляют денотативную область семантики невыразимого.

Ключевые слова: *невыразимое; современный газетный дискурс; денотативная область; константные и переменные денотативные сферы.*

Тема невыразимого, или несказанного, всегда служит делу слова – то есть сказа – более высокого, более благородного, более тайного, молчаливого и возвышенного: чистое сокровище смысла [1, с. 88–89].

Л.А. Климкова утверждает, что «слово – для каждого носителя языка сигнал событий, переживаний, воспоминаний, сигнал великого сопряжения со своими корнями, с тем, без чего человек перестаёт быть человеком» [2, с. 53].

Людвиг Витгенштейн писал: «Невыразимое (то, что предстает предо мной полным тайны и что я не в состоянии выразить), возможно, составляет фон, на котором то, что я смог выразить, приобретает смысл» [3, с. 218].

Понятие *невыразимое* применяется для обозначения отсутствия возможности выразить словами предмет, признак, признак признака, образ действия, место или ситуацию в целом, которые говорящий определяет как предмет речи, не подлежащий выражению. В.А. Гавриков считает, что «непосредственная экспликация “невыразимого” требует дополнительных когнитивных ресурсов, недоступных «просто слову» [4, с. 1009].

А.И. Субботин, анализируя работу А.Ф. Лосева «Са́мое само́», пишет, что исследователь рассматривает выражение невыразимого, как «возможное только в многоуровневой системе интерпретации бытия, только символически (т.е. метафорически) [5, с. 29]. А.Ф. Лосев считает, что «невыразимое» – это «то, что невыразимо в понятиях, но частично выразимо в переживаемых состояниях сознания, которые можно описать также частично, в косвенных формах языка, метафорически и символически» [5, с. 30].

По мнению А.И. Субботина, эволюция «невыразимого» идёт по линии «онтология – гносеология», по мере развития средств выражения (теория – практика). Исследователь формулирует важность проблемы невыразимого для человека: «в необходимости полноценного выстраивания человеческого мировоззрения (религия), человеческого сознания (философия), человеческого самосознания (психология)» [5, с. 31].

Невыразимым, отмечает М. Ю. Михайлова, человек выражает «то, что выше его возможности постигнуть, – глобальные вопросы бытия, жизни и смерти, экзистенциальности» [6, с. 38–39]. Конституенты поля невыразимого используются говорящим или пишущим при невозможности передать при помощи слов свои чувства, ощущения, отношение к происходящему. Невыразимым может оказаться простое чувство или отношение к чему-либо, если говорящий является алекситимиком, не способным описать своё состояние, сравнительно плохо дифференцируемым собственные ощущения и эмоции, имеющим бедный эмоциональный словарь и неразвитость рефлексивного компонента эмоций.

И.К. Миронова считает, что денотативное пространство является «основой лексического и семантического пространств» [7, с. 101].

Денотативное пространство слов можно изучать, по мнению Н.Н. Соболевой, опираясь на анализ их лексико-семантических вариантов. Именно в лексическом значении слова, отмечает исследователь, «типизируется та ситуация, которую они замещают». Лексическое значение является отчасти

«заместителем текста, из которого ситуация вычленяется полнее. Семантические валентности слова часто соотносятся с референтами, которые образуют их денотативное пространство» [8, с. 156–157].

Денотативное пространство газетного дискурса, в первую очередь, обуславливает особенности строения и реализации смыслового пространства за счёт специфики национально-культурного, собственно языкового и индивидуально-авторского восприятия и отображения индивидуумом окружающей действительности.

Е.П. Кислова считает, что публицистические тексты ориентированы «на значительную по количеству и неоднородную по своему составу аудиторию, они рассчитаны на однозначное понимание, его быстроту, стандартизованность». В качестве опорных элементов в таких текстах Е. П. Кислова выделяет слова «с большой ассоциативной силой, и в тексте реализуются как раз стандартные ассоциации, общие для подавляющего числа носителей языка. С их помощью в сознании реципиентов возникает единый образ типизированной ситуации» [9, с. 66].

В.И. Коньков высказывает предположение, что в газетных текстах используются «неофициальные, личностно окрашенные отношения между автором и читателем; ориентация на здравый смысл в оценочных контекстах и рассуждениях; формирование новостного компонента на основе неофициального информационного потока; установка на языковую игру; использование бытовых стратегий и тактик речевого поведения; повышенная эмоциональность и экспрессивность; резкость суждений и оценок; использование разговорной и внелитературной лексики» [10, с. 570–571].

Привлечение единиц с семантикой невыразимости приводит к появлению в тексте потенциальной информации, получение которой зависит от языковой, культурной компетенции реципиента. Использование слов с семантикой невыразимости позволяет пишущему заинтересовать читателя путём предложения ему эмоциональной загадки, вывести материал из автоматизма восприятия.

В своём исследовании мы склонны придерживаться точки зрения М.Ю. Михайловой, согласно которой понятие *невыразимое* «применяется как маркер невозможности выразить словами в силу экстраординарности предмета речи» [6, с. 47].

М.Ю. Михайлова выделяет константные и переменные денотативные сферы, которые составляют денотативную область семантики невыразимого [6]. Именно с этой позиции, с позиции разделения денотативной области семантики невыразимого на константную и переменную денотативную сферы, мы и будет рассматривать семантику невыразимого в современном газетном дискурсе.

Материалом для исследования послужил современный газетный дискурс: российские федеральные печатные издания «Известия», «Новая газета», «Коммерсант», региональное – «Волжская коммуна», местное печатное издание «Волжские вести», а также газетный подкорпус Национального корпуса русского языка. Отбор материала производился методом сплошной выборки (с 2000 по 2020 год). Так, понятие «невыразимое» в газетных текстах отображено лексемами «невозможно выразить», «не могу выразить», «нет слов», «неописуемый», «непередаваемый», «несказанный», их дериваты и др.

К константным денотативным сферам М.Ю. Михайлова относит «внутренний мир человека (мысли и чувства) и то, что находится за пределами мира феноменального, не познаётся органами чувств – мир запредельного» [6, с. 39].

Читатели «Труда» имеют возможность почувствовать высокий праздничный настрой, сердечность патриаршего слова: – Мы собираемся в храмах Божьих на пасхальные богослужения, чтобы всем вместе, соборно прославлять Тридневно Воскресшего Господа, чтобы ощутить **невыразимое блаженство** *этого величайшего торжества и напитаться его небесной, животворной, мироспасительной радостью* [Труд-7, 14.04.2001].

Г.С. Сырица отмечает: «Семантика невыразимого в сфере метафорического обозначения чувств часто поддерживается лексикой со значением неопределённости; оксюморонных сочетаний, призванных отразить смыслы, для которых нет названия в языке; риторических вопросов – как экспрессивных синтаксических фигур, изначально исключающих возможность ответа; прецедентных текстов, которые участвуют прежде всего в передаче смыслов, возникающих «между молчаньем и речью» [11, с. 295].

В подтверждение слов учёного находим примеры в текстах газет: *Но при всех проблемах (прежде всего драматургической невнятности) авторская анимация продолжает заниматься поиском киноязыка, который мог бы* **выразить «невыразимое»** [Новая газета, 20.03.2018].

В настоящее время не только в разговорной и художественной речи, но в газетном дискурсе наблюдается расширение элементов поля невыразимого, которые нацелены на внутренний мир человека, например: *«***Нет слов***, чтобы выразить ту огромную боль, которая разрывает сердце от гибели наших товарищей и особенно – Елизаветы Петровны Глинки, с которой я многие-многие годы*

работала вместе», – приводит «РИА Новости» слова госпожи Москальковой [Коммерсант, 25.12.2016]. В элементе семантики невыразимого в данном примере наряду с компонентом «не могу выразить» содержится компонент «очень сильно» («огромную», «разрывает сильно»).

В современном газетном дискурсе константная денотативная сфера семантики невыразимого «внутренний мир человека», включающая в себя описание чувств, эмоций, мыслей, достаточно значительна, многочастотна, например: *Наташа говорит, что определяла ненаглядных в знаменитый коллектив, чтобы они развивались, получая от этого* **несказанное удовольствие***, а не теряли здоровье до превращения цвета кожи сами знаете в какой* [Комсомольская правда, 21.05.2013].

Другой пример: *А от мысли, что сейчас мы выйдем на стадион, где находится 40 тысяч человек, возникла* **непередаваемая эйфория** [Известия, 09.02.2014].

Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества советского народа. ... На их (блокадников) долю выпали тяжелейшие испытания – гибель близких, голод, холод, бомбёжки и артобстрелы. И, несмотря на **немыслимые** *страдания, они смогли выстоять и победить* [Волжские вести, 29.01.2019].

М.Ю. Михайлова отмечает, что «константная денотативная сфера семантики невыразимого в русском языке и речи “внутренний мир человека”» расширяет свои границы, включая в свой состав ощущения». Среди элементов поля невыразимого в денотативной сфере «внутренний мир человека», по мнению учёного, «происходит перераспределение приоритетов: то, что раньше было уделом описаний “жизни души” человека, то есть чувств и эмоций, сейчас всё более вытесняется требованиями тела (ощущениями)» [6, с. 40].

В подтверждение слов исследователя находим примеры в текстах газет: *Это* ***невозможно передать словами,*** *но можно передать телом* [Известия, 02.03.2006].

Другой пример: *Таёжная река, берег, сидишь у костра, и это* ***непередаваемое ощущение*** *слияния с природой тебя мощно питает* [Новая газета, 12.10.2018].

Возбуждение было невыразимо сильным*, она кричала, кусала губы, не имея возможности сдержаться* [Новая газета, 02.06.2017].

В целом можно предположить, что элементы константных сфер семантики невыразимого могут структурировать содержательную константу, актуальную для печатных изданий всех уровней (федеральных, региональных и местных). К ним можно отнести идею невыразимости чувства любви. Например, в местной сызранской газете «Волжские вести» находим следующие примеры:

Юная мамочка…призналась, что своё сокровище, которому уже придумала имя Полина, она увидела только сейчас, перед приходом журналистов. Сколько удивления, неги и любви было во взгляде Ксении на крохотный, но такой родной комочек, – ***не передать словами****. А ещё, очень волнуясь, молодая мама рассказала о том, какие замечательные люди здесь работают* [Волжские вести, 15.01.2019].

И вот оттуда, из темной глубины веков, смотрят на тебя с Феодоровской иконы Божией Матери Её кроткие глаза. А с другой стороны образа написан Николай Чудотворец. И его взгляд тоже заключает в себе то, ***что невозможно передать словами*** [Волжские вести, 19.02.2016].

Семантика невыразимого используется публицистами для характеристики не только положительных, приятных эмоций и чувств. Имеется достаточно большое количество примеров, несущих в себе отрицательные эмоции и чувства. Например:

После такого Божественного знамения на врагов внезапно напал ***неизъяснимый ужас,*** *они стали побивать друг друга, новгородцы же бесстрашно устремились в бой и победили* [РИА Новости, 10.12.2009].

*Андрей Калачёв, пострадавший: «…****Нет слов*** *это всё описать, никому не желаю всё это пройти, страшно, когда родители ищут своих детей, которые просто-напросто пришли посмотреть кино»* [lenta.ru, 26.03.2018].

Во всём его облике сквозит ***ужас неописуемый*** [Новая газета, 27.10.2017].

К переменным сферам семантики невыразимого мы отнесём всё, что не относится к внутреннему миру человека: предметы речи, его свойства, ситуации, действия, отсутствия информации и др. Например:

Рассказ ***невыразимо страшный****. И полный такой любви, такого самопожертвования, что сжимается сердце у каждого читателя книги и зрителя* [Новая газета, 12.10.2018].

Поют Городницкого и Михаила Круга, поют старую бардовскую песню «В самолёте Ленинград – Магадан», поют Сальваторе Адамо ***с невыразимо сильным русским выговором****, «Томбе ла неж» кириллицей, можно сказать* [Новая газета, 07.10.2016].

Критиковали идею автора, что власовцы «были настоящими патриотами, сумевшими ***в невыразимо трудной ситуации*** *сделать правильный выбор, требующий удивительной силы духа»* [Известия, 22.09.2011].

А грандиозные праздники открытия и закрытия молодежного форума ***описать словами просто невозможно****! Открытие я вообще считаю просто гениальным. За два часа было изложено шесть главных проблем человечества через судьбы конкретных людей* [Волжские вести, 03.11.2017].

На улице холод, голод, а на столах ***несказанное богатство*** *– настоящий винегрет, который является реквизитом* [Комсомольская правда, 11.05.2001].

Как показал анализ примеров, конституенты семантики невыразимого при невозможности выразить опосредованно обозначают сложные явления. В современном газетном дискурсе наиболее частотно семантика невыразимого проявляется в константной денотативной сфере, в которой невыразимое используется авторами при необходимости показать внутренний мир респондента, его чувства, ощущения, отношение к происходящему.

Литература

1. Нанси Жан-Люк. Corpus / сост., общ. ред. и вступ. ст. Е. Петровской. – М.: Ad Varginem, 1999. – 255 с.
2. Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – №1. – С. 45–54.
3. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 354 с.
4. Гавриков В.А. Смысловая структура поэтико-синтетического текста // Вестник Башкирского университета. – 2012. – №2. – С. 1009–1012.
5. Субботин А.И. Внутренний мир: выразимое и «невыразимое» // Многомерность внутреннего мира: философские ракурсы: сборник статей. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С. 22–31.
6. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи. – М.: ФЛИНТА; Самара: СГСПУ, 2020. – 244 с.
7. Миронова И.К. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г., Екатеринбург: тез. докл. / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – С. 101–108.
8. Соболева Н.Н. Денотативное пространство русских глаголов физического восприятия // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г., Екатеринбург: тез. докл. / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – С. 156–162.
9. Кислова Е.П. Способы создания и роль семантики неопределенности в публицистических текстах // Международная интернет-конференция «Славянские этносы, языки и культуры в современном мире», посвященная 10-летию подписания договора о сотрудничестве между Башкирским государственным университетом и Великотырновским университетом им. Святых Кирилла и Мефодия 6 марта 2012 г. Уфа – Велико Тырново. – URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/materialy_internet-konferencii_pdf_0.pdf
10. Коньков В.И. Создание теории речевой практики СМИ как фундаментальная проблема современной стилистики. – URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec16.pdf
11. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире: международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы / сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров; под общ. руковод. М.Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 294–295.

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ДИНАМИКИ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО МИРА

Е.А. Погорелая

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
д.ф.н., профессор; e-mail: pavlik_pavlov888@mail.ru
Приднестровье, г. Тирасполь

Выявляются причины формирования тенденций к трансформации системы социальных ценностей языковой личности в контексте социокультурной модернизации полиэтничного сообщества стран ближнего зарубежья, определяется степень влияния глобальных культурных ценностей на состояние русского языкового мира.

Ключевые слова: *этнокультурная стратегия; социокультурная ситуация; нравственный императив; русский языковой мир; социальные идентичности.*

Представители разных направлений современной гуманитарной науки отмечают заметный рост интереса к проблеме нравственных ценностей, которые в условиях культурной глобализации стали определять не только вектор, но и характер социокультурного взаимодействия локальных

сообществ, вынужденных интенсивно трансформировать систему своих традиционных ценностей. Процессы локальной модернизации протекают с различной степенью интенсивности в каждой из сфер, но в совокупности влияют на формирование системы новых социальных идентичностей, доминантой которых была и остаётся ценностная культурно-языковая самоидентификация личности.

Процессы культурно-языковой глобализации лишь фрагментарно отражают глубинные изменения в социальной организации образа жизни современного общества, в котором меняются привычные, традиционно сложившиеся нормы и правила. Новая социокультурная среда, в которой происходит усвоение социальных ценностей, остаётся открытой, без границ и разделительных линий, и потому коммуникативная прозрачность информационных потоков не всегда, к сожалению, соотносится с нравственными и правовыми императивами. Нравственный императив – это, по сути, и есть моральные основы утверждения смыслов и ценностей внутренней готовности современных локальных сообществ к формированию новых социогуманитарных связей в процессе межкультурного взаимодействия. В широком контексте проблему современной ценностной перестройки общества следует рассматривать как проблему актуализации смыслообразующих жизненных ориентиров личности. Именно ценностные ориентации как один из аспектов психологической характеристики социокультурно ориентированной личности задают целевую и мотивационную программу её жизненной стратегии поведения. В русле этих размышлений первостепенное значение приобретают общечеловеческие ценности как своего рода «экологический» нравственный императив, предусматривающий единение личности не только с природой, но и с культурно-языковым многообразием мира.

Идеология XX века, сделавшая акцент на миропреобразующей деятельности личности как базовой формы её социокультурного бытия, постепенно должна уступать место появлению новых гуманистических идеалов, направленных на поиск оптимально эффективного вектора своей уникальной жизненной траектории, в рамках которой только и станет возможной истинная самоактуализация личности, глубоко осознавшей потенции своей внутренней природы. Развитие творческих сил каждой личности возможно только в единстве с обеспечением условий для их развития. Такой акцент в воспитании призван обеспечить воспроизводство полноценной личности, способной не только сохранить и передать созидательный культурный опыт, но и стать гарантом непрерывности творчески модернизированной культурной традиции.

Стержнем гуманитарной образованности личности, важнейшим фактором её социокультурной стабильности и обязательным условием эффективного развития выступает, безусловно, язык. Языковая политика как мощный механизм реализации национальной политики сама приобретает статус такой социальной ценности, нравственный императив которой в эпоху глобальной трансформации локальных сообществ призван сохранить их культурно-языковое многообразие, но избежать при этом излишней фольклоризации и обеспечить в новых условиях возможность полноценной самореализации каждого члена локального сообщества в широком контексте межэтнического и межкультурного взаимодействия. Содержательный фокус нравственного императива культурно-языковой политики в каждом из полиэтнических сообществ современного мира может и должен быть направлен на признание самого человека как базового ценностного феномена, без которого теряют смысл любые рассуждения и дискуссии о процессах демократизации в обществе.

Естественный баланс потребностей социально ценной личности ведёт к внутренней гармонии, позитивно сказывающейся на толерантности всего общества; оно и призвано культивировать такой набор и иерархию потребностей, которые являются оптимальными как для самореализации личности, так и для конкретного социума на определённом этапе его развития. Удовлетворение, обогащение и возвышение потребностей каждого этнокультурного общества и отдельных его представителей всегда остаётся в центре внимания социальных институтов демократически развивающихся поликультурных сообществ, которые стремятся не только к максимально полному информированию всех своих граждан о способах и средствах удовлетворения потребностей, но и к реальному вооружению их необходимыми знаниями, умениями и навыками по всему периметру интересов в целях получения социально значимых результатов. Чтобы избежать эмоционального перенапряжения, которое оказывает губительное воздействие на духовное состояние общества и личности, необходимо не только осознавать ценность той или иной потребности, но и видеть, к каким социально значимым последствиям может привести отсутствие условий для её удовлетворения.

Если в контексте этих рассуждений обратиться к логике событий в суверенных постсоветских странах, то тридцатилетний опыт их социокультурного развития свидетельствует о том, что нарушение одной из исходных базовых потребностей личности – потребности в общении – привело к неизбежному разрушению других звеньев системы социальных потребностей личности. Психологический

шок и эмоциональный взрыв, которые в новых суверенных странах последовали в ответ на законодательное закрепление статуса государственного за языком одной из этнокультурных групп в полиэтничном социуме, отразили естественную реакцию русского населения, не мыслящего полноценной самореализации без комплексного удовлетворения потребности в общении в широком ее понимании. Столкнувшись с тем, что в независимых государствах легитимно разрушена сама возможность удовлетворения потребности русского человека «быть услышанным», осознали всю трагичность своего положения и русскоязычные, юридически лишённые языкового компонента полноценного удовлетворения своих социальных потребностей. К сожалению, и сегодня идеологи суверенных постсоветских стран продолжают культивировать в полиэтничном сообществе социальные потребности, удовлетворение которых требует неадекватных интеллектуальных и моральных затрат «титульной» и «нетитульной» составляющих общества. И эта тенденция уже обрела устойчивый характер, отражая стремление новых государств к такой модернизации общества, которая поэтапно ведёт к системному разрушению всего блока социальных потребностей русскоязычного населения.

История свидетельствует о том, что исключительно одностороннее, но целенаправленное поощрение модели национально-русского двуязычия в ходе толерантного взаимодействия народов в едином государстве привело к тому, что нерусское население огромного государства стало реально двуязычным. Знание русского языка было и остаётся для большинства билингвов одной из социально значимых, но, как представляется, все же ситуативных потребностей, удовлетворение которой привело не только к действительному изменению их социально-культурного статуса, но и к расширению общего спектра возможностей адаптации к новой жизни. Широкий социальный и интернациональный контекст, требующий психологической и интеллектуальной мобилизации всех членов полиэтничного сообщества, закономерно способствовал полноценному функционированию русского языка во всех сферах без юридического его закрепления и, тем более, без превращения его в элемент квалификационных требований в процессе профессиональной деятельности и общесоциальной мобильности. Реальное двуязычие многочисленных билингвов стран ближнего зарубежья выступает показательным маркером естественной жизнеспособности модели национально-русского двуязычия как отражения исторически сложившейся социальной потребности нерусского населения.

Однако русскоязычные во всех постсоветских суверенных государствах в массе своей продолжают оставаться, по большому счёту, одноязычными, так как модель русско-национального двуязычия не выступает для них естественной социальной потребностью. Новая этнокультурная ситуация не только актуализировала потребность сохранения русского языка во всей полноте его социолингвистической парадигмы, но превратила лингвокультурный фактор в основу практической доминанты, коррелирующей в сознании русскоязычных с полноценной самореализацией и не только с сохранением, но и упрочением своего социального статуса. Чем интенсивнее сила искусственного давления, рассчитанная на принудительную обязанность, тем сильнее внутреннее сопротивление русскоязычных, естественная потребность которых «быть услышанными» в широком социальном контексте становится в такой ситуации безусловной практической доминантой.

За тридцать лет независимого развития молодых государств накоплен опыт, в котором ошибки и удачи, потери и обретения, но главное состоит в том, что эти годы изменили эмоционально манифестированные на рубеже веков представления всех участников этнополитического процесса: политической элиты, самого «титульного» населения и местных русскоязычных. Так, политическая элита и её этнические лидеры убедились, насколько проблематично административным путём, опираясь на мощные механизмы государственной власти и идеологии, деформировать самобытную культурно-языковую среду и тем самым попытаться изменить основы практической доминанты потребностей русскоязычного населения; «титульное» население, по достоинству оценив слова и дела своих лидеров, стало рационально и взвешенно судить не только о своём прошлом, но и о крайне сложном настоящем и ещё более проблематичном будущем, убеждаясь на практике в «перспективах» своей социально-культурной мобильности в условиях информационного пространства, ограниченного возможностями только родного, пусть и в статусе государственного, языка; наконец, русскоязычные, сделав свой выбор и оставшись, вынуждены психологически настраиваться на языковую адаптацию и дальнейшую интеграцию в надежде, что в новой этнокультурной ситуации знание государственного языка позволит им сохранить полноценную вертикаль социальной мобильности.

По-прежнему полиэтничное, но резко стратифицированное по разным основаниям население суверенных постсоветских государств во имя толерантного взаимодействия и возвращения к межэтническому согласию готово к компромиссу. Печальный опыт крушения основ социально-культурного статуса и целенаправленного разрушения лингвокультурной доминанты потребностей русскоязычно-

го населения поставили его перед фактом вынужденного поворота к обязательному освоению государственного языка. В этой ситуации мудрость «титульных» народов состоит в том, что они, будучи двуязычными, по-прежнему готовы к общению с русскоязычным населением не столько на государственном, сколько на русском языке, понимая, что процесс межличностного общения нельзя превратить в диалог взаимного обогащения, если превратить язык в инструмент социокультурного давления. Это естественное желание народов, исторически доказавших свою психологическую совместимость, многократно усиливается новым экономическим контекстом, реалии которого требуют такой мобилизации интеллектуальной энергии и знания современных информационных технологий, овладение которыми невозможно без освоения других языков. Чтобы органично и достойно вписаться в социально меняющийся мир и найти своё место в нём, каждая из этнокультурных составляющих общества вынуждена, учитывая взаимные интересы, по-своему искать основания для нового сближения и взаимопонимания. Но даже и эта новая этноязыковая ситуация пока радикально не изменила модели культурно-языкового взаимодействия между народами. Мудрость народов, отточенная опытом и временем, сказывается на изменении психологического климата в обществе и формировании атмосферы прагматичной деловой сдержанности, которая медленно сменяет эмоциональную раскалённость духовной обстановки в рамках русского мира, начиная с последнего десятилетия XX века. Опора на это социально целесообразное движение «титульных» и «нетитульных» народов в странах ближнего зарубежья навстречу друг другу после пережитого кризиса в межэтнических отношениях могла бы привести к оптимальному варианту действительно конструктивного сотрудничества, если бы не новый политический евроконтур, который теперь определяет характер современных этноязыковых процессов. Этот новый вектор снова привёл к резкой смене социальных ролей всех этнических групп населения в постсоветских государствах и к стратификации общества по целому комплексу параметров, важнейшим из которых стал языковой.

Единство интеллектуального, образовательного и культурного потенциала русской и русскоязычной личности невозможно без значительного сегмента русскоязычного информационного пространства, базовой ценностью которого выступает русский язык как основа её культурно-языковой самоидентификации и информационной безопасности. Последовательное разрушение русскоязычной инфраструктуры, включая демонтаж системы образования и границ медиапространства, как со временем показывает практика, не отвечает и национальным интересам самих стран ближнего зарубежья, евроинтеграция которых сегодня заметно осложняется целым комплексом региональных факторов. Такое положение дел при всей неоднозначности ситуации стимулирует политическую элиту и социальные институты суверенных государств к интенсификации контактов по всему периметру государственных интересов с представителями русскоязычного сообщества стран-участниц СНГ. Трудно переоценить значение политического диалога, направленного на восстановление культурных, образовательных и иных связей, в центре которых – поддержка русского языка и защита языковых прав и культурных ориентаций российских соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье. В условиях мощной трансформации локальных социокультурных пространств бархатный занавес культуры начинает определять взаимодействие между народами, отменяя железный занавес идеологии в демаркации их взаимоотношений. В повестку дня стран ближнего зарубежья само время возвращает русский язык, межэтнический статус которого несомненно выступает ценностью для личности, озабоченной необходимостью эффективной самореализации в условиях жёсткой экономической конкуренции, где знание русского языка в дополнение к государственному и иностранному языкам выступает как значительное преимущество.

И всё-таки не только профессиональная состоятельность обусловливает стремление личности к овладению русским языком: компонентом мощной мотивации к его изучению выступает удовлетворение духовных, эстетических и культурных потребностей личности на путях её приобщения к высоким формам искусства и научной мысли в мире. И это качественно новое, духовное измерение прагматики русского языка свидетельствует о реальных попытках сформировать высокую планку творческого саморазвития языковой личности стран ближнего зарубежья, которая постепенно становится поликультурной, что соответствует потребностям современного информационно-технологического общества, основанного на междисциплинарных знаниях.

Политическая «титульная» элита, получившая образование на русском языке и хорошо владеющая его литературной формой, целенаправленно «не замечает» в контексте общей идеологии государственного развития сохранившуюся потребность большей части населения потреблять по-прежнему значительные объёмы информации на русском языке. Рецидив «лингвистической войны» за тридцать лет суверенного развития новых государств неоднократно напоминал о себе в печатных

и электронных средствах массовой информации, отражая диспропорцию возможностей и потребностей личности в полиэтничном социуме. Однако эта глубоко симптоматичная рефлексия, социальная значимость которой со временем усиливается, часто остаётся без внимания «титульных» специалистов, поддерживающих таким образом иллюзию о достаточном уровне знания русского языка без его специального изучения. Объективная же оценка той формы русского языка, которая ситуативно проявляется в локальной и малоактивной лингвистической среде, вызывает тревогу уже потому, что идёт интенсивное разрушение баланса между двумя планами речевой компетенции – рецепции и продукции. Пассивные формы использования языка ведут этнических носителей русского языка, по нашим данным, к модификации, деформации, размыванию, а затем и разрушению мотивации и самой потребности в активных навыках речевой деятельности на русском языке. Изоляция русскоязычного населения постсоветских стран от своей этнической среды, с одной стороны, и мощный прессинг механизмов реализации языковой политики, с другой, привели к тому, что степень его языковой активности стала резко снижаться. Обретая черты языка диаспоры, русский язык в таких условиях стремительно теряет живительный источник своей современной литературной формы – разговорную речь как уникальный феномен, где только и формируется неповторимый колорит языка, его яркие краски. Пассивные формы речевой коммуникации, которые формируются в процессе прослушивания радиопередач или просмотра телепередач в ограниченном по времени варианте, вряд ли способны удовлетворить в полном объёме социокультурные потребности русскоязычного населения без активной и творческой языковой самореализации. Другими словами, без серьёзного образовательного поля, качественной эфирной и печатной продукции, доступных периодических изданий на русском языке, а главное, профессиональной и социокультурной мобильности русскоязычной личности общий этнополитический контур будет и далее деструктивно влиять на состояние русского языкового мира и характер протекания этноязыковых процессов, усиливающих стратификацию полиэтничного сообщества в независимых постсоветских государствах.

Литература

1. Арутюнян В.Н. Языковая ситуация и ситуативный язык // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс: Труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, А.А. Поликарпова. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 295–296.
2. Виноградов С.В. Русский язык – национальный язык – государственный язык // Вестник МГУ. – 1990. – №5. – С. 49–54.
3. Манакин В.Н. Проблемы близкородственного двуязычия в условиях современной Украины // Материалы Международной конференции / отв. ред. В.М. Солнцев, В.К. Михальченко. – М.: ИЯ РАН, 2001. – С. 290–292.
4. Морев Л.Н. Динамика языковой ситуации в Юго-Восточной Азии // Материалы Международной конференции / отв. ред. В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 19–21.
5. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Языковые проблемы в РФ и мировой опыт решения языковых проблем // Материалы Международной конференции / отв. ред. В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 1–4.

«ВОЕННЫЙ ДАЛЬ» И ЕГО СЛОВАРЬ

О.Р. Ростов

Ивановский государственный энергетический университет
им. В.И. Ленина, Военный учебный центр ИГЭУ
к.ф.н.; e-mail: olegrost@gmail.com
Россия, г. Иваново

О малоизвестном словаре иностранных слов «военного значения», составленном А.Ф. Погосским предположительно для «твердограмотных» нижних чинов с целью их самообразования. В основном манифестируются военные термины, хотя словарь содержит и лексику, у которой «военное значение» вне контекста отсутствует.

Ключевые слова: *«военный Даль»; Погосский; Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке; словарная статья; словарное гнездо; «твердограмотный» солдат.*

«Военным Далем» современники называли Александра Фомича Погосского (Погоского) (1816–1874) [2, с. 482; 9]. Это имя сегодня малоизвестно, а когда-то его считали, например, в «самой главе солдатских писателей новой школы» [10, с. 235–236]. В основном Погосский трудился

на народопросветительской ниве, особенно плодотворно в конце 1850-х – 1860-е годы: ратовал за «грамотность в войсках», издавал журналы для народного чтения «Солдатская беседа» и «Народная беседа», руководил издательством «Досуг и дело» и сам был автором произведений и пьес, прежде всего для солдатского чтения и из солдатской жизни. Эти произведения содержали образцы стилистически необработанной солдатской речи [5, с. 15–16]. Богатство языка, живой народный язык, меткость, сила и выразительность речи отмечались в достоинствах народной прозы и пьес Погосского [14, с. 192; 15, с. 344, 348].

«Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке» [12] – лексикографическое наследие писателя. Современные справочные сведения о нем скупы [6, с. 54, 546; 8, с. 276], обошли его вниманием и специалисты, изучавшие словари иностранных слов XIX века, хотя отмечали в обзорах [1; 7; 11]. Так что есть смысл приглядеться к словарю «военного Даля»: для начала «обмена понятий, мыслей и убеждений» [3] о нем. Открывают его «Сокращения, объясняющие, из какого языка взято слово», где указано на 15 языков происхождения описываемой лексики: *Анг.* – английское; *Араб.* – арабское; *Венг.* – венгерское; *Греч.* – греческое; *Гол.* – голландское; *Евр.* – еврейское; *Итал.* – италианское; *Исп.* – испанское; *Лат.* – латинское; *Нем.* – немецкое; *Поль.* – польское; *Тат.* – татарское; *Тур.* – турецкое; *Фр.* – французское; *Швед.* – шведское. Далее по алфавиту начальных букв заголовочных слов словарных статей размещен собственно «Словарь». В нем истолковано около 550 слов, словосочетаний, вариантов, словообразовательных элементов (типа приставок *вице, обер*), причем словник завершает буква *Ю*, наибольшее число статей под *К* (75), наименьшее – под *З* (1).

Словарная статья состоит из заголовочного слова, пометы-указания на язык происхождения и пояснения лексического значения (значений); не указано ударение, отсутствует грамматическая информация, примеры употребления слов. В целом же структура словарной статьи у Погосского, вероятно, соответствует большинству русских словарей иностранных слов XIX века [1, с. 6]. Однозначных лексем в словаре большинство, например (сохраняются пунктуация и заглавные буквы источника [12]. – *О.Р.*):

Абордаж, *фр*. Сцепление двух морских судов для рукопашного боя.

Отмечаются также слова:

– двузначные – **Армия,** *фр.* 1) Общее название всех войск в государстве. 2) Часть войск всех оружий под властью одного лица;

– трехзначные – **Батарея,** *фр.* 1) Несколько боевых орудий, соединенных для действия, с необходимым количеством прислуги, зарядных ящиков, повозок и лошадей. 2) Временное земляное укрепление на поле сражения для прикрытия назначенных к действию орудий. 3) На кораблях – все орудия, поставленные на одной палубе;

– четырехзначное (1) – **Корпус,** *лат.* 1) Войско, из нескольких дивизий, под начальством одного лица, – корпусного командира. 2) Военное училище. 3) Металлическая коробка для картечи. 4) Человеческое туловище.

Самой энциклопедически развернутой у «военного Даля» вышла следующая статья.

Ракета, *фр.* Начиненная воспламеняющимся составом, трубка из картузной бумаги. К открытому концу привязывается длинная палка или дощечки, называемые хвостом. Если к открытому концу поднести огонь, то состав вспыхивает и ракета взлетает на воздух, разбрасывая яркие искры, причем хвост заставляет ее двигаться по прямому направлению. Ракеты употреблялись прежде как потешные только огни и для сигналов. Английский генерал Конгрев, в начале нынешнего столетия предложил употреблять их для военной цели; изобретенные им ракеты, названные по его имени *конгревовыми,* приготовляются из железа и на конце укрепляются на них гранаты.

Наибольшее словарное гнездо сформировалось в статье:

Генерал, *лат.* Высший военный чин, нескольких степеней; *Генерал-Майор,* – первая младшая степень; *Генерал-Лейтенант,* – вторая; *Генерал от Инфантерии, Кавалерии, Артиллерии* или полный Генерал. *Генерал-Фельдмаршал* – высший военный чин первого класса. *Генерал-Адмирал* – командующий всеми флотами в государстве; *Генерал-Фельдцейхмейстер* – главный начальник всей Артиллерии; *Генерал-Адъютант* – состоящий при особе Государя Адъютант в генеральском чине; *Генерал-Инспектор,* – главный начальник по какому-либо отдельному военному ведомству.

Завершает издание прикнижный словарик «Иностранные слова, удобозаменяемые русскими». В нем 138 оппозиций слов и словосочетаний иноязычного происхождения и русских эквивалентов, например:

Арестант – Невольник.

Армия – Войско.

Курьер – Гонец.

Официальный – Казенный, правительственный.

Формуляр – Послужной список.

Форпост – Передовой караул.

Форсированный марш – Ускоренный ход.

При этом русские эквиваленты входят в набор дефиниций соответствующих статей в основном корпусе словаря, например (соответственно словарная статья и оппозиция «иноязычное – русское»):

Баланс, *фр.* Равновесие.

Баланс – Равновесие.

Госпиталь, *фр*. Военная больница.

Госпиталь – Больница.

Погосский не пояснил состав и структуру словаря, не сообщил, с какой целью и для кого он составлен. Однако, судя по словнику и толкованиям, словарь ориентирован на военных, но скорее всего не на офицеров, а на «твердограмотных» солдат, в первую очередь унтер-офицеров. Погосский считал их «краеугольными камнями армии»: они и «старшие товарищи», и «младшие начальники» солдат, способные занять место офицера [13, с. 66–67]. В 1860-е годы от унтер-офицера требовалось «полное понятие начальных военных наук», а значит, и терминологии. Однако даже лучшие из них с трудом усваивали эту лексику, тем более иноязычную. Например, В.И. Даль отмечал, что «по трудности выговора аван- и ариер-гарда, случалось слышать, что солдаты соединяли их под общим именем *аленгарда*, различая его названием переднего и заднего; лучше бы принять названия: голова и хобот» [4, с. 3]. Погосский хотел, чтобы «твердограмотный» солдат не «затверживал, как сорока, слова <...>» [13, с. 67], а понимал их значение и смысл. В этой связи объяснимо указание (не точное хронологически, но верное по сути) на словарь Погосского в контексте просветительской роли «предельно минимизированных» словарей иностранных слов, издаваемых «в послереволюционные годы» для «приобщения малообразованных, нередко полуграмотных читателей к чтению советских газет» [7, с. 991, 982]. Словарь, который легко уложится в ранце, будет под рукой, краткость и обиходная простота толкований с этим согласуются.

«Военную действительность» сквозь призму лексики Погосский оценивал, имея многолетний (1831–1843) опыт службы в армии (егерем, пехотинцем, гренадером, карабинером, нижним чином и офицером); гражданская служба в департаменте корабельных лесов [2, с. 482], общественно-просветительская деятельность и литературное творчество также влияли на отбор лексики для словаря. Причем просветительская функция характеризует практически все наследие «военного Даля», в том числе и лексикографию. Именно этим, пожалуй, можно объяснить присутствие в словаре, например, таких статей, как:

Библиотека, *греч.* 1) Собрание книг. 2) Место где хранятся книги.

Библиография, *греч.* Отчет о содержании и достоинстве вышедших книг.

Литература, *лат.* 1) Словесность. 2) Все письменные произведения на каком-либо языке, напр. русская литература, – собрание всех русских письменных произведений.

Курс, *фр.* Полное изложение науки.

Лекция, *лат.* Преподавание урока.

Литера, *лат*. Буква.

Школа, *лат.* Училище.

Экзамен, *лат*. Испытание; *экзаменовать* – испытывать, узнавать степень познаний в каком-нибудь предмете.

Александр Фомич отдавал много сил организации школ солдатской грамотности, открытию в полках библиотек, заботился о комплектовании их книгами. Отметим, что общеупотребительная лексика, в которой не выделено таких сем, как ‘армейский’, ‘военный’, ‘воинский’, ‘батальный’, ‘боевой’, ‘ратный’, ‘солдатский’ и т. п., составляет почти четверть «Словаря иностранных слов военного значения, принятых в русском языке». Следовательно «военное значение» целого ряда лексем маркировано только заглавием словаря, однако это значит также, что в какой-то момент «военный Даль» увидел у них и эту семантику тоже. Поэтому интересно было бы, наверное, в дальнейшем попытаться объяснить мотивировки Погосского-лексикографа, а прежде всего, рассмотреть словарь сквозь призму произведений Погосского-писателя.

Литература

1. Барышникова С.В. Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Южно-Сахалинск, 2010. – 24 с.
2. Военная энциклопедия. В 18 т. Т. 18. / под ред. полк. В.Ф. Новицкого [и др.]. – Пг., 1915.
3. Даль В.И. Мысли по поводу статьи: О воспитании. – URL: https://philolog.petrsu.ru/dahl/html/texts.htm (03.07.20).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. – М., 2002.
5. Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011.
6. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2015.
7. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русские словари иностранных слов в социокультурном контексте // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого; отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. – СПб., 2015.
8. Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии. – СПб., 2016.
9. Кубасов И.А. Александр Фомич Погоский: опыт характеристики. – СПб., 1903.
10. Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. Т. 10. – М., 1958.
11. Магомедгаджиева П.Н. Историческая эволюция типов словарей иностранных слов // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2010. – №5 (49). – С. 114–118.
12. [Погосский А.Ф.] Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке. – СПб., 1870. – 51 с.
13. Погосский А.Ф. Солдатский быт прежде и теперь А. Погоского. – 2-е изд. – СПб., 1872.
14. Щеглов И.Л. Народ и театр. Очерки и исследования современного народного театра. – СПб., [1911].
15. Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. Т. 2. 1850–1900. – СПб., 1903.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Тихомирова
Белорусский государственный университет
к.ф.н., доцент; e-mail: alena.tikhomirova@gmail.com
Республика Беларусь, г. Минск

Для развития политического дискурса необходима возможность ответной реплики обладающему властью коммуникатору, условия для ее распространения, вдохновляемое яркими примерами мужества желание неинституциональных коммуникантов активно участвовать в политической коммуникации и искренне выражать противостояние идей и эмоций.

Ключевые слова: *политический дискурс; противостояние и объединение коммуникантов; концепты любви и ненависти.*

Политический дискурс – сложная семиотическая система, в которой высказывание воспринимается как целенаправленное не только речевое, но и реальное действие, происходящее в определенных условиях.

Наш материал – наблюдения автора на протестных акциях и опубликованные в мае 2020 – январе 2021 г. тексты френдленты новостей Facebook'а и белорусских Telegram-каналов за исключением рассказов протестующих об арестах и содержании под стражей в августе-сентябре. Мы анализируем тексты и комментарии к текстам без пометы редактирования, потому что такие сообщения отражают навыки создания письменного текста и спонтанной устной коммуникации, передающей чувства авторов. Во всех примерах сохраняем орфографию и пунктуацию авторов.

В предлагаемых лингвистами дефинициях политического дискурса не всегда совпадает объем понятия. Е.И. Шейгал ограничивает критерием субъекта речи: политики и пишущие о политике журналисты [8]. А.Н. Баранов акцентирует «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [1, с. 245–246].

Для политического дискурса необходима публичная ответная реплика, о которой узнают не только соратники, но и максимальное количество желающих узнать.

Любое высказывание, по мысли М.М. Бахтина, существует только для «другого» [2, с. 275], характеризуется «сменой речевых субъектов» [2, с. 249], поэтому пока у гражданина нет возможности публично ответить на высказывание политика или журналиста, существует ситуация не комму-

никации, а передачи информации. И.М. Кобозева уточняет: речевая цель автора – внести информацию о представленном таким образом событии в сознание адресата [5].

Можно фальсифицировать выборы, но трудно фальсифицировать митинги, шествия, многочисленные встречи онлайн и на улицах или во дворах, общение в соцсетях и мессенджерах. Когда возникает диалогичность политического общения как формы социального взаимодействия, мы можем констатировать возникновение политического дискурса.

В Республике Беларусь это произошло весной 2020 года. Вначале граждане с помощью соцсетей и мессенджеров общались и объединялись, чтобы помогать друг другу решать проблемы со здоровьем, а затем и для решения внутриполитических задач.

Значимые высказывания президента и его помощников получали ироничные ответы от граждан. Например, на обвинение в том, что протесты координируются из-за рубежа, авторы плакатов на маршах отвечали: *Мои координаторы Я. Колас и Я. Купала*. К этим классикам белорусской литературы пользователи соцсетей добавляли В. Короткевича и В. Быкова, а главным координатором протеста указывали А.Г. Лукашенко, называвшего протестующих крысами, а омоновцев – красавцами. А.Г. Лукашенко заявил, что на митинги ходят наркоманы, алкоголики и проститутки. На каждом митинге осенью по нескольку раз выкрикивали вопрос: *Здесь наркоманы, алкоголики и проститутки?* И протестующие смеялись: *Здесь*. Многие участники на марши приходили с пакетами пустых бутылок с надписями: *Я – алкоголик*. Преподавательницы университетов встречали подруг, улыбаясь: *Наркоманки собрались*. Когда пропагандисты предложили участникам провластных митингов плакат «За батьку!», протестующие скандировали «са – бач – ку!».

Коммунист Андрей Лазуткин высказался про белорусских спортсменов, подписавшихся под письмом против насилия: *В протестную политику идут не лучшие, а второй эшелон*. Журналисты создали и распространили видео с призывом: *Посмотрите сколько чемпионов во «втором эшелоне».*

В этих условиях коммуникация быстро становилась субъект-субъектной. В общении стали участвовать кроме институциональных субъектов (государственные деятели, партии, сообщества) и неинституциональные (участники митингов, маршей, дворовых встреч, подписчики социальных сетей и мессенджеров). При этом и обращенные к одному человеку тексты благодаря обозначенной открытости (видеообращение, публикация) предназначались для широкой аудитории (даже страницы в соцсетях осенью были открыты для всех, а не только для друзей).

Еще пару лет назад основными каналами политической коммуникации были СМИ, в том числе и специализированная открытая печать, парламент, митинги и передача конфиденциальной информации в непосредственном общении. Этой весной актуальными каналами стали соцсети, телеграм-каналы и территориальные чаты, активизировавшие и облегчившие общение граждан.

Желание общаться с теми, кто думает и чувствует одинаково, преодолевает страх быть арестованным. Коллективные «чаепития» протестующих во дворах зимой сменились колядками и хороводами, лепкой снеговиков и украшением их красными шапками и шарфами. Пользователи соцсетей с гордостью ставили и ставят фотографии и видео коллективных выходов с бело-красно-белым флагом. Ужесточение законов и смена административных статей на уголовные уменьшили распространение текстов о таких встречах, но не повлияли на гражданскую активность протестующих и их речевые практики.

Субъект-субъектная коммуникативная ситуация позволяет объединять в тексте особенности информативных и агональных речевых жанров. Призыв адресата к действию оформляется как информирование о собственных действиях, дополненное вопросом или объяснением необходимости объединить усилия: *Мы выдвигаемся, вы с нами?*; *Объединяемся и идём одной колонной. Так мы будем в большей безопасности*.

Белорусский политический дискурс на русском и белорусском языках опирается на интертекстуальность. Авторы предполагают, что адресаты хорошо понимают интертекстуальную основу текстов. По нашим наблюдениям, провластные участники берут цитаты в кавычки и называют автора (часто используются тексты школьной программы), а протестующие приводят отрывки текстов по памяти, редко называют авторов, очень часто слегка изменяют крылатые изречения мировой литературы – «коммуникативные фрагменты» языковой памяти сограждан [4, с. 118]. Коммуникативные фрагменты показывают отношение автора текста к действительности и способны формировать понимание действительности адресатом, так как выражают стереотипы. Тексты плакатов иронично обыгрывают ставшие мемами высказывания: *Выходи подлый ус*; *Инаугурация Ы, или Последние приключения Шурика*; *Дементоров в Азкабан*; *Закон в Беларуси – очень странный предмет… Он вроде бы есть, а вроде бы нет.*

Тексты политического дискурса моделируют реальность сознания коммуникантов: любой участник сообщает о своем понимании действительности. В коммуникации отражаются три варианта языковой картины мира: научная, профессиональная и наивная. Политологи, социологи, культурологи, антропологи, выступая в социальных сетях, на митингах и онлайн-конференциях и в тюремных камерах, знакомят адресатов с основами наук, показывают методы анализа политической ситуации и учат их применять. Политические деятели навязывают адресатам оценки конкретных политических ситуаций и поведения их участников с позиций выгоды или невыгоды для социальных институтов. Коммуниканты опираются на лингвокультурные модели национального языка (близкородственных языков) и социолектов и поэтому тексты отражают наивную картину мира.

«Возможные» миры оппозиционно настроенных и провластных участников коммуникации кардинально различаются. Это хорошо осознают сами участники дискурса: *Да, произошел водораздел. С одной стороны те, кто против, чтобы людей хватали на улицах, сажали и избивали, а с другой – те, кому это нравится. Причем никто не сможет потом сказать, дескать я не знал*.

Власть и народ говорят на разных языках. После освобождения бывшая сотрудница «Белавиа» Надежда Букатая написала в Facebook'е: *В ИВС все сотрудники разговаривали матом, замахиваясь дубинкой. Оскорбляли. Называли нас проститутками и террористами*.

Используя идею оппозитивного строения дискурса, Э. Лассан выявила ценностные оппозиции, свойственные русской советской политической дискурсивной практике. Оппозиции предполагают деление на *свой – чужой*, выражаются с помощью концептуальной метафоры, концентрирующей всё, что затем синтагматически разворачивается в тексте [7, с. 52]. В сентябре студенты стояли у университетских корпусов с плакатом: ОМОНиМЫ – АНТОНИМЫ.

Различия провластного и протестного языков выражаются и на уровне грамматики. Пропагандисты, убеждая себя и других, используют глагольные формы прошедшего времени: *мы выстояли и победили*. Протестующие скандируют и пишут: *Верым! Можам! Пераможам!* (*Верим! Можем! Победим!* – Е.Т.).

В политическом дискурсе говорящий заявляет о себе как о личности с определенными национальными и культурными характеристиками, обнаруживает особенности мировосприятия. Это характерно не только для политического дискурса, но именно в политическом коммуникативном акте становится обязательным.

Дискурс опирается на наличие у коммуникантов общих пресуппозиций. Политические публикации в соцсетях показывают уверенность их авторов в том, что пресуппозиции автора и адресата совпадают или близки. Протестные марши называют прогулками, и их участники рассказывают пользователям соцсетей о том, как они погуляли и что видели.

На одном из митингов Мария Колесникова назвала протестующих невероятными. Многие граждане почувствовали себя невероятными. Даже сотрудники органов, разговаривая по телефону, могут назвать арестованных невероятными: *Задержусь. Невероятных оформить нужно*. Говорящие фиксируют наличие цветов в руках у себя или у других людей, цвета одежды, флагов, лент, речь на русском или белорусском языках или просторечии.

Адресанты акцентируют внимание адресатов на особенностях речевых практик. В постах соцсетей обсуждают тактики объяснения сложившейся политической ситуации людям, не определившим свою позицию, или противникам. На наш взгляд, это свидетельствует о понимании участниками общения того, что «*мысль не* выражается в *слове*, но совершается в *слове*» [3].

Зачастую участники общения осознают, что успех или неудача коммуникативного акта зависят от всех участников общения и анализируют речевые действия как свои, так и противников. По нашим наблюдениям, летом этого года протестующие стали обсуждать картины мира и языковую компетенцию собеседников, отмечая превосходство своих сторонников и ограниченность противников, а также пути прийти к взаимопониманию.

С середины прошлого века неоднократно отмечалось, что целью предварительной пропагандистской работы является получение максимальной выгоды и минимизация нежелательных последствий. Активные участники протестного движения напоминают согражданам о тактиках партизанского движения во время Великой Отечественной войны.

В конце лета использовали лозунг повстанцев *За нашу и вашу свободу* в обращениях к россиянам. В адресованных белорусам текстах напоминания о тех событиях участились осенью: *Калона студэнтаў і пенсіянераў – гэта як касцюшкоўцы і паўстанцы 1830-га ў адным звязе інсургентаў* (*Колонна студентов и пенсионеров – это как единение участников восстания 1830-го года*. – Е.Т.).

Политический дискурс выражает противостояние не только идей, но и чувств коммуникантов.

Провластные авторы заявляют о ненависти к оппонентам и подчеркивают собственное превосходство. Они обвиняют протестующих в агрессивности, объясняя свои действия как ответные. Глава ГУБОПиК пообещал «*убрать с улиц самых опасных острокопытных*». В опубликованных высказываниях министров часто используется многоточие как маркер матерных слов. Награжденный орденом журналист угрожал: *Смелые в стаде или в интернете, вы будете бежать, как трусливые шакалы <..> Водомёты вам покажутся фонтаном. Лучше вам уже сейчас обмотаться вашей туалетной бумагой и бежать*.

Поддерживающие протестующих пользователи соцсетей и мессенджеров тоже часто используют ненормативную лексику, говоря о власти и ее защитниках. Однако наш материал показывает, что главное отличие протестного дискурса – выражение не ненависти, а любви и поддержки.

Тексты в соцсетях, разговоры во время маршей демонстрируют искренность, настроенность говорить об эмоциях как об объединяющих адресанта и адресата чувствах. Идея дружеских связей, взаимности симпатий и взаимопомощи стала основой стратегии убеждения.

Еще в мае В.Д. Бабарико на вопрос, о чем бы он поговорил при встрече с А.Г. Лукашенко, ответил, что спросил бы, кого тот любит. Свои поступки В.Д. Бабарико объяснял любовью к друзьям, работе, стране. Три женщины, объединившие летом протестное движение, также объясняли свои поступки любовью, поэтому нарисованные или сложенные пальцами сердечки стали символом протеста, как кулак и знак V, а Светлана Тихановская, Мария Колесникова и Вероника Цепкало попали в число номинантов на Нобелевскую премию мира 2021. Последние 30 лет провластные политики пытались разъединить белорусский народ на недовольные по разным причинам группы. Весной объединяющей стала идея: *Беларус беларусу беларус*.

Эмпатия протестующих выражалась в сочувствии, в заботе о пострадавших и их семьях, а эмпатия защитников власти – в утверждении своей правоты, верности президенту и необходимости насилия над несогласными с ними.

Речевые практики любви становились активнее в ответ на насилие и террор. На марши пенсионеров женщины мудрого возраста приходили с корзинками с пирожками «для наших внуков» и с плакатами: *Мамы, станем горой за наших детей!*; *Наши дети лучше всех!*; *Студенты, мы вас любим*.

Можно констатировать, что весной в нашей стране стал развиваться политический дискурс любви: *Друзья! Наша сила – в любви!*

У политического дискурса любви в Беларуси давняя традиция. Повстанцы К. Калиновского использовали для узнавания соратников вопросно-ответную форму на белорусском языке: *Кого любишь? – Беларусь. – Это взаимно*. Андрей Журавлев недавно закончил пост о грустных событиях дня: *Люблю вас, земляки, и верю в вас. Пойду работать.*

Архиепископ Тадеуш Кондрусевич во время службы сказал: «Нам неабходна выкарыстоўваць атрыманую ад Бога моц і здольнасці, каб будаваць цывілізацыю міру, а не гвалту; цывілізацыю жыцця, а не смерці; цывілізацыю любові, а не нянавісці» (Нам необходимо использовать полученную от Бога силу и способности, чтобы строить цивилизацию мира, а не насилия; цивилизацию жизни, не смерти; цивилизацию любви, не ненависти. – Е.Т.) [6].

Понимая, что коммуниканты признают бóльшую ценность положительного компонента оппозиции, провластные пропагандисты вынуждены были также использовать концепт любви. Стоило А.Г. Лукашенко сказать: *Любимую не отдают*, как появились плакаты: *Любимую не бьют* и *Насильно мил не будешь*, к зданию правительства женщины принесли тыкву.

Политический дискурс чувств развивается, потому что коммуникантов вдохновляют примеры яркого мужества: убитые Александр Тарайковский и художник Роман Бондаренко, честно освещающие митинги журналисты, арестованные омоновцами водящие хоровод у новогодней елки пенсионерки…

Иосиф Бродский утверждал, что все изменения в реальной жизни начинаются с изменений в языке, речи. Участники протестных маршей, конференций, пользователи социальных сетей и мессенджеров создают массовый контртекст для взлома официальной культуры приспособления, молчания, согласия. Провластные участники используют русский язык и трасянку, протестующие общаются на белорусском и русском литературных языках, используя единицы просторечия в цитатах. Белорусы смогли выражать мысли и чувства, доверять собеседникам, быть искренними и быть уверенными, что так думают большинство граждан. Политический дискурс в нашей стране развивается динамично. Его изменения отражают развитие политической ситуации.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 2014. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240335
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
5. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. д.ф.н. проф. Володина М.Н. – М., 2003. – URL : http://evartist.narod.ru/text12/08.htm
6. Кандрусевіч Т. Будаваць цывілізацыю міру, а не гвалту. Catholic.by. 01.02.2021. – URL: https://catholic.by/3/news/belarus/12793-artsybiskup-kandrusevich-u-vitsebsku-budavats-tsyvilizatsyyu-miru-a-ne-gvaltu?fbclid
7. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – URL: https://www.twirpx.com/file/260472/

ДИСКУРС ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ СФЕРЕ КОММУНИКАЦИИ

С.А. Шилина

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
д.социол.н., доцент; e-mail: supershili2012@yandex.ru
Россия, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования слова в такой сфере коммуникации, как журналистика. Материалом послужили тексты, созданные Петром Николаевичем Киричком, который рассматривается как русская языковая личность рубежа эпох. Проанализированы статьи с журналистской тематикой.

Ключевые слова: *языковая личность; дискурс; коммуникация; Петр Николаевич Киричёк; журналистика.*

Актуальными в современной коммуникации являются вопросы функционирования слова [14; 29] в связи с тем, что на наших глазах происходит трансформация современного русского литературного языка. Представители старшего поколения зачастую не понимают реализации в речи тех языковых элементов, которыми пестрят высказывания молодежи. Особенно это наглядно проявляется в речи журналистов, которые призваны доносить жизненно важную информацию до широких слоёв населения, выполняя в то же время и функцию социализации личности (в числе прочих) [5, с. 387]. Важно поэтому, как представляется, обратиться к языковой личности конкретного журналиста [26; 27; 28], чтобы проследить, каковы тенденции использования тех или иных языковых средств в особой ситуации – научных статьях по проблемам журналистики как определенной сферы коммуникации.

Образовательное пространство современного общества подвергается существенной трансформации [1; 17; 22], преобразования происходят в области не только гуманитарного знания [2; 4; 23], но и других образовательных сфер [15; 20; 25]. Важное место при этом, как нам представляется, занимает такой источник знаний, как медиасреда. Не только радио, телевидение, газеты и журналы – традиционные носители информации, но и Интернет выступают сейчас источниками всевозможных знаний, благодаря чему современный человек самообразовывается [3; 16; 24], социализируется. Поэтому так высока ответственность журналистов за то, каким образом они передают информацию, в какой форме преподносят те или иные знания. Важны вопросы культуры [13; 18; 21] и управления [19] в этой связи.

Языковая личность Петра Николаевича Киричка интересна тем, что журналист, ученый, преподаватель является представителем различных эпох: советской и постсоветской. В текстах, создаваемых исследуемой языковой личностью, преломились те лингвистические явления, которые отражают тенденции развития языка. Обратимся непосредственно к анализу статей Петра Николаевича Киричка. Мы обратились к работам последних 5 лет (2015–2020 годы) и выявили следующие моменты, которые, как нам представляется, ярко иллюстрируют те тенденции, которые характерны в целом для функционирования слова в современной журналистской сфере и в то же время отражают индивидуальные особенности дискурса изучаемой языковой личности.

Во-первых, статьи П.Н. Киричка насыщены терминологией. Это характерно для данного типа речи, но в то же время отметим, что индивидуальной чертой изучаемой языковой личности является использование физико-математических терминов в статьях на общественную тематику. Например, встречаются такие лексемы, как «аксиома» [6, с. 218; 10, с. 41], «периметр» [6, с. 218; 12, с. 42], «аккумуляция» [11, с. 10; 12, с. 43], «теплотехника» [11, с. 9], «отводной клапан» [11, с. 9], «параллельно» [9, с. 175], «реверс» [10, с. 42], «монофакторность» [10, с. 43], «пропорции» [9, с. 170], «инерция» [9, с. 171], «закон сообщающихся сосудов» [9, с. 168], «координаты» [9, с. 169], «формулы» [9, с. 168], «импульс, алгоритм, электромагнитная индукция, удельный вес» [6, с. 218], «перцептивное свойство» [6, с. 220], «вектор» [6, с. 221], «масштаб» [6, с. 222], «индуцироваться» [6, с. 222], «знаменатель, ретранслятор» [7, с. 114], «перпетууммобиле» [7, с. 117], «интегратор» [8, с. 367], «геометрически-прогрессивный рост» [8, с. 369],«параллакс» («В принципе, такая опасность идеально-предметного параллакса в периметре “политика – журналистика” существует всегда») [8, с. 378], «шкала координат» [8, с. 378], «центрифуга» [8, с. 381], «движитель» [7, с. 115].

Рассмотрим употребление терминов на одном примере. Слово «движитель» имеет 2 значения: «1. техн. устройство, преобразующее энергию двигателя, либо внешнего источника в полезную работу по перемещению транспортного средства; 2. перен. То, приводит в движение; какой-либо объект, заставляющий развиваться Я не люблю красивые слова, но поверьте, Володечка, моему опыту, главный движитель нашего ремесла в военное время – такие конференции. Юрий Герман, «Дорогой мой человек», 1961 г.» [30]. В исследуемых текстах слово употребляется во втором, переносном значении («Если в социальной практике революции предстают локомотивами истории, то противоречия, как коренные (основные), так и некоренные (побочные), являются движителями эволюции» [7, с. 115]).

Вышеперечисленные термины органично вплетены в высказывания, содержащие рассуждения о реперных точках общественной жизни нашего Отечества. Особенностью стиля изучаемой языковой личности является эмоциальность высказываний, достигаемая за счёт сочетания языковых элементов, принадлежащих разным стилистическим пластам, а также благодаря использованию изобразительно-выразительных средств языка.

Во-вторых, встречаются устаревшие слова типа «предтеча» [6, с. 219], «ипостась» [6, с. 219; 8, с. 367], «сусеки» [8, с. 375], «перст» [8, с. 381], «средостение» [9, с. 167], «флер» [9, с. 168], «супостат» [9, с. 172].

В словарях значение лексемы «предтеча» толкуется следующим образом «устар. и высок. Тот, кто своей деятельностью подготовил условия для деятельности других; предшественник» [30] («Если знание – это сила, а информация – его предтеча, то массмедиа как вместилище и того, и другого неизбежно становятся обязательным медиакультурным средством (элементом) деятельности государственных, общественных, промышленных, аграрных, коммерческих и иных организаций и корпораций» [6, с. 219]).

Лексема «ипостась» имеет 2 значения «1. Церковный термин для обозначения одного из лиц христианской Троицы. 2. перен. То (или что) близко, тесно примыкает к кому-, чему-л. другому. Созданье, Сила и Основа Три ипостаси одного. Бальмонт, Созданье, Сила и Основа. ◊ В ипостасикого (шутл.) – в качестве, в роли кого-л.» [30] («Эта управленческая ипостась масс-медиа логически следует из их социального предназначения» [6, с. 219]).

Слово «сусек» имеет следующее значение: «с.-х. рег. устар. То же, что закром; отгороженное место в зернохранилище или амбаре для ссыпания зерна или муки» [30]. В исследуемых текстах данная лексема употреблена в переносном значении «укромное место» («…две широко распространившиеся в настоящее время негативные массмедийные тенденции – политико-эгоистическое растаскивание по «личным сусекам» информационных ресурсов и формирование культа личности местных лидеров» [8, с. 375]).

Слово «перст» имеет следующие значения «(книжн. устар.) 1. Палец руки (ритор. или ирон.). 2. перен. Указание, мистическое предопределение. П. судьбы» [30] («И привечает она в нынешних социально-политических условиях далеко не лучших специалистов (по части интеллекта, чести и совести), ориентируясь, прежде всего, на указующий перст госчиновников и медиадельцов (открытых и скрытых учредителей-спонсоров)» [8, с. 381]).

Обратимся к словарному толкованию лексемы «средостение»: «1. анат. Часть грудной полости, в которой расположены сердце, кровеносные сосуды, входящие и выходящие из него, пищевод и т.п. 2. книжн. Препятствие, преграда, мешающие общению, сближению кого-, чего-л.» [30].

Значения слова «флёр» следующие: «1. устар. Тонкая, прозрачная, преимущественно шелковая ткань. ‖ Тонкая, прозрачная траурная ткань черного цвета. 2. перен. Полупрозрачный покров,

пелена, дымка» [30] («Но больше всего, пожалуй, достается последней – происходящее там следует оценивать по гамбургскому счету: устоит ли евразийский тип цивилизации под натиском европоцентристского аналога или суперэтнический феномен русского и русскости исчезнет под флером исторического забвения?» [9, с. 168]).

Слово «супостат» имеет значения «1. устар. и высок. Неприятель, противник, враг. || Недруг. 2. прост. Негодяй, злодей. || Употребляется как бранное слово» [30].

Несмотря на отсутствие толкований данных лексем в текстах исследуемой языковой личности, из контекста выводится смысл употребляемых архаизмов (в современном языке у каждого есть современный синоним-эквивалент).

В-третьих, в статьях есть и разговорная лексика «хлам» [6, с. 220], «расхристанный» [6, с. 221], «задворки» [7, с. 117], «сродственники, столбят, тусовка» [8, с. 376], «чернухи, мокрухи, порнухи» [8, с. 377], «чистоган» [8, с. 378], «холуйство» [8, с. 381], «дебилизация» [10, с. 45].

Слово «хлам» трактуется следующим образом: «собир. Негодные старые вещи; старье, рухлядь. ||перен. Что-л. бесполезное, ненужное, засоряющее ум и душу человека» [30] («Может показаться, что наш выдающийся мыслитель А.А. Зиновьев в суждении об информационном хламе впадает в крайность» [6, с. 220]).

Слово «расхристанный» имеет значение «прост. В небрежно надетой, расстегнутой или разорванной одежде, растрепанный» [30] («…в) стиль изложения – «расхристанный» (особенно в названии – «Топор для рубки головы»), не адекватный трагическому случаю, с неуместной по ситуации иронией…» [6, с. 221]).

Слово «задворки» в анализируемых текстах употреблено в составе фразеологизма «◊На задворках чего – на заднем плане, в стороне» [30] («Здесь на ум приходит категоризм: держать в XXI в. культуру на задворках, как вчера, и тем более, делать ее тенью политики, как сегодня, для общественно-государственного устройства означает морально-психологическое самоубийство» [7, с. 117]).

Рассмотрим значение лексемы «чистоган»: «прост. Наличные деньги» [30] («Универсальное правило из мировой социальной практики, не раз уже проверенное и при капитализме, и при социализме, гласит: как только в духовную сферу чистоганом вторгаются деньги и начинают играть там главенствующую роль, то рано или поздно все загнивает на корню: и культура, и искусство, и спорт, и политика, и журналистика» [8, с. 378]).

Слово «холуйство» имеет значение «презр. Прислужничество, раболепство» [30] («Между тем холуйство прессы и лестолюбие власти никого, в конечном счете, к добру не приводили…» [8, с. 381]).

Новое образование «дебилизация» зафиксировано пока только в текстах современных публицистов и восходит к зафиксированным в словарях лексемам «Деби́льность, или дебили́зм, (от лат. Debilis – «слабый», «немощный») – самая слабая степень умственной отсталости, обусловленная задержкой развития или органическим поражением мозга плода, устаревший термин, не рекомендуемый к использованию. Впервые выделена Валантеном Маньяном в 1890 году» [30].

Гармоничное сочетание вышеназванных элементов на фоне межстилевой лексики создают неповторимый рисунок речи исследуемой языковой личности.

Выводы, к которым мы пришли в результате анализа текстов языковой личности, которая отражается в текстах, созданных Петром Николаевичем Киричком, следующие:

– в современном русском языке обнаруживается тенденция к сближению литературных элементов с разговорными в одном смысловом высказывании, будь то предложение или абзац, выступающий зачастую как период;

– в любом, даже научном, тексте отражаются тенденции, характерные для языкового процесса в целом;

– носители русского языка, относящиеся к старшему поколению, сохраняют традиции литературного словоупотребления, но при этом не чужды влиянию новых веяний языковой ситуации, когда высказывания даже в письменной речи представляют собой смешение разностилевых элементов;

– русская языковая личность, репрезентированная в текстах, отражает в полной мере те процессы, которые приводят к трансформации русского языка, расшатыванию прежних литературных норм, к насыщению заимствованиями в большинстве своём из английского языка (последний процесс не отражён в данной статье, но проанализирован в других публикациях автора о Петре Николаевиче Киричке как языковой личности).

Литература

1. Валеева Е.В. Аналоговая модель современного образования // Обсерватория культуры. – 2014. – №1. – С. 96–101.
2. Валеева Е.В. Гуманитарное образование сегодня: поиски новой методологии // Образовательные технологии. – 2017. – №1. – С. 33–41.
3. Валеева Е.В. Иномерный человек – новый идеал современника // Вопросы культурологи. – 2017. – №12. – С. 20–25.
4. Валеева Е.В. Интегрирующая концепция современного гуманитарного образования // Социология образования. – 2015. – №5. – С. 99–103.
5. Киричек П.Н. Пресса как агент социализации личности // III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. – М., 2020. – С. 387–394.
6. Киричек П.Н. Дискурс массмедиа в периметре социального управления // Современный дискурс-анализ. – 2018. – №3 (20). – С. 218–225.
7. Киричек П.Н. Журналистика в периметре культуры // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Всероссийской научной конференции. – 2018. – С. 113–121.
8. Киричек П.Н. Журналистика в системе информационного управления // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – №4. – С. 366–384.
9. Киричек П.Н. Коллизии «визуальности – духовности» в межкультурной коммуникации // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №1. – С. 167–177.
10. Киричек П.Н. Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. – 2018. – №12. – С. 40–47.
11. Киричек П.Н. Миссия журналистики в реверсе демократии // Журналістыка-2017: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы XIX Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. – 2017. – С. 7–11.
12. Киричек П.Н. Новое в трактовке журналистики и её миссии // Журналістыка-2019: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы XXI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Рэдакцыйная калегія: В.М. Самусевіч (адк.рэд.), А.У. Баранава, Г.І. Басава, Т.М. Дасаева, Н.А. Зубчонак, В.І. Іўчанкаў, А.Г. Слука, Н.Ц. Фральцова. – 2019. – С. 40–43.
13. Киселев А.Г., Шилина С.А. Социокультурный аспект сохранения самобытности переселенцев в Россию // Международная научно-практическая конференция «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств» (25–26 октября 2017 (Новозыбков, Россия). – Брянск: ООО «АВЕРС». – С. 45–53.
14. Киселев А.Г., Шилина С.А. Социолингвистические аспекты языковой ситуации в среде переселенцев // Уральский научный вестник. – 2016. – Т. 11. – №1. – С. 3–11.
15. Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Вариативность современного социогенеза: общество знания // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. – М., 2015. – С. 486–493.
16. Мамедов А.К. Методологические основания социального познания // Социология. – 2015. – №4. – С. 17–33.
17. Мамедов А.К., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: тенденции развития // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2. №4–1 (105). – С. 94–107.
18. Социология культуры / А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская, Э.Д. Коркия, О.А. Обрывалина, М.Е. Липатова // Сборник рабочих программ дисциплин по направлению подготовки 39.06.01 Социологические науки: направленность (профиль) – Социология культуры (уровень аспирантуры) / под общ.ред. А.К. Мамедова, О. А. Обрывалиной. – М., 2018. – 146 с.
19. Мельников С.Л., Шилин А.М. Управление образовательной деятельностью в режиме дистанционного обучения в свете современной социальной политики // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2020. –№5 (46). –С. 24–30.
20. Напалков С.В. О реализации проекта «Конструктор образовательных web-квестов» // Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.В. Арюткиной, С.В. Напалкова; Арзамасский филиал ННГУ. – Н. Новгород: Арзамас, 2015. – С. 107–110.
21. Напалков С.В. Формирование ценностного отношения подростков к русской культуре и традициям (опыт практической деятельности) // Русский универсум в условиях глобализации. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. Е.В. Валеева; отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал НГГУ; Фонд «Русский мир». – 2016. – С. 351–354.
22. Напалков С.В., Максимов А.И. Электронные образовательные ресурсы в обеспечении информационной безопасности России // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ. – 2017. – С. 341–342.
23. Фортунатова В.А., Валеева Е.В. Гуманитарная синергетика в системе образовательных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – №7–5 (14). –С. 100–102.

24. Фортунатова В.А., Валеева Е.В. Образовательная стабильность как фоновый фактор развития личности // Человек. – 2017. – №4. – С. 106–116.

25. Фортунатова В.А., Валеева Е.В. Проблема неявного знания в условиях образовательных перемен // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13. – №3. – С. 260–268.

26. Шилина С.А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 510–515.

27. Шилина С.А. Дискурсивные технологии в социологических исследованиях языковой личности (Пётр Николаевич Киричёк) // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – №1 (15). – С. 180–191.

28. Шилина С.А. Пётр Николаевич Киричёк как русская языковая личность советской и постсоветской эпохи: исследование дискурса // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. – 2018. – С. 244–247.

29. Шилина С.А. Рекламный текст как объект социологических исследований дискурса // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 502–509.

30. Словарь «Карта слов». – Режим доступа: https: // kartaslov.ru

Раздел 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Адем Ару
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
аспирант; e-mail: adem.aru@hotmail.com
Россия, г. Нижний Новгород

В работе осуществляется верификация когнитивных признаков концепта «дружба», выявленных на предыдущих этапах исследования, и обнаружение новых, характерных для бытования слов – репрезентантов этого концепта в фразеологическом фонде русского языка. Делается вывод, что фразеологическая репрезентация концепта отражает особую культурную ценность представления о дружбе для русской языковой картины мира.

Ключевые слова: *концепт «дружба»; анализ концептов культуры; русская языковая картина мира; фразеологическая репрезентация концептов; лингвокультурология.*

Работа представляет очередной этап комплексного лингвокультурологического описания концепта «дружба» в русской языковой картине мира. На данном этапе, в соответствии с принятой концепцией исследования, проводится анализ языковой объективации концепта в русских фразеологизмах.

В наше время в лингвистике доминирует антропоцентрический подход к исследованию языка в его отношении к ментальности и культуре этноса, центральным понятием которого является языковая концептуализация мира, лежащая в основе языковой картины мира народа [1–2]. Результатом языковой концептуализации мира и, соответственно, базовой единицей языковой картины мира является концепт [3–4]. Изучение концептов культуры является одним из основных направлений в современной лингвокультурологии [5–6]. В Нижегородской научной школе принята методология комплексного описания концептов на лингвокогнитивной основе [7–8], которая и используется в данной работе.

Анализ особенностей фразеологической репрезентации концепта представляется вполне закономерным шагом в процедуре его комплексного исследования, потому что именно фразеология языка в образной форме несет культурно-значимую информацию о ментальности этноса и национальном характере, о традициях, обычаях и нравах носителей языка, об их материальной и духовной истории [9–10]. В данной работе материалом для исследования являются данные русских толковых и фразеологических словарей [11–13].

Концепт «дружба» представляется одним из самых значимых в русской культуре, потому что выражает важные для русской языковой картины мира ключевые идеи искренности человеческих отношений, духовной близости между людьми, представления о товариществе, выручке и взаимопомощи [9–10]. На предыдущем этапе исследования внеязыкового содержания концепта в русской культуре по работам философов, писателей и публицистов, по данным фольклора и по энциклопедическим источникам, а также его смыслового наполнения в лексико-семантической системе русского языка в лексикографических источниках были выявлены следующие когнитивные признаки концепта «дружба» по трем компонентам: отношение – субъекты – процесс (всего 21 когнитивный признак):

I. Компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.;

1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);

1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного.

II. Субъектный компонент:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.)*

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности;

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи;

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*).

III. Процессуальный компонент:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять *(устар.)*;

3.5. Примиряться (*устар.*);

3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

В настоящей работе осуществляется верификация указанных, выявленных на предыдущих этапах исследования когнитивных признаков концепта «дружба», а также исследуется возможность обнаружения новых когнитивных признаков, характерных для бытования слов – репрезентантов этого концепта в фразеологическом фонде русского языка. Всего нами выявлено порядка 30 фразеологических единиц русского языка, или включающих лексемы *друг, дружба, дружить, дружеский* и пр. в свой состав, или имеющие семантику дружеских отношений на уровне фразеологического значения.

Сначала мы показали, что многие из выявленных ранее когнитивных признаков отражается и в фразеологизмах русского языка. Так, например, в фразеологизмах с лексемой *дружба* отражаются следующие когнитивные признаки компонента «чувство дружбы ↔ отношения дружбы». Фразеологизм ***не в службу, а в дружбу*** в значении ‘не по обязанности, а из чувства расположения’ [11–13] в общем соответствует выявленному ранее когнитивному признаку ‘1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу’. Этот же когнитивный признак выражается в следующих устойчивых сочетаниях с компонентом *дружба*: ***сделать что-л. из дружбы; сделать что-либо по дружбе; сделать что-либо в знак дружбы*** [12]. Другой аспект данного компонента «отношения дружбы» проявляется в значении таких фразеологизмов, как ***завязать дружбу с кем-либо*** ‘вступить в дружеские, приятельские отношения’; ***водить дружбу с кем-либо*** ‘поддерживать дружеские, приятельские отношения’ [12]. Последний фразеологизм имеет вариант, в который не входит компонент *дружба*: ***водить хлеб-соль*** (устар.) с тем же значением [13]. В фразеологических единицах компонент ‘дружба как отношение’ может получать добавочные смысловые характеристики, например, указание на интенсивность этого чувства (крепкая, прочная дружба), на его длительный срок (на всю жизнь) – ***дружба до гроба*** ‘крепкая дружба на всю жизнь’. Идея прочности, крепости дружеских отношений также выражается в фразеологизме, в котором не используется компонент с корнем *друг-*, но который в образной форме отражает это представление: ***не разлей вода*** ‘быть неразлучными, очень дружными’ [13]. Также в ряде фразеологизмов может нейтрализоваться разграничение дружбы как чувства и дружбы как отношения, например, фразеологизм ***жить в любви и дружбе*** [12] означает одновременно и ‘испытывать чувство дружбы по отношению друг к другу’ и ‘находиться в отношениях дружбы’.

Ранее было выявлено, что дружба может пониматься и как отношение между народами, странами, государствами, что нашло свое отражение в когнитивном признаке ‘1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между народами, странами, государствами’. Этот же когнитивный признак выражается и в некоторых фразеологизмах, например, ***дружба народов*** [11–13], а также ***дерево дружбы*** ‘символ отношений дружелюбия, взаимопонимания и т. п. между народами, странами, государствами’, ***поезда / рейсы дружбы*** ‘в СССР: туристические поездки в дружественные страны с какой-л. культурной или общественно-политической целью’ [12].

Анализ фразеологизмов с компонентом *дружба* позволил выявить и новые когнитивные признаки. Прежде всего это связано с значением устаревшего фразеологизма ***Сделай дружбу*** ‘*устар.* Выражение просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку’ [11]. Реальность выделенного когнитивного признака подкрепляется наличием другого фразеологизма, с компонентом друг: ***будь другом*** ‘для выражения усиленной просьбы’ [11]. Новый когнитивный признак можно сформулировать так: ‘1.5. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку’.

Еще один когнитивный признак, подчеркивающий обязательное наличие искренности для чувства дружбы или отношения дружбы, выражается как бы «от противного» в фразеологизме ***дружба дружбой, а табачок врозь*** ‘о неискренних отношениях’ [11–12]. Новый когнитивный признак можно сформулировать так: ‘1.6. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми’.

Еще одно обязательное условие дружбы — наличие доброй воли, с которой люди вступают в дружеские отношения. Это значение акцентируется «от противного» в фразеологизме, вместо *компонента* дружба использующем компонент *друзья*: ***набиваться в друзья*** ‘напрашиваться, навязываться на дружеские отношения с кем-либо, помимо его воли’ [11–12]. Это позволяет нам сформулировать еще один когнитивный признак: ‘1.7. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу’.

Нами также выявлен фразеологизм с ограниченной сферой употребления, который используется применительно к итогу спортивных состязаний, игр и под.: ***победила дружба*** – говорится о ничейном исходе матча, спортивной встречи, спортивного поединка или состязания, когда ни одна из сторон не получила преимущества, не выиграла, не одержала победы. Идея равенства результатов позволяет нам сформулировать новый когнитивный признак: ‘1.8. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон’.

Анализ фразеологизмов с компонентом *друг* позволяет верифицировать выявленные ранее когнитивные признаки субъектного компонента концептуального содержания «дружба». Основной когнитивный признак в этом компоненте ‘2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’ в фразеологизмах, как правило, получает дополнительные смысловые характеристики по признаку интенсивности и долгого срока дружеских отношений: ***закадычный друг*** ‘*прост*., иногда *ирон*. или *шутл*. Близкий, задушевный друг, приятель’ [12]. То же видим и для устойчивых сочетаний ***друг детства; друзья до гроба*** ‘до конца, до смертного часа’ [12]. В фразеологизмах этот когнитивный признак часто образно представляется через номинацию частей тела: ***рука друга; плечо друга*** [12].

Когнитивный признак ‘2.3. Приятель’ реализован в фразеологизме, где вместо компонента – слова *дружба* использовано прилагательное *дружеский*: ***быть на дружеской ноге*** ‘находиться в приятельских, дружеских отношениях’ [11–13]. Когнитивный признак ‘2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели’ отражен в фразеологизме ***в кругу друзей*** (= ***в дружеском кругу***) [11–12]. Когнитивный признак ‘2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности’ отражен в фразеологизме ***четвероногий друг*** [12]. Когнитивный признак ‘2.7. Постоянный посетитель дома, семьи’ отражен в фразеологизме друг дома ‘частый гость, пользующийся симпатией и доверием всего семейства’ [11]. Когнитивный признак ‘2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон*.)’ отражен в фразеологизме ***друг дома*** ‘о любовнике хозяйки дома’ [11]. Когнитивный признак ‘2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ отражен в фразеологизме ***друг ситный*** ‘*прост., пренебр*. Форма шутливо непринуждённого, фамильярного обращения к кому либо’ [11; 13].

Новые когнитивные признаки по результатам анализа фразеологизмов с компонентом *друг* связаны в основном с конкретизацией, уточнением общей идеи о товариществе, о сотрудничестве в каком-либо деле. Прежде всего это фразеологимз друзья по оружию, который изначально означал буквально ‘соратники, те, кто вместе воевал против общего врага’, а потом стал употребляться в переносном смысле, расширительно, применительно к любой ситуации взаимного сотрудничества. Таким образом, мы можем сформулировать еще два новых когнитивных признака: ‘2.12. Соратник, товарищ по оружию’; ‘2.13. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности’.

Еще один новый когнитивный признак отражен в фразеологизме ***друзья по несчастью*** ‘*разг., ирон*. тот, кто вместе с кем-либо связан общим несчастьем, общей бедой, попал в одну и ту же неблагоприятную ситуацию, неприятное положение’ [12]. Этот новый когнитивный признак можно софрмулировать следующим образом: ‘2.14. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных’.

Процессуальный компонент концептуального содержания «дружба», в норме выражаемый глаголами *дружить / дружиться* в русской фразеологии выражается в основном образованиями на базе рассмотренных выше субстантивных фразеологизмов с компонентами *дружба* и *друг*. Ср., например: ***друг дома → дружить домами***; ***дружба до гроба → друг до гроба → дружить до гроба*** [11–13]. В основном они выражают следующие, выявленные ранее когнитивные признаки: ‘3.1. Быть,

находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни'; '3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни'.

Возможность выявления нового процессуального когнитивного признака связана с переносно-метафорической семантикой фразеологизма ***не дружить с головой*** 'быть ненормальным, сумасшедшим'. Наличие данного фразеологизма позволяет нам рассматривать глагола *дружить* как выразителя идеи нормального, правильного функционирования чего-либо, когда работа всех частей, компонентов согласована между собой. Новый когнитивный признак можно сформулировать так: '3.7. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого'.

В результате проведенного исследования мы получили возможность уточнить смысловое наполнение концепта «дружба» и расширить его смысловой объем за счет включения новых когнитивных признаков, полученных благодаря анализу значений фразеологизмов. Совокупный смысловой объем концепта «дружба» с учетом новых данных представлен ниже (выделены новые когнитивные признаки):

I. Компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.;

1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);

1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного;

1.5. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку;

1.6. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми;

1.7. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.8. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон.

II. Субъектный компонент:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.)*;

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности;

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи;

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон*.);

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн*.);

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг*.);

2.12. Соратник, товарищ по оружию;

2.13. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности;

2.14. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных.

III. Процессуальный компонент:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен*.);

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять *(устар.)*;

3.5. Примиряться (*устар*.);

3.6. Покровительствовать, помогать (*устар*.).

3.7. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого.

Итоговый смысловой объем концепта «дружба» составил 29 когнитивных признаков.

В целом проведенный анализ фразеологической репрезентации концепта «дружба» позволяет наметить перспективы дальнейшего исследования, связанные с уточнением семантического наполнения и возможным расширением смыслового объема концепта «дружба» посредством анализа особенностей системно-языковой объективации концепта (парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей и отношений слов – его репрезентантов).

Литература

1. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – №1 (13). – С. 239–265.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. – М.: Икар, 2000. – 312 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. – 375 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.
6. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6–2. – С. 130–135.
7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. – 2017. – №2. – С. 33–39.
8. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллект. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 325 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
10. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. [БАС]. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 3. – 1954. – 700 с.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская Энциклопедия, 1968. – 543 с.
14. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

СТРАТЕГИЯ *DE RE* В МОДЕЛЯХ МАНИПУЛЯТИВНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я.Г. Баженова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, преподаватель; e-mail: nusya-777@mail.ru

Россия, г. Нижний Новгород

Работа посвящена анализу особенностей реализации стратегии de re в числе основных моделей манипулятивной диалогической коммуникации в русской устной речи. Стратегия de re заключается в последовательной реализации установки говорящего на переформулирование слов адресата в соответствии со своими воззрениями, целями и интересами.

***Ключевые слова**: языковое манипулирование; речевые стратегии; стратегия «de re»; модели диалогической коммуникации; русская устная речь.*

В работе представлены некоторые промежуточные результаты предпринятого нами исследования моделей языкового манипулирования в диалогической коммуникации, реализуемой в современной русской речи. В числе активных процессов в современном русском языке и особенностях его речевой реализации немаловажную роль занимает использование механизмов манипулятивного речевого

воздействия в дискурсах разного типа [1–2]. Рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования представляется в наши дни особенно актуальным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей в современную эпоху. Весьма примечательно в этом плане возникновение такого особого междисциплинарного направления в лингвистических исследованиях, как теория речевого воздействия [3]. В рамках этой теории манипулятивное воздействие рассматривается комплексно, как в лингвокогнитивном и коммуникативно-дискурсивном [4–5], так и в лингвокультурологическом [6–7] освещении.

Языковое манипулирование – это использование особенностей языка и принципов его речевой реализации с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. В коммуникативной ситуации языкового манипулирования возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с теми, которые слушающий мог бы сформировать самостоятельно. Обязательным признаком манипуляции является тот факт, что адресат не осознает ни самого события манипулирования, ни его содержания и направленности.

В числе наиболее активных коммуникативных стратегий языкового манипулирования следует рассматривать так называемые «приемы языковой демагогии», внимание исследователей к которым одними из первых привлекли Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (сам термин, согласно данным Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелеву, принадлежит Т.М. Николаевой) [8]. Отдельные аспекты этой проблематики затрагивались в монографии [9].

Итак, в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева под «языковой демагогией» понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [8, с. 461]. Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что «речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо “в лоб”, а замаскировано» [там же, с. 461]. Основным признаком языковой манипуляции является то, что адресат не осознает ни самого факта манипулирования, ни его содержания, характера и направленности. Тем самым адресат целенаправленно лишается возможности критически оценить сообщение.

В указанной книге Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева выделяются следующие виды демагогических приемов: (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликатур; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками; (7) «магия слова» [там же, с. 462–477].

В настоящей работе исследуется лишь один, на наш взгляд, самый показательный прием речевой демагогии, который именуется «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [8, с. 472]. В основе этого приема лежит использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*. Материалом исследования являются текстовые данные Национального корпуса русского языка. Как нам представляется, предпринятое исследование потенциально имеет существенную практическую значимость, которая связана с возможностями применить его результаты в практике работников медийной сферы, рекламы и PR [10], а также в деятельности по производству разного рода лингвистических экспертиз по выявлению фактов использования манипулятивных технологий в спорных текстах [11–12].

Значимость моделей языкового манипулирования в мировой культуре была осознана еще на заре человеческой цивилизации. В Библии, в античных мифах и фольклоре разных народов нам известны культовые образцы героев-манипуляторов (змей, искушавший Еву, гомеровский Одиссей, лиса из русских народных сказок и пр.). В рамках античной философии было создано целое искусство манипуляций на научной основе, которое получило наименование «софистика». Что же касается интересующего нас манипулятивного приема использования стратегии *de re*, то и эта оппозиция двух стратегий (*de re* и *de dicto*) известна уже в античности и впервые была осмыслена в древнеримской риторике (что можно видеть уже из использования латинских слов для названия стратегий). В наши дни, как уже было сказано выше, языковые механизмы манипулятивного использования стратегии *de re* были подробно освещены в монографии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (1997) [8].

Итак, еще в античной риторике были известны две возможные речевые стратегии в передаче чужого мнения или в описании какой-либо ситуации: стратегия *de dicto*, в соответствии с которой

ситуация излагается объективно, «как она есть», а чужое мнение передается адекватно (эту стратегию можно считать нормальной, т.е. кооперативной), и стратегия *de re*, при которой ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении, а чужое мнение переформулируется в соответствии с исходными посылками и оценками самого говорящего (именно такая стратегия может считаться демагогической, манипулятивной): «Стратегия de dicto направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия de re всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [8, с. 474]. Языковые механизмы реализации этих коммуникативных стратегий заключаются в особом выборе номинаций или в перетолковании говорящим значений слов, использованных адресатом, в соответствии со своими воззрениями, целями и интересами: «При стратегии de dicto говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации de re говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности» [6, с. 472].

Далее, на примерах диалогов из Национального корпуса русского языка, мы покажем некоторые, на наш взгляд, самые примечательные коммуникативные схемы реализации стратегии *de re* посредством использования различных языковых механизмов.

(1) Самым простым языковым механизмом реализации стратегии *de re* является лексическая замена – переименование какого-либо исходного понятия в зоне говорящего на его синоним или квазисиноним, более точно, по мнению отвечающего, соответствующего описываемой в диалоге ситуации: *– Крутая* ***вечерина****? // – Да нет, – стала раздражаться Снежана. –* ***Крутая вечерина*** *– это совсем другое. А тут –* ***порно-пАти*** [НКРЯ – Запись LiveJournal (2004)].

В результате возможна наведенная в контексте антонимия между словами, которые в языке антонимами не являются, что на синтаксическом уровне поддерживается фигурой антитезы: *– Неужели люди такие* ***дураки****? //* ***–*** ***Они не дураки****, – покачала Тишка головой, –* ***они дети*** [НКРЯ – Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]. Подобные случаи мы относим к **собственно лексическим механизмам** реализации стратегии *de re*.

(2) К **семантическим механизмам** реализации стратегии *de re* можно отнести случаи разнообразного использования приема амфиболии (обыгрывания многозначности), когда в реактивной реплике отвечающего реализуется не то значение слова, которое заложил инициатор диалога, а то, которое, по тем или иным причинам, нужно самому отвечающему: *– Какой русский не любит быстрой* ***езды****? // – Тот, на котором* ***ездят*** [НКРЯ – Коллекция анекдотов: армянское радио (1970–2000)]. Здесь в реплике отвечающего каламбурно реализовано разговорное метафорическое значение глагола *ездить (верхом) на ком-л.* ‘подчинять своей власти, использовать кого-л. в своих интересах’.

Игра на многозначности может быть вызвана тем, что в пределах одного диалогического контекста сталкиваются разные синтаксические функции одного и того же выражения, употребленного в зоне говорящего и в зоне отвечающего, например: *Запретив себе злиться среди такой красоты, Мира устало вздохнула: – Слушай, что ты* ***от меня хочешь****? // – Ничего, – отрезал Эви. – Я* ***есть хочу*** [НКРЯ – Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]. Здесь в первой реплике глагол *хочешь* употреблено в функции полнознаменательного слова – простого глагольного сказуемого (значение ‘что тебе от меня нужно’), а во второй реплике глагол употреблен в роли вспомогательного модального глагола в составном глагольном сказуемом, не предполагающего валентности на источник (от кого).

К **семантическим механизмам** реализации стратегии *de re* можно также отнести различные случаи **буквализации** исходного выражения, которое в зоне инициатора диалога было употреблено в режиме косвенного речевого акта, т.е. в режиме небуквальной интерпретации: *– Владик, ну что ты со своим профессором носишься?* ***Кому это интересно****? //* ***–*** ***Тебе****. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого…* [НКРЯ – коллективный. Тайник // «Огонек». №№5–6, 8–13, 1970]. Выражение *Кому это интересно?* в речевой зоне инициатора диалога употреблено как языковая формула, в форме риторического вопроса конвенционально выражающая значение ‘это никому не интересно’. Ответная реплика *тебе* восстанавливает исходное, прямое значение этого вопроса ‘Какому лицу это может быть реально интересно?’.

(3) К **лексико-синтаксическим механизмам** реализации стратегии *de re* относятся случаи перифразирования исходного понятия в речевой зоне говорящего или экспликации его дефиниции в нужном для отвечающего ключе: *– Я понял, что означает объявление в этом отеле: «****Комнаты от одного фунта и ниже****». // – И что же это означает? // – Я решил сэкономить,* ***снял комнату за один фунт и всю ночь просидел в тёмном подвале*** [НКРЯ – Коллекция анекдотов: гостиница (1970–2000)].

Возможно столкновение в одном и том же диалогическом контексте двух разных перифрастических описаний или дефиниций одного и того же понятия: *– Знак того, что ты принесешь*

в этот дом ***благополучие*** *–* ***это то, что твой папка — гендиректор какой-нибудь фирмы с оборотом в пятнадцать миллиардов в год****, – фыркает Андрей. // – По-моему,* ***это хуже, чем кормить кого-то медом с ложечки****. // – Почему это? // – Потому что* ***с таким отцом совершенно не имеет смысла выходить за кого-то замуж и кормить чужих людей почти с ложечки постоянно****, – пожимаю я плечами* [НКРЯ – Евгения Мищерская. Тревога // «Волга», 2015]. В данном примере мы видим, как с помощью развернутых эксплицированных дефиниций своего понимания благополучия отвечающий аргументирует довольно спорную мысль, идущую в разрез с общепринятым толкованием этого понятия.

Установка на переименование понятия с помощью развернутой дефиниции может эксплицироваться отвечающим с помощью разного рода метаязыковых показателей типа ***Назовем это…, Я бы назвал это…; Я бы сформулировал это…*** и под.: *– А я не желаю с вами* ***беседовать****! //* ***– Тогда назовем это иначе****. Вы дадите мне некоторые показания, которые необходимы как формальность, хотя мне уже все ясно* [НКРЯ – Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)].

(4) К **собственно синтаксическим механизмам** реализации стратегии *de re* относится один из самых распространенных приемов – использование метаязыковых показателей (маркеров) переключения точки зрения. В этих случаях может использоваться модель типа **У X это называется Y**: *– Били? //* ***– У них это называется «поучили»****. Преподали, так сказать, урок. // Он снова усмехнулся, на этот раз намеренно криво, и Печигину показалось, что углы его лица трутся друг о друга с непрошедшей болью, от которой дёргается, щуря глаз, левое веко* [НКРЯ – Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].

Разновидностью указанной модели выступает модель параллельных конструкций типа **По-твоему, X – по-моему, Y**; *– Всяк изощряется над ним и всяк вмале не пинком сопровождает его. Тут же, в толковании сем, я равен вельможе. Ибо ум! // Центральный лишь головой покачал с досадой: //* ***– По-твоему****, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии,* ***а по-моему****,* ***это скандал и несчастие****. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум!* [НКРЯ – Ольга Заровнятных. Густота // «Волга», 2011].

(5) К **собственно прагматическим механизмам** реализации стратегии *de re* относится манипулятивное использование «коммуникативной стратегии выхода на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога, в результате чего значение слова изменяется в нужном говорящему ключе: *– Да, так вот, если* ***следователь*** *не способен понять всего этого, ему у нас делать нечего, пусть идёт в милицию. Там всегда нужда в честных и исполнительных. А нам нужны* ***творцы****. //* ***– Так, значит, следователь – творец?*** *– спросила она* [НКРЯ – Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]. В этом примере мы видим, что в некоторых случаях использование стратегии *de re* имеет и положительный момент, связанный с установлением определенного алогизма в словах инициатора диалога (в нашем случае, вполне оправданно сомнение отвечающего в том, что следователей НКВД можно называть творцами в общепринятом смысле), т.е., по сути, с возвращением словам языка их истинной референции, общепринятых значений, но это все равно не отменяет манипулятивности подобного приема.

В работах И.А. Кузнецова показано, что манипулятивная стратегия *de re* может быть реализована не только с использованием эксплицитных языковых средств, но и посредством эксплуатации имплицитных механизмов языка, что, собственно, и позволяет также отнести такие механизмы к **собственно прагматическим**. Это может быть, например, использование просодических средств выражения актуального членения предложения, с помощью которых отвечающий манипулятивно подменяет тему и рему исходного высказывания инициатора диалога в своей ответной реплике: *– И зачем тебе меня такую* ***видеть****? // – А* ***какую*** *я тебя еще могу увидеть?* [НКРЯ – Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]. «Здесь манипулятивно заряженная стратегия *de re* реализуется посредством мены темы и ремы в ответе. Рематический компонент вопроса (запрашиваемая в нем новая информация) связан с глаголом *видеть*, а в реактивной реплике отвечающий отвечает на тематический компонент («*такую*»), тем самым подстраивая содержание вопроса под свое видение и избегая содержательного обсуждения неудобной для него темы» [13, с. 207].

В примере: *– Что ты хочешь* ***получить взамен****? // – Я скажу, чего я* ***не хочу*** *получить, великий хан* [НКРЯ – Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)] – отвечающий также манипулятивно реагирует не на рему (*получить взамен*), а на тему (*хочешь*), тем самым получая возможность вместо ответа высказать свою позицию по поводу того, о чем его не спрашивали.

В целом наше исследование показало значительное разнообразие коммуникативных схем и языковых механизмов реализации манипулятивной стратегии *de re* в диалогической коммуникации на русском языке. При этом все разнообразные приемы «языковой демагогии» на основе данной манипулятивной стратегии имеют существенный общий компонент. Все они так или иначе нарушают принцип кооперации Г.П. Грайса [14, с. 217–237], когда адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Литература

1. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: колллект. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 325 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – 285 с.
3. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное пособие. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – 228 с.
4. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – №1 (13). – С. 239–265.
5. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. – 375 с.
6. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: сб. научн. трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Институт языкознания РАН. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 24–45.
7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. – 2017. – №2. – С. 33–39.
8. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
9. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. – М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – 592 с.
10. Иссерс О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – №2. – С. 243–256.
11. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №6. – С. 146–149.
12. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №3 (2). – С. 18–21.
13. Кузнецов И.А. Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи: дисс. … канд. филол. наук / ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2020. – 245 с.
14. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред.. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

РУССКИЙ ПРЕДЛОГ *ЧЕРЕЗ* И ЕГО АНГЛИЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

О.В. Волгина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.ф.н.; e-mail: ovolgina14@mail.ru

Россия, г. Арзамас

В статье рассматривается семантика русского предлога ***через****, организация сети его значений в сопоставлении с английскими эквивалентами этого предлога. Значения русского и английских предлогов пересекаются лишь частично, и выбор английского эквивалента обусловлен не только характером метафорического переноса значения предлога, но и концептуальной схемой его употребления.*

Ключевые слова: *русские предлоги; английские предлоги; семантика предлогов; многозначные предлоги, пространственная метафора.*

Предлог **через** в русском языке является многозначным. Толковые словари выделяют у него не меньше шести значений [1]. Существует много теорий организации значений многозначных предлогов, но в случае с предлогом **через** можно применить теорию пространственной метафоры, или пространственного прототипа [2]. В последнем случае подразумевается, что в центре семантики многозначного

предлога есть некий зрительный образ, называемый прототипом. Он необязательно должен быть пространственным, но для предлога **через** речь идёт именно о первичности пространственной семантики по отношению к другим значениям. Сходная идея выражается в теории пространственной метафоры [3, с. 19–20], утверждающей связь значений многозначного предлога посредством метафорического переноса с пространства локализации на другие виды пространств: временное, таксономическое, социальное и другие.

Сеть значений предлога **через** организована именно таким образом. В центре её находятся пространственные значения, вокруг которых группируются значения времени, меры и причины. Собственно пространственная семантика **через** также разнообразна, у него выделяются три пространственных значения, одно из которых локативное, два – директивные. Между этими тремя значениями самая тесная связь, осуществляемая по модели метафорического переноса.

Директивные значения предлога **через** связаны с движением, распространением процесса от исходной точки до конечной. Е.А. Рейман называет такие отношения семантикой трансгрессии [4, с. 144]. Значение предлога **через** связано с понятием препятствия или промежуточного этапа на пути движения.

В ряде случаев предлог в его директивном значении передаёт такое движение объекта, при котором между исходной и конечной точками движения находится некий промежуточный этап. Это может быть предмет, среда, территория, состояние. Этот промежуточный этап и выступает в роли ориентира для предлога **через**. Например:

*Протереть желтки **через** сито* (предмет) (Здесь и далее все русские примеры из [5]);

*Он прошёл **через** зал* (территория)*;*

*Оркестр **через** кусты сирени звучал, как **через** толстое стекло* (среда).

Этим промежуточным этапом пути может быть само расстояние пройденного пути, в этом случае указывается мера расстояния:

*Метров **через** сто слонёнок добрался до конца тоннеля.*

Предмет, служащий препятствием, может восприниматься как среда, сквозь которую проходит объект, или как отверстие, позволяющее объекту перемещаться в какой-либо среде:

*Мы пролезли **через** дырку в заборе;*

*Я **через** горло вдыхаю воздух;*

*Весенний ветерок, влетая **через** форточку в комнату, не откажет себе в удовольствии звонко поиграть со множеством весёлых подвесок-подсолнухов.*

На пути предмета вместо промежуточного этапа может выступать препятствие. В этом случае движение может проходить не только по этому препятствию, но и над ним. Таковы контексты с глаголами *перелезать, перепрыгивать, перебираться, перешагивать, бросать* и т.п. и существительными с той же семантикой, например:

*Перелезал **через** разбитый газетный киоск, **через** груду растрёпанных чемоданов, **через** исковерканные велосипеды;*

*Огромный кострище с играми вокруг и отчаянными прыжками смельчаков (правда, **через** затихающий огонь).*

В директивном значении русскому предлогу **через** в английском языке соответствует предлог **through**. Он также передаёт движение, распространение процесса через промежуточные стадии или препятствия, например:

*They walked slowly **through** the woods* (они медленно шли через лес) (Здесь и далее все английские примеры из [6], перевод автора статьи).

*We drove **through** the tunnel* (Мы проехали через тоннель).

Однако употребление этого предлога обязательно требует, чтобы ориентир был трехмерным, т.е. имел не только длину и ширину, но и высоту. С «плоскими» ориентирами, такими как поле, река, территория и т.п. употребляется предлог **across,** например:

*She walked **across** the field* (Она прошла через поле);

*They're building a new bridge **across** the river* (Через реку строят мост).

Предлог **through** не употребляется в тех случаях, когда траектория движения проходит над препятствием. Такие случаи описываются предлогами **across** или **over**, например:

*She jumped **over** the gate* (Она перепрыгнула через калитку);

*The road goes **over** the mountains, not through a tunnel* (Дорога проходит через горы, а не через тоннель);

We drove **across/over** the bridge (Мы проехали через мост).

В отдельных случаях качестве соответствия директивному **через** в английском языке может употребляться предлог by, например:

*We went in **by** the front door* (Мы вошли через парадную дверь).

Локативное значение предлога **через** во многом схоже с директивным, что позволяет в данном случае говорить пространственной метафоре. Предлог **через** в локативном значении выражает такое расположение объекта, при котором ориентир выступает в роли препятствия или заполняет (частично или полностью) пространство между объектом или некоторой референциальной точкой.

*Дом Зверкова находится в двух шагах от места, где снимал квартиру Достоевский, а **через** дорогу снимал каморку под крышей Родион Раскольников;*

*Ну, сосед у меня есть, напротив живет, **через** площадку;*

Вот и мост **через** железнодорожную ветку.

В английском языке в качестве соответствия предлогу **через** в локативном значении употребляется **across**, а в американском английском также **across from** (через дорогу от):

*The Ponte Vecchio is a beautiful old bridge **across** the river Arno in Florence* (Понте-Веккьо – прекрасный старинный мост через реку Арно во Флоренции);

*The pharmacy is **across from** the Town Hall* (Аптека находится через дорогу от мэрии).

Круг ориентиров в контексте локативного предлога **через** достаточно ограниченный. В качестве ориентиров употребляются только указания на расстояние до объекта, в том числе предметы, которые могут выступать в качестве меры расстояния (например, ***через** улицу, **через** три дома, **через** площадку*). При этом объект располагается на противоположной от наблюдателя стороне ориентира, но не на расстоянии от него. Сочетания типа ***через** реку, **через** холм* и т.п. невозможны в контексте местоположения (хотя и вполне допустимы в директивных контекстах), вместо них употребляются ***за** рекой, **за** холмом*, так как могут обозначать нахождение на любом расстоянии от объекта с противоположной стороны от ориентира (***за** рекой* – необязательно означает на самом берегу).

В английском языке этот фактор не влияет на выбор предлога, в таких случаях учитывается двухмерность или трёхмерность объекта, например: *he lives **across** the road (он живёт через дорогу – двухмерный объект); he lives **over** the hill* (он живёт за холмом – трёхмерный объект).

Через как временной предлог выражает значение постериального следования. При этом в качестве временного ориентира указывается срок, временной промежуток, спустя который что-либо происходит. Это значение предлога непосредственно связано с теми директивными употреблениями этого предлога, где в качестве ориентира указывается расстояние между началом и концом траектории движения объекта. Здесь также явно прослеживается метафорическая связь значений предлога. Временные употребления предлога **через** являются очень употребительными:

***Через** три года едем в Лондон;*

***Через** неделю вернусь;*

*И ещё **через** небольшую паузу обращается к зрителям.*

В этом случае английскими эквивалентами предлога **через** служат предлог **in**, например:

*Dinner will be ready **in** ten minutes* (Ужин будет готов через десять минут);

*I'm just setting off, so I should be with you **in** half an hour* (Я как раз выхожу, так что буду у тебя через полчаса).

Метафорический перенос наблюдается и при употреблении предлога **через** для указания на средство, посредника. В этом случае директивное значение переосмысливается таким образом, что ориентир играет роль промежуточного этапа в социальных отношениях, развитии какого-либо процесса, распространении информации и др., например:

*Только пятая или шестая часть всех переводов осуществлялась **через** официальные каналы* (промежуточное звено процесса);

*О клубе **через** наш журнал узнала московский художник-дизайнер Виктория Анатольевна Королева* (источник информации);

*Платёж можно сделать не только в отделении банка, но и **через** телефон, интернет* (средство осуществления действия);

*Вы познакомились **через** знакомых* (посредники в социальных отношениях).

В этом значении в качестве английских соответствий предлога **через** могут выступать **through, via:**

*I got my car **through** my brother who works in a garage* (Я достал свою машину через брата, который работает в автосервисе).

The performers tell the story ***through*** *song and dance* (Исполнители рассказывают историю через песню и танец).

I only found out about it ***via*** *my sister* (Я узнала об этом только через свою сестру).

Разумеется, в каждом из описанных случаев есть более детальные различия в употреблении русского и английских предлогов, касающиеся ограничений на сочетаемость предлога с определенными лексическими единицами. Анализ таких случаев должен быть предметом отдельного подробного рассмотрения.

Таким образом, русскому предлогу **через** в разных его значениях могут соответствовать разные английские предлоги **(through, across, across from, over, by, in, via)**. Выбор английского эквивалента обусловлен не только характером метафорического переноса значения предлога с пространства локализации на другие виды семантических пространств. Он связан в том числе и с концептуальной схемой употребления предлога [7, с. 84, 87], с различными пространственными характеристиками объектов и действий. Так, для описания значений русского предлога **через** ключевым является понятие промежуточного этапа и препятствия на пути объекта. Для выбора его английского соответствия релевантны многие различные свойства объектов и ориентиров, вместе составляющие фрагмент пространственной картины мира.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с. – URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&word= (дата обращения: 10.02.2021).

2. Langacker R. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 405 p.

3. Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. – 1994 – №5. – С. 19–27.

4. Рейман Е.А. Английские предлоги: Значения и функции. – Л.: Наука, 1982. – 240 с.

5. Национальный корпус русского языка. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2021).

6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 10.02.2021).

7. Маляр Т.Н. Некоторые особенности описания пространственных отношений в английском языке // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики. – М.: Изд-во МПГУ, 1998. – С. 84–87.

ДОШКОЛЬНИК И СЛОВО: ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

И.В. Гурова[1], М.К. Шеина[2]

Самарский государственный социально-педагогический университет,

[1]к.ф.н., доцент; e-mail: gurova@pgsga.ru,

[2]магистрант; e-mail: sheina.margarita@psga.ru

Россия, г. Самара

В статье исследуется проблема формирования основ лингвистической креативности у детей дошкольного возраста. Характеризуются подходы к выявлению типов инноваций в речи ребёнка. Предлагаются творческие задания, привлекающие внимание дошкольников к разным аспектам слова.

Ключевые слова**:** *дошкольники; слово; инновации детской речи; лингвистическая креативность; русская лингвокреативность; лингвокреативное мышление.*

Появление понятия «лингвокреативность» связано с двумя направлениями научных изысканий: 1) анализ творческого потенциала языка и 2) изучение креативных способностей человека как языковой личности.

С.А. Медник определяет лингвистическую креативность как «совокупность знаний о языке и нетривиальный подход носителя языка к их использованию» [7, с. 220]. Лингвистическая креативность, согласно концепции Т.В. Устиновой, представляет собой комплекс способностей к созданию новых идеальных продуктов с помощью средств языка и продуцированию высказываний на базе дивергентного мышления. Названный комплекс способностей связан со стремлением человека к творческой речевой деятельности [8, с. 213].

В настоящем исследовании разделяем точку зрения Т.А. Гридиной, рассматривающей лингвистическую креативность как особую форму выражения способностей личности к использованию потенциала языка для восполнения «недостатка» номинативных средств, а также в ситуациях языковой игры [2, с. 6].

В статье решается ряд задач:

1) изучается русская лингвокреативность в онтолингвистическом аспекте;

2) характеризуются подходы к выявлению типов детских речевых инноваций;

3) определяются предпосылки к организации работы по формированию основ лингвистической креативности у детей старшего дошкольного возраста;

4) обосновывается выбор творческих заданий для дошкольников на языковом материале.

Исследователи детской речи неоднократно отмечали живой интерес к слову, который наблюдается в дошкольном возрасте. К.И. Чуковский писал: «Для нас все слова уже готовы, скроены и сшиты <…> А у детей – это мастерская – всё мерится и шьётся, творится каждую минуту заново, каждую минуту сначала, – всё вдохновение и творчество» [11]. Апеллируя к работам Д. Слобина, называющего словесные инновации детей «маленьким русским чудом», С.Н. Цейтлин утверждает, что ребёнок, овладевающий русским языком, отличается особой лингвокреативностью, связанной со спецификой языка: «Русский язык, в отличие, например, от английского или немецкого, характеризуется сложно организованной системой правил, управляющих словообразовательными и формообразовательными процессами» [10, с. 168].

Т.А. Гридина указывает на явственно проявляющуюся в период дошкольного онтогенеза характерную для детской речи «инновационность» и «спонтанную компенсаторную креативность». По мнению учёного, сознанием дошкольника во многом управляет «языковой инстинкт», который подсказывает ему креативное решение в ситуации когнитивного и лексического дефицита. Вместе с тем, у детей этого возраста проявляется способность к преднамеренной языковой игре. Таким образом, с точки зрения Т.А. Гридиной, «ребёнок развивается как “личность говорящая” в поле языковых возможностей» [3, с. 69].

Осуществлённый нами анализ позволил выделить три подхода к выявлению типов инноваций в речи детей:

1. По уровням языка (С.Н. Цейтлин): словообразовательные, формообразовательные (морфологические), лексико-семантические, синтаксические.

2. По сферам речевой деятельности (С.Н. Цейтлин): инновации в продуцировании речи и инновации в восприятии речи [10, с. 164–167].

3. По характеру ассоциативного механизма установления некой аналогии ad hoc (к случаю) и её корреляции с потенциальным системным регистром формо-, слово-, смыслообразования (Т.А. Гридина) [3, с. 70]:

а) фонетические инновации детской речи выявляют механизм смысловых ассоциативных сближений по созвучию (заметим, что артикуляционные дефекты произношения к инновациям не относятся); например: *Я драчистый изумруд* (здесь и далее примеры из нашей картотеки языкового материала. – И.Г., М.Ш.). Так, Ира (5 лет) предложила оригинальную шуточную версию понимания воспринимаемой ею на слух строчки из сказки А.С. Пушкина: *Белка песенки поёт / Да орешки всё грызёт, / А орешки непростые, / Все скорлупки золотые, / Ядра – чистый изумруд…* Наблюдаем омофоническое переразложение границ слова. Ассоциативная замена объясняется актуальным для ребёнка родительским вокативом *золотце*; *драчистый* в детской интерпретации означает *блестящий* («чистили до блеска»);

б) мотивационные инновации детской речи отражают стремление дошкольника установить связь между звуковым обликом номинации и тем, что она обозначает: *Конфету назвали «Одуванчик», потому что её делают из одуванчиков* (Ира, 5 лет); проявляются в создании собственных слов по аналогии: *войнист* – солдат на войне (Серёжа, 4 года); *грёбла* – вёсла (Ксюша, 4 года);

в) семантические инновации детской речи соотносятся с образно-эвристической доминантой языкового сознания ребенка: *кулик* – кули делает (Серёжа, 5 лет). Креативность ребёнка состоит также в создании непреднамеренных и преднамеренных сравнений и метафор: *дятел стучит, как молоток* (Никита, 5 лет); *носики* – о семенах клёна (Ира, 5 лет). На появление изобразительно-выразительных средств в высказываниях детей может оказывать влияние речь педагога, а также прослушанные / прочитанные произведения фольклора; см., например, исследования Е.П. Иванян [5]; Л.А. Климковой [6];

г) грамматические инновации детской речи отражают способность ребёнка к созданию словоформ по определённой модели: *диванчата* – кресла (Никита, 4 года);

д) словотворческие инновации детской речи свидетельствуют о конструктивном характере овладения языком: *Я сегодня бубликоежка* (Ира, 6 лет).

Речевые инновации детей сопоставляются с другими видами формо- и словотворчества: оказионализмами в художественной речи, контролируемыми и не контролируемыми сознанием неузуальными словами и формами в разговорной речи взрослых; ошибками инофонов, изучающих русский язык [10, с. 165–166].

В течение трёх лет на базе частного образовательного учреждения «Школа “Творчество”» г.о. Самара (структурное подразделение «Детский сад “Капелька”») нами проводится педагогический эксперимент по формированию основ лингвистической креативности у детей старшего дошкольного возраста [4; 12]. М.К. Шеина, один из авторов статьи, представила в 2020 г. на областной конкурс «Молодой учёный» результаты исследования «Развитие речевого творчества детей на базе игровых тренингов в дошкольных образовательных организациях Самарского региона» и стала победителем в номинации «Студент». Научный руководитель работы – к.ф.н., доцент кафедры дошкольного образования Самарского государственного социально-педагогического университета И.В. Гурова.

Мы исходим из объективно существующих предпосылок к организации работы по формированию основ лингвистической креативности детей: 1) словотворчество – обязательный этап в овладении ребёнком родным языком; 2) выявленное в ходе констатирующего этапа стремление к преднамеренной языковой игре у 15% старших дошкольников. Важно, что на необходимость развития речевого творчества детей указывает Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) [9].

В основу создаваемых нами творческих заданий легли идеи Т.А. Гридиной о возможности стимулирования лингвокреативного мышления ребёнка в специально созданных условиях. На занятиях применяем игры со словом; задания, связанные с решением нестандартных языковых задач; побуждаем дошкольников к сознательному эксперименту со словом.

Лингвокреативное мышление характеризуется несколькими составляющими: вербальная оригинальность и гибкость – способность к установлению отдалённых ассоциаций, переключению ассоциативного регистра восприятия готовых знаковых форм [1, с. 16]; вербальная беглость – быстрота и количество выдаваемых ответов.

Приведём примеры творческих заданий на разном языковом материале, направленных на формирование вербальной оригинальности, гибкости и беглости.

I. Поэт А. Шибаев написал для детей стихотворение:

О твёрдом камне говорит
И слово твёрдое: гранит.
А для вещей, что мягче всех,
Слова – помягче:
Пух,
Мох,
Мех.

–Придумайте свои «твёрдые» и «мягкие» слова. Что они обозначают?

II. Поэт А. Шибаев написал стихи о буквах-зорницах:

Неизвестно, как случилось,
Только буква заблудилась:
Заскочила в чей-то дом
И – хозяйничает в нём!

*Жучка бу**д**ку не доела:*
Неохота. Надоело.

Мы собирали васильки.
*На головах у нас – **щ**енки.*

–Какие буквы заблудились?

–А какая буква могла заблудиться в слове «звери»?

Закричал охотник: – Ой!
***Звери** гонятся за мной!*

– Нарисуйте эту юмористическую картину.

III. Отгадайте рифмованные загадки:

Рано-рано поутру
Расцвела ***ромашка****,*
Распахнула на ветру
Белую… ***(рубашку).***

По дороге наша Машенька идёт,
За верёвочку козу она ведёт.
А прохожие глядят во все ***глаза:***
–Очень длинная у девочки… ***(коса).***

IV. Придумайте продолжение шуточного стихотворения:

В зоопарке бегемот
Проглотил ежа и вот…

V. Сравните с чем-либо:

а) иней на ветвях деревьев;
б) луну на тёмном небе;
в) гладкую, сверкающую поверхность озера.

VI. Маленькие дети любят придумывать слова. Как вы думаете, что (или кого) они могли назвать словами «копатка», «колесист», «режницы», «колоток»? Почему?

VII. В сказочной стране есть необычные растения: у *дубёзы* ствол берёзы и листья дуба; у *клёлипы* листья липы и ствол клёна.

– Как могут называться растения, у которых иголки ели и ствол берёзы? (Детям предлагается на интерактивной доске составить из частей ели и берёзы сказочное дерево.)

VIII. Рассмотрите фотографии птиц.

– Подумайте, почему птиц так назвали.

Рис. 1. Кедровка

Справочный материал: Кедровка питается кедровыми орешками.

Рис. 2. Рябчик

Справочный материал: Рябчик назван по рябому оперению.

Рис. 3. Малиновка

Справочный материал: Малиновка – птица с малиновой грудкой.

Рис. 4. Горихвостка

Справочный материал: У горихвостки ярко-рыжий хвостик, который горит, как огонёк, среди зелени растений.

– Нарисуйте сказочную птицу. Как её можно назвать? Почему?

Подведём итог. Период дошкольного детства является сензитивным для формирования основ лингвистической креативности. Применение творческих заданий в работе с дошкольниками (игры со словом; решение нестандартных языковых задач; экспериментирование со словом) позволяет развивать базовые составляющие лингвокреативного мышления: вербальную гибкость, оригинальность и беглость.

Литература

1. Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 272 с.
2. Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2006. – 152 с.
3. Гридина Т.А. Феномен вербальной креативности в свете инноваций детской речи: методология анализа // Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 69–72.
4. Гурова И.В., Шеина М.К. Развитие лингвокреативного мышления обучающихся (словообразовательный аспект) // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8. – №4 (29). – С. 19–24.
5. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. – М.: МГОУ, 2017. – С. 331–333.
6. Климкова Л.А. Русская народная сказка: варианты текста и прочтения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – №2 (2). – С. 421–427.
7. Медник С.А. Ассоциативная основа творческого процесса // Психологический журнал. –1969. – №2. – С. 220–232.
8. Устинова Т.В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 213–218.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Нормативная база современного дошкольного образования: Закон об образовании, ФГОС ДО, порядок организации образовательной деятельности. – М.: Просвещение, 2014. – С. 74–93.
10. Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи: учебное пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
11. Чуковский К.И. Матерям о детских журналах. – URL: https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/materyam-o-detskix-zhurnalax (дата обращения: 25.01.2021).
12. Шеина М.К. Лингвокреативное мышление детей старшего дошкольного возраста // Дошкольное, начальное и специальное образование: современные технологии воспитания, обучения и развития. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019. – С. 7–9.

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СЛОВАРЯХ НОВЫХ СЛОВ

Е.А. Жданова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
к.ф.н., преподаватель; e-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Анализируется отражение современной русской языковой картины мира в словарях новых слов. Делается вывод о том, что неологизмы, зафиксированные в лексикографических источниках, позволяют выявить тенденции в эволюции языковой картины мира современных носителей русского языка.

Ключевые слова: *неологизмы; неография; языковая картина мира.*

Изменения в лексическом фонде национального языка – в частности, его обогащение новыми единицами – без сомнения влияют и на изменения языковой картины мира. «Язык реагирует на все изменения, которые происходят в жизни общества и тем самым в жизни отдельного человека, фиксируя их непосредственно и опосредованно. Непосредственное отражение получают они в лексике (лексической ЯКМ) – в словах и их эквивалентах (фразеологизмах)», – отмечает Л.А. Климкова [1, с. 219]. «В связи с изменением мира меняется и наше миропонимание, мировосприятие, мировидение, видоизменяются ценности, меняются приоритеты этнокультуры. Происходит перекатегоризация мира, порождающая новые или преобразующая существующие концепты, требующие своего нового «оязыковления». Все это служит мощным стимулом неологизации русского языка» [2, с. 59].

Очевидно, что появление нового слова и закрепление его в национальном языке требуют и соответствующего лексикографического описания. Но практически важным для исследователя-лингвиста оказывается и то, что наличие лексикографического описания новейших пополнений в лексике отражает особенности мировосприятия, идеологии, культуры, экономического и политического уклада в обществе, обслуживаемом данным языком, на конкретном этапе его развития.

Таким образом, лексикографическая фиксация новой лексики и фразеологии позволяет выявить социокультурную специфику определенного хронологического периода в жизни народа. Можно говорить о том, что каждая эпоха имеет своего рода «слова-маркеры», отражающие специфику эпохи, идеологию, господствующую в обществе, особенности свойственного данному времени мировосприятия, культурные предпочтения.

Неографические словари выступают как своеобразные «документы эпохи», а «полнота представления новаций отражаемого периода такова, что с его [словаря новой лексики. – Е.Ж.] обложки можно было бы убрать обозначение года <…>, сами материалы, сами слова – свидетели наших дней – говорят о том или ином времени более чем красноречиво» [3, с. 227].

Словари новых слов, отражающие жизнь этноса в тот или иной период, могут становиться объектом исследования в лингвокультурологии и предоставлять ученому интересные фактические сведения, касающиеся не только количественного приращения в лексическом фонде языка, но и особенностей функционирования языковых единиц.

Анализ материалов одного из последних неографических словарей – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее – НСЗ-90) [4] позволяет сделать интересные выводы не только о развитии лексического и словообразовательного уровней русского языка в переломную эпоху, но и – на материале словообразовательных неологизмов – об оценке тех социальных изменений, которые переживало общество в «постперестроечную» эпоху, об изменениях в языковой картине мира носителей русского языка, о «неологической картине мира» [5], а «словообразовательно маркированная лексика <...> позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [6, с. 44–45]. При этом, как отмечают исследователи, неодериваты «отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей и их культурной и социальной принадлежностью» [7, с. 337].

Обращает на себя внимание то, что пропорциональное распределение неологизмов по тематическим группам неоднородно. Так, значительную группу новой производной лексики составляют слова, относящиеся к сфере идеологии или политической деятельности: *всенародноизбранный, госдумовец, госпереворот, демальянс, депутат-одномандатник, десоветизация* и мн.др. (здесь и далее примеры – из НСЗ-90).

Е.А. Брызгунова, характеризуя лексику начала 90-х годов XX века, писала, что русская речь этого периода «выбирает из арсенала языковых средств то, что может выразить иронию, ожесточенность, пессимизм, но и надежду, самостоятельность, духовность» [8, с. 93]. Мнение исследователя подтверждают и данные НСЗ-90, в котором фиксируются такие слова, как *возрожденцы* ‘1. Сторонники духовного и экономического возрождения России, ее былой славы в посткоммунистический период<…>’; *воцерковление* ‘1. Приобщение к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов; 2. Возрождение духовности, религиозных ценностей’; *воцерковленность* ‘приобщенность к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов’; *меценат-клуб* и др. Подобные – впрочем немногочисленные – примеры свидетельствуют о существующем у ряда говорящих стремлении к высоким духовно-нравственным и патриотическим идеалам.

Весьма показательными, ярко характеризующими переломную эпоху рубежа веков представляются контаминированные новообразования *господарищи* ‘в России в переходный период от социализма к капитализму: о демократах, которые в недавнем прошлом были коммунистами; господа-товарищи’ (*господа* + *товарищи*); *катастройка* (*катастрофа* + *перестройка*), а также неодериваты *прихватизация* и *прихватизатор*, производные от глагола-контаминанта *прихватизировать* (*прихватить* + *приватизировать*). Данные новообразования (из-за нестандартности структуры тяготеющие к окказионализмам) весьма наглядно демонстрируют общественную оценку называемых ими явлений.

Ярким словом-маркером второй половины 90-х годов XX века можно считать неодериват *семибанкирщина* ‘о семи крупнейших представителях бизнеса, во второй половине 1990-х гг. господствовавших на финансовом рынке России, оказывавших существенное влияние на ее политическую жизнь и контролировавших многие СМИ’ (*семибоярщина* + *банкиры*). В словарной статье, посвященной этому неологизму, дается подробная информация о первом употреблении этого слова, о его связи с историческим термином «семибоярщина». В настоящее время слово *семибанкирщина* по-прежнему употребляется при описании эпохи 90-х годов (см., в частности, https://ru.wikipedia.org/wiki/Семибанкирщина).

Еще один знаковый неодериват 90-х годов – *этастранцы* ‘о людях, пренебрежительно употребляющих по отношению к России словосочетание «эта страна»’. Данная номинация не ушла из языка – и в 10-е годы XXI века можно встретить ее употребление: *Как ни странно, наши «**этастранцы**», желая окоротить Россию, в конечном счете разбудили русское самосознание и в центре и на местах, привели к консолидации русского мира, который существовал, но по разные стороны границ, но тихо...* (Ю. Поляков, https://www.kp.ru/daily/26306/3184422/).

При создании анализируемых неологизмов были востребованы словообразовательные ресурсы, находящиеся на периферии словообразовательной подсистемы, преодолены существующие несистемные ограничения. Можно предположить, что это не случайное явление – данные новации весьма экспрессивно передают существующие общественные настроения, а для достижения этой цели при конструировании новообразований нужно было в определенной степени преодолеть инерцию словообразовательной системы.

Влияние социокультурных факторов на словообразовательную систему языка приводит не только к возникновению отдельных неодериватов. Анализ зафиксированных в НСЗ-90 словообразовательных неологизмов позволяет выявить целые словообразовательные гнезда, в первую очередь образованные от слов, называющих актуальные, социально значимые понятия, – т.е. так называемых «ключевых слов текущего момента» (КСТМ) (Т.В. Шмелева).

Весьма важным периодом в отечественной истории стала проводившаяся с 1985 года перестройка. В 90-е годы слово *перестройка*, называющее конкретный исторический этап, стало производящим для целого ряда новообразований: с помощью продуктивных префиксов созданы неономинации *квазиперестройка, контрперестройка, постперестройка*; в результате префиксоидации была произведена новация *мини-перестройка*; контаминированными являются новообразования *горбостройка / горбастройка* и *катастройка*. Наличие подобных производных, несомненно, свидетельствует об осознании важности данного периода для исторического развития государства, об известной социальной рефлексии. Негативная оценочность, ярко проявляющаяся у некоторых производных (*квазиперестройка, катастройка*), говорит о социальном недовольстве, неприятии результатов проводимой политики.

Своеобразными маркерами эпохи, следует, видимо, считать инновации, образованные от «слов-ключей» (Р.А. Будагов) *демократия, демократический.* Наиболее широко в данной группе производных представлены сложные слова, в которых одна из производящих основ реализована в виде усеченного *дем- / демо-* (‘демократический’): *демблок* ‘блок демократических сил’; *демвласти*

‘власти демократической направленности’; *демвожди* ‘о руководителях демократического движения’; *демкруги* ‘общественно-политические группировки людей, придерживающихся демократических взглядов’; *демокоммунисты* ‘представители демократического круга социалистической партии’; *демосоциалисты* ‘сторонники демократического социализма’ и под.

При этом чрезвычайно важной для понимания общественных настроений оказывается фиксация в НСЗ-90 инноваций, обладающих яркой негативной оценочностью, которая отражена системой соответствующих помет: пренебрежительное *демократишка* ‘демократ’; презрительные *демобесы* ‘демократы (в речи их политических противников)’; *демокрады* ‘о продажных, коррупционных представителях демократической власти …’; *демократия-демонократия* ‘то же, что демонократия – о демократии как источнике и виновнице зла в современном обществе’; *демомутанты* ‘о демократах, меняющих свои взгляды, убеждения в зависимости от обстоятельств’; *демофашисты* ‘о тех, кто под видом демократии прибегает к насилию, национализму’; неодобрительное *демократура* ‘1. То же, что демноменклатура; 2. Диктатура, осуществляемая под лозунгами демократии’ и под. У новообразования *демофашист* авторы НСЗ-90 отмечают возможность двойственной мотивации: не только словом *демофашизм* (которое также фиксируется в НСЗ-90), но и давно вошедшей в язык единицей *фашист*. Возможность выводимости производного *демофашист* от *фашист* поддерживается активизацией элемента *демо…*, его свободной сочетаемостью с разнообразными основами.

Несомненно, чрезвычайно значимым для эпохи 90-х годов был процесс приватизации. Экономические термины *приватизация* и *ваучер* стали производящей базой для целого ряда новообразований, зафиксированных в НСЗ-90. В частности, обнаруживаются такие префиксальные неологизмы, как *деприватизация, переприватизация, постприватизация, расприватизация*; создано с помощью весьма актуального для современной эпохи префиксоида *лже-* новообразование *лжеприватизация* / *лжеприватизация;* суффиксальным является неологизм *приватизирование.* Кроме того, отмечены композиты *капитализация-приватизация* и *национал-приватизация*. Помимо слов, называющих сам экономический процесс, в НСЗ-90 отмечены неономинации лиц, проводящих приватизацию, поддерживающих её: суффиксальное *приватизатор* и производное от него префиксальное *ультраприватизатор*.

Широко популярными стали новообразования *прихватизация* и *прихватизатор*, выражающие явную негативную оценку обществом процесса приватизации, проводимого руководством страны.

«Ключевым словом», словом-маркером социальной жизни эпохи 90-х можно, видимо, считать и единицу *бомж*. До 90-х годов XX века в городах России бомжей не было – были нищие, бездомные, босяки, бродяги, другие маргинальные группы. В конце XX века говорящим на русском языке понадобилось обозначить люмпенов новой номинацией – аббревиатурой, заимствованной из речи милиционеров. Слово оказалось, увы, весьма востребованным, в краткие сроки пережило процесс опрощения и стало вершиной сильноразвернутого словообразовательного гнезда. Целый ряд производных, прямо или опосредованно мотивированных единицей *бомж*, зафиксирован в НСЗ-90: *бомжара, бомжатник, бомжик, бомжовка, бомжевание* и др. Неодериваты образованы разнообразными способами: суффиксальным (*бомжина, бомжиха, бомжонок* и мн.др.); префиксодацией (*полубомж*), словосложением (*бомж-отель*). Сочетаемость производящей основы, например, с субъективно-оценочными суффиксами *-ар*(*а*), *-ик, -ин(а)* свидетельствует о стремлении говорящих выразить свое отношение к называемым лицам: жалость, презрение и под.

Своего рода маркерами эпохи могут становиться не только ключевые слова, выступающие как достаточно самостоятельные языковые единицы: уместно рассматривать в качестве ключевых элементов эпохи и отдельные морфемы – в первую очередь аффиксоиды. Так, материалы НСЗ-90 демонстрируют весьма высокую продуктивность элемента *нарко-* (*наркобазар, наркобандит, наркобарон, наркобосс, наркобум, наркогерой, наркогосударство, наркодилер* и *наркодилерша, наркодурман, наркокультура, нарколобби, наркомаршрут, наркопритон, наркорегион, наркорубли, наркорынок, наркотреугольник, наркотурист* и мн.др.), что производит удручающее впечатление.

Рассмотренные выше новообразования свидетельствуют о глубоком духовном, нравственном, институциональном кризисе, который переживало российское общество в конце минувшего столетия.

Наши данные отчасти (хотя и не так пессимистично) согласуются с выводами А.Д. Васильева о том, что с помощью языковых средств в обществе «создана и поддерживается ситуация культурного шока, которая по своему резонансу может быть сопоставима с хорошо известными итогами «шоковой терапии» в экономике» [9, с. 87].

Новые слова, особенно образованные от ключевых слов эпохи, не просто встраиваются в лексическую подсистему национального языка. Появление неологизмов связано и с изменением национальной концептосферы. Говорящим на русском языке оказывается важным выделять и называть

новые реалии окружающей действительности; выражать языковыми средствами отношение к тем или иным событиям, фактам, общественным институтам. «Обновление концептосферы русского языка как результат ментальной проекции актуальных смысловых образований определяется перестройкой картины мира, порождающей более актуальную для нынешнего социума систему новых представлений о мире, коллективного способа восприятия и концептуализации новых фактов современной жизни» [2, с. 59].

Литература

1. Климкова Л.А. Ключевые идеи эпохи через призму языка (к проблеме национальной идентификации) // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / науч.ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв.ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 219–224.
2. Касьянова Л.Ю. Современное состояние и перспективы развития неологии // Гуманитарные исследования – 2008. – №4 (28). – С. 51–61.
3. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: дисс. … д. филол. наук. – СПб., 1998.
4. НСЗ-90 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 3 т. / отв. ред. Т.Н. Буцева. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009–2014.
5. Е Линь. Ментальность и неологическая картина мира (на материале тамбовских СМИ) // Неофилология. – 2018. – Т. 4. – №15. – С. 33–38.
6. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 42–72.
7. Рацибурская Л.В. Социокультурные аспекты современных деривационных процессов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2012. – Т. 8, №3. – С. 337–355.
8. Брызгунова Е.А. Русская речь начала девяностых годов XX века // Русская словесность. – 1994. – №3. – С. 88–94.
9. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 223 с.

МАКАРОНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

М.А. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры,
к.ф.н., доцент; e-mail: ma-kalinina@yandex.ru
Россия, г. Волгоград

Статья посвящена рассмотрению макаронизмов, их роли и функции в современном разговорном дискурсе. Поднимается вопрос об их мотивированности использования в речи. Являясь лингвокультурной приметой времени, макаронизмы могут указывать на языковую и коммуникативную компетентность говорящего.

Ключевые слова: *макароническая речь; макаронизмы; рунглиш; варваризм; языковая игра; коммуникативная компетентность.*

Заимствованная лексика и иноязычные вкрапления часто оказываются под пристальным вниманием лингвистов и общественности, а вопрос целесообразности их использования в речи поднимается регулярно, начиная с середины XVIII в., с появлением в печати статей, «в которых шла дискуссия по поводу активного проникновения в язык многочисленных галлицизмов и германизмов» [1, с. 41]. Очевидно, что, несмотря на лексическое разнообразие русского национального языка, он постоянно нуждается в актуальных формах выражения новых понятий и заимствование иноязычной лексики можно считать естественным стремлением расширить семантические границы русского языка. Заимствованная лексика считается более адаптированной к системе языка-реципиента, чем макароническая лексика, которая приводится в неассимилированном виде. Однако в настоящее время критерии, по которым можно различать макаронизм и заимствование, достаточно размыты. В разное время к макаронизмам относили иноязычные вкрапления и варваризмы (Леонтьев А.А., Крысин Л.П., Норлусенян В.С., Кириенко М.Ю., Касьянова Н.В., Ломтева Т.Н., Бушев А.Б. и другие), сейчас же макаронизмы могут быть иметь признаки заимствования (например, наличие внутренней формы слова).

Традиционными примерами макаронизмов являются нетранслитерируемые слова, пришедшие из английского языка: «*Еще недавно я не могла себе позволить выйти без make up на улицу»; «Думаете, зря я намылилась в модели plus size?»* [Инстаграм].

Однако в разговорном и сетевом дискурсе можно наблюдать обилие макаронизмов, которые представляют собой транслитерируемые слова, малоизвестные большинству носителей русского языка и не фиксируемые словарями. Такую лексику принято называть «рунглиш», использовали ее изначально иммигранты из СССР и стран постсоветского пространства в Америке и прочих англоязычных странах. Известный анекдотический пример рунглиша: *«Магазин на Брайтоне:*

– Мне полпаунда чиза (полпаунда – pound – «полфунта»*, чиз – cheese* – «сыр»).

– Вам наслайсать или одним писом возьмете» (послайсать – slice – «порезать ломтиками», *писом – piece* – «кусок»).

В настоящее время можно встретить массовые и регулярные включения макаронистической лексики в устную и письменную речь. Так, в фейсбуке в группе «Переводчики смеются» тема использования рунглиша активно развивается и иллюстрируется следующими примерами: «*Холым писом» (холым – whole* – «целый», *писом – piece* – «кусок»); «Объявление в магазине на Брайтоне на День благодарения: *"Инджойтесь туркой!"» (инджойтесь – enjoy* – «наслаждаться», *туркой – turkey* – «индейка»). «*А я совсем не шура, что только на Брайтоне» (шура – sure* – «уверенный»*); «Лос-Анжелесские будни: "Кам хиа, бала-джан, полукай, какого хорсика дедушка нарисовал!"»* (*кам хиа – come here* – «подойти», *бала-джан* на армянском «любимый ребенок», *полукай – look* – «посмотреть», *хорсик – horse* – «лошадь»); *«Ну почему ваши джоки шарить нельзя?» (джоки – joke* – «шутка»*, шарить – share* – «делиться»); «*Ну так же примерно у нас манагеры щас на совещаниях общаются» (манагеры – manager* – «менеджер»).

Из этого можно предположить, что макаронизмы могут также представлять собой транслитерированные слова и выражения, морфологически оформленные с помощью средств языка-реципиента, которые используются в разговорной и в деловой среде и являются признаком языковой компетентности говорящего (или его билингвизма).

Примечательно, что характер восприятия макаронизмов определяется типом языковой личности адресата.

С одной стороны, может показаться, что собеседник стремиться выделиться за счет использования иностранных вкраплений и макаронизмов в своей речи, продемонстрировать «языковой снобизм». Норлусенян В.С. называет это агрессивной демонстрацией языковой компетентности [6, с. 7]. «*Мой водительский скилл подвергся апгрейду»* (*скилл – skill* – «навык», *апгрейд – upgrade* – «улучшение, модернизация»); «*Ни для кого не секрет, что я – модный байер»* (байер – bayer – «покупатель»); *«На чем зарабатывают байеры?»* (байер – bayer – «покупатель»); *«Нарисовала голубую радугу на моих hair»*; *«Люда была настоящим коучем в езде по буеракам»* (*коуч – couch* – «тренер»); *«Я набрала полный чемодан платьев и туфлей, бикоз они обещали аномальную жару»* (*бикоз – because* – «потому что») [Инстаграм]. Нарочитая иноязычная синонимическая замена русских лексем, во-первых, препятствует пониманию текста, нарушая коммуникативный закон ясности речи; во-вторых, создает неловкость и может привести к коммуникативной неудаче. Данные примеры, как нам кажется, иллюстрируют немотивированную макароническую речь.

С другой стороны, говорящий может употреблять подобные слова, исходя из желания сделать речь более выразительной, что «поддерживается не только потребностью номинации новых предметов и явлений действительности, но и стремлением говорящих к экспрессивности» [2, с. 130]. Обращаясь к иноязычным вкраплениям как к более эффектным языковым средствам, человек стремится создать особые коммуникативно-прагматические характеристики текста [5, с. 96]. Макаронизмы, или иноязычные вкрапления, таким образом, могут выполнять в речи функцию фасцинации, привлекая внимание, завораживая слушателя/ читателя. Например: «*Ребзя, ай нид хелп»* (*I need help – «мне нужна помощь»*); «*А ю рээди?»* (*are you ready* – «вы готовы?»); «*Всем пис»* (*пис – peace – «мир»*); «*Ледиз, внимание!»* (*ледиз – ladies – «леди»*) [Инстаграм].

Эти и подобные высказывания демонстрируют мотивированную макароническую речь, в которой доминирует прагматический эффект, определяемый личностью говорящего, его адресатом, характером их взаимодействия, а также ситуацией общения. Это дает основание трактовать макаронической речь как вид языковой игры, которая позволяет адаптировать речевое поведение к ситуации общения с собеседником. Например, в языковом пространстве инстаграма авторы постов зачастую заигрывают с потенциальным адресатом, демонстрируя ироничное, саркастическое, недоверчивое и др. отношение к предмету речи. «*Из бенефитов только никчемушняя гордость "сделала же"»*

(*бенефит – benefit – «выгода»*); *«Форевер янг!»* (*forever young* – «вечно молодой»); *«Я подумала, это ту мач за футбол» (ту мач – too much* – «слишком много»); «*Главное, чтобы чилдренята не иллнились»* (*чилдренята – children* – «дети»; *иллнились – to ill* – «болеть»); «*Виндовочку приклозни!» (window – «окно»; to close – «закрыть»)* [Инстаграм].

В связи с этим следует отметить комическую функцию макаронической речи, которая может также определяться обилием не/транслитерируемой иноязычной лексики в рамках одной синтаксической конструкции, которая приводится в сопоставлении с привычным русскоязычным текстом. Например: *«Я в школьные годы тоже занимался с кофаудерами в коворкинге инновационными стартапами в рамках коллаборации, инициированной локальным IT-хабом муниципального хай-тек кластера. В смысле ходил в кружок юных техников при местном Дворце пионеров»* [ВКонтакте].

Однако не все носители русского языка готовы разделить юмор авторов таких постов, считая стремительную эскалацию иноязычного (преимущественно англоязычного) влияния на систему русского языка чрезмерно опасной. Опасения касаются позиции русского литературного языка, который якобы теряет устойчивость. Встречаются пуристические мнения обывателей, которые требуют запрета заимствований и искусственного насаждения русской лексики вместо иноязычной. Это в очередной раз обращает нас к истории заимствования, когда, несмотря на активные процессы вхождения иноязычной лексики, многие лексемы так и не прижились в системе русского языка, как например, «*эдиция, эдукация, антишамбера, нактиш и др.»* [1, с. 40]. Нельзя не вспомнить Р.Ф. Брандта, который утверждал, что «крайний пуризм, стремление изгнать из родного языка все иностранные элементы нельзя не считать странным и даже смешным» [7, с. 90]».

Играя роль прагматического и стилеобразующего средства, макаронизмы не просто демонстрируют уровень языковой компетентности говорящего, но и в глобальном смысле являются лингвокультурным индикатором времени, помогают наблюдать за вектором развития русского языка, который направлен на расширение пространства употребления.

Макаронизмы положительно влияют на детализацию в описании современного мира, поскольку «разные языки по-разному отражают действительность, берут в основу формируемого понятия различные его стороны» [4, с. 46]. Посредством макаронизмов осуществляется трансляция смыслов из одной языковой картины мира в другую. Например: «*Осталось ответить на вопрос, стоил ли США джетлага, особенно младенческого» (джетлаг – jet lag: jet* «реактивный самолёт» + *lag* «запаздывание» – «сбой суточных ритмов организма, вызванный сменой часовых поясов»); *«Что-то устала я строчить лонгриды»* (*лонгрид – longread; long read* – «долгое чтение» – «такой формат подачи журналистских материалов в интернете, при котором большое количество текста разбивается на части за счет многочисленных мультимедийных элементов»). *«Мне нужен нейминг для фирмы»* (*нейминг – product naming* – «процесс разработки названия бренда для компании, товара или услуги»); *Разработка оффера и тарифов на услуги* (*оффер – offer* – «торговое предложение целевой аудитории продукта или услуги, в котором четко обозначена выгода покупателей или клиентов»).

Данные примеры иллюстрируют одну из основных причин заимствования – «тенденцию к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего» [3, с. 56]. Однословные наименования, которым говорящие отдают предпочтение, являются синонимичной заменой описательных наименований, что дает основание выделить их коммуникативный и языковой потенциал. Таким образом, макаронизмы, которые сейчас воспринимаются носителями русского языка как агрессивные, неблагозвучные, неуместные, со временем смогут получить статус заимствования, зафиксироваться словарями и пополнить лексическую систему русского литературного языка.

Литература

1. Калинина М.А. Эпидигматическое освоение галлицизмов в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 271 с.

2. Калинина М.А., Захарова М.А. Векторы семантической деривации заимствованной лексики в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. №6 (139). – С. 128–135.

3. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 326 с.

4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград, 2001. – 495 с.

5. Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып.1. – С. 95–98.

6. Норлусенян В.С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2000. – 28 с.
7. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. – М., 1996. – 158 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.В. Косс
Тольяттинский государственный университет,
старший преподаватель; e-mail: e.v.koss@mail.ru
Россия, Самарская обл., г. Тольятти

Статья посвящена определению роли лингвокультурологического анализа теста в изучении и интерпретации национальной языковой картины мира, что ведет к повышению качества межкультурного общения, к преодолению барьеров в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *языковая картина мира; культурная картина мира; исследовательский инструментарий лингвокультурологии; лингвокультурологический анализ текста; барьеры в межкультурной коммуникации.*

Лингвистическая культурология, или лингвокультурология, по мнению многих учёных-филологов, в настоящее время переживает своё становление [5–6]. В её развитии выделяется два периода: формирование основных идей лингвокультурологии и затем оформление лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Однако определение позиций данной науки, соотношение её с другими науками о языке и культуре (культурология, этнолингвистика, антропология языкознания) и в данный момент вызывает трудности: с одной стороны, «анализ культуры с позиции лингвистики и её методами заметно обогащает (расширяет и углубляет) понимание и самой культуры, и языка (этноязыка)» [5, с. 4], с другой стороны, она «использует прежде всего синтетические, междисциплинарные методы исследования, пытаясь выработать единый комплекс знаний на основе объединения лингвистики и культурологии» [6, с. 569]. Между тем, чтобы получить своё дальнейшее развитие, для лингвокультурологии жизненно важно выявить главный фактор развития, решить вопрос, связанный с пониманием механизмов взаимодействия языка и культуры как сущностей разных систем, то есть, прежде всего, ученых интересуют не описания примеров взаимодействия конкретного языкового и культурного явления, а их взаимовлияние, его особенности, алгоритмы, а следовательно, и аутентичные методы, способы изучения.

Хотя на данный момент доказательства связи языка и культуры в науке наглядно не представлены, филологи уверены, что эта связь безусловна [4–6], и полагают, что при дальнейшем развитии терминология лингвокультурологии наполнится новыми смыслами. На данном этапе поиск механизма взаимодействия языка и культуры приводит к необходимости анализа этнического сознания, которое не должно абсолютизироваться, то есть, оно является разновидностью, вариантом общечеловеческого сознания, который выработался под влиянием определенной культурной среды и лингвокультурной ситуации. В результате возможно говорить о типовом языковом образе обыденного сознания, отраженном в национальной словесной культуре [6].

В связи с этим возникает исследовательская задача отбора текстов для анализа с языковой и культурной точек зрения с целью выявить эти корневые (наиболее типичные) языковые образы обыденного сознания русского общества, то есть возникает вопрос, «какие именно тексты анализировать, какой языковой материал выбирать»? По мнению Сепира, самыми существенными формами сохранения культуры являются «пословицы, лечебные заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, родословные» [5, с. 11]. «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» [3, с. 19]. Следовательно, изучение, анализ текстов волшебных сказок, лирических песен, произведений художественной литературы разных периодов может помочь выявить типовые языковые образы обыденного сознания.

Так как лингвокультурология – наука молодая и мы находимся на начальной стадии изучения отношений между языком и культурой, основные её термины и понятия не имеют устоявшихся дефиниций, требуют дальнейшего рассмотрения и уточнения, поиск новых терминов продолжается. В число самых важных терминов лингвокультурологии большинство учёных включают такие, как

«язык», «культура», «менталитет», «культурная (концептуальная) картина (модель) мира», «языковая картина (модель) мира» [1; 3; 5]. Для целей нашего исследования особенно важно уточнить значения таких понятий, как «культурная (концептуальная) картина (модель) мира», «языковая картина (модель) мира», и их связь между собой.

На рисунке 1 схематично изображена связь культурной и языковой картин мира, как мы её представляем вслед за С.Г. Тер-Минасовой (рис. 1).

Окружающий человека мир представлен в трех формах:

1) реальная картина мира;
2) культурная (понятийная) картина мира;
3) языковая картина мира.

Человек воспринимает объективную данность с помощью органов чувств и получает собственный физический опыт, который он интерпретирует с помощью собственного сознания, что выливается в его духовную деятельность. Таким образом, **реальная картина мира** – это объективные условия, которые окружают человека и которые он не может изменить. С учётом полученного физического и духовного опыта, а также внешних действующих факторов, таких как географические, природные, климатические условия, социальное устройство, религия, образ жизни и т.д., у человека формируется его мировоззрение (указывает на отношение человека к миру), которое затем преломляется в объективный образ мира, то есть в культурную картину мира, причём она не зависит от индивидуальных предпочтений. **Национальная культурная (понятийная) картина мира** – это отражение реальной картины мира, переосмысленное сначала через физический, затем через духовный опыт, прошедшее через коллективное (национальное) и индивидуальное сознание [4, с. 54]. Так как культура многим авторам определений представляется как «общий и принятый способ мышления; след, оставленный искусственным окружением в сознании личности; система правил; закреплённая методика организации окружающего человека пространства в разумно-духовное пространство» [5, с. 36], очевидно, что мы можем говорить об уникальной для каждого общества, нации культурной картине мира, то есть их возникает огромное количество. Из-за несовпадений различных культурных картин мира могут возникать культурные конфликты и барьеры в коммуникации представителей этих культур.

Коммуникация – это «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. … это специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [7, с. 233], причём, в отличие от животных, человеческое общение происходит, главным образом, с помощью языка. Так как «языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира» [4, с. 54], то «путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов» [4, с. 47], следовательно, возникает такое же количество различных языковых картин мира, сколько существует национальных культурных картин мира. **Языковая картина мира** представляет собой отражённую через культурную картину мира реальность, выраженную средствами конкретного языка. При расхождении в разных культурных картинах мира составляющих их понятий происходит несовпадение в единицах языка, в языковых картинах мира разных обществ, что может привести к тому, что коммуникация, плодотворное взаимодействие становятся невозможными.

В этом случае мы можем говорить уже не о языковом, а о **культурном барьере**, когда участники диалога не обладают фоновыми знаниями из чужой культуры, следовательно, не получают ту информацию, которая изначально была заложена собеседником в сообщении.

Чтобы исправить это положение непонимания, при общении для достижения его цели необходимо организовать скорее не диалог двух людей, а диалог культур. Мы согласны с определением этого понятия, которое сформулировал декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Миронов: «**Диалог культур** – это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я необходимо адаптирую (перевожу) смыслы другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры» [2, с. 151–152]. Цель диалога культур в таком случае – это «взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры, партнера по диалогу) и многих других» [3, с. 18].

Следовательно, чтобы достичь цели коммуникации, необходимо узнать, понять, оценить, сравнить с собственной другую культуру. Это можно сделать с помощью языка, ведь «язык как

средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие» [3, с. 19].

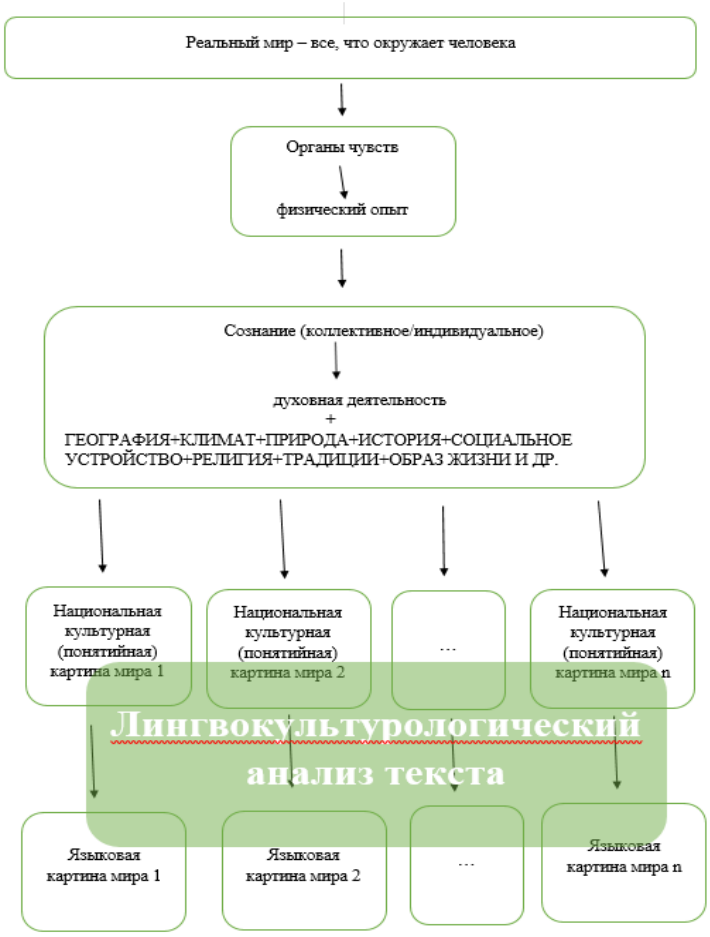

Рис. 1. Взаимосвязь языковой и культурной картин мира

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, общение – один из самых важных видов деятельности человека, который формирует его культуру, выделяет его из животного мира, это основа существования человека, поэтому любая попытка осознать, что способствует, а что мешает коммуникации, может рассматриваться как безусловно необходимая, полезная и своевременная [3–4]. Из схемы, выведенной на рисунке 1, очевидно, что путь к пониманию языковой картины мира лежит через понимание культурной картины мира как обусловливающей последнюю, на этом уровне и должна проводиться аналитическая работа.

Лингвокультурологический анализ текста рассматривает одновременно факты и культуры, и языка в их взаимосвязи, следовательно, именно он может справится с этой задачей. В эпоху своего становления лингвокультурология ищет и разрабатывает собственные методы, однако на современном этапе, поскольку в основном лингвисты занимаются проблемами данной науки, **методы языкознания** оказались наиболее востребованными. Среди них можно выделить: 1. Концептуальный анализ. 2. Дискурсный анализ. 3. Количественные методики квантитативной лингвистики. 4. Методы корпусной лингвистики.

Также в поиске методологических оснований лингвокультурологии участвуют аспекты **концептологии, герменевтики** и **общей филологии**. В связи с этим можно выделить следующие методы: 1. Диахронический метод. 2. Синхронический метод. 3. Структурно-функциональный метод. 4. Историко-генетический метод. 5. Типологический метод. 6. Сравнительно-исторический метод [1, с. 39].

К собственно **методологии лингвокультурологии** можно отнести: 1. Доминантный анализ. 2. Кластерный анализ. 3. Методика сжатия конкорданса. 4. Аппликация полученных в результате сжатия конкордансов словарных статей.

Кроме того, имеет смысл говорить о целесообразности комплексного использования приёмов **концептуального анализа**. Преобладание того или иного приёма и будет определять специфику

применяемой методики: 1. «Визуальная методика» Р. Лангакера. 2. Методика «профилирования» Е. Бартминского. 3. Описание по предикатным связям и моделирование «диагностических контекстов». 4. Описание концепта по его ассоциативному полю. 5. Анализ значения по словарным дефинициям. 6. Этимологический анализ. 7. Методика изучения концепта через лексико-грамматическое поле репрезентирующей его лексемы [1, с. 40–41].

Таким образом, внушительный исследовательский инструментарий лингвокультурологии может служить одним из инструментов изучения и интерпретации языковой картины мира с целью преодоления барьеров в межкультурной коммуникации, так как с его помощью можно выявить чужеродные для коммуницирующих сторон культурные элементы, объяснить их, показать способы их выражения с помощью языковых единиц, раскрыть содержание последних, показать их ассоциативные и словообразовательные связи, коннотации, таким образом, помочь «присвоить», «примерить» ранее непонятные явления на себя, пополнив фоновые знания общающихся сторон, исправить ситуацию непонимания.

Проблемы культурологии, её методологии, объекта и предмета изучения остаются актуальными вопросами в исследованиях учёных. В качестве рекомендации для развития проблематики данной работы можно назвать более подробное рассмотрение различных видов, принципов и методов культурологического анализа как элементов оригинальной методологии, выявление особенностей и подбора оптимального языкового материала для применения конкретного вида анализа с обоснованием получения объективных результатов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с. // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/84276 (дата обращения: 07.01.2021).

2. Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. – М.: Алетейя, 2005.

3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М.: Слово, 2008. – 341 с.

4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2008. – 368 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. – URL: http://www.iprbookshop.ru/13162.html (дата обращения: 29.08.2020).

5. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 182 с. // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/84459 (дата обращения: 07.01.2021).

6. Шаклеин В.М. О проблемах современной лингвокультурологии // Русское слово в многоязычном мире. – 2019. – С. 569–574.

7. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., репринт. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 686 с.

ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА НА УРОКАХ РАЗВИТИЯ РЕЧИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Н.В. Курылева

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
к.п.н., доцент; e-mail: Kuryleva.natalia@yandex.ru
Россия, г. Нижний Новгород

В статье представлены различные варианты реализации регионального компонента на уроках развития речи, предлагается система работы с языковым материалом, направленная на развитие разных сторон личности обучаемых.

Ключевые слова: *региональный компонент; Федеральный государственный образовательный стандарт; речевое развитие; виды речевой деятельности.*

Актуальной проблемой для современного образования является становление личностных характеристик обучающихся. В «портрете выпускника средней школы» среди наиболее значимых выделяются любовь к своему краю и своему Отечеству, уважение к родной культуре и духовным традициям [3, с. 5].

Изучению истории и культуры родной страны уделяется достаточное время на уроках истории, литературы, краеведения, в системе проведения различных внеклассных мероприятий,

но учащиеся очень часто не располагают сведениями о том месте, где непосредственно живут, поэтому отражение регионального компонента на уроках становится необходимой задачей для развития личности школьника.

Цель данной статьи – представить возможные варианты реализации регионального компонента на уроках русского языка.

На уроках русского языка можно привлекать разнообразный дидактический материал, отражающий как соответствующий теме занятия, так и связанный с обозначенной выше проблемой.

Например, в 6 классе при изучении темы «Наклонение глагола. Изъявительное наклонение» (учебно-методический комплекс под редакцией Т.А. Ладыженской) в упражнении №460 представлен текст «Витькина гайка», повествующий о необычной экскурсии школьников на автомобильный завод [2, с. 175]. Изучение данного текста с последующим написанием изложения по нему предусмотрено соответствующей рабочей программой, ориентированной на российского школьника независимо от места его проживания. Однако для нижегородских школьников данный текст поможет обогатить их представления об истории родного края, если соответствующим образом, то есть с привлечением необходимых знаний в области истории и краеведения, выстроить урок.

Как уже было сказано выше, данный текст используется для подготовки обучающихся к изложению, поэтому представленный фрагмент урока направлен на развитие речи. Тема урока – «Необычная экскурсия», а цель – подготовка к обучающему изложению или сочинению.

Урок начинается вопросами учителя о том, были ли обучающиеся на экскурсии на Горьковском автомобильном заводе, какие у них остались впечатления, затем следует слово учителя, призванное поддержать созданную эмоциональную обстановку и вызвать интерес к изучаемой теме.

Содержание слова учителя может быть примерно следующее: «*Первый в СССР автозавод с массовым производством – Горьковский автомобильный. Он был построен в рекордно короткий срок – всего за 18 месяцев (в мае 1930 года был заложен фундамент будущего завода, а 1 января 1932 года он уже вступил в строй действующих). В 1930-е годы Горьковский автозавод производил свыше 68% всех выпускаемых в стране автомашин.*

Зачинатель стахановского движения в машиностроении Александр Харитонович Бусыгин (1907–1985) с 1931 года работал кузнецом на Горьковском автозаводе. 10 сентября 1935 года бригада Бусыгина установила свой первый трудовой рекорд по отковке специальных деталей для автомобилей (966 при норме 675).

В рекордно короткие сроки – за сто дней – завод был восстановлен после тяжелых разрушений, которые он понес во время массированных бомбардировок 1943 года.

Сейчас же автозавод – динамично развивающееся предприятие, которое прочно заняло свою нишу на мировом автомобильном рынке» [1].

Далее обучающимся предлагается ознакомиться с самим текстом «Витькина гайка», затем учащиеся совместно с учителем работают над содержанием и языковыми средствами текста, совместно с обучающимися учитель составляет план текста, проводит словарную работу (особое внимание акцентируется на лексическом значении слов *гайка, винт, болт, конвейер* и т.д.), подбирает синонимы к словам, наиболее часто встречающимся в тексте (*автозавод, автомобиль, экскурсия)*, так как непонимание лексического значения этих слов может вызвать возникновение речевых ошибок в работах учащихся. Проводится работа по предупреждению орфографических и пунктуационных ошибок обучающихся, при этом особое внимание должно уделяться слову *конвейер* и знакам препинания в предложениях с прямой речью (учитель также должен обратить внимание обучающихся на постановку знаков препинания в сложных предложениях, которые нельзя исключить из текста без потери его целостности).

Далее один или несколько обучающихся пересказывают текст и приступают к написанию изложения. В качестве вариативного домашнего задания можно предложить школьникам написать сочинение на темы: «История моей семьи в истории моей страны», «Памятник нашего города, важный для истории моей семьи». Приведем сочинение ученицы гимназии №13 г. Нижнего Новгорода, которое позже было опубликовано в школьной газете.

Легендарная полуторка

В нашем городе много интересных памятников, отражающих важные исторические события. Но я хочу рассказать про памятник, который связан с историей моей семьи. Если мы окажемся перед проходной Горьковского автомобильного завода, то можем увидеть небольшой, почти игрушечный грузовичок – НАЗ–АА.

История самого завода говорит о трудовом подвиге людей, которые всего за два с половиной года построили автомобильный завод. 1 января 1932 году Нижегородский автомобильный завод (НАЗ) вступил в строй, а 29 января с его конвейера сошёл первый 1,5-тонный грузовик НАЗ-АА. 17 апреля 1935 года ГАЗ стал первым автомобилестроительным предприятием в стране, выпустившим 100 000 автомобилей. С конвейера завода сошёл стотысячный автомобиль. Им стал легковой ГАЗ-А.

В начале войны завод освоил выпуск легкового армейского автомобиля повышенной проходимости ГАЗ-64. В октябре 1941 года начал выпуск лёгкого танка Т-60. Также той же весной на производство встал лёгкий бронеавтомобиль БА-64 большой проходимости. ГАЗ массово выпускал двигатели, миномёты и прочую продукцию военного назначения.

Мой прадедушка, Бугров Владимир Семенович, тоже трудился на автомобильном заводе мастером-наладчиком. Конечно, он всеми силами души стремился уйти на фронт, чтобы защищать свою родину от врага, но его не отпускали, так как он был мастером высокой квалификации, нужно было выпускать много военной техники для армии. А другой мой прадедушка, Старцев Геннадий Степанович, прошел трудными дорогами войны шофером на той первой полуторке, которую выпускал наш завод. Во время Сталинградской битвы он возил боеприпасы и продовольствие, был тяжело ранен и на барже привезен в город Горький. Моей маме он рассказывал, что от бомбежек «горела Волга».

Поэтому этот памятник особенно дорог для моей семьи, так как он связан с судьбой и моих прадедушек, и всех тех, кто своим трудовым и военным подвигом приближал победу (Курылева Ольга, 6 класс).

Нижний Новгород – старинный город, находящийся на слиянии двух великих рек – Волги и Оки. К образу Волги, воспетому в творчестве многих поэтов, писателей, художников, можно обратиться и на уроках развития речи, изучающих стили языка. Знакомство с функциональными стилями начинается в 5 классе и продолжается на протяжении всего курса русского языка. Школьники изучают основные признаки и языковые средства разных стилей языка, их жанровые и композиционные характеристики. Например, в учебнике 7 класса (УМК Ладыженкой Т.А., Баранова М.Т) раскрываются языковые средства воздействия публицистического стиля – лексические и синтаксические образные средства. В качестве дидактического материала целесообразно использовать тексты, объединенные предметом речи, но различающиеся жанрово-стилистическими характеристиками:

1. Рано утром на Волге бродил легкий туман, а после девяти часов стал накрапывать дождь. И не было никакой надежды, что небо прояснится. За чаем Рябовский говорил Ольге Николаевне, что живопись – самое неблагодарное и самое скучное искусство, что он не художник… После чая он, мрачный, сидел у окна и смотрел на Волгу. А Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид. Все, все напоминало о приближении тоскливой, хмурой осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегах, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны, и вороны летали около Волги и дразнили ее: «Голая! Голая!» (А. Чехов).

2. Сегодня не надо гадать, «чей стон раздается над великой русской рекой». То стонет сама Волга, изрытая вдоль и поперек, больная, с рассольной водой, перетянутая плотинами гидростанций, распухшая от водохранилищ, с убывающим год от года рыбным богатством. Глядя на Волгу, особенно хорошо понимаешь цену нашей цивилизации – тех благ, которыми человека заманили, как неразумное дитя, заменили ему радость бытия радостью эгоистичных побед и достижений. Кажется, побеждено все, что можно было, даже душа, даже будущее, все больше горечь, как пепел из заводских труб, гнетет нам сердце…(В. Распутин).

Вопросы для анализа текстов на уроке:

– Прочитайте тексты, определите, к каким стилям языка они относятся.

– Что объединяет оба текста? (И в первом, и во втором текстах говорится о реке Волге, только в первом тексте дано художественное описание состояния природы, а второй текст относится к публицистическому стилю языка, жанр – проблемный очерк).

– Как стиль текста повлиял на выбор языковых средств?

– Определите авторское отношение в каждом тексте (В первом тексте автор передает взаимосвязь между состоянием природы и человека: «*все напоминало о приближении тоскливой, хмурой осени*», поэтому Рябовский «*мрачный, сидел у окна и смотрел на Волгу*». Во втором тексте автор ставит важную экологическую проблему – сохранение великой русской реки, он с тревогой и отчаянием пишет о том, что «*больше горечь, как пепел из заводских труб, гнетет нам сердце…*»)

– Как мы видим, и в том, и в другом тексте присутствуют образные средства языка, давайте определим их роль в раскрытии основной мысли текста (В первом тексте образные средства помогают ярче передать состояние природы и человека: эпитеты *тусклая, матовая, холодная на вид*, метафора *природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки*, антитеза *роскошные зеленые ковры на берегах, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль* в прошлом и приближение *тоскливой, хмурой осени* в настоящем. Во втором все образные средства несут функцию воздействия на читателя, автор призывает задуматься о «*цене нашей цивилизации»*, которая губительно действует на окружающую среду. Главным языковым средством воздействия в тексте выступает антитеза: с одной стороны, радость бытия, душа, будущее, с другой – убывающее *год от года рыбное богатство, радость эгоистичных побед и достижений*).

Таким образом, приведенные выше фрагменты уроков по развитию речи показывают разные варианты реализации регионального компонента, необходимого для формирования духовно-нравственной стороны личности обучающегося.

Литература

1. Нижегородская книга рекордов и достижений / под ред. Кучерова Т.В., Наумова О.И. – Н. Новгород: Кварц, 2010. – С. 56–57.
2. Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2. / Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. – М.: Просвещение, 2015. – С. 116–117.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – М.: Просвещение, 2011. – 48 с.

СЛОВЕСНАЯ ПАРАДИГМА

В.М. Корнусова[1], Н.Ю. Ларина[2]

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,

[1]студент; e-mail: v.cornusowa@yandex.ru,

[2]магистрант; e-mail: natalynn2@yandex.ru

Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассмотрена проблема словесной парадигмы в русском языке. Подробно расписана проблема вытеснения русских слов иностранными. Приведены результаты опроса студентов-первокурсников Мининского университета «Отношение к заимствованным иностранным словам». Поднята тема жаргонизмов и их влияние на русский язык. Затронута тема слов-паразитов и молодежного жаргона. Разработаны меры по сохранению русского языка.

Ключевые слова: *словесная парадигма; жаргонизмы; сленг; русское слово; вульгаризмы; варваризмы; англицизмы; ненормативная лексика.*

Русский язык с наступлением нового тысячелетия переживает не лучшие времена. После развала Советского Союза в русский язык пришло много иностранных слов, которые активно внедрились в нашу речь, что уже трудно найти исток этих слов. Иностранные слова вытесняли исконно русские слова еще с наступлением XVI–XVII века и активно внедряются в нашу речь и по сей день.

Таблица 1

Вытеснение русских слов иностранными

Русское слово	Иностранный аналог
Стоянка	Паркинг
Охрана	Секьюрити
Второй завтрак	Ланч
Образ	Имидж
Памятник	Обелиск
Вид	Пейзаж
Подросток	Тинейджер
Плакат	Постер
Представление	Шоу
Лицо	Фейс
Сапоги	Боты
Малыш	Бейби

Если анализировать эту таблицу, то молодое поколение привыкло к иностранным аналогам и активно их использует в своей речи, из-за чего возникает недопонимание между поколениями. Более старшее поколение не может смириться с иностранными словами и активно использует исконно русские слова.

Среди студентов-первокурсников Мининского университета был проведен опрос «отношение к заимствованным иностранным словам».

Рис. 1. Отношение студентов-первокурсников к проблеме заимствования иностранных слов в русском языке

Результаты пугают, не правда ли?

Где начертить эту грань между русским словом и заимствованным? Как сохранить нашу речь и не дать исчезнуть красивому русскому слову?

Над этими вопросами можно спорить очень и очень долго. К сожалению, заимствованные слова уже не исключить из нашей речи, но надо сохранить красивое русское слово.

Русский язык в последние годы активно засоряется, и причины тому – появившиеся жаргоны, варваризмы (денди, авеню, фрау и др.), различный сленг, неологизмы и вульгаризмы (сдохнуть, откинуться, жрать, рало и др.). В настоящее время в журналах или в интернете появляются статьи красиво написанные и непонятные из-за большого количества иностранных слов, которые иногда используются невпопад, засоряя и захламляя красивый русский язык [2].

Заимствованная лексика присутствует везде, но больше всего она полюбилась молодежи. В последние годы стали использовать такое понятие, как «молодежный сленг». Это явление настолько распространилось, что его невозможно остановить. Родители не всегда понимают своих детей, а что уж говорить о старшем поколении? Еще один слой образуют такие слова и выражения, как сленг специфической группы юношей. Они используют англицизмы и вульгаризмы. Первое явление популярно у молодежи крупных городов, второе для небольших городов и деревень, сел и поселков, а третий слой образуют слова и выражения, отличающиеся по своей эмоциональной окраске. В одних случаях жаргон агрессивен, а в других скорее юмористичен.

Жаргоны – это своего рода язык в языке, это разновидность словарного запаса людей какой-либо отрасли или профессии, или различных субкультур молодежи. Говоря о жаргонах, стоит отметить профессиональные слова, ведь после распада Советского Союза в России появились различные профессии со специфической речевой направленностью. Русский язык обогатился профессиональными иноязычными словами аналогов которых не было в русском языке.

В русском языке появились и продолжают появляться профессиональные жаргонизмы, например:

1. Аппарат – медицинский шприц;
2. Белка – белая горячка;
3. Тубик – туберкулез;
4. Чехол – летальный исход;
5. Камбуз – кухня;
6. Кок – повар;
7. Палуба – пол;
8. Мамка – материнская плата;
9. Комп – персональный компьютер;
10. Инет – интернет и др.

Профессиональные жаргоны можно перечислять вечно, в каждой профессии они свои и плотно там закрепились.

Что же делать и как быть? Как вернуть тот красивый и богатый русский язык, о котором говорили Пушкин, Достоевский, Толстой и другие великие русские писатели и поэты?

Существуют и другие факторы, влияющие на структуру русского языка, на его целостность, ведь русский язык разрушается не только извне, но и изнутри, его носителями. Расширяется использование различных жаргонных слов, иностранной лексики. Все это передается через средства массовой информации и губит наш родной язык [3].

Язык будет и должен меняться, но в последнее время эти изменения превратились в национальную катастрофу. Так в чем же причина катастрофы? Рекламные баннеры, ролики в интернете и различные способы рекламы используют очень много иностранных слов, чтобы завлечь покупателя. Нашу речь портят и слова-паразиты:

1. Как бы;
2. Типа того;
3. Эээ;
4. Ну э;
5. Ну-у;
6. В смысле;
7. Значит.

Любое отклонение от литературного языка и его норм препятствует полному восприятию информации. Орфографические, речевые ошибки, а также неуместное использование жаргонных слов портит впечатление о человеке.

Как известно, русский язык характеризуется не только своим литературным словарным запасом, но и ненормативной лексикой. Не очень известный факт, но мат провоцирует преступления, приводит к раннему старению и преждевременной смерти. По ряду проведенных опросов по стране были собраны данные, почему человек использует ненормативную лексику.

Рис. 2. Результаты опроса «Использование ненормативной лексики»

Русский язык в настоящее время находится в фазе острого кризиса. Очистить русскую речь и сделать ее чистой и красивой невозможно в одночасье. Вернуть чистое русское слово в одиночку невозможно, и только общими усилиями мы сможем получить нужный результат.

Что же для этого необходимо?

Первое и самое главное – это увеличение занятий русского языка в школах, колледжах, техникумах и вузах. В школе ученик проводит большую часть своего времени и пополняет основной лексический запас.

Второе – необходимо убрать из СМИ пошлые шутки, грубые фразы, ненормативную лексику и создать цензуру, которая сохраняла бы исконно русские слова.

«Языку мы учимся и должны учиться непрерывно до последних дней жизни», – говорил Паустовский. Нужно помочь «великому и могучему» русскому языку выжить, сохранить его и сделать так, чтобы он овладел нашими устами и сердцами, детей и внуков.

Русские люди, живущие за границей, все равно остаются русскими, ведь их объединяет великий и могучий русский язык. Язык создавался тысячелетиями, и наша главная задача – сохранить его и сделать еще краше, еще лучше.

В последнее время русский язык пополнился англоязычными словами, которыми пользуются в основном школьники – поколение, за которыми будущее.

Таблица 2

Англицизмы XXI века

Русская версия	Английская версия
Деньги	Лове
Компьютер	Комп
Уважение	Респект
Сумасшедший	Крейзи
50/50	Фифти-фифти
Человек	Чел
Мобильный телефон	Мобила
Люди	Пипл

Сможем ли мы сохранить свой язык? Как будет говорить следующее поколение? Как изменится язык? Наверное, нельзя ответить на этот вопрос, ведь только общими усилиями мы спасем наш язык.

Подводя итог вышесказанному, подводя итог, что русский язык нужно сберечь общими усилиями. Для этого существует три простых правила:

1. Не говорить плохих слов самому.
2. Противостоять сквернословию.
3. Научиться просить прощение, если сказал что-то плохое.

Только вместе мы сила! Будущее языка за нами!

Литература

1. Басинский П. Сочинять без вымысла. – URL: https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-wordskomlev/index-205.htm#205
3. Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 192 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИМЕННЫХ ПРЕДИКАТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.Н. ВАСЮТИНСКОЙ

Е.А. Леонтьева
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
к.ф.н., доцент; e-mail: lenastarke@mail.ru
Приднестровье, г. Тирасполь

В исследовании проведен анализ семантических типов именных форм предикатов, что позволило выявить новые семантические типы и подтипы анализируемых единиц. Представленный подход значительно расширяет представления о структуре полных двусоставных предложений.

Ключевые слова: *предикат; семантический тип предиката; классификация, категория.*

Анализ семантических и функциональных особенностей именных предикатов является важным аспектом изучения предложения. На современном этапе развития синтаксической науки вопрос семантической классификации анализируемых единиц до сих пор остаётся открытым из-за отсутствия чётких общепринятых критериев их дифференциации и системности в их анализе.

Цель исследования – проанализировать, систематизировать и описать семантические типы именного предиката в украинском языке на материале сборника «Чиста криниця» Г.Н. Васютинской.

Исследованием семантики предикатов занимались выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты Н.Д. Арутюнова, Г. Бринкманн, И.Р. Выхованец, М.А. Винтонов, А.А. Загнитко, Г.А. Золотова, А.Г. Межов, Е.В. Падучева, Н.И. Степаненко, У.Л. Чейф и многие другие.

Предложенная в статье классификация обусловлена рядом формальных признаков: качественная характеристика частей речи, которая выполняет функции опорного слова в составе предиката, лексико-грамматический разряд и грамматическая форма, отображение связей и явлений объективной действительности, порядок слов в предложении, наличие паузы, демаркационная линия, характер логического ударения, а также вхождение предложения в синонимический ряд.

Любой объект действительности характеризуется отнесенностью к определённому классу, что и детерминирует частотность предикатов, характеризующих субъект в плане его включения в класс или исключения из класса объектов.

В лингвистической теории не существует единой номинации для предикатов данного типа. Одни ученые называют их предикатами вхождения/включения (И.Р. Выхованец [5, с. 41, 55], К.Г. Городенская [8, с. 95], К.А. Косенко [12, с. 94–105]), вторые – предикатами классификации (А.И. Леута [13, с. 170]), третьи – квалификации (А.Г. Межов [14, с. 115; 49, с. 89–90]), четвертые – таксономическими (Н.Д. Арутюнова [2, с. 10], Н.А. Герасименко [7, с. 27]), пятые – предикатами вхождения или принадлежности к классу предметов (Г.В. Ситар [19, с. 161]); шестые – номинации и идентификации/тождественности (А.А. Загнитко [10, с. 121–122]).

Представленные термины не являются равнозначными, так, например, предикаты квалификации и классификации соотносятся с предикатами включения как общее и частное, а предикаты с семантикой тождества характеризуются рядом специфических признаков, которые нетипичны для предикатов включения.

Данный семантический тип может включать в себя характеристику субъекта относительно биологической систематики, по национальному признаку или расовой принадлежности, по виду вероисповедания, идеологии, по отнесённости к политическим и социальным движениям, культурным направлениям или принадлежности к политической партии, а также характеристику субъекта по типу профессиональной деятельности, по характеру отношений между людьми и т.д. Сюда же относим предикаты, которые характеризуют субъект, презентируя его объективную дефиницию, на основе родо-видовых отношений.

В выражении именных форм предикатов с семантикой включения в класс предметов в произведениях Г.Н. Васютинской доминируют субстантивы в именительном падеже: *Юрта – степова домівка* [3, с. 62]; *Гусак – це білий птах пихатий* [3, с. 57]; *Ґава – родичка ворони* [3, с. 57]; *Ескімо – морозиво* [3, с. 58].

Предикаты, характеризующие субъект в плане его тождества, имеют ряд специфических признаков: объективность, отсутствие градуированности, симметричность структуры, наличие кореферентности, наличие слов-маркеров, например: *завжди, всюди, і в Африці* и т.д.: *Козак – завжди козак, і в дома, й на кордоні* [3, с. 21].

Отметим, что предикаты, опорный компонент которых выражен фразеологизмами (как две капли воды, из одного теста, одного поля ягоды и др.), выражают высшую степень сходства по одной либо нескольким внешним/ внутренним характеристикам, но не тождества, которое предполагает полное совпадение всего комплекса признаков: Мавпа мавпочкою зветься [3, с. 59].

Предикаты компаративной семантики характеризуют субъект через его сближение с другими предметами: *А носик – як малий сучок* [3, с. 59]. Идеальная схема предложений с предикатом сравнения имеет трехчленную структуру: субъект выражает объект сравнения, предикат в высказываниях с компаративной семантикой представляет эталон сравнения. Основа сравнения выражает общий признак, присущий объекту и эталону сравнения.

Предикаты данного семантического типа чаще всего представлены сравнительными оборотами, а также прилагательными или фразеологизмами.

По характеру **посессивных отношений,** устанавливаемых между субъектом и предикатом, выделяем следующие виды коннотации: принадлежность определенному/неопределённому субъекту: Він мій [3, с. 35] или же отрицание принадлежности субъекта какому-либо: *Він нічий?* [3, с. 35].

Вербализаторы – притяжательные местоимения и прилагательные.

Предикаты с семантикой квалификации по способу установления свойства могут быть распределены по двум группам: предикаты внешней или же внутренней характеристики субъекта.

Предикаты внешней характеристики могут выражать: форму, размер, ширину, высоту или глубину, длину субъекта, его внешнее оформление, структурную специфику, тактильную, звуковую, вкусовую характеристику, характеристику по запаху или материалу, из которого он изготовлен. Наиболее частотны в произведениях поэтессы предикаты с квалитативной семантикой, что характеризуют субъект по цвету: *Пелюстки яскраві* [3, с. 8]; *Жаба сіра, лупоока/ і підстрибує високо* [3, с. 58];

Предикаты внутренней характеристики субъекта репрезентируют коммуникабельность, психотип субъекта, его позитивные (*І серця відкриті для людей* [3, с. 6]) и негативные черты характера (*Папуга хитрий, зазвичай, / Всіх передражне – не зівай* [3, с. 60]).

Отметим, что экспликаторами квалитативной семантики могут выступать не только прилагательные, но и местоимения, а также предложно-падежные формы, существительные и фразеологизмы.

Предикаты с семантикой состояния характеризуются отсутствием стабильности в выражении признаков субъекта. Стремясь дифференцировать категории квалитативности и состояния, на этом свойстве акцентировал внимание ещё Аристотель: «А те явления, которые возникают от чего-то

легко прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями, но не качествами. Дело в том, что по ним никого не называют таким-то и таким-то: ведь краснеющего от стыда не называют краснолицым, а бледнеющего от страха – бледнолицым, а скорее о них говорят, что они что-то испытали. Так что в этих случаях говорят о состояниях, а не о качествах» [1, с. 75].

В анализируемых поэзиях нами были выявлены такие семантические подтипы предикатов состояния:

I. Физическое состояние субъекта: общее самочувствие человека: *Моляться, щоб всі були здорові* [3, с. 53]; внешнее проявление физического состояния: *Обличчя свіженьке і ледь смагляве* [3, с. 59]; состояние сытости или голода: *Ти уже ситий* [3, с. 11]; возрастная характеристика: *Левенятко є мале* [3, с. 59]; *Швидше б дорослим стати* [3, с. 10]. Некоторые лингвисты интерпретируют предикаты этого подтипа как семантический класс включения субъекта в класс однотипных объектов. Мы убеждены, что указание на возраст субъекта в большей мере отображает его физическое состояние, поскольку именно состояние характеризуется динамичностью и фазовостью.

II. Эмоционально-психологическое состояние субъекта: *Гарним квітам раді і село, і місто* [3, с. 52]; *А голодна пташка щиро вдячна стане* [3, с. 52].

III. Интеллектуальное состояние субъекта: *Його – він* ***мудрий,*** *його стрункий* [3, с. 59]; состояние осведомлённости объектов о субъекте: *Він* [*бегемот*] *знайомий вам і нам* [3, с. 57].

IV. Состояние природы с локативным оттенком: Листя у сонячнім світлі [3, с. 21]; *В краплях віти дерев* [3, с. 37]; *В сонячнім промені даль вируюча* [3, с. 7].

Предикаты с семантикой состояния могут выражаться прилагательными, предложно-падежными формами, реже – существительными, наречиями и фразеологизмами.

Нередко экспрессивность связывается с оценкой, но эти понятия следует чётко дифференцировать, поскольку любое проявление экспрессивности характеризуется наличием оценки, но не каждая вербализация оценки является экспрессивной.

Выделяем **предикаты с семантикой** объективной и субъективной, а также нейтральной и эмоциональной **оценки.**

В произведениях Г.М. Васютинской были выявлены предикаты с семантикой абсолютной оценки с отрицательной и положительной коннотацией (*Роки в них веселі і важкі* [3, с. 37]; *Ти – весняне* ***диво****, / запашна і мила* [3, с. 53]; *Білий кінь в сірих яблуках – мрія і краса* [3, с. 17]) и относительной позитивной оценки (*Мова вища над усе у людських стосунках* [3, с. 28]; *Бабусі ж старенькій тепліша й найкраща/ Солом'яна лялька здається* [3, с. 37]).

Чаще всего предикаты с семантикой оценки выражаются прилагательными, существительными, наречиями, субстантивно-адъективными сочетаниями, фразеологизмами, предложно-падежными формами, реже – междометиями.

Предикаты квантитативной семантики вербализуют точно определённую, неопределённую и приблизительную квантитативную характеристику субъекта, выражая его вес, рост, длину, глубину, высоту, ширину, объём, цену, возраст или количественное соотношение.

Предикаты неопределённого количества эксплицируют экспрессивно-квантитативное значение малого, достаточного (*І навіть в час осінніх нудних злив/ Всім горобцям зерняток вистачало* [3, с. 41]), большого или чрезмерного количества (*Надії, битви, розпач і тривоги – / Людських страждань неміряні річки* [3, с. 30]; *Тут битви і біди було через край* [3, с. 43]; Коли насіння трав було чимало [3, с. 41]).

Предикаты с темпоральным значением выражают временную характеристику субъекта: *Новий рік уже на порозі* [3, с. 49]; *В минулому вже військові дороги...* [3, с. 30].

Среди средств выражения наиболее частотны наречия, предложно-падежные формы, прилагательные и фразеологизмы.

Предикаты соответствия / несоответствия характеризуют субъект в плане соответствия определённым квалитативным, локальным или иным критериям. Субъект в таких конструкциях выступает в роли объекта скрытого сопоставления с неким «эталоном»: *Доречним стане дружнє, тепле слово* [3, с. 13]; *Вбрання у них уже не те, – й самі змінились вроді* [3, с. 50].

Несмотря на непродуктивный характер **именных форм предикатов со значением отношения**, они играют принципиально важную роль в процессе отражения homo loquens объективной действительности и тех взаимосвязей, которые существуют между различными объектами.

Категория отношения является одной из самых сложных, поскольку она представляет результат критического мышления субъекта, детерминированный его внутренними убеждениями и жизненным опытом.

Предикат с семантикой отношения характеризует субъект по его отрицательному или положительному отношению к явлениям или процессам, реализуемым в объективной действительности: На світі існує професій багато, / Мені ж до вподоби професія тата [3, с. 46].

Отдельного внимания заслуживают **предикаты с семантикой сферы выражения субъекта,** которой следует отличать от предикатов с семантикой локативности. Чаще всего анализируемый семантический тип выражается предложно-падежной формой: у (в) + предложный падеж субстантива: *А в приспіві є буква «ф»* [3, с. 61]; *В них* [*віршах*] *душі горіння, зліт стрімкий, / Відголоски радощі, кохання* [3, с. 38].

Предикаты с семантикой локальности могут обозначать абстрактное или конкретное месторасположение определённого субъекта: *Скільки господарів, ворогів тут було* [3, с. 22]; *Колодязь під вербою* [3, с. 8].

Часто такие конструкции рассматривают как предложения с нулевым сказуемым И.К. Белодед, А.А. Загнитко, С.А. Караман, К.Ф. Шульжук и другие. Сравним предложения: Тут багато сонця і степів розмаю [3, с. 18] – *Тут є багато сонця і степів розмаю. Тут було багато сонця і степів розмаю. Тут буде багато сонця і степів розмаю*. Как показывают реализованные трансформации, все предложения сохранили своё значение и являются структурно и семантически полными. Отметим, что пропуск незнаменательной связки в настоящем времени является абсолютной нормой для всех восточнославянских языков. Единственное, что изменилось, – это грамматическая категория времени.

Допустим, что в данных предложениях глагол *быть* вербализует семантику бытия или местоположения. Таким образом, при изменении грамматического времени наблюдаем трансформацию структуры предложения из полной в прошедшем и будущем времени на эллиптическую в настоящем. Нежелание интерпретировать предложения с опущенным глаголом *быть* с указанной семантикой как эллиптические, вынуждает признать за ним особый статус, который бы качественно отличал его на фоне всех других глаголов.

В предложениях с семантикой бытия особое место занимает интонация и порядок слов. На наш взгляд, типичной позицией предиката с семантикой бытия, выраженной глаголом *быть*, является абсолютный конец или абсолютное начало предложения при условии их выделения логическим ударением: *Царя немає. Є ріка Діала. Немає Кіра. А Діала є* (Л. Костенко). *Є і сум біди, розчарування* [3, с. 38]. Сравним: *І поруч були друзі* [3, с. 10]. Анализируемые предложения нетождественны как по значению, так и по грамматической структуре.

Логичным, на наш взгляд, будет предположение, что опущенный глагол в последнем предложении выполняет роль не простого глагольного сказуемого, утверждающего или отрицающего существование в объективной действительности определенного субъекта, а лишь связки при именном сказуемом, изолированное функционирование которой невозможно, поскольку утрачивается основной признак предложения – его смысловая и интонационная завершённость. Такой подход к анализируемой проблеме порождает ещё одну гипотезу, что и «обстоятельство места» в данных конструкциях представляет собой не что иное, как именную часть сказуемого, которая является основным вербализатором семантики локативности.

Нередко предложения с анализируемыми предикатами интерпретируются как синтаксические единицы с детерминантом. А.А. Загнитко толкует детерминант как «самостоятельный семантический распространитель предложения, наличие которого определяется коммуникативными потребностями высказывания» [9, с. 185]. Автор убежден, что анализируемый компонент можно опустить без нарушения формального строения предложения и без влияния на его семантику. Такой взгляд в полной мере разделяют А.А. Новикова [16, с. 238], Ю.Ю. Наливайко [15, с. 114].

А. А. Загнитко утверждает, что детерминанты являются следствием перехода предложений во вторичные словосочетания, поэтому они легко могут быть изъяты из структуры простого предложения и трансформированы в отдельную синтаксическую единицу. В качестве иллюстрации ученый приводит примеры: *Бурлаки завернули в яр на відпочинок* (І. Нечуй-Левицький) = *Бурлаки завернули в яр + Бурлаки будуть відпочивати. Незабаром після дощу прибігли в ліс діти збирати гриби* (О. Іваненко) = *Пройшов дощ + Діти прибігли в ліс + Діти будуть збирати гриби* [10, с. 23]. Подчеркнем, что приведенные автором предложения при сегментации на отдельные синтаксические единицы характеризуются семантической и коммуникативной полнотой. На способность детерминантов разворачиваться в отдельные предложения или составные части сложных предложений указывают. И.Р. Выхованец [6, с. 86], А.А. Новикова [16, с. 68], И.А. Зубкова [11, с. 274], Ю.Б. Виноградова [4, с. 11] и другие.

Наша попытка по аналогии трансформировать предложения с именными формами предикатов, образовавшихся в результате переосмысления обстоятельственных отношений, не увенчалась

успехом. Проведенный анализ показал, что первое предложение, которое образуется в результате сегментации, характеризуется семантической неполнотой, детерминирует отсутствие коммуникативной ценности в контексте второго предложения. Кроме того, логику проведенного лингвистического эксперимента нарушает тот факт, что второе предложение дублирует первичную синтаксическую единицу. Это свидетельствует о высокой степени десемантизации глагола *быть* в его локальном или экзистенциальном значении. Этот факт делает возможным переход глагола в синтаксической функции простого сказуемого в разряд связок и его продуктивное функционирование в нулевой форме.

В высказываниях исследуемого типа отсутствие локального компонента, как и попытка закрепить за глаголом *быть* семантику места или экзистенции, приводит к искажению коммуникативной установки. Без опорного компонента предложение теряет свое первоначальное значение. Все разнообразие обстоятельственной семантики высказывания искусственно сводится к локативной или экзистенциальной.

В синтаксисе современных славянских языков нормативно зафиксирован переход атрибутивных и объектных отношений в предикативные. Этот процесс был длительным и дискуссионным. Долгое время предикативная функция признавалась исключительно за номинативом. Творительный падеж при глаголе *быть* интерпретировался как дополнение при глаголе экзистенциальной или локативной семантики (А.А. Потебня [18, с. 504]), а также не существовало четкой позиции относительно признания синтаксической функции прилагательного в предложениях с инверсированным субстантивно-адъективным сочетанием и глаголом *быть* (А.А. Шахматов [20, с. 192], А.М. Пешковский [17, с. 229–231]). На современном этапе оба структурных типа предложений интерпретируются как двухсоставные с именным сказуемым. Такое толкование стало возможным при условии перераспределения информации в пределах предложения.

По нашему мнению, такое перераспределение информации может происходить и в предложениях, в которых переосмысливаются обстоятельственные отношения, поскольку в них происходят те же процессы, что и в предложениях с трансформированными объектными и атрибутивными связями.

Проведённый анализ показал, что в интерпретации безглагольных предложений прослеживаются две основные концепции: сказуемые в эллиптических предложениях представляются нулевой формой, сохраняя свое синтаксическое место в предложении. Этой точки зрения придерживается Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Загнитко, С.А. Караман, К.Ф. Шульжук и другие.

Второй подход сводится к тому, что отсутствие глагольного сказуемого компенсируется перераспределением функций между имеющимися второстепенными членами в предложении. Эта концепция нашла отражение в работах В.Я. Стоюнина, Г.В. Колшанского, В.М. Мигирина, Л.И. Демченко, П.А. Леканта, А.В. Пряникова и других.

Переход второстепенных членов в именную часть сказуемого происходит в результате ряда синтаксических процессов, которые детерминируются коммуникативными целями высказывания и его функциональной направленностью, частичной или полной десемантизацией глагола *быть* (в значении существовать, находиться), регулярным пропуском семантически ослабленных членов высказывания, что начинается в речи и завершается в языковых моделях, инверсией, формированием новых синтаксических функций.

Считаем уместным применить к интерпретации предложений эквивалентной структуры с темпоральной, целевой, причинно-следственной, условно-следственной семантикой, а также со значением положительного/отрицательного отношения, причастности/непричастности, соответствия/несоответствия аналогичные принципы анализа, классифицируя их как полные двусоставные предложения с именным составным сказуемым.

В сборнике поэзии Г.Н. Васютинской было выявлено и проанализировано 13 семантических типов именного предиката и более 20 их семантических оттенков. Предложенная классификация охватывает большую часть типов предложений с именным сказуемым. Все они принимают участие в решении коммуникативных задач, но частотность их различна.

Семантическая классификация предикатов отражает языковую картину мира, которая сегментируется на отдельные отрезки, представленные тем или иным семантическим типом.

Следует отметить, что именные предикаты – это не только частотные синтаксические единицы, но и базовые компоненты создания художественного образа. Глубокая продуманность и филигранная обработка в процессе подбора и использования анализируемых единиц обогащает их разнообразием художественных функций. Анализ семантических типов предикатов представляет значительный интерес не только для развития синтаксической теории, но и для более основательного познания творчества Г.Н. Васютинской.

Литература

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / ред. З.Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – 688 с.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 197 с.
3. Васютинська Г.М. Чиста криниця. – Бендери: Поліграфіст, 2010. – 64 с.
4. Виноградова Ю.Б. Специфіка функціонування обставинних детермінантів в офіційно-діловому дискурсі // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. – Серія 8. – Філологічні науки (мовознавство). – 2014. – Випуск 6. – С. 9–21.
5. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / відп. ред.: К.Г. Городенська; АН України, Ін-т української мови. – К.: Наукова думка, 1992. – 222 с.
6. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис: Підручник. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
7. Герасименко Н.А. Предложения с таксономическим значением в русском языке // Педагогическое образование и наука. – 2012. – №11. – С. 27–29.
8. Городенська К.Г. Кореляція синтаксичних категорій предикатності і предикативності в українській мові // Проблеми сучасної функційно-категорійної граматики: зб. наук. праць. – Донецьк: Ноулідж (донецьке відділення), 2010. – 391 с.
9. Загнітко А.П. Основи українського теоретичного синтаксису / А.П. Загнітко; відп. ред.: І.Р. Вихованець. – Горлівка: Б.в., 2004. – 278 с.
10. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови: Синтаксис: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
11. Зубкова И.А. Обстоятельственные детерминанты в семантико-синтаксической структуре простого предложения // Вестник МГУКИ. – 2014. – №5 (61). – С. 273–276.
12. Косенко К.О. Предикатна основа та семантико-граматична диференціація дієслівних зв'язок в українській мові: дисс. ... канд. філол. наук / Інститут української мови НАН України. – К., 2009. – 192 с.
13. Леута О. Структура і семантика дієслівних речень в українській літературній мові. – К.: Такі справи, 2008. – 208 с.
14. Межов О. Речення невласне станової семантики в сучасній українській мові // Типологія та функції мовних одиниць: наук. журн. / редкол.: Н.М. Костусяк (гол. ред.) та ін. – Луцьк: Східноєвроп. нац. ун-т ім. Лесі Українки. – 2016. – №1 (5). – С. 110–121.
15. Наливайко Ю. Синкретизм предикативно-обставинних детермінантів: типологічні вияви та специфіка функціонування (на матеріалі сучасного газетного дискурсу) // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. – 2014. – С. 113–118.
16. Новікова О.О. Детермінант як носій додаткової предикації у структурі простого речення // Культура народов Причерноморья. 2007. – №110. – Т. 2. – С. 67–69.
17. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении – Изд. 7-е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. I–II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
19. Ситар Г.В. Моделі речень із предикатами відношення частини й цілого в українській мові: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 238 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Изд. 2-е. – Ленинград: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. – 620 с.

МЕТАЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ (ВОКАБУЛЯРИЙ ПОНЯТИЙ ДЛЯ ГИЗАУРУСА МЕТАЛИНГВИСТИКИ)

С.В. Лесников

ИЛИ РАН, программист; кандидат филологических наук, доцент,
главный редактор Альманаха «ГОВОР»; e-mail:serg@lsw.ru
Россия, Санкт-Петербург

Гизаурус как фреймовая информационно-поисковая система (гиперсловарь) терминологически релевантных единиц металингвистики, объединённых в лексико-грамматические гнезда по идеографическим и тематическим основаниям, предназначен для целенаправленного поиска слов и отдельных их вариантов. Фактически гизаурус метаязыка лингвистики содержит наиболее важные и необходимые понятия, встречающиеся в языковедческой литературе.

Ключевые слова: *база данных; гизаурус; гипертекстовый тезаурус; говор; диалект; метаязык; искусственный интеллект; корпус; лексикография; лингвистика; поиск; русский язык; словарь; справочник; текст; энциклопедия.*

Вокабулярий метаязыка лингвистики включает лингвистические термины и терминологизмы, представленные в гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусе метаязыка лингвистики (гизаурус) [1–15].

Основой гизауруса метаязыка лингвистики является информационно-поисковая система /ИПС/ – система, обеспечивающая поиск и отбор релевантных данных в специальной базе с описаниями источников информационных ресурсов (индексе) посредством информационно-поискового языка /ИПЯ/ и соответствующих правил поиска.

В гизаурусе метаязыка лингвистики процедура формирования информационных ресурсов металингвистики автоматизирована, для чего специальная программа по заранее определенному алгоритму загружает размеченные исходные первоисточники – лексикографические ресурсы в базу данных. В процессе формирования гизауруса анализируются все словарные статьи моделируемого гизауруса метаязыка лингвистики и создаются соответствующие гипертекстовые ссылки с текущей словарной статьи на соответствующие статьи гизауруса для осуществления эффективного поиска.

В словарную статью входят как обязательные (присутствующие во всех статьях) элементы, так и необязательные, факультативные, дающие информацию только к некоторым терминам – в зависимости от их семантики или парадигматики. Некоторые факультативные элементы встречаются чаще, чем другие (являясь «почти обязательными» – напр., английский эквивалент), а некоторые весьма редки (напр., автор и время ввода в научный оборот термина).

Одной из актуальных задач современного языкознания является моделирование метаязыка лингвистики. Для изучения и освоения знаний об устройстве языковой системы и закономерностях её функционирования, для формирования лингвистической (языковедческой, языковой) компетенции необходим словарь базовых терминов и понятий метаязыка лингвистики. Несмотря существующие многочисленные словари лингвистических терминов (как общие, так и по конкретным разделам лингвистики), множество базовых терминов каждым автором (авторским коллективом) формируется довольно субъективно. На наш взгляд основными признаками базовых терминов являются следующие: (1) высокая частотность (для гнездовых вокабул – более 10 источников), (2) принадлежность к активной лексике, (3) сочетаемость (высокая синтаксическая и лексико-семантическая валентность), (4) словообразовательная мощность, (5) очевидность принадлежности к метаязыку лингвистики в целом, а не только к одной или нескольким подразделам языкознания.

Используя компьютерную методику вычисления весов терминов и ранга источников метаязыка лингвистики, для словаря понятий метаязыка лингвистики было оставлено **17771** вокабула, которые в результате численного эксперимента получили наибольший вес и ранг, соответственно с учётом гнездового принципа формирования словарных статей гизауруса.

При этом, фактически за счёт включения в словарную статью производных терминов и терминологизмов, которые содержат дефинируемый термин в своем составе, оказалось порядка двадцати тысяч терминов метаязыка лингвистики.

При конструировании словаря понятий металингвистики предполагалось решить ряд следующих задач:

1) отобрать и представить в компактной форме базовые, наиболее распространенные лингвистические термины в научной и учебной литературе по лингвистике и смежным наукам;

2) в словник словаря ключевых понятий метаязыка лингвистики были включены термины, которые получили максимальные веса, рассчитанные по авторской методике вычисления весов терминов (зафиксированных эксплицитно – в явной форме в лингвистических публикациях) и ранга источников металингвистики периода с XVIII века до начала XXI века.

Представленный словарь в основном является краткими эксцерпциями важнейших понятий метаязыка лингвистики из обработанных оцифрованных первоисточников. Учитывая неизбежную неполноту (напр., иллюстраций), настоящий словарь ключевых понятий метаязыка лингвистики не является окончательным и, естественно, нуждается в уточнении, пополнении и обсуждениях на научных мероприятиях в режиме научной дискуссии.

Словарь построен по алфавитно-гнездовому принципу и содержит базовые термины, предтермины, прототермины, профессионализмы, терминоиды, терминоэлементы, терминологизмы, ключевые слова и словосочетания, номены, номинативные словосочетания, семантические зоны и поля, отдельные лексические значения слов и дескрипторы, дефиниции, определения, описания, толкования… понятия метаязыка лингвистики.

Словарная статья, как правило, разделена на семь зон: 1) термин; 2) грамматическая информация; 3) этимологическая справка; 4) синоним (антонимы представлены с пометой «ант.»); 5) дефиниция термина (в некоторых случаях определение даётся отсылкой «=>» к другой словарной статье); 6) иллюстрация и комментарий, связанные с различными аспектами употребления рассматриваемого термина и/или фиксацией различных точек зрения на него; 7) источник.

Зоны (1) и (5) обязательны, остальные зоны факультативны. К некоторым вокабулам дана грамматическая информация и перевод на некоторые языки (на англ. без дополнительной пометы в зоне (4) сразу за синонимами). При этом не всегда для соответствующих синонимов (и тем более речений) в Вокабулярии предусмотрена самостоятельная словарная статья (в некоторых случаях создана статья отссылочного вида к доминанте).

Для отсылок к другим словарным статьям используется знак «=>».

Каждая словарная статья предваряется символом «#» (это необходимо для разметки исходных материалов для последущей автоматизированной, интерактивной загрузки в лексикографическую базу данных цифровой версии гизауруса).

Вокабула отделяется от правой части символом «=» или «=>».

Словарная статья начинается с заголовочного слова, выделенного прописными буквами и снабжённого ударением. Ударение в заголовке словарной статьи выделяется строчной буквой.

1. Вокабулы, если они носят заимствованный или интернациональный характер, сопровождаются этимологической справкой в квадратных скобках.

2. Термин, имеющий синоним (эквивалент, вариант, параллельное дублетное выражение, равнозначащее/равнозначное слово), приводится строчными буквами в круглых скобках после краткой этимологической справки.

3. Терминологизмы (составные термины) иногда помещаются списком в конце словарной статьи.

4. В квадратных скобках даётся ссылка на источники, в которых можно найти подробные толкования или дополнительную информацию о соответствующей вокабуле.

Вся необходимая библиография приводится в издании «Метаязык лингвистики. Том 1. Проблемы систематизации терминосистемы» или в конце тома, или в параграфе «Реферативно-аннотированное описание источников гизауруса». Часть библиографии (напр., на статьи из журнала «Вопросы языкознания» или источники процитированные небольшое количество раз) дана непосредственно в конце словарных статей Вокабулярия.

Алфавитно-пермутационный указатель /АПУ/ к лексико-фразеологическим гнездам со ссылками на первоисточники (описанных в § «Оцифрованные и обработанные источники гизауруса») доступен в полном объёме в цифровой версии гизауруса на сайтах ГИЗАУРУС.РФ, ask.me.

Приведём лишь один фрагмент АПУ к понятию «метаязык»:

#МЕТАЯЗЫК=[ЯКВСК 2008 БРАЗГОВСКАЯ], [ЭССЛТП 2008 ТИХОНОВ], [ЧЛТ-СЛТ 2004 ДАНИЛОВА], [ЧГВЛГНУОП 2003 АЖЕЖ], [ФРУСЛТ 1989 НАЗАРЯН], [УСРЯКР-2014 МАТВЕЕВА], [ТТПЛ 1978 НИКИТИНА], [ТСИИ 1992 АВЕРКИН], [ТРЖПУ 2010 ДЕМЕНТЬЕВ], [ТПС 2006 НЕЛЮБИН], [ТЛСОСФ-ПУ 1995 ЧЕРКАСОВ], [ТЛП-ОПТ 2008 БУЛГАКОВА], [СТТЯ-2014 КУЧЕРЯВЕНКО], [СТТМСШ 1999 ЛЕВЧЕНКО], [ССЛЭТП 2011 СУЩЕНКО], [ССЛТ 1979 ЕДЛИЧКА], [ССК 2009 МАХЛИНА], [СС 2010 МАРТИН], [СПУ 2005 КРОНГАУЗ], [СЛТСРЯ 2011 АЛИЕВА], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 1990 СТЕЦКО], [СЛТ 1969 АХМАНОВА], [СЛТ 1966 АХМАНОВА], [СЛ-ПУ 1965 ШАУМЯН], [СЛ 1997 ИВИН], [СБТМЛ 2013 ЛЕСНИКОВ], [СБТМЛ 2012 ЛЕСНИКОВ], [СБДТЯ 2010 ЛЕСНИКОВ], [САЛТ 1964 ХЭМП], [РЯЭ 1997 КАРАУЛОВ], [РССТС 3 2003 ШВЕДОВА], [ПОС 1999 ВИШНЯКОВА], [ОЯХПУ КОСОВСКИЙ], [ОТКГ 2001 ШАРКОВ], [ОСЛТ 2009 КУЛИКОВА], [ОИСРЛТ2 2003 БУЛАХОВ], [НСМТИП 2009 АЗИМОВ], [НРСЛИ 2006 ИЕВЛЕВА], [НРРНСЛТ 1993 2 БАРАНОВ], [НЗЛЛПУ 1979 ЧУЛКОВА], [НЗЛЛАЕЯПУ 1986 ЗАЛИЗНЯК], [НЗЛКЛПУ 1989 ВАСИЛЬЕВА], [МСТСТМО 1996 МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ], [ЛЭТ-ПУ 2007 БАРАНОВ], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛТ-2019], [ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ], [ЛОИ-СЛТ 2009 ЛЕСНИКОВ], [ЛОИГ 2000 КИСЕЛЕВ], [КССЦ 2002 ШАЙМИЕВ], [КСОЛП 2008 СИНЮК], [КСЛТ 2008 ШИМАНОВСКАЯ], [КСЛТ 1995 ВАСИЛЬЕВА], [КСИАРТСКТ-ПУРЯ 2004 ЗЕМЛЯНОВА], [КЛСГ 2009 АРЗАМАСЦЕВА], [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ], [ИПТЯ 2007 СМИРЕНСКИЙ], [ИППКССУ 1981 СТЕПАНОВ], [ДТС-ФС 2000 МОРОЗОВА], [ВЯУСЛТ 2008 ГРЯЗНОВА], [ВЯКСЛТ 2010 ДАНИЛЕНКО], [ВПЛ-2000 СОСНИНА], [ВОРЛМКЛ-СЛТ 2006 РОХЛИНА], [ВМЯ-

ПУ 1979 НАЛИМОВ], [ВЛС 1967 КОНДАКОВ], [ВИКИ 2013], [ВИКИ 2013], [БССТ 2019 ЛЕСНИКОВ], [БСЛТ-2003 СТОЛЯРОВА], [БЛС 2008 СТАРИЧЕНОК], [АРЛС 2003 БАРАНОВ]

#АЛГОРИТМ МЕТАЯЗЫКОВОЙ=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#ГРАММАТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК=[ТСМТИЯ-2017 ЖАРКОВА], [МСТСТМО 1996 МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ]

#ИНВАРИАНТНО-МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ=[СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО]

#КОДИРОВКА МЕТАЯЗЫКОВАЯ=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#КОНТЕКСТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ=[НЗЛЛППУ 1985 ЗАЛИЗНЯК]

#ЛИНЕЙНОСТЬ В МЕТАЯЗЫКЕ=[СЛ-ПУ 1965 ШАУМЯН], [СЛ-ПУ 1965 ШАУМЯН]

#МАТЕМАТИКА КАК МЕТАЯЗЫК=[ВМЯ-ПУ 1979 НАЛИМОВ]

#МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА КАК МЕТАЯЗЫК=[ВМЯ-ПУ 1979 НАЛИМОВ]

#МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕТАЯЗЫКОВАЯ=[АШКЛПУ 2000 СКРЕБЦОВА]

#МЕТАМЕТАЯЗЫК=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК TSL=[СИОДПУ 2004 МАРТЫНЕНКО]

#МЕТАЯЗЫК ВЕРБАЛЬНЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК ЕСТЕСТВЕННЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ=[ССТ 2011 СОЛОМОНИК]

#МЕТАЯЗЫК И ТЕРМИНОЛОГИЯ=[ЛТЛНКСЛТ-2017 ГАНИЕВА]

#МЕТАЯЗЫК ИСКУССТВЕННЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК КУЛЬТУРЫ=[ССК 2009 МАХЛИНА]

#МЕТАЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ=[ОЯПУ 1966 СТЕПАНОВ]

#МЕТАЯЗЫК МАШИННОГО ПЕРЕВОДА=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#МЕТАЯЗЫК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК НЕФОРМАЛЬНЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК ПЕРЕВОДА=[ТПС 2006 НЕЛЮБИН], [ССХАПТ-СП 2011 ДЕМИДОВА]

#МЕТАЯЗЫК СЕМАНТИЧЕСКИЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ], [НЗЛКЛПУ 1989 ТУРОВСКИЙ]

#МЕТАЯЗЫК СИСТЕМНОЙ ФОНОЛОГИИ=[ТЛСОСФ-ПУ 1995 ЧЕРКАСОВ]

#МЕТАЯЗЫК СЛОВАРЯ=[ТПЛСС 2011 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [САЛТАРЯ-СЛТ 2000 ВАЙНШТЕЙН], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛРЯУМК-2013 ПОЦЕПНЯ], [ЛРЯТГ 2008 ДУБИЧИНСКИЙ]

#МЕТАЯЗЫК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫК ФОРМАЛЬНЫЙ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ]

#МЕТАЯЗЫКИ=[СБДТЯ 2010 ЛЕСНИКОВ]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ КОДИРОВКА=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ=[ССЛЭТП 2011 СУЩЕНКО]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ=[ССЛЭТП 2011 СУЩЕНКО]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ РЕЧИ=[НЛСКПУ 1975 НАРЦИССОВА]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА=[ССТ 2006 МИХАЛЬЧЕНКО], [СЛТСРЯ 2011 АЛИЕВА], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА]

#МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ=[ЧЛТ-СЛТ 2004 ДАНИЛОВА], [СТМК 2013 ЖУКОВА], [СС 2010 МАРТИН], [РМ СТМ 2004 БЛИНОВА], [РМ СТМ 2004 БЛИНОВА], [РМ СТМ 2004 БЛИНОВА], [ОСЛТ 2009 КУЛИКОВА], [НЛСКПУ 1975 НАРЦИССОВА], [ЛСРЯ-2012 САМОТИК], [ВЯУСЛТ 2008 ГРЯЗНОВА]

#МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ=[РМ СТМ 2004 БЛИНОВА]

#МЕТАЯЗЫКОВОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ=[ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА]

#МЕТАЯЗЫКОВОЙ АЛГОРИТМ=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ РИТОРИКИ=[ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА]

#МЕТАЯЗЫКОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ=[ЯАО 1996 ГАСПАРОВ]

#МЕТАЯЗЫКОВОЙ=[НРРНСЛТ 1993 2 БАРАНОВ], [ЛТС 2003 АПРЕСЯН], [ИСЛППАСЛ 2009 АПРЕСЯН], [АРЛС 2003 БАРАНОВ]

#МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ЗНАНИЯ=[АПСЛПБПЛ 2011 ЧУРИЛИНА]

#НЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ МЕТАЯЗЫКИ=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#ОБЫДЕННЫЙ МЕТАЯЗЫК=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#ОПИСАНИЕ НА МЕТАЯЗЫКЕ=[АРЛС 2003 БАРАНОВ]

#ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТАЯЗЫКА=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#ОПУЩЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ИЛИ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА МЕТАЯЗЫКЕ=[АРЛС 2003 БАРАНОВ]

#ПЕРЕВОД НА МЕТАЯЗЫК=[НЗЛЛАЕЯПУ 1986 ЗАЛИЗНЯК]

#ПОРОЖДАЮЩАЯ СХЕМА МЕТАЯЗЫКОВОГО ОПИСАНИЯ=[СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ], [СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]

#ПРОБЛЕМА МЕТАЯЗЫКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТЕОРИИ=[ТПС 2006 НЕЛЮБИН]

#СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАЯЗЫКИ=[НЗЛПЛ ПУ ЗЕВАХИНА]

#СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК=[СТПРЯ-ТЛ 2002 ЛИЗУНОВА], [ЛЭТ-ПУ 2007 БАРАНОВ], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА]

#СПЕЦИАЛЬНЫЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ МЕТАЯЗЫК=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫЕ МЕТАЯЗЫКИ=[ЛСУ 2003 ЛАЙОНЗ]

#ФУНКЦИЯ МЕТАЯЗЫКОВАЯ=[ОР 1986 ДЮБУА]

#ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА МЕТАЯЗЫКОВАЯ=[СПУ 2005 КРОНГАУЗ], [ВЯПУ 2008 НЕМЧЕНКО]

Анализ СЛТ показал, что в большинстве случаев источник дефиниции и иллюстраций в явной форме указывается не всегда (в частности, на словари СЛТ, а также в случаях, когда текст словарной статьи практически идентичен в нескольких источниках). Приведём лишь один пример:

#ПАДеЖНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

= Разновидность примыкания, предполагающего выражение зависимого компонента падежными и предложно-падежными формами имени, связь которых с номинаторами господствующего компонента предельно ослаблена: приехать пятого мая; ложка из дерева; кто-то в голубом; красивый лицом. Падежное примыкание было выделено в рамках Русской грамматики 1980. В подавляющем большинстве синтаксических работ это новшество принято не было. [РСАП-2004 Ломов]

#ПАДеЖНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

= Разновидность примыкания, предполагающего выражение зависимого компонента падежными и предложно-падежными формами имени, связь которых с номинаторами господствующего компонента предельно ослаблена: приехать пятого мая; ложка из дерева; кто-то в голубом; красивый лицом. Падежное примыкание было выделено в рамках Русской грамматики 1980. В подавляющем большинстве синтаксических работ это новшество принято не было. [СССРЯ2007 Ломов]

#ПАДеЖНОЕ ПРИМЫКаНИЕ

= Разновидность примыкания, предполагающего выражение зависимого компонента падежными и предложно-падежными формами имени, связь которых с номинаторами господствующего компонента предельно ослаблена: приехать пятого мая; ложка из дерева; кто-то в голубом; красивый лицом. Падежное примыкание было выделено в рамках «Русской грамматики – 1980». В подавляющем большинстве синтаксических работ это новшество принято не было. Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980. [ЭСЛТП 2008 Тихонов А.Н.].

Настоящий Вокабулярий фактически цитатный, экцерпторный, т.е., как правило, мы не прибегали к собственным толкованиям понятий, а старались найти готовые (краткие, но ёмкие), эксплицитные, эксцерпторные дефиниции из различных первоисточников, аббревиатуры и библиографии которых можно посмотреть в параграфе «Реферативно-аннотированное описание источников гизауруса» (в первом томе) и в интернете по адресу lsw.ru/2020/gizaurus2020.html. При этом, руководствуясь наставлением Л.В. Щербы «практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров. Я слышал такие суждения от первоклассных филологов. И действительно каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии, а, следовательно, трудно ожидать скорого окончания какого-либо хорошего словаря. А словари нужны, и надо находить какой-то компромисс» [Щерба Л.В. 1940], в словаре понятий метаязыка лингвистики приводятся в большинстве случаев не просто примеры использования тех или иных терминов метаязыка, а именно дефиниции этих понятий. Отдельно выделим СЛТ, в которых последовательно были указаны источники иллюстраций и/или дефиниций лингвистических терминов:

1) Шаймиев В.А. Краткий словарь современных лингвистических терминов в цитатах. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 233 с. Шаймиев В.А. Краткий словарь-справочник в цитатах 164 с. СЛТ Шаймиева В.А. представляет собой сочетание терминологического словаря и хрестоматии, включая исходные, оригинальные дефиниции многих понятий современной лингвистики в основном в виде цитат: «#МЕТАЯЗЫК. ”Развитие языка ребенка зависит от его способности вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке. Метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других знаковых системах. <...> Межличностная коммуникация, одна из необходимых предпосылок самого доступа ребенка, постепенно дополняется внутренним оперированием с языком” (Якобсон Р,0. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 316)» [КССЦ_2002_Шаймиев].

2) Булахов М.Г. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5 тт. Мн.: БГПУ, 2002-2005. 50 экз. В Словаре Булахова М.Г. представлена русская лингвистическая терминология, которой пользовались языковеды в XVIII–XX вв. Основными источниками для отбора терминов являются исследования, грамматики и словари наиболее известных русских ученых и педагогов XVIII–XX вв.; из трудов XVII в., содержащих ранние терминообозначения, привлечена «Грамматика словенская» М. Смотрицкого; частично использовались данные трудов иностранных ученых XIX–XX вв., переведенных на русский язык.

3) Немченко В.Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 592с. 2000 экз. 4175 терминов. В словаре «текстовые иллюстративные примеры представляют собой разные по объему выдержки из текстов специально обследованных работ, содержащие описываемые термины, которые приводятся в виде цитат после объяснения значений терминов. Они служат для пояснения, уточнения значений терминов, указанных в заголовках словарных статей». Ссылки на первоисточники даны весьма последовательно, практически в каждой словарной статье: «Слово-рема. То же, что рематическое слово (Зол., 1982, с. 293). Слово-синтаксема. 1. То же, что синтаксическая форма слова (Зол., 1982, с. 48, 65). 2. То же, что связочное слово (по И.И. Мещанинову) (Вин., 1947, с. 663). Слово-сказуемое. Слово, употребляемое в функции сказуемого (Зол., 1982, с. 103). Слово-тема. Слово, являющееся темой предложения (высказывания) (Зол., 1982, с. 293)».

В этих СЛТ последовательно даны цитаты и ссылки с указанием страниц на дефиниции терминов лингвистики.

На неизбежную лакунарность и авторские предпочтения отбора словника для СЛТ указано, напр., в предисловии к «Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2008. 840 с.»: «Авторы разделов исходили из собственного понимания необходимости включения тех или иных терминов и понятий, поэтому неизбежна **лакунарность состава словника** и подачи материала. Однако это не означает, что в энциклопедическом словаре представлена какая-то одна точка зрения. При необходимости в словарные статьи включались прямые высказывания лингвистов или давалось изложение их взглядов на понимание существа проблемы или термина, т.е. подача языкового материала сохраняется в авторском варианте. Отбор терминов, подача материала носят экспериментальный характер и обусловливают необходимость проверки в практике использования словаря, поэтому авторы будут благодарны за все критические замечания, направленные на улучшение подобного издания».

В большинстве случаев используемый текст словарных статей приходилось сокращать, в частности, за счет иллюстративных примеров, а также чтобы добиться некоторого однообразия подачи материала. В словарь включены термины, определения к которым нашлись хотя бы в одном авторитетном лингвистическом источнике (словаре, справочнике, энциклопедии, монографии классиков языкознания; в академическом журнале «Вопросы языкознания»). По указанным библиографическим ссылкам можно найти информацию подробнее.

За некоторыми исключениями не включены в словарь названия языковых семей, языковых групп, подгрупп и отдельных языков, а также имена учёных-языковедов.

Термины в словаре располагаются, как правило, в алфавитном порядке. Однако для ряда словарных статей используется гнездовой способ. Ряд вокабул (напр., омонимы, многозначные слова) дублируются в разных лексико-фразеологических гнездах и иногда без обязательного соблюдения алфавитного порядка. Все гнёзда разбиты на несколько подуровней.

Понимая важность строгих критериев гнездового подхода, остановимся лишь на следующем: (1) гнёзда формировались не по тематическому, а по формальным основаниям; (2) первый уровень – это просто буквы русского алфавита от А до Я; (3) второй уровень – это терминоэлементы в качестве компонента, выделяемого в структуре термина, которые представлены: а) одним из компонентов двусоставного или многосоставного термина, в том числе словами восходящими к древнегреческой и латинской традициям и составляющим пласт интернационализмов в терминосистемах национальных метаязыков лингвистики; б) суффиксоидом; в) морфемой – также формантом, формативом, грамматическим маркером, т.е. аффиксом или префиксом (приставкой), интерфиксом (внутренней флексией), суффиксом, которые нередко оказываются латинского или греческого происхождения. Для выделения терминоэлементов в конце словарной статьи Вокабулярия используется помета «§ формант».

Литература

1. Лесников С.В. Базовые первоисточники гизауруса метаязыка лингвистики // Лексикографические штудии: международная коллективная монография / под ред. Н.В. Пятаевой; Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Вып. 4. – Riga: BVKI, 2020. – С. 40–90.

2. Лесников С.В. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). Труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. – М.: МГУ, 2014. – С. 268–269.

3. Лесников С.В. Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки // Проблемы истории, филологии, культуры. №3 (33) 2011. – М.: Магнитогорск: Новосибирск: РАН, 2011. – С. 30–34.

4. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». 14–17 сентября 2001. – М.: ОЛЯ РАН: Научн. журнал «Вопросы филологии»: Инст. иностранных языков, 2001. – С. 280–281.

5. Лесников С.В. Конструирование словника словаря терминов метаязыка лингвистики с помощью методики вычисления веса базисных терминов метаязыка лингвистики // Социально-когнитивное функционирование языка. – Кемерово: КГУ, 2017. – С. 155–170.

6. Лесников С.В. Конструирование терминологического корпуса русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №4 (137). – С. 94–110.

7. Лесников С.В. Концепция разработки и создания цифрового академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ) // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – №19. – С. 293–305.

8. Лесников С.В. Основные латинские терминоэлементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – №12 (107). – Вып.10. – С. 37–45.

9. Лесников С.В. Синопсис гизауруса (гипертекстового тезауруса) метаязыка лингвистики как отражение системности языка // Информация – коммуникация – документ (ИКД-2020): сб. науч. ст. по материалам I Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Пенза, 24–25 сентября 2020 г.) / под ред. Л.Р. Фионовой, О.И. Семянковой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 72–104.

10. Лесников С.В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. Раздел: Филология. – 2011. – №6 (31) Часть 2. – Декабрь. – С. 6–10.

11. Лесников С.В. Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 335–360.

12. Лесников С.В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – №4. – С. 84–89.

13. Лесников С.В., Булыгина Д.С., Лесников А.В., Лесников Г.С. Конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2015. – Т. 2. – №11. – С. 326–333.

14. Лесников С.В., Лесников А.В., Лесников Г.С., Фарина А.М. Алгоритм разработки и создания цифрового академического словарного корпуса /АСК/ русского языка / РЯ // Международный научный журнал «Современные информационные технологии и ИТ-образование», [S. l.], v. 15, n. 2, july 2019. – С. 362–374.

15. Лесников С.В., Мызников С.А. Цифровой корпус академических толковых словарей русского языка: алгоритм разработки и создания // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2019. – Том 78. – №4. – Июль-август. – С. 13–24.

Гизаурус создан при при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований /РФФИ/ по инициативному исследовательскому проекту (грант) №11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С.В. Лесников) и издательскому проекту РФФИ №20-112-00215 «Метаязык лингвистики» и РФФИ №19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века», а также при финансовой поддержке в рамках проекта Российского научного фонда №18-18-0019 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (Лесников С.В. – исполнитель и модератор портала metdict.ru) [ЛСВ.РФ, ГИЗАУРУС.РФ, МФРЯ.РФ].

КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Лобовикова

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского,
к.с.н., доцент; e-mail: lobovikova@yandex.ru
ЛНР, г. Луганск

Статья посвящена исследованию культуры как основы интеграции ЛНР и Российской Федерации. В статье язык рассмотрен как важный элемент культуры. Русский язык в силу историко-культурных традиций играет определяющую роль в консолидации и культурном развитии народа Луганской Народной Республики. Социокультурное развитие в рамках интеграционных процессов между ЛНР и Российской Федерацией реализуется благодаря гуманитарной программе: реализуются совместные проекты, проводятся мероприятия, заключаются соглашения о дружбе и сотрудничестве в различных сферах деятельности.

Ключевые слова: *культура; русский язык; интеграция; ЛНР.*

В широком смысле под культурой понимают специфическую совокупность средств, способов, форм, образцов и ориентиров взаимодействия людей со средой существования, которое они производят в совместной жизни по поддержанию определенных структур деятельности и общения. В узком смысле в социологии под культурой понимается система коллективно разделяемых ценностей, убеждений, образцов и норм поведения, присущих определенной группе людей.

Культура включает следующие основные элементы:

1. Язык как система знаков, наделенных определенным значением, которые используются для хранения, преобразования и передачи информации.

2. Ценности (представление о счастье, о цели, о смысле жизни), ценности общественного призвания, межличностного общения, демократических свобод, ценности, которые разделяются членами семьи и др.

3. Нормы, в которых выражаются требования общества к поведению отдельных лиц и социальных групп.

4. Сложные образцы поведения: обычаи, традиции, обряды.

Культура – это не просто сочетание духовных элементов (представления, знания, убеждения, ценности, нормы и т.п.), а способ, метод ценностного освоения действительности. Это то повторяющееся, что воплощается в практической деятельности в устойчивых образцах деятельности. Освоение культуры формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе, нации, религии и т.д. Вместе с тем, в отдельных случаях она может выполнять и функцию дезинтеграции, объединяя одни общности и социальные группы и противопоставляя их другим.

В современном обществе культура выполняет ряд функций: функцию социальной памяти (хранение и передача человеческого опыта), социального контроля, образовательную, воспитатель-

ную, коммуникативную, регулятивную, инновационную функцию, функцию интеграции и дифференциации общества.

Культура как фактор интеграции социума приобретает важное значение в условиях военного противостояния на нашей земле. Особенно существенна роль культуры в интеграционных процессах между ЛНР и РФ. В рамках интеграционной программы по взаимодействию с Российской Федерацией реализуется ряд проектов по обмену опытом в сфере культуры, образования и других сферах деятельности.

Участие представителей культуры и искусства ЛНР в мероприятиях в рамках интеграционного процесса с РФ способствует развитию культурной жизни в Республике. В ЛНР функционируют 249 публичных библиотек, семь культурно-досуговых учреждений, 218 клубов, 20 музеев, 48 школ эстетического воспитания, три театра, филармония, цирк, а также Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского – кузница кадров для учреждений культуры. Учитывая значимость повышения уровня профессионального актерского и музыкального исполнительского мастерства, поиска новых форм и решений в искусстве основной акцент в сотрудничестве с российскими коллегами сделан на проведение гастролей, наработке долгосрочных партнерских отношений с учреждениями и организациями Российской Федерации.

В 2017 году был создан Интеграционный комитет «Россия – Донбасс» как постоянно действующая структура, деятельность которой нацелена на усиление процессов гуманитарной, социальной, культурной интеграции Донбасса и Российской Федерации.

Социокультурное развитие в рамках интеграционных процессов между ЛНР и Российской Федерацией реализуется благодаря гуманитарной программе; реализуются совместные проекты, проводятся мероприятия, заключаются соглашения о дружбе и сотрудничестве в различных сферах деятельности. За время работы интеграционной программы Луганская Народная Республика и Российская Федерация провели более тысячи совместных мероприятий. Подписаны договоры о сотрудничестве между учреждениями культуры ЛНР и различными учреждениями субъектов РФ, заключаются договоры в сфере спорта. Республиканские общественные организации, профсоюзы учреждений культуры, творческие коллективы ведут активную совместную деятельность со своими коллегами из РФ, появляются новые точки соприкосновения.

В декабре 2020 г. при поддержке Министерства культуры, спорта и молодежи ЛНР в рамках интеграционных мероприятий с РФ почти сто студентов из ЛНР, ДНР и России приняли участие в IV Международной студенческой научно-практической конференции «Коммуникативное пространство современности как сфера действия PR и рекламы», организованной совместно кафедрой рекламы и PR-технологий ЛГАКИ им. Матусовского и кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского Федерального университета [4].

Взаимодействие научного сообщества и институтов гражданского общества выступает значимым фактором в укреплении межрегиональных связей России и Донбасса, совместное участие некоммерческих организаций РФ и Донбасса в развитии общественной дипломатии, развитие сотрудничества России и Донбасса в социокультурной сфере уже дает свои плоды.

Президент России В.В. Путин 24 апреля 2019 года подписал указ, позволяющий жителям ЛНР и ДНР получить гражданство РФ в упрощенном порядке – это огромный шаг на пути к воссоединению Донбасса с Россией.

Есть говорить о республиканских учреждениях культуры в интеграционных процессах необходимо отметить роль Академического русского драматического театра имени Луспекаева, Луганского академического украинского музыкально-драматического театра на Оборонной, в котором и сейчас зрители спектаклей могут услышать украинский язык; театра кукол, кстати, который даже во время боевых действий не прекращал работы; библиотек, Краеведческого музея, музея истории Луганска, Краснодонского музея «Молодая гвардия», Луганской академической филармонии и Луганского государственного цирка, Луганской государственной Академии культуры и искусств им. Матусовского и др.

Мы рассматриваем язык как важный элемент культуры. Русский язык занимает фундаментальное место в культурной, духовной и политической жизни Луганской Народной Республики. Русский язык – один из самых распространенных языков мира. Русский язык является одним из шести официальных языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций, имеет статус мирового языка и используется практически во всех бывших республиках СССР. Исключительная роль русского языка состоит в том, что он применяется в разных сферах межгосударственного общения: как язык науки, дипломатии, международной торговли, туризма и др. Язык является своеобразным генофон-

дом национальной культуры, выполняет в жизни народа этноидентифференцирующую и этноинтегрирующую функции, выступает носителем духовной самостоятельности нации.

Язык обеспечивает общение, взаимопонимание людей, он обслуживает все сферы человеческой деятельности, выступая одним из основных условий существования человеческого общества. Как социальное явление язык – это достояние всего социума. Русский язык как универсальное средство передачи социального опыта играет важную роль в самосознании народа, является важнейшим источником и средством познания и хранения традиций национальной культуры и истории, первоэлементом художественной литературы. Это язык великой поэзии и литературы, великих побед и достижений человечества, великого братства и единения народов, великого государства с тысячелетней историей. Это язык выдающихся мастеров слова, наших земляков – Козака Луганского; В.И. Даля, М.Л. Матусовского и других.

Несмотря на Европейскую Хартию «О региональных языках и языках национальных меньшинств», еще в 2006 году на нашей земле были предприняты попытки внести на законодательном уровне озвучивание «Единая нация, единый язык, единая церковь» и тот факт, что 46% граждан Украины имеют родственников в России, сегодня языковой вопрос – это в Украине не столько тема научной дискуссии, сколько трагедия, разрывающая страну, разделяющая народ.

Согласно статье 30 Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», все поставщики услуг, независимо от формы собственности, обязаны обслуживать потребителей и предоставлять информацию о товарах и услугах на украинском языке. С 16 января 2021 года в Украине вступает закон, который предусматривает обязательное использование украинского языка в сфере услуг. За использование русского языка нарушителей ждут крупные штрафы – об этом говорится в законопроекте, опубликованном на сайте Верховной Рады Украины. Организации в сфере услуг и торговли должны перейти на обслуживание исключительно на украинском языке [3].

На Луганщине на проблему двуязычия исследователи обращали внимание – еще в 2009 году была проведена научно-практическая конференция «Равноправие украинского и русского языков – основа консолидации народа Украины». В Киеве Донбасс не слышали и – мы прекрасно помним о Майдане и тех событиях, которые начались в нашем регионе в 2014 году. Согласно результатам еще довоенных социологических исследований, 92% жителей Луганщины считали русский язык родным.

Именно русский язык в силу историко-культурных традиций играет определяющую роль в консолидации и культурном развитии народа Луганской Народной Республики. Статья 10 Конституции нашей Республики определяет русский язык единственным государственным языком, используемым гражданами повсеместно [2].

Закрепление на государственном уровне русского языка как государственного языка Луганской Народной Республики способствует не только защите и поддержке русского языка, но и приумножению и обогащению духовной культуры государства, усилению интеграционных процессов между ЛНР и Российской Федерацией. Президент РФ В.В. Путин справедливо отметил: «Именно русский язык был главным выразителем и носителем народного единства. Скреплял большой Русский мир, который простирается далеко за пределы России» [1].

Осознавая значимость поддержки и защиты русского языка в современном мире различными государственными структурами, Русская православная церковь проводит различные форумы, мероприятия, способствующие гармонизации межнациональных культурных отношений и формированию русского культурного наследия; а культурный потенциал выступает важным фактором интеграционных процессов нашей Республики.

Литература

1. Всегда помнить // Российская газета – Столичный выпуск. – №248 (6224). – Режим доступа: https://rg.ru/2013/11/04/putin-site.html

2. Конституция Луганской Народной Республики. – Режим доступа: https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya

3. Ломовая Е. Сфера обслуживания перейдет на украинский язык с января: что это значит. – Режим доступа: https://yandex.ua/turbo/vesti.ua/s/strana/sfera-obsluzhivaniya-perejdet-na-ukrainskij-yazyk-s-yanvarya-chto-eto-znachit.

4. Почти сто студентов Республик Донбасса и РФ приняли участие в онлайн-конференции по рекламе и PR на базе ЛГАКИ. – Режим доступа: https://mklnr.su/news-main/6929-pochti-sto-studentov-respublik-donbassa-i-rf-prinyali-uchastie-v-onlayn-konferencii-po-reklame-i-pr-na-baze-lgaki.html

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Т.А. Лоськова
МБОУ «Средняя школа №14»,
учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории;
e-mail: 16tamara2014@gmail.com
Россия, г. Арзамас

Развитие лингвокультурологической компетентности – важнейшая задача уроков русского языка в условиях реализации ФГОС. Проекты лингвокультурологической направленности способствуют развитию познавательных навыков, умения самостоятельно конструировать свои знания, умения увидеть, сформулировать и решить проблему.

Ключевые слова: *лингвокультурология; проект; русский язык; современная школа.*

Современная школа призвана решать проблему совершенствования речевой деятельности учащихся и повышения их речевой культуры, которая является не только основой общей культуры, но и средством формирования социально успешной личности, свободно ориентирующейся в культурологическом пространстве, способной к эффективному речевому взаимодействию. Развитие лингвокультурологической компетентности – важнейшая задача уроков русского языка в условиях современной школы. Решать эту задачу помогает организация проектной деятельности лингвокультурологической направленности, поскольку такой вид работы способствует развитию познавательных навыков, умения самостоятельно конструировать свои знания, умения увидеть, сформулировать и решить проблему. Целью обучения становится развитие у учащихся самостоятельной активности, направленной на освоение нового опыта. В результате применения проектной деятельности формируются компетенции в сфере самостоятельной познания, умения и навыки критического мышления в условиях работы с большими объемами информации, навыки работы в команде.

Проектная деятельность учащихся, направленная на создание лингвокультурологических энциклопедий, эффективна на уроках русского языка в 5–9 классах, поскольку не только обогащает речь детей, но и учит видеть текст частью культурологического пространства, способствует знакомству с произведениями разных видов искусства.

В 7 классе предметом проектной деятельности может стать создание лингвокультурологической «Энциклопедии Зимы». Выбор закономерен, поскольку на уроках русского языка дети сталкиваются с произведениями искусства, в которых звучит тема зимы: ряд текстов упражнений, работа над сочинением в форме дневниковых записей по картине И. Попова «Первый снег» и написание текста для телепередачи по картине К.Ф. Юона по картине «Конец зимы. Полдень». Используется учебник «Русский язык. 7 класс» (Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. М.: Просвещение). Выбор проекта обоснован и особым эмоциональным настроем на «зимнюю» тему: чувства детей, наблюдающих первый снег, ожидание светлых зимних праздников, предчувствие весны.

«Энциклопедия Зимы» может включать несколько разделов: «”Зимние” слова»; «Цветовая лексика зимы»; «Лингвокультурологические словари к художественным текстам»; «Словарь зимних праздников»; «Зимняя тема в живописи. Сочинения по картинам русских художников».

При создании раздела «”Зимние” слова» дети не только подбирают слова данной тематической группы, работают со словарями, но и изучают семантические поля слов, находят примеры использования слов в произведениях русских писателей и поэтов. Составление «цветового» словарика поможет в работе с картинами при анализе колорита. Третья часть проекта основная, поскольку дети практикуются в лингвокультурологическом анализе текста. Работа над четвёртым разделом позволяет ребятам окунуться в культурные традиции нашей страны. Знакомство с произведениями живописи способствует расширению кругозора учащихся, развитию у них культуроведческой компетенции.

Деятельность по реализации проекта может строиться по-разному: система занятий, когда каждый учащийся примет участие в создании всех разделов Энциклопедии, или работа в группах, когда ребёнок составляет один из разделов.

На первом этапе реализации проекта создается раздел, включающий «зимние» слова. Учащиеся развивают наблюдательность, расширяют словарный запас, формируют навыки работы с различными словарями, готовятся к созданию собственных текстов. Настроиться на работу поможет выпол-

нение рисунков на тему «Зимняя природа». Дети рассказывают о том, какой зимний месяц они изобразили и почему, какая погода, какое время суток показаны на рисунке.

Затем предлагаются следующие задания: запишите на карточках слова на тему «Зима». Сгруппируйте их по частям речи, по темам. Составьте словосочетания и предложения с данными словами, сформулируйте значения слов. Рассмотрите, как данные слова представлены в различных словарях.

На первом этапе важно научить ребят видеть, что слово, находясь в тесных семантических связях с другими словами, образует вокруг себя смысловое поле. Составление семантического поля поможет детям осознать системность лексики, её взаимосвязь с другими разделами языка, это в дальнейшем облегчит работу над созданием словарной статьи для лингвокультурологического словаря. Например, семантическое поле слова «холодный».

Лексико-семантические отношения: *мёрзлый, студёный, морозный*.

Родственные отношения: *холод, холодильник, охладитель, охлаждать, охлажденный*.

Синонимические отношения: *низкотемпературный, морозный, студёный, мёрзлый, ледяной, стылый, хладный*.

Антонимические отношения: *горячий, тёплый, жаркий*, знойный.

Второй раздел лингвокультурологической энциклопедии подразумевает знакомство с «Цветовой лексикой зимы». Следует отдельно выделить работу над словами данной тематической группы, так как учащиеся часто затрудняются в подборе слов, обозначающих цвет. Обращение к детским рисункам акцентирует внимание на том, какие краски использовали ребята. Рассмотрим и репродукцию уже знакомой картины И.Э. Грабаря «Февральская лазурь», поскольку полотно очень точно передает всевозможные оттенки снега.

Примерные вопросы и задания. *Какую цветовую лексику можно использовать и при создании рисунка и при описании зимнего дня? Каким бывает снег? Запишите прилагательные, обозначающие цвет. Какие ещё определения можно дать снегу? Каким бывает зимнее небо? Каким мы видим солнце? Подберите имена прилагательные для описания зимнего неба и солнца. Составьте словарик эпитетов «Таким бывает снег». Какова культурологическая значимость каждого образа?*

На данном этапе целесообразно обратиться к символике цвета в иконописи, в фольклоре, где цвет несёт богатейшую смысловую нагрузку.

Раздел «Лингвокультурологические словари к художественным текстам» можно считать основным разделом нашей энциклопедии. Выделяем несколько этапов работы:

1. Этап ориентировки, на котором выдвигается проблема исследования, формулируются цели и задачи, выдвигается предварительная гипотеза о значимости слов лексико-семантической группы «Зима», определяются методы работы (чтение и анализ текстов, работа со словарями, анкетирование).

2. На этапе планирования подбираются тексты для лингвокультурологического анализа, словари, обсуждается план статьи, выбирается вариант оформления словаря.

3. Этап реализации предусматривает следующие стадии: анализ подобранного текста и создание к нему лингвокультурологического словаря; работа со словарями; подготовка устного высказывания; написание собственного текста художественного стиля; защита проекта на уроке.

Дети учатся определять ключевые слова, составлять словарную статью, выявлять культурологическую значимость слова. Для подготовительной работы используем тексты сказок, «детских стихотворений», что вызовет у ребёнка дополнительный интерес и создаст благоприятные условия для каждого ребёнка. Например, текст сказки «Снежинки» Д. Кайгородова.

Жили-были снежинки. Родились они в снежном облаке высоко над землей.

Все они были похожи друг на друга, как сестры, но у каждой был свой наряд. Одна была совсем как звездочка с шестью лучами. Другая напоминала цветок с шестью лепестками. А третья сверкала, как драгоценный камешек.

Выросли снежинки и полетели к земле белой стаей. Их было так много, что никто не мог сосчитать.

Земля уже была близко, но ветер не давал снежинкам спокойно опуститься. Он кружил их в воздухе, подбрасывал, заставлял плясать под свою дикую музыку.

И все-таки снежинки одна за другой достигали земли. Они словно только и думали о том, как бы поосторожнее опуститься и сохранить в целостности свой хрупкий наряд.

Одни снежинки ложились на сжатое поле, другие находили себе ночлег в лесу – на ветках и под деревьями. Некоторые укладывались на крышах домов.

Примерные вопросы и задания. *Сформулируйте лексическое значение слова «снежинка». Посмотрите, как значение слова формулируется в разных словарях. Выясните происхождение слова. Отметьте словообразовательные связи. Какое значение имеет слово «шестигранный»? Определите значение слова «земля». Приведите примеры употребления слова в других значениях. Что обозначает слово «хрупкий»? Как вы понимаете выражение «дикая музыка»? Укажите в первом абзаце текста слова, употребленные в переносном значении. Какие еще слова употреблены в данном тексте в переносном значении? Почему? Найдите сравнения. Какова их роль? Назовите синонимы в последнем абзаце. Какова их роль?*

После анализа текста следует предложить детям составить словарик снежинок или собственное высказывание на основе ключевых слов. Ребята выполняют описание снежинки, учатся обращать внимание на детали. Сочинения могут быть оформлены в виде снежинок. Конкурс на лучшую снежинку способствует привлечению внимания к предмету, создает возможность для реализации творческих способностей всех учеников.

На следующем этапе дети приступают к самостоятельному составлению лингвокультурологического словаря к художественному тексту. Задания могут быть индивидуальными и групповыми. В связи с выбранной темой предлагаются следующие произведения: стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы», Б. Пастернака «Зимняя ночь», «Снег идет», Н. Рубцова «Первый снег», «Выпал снег», В. Брюсова «Первый снег».

Примерный план анализа текста

– Каковы ваши впечатления от произведения?

– Чем интересен для вас данный текст?

– Внимательно перечитайте художественный текст, определите главные образы и ключевые слова.

– Как трактуются эти слова в различных справочниках и словарях? Установите этимологические, синонимические, фразеологические, словообразовательные связи ключевых слов.

– Как трактуются эти слова в различных справочниках? Установите фольклорные (мифологические, библейские) истоки того или иного образа.

– Как можно толковать ключевые слова (на основе прямого или переносного значения, этимологии, на основе жизненных ассоциаций, общефилософских представлений, языческих верований, библейских образов)?

– Какова культурологическая значимость образа-символа в данном произведении?

На уроке, где реализуется данный проект, можно использовать одно или несколько из предложенных стихотворений. На данном этапе обсуждаем возможный вариант словарной статьи.

1. Лексическое значение слова.

2. Этимология слова. Важно произвести этимологический анализ слова, что во многих случаях поможет прочувствовать стилистическую окрашенность слова, его принадлежность к определенному пласту культуры.

3. Синонимические связи. Подбирая синонимы, дети значительно расширяют свой словарный запас.

4. Фразеологизмы. Подбирая фразеологизмы, крылатые выражения, пословицы, выясняя их значение, учащиеся выявляют связь слова с народной культурой, мифологией и религией.

5. Словообразовательное. Представляет интерес, на каком этапе образовано слово, является ли основа производной или производящей.

6. Ассоциации. Пользуясь различными справочниками и энциклопедиями, дети выясняют, какие ассоциативные связи имеет слово в разных пластах русской культуры.

Составление лингвокультурологического словаря помогает выявить культурную значимость образов-символов, дифференцирующую роль образов, находящихся в одном семантическом поле с главным словом, способствует выявлению различных культурных коннотаций. Дети видят тесные взаимодействия различных пластов культуры, что углубляет и расширяет понимание всего текста. Красочное оформление словаря способствует развитию творческих способностей детей.

При реализации данного проекта мы не сможем обойтись без четвертого этапа работы, посвященного созданию «Словаря лексики зимних праздников», поскольку этот раздел вызывает особый интерес, помогает от слова перейти к изучению традиций разных народов, показывает слово как элемент культуры.

Создание различных разделов энциклопедии способствует глубокому проникновению в «зимнюю» тему, помогает подготовить детей к реализации пятого этапа проекта «Зимняя тема в живописи. Сочинения по картинам русских художников».

Учитель самостоятельно выбирает картины для работы, но целесообразно включить работу над картиной И. Попова «Первый снег» в последний этап реализации проекта. На уроке будут использоваться произведения различных видов искусства, главной темой станет изображение первого снега в литературе и живописи, дети смогут не только расширить свой словарный запас, но и проникнуться духом начала зимы.

Далее обращаемся к картине И. Попова «Первый снег». Предварительная работа с произведениями других видов искусства поможет детям рассказать о своих впечатлениях от первого снега, настроиться на восприятие картины. Предлагаем такие вопросы и задания:

– Какие чувства вызывает у нас первый снег?

– Как выразить свое восхищение?

– Какие средства художественной выразительности можно использовать?

– Составьте таблицу-словарик к картине «Первый снег», выделив тематические группы «Снег», «Небо», «Дома», «Тротуар», «Люди», «Деревья», «Собака».

– Каким может быть первый снег?

– Какие детали картины вы отметите?

– Могут ли девочки, изображенные на картине, быть знакомы автору?

– О чем говорят следы на снегу, ведущие к героиням?

– Почему вдруг замер щенок?

– Все рады первому снегу. Город ещё только просыпается: 8.00. А что будет через час? А когда вы вернётесь из школы? А вечером? (задание из учебника).

– Попробуйте написать сочинение в форме дневниковых записей.

В 7 классе предусмотрено написание сочинения по картине К.Ф. Юона «Конец зимы. Полдень», ребята должны создать текст для телевизионной передачи «Времена года».

Дети заранее могут подготовить, например, виртуальную экскурсию по картинам русских художников. Затем переходим к анализу картины К.Ф. Юона.

Вопросы по картине:

– Какие чувства охватывают нас при рассматривании картины?

– Как художник показывает конец зимы и начало весны?

– Удалось ли автору передать ощущения, которые испытывает человек в конце зимы?

– Какие детали привлекли внимание автора? Какие деревья? Как изображён дом?

– Какую цветовую гамму использует художник?

– Запишите слова и словосочетания, отражающие состояние природы.

– Представьте, что вы готовите на телевидении цикл передач «Времена года». Как вы будете использовать картину К.Ф. Юона? Напишите текст выступления.

Логическим завершением проектной деятельности становится создание альбома, в который войдут лучшие работы (словари, сочинения, рисунки) детей.

Подобные виды заданий можно использовать на уроках русского языка при изучении разных разделов. Проектная деятельность помогает развивать речь и прививать любовь к слову, к культуре.

Литература

1. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. Русский язык. 7 класс. – М.: Просвещение, 2019.

2. Егорова Н.В. Поурочные разработки по русскому языку. 7 класс. – М.: ВАКО, 2018.

3. Пименова С.Н., Еремеева А.П., Купалова А.Ю. Русский язык. 7 класс. Методическое пособие к УМК «Русский язык». – М.: Вертикаль, 2014.

РАБОТА С КОНЦЕПТОМ «МУЗЫКА» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ (НА ОСНОВЕ ПОВЕСТИ В.Г. КОРОЛЕНКО «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»)

Н.А. Маслобойникова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант; e-mail: masloboinikova.natalia@yandex.ru
Научный руководитель: Никифорова О.В., к.филол.н., доцент
Россия, г. Арзамас

В статье рассмотрено применение методики концептуального анализа. Данная методика показана на примере концепта «музыка» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант». Такую работу целесообразно проводить на элективных курсах по русскому языку и литературе, целью которых является углубленное изучение художественных текстов. Такой вид работы формирует у учащихся навыки комплексного анализа текста, которые необходимы на ОГЭ и ЕГЭ.

Ключевые слова: *концепт; анализ; русский язык; методика концептуального анализа.*

Нам дан во владение самый могучий, богатый, меткий русский язык. Русский язык – это один из основных предметов в школе. Овладение его нормами способствует лучшему пониманию и усвоению других учебных предметов. Поэтому можно и нужно говорить о значительной роли русского языка и литературы в формировании личности человека.

Работа с концептами на уроках не является новой. Но учителя мало используют такую форму работы в своей практике. Но именно анализ концептов помогает сформировать умение использовать слова правильно, а разнообразные творческие задания развивают ум, воображение и фантазию учащихся. Так как работа с концептами не является новой, существует множество методик, касающихся использования концептуального анализа на уроках русского языка. Стоит отметить методические разработки таких исследователей, как Л.Г. Бабенко, Н.Л. Мишатина, Л.И. Новикова. [8] Нами предложен адаптированный к школьной практике вариант анализа концепта, который помогает сформировать у учащихся текстовую компетенцию. Данная методика иллюстрируется на примере концепта «музыка» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант».

Работа над концептом ведётся в несколько этапов.

1. Теоретический этап.

На данном этапе проходит подготовка к анализу. Учащимся сообщается теоретический материал по заданной теме (что такое концепт, кто ввел это понятие, кто его рассматривал, какие подходы существуют, какова структура концепта) [11].

2. Обнаружение ядра концепта.

После того как учащиеся усвоили теорию, можно переходить к практическому обучению. Для обнаружения ядра концепта нужно провести художественный анализ текста, обозначить его тему и идею. На этом этапе ученики работают с толковым словарем, определяют все оттенки значений главного слова, исследуют, в каких контекстах это слово реализуется.

В этом произведении автор раскрывает такую тему, как роль искусства в жизни человека.

Идея повести «Слепой музыкант» заключается в сложном постижении мира: маленькие победы главного героя над недугом, когда человек должен бороться за право быть человеком, несмотря на обстоятельства, должен преодолевать преграды на пути, чтобы найти себя.

Ядро концепта «музыка» в художественном дискурсе В.Г. Короленко представлено лексической единицей «музыка» и его производными.

Приступая к анализу музыкального концепта, реализованного в повести «Слепой музыкант» В.Г. Короленко, нужно ознакомиться со словарным значением ключевого слова.

Слово «***музыка»*** является полисемантом, которое имеет пять лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

1. Искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах. || Произведение или совокупность произведений этого искусства.

2. Инструментальная разновидность этого искусства в отличие от вокальной. || Исполнение, звучание инструментальных произведений.

3. *перен.* Гармоническое, приятное для слуха звучание чего-л.|| Совокупность каких-л. звуков.

4. *прост.* Оркестр. || Музыкальный инструмент.

5. *прост.* О каком-л. Налаженном деле, процессе и т.п. || О чем-л. тревожном, беспокойном и хлопотливом [4].

Первый лексико-семантический вариант лексемы «музыка» реализуется в следующих контекстах: *«Конечно, – рассуждал Максим, – музыка тоже великая сила, дающая возможность владеть сердцем толпы»* [5, с. 33]; *«Хотя музыка была обычным элементом в жизни тихой усадьбы, но вместе с тем это был элемент интимный, так сказать, чисто домашний»* [5, с. 77].

Также это слово употребляется во втором значении, когда говорится об исполнении, звучании инструментальных произведений: *«Хотя музыка была обычным элементом в жизни тихой усадьбы, но вместе с тем это был элемент интимный, так сказать, чисто домашний»* [5, с. 77].

Производными от слова «музыка» являются слова «***музыкальный»*** (образовано морфологическим способом, суффиксация), «***музыкант»*** (образовано морфологическим способом, суффиксация).

3. Обнаружение ближней периферии концепта.

На следующем этапе изучения концепта школьникам предлагается изучить ближнюю периферию, т.е. семы, у которых отсутствует один из признаков ядерности, имеющие большую яркость.

Таким образом, ближняя периферия концепта «музыка» в повести «Слепой музыкант» выражена следующими лексемами: «дудка», «фортепиано», «мелодия», «нота», «пьеса», «вальс».

На этом этапе учащиеся также работают со словарем.

Например, лексема «***дудка»*** используется в первом значении из двух предложенных:

1. Простейший музыкальный инструмент в виде полой трубки с отверстиями.
2. *мор.* Боцманский свисток [4].

В тексте мы находим следующее подтверждение. Например, *«Дудка вышла на славу»* [5, с. 22]; *«Иохим был совершенно доволен своей дудкой. Казалось, она была частью его самого <…>»* [5, с. 23]; *«<…> каждый оттенок его скорби тотчас же дрожал в чудесной дудке, тихо срывался с нее и звучно несся вслед за другими, среди чутко слушавшего вечера»* [5, с. 23].

4. Обнаружение дальней периферии концепта.

Дальняя периферия включает слабовероятностные и скрытые семы. Работа со словарем.

К дальней периферии относятся глаголы и существительные, обозначающие звуки природы: «шептаться», «стучать», «клекотать», «петь», «окрик», «щебетание».

Например, Слово **«шептаться»** полисемант. Эпидигма составляет два значения.

1. Говорить между собой тихо, шепотом. || Разговаривать с кем-л. вполголоса, по секрету; секретничать. || *перен.* Слабо, едва слышно шуметь, шелестеть, журчать и т.п.

2. Заниматься сплетнями, пересудами, передавая потихоньку друг другу слухи, тайные разговоры.

В данном контексте слово *шептаться* употреблено в переносном (непрямом) значении. Оно образовано на базе первичного значения путем метафорического переноса, а именно олицетворение.

«А торопливая весенняя капель <…> **стучала** тысячью звонких ударов» [5, с. 11].

5. Обобщение и систематизация.

На этом этапе учащиеся приходят к выводу, что понятие «концепт» представляет собой следующую структуру:

1) ядро концепта – основное понятие, семы, отражённые в словарных статьях;

2) центр (околоядерная зона) поля состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром и рядоположительными единицами дифференциологическое значение;

3) периферия (ближняя и дальняя) – коннотативные и ассоциативные приращения. Они наиболее удалены в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения [10].

Завершив анализ концепта «музыка», учащиеся приходят к выводу, что в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» музыка выступает одним из героев и «ангелом-хранителем» главного героя. Увлечение музыкой открывает для него невероятные краски окружающего мира, который Петр понимал на языке музыки. Звуки дают ему всю палитру чувств. Именно игра на дудке и занятия фортепиано позволяют мальчику, слепому от рождения, прочувствовать всю полноту жизни и построить семью. Музыка даёт ему почувствовать уверенность и осознание того, что он такой же полноценный член общества, как и все остальные.

Таким образом, анализ концепта помогает сформировать навыки работы со словарями и различного рода литературой, раскрыть все богатство и красоту лексики, увидеть «пространство» слова, а также способствует воспитанию у школьников бережного отношения к языку. В ходе проведения

занятий у учащихся формируется интерес к слову. Поэтому можно говорить о том, что внедрение элементов концептуального анализа благотворно повлияет на обучение русскому языку и литературе.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 284 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Большой энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. – 702 с.
4. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4-х томах / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 2990 с.
5. Короленко В.Г. Слепой музыкант. – М.: Детская литература, 1973. – 126 с.
6. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка. – М., 1993. – Т. 52. – №1. – С. 5–12.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 266 с.
8. Мишатина Н.Л. Развитие речи учащихся на основе концептуального анализа слова // Русский язык в школе. – 2006. – №6. – С. 19–22.
9. Петров В.В. Структуры значения: Логический анализ. – М.: Индрик, 2003. – 696 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
11. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. – Воронеж: Истоки, 2001. – 70 с.

ПОСТУЛАТЫ ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ЗДРАВОГО СМЫСЛА
(на материале художественного текста)

С.Г. Павлов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
к.филол.н., доцент; e-mail: sergeypavlov70@mail.ru
Россия, г. Нижний Новгород

В статье обсуждаются проблемы интерпретации художественного текста средствами лингвистической герменевтики. Кратко излагаются цели постструктуралистской герменевтики; вводится понятие «лингвистический здравый смысл». Лингвистический здравый смысл рассматривается как методологический минимум исследования содержания художественного текста. Формулируются постулаты лингвистического здравого смысла и на конкретном текстуальном материале анализируются примеры их соблюдения и нарушения. Основной вывод статьи сводится к двум утверждениям: 1) несоблюдение постулатов лингвистического здравого смысла наблюдается даже у специалистов по работе с художественным текстом (литературоведов, культурологов, текстологов); 2) нарушение постулатов лингвистического здравого смысла ведёт к неадекватности интерпретации художественного текста или его фрагмента.

Ключевые слова: *лингвистическая герменевтика; интерпретация; художественный текст; здравый смысл; лингвистический здравый смысл.*

Ошеломляющие открытия в области квантовой механики изменили представления о роли *ratio* и элементарного здравого смысла в познании. Оказалось, что законам микромира нет аналогов в повседневном опыте. Описание квантовых эффектов потребовало специфического языка и с точки зрения здравого смысла выглядит оксюмороном: «Современная физика знает много таких хорошо проверенных явлений, которые кажутся нелепостью, как, скажем, фраза, “деревянный обруч, изготовленный из железа”» [1, с. 5].

Здравый смысл несколько потерял кредит доверия в естествознании, но его роль в гуманитарном знании, на наш взгляд, возросла. Авторитет физики и общий интеллектуальный климат второй половины XX в. поставили под сомнение корреспондентскую теории истины и сделали плюрализм одним из главных принципов коммуникации, в том числе научного дискурса. Самым непосредственным образом это отразилось на принципах толкования художественного текста. Во второй половине XX в. герменевтика стала осознаваться в качестве альтернативы традиционной эпистемологии естественных наук, ориентированной на поиск объективной истинности языковых выражений. Постструктуралистская герменевтика сосредотачивается на общих принципах познания и анализе

его способов, часто безотносительно к объективному содержанию текста. Р. Барт, комментируя свой метод, указывает: «Интерпретировать текст вовсе не значит наделить его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [2, с. 33]; «…Мы стремимся установить не истину (глубинную, стратегическую структуру) текста, но его множественность…» [2, с. 40].

Постструктуралистская герменевтика отказалась от инвариантного, объективно существующего для любого читателя смысла текста, претензии на однозначную интерпретацию и, как следствие, от учёта авторского замысла. Здравый смысл прототипического читателя, напротив, всегда связывает написанное с личностью автора, пытаясь найти в тексте его мысли и оценки. Новые герменевтические принципы вывели интерпретацию за пределы читательского здравого смысла в область типологических параллелей, культурных аллюзий и реминисценций.

Не абсолютизируя роли здравого смысла в научном познании, следует признать его необходимость в толковании, ориентированном на реконструкцию авторского замысла. В любом, самом сложном, художественном дискурсе есть смыслы, алгоритмические выводимые из семантики языковых единиц и объективно обнаруживающие авторский замысел. И выводятся они не филологическим (семиотическим) анализом исследователя, а элементарным здравым смыслом читателя, умеющего адекватно оценить герменевтическую ценность текстового фрагмента и правильно понять определённое слово или выражение в нём. Таким образом, декодирование языковых значений служит предпосылкой объективного толкования.

Введение герменевтического понятия «здравый смысл» сталкивается с очевидной трудностью. Проблема состоит в том, что понятие *здравый* (смысл) неопределяемое, «метафизическое», в терминах Венского логического кружка. Разными людьми *здравомыслие* может квалифицироваться на диаметрально противоположных основаниях. Так, И. Кант определяет здравость ума по его способности увидеть в целостном единстве мироздания его Творца: «Великое единство в столь обширном целом позволяет заключать, что есть только один творец всех вещей, и хотя во всех этих умозаключениях не видно геометрической строгости, они всё же, бесспорно, содержат в себе достаточно убедительной силы, чтобы ни один разумный человек, следующий естественным правилам здравого ума, ни одного мгновения не сомневался в этом» [3, с. 504]. Другие же в подобных умозаключениях видят именно отсутствие здравого смысла.

Зона референции словосочетания *здравый смысл* не имеет единого понимания. Определяется она мировоззренческими установками, уровнем образования, социокультурным опытом человека. Представление о том, что такое *здравый смысл*, в каждом конкретном случае бывает весьма индивидуализированным. К универсальным признакам здравого смысла относится соблюдение корректности логических операций (анализа, синтеза, генерализации), на базе которых делаются выводы из сведений экстралингвистического характера – житейского опыта, реального или конструируемого исследователем на основе реального. Однако универсальные абстрактные категории часто наполняются специфическим содержанием в реальных условиях. На наш взгляд, указанная трудность заставляет не отказаться от понятия «здравый смысл» в герменевтических толкованиях, а лишь придать ему более чёткий и лингвистически релевантный смысл.

Лингвистическое содержание понятия *здравый смысл*, помимо универсальных признаков, должно включать специфический компонент. Представляется, что лингвогерменевтический здравый смысл (далее – ЛГЗС) можно определить как совокупность элементарных языковых и исследовательских компетенций, необходимых для толкования смысла текста или его фрагмента. ЛГЗС принадлежит к вербально-семантическому уровню языковой личности (в концепции Ю.Н. Караулова) и представляет собой методологический минимум при смыслоориентированном лингвистическом анализе художественного текста. В подавляющем большинстве случаев требования ЛГЗС совершенно избыточны, а его соблюдение выглядит банальной констатацией значения языковой единицы. Но встречаются ситуации, в которых именно следование ЛГЗС предотвращает ошибки толкования. Причём приходится убеждаться, что ЛГЗС соблюдается не всегда даже литературоведами и специалистами в области работы с текстом.

Специфические компоненты ЛГЗС целесообразно представить в виде постулатов, нарушение которых автоматически приводит к неверному толкованию:

1. Постулат языковой компетенции: необходимо знать лексическую и грамматическую семантику всех герменевтически значимых языковых единиц и прагматические условия их функционирования.

2. Постулат текстуальной идентичности: необходимо абсолютно точно воспроизводить языковые факты анализируемого текста.

3. Постулат достаточного основания: необходимо привести хотя бы один неопровержимый языковой (текстуальный) довод в пользу предлагаемой интерпретации.

Проиллюстрируем постулаты ЛГЗС на конкретном материале.

1. Постулат языковой компетенции.

1.1. Знание лексической и грамматической семантики языковой единицы. Однозначная идентификация незнания и игнорирования семантики герменевтически значимой языковой единицы возможна не всегда, поэтому оба случая объединены в один тип нарушения первого постулата.

В данном отношении естественную герменевтическую трудность представляет собой язык древних текстов (например, древнерусских). Однако и языковые факты относительно современных текстов могут быть для читателя (исследователя) семантически проблемными в самом элементарном случае – при определении лексического значения слова. Рассмотрим пример нарушения постулата языковой компетенции на материале стихотворения А. Ахматовой:

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен (А. Ахматова, «В последний раз мы встретились тогда…»)

Анализируя первое четверостишие, литературовед И. Гурвич пишет: «На первый взгляд двустишия семантически не соприкасаются, второе не подсказано первым, не согласуется с ним. <…> Если же вдуматься, то в логическом разрыве откроется зависимость, притом психологически достоверная. «Он говорил» о том о сём, о посторонних предметах, между тем для женщины, рядом стоящей, истекают драгоценные мгновенья последней встречи; сквозь легковесную болтовню её спутника прослушивается «последняя из всех безумных песен». Оттого так врезалось в память место встречи – место на карте города. <…> Второе двустишие по смыслу связано … не с буквальным содержанием первого, а с его эмоциональным подтекстом…» [4].

И. Гурвич опирается на психологию, но описанное психологическое переживание не является самоочевидным. Вполне можно представить, что в подобной ситуации у человека предельно упадёт уровень осознанности восприятия, и он не запомнит даже того, что запомнил бы в обычном состоянии. В тексте есть неучтённый или непонятый исследователем факт, который объясняет связь между двустишиями просто и строго доказуемо.

Последние две строчки первой строфы и первые две строчки второй представляют собой сложноподчинённое предложение с придаточным причины, вводимым устаревшим союзом *затем* ‘потому’ [5, стб. 974]. Ср. пример его употребления:

И снова я с людьми, – затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали (В. Брюсов, «Кинжал»).

Дополнительным маркером синтаксического единства предложения, разорванного межстрофным интервалом, является знак тире после главной предикативной части.

Совершенно очевидно, что *царский дом и Петропавловская крепость* запомнились лирической героине потому (*затем*), что именно во время последней встречи она их хорошо видела. Выяснение данного обстоятельства позволяет объяснить и контекстуально обусловленную семантику притяжательного местоимения *наш*. Разглядеть здания позволила необычная прозрачность воздуха. В тот день *воздух был не наш*, т.е. не петербургский – туманный и промозглый, а прозрачный настолько, что сравнивается с чудесным подарком Бога. Любые другие толкования будут необязательными и непосредственно из текста не вытекающими.

1.2. Учёт прагматических условий функционирования герменевтически релевантной языковой единицы.

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шёлковою кистью (Б. Пастернак, «Осень»).

Многие читатели видят в этой строфе странный промах Б. Пастернака, одевшего героиню в платье поверх халата. Элементарный здравый смысл (не лингвистический) заставляет усомниться

в ошибке. Поэту трудно было её не заметить в пределах одного предложения. Для правильной интерпретации недостаточно знать, что слово *платье* означает ‘одежда’: «1. Собир. Одежда, носимая поверх белья» [6, стб. 1344]. В данном случае именно прагматические условия – ближайшее соседство со словом *халат* – определяют выбор этого значения.

2. Постулат текстуальной идентичности.

2.1. Необходимо абсолютно точно воспроизводить языковые факты анализируемого текста.

… И нельзя
вступить в то же облако дважды. Даже
если ты бог. Тем более, если нет (И. Бродский, «Вертумн»).

Лирический герой стихотворения, направляясь с римским богом перемен Вертумном на его родину, идёт через облака. А.М. Ранчин, анализируя интертекстуальную перекличку Бродского с Гераклитом, пишет: «При переписывании, совершённом Бродским, исходное изречение приняло двусмысленный характер. Оно оказывается и истинным, и ложным. С одной стороны, вступить – в буквальном смысле слова – в облако нельзя даже однажды; с другой – попасть в (на) облако можно и дважды, и трижды (например, на самолёте)» [7, с. 62].

Мы полагаем, что исходное изречение («Нельзя войти в одну реку дважды») не претерпело в перефразировании Бродского смысловых изменений. Выражение *И нельзя вступить в то же облако дважды*, как и у Гераклита, означает невозвратимость прошлого. Двусмысленность его оказывается мнимой. Во-первых, вступить в облако «в буквальном смысле слова» можно. Глагол движения *вступить* имеет два типа употреблений: 1) наступить на что-либо лежащее на поверхности, по которой движется субъект (*вступить в грязь*); 2) войти во что-либо находящееся на пути движения субъекта (*вступить в лес*). Невозможно сомневаться, что русский язык допускает второй тип употребления глагола *вступить* при управлении существительным *облако*. Фраза *вступить в облако* не содержит ни логических (экстралингвистических), ни собственно языковых запретов. Облака могут находиться на пути движения человека, например, в горах. И в качестве описания способа проникновения в них может использоваться глагол *вступить* или контекстуально синонимичные ему глаголы (*войти, врезаться* и т.п.).

В том же стихотворении Бродский пишет:

Дорога туда, естественно, лежала сквозь
облака…

Конструируя гипотетическое продолжение этого предложения, получаем приблизительно следующий вариант: *Мы вступили* (*вошли*) *в облако* (*облака*). В синодальном переводе Библии Бог двигается в облаке, следовательно, Он в него вошёл: [Бог] «Который шёл перед вами … ночью в огне, чтобы указывать вам дорогу, по которой идти, а днём в облаке» (Втор. 1:33).

Во-вторых, попасть в облако на самолёте действительно можно столько раз, сколько позволит существование облака. Однако у Бродского речь идёт не просто об облаке, а о *том же* облаке. Это существенное для понимания смысла стихотворения уточнение А.М. Ранчин не учитывает. Таким образом, трансформируя лексический состав фразы Гераклита, Бродский не меняет философского содержания его мысли. Возвратиться через то же самое облако уже невозможно даже Вертумну: этому препятствует само его существование.

3. Постулат достаточного основания.

Словосочетание *достаточное основание* не должно вводить в заблуждение относительно однозначной «достаточности» тех условий, которые можно принять в качестве допустимых для той или иной интерпретации. Диапазон приемлемых доводов может простираться от предельно ясной очевидности до случаев, в которых величина аргументированности исчезающе мала.

Приведём пример интерпретации, основанной, на наш взгляд, на достаточном лингвистическом базисе. Воланд, узнав от Берлиоза, что оба литератора *атеисты*, вскрикивает: *Ох, какая прелесть!* Слово *прелесть* современный читатель интерпретирует в привычным для себя смысле: «3. Обычно *ед*. В знач. сказ или приложения. разг. о том, кто (или что) вызывает восхищение, пленяет, чарует» [8, стб. 227].

Однако есть основание видеть здесь языковой приём, контаминирующий данное значение с церковнославянским значением слова *прелесть* ‘заблуждение, прельщение, обман’ [9, с. 486]. Формальным показателем имплицитной реализации церковнославянского значения служит междометие *ох*, используемое вместо более приемлемого в таком контексте междометия *ах*. Данные Национального корпуса русского языка поддерживают эту интерпретацию. В НКРЯ в 52 документах находится

60 вхождений варианта *Ах, какая прелесть* [10] и только один раз встречается вариант *Ох, какая прелесть* [11]. И это именно анализируемый нами случай из романа «Мастер и Маргарита».

В диахроническом аспекте слово *прелесть* состоит из двух элементов: префикс с семантикой трансформации *пре-* и др.-русск. *лесть* ‘заблуждение, ошибка, грех’ [12, с. 259]. Прелесть – это ложь, измышлениями превращённая в правду; ложь, выдающая себя за правду. Именно прельщение и имплицитная издёвка над собеседником являются доминирующей тактикой речевых стратегий Воланда. Он лжёт, перемешивая ложь с правдой. В анализируемом речевом акте совмещены два значения – русское и церковнославянское. Воланд действительно выражает восхищённое удовлетворение тому, что литераторы – атеисты. При этом он издевательски, скрытым от них образом, указывает на их заблуждение.

В заключение рассмотрим случай последовательного нарушения двух постулатов – достаточного основания и текстуальной идентичности. В.А. Лётин трактует усадьбу супругов Товстогубов из гоголевской повести «Старосветские помещики» как образ рая. В качестве аргумента в пользу этой интерпретации выдвигается гипотеза о возвышенном расположении усадьбы, что в мифопоэтической традиции есть знак сакральности локуса. В основу рассуждений исследователя положен глагол *вижу*, употреблённый при описании товстогубовского поместья в переносном значении ‘вижу мысленным взглядом’: «Использование глагола «вижу» … превращает дальнейшее повествование в воспоминание дорогого сердцу автора *зрительного образа*» [13, с. 56]. Это справедливо, но нет никакой необходимости предполагать, что зрительное восприятие воспроизводит, как полагает В.А. Лётин, «воображаемый въезд рассказчика в усадьбу» [13, с. 56], ведь мысленным взором можно обходить памятные места в любой последовательности и в любом направлении.

В.А. Лётин пытается показать, что о возвышенном расположении усадьбы «свидетельствуют косвенные факты»: *«Только при условии, что одноэтажное здание барского дома Товстогубов … находится выше крон, окружающих его деревьев сада, оно будет целиком, включая галерею вокруг него, видно при приближении к усадьбе издалека»* [13, с. 56–57]. Совершенно очевидно, что ни один реально доступный для путешественника ракурс не даст возможности увидеть круговую галерею целиком: это возможно только при взгляде вертикально сверху. Параллельно исследователем нарушается постулат текстуальной идентичности. В описании Гоголя садовые деревья не «окружают» дом, а находятся *за ним*: *Я отсюда вижу низенький домик с галереею <…>. За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых дерев…*

Кроме того, в данном случае Гоголь не следует принципу единства времени, что делает предположение о «въезде» ещё менее убедительным. Упомянутые в описании растения имеют разные временные маркеры (время указывается по нижней границе цветения, появления или созревания растений на Украине): *душистая черёмуха* (*душистая*, следовательно, цветущая) – начало мая; *багряные вишни* – конец июня; *низенькая свежая травка* – начало мая; *яхонтовые сливы* – середина июля; *груши, яблоки, дыни* – середина июля. Таким образом, от гипотезы о возвышенном расположении дома Товстогубов приходится отказаться, так как её аргументация нарушает постулаты достаточного основания и текстуальной идентичности.

Итак, лингвистический здравый смысл, при всей его тривиальности и, казалось бы, избыточности, служит необходимым методологическим минимумом толкования художественного текста. Как показывает наше исследование, введение данного понятия позволит существенно оптимизировать моделирование художественной действительности – сделать процедуру толкования более убедительной, прозрачной и верифицируемой.

Литература

1. Каройхази Ф. Истинное волшебство. – М.: Атомиздат, 1980. – 161 с.

2. Барт Р. S/Z. – 2-е изд., испр. / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.

3. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Кант И. Сочинения. В 6 тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1963. – 543 с.

4. Гурвич И. Художественное открытие в лирике Ахматовой // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. 3. С. 153–175. – URL: https://voplit.ru/article/hudozhestvennoe-otkrytie-v-lirike-ahmatovoj/. (дата обращения: 10.02.2021).

5. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 4: Ж–З / гл. ред. В.И. Чернышёв. – М–Л.: АН СССР, 1955. – 1364 стб.

6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 9. П-пнуть / гл. ред. В.И. Чернышёв. – М–Л.: АН СССР, 1959. – 1482 стб.

7. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 464 с.

8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 11. Пра-пятью / гл. ред. В.И. Чернышёв. – М–Л.: АН СССР, 1961. – 1842 стб.
9. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. – М: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1159 с.
10. Национальный корпус русского языка. – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=Ax%2C+какая+прелесть (дата обращения:10.02.2021).
11. Национальный корпус русского языка. – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=Ox%2C+какая+прелесть (дата обращения:10.02.2021).
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18. Потка-преначальный. – М.: Наука, 1992. – 288 с.
13. Лётин В.А. Гоголевские усадьбы: райские места и домашний ад русской действительности // Гоголь. Via et verbum: pro memoria: коллективная монография. – М.: Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – 320 с.

О ПРЕВРАТНОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А.В. Пряников
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.ф.н., доцент; e-mail: Pryanikoff14@yandex.ru
Россия, г. Арзамас

В статье рассматриваются трудности синтаксического разбора простого предложения, обусловленные как сложностями самого объекта анализа, так и различными подходами современных синтаксистов к анализируемым синтаксическим единицам; затрагивается проблема разработки синтаксических анализаторов, призванных решить одну из задач, относящихся к методам автоматического анализа естественного языка.

Ключевые слова: *простое предложение; бисубстантивное предложение; сказуемое; синтаксический анализ; синтаксический разбор предложения онлайн; синтаксический анализатор; парсер.*

«Как подчеркнуть?» – едва ли не единственный вопрос, волнующий умы школьников (да и студентов), занимающихся синтаксическим разбором простого предложения. Отчасти снять эту головную боль призваны многочисленные сервисы в сети Интернет, обещающие возможность «быстрого и грамотного» (!) синтаксического разбора предложения любой сложности. По уверениям разработчиков, эти сервисы могут использоваться как для тренировки и подготовки к тестам, так и при решении домашних заданий (рис. 1).

Таблица 1. Сервисы для осуществления синтаксического разбора предложения онлайн

НАЗВАНИЕ	ТРЕНИРОВОЧНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ	РАЗБОР СУЩЕСТВУЮЩЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОНЛАЙН	МОБИЛЬНАЯ ВЕРСИЯ
Progaonline	Нет	Да	Приложение для Андроид
Школьный помощник	Да	Нет	Нет
GoldLit	Нет	Да	Нет
Seosin	Нет	Да	Нет
Морфология онлайн	Нет	Да	Нет
Грамота	Нет	Да	Нет
Дельфин	Нет	Да	Нет

Далее материал более подробно рассматривает все приведенные в таблице сервисы.

Рис. 1. Скриншот сайта [8]

Если «быстрота» такого разбора сомнений не вызывает, то «грамотность» его оставляет много вопросов. Безусловно, с предложениями типа «Мама мыла раму» сервисы справляются, а вот предложения посложнее зачастую получают неожиданную и (или) неоднозначную характеристику. Вот, к примеру, как предлагается разобрать начальное предложение романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» (рис. 2):

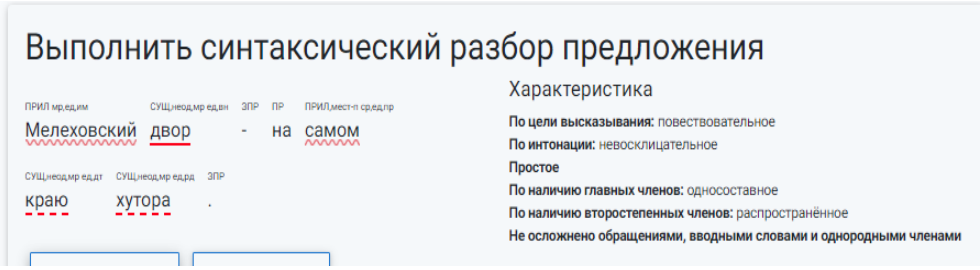

Рис. 2. Скриншот сайта https://textovod.com/syntax

Попробуем проверить, отличит ли сервис полное односоставное определённо-личное предложение от предложения двусоставного неполного с отсутствующим подлежащим (рис. 3–4):

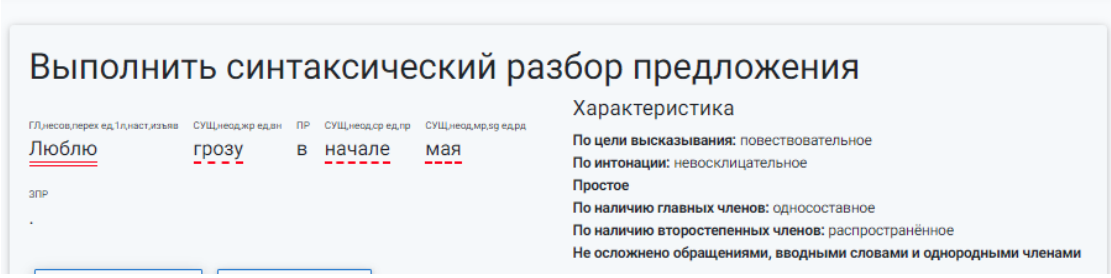

Рисунок 3. Скриншот сайта https://textovod.com/syntax

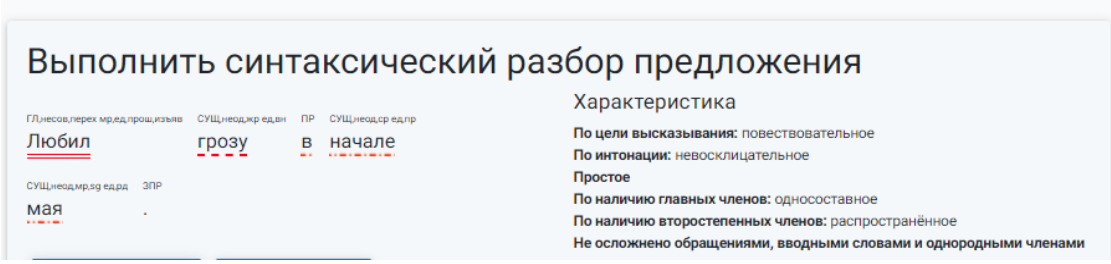

Рис. 4. Скриншот сайта https://textovod.com/syntax

Как видим, «почувствовать разницу» не удалось, и вопрос о том, возможно ли это в принципе, остается открытым, поскольку сами специалисты в области компьютерной лингвистики признают, что одной из задач, относящихся к методам автоматического анализа естественного языка, которая ещё не нашла общепризнанного решения, является синтаксический анализ – «наиболее сложный этап досемантической обработки текста, без которого невозможно осуществлять процедуры извлечения фактов, автоматического перевода, реферирования, построения вопросно-ответных систем и многое другое» [4, с. 44].

К числу проблем, затрудняющих создание идеального синтаксического анализатора (парсера) для русского языка, разработчики подобных сервисов относят особенности синтаксической организации русского предложения, в частности, «относительно свободный порядок слов («мать любит дочь»)», «омонимию на уровне слов и словоформ (например, слово «его» с высоким индексом неоднозначности)», «синтаксическую неоднозначность («трость из кости Екатерины Второй»)» [4, с. 51]. Поскольку работа синтаксических анализаторов строится на основе формальных морфологических параметров и не учитывает лексическое значение слова, разработчики не могут «опираться на семантические свойства лексем для устранения возникающей синтаксической неоднозначности» [4, с. 51]. Вместе с тем именно эта «синтаксическая неоднозначность» сплошь и рядом проявляет себя в русском предложении, выявить и разрешить которую можно лишь путём вдумчивого анализа, обладая умением «чувствовать» язык, на что, собственно, и нацелен синтаксический разбор предложения. В противном случае, к примеру, форма творительного падежа имени существительного с предлогом ***с*** для изучающих русский язык навсегда останется в роли дополнения, назначенной ей «бесчувственной» машиной (ср.: *Ешь пирог* ***с молоком*** и *Ешь пирог* ***с картошкой***).

Морфологические формы функционируют в предложении; именно там они «оживают», обрастая синтаксическими связями и попадая в особое синтагматическое окружение, которое в конеч-

ном итоге и определяет их синтаксический статус как того или иного члена предложения. Именно наблюдения за жизнью слова в предложении, его способностями выполнять определённую синтаксическую функцию и связанными с этим возможными метаморфозами в его семантике должны, как нам представляется, предварять вопрос «как подчеркнуть?» В этой связи предлагаемые онлайн-сервисы по синтаксическому разбору предложения оказывают медвежью услугу, не только освобождая обучающихся от необходимости думать, но и зачастую дезориентируя их своей квалификацией синтаксических явлений и фактов.

Под понятие «синтаксической неоднозначности» можно подвести широкий круг проблем, обусловливающих возникновение трудностей при проведении синтаксического разбора простого предложения в части определения синтаксической функции словоформ. Так, К.З. Закирьянов [3], рассматривая отдельные трудные случаи разбора, выделяет, во-первых, трудности, связанные с определением объёма (границ) членов предложения (выраженность члена предложения свободными словосочетаниями, обозначающими одно понятие, фразеологическими, лексически и синтаксически неразделимыми сочетаниями слов; осложнённые формы сказуемого; обособленные второстепенные члены предложения; парафразы (тропы), представляющие собой описательное выражение, заменяющие одно слово), во-вторых, трудности, связанные с квалификацией членов предложения (в особенности неморфологических и синкретичных), и, в-третьих, трудности, связанные с определением синтаксической функции инфинитива, который, как известно, может выступать в роли любого члена предложения.

Кроме названных, при синтаксическом разборе возникают и иные трудности, связанные, в частности, с проблемой разграничения предложений полных односоставных и неполных двусоставных, которая, как нам представляется, коренится в неоднозначной трактовке самого понятия главного члена односоставного предложения. Ещё в начальной школе даётся гениальное по своей простоте определение подлежащего и сказуемого: подлежащее – это то, о чём говорится в предложении, а сказуемое – то, что говорится о подлежащем, то есть сказуемое призвано характеризовать подлежащее. Позднее же, при изучении односоставных предложений, чаще всего предлагается понимать под ними предложения с одним главным членом – подлежащим или сказуемым. Возникают закономерные вопросы: что же тогда характеризует сказуемое в односоставном предложении, где нет подлежащего, и чем оно отличается от предложения двусоставного неполного, где подлежащего тоже нет (ср.: ***Люблю*** *грозу в начале мая* и ***Любил*** *грозу в начале мая*)?

Действующий в школьном образовании принцип доступности не предполагает рассуждений о чисто грамматической природе главных и второстепенных членов предложения. Принято считать, что главные члены потому главные, что они выражают основную мысль (хотя это и не всегда так), а второстепенные эту мысль развивают, дополняют, тогда как главными они являются всё-таки потому, что призваны выражать грамматическое значение предложения – предикативность, без которой, как утверждал академик А. А. Шахматов, нет предложения. Предикативность включает в себя грамматические значения синтаксического лица (персональности), выражаемое в двусоставном предложении подлежащим, а также модальности и синтаксического времени (темпоральности), репрезентируемые сказуемым. В односоставном предложении все эти три значения заключены в одном главном члене, который лишь по форме совпадает либо с подлежащим, либо со сказуемым, и потому и должен называться просто главным членом и при синтаксическом разборе иметь соответствующее графическое обозначение, как вариант – подчеркивание тремя чертами.

Ещё одна проблема, обусловливающая трудности при проведении синтаксического анализа, связана с господствовавшим долгое время в русской синтаксической науке «вербоцетрическим подходом к сказуемому» [7, с. 58], согласно которому сказуемость тесно связана с глагольностью, а безглагольные синтаксические построения признаются либо односоставными, либо неполными или эллиптическими предложениями. Вместе с тем высокая продуктивность и активное функционирование таких конструкций в современном русском языке и детальное рассмотрение их грамматической природы позволяют говорить о существовании самостоятельного типа русского двусоставного предложения – бисубстантивного предложения, статус которого был определён профессором Н.А. Герасименко [1]; ею же в работе «Теория сказуемого П.А. Леканта и её развитие в современном синтаксисе» [2] прослежена смена научной парадигмы в изучении русского сказуемого, которая должна учитываться в практике обучения русскому языку.

Так, выбранное нами для проверки работы синтаксического анализатора предложение *Мелеховский двор – на самом краю хутора*, определённое последним как односоставное (или, как распространённый вариант его квалификации, двусоставное неполное с отсутствующим сказуемым),

всё-таки является полным двусоставным с составным именным (связочно-субстантивным) сказуемым с нулевой формой связки, выражающей грамматические значения реальной модальности и настоящего времени. Говорить о том, что предложно-падежное сочетание с пространственным значением в этом предложении выполняет роль обстоятельства места и входит в группу сказуемого, которое в предложении «не названо», «опущено» или «подразумевается», а под «подразумеваемыми» имеются в виду глаголы типа *находиться, располагаться,* не совсем корректно, поскольку эти глаголы нельзя отнести к полнозначным и самодостаточным для выполнения сказуемостной функции: они требуют обязательного восполнения своей семантики и, к тому же, легко могут быть заменены отвлечённой связкой *быть* (в том числе её нулевой формой), чего нельзя сделать с полнозначным глаголом. Возможность такой синонимической замены свидетельствует об «опустошении» вещественного значения глагола, превращении его в связку, ср.: *Двор* ***находился*** *на краю. – Двор* ***был*** *на краю*. Основную роль в выражении вещественного значения предикативного признака здесь играет именно предложно-падежное сочетание. Этим данный тип бисубстантивного предложения с «локально характеризующим значением» [1, с. 216] отличается от эллиптических, где действительно отсутствует, «подразумевается» глагольное сказуемое, которое в этом случае не может быть заменено связкой *быть*, ср.: *Татьяна в лес; медведь за нею…* (А. Пушкин) – при невозможности **Татьяна* ***была*** *в лес.*

Предложно-падежные сочетания с пространственной семантикой, оказываясь в несвойственной для себя синтаксической позиции предиката, традиционно, исторически закреплённой за глаголом, попадая в иное синтагматическое окружение, зачастую претерпевают серьёзные изменения в своей семантике, испытывая на себе давление этого нового для них грамматического статуса. Таким семантическим сдвигам способствует ряд факторов, отмеченных нами в другой работе [5, с. 123–124].

Можно говорить о том, что развитие аналитических предложно-падежных форм в современном русском языке привело к тому, что имя существительное во взаимодействии с десемантизированными глаголами-связками стало таким же полноправным средством выражения русского сказуемого, как и глагол, обогатив синтаксическую систему русского языка прежде всего в плане расширения возможностей передачи новых значений и отражения в предложении позиции говорящего [6, с. 100].

Подводя итог, ещё раз отметим, что грамотно провести синтаксический разбор предложения можно лишь с любовью к слову, предполагающей внимательное и чуткое отношение к языковым явлениям и фактам, что, увы, пока не во власти автоматизированных синтаксических анализаторов.

Литература

1. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. – М.: ИИЦ МГОУ, 2012. – 292 с.

2. Герасименко Н.А. Теория сказуемого П.А. Леканта и её развитие в современном русском языке // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Герасименко. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 30–35.

3. Закирьянов К.З. Трудности синтаксического разбора предложения по членам // Вестник ВЭГУ. – 2005. – №25–26. – С. 124–134.

4. Москвина А.Д., Орлова Д., Паничева П.В., Митрофанова О.А. Разработка ядра синтаксического анализатора для русского языка на основе библиотек NLTK // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сборник научных статей. Труды XIX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2016), Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г. – СПб.: Университет ИТМО, 2016. – С. 44–54.

5. Пряников А.В. Развитие предложно-падежных сочетаний имени существительного в современном русском языке: к вопросу об аналитизме в грамматическом строе русского языка // Научный диалог. – 2020. – №4. – С. 113–129.

6. Пряников А.В. Связочно-субстантивное сказуемое со значением внутреннего содержания в современном русском языке // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Герасименко. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 100–103.

7. Степанчиков М.А. О некоторых трудностях синтаксического разбора: непредикативные падежные формы составного именного сказуемого // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку: сборник материалов Межрегиональной конференции / отв. ред. Н.Б. Самсонов. – М.: Диона, 2018. – С. 57–62.

8. 10 лучших сервисов для синтаксического разбора предложения онлайн [Авторская подборка]. – URL: https://icookie.ru/sintaksicheskij-razbor-predlozheniya-onlajn/#progaonline

РУССКОЕ СЛОВО VS КОРОНАВИРУС: К ПРОБЛЕМЕ «ЯЗЫКОВОЙ САМООБОРОНЫ»

Т.Б. Радбиль
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
д.ф.н., профессор; e-mail: timur@radbil.ru
Россия, г. Нижний Новгород

Работа посвящена семантическим, лексическим и словообразовательным инновациям в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией коронавируса. Дается комплексная, лингвокогнитивная и лингвокультурологическая, интерпретация активных процессов в русском языке интернета в контексте проблемы «языковой самообороны».

Ключевые слова: *активные процессы; лингвокультурология; русская речь эпохи коронавируса; языковая самооборона.*

В работе представлен фрагмент продолжающегося исследования активных процессов в русском языке новейшего периода, которое связано с языковым осмыслением в речевой практике носителей современного русского языка новой реальности эпохи коронавируса и обусловленных ею условий коммуникации. Основные положения работы опираются на разработанные нами принципы анализа новых явлений в русском языке на разных уровнях языковой системы и в разных типах ее речевой реализации [1, с. 33–39], включающего комплексное описание активных процессов в лингвокогнитивном аспекте [2–3] с их последующей лингвокультурологической интерпретацией [4–6]. Очевидно, что проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется чрезвычайно актуальной. Предполагается, что предложенные исследовательские модели языка будут востребованы в теории и практике современных неографических штудий [6], а также в методологии и технологии производства лингвистических экспертиз разного типа [7–8].

Сегодня языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились новыми словами и выражениями, за которыми очевидным образом стоят новые форматы знания об изменившейся действительности. Возникло слово *коронавирус*; также существенным образом актуализовались и по необходимости переосмыслились уже имевшие место ранее, но отодвинутые куда-то на обочину, в неактивную зону «языкового существования» лексемы типа *пандемия* или *самоизоляция.* Но самое главное – не слова, а стоящие за особенностями их употребления ментальные и эмоциональные реакции людей на резко изменившиеся условия существования, когда носители языка с помощью родной речи демонстрируют действие механизмов психологической защиты, адаптации к новой реальности эпохи коронавируса. Сложный и неоднозначно интерпретируемый комплекс указанных реакций, использующих прежде всего языковой инструментарий, мы в настоящей работе условно именуем «**языковой самообороной**».

Понятие «языковая самооборона» в нетерминологическом употреблении впервые было использовано в одной из работ А. Вежбицкой для обозначения явлений «изобретения новых способов выражения» для тех эмоций, отношений и идей, которые, по тем или иным причинам, не могли открыто выражаться в условиях тоталитарного строя [9, с. 107–108]. В нашей работе мы позволили себе расширить богатую смыслами формулировку А. Вежбицкой, исключив из нее политические коннотации и применив ее к любым явлениям «изобретения новых способов выражения», которые могут (предположительно) иметь когнитивную, адаптивную или эмоциогенную значимость в плане ментального или ценностного освоения новых, во многом непривычных условиях существования для носителей языка. Мы коснемся лишь двух аспектов этого многогранного и во многом трудноопределимого феномена.

Первый аспект явления «языковой самообороны» мы условно именуем **социальным**. Он, на наш взгляд, наиболее близок к исходному, «идеологизованному» толкованию этого понятия, предложенному А. Вежбицкой. Ярким примером проявления «языковой самообороны» в этом аспекте является семантический сдвиг в современном употреблении лексемы *самоизоляция*, который рассмотрен нами подробно в работе [10].

Итак, в марте 2020 г. зафиксировано, если можно так выразиться, «второе рождение», или даже «перерождение», этого слова, которое ранее в русском языке употреблялось в совсем других значениях. Первоначально новое значение этого слова проникает в медийный новостной дискурс из англоязычных mass media, а само слово выступает, видимо, как словообразовательная полукалька

с английского *self-isolation.* Это его новое значение, которое заложено со стороны официального дискурса власти, толкуется в сетевом проекте о русском языке «Бюро Марины Королевой»: ʻдобровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии' (https://www.facebook.com/marina koroleva.org). Не менее важен и комментарий к «новому значению» слова *самоизоляция* в этом же интернет-источнике: «*Что еще важно: если судить по примерам из Нацкорпуса, у слова «самоизоляция» до сих пор был легкий негативный шлейф. Самоизолироваться (для государств, для режимов, для наций) – это плохо! И вдруг – новая «самоизоляция». Теперь «самоизолироваться» – это похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое. Тот, кто «самоизолировался» – помог себе и другим. <…> Теперь самоизолироваться можем не как раньше, а "в хорошем смысле"»* (https://www.facebook.com/marinakoroleva.org).

Однако и это новое значение, и рекомендуемая его позитивно-оценочная интерпретация приходят в известное противоречие с семантикой слова, которая имелась в дискурсивных практиках говорящих на русском языке, как минимум, начиная с 1930-х – 1940-х гг. По разным данным, оно фиксировалось и ранее, в конце 10-х гг. XX в. Его исходное значение во многом определяется обобщенной семантикой словообразовательной модели, которая в «Русской грамматике» характеризуется как способ чистого сложения с префиксодиом САМО-. Словообразовательное значение – название действия, направленного на того, кто его производит [11, с. 242].

Очевидно, что, с лингвокогнитивной точки зрения, в данных случаях реализована концептуальная схема ʻсубъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя' (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо / кого-либо). Указанная общая концептуальная схема, или когнитивная модель ситуации, может быть реализована в нескольких типах употребления слова *самоизоляция*, отражающих его исходную, первоначальную семантику в русском языке. Условно будем различать два базовых типа: (1) **индивидуально-личностный,** когда речь идет о самоизоляции личности – в двух вариантах: физическом (личность добровольно ограничивает себя в передвижениях, сидит дома и никого не хочет видеть) и психологическом (духовная самоизоляция личности, вовсе не обязательно сопровождающаяся ограничениями в пространстве или движениях); (2) **социально-политический,** когда речь идет о политике изоляционизма со стороны какого-либо государственного, политического или социального образования. Но для обоих вариантов можно отметить следующую импликацию, обязательную для правильного употребления слова: субъект (индивидуальный или социальный – неважно) действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежбицкой, по доброй воле.

Нетрудно видеть, что новое, в определенном смысле навязываемое сверху значение ʻдобровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии' неизбежно приходит в противоречие, с одной стороны, с исконной языковой семантикой слова *самоизоляция*, которая опирается на законы русского языка, на узус, а с другой стороны, с самоощущением говорящих на русском языке людей, которые чувствуют, что что-то не так с этим словом, и уж никак не воспринимают его «как похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое», как что-то «в хорошем смысле». Ведь для правильной, сообразной с логикой национального языка интерпретации когнитивной модели ситуации самоизоляции, неважно – с положительной или отрицательной оценочностью, существенна импликация добровольности. Именно с этим смысловым компонентом дискурсивное варьирование нового концепта *самоизоляция* испытывает наибольшие проблемы.

Это приводит к определенному алогизму в восприятии неолексемы, фиксация которого в речевой практике людей и определяется нами как рефлекс «языковой самообороны». Алогизм закрепляется посредством образования клишированных устойчивых и воспризводимых выражений – коллокаций с этим словом. Ниже на материале русскоязычного сегмента интернета рассмотрим несколько таких примечательных коллокаций, элиминирующих идею добровольности из естественно-языкового значения слова *самоизоляция*.

Отправить на самоизоляцию: *Врач рекомендовал* ***отправить*** *родителей школьников* ***на самоизоляцию*** (https://rg.ru/2020/09/03/reg-ufo/). – Семантика глагола *отправить* в этом контексте ʻнаправлять, посылать кого-л., что-л. с какой-л. целью, с поручением; командировать' [12], с ярко выраженной импликацией принудительности этого действия для его реципиента в когнитивной модели соответствующей ситуации, противоречит идее добровольности, заложенной в модели когнитивной ситуации самоизоляции.

Режим самоизоляции*: Как соблюдать* ***режим самоизоляции***? (https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/isolationquestions/). – Здесь не менее любопытна и семантическая эволюция слова *режим* в разных контекстах употребления указанной коллокации. Нетрудно

видеть, что в приведенном выше примере данное слово употреблено в значении ‘точно установленный распорядок жизни, занятий’ [13], в том же значении, что и в коллокациях *постельный режим, режим дня* и пр.

Реальность имплицитной семы ‘принудительность’ в коллокации *режим самоизоляции* доказывается возможностью ее экспликации в ряде контекстов посредством прилагательного *принудительный* и близкими по значению словами, например: *С сегодняшнего дня* ***режим принудительной самоизоляции*** *начинает работать* (https://www.business-gazeta.ru/article/ 63398).

Внутренняя противоречивость контекстов типа ***принудительная / вынужденная самоизоляция*** легко обнаруживается посредством простейшего логического анализа – методом подстановки эксплицированного толкования вместо интересующей нас лексемы: ‘принудительная (вынужденная) добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’.

Таким образом, мы видим, как в речевых практиках современных носителей языка регулярно воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом. В нашей предыдущей работе указано, что «официализированное» употребление слова *самоизоляция* имеет все признаки коммуникативной стратегии эвфемизации – «вуалирования некоторых негативных сторон сложившейся социальной реальности посредством манипулятивных механизмов апелляции к позитивным ценностям долга перед обществом, моральной ответственности гражданина, социально-полезного поведения и пр.» [10, с. 773].

С лингвокогнитивной точки зрения эту ситуацию можно трактовать в духе своего рода «языкового сопротивления», когда язык обнаруживает некую неправильность в новой реальности, фиксирует ненормальное, алогичное сложившееся положение дел в мире. Неприятие людьми «положительной» ценностной окрашенности этого слова как некое дезавуирование эвфемизма как раз и лежит в русле исследуемого нами феномена «языковой самообороны».

Второй аспект интересующего нас явления «языковой самообороны» можно условно именовать **психологическим, индивидуально-личностным**. Речь идет о случаях реализации адаптивной функции для возникающих в русской речи новообразований разного типа. Этот аспект можно проиллюстрировать на образовании в неформальной коммуникации слова ***корона*** как своего рода неофициального сокращения от ***коронавирус***. В речевой практике носителей языка в интернете оно, несомненно, осознается как неологическое, не до конца освоенное на концептуальном уровне, поэтому в большинстве случаев пишется в кавычках, но со строчной буквы (как признак нарицательности): *Новые ограничительные меры: узнаем, где снова свирепствует «****корона****»* (http://www.medargo.ru/news.php?id=11467). Для этого слова также характерно образование устойчивых моделей сочетания, своего рода коллокаций – например, ***поймать корону***: *И на приём попасть и «корону» не поймать* (https://zabnews.ru/statya/2020/09/11/); *Тренер Масвидаля поймал «****корону****». Бой с Усманом под угрозой* (https://www.vesti.ru/article/2427745).

Обратим внимание, что, в отличие от официального, грозно звучащего ***коронавирус***, его неформальный сокращенный вариант «***корона***» звучит уже не так грозно, потому что не воспринимается отстраненно, даже приобретает некоторую свойскость: «***Корона***» *нипочем. «Партизан» и «Црвена Звезда» в полуфинале Кубка Сербии собрали полные трибуны* (https://football.by/news/140628.html); *Названа группа людей, которая с рождения защищена от COVID-19. Кому же сегодня не страшна «****корона****»?* (https://tsargrad.tv/news/).

Мы видим, что «***корона***», в силу своей узнаваемости, «знакомости», в меньшей степени воспринимается как непосредственная угроза. Здесь работает когнитивный механизм «магии слова», когда, чтобы отвести беду, люди переименовывают само явление, несущее тревогу, как бы «смягчают» номинацию. В наших работах подобные эффекты, вслед за А. Вежбицкой [4], именуются как установка на эмпатию (личностную вовлеченность говорящего в номинацию события) [1; 6]. Эта важнейшая национально обусловленная черта русского дискурса и в непростых условиях пандемии COVID-19 помогает людям как бы сгладить негативные впечатления от грозящей им опасности, психологически адаптироваться к изменившимся условиям существования.

Схожий механизм психологической защиты лежит и в основе контекстного, речевого неузуального сужения значения слова *вирус*. Подобный смысловой механизм когда-то в советскую эпоху был характерен для употребления слова *партия*, которое означало вовсе не любую партию как нарицательное наименование, а конкретно – КПСС, единственно существующую партию в Советском Союзе. Во многих контекстах точно так же сегодня употребляется слово *вирус* – в значении

‘конкретный вид вируса, коронавирус, COVID-19’. При этом, по законам концептуальной метафоризации мифологического типа, он предстает как одушевленное сверхъестественное существо (злой дух): ***Вирус не ослабляет «мёртвую хватку»****: третья волна* ***свирепствует*** *в Иране* (https://eadaily.com/ru/news/2020/11/26/); ***Вирус боится*** *практически всех дезинфекторов – хлорки, спирта, водки, перекиси водорода* (https://rg.ru/2020/04/07/).

С лингвокогнитивной точки зрения подобные смысловые преобразования обычно свидетельствуют о ментальной и ценностной значимости обозначаемого явления для говорящих, его особой когнитивной выделенности в их картине мира. Язык таким употреблением словно утверждает, что есть только один вирус в мире, сегодня заслуживающий внимания и постоянно занимающий мысли его носителей. Такова форма своего рода защитной реакции людей в их речевой практике на ощущаемую ими опасность – точно в таких же целях на трансформаторных будках обычно рисуют что-то вроде черепа с костями, сигнализируя: «Не влезай – убьет!».

Также рефлексы «языковой самообороны» можно видеть и в особенностях употребления собственно лексических инноваций – заимствованных неолексем, которые, входя в речевые практики носителей русского языка, приобретают несвойственные им в языке-источнике свойства – идиоматичность, смысловую многоплановость, специфически русский эмоционально-оценочный фон и под. Примером такой инновации является функционирование неолексемы *ковид*. Так, она активно включается в «игровые» метафорические модели: *У* ***ковида женское лицо****? Большая часть заболевших коронавирусом в Челябинской области – женщины* (https://www.verstov.info/news/society/); ***Ковид крепчает***: в России выявили более семи тысяч зараженных за сутки (https://tolknews.ru/obsestvo/).

Нетрудно увидеть в этих и многих подобных им случаях языковою игру на основе трансформации фразеологизмов и / или других прецедентных текстов, имеющих хождение в современных речевых практиках носителей русского языка. Участие лексемы ***ковид***, обозначающей в общем не такое уж подходящее для веселья явление, в игровых моделях использования языка также, на наш взгляд, свидетельствует о реализации в подобных словоупотреблениях функции психологической адаптации.

Огромную роль в актуализации «языковой самообороны» играют языковые механизмы русского экспрессивного словообразования. Так, уже упомянутое выше слово ***ковид*** в значительной степени утрачивает свою «чужесть» для русского глаза и уха, входя в разнообразные чисто русские модели деривации. Так, сегодня очень распространено прилагательное *ковидный*: ***Ковидный*** *день календаря: вирусологи прогнозируют пик заболеваемости 7 ноября* (https://iz.ru/1077835/). Примечательно и вхождение этого слова в модели префиксального образования с размерно-оценочными приставками (исконными и заимствованными): *Ну да, инопланетное происхождение* ***сверхковида*** *еще не рассматривали* (https://eva.ru/forum/topic-tree-mobile.htm?topicId=3590251); *Объявится* ***суперковид*** *2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* (https://narprod.com/blog/klimenkov/60147.html); *Куда катимся? Люди! В кого нас превращают! Один ковид у нас,* ***недоковид****. Здоровья маме и малышу* (https://vk.com/wall-31980961_1303388).

Одним из ярких признаков культурной апроприации заимствований на словообразовательном уровне в нашей концепции [1] является возможность использовать модели диминутивного образования на базе заимствованных корней – ср. уменьшительно-ласкательное ***ковидик***: *И* ***ковидик*** *по степени патогенности очень слабенький. Он показал, насколько мы не готовы к той болезни психического, тотального помешательства, которое крошит экономику, психологию, (вызывает) другие болезни…*(https://tsargrad.tv/news/); *Об этом неоднократно и давно говорится, что* ***ковидик*** *скоро покажется детской болезнью* (https://buh.by/mes.asp?c=31&t=409543&b=1).

Образование подобных диминутивов опять же является свидетельством национально-специфичной русской когнитивной модели эмпатии, при которой говорящий становится эмоционально вовлеченным в ситуацию номинации, выражает исполненное добрых чувств отношение к объекту номинации и к ситуации в целом («выражение хороших чувств», согласно формулировке А. Вежбицкой [4]). ***Ковидик*** – это то, что уже вошло в мир говорящего, это уже что-то родное и близкое говорящему, присвоенное им и ставшее своим, знакомым, домашним, но уж никак не чужеродное, отстраненно-страшное и угрожающее.

Активно слово ***ковид*** и в разнообразных моделях словосложения: *На стройплощадке «быстровозводимого»* ***ковид-госпиталя*** *в Иванове появился первый каркас* (https://newsivanovo.ru/fn_623732.html). Часто модели словосложения используются в целях языковой игры для создания экспрессии и выражения адгерентной оценочности: *Маразм* крепчает*: в Красноярске* ***ковид-диссиденты*** *и* ***антимасочники*** *устроили митинг* (https://www.biwork.ru/news/).

При этом слов может быть создано и с нарушением стандартных словообразовательных моделей, по механизмам аналогического словообразования или с использованием иных способов окказиональной деривации. Ср, например, неолексемы ***ковидобесие → ковидобесный***: ***Ковидобесие.*** *Неутихающее* ***ковидобесное*** *безумие вынудило меня наконец-то написать подробный разбор происходящего* (https://tjournal.ru/flood/226016-kovidobesie). – Подобные контексты показывают, что в мире русского слова, например, глупость, пошлость и некомпетентность могут выглядеть и пострашнее ковида.

В целом мы видим, что «русский язык новейшего периода успешно справляется с вызовами, брошенными ему со стороны изменившейся реальности эпохи коронавируса. Язык как своего рода соборное сознание говорящих на нем людей не просто фиксирует новые реалии и новые смыслы, он подсказывает своим носителям путь в их интерпретации, т.е. решает эвристические и прогностические задачи по осмыслению новых условий человеческого существования» [14, с. 73]. Благодаря этому, русский язык сегодня выступает и как орудие «языковой самообороны» говорящих на нем людей.

Давно известно, что наш язык – вообще великий диагност, он свидетельствует об изменениях в нашей картине мира. Но важно и то, что он еще и великий психолог, потому что новые слова и выражения порой помогают людям справиться с когнитивным диссонансом, помогают пережить трудные обстоятельства, в том числе и с помощью юмора и иронии. В нашем языке, как в зеркале, отражаются все наши страхи и чаяния, боли и радости. По сути, язык – это мы сами. И поняв, что и почему сегодня происходит в языке, мы поймем многое и в себе – что и почему происходит с нами. И может, благодаря этому, нам станет чуть легче жить в таком непростом сегодняшнем мире, где правит коронавирус.

Литература

1. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. – 2017. – №2. – С. 33–39.

2. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – №1 (13). – С. 239–265.

3. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. – 375 с.

4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред.и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. – М.: Икар, 2000. – 312с.

6. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: колллект. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 325 с.

7. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №6. – С. 146–149.

8. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №3 (2). – С. 18–21.

9. Вежбицкая А. Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 107–125.

10. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – №4. – С. 759–774.

11. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / редкол. Н.Ю. Шведова (гл. ред) и др. – М.: Наука, 1980. — 783 с.

12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. Т. I. – М.: Русский язык, 2000. – 1168 с.

13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. Т. II. – М.: Русский язык, 2000. – 1088 с.

14. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. – 2021. – №1. – С. 63–79.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта №20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

АКТУАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Л.В. Рацибурская
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, д.ф.н., профессор; e-mail: racib@yandex.ru
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются современные деривационные процессы узуального и неузуального характера в социокультурном и лингвокультурологическом аспектах: использование в деривационных процессах социально значимых слов, ключевых словообразовательных формантов и моделей, экспрессивных способов словообразования.

Ключевые слова: *деривация; ключевые слова; ключевые форманты; ключевые модели; способы словообразования.*

Динамика жизни современного российского социума находит своеобразное отражение в различных языковых и речевых процессах, в том числе в процессах деривационных. Социальная обусловленность современных деривационных и других языкотворческих процессов отмечается в работах многих ученых, и в частности в работах Л.А. Климковой [1–3].

В 2020 году события, связанные с пандемией коронавируса, не только значительно изменили жизнь российского социума, но и способствовали активизации языкотворческих процессов. «Появление новых речевых метафор, мемов, лексических, словообразовательных инноваций, связанных с этой проблематикой и фиксируемых в последние несколько месяцев, демонстрирует языковое творчество как неотъемлемую часть языка, адаптирующее наши способы и формы взаимодействия с внеязыковой реальностью» [4, с. 98]. Словообразовательный механизм современного русского языка откликается на полную противоречий и социальных катаклизмов российскую действительность новообразованиями, широко представленными в медийных текстах. Анализ медийных неодериватов «не только дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов, но и позволяет понять, каким именно образом в языковом сознании в ходе номинации осмысливаются новые явления современной общественной жизни» [5, с. 10].

В результате процессов словотворчества в медийных текстах появилось большое количество дериватов пандемийной тематики. Исходными словами для подобных дериватов стали названия вируса *коронавирус* и вызываемого им заболевания *ковид*. Данные слова можно признать ключевыми словами современного социокультурного пространства. На их базе созданы многочисленные производные, имеющие сходную словообразовательную структуру, построенные по сходным словообразовательным моделям.

Так, производными от слов *коронавирус* и *ковид* являются дериваты размерно-оценочной семантики, отражающие аксиологическую специфику отношения членов социума к актуальным пандемическим реалиям: *В прямом эфире он предупредил: если такой «слабенький, хиленький* ***коронавирусик****» смог обставить Собянина, то что будет, если придёт действительно грозная опасность?* (https://tsargrad.tv/news/akademik-raen-hilenkij-koronavirusik-obstavil-sobjanina_299635); *И* ***ковидик*** *по степени патогенности очень слабенький. Он показал, насколько мы не готовы к той болезни психического, тотального помешательства, которое крошит экономику, психологию, (вызывает) другие болезни…* (https://tsargrad.tv/news/); *Представляете какой прикол случиться ежели вдруг нам из-за карантина придется вдруг инфраструктуру отстраивать да Куршавели с Ниццами дабы украсить досуг нашей элитушки? Вот спасибо тебе тогда будет* ***короновирушка*** *наш – накормилец!* (fakeoff.org. 18.03.20); *Выступление Александра Иванова вместе с «Рондо» станет первым масштабным открытым «живым» концертом лета 2020 года, осененного проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «****ковидушки****»* (Наша Версия. 30.07.20).

Помимо диминутивов, иронически характеризующих коронавирус и ковид, размерно-оценочной семантикой обладают существительные с префиксами *супер-* высокой степени качества, признака, *недо-* с семантикой недостаточности: *В таких условиях вполне реальна угроза гибели нашей планеты со всей обитающей на ней жизнью, кроме каких-нибудь сине-зеленых водорослей и бактерий, от оружия массового поражения – будь то ядерное оружие или какой-нибудь* ***суперкоронавирус*** *– или от глобальной техногенной катастрофы* (http://mixednews.ru/archives/162957); *Объявится* ***суперковид****-2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* (https://narprod.com/blog/klimenkov/); *«Оковы» Роспотребнадзора и бессилие депздрава: как*

*по Смоленской области гуляет «**недокоронавирус**»* (https://smolnarod.ru/v-gorode/okovy-rospotrebnadzora-i-bessilie-depzdrava-kak-po-smolenskoj-oblasti-gulyaet-nedokoronavirus/); *Куда катимся? Люди! В кого нас превращают! Один ковид у нас, **недоковид**. Здоровья маме и малышу* (https://vk.com/wall-31980961_1303388).

Негативная оценка представлена в дериватах с префиксами *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности и *около-*: *В проповеди священник также заявил, что из-за «**псевдокоронавируса**» россиян хотят поместить в «электронный лагерь сатаны», «беззаконно сажают на самоизоляцию» и лишают «свободы и работы», а «мирскую больницу ставят выше церкви, которая исцеляет все болезни»* (openmedia.io. 27.05.2020); *Не ясно, какая польза с того, что твоя больница получит за «**псевдоковидного**» больного много денег?* (rtvi.com. 14.05.2020); ***Околокоронавирусные** новости вновь возвращаются к формату военных сводок. Губернатор Югры временно руководит регионом онлайн из-за положительного теста на коронавирус* (sitv.ru. 09.10.2020); *За основными темами последних дней – вирусом, карантином, куар-кодами и прочим **околоковидом** прошло незамеченным другое событие, могущее оказать не меньшее влияние на нашу уютную тусовочку в Телеграме* (rusmonitor.com. 02.04.2020); *Еще об **околоковидных** новостях. Стало известно, сколько бюджет области недополучит по итогам апреля и мая; губернатор Текслер принял решение о выплате 10 тыс. рублей соцработникам; на выплаты малоимущим в период самоизоляции из бюджета региона выделено 260 млн рублей*... (Chelyabinsk-news.net. 26.04.2020).

Негативная оценка пандемийных явлений может выражться неодериватами с безоценочными аффиксами, в частности с суффиксом *-оид* со значением подобия, а также с суффиксами отвлеченной семантики *-изм*, *-(из)аци(я)*: *Название расы **Ковидоиды** не следует путать с термином «ковидиоты», который активно используется самими **Ковидоидами**. Не все ковидиоты принадлежат к расе **Ковидоидов** и не всех **Ковидоидов** можно отнести к ковидиотам* (zen.yandex.ru/media/id. 30.05.2020); *А вам не кажется, что вспышка **ковидизма** используется для нагнетания обычной массовой паники – и заодно даже антикитайских страхов* (9111.ru. 25.03.2020); *Проблема решена в Москве совершенно вопиющим способом – «**ковидизацией**» всех лечебных учреждений города вместо недопущения распространения вируса* (Doctor.rambler.ru. 27.04.2020); *Вот были у нас социализм, капитализм, путинизм – а будет ковидизм или **коронизм*** (Континенталистъ. 26.10.2020).

Яркая оценочность, как правило негативная, присуща сложным новообразованиям с первой частью *корона-* (усечение от *коронавирус*) и *ковид-*, например: *А у нас лидерство в **коронаидиотизме*** (Хартия'97. 06.04.2020); *В рамках **коронаистерии** народ взялся перебрасываться «письмами счастья» в мессенджерах* (Новые вести. 28.01.2020); *Впрочем, для белорусских властей в этом есть и своя отрицательная сторона – массовые акции из-за «**коронаопасности**» не запретишь* (ИА Росбалт. 21.08.2020); *Мало того, что весной наше правительство, поддавшись **коронапанике**, закрыло все предприятия, что привело к чудовищному экономическому кризису – дефициту бюджета в 5 триллионов рублей и падению ВВП на 5,8%, так сейчас, осенью, оно снова делает это* (19rus.info. 31.10.2020); *Помимо упомянутых вами ковидиотов и ковид-диссидентов для отрицателей вируса есть еще слова «ковигисты» и «**коронапофигисты**»* (Радио Свобода. 04.04.2020); *Помните, этой весной Александр Григорьевич говорил, что коронавируса нет, а есть **коронапсихоз*** (Телеканал «Дождь». 29.10.2020); *Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен (1-й канал. 25.04.2020)*; ***Ковид-идиотизм**: когда это закончится?* (forum-msk.org. 03.11.2020); *До этого 3 месяца книжные вообще не работали, а сегодня в них поток покупателей так и не восстановился, **ковидоистерия** продолжает накладывать отпечаток на потребительское поведение* (Мосмонитор. 13.08.2020); *Если же народ проголосует ЗА, то это позволит всей оппозиции выйти на баррикады пусть даже каждому под своими знамёнами на фоне разгорающихся протестов по всему миру, это будет сделать совсем не сложно да и местные **ковидобесы** уже подсуетились с эмоциональной накачкой народа* (Aftershock.news. 04.06.2020); *В статье-отклике на одну из моих публикаций мой оппонент обозвал меня **ковидопаникером*** (Жуковские вести. 14.05.2020); *сорвать маски **с ковид-скептиков*** (НТВ. 18.10.2020); *И, конечно, никто не хочет повторения и продолжения **ковид-триллера*** (Российская газета. 06.11.2020); ***Ковидошок**. С мест приходят одинаковые сообщения: повсюду переполнены больницы, не хватает врачей и средств для лечения коронавирусных пациентов* (Наша Версия. 02–08.11.2020).

Негативная оценочность сложных неодериватов создается семантикой их вторых частей.

Наибольшей экспрессией и оценочностью обладают сложные новообразования, созданные неузуальными способами деривации, в частности путем заменительного словообразования и способом контаминации. Так, неодериваты *коронабесие* и *ковидобесие* созданы путем замены первой части

узуального *мракобесие*: *Сенатор Олег Морозов назвал «типичным* ***коронабесием****» новые обвинения в адрес России, прозвучавшие из Великобритании* (BFM.ru. 03.05.2020); *Присоединение Москвы ко всеобщему «****ковидобесию****» привело к закономерному экономическому бедствию, к сокращению среднего класса на четверть* (Военно-промышленный курьер. 06.10.2020).

К дериватам, созданным путем заменительного словообразования, относится также *коронафрения* на базе *шизофрения*: *Уже три месяца в мире бушует* ***коронафрения***. ***Коронафрения*** *вызвала принятие нелепых решений в организации карантинных мероприятий в разных учреждениях высшего образования* (saroblnews.ru. 19.03.2020).

К контаминированным новообразованиям, в которых оценочность связана также со вторым исходным словом, можно отнести неодериваты с первыми компонентами *корона-* и *ковид-*: ***Коронагеддон*** *– Армагеддон в эпоху коронавируса* (Posta-Magazine.ru. 13.05.2020); *25 твитов о том, что чувствует бизнес во время* ***коронакалипсиса*** (news.myseldon.com. 03.04.2020); ***Коронойя*** *– паранойя на тему коронавируса* (Posta-Magazine.ru 13.05.2020); *Помимо упомянутых вами ковидиотов и ковиддиссидентов для отрицателей вируса есть еще слова «****ковигисты****» и «коронапофигисты»* (Радио «Свобода». 04.04.2020).

Отмеченные сходства в структуре и семантике новообразований пандемийной тематики свидетельствуют о специфике отражения ситуации пандемии в сознании русскоязычных носителей языка.

Литература

1. Климкова Л.А. Феномен русскости: языковая экспликация // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26–28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016 – С. 381–389.
2. Климкова Л.А. Ключевые идеи эпохи через призму языка (к проблеме национальной идентификации) // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017 – С. 219–224.
3. Климкова Л.А. Деривационный потенциал имен собственных в русском языке // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 70–80.
4. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. От сидидомцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – №6. – С. 97–106.
5. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты) // Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 152 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта №20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

ДИНАМИКА КЛАССА ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА: СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ

М.В. Сандакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

д.ф.н., профессор; e-mail: sandamarina@yandex.ru

Россия, г. Нижний Новгород

В русском языке новейшего периода в сфере лексических интенсификаторов наблюдаются динамические процессы. 1. Пополнение новыми единицами: развитие значения высокой степени у прилагательных и наречий. 2. Синтагматическое расширение: выход за пределы сочетаемостного круга, определяемого правилами лексической сочетаемости и закреплённого в словарях. Изменения синтагматики затрагивают слова не только с семантически мотивированной сочетаемостью, но и фразеологически связанные.

Ключевые слова: *лексический интенсификатор; прилагательное; наречие; семантика; синтагматика; оценочность.*

Под лексическими интенсификаторами в лингвистике понимают класс слов и устойчивых сочетаний, выражающих значение величины, количества или степени. Основу данного класса составляют

имена прилагательные и наречия. Обычно интенсификаторы сочетаются со словами, которые обозначают явления и свойства, поддающиеся градуированию: *шероховатый – чуть-чуть, немного, очень, чрезвычайно, невозможно, ужасно*; *усовершенствовать – частично, серьёзно, значительно* [1].

Изменения, происходящие в русском языке последних десятилетий (демократизация языка, усиление в речи личностного начала, повышение эмоциональности, тенденция к размыванию норм и др.), создают благоприятные условия для развития лексических интенсификаторов. Их динамичность выражается прежде всего в следующих явлениях: 1) пополнение класса новыми единицами; 2) расширение сочетаемостных возможностей.

1. Пополнение класса интенсификаторов новыми единицами осуществляется главным образом благодаря семантической деривации (словообразование в этом процессе не участвует). Результатом семантических изменений может быть либо полная семантическая редукция до идеи чистой интенсивности, либо (чаще всего) актуализация количественного компонента с оттеснением качественных сем на второй план. Эволюция в направлении развития семантики интенсивности происходит прежде всего у прилагательных и наречий, актуальных и частотных в употреблении.

К числу интенсификаторов – семантических неологизмов, новые значения которых ещё не зафиксированы словарями, принадлежат слова *ажиотажный, ажиотажно, клинический, клинически, нереальный*, *нереально* и др., ср. [2].

Например, у прилагательного *нереальный* в БТС сформулированы значения: 1. «Не существующий в действительности; воображаемый. *Гомеровскую Трою долго считали нереальной*». 2. «// Непохожий на действительность; фантастический, сказочный. *Сюжет фильма был нереальным*» (в словаре подаётся как оттенок первого значения). 3. «Такой, который не может быть осуществлён из-за отсутствия реальной основы; неосуществимый. *Нереальный проект*» [3, с. 639]. В языке конца XX в. и в XXI в. появилось новое значение: ‘настолько значительный / сильный / интенсивный, что это кажется нереальным’ [4]. Например: *нереальная красота расцветающей природы, набрать нереальный темп, добиться нереального успеха*; *нереально вкусное мороженое, нереально обрадоваться*; *Вот и минимализм известного композитора и пианиста Андрея Батагова с его долгими,* ***нереально красивыми*** *гармоническими воспарениями – типичное фестивальное детище* (Труд. 26. 05. 2017); *Мама здорова, с ней всё в порядке. Она у меня* ***нереально крутая****. Сохранила не только ясный, здравый ум, но и потрясающее чувство юмора, интерес к жизни* (Труд. 20 12. 2020); *Мужчина стащил с руки грубой вязки перчатку и, порывшись за пазухой, извлёк на свет божий фантиком сложенную бумаженцию. Оголив и вторую ладонь, он долго и нежно разглаживал её* ***нереально тонкими****, очень подходившими к его худобе, сутулости и усталому лицу пальцами* (А. Виноградов. Кофе на троих).

2. Расширение сочетаемостных возможностей проявляется в преодолении прежних синтагматических запретов и выходе за пределы «предписанного» и лексикографически закреплённого сочетаемостного круга. Приведём примеры.

Космический, как говорят лексикографические источники, в частности «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени», относится к интенсификаторам с узкой сочетаемостью: *космический масштаб, скорость* [5]. Однако в современном употреблении его сочетаемость резко расширилась: *космическая высота, глупость, непрофессионализм, преданность, разница, сила* и др.

Сочетаемостные возможности слова ***астрономический***, по словарям, ограничиваются лексикой тематической области цифр, чисел и сумм: *астрономическая задолженность, стоимость, суммы, цифра* и др., см. [5]. Сегодня мы видим дополнения этого привычного круга характеристик: *астрономический список гостей, бонусы, масштаб, размер, тираж* и др. Встречаются и употребления, далёкие от материальной сферы «больших чисел», ср.: *астрономическая медлительность, точность, обман* и др.

Для прилагательного ***запредельный*** приводятся словосочетания *запредельная цена, запредельные цены* [5]. Реальный сочетаемостный круг в современном употреблении гораздо шире. По данным Национального корпуса русского языка, *запредельными* могут также быть *высота, громкость, жестокость, занятость, напряжение, скорость, скука, сложность, счастье, ужас* и многое другое. Ср. также: *С её почти* ***запредельной чуткостью****, она его поймёт и простит* (Л. Зорин. Глас народа. 2008) [НКРЯ]; *Он дал им* ***запредельную нагрузку****, которой не выдержали даже матёрые сверхсрочники* (А. Геласимов. Дом на Озёрной. 2009) [НКРЯ].

Заметим, что даже слова с идиоматической сочетаемостью преодолевают свою синтагматическую замкнутость. Например, у прилагательного ***кромешный***, как позволяет судить НКРЯ, в языке

последних десятилетий наблюдается существенное сочетаемостное расширение. Преодоление идиоматически закреплённого круга происходит при сохранении семантической согласованности компонентов вновь возникающих сочетаний. *Кромешный* выступает как характеристика физического пространства, в котором трудно что-либо видеть и ориентироваться (*кромешная даль, вьюга, снегопад, чаща*); как характеристика неприятных и тяжёлых внешних условий (*бездорожье, грязь, коммуналки, трущобы*); нравственных и социально-политических явлений, воспринимаемых как глубоко отрицательные, трудно переносимые (*бардак, бедность, блат, разврат, скандал, смута, угроза*); тяжёлых состояний и чувств человека (*одиночество, отчаяние, старость, страдание*). Ср. также: *Взрывы, атаки, контратаки. Пламя зениток и дальнобойных орудий.* ***Кромешная*** *схватка двух сил…* (А. Проханов. Русский вихрь); *Не это ли проявление божественной воли, которая выводит Россию из очередной* ***кромешной*** *бездны…?* (А. Проханов. Русский вихрь) Встречаются даже сочетания с именами лиц: *… На втором курсе чуть не выскочила замуж, но… блестящий молодой человек оказался наркоман и* ***кромешный бабник****…* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен. 2010) [НКРЯ]. Весь этот разнообразный набор семантически соответствует представлению о *кромешном* в широком диапазоне: от темноты в физическом мире – до метафорически переосмысленной, уподобляемой адской, тьмы тяжёлых сторон человеческой жизни и поступков.

Снятие сочетаемостных запретов нередко бывает связано и с преодолением границ, устанавливаемых оценкой. О тесной связи интенсивности и оценочности говорится в исследованиях Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, О.П. Ермаковой и других учёных [6, с. 207–210; 7, с. 44; 8].

К оценочно нейтральным относятся общие интенсификаторы с универсальным значением высокой степени любого явления: *очень* (*хороший / плохой*) *абсолютно* (*счастливый / несчастный*); *полный* (*успех / провал*). «Частные» интенсификаторы обычно испытывают тяготение к определяемому с положительной или отрицательной оценкой, ср.: *неотразимо привлекательный – невыносимо занудный; ангельски чистый – чудовищно губительный.* Однако, как уже неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, некоторые интенсификаторы, имеющие яркую негативную оценку, в разговорной речи широко употребительны в позитивных контекстах [8]. Например, *дикий восторг, страшно умный, ужасно любить* и под.

В языке новейшего периода тенденция к подобному нарушению оценочно обусловленных сочетаемостных границ обозначилась и у целого ряда других интенсификаторов. Например, слова ***крайний*** и ***крайне***. Как было замечено С.А. Григорьевой, наречие *крайне* (в отличие от *предельно*) обычно содержит отрицательную оценку определяемой сущности [9, с. 320]. Действительно, более естественно сказать *крайний пессимизм*, чем **крайний оптимизм*; *крайне ошибочно*, чем **крайне правильно*; *крайне не любит*, чем **крайне любит.*

Но сегодня эта закономерность всё чаще нарушается. Распространение получают сочетания типа *крайне повезло, крайне талантливый, крайний патриотизм.* Ср.: *Авантюрно-приключенческий дух книги, великолепный язык и скрывающаяся за всем этим эрудиция делают чтение* ***крайне увлекательным*** (Труд. 27. 11 2020); *К тому же было* ***крайне приятно*** *сидеть в глубоком вольтеровском кресле и неспешно потягивать чай с бисквитом* (Литературная газета. 08. 04. 2020). Более того, встречаются даже употребления этих интенсификаторов со словами общей оценки: *крайне позитивный, крайне хорошо.* Ср.: *В последние два года на динамику этого сегмента* ***крайне позитивно*** *влияет развитие страхования по «коробочной» технологии…* (Е. Обухова. Год сжатия. «Эксперт». 2015) [НКРЯ]. Такие употребления могут быть квалифицированы как нарушающие норму. Однако многочисленность фактов подобного рода позволяет говорить о складывающейся тенденции расширения сочетаемости слов *крайний* и *крайне* [10].

Аналогичное расширение, только с направлением в сторону противоположного знака оценки, наблюдается у слов ***оглушительный***, ***ослепительный*** и их адвербиальных дериватов. Обычно они определяют свойства и явления, воспринимаемые как нейтральные или положительные: *оглушительная победа, популярность, слава, счастье; ослепительная чистота, свежесть, любовь; ослепительно красива, талантливый* и др.

Однако в современном употреблении появилась и негативная окраска. *Оглушительным* может быть *горе, поражение, потеря, провал, разочарование, фиаско* и др. Ср. также: *… Но полное,* ***оглушительное фиаско*** *терпит как раз Борис Николаевич Ельцин* (Литературная газета. 03. 12. 2015); *В целом книга оставляет ощущение* ***оглушительной безнадёжности****…* (Литературная газета. 17. 03. 2016).

Ослепительный и *ослепительно* также могут характеризовать явления, оцениваемые как отрицательные: *Народный сход села Львовское наглядно демонстрирует результат многолетнего и ярост-*

ного одиночества людей, которые … отлично понимают свою ***ослепительную*** *трудовую* ***ненужность*** (О. Андреева. Стланная стлана // «Русский репортёр». 2014) [НКРЯ]; *Игорь Меламед … выплыл, словно прекрасный корабль из зеркальной послештормовой глади мирового литературного моря, и прожил на этом дивном судне столь* ***ослепительно несчастным****, что несчастье в пору возводить в ранг особой святости – святости русского литератора* (Литературная газета. 20. 04. 2016).

Весьма показательным выглядит оценочное расширение у слов ***восхитительный*** и ***восхитительно*** в их интенсификационном значении. По БТС, *восхитительный*: «Вызывающий восхищение; прелестный» [3, с. 153]. В современном употреблении возможны не только *восхитительная яркость*, *восхитительно красивый*, но и *восхитительное наглость, нахальство, хамство*; *восхитительно абсурдный, бездарный, бессодержательный* и др. Ср. также: *При этом надо понимать, что сила США и их союзников не только … в способности политических лидеров с* ***восхитительным цинизмом*** *отрицать очевидное…* (Известия. 06. 03. 2014) [НКРЯ]; *Кунсткамера изящнейших вещичек, собрание предметов, которые кажутся сегодня «****восхитительно бесполезными****», когда-то имели смысл и были в широком ходу…* (Литературная газета. 27. 10. 2016).

В контекстах типа *ослепительно бездарный, восхитительно циничен* исходная положительно-оценочная «привязанность» интенсификатора диссонирует с негативной оценкой всего словосочетания, что становится средством усиления экспрессии.

Итак, можно, очевидно, утверждать, что растущая употребительность новых необычных словосочетаний с интенсификаторами – одно из проявлений развития данного класса слов.

Синтагматическое расширение интенсификаторов, связанное с их распространением на всё более широкий круг сущностей, затрагивает слова не только лексически свободные, но и имеющие идиоматическую сочетаемость. Оценочное расширение, когда «положительно ориентированные» интенсификаторы вторгаются в зону негативных явлений, и наоборот, негативные характеристики – в зону явлений позитивных, в целом можно оценивать как тенденцию к снятию оценочных ограничений и к универсализации оценки.

Литература

1. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150–168.
2. Сандакова М.В. Интенсификаторы в русском языке XXI века: расширение границ // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сб. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 140–147.
3. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
4. Сандакова М.В. *Нереально красиво*: интенсификаторы как объект лексикографирования // Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелёвские чтения): тезисы докладов Международной конференции / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2020. – С. 64–66. – URL: http//: ruslang.ru
5. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» (СРИ). – URL: http://dict.ruslang./ru/magn.php (дата обращения: 11.01.2021).
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
8. Ермакова О.П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С. 272–279.
9. Григорьева С.А. Совершенно // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская и др.; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 318–321.
10. Сандакова М.В. *Крайне положительный результат* (о синтагматике наречия *крайне*) // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. ст. по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 159–167.

КОНТЕКСТНЫЙ АНАЛИЗ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.С. Чимбур
МБОУ СШ №1 г. Кулебаки, учитель русского языка и литературы;
Россия, Нижегородская обл., г. Кулебаки

Понятие концепта изучено достаточно, чтобы можно было применять такой вид лексической работы, как анализ концепта, на уроках русского языка в старших классах средней школы. Анализ концепта при подготовке к сочинению-рассуждению может быть использован для более качественной подготовки к выполнению данного задания. В настоящее время понятие концепт представляет большой интерес для ученых-лингвистов. Концепт связан со многими науками. Концепты позволяют постичь глубину высказывания, понять его истинный смысл, проиллюстрировать, уточнить и развить его содержание, оценить культуру в сознании человека.

Ключевые слова: *концепт; анализ текста; лексико-семантический анализ.*

Творчество связано со способностями человека, особенно со способностью нестандартно мыслить. Основой творчества является внутренняя мотивация, воображение ума, дивергентное мышление, воля и трудолюбие. «Нужно любить то, что делаешь, тогда труд возвышается до творчества», – говорил М. Горький. Особую роль в развитии творческих способностей учащихся выполняет контекстное обучение, которое обеспечивает переход, трансформацию познавательной деятельности в профессиональную с соответствующей сменой потребностей и мотивов, целей, действий, средств, предметов и результатов. Такое обучение придаёт целостность, системную организованность и личностный смысл усваиваемым знаниям.

Термин «контекст» (от *лат.* contextus – тесная связь, соединение) прочно закрепился в современной филологии. Для литературоведа это – бескрайне широкая область связей литературного произведения с внешними ему фактами, как литературными, текстовыми, так и внехудожественными и внетекстовыми (биография, мировоззрение, психология писателя, черты его эпохи, культурная традиция, которой он причастен) [5, 207]. Контексты творчества писателя (наряду с ними существуют контексты восприятия литературных произведений) весьма разноплановые, во многом определяют черты литературно-художественных произведений.

Контекст, в котором создается литературное произведение, не имеет сколько-нибудь определенных рамок: он безгранично широк. Чем шире и полнее учтены литературоведом связи произведения с предшествующими ему явлениями и фактами (как литературно-художественными, так и непосредственно жизненными), тем больше «выигрывают» анализ и интерпретация. Учитель в контекстном обучении не столько учит и воспитывает, сколько актуализирует, стимулирует учащихся к развитию, создаёт условия для их самовыдвижения на базе использования эмоционально-ценностного опыта учителя и учащихся. Тогда возникает приоритет субъектно-смыслового обучения по сравнению с информационным обучением, необходимость диагностики личностного развития, использования смыслопоискового диалога, включения учебных задач в контекст жизненных проблем. В таком случае объектом работы учащихся становится не «порция информации», а ситуация во всей своей предметной и социальной неопределённости и противоречивости. Моделируя предметное и социальное содержание настоящей и будущей жизни ученика, включая обучение в их реальный контекст, мы стараемся решать проблему социальной защиты детей.

Методы школьного анализа литературного произведения сложились на основе теоретических (литературоведческих) принципов исследования словесно-художественных текстов. Учитывая, что в литературоведении разработаны различные направления и существуют научные школы, сформировавшие свои методологические установки, следует выделить «универсально значимые подходы» к изучению литературного произведения.

Систематизация и классификация выявленных описанием элементов являются началом **анализа** художественного текста.

Анализ художественного произведения предполагает на основе систематизированных данных наблюдения и описания установление главных формальных компонентов, их классификацию, уяснение функционального значения приема в отношении к художественному целому. Из анализа художественного текста проистекает его литературоведческая **интерпретация.** Главные принципы литературоведческой интерпретации:

1. Неисчерпаемость трактовок художественного произведения. Каждому произведению «соответствует диапазон корректных и адекватных прочтений».

2. Четкость аргументации в построении литературоведческой интерпретации, когда научной основой интерпретации является установление многосложных связей элементов текста в едином целом.

3. Связь имманентного изучения с контекстуальным в построении литературоведческой интерпретации.

«Ядром» контекста могут быть:

1. Элементы поэтики произведения;
2. Факт биографии автора;
3. Событие творческой истории произведения (наличие черновых вариантов) [15, с. 23].

Одним из школьных приемов контекстного анализа литературных произведений является прием работы с концептами. Отметим, что этот прием позволяет сделать путь контекстного анализа и его результаты наглядными.

В современной методике обучения русскому языку и развитию речи сегодня актуальной становится работа со словом как с системой смыслом, т.е. работа с концептом. Концепт (*лат.* conceptus – мысль, представление) – система ценностей и смыслов, способствующая интеграции в сознании учащихся разных культур. Концепт подразумевает содержательную многоаспектность понятия, богатство ассоциаций и представлений (смыслов), обеспечивает формирование «чувства знания», «возрастание гуманности» (Д. Андреев «Роза мира»). Следовательно, концепт – это новая «упаковка» текста, обеспечивающая его многомерность и многоканальность (вербальность и невербальность используемых знаков) [8, с. 150].

Важным в технологии концептуального анализа является следование пяти этапам:

1 этап концептуального анализа – **ассоциативно-образный** – позволяет проанализировать восприятие концепта учащимися, образное и ассоциативное поля концепта, т.е. провести анализ прошлых знаний, воображения, ассоциаций. Концепт предполагает воспитание человека культуры, «облагороженного образами» (Д. Андреев). Значит, ассоциативно-образный этап выявляет личностное знание о концепте, актуализируя систему ценностей и смыслов учащегося [8, с. 151].

2 этап – ценностный (научно-понятийный) этап. Ценностный этап концептуального анализа подразумевает работу с разными словарями, отражающими социальный и предметный культурный опыт. Выделение ключевых слов (личностных смыслов) в определениях, их интерпретация, установление с помощью словарей свойств понятия. Таким образом, на этом этапе идет формирование системы ценностей и смыслов (личностного знания о концептах).

3 этап – культурная интеграция. Этап культурной интеграции – это этап текстовой коммуникации. Анализ художественных, искусствоведческих, философских и научно-популярных текстов (из журналов, газет, интернета) не только способствует формированию информационной и культурной компетентностей учащихся, но делает по-настоящему современным содержание предмета, дополняет материал учебника. Анализ текстов культуры (ценностно-смысловое чтение) развивает компетентности в решении проблем на основе личностного выбора, формирование нравственных чувств и нравственного поведения, осознанного и ответственного отношения к собственным поступкам.

4 этап – социокультурный. Социокультурный комментарий совмещает в себе лингвистическое и лингвострановедческое комментирование, его основой являются исторические реалии, которые могут касаться всех областей жизни: материальной и духовной культуры, исторических событий, социальных характеристик героев, т.е. затрагивают общество в целом.

5 этап – концептуальный этап – это этап смыслотворчества. Он способствует получению нового знания о концепте как о предметном, межпредметном и надпредметном понятии, его преобразованию и применению в учебных, учебно-проектных и социально-проектных ситуациях. На концептуальном этапе также формируются ценностно-смысловые отношения обучающихся к концепту как к личностно значимому объекту, ведь решение задачи на познание смысла есть решение задачи на «жизнь». **(Что это значит для меня?)** Прохождение концептуального этапа обеспечивает формирование представления о русском языке как об одном из важнейших способов познания человеком окружающего мира, как важнейшем элементе культурного опыта человечества. Таким образом, на концептуальном этапе формируется умение понимать широкий контекст полученных знаний, или умение концептуализировать знание.

Наиболее результативной становится работа с концептами при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ.

Написание сочинения-рассуждения на концептуальную тему.

Задание ОГЭ 9.3

«Что, по вашему мнению, значит милосердие, самовоспитание, сострадание, дружба, подвиг, настоящее искусство, героизм, любовь, драгоценные книги и др.?»

Задание ЕГЭ 27

Тексты ЕГЭ, в которых поднимается проблема истинной красоты: П. Васильев «Уродина», И.А. Бунин «Красавица», Л. Петрановская «Давно замечен парадоксальный факт…», З. Прилепин «Казалось бы: красота – понятие широкое…», Ю. Бондарев «Красавица».

Культурные концепты передают сугубо национальный специфический образ культуры, отражённый в слове, воплощают особенности сознания, менталитет русского человека, вызывают определённые чувства, ассоциации **(судьба, совесть, родина, любовь, красота, героизм, долг, подвиг, совесть и др.).**

Первый этап освоения концепта – создать его ассоциативный портрет. На этом этапе можно предложить следующие задания: какие образы рисуются в вашем сознании, когда произносим слово-концепт, какие эмоции вызывает у вас это слово, опишите их, напишите несколько словосочетаний, предложений, связанных с вашими ассоциациями. Ассоциативный эксперимент формирует ассоциативное поле концепта. Самые частотные из них: *внешняя красота.* Самые редкие: *внутренняя красота.* Вывод: отсутствует понимание внутренней красоты человека.

Второй этап освоения концепта – создать словесный портрет (выяснение лексического значения слова, его этимологии, поиск близких по значению слов, однокоренных слов). На этом этапе можно предложить такие задания: дайте собственное определение слову – концепту, сравните ваше определение со статьей в словарях, в чем сходство вашей точки зрения и значения, данного в словаре, в чем различие, можно ли дополнить словарную статью вашим представлением о слове-концепте, многозначное ли это слово, составьте 2–3 предложения, используя многозначность предложенного слова-концепта. Выяснение этимологии слова. Можно предложить задания: выяснить этимологическое значение слова в словаре, знакома ли вам история происхождения слова, расскажите, что вас поразило в этимологии слова, напишите сочинение – этюд о происхождении слова. Основным лексическим средством выражения рассматриваемого концепта в русском языке является красота.

Лексико-семантический анализ содержания концепта **красота** в русском языке проводился на основе словарных статей толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, а также иллюстративного материала отобранных словарных статей. На основе нескольких толковых словарей выделены основные компоненты семантики ядра концепта красота: красота как свойство; красота как определенные качества, доставляющие удовольствие и радость; прекрасные места; красота в функции сказуемого для выражения чувства.

Исследуем метафорически-образный портрет слова. На этом этапе можно предложить следующие задания: вспомнить метафоры, пословицы, поговорки, устойчивые сочетания, относящиеся к красоте. В русской фразеологии красота представлена очень многогранно, она сравнивается со многими человеческими ценностями и имеет как положительные, так и отрицательные коннотации:

1) красота без ума не представляет никакой ценности: красота без разума пуста; красота разума не придаст; хвалят на девке шелк, когда в самой девке есть толк;

2) красота бывает обманчива: вид блестящий, а сам смердящий; снаружи красота, внутри пустота; глаза – бирюза, а душа-сажа; лицом хорош, да душою не пригож;

3) внутренняя красота важнее внешней: не красен обед пирогами, красен едоками; не красна изба углами – красна пирогами; не ищи красоты, а ищи доброты; не гляди на лицо, а гляди на обычай; с лица воду не пить; красотой сыт не будешь; не будь пригож, а будь пригоден;

4) поступки важнее красоты: не место красит человека, а человек место; кудри завивай, да про дело не забывай; не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела го; красив тот, кто красиво поступает;

5) красота – это временное качество человека, в то время как ум, интеллект, доброта, трудолюбие – это его постоянные качества: какова не будь красна девка, а придёт пора – выцветет;

Таким образом, языковые средства говорят о том, что красота всегда ценилась в русском обществе, ей уделялось большое внимание, однако подчеркивается, что красота бывает внешняя и внутренняя и предпочтение отдается всегда внутренней красоте, которая предполагает наличие ума, смекалки, доброты. В исследованных фразеологизмах красота чаще всего сравнивается с умом, добром и поступками человека.

Следовательно, понятие о красоте неразрывно связано с внешностью человека, его внутренним миром и поведением; красота женщины может быть обманчива; красота – это не обязательное качество для человека, гораздо важнее трудолюбие, мастерство, талант, удача.

Русские мыслители подчеркивают идею единства красоты, добра, чистоты, гармонии во всем. Умение видеть красоту, восхищаться ею вселяет оптимизм, убеждает в том, что мир прекрасен.

Концепт «красота» является одним из основных концептов, отражающих понимание прекрасного и что с течением времени семантическая структура и эмоционально-стилистическая окраска концепта красота в русской лингвокультуре претерпели изменения.

Далее следует третий этап освоения концепта – чтение предложенных текстов.

Четвёртый этап освоения концепта – этап индивидуального творчества, этап написания сочинения, выстраивание «лестницы смыслов», «диалог между писателем и читателем».

Таким образом, при подготовке к написанию сочинения в формате ЕГЭ происходит освоение текста через концепт, через осознание его понятийного, образного и ценностного содержания.

В одной из своих работ Ю.М. Лотман размышлял, что при усвоении языка ребенком в его сознание вводятся не правила, а тексты, которые он запоминает и на основании которых учится самостоятельно их порождать. Поэтому тексты, используемые в качестве подготовки к ЕГЭ, не только выполняют учебную задачу, но влияют на развитие мысли и чувства, формируют систему ценностей, определяют поведение растущего человека [1, с. 9].

В настоящее время понятие «концепт» представляют большой интерес для ученых-лингвистов. Концепт связан со многими науками и позволяет постичь глубину высказывания, понять его истинный смысл, проиллюстрировать, уточнить и развить содержание, оценить культуру в сознании человека.

Литература

1. Антонова Е.С. «Тайна текста» и секреты методики // РЯШ. – 2002. – №2.
2. Балаклай А.Г. Осмысление слова // Русская словесность. – 2002. – №2.
3. Богданова Г.А. Опрос на уроках русского язык. – М.: Просвещение, 1996.
4. Бодалев А.А. Личность и общение. – М., 1995.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
6. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М., 1991.
7. Волина В.В. Учимся играя. – Екатеринбург: Арго, 1996.
8. Гладышев В.В. Тексты и контексты. Изучение рассказов в школе. – М.: Флинта: Наука, 2014.
9. Ладыженская Г.Л. Методика развития речи на уроках русского языка. – М.: Просвещение, 1980.
10. Львова С.И. Развитие видов речевой деятельности на уроках русского языка // Русская словесность. – 2003. – №4.
11. Пахнова Т.М. Художественный текст на уроках русского языка // РЯШ. – 1993. – №3.
12. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // РЯШ. – 2000. – №4.
13. Пахнова Т.М. Развивающая речевая среда как средство приобщения к культуре // РЯШ. – 2004. – №4.
14. Пахнова Т.М. От текста к слову. Работа по развитию речи, обобщению и систематизации изученного при подготовке к зачетам, переводным и выпускным экзаменам // Газета «Русский язык». – 2001. – №17.
15. Шутан М.И. Концепты русской литературы // Литература. Журнал для учителей словесности. – №4 (774).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

А.М. Шилин
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
студент; e-mail: supershilin2012@yandex.ru
Россия, г. Брянск

В эпоху информатизации коммуникативного пространства возникает необходимость пристального внимания к русскому слову как знаку коммуникации. Требует разрешения актуальная проблема взаимопонимания поколений, владеющих русским языком, который претерпел существенную трансформацию за последние 30 лет.

Ключевые слова: *русское слово; информатизация; взаимопонимание; коммуникация.*

Актуальными в современном бытии русского слова являются многие проблемы: это и лавинообразное заимствование иноязычной лексики, и изменение культурной составляющей социума с наступлением цифровой эпохи [6; 21; 23], что проявилось в лексическом составе русского языка (да и на грамматическом уровне [11]). Современные информационные технологии основаны на различных искусственно созданных кодах, а язык – это естественно возникший код. Вот и взаимодействуют

в сознании носителей языка эти коды, переплетаясь причудливым образом и порождая удивительную картину мира как индивида, так и социума, формируя особую языковую личность [2; 16; 26], совмещающую в себе черты носителей разных языков и стремящуюся при этом сохранить идентичность [17; 18; 25]. Большую роль играет образование, особенно гуманитарное [5; 12; 22], а также реклама как самый массовый в наше время распространитель разнообразнейшей информации [24; 27; 28].

Когда мы говорим на родном языке, мы практически не озадачиваемся подбором слов: речь льётся сама собой. Если же попадаем в ситуацию, когда нужно объяснить иностранцу на его языке что-нибудь, то оказывается, что это сделать непросто. Начинается мучительный подбор слов, чтобы мысль была выражена как можно более точно. Вот в такие моменты и понимаешь, что «границы моего языка означают границы моего мира». Ведь те слова, которые обозначают привычные нам понятия и явления, имеют один звуковой состав в родном языке, и совсем другой – в иностранном. Мало того, очень часто бывает, что для какого-нибудь понятия и обозначения-то нет в чужом языке. Как, например, объяснить иностранцу, что такое «простокваша» или «сыворотка», «борщ» или совершенно неудобоваримое и непереводимое слово «щец», которое является формой родительного падежа неизвестно от какого слова (как, впрочем, и словоформа (или всё же лексема?!) «дровец»).

В одном из художественных произведений рассказывается, что иностранцы наш «борщ» называли «горячий салат из овощей». В их мире нет борща, есть только салаты да протертые супы-пюре. А в нашем мире есть борщ на мозговой косточке, драники со сметаной, оладьи на простокваше и щи, которые, кстати, не являются исходной формой для упомянутого выше слова «щец». Конечно, не одной едой жив человек, просто на примере слов, обозначающих блюда национальной кухни, можно показать, как отличается жизнь одного народа от бытия другого, и это чётко отражается в языке.

Приведем пример интересного случая, произошедшего с молодым человеком-россиянином в Париже. С собой в поездку юноша брал скейтборд и катался по ночному городу. С собой у него был только паспорт в тех прогулках. И он познакомился с девушкой-иностранкой, которая тоже каталась на своём скейтборде. Она тоже приехала в Париж на несколько дней. Мой брат разговаривал с ней по-английски, который не был для неё родным. Они не очень хорошо понимали друг друга, но в целом пообщались душевно. Координат друг друга у них не осталось – не на чем было записать, мобильников тогда ещё не было. Они остались друг для друга «терра инкогнито» – неисследованной землей из-за языкового барьера. Этот случай убеждает, что «границы моего языка означают границы моего мира».

Тенденция, которая главенствует в современную эпоху в развитии русского языка, связана с лавинообразным заимствованием из английского языка. Конечно, эта тенденция может быть оправдана тем, что в нашу жизнь пришло множество явлений, названий которым в нашем языке попросту нет, так как не было такого на Руси-матушке до 90-х годов XX века [13]. Но в то же время есть и много иноязычной лексики, эквивалент которой в наличии, но в силу тех или иных причин (в том числе следование моде, идеологическое насаждение американизированного образа жизни и тому подобное) иностранное название заменило исконное.

Утрачена культура речи [15]: нормы не действуют, что отражается порой и в словарях. В цифровую эпоху легко онлайн узнать правописание или произношение, значение или употребление того или иного слова. Но, к сожалению, наряду со словарями, которые придерживаются норм строго, существует ряд онлайн-изданий, где под влиянием разговорной речи как нормативные даются те формы, которые для людей старшего поколения не являются литературными (например, колебание в акцентных вариантах, а отсюда – в морфологических формах такого слова, как «договор»).

Единый государственный экзамен по русскому языку вызывает затруднения у абитуриента именно потому, что утрачена культурная (а значит, и языковая) связь поколений. Для молодёжи многие слова непонятны (типа «маститый», «исстари», их значения были указаны в одном из заданий с той целью, чтобы учащийся подобрал к данной дефиниции слово из текста – по нашим наблюдениям, задание вызывает значительные затруднения), что мешает восприятию и пониманию текстов, данных для анализа на экзамене. Культурные реалии у молодых людей иные [1; 14] (как, впрочем, и социальные [8–9]), чем те, в которых формировалось мировоззрение поколение теперешних 50–60-летних (к этому поколению в большинстве своём принадлежат создатели тестов к ЕГЭ и те, кто проверяет письменную часть по русскому языку).

Итак, цифровая эпоха [10; 19; 20] привнесла в нашу жизнь видимость доступности информации и знаний, но в то же время усугубила культурный и языковой разрыв между поколениями, который можно сократить, если реализуются задачи гуманитарного образования [3–4; 7].

Литература

1. Бабосова Е.С., Мамедов А.К., Панич Н.А. Развитие неопарсонсианства на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – №3. – С. 5–23.
2. Бокова С.С. Дискурс-анализ языковой личности / С.С. Бокова, К.А. Воронов, Е.В. Харлашина, С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – №4 (18). – С. 85–95.
3. Валеева Е.В. Гуманитарное образование сегодня: поиски новой методологии // Образовательные технологии (г. Москва). – 2017. – №1. – С. 33–41.
4. Валеева Е.В. Иномерный человек – новый идеал современника // Вопросы культурологии. – 2017. – №12. – С. 20–25.
5. Валеева Е.В. Интегрирующая концепция современного гуманитарного образования // Социология образования. – 2015. – №5. – С. 99–103.
6. Васильев А.В., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации. – М., 2019. – 160 с.
7. Волнистая М.Г., Мамедов А.К. Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – №3. – С. 89–95.
8. Воронов К.А., Харлашина Е.В., Шилина С.А. Социальное проектирование по устранению социальной проблемы алкоголизма (Часть I) // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – №5 (19). – С. 125–133.
9. Воронов К.А., Харлашина Е.В., Шилина С.А. Устранение социальной проблемы алкоголизма: социальное проектирование (Часть II) // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – №5 (19). – С. 134–144.
10. Гезалов А.А.О., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Статус и миссия университета в постмодерне // Век глобализации. – 2018. – №4 (28). – С. 152–159.
11. Головачева О.А., Шилина С.А. Современный русский язык. Словообразование: учебник. – Брянск, 2018. – 236 с.
12. Ефимочкина Н.Б., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. – М., 2020. – 330 с.
13. Киричёк П.Н. Зигзаги топонимики в периметре истории // Поливановские чтения. – 2020. – №14. – С. 86–92.
14. Киричёк П.Н. Культурно-речевой компонент публичной сферы общества // Поливановские чтения. – 2019. – №13. – С. 98–104.
15. Киричёк П.Н. Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. –2018. – №12. – С. 40–47.
16. Киричёк П.Н. Социокультурные доминанты и онтологические риски транзитивного общества // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2019. – Т. 1. – №2. – С. 26–36.
17. Киселёв А.Г., Шилина С.А. Диалектизмы как проявление идентичности русского народа // Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.В. Напалков, науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Фонд «Русский мир». – 2019. – С. 411–416.
18. Киселёв А.Г., Шилина С.А. Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. – 2020. – №5. – С. 26–31.
19. Комаров С.А., Мамедов А.К. Методология социально-правового познания // Юридическая мысль. – 2019. – №1 (111). – С. 25–41.
20. Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Макарова Е.А. Потребление как атрибут современной цивилизации: история и новые тренды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №7. – С. 34–39.
21. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика // Теория государства и права. – 2019. – №4 (16). – С. 85–95.
22. Мамедов А.К. Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения… / А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская, Э.Д. Коркия, О.А. Обрывалина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т. 25. – №4. – С. 44–51.
23. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. – 2020. – №3. – С. 4–17.
24. Траханов А.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ управленческого потенциала рекламы // Журналістыка–2019: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы XXI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Рэдакцыйная калегія: В. М. Самусевіч (адк. рэд.), А.У. Баранава, Г.І. Басава, Т.М. Дасаева, Н.А. Зубчонак, В.І. Іўчанкаў, А.Г. Слука, Н.Ц. Фральцова. – 2019. – С. 364–367.
25. Шилина С.А. Исследование поэтического дискурса: «Прощание со Смоленском» // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – №11 (25). – С. 235–244.
26. Шилина С.А. Поэтический дискурс: роль фигур речи в поэзии А.А. Ахматовой // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сборник научных статей / отв. ред. В.В. Никульцева. – М., 2020. – С. 363–379.
27. Шилина С.А. Роль рекламного дискурса в позиционировании региона: стратегия развития бренда Брянщины // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – 2019. – С. 632–635.
28. Шилина С.А., Траханов А.В. Социологические параметры рекламного дискурса // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 203–216.

СПИСОК ТРУДОВ Л.А. КЛИМКОВОЙ

(Перечень дан по годам публикаций)

Научные работы

1. Существительные общего рода в говоре с. Селякина Арзамасского района Горьковской области // Вопросы языка и стиля: Уч. записки Горьковского пединститута. – Горький, 1967. – Вып. 68. – С. 45–58.

2. К вопросу о некоторых особенностях диалектной словообразовательной системы имен существительных (на материале говоров южных районов Горьковской области) // Вопросы языкознания и русского языка: Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – Вып. 326. – М., 1969. – С. 101–113.

3. Собственные имена на –ИХ/а/ в южных говорах Горьковской области // Уч. зап. Горьковского пединститута. Серия филологических наук. – Вып. 95. – Горький: Волго-Вят. кн. изд., 1969. – С. 44–50.

4. О системности диалектного словообразования // Уч. зап. Горьковского пединститута. Серия филологических наук. – Горький, 1971. – Вып. 115. – С. 3–22.

5. Словообразовательные типы наречий в современных русских говорах (на материале говоров южных районов Горьковской области) // Материалы межвузовской конференции молодых ученых Волго-Вятского региона. – Саранск, 1972. – С. 10–13.

6. Чалдон, чалдонка, чалдонить // Русская речь. – 1972. – №1. – С. 151–152.

7. «А ткачиха с поварихой» // Русская речь. – 1972. – №2. – С. 76–79.

8. Топонимы на –ИХ(а) // Русская речь. – 1973. – №6. – С. 69–72.

9. Некоторые трудные и спорные случаи словообразования наречий // Вопросы словообразования и грамматики русского языка. – Горький: ГГПИ, 1974. – С. 83–94.

10. Собственные имена и их функции в языке произведений А.П. Гайдара // Творчество А.П. Гайдара. – Горький: ГГПИ, 1975. – С. 152–164.

11. Собственные имена, их структура и функции в произведениях А. Гайдара, Л. Кассиля, К. Чуковского // Творчество А.П. Гайдара. – Горький: ГГПИ, 1975. – Вып. 2. – С. 108–115.

12. Средства передачи звучания в произведениях А.П. Гайдара // Творчество А.П. Гайдара. – Горький: ГГПИ, 1977. – С. 110–116.

13. Изучение говоров южных районов Горьковской области // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1979. – С. 101–114. (В соавторстве: Сахарова С.Р., Трубачева А.З., Юрасова В.В.)

14. Антропонимия «Поместных актов Арзамасского уезда» как источник изучения диалектной лексики // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. – М., 1979. – С. 214–215.

15. Существительные со значением единичности // Филологические науки. – 1979. – №5. – С. 76–82.

16. Изучение топонимии южных районов Горьковской области и проблемы составления микротопонимического словаря // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1980. – С. 62–94.

17. Трудные случаи орфографии: хлестаковы или Хлестаковы? // Русская речь. – 1980. – №6. – С. 119–121.

18. Русская диалектная лексика в период НТР // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов и сообщений. – М., 1982. – С. 71–72.

19. Диалектное оформление как признак региональности микротопонимии // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы ее изучения в высшей и средней школе: Тезисы докладов и сообщений. – Череповец, 1982. – С. 16–17.

20. Северновеликорусские элементы в микротопонимии южных районов Горьковской области // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1982. – С. 147–151.

21. Лингвогеографический аспект изучения региональных собственных имен // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе): Тезисы докладов и сообщений. В 2-х тт. Т. II. – М., 1984. – С. 161–162.

22. Диалектизмы в произведениях А.П. Гайдара // Филологические науки. – 1986. – №5. – С. 69–72.

23. Мотивированное собственное имя в художественном тексте. – Депонирована в ИНИОН АН СССР. – №3032229. 15.07.87. – 22 с.

24. Звукопись как изобразительное средство в произведениях А.П. Гайдара // Художественная речь: общее и индивидуальное. – Куйбышев, 1988. – С. 124–132.

25. Ассоциативный способ образования и употребления языковых единиц // Актуальные проблемы современной русистики: тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Горький, 1988. – С. 4–5.

26. «Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг.» как ономастический источник // VI конференция по ономастике Поволжья: Тезисы докладов и сообщений. – Волгоград, 1989. – С. 99–100.

27. Характер именования персонажей гайдаровских произведений // Идейно-художественное наследие А.П. Гайдара и его место в советской детской литературе и в практике коммунистического воспитания молодежи: тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции, посвященной 85-летию А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 1989. – С. 62–63.

28. Звуковое оформление и звуковые ассоциации региональных собственных имен // Проблемы фоносемантики: тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 48–50.

29. Педагогические взгляды Н.К. Крупской на изучение русского языка // Н.К. Крупская и проблемы современной советской школы: К 120-летию со дня рождения Н.К. Крупской: материалы научно-практической конференции. – Горький, 1989. – С. 79–81.

30. Диалектизмы арзамасских говоров русского языка // Современные проблемы русского языкознания / Памяти акад. А.А. Шахматова: тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Горький: ГГУ, 1990. – С. 29–30.

31. Ономастические единицы в диалектном словаре // Школа-семинар / Лексический атлас русских народных говоров: тезисы. – Л.: ЛО Института языкознания АН СССР, 1990. – С. 47–49.

32. Регионализмы в художественном тексте как объект лингвистического анализа // Художественный текст: проблемы изучения: тезисы выступлений на совещании. – М., 1990. – С. 100–101.

33. Имя собственное в контексте книги В.И. Ленина «Что делать?» // Творческое наследие В.И. Ленина и развитие восточнославянских языков: тезисы докладов Республиканской научной конференции. – Львов, 1990. – С. 103–104.

34. Специфические явления в региональной ономастике // XVIIth International Congress of Onomastic scienas: Abstract / Helsinki Suomi. – Finland. August 13–18, 1990. – P. 181.

35. Собственные имена в их отношении к функционально-речевым стилям // Статус стилистики в современном языкознании: Тезисы докладов. – Пермь, 1990. – С. 72.

36. Топонимическая система региона как отражение истории страны // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические названия – память народа». – Горький, 1990. – С. 34–37.

37. Тенденции в структурном оформлении и образовании региональных онимов // Язык и словесность: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.Д. Поливанова. – В 3-х чч. Ч. 2. – Ташкент: Укитувчи, 1990. – С. 40–41.

38. Проявления системных отношений в региональной онимии // Шоста Республіканьска ономастична конференція. 4–6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. – Ч. І. – Одесса, 1990. – С. 39–41.

39. Отражение этнических и языковых контактов в ономастической системе региона // Проблеми межпередметних зв`язків в умовах білінгвізму: Тези доповідей. – Дрогобич, 1990. – С. 77–79.

40. Глагольные регионализмы: номинация, семантика, образование, сочетаемость // Глагол в системе языка и речевой деятельности: Материалы научной лингвистической конференции. – Свердловск, 1990. – С. 59–60.

41. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – №1. – С. 45–54.

42. Регионализмы в художественном тексте: диапазон действия, способы ввода и маркированности их // Лингвистическая семантика и прагматика: Материалы V Научной конференции по проблемам семантических исследований. – М.: Харьков, 1991. – С. 184–185.

43. К вопросу о функциях регионализмов в языке и речи // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов научно-методической конференции. Ч. І. – Даугавпилс, 1991. – С. 65–66.

44. К вопросу о содержании термина «регионализм» // Лингвистическая терминология в советском языкознании: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. – Н. Новгород, 1991. – С. 39–40.

45. Региональная (арзамасская) антропонимия: к вопросу о ее прошлом и настоящем // Ономастика Поволжья: Материалы VI Конференции по ономастике Поволжья. Ч. І. – М., 1991. – С. 90–101.

46. Микротопонимы как средство отражения памяти народа // II Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры»: сб. материалов. – Вып. 2. – М., 1991. – С. 85.

47. Отношения речевых единиц в тексте романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: корреляция и диссонанс // сб. научных статей. – Одесса: ОГУ, 1991. (В соавторстве.)

48. Диалектная лексика с расширенным объемом значения // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тезисы докладов / 2–4 октября 1991. – Красноярск, 1991. – С. 87–89. (В соавторстве: Пестрикова Н.Е.)

49. Ономастическое словообразование: к вопросу о специфике // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: Тезисы докладов. – Пермь, 1991. – С. 164–165.

50. Региональные онимы: внутренняя форма и мотивированность их // А.А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей: Тезисы Всесоюзной научной конференции / октябрь 1991. – Ч. II. – Харьков, 1991. – С. 25–27.

51. Ономастическое словообразование: о некоторых спорных вопросах // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм: Материалы межведомственной научно-теоретической конференции (Харьков – Сочи, 1991). Вып. 1. Ч. I. – Харьков, 1991. – С. 443–444.

52. Регионализмы как средство репрезентации явлений национальной культуры // Культура. Творчество. Человек: Тезисы Всероссийской республиканской научной конференции. Ч. III. Культорология. Культурно-досуговая деятельность. – Самара, 1991. – С. 20–22.

53. Номинация в онимическом пространстве русской деревни // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. – М.: ВАСХНИЛ, 1991. – С. 242–244.

54. Собственное имя как этнохронотоп в художественном произведении // Хива: Ургенч. – №1. – 1991. – С. 32.

55. Речевой портрет молодежи: его проявления, пути улучшения // Культура и формирование личности учащейся молодежи: Материалы Всесоюзной межвузовской научно-практической конференции: межвузовский сб. – Н. Новгород, 1991. – С. 140–142.

56. К вопросу о семантической структуре имени собственного // Е.В. Кротевич и современное языкознание: К 90-летию со дня рождения: Тезисы докладов региональной научной конференции. – Львов, 1991. – С. 33–34.

57. Лексические показатели характера говоров юга Нижегородской области // Вопросы изучения среднерусских говоров: сб. научных трудов. – Тверь: ТГУ, 1992. – С. 64–74.

58. О некоторых художественных универсалиях, связанных с онимами // Северно-Кавказские чтения: Материалы школы-семинара «Лиманчик-92». Вып. V. Ономастика и культура. – Ростов н/Д., 1992. – С. 6–8.

59. К проблеме значения регионализмов // Семантика языковых единиц: Материалы III Межвузовской научно-исследовательской конференции. В 3-х чч. Ч. I. Лексическая семантика. – М.: МГОПИ, 1992. – С. 63–66.

60. Региональное онимическое гнездо как микросистема // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы VI Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей, 10–11 апреля 1992. – Тверь: ТГУ, 1992. – С. 69–70.

61. Структурная характеристика ойконимов Нижегородской области // Центральночерноземная деревня: история и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – М., 1992. – С. 132–134.

62. Собственные имена и связанные с ними номинации в произведениях А.П. Гайдара // Языковое мастерство А.П. Гайдара: межвузовский сб. научных трудов. – Арзамас: АГПИ, 1993. – С. 68–85.

63. Периферийная диалектная лексика в региональном словаре // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 23–25 ноября 1993. – Красноярск: КГПУ, 1993. – С. 74–76.

64. Лексика природы в романе П.И. Мельникова (А. Печерского) «На Горах» // Координационное диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 93»: Тезисы докладов. – СПб., 1993. – С. 34–36.

65. О самобытности русской фразеологии // Диалектические процессы во фразеологии: Тезисы докладов межвузовской конференции. – Челябинск, 1993. – С. 132–133.

66. Показатели маркированности онимического пространства // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы VII Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей, 9–10 апреля 1993. – Тверь: ТГУ, 1993. – С. 54–55.

67. Иносистемное слово в тексте // Семантика языковых единиц и ее изучение в вузе и школе: Тезисы докладов научно-практической конференции. – Н. Новгород, 1993. – С. 122–123.

68. Об онимическом пространстве русской деревни // Деревня Центральной России: история и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – М., 1993. – С. 51–53.

69. Арзамас… Почему он так называется? // Краеведческие чтения–92. – Н. Новгород, 1992. – С. 10–12.

70. Лексика природы в говорах Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 80–88. (В соавторстве: Ламохина С.И., Пестрикова Н.Е.)

71. Программа Лексического атласа русских народных говоров: Человек: физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения // Программа собирания сведений для ЛАРНГ. Ч. I. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 55–78. (В соавторстве: Азарх Ю.С., Костючук Л.Я., Кругликова Л.Е., Титова Н.Ф.)

72. Лексика других актуальных тематических групп: программа // Программа собирания сведений для ЛАРНГ. Ч. II. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 317–324. (В соавторстве: Петрова З.М., Попов И.А., Архарова Д.И.)

73. Арзамас // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-пресс, 1994. – С. 17–21.

74. Имя собственное в письменной научной речи // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. – Пермь, 1994. – С. 212–222.

75. К проблеме специфического в диалектной лексике // X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров»: Тезисы докладов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 16–18.

76. Оним в тексте: к вопросу об индивидуально-художественном значении // Семантика языковых единиц: Доклады IV Международной конференции. В 4-х чч. Ч. IV. Семантика художественного текста. – М.: Альфа, 1994. – С. 45–48.

77. Региональное слово в художественной речи // Региональные аспекты лексикологии: межвузовский сб. научных трудов. – Тюмень: Тюменский ун-т, 1994. – С. 52–73.

78. Направления, итоги и перспективы изучения говоров юга Нижегородской области // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов II Региональной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 1994. – С. 24–25.

79. Субстантивы-неологизмы в русском языке 70-х годов XX века // Функционально-семантические аспекты изучения русского слова: Тезисы межвузовской конференции. В 2-х чч. Ч. I. – Орехово-Зуево, 1994. – С. 10–13.

80. Регионализмы как элементы художественной речи // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 120–121.

81. Онимия юга Нижегородской области в системно-функциональном аспекте // Проблемы региональной русской филологии: Тезисы докладов и сообщений. – Вологда, 1995. – С. 119–121.

82. Лексикографическая фиксация региональной онимии // Ономастика Поволжья: Материалы VII Конференции поволжских ономатологов. – Волгоград, 1995. – С. 58–60.

83. Отношение к лицу как принцип топонимической номинации // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов III Региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996. – С. 43–44.

84. У истоков русской диалектологии // Проблемы региональной лингвистики: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной памяти проф. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1996. – С. 19–21.

85. Диалектное слово в толковом словаре современного русского языка // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной лингвистической конференции. – Екатеринбург, 1996. – С. 26–28.

86. Безэквивалентная лексика в русском языке и ее восприятие // Язык, система, личность: Тезисы докладов и сообщений международного симпозиума. – Екатеринбург, 1996. – С. 31–32.

87. Этнорегионализмы в современном русском языке // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения: Тезисы межгосударственной конференции, посвященной 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 1996. – С. 87–89. (В соавторстве.)

88. «Что в имени тебе моем?» (Имя Марина в поэзии М.И. Цветаевой) // Новые аспекты изучения литературы Серебряного века в вузе и школе. – Арзамас: АГПИ, 1996. – С. 116–125. (В соавторстве: Кудашова О.И.)

89. Индивидуально-художественное значение слова в поэзии М. Цветаевой // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. В 2-х тт. Т. II. – М.: МГОПУ, 1996. – С. 161–163. (В соавторстве: Кудашова О.И.)

90. Региональная онимия в лингвогеографическом аспекте // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвузовской научной конференции. – Арзамас: АГПИ, 1996. – С. 52–55.

91. Об одном виде регионализмов в прозе А.П. Гайдара // Язык художественных произведений А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 1997. – С. 23–31.

92. Онимическое пространство одного села: объем, состояние, тенденции развития // Материалы для изучения селений России: Доклады и сообщения VI Научно-практической конференции «Российская деревня: история и современность». – В 2-х ч. Ч. 2: Язык российской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. – М., 1997. – С. 72–78. (В соавторстве: Зинина Т.Е.)

93. Явление параллелизма в лексике нижегородских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. – С. 63–73. (В соавторстве: Балова Е.Ю., Ламохина С.И., Никифорова О.В.)

94. Микроантропонимия как составная часть региональной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. – СПб.: ИЛИ РАН, 1996. – С. 104–113.

95. Диалектное слово в речи: его употребление и восприятие // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. – С. 53–62.

96. К типологии регионализмов // Русские народные говоры: проблемы изучения: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Ярославль, 1997. – С. 8–11.

97. Словоообразовательное гнездо в поэтическом идиолекте // Язык. Система. Личность: Материалы докладов и сообщений научной конференции. – Екатеринбург, 1998. – С. 81–82. (В соавторстве: Кудашова О.И.)

98. Семантическая структура нарицательных регионализмов в современном русском языке // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. – В 2-х т. Т. 1. – М.: МГОПУ, 1998. – С. 147–148.

99. Этнорегионализмы в художественном произведении // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории: Тезисы международной научно-методической конференции. – Сыктывкар, 1998. – С. 37–39. (В соавторстве: Буренкова С.Е.)

100. Адъективы в нижегородской топонимии // Ономастика Поволжья. VIII: Тезисы докладов VIII Международной конференции. – Волгоград, 1998. – С. 12–15.

101. К региональной мотивологии: характер и типы мотивации в микротопонимии // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: межвузовский сб. научных трудов. – Н. Новгород: НГПУ, 1999. – С. 56–62.

102. Конфессиональные группы в некоторых нижегородских селениях // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 7-ой Научно-практической конференции (Тула, ноябрь 1999). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. – С. 126–127. (В соавторстве.)

103. Легенды о святом Софронии (с. Никольское Арзамасского района Нижегородской области) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения VII Научно-практической конференции (Тула, ноябрь 1999). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. – С. 145–146. (В соавторстве.)

104. Поэтическая мотивация в нижегородской топонимии // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тезисы докладов международной научной конференции. – Н. Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т, 1999. – С. 162–164.

105. Микротопоним как социальный знак // Русский язык и русистика: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 13–16 октября 1999 г. – Екатеринбург: Изд. Урал.ун-та, 1999. – С. 162–164.

106. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. – СПб.: ИЛИ РАН, 2000. – С. 101–109;

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. – СПб.: ИЛИ РАН, 2002. – С. 216–224. (В соавторстве: Назарова И.В.)

107. К характеристике неактуальной диалектной лексики // Актуальные проблемы диалектологии: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Вологда: Русь, 2000. – С. 60–62.

108. Параметры микротопонимического пространства нижегородской деревни // Актуальные проблемы современной русистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти В.И. Чернова. В 2-х ч. Ч. 1. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 114–115.

109. Восприятие и оценка слова в говоре // Проблемы теории и методики преподавания лингвистических дисциплин: сб. научных и методических статей. – Арзамас: АГПИ, 2000. – С. 39–46.

110. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как памятник культуры русского народа // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: Язык – словесность – самосознание – культура: материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. Ч. 1. – Иваново: ИГУ, 2001. – С. 56–61.

111. «Жалеть» в региональной языковой картине мира русского человека // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2: Доклады и сообщения VIII Рос. научн.-практ. конференции. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. – С. 202–204.

112. Обращение как этикетный знак в речи жителей нижегородской деревни (Окско-Сурское междуречье) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2: Доклады и сообщения VIII Рос. научн.-практ. конференции. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. – С. 206–208. (В соавторстве: Суворова Е.В.)

113. Микротопонимия в региональном онимическом пространстве: аспект взаимодействия единиц // Теория языкознания и русистика: Наследие Б.Н. Головина: сб. статей и материалов международной научной конференции, посвященной 85-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород: изд. Нижегородского ун-та, 2001. – С. 159–161.

114. Параметры «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля // Владимир Даль и современная филология: материалы международной научной конференции 22–23 ноября 2001 г. В 2-х т. Т. I. – Н. Новгород: НГЛУ, 2001. – С. 59–63.

115. «Лад» в русской языковой картине мира // Человек. Язык. Искусство (памяти проф. Н.В. Черемисиной): материалы научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2002. – С. 193–194.

116. Речевой портрет современной молодежи // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы IV Научно-практической конференции РОПРЯЛ (23–25 мая 2002 г.). – Н. Новгород: Изд. Нижегородского ун-та, 2002. – С. 111–112.

117. Наш язык нуждается в защите // Духовный мир молодого человека и будущее России: Региональная межвузовская научно-практическая конференция 17–18 апреля 2003 г.: сб. статей. – Арзамас: АГПИ, 2003. – С. 358–361.

118. Слово в русской языковой картине мира: кумулятивная функция // Аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / под ред. Л.Н. Новиковой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 260–276.

119. Микротопонимический словарь Нижегородской области: Окско-Сурское междуречье // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – №3 (32). – С. 135–147.

120. «Душа грустит о небесах…» (С.А. Есенин) // Проблемы изучения лирики в школе. К 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева: материалы региональной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 2003. – С. 205–216.

121. Родина в русской языковой картине мира // С чего начинается Родина?: материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 марта 2004 г. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 369–374.

122. Слово Бог в русской языковой картине мира // Православие и русская литература: материалы Всероссийской конференции «Православие и русская литература: вузовский и школьный аспект изучения». Арзамас. 22–24 мая 2003 г. / сост. Б.С. Кондратьев. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 239-247.

123. От студента до ученого с любовью к родному слову // Молодежь и общество. – 2004. – №4. – С. 61–64.

124. Топонимическое пространство региона: некоторые наблюдения и интерпретации // Арзамасские филологические чтения–2003. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 65–73.

125. Микротопонимы-квантитативы в нижегородских говорах (Окско-Сурское междуречье) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения IX Российской науч.-практич. конф. Вып. 3. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 417–419.

126. Способы и формы фиксации регионизмов // Русский язык: история и современность: материалы научной конференции, посвященной 80-летию профессора Николая Дмитриевича Русинова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – С. 56–59.

127. Лексико-семантический комплекс бог (Бог) в русской региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 4. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 114–122.

128. Языковое выражение хронотопа в произведениях А.П. Гайдара // И.Г. Минералова, Г.А. Основина, Н.И. Рыбаков и др. Творчество Аркадия Гайдара. Герой. Жанр. Слог: монография. – М.: МПГУ, 2006. – С. 32–45.

129. Топонимический облик Арзамаса: прошлое и настоящее // Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: материалы Международной научной конференции. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 231–241. (В соавторстве: Дудина М.В.)

130. У народной памяти много слов // Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В 2 книгах / сост., авторы вступит. статей и комментариев: Л.А. Климкова, Ю.А. Курдин. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 199–358.

131. Нижегородские говоры как объект изучения // Русские народные говоры: история и современность: сб. статей / отв. ред. Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 127–133.

132. «Вечера на Карповке» М.С. Жуковой: беглый взгляд лингвиста // Творчество М.С. Жуковой и русская беллетристика XIX–XX веков: сб. статей / под ред. П.Г. Жирунова. – Арзамас: АГПИ, 2006. – С. 59–70.

133. Концепт «время» в региональной топонимии: средства вербализации // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 5. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 136–142.

134. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). В 3-х ч. / Л.А. Климкова; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2006. Ч. 1. – 403 с.; ч. 2. – 336 с.; ч. 3. – 406 с. (1145 с.)

135. Региональная топонимия в концептуальном аспекте: пространство // Филологические науки. – 2006. – №6. – С. 77–86.

136. Оним в региональной языковой картине мира // Ономастика Поволжья: Материалы X Международной конф. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. / отв. ред. Е.А. Яковлева. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 130–133.

137. Сакральное в русском языке современности // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: сб. статей / под ред. Г.А. Пучковой; АГПИ им. А.П. Гайдара, Всемирный Русский Народный Собор, СП России. – Арзамас: АГПИ, 2006. – С. 54–65.

138. Мордовские детерминативы в окско-волжско-сурской микротопонимии // Региональная лексика в историко-культорологическом аспекте: материалы межвузовских диалектологических чтений 23–25 ноября 2006. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 124–131.

139. Микротопоним как историческое свидетельство // Русская речь. – 2007. – №2. – С. 101–106.

140. Нижегородская микротопонимия: гендерный аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – С. 180–183.

141. Этнический аспект нижегородской микротопонимии // Карповские чтения: сб. статей / под ред. Е.П. Титкова, Ю.А. Курдина, И.В. Кудряшова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 322–330.

142. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова; науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

143. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. – М.: АГПИ. – Арзамас, 2008. – 261 с.

144. Нижегородская микротопонимия: коннотативный аспект // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 21. –2008. – №16. – С. 80–86.

145. Микротопонимический комплекс как единица диалектной системы // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой

100-летию со дня рождения доктора филол. наук, проф. Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 25–27 октября 2007 г.) / отв. ред. Т.К. Ховрина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 304–312.

146. Системные отношения в микротопонимии // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. – 2008. – №2 (2). – С. 25–29.

147. «Дом» в диалектном компоненте русского языка // У чистого родника родного языка: сб. научных статей к 60-летию проф. В.И. Супруна / под ред. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 265–272. (В соавторстве: Забродкина Е.А.)

148. Микротопонимия как зона пересечения с антропонимией // Ономастика Поволжья: материалы XI Международной научной конференции (Йошкар-Ола, 16–18 сент. 2008 г.) / Марийский гос. ун-т; отв. ред. А.Н. Куклин. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 106–109.

149. Компонент смыслового блока «вода» (ручей-ключ-колодезь-родник) в нижегородской микротопонимии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2008. – С. 138–146.

150. Микротопонимия через призму концепта «дом» // Русский язык в школе. – 2009. – №2. – С. 75–79.

151. Социолингвистический аспект произведений А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы Всероссийской научно-практической конф. «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения». Арзамас. 30–31 октября 2008 года. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С. 11–17.

152. Концепт «жалость» в русском языковом сознании // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 217–219.

153. Говоры Нижегородского Окско-Волжского-Сурского междуречья: фонетический аспект // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – С. 107–109.

154. «Речи родимой бескрайняя даль…» Говоры Нижегородского Окско-Волжского-Сурского междуречья: хрестоматия / сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. – 265 с.

155. Региональное слово в зеркале русскости // Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института (22–24 октября 2009 г.) / отв. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас – Саров: СГТ, 2009. – С. 167–180.

156. Культура современной русской речи в аспекте национальной идеи // Проблемы языковой картины мира на современном этапе.: сб. статей по материалам Международной научной конференции молодых ученых 24–25 марта 2009. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 103–110.

157. Еще раз о русском феномене «жалеть» / «жалость» // Слово в языке и речи: международный сб. научных трудов в честь 70-летия д. филол. наук, проф. О.И. Литвинниковой. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2009. – С. 166–171.

158. Жалость, не унижающая человека: языковое выражение // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Междунар. научной конф. молодых ученых 17–18 марта 2010 г. Вып. 9. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 140–146.

159. Нижегородская микротопонимия: дискурсный компонент // Ономастика Поволжья: сб. материалов XII Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / под ред. И.А. Гилязова. – Казань: Отечество, 2010. – С. 15–18.

160. Предварение Словаря // Карповские чтения: сб. статей. Вып. 3 / отв. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 110–114.

161. Нижегородская микротопонимия: структурно-словообразовательный аспект // В мире словесности: сб. научных работ, посвященных юбилею профессора Л.В. Вознюк. – Тернополь: Вектор, 2011. – С. 104–110.

162. Микротопонимическое пространство: системные отношения единиц на грамматическом уровне // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы девятой научной конференции (Владимир, 22–24 сентября 2011 года). – Владимир: ВГГУ, 2011. – С. 192–198.

163. Параметры информативности диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2011 / Институт лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2011. – С. 86–96.

164. Мотивационные тексты в региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Международной научной конференции молодых ученых. Вып. 10. 16–17 марта 2011 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 152–157.

165. К типологии аспектных региональных словарей // Славянская диалектная лексикография: материалы I Международной лексикографической конференции / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, В.В. Бакланова. – СПб.: Наука, 2011. – С. 47–48.

166. Языковая личность диалектоносителя: лексический компонент // Русское слово. Выпуск 3: сб. научных трудов к юбилею Р.И. Кудряшовой / под ред. Е.И. Алещенко, Е.В. Крысиной, В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во Лицея №8 «Олимпия», 2011. – С. 33–42.

167. Взгляд через века на некоторые идеи М.В. Ломоносова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. научных трудов. Часть 7 / отв. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2011. – С. 7–15.

168. Русское словообразовательное гнездо как система компонентов // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г. Минск / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 213–216.

169. Язык как дом нашего бытия // Саровский летописец: материалы IX Историч. конф., посвященной 320-летию образования первого поселения на Саровском городище (21–22 апреля 2011 г.) / отв. ред. В.А. Степашкин; администрация г. Сарова; Городской музей, ЦРК и Ис. – Саров – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 266–281.

170. «Дальние страны» в языковой картине мира детей – героев повести А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения», посвященной 70-летию со дня героической гибели А.П. Гайдара и 45-летию присвоения институту его имени. – Арзамас. 26–28 окт. 2011 года. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 46–54; Аркадий Гайдар в современной школе: книга для учителя / отв. ред. Б.С. Кондратьев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: АФ ННГУ, 2014. – С. 305–315.

171. «Житие протокола Аввакума» как объект регионалистики // «А мне глаголати неленостно…»: Раскол и старообрядчество в современной рефлексии: сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. И.А. Едошина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 216–224.

172. Феномен сельской улицы: линвокультурологические заметки // Проблемы педагогического образования: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию педагогического образования в Республике Марий Эл / отв. ред. Н.А. Бирюкова. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 287–297.

173. Стихотворение С.А. Есенина «Тебе одной плету венок…». Опыт интегративного анализа // Современное есениноведение. – 2012. – №23. – С. 41–51.

174. Словообразовательные гнезда-оппозиты с вершинами баба – муж(ик) в русской диалектной картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Международной научной конференции молодых ученых. Вып. 11. – Н. Новгород.: НГПУ им. К. Минина, 2012. – С. 132–141.

175. Русское «ничего»: этнолингвистическое содержание, прагматика, функции // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике. 10–12 октября 2012 года: сб. материалов / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. – М. – Тамбов, 2012. – С. 569–572.

176. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография // Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 410 с.

177. Основные тенденции микротопонимической номинации в нижегородских говорах // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 219–223.

178. Стихотворение С.А. Есенина «Тебе одной плету венок…» в рамках лингвистического анализа и вне их // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием 17–18 мая 2012 / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 165–176.

179. Рассказ А.П. Чехова «Без заглавия»: штрихи к анализу // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сб. научных трудов. Вып. 31. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 44–53.

180. Поэтическая вербализация концепта «русский язык» // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус. Материалы Межрегион. конф. по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Москва, 31 окт. – 2 ноября 2012 г.: доклады / науч. ред. С.Н. Пяткин. – М.–Арзамас: Про100Медиа, АГПИ им. А.П. Гайдара, 2012. – С. 34–42.

181. Нижегородская частушка в региональной языковой картине мира // Карповские чтения: сб. статей. Вып. 4 / отв. ред. С.Н. Пяткин; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 78–87.

182. Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость // Русское слово и Костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор – История, 2013. – С. 457–465.

183. Соотношение лексем в тематических группах диалектного языка (на материале к некоторым картам ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2013 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 258–273.

184. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. Арзамасские филологические чтения. – 2013. – №8 (24). – Т. 2. – С. 28–37.

185. Микротопонимия как пространство памяти // Проблемы региональной лингвистики: Памяти докт. филол. наук, проф. Т.В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы Междунар. науч. конф., Тверь, 26–27 апреля 2013 г. / редкол.: И.М. Ганжина (отв. ред.) и др. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 117–121.

186. «Будь гражданин!..» // Саровский летописец: материалы и статьи X Исторической конф., посвященной 110-летию канонизации прп. Серафима Саровского и 60-летию испытания первого заряда с термоядерным усилением РДС-6 (18 апр. 2013) / отв. ред. В.А. Степашкин. – Саров: СГТ, 2013. – С. 165–169.

187. Концепт «Родина» в русском языковом создании: словарные репрезентации // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегион. науч. конф., г. Саранск, 22–24 мая 2013 г.: (Сокр. версия) / сост. Э.Н. Акимова <…>. – М. – Саранск: ПРО100Медиа, 2013. – С. 31–35.

188. Типология текстов в составе микротопонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы Международного научного семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – С. 78–81.

189. Нижегородская частушка: лексический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – №6. Часть 2. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. – С. 94–97.

190. Территориальные диалекты в общерусском пространстве: некоторые акценты // Трубачевская соборная встреча: сб. материалов научных чтений. Вып. 2 / под ред. Г.В. Егоровой и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во МОУ ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 63–70.

191. Тексты-иллюстрации в материалах к некоторым картам Лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2014 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 376–393.

192. Лексико-семантическое поле «семья» в русском диалектном языке: дети // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 12. 15–16 апреля 2014 г. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – С. 128–134.

193. Нижегородская микротопонимия в условиях двуязычия // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сентября 2014) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 148–152.

194. Русская народная сказка: историко-лингвистический аспект // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Международной научной конференции, Саранск 21–23 мая 2014 г. / редкол.: Ю.А. Мишин (отв. ред.) [и др.]. В 2 т. Т.1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 325–332.

195. Инокомпонентное слово в художественном тексте // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова: материалы Междунар. науч. конф. (3–5 июня 2014 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. Л.Л. Шестакова, Н.В. Патроева. – М. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 65–68.

196. Сильные текстовые позиции в русских народных сказках // Карповские чтения: сб. статей. Выпуск 5 / отв. ред. Ю.А. Курдин. – Арзамас: Аф ННГУ, 2014. – С. 89–96.

197. Деминутивы в русских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3-х ч. Ч. 1. – 2014. – №12 (42). – С. 92–96.

198. ЛСП «семья» в русском языке: структура поля и его компонент «ребенок» // Проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора филологических наук, профессора В.В. Востокова. 18–20 сентября 2014 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 64–70.

199. Природа в художественной картине мира А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения А.П. Гайдара. Арзамас 22–24 окт. 2014 / отв. ред. Б.С. Кондратьев. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 21–31.

200. Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – №6. – С. 182–185.

201. «Дальние страны» в картине мира детей – героев повести А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар в современной школе. Книга для учителя. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 307–317.

202. Прозвищная номинация в русской языковой картине мира: общий взгляд // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сб. научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции (г. Иваново, 6–8 мая 2015 г.) / сост. и науч. ред. И.А. Сотовой (отв. ред.) и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – С. 110–119.

203. Русская народная сказка: варианты текста и прочтения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – №2. – Часть 2. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 421–427.

204. Фольклорная составляющая лингвокраеведения // II Громовские чтения: Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. научн.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 220–229.

205. Нижегородская (окско-волжско-сурская) микротопонимия: географический аспект // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего отечества»): материалы V Междунар. конф. по историч. географии (Санкт-Петербург,18–21 мая 2015 г.). – Ч. 1. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 174–177.

206. Параметры диалектного микроантропонимического словаря // Современные проблемы лексикографии: материалы конференции / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 89–90.

207. Системные связи слов в Лексическом атласе русских народных говоров (на материалах к некоторым картам) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2015 / Ин-т лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 275–290.

208. «Русский язык» К.Д. Бальмонта: фрагменты анализа текста // Язык в слове, фразеологизме, тексте: коллективная монография. – Орёл: ОГУ, 2015. – С. 463–469.

209. Диалектные черты в ретроспекции и проспекции // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тезисы докладов Международной конференции 30 окт. – 1 ноября 2015 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 105–107.

210. Арзамасский контекст: исторический, художественный, языковой аспекты // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас – Н. Новгород: ООО «Растр», 2015. – С. 489–502.

211. Этнорегионализмы и их функции в романе К.Г. Абрамова «Пургаз» // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 11 ноября 2015 г. / редкол.: Ю.А. Мишин, О.Ю. Осьмухина (отв. ред.), Е.А. Казеева [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. (Третьи Конкинские чтения). – С. 20–24.

212. Топонимические предания в нижегородском фольклоре: этнический аспект // Язык и поэтика русского фольклора: К 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа: сб. докладов Всероссийской (с международным участием) научной конференции (16–19 сентября 2015 года, г. Петрозаводск) / отв. ред. Н.В. Патроева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 91–93.

213. Полилингвальность как путь к познанию многообразия мира // Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального

общества. XX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: материалы докладов / отв. за вып. Зверева И.А. – Княгинино: НГИЭУ, 2015. – С. 27.

214. Прозвищные номинанты в повестях А.Г. Алексина // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102). – Ноябрь-2. – С. 173–177. (В соавторстве: Васяева К.О).

215. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. – 2015. – №22 (102.1). – Ноябрь-2, – С. 187–191. (В соавторстве: Костина К.В.)

216. Топонимические предания в региональной фольклорной картине мира: социальный и личностный аспекты // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Серия: Гуманитарные науки и образование. – 2015. –№ 4 (19). – С. 12–22.

217. Событийность как основа микротопонимии // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 15–18.

218. Онимы в газетном дискурсе: трансформация семантики и формы // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Г. Головина): сб. статей по материалам Международной науч. конф. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 302–307.

219. Из истории исследований русских говоров юга Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2016 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 272–307. (В соавторстве: Любова Е.Ю., Никифорова О.В., Тюрина Г.Н.)

220. Жанр воспоминаний в диалектной картине мира // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 13. 21–22 апреля 2016. – Н. Новгород: Мининский университет, 2016. – С. 43–48.

221. Марийский пласт в нижегородской топонимии // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – №3 (23). – С. 89–95.

222. Homo credens в региональной языковой картине мира: дискурсный аспект // Православие и русская литература: сборник научных статей / отв. ред. Б.С. Кондратьев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 4–14.

223. Диалектные тексты как документ эпохи // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 ноября 2016 г. – Кострома: КГУ, 2016. – С. 147–155.

224. Славянская языковая миграция в Нижегородское Окско-Волжско-Сурское междуречье // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под.ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 45–48.

225. Феномен русскости: языковая эксипликация // Русский универсум в условиях глобализации: сб. статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26–28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 381–389.

226. Русскость в трудах В.И. Даля // Многогранный В.И. Даль и современная филология: материалы I Международного научного конгресса 22–23 ноября 2016 года. – Н. Новгород: НГЛУ, 2016. – С. 86–90.

227. «Ономастика Поволжья» как научное направление и как мероприятие // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – №4 (22). Т. 2. –Филологические науки. – С. 249–256; 289–294.

228. «Жить надо созидая» (По Д.С. Лихачеву) // Научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося российского филолога, культуролога, искусствоведа – академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: сб. статей по материалам конференции 30 ноября 2016 года / под ред. доктора социол. наук, проф. С.Б. Быстрянцева, канд. филолог. наук, доц. И.Ю. Востриковой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – С. 59–66.

229. Взаимодействие славянских единиц в нижегородской языковой картине мира // Диалог языков и культур: Россия – Польша: материалы Международной научной конференции, Смоленск, 17–18 ноября 2016 года / отв. ред. В.С. Картавенко. – Смоленск: Типография «Принт-Экспресс», 2017. – С. 48–56.

230. Региональный словарь через призму коммуникативной ономастики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус.

культ., языка и литературы, Институт языкознания им. Якуба Коласа; редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 200–225.

231. Микротопонимический словарь: «коридор голосов» // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2017. – №4 (12). – С. 1–5.

232. XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» // Русский язык в школе. – №2. – 2017. – С. 69. (В соавторстве: Рябушкина С.В.)

233. Старое и новое в региональной ономической картине мира // Русский язык в поликультурном мире: I Междунар. симпозиум (8–10 июня 2017) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. научных статей. В 2-х т. Т. 2. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – С. 48–54.

234. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2017. – Том 23. Специальный выпуск. – С. 92–96.

235. Онимоиды в речи арзамасских студентов // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной конференции, посвященной 50-летнему юбилею I Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Н. Галушко. В 2 т. Т. 1. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – С. 460–468. (В соавторстве: Тиняева К.В.)

236. Рассказ «Пыль» И.С. Соколова-Микитова: историко-культурный аспект // Патриарх Сергий и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международн. участием «Патриарх Сергий и церковно-госуд. отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству». Арзамас, 25–26 мая 2017 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 427–439. (В соавторстве: Тиняева К.В.)

237. Полвека в пути… // «Ономастика Поволжья»: из истории конференции / под ред. В.И. Супруна, С.В. Рябушкиной, Е.В. Захаровой, Р.В. Разумова. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – С. 18–23.

238. Религиозная составляющая диалектного дискурса // Патриарх Сергий и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международ. участием «Патриарх Сергий и церковно-госуд. отношения XX веке: трудный путь к сотрудничеству». Арзамас, 25–26 мая 2017 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 440–452.

239. Ключевые идеи эпохи через призму языка // К проблеме национальной идентификации // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности: сб. статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 219–224.

240. Общие проблемы топонимики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Глава пятая. – Майкоп: Магарин О.Г., 2017. – С. 111–139.

241. Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. – Т. 25. – С. 116–121.

242. Социальные состояния и реакция через призму языка // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сб. статей по материалам Международной научной конф. «Национальные коды в языке и литературе». – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2018. – С. 120–128.

243. Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / Рос. АН., ИЛИ РАН, Ин-т славяноведения РАН / отв. ред. Т.И. Вендина; ред. тома Т.К. Ховрина. – М.: СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 328–340, 395–399.

244. Имя собственное в газетном дискурсе: ассоциативно-деривационный и функциональный аспекты // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.М. Дулова, О.В. Шеверинова; под научн. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. – С. 14–20.

245. Образ звездного неба в творчестве А.П. Гайдара // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный научный сборник. – Вып. 34. – Воронеж: Изд. ВГУ, 2018. – С. 218–226.

246. Русская речь: тревоги сегодняшнего дня // Русский язык в славянском мире: история и современность: сб. статей Международной научной онлайн-конференции, посвященный памяти

известного лингвиста, исследователя истории русского языка Н.Д. Русинова (26–27 сентября 2018 г.). – Н. Новгород: ННГУ, 2018. – С. 130–144.

247. Иллюстративная зона в региональном онимическом словаре // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Труды международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 458–464.

248. Языковая личность бывшего диалектоносителя: речевая рефлексия // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Международной конференции 26–28 октября 2018 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. – С. 120–122.

249. Плюральность в региональной онимии // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов Международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). В 2 ч. Ч. 1. / науч. ред Н.В. Патроева; предисловие: Н.В. Патроева и О.Н. Никитин. – Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2018. – С. 127–129.

250. Морфемный анализ: принципы, методы, виды, логика, трудности // Лингвистические традиции и современность: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения проф. В.Н. Немченко / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 48–57.

251. Коммуникативный аспект произведений А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сборник статей / отв. ред. Б.С. Кондратьев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 8–19.

252. Образ природы в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный научный сборник. – Вып. 34. – Воронеж: Изд. ВГУ, 2018. – С. 227–235. (В соавторстве: Уварова Е.А.)

253. Природа и человек в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» // Карповские чтения: сборник статей. Вып. 8 / отв. ред. Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 201–208. (В соавторстве: Уварова Е.А.)

254. Роль образца в сохранении национального кода // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 61–68.

255. Региональное глагольное слово в аспекте национального речевого идеала // Россия народная, россыпь языков, диалектов, культур: сб. материалов Всероссийской с международным участием научной конференции. 23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград / гл. ред. Е.В. Брысина, В.И. Супрун; редкол.: Е.И. Алещенко и др.; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Волгогр. отд-ние рус. словесности. – Волгоград: Фортесс, 2019. – 264–270.

256. Микротопонимия в аспекте семантического проецирования // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 51–55.

257. Речевое поле «тоска» в лирике И.П. Анненского // Православие и русская литература: сб. статей / отв. ред. Б.С. Кондратьев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 163–173. (В соавторстве: Тарасова Д.М.)

258. Заметки о языке и его изучении // Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (23–25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; научн. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 417–425.

259. Концепт «тоска» в русском народном сознании и языке // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сб. статей. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 50–60.

260. Тезоименность в русской библионимии // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 1 / научн. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 64–71.

261. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики: научный журнал. – 2020. – №3 (38). – С. 17–26.

262. Деривационный потенциал имен собственных в русском языке // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 70–80.

263. «Лексический атлас русских народных говоров» как источник информации об ассоциативно-деривационных связях слов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. – СПб: ИЛИ РАН, 2020. – С. 307–324.

264. Прозвищная номинация в школьной микросистеме: деривационный и функциональный аспекты // Карповские чтения: сб. статей участников IX Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (Карповские чтения) / отв. ред. Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 202–209. (В соавторстве: Орешина А.М.)

265. Онимоиды в речи арзамасских студентов: деривационный и функциональный аспекты // Карповские чтения: сб. статей участников IX Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (Карповские чтения) / отв. ред. Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 209–218. (В соавторстве: Тиняева К.В.)

266. Категория рода в неофициальной антропонимии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – №1. – С. 49–55.

267. Библионим как знак концептуальности и интертекстуальности художественного произведения // Сучасныя праблемы анамастыкі. Вып. 1: зб. навук арт. / Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед. беларус. культ., мовы і літ-ры, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; навук. рэд. І.Л. Капылоў; адк. рэд А.М. Лапцёнак, В.У. Міцкевіч, В.А.Шклярык. – Мінск: Беларуская навука, 2021.

268. Заимствование vs национальная идентичность // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. научных статей / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – М.: Флинта, 2021. – С. 270–281.

Научно- и учебно-методические работы

1. Организация самостоятельной работы студентов в спецсеминаре по современному русскому языку // Тезисы докладов преподавателей кафедр русского языка и литературы пединститутов на научно-методическом совещании по методике организации самостоятельной работы студентов-заочников по русскому и литературе. – Череповец, 1976. – С. 16–17.

2. Работа над диалектной лексикой на уроках литературы в 6-ом классе // Анализ языка художественных текстов: методические рекомендации. – Арзамас: АГПИ, 1980. – С. 42–58.

3. Лексический анализ слова и фразеологизма. Морфологический анализ глагола. Фонетический анализ. Морфемный и словообразовательный анализ. Синтаксический анализ словосочетания и простого предложения // Виды лингвистического анализа: учебное пособие. – Горький: ГГПИ, 1981. – С. 8–12, 23–26, 31–44, 51–60, 74–87.

4. Региональная ономастика. Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области: учебное пособие к спецкурсу. – Горький: ГГПИ, 1985. – 95 с.

5. Как делаются русские слова // За страницами школьного учебника: методические рекомендации к внеклассной работе по русскому языку. – Арзамас: АГПИ, 1987. – С. 17–114.

6. О координации в вузовском преподавании лингвистических дисциплин с общественными. – Депонирована в НИИ ПВШ Минвуза СССР. – №1013-87. 13.07.87. – 19 с.

7. О трёх направлениях подготовки студентов к внеклассной работе по русскому языку в сельской малокомплектной школе // Педагогическая практика в сельской малокомплектной школе. – Арзамас: АГПИ, 1988. – С. 45–60.

8. Лингвокраеведение как путь совершенствования профессиональной подготовки студентов на заочном отделении // Пути совершенствования профессиональной направленности преподавания филологических дисциплин на заочном отделении педвузов: методическое руководство. – Саратов, 1988. – С. 63–65.

9. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе: методические рекомендации. – Арзамас: АГПИ, 1988. – 91 с.

10. Консультация при повторении и обобщении материала по русскому языку // Новые формы учебной работы по русскому языку в средней школе: методические рекомендации. – Арзамас: АГПИ, 1988. – С. 28–55.

11. Самостоятельная работа студентов должна быть ориентированной на творчество // Тезисы докладов на VII Региональной научно-методической конференции «Оптимизация учебного процесса». – Горький: ГГПИ, 1990. – С. 56.

12. Слово как объект лингвистического анализа в школе // Анализ языковых явлений как средство развивающего обучения школьников: методические рекомендации для учителей русского языка. – Горький: ГГПИ, 1990. – С. 25–33.

13. Подготовка студентов к проведению школьного факультатива по региональной лексике // Актуальные вопросы изучения в вузе курса методики преподавания зыка и литературы в школе: Тезисы докладов и выступлений республиканской научно-практической конференции. – Нежин, 1990. – С. 17–19.

14. Подготовка квалифицированных кадров кафедры: система форм // Пути повышения педагогического мастерства преподавателя высшей школы: Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции. – Белгород, 1990. – С. 41–42.

15. Роль образца в развитии речи младшего школьника // Развитие речи младших школьников: Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции. – Самара, 1991. – С. 6–8.

16. Лингвокраеведческая работа в школе: ее возможности и значение // Вопросы теории и методики преподавания русского языка в высшей и средней школе: сб. научных трудов. – Тверь: ТГУ, 1991. – С. 44–51.

17. Некоторые элементы народной педагогики в современном семейном воспитании // Народная педагогика и современные проблемы воспитания: материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Ч. IV. – Чебоксары, 1991. – С. 58–60.

18. Русская диалектология: программа // Сборник альтернативных учебных программ филологических курсов для педагогических училищ по специальности 0310 (русский язык и литература). – Лукоянов, 1993. – С. 106–134.

19. Формы приобщения учащихся к справочной литературе // Нестандартные формы организации обучения русскому языку в вузе и школе: сб. научно-методических трудов. – Тверь: ТГУ, 1994. – С. 59–68.

20. Русский язык: Пособие для подготовки к вступительному экзамену. – Ч. I. – Арзамас: АГПИ, 1994. – 37 с.

21. Русский язык: Пособие для подготовки к вступительному экзамену. – Ч. II. – Арзамас: АГПИ, 1995. – 81 с.

22. Лексикографический урок // Содержание, формы и методы обучения в сельской малокомплектной школе. – Арзамас: АГПИ, 1995. – С. 32–58.

23. К региональному компоненту в преподавании русского языка в сельской школе // Совершенствование содержания и методов обучения в сельской школе. – Арзамас: АГПИ, 1998. – С. 15–25.

24. Творческие занятия по риторике // Организация и внедрение дистанционной виртуально-треннинговой системы образования в СГИ. Вып. 3 / отв. ред. Т.Л. Дмитриева. – Арзамас: Совр. гуманитарный ин-т. Арзамасский филиал, 1999. – С. 40–44.

25. Региональное слово в современной русской речи: Спецкурс для 9–10-х гимназических классов // Гимназический компонент образования: Программы / под ред. В.В. Востокова. – Вып. 3. – Арзамас: Гимназия, 2001. – С. 17–31.

26. Руководство к выполнению и оформлению научных, творческих работ учащихся по предметам гуманитарного цикла. – Арзамас: МОУ Гимназия, 2001. – 20 с.

27. Кафедра в лицее // Одарённый ребёнок. – 2005. – №3. – С. 104–110.

28. Диалектологическая практика: учебно-методическое пособие. – Арзамас: АГПИ, 2005 г. – 71 с. (В соавторстве: Любова Е.Ю., Мачалова Л.Г., Никифорова О.В., Тюрина Г.Н.)

29. Лаборатория русской словесности гимназии // Русская словесность в современной школе (Программа сотрудничества «Предвуз – школа»): монография / гл. ред. В.В. Востоков. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 33–38.

30. Методические рекомендации к практическим занятиям по дисциплине «Русская диалектология» (для студентов I курса филологического факультета). – Арзамас: АГПИ, 2007. – 18 с. (В соавторстве: Мачалова Л.Г.)

31. Топонимия города Арзамаса XX века: Фрагмент занятия кружка «Путь к слову» // Внедрение православного компонента в учебно-воспитательный процесс: сб. научных и методических статей по проблемам православного, духовно-нравственного и патриотического воспитания и образования. – Арзамас: АГПИ, 2008. – С. 92–93.

32. Диалектологическая практика в системе подготовки учителя-словесника // Педагогическая практика в системе подготовки современного учителя: материалы II Всероссийской научно-практ. конф. Арзамас. 10–12 марта 2010 г. / отв. ред. И.В. Кудряшов; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 43–48.

33. Филологический анализ текста как комплексная учебная дисциплина // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Междунар. науч. конф., Саранск, 27–28 мая 2010 г. / редкол.: В.В. Шигуров (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – С. 58–64.

Рецензирование

1. Сывороткин М.М. Система адаптации заимствованной лексики тюрского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. – Саранск, 2004. – 460 с.

2. Вознюк Л.В. Русский язык: Синтаксис: пособие для учащихся (Тернополь: Навчальна книга-Богдан, 2006. 334 с.) // Всесвітня література в средніх навчальных закладах УкраЇні. – 2009. – №1 (342). – С. 64.

3. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Нижегородский арсенал Великой Победы. – Арзамас: АГПИ, 2010. – 570 с.

4. Титков Е.П. Духовный меч Великой Победы // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 4. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 521–524.

5. Весомый вклад в отечественную лексикографию [рец.]: Шипулина Г.И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1. Предлоги. – Баку: Мутарджам, 2012. – 184 с.; Вып. 2. Союзы. Частицы. – Баку: Мутарджам, 2012. – 288 с.; Словарь языка Есенина. Имя существительное. – Баку: Мутарджам, 2013. – 588 с.

6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2013.

7. Чернышов С.В. Эмоционально-концептный подход в обучении иностранным языкам (лингвопсихологические основы): монография. – Н. Новгород: НГЛУ им. Добролюбова, 2014. – 334 с.

8. Акимова Э.Н., Маслова А.Ю., Мочалова Т.И., Ершова Н.И., Денисова Л.Н. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2015. – 136 с. [Обновленная рецензия – октябрь 2016 г.].

9. Здесь «русский дух». Здесь «Русью пахнет» (Рецензия на книгу: Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. 2-е изд. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 176 с.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – №1. – С. 209–212.

10. Достойный вклад в отечественную топонимографию: к выходу нового словаря // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. В 2 тт. Т. 2. – 2018. – №2. – С. 115–121.

11. К выходу очередного выпуска «Словаря воронежских говоров» // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 35. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. – С. 448–453., а также: Воронежское лингвокраеведение. Вып. 4. К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова. Региональный сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 315–320.

12. Верховых Л.Н. Лингвокраеведение в школе // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 4. К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова: региональный сб. научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 327–330.

13. Ершов В. Топонимия правобережной части Нижегородского Поочья от устья Большой Кутры до устья Тарки. – Н. Новгород: БИКАР, 2020. – 118 с.

Редактирование

1. Лексический анализ слова и фразеологизма. Морфологический анализ глагола. Фонетический анализ. Морфемный и словообразовательный анализ. Синтаксический анализ словосочетания и простого предложения // Виды лингвистического анализа: учебное пособие. – Горький: ГГПИ, 1981. – 112 с.

2. Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов II Региональной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 1994. – 85 с.

3. Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвузовской научной конференции. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 1996. – 138 с.

4. Диалектологическая практика: учебно-методическое пособие. – Арзамас: АГПИ, 2005. – 71 с.

5. Русские народные говоры: история и современность: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном педагогическом институте. Арзамас 6–8 октября 2005 г. / отв. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2005. – 266 с.

6. Региональная лексика в историко-культорологическом аспекте: материалы межвузовских диалектологических чтений. Арзамас, 23–25 ноября 2006 г. / отв. ред. Л.А. Климкова. АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 263 с.

7. Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института (22–24 октября 2009 г.) / отв. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас – Саров: СГТ, 2009. – 448 с.

8. «Речи родимой бескрайняя даль…» Говоры Нижегородского Окско-Волжского-Сурского междуречья: хрестоматия / сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. – 265 с.

9. Диалектный словарь Нижегородской области. – Вып. 1. Аба – Брячить. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. – 199 с.

10. Диалектный словарь Нижегородской области. – Вып. 2. Бубанка – Вячить. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 197 с.

11. Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 15–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – 529 с.

12. Катина Т.И. По намоленной дорожке. – Арзамас: Арз. тип., 2017. – 76 с.

13. Поэзии Божественное Слово: сборник стихов. – Выездное: Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, 2019. – 74 с.

In memoriam

1. Воспоминания во спасение // Арзамасская сторона: альманах / АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 179–188.

2. В стране воспоминаний // Арзамасская сторона: альманах / АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 144–152.

3. Книгу жизни листая назад… // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 4 / АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 96–110.

4. Память благоговейно хранит… // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 5 / АГПИ, Арзамасское отделение Нижегородской областной организации Союза писателей России. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 150–164.

5. В закромах моей памяти… // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 7. – Арзамас: АГПИ, 2013. – С. 166–189.

6. «Память останавливает время…» // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. материалов X Региональной научно-практической конференции (13 дек. 2012 г.). Вып. IX / под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 32–40.

7. «Память сердца!..» // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 9. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 116–146.

8. С благодарностью…// Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / сост. Л.С. Кириллова, Е.Ф. Шустикова, Г.М. Кириллов; отв. ред. О.В. Никитин. – Пенза: ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 82–88.

Публицистика

1. Знать свой язык, уметь им пользоваться – значит быть патриотом // Арзамасские новости. – 19 декабря 2000. – С. 7.

2. По Стрелецкой на Соборную... // Арзамасская сторона: журнал. – Арзамас: АГПИ, 2001. – №№1–2. С. 66–69.

3. Мы молимся чужим богам // Арзамасская правда. – 2001. – 19 июля. – №80. – С. 3.

4. «Заговори, чтоб я тебя увидел» // Арзамасская правда. – 2001. – 13 сентября. – №104. – С. 3.

5. «Язык нуждается в защите» // Арзамасская правда. – 2001. – 25 октября. – №122. – С. 3.

6. Ономастика в Нижегородском крае // Міръ имёнъ и названий: российская научно-популярная газета. – 2009. – Декабрь. – №41. – С. 2.

7. Признание в любви // Арзамасская правда. – 2011. – 28 января. – №10. – С. 9.

8. Нельзя не признать очевидное: разговор по душам. – URL: www. kprf 52. ru

9. Тайна русской души – в тайне русского слова // Арзамасская правда. – 2012. – 13 января. – №3. – С. 4.

10. Язык – зеркало нашей жизни: интервью // Арзамасские новости. – 2012. – 2 февраля. – №11 – С. 19.

11. Родной язык – неиссякаемый источник познания // Арзамасские новости. – 2016. – 26 февраля. – №15. – С. 5.

Научное издание

С ЛЮБОВЬЮ К СЛОВУ
СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук,
профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области
лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования
9–10 февраля 2021 г.

Технический и художественный редактор В.С. Артемьев
Корректор Н.В. Жучкова
Дизайн обложки Д.С. Парадеев
Верстка и вывод оригинал-макета З.Ю. Скочигоровой

Подписано в печать Формат 60 х 84/16.
Усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37